HDI
.HW ЬEXZ 8

ПУТЕВОДИТЕЛЬ И СОБЕСѢДНИКЪ

ВЪ

ПУТЕШЕСТВІИ

ПО

КАВКАЗУ

М. ВЛАДЫКИНА.

ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

Изданіе 2-е, дополненное и исправленное.

Съ приложеніемъ карты Кавказа съ желѣзными дорогами.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА, 1885 г.

Типографія И. И. Родзевича. Петровка, д. Городск. Кредитн. Общества.

Digitized by Google

Библиотека Пломбьер
Э465а2
Плюш М

Digitized by Google

3631
MD

Digitized by Google

3465 а
Р. 2 отд. 11.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ И СОБЕСѢДНИКЪ

ВЪ

ПУТЕШЕСТВІИ

ПО

КАВКАЗУ.

М. ВЛАДЫКИНА.

ВЪ 2-Х[illegible]

Изданіе 2-е, дополненное и исправленное.

Съ приложеніемъ карты Кавказа съ желѣзными дорогами.

ЧАСТЬ I.

МОСКВА, 1885 г.

Типографія И. И. Рэдзевича. Петровка, д. Городск. Кредитн. Общества.

Digitized by Google

HARVARD UNIVERSITY
WIDENER LIBRARY
80*2 (GP1)

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Предисловіе 1

Географическій очеркъ Кавказскаго края. Кавказскій край, его границы и величина.—Раздѣленіе Кавказскаго края на *Предкавказье*, собственно *Кавказъ* и *Закавказье*.—Степная часть *Предкавказья*; ея рѣки.—Равнинная полоса Предкавказья; ея рѣки, пространство и характеръ ея мѣстности.—Населеніе Предкавказья.—Прежнее административное дѣленіе Предкавказья.—Нынѣшнее его дѣленіе.—Кубанская область; ея дѣленіе, величина и жители.—Терская область; ея дѣленіе, величина и жители.—Ставропольская губернія; ея величина и число жителей.—Величина всего Предкавказья и число жителей.—*Кавказъ* и его величина.—Главныя горы.—Расположеніе главнаго хребта.—Дагестанъ; его раздѣленіе и жители.—Рѣки и дорога въ Дагестанъ.—Рѣки, текущія на югъ изъ главнаго хребта.—Бухты Кавказскаго края.—Населеніе Кавказа до окончанія войны и послѣ нея.—Дагестанская область.—Черноморскій округъ.—Сухумскій отдѣлъ.—*Закавказье* и его географическое раздѣленіе.—Долина Ріона.—Долина Куры.—Армянское плоскогорье, его горы и рѣки.—Народонаселеніе Закавказья.—Арменія.—Раздѣленіе Закавказья на губерніи и уѣзды.—Народонаселеніе всего Кавказскаго края.—Изъ какихъ частей состоялъ Кавказскій край въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій 1

Историческій очеркъ Кавказской войны. Начало сношеній Россіи съ Кавказомъ. Поселенія по Тереку при Іоаннѣ Грозномъ.—Гребенскіе казаки.—Поселенія при Петрѣ Великомъ и Аннѣ Іоанновнѣ.—Сношенія Россіи съ Закавказьемъ съ XV вѣка.—Дѣйствія Екатерины II и поселенія при ней.—Сношенія Россіи съ Грузіей при Павлѣ I и Александрѣ I.—Принятіе Грузіи въ подданство императоромъ Александромъ I.—Плохое положеніе края.—Князь Цициановъ, его дѣйствія и его армія.—Котляревскій, его исторія, побѣды его и взятіе Ленкорани.—Гюлистанскій миръ.—Слѣдующія затѣмъ войны въ Закавказьѣ.—Туркменчайскій миръ.—Адріанопольскій миръ.—Дѣйствія наши въ Закавказьѣ въ Восточную войну.—Постепенное увеличеніе войска на Кавказѣ.—Западные горцы.—Назначеніе главнокомандующимъ Ермолова.—Средства, предпринимавшіяся для умиротворенія горцевъ до Ермолова.—Дѣйствія Ермолова и его систѣма.—Паскевичъ.—Уничтоженіе званія главнокомандующаго и отсутствіе общей системы въ дѣйствіяхъ съ нашей стороны.—Мюридизмъ и его исто-

Digitized by Google

Страницы.

рія.— Мулла Магометъ ярагларскій.— Кази-мулла, первый имамъ мюридовъ; его дѣйствія и смерть его въ аулѣ Гимрахъ, взятыхъ барономъ Розеномъ.— Гамзатъ-Бекъ, второй имамъ мюридовъ; истребленіе имъ аварскихъ хановъ и убіеніе его въ Хунзахѣ. Шамиль, третій имамъ мюридовъ.— Онъ счастливо отдѣлывается отъ генерала Фези въ Тилитлѣ и укрѣпляетъ Ахульго.— Послѣ взятія Ахульго генераломъ Граббе, Шамиль бѣжитъ къ шатоевцамъ и черезъ два года изъ бѣглеца становится властителемъ Чечни.—Записка Пассека о тогдашней Кавказской войнѣ.— Распоряженія Шамиля и устройство имъ подвластныхъ ему земель.— Поступокъ его съ матерью.— Характеръ Шамиля.— Распоряженіе о прекращеніи наступательныхъ дѣйствій съ нашей стороны въ 1842 г.— Несчастныя для насъ событія 1843 г. Шамиль овладѣваетъ всѣми нашими укрѣпленіями въ Дагестанѣ и дѣлается полнымъ властелиномъ Чечни и Дагестана.—Тогдашнее вооруженіе нашей арміи.— Назначеніе главнокомандующимъ князя Воронцова въ 1844 году.— Даргинская и Сухарная экспедиціи.— Перемѣна системы войны.— Основаніе Сунженской линіи генер. Слѣпцовымъ.— Мы, мало-помалу, подвигаемся къ самому подножію Черныхъ горъ. Назначеніе главнокомандующимъ князя Барятинскаго въ 1856 г.— Его преобразованія и приготовленіе къ наступленію въ горы.— Движеніе въ горы.— Взятіе Ведено въ 1858 году.— Сдача въ плѣнъ Шамиля въ Гунибѣ. 25 августа 1859 года, и окончаніе войны на лѣвомъ флангѣ.— Дальнѣйшая судьба Шамиля.— Война на правомъ флангѣ.— Генералъ Зассъ.—Черноморская береговая линія.—Необходимость выселенія горцевъ съ Черноморскаго берега.— Кубанская линія до 1856 г. и усиленіе ея кн. Барятинскимъ.— Мехметъ-Аминь.— Договоръ, заключенный съ абадзехами ген. Филипсономъ.— Назначеніе графа Евдокимова начальникомъ кубанскихъ войскъ въ 1860 г.— Приготовленіе къ наступленію въ горы и одновременному съ этимъ заселенію края.— Дѣйствія гр. Евдокимова.—Назначеніе главнокомандующимъ въ 1863 г. великаго князя Михаила Николаевича.— Намъ угрожаетъ новая европейская коалиція.— Усиленіе дѣйствій противъ горцевъ.— Депеша государю императору объ окончательномъ покореніи Кавказа, отправленная изъ Ахчипсоу великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ 21 мая 1864 года.— Выселеніе горцевъ . . 16

Сообщенія. Сухимъ путемъ—между Ростовомъ, минеральными водами, Владикавказомъ, Тифлисомъ, Баку, Астраханью, Поти и Батумомъ.—Парусное сообщеніе вдоль черноморскаго берега.— Сухопутное сообщеніе вдоль черноморскаго берега.— Нѣсколько словъ относительно путешествія по этому берегу и горамъ вообще.— Примѣрная стоимость путешествія.— Что надобно имѣть съ собою для продолжительнаго путешествія въ Кавказскихъ горахъ.— Какое самое удобное время для путешествія по Кавказу 78

Глава I. *Путь отъ Ростова до Владикавказа.* Шахтная станція.— Добываніе антрацита въ шахтахъ. — Ростовъ-на-Дону. — Дорога отъ Ростова до Владикавказа.— Главныя станціи, цѣны и время переѣзда.— Раздѣленіе дороги на 4 части: 1) *Степная.* Степь.— Земля черноморскихъ казаковъ.— Черноморскіе казаки (пластуны, абреки, охрана линій).— Линейные и гребенскіе казаки.— 2) *Закубанская часть дороги.* Кавказская станція.— Генералъ Кухаренко.—Прочный окопъ.— Армавиръ.— Невинномыкская станція. 3) *Предгорная часть дороги.*— Ставропольская губернія.— Пятигорская равнина.— Станція Минеральныя воды.— Прохладная.— 4) *Затерекская или Кабардинская часть дороги.*—Кабарда и кабардинцы.— Панорама горъ. —Пріѣздъ въ Владикавказъ 87

Digitized by Google

Страницы.

Глава II. *Кавказскія минеральныя воды.*—Пятигорскія минеральныя воды.—*Пятигорскъ* (исторія города и его водъ).—Пятигорскъ и минеральные источники въ настоящее время (гостиницы, главная контора, экипажи и проч.).—Пользованіе водами, консультація и курсъ лѣченія.—Жизнь и развлеченія въ Пятигорскѣ.—Прогулки: на Бетшау, Машуку, къ большому провалу и проч.—*Желѣзноводскъ* (его исторія, помѣщенія для пріѣзжающихъ и проч.)—*Ессентуки* (ихъ исторія, гостиницы и проч.)—*Кисловодскъ* (его исторія, гостиницы и проч.).—Нарзанъ 126

Глава III. *Военно-грузинская дорога, отъ Владикавказа до Тифлиса.*—Владикавказъ.—Военно-грузинская дорога.—Сообщенія.—Станціи.—Исторія дороги.—Дорога эта въ настоящее время.—Балта.—Ларсъ. Дарьяльское ущелье.—Девдоракскій ледникъ и его обвалы.—Замокъ царицы Тамары.—Бѣшеная балка.—Станція Казбекъ.—Охотники на туровъ.—Гора Казбекъ.—Восхожденіе на нее англичанъ: Фрешвильда, Мура и Теккера.—Стефанъ-Цминда (Цминда-Самеба).—Аулъ Гилеты.—Станція Коби.—Истоки Терека.—Перевалъ чрезъ главный хребетъ.—Рѣчка Байдара и сторожевой осетинскій домъ.—Крестовая гора.—Гудъ-гора.—Легенда про стараго Гуда.—Гудаурская станція и спускъ съ нея. Осетины.—Млеты. — Пайсавауръ.—Тушины, пшавы и хевсуры (ихъ страна, религія, обычаи и проч.).—Ананауръ.—Старая Ананурская крѣпость и ея церкви.—Исторія истребленія арагвскихъ эриставовъ.—Душетъ.—Цилканы.—Мцхетъ.—Св. равноапостольная Нина и ея крестъ.—Мцхетскій соборъ 12-ти апостоловъ.—Исторія супруги послѣдняго царя Грузіи Георгія XIII, царицы Маріи. Самтаврская церковь. — Окрестности Мцхета и пещеры въ горахъ. Отъ Мцхета до Тифлиса 152

Глава IV. *Тифлисская губернія и Тифлисъ.*—Тифлисская губернія.—Грузины (ихъ религія, обычаи и проч.). Армяне и Арменія.—Татары (ихъ жизнь, обычаи, кочевка и проч.).—Русскіе сектанты и нѣмецкіе колонисты въ Закавказьѣ.—Тифлисъ; его исторія.—Разореніе его Ага-Магометъ-ханомъ въ 1795 г.—Царь Ираклій въ Ананурѣ.—Тифлисъ въ настоящее время.—Раздѣленіе его.—Общій видъ города.—Мейданъ и армянскій базаръ.—Климатъ Тифлиса. Гостиницы, экипажи, желѣзно-конная дорога.—Вокзалъ, бани и проч.—Церковь св. Давида.—Св. Давидъ.—Грузинки-поклонницы. Могила Грибоѣдова и исторія его смерти.—Бестужевъ (Марлинскій) на могилѣ Грибоѣдова.—Исторія смерти Бестужева.—Дворецъ, городской садъ и проч.—Кавказскій музей.—Эриванская площадь, караванъ-сарай и театръ.—Ботаническій садъ. Арцруни и Муштаидъ.—Молоканская слобода. Воронцовскій мостъ и памятникъ кн. Воронцову.—Сіонскій соборъ.—Крестъ св. Нины и гробница кн. Циціанова.—Князь Циціановъ, его исторія и его дѣла въ Закавказьѣ. до смерти подъ Баку.—Армія кн. Циціанова.—Полковникъ Карягинъ и его отступленіе отъ Аскерани въ Мухратъ.—Административныя распоряженія Циціанова.—Начало военной службы на Кавказѣ кн. Воронцова.—Караязъ.—Поѣздка въ него.—Маріинскій каналъ и орошеніе Караязской степи. 216

Глава V. *Отъ Тифлиса въ Баку, Поти и Батумъ по желѣзнымъ дорогамъ. Бакинская желѣзная дорога и Баку.* Главныя станціи, цѣны и время переѣзда.—Описаніе дороги по станціямъ.—Балаханы. Черный городъ.—Баку. Его исторія, общій видъ города, набережная, городской садъ, ханскій дворецъ, мечеть и проч.—Гостиницы, экипажи и проч.—Поѣздка въ Балаханы, Сабунчи и Сураханы.—Балаханы.—Добываніе нефти.—Нефтяной фонтанъ Карганова.—Сабун-

Digitized by Google

Страницы.

чи.—Нефтяное озеро.—Сураханы.—Обжиганіе извести.—Заводъ Кокорева и К°. —Монастырь гебровъ (огнепоклонниковъ). — *Тифлисско-потійская желѣзная дорога.* Главныя станціи, цѣны и время переѣзда.—Михайловка (дилижансы въ Боржомъ и Абасъ-Туманъ).—Станція Ріонъ (вѣтвь желѣзной дороги на Кутаисъ).—Самтреди (желѣзная дорога въ Батумъ и омнибусы въ Озургеты).—Станція Ново-Сенаки (омнибусы въ Зугдиди).—Дорога до Гори.—Уплисъ-Цихе.—Гори.—Горисъ-Цихе.—Боржомъ и Боржомское ущелье.—Сурамъ.—Сурамскій перевалъ. — Квирили.—Ріонъ.—Ріонская долина. — Кутаисъ.—Поѣздка въ Гелатскій монастырь.—Сванетія.—Планъ путешествія въ нее и во Владикавказъ, чрезъ горный хребетъ.—Имеретія, Мингрелія и Гурія, ихъ исторія и современное положеніе.—Дорога отъ станціи Ріонъ до Поти. — *Самтреди.—Батумская желѣзная дорога.*—Батумъ 280

Глава VI. *Отъ Батума до Одессы.* — Восточный берегъ Чернаго моря.—Сухумскій отдѣлъ.—Сухумъ-Кале.—Самурзакань.—Цебельда.—Мысъ Пицунда и храмъ на немъ.—Черноморскій округъ.—Причины медленнаго его заселенія.—Мысъ Адлеръ.—Путешествіе на него и въ Гагры въ 1872 г.—Новороссійскъ.—Анапа.—Керчь.—Ѳеодосія.—Ялта.—Севастополь.—Евпаторія.—Одесса. 337

Digitized by Google

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Кавказъ для каждаго и особенно для русскаго путешественника представляетъ одну изъ самыхъ интересныхъ странъ въ мірѣ. Здѣсь все интересно: и природа и люди. Съ окончаніемъ войны многое на Кавказѣ измѣнилось, но прошедшее такъ еще не далеко отъ насъ, оно такъ свѣжо у всѣхъ въ памяти, что многіе и теперь съ трудомъ свыкаются съ мыслію, что Кавказъ замиренъ окончательно. Бытъ и политическое устройство (до самаго окончанія войны) какъ восточныхъ, такъ и западныхъ кавказскихъ горцевъ имѣютъ необыкновенный интересъ для каждаго мыслящаго наблюдателя. Элементъ широко, почти безгранично развитой личной свободы, внесенный варварами въ древній міръ, взамѣнъ всепоглощающаго римскаго государственнаго начала, и зачатки свободныхъ народныхъ учрежденій, утраченныя Европою для того, чтобы быть потомъ добытыми рѣками крови,—были на Кавказѣ у насъ передъ глазами. Отдѣленные отъ всего міра своими недоступными горами и въ продолженіи

Digitized by Google

цѣлыхъ вѣковъ почти нетронутые никакимъ посторонним вліяніемъ, кавказскіе горцы представляли рѣдкій образчикъ свободно развившихся обществъ и личностей какъ съ яркими достоинствами, такъ и съ яркими недостатками, порожденными отчужденіемъ ихъ отъ всего остальнаго человѣчества. Не говорю уже объ интересѣ, какой имѣетъ для каждаго русскаго единственная изъ всѣхъ войнъ—никогда и нигдѣ небывалая, почти столѣтняя Кавказская война.

Приведенной выпиской я началъ мое предисловіе къ первому изданію «Путеводителя» и закончилъ его слѣдующими словами: «Если-же, сверхъ моего ожиданія, публика приметъ книгу благосклонно, то, послѣ этого опыта, я рѣшусь напечатать слѣдующую часть, именно: «Путеводителя и собесѣдника въ путешествіяхъ по Чечнѣ и Дагестану».

Публика приняла книгу благосклонно, доказательствомъ чему служитъ то, что, несмотря на относительную устарѣлость изданія,—которое все разошлось,—требованія на него и до сихъ поръ не прекращаются; стало быть, мнѣ остается только сдержать данное слово, что я и исполняю. Но прежде да будетъ мнѣ позволено объясниться немного.

Готовясь, въ виду довольно успѣшной продажи книги, ко 2-му изданію, я, *кромѣ путешествій по Чечнѣ и Дагестану*, сдѣлалъ, въ эти 8 лѣтъ, еще 4 путешествія, а именно: 1) *Объѣхалъ часть Кубанской области*; 2) *перевалился чрезъ Мамиссонъ* (около 8,500′ надъ поверхностью моря, стало быть, почти на 1,000′ выше Крестовой горы на военно-грузинской дорогѣ); перевалъ этотъ я сдѣлалъ, слѣдуя военно-осетинской дорогой вверхъ по теченью Ардона и спустясь, по ту сторону

Digitized by Google

главнаго хребта, отъ истоковъ Ріона, долиной этой рѣки, внизъ къ Кутаису; длина этой дороги немногимъ менѣе 300 верстъ; 3) *проѣхалъ изъ Тифлиса, чрезъ Гамбары, долиной Алазани,* т. е. прежней лезгинской линіей, *въ Баку*; и 4) *въ прошломъ 1883 г. проѣхалъ опять военно-грузинской дорогой*, чтобъ отмѣтить происшедшія на этомъ пути перемѣны, *и осмотрѣлъ только что открытыя бакинскую и батумскую жел. дороги.*

Благосклонный читатель не долженъ винить меня, если и въ этомъ изданіи найдется въ чемъ нибудь разница противъ дѣйствительности. Въ наше время, въ особенности въ такихъ новорожденныхъ странахъ, какъ Кавказъ, перемѣны слѣдуютъ одна за другою такъ быстро, что, положительно, нѣтъ никакой возможности составить путеводитель, который, черезъ нѣсколько лѣтъ, не потребовалъ бы измѣненій и дополненій. Достаточно сказать, что съ 1874 г., т. е. со времени 1-го изданія книги, на Кавказѣ открыты: владикавказская, потійская, батумская и бакинская желѣзныя дороги, и, кромѣ того, уже дѣлаются изысканія для проведенія дорогъ на Новороссійскъ и Джульфу.

Еще нѣсколько словъ. Въ первомъ изданіи каждая глава состояла изъ двухъ отдѣленій: первыя составляли собственно путеводитель, а вторыя заключали въ себѣ дорожныя воспоминанія, описанія природы, разсказы о разныхъ приключеніяхъ, встрѣчахъ въ дорогѣ и проч. и предназначались для чтенія во время путешествія. Многіе находили ихъ довольно занимательными, но ставили мнѣ въ вину то, что я помѣстилъ въ нихъ много лишняго и совершенно не относящагося къ Кавказу. Чтобъ исправить эту ошибку, я теперь поступилъ такъ: раздѣлилъ настоящее изданіе на 2 части и изъ первой

Digitized by Google

составилъ собственно путеводитель, а во вторую помѣстилъ все то изъ вторыхъ отдѣленій перваго изданія, что относилось къ Кавказу, а также путешествія по Черноморскому берегу, Кубанской области, Мамиссону, Чечнѣ, Дагестану и Лезгинской линіи, которымъ далъ тоже форму разсказа, какъ единственно, по моему, подходящую къ описанію путешествій по странамъ, по которымъ нельзя еще до сихъ поръ ѣздить по европейски. Слѣдовательно, вторая часть, кромѣ ознакомленія читателя съ помянутами мѣстами, можетъ также служить матеріаломъ для легкаго чтенія и наполненія имъ, съ пользой, свободнаго времени, котораго у путешественника, какъ-бы онъ усерденъ и добросовѣстенъ ни былъ, все-таки остается всегда довольно много. Отсюда становится яснымъ, почему и прежнее названіе книги: «Путеводитель и собесѣдникъ» осталось безъ перемѣны. Слѣдовательно, въ этой книгѣ путешественникъ найдетъ описаніе наиболѣе интересныхъ мѣстностей Кавказа, кромѣ Карса, Эривани, Эчміадзина, Ленкорани и вообще всѣхъ мѣстностей, лежащихъ на югъ отъ Куры,—по той очень простой причинѣ, что я въ нихъ не былъ; впрочемъ, въ концѣ 2-й части постараюсь сказать и о нихъ нѣсколько словъ.

Въ заключеніе, мнѣ, опять таки, необходимо просить читателя «быть снисходительнымъ къ тѣмъ невольнымъ ошибкамъ и упущеніямъ, которыя, конечно, вкрались и въ эту книгу, какъ они вкрадываются всегда и всюду».

Digitized by Google

ГЕОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КАВКАЗСКАГО КРАЯ.

Подъ именемъ *Кавказскаго края* извѣстенъ четырехугольникъ, ограниченный съ сѣвера Землею Войска Донскаго и Астраханской губерніею, съ юга границею Россіи съ Турціей и Персіей, а съ запада и востока Чернымъ и Каспійскимъ морями. Величина его огромной площади равняется 8 тыс. кв. миль или 400 тыс. кв. верстъ. Съ сѣверо-западнаго на юго-восточный уголъ четырехугольникъ прорѣзывается діагонально главнымъ Кавказскимъ хребтомъ, длина котораго около 1,000, а ширина около 200 верстъ; средняя часть хребта отъ горы Оштена на сѣверо-западѣ до Салават-Дага на юго-востокѣ, на протяженіи 600 верстъ, покрыта вѣчными снѣгами; здѣсь многія даже изъ второстепенныхъ горъ не уступаютъ въ вышинѣ Монблану, а Эльборусъ (18,527 ф.) выше его на 3,727 ф., т. е. на одну версту и 32 1/2 сажени. При первомъ взглядѣ на карту, можно замѣтить, что Кавказскій край самою природою раздѣляется на три главныя части: на *Предкавказье,* простирающееся отъ сѣверной границы до подножія горъ; на собственно *Кавказъ* или самый хребетъ съ его многочисленными отрогами, пролегающій отъ Тамани до Баку, и, наконецъ, на *Закавказье,* то-есть пространство, лежащее на югъ отъ главнаго хребта до самыхъ нашихъ границъ съ Персіей и Турціей. Сѣверную и значительнѣйшую часть *Предкавказья* составляетъ степь въ полномъ смыслѣ этого слова. Здѣсь рѣдкое населеніе расположилось по берегамъ немногихъ рѣчекъ, отличающихся

Digitized by Google

дурнымъ вкусомъ воды и принадлежащихъ большею частію къ системамъ *Кумы* и *Маныча*, а эти главныя рѣки тоже не доходятъ до моря и теряются въ степныхъ пескахъ, посреди камышей. Изъ рѣчекъ этой системы болѣе другихъ замѣчательны: *Большой* и *Средній Егорлыки* и *Калаусъ*, берущія свои начала въ *Темнолѣсскихъ* и *Воровсколѣсскихъ* высотахъ, недалеко отъ Ставрополя. Покрытыя лѣсной растительностью, возвышенности эти вдались клиномъ въ степную часть Предкавказья и составляютъ продолженіе Черноморско-Каспійскаго водораздѣла, начинающагося отъ Эльборуса. Степь простирается до *Терека* и *Кубани*, главныхъ рѣкъ Предкавказья, изъ которыхъ первый течетъ въ Каспійское, а вторая въ Черное море. Къ югу за этими рѣками степной характеръ мѣстности исчезаетъ; многочисленныя рѣки прорѣзываютъ неровную мѣстность, и чѣмъ далѣе подвигаешься на югъ, тѣмъ все болѣе приближаешься къ Залабинскимъ (Абадзехскимъ) и къ Засунженскимъ (Чеченскимъ) дремучимъ и въ прежнее время недоступнымъ и грознымъ лѣсамъ. Главныя рѣки этой *равнинной* полосы Предкавказья, какъ мы уже сказали, *Кубань* и *Терекъ*. Первая (называемая по-черкесски *Пшизъ*, то-есть князь рѣкъ или, буквально, старый князь) беретъ начало у Эльборуса, а второй у Казбека. Въ *Кубань* съ лѣвой стороны впадаютъ *Большой* и *Малый Зеленчуки*, *Урупъ*, *Лаба* (съ *Чамлыкомъ*, *Малой Лабой*, *Ходземъ*, *Чохракомъ*, *Фарсомъ* и др.), *Бѣлая* (съ *Пшехой*), *Пшишъ*, *Афипсъ*, *Адагумъ* и проч. Съ правой же стороны Кубань не принимаетъ ни одной сколько нибудь значительной рѣчки, а устье ея, верстъ на 70 отъ моря, вверхъ по теченью, поросло дремучими камышами, называемыми *плавнями*. Изъ впадающихъ съ лѣвой стороны въ *Терекъ* самая значительная рѣка это—*Малка* (съ *Баксаномъ* и др.), а съ правой стороны *Сунжа* (съ *Аргуномъ* и множествомъ другихъ горныхъ притоковъ). На востокъ отъ Сунженской (Чеченской) равнины, къ Каспійскому морю, между Терекомъ и Сулакомъ, лежитъ

Digitized by Google

безлѣсная *Кумыкская плоскость*, въ которой главная рѣчка *Аксай* не достигаетъ до моря, а, разливаясь по равнинѣ, образуетъ болотистую пустыню. Съ лѣвой стороны, изъ степи, Терекъ, также какъ и Кубань, не принимаетъ въ себя ни одной хоть мало-мальски замѣчательной рѣчки, и устье его, также какъ и устье Кубани, проходитъ между камышей и тростниковъ. Равнинная полоса Предкавказья, имѣющая до 800 верстъ длины и съуживающаяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до 30 или 40 верстъ, отличается плодородною почвою, роскошными травами и теплымъ климатомъ. Переходъ отъ степной полосы къ равнинной поразителенъ: тамъ безлѣсье и безводье, здѣсь неизмѣримый паркъ, прорѣзанный безчисленнымъ множествомъ ручьевъ и рѣчекъ и обнесенный съ юга Кавказскимъ хребтомъ, котораго снѣговыя вершины составляютъ задній фонъ грандіозной и величественной панорамы. Въ лѣсахъ, въ которыхъ водятся всевозможные звѣри, начиная отъ медвѣдя, оленя и кабана и кончая зайцемъ, не рѣдкость встрѣтить черносливъ, персики, абрикосы, шелковицу, груши, бергамоты и виноградникъ въ дикомъ состояніи. Гудѣнье безчисленной дикой птицы въ поросшихъ тростникомъ рѣчныхъ устьяхъ бываетъ слышно по зарѣ за нѣсколько верстъ. Близость снѣговыхъ горъ отчасти причиною того, что на нѣкоторыхъ высокихъ плоскостяхъ морозы доходятъ зимою до 20°. Линейные казаки здѣсь долго владѣли землею безъ счета, а горцамъ, выселявшимся въ прежнее время въ наши границы, отдѣляли землю цѣлыми пространствами отъ одного какого либо урочища до другаго. Теперь земли эти поступаютъ въ надѣлъ и раздаются правительствомъ частнымъ лицамъ, преимущественно за заслуги. Населеніе Предкавказья самое разнообразное. Въ степной части кочуютъ *калмыки, ногайцы* и *кумыки*, а осѣдлое населеніе состоитъ изъ государственныхъ крестьянъ, осѣдлыхъ кочевниковъ, *черноморскихъ казаковъ*, земля которыхъ лежитъ отъ Азовскаго моря до Ставропольской губерніи, и другихъ. По Тереку, Сунжѣ,

Digitized by Google

Малкѣ, Кубани, Бѣлой и Лабѣ поселены *линейные казаки.* Точно также по рѣкамъ Закубанской плоскости, въ перемежку съ казаками, поселены до 80 тысячъ *горцевъ,* выселенныхъ изъ горъ по окончаніи войны и не ушедшихъ въ Турцію. Между Малкою и Терекомъ живутъ *кабардинцы;* за Сунжей и отчасти по лѣвую ея сторону—*чеченцы,* а рядомъ съ ними, противъ Моздока, къ востоку отъ Владикавказа,—*назрановцы, кистины* и *ингуши.* Прежде Предкавказье состояло изъ Ставропольской губерніи, Земли Черноморскихъ казаковъ и *праваго* (по Кубани) и *лѣваго* (по Тереку) *фланговъ;* съ 1-го же января 1871 г. введено здѣсь гражданское управленіе, и Предкавказье раздѣлено въ административномъ отношеніи, кромѣ Ставропольской губерніи, на *Кубанскую* и *Терскую области.*

Кубанская область раздѣляется на 7 уѣздовъ: *Ейскій, Темрюкскій, Екатеринодарскій, Баталпашинскій, Майкопскій, Кавказскій* (управленіе въ Армавирѣ) и *Закубанскій* (управленіе въ мѣстечкѣ Горячій Ключъ). Она подчинена начальнику области и вмѣстѣ съ тѣмъ наказному атаману кубанскаго казачьяго войска. Все населеніе Кубанской области, занимающей 1,682 кв. м. (кромѣ городскаго населенія, состоящаго изъ однихъ русскихъ), состоитъ:

Изъ русскихъ . . .	517,219	человѣкъ
» горцевъ. . . .	83,607	»
» армянъ. . . .	3,163	»
» нѣмцевъ . . .	1,913	»
» грековъ. . . .	798	»
Итого . .	606,700	ч. об. пола.

Терская область раздѣлена на 7 округовъ: *Георгіевскій, Владикавказскій, Грозненскій, Кизлярскій, Хасавъ-Юртовскій, Веденскій (слобода Ведено)* и *Аргунскій* (управленіе въ укрѣпленіи *Шатоѣ).* Городъ *Моздокъ* не принад-

Digitized by Google

лежитъ ни къ какому округу. Область подчинена командующему войсками и вмѣстѣ съ тѣмъ начальнику Терской области. Занимаетъ она 1,609 кв. м. Населеніе ея состоитъ:

Изъ русскихъ. . . .	160,785	челов.
» армянъ.	10,728	»
» осетинъ	10,444	»
» кумыковъ . . .	24,918	»
» ногайцевъ. . . .	8,302	»
» ауховцевъ. . .	5,912	»
» салатавцевъ . .	6,469	»
» зондаковцевъ . .	6,261	»
» ичкеринцевъ. . .	12,682	»
» прочихъ горцевъ.	192,111	»
Итого . . .	477,612	чел. об. пола.

Ставропольская губернія *съ Пятигорскимъ уѣздомъ* занимаетъ 1,287 квадратныхъ миль и имѣетъ 429,578 жит. Слѣдовательно, во всемъ Предкавказьи живетъ около $1^1/_2$ милліона душъ обоего пола. Величина всего Предкавказья простирается до 4,578 кв. миль или до 228,900 квадр. верстъ; слѣдовательно, приходится по $6^1/_2$ душъ на квадратную версту (въ восемь разъ менѣе, чѣмъ въ Московской губерніи, имѣющей 52 души на квадратную версту).

Кавказъ или главный водораздѣльный хребетъ съ его отрогами, какъ мы уже сказали, имѣетъ до 1,000 верстъ длины и до 200 верстъ ширины. Средина его, отъ горы *Оштенъ* до *Салаватъ-Дага*, на протяженіи 600 верстъ, состоитъ изъ горъ, которыхъ вершины покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Высочайшая изъ нихъ *Эльборусъ (18,527 ф.)* на 3,727 ф. или на 1 версту $32^1/_2$ сажени выше Монблана (14,800 ф.); далѣе слѣдуютъ *Дыхъ-Тау (16,941), Казбекъ (16,557), Джимерай-Гохъ (15,700), Адай-Гохъ (15,260)* и проч. Все пространство, занимаемое горнымъ хреб-

Digitized by Google

томъ съ отрогами, простирается до 3,857 кв. миль. Главный *горный хребетъ* расположенъ пятью почти правильными рядами. Сѣверная или передняя на немъ гряда состоитъ изъ низшихъ горъ, покрытыхъ густымъ лѣсомъ и называемыхъ поэтому *Черными горами*. За этою грядою и почти параллельно ей идутъ высшія горы, болѣе крутыя и обрывистыя, съ весьма малою растительностью; въ срединѣ пролегаетъ главный хребетъ, а за нимъ, по южной сторонѣ, тянутся опять почти такія же голыя и обрывистыя горы, за которыми, наконецъ, слѣдуетъ линія низшихъ, лѣсистыхъ горъ, отъ подножія которыхъ и начинается уже Закавказье. Отличительное свойство *Черныхъ горъ* состоитъ въ томъ, что южные ихъ скаты часто совершенно отвѣсны и голы, тогда какъ сѣверные, наоборотъ, отлоги и покрыты лѣсомъ. Самая узкая часть хребта у Казбека, гдѣ сходятся истоки Терека и Арагвы, вдоль которыхъ проходитъ *Военно-грузинская дорога*. Мы въ этомъ краткомъ очеркѣ не станемъ перечислять всѣхъ отроговъ главнаго хребта, а упомянемъ только объ *Андійскомъ хребтѣ*, отдѣляющемся отъ главнаго на востокъ отъ Казбека и тянущемся почти до самаго Каспійскаго моря. Трехугольникъ, заключенный между этимъ моремъ и главнымъ и Андійскимъ хребтами, составляетъ какъ-бы отдѣльную часть и носитъ названіе *Дагестана*. Дагестанъ населенъ *лезгинами* и раздѣляется на *внутренній* или *нагорный* и на *восточный* или *прибрежный*. Горы въ прибрежномъ Дагестанѣ, сравнительно, не высоки, покрыты лѣсами и пастбищами, а нѣкоторыя части ихъ весьма хорошо обработаны; напротивъ, нагорный Дагестанъ составляетъ самую суровую и недоступную часть Кавказа.

Главныя его рѣки —*Казикумыхское, Кара* или *Черное, Аварское* и *Андійское койсу* (койсу—по-лезгински рѣка)—несутся среди мрачныхъ, голыхъ и недоступныхъ ущелій. Весь нагорный Дагестанъ представляетъ какой-то хаосъ каменныхъ громадъ, почти нигдѣ не покрытыхъ растительностію. Дороги въ немъ состоятъ

Digitized by Google

изъ тропинокъ, годныхъ только для верховой ѣзды на горскихъ лошадяхъ, цѣпляющихся чуть не по отвѣснымъ скаламъ, какъ кошки. Только въ послѣднее время, по окончаніи войны, чрезъ Дагестанъ разработана проѣзжая дорога изъ *Петровска* на *Темиръ-Ханъ-Шуру, Гунибъ, Хунзахъ, Ботлихъ, Андію* и *Ведено*. Дорога эта носитъ названіе *Падишахъ-Іолъ* (царская дорога). Съ трудомъ вѣрится, чтобы въ этой суровой странѣ могли жить люди, а между тѣмъ нагорный Дагестанъ и самая суровая часть его *Аварія*, лежащая между Андійскимъ и Аварскимъ койсу, были родиною почти всѣхъ знаменитыхъ военныхъ людей Кавказа. Три *имама: Кази-Мулла, Гамзатъ-Бекъ* и *Шамиль*, равно какъ и всѣ его знаменитѣйшіе *наибы* (правители областей и военачальники) были или лезгины, или аварцы. Скалистый Дагестанъ и лежащая отъ него чрезъ Андійскій хребетъ лѣсистая *Чечня* составляли, такъ сказать, узелъ всей Кавказской войны. Громкія имена *Гунибъ, Ведено, Ахульго* и др. подтверждаютъ это. Изъ главнаго хребта беретъ начало большая часть рѣкъ Кавказскаго края, сливающихся на сѣверѣ въ *Кубань* и *Терекъ*, а на югѣ въ *Куру* и *Ріонъ*. Ріонъ и Кубань составляютъ Черноморскую, а Терекъ и Кура Каспійскую системы. Отдѣльная Дагестанская система рѣкъ состоитъ изъ упомянутыхъ выше четырехъ койсу, которыя, прорвавъ Андійскій хребетъ, образуютъ *Сулакъ*, впадающійся въ Каспійское море. Въ него же впадается и *Самуръ*, текущій на югъ изъ Дагестана вмѣстѣ со множествомъ другихъ мелкихъ рѣчекъ. О Кубанской и Терской системахъ мы говорили при описаніи Предкавказья. Съ южной стороны главнаго хребта въ *Куру* впадаютъ: *Алазань (съ Горой), Арагва* и *Ляхва* съ ихъ притоками; *Ріонъ* и главный его притокъ *Цхенисъ-Цхали* сами берутъ начало въ главномъ хребтѣ. Въ Черное море съ главнаго хребта впадаютъ: *Ингуръ, Кодоръ, Бзыбъ, Мзымта, Сочи, Шахе, Туапсе* и др. Изъ всѣхъ кавказскихъ рѣкъ судоходны только *Кубань, Кура* и *Ріонъ;* по первой пароходы могутъ ходить

Digitized by Google

до *станицы Тифлисской* (230 верстъ отъ устья), а въ половодье до *станицы Кавказской* (270 верстъ), по второй до *Мингичаура* (ниже впаденія Алазани), а по *Ріону* до *Орпири* и даже до *Кутаиса*. Главныя отличительныя свойства всѣхъ горныхъ рѣкъ это—мелководье въ сухое и холодное время и половодье во время дождей и таянія снѣговъ; въ это время, зачастую, ничтожные ручейки превращаются въ грозно-бушующіе потоки, нетерпящіе никакихъ препятствій. На Черноморскомъ берегу находится всего три *бухты: Новороссійская, Геленджикская* и *Сухумская;* послѣдняя, хотя и болѣе открыта, считалась до послѣдняго времени лучшею потому, что не подвергается дѣйствію страшнаго береговаго вѣтра *Боры*. Но Бора вовсе не такъ страшна, какъ ее описывали, и Новороссійскъ, съ проведеніемъ кубанской жел. дороги, долженъ сдѣлаться, какъ и Батумъ, главнымъ портомъ кавказскаго черноморскаго берега. Тріестъ также подверженъ Борѣ, и все-таки это не мѣшаетъ ему быть однимъ изъ лучшихъ портовъ Адріатическаго моря. На Каспійскомъ же морѣ двѣ главныя бухты: *Петровская* и *Бакинская*.

Едва-ли въ цѣломъ свѣтѣ существуетъ гдѣ нибудь такое разнообразное *населеніе,* какъ населеніе Кавказскаго хребта. Здѣсь иногда не только сосѣднія общества говорятъ на совершенно различныхъ языкахъ, но есть примѣры, что одна часть аула (селеніе) не понимаетъ другую. Въ одномъ Дагестанѣ до 40 нарѣчій. Шамиль такъ разсказывалъ исторію заселенія Кавказа: «Когда Алисандеръ Зулькурнай (Александръ Македонскій) завоевалъ весь свѣтъ, то велѣлъ собрать отовсюду всѣхъ разбойниковъ и мошенниковъ и за наказанье поселилъ ихъ на Кавказѣ». Мы перечислимъ главныя племена, живущія въ настоящее время и жившія въ Кавказскихъ горахъ до окончанія войны. На юго-восточномъ концѣ главнаго хребта живутъ народы татарскаго племени; въ Дагестанѣ—*лезгины;* на сѣверной сторонѣ Андійскаго хребта—*чеченцы;* на южномъ склонѣ, къ востоку отъ Военно-гру-

Digitized by Google

винской дороги—*тушины, пшавы* и *хевсуры;* къ западу отъ нея—*осетины;* далѣе, по сѣверному склону главнаго хребта, по Кубанской системѣ, жили (выселившіеся большею частію въ Турцію) *вольные* или *бѣглые кабардинцы* (у сѣвернаго склона Эльборуса, къ югу отъ плоскости мирной Кабарды); *карачаевцы* (у истоковъ Кубани); *абазины* (между истоками Зеленчуковъ и Бѣлой); *абадзехи* (отъ истоковъ Бѣлой до Афипса); *бжедухи* и *натухайцы* (близъ Новороссійска); по Черноморскому уклону жили (также выселившіеся): *шапсуги* (отъ Новороссійска до рѣки Шахе); *убыхи* (отъ Шахе до Мзымты); *джигеты* (отъ Мзымты до Бзыба, т. е. до Абхазіи); за ними, до самой Мингреліи, живутъ *абхазцы;* на юго-западъ отъ нихъ, ближе къ подножію Эльборуса, находятся: *Цебельда, Сванетія* и *Самурзакань. Цебельдинцы,* въ числѣ 4-хъ тысячъ семействъ, тоже выселились въ Турцію. Число *тушинъ, пшавовъ и хевсуръ* около 32 т. душъ. Всѣхъ *непокорныхъ горцевъ западнаго Кавказа* считалось около 500 т. душъ; изъ нихъ около 80 т. переселились на Кубанскую равнину, а остальные, уцѣлѣвшіе отъ войны, всѣ ушли въ Турцію. Въ настоящее время *Дагестанъ* подчиненъ особому военному управленію, подъ главнымъ начальствомъ начальника *Дагестанской области* и командующаго войсками.

Дагестанская область въ административномъ отношеніи раздѣляется на 3 отдѣла: *сѣверный, средній* и *южный;* отдѣлы раздѣляются на *округи,* а округи на *наибства* *). *Черноморскій берегъ* (96 кв. миль., жителей 15,578; 3 жителя на квадратную версту) подчиненъ начальству особаго **Черноморскаго округа,** а *Абхазія* съ сосѣдними странами—начальнику **Сухумскаго отдѣла** (132 кв. мили, жит. 66,448; 10 жит. на кв. версту). Лѣса и недоступныя вершины главнаго Кавказскаго хребта доставляютъ

*) *Число жителей* въ ней простирается до 448,300 душъ обоего пола; пространство—519 кв. миль; стало быть, приходится 17 человѣкъ на кв. версту; изъ этого числа $^3/_8$ принадлежатъ прибрежному, а остальные внутреннему Дагестану.

Digitized by Google

убѣжище всевозможнымъ хищнымъ и нехищнымъ звѣрямъ. Тутъ водятся во множествѣ кабаны, волки, гіенны, шакалы, медвѣди, олени, дикія козы, куницы, а изрѣдка попадаются даже барсы (въ Абхазіи); въ верхнемъ поясѣ живутъ туры, а у истоковъ Зеленчуковъ встрѣчается зубръ (адомбе — по-туземному), водящійся только здѣсь и въ Бѣловѣжской пущѣ. На самыхъ недоступныхъ высотахъ живутъ горные орлы и другія хищныя птицы.

Закавказье, по своему естественному строенію, не можетъ быть принимаемо за одно цѣлое. Здѣсь встрѣчаются два рѣзко отличающіеся между собою типа земной поверхности: *Куро-Ріонская равнина* и *Армянское плоскогорье.* Долина Ріона отдѣляется отъ долины Куры невысокимъ *Ваханскимъ* или *Грузино-Имеретинскимъ хребтомъ,* чрезъ который проходитъ живописный такъ называемый *Сурамскій перевалъ.* Она отличается жаркимъ климатомъ, обиліемъ водъ, необыкновенною растительностью и, вслѣдствіе всего этого, лихорадками. Гавань ея *Поти,* при устьѣ Ріона, недоступна большимъ кораблямъ, по причинѣ наносовъ. Милліоны, потраченные на устройство Потійскаго порта, не привели ни къ чему, и Поти будетъ замѣненъ Батумомъ, пріобрѣтеннымъ нами въ послѣднюю войну. Долина Куры не такъ богата лѣсомъ, отличается болѣе здоровымъ и болѣе умѣреннымъ климатомъ, но восточная ея часть состоитъ изъ безплодныхъ, необитаемыхъ и нездоровыхъ степей, а климатъ этихъ мѣстъ имѣетъ континентальныя свойства, представляющія чрезвычайно рѣзкія крайности. Лучшая часть долины Куры это — очаровательная *Кахетія,* лежащая по долинѣ *Алазани;* сила растительности въ ней изумительна, и фруктовыя и виноградныя деревья даютъ здѣсь свои прекрасные плоды иногда безъ всякаго ухода. *Армянское плоскогорье* заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя первостепенныя вершины, каковы: гора *Большой Араратъ* (16,980 ф.), *Малый Араратъ* (12,835 ф.) и *Алагезъ* (13,450 ф.). Оно спускается къ Закавказью терассами, на окраинахъ которыхъ идутъ крутые горные хребты, имѣющіе большую длину къ сторонѣ

Digitized by Google

Кавказа и меньшую къ сторонѣ плоскогорья. Съ главнымъ Кавказскимъ хребтомъ плоскогорье соединяется черезъ Ванскій хребетъ, о которомъ мы говорили. Возвышенныя равнины *Арменіи* большею частію безлѣсны, нѣкоторыя изъ нихъ голы и лишены растительности, а другія представляютъ богатыя пастбища—неоцѣненное сокровище для кочующаго населенія. Гдѣ есть орошеніе, тамъ сила и богатство растительности изумительны. *Александропольскій уѣздъ* и *Лорійскія степи,* лежащія къ сѣверу отъ Александрополя, славятся своимъ хлѣбородіемъ. Климатъ плоскогорья отличается рѣзкостями: жаркій лѣтомъ, онъ на нѣсколькихъ терассахъ зимою бываетъ холоденъ; такъ, напр., въ *Эриванѣ* средняя температура въ августѣ + 21°, а въ январѣ —12°. Въ *Александрополѣ* морозы доходятъ до 20°. Въ 1808 году, при отступленіи *гр. Гудовича* отъ Эривани, изъ отряда, заключавшаго въ себѣ не болѣе 8 т. человѣкъ, замерзло около тысячи, большею частью больныхъ и раненыхъ. Къ востоку отъ Эривани находится единственное по своей величинѣ на всемъ Кавказѣ—озеро *Гокча,* имѣющее болѣе 60 верстъ длины и происшедшее, какъ полагаютъ, вслѣдствіе огромнаго волканическаго провала. Рѣка *Араксъ* и притокъ его *Арпачай* составляютъ большую часть нашей границы съ Турціей и Персіей. Аракъ впадаетъ въ Куру, нижняя часть которой течетъ безплодными и солонцеватыми степями и впадаетъ въ Каспійское море, образуя около мѣста впаденія огромныя болота. Поразительны остатки безчисленныхъ канавъ, покрывающихъ эти степи и доказывающихъ, что эта, въ настоящее время необитаемая, страна была когда-то орошаема и покрыта богатымъ населеніемъ. *Народонаселеніе Закавказья*—слишкомъ $2^1/_2$ милліона душъ, то-есть почти около половины всего населенія Кавказскаго края, простирающагося до 6 милліоновъ. Общее число христіанъ относится къ числу мусульманъ, какъ 10: 7. Главные *народы Закавказья: грузины, армяне, татары* и *персіяне* (составляющіе главную часть населенія Ленкоранскаго уѣзда). *Грузины* и однопле-

Digitized by Google

менные съ ними *(картвельскаго племени) имеретины, мингрельцы* и *гурійцы* составляютъ главную часть населенія въ Тифлисской и Кутаисской губерніяхъ. *Армяне* занимаютъ преимущественно Эриванскую губернію, но, кромѣ того, они встрѣчаются и во всемъ краѣ, особенно въ городахъ. Почти вся *торговля* Закавказья находится въ рукахъ армянъ. *Эриванская губернія* принадлежала древней Арменіи. На границѣ ея, на турецкомъ берегу Арпачая, и по настоящее время хорошо сохранились развалины послѣдней столицы Арменіи, города *Ани,* которыя ясно свидѣтельствуютъ о богатствѣ и образованіи, которыми когда-то пользовалось Армянское царство. Въ Эриванской губерніи находится и главная святыня всѣхъ армянъ— монастырь *Эчміадзинъ,* гдѣ живутъ армянскіе *католикосы* (патріархи). Неподалеку отсюда находилась и одна изъ столицъ древней Арменіи, *Вагаршабадъ.* Значительная часть армянъ, населяющихъ Эриванскую губернію, не составляетъ ея давнихъ обитателей,— они переселены сюда изъ Турціи послѣ войны 1828 и 1829 годовъ. *Татары* и *персіяне* составляютъ главную массу населенія *Шемахинской* губерніи и сосѣднихъ съ нею уѣздовъ. Въ Закавказьи находится также *до 4 тыс. нѣмецкихъ колонистовъ.*

Затѣмъ, кромѣ поселеній *женатыхъ солдатъ,* водворенныхъ при полковыхъ квартирахъ, здѣсь поселено до *25 тысячъ русскихъ сектантовъ,* много оживившихъ своею предпріимчивостью торговлю края. Кромѣ того, надобно упомянуть о *курдахъ*, кочующихъ близъ озера Гокча, *евреяхъ, грекахъ* и *туркахъ.* Изъ царства животнаго, кромѣ звѣрей, свойственныхъ горнымъ мѣстамъ, въ Закавказьи замѣчательны джейраны (порода антилопъ), водящіеся въ степяхъ на долинѣ Куры; близъ Ленкорани попадаются тигры, а въ *Сальянскомъ* на Каспійскомъ морѣ заливѣ зимуетъ невѣроятное количество водяной птицы. Въ настоящее время *Закавказье дѣлится* на губерніи: Тифлисскую *(731 кв. миля, жителей 599,098—по 16 чел. на квадратную версту)* съ *уѣздами Тифлисскимъ, Душетскимъ, Телавскимъ, Сигнах-*

Digitized by Google

скимъ, Горійскимъ и *Ахалцихскимъ;* **Елисаветпольскую** *(794 кв. мили, 523,742 жит.—13 чел. на квадр. версту) съ уѣздами Елисаветпольскимъ, Казахскимъ, Шушинскимъ, Занзегурскимъ, Нухинскимъ;* **Бакинскую** *(707 кв. м., 506,832 жит.—14 челов. на кв. версту) съ уѣздами Бакинскимъ, Кубинскимъ, Шемахинскимъ, Гокчайскимъ, Джевадскимъ* и *Ленкоранскимъ;* **Эриванскую** *(472 кв. мили, 453,597 жит.—18 челов. на кв. версту) съ уѣздами Эриванскимъ, Нахичеванскимъ, Новобаязетскимъ, Эчміадзинскимъ* и *Александропольскимъ;* **Кутаисскую** *(278 кв. миль, 600,607 жит.—32 челов. на кв. версту) съ уѣздами Кутаисскимъ, Шаропанскимъ, Рачинскимъ (вверхъ по Ріону), Лечгумскимъ (вверхъ по Цхенисъ-Цхали), Сенакскимъ, Зугдидскимъ* и *Озургетскимъ* и **Батумскую,** присоединенную послѣ послѣдней турецкой войны. Прибавимъ также, что во всемъ Кавказскомъ краѣ *крѣпостное право* уничтожено на основаніяхъ общихъ для всей Имперіи, *введены мировыя учрежденія и гласное судопроизводство,* но безъ присяжныхъ. Въ *Дагестанѣ* же и у прочихъ горцевъ введены *народные суды* по ихъ обычаямъ (по адату) *).

Сдѣлавъ этотъ краткій обзоръ Кавказскаго края, мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ видѣ онъ находился при занятіи

*) Итакъ, мы видимъ, что въ настоящее время въ административномъ отношеніи весь *Кавказскій край раздѣляется* на семь губерній: *Тифлисскую, Елисаветпольскую, Бакинскую, Эриванскую, Кутаисскую, Батумскую* и *Ставропольскую* изъ которыхъ каждая раздѣляется на уѣзды; на три области: *Кубанскую, Терскую* и *Дагестанскую,* изъ которыхъ первая раздѣляется на уѣзды, а вторыя двѣ на округи; на *Черноморскій округъ* и *Сухумскій отдѣлъ.*

Если читатель возьметъ на себя трудъ отыскать съ помощію алфавита каждую въ этихъ составныхъ частей и сосчитаетъ народонаселеніе, то увидитъ, что *народонаселеніе всего Кавказскаго края почти равняется 5 милліонамъ душъ обоего пола,* а по „Русскому календарю" 1883 г. всего народонаселенія считалось въ 1880 г. 6.087,539 д.

Digitized by Google

его русскими въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Это необходимо для историческаго очерка Кавказской войны. Въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій Закавказье состояло: изъ *царства Грузинскаго* (столица *Тифлисъ*, составныя части: *Карталинія* въ верхней части Куры и *Кахетія*, по Алазани); *Имеретіи* (за Сурамскимъ переваломъ, по рѣкамъ Квирили и Ріону, вокругъ столицы *Кутаиса*); *Мингреліи* (на западъ отъ Имеретіи, по правому берегу Ріона, до Чернаго моря); *Гуріи*, по лѣвому берегу Ріона, также до моря). Всѣ эти страны имѣли самостоятельныхъ владѣтелей. Кромѣ того, въ Закавказьи были слѣдующія *ханства: Эриванское* (Эривань), *Нахичеванское* (Нахичевань, къ югу отъ Эривани), *Карабагское (Шуша), Ганжинское (Ганжа*, нынѣшній *Елисаветполь), Талышенское* (къ югу отъ устьевъ Куры, по морскому берегу, гдѣ Ленкорань), *Бакинское (Баку), Ширванское* (къ югу отъ Шемахи), *Шекинское (Нуха), Кубинское (Куба), Кюринское* (сѣвернѣе Кубинскаго ханства, къ юго-западу отъ Дербента). Въ *Дагестанѣ* были: *Кази-Кумыхское* ханство *(Кумыхъ*, на Кази-Кумыхскомъ койсу), *Аварское (Хунзахъ*, въ Аваріи), *Мехтулинское* (на правой сторонѣ Кази-Кумыхскаго койсу, на востокъ отъ Аваріи), *владѣнія Элисуйскаго султана (Элису*, на южномъ склонѣ главнаго хребта, между Ново-Закаталами и Нухой), *владѣнія Шамхала Тарковскаго) Тарки*, къ югу, вблизи Петровска). По берегу Чернаго моря *владѣтелемъ Абхазіи былъ князь Ширвашидзе*, а частію *Сванетіи* владѣлъ *кн. Дадешкаліанъ*. Горцы были на тѣхъ же мѣстахъ, какъ мы сказали выше *).

Вотъ очеркъ, который мы старались сдѣлать какъ можно короче, чтобы не утомить читателя. Мы совѣтовали бы ему, не довольствуясь картой, приложенной къ этой книгѣ, запастись еще и

*) Въ настоящее время званіе кавказскаго намѣстника уничтожено и замѣнено званіемъ „*главно-начальствующаго гражданскою частію на Кавказѣ*“.

Digitized by Google

подробной картой Кавказкаго края—Ильина (складная и наклеенная на коленкорѣ стоитъ всего 2 руб.) и означить на ней неозначенные ханства и горскіе народы, поименованные нами. Въ пути она займетъ мало мѣста, а между тѣмъ будетъ очень полезна своими подробностями, которыхъ мы не могли помѣстить на нашей картѣ.

Digitized by Google

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ.

Сношенія Россіи съ Кавказомъ и Закавказьемъ начались съ давнихъ временъ. Не придавая значенія такимъ извѣстіямъ, какъ война и единоборство князя Мстислава съ Редедею и бракъ сына Андрея Боголюбскаго съ Тамарой, мы скажемъ только, что послѣ покоренія Казани и Астрахани, при Іоаннѣ Грозномъ, былъ построенъ русскими городъ *Терки* въ трехъ верстахъ отъ Каспійскаго моря и основано *Терское войско. Олеарій,* путешествовавшій въ этихъ мѣстахъ въ 1636 г., говоритъ, что чрезъ Терки производилась торговля даже съ Индіей. Кромѣ того, были построены укрѣпленія на Сулакѣ и въ Шамхальствѣ Тарковскомъ, впослѣдствіи оставленныя. Въ XVII столѣтіи стали селиться на Кавказѣ русскіе старовѣры и бѣглые, образовавшіе изъ себя *гребенскихъ казаковъ* *). Сначала они поселились въ горахъ, за Терекомъ, впереди Терскаго городка и *Андреевой деревни* (нынѣшняго *Эндери),* но потомъ были переведены Петромъ Великимъ, во время его дербентскаго похода, на нынѣшнія мѣста. *Петръ В.,* кромѣ того, построилъ крѣпость *св. Креста* на Сулакѣ и образовалъ *Астраханское войско* у Астраханскаго залива и по Сулаку. При Аннѣ Іоанновнѣ все это переведено было на лѣвый берегъ Терека и основанъ *Кизляръ.* Въ такомъ положеніи на сѣверномъ Кавказѣ оставались наши дѣла до Екатерины Второй. Сношенія Россіи съ Закавказьемъ начинаются также еще съ XV вѣка. *Грузію,* страдавшую отъ собствен-

*) См. Линейные казаки.

Мы покорнѣйше просимъ читателя, если онъ подробнѣе желаетъ ознакомиться съ Кавказской войной, прочесть все, на что мы ссылаемся въ этомъ краткомъ очеркѣ.

Digitized by Google

ныхъ междоусобій, въ это время терзали со всѣхъ сторонъ монголы, турки, персіяне и лезгины *). Въ 1492 году кахетинскій царь Александръ проситъ у единовѣрнаго русскаго царя Іоанна III-го помощи и покровительства, а въ 1587 г.—у Бориса Годунова; въ 1619 году царь Теймуразъ I проситъ у Михаила Ѳедоровича заступничества предъ Шахъ-Аббасомъ; въ 1621 году имеретинскій царь Георгій III и владѣтель Гуріи Гуріель Мамія II обращаются къ Михаилу же Ѳедоровичу съ просьбами о покровительствѣ; въ 1638 г. мингрельскій владѣтель Леванъ даетъ присягу Алексѣю Михайловичу на вѣчное подданство, а въ 1650 г. имеретинскій царь Александръ признаетъ надъ собою верховную власть русскаго царя. Россія не могла воспользоваться ни одною изъ этихъ просьбъ и предложеній, потому что ей тогда и у себя дома было довольно дѣла. Въ такомъ положеніи находятся дѣла наши съ Закавказьемъ до *Екатерины II.* При ней нынѣшняя *Ставропольская губернія* быстро заселяется также бѣглыми и переселенцами. *Потемкинъ* принимаетъ дѣятельное участіе въ обереганіи границъ быстро заселяющагося края; по его иниціативѣ, основываются *Моздокъ, Екатеринодаръ, Ставрополь* и *Владикавказъ;* устраивается правильная военная *Моздовско-Азовская линія* отъ Моздока на Екатеринодаръ, Георгіевскъ, Александровскую слободу, Ставрополь, Безопасное, Средній Егорлыкъ, вплоть до Азова; въ 1792 году по правому берегу Кубани, на 180 верстъ вверхъ отъ моря, поселяются бывшіе запорожцы, съ переименованіемъ въ *черноморскіе казаки***), и линія, съ передовымъ укрѣпленіемъ, оберегающимъ входъ въ горы, Владикавказомъ, протягивается такимъ образомъ отъ Каспійскаго моря до Чернаго и оберегаетъ вновь заселенный край, который продолжаетъ быстро заселяться и богатѣть. Къ несчастію, принятая тогда система наградъ, въ видѣ

*) Исторія древней Грузіи; см. Гелатскій монастырь близъ Кутаиса, причемъ разсказана исторія царицы Тамары.

**) См. Земля Черноморскихъ казаковъ.

Digitized by Google

раздачи крестьянъ, нашла себѣ мѣсто и здѣсь: многіе изъ крестьянъ Ставропольской губерніи были розданы въ крѣпостные. Екатерина, во время войны съ Турціей, начавшейся въ 1768 г., посылаетъ на помощь имеретинскому царю *Соломону I-му* отрядъ войскъ подъ начальствомъ *Тотлебена,* который прогоняетъ турокъ. По *Кайнарджійскому трактату Грузія, Имеретія* и *Мингрелія* поступаютъ подъ покровительство Россіи и уничтожается постыдная дань, платимая султану мальчиками и дѣвочками. Въ 1796 году была послана экспедиція подъ начальствомъ *графа Зубова;* онъ прошелъ весь прибрежный Дагестанъ, взялъ Баку, Кубу, Дербентъ, но, по смерти Екатерины, былъ немедленно отозванъ съ войскомъ обратно. Во время царствованія императора *Павла I-го* бѣдствія *Грузіи* достигаютъ своего апогея. *Тифлисъ* еще въ 1795 году былъ превращенъ шахомъ *Ага-Магометъ-Ханомъ* въ груду развалинъ*); до 30 тысячъ грузинъ было уведено въ плѣнъ, а что могло спастись—пряталось по лѣсамъ и ущельямъ; многочисленные члены царской фамиліи только и думаютъ, что о враждѣ другъ съ другомъ, и грабятъ и безъ того въ конецъ разоренный народъ. Въ такомъ-то бѣдственномъ положеніи царь *Ираклій II-й* обратился къ императору Павлу съ просьбою о покровительствѣ и о «дарованіи грузинскому царю и народу всероссійскаго закона для управленія государствомъ». Ираклій умеръ, не дождавшись отвѣта. Наслѣдникъ его, *Георгій XIII,* возобновляя тѣже самыя мольбы и предложенія, выразилъ готовность «предать себя и свое царство великому государю всероссійскому навсегда въ полную зависимость и подданство, обязуясь свято исполнять все, что исполняется россійскими подданными». На этотъ разъ императоръ объявилъ, что онъ «жалуетъ Грузіи свой покровъ». Умирая, Георгій заклиналъ своихъ приближенныхъ отправить въ Петербургъ посольство, которое

*) Исторія Тифлиса.

Digitized by Google

должно было объявить, что «вельможи грузинскіе, духовенство и народъ, всѣ вообще желаютъ вступить единожды навсегда въ подданство высоко-славной Имперіи Всероссійской, съ признаніемъ всероссійскаго императора за своего природнаго государя и самодержца». Уже составленъ былъ, по приказанію Павла I-го, манифестъ въ этомъ смыслѣ, какъ послѣдовала кончина императора. Преемникъ его *Александръ I* не вдругъ рѣшился на присоединеніе Грузіи и приказалъ подвергнуть вопросъ этотъ самому внимательному пересмотру. Государственный совѣтъ высказалъ мнѣніе о необходимости принять Грузію въ подданство. Императоръ-идеалистъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ и предложилъ вторично обсудить вопросъ, заявивъ при этомъ о «крайнемъ своемъ отвращеніи на принятіе царства того въ подданство Россіи, почитая несправедливымъ присвоеніе чужой собственности». Въ то же время командующему кавказскою линіей генералу *Кнорингу* велѣно было изслѣдовать на мѣстѣ, дѣйствительно ли народъ грузинскій желаетъ русскаго подданства и нѣтъ-ли тутъ замысловъ какой-нибудь партіи и постороннихъ внушеній. Кнорингъ собралъ въ Тифлисѣ всѣхъ главныхъ князей и представителей народонаселенія, спросилъ ихъ и донесъ, что встрѣтилъ полное и единодушное сочувствіе. Все это время грузинское посольство жило въ Петербургѣ, ожидая отвѣта. Государственный совѣтъ, съ своей стороны, настаивалъ на высказанномъ имъ прежде мнѣніи, къ которому, наконецъ, присоединился и самъ императоръ, начавшій съ этого времени энергически отстаивать его противъ своего неофиціальнаго комитета (Чарторижскій, Кочубей, Новосильцевъ и Строгановъ), совѣтовавшаго, неизвѣстно въ силу какихъ соображеній, отвѣчать отказомъ на просьбы Грузіи. Тогда-то появился знаменитый *манифестъ 12 сентября 1801 года,* въ которомъ, между прочимъ, находятся слѣдующія строки: «не для приращенія силъ, не для корысти, не для распространенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи пріемлемъ мы на себя

Digitized by Google

бремя управленія царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое могло бы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона». Въ этихъ словахъ высказалось искреннее убѣжденіе императора. Онъ видѣлъ, сколько затрудненій принесетъ Россіи присоединеніе Грузіи въ то время, когда съ запада угрожали безпрерывныя войны съ Наполеономъ, и ясно сознавалъ, что будетъ намъ стоить извлечь полудикую страну изъ анархіи, водворивъ въ ней цивилизацію и порядокъ. Дѣйствительно, дѣла наши въ Грузіи пошли очень плохо. Кнорингъ и *Коваленскій,* назначенные управлять Грузіей, очутились какъ бы въ лѣсу; для нихъ все было ново и странно, а грузины, въ свою очередь, не понимали бюрократическихъ порядковъ, принесенныхъ къ нимъ русскимъ управленіемъ. Дворяне, привыкшіе къ безнаказанному грабежу, только и толковали, что «всѣ теперь сравнены съ мужиками», а простой народъ, привыкшій хотя къ варварскому, но быстрому судопроизводству, не понималъ, что это такіе за правители, до которыхъ нельзя было добраться, тогда какъ въ прежнее время можно было идти за рѣшеніемъ къ самому царю. При томъ же русскіе стали позволять себѣ поступки, вовсе не соотвѣтствовавшіе грузинскимъ нравамъ, а Коваленскаго, кромѣ всего, нельзя было похвалить и за безкорыстіе. Царевичамъ все это было, разумѣется, какъ нельзя болѣе на руку, и они изъ всѣхъ силъ старались разжигать въ высшей степени легковѣрный грузинскій народъ. Началось сильное броженіе, которое неизвѣстно чѣмъ могло бы кончиться, если бы, къ счастію, въ 1802 г. не былъ назначенъ главнокомандующимъ *кн. Циціановъ.* Этотъ необыкновенный человѣкъ въ три года (1803—1806) совершенно успокоилъ Грузію, привелъ въ порядокъ дѣла и покорилъ намъ Закавказье почти въ тѣхъ границахъ, въ какихъ оно существуетъ въ настоящее время. Свои дѣйствія онъ началъ съ удаленія царицъ и царевичей изъ Гру-

Digitized by Google

зіи, и еслибы онъ не былъ такъ рано убитъ измѣннически бакинскимъ ханомъ, то, по всей вѣроятности, дѣла наши на Кавказѣ пошли бы совершенно другимъ путемъ *).

Съ занятіемъ нами Закавказья и начинается собственно Кавказская война, а до этого времени мы оберегали кавказскую линію, какъ оберегали оренбургскую и другія. Съ давнихъ поръ горцы, и въ особенности лезгины, привыкли грабить безсильную Грузію, доставлявшую имъ, во всякое время, легкую и удобную поживу. Не мало было ихъ удивленіе, когда они вдругъ, совершенно неожиданно для себя, увидѣли, что вмѣсто робкихъ грузинъ ихъ встрѣчаютъ какіе-то невиданные ими до сихъ поръ люди, странно одѣтые, со штыкомъ и ружьемъ; люди эти не бѣгутъ въ разсыпную отъ ихъ шашекъ и дикаго визга,—напротивъ, они сами идутъ на встрѣчу горцамъ; громъ ихъ пушекъ наводитъ ужасъ, а ударъ штыка и натискъ массою неотразимы; мало того, что люди эти обращаютъ нападающихъ въ бѣгство—нѣтъ, они еще преслѣдуютъ ихъ въ непроходимыхъ трущобахъ, жгутъ и разоряютъ недоступные до того времени аулы. Что это такіе за люди? Это не русскіе, не солдаты,—какъ они сами себя называютъ,—пришедшіе защищать невѣрныхъ гяуровъ-грузинъ. Нѣтъ. Это *Гогъ* и *Могогъ*, живущіе въ полуночной странѣ, по ту сторону горъ, шлютъ свои передовые отряды—покорить, по предсказанію пророка, правовѣрное царство! Для того, чтобы читателю было удобнѣе сосредоточивать свое вниманіе, мы въ описаніи Кавказской войны примемъ такую систему. Сперва разскажемъ *войну въ Закавказьѣ* съ самаго ея начала до окончанія восточной войны, потомъ разскажемъ *войну на лѣвомъ флангѣ* до взятія Шамиля и, наконецъ, *войну на правомъ флангѣ* до совершеннаго окончанія Кавказской войны и выселенія горцевъ.

Мы говорили о дѣйствіяхъ князя Циціанова. Если читатель взялъ на себя трудъ прочесть то, что означено въ нашихъ выноскахъ,

*) Подробности о князѣ Циціановѣ и его дѣятельности см. Мцхетъ и Сіонскій соборъ (въ Тифлисѣ).

Digitized by Google

то онъ уже, вѣроятно, получилъ довольно подробныя свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ и объ его геройской арміи. Побѣды князя и отступленіе полковника *Карягина* отъ Аскерани въ Мухратъ достаточно краснорѣчивы. Въ дополненіе къ этому, разскажемъ о маіорѣ *Монтрезорѣ* и генералѣ *Котляревскомъ*. Во время осады Эривани *Монтрезоръ* съ отрядомъ, состоявшимъ изъ 3 оберъ-офицеровъ, 7 унтеръ-офицеровъ, 2 барабанщиковъ и 101 рядоваго, при одномъ трехфунтовомъ единорогѣ, былъ посланъ на встрѣчу нашему транспорту. Отбивъ партію конныхъ персіянъ, Монтрезоръ продолжалъ подвигаться, но былъ встрѣченъ царевичемъ Александромъ съ шеститысячнымъ отрядомъ. Монтрезоръ отвергъ всякое предложеніе о сдачѣ и погибъ вмѣстѣ со всѣми бывшими подъ его начальствомъ; въ плѣнъ захвачено только 15 человѣкъ и то тяжело раненыхъ. Свѣдѣнія объ этомъ дѣлѣ доставлены были въ отрядъ однимъ раненымъ арманиномъ, бывшимъ очевидцемъ самаго происшествія. Но однимъ изъ самыхъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей, имена которыхъ будутъ всегда составлять славу и гордость кавказскихъ войскъ, безспорно, былъ *Котляревскій*. Мы разскажемъ подробнѣе его исторію.

Зимою 1793 года полковникъ *Лазаревъ* (впослѣдствіи командовавшій войсками въ Закавказьѣ и убитый царицей Маріей, о чемъ нами разсказано при описаніи Мцхетскаго собора) ѣхалъ на Кавказъ по дѣламъ службы. Въ Харьковской губерніи, въ селѣ Ольховатѣ его застигла мятель, и, переждая ее, онъ долженъ былъ прожить цѣлую недѣлю въ домѣ священника, отца Степана, у котораго былъ 11-ти-лѣтній сынъ Петръ. Желая отблагодарить за гостепріимство и замѣтя въ мальчикѣ хорошія способности, Лазаревъ предложилъ отцу отдать сына въ военную службу. Отецъ согласился, и черезъ годъ молодой Котляревскій отправленъ былъ къ Лазареву и тогда же записанъ на службу, а въ 1796 году, 14-ти лѣтъ, онъ, въ чинѣ сержанта, уже участвуетъ въ походѣ гр. Зубова. Семнадцати лѣтъ, въ чинѣ подпоручика, онъ былъ назначенъ адъютантомъ

Digitized by Google

къ Лазареву. При штурмѣ Ганжи онъ командуетъ ротою и получаетъ рану въ ногу. Въ 1805 году онъ, 23-хъ лѣтъ, въ чинѣ маіора, участвуетъ въ геройскомъ отступленіи Карягина, причемъ получаетъ еще двѣ раны. Въ походѣ кн. Циціанова подъ Баку онъ уже начальствуетъ авангардомъ. Самостоятельная дѣятельность Котляревскаго начинается не ранѣе 1810 года, когда онъ, въ чинѣ полковника, назначенъ былъ начальникомъ отдѣльнаго отряда на персидской границѣ. Въ декабрѣ 1811 года за блистательный штурмъ и занятіе Ахалкалаки онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, имѣя всего 29 лѣтъ отъ роду. Послѣднія и самыя блистательныя его дѣйствія относятся къ 1812 году, когда онъ начальствовалъ отдѣльнымъ отрядомъ въ 2 тысячи человѣкъ, имѣя передъ собою, по ту сторону Аракса, 30-ти тысячную персидскую армію, подъ начальствомъ наслѣднаго принца *Аббасъ-Мирзы*. Положеніе Закавказья было въ то время такое. Бѣглый грузинскій царевичъ *Александръ* съ лезгинами грабилъ Кахетію; сообщенія съ Россіей чрезъ Военно-грузинскую дорогу были прерваны, и, кромѣ того, въ краѣ свирѣпствовала чума и начинался голодъ. Аббасъ-Мирза разослалъ отряды за Араксъ, съ цѣлью разорять и бунтовать Закавказье. Котляревскій, видя, что не было другаго средства отвратить опасность, рѣшился, съ своимъ 2-хъ-тысячнымъ отрядомъ, атаковать 10-ти-тысячный персидскій корпусъ. Выступая на этотъ отважный бой, онъ отдалъ слѣдующій *приказъ:* «Старшему по мнѣ штабъ-офицеру. Предпринявъ атаковать персіянъ за Араксомъ, я сдѣлалъ распоряженія, о которыхъ вамъ извѣстно; въ случаѣ моей смерти вы должны принять команду и исполнять по онымъ. Еслибы случилось, что первая атака будетъ неудачна, то вы непремѣнно должны атаковать другой разъ и разбить,—а безъ того не возвращаться; по исполненіи сей экспедиціи вы должны донести о семъ прямо главнокомандующему и представить диспозицію мою и приказъ. Генералъ-маіоръ Котляревскій. Октября 18 дня 1812 г.»

Котляревскій произвелъ нападеніе нечаянно, обойдя персидскіе

Digitized by Google

караулы и сдѣлавъ переходъ до 70 верстъ. Переправившись черезъ Аракеъ въ 15 верстахъ выше непріятельскаго лагеря, онъ, не теряя ни минуты, вступилъ въ бой съ персіянами, которые не могли придти въ себя отъ изумленія при видѣ такой дерзости. Они бѣжали и спѣшили укрыться въ укрѣпленіе *Асландузъ*, оставивъ на мѣстѣ 35 фальконетовъ (небольшія орудія) и весь свой лагерь. Котляревскій, не давая имъ опомниться, атаковалъ ихъ и тутъ на разсвѣтѣ слѣдующаго дня, причемъ захватилъ еще три знамени и 11 орудій. Побѣды эти навели ужасъ на все мусульманское населеніе Закавказья, уже готовое на мятежъ, и возбудили общее убѣжденіе въ непобѣдимости русскаго оружія, не признающаго никакихъ препятствій.

Для окончательнаго очищенія отъ персіянъ Закавказья необходимо было взять *Ленкорань*, сильно укрѣпленную подъ руководствомъ англійскихъ офицеровъ и защищаемую отборнымъ 4-хъ-тысячнымъ гарнизономъ, подъ командою извѣстнаго по своей храбрости сераскира *Садыръ-Хана*. Принявъ прежде всего мѣры къ успокоенію края, Котляревскій съ отрядомъ изъ 1,500 человѣкъ пѣхоты и съ 470 казаками, при 8 орудіяхъ, выступилъ въ Ленкорани. Овладѣвъ по дорогѣ персидскимъ укрѣпленіемъ *Аркеванъ* и оставивъ въ немъ часть отряда, Котляревскій подступилъ къ Ленкорани, имѣя въ отрядѣ своемъ не болѣе 1,200 человѣкъ. Здѣсь присоединился къ нему небольшой отрядъ, дѣйствовавшій со стороны Каспійскаго моря, но и за этимъ число осаждающихъ было почти втрое слабѣе противъ осажденнаго. Переговоры о сдачѣ, разумѣется, не привели ни къ чему, — штурмъ былъ неизбѣженъ, и, рѣшившись на него, Котляревскій отдалъ свой знаменитый приказъ, слова котораго „*отступленія не будетъ*“ имѣютъ всеобщую извѣстность. Вотъ этотъ приказъ:

«Истощивъ всѣ средства принудить непріятеля къ сдачѣ крѣпости, не остается болѣе никакого способа покорить крѣпость сію оружію россійскому, какъ только силою штурма. Даю знать о томъ

Digitized by Google

войскамъ и считаю нужнымъ предварить всѣхъ офицеровъ и солдатъ, что *отступленія не будетъ.* Намъ должно или взять крѣпость, или всѣмъ умереть, — затѣмъ мы сюда присланы. Я предлагалъ два раза непріятелю о сдачѣ крѣпости, но онъ упорствуетъ; такъ докажемъ же ему, храбрые солдаты, что штыку русскому ничто противиться не можетъ; не такія крѣпости брали русскіе и не у такихъ непріятелей, какъ персіяне; сіи противъ тѣхъ ничего не значатъ. Предписывается всѣмъ: первое — послушаніе, второе — помнить, что чѣмъ скорѣе идешь на штурмъ и чѣмъ шибче лѣзешь на лѣстницы, тѣмъ менѣе урону взять крѣпость, опытные солдаты сіе знаютъ, а неопытные тому повѣрятъ; третье—не бросаться на добычу, подъ опасеніемъ смертной казни, пока совершенно не кончится штурмъ, ибо прежде конца дѣла на добычѣ солдатъ напрасно убиваютъ. Диспозиція штурма будетъ дана особо, а теперь остается мнѣ только сказать, что я увѣренъ въ храбрости опытныхъ офицеровъ Грузинскаго, 17 Егерскаго и Троицкаго полковъ, а малоопытные Каспійскаго баталіона, надѣюсь, постараются показать себя въ семъ дѣлѣ и заслужить лучшую репутацію, чѣмъ доселѣ между непріятелями и чужими народами имѣютъ. Впрочемъ, если бы, сверхъ всякаго ожиданія, кто струситъ, тотъ будетъ наказанъ, какъ измѣнникъ, и здѣсь, внѣ границы, труса разстрѣляютъ или повѣсятъ, не смотря на чинъ».

Штурмъ, начатый на разсвѣтѣ 31-го декабря, продолжался только три часа, но въ этотъ короткій срокъ болѣе половины штурмующихъ выбыло изъ строя. Котляревскій получилъ три раны, но продолжалъ распоряжаться боемъ до тѣхъ поръ, пока четвертая рана, пулей въ щеку, когда онъ находился уже во рву, не разбила ему челюсть и не лишила чувствъ, раздробивъ головныя кости. Крѣпость была взята и весь гарнизонъ истребленъ. Штурмомъ Ленкорани окончилось поприще 30-ти-лѣтняго героя. За Асландузское сраженіе онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и получилъ Георгія 3-й степени, а за Ленкорань Георгія 2-й степени. Изра-

Digitized by Google

неный, онъ долженъ былъ оставить горячо любимую имъ боевую службу. Онъ прожилъ послѣ того еще 39 лѣтъ въ Крыму, гдѣ скончался и погребенъ въ Ѳеодосіи въ 1852 году. Всѣ эти 39 лѣтъ были для Котляревскаго однимъ рядомъ такихъ безпрерывныхъ страданій, что онъ самъ называлъ себя живымъ мертвецомъ. Болѣе всего его мучила послѣдняя рана. Кости, выходившія изъ раздробленной головы и челюсти (а ихъ вышло до 40 кусковъ), были главною причиною его страданій.

Право, читая про подвиги нашихъ войскъ въ Закавказьи въ этотъ періодъ войны, можно подумать, что читаешь жизнеописаніе величайшихъ героевъ древней Греціи и Рима.

Не забудемъ, что эти побѣды были одержаны Котляревскимъ въ 1812 году, когда Россія была на краю гибели и когда Наполеонъ уже заранѣе дѣлилъ ее, «увлеченную — по его выраженію — своимъ несчастнымъ рокомъ». Невольно является въ умѣ параллель между 1812 г. и Восточною войною. Въ обѣ эти войны Россія обороняется на смерть и въ Закавказьи одерживаются самыя блестящія побѣды. Въ началѣ XVIII столѣтія Россія училась воевать, обороняясь отъ Карла XII, въ началѣ нынѣшняго столѣтія науку эту ей вновь преподавалъ геній, совершенно измѣнившій прежнюю тактику; въ Севастопольскую войну опять послѣдовалъ урокъ отъ ушедшей впередъ насъ Европы. Съ тѣхъ поръ система войны опять измѣнилась, усовершенствованное оружіе произвело въ ней переворотъ, какого не бывало съ самаго изобрѣтенія пороха; желѣзныя дороги сдѣлали возможнымъ быстрое перемѣщеніе громадныхъ армій, телеграфы замѣнили прежнихъ курьеровъ; война въ настоящее время не ведется, какъ прежде,—медленно, а тоже летитъ на всѣхъ парахъ, какъ паровозъ. Наша эпоха — эпоха изобрѣтеній и необыкновеннаго развитія промышленности—произвела и соотвѣтствующую ей, если можно такъ выразиться, индустріальную систему войны: кто больше развитъ матеріально и умственно, у того теперь больше шансовъ и на успѣхъ. Можно-

Digitized by Google

ли поручиться, что намъ не придется столкнуться и съ этой системой и перенести при этомъ новыя и можетъ быть самыя тяжкія испытанія? Изъ факта укрѣпленія англійскими офицерами Ленкорани видно, что Англія, наша единственная тогдашняя союзница противъ Наполеона, — не церемонилась съ своимъ союзникомъ на востокѣ, а подсаливала ему, гдѣ было можно.

Побѣды Котляревскаго быстро склонили выжидавшую Персію къ *Гюлистанскому миру,* по которому она уступила Россіи свои права на занятыя послѣднею ханства и навсегда отказалась отъ притязаній на Дагестанъ, Грузію, Имеретію, Мингрелію и Абхазію.

Послѣ этой войны въ Закавказьи опять слѣдуетъ война съ Персіей, начавшаяся вторженіемъ персіянъ въ 1826 году и окончившаяся въ 1828 г. *Туркменчайскимъ миромъ.* Заключивъ его, *Паскевичъ* тотчасъ же обратился противъ турокъ, и его блестящія побѣды пріобрѣли намъ по *Адріанопольскому миру,* заключенному въ 1829 году, *Ахалцихъ, Ахалхалаки, Анапу, Поти* и *Черноморское побережье.* Мы не станемъ разсказывать про дѣйствія нашихъ кавказскихъ войскъ во время Восточной войны; всѣмъ извѣстны побѣды *Бебутова* подъ *Башъ-Кадыкларомъ, Андроникова* подъ *Ахалцихомъ,* взятіе *Муравьевымъ Карса* и проч. Вездѣ наши войска были вдвое слабѣе турецкихъ и разбивали ихъ на голову. Въ 1853 году въ нашей арміи было 30 тысячъ противъ 90 тысячъ турокъ, а въ 1854 г. 45 тысячъ противъ 100 тысячъ турокъ. Въ *Сухумъ-Кале* высадился *Омеръ-Паша* съ 20-тысячнымъ корпусомъ и доходилъ почти до Кутаиса, который защищали только 10 тыс. нашихъ солдатъ, не имѣвшихъ провіанта. Если бы Наполеонъ не дѣйствовалъ эгоистично и, послушавшись Англіи, перенесъ войну въ Закавказье, то Кавказъ, по всей вѣроятности, былъ бы потерянъ для насъ безвозвратно.

Положеніе дѣлъ было таково, что въ Тифлисѣ, на базарѣ, уже не мѣняли нашихъ ассигнацій. Кавказская армія обязана была побѣж-

Digitized by Google

дать во что бы то ни стало, безъ отступленія, какъ при Котляревскомъ, она и исполнила эту задачу. Послѣ сдачи Карса туземцы говорили: «что же это муллы увѣряютъ насъ, что самый могущественный государь на свѣтѣ — турецкій султанъ? кабы это была правда, то какъ же онъ, вмѣстѣ съ другими государями, цѣлый годъ осаждалъ одинъ русскій городъ и взялъ только его половину, а русскіе одни взяли Карсъ». Не будемъ ничего говорить про послѣднюю войну, доставившую намъ Карсъ и Батумъ,—она всѣмъ памятна, равно какъ невѣроятное взятіе Карса и защита Баязида. Прибавимъ, что для защиты Грузіи отъ нападенія лезгинъ съ 1830 г. началась устроиваться *Лезгинская линія* вдоль по южному склону главнаго хребта; главный центръ ея былъ въ *Закаталахъ*. Изъ командовавшихъ этою линіею извѣстенъ своими отличными дѣйствіями князь *Аргутинскій-Долгоруковъ*.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о постепенномъ увеличеніи нашихъ войскъ на Кавказѣ. Въ 1800 г. регулярныхъ войскъ было на всемъ Кавказѣ 3 тысячи; въ 1804—15 тысячъ; у Ермолова было, кромѣ казаковъ, 28 тысячъ и 100 орудій, и онъ находилъ уже это число недостаточнымъ. Въ 1853 г. кавказская армія была доведена до 280 тыс. человѣкъ, но столько требовалось войскъ для охраненія линій, что подъ Башъ-Кадыкларъ мы могли выставить только 9 тысячъ, а подъ Курюкъ-Дара 17 тыс. человѣкъ; во время же экспедицій на линіяхъ могли оставаться свободными всего только нѣсколько батальоновъ.

Теперь приступимъ къ описанію *Кавказской войны собственно противъ горцевъ* и начнемъ его съ *лѣваго фланга*, т. е. съ Чечни и Дагестана. Причина, почему мы избрали этотъ порядокъ и предпочли лѣвый флангъ правому, та, что самая главная часть Кавказской горской войны велась на лѣвомъ флангѣ. Но скажемъ нѣсколько словъ вообще о кавказскихъ горцахъ.

Всѣ кавказскіе *горцы* составляли множество независимыхъ обществъ, для членовъ которыхъ не было доступно ни понятіе о зави-

Digitized by Google

симости отъ кого бы то ни было, ни понятіе о государствѣ и отечествѣ въ томъ смыслѣ, какъ мы ихъ понимаемъ. Страстно привязанный къ мѣсту своего рожденія, горецъ не признавалъ ничего выше своей маленькой родины; выше ея у него стояла только свобода и его собственное *я*. Въ 1829 г., по Адріанопольскому миру, Турція уступила намъ свои права на черноморскихъ горцевъ. Генералъ *Раевскій*, командовавшій въ то время черноморскою береговою линіей, пригласилъ къ себѣ шапшугскихъ старшинъ и старался объяснить имъ эту уступку. Старшины въ недоумѣніи спрашивали: «да по какому же праву султанъ уступилъ насъ? Мы никогда ему не принадлежали, ничего ему не платили и никому принадлежать не хотимъ». — «Султанъ васъ отдалъ въ пешъ-хешъ: подарилъ васъ русскому царю».—«А, теперь понимаю», отвѣчалъ на это шапсугъ и, показавъ на птичку, сидѣвшую на ближнемъ деревѣ, сказалъ, обращаясь къ Раевскому: «генералъ, дарю тебѣ эту птичку, возьми ее себѣ!» Этимъ и кончились всѣ переговоры. Какое дѣло было горцу, что Россія, принявъ въ свое подданство Грузію, не могла оставить среди своихъ владѣній неугомонныхъ разбойниковъ, обороняясь отъ которыхъ она должна была ежегодно терять тысячи своихъ сыновъ и милліоны рублей? Горецъ, съ его точки зрѣнія, былъ совершенно правъ, какъ была права и Россія. Война сдѣлалась неизбѣжною.

Величавая, суровая и недоступная мѣстность пріучала горца съ малолѣтства презирать всѣ опасности, а отсутствіе всякой промышленности и торговли заставляло его прибѣгать къ единственному доступному для него промыслу—грабежу, для котораго недоступныя трущобы доставляли всѣ средства. Грабежъ для горца былъ тоже, что торговля и промышленность для образованныхъ народовъ. Отважный джигитъ (наѣздникъ), какъ отважный купецъ среднихъ вѣковъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ: и тотъ и другой рисковалъ головой въ случаѣ неудачи. Слѣдовательно, правъ-ли былъ горецъ съ его точки зрѣнія, также какъ и съ точки зрѣнія другихъ

Digitized by Google

горцевъ? Правъ, разумѣется. Здѣсь война и грабежъ были возведены въ принципъ, какъ то случалось и у народовъ, носившихъ названіе цивилизованныхъ, — только у горцевъ дѣло дѣлалось на чистоту и обходилось безъ всякаго прикрывательства и обмана. Торговлей занимались только черноморскіе горцы: они продавали туркамъ черкешенокъ, а взамѣнъ ихъ получали оружіе и порохъ, какъ мы получаемъ изъ за-границы машины для нашихъ фабрикъ. Продаваемыя черкешенки были или плѣнницы, или дочери рабовъ и бѣдняковъ, смотрѣвшія на эту продажу, какъ на выгодное замужество; дорогая же цѣна (калымъ — общій на Востокѣ) льстила самолюбію горянки и говорила въ пользу ея красоты. Отправка за море не представляла ничего страшнаго, потому что въ Турціи всегда можно было надѣяться встрѣтить или родныхъ, или знакомыхъ; торговля женщинами производилась въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, что была даже причиною физическаго улучшенія турецкой расы. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія черкеса и эта торговля вовсе не была безнравственною, какою она представляется намъ, европейцамъ. Продавая свою дочь или родственницу, черкесъ устроивалъ ея счастіе и свою выгоду и скорѣе согласился бы убить свой товаръ собственными руками, чѣмъ видѣть его отданнымъ на поруганіе гяурамъ, хотя бы на вѣсъ золота. Продаваемая смотрѣла на это дѣло такими же глазами и, во всякомъ случаѣ, мѣняла худшую долю на лучшую, потому что, прибавимъ опять-таки, богатые черкесы не продавали своихъ дочерей и родственницъ. Жизнь горца сложилась слѣдующимъ образомъ. Всю тяжелую домашнюю работу на западномъ Кавказѣ исполняли рабы, а на восточномъ рабы и женщины, хозяинъ же заботился только о пріобрѣтеніи, почему и проводилъ большую часть своей жизни въ набѣгахъ, какъ банкиръ проводитъ все свое время въ конторѣ. Добыть что нибудь удалымъ грабежемъ составляло славу черкеса; ближайшіе сосѣди были для него, въ этомъ отношеніи, ничѣмъ не лучше русскихъ; у молодежи славолюбіе играло тутъ бо́льшую роль, чѣмъ жажда корысти.

Digitized by Google

Судопроизводство по *адату* (по обычаю) и по *шаріату* (корану) у черкесовъ было публичное, — чего до недавнихъ временъ не имѣла Европа, — за то у нихъ не было никакой администраціи, которою Европа была снабжена уже черезчуръ много. Полиція черкеса была его кинжалъ и шашка; отсюда произошла безобразная *канла* (кровомщеніе), принимавшая зачастую самые чудовищные размѣры. У западныхъ черкесовъ, имѣвшихъ аристократію и дворянство, послѣднее, разумѣется, предпочитало судъ по адату, державшемуся старыхъ обычаевъ и привилегій, — простой же народъ предпочиталъ шаріатъ; у восточныхъ горцевъ, гдѣ царствовала полнѣйшая демократія, адатъ всѣми вообще предпочитался шаріату, вводимому почти насильно Шамилемъ, съ цѣлью имѣть вліяніе на народъ, такъ какъ судить по шаріату могъ только мулла, знакомый съ кораномъ. Честью, сообразно своимъ понятіямъ о ней, черкесъ дорожилъ больше всего и за малѣйшее оскорбленіе ея платилъ мгновенно — или выстрѣломъ, или кинжаломъ. Кромѣ храбрости, скромность и уваженіе къ старшимъ почитались высшими добродѣтелями, а гостепріимство было самымъ священнымъ обычаемъ. Горецъ не позволялъ даже себѣ спросить объ имени пріѣзжаго гостя, и самый богатый князь не почиталъ для себя унизительнымъ держать стремя пріѣзжаго въ то время, когда тотъ слѣзалъ съ лошади, хотя бы это былъ самый послѣдній бѣднякъ. Странные эти люди — горцы — обладали многими добродѣтелями, которыя сдѣлали-бы честь всякому образованному человѣку, и въ тоже время для удовлетворенія своей страсти не задумывались ни предъ какими средствами и ни предъ какимъ вѣроломствомъ. Горецъ весь состоялъ изъ страсти и, когда она имъ овладѣвала, совершенно поглощался ею, въ ущербъ разсудку; здѣсь-то и находится ключъ къ объясненію всѣхъ его добродѣтелей и пороковъ *). Рабство хотя и существовало у горцевъ, но не проявлялось въ своей отвратительной формѣ:

*) Болѣе полное описаніе характера и быта горцевъ см. Кабарда и Кабардинцы.

Digitized by Google

господинъ и въ рабѣ уважалъ человѣка и видѣлъ въ немъ скорѣе какого-то несовершеннолѣтняго члена своего семейства, хотя и имѣлъ надъ нимъ право жизни и смерти. Тѣлеснаго наказанія совсѣмъ не существовало. У восточныхъ горцевъ женщина отягчена была работами, а у западныхъ, не говоря уже про князей и богатыхъ дворянъ, положеніе ея было несравненно лучше; за измѣну же, какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ, мужъ могъ предать виновную смерти или, если хотѣлъ, отпускалъ ее на всѣ четыре стороны. Вообще, нравы западныхъ горцевъ были гораздо мягче, чѣмъ нравы лезгинъ и чеченцевъ. Для удержанія плѣнныхъ отъ побѣговъ цѣпи и ямы считались необходимостью. — «Зачѣмъ ты хочешь сопротивляться» — говорилъ плѣнному Н. Т. *) его хозяинъ. — «Не огорчайся, что я хочу тебя приковать. Если-бы ты былъ дѣвка, такъ мы отдали-бы тебя караулить женщинамъ; но ты мужчина, у тебя есть усы и борода, и ты будешь стараться обмануть насъ. Мужчину, который родился не рабомъ, можно удержать въ неволѣ только желѣзомъ».

Политическое устройство западныхъ горцевъ отличалось отъ устройства восточныхъ. Западныя горскія общества имѣли привилегированныя сословія, хотя и безъ всякихъ особенныхъ правъ, кромѣ права на уваженіе. Лезгины же (за исключеніемъ Аварскаго и Казикумыхскаго ханствъ), и въ особенности чеченцы, имѣли у себя устройство совершенно демократическое, въ которомъ полнѣйшее равенство было непремѣннымъ условіемъ. Каждый чеченецъ, выстроивъ въ лѣсу или прилѣпивъ на скалѣ свою саклю, считалъ себя свободнымъ отъ всѣхъ и отъ всего на свѣтѣ и не допускалъ мысли, что можетъ существовать хоть какая нибудь власть, которой онъ обязанъ-бы былъ повиноваться. Вообще-же, всѣ общества кавказскихъ горцевъ представляютъ любопытный примѣръ вѣковаго существованія безъ всякихъ политическихъ и административныхъ властей. Что горцы дикари — въ этомъ нѣтъ спора, но тѣмъ не

*) Воспоминанія плѣннаго русскаго офицера.

Digitized by Google

менѣе постараемся воздержаться отъ высокомѣрія нашей цивилизаціи, которая часто довольно легкомысленно видитъ одно только грубое варварство или невѣжество во всемъ, что не носитъ на себѣ печати европейской образованности.

Занявъ Терскую и Кубанскую линію и утвердясь въ Закавказьи, Россія увидѣла себя въ необходимости защищать границы отъ своихъ безпокойныхъ сосѣдей, которыхъ страсть къ свободѣ и грабежу была неодолима. Покорить горцевъ не видѣлось никакой возможности; лѣса и трущобы ихъ были непроходимы, а дороги въ горахъ таковы, что, напр., въ 1850 г. нашъ отрядъ, переваливаясь съ Лезгинской линіи въ Дагестанъ чрезъ главный хребетъ, сдѣлалъ въ двое сутокъ всего на всего 6 верстъ и потерялъ при этомъ 49 лошадей. Г. Зиссерманъ, разсказывая про этотъ походъ, говоритъ, что трудности при походахъ въ горахъ были таковы, что разсказы о нихъ можно счесть за болѣзненную фантазію; онъ самъ долженъ былъ оставаться двое сутокъ подъ проливнымъ дождемъ, въ одномъ сюртукѣ, потому что лошадь съ вьюкомъ, въ которомъ была шинель, отстала и добраться до нея не было никакой возможности. Горцы до такой степени были увѣрены въ недоступности своихъ горъ и лѣсовъ, что, взявшись проводить переодѣтаго Н. Т. съ Кубани на берегъ Чернаго моря, разсчитывали при этомъ и на то, что разсказы его отобьютъ у русскихъ охоту проникать въ ихъ заповѣдныя горы. Когда Н. Т. сталъ вырѣзать на деревѣ свое имя, то проводникъ его, благородный Тембулатъ Карамурзинъ, сказалъ: «столѣтія пройдутъ прежде, чѣмъ русскіе прочитаютъ то, что ты вырѣзалъ». Увы! Тембулатъ не предчувствовалъ, что конецъ этимъ столѣтіямъ наступитъ черезъ 25 лѣтъ! Хотя содержаніе линій и войскъ и стоило Россіи огромныхъ жертвъ, но попеволѣ пришлось сначала ограничиться одной обороной отъ горскихъ набѣговъ, не подвигаясь впередъ ни шагу *).

*) Описаніе обороны линіи см. Земля Черноморскихъ казаковъ и Линейные казаки.

Digitized by Google

Такъ дѣло шло до 1816 года, т. е. до назначенія на Кавказъ главнокомандующимъ *Алексѣя Петровича Ермолова.* Во все продолженіе предъидущихъ лѣтъ наше правительство испытывало всевозможныя средства, чтобы какъ нибудь уладить дѣло съ хищниками. Говоря по строгой справедливости и совершенно безпристрастно, нельзя не сказать, чтобы съ нашей стороны не было перепробовано самыхъ гуманныхъ мѣръ. Пробовались мирныя и торговыя сношенія, но съ какими черкесскими властями могли мы договариваться о мирѣ, когда ни одинъ черкесъ даже и не понималъ, что такое власть и правительство, а понималъ только грабежъ и набѣги? Затѣмъ, чѣмъ мы могли торговать съ горцами? Развѣ вымѣнивать ихъ плѣнниковъ на оружіе и порохъ, которые они употребляли бы потомъ противъ насъ же? Между тѣмъ, на эти средства Россія расходовала очень большія суммы; напр., управляющій Новороссійскимъ краемъ и Черноморіею, герцогъ *Ришелье,* получалъ и расходовалъ на это 15 мил. рублей. Генералъ *Ртищевъ,* командовавшій войсками на Кавказѣ въ 1812 г., заключилъ договоръ съ чеченцами и щедро одарилъ ихъ, но былъ ими же ограбленъ на пути изъ Владикавказа въ Моздокъ. Императоръ Александръ I постоянно предписывалъ не нападать безъ нужды на горцевъ и сдѣлалъ за нихъ однажды Ртищеву строгій выговоръ. Предлагались поселенія, но они были только тогда возможны, когда обезпечивались отъ нападеній передовыми укрѣпленіями и просѣками,—а то иначе кто захотѣлъ бы селиться на такихъ мѣстахъ, гдѣ и самъ поселенецъ и его семейство должны были постоянно находиться подъ остріемъ вражескаго кинжала? А что стоили поселенія, можно судить изъ того, что въ 1818 г. было переселено въ Закавказье до 500 семействъ виртембергскихъ колонистовъ; одинъ путь ихъ отъ Одессы до Тифлиса стоилъ болѣе 250 руб. на семейство,—и все таки въ первый годъ изъ 2,623 челов. умерло 588. Думали достигнуть соглашенія чрезъ постепенное смягченіе нрава горцевъ и съ этою цѣлью представлялись правительству разные идил-

Digitized by Google

лическіе проекты, въ родѣ записки извѣстнаго адмирала *Мордвинова* *), благороднѣйшаго человѣка, но не бывавшаго никогда на Кавказѣ. А, между тѣмъ, чѣмъ мягче мы дѣйствовали, тѣмъ дерзче становились набѣги горцевъ,—и отъ ихъ абрековъ на линіи просто житья не было. Все это привело, наконецъ, къ тому убѣжденію, что единственное средство къ успокоенію линіи—это поступательное движеніе впередъ, постройка передовыхъ крѣпостей, соединеніе ихъ просѣками и промежуточными укрѣпленіями, занятіе плодородныхъ плоскостей и оттѣсненіе горцевъ къ безплоднымъ горамъ, въ которыхъ они, лишенные средствъ къ существованію, должны будутъ, наконецъ, сдаться. Этотъ планъ дѣйствій не былъ начертанъ однимъ кѣмъ нибудь; нѣтъ, онъ постепенно вытекалъ и развивался изъ обстоятельствъ. Въ началѣ мы никакъ не могли ожидать того сопротивленія, которое встрѣтили впослѣдствіи, и никакъ не предполагали, что Кавказская война обойдется такъ дорого. Мы имѣли сначала дѣло съ разъединенными хищниками, которые собирались въ мелкія партіи только для грабежа и разбѣгались при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ. Въ то время еще горцы такъ боялись пушекъ, что при постройкѣ Грозной Ермоловъ отпугивалъ ихъ на всю ночь нѣсколькими холостыми выстрѣлами. Въ 20-хъ годахъ генералъ *Грековъ*, перейдя съ маленькою колонною за Аргунъ, для отпугиванія горцевъ разложилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ заряженныя гранаты, обложилъ ихъ сѣномъ и зажегъ его. Трескъ лопавшихся гранатъ такъ запугалъ чеченцевъ, что они всѣ разбѣжались. Можно ли было предвидѣть, что эта хищная и трусливая татарва (какъ называли горцевъ наши солдаты) будетъ впослѣдствіи лѣзть съ геройскимъ самоотверженіемъ на дуло нашихъ орудій и образуетъ изъ себя почти правильное государство, которое будетъ высылать противъ насъ арміи, снабженныя артиллеріей?

Начались съ нашей стороны наступательныя дѣйствія и началась осада неприступнѣйшей въ мірѣ крѣпости (по вѣрному выраженію

*) Романовскій—приложенія.

Digitized by Google

знаменитаго начальника штаба при Ермоловѣ—генерала *Вельяминова*)—Кавказа. Крѣпость эта была защищаема милліоннымъ гарнизономъ, снабженнымъ провіантомъ на все время осады и дравшимся съ ожесточеніемъ за свою свободу и за каждый шагъ родной земли. Окруживъ Кавказъ валаціонною линіей, мы, по мѣрѣ прибытія осадныхъ средствъ, начали подвигаться все впередъ и впередъ. Закладывались параллели въ видѣ линій, простиравшихся на тысячи верстъ; параллели соединялись, вмѣсто траншей, громадными просѣками и новыми линіями; осадныя батареи и ретраншаменты замѣнялись цѣлыми крѣпостями; гарнизонъ долженъ былъ, наконецъ, укрыться за главнымъ валомъ, устроеннымъ самою природой изъ кавказскихъ громадъ, и, въ концѣ концовъ, невиданная крѣпость была взята невиданнымъ штурмомъ, продолжавшимся ровно шесть лѣтъ. Восемьдесятъ лѣтъ длилась эта осада. Шестидесяти-милліонное государство употребляло всевозможныя усилія для взятія крѣпости. Ежедневно происходили схватки, въ которыхъ борцы, съ обѣихъ сторонъ, ни въ чемъ не уступали Ахиллamъ и Гекторамъ. И если Троя имѣла Гомера, то Кавказъ не можетъ имѣть его, вслѣдствіе громадности событія! Мы не имѣемъ намѣренія разсказывать всѣхъ дѣйствій Ермолова на Кавказѣ, скажемъ только то, что имъ было сдѣлано относительно горской войны. Ермоловъ первый началъ систематическія дѣйствія, состоявшія въ постройкѣ передовыхъ укрѣпленій и въ разработкѣ дорогъ и просѣкъ. При немъ линія перенесена была изъ за Терека впередъ и подвинулась такъ: въ 1817 г., на Сунжѣ, на сообщеніи Владикавказа съ Моздокомъ, былъ построенъ редутъ *Назрановскій;* сюда же выселены были *ингуши,* заклятые враги чеченцевъ: этимъ обезпечилась отъ послѣднихъ Военно-грузинская дорога и сами ингуши стали покорны. Въ 1818 г. построена *Грозная* на лѣвомъ берегу Сунжи, въ 30 верстахъ отъ Терека; въ 1819 г. — *Внезапная* на Кумыкской плоскости, близъ деревни Эндери (прежняя Андреева); въ 1820 г.— между Грозной и Внезапной, укрѣпленія *Аксай* и *Исти-су;* съ

Digitized by Google

1821 по 1823 г.—укрѣпленія на рѣкахъ Урухѣ, *Нальчикѣ* и Баксанѣ, *Старый Юртъ* между Грозной и Терекомъ, *Такши-Кичу, Амиръ-Аджи-Юртъ* между Терекомъ и Внезапной. Укрѣпленія строились всѣ съ сильными профилями и предгоріе почти все было усмирено. *Кабарда* также покорилась. Ермоловъ, зная, что главная ея сила заключалась въ кабардинскихъ князьяхъ, требовалъ прежде всего отъ нихъ покорности и достигъ цѣли. Непокорные бѣжали и образовали общества такъ называемыхъ *вольныхъ или бѣглыхъ кабардинцевъ.* Бѣжавшіе сначала за Сунжу, чеченцы явились потомъ съ покорностью и были поселены на плоскости между Сунжей и Терекомъ, откуда произошло первое основаніе такъ называемыхъ *мирныхъ чеченцевъ.* Было также занято *Шамхальство Тарковское* и приведено въ покорность *Кази-Кумыхское ханство* въ Дагестанѣ; *Аварія* была также покорена. Стало быть, при Ермоловѣ остались только непокорными на лѣвомъ флангѣ вольныя общества въ Чечнѣ и Дагестанѣ.

Зная, что снисходительность принимается на Кавказѣ за слабость, Ермоловъ былъ строгъ съ горцами и смирялъ ихъ желѣзною рукой. Близъ Кизляра захваченъ былъ (впослѣдствіи извѣстный командиръ Куринскаго полка) храбрый полковникъ *Швецовъ,* и для выкупа его была открыта подписка по всей Россіи. Ермоловъ приказалъ посадить въ Кизлярскую крѣпость всѣхъ окрестныхъ князьковъ, которые прикрывали хищниковъ и пропустили ихъ чрезъ свои земли, и объявилъ, что не выпуститъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они не соберутъ требуемой суммы 15 т. руб. и не выкупятъ Швецова; князьки живо снеслись съ хищниками, уговорили ихъ помириться на 7 тыс. руб., собрали эту сумму и выкупили плѣнника. До 1820 г. назначалась особая сумма для выкупа нашихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ Черноморіи, гдѣ до того времени нашимъ войскамъ было строго воспрещено переходить за Кубань. Захвативъ однажды большое количество плѣнныхъ чеченцевъ, Ермоловъ выдалъ лучшихъ плѣнницъ замужъ за имеретинъ, а

Digitized by Google

плѣнниковъ распродалъ въ горы по рублю серебромъ. Это навело такой ужасъ на горцевъ, что они съ того времени стали бояться похищать нашихъ въ плѣнъ для выкупа. Ермоловъ предложилъ обратить вышесказанную сумму на другое употребленіе. Именемъ его горскія матери пугали непослушныхъ дѣтей. Поступки эти были вѣрнымъ разсчетомъ, а не безразсчетною жестокостью Ермолова; часто заставлялъ онъ своего вѣрнаго и неразлучнаго начальника штаба, *Алексѣя Александровича Вельяминова,* просить за виновныхъ и прощалъ ихъ, будто бы уступая его просьбамъ. «Пріятное лицо мое», писалъ въ шутливомъ тонѣ Ермоловъ Давыдову, «я омрачилъ густыми усами, ибо, не плѣняя именемъ, не безполезно страшить и наружностью. Здѣсь всякое безобразіе у мѣста. Проконсулъ Кавказа жестокость здѣшнихъ враговъ не можетъ укротить милосердіемъ». Зная, что горецъ цѣнитъ болѣе всего правосудіе, Ермоловъ устроилъ суды въ ихъ духѣ. Говорить ли о духѣ ермоловской арміи, дѣлавшей съ нимъ, шутя, пятидесяти-верстные переходы въ день? Онъ облегчилъ солдатъ, дозволивъ имъ носить папахи вмѣсто киверовъ и холщевыя сумки для сухарей вмѣсто ранцевъ; вообще онъ требовалъ не формы, а дѣла; отступленіе отъ формы было поставлено ему въ вину,—но впослѣдствіи оно было усвоено всей кавказской арміей во время походовъ. Солдаты и офицеры съ гордостью говорили, что они служили подъ начальствомъ Алексѣя Петровича, а, между тѣмъ, дисциплина при немъ не ослабѣвала, и Ермоловъ былъ скупъ на награды, — но за то ужъ его награды и цѣнились дорого. Говорить ли про его безкорыстіе? Приведемъ только одинъ примѣръ. Ермоловъ, имѣя очень ограниченное состояніе, отказался отъ аренды въ 40 тыс. руб. ассиг., пожалованной ему императоромъ Александромъ, въ пользу бѣдныхъ служащихъ, обремененныхъ семействами. Не проходило года, чтобы Ермоловъ не представлялъ одного или двухъ милліоновъ экономіи. Слава о справедливости и безкорыстіи его распространилась далеко за предѣлы Грузіи. Мирза-Сале, правитель дѣлъ

Digitized by Google

Аббаса-Мирзы, чтобы спастись отъ послѣдняго, бѣжалъ въ Грузію и передалъ всѣ свои сокровища на безотчетное храненіе Ермолову. Сорокъ грузинскихъ князей, сосланныхъ въ Сибирь по несправедливымъ навѣтамъ кн. Орбеліани, получили прощеніе вслѣдствіе просьбы Ермолова, при его вступленіи въ званіе главнокомандующаго.

Печальная исторія отставки Ермолова еще до сихъ поръ довольно темна, и причинъ ея здѣсь не мѣсто касаться. Она послѣдовала въ 1827 г. и объявлена была въ Тифлисѣ въ тотъ же самый день, въ который напечатана въ Петербургѣ. «По увольненіи отъ должности,— пишетъ Ермоловъ въ своихъ запискахъ, — болѣе мѣсяца жилъ я въ Тифлисѣ и, наконецъ, оставилъ страну. Новое начальство не имѣло ко мнѣ и того вниманія, чтобы дать мнѣ конвой, въ которомъ не отказываютъ никому изъ отъѣзжающихъ. Въ Тифлисѣ я его выпросилъ самъ, а на военныхъ постахъ, по дорогѣ, давали мнѣ его начальники по привычкѣ повиноваться мнѣ». На пути Ермоловъ заѣхалъ въ Таганрогъ единственно, какъ онъ самъ говоритъ, для того, чтобы видѣть мѣсто кончины императора Александра, вмѣстѣ съ которымъ было похоронено и его счастіе. При назначеніи главнокомандующимъ, Ермоловъ пріѣхалъ въ Тифлисъ также на перекладной повозкѣ, не будучи никѣмъ узнанъ. Г. Дубровинъ пишетъ («Русск. Старина», сент. 1872 г.), что «Паскевичъ былъ посланъ на Кавказъ съ цѣлью такъ или иначе обвинить Ермолова и занять его мѣсто, чего и достигъ съ помощью *Дибича*. Впослѣдствіи онъ самъ отказался отъ своихъ убѣжденій и во всемъ слѣдовалъ Ермолову. Уѣзжая съ Кавказа, онъ оставилъ войска тѣми же оборванцами, какими и принялъ». Лишенный средствъ служить Россіи, Алексѣй Петровичъ прожилъ остальные 34 года своей жизни въ Москвѣ, гдѣ и скончался въ 1861 г. Рѣдко кто имѣлъ такую популярность, какъ онъ. Дѣла его, также и его львиная, мощная наружность извѣстны всѣмъ въ Россіи.

Digitized by Google

Послѣ Ермолова главнокомандующимъ былъ назначенъ *Паскевичъ*. Окончивъ съ блестящимъ успѣхомъ войны съ Персіей и Турціей, онъ тотчасъ же, въ 1831 г., былъ отозванъ командовать арміей противъ поляковъ и оставилъ Кавказъ, не имѣвъ возможности близко познакомиться съ горской войной. Послѣ него званіе *главнокомандующаго на Кавказѣ было уничтожено и замѣнено званіемъ командира отдѣльнаго Кавказскаго корпуса.* Линія была раздѣлена на 4 части: *правый* и *лѣвый фланги, центръ* и *Черноморскую береговую линію.* Командующіе этими частями стали получать приказанія изъ Петербурга и такимъ образомъ сдѣлались почти независимыми отъ корпуснаго командира. Единство дѣйствія рушилось и не возстановлялось до 1844 г., т. е. до назначенія опять главнокомандующимъ кн. Воронцова, послѣ того какъ несчастныя событія 1843 г. заставили сознаться въ сдѣланной ошибкѣ и воротиться опять къ прежней системѣ. Командирами Кавказскаго корпуса въ эти 13 лѣтъ были: *баронъ Розенъ, Головинъ* и *Нейдгардтъ.* Весь этотъ періодъ былъ временемъ кровопролитныхъ экспедицій, битвъ, безслѣдныхъ успѣховъ и потерь съ нашей стороны. Блестящіе успѣхи не поправляли дѣла и не подвигали насъ впередъ ни на шагъ. Разоренные аулы, по уходѣ нашихъ войскъ, возобновлялись, и ихъ надо было брать снова. Можно смѣло сказать, что кн. Воронцовъ засталъ наши дѣла на Кавказѣ въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ ихъ оставилъ Ермоловъ. Мы за все это время не подвинулись впередъ, а противъ насъ, вмѣсто разъединенныхъ хищниковъ, стояло почти правильное государство, созданное Шамилемъ. Десятки тысячъ солдатъ и десятки милліоновъ рублей поглощались ежегодно Кавказомъ совершенно безъ всякой пользы. Такимъ то образомъ сказалось для насъ разрушеніе правильной и строго обдуманной военной дисциплины. Въ то время, когда Россія сама разъединяла свои силы, нашъ врагъ, напротивъ, соединялся въ одно сильное цѣлое.

Горцы переживали историческую эпоху самодержавія, которую

Digitized by Google

переживаетъ почти всякій разъединенный народъ во время общей опасности. У горцевъ самодержавіе явилось не въ видѣ свѣтской власти, потому что они не понимали ее и слишкомъ любили свою свободу,—оно должно было непремѣнно принять религіозно-политическую форму, что дѣйствительно и случилось: фанатическое ученіе *мюридизма* выработало неограниченнаго повелителя правовѣрныхъ горцевъ—*имама*. Произошло это такимъ манеромъ. Еще во время Ермолова разъединенные горцы ясно увидѣли свою слабость и невозможность сопротивляться правильно организованной силѣ. Люди, которыхъ они до того времени грабили почти безнаказанно, явились теперь, въ свою очередь, ихъ притѣснителями, и эти люди были никто другіе, какъ невѣрные, враги пророка—гяуры! Обижаемые теперь сами притѣсняютъ своихъ прежнихъ обидчиковъ, разоряютъ ихъ аулы и отнимаютъ ихъ лучшія земли. И ничего нельзя противъ нихъ сдѣлать, потому что они дѣйствуютъ дружно! Неужели-же Аллахъ не пошлетъ своего избранника, который помогъ бы отмстить этимъ нечестивцамъ и защитилъ бы отъ нихъ семейства и имущества правовѣрныхъ? Такъ или почти такъ долженъ былъ разсуждать каждый горецъ, въ душѣ котораго чаша ненависти къ русскимъ переполнилась. Недоставало только искры, чтобы воспламенить этотъ порохъ и обратить взрывъ на общаго врага,—и искра, разумѣется, ждать себя не заставила.

Въ южномъ Дегестанѣ, въ Кюринскомъ ханствѣ, въ деревнѣ *Ярагларъ*, жилъ святой мужъ—кадій *Мулла-Магометъ*. Аскетическая жизнь *муршида* (учителя), его глубокое знаніе корана и пламенное краснорѣчіе привлекали къ нему толпы *мюридовъ* (учениковъ) и поклонниковъ. Мулла-Магометъ былъ высокаго роста, кротость и добродушіе были написаны на его изможденномъ лицѣ, а глаза полуослѣпли отъ ночныхъ бдѣній. И этотъ-то, повидимому, мирный старикъ слабымъ, едва слышнымъ голосомъ, среди глубокой ночной тишины, проповѣдывалъ всеобщее возстаніе на кровавую брань и на непримиримую ненависть. Онъ призывалъ всѣхъ

Digitized by Google

правовѣрныхъ покаяться и не довольствоваться исполненіемъ обязательнаго для каждаго мусульманина *шаріата,* но очиститься *тарикатомъ* (посвященіе себя Богу—нѣчто въ родѣ нашихъ монашескихъ орденовъ), а избранныхъ—достигать даже *хакиката,* т. е. отрѣшенія отъ всего земнаго, въ родѣ нашей схимы. Въ огненныхъ проповѣдяхъ его, разносимыхъ въ многочисленныхъ спискахъ по всему Дагестану, говорилось, что «небо наложило печать отверженія на мусульманъ за то, что они не исполняютъ закона пророка, пресмыкаются во грѣхѣ и забыли свой первый долгъ—оставить родину и родныхъ, вооружиться противъ невѣрныхъ и идти на распространеніе, убѣжденіемъ и мечемъ, свѣта истинной вѣры. Присутствіе невѣрныхъ заграждаетъ путь къ трону Аллаха! Молитесь, кайтесь, жалкіе трусы! Но прежде всего ополчитесь на *казаватъ* (священную войну) противъ невѣрныхъ (т. е. русскихъ)! Приготовьте себя къ ней молитвою, постомъ и покаяніемъ! Часъ наступитъ, и тогда я благословлю васъ на брань». День, въ который произнесена была эта сильная рѣчь, былъ началомъ мюридизма—ученія, проповѣдывавшаго полнѣйшее равенство, казаватъ, совершенное отреченіе отъ личности и безусловное подчиненіе волѣ *имама* (наслѣдника пророка и посредника между Богомъ и вѣрующими). Согласно мюридизму, за невѣсту, кто бы она ни была, дочь ли перваго наиба или послѣдняго пастуха, вѣно было опредѣлено неизмѣнно въ одинъ рубль серебромъ; пѣсни, игры, куреніе табаку, бренчанье были объявлены свѣтскими обрядами, достойными смерти; пожертвованіе имуществомъ и жизнью считалось, разумѣется, ни во что; даже тѣлесное наказаніе было введено у людей, которые прежде считали стыдомъ, если кого нибудь можно было попрекнуть тѣмъ, что его высѣкли въ дѣтствѣ. Мюридъ приносилъ имаму клятву въ безусловномъ повиновеніи, въ обязанности биться до послѣдняго издыханія и рѣзать, если ему прикажутъ, всякаго, не разсуждая, будетъ ли то его другъ, братъ или отецъ. Передъ мюридомъ должны были

Digitized by Google

раскрываться безусловно всѣ тайны семейной жизни горца. Эти люди стали посвященными братьями духовнаго ордена, пастухами человѣческаго стада, блюстителями воли божіей, объявленной чрезъ непогрѣшимаго имама. Конечнымъ послѣдствіемъ мюридизма было уничтоженіе въ человѣкѣ идеи о всякой личной отвѣтственности, жесточайшій деспотизмъ и образованіе невиданнаго до сихъ поръ общества въ нѣсколько сотъ тысячъ людей, предавшихъ въ руки власти свою волю и совѣсть. Созданное братство обратило всю свою дикую энергію противъ насъ. Населеніе горъ переродилось. Скудость средствъ замѣнилась энергіей, и въ дикихъ горахъ, цѣлыя тысячелѣтія отвергавшихъ всякое гражданское устройство, создалось управленіе, явились провіантскіе магазины и пороховые заводы, крѣпости и артиллерія. При приближеніи нашихъ войскъ жители бросали безъ сожалѣнія свои дома и посѣвы и скрывались въ трущобахъ, каждый шагъ въ которыя стоилъ намъ огромныхъ потерь. Женщинъ и дѣтей, лишившихся дневнаго пропитанія, размѣщали какъ нибудь до будущей жатвы по сосѣднимъ ауламъ, а мужчины, какъ стая голодныхъ волковъ, бросались на наши предѣлы. Умершіе отъ голода и погибшіе на войнѣ считались мучениками, достигшими, наконецъ, цѣли своей жизни. Мирная деревня, только что пройденная русскою колонною, иногда черезъ часъ обращалась въ непріятельскую позицію, и, гдѣ бы ни стоялъ русскій отрядъ, тылъ его не былъ никогда обезпеченъ. Покидая безъ сожалѣнія и вздоха отцовскій домъ, женъ и дѣтей, горцы шли рѣзаться съ русскими; окруженные врагами, они запѣвали предсмертную пѣсню: «Ля-илля-ага иль Алла-гу» (нѣтъ Бога, кромѣ Бога), единственную пѣсню, дозволенную мюридизмомъ, рѣзали лошадей, залегали за этимъ брустверомъ, разстрѣливали заряды, а затѣмъ—бросались въ шашки и погибали всѣ до послѣдняго. Занялся всеобщій пожаръ, и земля горѣла подъ русскими ногами. Мюридизмъ, какъ дикій звѣрь, грызъ свою клѣтку, стараясь прорваться на волю, и, не охвати его русская сила своимъ желѣзнымъ поясомъ, можно быть увѣреннымъ, что онъ разлился бы по мусуль-

Digitized by Google

манской Азіи и стремился бы къ осуществленію втораго халифата. Уже одинъ титулъ имама показывалъ, куда мѣтило новое ученіе. Когда, вслѣдствіе проповѣдей Муллы-Магомета, возстаніе вспыхнуло на Кюрѣ, Ермоловъ потребовалъ отъ мирнаго казикумыхскаго *Асланъ-хана* усмиренія его. Ханъ послалъ за Муллой-Магометомъ и за его учениками и приверженцами. На срединѣ дороги Асланъ-ханъ встрѣтилъ стараго слѣпаго муршида, окруженнаго огромнымъ числомъ мюридовъ и муллъ.—«Какъ смѣешь ты говорить такія возмутительныя рѣчи?»—спросилъ его Асланъ,—«развѣ ты не признаешь силу русскихъ и не думаешь, сколько изъ за тебя прольется крови! Твои мюриды ходятъ вездѣ, поджигаютъ къ войнѣ и бьютъ всѣхъ, кто имъ противорѣчитъ!»—«Мои мюриды узнали истину корана»,—отвѣчалъ на это Мулла-Магометъ.—«И тебѣ, ханъ, совѣтую сложить съ себя свѣтскія заботы и подумать о томъ, что равно ожидаетъ какъ жалкаго невольника, такъ и великаго властелина.»—«Твое ученіе преувеличено, я знаю мои обязанности и въ точности исполняю заповѣди, предписанныя шаріатомъ.»—«Ты лжешь!» воскликнулъ на это муршидъ. «Ты рабъ невѣрныхъ (русскихъ)!» Едва произнесъ онъ эти слова, какъ упалъ на земь отъ сильнаго удара хана, который приказалъ затѣмъ своимъ нукерамъ бить, безъ различія, всѣхъ муллъ и мюридовъ. Скоро, однако, Асланъ-ханъ замѣтилъ, что зашелъ слишкомъ далеко, послалъ вновь за Муллой-Магометомъ и просилъ его забыть нанесенное оскорбленіе. Тотъ его охотно простилъ, но при этомъ замѣтилъ, что напрасно ханъ старается подавить возстаніе, которое, кромѣ выгоды, ему не принесетъ ничего, потому что чѣмъ болѣе будетъ безпокойствъ въ краѣ, тѣмъ болѣе русскіе будутъ нуждаться въ его содѣйствіи, тогда какъ, покоривъ Дегестанъ, они не будутъ имѣть нужды въ Асланѣ и лишатъ его ханства. Асланъ-ханъ убѣдился въ душѣ въ истинѣ словъ стараго муршида и отпустилъ его съ подарками, а Ермолову донесъ о возстановленіи порядка.

Вскорѣ послѣ того Мулла-Магометъ собралъ въ Ярагларѣ начальниковъ и поставилъ любимаго своего ученика *Гази-Магомета*

Digitized by Google

Казіемъ, т. е. начальникомъ *казавата* (священной войны). «Именемъ пророка, сказалъ онъ, возложивъ руку на его голову,—повелѣваю тебѣ, *Кази-Мулла*, иди, собери народъ, вооружи его и, съ помощью Аллаха, начинай войну! Рай ожидаетъ тѣхъ, кто падетъ или побьетъ русскихъ, горе тѣмъ, которые убѣгутъ отъ гяуровъ!» Основавъ, такимъ образомъ, мюридизмъ и избравъ для него предводителя, провозглашеннаго впослѣдствіи мюридами *имамомъ*, Мулла-Магометъ удалился отъ дѣлъ и погрузился въ совершенное уединеніе.

Знаменитый *Кази-Мулла, первый имамъ мюридовъ*, также какъ и Шамиль, былъ родомъ изъ аула Гимры, лежащаго въ общинѣ Койсубу, на правомъ берегу Казикумыкскаго койсу, почти противъ впаденія въ него Андійскаго койсу. Онъ родился въ 1795 году и былъ старше Шамиля только на 4 года. Мальчики жили другъ отъ друга черезъ два дома и были дружны, какъ два родные брата; все, что ни встрѣчалось имъ въ жизни, и радость и горе, они дѣлили пополамъ. Молодые друзья не походили одинъ на другаго. Серьёзный, молчаливый, какъ камень, Кази-Мулла еще отрокомъ изучилъ арабскій языкъ и зналъ наизусть весь Коранъ; склонность его къ самосозерцанію была такъ велика, что часто онъ удалялся въ уединеніе и затыкалъ уши воскомъ, чтобы не развлекаться ничѣмъ постороннимъ. Напротивъ того, *Шамиль* (Самуилъ; онъ былъ сынъ одного аварскаго уздена) отличался живымъ характеромъ; послѣ страсти къ ученью, господствующею въ немъ была страсть къ фехтованью и гимнастическимъ упражненіямъ. Его постоянно видѣли или за книгой, или скачущимъ, прыгающимъ, или фехтующимъ шашкой или кинжаломъ. Въ гимнастикѣ Шамиль достигъ почти невѣроятныхъ результатовъ: онъ могъ перепрыгивать черезъ веревку, которую два человѣка, выше его ростомъ, держали, поднявъ вверхъ руки, перепрыгивалъ черезъ рвы шириною въ 12 арш. и проч.; кромѣ того, Шамиль добровольно подвергалъ себя всевозможнымъ атмосферическимъ перемѣнамъ и закаливалъ свое здоровье. И зимою

Digitized by Google

и лѣтомъ онъ не ходилъ иначе, какъ босикомъ и съ открытою грудью. Кази-Мулла и Шамиль вмѣстѣ росли въ Гимрахъ, вмѣстѣ ходили въ школу, вмѣстѣ потомъ учились нѣсколько лѣтъ въ Кизлярѣ и вмѣстѣ начали потомъ войну. Судьба столкнула этихъ людей и повела ихъ рука объ руку на жизнь и на смерть. Кази-Мулла былъ первымъ наставникомъ Шамиля. «Нигдѣ я такъ много не научился, какъ отъ Гази-Магомета (Кази-Муллы)»,—говорилъ Шамиль впослѣдствіи. Послѣ принятія посвященія отъ Муллы-Магомета, новый глава мюридовъ поселился въ Гимрахъ и принялся за распространеніе своего ученія. Онъ обладалъ въ высшей степени страстнымъ убѣжденіемъ—качествомъ, болѣе всего необходимымъ для увлеченія массъ, а краснорѣчіе его, по словамъ горцевъ, было таково, что «сердце человѣка прилипало къ его губамъ, и онъ однимъ дыханіемъ будилъ въ душѣ бурю». Чудесами онъ привлекалъ къ себѣ легковѣрныхъ и такъ ловко скрывалъ догматъ всеобщаго равенства, положенный въ основаніе мюридизма, что владѣтели въ Дагестанѣ и не подозрѣвали этого; Шамхалъ Тарковскій, напримѣръ, звалъ его къ себѣ въ 1829 г. для поученій и, въ случаѣ отказа, грозилъ гнѣвомъ божіимъ. Когда весь Дагестанъ и вся Аварія, кромѣ Хунзаха (столицы аварскихъ хановъ), приняли его сторону, и онъ могъ выставить до 15 т. войска, то въ своихъ фанатическихъ проповѣдяхъ началъ грозить Москвѣ и даже Стамбулу, если султанъ вздумаетъ уклониться отъ исполненія шаріата. Въ концѣ 1829 года онъ торжественно провозгласилъ казаватъ и въ февралѣ 1830 года съ яростью бросился съ толпами своихъ приверженцевъ на *Хунзахъ*, для сокрушенія прежде всего аварскихъ хановъ, своихъ враговъ и сильныхъ міра сего, стоявшихъ, разумѣется, поперекъ дороги этому кавказскому демагогу.

Отбитый съ уронomъ мужественной ханшей *Паху-Бике*, онъ оттуда кинулся на *Шамхала Тарковскаго* и укрѣпился въ неприступномъ урочищѣ *Чумескентъ*, въ 10 в. къ ю.-з. отъ Темиръ-

Digitized by Google

Ханъ-Шуры. Полковникъ *Миклашевскій* (прозванный горцами Кара, т. е. черный полковникъ) страшнымъ штурмомъ взялъ Чумаскентъ и самъ погибъ при штурмѣ. Оттуда Кази-Мулла бросился на *Парауль* (тогдашнюю резиденцію Шамхала) и разграбилъ его; потомъ бросился къ Каспійскому морю, осадилъ *Бурную* и былъ отбитъ, затѣмъ осадилъ *Внезапную*, отъ которой тоже былъ отбитъ генераломъ *Эмануэлемъ*, послѣ 15-ти-дневной осады. Эмануэль преслѣдовалъ Кази-Муллу и былъ разбитъ имъ въ Аухонскихъ лѣсахъ съ потерею одного орудія. Послѣ этого успѣха Кази-Мулла окружилъ *Дербентъ*, который блокировался 8 дней, потомъ перебросился на Терекъ, сжегъ и разграбилъ *Кизляръ* и, наконецъ, удалился, въ 1832 году, на свою родину—въ *Гимры*. Такимъ образомъ, цѣлые два года первый имамъ мюридовъ метался, какъ левъ, и дѣлалъ отчаянные прыжки въ своей клѣткѣ (величина которой была длиной до 250 верстъ, а шириною до 100 верстъ) на глазахъ изумленнаго, но не оторопѣлаго непріятеля. Почти нечеловѣческія усилія истощили мюридовъ, и они стали отставать отъ имама. Между тѣмъ, подвигались русскія войска подъ начальствомъ *барона Розена* и окружили *Гимры*. Тогда Кази-Мулла собралъ своихъ приверженцевъ и сказалъ: «чувствую, что приближается конецъ мой, и умираю, гдѣ родился,—умираю за истины тариката и за святой шаріатъ. Кто хочетъ также умереть, тотъ останется со мною!» Послѣ кровопролитной битвы, Гимры были взяты. Кази-Мулла заперся въ башнѣ съ 16 мюридами. Не видя спасенія, онъ предпринялъ отчаянную вылазку и съ шашкой на голо, надвинувъ на глаза папаху, первый бросился вонъ изъ башни. Тутъ его ударили въ голову камнемъ и прикололи штыкомъ. *Шамиль*, также проткнутый штыкомъ черезъ всю грудь сквозь легкое, легъ подлѣ своего учителя и друга.

Казалось, мюридизмъ былъ подрѣзанъ въ самомъ корнѣ. На страхъ горцамъ русскіе выставили тѣло Кази-Муллы, но результатъ вышелъ, однако-же, совсѣмъ противный. Мертвецъ лежалъ,

Digitized by Google

держа одной рукой бороду, а другой указывая на небо, т. е. въ положеніи мусульманина въ минуту горячей молитвы; такимъ образомъ, смерть возвратила Кази-Муллѣ то значеніе, которое онъ потерялъ подъ конецъ жизни. Русскіе успокоились, но мюридизмъ продолжалъ свое дѣло.

Послѣ Кази-Муллы имамомъ былъ избранъ *Гамзатъ-Бекъ*. Новый имамъ не отличался особенными дарованіями, это былъ набожный, молчаливый и безкорыстный честолюбецъ, исполнявшій всѣ свои предпріятія быстро и безъ огласки, «для Бога, а не для себя», по его выраженію. Въ три года онъ достигъ своей цѣли и укрѣпилъ мюридизмъ въ горахъ, на трупахъ своихъ друзей и недруговъ. Онъ, какъ и его предмѣстникъ, началъ дѣло съ уничтоженія аристократіи и прежде всего, разумѣется, съ аварскихъ хановъ. Въ 1834 году мюриды подступили къ *Хунзаху*. Старая ханша *Паху-Бике*, бабка молодаго хана *Абу-Нацала*, на этотъ разъ не могла сопротивляться и должна была вступить въ переговоры; она согласилась принять новое ученіе, но отказывалась начинать войну съ русскими. Въ залогъ вѣрности Абу-Нацалъ привезъ лично въ лагерь Гамзатъ-Бека въ заложники своего 8-ми-лѣтняго брата *Булачь-Хана*. Гамзатъ встрѣтилъ его съ восточнымъ раболѣпствомъ, но лишь только тотъ вступилъ въ палатку, какъ и былъ умерщвленъ подъ предлогомъ какой-то ничтожной ссоры. *Паху-Бике* была одновременно умерщвлена въ Хунзахѣ. Оставлена была въ живыхъ только вдова Абу-Нацала, потому что она въ это время была беременна, а умертвить беременную женщину, по понятіямъ горцевъ, есть величайшее преступленіе. Дальнѣйшая участь ея неизвѣстна, а *Булачь-Ханъ* былъ тоже умерщвленъ впослѣдствіи Шамилемъ. Гамзатъ-Бекъ не долго наслаждался плодами своихъ злодѣяній. Въ отмщеніе за смерть аварскихъ хановъ былъ составленъ противъ него заговоръ *Османомъ* и *Хаджи-Муратомъ*, молочными братьями убитыхъ, и *Гамзатъ-Бекъ* былъ, въ свою очередь, тоже убитъ въ Хунзах-

Digitized by Google

ской мечети. Вмѣсто его былъ избранъ имамомъ излѣчившійся какимъ-то непонятнымъ образомъ отъ гимрской раны *Шамиль* *).

Аварія сначала была поручена управленію *Хаджи-Мурата*, а въ 1837 г. правителемъ ея сдѣланъ былъ полковникъ русской службы мехтулинскій *Ахметъ-Ханъ*.

Теперь разскажемъ событія, происходившія отъ этого времени до несчастнаго для насъ 1843 года, въ который мы потеряли и Дагестанъ и Чечню. Въ 1837 году генер. *Фези* укрѣпилъ Хунзахъ и разработалъ изъ него дорогу въ Темиръ-Ханъ-Шуру, обезпечивъ ее укрѣпленіями, впрочемъ совершенно ничтожными. Въ этомъ же году онъ осадилъ *Шамиля* въ *Тилитлѣ* **) и взялъ его единственно по недостатку провіанта, такъ что осталась незанятою только та часть Тилитля, въ которой засѣлъ Шамиль. Фези заключилъ съ нимъ договоръ, который имамъ и не думалъ исполнять; напротивъ, наперекоръ Фези, донесшему о покореніи имъ многихъ народовъ Дагестана, онъ разослалъ по горамъ воззваніе, въ которомъ объявлялъ, что Аллахъ, спасъ его чудеснымъ образомъ, обратя, чрезъ невидимую силу, гяуровъ въ бѣгство. Не надѣясь, однако, на вторичную помощь невидимыхъ силъ, Шамиль переселился послѣ этого въ неприступный аулъ *Ахульго* ***). Въ 1839 году *Граббе* взялъ Ахульго послѣ двухмѣсячной правильной осады и жесточайшаго штурма, и едва спасшійся Шамиль бѣжалъ къ *Шатоевцамъ* ****), которые сначала поговаривали даже о выдачѣ его; но геній Шамиля и его слава были такъ велики, что въ это-то несчастное для него время и случился переломъ въ его судьбѣ. Тѣснимые нами *чеченцы* прислали къ нему, въ 1840 г., депутацію съ просьбою о защитѣ, и

*) Подробности объ этихъ событіяхъ,—см. Хаджи-Мурать, ч. II.

**) На правомъ берегу Аварскаго койсу.

***) При впаденіи Андійскаго койсу.

****) Въ верховьяхъ Аргуна.

Digitized by Google

черезъ 2 года изъ аула *Дарго*, лежащаго среди недоступныхъ *Ичкеринскихъ лѣсовъ*, Шамиль повелѣвалъ уже всей Чечней и немирнымъ Дагестаномъ *). *Мирные чеченцы*, жившіе по лѣвому берегу Сунжи, бѣжали всѣ за рѣку и увеличили собою силу Шамиля. Надобно сказать правду, что и сами мы усердно помогали отложенію *Чечни* и созданію шамилевскаго государства. Наше управленіе въ покорныхъ округахъ было плохо; на административныя мѣста сюда шли или по негодности, или же по неволѣ; жалованье на этихъ мѣстахъ получали ничтожное; средствъ къ отличію не представлялось никакихъ. Что же удивительнаго, что всѣ лучшіе офицеры предпочитали тогда службу во фронтѣ? Ген. *Пулло*, начальствовавшій въ Чечнѣ, позволялъ себѣ самоуправства, третировалъ чеченцевъ en canaille и, въ добавокъ, возымѣлъ еще несчастную мысль объ отобраніи у всѣхъ туземцевъ оружія, забывъ, что горецъ скорѣе разстанется съ жизнью, нежели съ оружіемъ, и что жить въ горахъ въ то время безъ оружія положительно не было никакой возможности. Наши дѣйствія тогда производились или нечаянными набѣгами на ближніе аулы, не далѣе одного или двухъ переходовъ, или экспедиціями въ дальнія мѣста. Въ обоихъ случаяхъ потери наши, въ особенности при отступленіяхъ, были огромны и совершенно безплодны. Экспедиціи предпринимались, большею частію, зимой, когда лѣсъ былъ обнаженъ и доставлялъ горцамъ меньше защиты, а отсутствіе подножнаго корма не дозволяло имъ отлучаться надолго отъ жилищъ. Лѣтняя экспедиція генерала *Галафѣева*, предпринятая, наперекоръ очевидности, на рѣчку *Валерикъ*, въ малую Чечню, получила самую печальную общеизвѣстность. Кто не читалъ дивнаго стихотворенія Лермонтова «Валерикъ»? Изъ экспедиціи этого періода, кромѣ Ахульгинской, замѣчательна экспедиція генерала *Граббе* къ *Дарго* чрезъ непроходимый Ичкеринскій лѣсъ. Она также, какъ и всѣ другія, сопровож-

*) Подробно все это нами описано въ исторіи Хаджи-Мурата.

Digitized by Google

далась успѣхомъ, огромными потерями и не доставила никакого положительнаго результата.

Для охарактеризованія тогдашней нашей войны на лѣвомъ флангѣ приведемъ отрывокъ изъ превосходной записки генерала *Пассека*, которую нельзя читать безъ огромнаго интереса. «Нашъ отрядъ—такъ пишетъ Пассекъ—двигается по Чечнѣ: впереди авангардъ, потомъ главныя силы, при нихъ подвижной паркъ, подвижной транспортъ, обозъ и, наконецъ, аріергардъ. Главная колонна справа и слѣва прикрыта особыми колоннами съ непрерывною цѣпью отъ авангарда до аріергарда. Кавалерія, смотря по мѣстности, или сбоку или въ срединѣ отряда. Въ открытыхъ мѣстахъ непріятель какъ будто не существуетъ; но только вступаемъ въ лѣсъ, начинается перестрѣлка, рѣдко въ авангардѣ, чаще въ боковыхъ цѣпяхъ и почти всегда въ аріергардѣ. Чѣмъ пересѣченнѣе мѣстность, чѣмъ гуще лѣсъ, тѣмъ сильнѣе перестрѣлка. Загорается неумолкаемая канонада, а непріятеля почти нѣтъ; видѣнъ одинъ, два, нѣсколько десятковъ—и все это исчезаетъ мгновенно. Но когда ослабнетъ раненными цѣпь или какая нибудь часть, когда разстроится аріергардъ или боковая колонна, вдругъ являются сотни шашекъ и кинжаловъ и съ гикомъ кидаются на разстроенныхъ солдатъ. Если встрѣтятъ въ нашихъ стойкость,—все исчезаетъ между пнями и деревьями, и снова открывается убійственный огонь. Этотъ маневръ повторяется до тѣхъ поръ, пока не окончится лѣсъ, или сами чеченцы не понесутъ значительнаго урона, или наши не встрѣтятъ уже штыками, и тогда начинается ужасное бѣдствіе. Чеченцы, какъ тигры, безпощадны и быстры, и только приближеніе свѣжихъ силъ можетъ остановить истребленіе. Въ такихъ дѣлахъ, весьма естественно, потери чеченцевъ, въ сравненіи съ нашими, ничтожны, особенно принявъ во вниманіе ловкость ихъ и искусство пользоваться каждымъ пнемъ. Въ Чечнѣ непріятель невидимъ, но вы можете встрѣтить его за каждымъ изгородомъ, кустомъ, въ каждой балкѣ. Только тотъ кусокъ земли

Digitized by Google

нашъ, гдѣ стоитъ отрядъ; сзади, съ боковъ—вездѣ непріятель. Нашъ отрядъ, какъ корабль, все разрѣжетъ, куда ни идетъ, и нигдѣ не оставитъ слѣда, гдѣ прошелъ. Ни слѣдовъ опустошенія, ни слѣдовъ покорности.

«Въ горахъ Дагестана нашъ отрядъ имѣетъ авангардъ, аріергардъ и главную колонну; боковыхъ цѣпей и боковыхъ колоннъ не существуетъ, по затруднительности доступовъ справа и слѣва. Въ случаяхъ опасныхъ занимаютъ отдѣльными частями высоты, командующіе дорогою. Въ важныхъ пунктахъ, при входахъ и выходахъ изъ ущелій, при перевалахъ чрезъ хребты, при переправахъ, оставляютъ особые отряды для обезпеченія сообщеній и свободнаго отступленія. Непріятель преграждаетъ ущелья, подъемы горъ, укрѣпляетъ переправы, аулы и всегда встрѣчаетъ насъ прямо. Въ большихъ дѣлахъ каждый пунктъ, подъ наблюденіемъ *муртазигетовъ* *) или избранныхъ мюридовъ, и всѣ важнѣйшіе завалы, части ауловъ, башни занимаются извѣстными людьми и обозначаются ихъ значками. Легче имѣть дѣло со скопищемъ въ нѣсколько тысячъ вольнаго ополченія, которое будетъ подъ предводительствомъ самыхъ храбрыхъ горцевъ, нежели атаковать нѣсколько сотъ мюридовъ, окружающихъ извѣстное лицо и по силамъ избравшихъ позицію. Первая, искусно направленная и рѣшительная атака обращаетъ въ бѣгство толпы вольнаго ополченія, а муртазигеты и мюриды, раскиданные по заваламъ, должны слѣдовать за бѣгущими или сдѣлаться жертвами своего фанатизма. Если же приходится имѣть дѣло съ одними мюридами, то каждый пунктъ надо брать упорнымъ боемъ, причемъ огонь непріятеля бываетъ самый убійственный. Тогда уже не стрѣляютъ въ толпу, но всегда прицѣльно,—нѣсколько ружей наведено на каждый проулокъ, каждый уголъ, изворотъ, тропинку, откуда могутъ подойти наши солдаты.

«Кто ни покажется—дѣлается жертвой; это наводитъ страхъ на самыхъ смѣлыхъ; хорошо, если мѣстность позволяетъ броситься

*) Тѣлохранители Шамиля.

Digitized by Google

цѣлой колонной, а то нѣтъ возможности атаковать съ успѣхомъ. Хладнокровіе и самоотверженіе защитниковъ бываетъ изумительно; окруженные со всѣхъ сторонъ, они поражаютъ всѣхъ, кто ни приблизится, и гибнутъ, не думая о пощадѣ. Одна храбрость съ нашей стороны, въ подобномъ случаѣ, ни къ чему не служитъ и можетъ быть пагубна для отряда. Впрочемъ, надобно сказать, что если дѣло идетъ и съ большимъ скопищемъ, гдѣ главное число непріятеля—поголовное ополченіе, но наша атака будетъ неискусна, то непріятель, послѣ первой удачи, ободряется до дерзости, и потеря наша можетъ быть весьма значительна, а успѣхъ обратится въ совершенное пораженіе. Упущеніе обхода, незанятіе благовременно какой-нибудь высоты, какой-нибудь тропинки—могутъ имѣть самыя гибельныя послѣдствія. Нигдѣ не нужно имѣть столько врожденныхъ способностей для начальника отряда, какъ въ горной войнѣ; самыя важныя послѣдствія зависятъ отъ ничтожныхъ или быстро измѣняющихся обстоятельствъ, которыя надобно впередъ сообразить и ничего не упустить; самые умные разсчеты могутъ не исполниться отъ одной пещеры или обрыва. Одно и тоже дѣло одинъ выиграетъ безъ всякихъ потерь, а другой съ огромными пожертвованіями, или же будетъ имѣть и совершенную неудачу. Когда мѣстность извѣстна, обходы возможны, или выжиданіемъ ослабленъ духъ въ непріятелѣ, тогда только должно приступать къ атакѣ, атаковать внезапно и рѣшительно; заблаговременная извѣстность нападенія отнимаетъ силу у него, а нерѣшительность нападенія ведетъ къ напраснымъ потерямъ. Въ горной войнѣ надобно быть выжидательну и хитру, какъ льву. Военныя соображенія лезгинъ далеко превосходятъ соображенія чеченцевъ. Всѣ извѣстные предводители горцевъ были аварцы; всѣ важнѣйшія предпріятія, даже въ самой Чечнѣ, начинались и совершались аварцами.

«Соображенія горцевъ здравы, дальновидны, всегда основаны на знаніи мѣстности и обстоятельствъ. Когда угрожаетъ опасность одному непріятельскому пункту, они обращаются туда, гдѣ ихъ не ожи-

Digitized by Google

дають, въ ту часть края, которая обнажена отъ войскъ; такимъ образомъ развлекаютъ наши силы и ободряютъ своихъ. При слабости съ нашей стороны, дѣлаютъ одновременныя вторженія съ нѣсколькихъ сторонъ или самыя быстрыя и нечаянныя нападенія на удаленныя отъ нихъ мѣста, гдѣ ихъ вовсе не ожидаютъ. Чеченцы и горцы одинаково искусно пользуются мѣстностью, но лезгинцы превосходятъ чеченцевъ въ искусствѣ укрѣпляться, и эта часть доведена у нихъ до совершенства. Завалы и укрѣпленія ихъ имѣютъ всегда сильный перекрестный огонь. Противъ артиллеріи они вырываютъ канавы съ крѣпкими навѣсами, засыпанными землею, гдѣ они совершенно безопасны отъ ядеръ и гранатъ, а для большей безопасности защитниковъ дѣлаютъ крытые ходы; иногда подземныя канавы устраиваются въ нѣсколько ярусовъ. Вообще-же завалы дѣлаются изъ камня или деревянныхъ срубовъ, пересыпанныхъ землей. Чеченцы дерзки при нападеніи, еще дерзче въ преслѣдованіи, но не имѣютъ стойкости и хладнокровія. Лезгины, наоборотъ, не такъ смѣлы, не такъ быстры и предпріимчивы, какъ чеченцы, но болѣе стойки и рѣшительны. Чеченцы способны къ наѣздничеcкой войнѣ: они дѣлаютъ быстро внезапныя вторженія въ наши предѣлы, пользуются всякимъ случаемъ, чтобы напасть въ расплохъ на фуражировъ, на обозъ, на партіи, неутомимо тревожатъ наши аванпосты и цѣпи, т. е. ведутъ партизанскую войну. Лезгины ведутъ войну положительную, съ важными цѣлями—завоеванія или защиты своихъ обществъ; встрѣчаютъ насъ, большею частью, открытымъ боемъ на крѣпкихъ позиціяхъ; усиливаютъ ихъ завалами, башнями, подземными канавами съ навѣсами; занимаютъ пещеры, переправы черезъ рѣки, овраги и держатся въ нихъ съ удивительною рѣшимостью, дерутся до послѣдней крайности. На позиціяхъ же некрѣпкихъ или удобо-обходимыхъ слабо защищаются; на обозы и партіи фуражировъ рѣдко нападаютъ. Различіе въ образѣ войны происходитъ сколько отъ различія племенъ, столько отъ быта и мѣстности Дагестана и Чечни. Большая и Малая Чечня ровны и покрыты лѣсомъ; мѣстность доступная и обходимая.

Digitized by Google

Въ Дагестанѣ встрѣчаются во всѣхъ горахъ тѣснины отвѣсными стѣнами; встрѣчаются горы, на которыя ведетъ одна тропинка, пещеры, въ которыя можно спуститься только по веревкѣ, переправы, къ которымъ можно приблизиться только по карнизу, подъ огнемъ изъ заваловъ, скрытыхъ отъ всякаго выстрѣла, и пещеръ въ самыхъ скалахъ. Самая постройка ауловъ у лезгинъ придаетъ имъ рѣшимость. Брать съ боя лезгинскій аулъ дѣло отчаянное и допускается только въ обстоятельствахъ, особенно важныхъ для края. Постройки лезгинъ всѣ изъ камня, плитъ или голышей, хорошо сложенныхъ на глинѣ въ одинъ или два яруса. Лезгинскія сакли въ родѣ замковъ; надъ многими устраиваются башни, а иногда сакли обнесены стѣною; въ каждомъ домѣ, въ каждой стѣнѣ продолблены бойницы, и весь аулъ представляетъ собою родъ крѣпости: каменныя хорошо оборонныя сакли примыкаютъ одна къ другой и сакля на саклю въ нѣсколько ярусовъ. Аулы или на ущельяхъ, или на уступахъ горъ— иногда примкнуты къ скаламъ, иногда окружены кручею; часто доступъ и самый въѣздъ въ нихъ чрезвычайно трудны. Улицы такъ узки, что трудно повернуться на конѣ; сверхъ того, нѣкоторыя сакли построены поперегъ улицы и оставлены только низкія ворота для проѣзда. Потеря, при штурмѣ аула, въ которомъ засядутъ горцы съ рѣшительнымъ намѣреніемъ защищаться, бываетъ чрезвычайно важна.»

Въ то самое время, когда мы дѣйствовали такимъ образомъ, безъ системы, и понапрасну губили солдатъ, отчаянно рѣзавшихся съ горцами подъ звуки боеваго марша съ аккомпаниментомъ пѣсни:

Эхъ, матушка родимая, прости, прости, прости!
Ахъ, дѣвица-красная, о павшемъ не грусти!
Эй, дьяволы-лохматые, вставайте на пути!
И-ихъ, душенька солдатская, рости, рости, рости!...

—Шамиль въ это время дѣлалъ свое дѣло. Принявъ подъ свою руку Дагестанъ и Чечню, имамъ заявилъ себя не только отличнымъ воиномъ, но еще болѣе великимъ администраторомъ. Вотъ самыя

Digitized by Google

видныя распоряженія, сдѣланныя имъ въ эти и въ послѣдующіе годы: вся подвластная ему страна раздѣлена была на наибства (около тысячи дворовъ въ каждомъ); изъ наибствъ составлялись области. Западная часть горной Чечни была отдана *Ахверды-Магомъ; Аухъ, Салатавія, Анди* и *Гумбетъ* (т. е. сѣверо-восточная часть его владѣній) *Шуаибъ-Муллѣ; Аварія—Хаджи-Мурату,* уже перешедшему къ нему; *Тилитль* и сосѣднія общества по правой сторонѣ Аварскаго койсу—*Кибитъ-Магомъ.* Всѣ горцы обязаны были нести военную службу съ 16 до 60 лѣтъ, и каждый долженъ былъ имѣть винтовку, пистолетъ и шашку, а болѣе богатые и лошадь. Сборы на войну бывали поголовные и частные и приводились въ исполненіе съ удивительной быстротой и послушаніемъ *). Себя Шамиль окружилъ стражею изъ самыхъ приверженныхъ мюридовъ (до 600 челов.), называвшихся *муртазигетами.* Порохъ, хотя довольно плохаго качества, выдѣлывается въ Дагестанѣ, откуда его получали и чеченцы; пороховые заводы были въ *Ведено, Гунибѣ* и *Унцукулѣ.* Сѣра добывалась въ горахъ, а селитра на заводахъ, напримѣръ въ *Гунибѣ.* Общества, гдѣ устроены были селитреные заводы, не отличались воинственностью и за выдѣлку селитры не только освобождались отъ военной службы, но получали еще до $1^1/_2$ р. с. на семейство. Холодное оружіе приготовлялось частными людьми, а огнестрѣльное получалось изъ Турціи. Оружіе, какъ святыня, переходило изъ рода въ родъ. Артиллерія состояла изъ пушекъ, отбитыхъ у насъ въ 1843 г.; отливались также и свои пушки (изъ мѣдной посуды), но плохо. Доходы имамовъ до Шамиля не были опредѣлены,—онъ опредѣлилъ и это. Они состояли: изъ части военной добычи *(хашусъ),* изъ штрафовъ, доходовъ съ земель аварскихъ хановъ, изъ одной десятой доли хлѣбныхъ произведеній *(зякетъ)* и изъ выморочныхъ имѣній.

*) Для предупрежденія нашихъ нечаянныхъ набѣговъ введена была кордонная и пикетная служба и устроены своего рода передовыя линіи.

Digitized by Google

Шамиль отличался полнѣйшимъ безкорыстіемъ и употреблялъ всѣ излишки своихъ доходовъ на общее дѣло, такъ что былъ взятъ почти что ни съ чѣмъ. Награды его до 1841 г. состояли изъ подарковъ, а съ образованіемъ въ этомъ году муртазигетовъ — установлены были серебряныя медали на подобіе полумѣсяца; въ 1842 г. установленъ былъ знакъ отличія на подобіе нашей звѣзды; ее получили тогда же: *Шуаибъ-Мулла, Ахверды-Магома* и *Уллу-Бей*. Захваченныя въ 1842 г. въ Кази-Кумыхѣ знамена, высочайше пожалованныя кази-кумыхскому и кюринскому ханамъ, онъ отдалъ *Шуаибъ-Муллѣ* и *Уллу-Бею*, въ награду за ихъ отличныя дѣйствія противъ Граббевъ Ичкеринскомъ лѣсу. Наказанія, назначаемыя не иначе, какъ по публичному суду, состояли изъ штрафовъ, изъ сажанія въ яму, даже на нѣсколько мѣсяцевъ; трусамъ обшивали правую руку войлокомъ, впредь до исправленія; смертная казнь производилась въ присутствіи Шамиля, для чего при немъ и находился постоянно палачъ съ сѣкирою, эмблемой власти имама. Строгость жизни, обязательная сначала для однихъ мюридовъ, сдѣлана была обязательною для всѣхъ: запрещены были пѣніе, танцы, табакъ и самое ничтожное употребленіе хмѣльнаго. Такимъ-то манеромъ Шамиль успѣлъ соединить необузданныхъ горцевъ въ одинъ народъ и, съ самыми ничтожными средствами, сопротивлялся намъ цѣлыхъ 24 года до такой степени, что много разъ заставлялъ насъ отчаиваться во всякомъ успѣхѣ. Кромѣ дарованій, необходимыхъ для военачальника и правителя, онъ обладалъ двумя качествами, чрезвычайно цѣнимыми всѣми людьми вообще, а горцами въ особенности: безкорыстіемъ и правосудіемъ; онъ не задумался бы снести голову и родному сыну, если бы тотъ заслужилъ это. А какимъ образомъ онъ дѣйствовалъ на горцевъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1843 г. чеченцы, тѣснимые нами, послали къ нему въ Дарго депутацію, которая должна была сказать, что если онъ не пришлетъ чеченцамъ помощи, то имъ не остается болѣе ничего дѣлать, какъ покориться русскимъ. Боясь явиться прямо къ имаму, начальствовавшій по-

Digitized by Google

сольствомъ чеченецъ *Теги* сначала обратился съ просьбою о заступничествѣ къ престарѣлой матери Шамиля и поднесъ ей подарки. Надобно замѣтить, что Шамиль чрезвычайно уважалъ свою старую мать и по ея просьбѣ отмѣнялъ смертные приговоры. На просьбу матери Шамиль объявилъ, что не можетъ дать никакого отвѣта до тѣхъ поръ, пока не испроситъ откровенія свыше, для чего пойдетъ молиться въ мечеть, и проситъ даргинцевъ также собраться вокругъ мечети и молиться съ нимъ вмѣстѣ. Мечеть, окруженная молящимся народомъ, оставалась запертою три дня и три ночи. По истеченіи этого времени, показался Шамиль, блѣдный и изнуренный. Трепещущіе чеченцы и весь народъ пали ницъ, ожидая отвѣта. «Я молился три дня и три ночи, сказалъ Шамиль тихимъ голосомъ,—и удостоился получить отвѣтъ пророка, вотъ онъ: дать сто ударовъ плетью тому, отъ кого отъ перваго услышалъ просьбу о покорности русскимъ. О, горе мнѣ, горе! это была мать моя! Но да будетъ исполнена святая воля пророка!» Старушку раздѣли и положили на землю. Послѣ 5-го удара она лишилась чувствъ. Тогда Шамиль бросился передъ ней на колѣни, плакалъ, просилъ прощенія и объявилъ, что принимаетъ на себя всѣ остальные удары. Обѣщавъ смерть тому, кто будетъ бить слабо, онъ снялъ свою красную чуху и безропотно принялъ 95 ударовъ. Окровавленный, онъ всталъ на ноги и сказалъ, обращаясь къ обезумѣвшимъ отъ ужаса чеченцамъ: «ступайте къ тѣмъ, кто послалъ васъ, и передайте, что видѣли». Слѣдствіемъ этого поступка было переселеніе надтерекскихъ и надсунженскихъ чеченцевъ въ горы и безпощадная казаватъ. Прибавимъ еще здѣсь кстати, что Шамиль былъ надѣленъ отъ природы удивительно чувствительною нервной системой, доводившей его иногда даже до ясновидѣнія. При томъ же, какъ ни странно это покажется, грозный глава мюридовъ обладалъ въ высшей степени добрымъ сердцемъ. Прочтите записки о его жизни въ Калугѣ, Руновскаго—и вы убѣдитесь въ истинѣ этихъ словъ. Нельзя безъ умиленія читать разсказы про нѣкоторыя его сужденія и поступки,

Digitized by Google

показывающіе младенчески-ясную и чувствительную душу этого сына природы. Всѣ его жестокіе поступки были слѣдствіемъ политической необходимости, неуклоннаго правосудія, незнакомства съ цивилизаціей и вліянія фанатическаго ученія Корана. Про его умъ и про тотъ удивительный тактъ, съ которымъ онъ держалъ себя послѣ плѣна, говорить нечего—это всѣмъ намъ извѣстно.

Въ 1842 г. военный министръ гр, Чернышевъ, объѣзжая Кавказъ, отдалъ приказъ прекратить на два года всѣ наступательныя дѣйствія, отъ чего ожидали самыхъ благихъ послѣдствій. Въ 1833 году на записку о способѣ покоренія горцевъ, представленную генер. Вельяминовымъ, изъ Петербурга отвѣчали, что предлагаемыя мѣры прекрасны, но онѣ отдалятъ окончательное покореніе Кавказа, назначенное въ 1835 г. Распоряженіе гр. Чернышева показываетъ, до какой степени въ протекшія 9 лѣтъ измѣнилось мнѣніе о Кавказской войнѣ въ высшихъ военныхъ сферахъ.

Наступилъ 1843 годъ, и вмѣсто успокоительныхъ извѣстій начали отовсюду доноситься слухи о новыхъ замыслахъ Шамиля. Да и могло-ли быть иначе, когда война составляла всю его силу? Въ это время онъ уже властвовалъ надъ всей Чечней, но въ Дагестанѣ мы владѣли еще Хунзахомъ, *Гергебилемъ* и всѣми укрѣпленіями на соединеніи Хунзаха съ Темиръ-Ханъ-Шурой, построенными генер. Фези въ въ 1837 г. Укрѣпленія эти были, большею частію, малы, плохи и не могли оказать надежнаго сопротивленія. Начавъ неожиданно нападеніе съ *Унцукуля*, Шамиль въ 2 недѣли побралъ всѣ эти укрѣпленія вмѣстѣ съ орудіями, въ нихъ находившимися. Малочисленные гарнизоны бились отчаянно, но ничего не могли сдѣлать противъ огромныхъ скопищъ мюридовъ. Начальникъ *Цатаниха*, подполковникъ *Веселитскій*, донеся генералу *Клюгенау*, что онъ сдѣлаетъ то, что Богъ и совѣсть ему повелѣваютъ, бросился съ 350 чел. и 2 орудіями на помощь *Унцукулю* и погибъ со всѣмъ своимъ отрядомъ; только одному горнисту удалось какимъ-то чудомъ переплыть бѣшеное Аварское

Digitized by Google

койсу и принести извѣстіе о гибели отряда; офицеры Веселитскаго не сдавались и были всѣ изрублены. Прапорщика *Василія Ивановича Потемкина,* взятаго въ плѣнъ, мюриды уговаривали сначала лаской наводить орудія на русскій отрядъ. Потемкинъ отказался; тогда его начали мучить: сначала отрѣзали ухо, потомъ другое, потомъ носъ и затѣмъ стали жарить на медленномъ огнѣ. Герой умеръ на раскаленныхъ угольяхъ, повторяя слова, что онъ русскій и не измѣнитъ своему долгу. Тѣло его бросили въ воду. Спустя нѣсколько времени, вблизи Евгеньевскаго укрѣпленія, былъ прибитъ къ берегу волнами Сулака обезображенный трупъ изуродованнаго человѣка. Солдаты вынули его изъ воды и похоронили съ почестями, принявъ за тотъ, въ которомъ жила великая душа Вас. Ив. Потемкина. *Унцукуль* сдался, когда въ немъ, послѣ десятидневной осады, не осталось ни воды, ни зарядовъ, и изъ 140 чел. гарнизона осталось въ живыхъ только 60 человѣкъ, и то почти все раненыхъ. Защитнику Унцукуля, поручику *Аносову,* Шамиль, въ уваженіе его храбрости, оставилъ шашку. Потеря мюридовъ подъ Унцукулемъ была болѣе 1,000 чел. При осадѣ горцы употребляли изобрѣтенныя ими оригинальныя траншеи, состоявшія изъ кучекъ дровъ: перекидывая сзади на передъ полѣнья, они такимъ образомъ подвигались къ крѣпости, подъ прикрытіемъ этого движущагося бруствера. Въ *Цатаныхъ* штабсъ-капитанъ *Дементьевъ,* послѣ нѣсколькихъ штурмовъ, положилъ на брустверъ тѣла убитыхъ и изъ за этого страшнаго вѣнца баррикады билъ, что называется, на выборъ; когда у него изъ двухъ ротъ осталось всего 20 чел., онъ заперся съ ними въ саклѣ и сгорѣлъ тамъ вмѣстѣ со всѣми оставшимися, отвергнувъ всякое предложеніе о сдачѣ. Другія ничтожныя укрѣпленія, напр. *Моксохъ* съ 50 чел. гарнизона, были быстро взяты Шамилемъ. Командовавшій тогда войсками въ нагорномъ Дагестанѣ, генералъ *Клюки-фонъ-Клюгенау,* лично храбрый, но не имѣвшій способностей, необходимыхъ военачальнику въ такое трудное время, растерялся. Оста-

Digitized by Google

вивъ въ крѣпостяхъ малочисленные гарнизоны на жертву Шамилю, онъ удалился въ Хунзахъ. Когда пришелъ къ нему съ юга чрезъ главный хребетъ князь *Аргутинскій-Долгоруковъ*, дѣло уже было потеряно; да на бѣду еще оба генерала не ладили между собою. *Гергебиль* былъ взятъ въ глазахъ генераловъ *Гурко* и Клюгенау, стоявшихъ на ближнихъ высотахъ *Кутиши* и не пособившихъ дѣлу. По смерти начальника гергебильскаго гарнизона, майора *Шаганова*, крѣпость сдалась, когда въ ней изъ 400 осталось въ живыхъ только 50 чел. Клюгенау ушелъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а Аргутинскій въ Кази-Кумыхъ. Одиннадцатаго ноября Шамиль осадилъ Шуру и Низовую. Осада *Низовой* продолжалась до 19 ноября. Осажденные отбивались на смерть и были выручены начальникомъ лѣваго фланга, генераломъ *Фрейтагомъ*, пришедшимъ съ Черноморской линіи. 14-го декабря онъ же освободилъ и Шуру (имѣвшую, вмѣстѣ съ жителями, 4 тыс. гарнизона противъ 50 тысячъ осаждающихъ), а 15-го разбилъ и отбросилъ Шамиля назадъ отъ *Казанищъ*. Такимъ образомъ, въ три мѣсяца Шамиль выбилъ насъ изъ всего Дагестана; остался одинъ *Пассекъ* въ Хунзахѣ. Видя невозможность удержать укрѣпленіе, онъ очистилъ его, устроивъ дѣло такъ, что горцы, кинувшіеся въ укрѣпленіе по уходѣ русскихъ, взлетѣли на воздухъ вмѣстѣ съ пороховымъ погребомъ, и по дорогѣ былъ запертъ въ *Зырянахъ*, гдѣ геройски выдержалъ мѣсячную осаду, питаясь кониной, не имѣя ни съ кѣмъ сообщенія и не получая ни откуда извѣстій. Послѣ сраженія при Казанищахъ, 17-го декабря, его выручилъ Гурко. Таковъ былъ несчастный для насъ 1843 годъ, сдѣлавшій Шамиля полнымъ обладателемъ Чечни и Дагестана.

Надобно сказать также, что въ это время наша кавказская армія была вооружена крайне плохо и неудобно. Всѣмъ памятны тогдашнія знаменитыя гладкоствольныя кремневыя ружья: длинныя, тяжелыя, разстрѣленныя, съ укороченнымъ штыкомъ, съ огнивомъ, дающимъ очень мало огня, и огромной затравкой, выглядывавшей

Digitized by Google

изъ подъ полки. Ружья эти извѣстны были подъ насмѣшливымъ прозвищемъ мѣшалокъ, которыми мѣсятъ квашню. Во время дождя огниво ихъ вовсе не давало огня. Командовавшій Апшеронскимъ полкомъ, подполковникъ Лясинскій, сдѣлалъ образцовое огниво къ ружью мастеровыми полка. Огниво было такъ великолѣпно, что искры, спадая съ полки, шипѣли на полу. На весь полкъ огнивы обошлись бы, по исчисленію, 800 р. асс. или 227 р. 14½ к. сер., но этотъ *экстраординарный* расходъ не былъ утвержденъ. На представленіе генералу Клюгенау о необходимости введенія коротко-стволыныхъ швейцарскихъ штуцеровъ съ длинымъ штыкомъ сабельной формы— даже не отвѣчали. Изъ сумъ, носимыхъ сзади, патроны можно было доставать не иначе, какъ съ великимъ трудомъ. Висѣвшій тоже сзади тесакъ колотилъ солдата во время похода по ногамъ, а желѣзо, изъ котораго онъ былъ сдѣланъ, было такъ хорошо, что его можно было стругать черкесскою шашкой вмѣсто лучины. Въ случаѣ если горецъ перерубалъ шашкой ружейный штыкъ пополамъ (зачастую и это бывало!), у солдата не было даже перочиннаго ножа, чтобъ кольнуть горца. Введенныя для удобства, сообразно мѣстнымъ условіямъ и въ подражаніе черкесамъ, папахи были такъ хороши и удобны, что, бывало, солдатъ ляжетъ спать на землю, во время похода, и подложитъ подъ голову или мѣшокъ съ сухарями, или кулакъ, а жесткая, какъ камень, папаха, да еще на бѣду съ мѣдной струйкой «за отличіе», валяется возлѣ. Противъ вооруженныхъ такимъ образомъ войскъ стоялъ горецъ; на которомъ все было пригнано превосходно и который въ полномъ вооруженіи могъ прыгать съ одного дерева на другое, какъ векша; поставивъ свою нарѣзную винтовку на сошки, онъ билъ на выборъ. Горцы вовсе не были такими удивительными стрѣлками, какими обыкновенно ихъ прославляли: они дѣйствительно отлично стрѣляли съ присошки, но съ руки плохо. Съ присошки горецъ смотрѣлъ въ дырочку, проколотую какъ иголкой, въ діоптрикѣ надъ хвостомъ казенника, и, наведя стволъ на видимый пред-

Digitized by Google

метъ, попадалъ вѣрно; но когда человѣкъ шелъ зигзагами, что обыкновенно и дѣлалось,—тогда слѣдовалъ вѣрный промахъ. При томъ же старинныя горскія винтовки требовали много времени для заряжанья. Надо признаться, что мы дѣйствительно въ то время сами, изо всѣхъ силъ, помогали успѣхамъ Шамиля. Что было бы, еслибъ у горцевъ были настоящіе штуцера и, главное, настоящая артиллерія?

Несчастный 1843 г. заставилъ насъ, наконецъ, образумиться. Возобновлено было званіе главнокомандующаго и имъ назначенъ былъ въ 1844 г. *князь Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ*, начавшій свою военную службу еще въ школѣ знаменитаго Ціціанова.

Князь Воронцовъ сначала тоже долженъ былъ заплатить дань предшествовавшему періоду. *Даргинская экспедиція*, предпринятая имъ въ 1845 г., окончилась разореніемъ шамилевской столицы Дарго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшными съ нашей стороны потерями, а главное—она не принесла никакого положительнаго результата. Обнаружившійся, по взятіи Дарго, недостатокъ въ провіантѣ вынудилъ главнокомандующаго послать колонну за перевалъ въ Анди, куда въ то время былъ подвезенъ провіантъ. Движеніе этой колонны осталось памятнымъ въ нашихъ войскахъ подъ именемъ *сухарной экспедиціи*. Потери, понесенныя ею, были громадны, а вмѣсто десятидневнаго провіанта успѣли доставить его лишь на 3 дня. Недостатокъ провіанта заставилъ, бросивъ Дарго, поспѣшить отступленіемъ, а огромное число раненыхъ затрудняло движеніе и сдѣлало для насъ воспоминаніе о Даргинской экспедиціи однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ. Мюриды, при отступленіи отъ Дарго, чтобъ не стѣсняться плѣнниками, всѣхъ ихъ перерѣзали. Захваченные потомъ солдаты были розданы Шамилемъ въ рабство горцамъ, по его усмотрѣнію. Въ эту страшную экспедицію и въ еще болѣе страшное отступленіе назадъ, чрезъ Ичкеринскій лѣсъ, на протяженіи 15 верстъ, понесены были самыя громадныя потери: были убиты 3 генерала—*Викторовъ*, *Бѣлявскій* и извѣстный

Digitized by Google

намъ *Пассекъ*, большое число штабъ и особенно оберъ-офицеровъ и небывалое число солдатъ; самъ князь Воронцовъ вынужденъ былъ взять солдатское ружье для собственной защиты, и — не явись, какъ спаситель, все тотъ же *Фрейтагъ* съ своимъ отрядомъ — Богъ вѣдаетъ, какая участь постигла бы оставшіяся войска. Урокъ былъ жестокій, но онъ былъ и послѣднимъ. Съ этого времени была совершенно измѣнена система дѣйствій. Князь Воронцовъ сталъ дѣйствовать, сообразно давно уже высказанному предложенію Вельяминова, медленно, но за то вѣрно.

Тѣмъ, что русскіе отказались отъ дальнихъ экспедицій, рѣшилась судьба Кавказа. Шамиль отлично понялъ грозившую ему опасность. Переселившись въ 1845 г. въ *Ведено*, сильно имъ укрѣпленный, онъ въ 1885 г. говорилъ Исаку Громову, посланному къ нему въ Дарго для переговоровъ о выкупѣ княгини Орбельяни и Чавчавадзе: «Я не смѣю равняться съ могущественными государями—я простой татаринъ Шамиль; но моя грязь, мои лѣса и ущелья дѣлаютъ меня сильнѣе многихъ государей. Еслибъ я могъ, я умастилъ бы драгоцѣннымъ масломъ каждое дерево моихъ лѣсовъ, а грязь дорогъ смѣшалъ бы съ благовоннымъ медомъ,—такъ дорожу я моими лѣсами и моими дурными дорогами: они то и составляютъ мое могущество. Великій царь русскій, который не хочетъ покориться тремъ царямъ, со мной ничего не можетъ сдѣлать, хотя и не перестаетъ посылать ко мнѣ свои войска». Живя въ Калугѣ, онъ говорилъ впослѣдствіи: «какъ только Воронцовъ началъ рубить лѣса, я увидѣлъ, что русскіе вышли на настоящую дорогу».

Послѣ 1845 г. дѣйствія кн. Воронцова не были блестящи: не было дальнихъ экспедицій, не было кровопролитныхъ битвъ, строились только новыя передовыя укрѣпленія и между ними рубились по зимамъ просѣки, да заселялись новыя линіи, а результатъ, между тѣмъ, былъ тотъ, что въ 1855 г. кн. Барятинскій могъ съ небольшою потерею пройти всю Большую Чечню, недо-

Digitized by Google

ступную для насъ съ 1840 года. Мало-по-малу мы подвинулись къ самому подножію Черныхъ горъ. При Ермоловѣ просѣки рубились только на ружейный выстрѣлъ съ каждой стороны, а при Воронцовѣ пришлось рубить на пушечный, такъ какъ у горцевъ была уже артиллерія. Въ 1846 г. извѣстнымъ генераломъ *Слѣпцовымъ* была заселена и устроена *Сунженская линія*, и все непріязненное населеніе между новой линіей и передовыми просѣками или покорилось, или ушло въ горы. Знаменитый командиръ сунженскаго казачьяго полка и основатель и начальникъ этой линіи, Николай Павловичъ *Слѣпцовъ*, къ несчастію, былъ убитъ въ 1851 году. На правомъ флангѣ, при кн. Воронцовѣ, начата была линія по р. Бѣлой и для покорившихся горцевъ возобновлены суды мехкѣме, устроенные еще Ермоловымъ, по народнымъ обычаямъ. Про управленіе кн. Воронцова краемъ говорить нечего: на каждомъ шагу встрѣчаются слѣды мудрой дѣятельности этого знаменитаго хозяина и администратора. Въ 1856 г. престарѣлый главнокомандующій просилъ увольненія, и его мѣсто заступилъ кн. Барятинскій, пользовавшійся огромною популярностью среди кавказской арміи.

Князь Барятинскій служилъ на Кавказѣ еще подъ начальствомъ Вельяминова и участвовалъ въ его походахъ въ 30-хъ годахъ; потомъ состоялъ до 1845 г. при государѣ наслѣдникѣ, а въ этомъ году опять отправился на Кавказъ подъ начальство кн. Воронцова. Сначала онъ командовалъ знаменитымъ кабардинскимъ полкомъ, потомъ былъ командиромъ всего лѣваго фланга, а въ 1853 г. былъ назначенъ начальникомъ главнаго штаба кавказской арміи. Мы не станемъ перечислять всѣхъ битвъ и походовъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, какъ противъ горцевъ, такъ и противъ турокъ,—скажемъ только, что назначеніе его главнокомандующимъ было встрѣчено на Кавказѣ съ всеобщимъ восторгомъ. Съ полнымъ знаніемъ Кавказа кн. Барятинскій соединялъ рѣшительность, осторожность и неуклонно шелъ къ своей цѣли. При

Digitized by Google

такомъ человѣкѣ принятая кн. Воронцовымъ система войны должна была проявиться въ полномъ блескѣ и увѣнчаться полнѣйшимъ успѣхомъ. Такъ и случилось.

Первое, что онъ сдѣлалъ,—это было новое административное раздѣленіе края. Всѣ начальники отдѣльныхъ частей получили полную возможность дѣйствовать самостоятельно, но въ тоже время подчинялись одной, разъ строго принятой системѣ. Устройство судовъ мехкѣме расположило къ новому главнокомандующему туземцевъ. Армія была увеличена и перевооружена: не мы стали бояться выстрѣловъ горцевъ, а они нашихъ. Словомъ сказать, въ памятномъ 1856 г. кавказская армія переродилась, какъ начала тогда перерождаться и вся Россія. Шамиль же, напротивъ того, терялъ все болѣе и болѣе свою популярность. Стѣсненные нами горцы лишились прежняго пыла, и имамъ, самою силою обстоятельствъ, изъ пророка превращался въ обыкновеннаго азіатскаго деспота; на призывъ его стекались неохотно и дезертировали при всякомъ удобномъ случаѣ; слово кази (святой) стало замѣняться словомъ тази (собака).

Весь 1857 г. кн. Барятинскій употребилъ на разработку просѣкъ и на окончательное очищеніе Чеченской плоскости. Кубанская линія была также усилена.

Къ 1858 году мы были готовы къ окончательному наступленію въ горы. Наступленіе это рѣшено было произвести единовременно съ 3-хъ сторонъ: изъ Чечни долженъ былъ двинуться командиръ лѣваго фланга, генералъ *Евдокимовъ,* изъ прикаспійскаго Дагестана —генералъ *Врангель* и съ Лезгинской линіи—баронъ *Вревскій.* Мы не станемъ описывать подробностей этого знаменитаго наступленія,—оно шло, какъ по командѣ. Къ концу года Черныя горы были пройдены. Напрасно Шамиль бросался изъ стороны въ сторону, думая поднять горцевъ,—они покорялись и ихъ переселяли на плоскость тысячами. 1 апрѣля 1859 г., послѣ правильной осады, была взята столица имама—*Ведено,* и Шамиль бѣжалъ въ Дагестанъ.

Digitized by Google

Его неотступно преслѣдовали, и онъ долженъ былъ, наконецъ, всего съ 400 мюридами и 4 орудіями, заключиться въ своемъ послѣднемъ, заранѣе приготовленномъ имъ убѣжищѣ—*Гунибѣ*. Главнокомандующій, его начальникъ штаба—бывшій военный министръ Милютинъ и всѣ войска 10 августа 1859 года собрались подъ Гунибомъ.

Гунибъ, мѣтко прозванный нашими солдатами горой-гитарой, по сходству съ очертаніемъ этого инструмента, безъ шейки, стоитъ совершенно отдѣльно отъ прочихъ горъ и имѣетъ внизу до 60 верстъ въ окружности; крутые скаты его оканчиваются вверху отвѣснымъ каменнымъ поясомъ въ нѣсколько десятковъ саженъ вышины; верхняя площадь горы составляетъ не менѣе 100 квадр. верстъ, и къ ней ведетъ только одна тропинка, которую Шамиль укрѣпилъ высокою стѣной съ бойницами. На Гунибѣ находится аулъ, березовыя рощи, мельницы, пастбища, пахатныя поля и все, что необходимо для жизни человѣка. Шамиль разсчитывалъ удержаться здѣсь, въ надеждѣ, что позднее время года заставитъ насъ отступить отъ Гуниба, а дальше—что Богъ дастъ. На предложеніе сдаться старый предводитель мюридовъ сначала далъ гордый отвѣтъ: «Гунибъ—гора высокая; я сижу на ней. Надо мной, еще выше, Богъ. Русскіе стоятъ внизу. Пусть штурмуютъ!» Но когда охотники изъ солдатъ взобрались на веревкахъ по недоступной на глазъ дождевой промоинѣ, и встрѣтившіе ихъ мюриды были всѣ переколоты; когда главнокомандующій послалъ вновь предложеніе о сдачѣ, выставляя на видъ безполезные ужасы штурма; когда все семейство Шамиля стало умолять его о спасеніи,—желѣзная воля имама сломилась, и онъ сдался 25 августа 1859 г. Князь Барятинскій принялъ его, сидя на камнѣ въ березовой рощѣ, которая и носитъ съ тѣхъ поръ названіе рощи князя Барятинскаго.

Ожидая, что его встрѣтятъ словами: «Что, донгузъ *), гдѣ твоя шашка, которую ты мнѣ предлагалъ взять самому?»—и потребуютъ

*) Свинья.

Digitized by Google

отдачи оружія, Шамиль рѣшился тотчасъ же заколоть себя, еслибъ это ожиданіе исполнилось. Но когда съ нимъ заговорили дружескимъ языкомъ, онъ сначала не повѣрилъ своимъ ушамъ, поблѣднѣлъ и совершенно спутался въ отвѣтѣ. Изумленіе его возростало все болѣе и болѣе, когда онъ видѣлъ со всѣхъ сторонъ къ себѣ только самое искреннее вниманіе и уваженіе. Милости, которыми Шамиль былъ осыпанъ, наполнили сердце его благоговѣніемъ къ особѣ государя императора, а всеобщее радушіе и знаки самаго глубокаго уваженія, которые ему оказывали всюду, какъ знаменитому герою, сдѣлали изъ него самаго искренняго друга русскихъ. Непонуждаемый никѣмъ, онъ принялъ присягу на вѣрноподданство за себя и за своихъ дѣтей, и, проживъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ нѣсколько лѣтъ въ Калугѣ, былъ отпущенъ въ Мекку, гдѣ пожелалъ окончить свою бурную и многотрудную жизнь.

Если русскіе удивляли Шамиля своимъ великодушіемъ, то онъ, съ своей стороны, удивлялъ ихъ не менѣе искреннею добротой и необыкновеннымъ тактомъ, съ которымъ онъ велъ себя. Въ Константинополѣ, на пути въ Мекку, ему была приготовлена встрѣча съ султаномъ, при которой повелитель правовѣрныхъ обнялъ и— какъ тогда писали въ газетахъ—поцѣловалъ руку престарѣлаго имама. Изъ Мекки онъ писалъ къ в. князю, кавказскому намѣстнику, письмо, въ которомъ просилъ о неоставленіи своихъ дѣтей, оставшихся на службѣ въ Россіи. Письмо это написано восточнымъ витіеватымъ слогомъ.

Да, скажемъ въ заключеніе, необыкновенна жизнь этого человѣка, который боролся противъ насъ почти безъ средствъ цѣлые 24 года—и если палъ, то палъ такъ, какъ падаютъ истинные герои.

Со сдачей Шамиля, которой сначала съ трудомъ вѣрили въ Россіи, окончилась война на лѣвомъ флангѣ.

Война на правомъ флангѣ до 1860 г. велась по прежнему оборонительному способу въ перемежку съ набѣгами. Этими послѣд-

Digitized by Google

ними особенно прославился командовавшій Кубанской линіей въ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ генералъ *Засс*. Человѣкъ характера твердаго, веселаго, вѣрный данному слову, всегда шутливый съ горцами, Засс пользовался уваженіемъ черкесовъ, которые чтили въ немъ истинно рыцарскую храбрость. За тѣ штуки и фокусы, которые онъ имъ показывалъ, съ помощію волшебныхъ зеркалъ, панорамы, электрической машины, музыкальной табакерки и проч., черкесы прозвали Засса шайтаномъ. Штуками этими онъ сильно дѣйствовалъ на воображеніе горцевъ и извлекалъ изъ того для себя значительную выгоду. То, бывало, велитъ пріѣхавшимъ къ себѣ въ гости черкесамъ стрѣлять въ себя изъ пистолета, вынувши незамѣтно изъ него пулю; то увѣритъ ихъ, что можетъ изъ пороха дѣлать золото; а одинъ разъ прикинулся мертвымъ, и когда приглашенные горцы, увидавъ его на столѣ, въ саванѣ, съ тремя восковыми свѣчами у изголовья, разнесли быстро въ горахъ вѣсть о смерти шайтана,—шайтанъ тутъ-то и пожаловалъ къ нимъ съ своими чугунными и свинцовыми орѣхами. Наивные горцы не понимали только, для чего это русскіе отбиваютъ и заселяютъ ихъ земли: земля, по ихъ понятію, дана Богомъ одинаково всѣмъ людямъ, и война должна быть ни чѣмъ инымъ, какъ удалой потѣхой, съ наградой за удальство изъ добычи.

Такъ какъ черкесы получали оружіе и порохъ изъ Турціи, то для прекращенія этого въ 1830 г. была устроена *Черноморская береговая линія*. Цѣль ея была та, чтобы, занявъ укрѣпленіями всѣ устья сколько нибудь значительныхъ рѣчекъ, лишить пристанища турецкія суда, привозившія черкесамъ эти товары. Черноморская линія, стоившая огромныхъ денегъ и большаго числа солдатъ, умиравшихъ, какъ мухи, отъ лихорадокъ, въ отдаленныхъ отъ всего міра береговыхъ укрѣпленіяхъ, не достигала своей цѣли. Легкія турецкія кочермы могли приставать во множествѣ устьевъ малыхъ рѣченокъ, занять которыя всѣ не было никакой возможности. Наши военныя суда, крейсировавшія вдоль берега, также не были въ состояніи пре-

Digitized by Google

кратить контрабанду, а при открытіи восточной войны всѣ черноморскія укрѣпленія тотчасъ же должны были быть брошены и линія упразднена.

Восточная война показала намъ ясно, чѣмъ грозитъ Россіи черноморскій берегъ, занятый враждебными племенами, въ случаѣ повторенія противъ насъ подобной же европейской коалиціи. Стало ясно также, что тотъ, кто владѣетъ Кавказомъ, владѣетъ и Каспійскимъ моремъ, а владѣя имъ—владѣетъ всей нашей азіатской границей до Камчатки. Еслибъ какой-нибудь державѣ удалось овладѣть Кавказомъ, то, вооруживъ кочующія азіатскія племена нарѣзными винтовками, она легко могла бы превратить и всю нашу сибирскую пограничную линію въ такой же Кавказъ. Въ восточную войну мы были на одинъ шагъ отъ такой перспективы. Тутъ дѣло уже шло о самозащитѣ и о существованіи Россіи, и потому было бы просто преступленіемъ не покорить черноморскихъ горцевъ и оставить ихъ жить на прежнихъ мѣстахъ. Тотчасъ же послѣ 1859 г. рѣшено было приступить со всею энергіей къ покоренію западнаго Кавказа и къ непремѣнному выселенію горцевъ съ черноморскаго берега на Кубанскую плоскость, по сю сторону горъ, не отступая при этомъ хотя бы и передъ жестокими мѣрами.

Въ 1856 г. наша Кубанская линія находилась въ такомъ положеніи, что отъ впаденія въ Кубань Лабы она была подвержена постояннымъ нападеніямъ, и даже Екатеринодаръ не былъ вполнѣ безопасенъ. Линія по Бѣлой съ ея Бѣлорѣченскимъ укрѣпленіемъ была совершенно ничтожна. Князь Барятинскій, тотчасъ-же по вступленіи въ должность, усилилъ Бѣлорѣченскую линію постройкой *Майкопа,* возобновилъ *Анапу,* заложилъ линію по Адагуму и возобновилъ *Гагры,* запирающія единственный путь по берегу Чернаго моря въ мирныя части Закавказскаго края.

Послѣ сдачи Шамиля западные горцы упали духомъ. Жившій у абадзеховъ наибъ Шамиля *Мехметъ-Аминь* не имѣлъ и тѣни той власти, которою пользовался знаменитый имамъ. Въ 1859 г.

Digitized by Google

племена, жившія по верховьямъ Лабы и Бѣлой, также какъ и жившіе близь устьевъ Кубани — бжедухи и натухайцы, принесли покорность, а съ абадзехами генераломъ *Филипсономъ* былъ заключенъ договоръ; *Мехметъ-Аминъ* черезъ годъ уѣхалъ въ Турцію. Но представляется вопросъ: что значили эти замиренія или *маслагаты* съ народами, у которыхъ не было никакого правительства? Кто могъ отвѣчать за разбои и военныя дѣйствія противъ насъ такъ-называемыхъ замирившихся горцевъ? И могли ли мы, дѣйствуя, главнымъ образомъ, противъ племенъ, жившихъ по берегу Чернаго моря, оставить у себя во флангѣ племена, готовыя во всякую минуту поспѣшить на помощь нашимъ врагамъ и поднять противъ насъ оружіе? Замиренья эти не были новостью на Кавказѣ; они, лишая насъ возможности дѣйствовать, давали только горцамъ время оправиться, для того, чтобы начать войну съ новою силой. Но, какъ бы то ни было, договоръ съ абадзехами былъ заключенъ, и надо было выжидать того времени, когда они сами его нарушатъ.

Въ 1860 г. начальникомъ кубанскихъ войскъ назначенъ былъ переведенный съ лѣваго фланга, пожалованный графомъ, генералъ *Евдокимовъ*. Тогда же былъ составленъ планъ заселенія Закубанской плоскости и выселенія покорившихся племенъ, которымъ и были предложены хорошіе поземельные надѣлы; несоглашавшіеся на переселеніе стали выѣзжать въ Турцію. Такъ прошелъ 1861 годъ. Черноморскіе казаки, назначенные къ переселенію за Кубань на мѣста, оставленныя горцами, уперлись было сначала, но потомъ образумились, увидя, что отведенныя имъ мѣста гораздо лучше прежнихъ, и дѣло обошлось безъ особенно строгихъ мѣръ. Въ этомъ году по закубанскимъ рѣкамъ было поселено 35 казачьихъ станицъ. Абадзехи, увидя себя обойденными, не вытерпѣли и первые напали на насъ въ 1862 г. Тогда-то началась настоящая война противъ западныхъ горцевъ.

Война эта носитъ на себѣ тотъ совершенно оригинальный характеръ, что вмѣстѣ съ нею шло одновременно и заселеніе края.

Digitized by Google

Кромѣ военныхъ дѣйствій, тутъ все должно было быть разсчитано, до послѣдняго куля провіанта,—и надобно отдать справедливость, что это небывалое наступательное движеніе впередъ цѣлой массы населенія, двигавшейся за идущими впереди войсками, которыя должны были отбиваться отъ показывавшагося со всѣхъ сторонъ непріятеля, было исполнено съ геніальнымъ умѣньемъ. Графъ *Евдокимовъ* велъ войну, не останавливаясь; онъ говорилъ: «прежде удовлетворю послѣдняго изъ русскихъ, а остальное черкесамъ».

Наступилъ 1863 годъ; намъ угрожала новая европейская коалиція, и медлить нельзя было ни одной минуты; началась отчаянная борьба; она велась безпрерывно. Войска наши съ 1861 г. не видали надъ собой крови и провели цѣлые три года на бивуакахъ, зачастую не имѣя времени ни обогрѣться, ни обсушиться; днемъ солдаты, подъ черкесскими пулями, рубили просѣки, а ночью спали у огня, около котораго одна половина тѣла накаливалась, а другая леденѣла. Тутъ уже дѣло не шло о пощадѣ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны. Горько пришлось горцамъ раскаяваться въ своей вѣчной враждѣ другъ съ другомъ и всеобщемъ разъединеніи. Убыхи пробовали было созвать и устроить чрезвычайный союзъ *меджлисъ*, на которомъ было рѣшено: отправить посольство въ Константинополь, Парижъ и Лондонъ; наложить на все населеніе денежный сборъ; обнародовать призывъ къ священной войнѣ; послать помощь къ абадзехамъ и принудить къ тому же джигетовъ. Все это было исполнено, но было уже поздно, и толку никакого не вышло. Не нашлось ни одной личности, которая могла бы выдѣлиться изъ толпы, и гибель храбрѣйшаго изъ народовъ произошла безъ собственныхъ именъ.

Осенью 1863 г. явились неожиданно на помощь изъ за горъ шапсуги и убыхи въ своихъ войлочныхъ колпакахъ; они штурмовали наши укрѣпленія, построенныя по верховьямъ рѣкъ, но безуспѣшно. Между тѣмъ, положеніе нашихъ новыхъ поселеній

Digitized by Google

становилось отчаяннымъ. Вся мѣстность наполнилась шайками. Поселенцамъ грозила голодная смерть безъ казеннаго провіанта; лошади колѣли, выбивались изъ силъ; все пришло въ уныніе,—не унывалъ только одинъ графъ *Евдокимовъ:* онъ зналъ хорошо горцевъ и разсчитывалъ навѣрное, что съ наступленіемъ зимы они уйдутъ къ себѣ обратно. Такъ и случилось. Войска наши перевалились черезъ *Гойтхскій перевалъ* (отъ Пшиша къ Туапсе) на помощь войскамъ, дѣйствовавшимъ по побережью, и *21 мая 1864 года великій князь Михаилъ Николаевичъ*, намѣстникъ Кавказа, назначенный главнокомандующимъ въ 1863 году на мѣсто заболѣвшаго князя Барятинскаго, *послалъ изъ Ахчипсоу* (въ верховьяхъ Мзымты, къ сѣверо-востоку отъ мыса Адлеръ) *депешу государю императору о покореніи Кавказа.*

Такъ кончилась Кавказская война, окончаніемъ которой заставляли спѣшить еще болѣе событія 1863 года. Въ Трапезонтѣ, въ этомъ году, основанъ былъ изъ выходцевъ всѣхъ европейскихъ странъ комитетъ для пособія черкесамъ.

Несмотря на вполнѣ очевидную необходимость скорѣйшаго окончанія Кавказской войны, нельзя, однако же, оставаться равнодушнымъ къ роковой несчастной судьбѣ, постигшей западныхъ горцевъ. Переселеніе ихъ въ Турцію, о которомъ тогда такъ много шумѣли въ Европѣ, произошло помимо нашей воли. Правительство имѣло въ виду одну цѣль: сдвинуть горцевъ съ восточнаго берега Чернаго моря и заселить его русскими, а для населенія горцевъ имѣлось по сю сторону горъ до $1^1/_2$ милліона десятинъ. Но не было также никакихъ причинъ и удерживать ихъ отъ переселенія. Чтобы сдѣлать это послѣднее какъ можно менѣе бѣдственнымъ, наше правительство употребило всѣ средства, находившіяся тогда въ его распоряженіи. Вел. князь Михаилъ Николаевичъ разрѣшилъ зафрахтованіе нужнаго количества парусныхъ судовъ и пароходовъ. Были учреждены 3 коммиссіи для переселяющихся: въ Тамани, Новороссійскѣ и Туапсе. Неимущихъ горцевъ приказано

Digitized by Google

было перевозить на казенный счетъ; не имѣющимъ средствъ заплатить за переѣздъ было выдаваемо казенное пособіе по 1 р. с. на человѣка, считая въ томъ числѣ и дѣтей. Вольные судохозяева не имѣли права требовать платы на пароходахъ выше 3-хъ руб., а на парусныхъ судахъ выше 1 р. 75 к. сер., такъ что даже состоятельнымъ горцамъ приходилось доплачивать въ первомъ случаѣ только 2 р., а во второмъ—75 коп.; кромѣ того, грузовые компанейскіе пароходы, нанятые правительствомъ, перевозили горцевъ безплатно. Кромѣ коммиссій, за безобидною отправкою горцевъ смотрѣли командированные для того адъютанты его высочества. Для бѣднѣйшихъ горцевъ открыта была дача казеннаго провіанта; для больныхъ учреждены казенные лазареты. Совсѣмъ другаго рода сцены происходили на противоположномъ берегу. Хотя турецкое правительство прислало за горцами нѣсколько пароходовъ и не жалѣло пособій, но они расходились по рукамъ, и горцы вымирали на половину въ нѣсколько недѣль. Заграничныя газеты, видя эти бѣдствія уже на турецкомъ берегу, разумѣется, сваливали всѣ ихъ на насъ. Горцы были, въ полномъ смыслѣ слова, варварами, со всѣми хорошими, но и со всѣми ребяческими сторонами варварской природы. Изъ всѣхъ народовъ земли они знали только насъ и турокъ,—насъ, какъ враговъ и гяуровъ, турокъ, какъ друзей и святой народъ. Когда враги побѣдили, у нихъ естественно явилось желаніе искать убѣжища у друзей—тѣмъ болѣе, что въ своей родинѣ они покидали только камни, такъ какъ имущество почти у всѣхъ было истреблено войной. До войны населеніе западныхъ горцевъ считалось приблизительно около 500 тысячъ, въ Турцію ихъ переселилось около 250 тысячъ и до 80 тысячъ поселилось въ нашихъ владѣніяхъ, остальное погибло во время войны. Вслѣдъ за переселившимися въ 1863 и 1864 годахъ, вскорѣ потянулись новыя массы переселенцевъ, уже жившихъ нѣкоторое время подъ нашей властью. Однихъ побуждалъ фанатизмъ, другіе не хотѣли отстать отъ родственниковъ, третьи шли по-

Digitized by Google

тому, что міръ идетъ; всѣ ждали щедрыхъ и богатыхъ милостей отъ хункара (султана), который представлялся имъ идеаломъ всемогущества и неисчерпаемаго богатства. Что бы ни говорили выходящимъ, у нихъ былъ одинъ отвѣтъ: «намъ хорошо у васъ, но мы хотимъ положить наши кости на святой землѣ». Ихъ, разумѣется, не удерживали.

Правительство султана воспользовалось переселеніемъ горцевъ наилучшимъ для себя образомъ: оно почти цѣликомъ перевезло ихъ въ Европу и подирѣпило ими мусульманскій элементъ въ христіанскихъ областяхъ. И въ Турціи черкесы не нашли себѣ счастья— они тамъ таютъ, какъ воскъ, и ихъ, по всей вѣроятности, ожидаетъ конечное вымираніе; между ними мало женщинъ, а новыхъ женщинъ въ Турціи можно достать только за деньги. Русскіе нещадно покорили ихъ, но всегда обращались съ ними, какъ съ людьми, и они это хорошо понимаютъ. Въ 1871 г. многіе изъ выселившихся чеченцевъ возвращались обратно, и наше правительство не знало, что съ ними дѣлать, потому что свободныя земли уже всѣ были розданы: ихъ размѣстили до времени по чеченскимъ ауламъ. Возвратившіеся говорили: «русскіе покорили насъ — они гяуры, но у нихъ есть Богъ, а у турокъ никакого».—«Жалко смотрѣть на этихъ несчастныхъ»,—говорится въ корреспонденціи, описывающей это печальное возвращеніе на родину.

«Въ 1864 г., говоритъ г. Ѳадѣевъ, восточный берегъ Чернаго моря представлялъ необычайное зрѣлище. До тѣхъ поръ не было на свѣтѣ берега пустыннѣе кавказскаго. Населенный разбойниками, торговавшими только рабами, содержимый въ постоянной блокадѣ нашими крейсерами, онъ казался съ моря необитаемой землей: ни хижины, ни дымка на зеленомъ берегу, ни одного человѣка въ голубыхъ заливахъ. Только подъ ночь, когда разыграется буря или начнетъ слаться туманъ, можно было иногда замѣтить на темномъ морѣ очеркъ крадущейся подъ берегомъ кочермы. Если она шла къ землѣ—на ней была военная контрабанда, если отъ земли—на

Digitized by Google

ней были рабы. Никакое судно, занимающееся правильною торговлей, не смѣло приставать къ этому краю. На морѣ его встрѣчали пушки нашихъ крейсеровъ, на сушѣ винтовки и кинжалы горцевъ. Это былъ заколдованный берегъ, какъ въ сказкѣ, на который не дозволено ступать человѣку. И вдругъ все перемѣнилось. Весь берегъ унизался судами и покрылся народомъ. На каждой верстѣ, изъ 400 верстъ его протяженія, бѣлѣли паруса, подымались мачты, дымились трубы пароходовъ, на каждомъ мысу развѣвались флаги нашихъ пикетовъ, въ каждой балкѣ толпился народъ и стоялъ базаръ. Глядя съ моря, никогда никакой берегъ Англіи или Голландіи не представлялъ такой жизни и такой суматохи. Но движеніе рѣдѣло, по мѣрѣ того, какъ пустѣлъ берегъ,—то были похороны исчезавшаго народа».

Въ заключеніе приведемъ еще выписку изъ писемъ г. Ѳадѣева. «Нечего запираться,—продолжаетъ онъ,—горцы потерпѣли страшное бѣдствіе, потому что иначе и быть не могло. Они отказались отъ милостивыхъ предложеній, сдѣланныхъ имъ лично государемъ императоромъ въ 1861 году, и гордо приняли вызовъ на войну. Никакіе договоры съ тѣхъ поръ уже не были возможны, да и не съ кѣмъ было ихъ заключать при царившей у нихъ безладицѣ. Горцы сопротивлялись чрезвычайно упорно, не только въ открытомъ бою, но еще болѣе энергіей массы: они встрѣчали наши удары съ какимъ-то безчувствіемъ; какъ отдѣльный человѣкъ въ полѣ не сдавался предъ цѣлымъ войскомъ, но умиралъ, убивая, такъ и народъ, послѣ разоренія до тла его деревень, произведеннаго въ десятый разъ, цѣпко держался на прежнихъ мѣстахъ. Мы не могли отступить отъ начатаго дѣла и бросить покореніе Кавказа потому только, что горцы не хотѣли покориться. Надобно было истребить горцевъ на половину, чтобы заставить другую половину положить оружіе. Но не болѣе десятой части погибшихъ пало отъ оружія; остальные свалились отъ лишеній и суровыхъ зимъ, проведенныхъ подъ мятелями въ лѣсу и на голыхъ скалахъ. Особенно пострадала слабая часть на-

Digitized by Google

селенія—женщины и дѣти. Когда горцы столпились на берегу для отправленія въ Турцію, по первому взгляду была замѣтна неестественно малая пропорція женщинъ и дѣтей противъ взрослыхъ мужчинъ. При нашихъ погромахъ множество людей разбѣжалось по лѣсамъ въ одиночку, другіе забивались въ такія мѣста, гдѣ и нога человѣческая прежде не бывала. Летучіе отряды находили людей, совершенно одичавшихъ отъ долгаго одиночества. Разумѣется, такіе особняки большею частію гибли, но что было дѣлать? Позволяю себѣ повторить нѣсколько словъ гр. Евдокимова по этому поводу. Онъ сказалъ мнѣ: «я писалъ графу Сумарокову (начальнику шебшскаго отряда *), для чего онъ упоминаетъ въ каждомъ донесеніи о замерзшихъ тѣлахъ, покрывающихъ дороги? Развѣ великій князь и я этого не знаемъ? Но развѣ отъ кого нибудь зависитъ отвратить это бѣдствіе?»

Такъ окончилась Кавказская война.

Русскіе всегда были великодушны къ побѣжденнымъ врагамъ и, отдавая должное уваженіе ихъ достоинствамъ и храбрости, на другой же день послѣ примиренія, всегда готовы были протянуть руку тому, съ кѣмъ еще вчера рѣзались на смерть. Русскій, по своей добродушной славянской натурѣ, дерется безъ ненависти, и нашъ солдатъ, какъ скоро исполнилъ свой кровавый долгъ, тотчасъ же готовъ забыть прошедшее и отъ всей души полюбить своего вчерашняго врага. Горцы тоже не похожи на азіатскихъ фанатиковъ,—ихъ натура слишкомъ богата для этого. Нѣтъ сомнѣнія, что, при справедливости съ нашей стороны, скоро послѣдуетъ искреннее примиреніе такъ долго и такъ упорно враждовавшихъ между собой народовъ.

Съ покореніемъ Кавказа Россія приняла на себя обязанность устроить и осчастливить этотъ богатый край,—и надо надѣяться, что она исполнитъ ее.

---

*) Шебшь впадаетъ въ Кубань противъ Екатеринодара.

Digitized by Google

СООБЩЕНІЯ.

На Кавказъ можно ѣхать 3-мя путями: *1) сухимъ путемъ*—чрезъ Ростовъ-на-Дону, по жел. дорогѣ; *2) моремъ*—изо всѣхъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей, на Поти и Батумъ, и *3) моремъ-же*—изъ Астрахани въ Баку.

Отъ Ростова до Владикавказа—по желѣзн. дорогѣ. *Цѣна мѣстамъ:* 1-й классъ 24 р. 45 к., 2-й—18 р. 34 к., 3-й—9 р. 37 к. *Время переѣзда* $27^1/_2$ *час.*

Отъ Одессы до Батума — на пароходѣ. *Цѣна мѣстамъ:* 1-й классъ (со столомъ) 39 р., 2-й (со столомъ-же) 30 р. 50 к., 3-й (безъ стола) 9 р. 80 к. До **Поти**—почти тоже. По прибытіи въ Поти, пересаживаются на маленькій пароходъ, чтобы пройти черезъ баръ. *Время переѣзда* 4 сутокъ. *Пароходы*, въ лѣтній сезонъ (съ 23-го апрѣля по 10-е октября), *заходятъ* изъ Одессы: въ Евпаторію, Севастополь, Ялту, Ѳеодосію, Керчь, Анапу, Новороссійскъ, Туапсе, Сочь, Гудаумъ и Сухумъ-Кале.

Отъ Астрахани до Баку — на пароходѣ по Каспійскому морю. *Цѣна мѣстамъ:* 1-й классъ (со столомъ) 28 р., 2-й (со столомъ-же) 21 р., 3-й (безъ стола) 11 р. *Время переѣзда* 3 сутокъ. *Пароходы заходятъ* въ Петровскъ и Дербентъ.

По военно-грузинской дорогѣ, отъ Владикавказа до Тифлиса: *съ подорожной, въ своемъ экипажѣ или на перекладной*—4 к. на лошадь за версту. Въ омнибусѣ: 1-й классъ 14 р., 2-й—9 р., 3-й—8 р. *Разстояніе* $197^3/_4$ верстъ. *Время переѣзда:* лѣтомъ 1 сутки, зимой 2. *Отходъ омнибусовъ* ежедневный.

Digitized by Google

Отъ Тифлиса до Поти и Батума — по желѣзной дорогѣ. *Цѣна мѣстамъ:* 1-й классъ 16 р. 31 к., 2-й—12 р. 24 к., 3-й—6 р. 26 к. *Время переѣзда* 12 часовъ.

Отъ Тифлиса до Баку—по желѣзн. дорогѣ. *Цѣна мѣстамъ:* 1-й классъ 29 р., 2-й—21 р. 73 к., 3-й—11 р. 11 к. *Время переѣзда* 23 часа.

Мы должны оговориться, что считаемъ совершенно достаточными тѣ краткія свѣдѣнія, которыя здѣсь помѣстили. За болѣе подробными слѣдуетъ обратиться къ одному изъ путеводителей по желѣзнымъ дорогамъ и пароходамъ, которымъ, конечно, запасется всякій ѣдущій путешествовать.

Парусное сообщеніе вдоль черноморскаго берега. Парусное сообщеніе производилось прежде на турецкихъ феллюкахъ. Турки, пріѣзжающіе на наши восточные берега Чернаго моря, главное, для ловли дельфиновъ, нынѣ, кажется, запрещенной, а также и для перевозки товаровъ, по общимъ отзывамъ, отличные моряки и надежные люди, а феллюки ихъ, при хорошемъ попутномъ вѣтрѣ, летятъ немного тише парохода, но попутный вѣтеръ и товары (особенно послѣдніе на незаселенныхъ кавказскихъ берегахъ) случаются не всегда; напротивъ, бываетъ, что противный вѣтеръ бьетъ по недѣлѣ, а иногда, хотя онъ и попутный, да везти нечего. Исключительно для себя, при попутномъ вѣтрѣ, можно было нанять съ мыса Адлера до Сухума феллюку рублей за 20; если же она отправляется съ товаромъ, то въ такомъ случаѣ мѣсто стоитъ много дешевле. Нечего и говорить, что въ настоящее время путешественникъ прибѣгаетъ къ этому способу сообщенія развѣ только въ исключительномъ случаѣ.

Сухопутное сообщеніе вдоль черноморскаго берега. Сухопутное сообщеніе вдоль берега можетъ производиться верхомъ (багажъ на вьюкахъ) только тогда, когда нѣтъ морскаго прибоя; если же разыграется прибой и начнетъ съ ревомъ захлестывать узкую береговую полосу песка и обточенныхъ голышей, лежащую

Digitized by Google

вдоль выдающихся въ море отроговъ горъ, тогда поѣзжайте по вьючной, въ иныхъ мѣстахъ обвалившейся тропинкѣ, идущей вдоль линіи индо-европейскаго телеграфа, довѣрьтесь горскому коню, который спускается внизъ и карабкается вверхъ, какъ кошка, не управляйте имъ, но и не распускайте поводьевъ и не забывайте при спускѣ держаться немного назадъ, а при подъемѣ нѣсколько приподниматься впередъ на стременахъ, или даже, для вашего удобства и для облегченія добраго животнаго, ухватитесь за переднюю луку. Дорожка то спускается внизъ такъ, что море обдаетъ васъ брызгами и ревъ прибоя равномѣрно прерывается ближайшими ударами, которые раздаются, какъ далекіе пушечные выстрѣлы, то она взбирается на верхъ, отнуда, среди торжественной лѣсной тишины, не слышно ни звука, не видно огромныхъ стай дельфиновъ, кувыркающихся другъ за дружкой по-сверхъ воды, и отнуда море кажется спокойнымъ, какъ зеркало. Если при спускѣ вамъ иной разъ покажется, что дорожка вдругъ кончилась надъ пропастью, то не пугайтесь: это просто одинъ изъ крутыхъ поворотовъ, къ которымъ ваша лошадь привыкла. При переправѣ чрезъ рѣки, если только она возможна,—что не всегда бываетъ послѣ дождей и во время таянія снѣговъ и о чемъ необходимо справиться пообстоятельнѣе, —держитесь по теченію выше вашего проводника, не распускайте поводьевъ, но и не затягивайте ихъ и старайтесь меньше смотрѣть на воду, въ которую лошадь ваша взошла по брюхо. Рѣка бурлитъ, и вамъ кажется, что берегъ несется противъ воды; это странное ощущеніе, если смотрѣть внизъ, можетъ кончиться тѣмъ, что закружится голова.

Проѣзжая рѣчными долинами черноморскаго берега, вы проѣзжаете чрезъ царство лихорадокъ и кабановъ; слѣды послѣднихъ видны почти на каждой, изрѣдка попадающейся, поросшей папоротникомъ полянкѣ. Громадные дубы, иногда болѣе 50 вершковъ въ діаметрѣ, орѣхъ, чинаръ и другія неизвѣстныя намъ, жителямъ сѣвера, деревья переплетены дикими виноградными лозами въ двѣ

Digitized by Google

руки толщиной и разными ползучими растеніями. Все это чужеядное племя, добравшись иногда до самой макушки почтенныхъ старцевъ, спускается опять внизъ къ землѣ, даетъ новые побѣги и повторяетъ туже самую исторію безъ конца. Дѣвственные первобытные лѣса Америки—передъ вами. Пространство между деревьями занято колючкой—ежевикой, по мѣстному названію. Эта вѣрная указательница лихорадочныхъ мѣстъ такъ часта и цѣпка, что чрезъ нее можетъ пробираться одинъ только толстошкурый кабанъ; въ ней, какъ въ недоступной крѣпости, скрывается онъ весь день, не боясь ни охотника, ни собакъ, и только ночью этотъ единственно оставшійся на старомъ мѣстѣ и благоденствующій на свободѣ хищникъ черноморскаго побережья, не довольствуясь тѣмъ, что даютъ ему здѣшніе плодовые лѣса, оставляетъ свою колючую крѣпость и идетъ разорять плетень, защищающій отъ него поле здѣшняго поселенца, за что, конечно, и сводитъ очень часто знакомство съ свинцовой пулей.

Теперь прибавлю: если вы, благосклонный читатель, не должны окончить ваше путешествіе непремѣнно къ извѣстному сроку и можете располагать, на случай задержки въ пути, лишними недѣлей или двумя, посѣтите берега Чернаго моря — они того стоятъ. При этомъ я рѣшаюсь дать вамъ слѣдующіе совѣты: расположите ваше путешествіе такъ, чтобы на этихъ берегахъ вамъ пришлось побывать или весною (въ началѣ апрѣля), или осенью (въ концѣ октября). Лѣтомъ же тамъ слѣдуетъ опасаться лихорадки, а зимою Черное море бываетъ очень бурливо. Запаситесь (что, по моему, слѣдуетъ дѣлать не только въ кавказскихъ, но и во всѣхъ путешествіяхъ) хиной, каплями Иноземцева и еще нѣкоторыми необходимыми медикаментами—это никогда не лишнее; пріемъ хины на Кавказѣ бываетъ по чайной ложкѣ заразъ. Никогда во время дороги не одѣвайтесь слишкомъ легко, потому что одна струя холоднаго вѣтра, иногда совершенно неожиданно охватывающая путника, во время проѣзда мимо ущелья, можетъ заставить поплатиться за неосторожность очень жестоко;

Digitized by Google

не даромъ горцы любятъ шубы и теплыя папахи. Старайтесь, ни подъ какимъ видомъ, послѣ заката солнца не оставаться въ низменныхъ мѣстахъ. Повторю еще разъ, что тамъ, гдѣ сообщеніе производится верхомъ по горнымъ тропинкамъ, а черезъ рѣки приходится переѣзжать въ бродъ, самое благоразумное—это не пускаться въ дорогу въ дурное время. Если вамъ, читатель, какъ большей части изъ насъ, случалось ѣздить по русскимъ дорогамъ въ осенніе дожди и грязь, въ весеннюю ростепель и мятель, если вамъ случалось испытывать тяжелое чувство безпомощности во время этихъ опасныхъ странствованій,—то какое путешествіе, даже по самымъ дикимъ мѣстамъ Кавказа, можетъ испугать васъ? Что можетъ вамъ показаться грязнымъ и неудобнымъ послѣ курной избы, служащей вмѣстилищемъ русскому степному крестьянину, вмѣстѣ съ его дѣтьми и телятами? Увѣряю васъ, если вы испытывали эти благодати, худшаго ничего вы не отыщете въ самыхъ дикихъ кавказскихъ трущобахъ. А сколько красотъ и наслажденій васъ ожидаетъ! Если вы утомлены и измучены однообразной работой, если душа ваша ищетъ отдыха и утѣшенья, поѣзжайте въ гости къ правдѣ-природѣ—и святая цѣлительница дастъ вамъ новыя силы. Если вы не желаете или не можете переносить трудныхъ путешествій—прекрасно, довольствуйтесь тѣми, которыя не затруднительнѣе обыкновенныхъ путешествій по Россіи. Поѣзжайте по желѣзной дорогѣ чрезъ Ростовъ до Пятигорска; отдохнувъ и осмотрѣвъ Пятигорскія и сосѣднія минеральныя воды, чрезъ Владикавказъ и военно-грузинскую дорогу, поѣзжайте въ почтовомъ экипажѣ въ Тифлисъ; изъ Тифлиса по желѣзной дорогѣ въ Поти, или Батумъ, а оттуда на пароходѣ въ Одессу. На этомъ обратномъ пути вы поѣдете сначала вдоль восточнаго черноморскаго берега и увидите Батумъ, Сухумъ-Кале, Адлеръ, Туапсе и Новороссійскъ; потомъ поѣдете вдоль южнаго берега Крыма и осмотрите Керчь, Ѳеодосію, Ялту, Севастополь и Евпаторію. Все это путешествіе займетъ не больше одного мѣсяца и будетъ стоить

Digitized by Google

около 500 руб. сер. (именно: 200 руб. дорога, считая вездѣ мѣста 1-го класса, и 300 руб. остальные расходы, считая по 5 руб. въ сутки); если же взять 600 р., то и за-глаза довольно. Для неприхотливаго и разсчетливаго путешественника и эта сумма должна, конечно сравнительно, сократиться.

Въ продолжительныхъ путешествіяхъ въ горахъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ дороги не разработаны и, слѣдовательно, приходится путешествовать верхомъ, имѣя вещи на вьюкахъ, докторъ Пфафъ, въ своемъ «Путешествіи по ущельямъ Осетіи», совѣтуетъ распорядиться слѣдующимъ образомъ. Надобно, говоритъ онъ, кромѣ необходимѣйшаго бѣлья и платья, запастись небольшимъ металлическимъ чайникомъ (онъ же и кофейникъ), легкою складною кроватью, ножемъ, вилкою и металлическими тарелкою и стаканомъ. Изъ съѣстныхъ припасовъ, кромѣ хлѣба (это главное), надо взять чаю, сахару, молотаго кофе, бульону, лимоновъ, соли, перцу и, если можно, нѣсколько копченыхъ колбасъ, потому что въ аулахъ, кромѣ баранины, чурековъ и сыру, да иногда куръ и яицъ, ничего не достанешь—и то не вездѣ и не всегда. Если можно, то взять спиртовую кострюлечку и спирту—это можетъ отлично пригодиться. Въ дурную погоду нужно носить бурку, но и непромокаемое гуттаперчевое пальто, на случай продолжительныхъ дождей съ вѣтромъ, крайне необходимо. Надобно имѣть высокіе охотничьи непромокаемые сапоги, чевяки и осетинскіе бандули на случай трудныхъ и скользкихъ переходовъ. Одѣваться надо какъ можно легче. Черезъ плечо въ кожаномъ футлярѣ бинокль и прочный карманъ или футляръ для карты, записной книжки, табаку и проч., компасъ и карманный термометръ, револьверъ и кинжалъ на поясѣ; ко всему этому еще, на всякій случай, имѣйте другую пару сапогъ и платье въ особомъ сакъ-вояжѣ. Остальныя вещи укладываются, какъ слѣдуетъ, въ дорожной сумкѣ, которая покрывается отъ дождя клеенкой или кожей. Тамъ же, въ жестяной посудѣ, хранятся и съѣстные припасы. На головѣ всего лучше фуражка съ козырькомъ

Digitized by Google

или шляпа съ широкими полями (а мы скажемъ—папаха и непремѣнно башлыкъ). Караванъ состоитъ изъ 3-хъ всадниковъ: путешественника, его человѣка (онъ же и поваръ) и проводника, который имѣетъ при себѣ вьюкъ или дорожную сумку. Такъ какъ для непривычныхъ туземныя сѣдла чрезвычайно неудобны, то лучше запастись англійскимъ (а мы скажемъ—казачьимъ) сѣдломъ.

Мы дозволили себѣ во многомъ измѣнить текстъ почтеннаго доктора; напримѣръ, вмѣсто дорожнаго самовара мы поставили дорожный металлическій чайникъ; рекомендуемые имъ гуттаперчевые ботфорты и калоши мы замѣнили охотничьими сапогами; кромѣ чевякъ, мы упомянули еще о бандуляхъ, потому что эта осетинская обувь изъ бычачьей кожи, съ ремнями крестъ-на-крестъ вмѣсто подошвы, признается всѣми за удобнѣйшую для ходьбы по горамъ. По нашему, предлагаемыя нами вещи болѣе практичны. Почти что необходимая спиртовая кострюля тоже не упомянута докторомъ. Еще рекомендуемъ употребляемыя на всемъ Кавказѣ шерстяныя перекидныя чрезъ сѣдло сумы (саквы), чрезвычайно удобныя и которыя, притомъ, вездѣ можно достать. Мягкія вещи, какъ-то платье, бѣлье и проч., можно очень удобно завертывать въ кожу и вторачивать поперегъ лошади сзади сѣдла. Упомянемъ также, что вообще въ путешествіяхъ огниво и трутъ или фитиль составляютъ вещи совершенно необходимыя, а для быстраго разведенія огня во время сырости надо имѣть съ собою маленькую жестяную чашечку, величиной въ наперстокъ, налитую сѣрой. Чашечка эта употребляется сибирскими охотниками во время ихъ странствованій по безводнымъ и холоднымъ тайгамъ. Приложивъ горящій трутъ къ сѣрѣ, можно развести огонь въ одну минуту.

Кавказскій календарь, въ которомъ обозначены почтовыя дороги, высоты различныхъ мѣстъ и проч., мы также считаемъ необходимымъ въ путешествіяхъ по Кавказу.

Какое самое удобное время для путешествія по Кавказу? Кто путешествовалъ въ горахъ, тотъ знаетъ, какъ трудно отвѣ-

Digitized by Google

тить на этотъ вопросъ. Въ горахъ очень часто мѣстности, лежащія въ нѣсколькихъ часахъ пути одна отъ другой, существенно разнятся въ климатѣ. Кромѣ высоты надъ уровнемъ моря, есть еще множество другихъ условій, имѣющихъ вліяніе на климатъ горныхъ мѣстностей, напримѣръ положеніе долинъ, т. е. куда обращена долина, на югъ или на сѣверъ; близость снѣговыхъ горъ; условіе, защищена ли долина отъ сѣверныхъ или отъ южныхъ вѣтровъ; покрыты ли окрестныя горы растительностью, или онѣ голы и накаляются на солнцѣ, и проч. и проч. Сванетія, напримѣръ, всего верстъ на 80 сѣвернѣе долины Ріона: въ послѣдней, въ іюнѣ и іюлѣ, нестерпимая жара или лихорадки, а въ Сванетіи это единственно удобное время для путешествія. Причина та, что Сванетія, лежащая у подножія снѣговаго хребта, близъ Эльборуса, закрыта горами отъ южныхъ вѣтровъ. Такъ какое же, однако, спросите вы, самое удобное время для путешествія по Кавказу? А такое, отвѣчу я, когда и въ долинахъ не жарко, и въ горахъ не холодно, т. е. весна и осень, и, по премуществу, послѣдняя: въ это время устанавливается болѣе или менѣе ровная температура. Зима же въ горахъ холодна, а лѣтомъ, кромѣ жары въ долинахъ, слѣдуетъ опасаться еще и лихорадокъ. Само собою разумѣется, что такія мѣстности, какъ Сванетія, тутъ въ разсчетъ не идутъ.

Если ваше время свободно, то вы можете путешествовать по Кавказу круглый годъ, потому что всегда можно выбрать мѣстность, соотвѣтствующую извѣстному времени года; напримѣръ, зима едва ли не самое лучшее время на югѣ черноморскаго и каспійскаго береговъ. Если же вы можете располагать только двумя или тремя мѣсяцами, то я бы посовѣтовалъ выбрать весну и преимущественно осень. Хотя весною кавказскія долины, въ особенности въ Закавказьи, и очаровательны, но осенью поспѣваютъ плоды, горныя рѣки (какъ, напримѣръ, Терекъ въ августѣ) являются во всемъ своемъ грозномъ величіи, и, кромѣ того, если вы

Digitized by Google

охотникъ, въ это время наступаетъ пора охоты, — а на Кавказѣ есть на что поохотиться! Чтобы сдѣлать путешествіе, которое описано въ этой книгѣ, я поступилъ бы такъ. Весною, въ концѣ марта, выѣхалъ бы изъ Одессы въ Поти; первую половину апрѣля употребилъ бы на путешествіе по берегу Чернаго моря; вторую половину апрѣля и первую половину мая—на путешествіе по долинѣ Ріона и Закавказью; послѣднюю половину мая—на переѣздъ по военно-грузинской дорогѣ изъ Тифлиса въ Ростовъ съ осмотромъ Пятигорска и сосѣднихъ съ нимъ минеральныхъ водъ. Осенью я, выѣхавъ изъ Ростова въ половинѣ іюля или въ началѣ августа, пріѣхалъ бы въ началѣ сентября въ Тифлисъ, осмотрѣвъ также по дорогѣ Пятигорскъ; сентябрь употребилъ бы на путешествіе по Закавказью; три недѣли октября—на путешествіе по берегу Чернаго моря и на возвращеніе въ Одессу, несмотря на то, что въ это время Черное море начинаетъ уже быть бурливымъ. Такимъ образомъ, то и другое путешествіе продолжалось бы по девяти недѣль. Кто не желаетъ осматривать берега Чернаго моря (а такихъ будетъ, разумѣется, большинство), тому надобно выѣзжать изъ Одессы въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая. Поѣхавъ же изъ Ростова въ концѣ іюля или въ началѣ августа, придется и возвращаться въ Одессу (безъ осмотра черноморскаго берега) въ концѣ сентября или въ самомъ началѣ октября, т. е. въ хорошее время года.

Душевно желаю, чтобъ эти свѣдѣнія, собранныя и провѣренныя мною на мѣстѣ, принесли пользу, если только вы, благосклонный читатель, соберетесь попутешествовать по Кавказу.

Digitized by Google

ГЛАВА I.

Путь отъ Ростова до Владикавказа.

Шахтная станція.

Мы упоминаемъ про нее (хотя она и лежитъ за 6 станцій, не доѣзжая Ростова), потому что здѣсь находится главный центръ знаменитыхъ антрацитовыхъ копей, за свѣдѣнія о которыхъ, хотя и очень краткія, навѣрное не посѣтуетъ читатель, особенно если онъ ѣдетъ по воронежско-ростовской дорогѣ.

Шахтъ здѣсь нѣсколько; самая замѣчательная изъ нихъ—шахта русскаго общества пароходства и торговли. Со слѣдующей станціи *Максимовки* (7 вер. отъ Шахтной) идутъ вѣтви желѣзной дороги: влѣво — къ *Атюхтинскимъ копямъ*, вправо — къ *Грушевскимъ*. Мнѣ не удалось побывать въ шахтахъ, а потому я помѣщаю прежнее ихъ описаніе, взятое изъ статьи Г. Кретовича («Вѣстникъ Европы», апрѣль 1868 г.); это тѣмъ болѣе дозволительно, что, по всей вѣроятности, способъ добыванія антрацита измѣнился очень мало и по настоящее время.

«Нарядившись—пишетъ г. Кретовичъ—во фланель и надѣвъ сверху кожаное пальто и кожаную съ широкими полями шляпу, я и баронъ Врангель (начальникъ Грушевскаго рудника), въ сопровожденіи двухъ рабочихъ, со свѣчами въ рукахъ, намѣрены были опуститься въ шахту, на 35-саженную глубину. На рукахъ у насъ были надѣты толстыя шерстяныя перчатки, потому что въ лайковыхъ не хорошо — скользятъ. Все было готово, чтобы начать спускаться,

Digitized by Google

какъ клубы густаго, пропитаннаго сѣрою дыма показались изъ колодца шахты. Это взорвали минами часть породы; надо было обождать, пока въ колодцѣ очистится воздухъ. Отъ поверхности до самаго дна шахта имѣетъ четырехъ-угольный видъ, почти правильнаго квадрата въ поперечномъ сѣченіи. Она раздѣлена на двѣ равныя части толстою бревенчатою стѣною, начинающеюся отъ самой поверхности и не доходящею аршина на 3 до дна. Въ одной половинѣ помѣщается водоотливная труба (около 1 аршина въ діаметрѣ) и крутыя лѣстницы для спуска внизъ; другая назначена для прохода бадьи съ землею. Какъ отливка воды, такъ и движеніе бадьи производятся, разумѣется, паровыми машинами. Воды въ сутки выкачивается до 200 тысячъ ведеръ. Трехъ-аршинное отверстіе подъ бревенчатою стѣною служитъ для свободнаго передвиженія бадьи по дну шахты. На 10-ти-саженной глубинѣ начинаются уже твердыя породы, не требующія укрѣпленія стѣнъ. Чѣмъ ниже опускались мы, тѣмъ сильнѣе обливало насъ каплями выбивающейся съ боковъ воды, еще глубже—цѣлый дождь; мѣстами бьютъ ключи,—и все это съ шумомъ стремится внизъ, откуда слышится странное храпѣнье водоподъемной трубы и глухіе удары шести молотовъ, которыми рабочіе пробивали плотную каменную породу. Но вотъ мы на днѣ шахты; съ одной стороны огромнымъ ключемъ льетъ струя воды, съ другой—ворчитъ насосная труба, сверху цѣлый ливень дождя, отъ котораго плохой защитой служитъ, растянутое въ видѣ полога, какое-то непромокаемое полотно. Все это освѣщается тусклымъ свѣтомъ нѣсколькихъ сальныхъ свѣчей. Среди этой подземной обстановки 6 человѣкъ рабочихъ, въ кожаныхъ пальто и такихъ же, съ широкими, обвисшими полями, шляпахъ, по колѣни въ водѣ, стучатъ молотами по желѣзнымъ ломамъ, пробивая подъ водою скважины въ твердомъ глинистомъ сланцѣ. Когда скважины готовы, въ нихъ вставляются пороховыя мины, концы которыхъ зажигаются, и рабочіе по лѣстницамъ поспѣшно уходятъ наверхъ. Послѣ того очищать дно шахты отъ взорванныхъ камней

Digitized by Google

и заготовлять новыя мины идетъ другая артель. Доводилось намъ— прибавляетъ г. Кретовичъ—видѣть весьма разнообразныя и трудныя роды работъ, но такой, почти нечеловѣческой работы до той поры мы не знали. Съ молотомъ, ломомъ и пороховою миною въ рукѣ, подъ постояннымъ ливнемъ дождя, нерѣдко по поясъ въ водѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ сотъ футъ подъ землею—тяжелая работа! Попортилась машина или сломался насосъ—уходи скорѣе по лѣстницѣ, не то зальетъ водой».

На осмотръ шахты надобно употребить до $2^1/_2$ часовъ.

Есть и сухія шахты, но число ихъ меньше числа водяныхъ.

Каменный уголь въ Грушевкѣ открытъ еще при Петрѣ Великомъ, который сказалъ, что «минералъ сей не намъ, а потомкамъ нашимъ», и выписалъ, однако же, изъ Англіи мастера Никсона съ четырьмя помощниками для развѣдки.

Право добыванія угля до 1863 г. принадлежало только однимъ казакамъ, и отъ того добыча была ничтожна; напр., въ 1856 г. угля добыто только около 50 тысячъ пудовъ. Съ разрѣшеніемъ же заниматься разработкой всѣмъ (съ уплатой въ пользу войска донскаго пошлины въ $^1/_4$ коп. съ пуда), количество добываемаго угля быстро увеличилось, такъ что въ 1865 г. оно доходило уже до $5^1/_2$ милліоновъ пудовъ.

Въ настоящее время цѣна каменнаго угля на мѣстѣ, въ шахтахъ — около 8 копеекъ. Рабочіе получаютъ отъ $4^1/_2$ до 5 коп. съ пуда.

Ростовъ на Дону.

Городъ этотъ, въ послѣднее время, съ проведеніемъ желѣзной дорогѣ и развитіемъ пароходства, сильно измѣнился. Тотъ, кто былъ въ немъ лѣтъ 10—15 тому назадъ, не узналъ бы его въ настоящее время. Изъ грязнаго и плохо освѣщеннаго, онъ превратился (по крайней мѣрѣ, по главнымъ улицамъ) въ чистый, свѣтлый и хорошо вымощенный городъ.

Digitized by Google

Улицы въ Ростовѣ освѣщаются газомъ, а нѣкоторые дома и магазины не уступаютъ столичнымъ. Находясь на перепутьи каспійскаго (чрезъ Волгу и Донъ) и черноморскаго бассейновъ и кавказскаго пути, Ростовъ, вслѣдствіе своего счастливаго положенія, ростетъ не по днямъ, а по часамъ.

Гостиницъ въ Ростовѣ нѣсколько, и всѣ онѣ чисты и не особенно дороги. Лучшія: Grande hôtel, *Эрмитажъ, Петербургская, Московская* и др. Номера отъ $1^1/_2$ руб.

Городской садъ хорошъ и содержится чисто. Въ немъ есть вокзалъ съ рестораномъ и лѣтній театръ. По праздникамъ и часто по будиямъ играетъ музыка. Есть и другой садъ, въ которомъ даются представленія разными заѣзжими артистами—что-то въ родѣ café-chantant. *Извощичьи экипажи*—пролетки; цѣна не дорогая.

Дорога отъ Ростова до Владикавказа.

Главныя станціи на ней слѣдующія: *Крыловская, Кавказская, Невинномыкская, Минеральныя воды* (1-й классъ 17 р. 48 к., 2-й—13 р. 11 к., 3-й—6 р. 70 к.; время переѣзда 20 ч.), *Прохладная, Владикавказъ* (1-й классъ 24 р. 45 к., 2-й—18 р. 34 к., 3-й—9 р. 37 к.; время переѣзда $27^1/_2$ часовъ). Дорога эта можетъ быть раздѣлена на 4 части: 1) *степную* (до Кавказской станціи, на Кубани), 2) *закубанскую* (отъ Кавказской до Невинномыкской), 3) *предгорную* (отъ Невинномыкской до Прохладной, на Малкѣ) и 4) *терекскую или кабардинскую* (отъ Прохладной до Владикавказа).

1) **Степная часть дороги** *(отъ Ростова до Кавказской станціи)*. Пройдя мостомъ черезъ Донъ и дамбою чрезъ озера и затоны, образующіеся отъ разливовъ рѣки, поѣздъ подходитъ къ *Батаевской* станицѣ, которая, съ своими безчисленными вѣтряными мельницами (краснорѣчивая вывѣска хлѣбороднаго края), стоитъ вправо, въ верстѣ отъ станціи. Въ *Кагальницкой* переѣзжаютъ поросшій камышемъ Манычъ.

Digitized by Google

Я не стану перечислять и описывать станціи до самой Кавказской, потому что онѣ всѣ одинаковы; упомяну развѣ только про *Крыловскую*, и то потому, что въ ней буфетъ. Сдѣлаю лучше общее описаніе этой мѣстности, что для читателя будетъ гораздо интереснѣе, чѣмъ перечисленіе станцій.

Отъ Кагальницкой путешественникъ ѣдетъ мѣстностью, которую можно назвать степью въ полномъ значеніи этого слова. Унылая, безлѣсная, безводная и еще по сіе время, сравнительно, безлюдная равнина тянется вплоть до Ставрополя и Кубани. Печальна—во всякое время, кромѣ весны—и неприглядна эта юго-восточная окраина нашихъ степей, начинающаяся отъ Волги и Дона и кончающаяся у Кубани и Терека. Ее-то, именно, надо полагать, и воспѣваетъ нашъ народъ въ своей унылой, поэтической пѣснѣ: «Ахъ, ты, степь-ли моя, степь—степь моя моздокская!» Здѣсь вы не встрѣтите ни дерева, на которомъ можно было бы отдохнуть утомленному взгляду, ни веселой рѣки, ни горъ, которыя разнообразили бы унылую мѣстность. Изрѣдка попадающіяся балки всѣ извѣстны на перечетъ. *Манычъ*, принимающій въ себя всѣ воды мѣстности, по которой проходитъ дорога изъ Ростова на Ставрополь, есть тоже не болѣе, какъ огромная ложбина, которая пересыхаетъ лѣтомъ, оставляя непересохшими только нѣсколько соляныхъ озеръ, изъ которыхъ самое большое называется *озеро Манычъ*, имѣющее до 70 верстъ въ длину и до 6 въ ширину; изъ него добывается соль для Ставропольской губерніи и Земли войска донскаго. Поросшее камышемъ ложе Маныча, съ непересохшими озерами, плесами и болотами, служитъ пріютомъ громадному количеству водяной дичи, кабанамъ и калмыцкимъ ворамъ-конокрадамъ. Изъ рѣкъ, впадающихъ въ Манычъ, наиболѣе замѣчательны: *Калаусъ*, *Большой Егорлыкъ* и *Средній или вонючій Егорлыкъ*. Первыя двѣ берутъ начало изъ высотъ, лежащихъ къ югу отъ Ставрополя; послѣдній—изъ степи. Вода во всѣхъ нихъ дурнаго вкуса.

Digitized by Google

Самая замѣчательная изъ рѣкъ этого степнаго пространства — *Кума*, вытекающая изъ главнаго хребта; берега ея заселены, по здѣшнему, довольно густо, но и она также не доходитъ Каспійскаго моря и теряется среди безводной степи.

Сѣверный склонъ Эльборуса, раздѣляя рѣки сѣвернаго Кавказа на 2 системы, восточную и западную или Терекскую и Кубанскую, постепенно понижаясь, доходитъ мысомъ до Ставрополя; отсюда, сливаясь со степью, онъ, незамѣтно для глаза, продолжается до верховьевъ Средняго Егорлыка и дѣлитъ степныя рѣчки также на восточную и западную системы (если только тутъ умѣстно это слово).

Какъ ни незамѣтенъ этотъ склонъ отъ Ставрополя къ Средн. Егорлыку, но, продолжаясь на разстояніи 200 верстъ, онъ дѣлаетъ разницу въ положеніи этихъ пунктовъ надъ уровнемъ моря почти въ 2,000′.

Осѣдлое русское населеніе, оттѣсняя, мало-по-малу, кочевниковъ, заняло лучшія мѣста края; оно разселилось большими селами по рѣкамъ и отдѣльными хуторами по балкамъ. Что же тянуло поселенцевъ въ эти неугодливыя мѣста? Жажда свободнаго приволья и желаніе избавиться столкновеній съ центральной властью. Въ былое время тяжело должно быть приходилось русскому человѣку отъ этихъ столкновеній, когда онъ разбѣгался отъ нихъ въ заволжскіе непроходимые лѣса и неизмѣримыя степи. Но, удалившись отъ центра, русскій казакъ и колонистъ нуждались въ поддержкѣ и не порывали съ нимъ связи. Съ своей стороны, центръ, понимая, что безъ колонизаціи ему не удержать своихъ окраинъ, охотно прощалъ своихъ блудныхъ дѣтей и посылалъ имъ помощь всякій разъ, какъ они обращались къ нему за нею. Обоюдная выгода заставляла два враждебные съ виду элемента помогать другъ другу, и она-то, вмѣстѣ съ единствомъ языка и вѣры, была причиною такого сказочно-быстраго разростанія русскаго государства. Нигдѣ эта обоюдная помощь не явилась въ такой наглядной формѣ и не достигла такихъ

Digitized by Google

громадныхъ размѣровъ, какъ на Кавказѣ. Здѣсь казакъ-колонизаторъ явился вѣрнѣйшимъ слугою русскаго государства, а государство, въ свою очередь, не жалѣло ничего для поддержанія своего піонера. Ни казаку не удержаться бы предъ горцами безъ помощи государства, ни государству не завоевать бы Кавказа съ одной регулярной арміей, безъ помощи осѣдлаго казака. Переходимъ, однако, къ описанію степной части Кавказскаго края.

Неприглядна и неугодлива эта мѣстность. Даже та часть ея, которая заселена русскимъ осѣдлымъ населеніемъ, покрываясь роскошною травою весной, совершенно выгораетъ лѣтомъ; трава въ это время превращается въ пыль, которая разносится на огромныя пространства степнымъ вѣтромъ; рѣчки изсыхаютъ, и во многихъ мѣстахъ жители, въ страшную жару, должны довольствоваться вонючею водою, собранною въ запруженныхъ балкахъ. Удивительно, что она не оказываетъ на нихъ дурнаго вліянія, и они, повидимому, пользуются полнымъ здоровьемъ. Зимою иногда, при 20° мороза, свирѣпствуютъ бураны, истребляющіе цѣлые стада овецъ и рогатого скота. Бѣдныя животныя, обреченныя скитаться круглый годъ въ степи на подножномъ кормѣ, гибнутъ отъ бурановъ и гололедицы тысячами. Табуны лошадей, испуганные свистомъ и ревомъ бури, несущейся неудержимо по ровной степи и поднимающей снѣжные смерчи надъ холмами, мчатся сначала по направленію вѣтра; табунщикъ давно остался Богъ знаетъ гдѣ; вмѣсто его вѣрнаго пса, за табуномъ мчится волкъ; злой напрасленникъ празднуетъ эту недобрую годину и устаетъ отъ рѣзанья многочисленной и богатой добычи: все, что только отбилось въ сторону, принадлежитъ ему. Оставшіяся въ живыхъ, обезсиленныя лошади достигаютъ, наконецъ, какой нибудь балки, въ которой, думая спастись отъ непогоды, сбиваются въ кучу и часто погибаютъ сплошь, обгрызая отъ голода другъ у дружки хвосты и гривы. Многіе изъ жителей степи лишаются всего, что имѣли, въ одинъ такой буранъ. По отсутствію воды, нѣкоторыя части степи совершенно необитаемы, и

Digitized by Google

только поздней осенью, когда дожди наполняютъ лужи, называемыя, по-калмыцки, *цандыками*, около нихъ появляется кочевникъ съ табунами своихъ тощихъ лошадей и остается здѣсь иногда цѣлую зиму, добывая воду изъ снѣга. Все сказанное не относится къ возвышенностямъ, лежащимъ близъ Ставрополя, и къ берегамъ Кубани, Терека и Кумы, по которымъ разселились большія села и станицы. Великорусскій ямщикъ, везшій меня въ 1872 г. къ Ставрополю, разсказывая про житье на Кумѣ, говорилъ, что тамъ живутъ такъ хорошо и винограду такъ много, что жители, отъ мала до велика, всѣ круглый годъ пьяны. — «Да чего ужъ говорить, ваше благородіе! Куры, тамъ и тѣ какъ наклюются виноградныхъ выжимковъ, тамъ и тѣ тоже пьяны», — добавилъ достопочтенный возница, желая, вѣроятно, вполнѣ изобразить блаженное житье кумскихъ поселенцевъ. По Егорлыкамъ, Калаусу и другимъ рѣчкамъ встрѣчаются тоже богатыя села. Видно, что неизмѣренныя степи даютъ полную возможность дѣлать запашки, насколько хватитъ силъ, и держать большое количество скота. Спросите степнаго жителя, не хочетъ ли онъ переселиться въ Россію, и въ отвѣтъ получите довольно презрительный отзывъ о жизни въ той странѣ, гдѣ земля, по его выраженію, вымѣрена вершками.

Въ сущности, такова эта богатая мѣстность и по настоящее время, хотя огромные посѣвы и хозяйственныя (даже жатвенныя) машины и показываютъ, что хлѣбопашество принимаетъ въ ней обширные размѣры. Въ 1882 г. на ростовскихъ заводахъ были раскуплены всѣ хозяйственныя машины и предъявлены требованія, по крайней мѣрѣ, еще на такое же количество. Со мной возвращался одинъ господинъ, ѣздившій въ Ростовъ за жатвенной машиной. Онъ собирался отдавать ее внаймы, разсчитывая, что она окупится чуть ли не въ одинъ годъ. Въ то время поденная плата, во время уборки пшеницы, была 2 р. на хозяйскихъ харчахъ.

Digitized by Google

Проѣхавъ *Степную,* проѣзжаютъ р. Кучу-Ею, отдѣляющую Землю войска донскаго отъ Земли черноморскихъ казаковъ, нынѣ вошедшей въ составъ Кубанской области.

Кубанская область занимаетъ пространство около 83,500 кв. верстъ съ 450,000 жит.; стало-быть, менѣе 6 человѣкъ на квадратную версту; въ этомъ числѣ казаковъ считается около 250,000. Область раздѣляется на 7 уѣздовъ, о чемъ мы говорили уже въ географическомъ очеркѣ Кавказа. По Кубани населены черноморскіе и линейные казаки. Слѣдуя нашему плану, скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ и другихъ.

Земля черноморскихъ казаковъ, вошедшая нынѣ въ составъ Кубанской области, заключала въ себѣ пространство, ограниченное съ Сѣвера рѣкою Кучу-Еей (которой она отдѣлялась отъ Земли войска донскаго), съ востока Ставропольскою губерніей и Землею кубанскихъ линейныхъ казаковъ, съ юга Кубанью (на протяженіи 180 верстъ отъ моря), съ запада Азовскимъ моремъ. Число всѣхъ казаковъ около 250 тысячъ. Они населяютъ 3 города (Екатеринодаръ, Ейскъ и Темрюкъ), около сотни куреней или станицъ и нѣсколько тысячъ хуторовъ.

Черноморскіе казаки—кровные потомки запорожцевъ, выселенныхъ изъ сѣчи въ 1792 году съ ихъ кошевымъ атаманомъ Чепѣгой. Они сохранили въ полной чистотѣ малороссійскій типъ, неуклонную преданность православной вѣрѣ и всѣ обычаи Малороссіи. Небольшое число переселенцевъ, водворенное между ними, впослѣдствіи совершенно оказачилось, хотя и крѣпко держится, какъ, напр., старовѣры, уставовъ своей религіи. При переселеніи запорожцы перенесли съ собою и старинное сѣчевое устройство, т. е. кошъ и курени. Лѣтъ черезъ 10, при Александрѣ I, имъ дано было новое управленіе. Прежнее устройство, оставшееся въ воспоминаніяхъ казаковъ, обозначается ими словомъ «до полковъ».

Черноморцы сохранили и малороссійскій обычай разселяться хуторами, что, впрочемъ, объясняется особенностями степнаго хо-

Digitized by Google

зяйства. Показанщина (казанъ — котелъ), т. е. отдѣльное самостоятельное хозяйство, составляетъ ихъ отличительную черту. Показанщина ведетъ къ дробленію семействъ, а это послѣднее, при обязательной военной службѣ, очень часто имѣетъ своимъ послѣдствіемъ бѣдность, такъ что на 50 домохозяевъ приходится не болѣе одного, который можетъ имѣть свой плугъ, т. е. обрабатывать землю собственными средствами, *не сряжаясь* съ сосѣдями. Страненъ подобный фактъ среди населенія, снабжающаго черкасской скотиной наши столицы, тѣмъ не менѣе онъ существуетъ.

Степь дѣлала черноморца табунщикомъ и охотникомъ, Азовское море—рыболовомъ, а постоянная война заканчивала типъ этого воинственнаго потомка запорожскихъ «лыцарей». Изъ черноморцевъ вышли и извѣстные **пластуны**. Скажемъ нѣсколько словъ о нихъ, руководясь статьями г. Попки.

Названіе пластуна очень древнее: оно произошло или отъ слова пластъ и означало человѣка, лежащаго пластомъ, или отъ польскаго названія ползучей гадины—plazy. Въ запорожскіе пластуны или шли по охотѣ, или назначались по приговору рады лучшіе и опытные казаки. Они несли порубежную службу по тогдашней польской границѣ, т. е. по Днѣпру и Бугу. Лежа пластомъ среди камышей и пробираясь чрезъ нихъ, какъ змѣи, пластуны, съ рушницей въ рукахъ и патрономъ въ зубахъ, и день и ночь должны были стеречь врага. Съ переселеніемъ въ Черноморье, для казаковъ Днѣпръ и Бугъ замѣнила Кубань, а непріятелями, вмѣсто поляковъ, сдѣлались горцы. Послѣдніе, какъ, извѣстно, никогда не могли прожить безъ грабежа и убійства; по ихъ понятію, это не преступленіе, а молодечество, удаль. Сосѣднія общества, часто даже сосѣдніе аулы вели истребительную войну другъ съ другомъ. Разумѣется, что гяуры, поселившіеся за Кубанью, должны были сдѣлаться главною цѣлью ихъ набѣговъ. И дѣйствительно,—не говоря уже про прорывы партіями, которыя отбивали скотъ и угоняли въ плѣнъ людей,—горецъ, по

Digitized by Google

закону кавлы или кровомщенія, считалъ священною обязанностью за всякаго своего родственника, убитаго казаками, убить если не самого убійцу, то хоть кого-нибудь изъ гяуровъ. Положеніе на линіи было таково, что казакъ и даже казачка работали въ полѣ съ винтовкой за плечами; въ самой станицѣ нельзя было считать себя безопаснымъ отъ вражескаго кинжала. Со стороны казака война велась оборонительно; горцы же, владѣя всею, перерѣзанною частыми и глубокими балками, закубанскою плоскостью, имѣли возможность дѣйствовать и оборонительно и наступательно. Положеніе нашей линіи въ то время можно сравнить съ положеніемъ блокаднаго корпуса, окружившаго крѣпость. Не имѣя еще средствъ для начатія осадныхъ работъ, мы окружили Кавказъ циркумвалаціонной линіей и должны были во всѣхъ пунктахъ отбивать безпрерывныя вылазки многочисленнаго и отчаянно храбраго гарнизона. Партіи горцевъ, подъ предводительствомъ *абрековъ*, давшихъ обѣтъ посвятить всю свою жизнь на войну съ русскими, прорывались чрезъ линію и проникали иногда даже за Ставрополь. Такъ, въ 30-хъ годахъ, братья Карамурзины однажды, въ длинную осеннюю ночь, переправились съ 10-ю всадниками черезъ Кубань у Прочнаго окопа и, проскакавъ за Ставрополь, къ селенію Донскому на Тагилѣ, къ разсвѣту очутились опять за Кубанью у Невинномыкской станицы, сдѣлавъ въ 14 часовъ болѣе 160-ти верстъ *). Дерзость абрековъ иногда бывала невообразима. Однажды, въ зимнюю ночь, когда Кубань еще не замерзала и по рѣкѣ шелъ ледъ,—разсказываетъ, если не ошибаюсь, баронъ Торнау,—четверо казаковъ, стоявшихъ на пикетѣ, развели отъ холода огонекъ и преспокойно уснули около него, почитая себя совершенно безопасными за покрытою плывущимъ льдомъ рѣкою. Въ самомъ дѣлѣ, возможно ли было въ это время переправиться черезъ Кубань вплавь,

*) Интересную исторію этихъ знаменитыхъ абрековъ можно прочесть въ „Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера“ („Русск. Вѣсти.“, 1864 г. Статьи эти изданы также и отдѣльно).

Digitized by Google

такъ какъ лодокъ для переправы черезъ нее съ той стороны, разумѣется, не было? Однако же, несмотря на очевидную безопасность, старый урядникъ, зная по опыту, чего можно ожидать отъ абрековъ, отправился повѣрить посты. Подходя къ сказанному пикету, онъ увидѣлъ слѣдующее неожиданное для него зрѣлище: подчиненные его снали снемъ праведныхъ, а около огня чернѣлась нагая фигура, подпоясанная ремнемъ, на которомъ висѣлъ кинжалъ. Фигура дѣлала странныя тѣлодвиженія и совала въ огонь руки. Догадавшись сразу, откуда пришелъ этотъ гость, урядникъ выстрѣломъ положилъ его на мѣстѣ. Проснувшіеся казаки сначала не понимали въ чемъ дѣло; наконецъ, оно объяснилось: абрекъ, замѣтивъ съ другаго берега казаковъ, спящихъ у огня, раздѣлся, переплылъ рѣку и намѣревался отправить ихъ всѣхъ къ праотцамъ, да на бѣду во время плаванія отморозилъ себѣ руки; отмороженные пальцы не сгибались, и онъ не могъ вынуть кинжала,— такъ для того, чтобъ отогрѣть ихъ, онъ и совалъ руки въ огонь. Не приди старый урядникъ—очутиться бы всѣмъ казакамъ, совершенно неожиданно, на томъ свѣтѣ.

Съ теченіемъ времени война принимала все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ и, наконецъ, превратилась въ кровавую племенную вражду. Не было хитрости, не было вѣроломства, на которыя не рѣшился бы черкесъ для того, чтобы нанести вредъ казакамъ. Казаки, съ своей стороны, разумѣется, платили тѣмъ же. При встрѣчѣ ихъ съ горскими партіями, ни та, ни другая сторона не просила пощады и не давала ее. Опытомъ пришлось убѣдиться, что единственное средство обезопасенія линіи есть закладка новыхъ передовыхъ линій и наступательное движеніе къ горамъ. Испробованная система оборонительной войны только увеличивала дерзость горцевъ и дѣлала положеніе нашихъ линій невыносимымъ.

Линія наша обезпечивалась станицами, обнесенными земляным валомъ и поселенными одна отъ другой чрезъ 20 верстъ. Между

Digitized by Google

станицами находилось по два поста изъ колючей ограды, съ наблюдательной вышкой и съ высокими шестами, обернутыми соломой, съ смоляными бочками наверху; шесты эти зажигались при прорывахъ и нападеніяхъ. Днемъ по курганамъ и возвышеннымъ мѣстамъ разставлялась цѣпь казаковъ; на ночь противъ удобныхъ переходовъ ставились секреты; на 2-й линіи ставились заставы изъ 20-ти и болѣе всадниковъ. Въ случаѣ тревоги — всѣ это спѣшило на помощь. Кромѣ того, по утрамъ разсылались разъѣзды, чтобъ отыскивать вражескіе слѣды по песку и по росистой травѣ. Несмотря на всѣ эти предосторожности, партіи абрековъ часто прорывались чрезъ линію, или хитростью или открытою силою, и иногда проникали даже до Георгіевска и Ставрополя. Однажды, 40 абрековъ прошли въ астраханскую степь, ограбили тамъ рыбныхъ промышленниковъ и вернулись благополучно за Кубань, пробывъ въ нашихъ предѣлахъ болѣе мѣсяца.

Если предосторожности, принимаемыя на нашей линіи, не были въ состояніи удержать прорывы горцевъ чрезъ открытые берега Кубани, то тѣмъ болѣе онѣ были недостаточны въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ берега этой рѣки, на десятокъ верстъ съ каждой стороны, покрыты камышевыми вѣсами или плавнями, по тамошнему названію. Плавни — это обѣтованная земля кабановъ, дикихъ звѣрей и въ былое время горскихъ хищниковъ, пробиравшихся на грабежъ. Для ихъ открытія и выслѣживанія недостаточно было тѣхъ средствъ, которыя обыкновенно употреблялись на линіи, тутъ надо было нѣчто особенное, — и этимъ то особеннымъ былъ человѣкъ-змѣй: черноморскій пластунъ.

Пластунъ—пишетъ г. Попка—на первый взглядъ не обѣщаетъ многаго. Это, обыкновенно, рослый, съ медленной и разсчитанной походкой, казакъ, первообразнаго малороссійскаго склада и закала: тяжелый на подъемъ и неутомимый, незнающій удержу послѣ подъема. Сквозь сильный загаръ его лица, опуреннаго порохомъ и превращеннаго въ бронзу непогодами, пробиваются доб-

Digitized by Google

одушіе и сила воли. Угрюмый взглядъ и навощенный, кверху вздернутый усъ придаютъ лицу его выраженіе мужества и рѣшимости. Пластуны одѣваются, какъ самые бѣдные черкесы: черкеска, отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко даже кожаными заплатками; папаха вытертая и, въ удостовѣреніе отваги, заломленная на затылокъ; чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетиною наружу. Эта бѣдность въ будничной одеждѣ пластуна отъ того, что каждый поискъ по тѣснинамъ и трущобамъ причиняетъ сильный ущербъ наряду. Въ походной одеждѣ пластуны носятъ сухарную сумку за плечами, штуцеръ въ рукахъ, привилтной штуцерной кинжалъ, съ деревяннымъ набойникомъ, спереди за поясомъ, и привѣшанныя къ поясу же такъ называемая причандалья: пороховницу, пулечницу, отвертку, шарикъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайку или даже скрипку. Пластуны пускались во время войны съ горцами въ свои трудные поиски мелкими партіями отъ 3—10 человѣкъ. Они разсѣяны были по всѣмъ постамъ небольшими товариществами, но преимущественно располагались на самыхъ передовыхъ, удаленныхъ отъ главной черты батарейкахъ; здѣсь пластунъ, по истинѣ, въ своей сферѣ. Кочуя въ глуши пограничныхъ плавней, они, презирая опасность, голодъ, стужу и непогоды, бодро и терпѣливо проводили въ своихъ скрытныхъ убѣжищахъ цѣлыя сутки сряду; чутко стерегли приближеніе непріятеля и первые встрѣчали его своими мѣткими выстрѣлами; первые приносили на посты вѣсти о тревогѣ. Здѣсь пластунъ, дѣйствительно пластомъ, неподвижно лежалъ въ пустынныхъ камышахъ, подвергаясь жгучимъ угрызеніямъ мошекъ и комаровъ, напоминающихъ болотный воздухъ. Въ такомъ трудномъ положеніи для него существовало одно на свѣтѣ — это тайный врагъ—горецъ, изподтишка, ночью, крадшійся на воровство и разбой къ границѣ.

При засадахъ и встрѣчахъ съ врагомъ, равно какъ при отважныхъ поискахъ, пластунами руководили собственная предпріимчи-

Digitized by Google

вость и изобрѣтательность. Перебираясь чрезъ топи и камыши, они клали свои примѣты на всѣхъ проходахъ и закрывали слѣды. Замѣтивъ превосходящаго въ силахъ непріятеля, они просиживали въ камышѣ, въ травѣ нѣсколько часовъ, не изобличая своего присутствія ни однимъ неосторожнымъ движеніемъ, затаивъ дыханіе; а въ трудныхъ обстоятельствахъ пластунъ даже оставался долгое время подъ водой, дыша черезъ тростинку. Замѣченные, они, въ свою очередь, умѣли пользоваться мѣстностью и, засѣвъ въ первой попавшейся чащѣ камыша, осоки или кустарника, смѣло обращали огонь на противниковъ. Выстрѣлъ безъ промаха замѣнялъ для нихъ численность. Но, въ случаѣ встрѣчи съ врагомъ слишкомъ уже не подъ-силу, пластунъ умѣлъ вывернуться изъ бѣды: непремѣнно схитритъ и ускользнетъ куда нибудь въ болото или трущобу, оставивъ на томъ мѣстѣ, гдѣ засѣлъ, свой башлыкъ и шапку, надѣтые на сломленный камышъ или сукъ кустарника, и, отводя такимъ образомъ вниманіе противника, всегда успѣвалъ возвратиться цѣлымъ и невредимымъ. Получивъ рану, онъ иногда проползалъ значительное разстояніе, перенося голодъ и жажду, лишь бы добраться къ своимъ, предпочитая скорѣе лишиться жизни, чѣмъ потерять свободу. Главнѣйшую въ многотрудной жизни пластуна роль играли: слѣдъ—*сакма* и засада—*залога;* онъ искусно умѣлъ скрыть за собой свой собственный слѣдъ, а въ слѣдахъ противника угадать его намѣренія. Когда по росистой травѣ или свѣжему снѣгу слѣдъ неотвязно тянулся за нимъ, хитрый пластунъ старался запутать его, дать ему превратное направленіе и множествомъ извѣстныхъ ему способовъ отвлекалъ врага отъ своихъ переходовъ и притоновъ. Отважнѣйшіе изъ нихъ, такъ называемые *характерники* (волшебники, которыхъ не брала пуля), пробирались ползкомъ въ непріятельскіе аулы, для осмотра мѣстности или чтобы выѣдать намѣреніе врага. Когда по линіи смирно (обыкновенно во время полевыхъ работъ), пластуны обращали свои поиски въ охоту за кабаномъ, козою, оленемъ и проч.

Digitized by Google

Въ началѣ, послѣ переселенія въ Черноморье, многіе пластуны оставались вѣрными запорожскому обѣту безбрачія, но впослѣдствіи это исчезло.

Всѣмъ памятны дѣла пластуновъ во время осады Севастополя. Припомнимъ ихъ оригинальный способъ провожанія плѣнныхъ. Подкравшись къ непріятельскимъ секретамъ и захвативъ въ плѣнъ нѣсколько человѣкъ, пластуны связывали ихъ другъ съ дружкой за большіе пальцы; конецъ бичевки былъ въ рукахъ пластуна, который, подергивая его, управлялъ знаменитыми зуавами, какъ самыми смирными барашками. Маршалъ Пелисье нѣсколько разъ, впрочемъ совершенно безъ успѣха, протестовалъ противъ такого оригинальнаго способа провожанія плѣнныхъ.

Кавказъ замиренъ, въ пластунахъ нѣтъ болѣе надобности; самый бытъ черноморца и линейнаго казака изъ военнаго обращается, мало-по-малу, въ гражданскій. Неужели же мы забудемъ дѣла ихъ и уподобимся людямъ прошлаго поколѣнія, которое было такъ непростительно и безпримѣрно равнодушне, что даже самое имя этихъ героевъ стало извѣстно Россіи только съ 1855 года? Мы живо помнимъ всеобщее изумленіе, когда изъ газетныхъ статей Россія узнала о существованіи пластуновъ. Они были *открыты* только потому, что понадобились подъ Севастополемъ.

Прибавимъ еще, что часть черноморскихъ казаковъ въ 1861 г., когда было начато общее наступленіе противъ западныхъ горцевъ, была выселена за Кубань. Сначала дѣло не обошлось безъ волненій, но потомъ, когда черноморцы узнали, что вновь отведенныя имъ мѣста лучше прежнихъ, то охотно покорились, и переселеніе совершилось безъ особенно строгихъ мѣръ.

Линейные казаки. О бывшей ихъ боевой жизни слѣдуетъ повторить то же, что мы только что говорили вообще о жизни на линіи: та же организація и тѣ же тревоги. Исторію первоначальнаго основанія и постепеннаго распространенія линій мы разсказали въ обзорѣ Кавказской войны; теперь же прибавимъ, что число всѣхъ

Digitized by Google

казаковъ, разселенныхъ по линіямъ сѣвернаго кавказскаго склона, въ нынѣшней Кубанской и Терской областяхъ, считается около 300 тысячъ. Самые первые поселенцы изъ нихъ были *гребенскіе казаки*, начавшіе селиться еще при Іоаннѣ Грозномъ. По крайней мѣрѣ, въ народныхъ пѣсняхъ Грозный царь жалуетъ ихъ Терекомъ:

Подарю васъ, казаченьки,
Рѣкою вольною,
Что ни быстрымъ
Терекомъ-горыновичемъ,
Что отъ самаго гребня
До синего моря.

Полагаютъ, что это была шайка атамана Андрея, товарища Ермака. Они заняли опустѣлый городокъ на берегу Акташа, въ южной части Кумыкской плоскости, и назвали его, по имени атамана, Андреевымъ (теперешняя *Андреева деревня*, по-татарски *Эндери*). Впослѣдствіи, въ XVII столѣтіи, къ нимъ присоединились раскольники, толпами спасавшіеся отъ преслѣдованій на берега Кумы и Терека. Первоначальныя поселенія казаковъ были за Терекомъ, по ближайшему *гребню горъ* (отсюда и названіе гребенскихъ). Петръ Великій, къ милосердію котораго они прибѣгли, выселилъ ихъ на лѣвый берегъ Терека; при Аннѣ же Іоанновнѣ правый его берегъ былъ и совершенно оставленъ русскими. Отъ смѣшенія съ горцами, во время пребыванія за Терекомъ, произошло чрезвычайно красивое племя. Особенною красотою отличаются гребенскія казачки; въ нихъ поразительно соединеніе чистаго черкесскаго типа съ могучимъ сложеніемъ сѣверной женщины. Станица *Червленная*, преимущественно передъ другими, славится своими красавицами. Перероднившись съ чеченцами, гребенскіе казаки сохранили во всей чистотѣ русскій языкъ и старую вѣру, но усвоили костюмъ горцевъ и черты горскаго характера. Русскій человѣкъ на кавказской линіи также обратился въ казака, какъ онъ обращался въ него и на другихъ нашихъ окраинахъ:

Digitized by Google

на Дону, въ Сибири, въ Запорожьѣ. Не раздумывая долго, эти народные колонисты-завоеватели усвоивали себѣ все, что находили достойнымъ подражанія у своихъ противниковъ, боролись съ ними ихъ же оружіемъ, брали верхъ надъ ними и твердо и упорно сохраняли свою національность. Господствующій типъ линейнаго казака есть типъ великорусскій. Сунженская и Лабинская линіи, основанныя въ сороковыхъ годахъ и составленный большею частію изъ женатыхъ солдатъ, государственныхъ крестьянъ и разнаго рода пришлыхъ людей, съ очень малою прибавкою настоящихъ линейцевъ, вскорѣ стали образцовыми линіями. Горцы превосходно понимали разницу между занятіемъ страны военною силою и истиннымъ завоеваніемъ ея, т. е. заселеніемъ; они говорили: «укрѣпленіе—это камень, брошенный въ полѣ, —вѣтеръ и дождь снесутъ его; станица—это растеніе, которое впивается въ землю корнями и понемногу обхватываетъ поле».

2) **Закубанская часть дороги** *(отъ Кавказской до Невинномыкской)*. Подъѣзжая къ *Кавказской* и глядя на многочисленныя вѣтви желѣзнаго пути, по которымъ безпрерывно маневрируютъ паровозы, таща за собой длинныя вереницы вагоновъ и оглашая мѣстность свистомъ и ревомъ, похожимъ на бычачій, съ трудомъ вѣришь, что, съ небольшимъ 20 лѣтъ назадъ, здѣшнее мѣсто было еще такъ опасно и дико, что, въ 1861 году, генер. *Кухаренко*, ѣхавшій въ Ставрополь, былъ здѣсь схваченъ партіей горцевъ, переправившейся черезъ Кубань. Со скрученными назадъ руками и ногами, связанными подъ брюхомъ лошади, онъ былъ увезенъ за Лабу и Бѣлую и брошенъ, по обычаю горцевъ, въ яму въ немирномъ аулѣ. Тамъ онъ вскорѣ умеръ, не вынесши страданій, — за тѣло же его было выдано нѣсколько семействъ плѣнныхъ горцевъ и заплачено сыномъ покойнаго 6 тыс. рублей. Мѣсто нападенія находится всего въ 3-хъ верстахъ отъ станицы и станціи, гдѣ почтовая дорога (на Екатеринодаръ) изъ балки поднимается въ гору. Случай этотъ лучше всего показываетъ, съ какимъ непріятелемъ мы имѣли дѣло.

Digitized by Google

Съ Кавказской идутъ почтовые тракты: влѣво — на Ставрополь (лучше ѣхать прямо съ Невинномыкской), вправо—на Екатеринодаръ. Для того, чтобъ ѣхать въ эти города на почтовыхъ, необходимо запастись, какъ и на всемъ Кавказѣ, подорожной, которую можно получить тутъ же на станціи. Тотчасъ за Кавказской переѣзжаютъ Кубань, берега которой покрыты кустарникомъ и камышемъ. Мѣсто это мнѣ памятно, потому что я тутъ, въ 1873 г., убилъ перваго фазана. Эта благородная дичь водилась тогда здѣсь во множествѣ, теперь же совершенно исчезла и, вѣроятно, навсегда, благодаря нашимъ плохимъ законамъ объ охотѣ и безурядицѣ, при которой можно совершенно свободно истреблять подъ корень все: дичь, рыбу, лѣса и другія народныя богатства, нисколько не заботясь о будущей «горькой насмѣшкѣ обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ»—если понимать эти слова поэта въ буквальномъ смыслѣ.

Путешественникъ, ѣдущій, въ настоящее время, отъ Кавказской до Невинномыкской станціи, видя кругомъ себя огромныя засѣянныя поля, съ трудомъ вѣритъ, что, 20 лѣтъ тому назадъ, здѣсь еще не было никакого поселенія, а въ 30-хъ и 40-хъ годахъ вся эта часть Кубани, по мелководью, была главнымъ мѣстомъ прорыва хищническихъ партій, проникавшихъ иногда даже за Ставрополь. *(См. Земля черноморскихъ казаковъ: разсказъ о братьяхъ Карамурзиныхъ).*

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на станицу *Прочный окопъ* (влѣво, не доѣзжая Армавира). Въ ней, въ 30-хъ годахъ, была главная квартира начальника всего праваго фланга, генер. Засса. Читавшіе «Воспоминанія плѣннаго кавказскаго офицера» навѣрное съ любопытствомъ посмотрятъ на мѣсто, гдѣ начались, такъ мастерски написанныя, приключенія автора при его путешествіи въ горы.

Армавиръ—богатое армянское мѣстечко, центръ здѣшней хлѣбной и другой торговли. Вправо—ущелье Урупа. Не доѣзжая Не-

Digitized by Google

винномыкской, видна, вправо же, нѣмецкая колонія меноннстовъ, рѣзко отличающаяся отъ станицъ и постройками и обработкой земли. Видъ колоніи заставляетъ критически относиться къ постоянно слышимымъ здѣсь жалобамъ на нѣмцевъ и разсказамъ о томъ, что они, въ работѣ, ничуть не ретивѣе русскихъ, а нѣмецкая прислуга образецъ лѣности и тупаго упрямства.

При въѣздѣ въ *Невинномыкскую* опять переѣзжаютъ Кубань, бурливо крутящую свои мутныя воды. Вправо—ущелье Зеленчука.

Невинномыкская (буфетъ). Около станціи множество нѣмецкихъ фуръ и русскихъ извощиковъ, предлагающихъ свои услуги ѣдущимъ на Ставрополь и во всѣ мѣста Кавказа.

3) **Предгорная часть дороги** *(отъ Невинномыкской до Прохладной)*. Съ Армавира уже начинаютъ виднѣться, влѣво, Темнолѣсскія и Воровсколѣсскія высоты, на которыхъ стоитъ Ставрополь. Здѣсь конецъ равнинной степи и Кубанской области. Станція *Барсуки* лежитъ уже въ Ставропольской губ., о которой здѣсь будетъ совершенно у мѣста сказать нѣсколько словъ.

Ставропольская губернія граничитъ къ сѣверу съ Астраханской губ., къ востоку Каспійскимъ моремъ, къ югу Терской, а къ западу Кубанской областью. Мѣстность—ровная степь, и только въ юго-западномъ углу находятся незначительныя высоты, отчасти покрытыя лѣсомъ; изъ нихъ берутъ начало рѣки: Бол. Егорлыкъ—изъ Темнолѣсскихъ высотъ, Калаусъ и Мокрая Буйвола—изъ Воровсколѣсскихъ высотъ, послѣдняя впадаетъ въ Куму, берущую начало изъ главнаго хребта. Большая часть лѣсовъ, находившихся по возвышенностямъ и по берегамъ Кумы, истреблены. Въ 40 верстахъ отъ Ставрополя находятся по оврагу залежи каменнаго угля, толщиною до 3 аршинъ, но, по недостатку рукъ, по малой потребности и по дороговизнѣ перевозки, уголь разработывается мало; цѣна его на мѣстѣ 5 к., а въ Ставрополѣ около 25 к. Пространство, занимаемое губерніей, около 65,500 кв. верстъ,

Digitized by Google

жителей около 511,000. Сравнительно съ населенными губерніями, она могла бы прокармливать до $2^1/_2$ милліоновъ жителей, конечно, еслибъ мѣстность въ ней вездѣ была удобна для поселеній. Въ сѣверной ея части кочуютъ *калмыки*, на юго-востокѣ живутъ полукочевые *карагогайцы;* остальные жители состоятъ изъ крестьянъ, казаковъ, колонистовъ и осѣдлыхъ инородцевъ. Процентное отношеніе народностей: русскихъ 74%, армянъ 2%, нѣмцевъ 1%, татаръ 21% и калмыковъ 2%. Заселеніе Ставропольской губ. особенно сильно началось съ 1860 г. Съ 1770 г. правительство начало принимать участіе въ переселенцахъ. Въ 1773 г. Потемкинъ устроилъ такъ-называемую тогда моздокско-азовскую линію, проходившую изъ Екатеринограда чрезъ Георгіевскъ, Александровскъ, Ставрополь, Безопасное и Сред. Егорлыкъ до Азова. Селились, большею частію по Кумѣ, мѣщане, однодворцы и крѣпостные; напр., извѣстное своимъ богатствомъ село *Воронцовка*, Пятигорскаго уѣзда, заселено крѣпостными гр. Воронцова; не уступали Воронцовкѣ въ зажиточности и другія села: *Масловъ Кутъ, Прасковея, городъ св. Креста (Маджара)* и проч. Обильіе земли и вообще приволье сдѣлали то, что богатство жителей въ немногое число лѣтъ возросло почти въ небывалой на Руси степени. Мечта Генриха IV о томъ, чтобы французскій крестьянинъ имѣлъ каждый день супъ изъ курицы, здѣсь осуществилась съ избыткомъ. Во всѣ скоромные дни здѣсь крестьянинъ имѣлъ не только курицу, но даже говядину и свинину. Къ несчастію, какъ мы сказали выше, принятая тогда система наградъ, въ видѣ раздачи крестьянъ, нашла себѣ мѣсто и здѣсь, и въ концѣ царствованія Екатерины большинство крестьянъ Ставропольской губерніи было обращено въ крѣпостныхъ. Здѣсь сборъ хлѣба въ 1881 г. былъ 3 милліона четвертей (болѣе 27 милліоновъ пудовъ), что даетъ около 6 четвертей на душу обоего пола.

Въ воображеніи путешественника, которому случилось бы ѣхать по прежней почтовой дорогѣ, или даже изъ Невинномысской въ

Digitized by Google

Ставрополь, невольно должны промелькнуть картины американских степных пустынь и способы их заселенія.

Не прикрѣпленный къ мѣсту американецъ, задумавъ переселиться на дальній западъ, продаетъ, не испрашивая ничьего дозволенія, свой домъ и землю и отправляется на незанятыя еще никѣмъ мѣста. Обозначивъ мѣтками облюбованный имъ участокъ и заплативъ правительству по $1^1/_2$ доллара за акръ (немного менѣе нашей десятины), онъ становится полнымъ хозяиномъ занятаго имъ пространства, и уже никакая власть въ мірѣ не вправѣ посягнуть на пріобрѣтенную имъ такимъ легкимъ способомъ собственность. Имѣя хотя небольшой запасный капиталъ и семейныя рабочія руки (необходимое условіе хозяйства, при отсутствіи наемныхъ работниковъ), онъ въ нѣсколько лѣтъ обработываетъ занятую имъ землю, перепродаетъ ее вдесятеро дороже, чѣмъ пріобрѣлъ самъ,—и идетъ опять на новое мѣсто. Трудъ его щедро вознаграждается и полученнымъ доходомъ съ дѣвственной почвы, и барышемъ при продажѣ участка. Что удивительнаго, если, при такой свободѣ переселенья, при такой легкости занятія земель и вообще при такомъ раціональномъ и свободномъ ходѣ дѣла, трудъ американскаго піонера вознаграждается съ лихвой, и ему, по большей части, удается, подъ старость, запастись порядочнымъ капиталомъ? Заселеніе Америки, при подобныхъ условіяхъ и при наплывѣ переселенцевъ изъ Европы, не можетъ идти иначе, какъ въ гигантскихъ размѣрахъ. Обогащенье не удивительно, если трудъ оплачивается легко и съ избыткомъ,—удивительно оно, когда бываетъ совершенно напротивъ.

Что житье нашихъ ставропольскихъ піонеровъ было не всегда безопасно, можно судить уже изъ того, что еще въ первой четверти нынѣшняго столѣтія мѣста, лежащія не подалеку отъ Георгіевска, напр. Круглолѣсское (въ 1823 году), хуторъ Шашина, близъ Александрійской станицы (въ 1824 г.), и станица Солдатская, на Малкѣ (въ 1825 г.)—были подвержены набѣгамъ горцевъ; въ концѣ же прошлаго столѣтія, когда эти поселенія были

Digitized by Google

еще на моздокско-азовской линіи, основанной Потемкинымъ, можно сказать навѣрное, что и поселенцы по Кумѣ, такіе какъ въ послѣднее время линейные казаки, должны были выходить на работу въ поле не иначе, какъ съ ружьемъ за плечами. Не принимая въ разсчетъ калмыковъ, ногайцевъ и другихъ бродячихъ инородцевъ, мы скажемъ только: вѣдь не съ американскими же краснокожими, и въ самомъ дѣлѣ, можно сравнивать кавказскихъ горцевъ. Несмотря на это, русскіе піонеры, отбиваясь отъ непріятельскихъ нападеній, богатѣли въ баснословныхъ размѣрахъ и продолжали бы богатѣть, еслибъ, въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II-й, надъ ними не разразилось вдругъ страшное и ничѣмъ не заслуженное несчастіе: совершенно неожиданно они всѣ были объявлены крѣпостными.

Вѣроятно, повинности, наложенныя господами на своихъ новыхъ подданныхъ, сначала были легки, и поселенцы, волей-неволей, помирились съ своимъ положеніемъ. Не помирились съ нимъ только упрямые малороссы, жители села *Масловъ Кутъ*, доставшіеся Зотову. *) Село это, населенное въ 1777 году изъ вольныхъ малороссовъ и однодворцевъ, отличалось предъ всѣми другими кумскими поселеніями своею зажиточностью: нѣкоторые изъ его жителей имѣли по нѣсколько сотъ штукъ рогатаго скота, по нѣсколько тысячъ овецъ и по нѣсколько десятковъ тысячъ рублей. Начались постоянныя волненія, но все это было въ малыхъ размѣрахъ до тѣхъ поръ, пока помѣщики, наскучивъ, вѣроятно, возиться съ упрямыми хохлами, не продали ихъ армянамъ Колонтаровымъ. Волненія послѣ того усилились и кончились печальнымъ усмиреніемъ маслокутовцевъ въ 1853 году. Здѣсь не мѣсто разсказывать подробности этой исторіи: желающіе могутъ прочесть ихъ въ статьѣ г. Руновскаго—«Русскіе люди на Кавказѣ и за Кавказомъ» («Заря», 1871 года, № 12). Порадуемся только, что эти собы-

*) Кажется, камердинеру Екатерины.

Digitized by Google

тія сдѣлались въ настоящее время невозможными для нашего отечества—и навсегда.

Въ селахъ и станицахъ, лежащихъ по Больш. Егорлыку, довольство жителей бросается въ глаза, что подтверждается запасами скирдовъ пшеницы, гуртами овецъ, доходящими на нѣкоторыхъ хуторахъ до 5 тысячъ головъ, и стадами превосходной черкасской скотины. Ставропольская губ. воочію показываетъ, какъ можетъ устроиться никѣмъ не стѣсняемый русскій поселенецъ. Къ несчастью, роздача земель чиновникамъ, съ такимъ успѣхомъ практиковавшаяся въ Закубаньѣ и Уфимской губ., нашла мѣсто и здѣсь. Были свѣдѣнія, что до 500 тысячъ переселенцевъ-малороссовъ, двинувшихся сюда, должны были или воротиться, *по недостатку мѣста* (это въ Ставропольской-то губерніи!), совершенно разоренными назадъ, или поселиться на розданныхъ чиновникамъ и офицерамъ земляхъ, въ качествѣ батраковъ.

Отъ *Невинномыкской* дорога идетъ все также степью, хотя и не такою плоскою, какою она была до сихъ поръ. Начинаютъ появляться пригорки и балки. Близъ *Суворовской* переѣзжаютъ мутную Куму, и тутъ же, вскорѣ, открывается удивительный и совершенно оригинальный видъ на Пятигорскую долину. Она представляется зеленымъ моремъ, среди котораго, какъ отдѣльные острова, возвышаются: Желѣзная, Бештау, Машука, Змѣева и другія горы, а далѣе, на горизонтѣ, также точно выросшая изъ земли, громадная, слегка раздвоенная сверху, бѣлоснѣжная голова Эльборуса, отстоящая отъ Пятигорска, по прямой линіи, болѣе чѣмъ на 100 верстъ. Нельзя не залюбоваться на эту величественную, дышащую полнымъ привольемъ и какой-то особенной дѣвственной свѣжестью панораму, съ которою, по ея оригинальности, не можетъ сравниться ни одна панорама въ Европѣ.

На станціи *Минеральныя воды* (первоклассная, буфетъ), слѣзаютъ всѣ ѣдущіе въ Пятигорскъ и на другія группы водъ,—мы же будемъ продолжать нашъ путь, а описанію Кавказскихъ

Digitized by Google

минеральныхъ водъ посвятимъ всю слѣдующую главу. Поѣздъ отходитъ отсюда въ $2^1/_2$ ч. дня и приходитъ во Владикавказъ въ 10 ч. вечера, что, конечно, должно быть очень непріятно для тѣхъ, которые еще издали желали бы видѣть панораму горъ.

Дорога до *Прохладной* не представляетъ ничего новаго. Пятигорскія горы и Подкумокъ остались сзади, а далѣе опять та же гористая степь, небольшіе посѣвы и массы стоговъ сѣна по полямъ и пригоркамъ. Страна имѣетъ еще совершенно дѣвственный видъ, и нисколько не слѣдуетъ удивляться, если отъ поѣзда поднимутся дрохва, стрепетъ, или вспорхнетъ стая куропатокъ.

Съ *Незлобной* влѣво видѣнъ Георгіевскъ и его станица, отъ которой онъ отдѣляется р. *Зольской*. Далѣе слѣдуютъ *Солдатская* и *Прохладная*, на Малкѣ, откуда и начинается, согласно нашему плану:

4) **Терекская или кабардинская часть дороги** *(отъ Прохладной до Владикавказа)*. За Малкой уже лежитъ Кабарда. По сю сторону осталась послѣдняя казачья линія, поселенная еще при Екатеринѣ. Вы чувствуете, что подъѣзжаете къ таинственной и такъ долго недоступной для насъ странѣ—Кавказу. Крестьянъ смѣнили стройные горцы и широкоплечіе казаки. У многихъ изъ послѣднихъ, пожилыхъ большею частію, грудь увѣшана орденами,—и вы съ невольнымъ уваженіемъ смотрите на мужественныя фигуры этихъ воиновъ-земледѣльцевъ, проведшихъ всю жизнь въ войнѣ и упрочившихъ за Россіей обладаніе Кавказомъ. Но, прежде чѣмъ пуститься въ путь, скажемъ нѣсколько словъ о Кабардѣ и ея коренныхъ жителяхъ.

Кабарда и кабардинцы. Кабардинцы живутъ по обѣ стороны Терека, къ сѣверу отъ главнаго хребта. Рѣка эта дѣлитъ ихъ землю на двѣ части: западная, между Терекомъ и Малкой, называется *Большой Кабардой*, а восточная, между Терекомъ и Сунженскимъ хребтомъ—*Малой Кабардой*. *Вольные или бѣглые кабардинцы* жили до окончанія войны въ долинахъ обоихъ Зелен-

Digitized by Google

чуковъ и были также извѣстны вообще подъ именемъ *абрековъ*. Всѣхъ кабардинцевъ надо считать болѣе 70 тысячъ (40 т. въ Большой, 30 тысячъ въ Малой Кабардѣ и вольныхъ до 4 тысячъ).

Большая часть Большой Кабарды покрыта лѣсомъ, состоящимъ изъ различныхъ породъ простыхъ и фруктовыхъ деревьевъ, а въ Малой Кабардѣ лѣсъ ростетъ только по сѣверному склону горъ, образующихъ ея южную границу. Трава (особенно въ Б. Кабардѣ) отличается такимъ ростомъ и питательностію, что сложилась пословица: «въ Кабардѣ одинъ годъ—теленокъ, а другой годъ—корова». Добротность карабдинскихъ лошадей, живущихъ весь годъ на подножномъ кормѣ, извѣстна: онѣ не знаютъ ковки и въ теченіе цѣлаго мѣсяца могутъ дѣлать переходы отъ 60 до 100 в. безъ дневокъ. (Впрочемъ, какъ говорятъ, порода этихъ лошадей стала теперь ухудшаться послѣ выселенія горцевъ изъ горъ. Прежде жители плоскостей постоянно обновляли породу горскими лошадьми, которыхъ сила и выносливость зависѣли отъ горныхъ травъ и отъ воспитанія въ горахъ. Лошадь же, родившаяся на плоскости и питающаяся жирными травами, тяжелѣетъ и теряетъ понемногу качества, присущія горской породѣ). Пчеловодство и овцеводство также въ хорошемъ состояніи.

Кабардинцы, живя на плоскости, по необходимости ранѣе другихъ горцевъ вступили въ дружественныя съ нами сношенія. Они принадлежатъ къ племени *адиге* (у русскихъ—*черкесы*), населявшему почти всю западную половину Кавказа, и составляютъ самое богатое, самое образованное и вообще, если можно такъ выразиться, самое цивилизованное изъ всѣхъ адигскихъ племенъ. Кабардинскіе аристократы считались и считаются образцомъ моды для всѣхъ остальныхъ горцевъ. Такъ какъ основныя черты ихъ характера сходны, хотя и въ смягченной формѣ, съ чертами характера всѣхъ адиге вообще, то мы и приведемъ выписки изъ г. Дубровина, который такъ описываетъ характеръ *адиге, т. е. черкеса*.

Digitized by Google

«Шаткость религіозныхъ убѣжденій—говоритъ онъ—и жизнь, проводимая въ постоянной опасности, сообщили черкесу такія особенности характера, которыя, въ основаніи своемъ, противорѣчатъ одна другой. Въ народѣ, не имѣвшемъ никакихъ властей, каждый долженъ былъ заботится и о себѣ, и объ общественной пользѣ, заводить связи и употреблять силу слова для огражденія своихъ интересовъ. Публичное обсужденіе на сходкахъ мірскихъ дѣлъ и публичное судопроизводство часто образовывали изъ черкесовъ замѣчательныхъ ораторовъ. Такое политическое устройство развиваетъ присутствіе духа, быстроту соображенія, а постоянныя физическія упражненія и дѣятельность способствуютъ развитію тѣлесной красоты, гибкости и силы. Черкесы богато одарены какъ умственными способностями, такъ и красотою; но всѣ ихъ духовныя способности употреблялись лишь на хищничество и на войну. Между черкесами то семейство, въ которомъ одинъ изъ членовъ не былъ убитъ или раненъ въ сраженіи съ врагами, не пользовалось уваженіемъ соотечественниковъ. Храбрые по природѣ, привыкшіе съ дѣтства бороться съ опасностью, черкесы въ высшей степени пренебрегали самохвальствомъ. О военныхъ подвигахъ своихъ черкесъ никогда не говорилъ, никогда не прославлялъ ихъ, считая такой поступокъ неприличнымъ. Самые смѣлые—*джигиты* (наѣздники, удальцы) отличались необыкновенной скромностью, говорили тихо, не хвалились своими подвигами, готовы были каждому уступить свое мѣсто и замолчать въ спорѣ; за то на дѣйствительное оскорбленіе отвѣчали съ быстротою молніи, но безъ угрозы, безъ крика и брани. Заслуги своихъ великихъ людей черкесы воспѣвали обыкновенно послѣ ихъ смерти, но разсказываютъ, что въ древности знаменитѣйшій изъ витязей, Бзехинеко-Бексирзъ удостоился этой чести при жизни. Онъ былъ уже въ глубокой старости, когда сыновья его поручили пѣвцамъ сложить жизнеописательную пѣсню про ихъ отца. Старецъ, узнавшій о томъ послѣ того, какъ пѣснь была уже сложена, призвалъ къ себѣ своихъ сыновей и пѣвцовъ, приказалъ имъ пропѣть сложен-

Digitized by Google

ную пѣсню и, найдя въ ней описаніе такого подвига, который унижалъ одного изъ соперниковъ, приказалъ это порицаніе выкинуть изъ пѣсни. Будучи чрезвычайно впечатлителенъ, черкесъ легко увлекался, но весьма скоро и приходилъ въ себя. Въ обращеніи съ сонлеменниками вѣжливъ, почтителенъ къ старшимъ, откровенъ, говорилъ смѣло и рѣзко то, что думалъ. Въ обращеніи съ русскими былъ всегда вѣроломенъ, холоденъ и натянутъ. Легкомысленный на обѣщанія, мало думалъ о скоромъ исполненіи обѣщаннаго. Страхъ дѣйствовалъ на черкеса мгновенно и сильно, но онъ скоро оправлялся и потомъ съ необыкновенной настойчивостью продолжалъ прежнее, какъ бы дорого ему за это ни пришлось поплатиться. Съ необыкновенной гибкостью переходилъ онъ отъ пирушки къ дѣятельности, отъ молитвы къ воровству, отъ благочестія къ злодѣянію. Религія была его единственная опора; но когда онъ не боялся наблюденія за собою соотечественниковъ, то весьма легко уклонялся отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ и правилъ. Эта черта характера проявлялась и въ бою. Когда черкесъ находился въ составѣ партіи и принужденъ былъ сражаться въ присутствіи своихъ товарищей, то выказывалъ удивительную храбрость и дѣлалъ удивительные подвиги самопожертвованія. Онъ зналъ, что подвиги его всѣ видятъ, что храбрость его съ избыткомъ будетъ вознаграждена общею молвою; но на одиночномъ хищничествѣ, гдѣ не было свидѣтелей его поведенія, черкесъ не хлопоталъ о блескѣ подвига, а старался скорѣе убить, ограбить или украсть что попало—и затѣмъ убраться, избѣгая погони. Черкесъ всегда былъ жаденъ къ деньгамъ; за деньги рѣшался на убійство, на измѣну, но, получивъ деньги, готовъ былъ роздать ихъ кому попадется, съ щедростью и легкомыслiемъ. Ведя непрерывную войну съ русскими, черкесы часто за деньги были лучшими проводниками для купцовъ, доставлявшихъ рогатый скотъ въ наши крѣпости. Примѣры скупости были весьма рѣдки между черкесами; да и нельзя было быть скупымъ, когда въ обычаѣ укоренилось правило, что порядочный человѣкъ долженъ

Digitized by Google

подарить любую вещь нуждающемуся, по первому его слову или намеку. Стоило только похвалить чекмень, бурку, лошадь или другую вещь, какъ черкесъ тотчасъ же даритъ ее вамъ. Эта щедрость составляла весьма важное условіе въ жизни черкеса, потому что бѣдный, ничего не имѣющій человѣкъ могъ, посредствомъ подарковъ, тотчасъ же получить лошадь, оружіе, одежду и, такимъ образомъ, снарядиться на войну или на хищничество, а послѣднее давало ему средства къ существованію. Въ случаѣ, если онъ не получалъ просимаго въ подарокъ, то, могъ взять вещь на подержаніе, на два и на три года, а лошадь можно было взять для ѣзды, въ чемъ никто не отказывалъ. И если, съ одной стороны, черкесъ не дорожилъ своимъ имуществомъ, то, съ другой, когда дѣло шло на споръ, касалось его самолюбія, онъ готовъ былъ тягаться 20 лѣтъ изъ за какого нибудь украденнаго у него теленка, лишь бы не уступить противнику, и тогда спорамъ и разбирательствамъ не было конца. Въ одномъ и томъ же человѣкѣ странныхъ образомъ соединялись: любовь къ пріобрѣтенію, доходившая до сутяжничества, и щедрость, доведенная чуть ли не до отрицанія права на свою собственность. Несмотря на видимое легкомысліе, черкесъ владѣлъ характеромъ энергическимъ и многосторонимъ, въ которомъ скрывались твердая настойчивость и необыкновенное терпѣніе. Послѣднее, особенно въ страданіяхъ, считалось у черкесовъ однимъ изъ первыхъ достоинствъ молодаго человѣка. Равнодушіе, съ какимъ они переносили боль, доходило до такой степени, что въ этомъ случаѣ легко можно было между ними узнать европейца, который могъ быть столько же безстрашенъ, какъ и черкесъ, но никогда не могъ сравняться съ нимъ въ терпѣливости. Съ неподкупною любовью къ родинѣ черкесъ сохранялъ твердую вѣру въ блестящую будущность своего народа. Любовь къ родинѣ у него, конечно, проявлялась только въ безсознательной привязанности къ мѣсту рожденія и къ обычаямъ, которыя онъ считалъ лучшими въ мірѣ. Насильственно оторванный

Digitized by Google

отъ родныхъ горъ и ущелій, онъ тосковалъ,—и бывали частые примѣры, что изгнанный изъ общества и неимѣвшій возможности явиться безъ явной опасности на родину часто пріѣзжалъ ночью на родныя поля, просиживалъ цѣлыя ночи вблизи того аула, гдѣ провелъ молодость, и уѣзжалъ съ разсвѣтомъ. Спросите черкеса: откуда онъ родомъ? Онъ назоветъ вамъ свое племя или свою маленькую общину, но съ такой гордостью и серьезностью, какъ будто бы онъ былъ вельможею огромнаго государства. Сознаніе собственнаго достоинства развило въ характерѣ черкесовъ заносчивость, а необузданная свобода сдѣлала ихъ неуживчивыми, самонадѣянными и въ высшей степени гордыми. Гостепріимство было такъ развито у черкесовъ, что всякій гость составлялъ священную особу для хозяина. Какого бы низкаго званія гость ни былъ, самый богатый и знатный хозяинъ не считалъ для себя унизительнымъ держать его стремя, когда тотъ, пріѣхавъ, слѣзалъ съ лошади. Деликатность простиралась до того, что нельзя было спросить о имени гостя, если онъ самъ не называлъ себя и желалъ сохранить инкогнито. Домашняя обстановка черкеса отличалась бѣдностью и неопрятностью. Особенности характера мужчинъ перешли и на женщинъ. Жена свободнаго черкеса, при всемъ деспотизмѣ, царствовавшемъ въ семейномъ быту, была мало похожа на угнетенную женщину племенъ восточнаго Кавказа, хотя бы, напр., Дагестана. Черкесская женщина также гордилась своимъ происхожденіемъ и отлично знала старшинство родовъ княжескихъ и дворянскихъ,—въ этомъ сказывалось аристократическое устройство быта черкесскихъ племенъ. По нѣсколько женъ имѣли только богатые. Про черкесскихъ дѣвушекъ можно сказать, что, кромѣ прославленной красоты, онѣ отличались скромностью, тактомъ въ обращеніи и рѣдкою силою воли; всѣ ихъ завѣтныя мечты стремились къ одной цѣли: выйти за мужъ за безстрашнаго воина и попасть чистою въ его объятія. Существуетъ мнѣніе, что чрезъ покупку черкешенокъ для турецкихъ гаремовъ произошло улучше-

Digitized by Google

ніе турецкой расы. Кстати замѣтимъ, что на этотъ торгъ нельзя смотрѣть исключительно съ нашей, европейской точки зрѣнія. Тутъ не было продажи въ рабство, и плата за черкешенку была тотъ же калымъ, платимый вездѣ на востокѣ за невѣсту. Черкесскія дѣвушки не носили покрывала, и обращеніе ихъ съ молодыми людьми было совершенно непринужденно. Свадьбы, большею частію, составлялись по свободному выбору жениха и невѣсты. Изъ всего этого видно, что положеніе черкесской женщины было во многомъ не похоже на положеніе восточной рабыни, хотя власть главы семейства и была неограниченна».

Гражданское устройство кабардинцевъ, какъ и всѣхъ вообще западныхъ горцевъ, было чисто аристократическое. У нихъ были князья *(тши)*,—ихъ было 4 главныхъ фамилій: *Кайтукиныхъ*, *Бекъ-Мурзиныхъ*, *Мисостовыхъ* и *Атажукиныхъ*,—дворяне *(вуорки* или *уздени)*, крестьяне и рабы. Отношенія между сословіями были феодальныя. Уваженіе къ князьямъ въ народѣ было такъ велико, что покусившійся на жизнь князя въ прежнее время истреблялся со всѣмъ семействомъ. О податяхъ не имѣлось никакого понятія; каждый владѣлецъ жилъ тѣмъ, что для него сдѣлаютъ крестьяне. Тѣлесное наказаніе, какъ и у всѣхъ горцевъ, никогда не было извѣстно. Рабы считались чѣмъ-то въ родѣ несовершеннолѣтнихъ членовъ семейства и держали себя независимо отъ своего господина, хотя тотъ и имѣлъ надъ ними право жизни и смерти. Рабъ исполнялъ безпрекословно то, что слѣдовало, но для заявленія своей нравственной независимости при разговорѣ съ господиномъ держался нѣсколько грубаго тона, хотя готовъ былъ, въ тоже время, стоять за него горой и не дозволилъ бы никому сдѣлать на его счетъ ни малѣйшаго заочнаго оскорбительнаго намека. Господинъ тоже остерегался требовать отъ раба чего-нибудь лишняго. Глубокое чувство справедливости, прирожденное горцу, поддерживало эти нѣсколько непонятныя для насъ отношенія. Приведемъ здѣсь, для примѣра, происшествіе,

Digitized by Google

разсказываемое г. Дубровинымъ: оно отлично характеризуетъ отношенія и связь между княземъ и его вассалами. Происшествіе это и до сихъ поръ еще памятно многимъ на Кавказѣ.

«Одинъ изъ кабардинскихъ князей женился на дочери другаго князя, съ обязательствомъ уплатить часть калыма по окончаніи ярмарки, на которой онъ разсчитывалъ продать табунъ лошадей. По прошествіи этого срока, зять, все-таки, не могъ внести остальной части калыма, и потому тесть, по народному обычаю, потребовалъ возвращенія дочери. Отдать жену, которую любилъ и отъ которой уже имѣлъ сына, молодой князь не соглашался. Завязалось дѣло. Отвѣтчика вызвали въ Кисловодскъ, въ домъ пристава, куда князь и пріѣхалъ, окруженный, по обыкновенію, многочисленною свитой, всегда и всюду сопровождающею своего господина. Дѣло должно было рѣшиться по кабардинскому адату, и такъ какъ судьи не были еще собраны, а князь намѣревался возвратиться домой, то приставъ и приказалъ арестовать его. Отвѣтчикъ и его свита садились уже на лошадей, когда отъ князя потребовали оружіе. Въ понятіи кабардинца и вообще всѣхъ горцевъ отнятіе оружія равносильно отнятію чести или жизни, и потому горецъ, по преимуществу гордый, дорожа своею честью, никогда не проститъ обиды, нанесенной покушеніемъ обезоружить его. Князь, при другихъ условіяхъ, исполнилъ бы приказаніе начальства безпрекословно, съ полною готовностью, но при такой формѣ требованія вышло иначе. Первый изъ посланныхъ, осмѣлившійся взять за поводья княжескую лошадь, упалъ къ ея ногамъ съ расщепленнымъ черепомъ. Прислуга и свита князя выхватили винтовки и, разчищая ими дорогу, кинулись на улицу, но, будучи окружены войсками, укрылись въ первомъ попавшемся домѣ—въ кисловодскомъ благородномъ собраніи. Занявъ на хорахъ собранія крѣпкую позицію, кабардинцы навели свои винтовки прямо на двери, и едва только показались въ нихъ солдаты, какъ съ хоръ посыпались выстрѣлы. Послѣдніе пошли на приступъ, и, послѣ

Digitized by Google

отчаяннаго сопротивленія, князь былъ убитъ, а подлѣ него легли всѣ вѣрные его спутники и слуги, заплатившіе жизнью за нарушеніе коренныхъ понятій о чести и долгѣ, сложившихся вѣками среди населенія ихъ родины». «Кого обвинять въ этой сценѣ: кабардинцевъ или кого другаго?»—спрашиваетъ г. Дубровинъ.

Религія кабардинцевъ. Кабардинцы, какъ и всѣ остальные горцы адигскаго племени, были въ древности христіане. Развалины церквей, многочисленные христіанскіе памятники, также какъ народныя преданія и остатки христіанскихъ религіозныхъ обрядовъ, служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ. По преданіямъ, христіанство введено на Кавказѣ при Юстиніанѣ, но, судя по всему, оно явилось здѣсь не какъ догматическое ученіе, а только какъ новый обрядъ. Греческіе миссіонеры обращали вниманіе исключительно на наружную, обрядовую сторону, а не на передачу смысла вѣры. Богослуженіе совершалось на греческомъ языкѣ, непонятномъ ни для прихожанъ, ни для туземныхъ священниковъ; туземной письменности не существовало. Разумѣется, результатъ вышелъ тотъ, что горцы приняли изъ христіанства, что имъ нравилось и не казалось затруднительнымъ, а въ сущности, несмотря на многочисленные христіанскіе храмы, остались язычниками; напримѣръ, они усвоили посты, соблюденіе которыхъ, при извѣстной ихъ умѣренности въ пищѣ, ничего для нихъ не стоило, а удержали свой прежній супружескій уставъ. Удивительно-ли послѣ того, что льстящее страстямъ и для дикаря болѣе осязательное, чѣмъ возвышенное ученіе Христа, магометанство нашло себѣ благодатную почву въ первобытныхъ племенахъ Кавказа? Горская дѣвушка (въ «Воспоминаніяхъ кавказскаго офицера»), желая обратить плѣнника въ магометанство, такимъ образомъ доказывала ему преимущества своей религіи: «всѣ религіи отъ Бога,—говорила она,—всѣ пророки отъ него и передавали людямъ только однѣ его заповѣди. Сперва посланъ былъ Мусса (Моисей) просвѣтить умы еврейскаго народа и подготовить своимъ закономъ

Digitized by Google

приходъ Иссы (Іисуса), котораго чистое, возвышенное ученіе, по причинѣ его строгихъ правилъ, оказалось неудобоисполнимымъ для слабаго человѣческаго рода, продолжавшаго грѣшить чрезъ безпрестанное нарушеніе ихъ. Тогда Аллахъ, въ благости своей, послалъ Магомета смягчить законъ Иссы, опредѣливъ, что тотъ, кто не станетъ слѣдовать этому послѣднему ученію, не превышающему человѣческихъ силъ, будетъ осужденъ на вѣки вѣковъ».

Первое появленіе магометанства относится къ завоеванію арабами нѣкоторыхъ частей восточнаго Кавказа въ VIII вѣкѣ. На западномъ же берегу оно появилось лишь въ концѣ XVII столѣтія. О распространеніи его болѣе всѣхъ заботились крымскіе ханы, имѣвшіе частыя и тѣсныя сношенія съ горцами; они дѣйствовали и ласками, и огнемъ и мечемъ. Съ утвержденіемъ турокъ въ Анапѣ, магометанство распространилось еще болѣе; окончательное же уничтоженіе христіанства на Кавказѣ произошло въ концѣ первой четверти XVIII столѣтія. Болѣе всего способствовала этому начавшаяся постоянная и ожесточенная война противъ русскихъ. Кабардинцы первые изъ всѣхъ адиге приняли ученіе ислама и сдѣлались самыми ревностными его поборниками; несмотря на то, у нихъ, однако, сохранилось много вѣрованій и обрядовъ, заимствованныхъ изъ христіанства и язычества. Въ настоящее время, христіанскую религію исповѣдываютъ только черкесы, живущіе въ Моздокѣ и около Пятигорска, а также и прочноокопскіе черкесы на Кубани.

Величественная и грозная природа Кавказа и ея необъяснимыя для необразованнаго ума явленія сдѣлали горцевъ чрезвычайно суевѣрными. Почти каждая рѣчка и каждое ущелье имѣютъ у нихъ своихъ духовъ и богинь. Пылкое воображеніе населило горы безчисленнымъ множествомъ сверхъестественныхъ и таинственныхъ обитателей и создало множество поэтическихъ легендъ. Разскажемъ одну изъ нихъ.

Digitized by Google

«На снѣговой вершинѣ *Эльборуса* есть громадный шарообразный камень, на которомъ сидитъ старикъ съ длинною, до ногъ, бородой; все тѣло его обросло сѣдыми волосами; длинные ногти на рукахъ и на ногахъ похожи на орлиные когти; красивые глаза горятъ, какъ раскаленные угли. На шеѣ, посрединѣ тѣла, на рукахъ и на ногахъ у него тяжелая цѣпь, которою онъ прикованъ къ камню съ незапамятныхъ временъ. Онъ былъ прежде близокъ къ великому Тха (Богу), но задумалъ свергнуть его и былъ за то прикованъ къ скалѣ на вѣчныя времена. Немногимъ удавалось видѣть прикованнаго старика, а тотъ, кто хотѣлъ добраться до него во второй разъ, — погибалъ. Иногда онъ пробуждается отъ оцѣпенѣнія, въ которомъ обыкновенно находится, и спрашиваетъ своихъ стражей: «все-ли еще ростетъ на землѣ камышъ и родится ягнята?» — «Ростетъ камышъ и родятся ягнята», — отвѣчаютъ ему стражи. Великанъ, зная, что онъ осужденъ томиться до тѣхъ поръ, пока будутъ расти камышъ и родиться ягнята, съ отчаяніемъ рветъ на себѣ оковы. Тогда земля дрожитъ отъ его движеній; звукъ цѣпей родитъ громъ и молнію, тяжелое дыханіе — порывы урагана, стоны — подземный гулъ, а слезы его — та бурная рѣка, которая съ неистовствомъ вырывается изъ подножія снѣжнаго Эльборуса». Очевидно, что это измѣненный миѳъ о Прометеѣ, прикованномъ къ скалѣ Кавказа.

По кабардинскому преданію, на томъ же Эльборусѣ обитаетъ *Джинъ-Падишахъ*, властитель духовъ и царь птицъ, которому извѣстно все будущее. Онъ также провинился передъ Тха и знаетъ, что тотъ, въ наказанье ему, пошлетъ изъ полуночныхъ странъ великановъ, которые покорятъ его мрачное заоблачное царство. И вотъ, въ мучительной тревогѣ, сѣдовласый старецъ поднимается съ своего ледянаго трона и зоветъ со всѣхъ высей и изъ всѣхъ пропастей Кавказа полчища духовъ противъ ожидаемыхъ великановъ—русскихъ. Когда онъ летаетъ, то отъ ударовъ его крыльевъ трясется земля, поднимается буря, бушуетъ море; иногда отъ трона царя, со снѣжной

Digitized by Google

вершины, несутся плачъ и стоны, — тогда умолкаютъ птицы, вянутъ цвѣты, вздымаются потоки, горы одѣваются туманомъ, трясутся и стонутъ скалы, гремитъ громъ и все покрывается мракомъ. Порою же несутся гармоническіе звуки и пѣніе блаженныхъ духовъ, витающихъ надъ трономъ грознаго владыки горъ и желающихъ пробудить въ немъ покорность великому Тха. Въ это время исчезаютъ облака съ лазурнаго неба; снѣговыя вершины сверкаютъ, какъ алмазы; ручьи тихо журчатъ; цвѣты благоухаютъ, и повсюду водворяются миръ и тишина. Но грозный старикъ не внимаетъ зову небесъ, угрюмо глядитъ на будущее и ждетъ изъ преисподней помощи противъ великановъ — русскихъ.

Предъ каждымъ новымъ годомъ многіе изъ кабардинцевъ считаютъ своей обязанностью идти на поклоненіе къ Джинъ-Падишаху; исполнившаго этотъ обрядъ не беретъ ни пуля, ни шашка до слѣдующаго новаго года, и ему удаются всѣ предпріятія. Но такъ какъ до Эльборуса добраться трудно, то обыкновенно ходятъ къ урочищу *Татаръ-Тупа*, на западномъ берегу Терека, въ 7 верстахъ ниже рѣки *Комбулея*. Тутъ не такъ давно еще можно было видѣть множество пуль, стрѣлъ, ножей, клинковъ и проч., ржавѣющихъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ.

Между прочими сказаніями о снѣговой стѣнѣ Кавказа, особенно важно одно, имѣющее политическое значеніе. Въ одномъ мѣстѣ корана Магометъ говоритъ: «по ту сторону кавказскихъ горъ живутъ *Гогъ* и *Могогъ*. Наступитъ время—они перейдутъ чрезъ эту стѣну и уничтожатъ царство правовѣрныхъ». Для кавказскихъ мусульманъ это предсказаніе уже исполнилось.

Изъ *обычаевъ* горцевъ, кромѣ гостепріимства, о которомъ мы уже говорили, слѣдуетъ отмѣтить обычай *куначества*. *Кунакъ*— это покровитель и другъ въ чужомъ обществѣ, на котораго можно положиться, какъ на самого себя. Постоянная вражда, опасности и канла породили этотъ обычай и сдѣлали его такъ необходимымъ и распространеннымъ, что ни одинъ черкесъ безъ него

Digitized by Google

не обходился. Кунакъ — это что-то въ родѣ нашего крестоваго брата. Интересенъ также обычай *аталычества*. Князья и дворяне, тотчасъ послѣ рожденія мальчика, отдавали его на воспитаніе одному изъ достойнѣйшихъ своихъ подвластныхъ, а чаще всего лицу другаго общества. Воспитатель ребенка назывался *аталыкомъ*, и, конечно, чѣмъ знатнѣе былъ отецъ новорожденнаго, тѣмъ болѣе было претендентовъ на это званіе, потому что связь по аталычеству считалась священною. Обязанность аталыка заключалась въ обученіи своего воспитанника владѣнію оружіемъ, выѣздкѣ коней, ловкости въ хищничествѣ, перенесенію трудовъ, голода и проч., однимъ словомъ—въ образованіи изъ него храбраго и ловкаго джигита. Обычай этотъ служилъ отчасти связью между разрозненными до безконечности горскими племенами. О судѣ по адату и шаріату, а также и о канлѣ—мы говорили выше. *Абрекамі* назывались бездомники, посвятившіе себя исключительно хищничеству, разбою и, стало быть, безпощадной войнѣ съ русскими. Вотъ все, что мы нашли необходимымъ сказать здѣсь объ адигскихъ племенахъ вообще и о кабардинцахъ въ особенности.

Площадь Кабарды занимаетъ около 630 тыс. десятинъ, съ населеніемъ около 6 тыс. дворовъ,—слѣдовательно, приходится около 17 дес. на душу обоего пола, или на ревизскую—около 35 дес. При уничтоженіи крѣпостнаго права, бывшимъ холопамъ отведено по 7 дес. на душу (всего около 280 тыс. дес.), остальная же земля отведена дворянамъ (100—300—600 дес., смотря по чину и древности рода). Кромѣ того, оставлены въ общественномъ пользованіи, у подножія Эльборуса, громадныя пастбища (около 230 тыс. десят.) и лѣсу около 60 тыс. десятинъ. Въ настоящее время Кабарда составляетъ часть Терской области.

При *переѣздѣ чрезъ Малку*, путешественника поражаетъ перемѣна въ характерѣ мѣстности. Степь осталась позади, впереди же открывается Кабарда, съ ея черкесскимъ населеніемъ, Те-

Digitized by Google

рекомъ, многочисленными рѣчками, ручьями, роскошной зеленью, остатками лѣсовъ и панорамой горъ, съ ихъ темными ущельями, изъ которыхъ съ шумомъ мчатся: Баксанъ, Чегемъ, Урванъ и др. горныя рѣчки.

Прохладная. Перейдя на поросшій тростникомъ и кустарникомъ правый берегъ Малки (привольное жилище безжалостно истребляемыхъ фазановъ; въ первое мое путешествіе пара ихъ стоила 25 к., а теперь дороже рубля), поѣздъ скоро переѣзжаетъ быстрый Баксанъ съ его притоками, а потомъ, между станціями *Котляревской* и *Бароковой*, и самый Терекъ. Мѣстность вся покрыта мелкими остатками нѣкогда непроходимыхъ дубовыхъ лѣсовъ. Хотя, какъ я сказалъ выше, поздній приходъ поѣзда и мѣшаетъ видѣть горы, но, все-таки, опишемъ видимую издали ихъ панораму.

Почти прямо противъ Владикавказа, на лѣвомъ берегу вырывающагося изъ Дарьяльскаго ущелья Терека, возвышается величественный *Казбекъ* (16,553 ф.); рядомъ съ нимъ виднѣются широкія поля глетчеровъ, покрывающихъ группу горы *Джимерай-гохъ* (15,700 ф.), названной такъ отъ симетическаго племени Джимеръ, извѣстнаго уже въ священномъ писаніи и обитавшаго здѣсь еще раньше II-го тысячелѣтія до нашей эры. Затѣмъ, все къ западу, слѣдуетъ снѣжная группа *Куртатинскихъ горъ*, не такъ величественная, какъ первыя двѣ; высочайшая въ этой группѣ вершина *Сырху-Барзомъ* (13,660 ф.). Далѣе къ западу виднѣются: гора *Тепли* (14,530 ф.), *Цміакомъ-гохъ* (13,600 ф.), *Кахотверъ*, остроконечный конусъ *Адай-гохъ* (15,260 ф.), съ принадлежащими къ его группѣ снѣговыми горами— *Чагатъ* и *Царгатъ*, и т. д. Такъ какъ большая часть этихъ горъ значительно выше Монблана, то уже изъ одного этого можно заключить о поразительной эффектности этой картины, преимущественно подъ осень или зимою, когда, въ свѣтлые дни, прозрачность атмосферы дозволяетъ разсмотрѣть все, какъ на ладони. Ниже снѣ-

Digitized by Google

говаго гребня тянется ярусъ массивныхъ каменныхъ горъ и голыхъ скалъ, въ числѣ которыхъ особенно замѣтны: на правомъ берегу Терека—*Матъ-гохъ* и *Столовая гора;* на лѣвомъ берегу—каменистый *Адай-гохъ*, *Чатъ-гохъ*, *Фотхусъ*, *Кариу-гохъ*, *Карца* и проч. Эти высокія скалы и горы закрываютъ видъ на полосу, соотвѣтствующую альпійскимъ пастбищамъ.

При взглядѣ на Кавказскій хребетъ, невольно является въ воображеніи и напрашивается на сравненіе другая страна высочайшихъ горъ въ Европѣ, именно—Швейцарія.

Кто видѣлъ Швейцарію, тотъ еще не имѣетъ понятія о грозномъ величіи Кавказа; Аппенинны почти такие относятся къ Альпамъ, какъ послѣднія къ Кавказскому хребту. Здѣсь нѣтъ очаровательныхъ голубыхъ и зеленыхъ озеръ, окаймленныхъ снѣжными вершинами вдали. Кавказъ не плѣнитъ васъ прелестью озернаго ландшафта,—въ его горахъ все поразительно, величаво и по большей части угрюмо. Въ Швейцаріи первенство принадлежитъ ландшафту,—на Кавказѣ впечатлѣніе, производимое на путешественника долинами, мержнетъ предъ образами грозной горной картины. *Монбланъ (14,800 ф.)* уступаетъ второстепеннымъ кавказскимъ горамъ, напримѣръ *Джимерай-Гоху (15,700 ф.)* и *Адай-Гоху (15,260 ф.); Казбекъ* же *(16,557 ф.)* выше Монблана на цѣлыя полверсты, *Дыхъ-Тау (16,941 ф.)* на 300 саженъ, а *Эльборусъ (18,527 ф.)* на одну версту и 32 сажени. Шумъ швейцарской Рейсы (кромѣ ущелья Чертова моста) далеко не сравняется съ львинымъ ревомъ Терека во время его разлива; сентъ-готардская дорога также уступаетъ военно-грузинской и Дарьяльскому ущелью. По крайней мѣрѣ, таково впечатлѣніе, произведенное на меня Кавказомъ.

Въ 10 ч. вечера поѣздъ приходитъ во Владикавказъ, откуда уже начинается военно-грузинская дорога.

Digitized by Google

ГЛАВА II.

Кавказскія минеральныя воды.

Какъ мы сказали выше, на станц. *Минеральныя воды* слѣзаютъ всѣ желающіе ѣхать въ Пятигорскъ и на другія группы водъ. Ѣхать можно или въ омнибусѣ или въ извощичьемъ фаэтонѣ. *Плата* въ омнибусахъ до *Пятигорска* (18¼ в.): 1-е мѣсто 1 р. 50 к., 2-е—1 р.

Отъ Пятигорска до Ессентуковъ (15¼ в.)—1-е мѣсто 1 р. 20 к., 2-е—80 к. (Въ Пятигорскѣ смѣна экипажей).

Отъ Ессентуковъ до Кисловодска (20¾ вер.; опять смѣна)—1-е мѣсто 1 р. 50 к., 2-е—1 р.

Между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ—1-е мѣсто 1 р. 20 к., 2-е—80 к. За багажъ вездѣ 30 к.

Вторыя мѣста—крытыя линейки, въ которыхъ, въ жаркое время, гораздо пріятнѣе ѣхать, чѣмъ въ душныхъ каретахъ 1-го класса; только надо постараться сѣсть на тѣневую (лѣвую) сторону. Гораздо пріятнѣе и удобнѣе ѣхать въ фаэтонѣ. Если ѣдете одни, то, ради экономіи, всегда можно подъискать спутника еще на желѣзной дорогѣ. Наемкой экипажа надо поторопиться.

Цѣна фаэтонамъ: въ Пятигорскъ—около 3 р., въ Ессентуки—около 5 р., въ Кисловодскъ—около 8 р., въ Желѣзноводскъ—почти тоже, что и въ Пятигорскъ.

Пятигорскія минеральныя воды.

На Кавказѣ насчитываютъ болѣе 200 минеральныхъ источниковъ, но первое между ними мѣсто принадлежитъ, неоспоримо, водамъ

Digitized by Google

Пятигорска и сосѣднимъ съ нимъ группамъ минеральныхъ водъ. Здѣсь, на разстояніи 40 верстъ, больные находятъ то, чего бы имъ надобно было искать по всей Германіи и Франціи, а пожалуй и то, чего они не найдутъ ни въ той, ни въ другой.

Пятигорскія или, какъ ихъ вообще называютъ, Кавказскія воды состоятъ изъ 4-хъ отдѣльныхъ и совершенно различныхъ по своимъ свойствамъ группъ, расположенныхъ на разстояніи 17—20 верстъ одна отъ другой, а именно: 1) *Пятигорской группы,* примыкающей къ горѣ *Машукъ* и заключающей въ себѣ сѣрные источники различной температуры и силы; 2) *Желѣзноводской,* къ сѣв.-востоку отъ Пятигорска, съ желѣзистыми источниками отъ 11° до 40° Реом.; 3) *Ессентукской* — солено-щелочной и сѣрно-щелочной группы, къ юго-западу отъ Пятигорска, при впаденіи р. *Бугунты* въ *Подкумокъ*, близъ Ессентукской станицы; 4) далѣе на югъ, вверхъ по Подкумку, *Кисловодской* группы, съ ея знаменитымъ углекислымъ источникомъ—*Нарзаномъ*; это самая южная и самая возвышенная по мѣстоположенію группа.

Пятигорскъ, Ессентуки и Кисловодскъ лежатъ въ долинѣ Подкумка, а Желѣзноводскъ у подошвы Желѣзной горы, къ сѣв.-востоку отъ Пятигорска, отъ котораго онъ отдѣляется горою Бештау.

Пятигорскъ.

Исторія минеральныхъ его водъ слѣдующая: открытіе ихъ обыкновенно относятъ къ 1774 г., хотя есть извѣстіе, что еще Петръ В. зналъ объ ихъ существованіи. Ученый путешественникъ Клапротъ, посѣтившій ихъ въ 1807 г., пишетъ, что въ то время на мѣстѣ Пятигорска былъ только одинъ плохо выстроенный домъ, а для больныхъ всего-на-все одна ванна на 6 человѣкъ, грубо высѣченная въ туфяной скалѣ. Посѣтители пріѣзжали утромъ изъ Константиногорскаго укрѣпленія, основаннаго въ 1780 г. (Теперь на его мѣстѣ только 2 кургана и полузаросшій крѣпостной валъ

Digitized by Google

въ 3-хъ верстахъ отъ Пятигорска). Размѣстившись на день около источниковъ въ калмыцкихъ кибиткахъ и балаганахъ, они на ночлегъ опять отправлялись въ укрѣпленіе, подъ конвоемъ. Въ 1811 г., кромѣ пользовавшихся на казенный счетъ военныхъ чиновъ, насчитывалось уже болѣе 200 семействъ, пріѣзжихъ изъ Россіи. Въ 1812 г. константиногорскій чиновникъ Черневскій выстроилъ первые два дома и такимъ образомъ первый началъ Пятигорскъ.

Съ каждымъ годомъ окружающая мѣстность становилась все болѣе и болѣе безопасной; явились частные жертвователи (напр., астраханскій купецъ Ѳедоровъ пожертвовалъ 60 тыс. руб.). Городъ началъ обстраиваться, но все еще довольно медленно, до тѣхъ поръ, пока не взялся за это А. П. Ермоловъ, у котораго дѣло пошло не такъ, какъ оно идетъ въ комиссіяхъ.

Знаменитый главнокомандующій сразу увидѣлъ всю важность пятигорскихъ водъ для Кавказа и для Россіи. Безъ всякихъ колебаній, въ 1819 г., онъ приказалъ сломать старыя ванны и замѣнить ихъ новыми, провести къ нимъ удобную дорогу, распланировать мѣсто и проч. *И все это дѣлалось только впредь до утвержденія окончательныхъ проектовъ. Въ 1822 г. послѣдовало высочайшее повелѣніе составить планы и смѣты для устройства Кавказскихъ минеральныхъ водъ.* Въ этомъ же году для изслѣдованія ихъ былъ присланъ академикъ Нелюбинъ, оставившій одно изъ лучшихъ описаній. Тогда же были приглашены два талантливыхъ архитектора, братья Бернардацци—истинные художники, какихъ уже потомъ не имѣлъ Пятигорскъ. Въ 1824 г. было ими заложено первое прекрасное капитальное зданіе—казенная гостиница. Въ 1826 г. было заложено зданіе николаевскихъ ваннъ.

Генералъ Эмануэль (1826—1831 г.) тоже съ любовью и неутомимостью занимался украшеніемъ Пятигорска. При немъ построены орловскій и офицерскій домъ для неимущихъ, разведены

Digitized by Google

бульвары и цвѣтники, построенъ гротъ Діаны, сдѣланы водопроводы для стока минеральной воды, разбитъ новый паркъ, на горѣ за Михайловскимъ источникомъ, проложена дорога на вершину Машуки и проч.

Въ 1847 г. заложенъ каѳедральный соборъ, оконченный въ 1867 г.; въ 1833 — 36 гг. устроено вельяминовское шоссе, вдоль южнаго ската Машуки, къ Елизаветинскому и верхнимъ источникамъ; въ 1835 г. основанъ казенный садъ; въ 1836—40 годахъ—александро-николаевскія ванны; въ 1846—48 гг. —михайловская галлерея; въ 1847—51 гг.—елизаветинская галлерея; въ 1851 г.—галлерея при Сабанѣевскомъ источникѣ. Покойный государь Николай Павловичъ, при посѣщеніи Пятигорска въ 1837 г., приказалъ отпускать на устройство и поддержаніе водъ ежегодно 200 тыс. руб. ассигнаціями.

Пятигорскъ, уѣздный городъ Ставропольской губерніи, съ 5,000 д. населенія, нисколько не походитъ на другіе уѣздные города Россіи, а скорѣе имѣетъ видъ заграничнаго, развившагося при минеральныхъ водахъ городка. Онъ расположенъ на лѣвомъ берегу *Подкумка*, у подножья горы Машуки, на 1,560 ф. надъ поверхностью моря. Съ сѣверо-востока, отъ Георгіевска, къ нему примыкаетъ равнина, постепенно возвышающаяся къ югу, по направленію къ Ессентукамъ и Кисловодску. *Машука* имѣетъ видъ усѣченнаго конуса и возвышается надъ моремъ на 3,258 ф. Съ юго-востока примыкаетъ къ ней узкое и продолговатое возвышеніе, спускающееся въ городъ почти параллельно Подкумку и оканчивающееся уступомъ около сѣрно-щелочныхъ ваннъ: это—*Горячая* гора, заключающая въ себѣ всѣ главные минеральные источники Пятигорска. Тамъ, гдѣ Горячая соединяется съ Машукой, находятся *Елизаветинскій источникъ* и елизаветинская галлерея.

Главные пятигорскіе источники слѣдующіе: *Портяпинскій, Варваціевскій, Константиновскій, Александро-Николаев-*

Digitized by Google

скій; ниже, начиная отъ елизаветинской галлереи, *Александровскій* и *Ермоловскій;* наконецъ, у самаго Подкумка, находятся *сѣрно-щелочные источники;* съ внутренней стороны, къ городу, противъ находящагося наверху *Александровскаго ключа,* находится ключъ *Николаевскій;* къ верху отъ елизаветинской галлереи, на Машукѣ, находятся *Михайловскіе ключи.*

На сѣверъ отъ Машуки лежитъ высочайшая и красивѣйшая въ здѣшней мѣстности гора *Бештау* (4,589 ф.), съ примыкающими къ ней нѣсколькими другими вершинами. Отъ Бештау получилъ названіе и Пятигорскъ (Бештау по-русски значитъ пятигорье).

Еще далѣе на сѣверъ лежитъ *Желѣзная гора* (3,818 ф.), покрытая сплошнымъ и густымъ лѣсомъ, сливающимся съ лѣсомъ на Бештау. Въ возвышенной и сѣдлообразной впадинѣ, которая образовалась отъ соединенія Желѣзной горы и Бештау, лежатъ желѣзныя минеральныя воды и Желѣзноводская станица.

Гостиницы въ Пятигорскѣ. Лучшая и самая дорогая—«*гостиница минеральныхъ водъ*», называемая также и благороднымъ собраніемъ. Это прекрасное казенное зданіе, расположенное въ центрѣ бульваровъ и построенное Бернардацци въ 1824 г.; въ 1871 г. къ зданію пристроенъ особый подъѣздъ съ обширною швейцарской; нижній этажъ гостиницы, гдѣ помѣщаются кафе-ресторанъ, общій столъ и читальная зала, получилъ больше удобства и простора, какъ вслѣдствіе разрѣшенія управленію сдѣлать такъ называемую дамскую половину доступною для всѣхъ, такъ и отъ расширенія танцовальнаго зала пробитіемъ широкихъ арокъ въ сосѣднія комнаты.

Верхній этажъ занятъ 9-ю номерами для пріѣзжающихъ; на дворѣ въ особыхъ помѣщеніяхъ еще 4 семейныхъ номера. Цѣна за номеръ отъ 1 р. до $2^1/_2$ р. въ сутки.

Далѣе слѣдуютъ «*Европейская*» и «*Центральная*» *гостиницы. Меблированныя комнаты* рядомъ съ «гостини-

Digitized by Google

цей минеральныхъ водъ» на бульварѣ не особенно дороги, но и не хороши.

Пріѣзжающіе для лѣченія стараются обыкновенно пріискать *квартиры* въ домахъ частныхъ лицъ. Для полученія свѣдѣній о нихъ слѣдуетъ обратиться въ *контору минеральныхъ водъ;* объявленія о квартирахъ печатаются также и въ «*Листкѣ Минеральныхъ Водъ*», выходящемъ еженедѣльно. Если надо лѣчиться на другихъ группахъ, то лучше сначала отправиться на легкѣ для пріисканія квартиры и потомъ уже перебираться совсѣмъ. Въ Пятигорскѣ за квартиру въ 6 комнатъ, съ очень скромною мебелью, платятъ 400 р. с. въ лѣто. Одну комнату можно имѣть за 20 и даже за 15 р. въ мѣсяцъ. Въ нѣсколько отдаленныхъ частяхъ города, напр. въ Кабардинской слободкѣ, можно имѣть дешевле. При заключеніи условія о наймѣ квартиры на все лѣто, необходимо оговориться о правѣ передачи ея другому лицу, въ случаѣ отъѣзда раньше срока. Постели и постельное бѣлье есть только въ «гостинницѣ минеральныхъ водъ», въ остальныхъ же номерныхъ помѣщеніяхъ въ этомъ чувствуется большой недостатокъ, также какъ и въ посудѣ. Рынокъ ежедневный, но главный торгъ по понедѣльникамъ. Съѣстные припасы хотя и не дороги, но наемъ повара и прислуги очень затруднителенъ; семейнымъ людямъ лучше или привезти ихъ съ собой, или имѣть столъ въ гостинницѣ.

Главная контора водъ помѣщается въ *домѣ управленія* (во второй, параллельной главному бульвару улицѣ).

Справочная контора (противъ николаевскаго вокзала, на боковомъ бульварѣ) назначается для продажи купаленныхъ билетовъ и вообще для справокъ: о квартирахъ, омнибусахъ, отходѣ почты и проч.; здѣсь же записываются жалобы и желанія посѣтителей относительно пользованія водами.

«Листокъ Минеральныхъ Водъ» выходитъ еженедѣльно и продается отдѣльными нумерами по 10 к. въ конторѣ управленія.

Digitized by Google

Библіотека открыта ежедневно, кромѣ воскресныхъ и табельныхъ дней, отъ 9 до 1 часа утра и отъ 3-хъ до 7 вечера. Съ 1-го мая по 1-е сентября открыта ежедневно. Абонементъ за весь курсъ стоитъ 5 р.; входный билетъ на одинъ разъ 5 коп.

Геогностическій музей, при николаевскомъ вокзалѣ, открытъ ежедневно въ извѣстные часы. Каталогъ продается тутъ же.

Почтою и телеграфомъ Пятигорскъ правильно соединенъ съ Россіей, а слѣдовательно и съ Европой. Открытъ телеграфъ отъ 7 ч. утра до 9 ч. вечера.

Городскіе экипажи и верховыя лошади. Экипажи: фаэтоны, открытыя и закрытыя дрожки—по таксѣ. Во время утренняго и вечерняго питья водъ (т. е. отъ 5 до 8 ч. утра и отъ 4 до 6 ч. послѣ обѣда) между николаевскимъ вокзаломъ и елизаветинской галлереей ходятъ линейки, съ платою 15 к. за каждый конецъ. Для прогулокъ верхомъ всегда есть лошади съ сѣдлами; отдающіе ихъ напрокатъ имѣютъ агентовъ, постоянно стоящихъ на площади, ниже дома Уптана. Цѣна за лошадь 50—75 к. въ часъ и дороже.

Омнибусы ходятъ во время курса между группами водъ постоянно. Они отправляются ежедневно отъ «гостиницы минер. водъ». Билеты берутъ въ конторѣ. Билеты дѣйствительны лишь на то число, на которое взяты, и, въ случаѣ опозданія, обратно не принимаются. Багажъ допускается только ручной. Можно нанимать лошадей и подъ собственный экипажъ и троечные тарантасы у ямщиковъ — при началѣ бульвара, около биржи.

Пользованіе водами. Потребность въ учрежденіи мѣста, гдѣ пріѣзжіе больные, въ первое время пребыванія на водахъ, могли бы найти указаніе и наставленіе къ пользованію ими, была сознана уже давно. Бывшее управленіе водъ г. Новосельскаго установило для этой цѣли постоянный консиліумъ изъ врачей, служащихъ на водахъ, подававшій совѣты и бравшій на себя обязанность слѣдить за ходомъ лѣченія. Обширность занятій во время

Digitized by Google

курса и распредѣленіе больныхъ по всѣмъ группамъ указали на невозможность точнаго выполненія второй половины задачи, т. е. наблюденія цѣлымъ консиліумомъ за ходомъ лѣченія; поэтому въ настоящее время **консультація** исполняетъ свое назначеніе въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. опредѣляетъ болѣзнь и назначаетъ лѣченіе. Въ ней принимаютъ участіе приглашаемые управленіемъ для научнаго изученія водъ профессора университетовъ; кромѣ того, всѣ врачи, практикующіе въ Пятигорскѣ, могутъ также участвовать въ ней и приводить на общее обсужденіе своихъ больныхъ. За поданіе совѣта въ консультаціи платится 5 р. Людямъ недостаточнымъ совѣты подаются безплатно. Само собою разумѣется, что больные нисколько не стѣснены въ выборѣ врачей, какъ принадлежащихъ, такъ и не принадлежащихъ къ консультаціи. Я пользовался у Александра Андр. Витмана и могу смѣло рекомендовать его.

Курсъ лѣченія открывается въ Пятигорскѣ съ 1-го мая; въ Ессентукахъ съ 15-го мая; въ Желѣзноводскѣ съ 1-го іюня; въ Кисловодскѣ съ половины іюля. Продолжается: въ Кисловодскѣ до 10-го сентября, въ Пятигорскѣ до конца сентября, въ Ессентукахъ оканчивается раньше.

Въ нашемъ путеводителѣ невозможно передать всѣхъ подробностей и правилъ о лѣченіи, также какъ объ установленныхъ на все таксахъ и проч.,—да онъ и писался вовсе не съ этою цѣлью. Обо всемъ этомъ можно узнать подробно въ управленіи водъ или изъ спеціальныхъ *путеводителей къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ*.

Жизнь и развлеченія въ Пятигорскѣ. Пятигорскъ, не только во время лѣтняго сезона, но и въ остальную часть года, ведетъ жизнь, мало похожую на жизнь другихъ небольшихъ городовъ внутри Россіи и на Кавказѣ. Его климатъ, воды и дешевизна всѣхъ первыхъ жизненныхъ потребностей заставляютъ многихъ, окончившихъ службу на Кавказѣ, выбирать его своимъ постояннымъ мѣс-

Digitized by Google

томъ жительства. Во время сезона, какъ и на всѣхъ водахъ, жизнь въ Пятигорскѣ начинается рано. Съ 4 и 5 часовъ утра больные уже отправляются пить воды и брать ванны; по окончаніи питья водъ, часамъ къ 8 утра, больные завтракаютъ, а потомъ до 12 час. берутъ ванны. Отъ 12 до 2-хъ часовъ—время обѣда; послѣ обѣда одни идутъ въ ванны, другіе отправляются на бульваръ дожидаться музыки, которая играетъ отъ 5 до $7^1/_2$ часовъ, или же устраиваютъ катанья, прогулки, восхожденіе на Машуку и проч. По вечерамъ устраиваются или танцовальные вечера въ николаевскомъ вокзалѣ, или балы въ «гостинницѣ минеральныхъ водъ», или, наконецъ, концерты и спектакли. Къ 10 часамъ все благоразумное ложится спать, а неблагоразуное играетъ въ карты. Для серьезныхъ развлеченій и занятій есть библіотека и музей.

Бульвары и примыкающіе къ нимъ цвѣтники, одинъ подъ елизаветинскою галлереей, другой—противъ николаевскихъ ваннъ, служатъ прекраснымъ мѣстомъ для прогулокъ. Въ первомъ изъ нихъ находятся нѣсколько замѣчательныхъ памятниковъ, найденныхъ въ окрестностяхъ Пятигорска и принадлежащихъ частію языческимъ, а частію христіанскимъ временамъ; всѣ они собраны членомъ одесскаго археологическаго общества Карамомъ Фирковичемъ въ Большой и Малой Кабардѣ, часть которыхъ составляетъ и Пятигорскій край, принадлежавшій, еще въ концѣ XVIII столѣтія, князьямъ Тархановымъ, изъ рода Джембулата. Изъ памятниковъ замѣчательны: большая человѣческая фигура съ греческой надписью и выпуклыми изображеніями; большой крестъ, тоже съ греческой надписью и конными изображеніями; другой каменный крестъ, съ греческой же надписью; два человѣческихъ истукана; нѣсколько гробничныхъ камней съ арабскими надписями (помѣщены въ гротѣ Лермонтова).

Къ большому бульвару и николаевскому цвѣтнику примыкаетъ, подъ острымъ угломъ, другой бульваръ, малый, идущій вверхъ, къ ермоловскимъ ваннамъ. Почти при самомъ началѣ его, пройдя ротонду для музыки, находится красивый николаевскій вокзалъ,

Digitized by Google

заключающій въ себѣ музей, публичную библіотеку и комнату для консультаціи врачей. За нимъ слѣдуетъ направо гротъ Діаны, построенный Бернардацци и напоминающій своею формою пятиглавую Бештау. Тутъ же продается кумысъ. При входѣ въ гротъ по обѣимъ сторонамъ стоятъ двѣ чугунныя доски (отлитыя въ 1829 г. на Луганскомъ заводѣ), съ надписями, показывающими, что онѣ отлиты въ память восхожденія академиковъ Купфера, Ленца, Менетрія, Мейера и архитектора Бернардацци на Эльборусъ до высоты 15,700 ф. и кабардинца Хилара до 16,330 ф., изъ лагеря ген. Эмануэля, стоявшаго на высотѣ 8,000 ф. надъ моремъ. На одной доскѣ надпись русская, на другой туземная. Поднимаясь выше, входятъ на площадку ермоловскихъ ваннъ, откуда открывается прекрасный видъ на городъ, Машуку и Бештау. Поднимаясь далѣе, вы встрѣчаете бьющую изъ горы струю Александровскаго ключа, входите на возвышеннѣйшую часть Горячей горы и идете по замѣчательной въ ней трещинѣ, служившей первоначальнымъ истокомъ минеральныхъ водъ. Слѣдя за нею, вы сворачиваете нѣсколько влѣво и, огибая, такимъ образомъ, всю эту часть города, выходите на площадку елизаветинской галлереи. Проходя ее, вы снова поднимаетесь налѣво и входите въ небольшой натуральный гротъ, освященный воспоминаніемъ и талантомъ Лермонтова (въ «Героѣ нашего времени») и названный, въ честь его, лермонтовымъ гротомъ. Почти прямо надъ нимъ бесѣдка, называемая эоловой арфой, а за ней, налѣво, эмануэлевскій паркъ, примыкающій къ подножію Машука, направо же—красивая михайловская галлерея.

Прогулка на Машуку. Позади михайловской галлереи и почти противъ эоловой арфы идетъ извилистая дорожка, по которой, верхомъ или пѣшкомъ, взбираются на вершину Машуки. Дорожка эта длиною отъ $1^1/_2$ до 2-хъ верстъ. Въ ясный, безоблачный день съ вершины горы, открывается дивный видъ, съ одной стороны—на величественную цѣпь Кавказскаго хребта, начинающуюся

Digitized by Google

Казбекомъ и кончающуюся Эльборусомъ; съ другой—на Ессентуки, Георгіевскъ, станицы, соляныя озера, колонія и проч. Лучшее время для этой прогулки—или рано поутру, или часа въ 3—4 послѣ обѣда. Запаздывать возвращеніемъ не слѣдуетъ, потому что на горѣ къ вечеру быстро наступаютъ охлажденіе и сумерки. На ходьбу на Машуку и обратно надо употребить около 3-хъ часовъ.

Прогулка къ большому провалу. Послѣ пробитія въ провалъ тоннеля г. Лазаревымъ, въ 60-хъ годахъ, путь къ его верхнему отверстію совсѣмъ оставленъ, и нынѣ къ провалу ѣздятъ мимо елизаветинской галлереи, по шоссе, въ экипажѣ. У входа въ тоннель ресторанъ, гдѣ бываетъ иногда иллюминація и играетъ музыка. Провалъ имѣетъ видъ цилиндра, до 8 саж. въ діаметрѣ и до $12^1/_2$ вышины; освѣщается онъ чрезъ отверстіе сверху. Болѣе половины дна занято 2-мя бассейнами: большимъ (влѣво), наполняющимся водою изъ трещины, и малымъ правѣе. Оба они соединены между собою маленькимъ проливомъ. На правой сторонѣ колодецъ минеральной воды и надъ нимъ икона; свѣтъ въ провалѣ сѣро-голубоватый.

Прежнія наблюденія удостовѣряютъ, что въ старину все дно провала было покрыто водою, теперь же, вѣроятно вслѣдствіе прежнихъ постоянныхъ осыпей, она покрываетъ только половину. Сводъ, лежащій надъ большимъ бассейномъ, оканчивается трещиной, напоминающей собою трещину варваціевскихъ ваннъ и малые провалы на Горячей горѣ. Глубина озера доходитъ до $5^1/_2$ саж. Температура воды въ немъ держится почти постоянно около 29° Реом.; но въ лѣтнее время, когда количество воды въ озерѣ увеличивается и начинается значительный стокъ ея наружу (до 1,500 ведеръ въ часъ), температура доходитъ до 32°. Вода въ озерѣ такъ чиста, что на глубинѣ $1^1/_2$ сажени ясно видны камни.

Близъ трещины замѣчается сильное отдѣленіе газовъ. Если сверху упадетъ довольно большой камень и при паденіи увлечетъ за собою внизъ другіе камни, изъ которыхъ состоитъ кру-

Digitized by Google

той берегъ бассейна, то насыщенная газомъ вода начинаетъ волноваться; сначала въ ней показываются, съ шипѣньемъ, отдѣльные пузыри, а потомъ вся масса воды какъ-бы закипаетъ, и весь бассейнъ покрывается бѣлой пѣной. Послѣ нѣсколькихъ повторительныхъ опытовъ этого рода, когда газъ, насыщающій воду, отдѣлится изъ нея, вода перестаетъ закипать, и нужно довольно долгое время, чтобы явленіе могло повториться съ прежней силой.

Въ провалѣ ощутителенъ запахъ сѣро-водорода, и всѣ серебряныя вещи, оставленныя въ немъ, равно какъ и измѣрительные шнуры, окрашенные бѣлилами, чернѣютъ весьма быстро; впрочемъ, дышать въ немъ можно совершенно свободно.

Недалеко отъ входа изъ тоннеля недавно показался источникъ такой же воды, какъ и въ озерѣ, съ прибавленіемъ излишняго количества углекислоты. Онъ обдѣланъ бассейномъ, для внутренняго употребленія.

На днѣ провала все кажется тихимъ,—слышится лишь воркованье голубей, во множествѣ населяющихъ провалъ, да изрѣдка доносится легкое, чуть слышное шипѣнье отдѣляющагося изъ воды газа. Но если сверху упадетъ камень—раздается глухой плескъ; голуби въ испугѣ начинаютъ летать, биться о скалы, и звукъ тяжкаго хлопанья ихъ крыльевъ, отражаясь отъ скалъ, доносится наверхъ глухимъ подземнымъ гуломъ. Скоро, однако, все успокоивается, и тишина настаетъ снова. Кромѣ голубей, провалъ населяютъ летучія мыши, водящіяся здѣсь въ невѣроятномъ количествѣ. Первые занимаютъ свѣтлую половину провала, а вторыя покрываютъ сплошными рядами его темныя части и впадины. Рано утромъ летучія мыши, убѣгая отъ солнечнаго свѣта, возвращаются въ провалъ, а на встрѣчу имъ вылетаютъ голуби, отправляющіеся за кормомъ; вечеромъ же, наоборотъ, возвращаются голуби и вылетаютъ за добычей мыши. Тѣ и другія, впрочемъ, живутъ въ провалѣ мирно и никогда не переходятъ за границы своихъ владѣній.

Digitized by Google

Въ старину,—разсказываютъ пятигорскіе старожилы,—когда русскіе впервые поселились въ этомъ краѣ, отъ начальства казакамъ былъ данъ строжайшій приказъ не затѣвать ссоръ съ татарами и не обнажать противъ нихъ оружія ни подъ какимъ видомъ. Татары знали это очень хорошо и, разумѣется, старались всячески обирать русскихъ. Русскіе сносили обиды, но когда имъ приходилось ужъ не втерпежъ, то они заразъ жестоко отплачивали татарамъ; жертвы кровавыхъ схватокъ кидались сверху въ провалъ—и концы прятались въ воду. Можетъ быть, это обстоятельство и было причиной того, что и въ настоящее время большой провалъ, между простолюдинами, имѣетъ славу какого-то проклятаго мѣста. Пропадетъ человѣкъ безъ вѣсти—онъ свалился въ провалъ; случится пропажа, которая не отыскивается—въ провалъ сброшена; гдѣ убитъ *Лермонтовъ*?—у провала. До пробитія туннеля, спускъ въ провалъ сверху былъ труденъ и опасенъ, а въ прежнее время онъ считался и совсѣмъ невозможнымъ. Въ 50-хъ годахъ находились, однако же, смѣльчаки, которые рѣшались на это опасное путешествіе.

Нижняя часть провала, видная только вполовину сверху, образуетъ естественный гротъ, изумляющій наблюдателя и причудливостью своихъ очертаній и громадностью размѣровъ. Подземное озеро, глубоко вдающееся подъ своды юго-западной стѣны, еще болѣе увеличиваетъ оригинальность картины. Основаніе грота овальное; наибольшая ось овала имѣетъ 13 саж. длины.

Прогулка вокругъ Машуки. Идя по той же дорогѣ, мимо большаго провала, и круто поднявшись на лѣсистое возвышеніе отростка Машуки, мы огибаемъ всю эту гору при ея подошвѣ. Эту прогулку всего удобнѣе сдѣлать верхомъ; для экипажей представляетъ неудобство крутой подъемъ близъ провала, а потому желающіе ѣхать вокругъ Машуки въ экипажахъ объѣзжаютъ этотъ подъемъ, выѣзжая изъ города по почтовой дорогѣ и сворачивая съ нея влѣво, тотчасъ проѣхавши гору, мимо лѣсной караулки.

Digitized by Google

Вся длина этого пути вокругъ Машуки простирается отъ 7 — 8 верстъ. На мѣстѣ, составляющемъ половину пути, находится такъ называемая *перкальская карауллка*, у которой вытекаетъ изъ горы прекрасный ключъ прѣсной воды; сюда часто ѣздятъ вечеромъ пить чай. Доѣзжая верхомъ, по направленію къ городу, до машукскаго казачьяго поста, путешественникъ невольно останавливается предъ внезапно раскрывшеюся у его ногъ панорамою Пятигорска.

Прогулка въ публичномъ саду. Расположенный по берегу Подкумка, въ полуверстѣ отъ города, по направленію къ Ессентукамъ, садъ этотъ представляетъ прохладу въ самое знойное время. Обширность и разнообразіе его, по справедливости, даютъ ему право на названіе одной изъ лучшихъ пятигорскихъ прогулокъ. Но поздно вечеромъ, по причинѣ влажности воздуха, въ немъ оставаться не слѣдуетъ, особенно берущимъ ванны.

Прогулка на Бештау. Доступъ къ самой средней вершинѣ этой горы всего удобнѣе изъ Желѣзноводска, но изъ Пятигорска поѣздка на Бештау, чрезъ юго-восточный склонъ ея, по направленію водопровода, къ прѣснымъ источникамъ, чрезвычайно живописна. Эту прогулку, конечно, нельзя иначе дѣлать, какъ верхомъ. Длина пути отъ Пятигорска около 7 верстъ. Обширность и разнообразіе видовъ вполнѣ вознаграждаютъ за поѣздку. Можно подъѣхать весьма близко къ прѣснымъ источникамъ и въ экипажѣ, дѣлая объѣздъ горы по дорогѣ въ Суворовскую станицу *).

Прогулка въ шотландскую колонію Каррасъ. На полудорогѣ отъ Пятигорска къ Желѣзноводску, выѣхавши изъ лѣса, соеди-

*) Изъ Желѣзноводска обыкновенно начинаютъ взъѣзжать на Бештау часа за два до восхода солнца, чтобы встрѣтить его уже на остроконечной вершинѣ, представляющей небольшую площадку. Отсюда въ хорошую погоду открывается величественный видъ на снѣговой хребетъ отъ Казбека до Эльборуса. Вся мѣстность, особенно къ горамъ, представляется изрытою балками, волнообразною—и на ней, изъ разстилающагося утренняго тумана, горы *Джуца*, *Юца*, *Лысая*, *Бык*, *Вербмодъ* и *Кумъ* предоставляются какъ бы одинокими островами посреди моря.

Digitized by Google

няющаго подошвы Машуки и Бештау, встрѣчаютъ Каррасъ или Шотландку. Начало этой колоніи положено въ 1802 г. нѣсколькими миссіонерами (Брунтонъ, Патерсонъ), выпросившими позволеніе поселиться около Пятигорска для распространенія христіанской вѣры между черкесами и татарами. Дѣло обращенія шло медленно, и благосостояніе малочисленныхъ миссіонеровъ было очень печально. Вслѣдствіе этого, шотландцы пригласили изъ Сарепты нѣсколько нѣмецкихъ семействъ (въ 1808 г.), съ водвореніемъ которыхъ благосостояніе колоніи улучшилось, но за то миссія погибла безвозвратно. Шотландцы скоро были вытѣснены нѣмцами и разсѣялись; колонія сдѣлалась чисто нѣмецкою, и обитатели ея, вмѣсто распространенія христіанства, занялись торговлей; здѣсь, какъ и во всей Россіи, они живутъ изолированно, большая часть ихъ не говоритъ по-русски, и нѣмецкій элементъ не имѣетъ никакого вліянія на развитіе края въ хозяйственномъ отношеніи. Для пятигорскаго рынка несравненно полезнѣе были татары сосѣднихъ ауловъ. До ухода ихъ въ Турцію цѣны на жизненные припасы стояли баснословно дешевыя. Въ Каррасѣ дилижансъ, идущій изъ Пятигорска въ Желѣзноводскъ, останавливается на 10 минутъ подлѣ дома колониста Рожке, который приготовляетъ для проѣзжающихъ чай и кофе; у него можно даже заказывать предварительно обѣды для многочисленныхъ обществъ. Гуляющіе ѣздятъ туда обыкновенно или верхомъ, или въ наемныхъ экипажахъ, стоющихъ отъ 2—3 р. за всю дорогу.

Прогулка въ Армянскій аулъ. Верстахъ въ 4-хъ отъ Пятигорска, по ту сторону Подкумка, на извилистомъ берегу Юцы, расположенъ черкесскій аулъ, называемый Армянскимъ, потому что самые зажиточные жители въ немъ армяне. Для тѣхъ, которые не бывали на Кавказѣ, онъ представляетъ тотъ интересъ, что въ немъ можно видѣть сохранившуюся внутреннюю жизнь черкесскихъ ауловъ, при переходѣ ея къ болѣе цивилизованнымъ формамъ. Внутреннее расположеніе домовъ, одежда и украшенія

Digitized by Google

женщинъ, ихъ гостепріимные обычаи и проч.—переносятъ небывалаго европейца въ совершенно новый для него міръ. Дорога въ аулъ довольно удобна; переѣздъ въ бродъ Подкумка не составляетъ никакого затрудненія.

Кромѣ того, могутъ быть интересны прогулки: въ станицу *Горячеводскую* и въ колоніи *Николаевскую* и *Константиновскую,* на соленое озеро *Тамбуканъ* и къ горѣ *Юцъ,* чтобы полюбоваться обширнымъ потокомъ воды, вытекающимъ изъ разсѣлины, почти на половинѣ горы, и составляющимъ тотчасъ небольшую рѣчку *Юцу*, впадающую въ Подкумокъ.

Конечно, всякій путешественникъ захочетъ взглянуть и на *домъ Лермонтова и на то мѣсто, гдѣ онъ былъ убитъ.* Для этого нужно только нанять первый попавшійся фаэтонъ. Мѣсто дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ находится недалеко отъ города, на лѣсной полянѣ, влѣво отъ дороги въ Желѣзноводскъ.

Желѣзноводскъ.

Желѣзноводскіе источники, окруженные прежде густымъ и сплошнымъ лѣсомъ, открыты позднѣе другихъ. Первый ихъ открылъ и описалъ *Гаазъ* въ 1810 г. Но истиннымъ основаніемъ Желѣзноводскъ обязанъ опять-таки Ермолову. По его приказанію, была продѣлана дорога и учрежденъ казачій постъ для охраны проѣзжающихъ; построенъ жилой домъ, гостиница; начатъ паркъ; источники отдѣланы каменными бассейнами; устроены купальни и проч. Послѣднимъ, по времени открытія, обдѣлки и постройки купальни, былъ источникъ Баратинскаго, устроенный на счетъ г. Лазарика.

Гостиницы: *Карпова* (противъ круглой площади, гдѣ разбитъ цвѣтникъ)—лучшая. Здѣсь-же столовая, булочная и вообще все подъ руками. *Казенная*—лучшій столъ. *Шпиннера*—не лучшая, но дешевле другихъ; тутъ-же лавка колоніальныхъ и мѣстныхъ товаровъ, другая лавка противъ вокзала, въ домѣ Султана.

Digitized by Google

Меблированныя комнаты — по-суточно и по-мѣсячно, по дорогѣ отъ церкви въ паркъ, въ домѣ султана Тохтамышъ-Гирея.

Желѣзноводская станица состоитъ изъ двухъ, тянущихся въ гору, рядовъ казачьихъ хатъ, составляющихъ первую и для житья менѣе удобную часть: здѣсь помѣщаются обыкновенно люди менѣе достаточные. Вторая часть состоитъ уже изъ построекъ обыкновенныхъ, городскихъ или дачныхъ, и расположена на верхней площадкѣ подножія Желѣзной горы, на высотѣ 2,050 ф. надъ моремъ.

Всѣхъ домовъ, отдающихся въ наймы, здѣсь до 20; они раздѣлены на большія и малыя квартиры и снабжены мебелью, не всегда, впрочемъ, удовлетворяющею потребности; за лучшія помѣщенія въ 7 комнатъ, достаточно меблированныхъ, платятъ здѣсь до 500 р. *Пріѣзжіе останавливаются въ казенныхъ номерахъ,* находящихся въ двухъ деревянныхъ домахъ, расположенныхъ на главной площадкѣ, на которой были воздвигнуты первыя постройки и на которую стекаютъ нѣкоторые номера минеральныхъ источниковъ. До сихъ поръ площадка эта служила центромъ всего Желѣзноводска; на югъ, параллельно ей, тянется рядъ домовъ частныхъ владѣльцевъ; на востокъ она примыкаетъ къ обширному лѣсу, называемому паркомъ, одѣвающему всю Желѣзную гору отъ подошвы до вершины. Выше мы сказали, что тѣмъ, кому надо лѣчиться не въ Пятигорскѣ, а на другихъ группахъ, лучше отправиться сначала для пріисканія квартиры налегкѣ, а потомъ уже перебираться совсѣмъ. Можно, пожалуй, отправиться и прямо со всѣми пожитками, но и тогда необходимо справиться въ пятигорской конторѣ, есть-ли свободное помѣщеніе въ отдающихся поденно номерахъ, потому что число такихъ номеровъ очень ограниченно, и можно очутиться въ весьма затруднительномъ положеніи, не имѣя мѣста, гдѣ остановиться на первое время.

Digitized by Google

Контора желѣзноводской группы помѣщается въ казенномъ домѣ, на площадкѣ, противъ желѣзныхъ воротъ парка. Отсюда-же отправляются ежедневно и дилижансы.

Паркъ. Расположеніе желѣзноводскихъ источниковъ, жилищъ и всего заведенія минеральныхъ водъ таково, что больные проводятъ почти цѣлый день въ паркѣ. Почти при самомъ началѣ парка, на небольшомъ возвышеніи, находится вокзалъ, къ которому въ 1872 г. пристроены обширный залъ, дамская комната и буфетъ; здѣсь-же помѣщается и гостиница съ общимъ столомъ и кафе-ресторанъ. На находящихся передъ вокзаломъ площадкахъ по вечерамъ играетъ музыка.

Прогулки. По Ессентукской дорогѣ къ хутору графа Евдокимова или, повернувши отъ бассейна налѣво, въ лѣсъ, къ подножію Бештау. Эта не совсѣмъ удобная лѣсная дорога вполнѣ вознаграждается тѣмъ великолѣпнымъ ландшафтомъ, который открывается съ верхняго пункта сѣдлообразнаго подножія. Про поѣздку на Бештау мы говорили выше (см. прогулка на Бештау). Самая обычная прогулка, это—въ нѣмецкую колонію, гдѣ устраиваются заказные обѣды и гдѣ всегда можно найти прекрасный чай и кофе съ нѣмецкимъ масломъ и хорошими сливками.

Для остающихся въ паркѣ развлеченіемъ служитъ игра въ кегли, стрѣльба въ цѣль и гимнастика.

Ессентуки.

Ессентукскіе солено-щелочные источники, пользующіеся въ настоящее время вполнѣ заслуженною славой, назывались прежде Бугунтскими, по имени протекающей вблизи ихъ небольшой рѣчки. Настоящимъ именемъ они начали называться только съ 40-хъ годовъ, по имени казачьей станицы, находившейся за полверсты отъ источниковъ и въ 1846 г. раздвинутой до самаго заведенія минеральныхъ водъ, по приказанію кн. Воронцова. Хотя эти воды и описаны еще Гаазомъ въ 1810 г., но на нихъ стали обращать

Digitized by Google

вниманіе только около 40 лѣтъ тому назадъ, несмотря на то, что Ессентуисная группа находится на половинѣ дороги изъ Пятигорска въ Кисловодскъ (18 верстъ отъ Пятигорска). Въ 1823 г. академикомъ Нелюбинымъ были открыты чисто-щелочные источники, незамѣнимые никакими другими на Кавказѣ. Мало-по-малу ессентукскія воды начали входить въ употребленіе и разсылаться въ бутылкахъ. Съ 1840 г. началъ входить въ извѣстность чисто-щелочный источникъ № 17-й, составляющій самое драгоцѣнное достояніе Ессентуковъ. Въ 1856 г. построена около него обширная каменная галлерея. До построенія въ 1858 г. близъ галлереи купаленнаго дома—больнымъ для ваннъ привозили воду въ бочкахъ хозяева занимаемыхъ ими хатъ. О гостиницахъ и кухмистерскихъ не было и помину. Только въ 1863 г. открыта ессентукскимъ казакомъ небольшая гостиница около воротъ парка. Въ 1868 г. управленіе водъ выстроило въ паркѣ столовую галлерею, а въ 1872 г. расширило ее пристройкою комнаты для дамъ, новой кухни и комнаты для прислуги; выстроено небольшое зданіе для помѣщенія въ немъ конторы и аптеки, а также исправлено и зданіе ваннъ.

Гостиницы: *Компанейская* (въ паркѣ)—лучшая, но и самая дорогая; столъ отъ 2 до 5 ч. 1 р. 25 к., въ остальное время по порціямъ. Номера отъ $2^1/_2$ и 3 рублей—почти всегда всѣ заняты. Небогатые люди останавливаются въ ней только до пріискапія квартиры. *Тарасова* и *Смирнова*—обѣ у воротъ парка, на Курсовой улицѣ, гдѣ контора водъ—недороги, но и плоховаты. Столъ въ нихъ дешевъ: обѣдъ 2 блюда—50 к., 3 блюда—75 к.

Квартиры. Большинство пріѣзжающихъ въ Ессентуки останавливается на квартирахъ. Мы можемъ рекомендовать: номера *Безпалова;* квартиры въ д. *Канищевой*—очень хороши (тутъ и столъ: 2 сытныхъ блюда—50 к.); квартиры въ д. *Шаховцева* (рядомъ съ конторой дилижансовъ). Обыкновенныя цѣна за ком-

Digitized by Google

нату 25—50 р. въ мѣсяцъ. Я стоялъ въ д. *Дубровиныхъ* и платилъ 50 р. за двѣ хорошо меблированныя комнаты съ передней, а обѣдать ходилъ къ Канищевой. Вообще, квартиры отдаются почти во всѣхъ домахъ, но, несмотря на это, найти хорошую квартиру, въ разгаръ сезона, довольно трудно.

Контора водъ—у воротъ въ паркѣ. Здѣсь берутся билеты на пользованіе водами: 3 р. за питье на весь сезонъ и по 50 к. за ванну.

Аптека—внизу Курсовой улицы, рядомъ съ д. Канищевой.

Пользованіе водами. *Питье* водъ начинается съ 5-ти часовъ утра; тогда же начинаетъ играть и музыка. *Ванны* двухъ родовъ: *соленощелочныя* (около главной галлереи) и *сѣрнощелочныя* далѣе, по дорожкѣ къ источнику № 4-й. Взявъ билетъ въ конторѣ, надобно отправиться въ зданіе ваннъ и записаться на удобные полчаса, что не всегда бываетъ возможно, особенно въ соленощелочныхъ ваннахъ.

Паркъ, еще довольно молодой — единственное мѣсто для прогулки; онъ раздѣляется на верхній и нижній. Въ послѣднемъ находятся всѣ источники: *№ 18-й* (надъ нимъ бесѣдка, гдѣ играетъ музыка въ 5 ч. утра и 6 вечера), *17-й*—самый знаменитый, около галлереи. *Въ галлерею раздаются и письма* въ 8 ч. утра; не взятыя доставляются на квартиры, для чего надо сообщать адресъ на *почтѣ* (на шоссе, противъ компанейской гостиницы). Сзади галлереи складъ водъ въ бутылкахъ, для отправки въ Россію; тутъ-же и *вѣсы*, на которыхъ, обыкновенно, больные замѣчаютъ свой вѣсъ въ началѣ и концѣ курса. № 17-й и галлерея служатъ главнымъ сборнымъ пунктомъ всей публики. Идя отъ галлереи, нижнимъ паркомъ, къ источнику № 4-й, проходятъ мимо соленощелочныхъ и сѣрнощелочныхъ ваннъ и источника № 8-й. Отъ 4-го номера идетъ дорожка въ верхній паркъ, къ бесѣдкѣ (съ видомъ на Эльборусъ) и къ компанейской гостинницѣ, пройдя которую возвращаются къ конторѣ по глав-

Digitized by Google

ной аллеѣ. Тутъ-же, влѣво, и *игра въ кегли*. Близъ конторы *ресторанъ* и *читальня*, въ которой, впрочемъ, скорѣе можно составить партію въ винтъ, чѣмъ достать книгу или газету. *Газеты* покупаются въ 9 ч. утра въ конторѣ при приходѣ омнибуса изъ Пятигорска; сюда-же пересылаются и *книги* абонировавшимся въ пятигорской библіотекѣ, съ которой можно сноситься письменно, чрезъ контору.

Вообще, въ Ессентукахъ жизнь идетъ монотонно, окрестности неинтересны и нисколько не вызываютъ на прогулки.

Кисловодскъ.

Кисловодскъ сдѣлался извѣстенъ гораздо раньше Пятигорска. Слава объ его удивительномъ источникѣ *Нарзанъ* (по-руски—богатырскій напитокъ) разносилась повсюду. Окрестности его, лежащія на дорогѣ, по которой происходили сношенія древнихъ обитателей сѣвернаго и южнаго Кавказа, представляютъ и до сихъ поръ интересные слѣды и воспоминанія римскихъ походовъ; встрѣчающіеся по дорогѣ въ Кисловодскъ остатки древняго вала, вырываемые изъ земли, и встрѣчающіеся до сихъ поръ одиноко стоящіе посреди пустынныхъ равнинъ надгробные памятники несомнѣнно указываютъ на это. *Рымъ-гора*—была-ли то цитадель разстилавшагося у ея подножія города Боргустана, или укрѣпленный римскій лагерь, какъ передаетъ темное преданіе,—сохранила на себѣ ясные слѣды трудившейся здѣсь руки человѣка. Еще и теперь можно отыскать здѣсь остатки высѣченной въ скалѣ лѣстницы, рядъ цистернъ на площадкѣ скалы съ юго-западной стороны и, наконецъ, пещеру, почти засыпанную землей, съ сферическимъ куполомъ, на которомъ и до сихъ поръ замѣтны очертанія греческаго креста; при входѣ въ пещеру, ясно видны мѣста для двери, грубо высѣченныя въ плотной скалѣ. Наконецъ, чѣмъ юго-западнѣе и ближе къ Кавказскому хребту, тѣмъ памятники прежней жизни встрѣчаются чаще и несомнѣннѣе. Около верховьевъ Малаго Зеленчука до сихъ поръ суще-

Digitized by Google

ствуютъ развалины, среди которыхъ особенно замѣчательны слѣды обширнаго христіанскаго храма; подобныя же развалины находятся на лѣвомъ берегу Кубани, близъ Хумары.

Обширная и постоянно возвышающаяся отъ Пятигорска равнина продолжается и за Ессентуками по направленію къ Кисловодску. Затѣмъ, переправившись чрезъ рѣчку Ессентукъ, ѣдущій вступаетъ въ красивое ущелье Подкумка. Около Махова кургана, стоящаго на полпути, дорога спускается въ болѣе широкую долину, оканчивающуюся около Подкумка, который дѣлаетъ здѣсь крутой поворотъ и разбивается на нѣсколько рукавовъ, чуть не каждый годъ измѣняющихъ свое направленіе. Переѣхавъ по мосту чрезъ этотъ быстрый и шумливый горный потокъ, ѣдущій поднимается на крутой правый его берегъ и затѣмъ, оставивъ вправо Кисловодскую станицу, спускается въ Кисловодское ущелье по плоской и изрытой балками возвышенности, простирающейся верстъ на пять. Вообще, дорога живописна. Изрытые пещерами горные пласты нагромождены другъ надъ другомъ уступами, представляющимися какъ бы стѣнами давно оставленныхъ, полуразрушенныхъ укрѣпленій. Вдали, на окраинѣ выдающагося уступа, просвѣчиваетъ *Кольцо-гора*, а еще далѣе на горизонтѣ, замыкая долину, синѣетъ правильная прямоугольная форма Рымъ-горы.

Присоединеніе Кисловодска къ Россіи надо считать съ 1803 года, когда кн. Ціціановымъ было заложено Кисловодское укрѣпленіе, обезпечивавшее мѣстность отъ безпрерывныхъ нападеній горцевъ. Черезъ годъ было исполнено предложеніе Палласа, осматривавшаго источникъ въ 1792 году. Такъ какъ Нарзанъ находился въ то время на углу соединенія двухъ рѣчекъ—*Ольховки* (Козада) и *Березовки* (Елкоша), изъ которыхъ Ольховка, ударяясь въ берегъ площадки, угрожала совсѣмъ подмыть берегъ и залить источникъ, то Палласъ и предложилъ отвести воду изъ Ольховки въ Березовку каналомъ, прорытымъ выше, такъ чтобы Нарзанъ оставался внѣ угла соединенія этихъ рѣчекъ; но безпрерывныя наводненія раз-

Digitized by Google

рушали плотину, которою былъ укрѣпленъ берегъ, до тѣхъ поръ, пока въ 1846 г., по приказанію кн. Воронцова, не была сдѣлана и укрѣплена теперешняя набережная.

Развиваться Кисловодскъ началъ при Ермоловѣ, съ того-же 1819 г., какъ и Пятигорскъ. Въ этомъ году построены два казенныхъ дома, по правую сторону Ольховки, и восемь частныхъ (астраханскаго купца Шайкина) по лѣвую. Въ 1823 г. начата красивая и удобная гостиница, остающаяся и до сихъ поръ. Тогда-же началось (комендантомъ Энгельгардтомъ) разведеніе великолѣпнаго въ настоящее время парка въ совершенно безлѣсной долинѣ Нарзана. Теперешнимъ же своимъ видомъ и великолѣпною галлереею Кисловодскъ обязанъ кн. Воронцову (1844—56 г.), для котораго онъ былъ любимымъ и постояннымъ мѣстомъ лѣтняго пребыванія.

Спустившись по узкой и крутой дорогѣ въ ущелье Кисловодска, дорога идетъ между рядомъ красивыхъ построекъ и великолѣпной аллеей изъ пирамидальныхъ тополей, оканчивающейся около зданія галлереи, напоминающей своимъ фасадомъ съ этой стороны средневѣковое аббатство. Затѣмъ, обогнувъ павильонъ зданія, вы предъ главнымъ фасадомъ галлереи, которая не можетъ не обратить на себя вниманія своей обширностью и красотою стиля англійской архитектуры среднихъ вѣковъ. Отъ южнаго конца галлереи, гдѣ кипитъ и пѣнится могучій Нарзанъ, начинается паркъ, такъ любимый посѣтителями за прохладный и живительный воздухъ его тѣнистыхъ аллей, за мѣста уединенныхъ прогулокъ надъ берегами быстро стремящагося по каменистому руслу горнаго потока, поэтически осѣненнаго тѣнью нависшихъ деревьевъ. Широкая аллея, начинаясь отъ галлереи и идя параллельно потоку, ведетъ вдоль ущелья до конца парка, откуда, перейдя по брошенному чрезъ потокъ деревянному мосту, вы вступаете въ самую отдаленную и уединенную его часть. Отсюда по дорожкамъ, извивающимся среди развѣсистыхъ деревьевъ, достигаете деревянной купальни при семиградусномъ источникѣ, за которой находится послѣдній

Digitized by Google

крайній пунктъ—казенный садикъ, гдѣ во всякое время можно достать и цвѣты и фрукты.

Гостиницы: въ паркѣ—*Казенная и Сафонова;* послѣдняя лучшая, но и самая дорогая; противъ парка: *Нарзанъ*—хорошій столъ, *Кавказъ*, *Бештау* (подворье).

Номера—въ угловомъ домѣ, у входа въ галлерею, направо. *Сакартвелло*—небольшая гостиница, по тополевой аллеѣ. Кромѣ того, есть еще нѣсколько домовъ съ квартирами и номерами въ самомъ Кисловодскѣ, но всѣ они довольно плохи.—*Столъ* лучшій въ гостиницѣ Нарзанъ; обѣдъ изъ 4-хъ блюдъ 1 р., изъ 3-хъ—75 к.

Контора водъ—въ галлереѣ у входа. Тутъ берутся и билеты на ванны.

Контора дилижансовъ—на улицѣ, противъ галлереи.

Прогулки.—Паркъ. Въ немъ слѣдуетъ осмотрѣть: казенный садъ, гдѣ есть персидская кухня, и, по правому, возвышенному берегу Ольховки, дачи: Кривошеина, Барановскаго и др.

Мѣстъ-же для дальнихъ прогулокъ въ Кисловодскѣ много; тотъ, кто не хочетъ или не можетъ ими пользоваться, можетъ быть вполнѣ удовлетворенъ великолѣпнымъ паркомъ. Прогулки по окрестностямъ предпринимаются, большею частію, верхомъ и часто многочисленными кавалькадами. Обыкновенно отправляются или по ущелью р. Ольховки, начинающейся въ 6 верстахъ отъ крѣпости, по сосѣдству съ р. Джуцей, или по красивой и скалистой березовой балкѣ, по которой быстро стремится р. Березовка, образуя въ одномъ мѣстѣ водопадъ. Съѣздить на Кольцо-гору считается почти обязательнымъ для всякаго. Затѣмъ интересны и пріятны прогулки въ красивую балку, по дорогѣ къ Рымъ-горѣ и Бургустану, въ долину Подкумка и проч. Наконецъ, поѣздка на ближайшую къ Кавказскому хребту возвышенную террасу *Бермамутскую* 8,569 ф. падъ моремъ), чтобы полюбоваться при восходѣ солнца гигантской снѣговой массой Эльборуса и величественной цѣпью снѣговаго хребта. Въ хорошую погоду поѣздка эта оставляетъ

Digitized by Google

такое впечатлѣніе, которое долго не забывается. Но это уже не прогулка, а маленькое путешествіе, въ которое, чтобы быть на мѣстѣ къ восходу солнца, отправляются съ вечера, запасшись теплой одеждой и провизіей. Дорога идетъ на протяженіи почти 40 верстъ по плоской возвышенности, все въ гору. Дѣлать ее верхомъ утомительно, почему и предпочитаютъ экипажи.

Образъ жизни въ Кисловодскѣ слагается иначе, чѣмъ на другихъ группахъ, потому что сюда, кромѣ больныхъ, пріѣзжаютъ и выздоравливающіе и совсѣмъ здоровые посѣтители. Въ 7 часовъ утра музыка собираетъ всѣхъ вокругъ бассейна Нарзана, на просторной и красивой площадкѣ, передъ южнымъ концомъ галлереи. Здѣсь больные начинаютъ свой день, здѣсь же они его и оканчиваютъ. Жизнь въ Кисловодскѣ нисколько не похожа на монотонную жизнь въ Ессентукахъ.

Кисловодскъ, по своему мѣстоположенію, воздуху и климату, вполнѣ заслуживаетъ названіе кавказскаго рая.

Въ іюлѣ и августѣ, въ самый разваль лѣченья, здѣсь стоитъ превосходная погода, тогда какъ въ Пятигорскѣ, лежащемъ ниже и сѣвернѣе, начинаются уже дожди, предвѣстники осени. Горы, окружающія Кисловодскъ, имѣютъ видъ усѣченныхъ террасъ; мѣстами онѣ голы, мѣстами же покрыты великолѣпной травой, напоминающей своей свѣжей зеленью, даже среди лѣта, о первыхъ весеннихъ дняхъ. Съ нѣкоторыхъ изъ этихъ террасъ открывается восхитительный видъ на Эльборусъ и снѣжную цѣпь горъ. Но мы еще ничего не сказали о знаменитомъ Нарзанѣ.

Нарзанъ имѣетъ видъ восьмиугольнаго чана, около сажени въ діаметрѣ и до 5 аршинъ глубины. Вода въ немъ постоянно бьетъ бѣлымъ ключемъ и волнуется такъ сильно, что даже тяжелыя тѣла, брошенныя въ воду, выкидываются наружу. Шумъ и клокотаніе воды до того громки, что вблизи источника отчасти заглушаютъ разговоръ. Но отъ кипящаго колодца вѣетъ не жаромъ, а прохладой,—и въ воздухѣ явственно слышится пріятный запахъ

Digitized by Google

углекислоты. Бассейнъ обнесенъ рѣшеткою, потому что, какъ говорятъ, бывали случаи, что нѣкоторые, отъ дѣйствія отдѣляющагося газа и шума воды, получали головокруженіе и падали въ воду. Что-же сказать о самой водѣ, прохладной (10—11° Р.) и прозрачной, какъ кристаллъ, шипучей, какъ шампанское, пріятнаго кисловатаго вкуса, слегка щиплющей языкъ и ударяющей въ носъ, дѣйствующей на человѣка заразъ и возбуждающимъ и укрѣпляющимъ образомъ, прохлаждающей и вмѣстѣ разливающей по тѣлу ощущеніе пріятной, здоровой теплоты?

Въ заключеніе, скажемъ вообще *нѣсколько словъ о кавказскихъ минеральныхъ водахъ*. Въ газетахъ безпрестанно попадаются жалобы на администрацію водъ и на разныя неудобства при пользованіи ими. Про первыя я ничего не говорю, потому что это не дѣло путеводителя, про вторыя-же скажу прямо, что въ нихъ многое очень и очень преувеличено. Неудобства есть вездѣ, но, поступая разумно, можно помѣститься удобно и недорого и на кавказскихъ водахъ. Мы, вообще, слишкомъ скоры на осужденіе своего и на безусловное поклоненіе чужому, а между тѣмъ и на заграничныхъ водахъ многое совершенно не заслуживаетъ похвалъ.

Digitized by Google

ГЛАВА III.

Военно-грузинская дорога

(отъ Владикавказа до Тифлиса).

Владикавказъ.

Владикавказъ (по-туземному *Капкай*—преддверіе горъ), съ 15 т. жителей, мѣстопребываніе начальника Терской области, лежитъ на Терекѣ, на высотѣ 2,280 ф. надъ поверхностью моря, у самаго подножія Черныхъ горъ, за которыми возвышается снѣговой хребетъ. Основанъ при Екатеринѣ, въ одно время съ Ставрополемъ; прежняя крѣпость и важный стратегическій пунктъ, запиравшій и оберегавшій единственную дорогу чрезъ главный хребетъ. Самое имя указываетъ на важное значеніе этого пункта. Еще въ 1859 году здѣсь ожидали нападенія Шамиля.

Лучшая и главная часть города находится на правомъ берегу Терека. Лѣтъ 15 тому назадъ, большая часть строеній состояла изъ одноэтажныхъ домиковъ, крытыхъ камышемъ или дранью; еще и нынче ихъ много попадается даже на главной улицѣ, по которой пролегаетъ бульваръ. Улицы, лежащія въ сторонѣ отъ главной, грязны и имѣютъ до сихъ поръ первобытный характеръ.

Съ замиреніемъ края, Владикавказъ началъ быстро расти и украшаться, а теперь, съ окончаніемъ ростово-владикавказской желѣзной дороги, нѣтъ сомнѣнія, его ожидаетъ хорошая будущность: изъ передоваго военнаго онъ долженъ обратиться въ передовой пунктъ торговли Россіи съ Кавказомъ и Закавказьемъ.

Digitized by Google

Проѣхавъ ворота и миновавъ *линейную церковь*, лежащую на правой сторонѣ, вы достигаете прекраснаго зданія *главнаго штаба* и поворачиваете, прямо противъ него, влѣво, *по главной улицѣ*, по срединѣ которой, во всю длину ея, проходитъ широкій *бульваръ*. Проѣзжая вдоль него, вы все время имѣете передъ глазами величественный Казбекъ, точно выростающій изъ темной трещины Дарьяльскаго ущелья. Другихъ-же снѣжныхъ вершинъ не видно за близъ лежащими Черными и Скалистыми горами. На правой сторонѣ бульвара у васъ будутъ: *театръ, садъ Монплезиръ, общественный садъ,* съ ротондой для музыки и лѣтнимъ вокзаломъ, выстроеннымъ надъ крутымъ берегомъ Терека; вслѣдъ за садомъ, рядомъ съ нимъ, лучшая въ городѣ *почтовая гостиница;* прямо противъ нея, черезъ площадь (на которой и *извощичья биржа*), вы увидите красивый домъ (*дворецъ*—какъ его здѣсь называютъ) командующаго войсками и начальника Терской области: онъ выстроенъ на горѣ, по которой къ низу, т. е. къ площади, спускается обнесенный рѣшеткою тѣнистый *садъ*, съ домовой церковью внизу. Далѣе, за почтовой гостиницей, слѣдуетъ *малый бульваръ*, а за нимъ поворотъ вправо, на *мостъ* черезъ Терекъ, къ выѣзду на шоссе военно-грузинской дороги. Въ концѣ города, опять-таки по главной улицѣ, влѣво—*остатки старой каменной крѣпости съ развалинами башни*, за которой, немного далѣе, начинается новая каменная *оборонительная стѣна* съ бойницами, выстроенная въ ожиданіи нападенія Шамиля и охватывающая восточную часть города. Старая крѣпость и башня заслуживаютъ осмотра; сверху отличный видъ на горы и долину Кабарды. Поднявшись отъ башни, чрезъ балку, пѣшкомъ, въ гору, мимо грузинской церкви съ кладбищемъ, и обогнувъ дворецъ, спускаются вдоль сада на площадь, лежащую противъ почтовой гостиницы.

Владикавказъ—первый городъ, встрѣчающійся на пути изъ Россіи, который имѣетъ совершенно оригинальный, кавказскій

Digitized by Google

характеръ. Путешественника, никогда не бывавшаго на Кавказѣ, поражаетъ здѣсь смѣшеніе русскаго населенія съ горскимъ, и онъ съ невольнымъ любопытствомъ засматривается на оригинальныя и красивыя фигуры вооруженныхъ горскихъ всадниковъ.

Гостиницы. Какъ мы сказали, самая лучшая гостиница *почтовая.* Номера въ ней—отъ $1^1/_2$ рубля; совѣтуемъ, если возможно, занять номеръ съ видомъ на горы. Столъ хорошій, по картѣ. Въ одномъ домѣ съ ней—библіотека и клубъ; плата за входъ въ клубъ въ обыкновенные дни—30 к., на танцовальные вечера—1 р. Тутъ же находится и контора товарищества почтовыхъ экипажей. Особенной чистотой гостиница не отличается. Кромѣ нея, есть еще гостиница «Hôtel de France» и др.

Извощики. Очень порядочные парные фаэтоны на лежачихъ рессорахъ—50 к. въ часъ, по таксѣ. Открытыя дрожки плохи.

Фотографіи двѣ, но обѣ плохи; очень ошибется тотъ, кто понадѣется запастись въ нихъ порядочной коллекціей видовъ и карточекъ.

Бани—персидскія рядомъ съ почтовой гостиницей. Предостерегаемъ отъ русскихъ бань: это просто солдатскія, закоптѣлыя бани, съ холодными передбанниками, въ которыхъ гуляетъ сквозной вѣтеръ. Отъ посѣщенія ихъ да избавитъ Господь всякаго, не желающаго простудиться.

Въ лавкахъ можно найти многое, по цѣнамъ, не дороже московскихъ.

Во Владикавказѣ Россія стоитъ лицомъ къ лицу съ Азіей, и потому здѣсь царствуетъ оригинальная смѣсь азіятскаго съ русскимъ. Извощичій фаэтонъ на лежачихъ рессорахъ перегоняетъ скрипучую арбу, запряженную парой буйволовъ, а вслѣдъ за ней ѣдетъ русскій троечный извощикъ; слышно глухое позвякиванье колокольчиковъ *(билъ)*,—это тянется безконечный караванъ верблюдовъ, привязанныхъ другъ за дружкой; милыя ихъ морды съ наивнымъ любопытствомъ смотрятъ на происходящее кругомъ дви-

Digitized by Google

женіе; какъ безстрастныя мумін, покачиваясь подъ шагъ животныхъ, сидятъ сверхъ вьюковъ ихъ флегматическіе хозяева. Попадаются верховые казаки и горцы; по бульвару идутъ дамы и мужчины, одѣтые по-европейски, солдаты, офицеры, персіяне съ крашеными красными бородами, армяне, оборванные ногайцы, грузины и другіе представители многочисленныхъ кавказскихъ племенъ. Рядомъ съ погребомъ кахетинскихъ винъ лавка московскаго торговца, а дальше табачный магазинъ армянина, въ которомъ, кстати, продаются оружіе и шкуры разныхъ звѣрей, добытыхъ въ ардонскихъ лѣсахъ. Въ смѣси одеждъ преобладаютъ военные и горскіе костюмы.

Для небывалаго на Кавказѣ особенно интересно видѣть здѣшнее населеніе въ базарный день. Тутъ толпятся казаки, въ черкескахъ и папахахъ; оборванные и грязные татары; бойкіе великорусскіе кулаки; красивые кабардинцы, въ буркахъ, верхомъ на прекрасныхъ лошадяхъ; въ кое-какъ сколоченныхъ лавчонкахъ, образующихъ такъ называемые ряды, продаются: чай, сахаръ, мыло, свѣчи, бумажныя московскія матеріи и тульскія желѣзныя вещи; великорусскіе кулаки обдѣлываютъ пріѣзжихъ изъ горъ татаръ, выманивая привезенныя ими звѣриныя шкуры на свои товары; на площади стоятъ воза съ яблоками; продаются: деготь, сѣно, волы и проч.

Но что во Владикавказѣ поражаетъ болѣе всего пріѣзжаго изъ Россіи, такъ это типы настоящихъ горцевъ. Иной и одѣтъ бѣдно, и лошадь-то у него не Богъ вѣсть чего стоитъ, а вся фигура всадника, съ его оригинальной посадкой, закутаннаго въ башлыкъ, въ буркѣ, надѣтой на бокъ, съ винтовкой за плечами, шашкой и кинжаломъ,—такъ и просится на картину. Какъ сейчасъ помню одного *хаджи* (сдѣлавшіе путешествіе въ Мекку), въ папахѣ, обвитой бѣлой кисеей, на подобіе чалмы, и въ красной чухѣ, ѣхавшаго въ сопровожденіи своего нукера. Глядя на него, право, было отчего придти въ востергъ художнику.

Digitized by Google

Военно-грузинская дорога.

Станціи: *Балта* (12½ в.), *Ларсъ* (16), *Казбекъ* (15½), *Коби* (15½), *Гудауръ*—(14½), *Млеты*—(15), *Пайсанауръ* (18½), *Ананауръ* (21), *Душетъ* (16¾), *Цилканы* (17¾), *Мцхетъ* (14¾), *Тифлисъ* (20). Станціи вездѣ каменныя, хорошо выстроенныя и съ обширнымъ помѣщеніемъ; на каждой можно довольно порядочно пообѣдать и закусить; на нѣкоторыхъ есть отдѣльные номера, которые, однако, покажутся не совсѣмъ комфортабельными избалованному европейцу.

Дорога, на всемъ протяженіи, отличное шоссе. Высшая точка перевала, между *Коби и Гудауромъ, чрезъ Крестовую гору,* 8,015 ф. надъ уровнемъ моря.

Исторія дороги. *Военно-грузинская дорога* пролегаетъ путемъ, по которому еще въ самой глубокой древности двигались народы изъ Азіи въ Европу. Путь этотъ образовался долинами и ущельями Терека, текущаго на сѣверъ, и Арагвы, текущей на югъ. *Перевалъ* чрезъ главный хребетъ *(чрезъ Гудъ-гору и Крестовую),* раздѣляющій истоки этихъ рѣкъ, составляетъ всего 15 верстъ.

Сообщеніе по военно-грузинской дорогѣ до Ермолова было ужасно, какъ по трудности, такъ и по опасности отъ нападеній; эти послѣднія бывали не всегда ради одного грабежа, но принимались даже и съ политическими цѣлями; таково, напримѣръ, было въ 1803 г. нападеніе тагаурцевъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ на отрядъ ген. Тучкова, провожавшій грузинскую царицу Марію; нападеніе было произведено съ цѣлью освобожденія царицы, подкупившей тагаурцевъ за 1,000 рублей (подробно исторію царицы Маріи мы разскажемъ при описаніи мцхетскаго собора, въ которомъ она погребена). Еще въ 1829 году, Пушкинъ, ѣхавшій въ Арзерумъ, съ оказіей, по Дарьяльскому ущелью, подъ прикрытіемъ казаковъ и пѣхоты, не доходя до Ларса, засмотрѣлся на вели-

Digitized by Google

чественную природу и отсталъ отъ конвоя; вдругъ онъ видитъ бѣгущаго къ нему солдата, который кричалъ издали: «не останавливайтесь, ваше благородіе, — убьютъ!» Дѣло въ томъ, что осетинскіе разбойники еще нападали тогда на путешественниковъ. Наканунѣ проѣзда Пушкина они напали на генерала Бековича, проскакавшаго, однакожъ, счастливо подъ ихъ выстрѣлами.

Первый началъ отдѣлывать военно-грузинскую дорогу все тотъ же *Ермоловъ*. При немъ, въ продолженіи цѣлыхъ 5-ти лѣтъ, разработывалось Дарьяльское ущелье, множество утесовъ и скалъ были взорваны порохомъ и выровнены; построены мосты черезъ Терекъ и проч. На *Крестовой* до сихъ поръ стоитъ каменный крестъ, водруженный имъ въ 1824 г. Ермолова въ то время справедливо называли строителемъ русскаго Симплона.

Собственно военно-грузинской дорогой называлась прежде дорога отъ Екатериноградской станицы до Тифлиса. На всемъ этомъ трактѣ не было почтоваго сообщенія, а ѣздили съ такъ называемой *оказіей*. Вотъ, что писалъ Пушкинъ, въ 1829 г., въ своемъ «Путешествіи въ Арзерумъ»:

«Съ Екатеринограда начинается военно-грузинская дорога; почтовый трактъ прекращается. Нанимаютъ лошадей до Владикавказа. Дается конвой казачій и пѣхотный и одна пушка. Почта отправляется 2 раза въ недѣлю, и проѣзжіе къ ней присоединяются: это называется оказіей. Мы дожидались недѣлю. Почта пришла на другой день, и на третье утро, въ 9 часовъ, мы были готовы отправиться въ путь. На сборномъ мѣстѣ соединился весь караванъ, состоявшій изъ 500 человѣкъ или около. Пробили въ барабанъ, мы тронулись. Впередъ поѣхала пушка, окруженная пѣхотными солдатами. За нею потянулись коляски, брички, кибитки солдатокъ, переѣзжавшихъ изъ одной крѣпости въ другую; за нами слѣдовалъ обозъ двухколесныхъ арбъ. По сторонамъ бѣжали конскіе табуны и стада воловъ. Около нихъ скакали ногайскіе проводники въ буркахъ и съ арканами. Все это сначала мнѣ очень

Digitized by Google

нравилось, но скоро надоѣло. Пушка ѣхала шагомъ, фитиль курился, и солдаты раскуривали имъ трубки. Медленность нашего похода (въ первый день мы прошли только 15 верстъ), несносная жара, недостатокъ припасовъ, безпокойные ночлеги, наконецъ, безпрерывный скрипъ ногайскихъ арбъ выводили меня изъ терпѣнія. Татары тщеславятся этимъ скрипомъ, говоря, что они разъѣзжаютъ, какъ честные люди, неимѣющіе нужды укрываться. На сей разъ пріятнѣе было бы мнѣ путешествовать не въ столь почтенномъ обществѣ. Дорога довольно однообразная: равнина, по сторонамъ холмы. На краю неба вершины Кавказа, каждый день являющіяся выше и выше. Крѣпости, достаточныя для здѣшняго края, со рвомъ, который каждый изъ насъ перепрыгнулъ-бы, не разбѣгаясь, съ пушками, не стрѣлявшими со временъ *графа Гудовича* *), съ валомъ, по которому бродитъ гарнизонъ куръ и гусей. Въ крѣпостяхъ нѣсколько лачужекъ, гдѣ съ трудомъ можно достать десятокъ яицъ и кислаго молока».

Не выписываемъ дальше, какъ Пушкинъ долженъ былъ бросить въ Коби экипажъ и ѣхать верхомъ до Тифлиса; какъ его въ Ананурѣ заѣли блохи; какъ, при переѣздѣ чрезъ перевалъ, путешественники, обыкновенно, выходили изъ экипажа и шли пѣшкомъ, причемъ какой-то иностранный консулъ велѣлъ, страха ради, завязать себѣ глаза, какъ его вели подъ руки и какъ онъ на колѣняхъ благодарилъ Бога за благополучный переѣздъ, и т. д. Кажется, довольно и этого. Припомните также переѣздъ чрезъ Гудъ-гору Лермонтова съ Максимомъ Максимычемъ («Герой нашего времени»). Остается развѣ только спросить, что-же было до Ермолова?

И такое-то сообщеніе было до 1837 г., т. е. до того времени, когда покойный государь Николай Павловичъ, посѣтивъ въ

*) *Графъ Гудовичъ*, главнокомандующій на Кавказѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, извѣстенъ своимъ несчастнымъ отступленіемъ отъ Эривани въ 1808 г., когда онъ изъ 8 тысячъ, составлявшихъ его отрядъ, потерялъ замерзшими 1,000 человѣкъ.

Digitized by Google

этомъ году Кавказъ, приказалъ открыть отъ Екатериноградa почтовую дорогу. Любопытнѣе всего, что почтовое вѣдомство на сообщенное ему приказаніе донесло, что, по причинѣ неприступныхъ горъ, открыть почтовый трактъ въ этихъ мѣстахъ невозможно. А эти мѣста какъ разъ лежатъ въ ровной плоскости Кабарды, и большихъ горъ здѣсь нѣтъ ни одной. Такъ хорошо тогда въ Россіи знали Кавказъ! Несмотря на знаменитое донесеніе почтоваго вѣдомства, трактъ, разумѣется, былъ открытъ. Сначала ѣздили по немъ съ казачьимъ конвоемъ, а потомъ конвой былъ отброшенъ и проложена теперешняя дорога на Моздокъ.

Впослѣдствіи, при кн. Воронцовѣ и кн. Барятинскомъ, утомительный переѣздъ изъ Коби на Кайшауръ (16 верстъ, для проѣзда которыхъ требовалось 5 часовъ) замѣненъ былъ удивительнымъ спускомъ на Млеты, такъ что Кайшауръ остался въ сторонѣ, и военно-грузинская дорога сдѣлалась одною изъ безопаснѣйшихъ, интереснѣйшихъ и прекраснѣйшихъ дорогъ въ свѣтѣ.

Чтобы вполнѣ оцѣнить, что такое эта дорога, надобно только вспомнить, что это самая высочайшая изъ всѣхъ разработанныхъ дорогъ въ мірѣ: высшая точка знаменитаго *Симплона* лежитъ на высотѣ 6,147 ф., а домъ, въ которомъ живутъ осетины на *Крестовой,* лежитъ на высотѣ 7,719 ф. надъ поверхностью моря, что составляетъ разницу почти въ $^1/_2$ версты.

Военно-грузинская дорога въ настоящее время.

И надъ вершинами Кавказа
Изгнанникъ рая пролетѣлъ.
Подъ нимъ Казбекъ, какъ гранъ алмаза,
Снѣгами вѣчными сіялъ,
И, глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился извучистый Дарьялъ,
И Терекъ, прыгая, какъ львица
Съ косматой гривой на хребтѣ,
Ревѣлъ, и горный звѣрь, и птица,

Digitized by Google

Кружась въ лазурной высотѣ,
Глаголу водъ его внимали,
И золотыя облака
Изъ южныхъ странъ, издалека,
Его на сѣверъ провожали;
И скалы тѣсною толпой,
Таинственной дремоты полны,
Надъ нимъ склонялись головой,
Слѣдя мелькающія волны;
И башни замковъ на скалахъ
Смотрѣли гровно сквозь туманы:
У вратъ Кавказа на часахъ
Сторожевые великаны!
И дикъ и чуденъ былъ вокругъ
Весь божій міръ.....
. . . . . .
. . . . . .
И передъ нимъ иной картины
Красы живыя расцвѣли,
Роскошной Грузіи долины
Ковромъ раскинулись вдали.
Счастливый, пышный край земли!
Стоянообразныя руины,
Звонко-бѣгущіе ручьи
По дну изъ камней разноцвѣтныхъ,
И кущи розъ, гдѣ соловьи
Поютъ красавицъ, безответныхъ
На сладкій голосъ ихъ любви;
Чинаръ развѣсистыя сѣни,
Густымъ вѣнчанныя плющемъ;
Пещеры, гдѣ палящимъ днемъ
Таятся робкіе олени,
И блескъ, и жизнь, и шумъ листовъ,
Стозвучный говоръ голосовъ,
Дыханье тысячи растеній,
И полдня сладострастный зной,
И ароматною росой

Digitized by Google

Всегда увлаженныя ночи,
И звѣзды, яркія, какъ очи,
Какъ взоръ грузинки молодой.

(«*Демонъ*»—*Лермонтова*).

Невозможно лучше, сжатѣе, вѣрнѣе описать природу военно-грузинской дороги. Приведенныя нами отрывокъ изъ поэмы геніальнаго поэта есть образчикъ правды, облеченной въ удивительную поэтическую форму.

Переѣхавъ во Владикавказѣ Терекъ, ѣдутъ его лѣвымъ берегомъ по зеленой полянѣ, и черезъ 5 верстъ дорога исчезаетъ въ горахъ. Громады, которыя, казалось, загораживали путь, съ приближеніемъ къ нимъ раздвигаются, и Кавказъ, по выраженію Пушкина, принимаетъ путешественника въ свое сѣдалище.

До *Балты* ($12^1/_2$ верстъ) Терекъ еще довольно широкъ; онъ разливается рукавами, и стоящіе по бокамъ его то голыя шиферныя, то лѣсистыя, прорѣзанныя разсѣлинами, скалы, вершины которыхъ часто исчезаютъ въ облакахъ, еще не съузили ущелья. Чѣмъ ближе подвигаются къ *Ларсу* (16 верстъ; 3,679 ф. надъ моремъ), тѣмъ оно все болѣе и болѣе съуживается, а горы становятся все выше и выше; у самой-же станціи онѣ, кажется, совсѣмъ загородили дорогу, и только тамъ, гдѣ съ ревомъ выбивается наружу Терекъ, виднѣется мрачное отверстіе: это начало трещины, жилища змѣя, т. е. *Дарьяла*.

Въ іюлѣ и первой половинѣ августа, во время наибольшаго таянія горныхъ снѣговъ, ревъ бушующей рѣки бываетъ страшенъ; тогда воды не видно, надъ нею только стоитъ водяная пыль и слышится неистовый грохотъ: это Терекъ, ворочая громадныя каменья, съ бѣшенствомъ вырывается на свободу. Паденіе его въ Дарьяльскомъ ущельѣ 60—110 ф. на версту, т. е. по одной саженѣ на каждыя 30 саженъ.

Не доѣзжая до станціи, на скалѣ направо видны развалины неизвѣстно когда построеннаго, стариннаго замка, оберегавшаго

Digitized by Google

ущелье. Внизу скалы прилѣпились нѣсколько духановъ и бѣдныхъ осетинскихъ саклей; обитатели ихъ появились здѣсь уже давно, по желанію нашего правительства, съ обязанностію служить проводниками и наблюдать за исправностью дороги; обязанность эта, конечно, теперь миновала.

Подъѣзжая къ Ларсу, вамъ кажется, что вы попали въ глухой переулокъ, изъ котораго нѣтъ другаго пути, кромѣ обратнаго. Стѣснившіяся горы, большею частію, здѣсь застилаются облаками, почти всегда ползающими по ихъ голымъ, скалистымъ ребрамъ. Вамъ дѣлается страшно отъ этой тѣсноты, но вы еще только у входа въ *Дарьяльское ущелье,* которое чернѣетъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ крыльца станціи.

Дарьяльское ущелье. Кто хотя одинъ разъ видѣлъ знаменитый Дарьялъ, тотъ навѣрное его никогда не забудетъ. Невозможно себѣ представить болѣе мрачную, грозную и болѣе величественную природу. Тѣснина, въ которой иногда вверху видна только одна узкая полоса неба, кажется, сдавливаетъ путника стоящими по обѣ стороны отвѣсными громадами. Волны Терека едва находятъ здѣсь себѣ мѣсто, и на протяженіи почти двухъ верстъ, кромѣ дороги, высѣченной въ скалѣ, нѣтъ ни пяди земли, гдѣ бы могла ступить нога человѣка. Долгое время послѣ водворенія русскаго владычества на Кавказѣ здѣсь не было проѣзда: не только путешественники, но и войска до Ермолова двигались по обходной горной тропинкѣ, подходившей почти подъ самые льды Казбека.

Боковыя громады прорѣзаны разсѣлинами, представляющими Дарьялъ въ уменьшенномъ видѣ. Изъ нѣкоторыхъ васъ совершенно неожиданно обдаетъ цѣлымъ потокомъ ослѣпительнаго свѣта; другія, напротивъ, полны тьмы и таинственности. Каждое изъ ущелій, съ непрестанными переливами свѣта и тѣней, можетъ дать матеріала художнику на цѣлую жизнь. Всевозможные цвѣта размѣстились по ущельямъ въ томъ гармоническомъ порядкѣ, кото-

Digitized by Google

рый доступенъ только одному великому мастеру—природѣ. Ежеминутно солнце и блуждающія облака измѣняютъ этотъ порядокъ, и передъ вами проходитъ рядъ непрерывно мѣняющихся картинъ, изъ которыхъ та, что находится передъ глазами, кажется прекраснѣе только что исчезнувшей. Изрѣдка попадающіеся проѣзжіе не могутъ нарушить вашей благоговѣйной бесѣды съ природой; ревъ львицы—Терека, съ яростью мечущагося изъ края въ край въ своей клѣткѣ, и шумъ ручьевъ, падающихъ съ горной высоты мелкими и разбрызганными струями, напомнившими Пушкину рембрандтовское похищеніе Ганимеда, убаюкиваютъ заколдованныхъ великановъ-старцевъ, внимающихъ, въ таинственной дремотѣ, цѣлыя тысячелѣтія этому шуму.

Съ Ларса дорога переходитъ съ лѣваго берега на правый. Не въ дальнемъ разстояніи отъ станціи видны размытые остатки дороги, шедшей подъ нависшей скалой по другой сторонѣ. Остатки эти краснорѣчиво говорятъ о разрушительной силѣ Терека.

Въ самой узкой части мрачнаго ущелья, слѣва, впадаетъ въ Терекъ боковой притокъ *Девдораки*, берущій начало въ ледникахъ Казбека и низвергающійся внизъ по дикому и суровому ущелью того-же имени.

Въ прежнія времена, чрезъ различное число лѣтъ, отсюда ниспадалъ въ Терекъ огромный ледяной завалъ. Громада льда, снѣга и каменьевъ была такъ велика, что ложилась въ ущелье Терека сплошной массой отъ 40—60 саженъ высоты, на протяженіи почти двухъ верстъ. Чрезъ завалъ, лежавшій иногда въ продолженіи 2-хъ лѣтъ, приходилось устроивать временныя тропы для сообщенія.

Въ концѣ прошлаго и въ нынѣшнемъ столѣтіи упало шесть заваловъ; упавшіе въ прошломъ столѣтіи сохранились только въ преданіяхъ, а о завалахъ 1808, 1817 и 1832 годовъ существуютъ офиціальныя свѣдѣнія. Послѣдній завалъ, свалившійся 15 августа 1832 г., въ 5 ч. утра, загородилъ ущелье Терека на 2 версты и запру-

Digitized by Google

дилъ рѣку такъ, что во Владикавказѣ, въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, можно было перебираться вбродъ съ одного берега на другой. Высота завала была около 50 саженъ. Пришлось устроить черезъ него временную тропу, и только въ августѣ 1834 года, т. е. ровно черезъ 2 года, массы льда стали настолько, что представилась возможность возобновить дорогу на твердомъ грунтѣ. Приведемъ здѣсь стихотвореніе Пушкина «Обвалъ», рисующее, вѣроятно, завалъ 1817 года.

Дробясь о мрачныя скалы,
Шумятъ и пѣнятся валы,
И надо мной кричатъ орлы,
И ропщетъ боръ,
И плещутъ средь волнистой мглы
Вершины горъ.
Оттоль сорвался разъ обвалъ
И съ тяжкимъ грохотомъ упалъ,
И всю тѣснину между скалъ
Загородилъ,
И Терека могучій валъ
Остановилъ.
Вдругъ, истощавъ и присмирѣвъ,
О! Терекъ, ты прервалъ свой ревъ;
Но заднихъ волнъ упорный гнѣвъ
Прошибъ снѣга....
Ты запѣнилъ, освирѣпѣвъ,
Свои брега.
И долго прорванный обвалъ
Неталой грудою лежалъ,
И Терекъ злой подъ нимъ бѣжалъ
И пылью водъ
И шумной пѣной орошалъ
Ледяный сводъ.
И путь по немъ широкій шелъ:
И конь скакалъ, и влекся волъ,
И своего верблюда велъ
Степной купецъ,

Digitized by Google

Гдѣ нынѣ мчится лишь Эолъ,
Небесъ жилецъ.

Существовало убѣжденіе, что завалы съ Девдораки падаютъ каждыя 7 лѣтъ, но съ 1832 г. явленіе это не повторялось. Нѣсколько разъ мѣстные жители тревожили начальство извѣстіями о появленіи зловѣщихъ признаковъ, но дѣло обходилось благополучно. Событіе обратилось въ преданіе и, разукрашенное вымысломъ, сдѣлалось похожимъ на сказку. Говорятъ, что массы снѣга, задержанныя обломкомъ скалы, оторвавшимся во время завала 1832 г., нашли себѣ исходъ въ другую сторону, такъ что военно-грузинская дорога ограждена на будущее время отъ этой страшной катастрофы; но академикъ Абихъ, осматривавшій Девдоракскій ледникъ въ 1861 году, полагаетъ, что эта увѣренность не совсѣмъ основательна. Комиссіи 1862, 1863 и 1864 годовъ подробно описали девдоракскую ледниковую котловину, сообщающуюся съ Терекомъ чрезъ потокъ Девдораки. Узкое горло котловины—при истокахъ Девдораки—находится въ $4^1/_2$ верстахъ отъ Терека.

Не доѣзжая до конца Дарьяльскаго ущелья, встрѣчаютъ четырехъугольное укрѣпленіе, состоящее изъ оборонительной стѣнки съ башнями по угламъ и съ казармою въ серединѣ. Въ немъ живетъ теперь мирная команда вѣдомства путей сообщенія, для шоссейнаго сбора и наблюденія за исправностью дороги. Изъ-за укрѣпленія на мрачной скалѣ, одиноко возвышающейся посреди ущелья, видны развалины замка. Это-то мѣсто и есть собственно *Дарьялъ,* что на древнемъ персидскомъ языкѣ значитъ—ворота. По свидѣтельству Плинія, кавказскія ворота, ошибочно называемыя каспійскими, находились здѣсь. Они были деревянныя, окованныя желѣзомъ, и запирали ущелье. Подъ ними—пишетъ Плиній—течетъ рѣка Діріодорисъ. Теперь, вмѣсто этихъ воротъ, дорогу запираетъ полосатый шлагбаумъ, поднимаемый и опускаемый часовымъ, по мановенію путейскаго унтеръ-офицера.

Про развалины есть извѣстіе, что замокъ построенъ царемъ

Digitized by Google

Мирianомъ за 150 лѣтъ до Р. Х. и обновленъ царемъ *Давидомъ* въ XII вѣкѣ. Но народу нѣтъ дѣла до того, что по-персидски *Дарія* значитъ—*ворота;* эти ворота онъ преобразилъ въ царицу *Дарію*, будто бы когда-то жившую въ замкѣ и давшую свое имя ущелью; *Дарія* преобразилась потомъ въ *Тамару*, славную царицу Грузіи, которая царствовала въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтій *); дѣйствительная царица, въ свою очередь, превратилась, въ народныхъ сказаніяхъ, въ какую то *мифическую героиню Тамару,* съ именемъ которой связана постройка всѣхъ замковъ и храмовъ, которыхъ развалины встрѣчаются до сихъ поръ повсемѣстно на западномъ Кавказѣ. Многія развалины имѣютъ, разумѣется, свои легенды; такимъ образомъ, составилась легенда и о дарьяльскомъ замкѣ, носящая на себѣ отпечатокъ таинственной и страшной природы Дарьяла. Легенда говоритъ, что въ замкѣ жила когда-то прекрасная, но злая царица Тамара, которая завлекала къ себѣ молодыхъ и красивыхъ путниковъ, обѣщая имъ свою любовь и всевозможныя наслажденія. Обѣщаніе исполнялось, но послѣ ночи, проведенной въ блаженствѣ, несчастному отрубали голову и трупъ бросали въ Терекъ. Лермонтовъ обезсмертилъ эту легенду въ своемъ прекрасномъ стихотвореніи:

Въ глубокой тѣснинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.
Въ той башнѣ, высокой и тѣсной,
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ—коварна и зла.
И тамъ, сквозь туманъ полуночи,
Блисталъ огонекъ золотой,
Кидался онъ путнику въ очи,
Манилъ онъ на отдыхъ ночной.

*) Исторія ея разсказана далѣе, при описаніи *Гелатскаго монастыря.*

Digitized by Google

И слышался голосъ Тамары,—
Онъ весь былъ желанье и страсть,
Въ немъ были всесильныя чары,
Была непонятная власть.
На голосъ невидимой пери
Шелъ воинъ, купецъ и пастухъ;
Предъ нимъ отворялися двери,
Встрѣчалъ его мрачный евнухъ.
На мягкой пуховой постели,
Въ парчу и жемчугъ убрана,
Ждала она гостя. Шипѣли
Предъ нею два кубка вина.
Сплетались горячія руки,
Уста прилипали къ устамъ,
И страстные, дикіе звуки
Всю ночь раздавалися тамъ;
Какъ будто въ ту башню пустую
Сто юношей пылкихъ и женъ
Сошлися на свадьбу ночную,
На тризну большихъ похоронъ.
Но только что утра сіянье
Кидало свой лучъ по горамъ,
Мгновенно и мракъ и молчанье
Опять воцарялися тамъ.
Лишь Терекъ, въ тѣснинѣ Дарьяла
Гремя, нарушалъ тишину:
Волна на волну набѣгала,
Волна погоняла волну.
И съ плачемъ безгласное тѣло
Спѣшили онѣ унести.....
Въ окнѣ тогда что-то бѣлѣло,
Звучало оттуда: прости!
И было такъ нѣжно прощанье,
Такъ сладко тотъ голосъ звучалъ,
Какъ будто восторги свиданья
И ласки любви обѣщалъ.

Чѣмъ дальше отсюда подвигаются впередъ, тѣмъ ущелье все болѣе и болѣе расширяется. Недалеко за замкомъ Тамары пере-

Digitized by Google

ѣзжаютъ бурную въ лѣтнее время Кюстинскую балку. Потомъ дорога переходитъ на правую сторону, и, версты за 3 не доѣзжая до станціи, начинаетъ появляться вправо бѣлая шапка Казбека. Свѣтлѣе становится на душѣ путника при взглядѣ на долину, кажущуюся очень обширной послѣ только что покинутаго ущелья. Съ переводомъ дороги на правую сторону (лѣвую Терека) *Бѣшеная балка* осталась въ сторонѣ,—ее видно, не доѣзжая версты до станціи. Прежде дорога прямо шла черезъ нее по висячему деревянному мосту, американской системы, построенному въ 1870 г.

Самое названіе—*Бѣшеная балка*—достаточно характеризуетъ этотъ потокъ, мгновенно превращающійся, послѣ дождя и во время таянія горныхъ снѣговъ, изъ мелкаго ручейка въ рѣчку, превосходящую своимъ бѣшенствомъ Терекъ. Висячій мостъ дрожитъ тогда надъ водою, и все, что попадаетъ въ потокъ, истираётся между катящимися каменьями, какъ между мельничными жерновами.

Тотчасъ за Бѣшеною балкой, по лѣвую сторону дороги, стоитъ домъ князей *Казбековъ*, отъ имени которыхъ получила названіе и самая гора. Домъ весь каменный (дерево здѣсь страшно дорого: дрова привозятся на станцію по 25 р. сер. сажень), двухъ-этажный и обнесенъ галлереей; надворныя строенія тоже всѣ изъ камня; красивая домовая церковь, въ романскомъ стилѣ, выстроена, какъ говоритъ надпись, при императорѣ Александрѣ I; при ней похоронены князья Казбеки; покойный князь былъ генералъ русской службы.

За домомъ находится грузинскій *аулъ Казбекъ*, составлявшій, до освобожденія крѣпостныхъ, собственность князей Казбековъ. Жители его бѣдны; на разчищенныхъ отъ камней поляхъ сѣютъ ячмень, котораго имъ не хватаетъ на годъ; по горамъ кое-гдѣ косятъ сѣно; скотоводство небольшое и скотъ малорослый.

Казбекъ ($15^1/_2$—в.)—каменная двухъ-этажная *станція* на высотѣ 5,681 ф. надъ поверхностью моря, по правую сторону дороги, имѣетъ видъ гостиницы. При ней есть внизу и общія

Digitized by Google

залы для проѣзжающихъ и номера во второмъ этажѣ; все меблировано плоховато, и номера, какъ водится, безъ постельнаго бѣлья. Съ галереи и изъ общей залы прекрасный видъ на Казбекъ. *Цѣна за номеръ* 50 к. безъ топки и 1 р. съ топкой. При гостинницѣ есть хорошій буфетъ, уже лѣтъ 30 содержимый почтенной еврейкой Сарой Франкенштейнъ; тутъ можно имѣть два-три блюда *по 25 к. за порцію; самоваръ 20 к.;* порядочное мѣстное *вино 50 к.* Если желаете, то можете купить у буфетчика турьи рога (около 3 руб. за пару), которыхъ у него всегда имѣется нѣсколько штукъ: это вещь не только рѣдкая вездѣ, но даже и на Кавказѣ.

Въ здѣшнихъ горахъ центръ охоты на *туровъ* (каменныхъ барановъ—Aegoceros Pallasii), но эта охота такъ трудна, что даже изъ здѣшнихъ уроженцевъ охотники всѣ на перечетъ. Въ Ларсѣ есть хорошій охотникъ Пицхерауль Гирголь (Гирголь—Григорій), убившій, какъ разсказываютъ, болѣе 150 туровъ на своемъ вѣку; въ Казбекѣ—Александръ Шадуровъ; въ *Гимстахъ* есть также нѣсколько охотниковъ. Въ Ларсѣ былъ знаменитый охотникъ Давидъ, про котораго разсказывали, что онъ заколдовалъ туровъ: увидя его, они останавливались, какъ вкопанные; Давидъ уже умеръ.

Туръ живетъ на неприступныхъ скалахъ и рѣдко спускается внизъ. Подойти къ нему по вѣтру нѣтъ никакой возможности: не говоря уже про малѣйшій шорохъ, запахъ человѣка и ружья заставляетъ все стадо скрыться, какъ молнію. Если некуда скрыться, то туръ бросается въ пропасть, головою внизъ, и, ударившись лбомъ о камень, становится на ноги; пространство лба между рогами у него такъ крѣпко, что его не пробиваетъ пуля. На станціи я видѣлъ отрѣзанную голову тура; дѣйствительно, въ томъ мѣстѣ, гдѣ рога, почти вплоть другъ отъ друга, выходятъ изо лба, они были обиты, не знаю только отъ чего — отъ бросанья ли головой внизъ, какъ мнѣ говорили, или отъ боданья барановъ между собою.

Digitized by Google

Охотники, обутые въ *бандуры* (горная осетинская обувь изъ бычачьей кожи: вмѣсто подошвы —ремни крестъ на крестъ, чтобъ нога не скользила и цѣплялась за камни; вмѣсто стельки—внутри подстилка изъ скользкой горной травы, похожей на ковыль), имѣя еще съ собою особаго рода подковы, которыя можно въ одну минуту прицѣпить и отцѣпить, съ винтовкой и зрительной трубой въ кожаномъ футлярѣ черезъ плечо, отправляются на опасную охоту. Открывъ стадо туровъ, надо еще къ нему подкрасться по непроходимымъ мѣстамъ, изъ подъ вѣтра, потомъ убить на повалъ, потомъ достать изъ пропасти, въ которую очень часто сваливается убитый звѣрь, и, наконецъ, принести домой. Послѣднее бываетъ иногда труднѣе всей охоты. Можно себѣ представить, каково возвращаться назадъ съ ношей, пуда въ два вѣсомъ, на головѣ по такимъ мѣстамъ, гдѣ едва возможно твердо установить подкованную ногу! Охота продолжается иногда по недѣлѣ, и охотники, покрытые грязью, изодранные, исцарапанные, иззябшіе и измокшіе, возвращаются съ убитымъ туромъ, котораго и продаютъ на станціи рублей за 5 или за 6. Тутъ, разумѣется, дѣло не въ выгодѣ, потому что извозомъ или работой на дорогѣ можно добыть гораздо больше,—и охотники всѣ бѣдняки. Если, читатель, вы сами охотникъ, то поймете, что заставляетъ этихъ людей предпочитать охоту на туровъ выгоднѣйшимъ заработкамъ и держаться промысла, который приводитъ бѣдняка въ прикосновеніе съ дорогими для его сердца горами и наполняетъ жизнь его сильными ощущеніями. «Вотъ мѣсто,—говоритъ г. Висковатовъ («Русск. Вѣстникъ», 1865 г.),—гдѣ горный духъ, раздосадованный на охотника за постоянныя похищенія туровъ въ его владѣніяхъ, сбросилъ на него груду камней и снѣга, отъ которой онъ спасся какимъ-то чудомъ; здѣсь, гонясь за раненымъ туромъ, онъ оборвался въ кручу и едва не лишился жизни. А вотъ тамъ возвышается неприступная скала, на которую онъ взобрался первымъ изъ смертныхъ и въ доказательство своего подвига сложилъ на ней кучу камней.

Digitized by Google

Сколько энергіи и силы потрачено на эти подвиги и сколько при этомъ перенспытано! Какъ-же не приковаться всей душой къ этимъ суровымъ горнымъ трущобамъ, къ этимъ скаламъ, которыя такъ безмолвно, но краснорѣчиво говорятъ о прошедшемъ,—къ этимъ ледникамъ, которые предоставляютъ собою волшебный и полный поэзіи міръ!»

По словамъ г. Висковатаго, между горцами существуетъ повѣрье, что на *Бешламъ-Кортъ* (Казбекѣ) живетъ какая-то *Мягкинеръ* (горный духъ), не допускающая смертныхъ къ священной горѣ. Ея никто не видѣлъ, но многіе слышали ея пѣтушиный крикъ, которымъ она пугаетъ смѣльчаковъ, дерзающихъ приблизиться къ ея жилищу. Для умилостивленія Мягкинеръ устроенъ въ Девдоракскомъ ледникѣ жертвенникъ—*Даба*; на немъ навалена масса турьихъ роговъ,—благо они ни на что не нужны, а между тѣмъ владычица Бешлама, тронувшись благочестивымъ усердіемъ охотниковъ, перестала, со времени сооруженія Дабы, низвергать массы льда, которыми она прежде такъ часто засыпала Дарьяльское ущелье.

Жители здѣшняго аула не платятъ податей и отправляютъ повинности натурой, работая на дорогѣ. Въ казармѣ при станціи живутъ 4 милиціонера изъ здѣшнихъ жителей съ урядникомъ; они получаютъ жалованья 15 р. въ мѣсяцъ на своемъ содержаніи и должны также имѣть свое оружіе и лошадей; обязанности ихъ: наблюдать за спокойствіемъ на дорогѣ и оберегать жителей, у которыхъ сосѣдніе ингуши и до сихъ поръ еще воруютъ скотъ. Если вамъ есть время, то распорядитесь такъ, чтобы, по пріѣздѣ на станцію, пообѣдать и къ вечеру успѣть взобраться на *Стефанъ-Цминду*, для того, чтобы оттуда вполнѣ полюбоваться Казбекомъ и захожденіемъ солнца. Лѣтомъ всходъ туда вовсе не затруднителенъ, и съ обратнымъ путемъ на это потребуется не больше трехъ часовъ. Верховыхъ лошадей для этой прогулки можно достать у милиціонеровъ—рубля $1^1/_2$ за лошадь. По возвращеніи

Digitized by Google

со Стефанъ-Цминды, поплите за Александромъ Шадуровомъ (онъ тоже милиціонеръ) и уговоритесь съ нимъ на завтрашній день утромъ сходить на охоту, на ближайшія горы. Тоже рубля за $1^1/_2$ онъ на утро, еще до разсвѣта, явится съ бандулями и винтовкой и разбудитъ васъ. Конечно, это не будетъ охота на туровъ,—для которой, не обижайтесь, вы, я думаю, и не годитесь, благосклонный читатель, — но вы смѣло можете надѣяться найти горныхъ индѣекъ (птица величиною съ курицу и перомъ похожая на отрепета) и горныхъ курочекъ, похожихъ на нашихъ степныхъ куропатокъ. Не обидьтесь, если я вамъ скажу—коли вы не выросли въ горахъ, то вы и для этой охоты не окажетесь годными, — это будетъ не охота, а скорѣе прогулка. Взобравшись на гору, насколько вамъ будетъ возможно, отпустите охотника и оставайтесь сзади, любуясь его ходьбой по горамъ и видомъ на Казбекъ и окрестныя горы, освѣщенныя лучами восходящаго солнца. Здѣшніе охотники, надобно замѣтить, все бьютъ пулями—и звѣря, и птицу; бѣдность не позволяетъ имъ завести дробовика,—да онъ и не нуженъ, потому что охотникъ привыкъ къ своей кремневой винтовкѣ; для охоты на туровъ дробовикъ не годится, а охота на птицу составляетъ не охоту, а только забаву. Если удастся ему въ мѣру подкрасться, то и птица не минуетъ его пули,—и вы можете тогда полакомиться мясомъ горной курочки или индѣйки. Въ хорошую погоду, увѣряю васъ, эта охота-прогулка доставитъ вамъ истинное наслажденіе.

Прямо противъ станціи, чрезъ Терекъ, видѣнъ Казбекъ; ниже его, на горѣ *Квешеми-мта, Стефанъ-Цминда* (церковь Стефана) или тоже, какъ ее называютъ, *Цминда-Самеба* (церковь Богородицы); еще ниже аулъ *Гулеты (Гиргеты)*, выстроенный вдоль ручья, сбѣгающаго въ Терекъ.

Гора Казбекъ (16,553 ф.) по мѣстному названью—*Бешламъ-Кортъ*, по-осетински—*Черпети-Чубъ* (пикъ Христа), по-грузински—*Мхинвари*.

По народному повѣрью, вершина Казбека — мѣсто святое, до котораго никто не можетъ достигнуть,—на ней пребываетъ самъ

Digitized by Google

Богъ; лишь только охотникъ или другой кто-нибудь достигаетъ большаго камня (видимаго отъ Стефанъ-Цминды), его останавливаетъ невидимая сила, или-же поднимается буря, и онъ долженъ вернуться назадъ; на вершинѣ горы разбитъ шатеръ Авраама изъ матеріи, лучше которой никто не видалъ; въ шатрѣ ясли, которыя поддерживаетъ невидимая рука, и въ нихъ спитъ младенецъ; ясли окружены несмѣтными сокровищами; тутъ-же находится невиданное дерево и пшеница, зерна которой величиной по четверти. Никто не проникалъ туда, кромѣ одного священника и его сына, совершенно чистыхъ и душою и тѣломъ,—это было при Ираклiѣ II; отецъ погибъ, а сынъ возвратился съ кускомъ невиданнаго дерева, лоскуткомъ матеріи отъ шатра и нѣсколькими зернами пшеницы; подошвы его ногъ оказались убранными серебряными монетами, приставшими къ нимъ; всѣ эти сокровища были тогда-же отправлены къ царю.

Несмотря, однакожъ, на вѣру туземцевъ въ недоступность вершины Казбека,—члены лондонскаго альпійскаго клуба и опытные ходоки по горамъ, англичане *Фрешвильдъ*, *Муръ* и *Теккеръ*, взобрались на нее $^{18}/_{30}$ іюня 1868 года.

Нанявъ въ *Гилетахъ* четырехъ носильщиковъ, они начали всходить съ южной стороны горы по глетчеру, начинающемуся на высотѣ 1,500 ф. надъ дномъ долины; ночь они провели въ пещерѣ на высотѣ 11,000 ф. надъ поверхностью моря; съ высоты 14,800 ф. имъ пришлось переходить безчисленное множество обрывовъ: при одномъ обрывѣ Теккеръ поскользнулся и покатился головой внизъ, но товарищи вытащили его. Въ продолженіи четырехъ часовъ они взбирались по скользкой ледяной поверхности, за которую надо было цѣпляться руками и ногами. Наконецъ, они достигли восточной высочайшей вершины горы (16,546 ф.). Спустились путешественники по другому боку, чрезъ Девдоракскій ледникъ, и, переночевавъ въ саклѣ пастуха, на другой день вернулись въ аулъ Казбекъ чрезъ Дарьяльское ущелье. Въ Гилетахъ

Digitized by Google

и теперь живутъ носильщики, провожавшіе смѣлыхъ англичанъ до подошвы горы; двое изъ нихъ пошли по слѣду путешественниковъ и также достигли вершины. Восхожденіе Фрешфильда, Мура и Тёккера продолжалось $9^1/_4$, а спускъ $7^1/_2$ часовъ; предпринято оно было единственно съ цѣлью попытать свои силы и опровергнуть мнѣніе объ абсолютной недоступности вершины Казбека, а также и съ цѣлью открыть для дѣятельности членовъ своего клуба новое поле, подобнаго которому нѣтъ въ Европѣ. Научные вопросы ихъ такъ мало интересовали, что они даже не сдѣлали ни одного наблюденія надъ барометромъ. Чрезъ мѣсяцъ, $^{17}/_{29}$ іюля, они всходили на Эльборусъ, на которомъ ночевали на высотѣ 11,400 ф. Съ вершины Казбека они видѣли долину Терека, но равнина, лежащая далѣе на сѣверъ, была покрыта облаками.

Прогулка на Стефанъ-Цминду (Цминду-Самебу) можетъ быть сдѣлана верхомъ или пѣшкомъ. Лошадей для этого, какъ мы уже говорили, нанимаютъ на станціи.

Стефанъ-Цминда выстроена на горѣ *Квенемъ-мты,* на высотѣ 7,673 ф. надъ моремъ, т. е. почти на 2,200 ф. выше станціи Казбекъ. Это та самая церковь, въ которой, по словамъ Лермонтова, покоятся кости знаменитаго разбойника, пожелавшаго выстроить ее

Грѣховъ минувшихъ въ искупленье.

И вотъ, по обѣту его:

На вышинѣ гранитныхъ скалъ,
Гдѣ только вьюги слышно пѣнье,
Куда лишь коршунъ залеталъ...
. . . . . .
. . . Межъ снѣговъ Казбека
Поднялся одинокій храмъ,
И кости злаго человѣка
Вновь успокоились тамъ.

Въ храмѣ ежегодно три раза совершается литургія, и массы

Digitized by Google

поклонниковъ приходятъ поклониться святынѣ со всѣхъ сторонъ. Въ остальное-же время:

. . . У воротъ ея стоятъ
На стражѣ черные граниты,
Пластами снѣжными покрыты,
И на груди ихъ, вмѣсто латъ,
Льды вѣковѣчные горятъ.

Впрочемъ, неизвѣстно откуда взялъ Лермонтовъ эту легенду. Напротивъ, мѣстные жители разсказываютъ, что церковь построена тремя царями, какими—неизвѣстно. Они даже обижаются, если ихъ спрашиваютъ: не разбойникъ ли построилъ Цминду? Достовѣрно только одно, что камень, изъ котораго построена церковь, добытъ въ горѣ Сіонѣ, на трехверстномъ отсюда разстояніи. Громадный трудъ, требовавшійся для его доставки, показываетъ, что время постройки Цминды надобно отнести къ счастливымъ временамъ Грузіи. Или, можетъ быть, поэтъ говоритъ про другой храмъ-монастырь, дѣйствительно существующій на Казбекѣ, на рубежѣ вѣчнаго снѣга. Монастырь этотъ или, лучше сказать, нѣсколько келій въ скалѣ, доступенъ въ хорошее время, и большую часть дороги къ нему можно дѣлать верхомъ. Посѣщавшіе его говорятъ, что онъ несомнѣнно былъ обитаемъ: жернова и остатки ручныхъ мельницъ, сохранившіеся въ кельяхъ, свидѣтельствуютъ объ этомъ. Разсказы-же о томъ, что гдѣ-то высоко на Казбекѣ есть монастырь, до котораго добраться нѣтъ никакой возможности, что человѣкомъ, отваживающимся на этотъ подвигъ, овладѣваетъ сонъ, во время котораго онъ скатывается внизъ, и проч., — конечно, разсказы эти не болѣе какъ плодъ досужаго воображенія жителей.

Проѣхавъ по мосту чрезъ Терекъ, мимо впадающаго въ него ручья, на которомъ построено нѣсколько осетинскихъ мельницъ, чрезъ аулъ *Гилеты*, взбираются на Квенемъ-Мты. Нетрудность подъема доказывается уже тѣмъ, что сюда взбираются въ положенные праздники массы богомольцевъ, между которыми есть и старые и малые.

Digitized by Google

Первое, что попадается, когда взберешься на гору,—это остатки какихъ-то развалинъ и могильныхъ плитъ, подъ которыми, по разсказамъ, похоронены работники, строившіе церковь. Когда вы подойдете къ церковной оградѣ, то, совершенно неожиданно, передъ вами откроется огромная долина между Квенемъ-Мты и Казбекомъ, царственно возвышающемся надъ окрестностью. Церковь и колокольня построены въ древнемъ византійскомъ стилѣ и покрыты коническими куполами; остальная крыша надъ алтаремъ каменная двухскатная; колокольня стоитъ отдѣльно отъ церкви; окна узкія и высокія. Все зданіе имѣетъ разрушенный видъ, изъ трещинъ выбивается трава, но нѣкоторыя украшенія еще довольно хорошо сохранились: замѣчательны украшенія въ видѣ царскихъ шапокъ, какъ будто повѣшенныхъ на гвоздяхъ, вбитыхъ въ стѣну. На крышѣ лежатъ въ разныхъ мѣстахъ нѣсколько паръ турьихъ роговъ, изъ которыхъ многіе уже вывѣтрились отъ времени,—это даръ благочестивыхъ охотниковъ. Какъ я уже сказалъ, въ храмѣ бываетъ богослуженіе три раза въ годъ, въ остальное время онъ запертъ (ключъ можно достать у церковнаго старосты въ Гилетахъ). Внутри нѣтъ ничего замѣчательнаго: все невѣжественно реставрировано и иконостасъ новый съ дурной живописью въ итальянскомъ стилѣ. Взбираться лучше, огибая Стефанъ-Цминду со стороны Казбека, а спускаться чрезъ Гилеты. Спускъ довольно труденъ.

Кромѣ Стефанъ-Цминды, вокругъ Казбека есть еще много священныхъ мѣстъ, къ которымъ стекаются усердные богомольцы. Грузины—охотники повеселиться и каждый мѣсяцъ, разъ или два, празднуютъ какую нибудь мѣстную святыню. Празднество продолжается нѣсколько дней, и каждый тащитъ съ собой все, что только отыщетъ лучшаго изъ съѣстнаго, хотя бы пришлось для этого запродать сѣнокосъ на будущій годъ духаньщику.

Квенемъ-Мты раздѣляетъ долину Казбека на двѣ части: одна, съ аулами и станціей, лежитъ по Тереку, другая, у подножія

Digitized by Google

Казбека, необитаема и служитъ только для покосовъ и пастбищъ. Видъ сверху на обѣ долины, окруженныя угрюмыми горами, поразителенъ. Когда будете спускаться обратно внизъ, то въ *Гиметахъ* зайдите изъ любопытства въ какую нибудь саклю. Здѣшнія сакли обыкновенно съ плоскими (по дороговизнѣ лѣса для стропилъ) землебитными крышами и выстроены въ два этажа: въ нижнемъ помѣщается скотъ, въ верхнемъ—люди. Въ людскомъ помѣщеніи двѣ досчатыя перегородки образуютъ закромъ, въ которомъ хранится весь скудный запасъ зерна; закромъ этотъ раздѣляетъ саклю на двѣ части: въ одной, подъ отверстіемъ, продѣланнымъ въ потолкѣ для выхода дыма, виситъ крючекъ, на которомъ вѣшается котелокъ для приготовленія пищи. Топливомъ, за отсутствіемъ дровъ, служитъ кизякъ, и огонь разводится прямо на земляномъ полу. Свѣтъ проходитъ только чрезъ двери и дымовое отверстіе; оконныя стекла составляютъ здѣсь неизвѣстную роскошь. Около того мѣста, гдѣ разводится огонь, устроены нары, вышиною четверти въ полторы отъ полу; маленькіе трехногіе столики для ѣды, такой-же вышины, какъ и нары, составляютъ остальную мебель. На стѣнахъ полки для посуды; на нихъ-же виситъ и оружіе хозяина. Когда вы войдете въ это жалкое обиталище, то глаза ваши не скоро будутъ въ состояніи различить что нибудь въ темнотѣ. Воздухъ наполненъ запахомъ кизячьяго дыма, которымъ прокопчена насквозь вся сакля. Надобно представить только себѣ, каково проводить здѣсь суровую, долгую зиму, когда вьюга воетъ въ ущельяхъ и снѣгъ пробивается сквозь всѣ отверстія! Каково сидѣть тогда все время въ этомъ темномъ логовѣ, не раздѣваясь и довольствуясь жалкимъ огонькомъ кизяка! И эти люди живутъ, здоровы и счастливы по своему: истинно, что человѣкъ есть самое выносливое животное! Курныя избы нашихъ степныхъ крестьянъ тоже ничѣмъ не лучше здѣшнихъ саклей, но въ тѣхъ есть хоть окна со стеклами, пропускающими свѣтъ, и печка, натопленная до того, что на ней едва

Digitized by Google

можно лежать; впрочемъ, взамѣнъ этого, въ саклях, постоянно продуваемыхъ насквозь вѣтромъ, воздухъ гораздо чище, и скотъ не помѣщается вмѣстѣ съ хозяевами, что почти уравновѣшиваетъ какъ выгоды, такъ и невыгоды обоихъ помѣщеній. Притомъ-же про сакли нельзя сказать, чтобъ онѣ отличались особенной непріятностью.

Вотъ мельницамъ нашимъ такъ надобно отдать справедливость,— онѣ гораздо лучше осетинскихъ. Когда вы пройдете Гилеты, то посмотрите на эти произведенія здѣшнихъ механиковъ, настроенныя по ручью, сбѣгающему въ Терекъ. Изъ запруженнаго каменьями ручья отведенъ каузъ, вода котораго колотитъ въ горизонтальное колесцо, утвержденное на вертикальной оси; на этой-же оси утвержденъ жерновъ, а по сверхъ его маленькій засыпной ковшъ; вся эта механика накрыта каменнымъ, разумѣется плосковерхимъ, строеніемъ; въ которомъ можетъ помѣститься развѣ только теленокъ; человѣку-же надобно влѣзать туда на четверенькахъ. Говоря правду, колотушки эти очень хорошо приспособлены къ водѣ, приводящей ихъ въ движеніе. Большаго размѣра мельницъ здѣсь и устроить нельзя, да и не изъ чего, а эти совершенно достаточны для перемалыванія здѣшнихъ скудныхъ запасовъ хлѣба. Колотитъ себѣ, да колотитъ. И дешево и сердито!

Внутренность сакли можно осмотрѣть и въ Казбекѣ: расположеніе и убранство совершенно одни и тѣ-же. Поподчуйте винцомъ одного изъ милиціонеровъ, постоянно находящихся на станціи, и онъ съ охотою проводитъ васъ къ себѣ въ домъ и посвятитъ во всѣ тайны своего образа жизни. Рекомендую для этого милиціонера Василія; у него-же можете нанять и лошадей для поѣздки въ Стефанъ-Цминдѣ.

До *Коби (15½ в., 6,364 ф.)* дорога продолжаетъ извиваться долиной Терека, который уже здѣсь не бушуетъ и не стонетъ, какъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ. Самая долина шире, свѣта въ ней больше и мѣстоположеніе не такъ угрюмо. Черезъ двѣ версты

Digitized by Google

вершина Казбека въ послѣдній разъ показывается изъ-за горъ. На третьей верстѣ слѣва впадаетъ Черная рѣчка, и дорога въ этомъ мѣстѣ раздѣляется на двое: одна обыкновенная, а другая выше, для объѣзда во время разлива. Долина эта славится лихорадками. Дальше дорога вьется вверхъ зигзагами, и Терекъ остается нѣкоторое время въ глубинѣ. На поворотахъ каменные столбы, для указанія пути во время снѣжныхъ заносовъ. По обѣимъ сторонамъ, на высотахъ, лѣпятся бѣдные осетинскіе аулы, съ башнями, похожіе больше на развалины старинныхъ укрѣпленій, чѣмъ на обитаемыя жилища. Около одного аула, меньше чѣмъ на полдорогѣ, маленькій лѣсокъ—рѣдкость въ этихъ скалистыхъ и голыхъ мѣстахъ. Не доѣзжая Коби, влѣво, находятся три желѣзистые источника въ первобытномъ видѣ; говорятъ, вода ихъ полезна отъ лихорадки.

Станціи на военно-грузинской дорогѣ имѣютъ то неудобство, что нагрѣваются маленькими желѣзными печами: пока ихъ топятъ—тепло, а какъ только сгорѣли дрова — такъ опять холодъ; на Коби этотъ недостатокъ особенно ощутителенъ. Архитекторъ, строившій ихъ, вѣроятно, не сообразилъ, что и на югѣ, на высотѣ почти 7,000 ф., бываетъ также холодно, какъ и на сѣверѣ. Въ Коби прощаются съ Терекомъ, остающимся вправо. *Хевское ущелье*, по которому доѣзжаютъ до станціи, здѣсь расширяется отъ соединенія съ нимъ съ востока ущелья *Ухтинскаго*, съ рѣчкою *Ухать-Дасъ*, а съ запада *Пасанаурскаго* ущелья, которое, соединяясь съ *Трусовскимъ*, служитъ ложемъ Тереку. Безпрерывный водопадъ, образуемый рѣкою, стремится изъ Трусовскаго ущелья, изъ четырехъ истоковъ горы *Россъ*. Окрестности Коби оригинальны до-нельзя и представляютъ какой-то первобытный хаосъ. На высотѣ древнее селеніе *Ляслаз*, съ церковью *Цминда-Кархи*. Разстояніе *между Коби и Гудауромъ* и составляетъ собственно:

Перевалъ чрезъ главный кавказскій хребетъ. Путь этотъ мно-

Digitized by Google

гими описывается, какъ очень опасный отъ снѣжныхъ завалевъ, скатывающихся съ горъ. Но я вамъ посовѣтую, благосклонный читатель, въ то время, когда вамъ разсказываютъ о необыкновенныхъ трудностяхъ и опасностяхъ путешествія, не забывать никогда пословицы: «не такъ страшенъ чертъ, какъ его малюютъ». Завалы между Коби и Гудауромъ, дѣйствительно, бываютъ поздней весной, т. е. въ первой половинѣ апрѣля, когда снѣгъ на горахъ начинаетъ таять и дѣлается рыхлымъ, и осенью, когда онъ еще не совсѣмъ улегся и окрѣпъ отъ морозовъ; лѣтомъ-же дорога совершенно безопасна, а зимніе заносы, такіе какъ весенніе и осенніе завалы, прежде постоянно разчищались командами солдатъ, для которыхъ и выстроено здѣсь нѣсколько казармъ. Нынѣ это дѣлается наймомъ. Несчастія, дѣйствительно, бываютъ, но гдѣ-же ихъ не бываетъ?—отъ нихъ путешественникъ не застрахованъ ни на пароходахъ, ни на желѣзныхъ дорогахъ, ни даже при обыкновенной ѣздѣ на почтовыхъ.

Если, по нѣкоторымъ извѣстнымъ признакамъ, ожидается завалъ, то вамъ не позволятъ ѣхать и предупредятъ объ опасности. Объ упавшемъ завалѣ сообщается немедленно, и тотчасъ-же приступаютъ къ очисткѣ дороги. Вообще, приняты всѣ мѣры предосторожности, и движеніе дилижансовъ происходитъ круглый годъ безостановочно. Если и случаются рѣдкія несчастія, то, по большей части, съ рабочими, исправляющими дорогу, да съ безпечными ямщиками и путниками, не обращающими вниманія ни на какія предостереженія. О томъ-же, чтобы проѣзжіе подвергались заваламъ,— не приходилось слышать. Повторимъ еще, что завалы бываютъ въ извѣстное время года. Во всякомъ случаѣ, считаемъ не лишнимъ сказать, что въ то время, когда бываютъ завалы, лучше выѣзжать со станціи чуть свѣтъ, пока солнце еще не обогрѣло на горахъ снѣга. Когда дорога, послѣ упавшаго завала или заноса, еще не разработана на должную ширину, то встрѣча съ проѣзжими не можетъ быть особенно пріятна и не обходится безъ остановки. Версты

Digitized by Google

черезъ двѣ за станціей у дороги есть источникъ чрезвычайно вкусной кислой воды, которую совѣтую непремѣнно попробовать.

Дорога вьется зигзагами въ гору. Отъѣхавъ нѣсколько верстъ, встрѣчаютъ рѣчку *Байдару;* въ вершинѣ ея, на возвышеніи, вправо отъ дороги, выстроенъ домъ, въ которомъ живутъ два осетинскихъ семейства, получающихъ содержаніе отъ правительства, за что они во время мятелей обязаны звонить въ колоколъ и оказывать помощь путешественникамъ. Домъ этотъ стоитъ на высотѣ 7,719 ф. и, послѣ Кодорскаго укрѣпленія, есть самое высокое мѣсто, гдѣ живетъ человѣкъ на Кавказѣ. Скажемъ, кстати, что, до прорытія туннелей, постоянный путь изъ Швейцаріи въ Италію, чрезъ Симплонъ, Сенъ-Готардъ и Сенъ-Бернардъ, былъ ужъ никакъ не лучше нашей военно-грузинской дороги.

Подвигаясь далѣе, переѣзжаютъ *Крестовую гору;* на ней, влѣво отъ дороги, на высотѣ 8,498 ф., стоитъ крестъ, поставленный Ермоловымъ въ 1824 г. У подошвы Крестовой находится небольшая долина, называемая «*Чертовою долиной*». Лермонтовъ говоритъ, что это названіе происходитъ отъ слова черта, а не чертъ, потому что здѣсь была нѣкогда граница Грузіи.

За *Крестовою* начинается уже спускъ. Далѣе слѣдуетъ *Гудъ-гора*, называющаяся такъ отъ имени дер. *Гудъ*, лежащей вправо отъ дороги, въ глубинѣ пропасти, гдѣ кипитъ Арагва, берущая свое начало неподалеку, въ ущельи *Гуда*.

Чѣмъ болѣе вы спускаетесь къ Гудаурской станціи, тѣмъ болѣе и болѣе вамъ открывается знаменитая *Кайшаурская долина*, такъ дивно описанная Лермонтовымъ.

Не испытавши, нельзя себѣ представить рѣзкости перехода отъ мрачныхъ сѣверныхъ ущелій къ очаровательной природѣ юга. Все измѣняется почти мгновенно: и горы, и небо, и воздухъ. Предъ вами долина, конца которой вы не видите; на окаймляющихъ ее

Digitized by Google

Мтіулетскихъ горахъ видна жизнь, и самыя горы совсѣмъ не похожи на тѣ, которыя вы только что оставили за собою; небо тоже стало другимъ. А воздухъ! Вмѣсто холоднаго вѣтра, на васъ вдругъ пахнуло дыханіемъ юга,—и чѣмъ дальше спускаетесь вы, тѣмъ оно становится все нѣжнѣе и теплѣе. Повторяю, кто не переѣзжалъ съ сѣвера на югъ чрезъ высокіе горные хребты, тотъ не можетъ представить себѣ чувства, испытываемаго при переѣздѣ чрезъ перевалъ. А, между тѣмъ, мѣста, по которымъ вы ѣдете, еще напоминаютъ собою мрачныя сѣверныя ущелья. До *Гудаура* спускъ идетъ по краю обрыва, отвѣсная стѣна котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ искусственно выложена камнемъ на нѣсколько сотъ футъ въ глубину. Внизу сверкаетъ *Мтіулетская Арагва,* и на самомъ днѣ лежитъ громадная, поросшая лѣсомъ и Богъ вѣсть когда свалившаяся скала. Вправо гора 3-хъ братьевъ.

Мы упомянули про аулъ *Гудъ;* разскажемъ теперь слѣдующую грандіозную осетинскую легенду, связанную съ его именемъ.

«Давно, очень давно, въ аулѣ жила бѣдная семья, которую Господь, милосердый къ бѣднякамъ, благословилъ рожденіемъ дочери Нины, красивѣе которой не было ребенка во всей Осетіи. Не только все населеніе аула, но и далекіе путники, горцы и курьеры, видя малютку, взбирающуюся на гору, останавливались и, любуясь ею, забывали свои обязанности; проѣзжавшіе съ караванами купцы дарили ее блестящими бездѣлушками и кусками яркой ткани. Влюбился въ Нину также и старый *Гудъ*—духъ, властитель Гудъ-горы, невидавшій, во все время своей продолжительной жизни, такой красавицы. Онъ полюбилъ ее со всею пылкостью юноши. Хотѣла ли Нина подняться на гору—влюбленный старикъ выравнивалъ тропинку подъ ея ножкой; искала ли Нина съ своими подругами цвѣтовъ и травъ—Гудъ собиралъ и пряталъ лучшіе цвѣты и травы подъ сводомъ камней, разсыпавшихся при приближеніи красавицы. Никогда ни одинъ изъ пяти барановъ,

Digitized by Google

принадлежавшихъ отцу Нины, не падалъ въ кручу и не сдѣлался добычей злыхъ волковъ. Однимъ словомъ, Нина была царицей всего пространства, гдѣ царствовалъ древній Гудъ,—такъ любилъ ее могучій старецъ. Прошло 15 лѣтъ; изъ хорошенькаго ребенка Нина сдѣлалась невиданной красавицей, и любовь стараго Гуда разгорѣлась еще сильнѣе; онъ сталъ даже подумывать о томъ—нельзя ли какъ нибудь изъ могучаго духа сдѣлаться простымъ смертнымъ, хоть бы даже и бѣднымъ осетиномъ. Но молодая дѣвушка не замѣчала любви Гуда,—она засматривалась на молодаго красавца, своего сосѣда Сасико. Сасико былъ молодъ, статенъ, славился силой и ловкостью, отлично стрѣлялъ изъ винтовки и умѣлъ танцовать не только свой осетинскій танецъ, но даже и лезгинку, чѣмъ могли похвалиться немногіе. Старый Гудъ сталъ ревновать Нину къ Сасико, началъ преслѣдовать его, заводить въ трущобы во время охоты, застилать туманомъ пропасти подъ его ногами или засыпать его неожиданно мятелью. Однако-же, всѣ хитрые замыслы стараго ревнивца были тщетны. Наступила зима, и Гудъ лишился возможности часто видѣть свою любимицу; за то Нина и Сасико стали видѣться чаще и чаще. Гудъ все это видѣлъ, ревновалъ, бѣсился, и, наконецъ, ярость его достигла крайнихъ предѣловъ. Однажды, когда Нина и Сасико, оставшись одни въ саклѣ, не могли наговориться, Гудъ сбросилъ на нихъ огромную лаву снѣга. Обвалъ этотъ скорѣе обрадовалъ, чѣмъ испугалъ влюбленныхъ, и они были рады, что на нѣкоторое время могутъ остаться наединѣ другъ съ другомъ. Разведя огонь, они сѣли около него и безпечно предались мечтамъ и разговорамъ. Такъ прошло нѣсколько часовъ. Сердца влюбленныхъ были полны любовью, но желудки просили пищи; отысканныя двѣ лепешки и кусокъ сыру утолили не надолго ихъ голодъ. Прошелъ еще день, и, вмѣсто веселаго разговора, въ саклѣ послышались вопли отчаянія; узники не думали больше о любви,—они думали о хлѣбѣ. Прошелъ и третій день, голодъ еще больше усилился, а надежды на

Digitized by Google

освобожденіе не было. На четвертый день голодная смерть казалась неминуемой. Сасико кидался изъ угла въ уголъ, но вдругъ остановился; впалые глаза его устремились на Нину,—онъ бросился къ ней, крѣпко обхватилъ ее руками и впился зубами въ ея плечо. Дѣвушка вскрикнула, упала на полъ, но въ это время послышался говоръ, и дверь, очищенная отъ завала, открылась для узниковъ. Нина и Сасико бросились къ своимъ избавителямъ, но уже съ чувствомъ ненависти и отвращенія другъ къ другу. Обрадовался старый Гудъ, узнавши, что любовь Нины и ея возлюбленнаго замѣнялась взаимной ненавистью; не утерпѣлъ старикъ и разразился такимъ смѣхомъ, что цѣлая туча камней посыпалась съ горы въ долину. Большое пространство ея и до сихъ поръ густо усѣяно осколками гранита». Вотъ какъ смѣется нашъ могучій Гудъ—прибавляетъ осетинъ, разсказывая эту легенду.

Гудаурская станція *(14½ в., 7,327 ф.; пріемъ телеграфическихъ депешъ)*. Помните ли вы путешествіе Лермонтова съ Максимомъ Максимовичемъ чрезъ Гудъ-гору и Крестовую? Навѣрное, вы читали «Героя нашего времени» и не забыли этого путешествія. Лермонтовъ называетъ Гудъ-гору проклятой. Перекладную его телѣжку едва тащили на нее шесть паръ воловъ, съ помощью нѣсколькихъ осетинъ. Пущинъ пишетъ, что въ Коби онъ долженъ былъ бросить свою коляску и ѣхать верхомъ до Тифлиса. Перевалъ черезъ Крестовую былъ въ то время таковъ, что путешественники здѣсь, обыкновенно, выходили изъ экипажа и шли пѣшкомъ, а какой-то иностранный консулъ велѣлъ даже завязать себѣ глаза, и когда его свели подъ руки и сняли повязку, то онъ упалъ на колѣни и сталъ благодарить Бога. Не довольствуясь тормозами, экипажи спускали иногда на рукахъ. Въ настоящее время эти описанія нашихъ геніальныхъ поэтовъ кажутся уже какою-то легендой. По страшной дорогѣ ѣздятъ безъ задержки во всевозможныхъ экипажахъ, и громоздкіе дилижансы ходятъ по ней ежедневно весь годъ. Теперь, въ хорошее время,

Digitized by Google

переѣздъ отъ Владикавказа до Тифлиса—просто отличнѣйшая прогулка. Напомнимъ опять, что прежде для проѣзда шестнадцативерстнаго разстоянія отъ Коби до Кайшаура требовалось не менѣе пяти часовъ, а въ настоящее время, за исключеніемъ особенныхъ случаевъ, здѣсь ѣздятъ съ обыкновенной почтовой скоростью.

На горахъ, окружающихъ Гудауръ, еще нѣтъ никакой растительности, и торфъ, добываемый близъ Казбека, составляетъ для здѣшнихъ мѣстъ неоцѣненное сокровище.

Съ проведеніемъ дороги на Млеты, Кайшаурская станція осталась въ сторонѣ, и спускъ съ Крестовой, единственный въ цѣломъ свѣтѣ, замѣнилъ прежнюю дорогу. Чтобы дать о немъ самое наглядное понятіе, скажемъ только, что Млеты лежатъ ниже Крестовой на 3,800 ф., что составляетъ одну сажень паденія на каждыя пятнадцать саженъ. Кажется, довольно круто,—а, между тѣмъ, вы спускаетесь все время рысью, не тормозя экипажа. Зигзаги извиваются, какъ змѣй, открывая вамъ, при каждомъ поворотѣ, одинъ видъ лучше другаго. Часто одна сторона дороги поддерживается надъ обрывомъ высокой искусственною стѣной, основанія которой не видать въ глубинѣ, а съ другой стороны, надъ вами, тоже искусственная стѣна. Доска съ золотой надписью, вдѣланная въ скалу на половинѣ спуска, говоритъ о времени постройки знаменитой дороги при кн. Барятинскомъ,—оно того и стоитъ. Спустившись въ Млеты, вы перенеслись съ сѣвера на югъ и очутились въ другомъ климатѣ.

Такъ какъ сѣверная и начало южной части военно-грузинской дороги проходятъ чрезъ Осетію, то, кстати, скажемъ нѣсколько словъ объ осетинахъ.

Осетины зовутъ сами себя — *ирѣ* или *иранѣ;* татары зовутъ ихъ *оссѣ;* грузины — *осси;* отсюда, вѣроятно, и русское — осетины. Они живутъ въ центрѣ Кавказскихъ горъ: на сѣверъ—по Тереку и его западнымъ притокамъ вплоть до Кабарды, и на югъ—въ верховьяхъ Ляхвы. Въ сѣверной половинѣ число ихъ до

Digitized by Google

45 т., въ южной до 20 т. душъ. Они раздѣляются на 4 главныя племени: *дигорцы,* населяющіе суровыя верховья *Уруха,* сильные, неустрашимые и отличные горные охотники; *алагирцы,* живущіе по *Ардону,* отличаются, напротивъ, тупостью и составляютъ совершенный контрастъ съ дигорцами; *тагаурцы,* живущіе по лѣвому берегу Терека, въ горахъ, у *Ларской станціи,* — самое гордое и передовое племя между осетинами; они себя считаютъ потомками Тагаура, по преданію, наслѣдника армянскаго престола, будто бы спасшагося въ горахъ отъ преслѣдованія своихъ братьевъ; поэтому они причисляютъ себя къ высшему сословію, и простой народъ не любитъ ихъ; *куртатинцы* живутъ на западъ отъ тагаурцевъ до рѣки Ардона, — это самое честное и самое преданное русскимъ племя.

Религія осетинъ—смѣсь христіанства, магометанства и язычества. По офиціальнымъ даннымъ, ихъ считается около 50 т. христіанъ, около 15 т. магометанъ и небольшое число язычниковъ. Въ послѣднее время, съ учрежденіемъ общества возстановленія и распространенія христіанства на Кавказѣ, можно надѣяться, что цифра христіанскаго населенія возростетъ.

По преданіямъ, осетины пришли изъ Азіи чрезъ Уралъ и занимали прежде равнины, разстилающіяся на сѣверъ отъ Кавказскихъ горъ; на это, пожалуй, отчасти намекаетъ и слово «донъ», значущее по-осетински рѣка (*Ардонъ*—бѣшеная рѣка). Оттѣсненные другими, болѣе сильными народами, они должны были скрыться въ недоступныхъ горныхъ трущобахъ и сдѣлаться, такимъ образомъ, отрѣзанными отъ всего остальнаго міра. Въ народѣ еще живы воспоминанія о томъ времени, когда осетинъ не смѣлъ показаться на Кабардинской плоскости, и когда кабардинцы, владѣвшіе Ларскимъ ущельемъ, дозволяли имъ спускаться къ Тереку не иначе, какъ за плату. Постоянная опасность отъ нападеній заставляла ихъ укрѣплять свои маленькіе аулы башнями, придающими имъ издали такой оригинальный видъ. Осетинскій аулъ,

Digitized by Google

состоящій изъ небольшаго числа сложенныхъ изъ дикаго сѣраго камня саклей, съ плоскими крышами и съ возвышающеюся среди нихъ башней, представляется издали какимъ-то разрушеннымъ средневѣковымъ замкомъ.

Малоземелье было причиной того, что часть осетинъ перешла на южный склонъ Кавказскаго хребта, покинутый грузинами, спустившимися ниже, въ мѣста, гдѣ населеніе сдѣлалось рѣдкимъ отъ безпрерывныхъ опустошеній. Тамъ они, поселившись на помѣщичьихъ земляхъ, сдѣлались изъ свободныхъ людей крѣпостными, выучились по-грузински, а у предгорій даже совсѣмъ смѣшались съ грузинами.

Бѣдность развила въ осетинахъ склонность къ грабежу и убійствамъ (осетинская пословица говоритъ: «что находимъ на большой дорогѣ, то намъ послано Богомъ»). Замкнутая жизнь и рѣдкія сношенія другъ съ другомъ породили гостепріимство, общее всѣмъ горцамъ, а отсутствіе всякой гражданственности заставило прибѣгать къ личной расправѣ, породившей кровомщеніе, которое бывало иногда причиною ужаснѣйшихъ злодѣяній.

Осетины нашли себѣ защиту въ русскихъ и одни изъ первыхъ приняли наше подданство, благодаря которому мрачныя времена для нихъ миновали. Освобожденіе крѣпостныхъ и введеніе гражданскаго управленія, совершившіяся на всемъ Кавказѣ, не обошли, разумѣется, и осетинъ; многіе изъ нихъ, покинувъ свои сѣверныя ущелья, выселились на плоскость; бытъ ихъ въ настоящее время значительно улучшился, и есть надежда, что, благодаря своей воспріимчивости, они опередятъ многія племена кавказскихъ горцевъ.

Млеты *(15 в., 4,848 ф.)*. Чѣмъ дальше вы спускаетесь по удивительной дорогѣ внизъ отъ Гудаура, тѣмъ все больше и больше приближаетесь къ Арагвѣ, которая весело шумитъ, прыгая по каменьямъ, и, наконецъ, достигаете прелестной *Квишетской долины,* въ которой расположена, на правомъ берегу рѣки,

Digitized by Google

станція съ садикомъ и обвитою плющемъ бесѣдкой. Арагва слилась здѣсь съ рѣчкой *Цхидисъ-цхале*, и ея шумъ также не похожъ на шумъ Терека, какъ Квишетская долина не похожа на мрачное Дарьяльское ущелье. Вмѣсто угрюмыхъ, голыхъ скалъ— здѣсь горы, поросшія лѣсомъ; на разчищенныхъ мѣстахъ сѣнокосы и тщательно обработанныя поля, орошаемыя горными ручьями; около полей пріютились бѣлые домики съ хозяйственными пристройками, около нихъ садики и орѣховыя деревья. Какъ все это не похоже на только что видѣнное вами! Сѣрыя, безъ признаковъ зелени, плосковерхія кучи камня, называемыя аулами, остались за снѣговымъ хребтомъ. Въ расположенныхъ по горамъ деревушкахъ попадаются башни, а на выступахъ горъ, при поворотахъ дороги, видны остатки укрѣпленій, Богъ вѣсть когда и кѣмъ построенныхъ. Укрѣпленія эти расположены такъ, что они обозрѣваютъ другъ друга, и въ былое время, посредствомъ огней и сигналовъ, съ нихъ можно было подавать извѣстія о нападеніяхъ по всей долинѣ. Темныя лѣтописи минувшихъ мрачныхъ временъ, служащія нынѣ только украшеніемъ ландшафту!

Долина, вообще, не широка, и почти все населеніе ея расположено по горамъ.

Дорога до самаго Мцхета идетъ по правому берегу Арагвы.

Пайсанауръ *(18½ в., 3,555 ф. надъ моремъ; на древнемъ персидскомъ, фарсійскомъ языкѣ значитъ — святая возвышенность)* расположенъ въ узкомъ мѣстѣ долины, среди горъ, покрытыхъ лѣсомъ. Около станціи новая хорошенькая церковь въ русско-византійскомъ стилѣ. Станція, съ садикомъ и окружающей ее мѣстностью, похожа на уединенную дачу; только нѣсколько духановъ, построенныхъ напротивъ, напоминаютъ, что вы на проѣзжей дорогѣ. Въ садикѣ ростутъ черешни и другія южныя плодовыя деревья. Дорога до Пайсанаура уже не извивается зигзагами, а идетъ все время по самому берегу Арагвы; въ одномъ мѣстѣ она проходитъ подъ нависшею скалой, взорванною поро-

Digitized by Google

хомъ. Мѣстность между Млетами и Пайсанауромъ похожа на описанную выше: тѣ-же покрытыя растительностью горы и тѣ-же, по нимъ, грузинскіе дома съ садиками и орошаемыми полями. Отсюда къ востоку живутъ:

Хевсуры, пшавы и тушины, населяющіе, въ числѣ 32 тысячъ душъ, верховья: *Пшавской Арагвы, Аргуна, Алазани* и *Іоры*.

Мѣста, занимаемыя этими племенами (въ особенности хевсурами), принадлежатъ къ числу самыхъ дикихъ и величественныхъ мѣстъ на всемъ Кавказѣ. Гранитныя, уходящія въ небо скалы прорѣзываются ревущими потоками. по берегамъ которыхъ ростутъ низкія сосны. Потоки во многихъ мѣстахъ покрыты снѣжными обледенѣлыми обвалами, по которымъ часто приходится проѣзжать, какъ по сводамъ; едва проходимыя тропинки ведутъ къ ауламъ, повисшимъ, какъ орлиныя гнѣзда, на уступахъ скалъ и выстроеннымъ, подобно сосѣднимъ дагестанскимъ ауламъ, изъ плитняка, безъ извести, въ нѣсколько ярусовъ и съ бойницами. Климатъ въ этихъ мѣстахъ въ высшей степени суровый. Зимою огромные сугробы снѣга заносятъ всѣ ущелья, сообщеніе между деревнями прекращается, и нѣсколько мѣсяцевъ сряду слышенъ только свистъ вѣтра, глухое журчанье полускованныхъ льдинами водопадовъ, да вой волковъ, не находящихъ чѣмъ утолить свой голодъ. Земли, удобной для хлѣбопашества, также какъ и топлива, очень мало. Смотря на маленькіе клочки пашни, разбросанные по скаламъ и на вершинахъ горъ, трудно повѣрить, чтобы человѣкъ могъ забираться на такую высоту, а хевсуръ идетъ туда съ парою быковъ для посѣва нѣсколькихъ горстей ячменя. Въ видѣ анекдота разсказываютъ, что какой-то дагестанскій горецъ, забравшись одинъ разъ, съ помощью веревокъ и крючьевъ, на скалу, гдѣ былъ удобный для посѣва лоскутокъ земли, разостлалъ тамъ свою бурку и прилегъ отдохнуть. Когда онъ проснулся, то увидѣлъ, что его пахатная земля куда-то исчезла. Не зная, что и подумать о со-

Digitized by Google

вершившемся чудѣ, горецъ началъ собираться домой, но каково-же было его удивленіе, когда, приподнявъ бурку, онъ увидѣлъ подъ ней свою пашню: лоскутъ удобной земли былъ такъ великъ, что весь умѣстился подъ буркой недогадливаго горца. Анекдотъ этотъ можетъ быть примѣненъ и къ сосѣдней съ Дагестаномъ Хевсуріи. Страшно смотрѣть, какъ хевсурская женщина спускается съ крутизны съ тяжелою ношею хвороста за плечами. За то здѣсь много отличныхъ сѣнокосовъ и пастбищъ.

Г. Зиссерманъ такъ описываетъ свою поѣздку вдоль *Пшавской Аргвы,* въ аулъ *Шатиль,* лежащій по ту сторону хребта, на *Аргунѣ,* на самой границѣ съ *Кистинами:* «Волны кипятъ, все дно течетъ мимо ногъ коня.... вотъ-вотъ васъ уноситъ.... голова идетъ кругомъ.... Рѣка хлещетъ прибоемъ въ берегъ.... конь напрягаетъ силы, и вы выбрались на сушу въ виду пшавскаго селенія *Шуапхо.* Поѣзжайте дальше, и вамъ предстоитъ то подъемъ до небесъ, то спускъ въ преисподнюю по тропинкѣ не болѣе, какъ полъ-аршина ширины, справа которой отвѣсная скала, а слѣва непроницаемая бездна, и тогда вы достигнете до Аргуна, который реветъ и шумитъ еще болѣе Аргвы. Путники должны кричать, чтобы передать что нибудь другъ другу. Брызги падаютъ на лицо и всего обдаютъ водяной пылью».

Раздѣленные естественными преградами, *хевсуры*, *пшавы* и *тушины* совершенно чужды другъ другу, и каждое изъ племенъ распадается еще на отдѣльныя, замкнутыя въ себѣ общества.

Территорія *пшавовъ* хотя также гориста, но богаче, чѣмъ у хевсуръ. Главнѣйшій ихъ промыселъ—овцеводство. Скотъ свой они осенью и зимою пригоняютъ на поля Кахетіи, а весною и лѣтомъ опять откочевываютъ въ горы на свои сѣнокосы и пастбища. Нѣкоторые изъ нихъ владѣли и до сихъ поръ владѣютъ фруктовыми садами и виноградниками въ Телавскомъ уѣздѣ. Суровые хевсуры называютъ пшавовъ, за ихъ сравнительно добродушный характеръ, жирными дойными коровами. Многіе пшавы сознаютъ, что кочевая

Digitized by Google

жизнь вредно отзывается на ихъ благосостояніи, но измѣнить ее не рѣшаются по приверженности къ старинѣ и примѣру отцовъ.

Тушины, живущіе почти въ самой глубинѣ Кавказскихъ горъ, близъ истоковъ Андійскаго Койсу, тоже спускаются на зиму на южный склонъ хребта, въ Кахетію.

Суровая природа имѣла вліяніе и на *характеръ* всѣхъ трехъ племенъ, принадлежащихъ къ числу самыхъ храбрыхъ и суровыхъ племенъ Кавказа.

Тушины, *пшавы и хевсуры* съ давнихъ временъ считались подданными грузинскихъ царей; они платили имъ небольшую дань баранами и составляли лучшіе отряды въ грузинскомъ войскѣ, служа, въ тоже время, оплотомъ отъ нападенія лезгинъ и аварцевъ, которые всегда были ихъ заклятыми врагами.

О храбрости *тушинъ* разсказываютъ во всѣхъ углахъ Кавказа. Горцы рѣдко хвалятъ и воспѣваютъ храбрость, считая ее дѣломъ обыкновеннымъ, но про тушинъ въ самомъ центрѣ Дагестана и Аваріи поются пѣсни. Тушинъ лучше умретъ, чѣмъ сдастся въ плѣнъ, а если и случится съ нимъ это несчастіе, то онъ скорѣе умретъ въ тяжкой неволѣ, чѣмъ согласится быть вымѣненнымъ на плѣнную дѣвушку, считая это верхомъ безчестья. Въ 1846 г., жители нѣсколькихъ тушинскихъ деревень *Чагланскаго общества*, которые могли выставить не болѣе 60 защитниковъ, отразили лезгинъ, напавшихъ на нихъ врасплохъ, въ числѣ трехъ тысячъ человѣкъ. Въ отраженіи принимали участіе мальчики моложе 15-ти лѣтъ. Они, по мѣстному обыкновенію, съ торжествомъ несли отрѣзанныя кисти рукъ убитыхъ ими непріятелей. Кромѣ множества раненыхъ и погибшихъ безъ вѣсти, уронъ непріятелей простирался до 100 тѣлъ, доставшихся въ трофеи побѣдителямъ, не имѣющимъ обыкновенія брать плѣнныхъ. Обычай отрѣзать кисть руки убитаго врага и прибивать ее съ торжествомъ надъ наружной дверью сакли—принадлежитъ какъ тушинамъ, такъ и сосѣд-

Digitized by Google

нимъ съ ними дагестанскимъ горцамъ. Бывали сакли, у которыхъ вся дверь была унизана этими кровавыми трофеями.

Всѣ эти три племени считаются и считаютъ себя христіанами, а всѣхъ иновѣрцевъ нехристями. Они обижаются, если видятъ, что сомнительно относятся къ ихъ христіанству; но какъ они его понимаютъ—можно судить, напримѣръ, изъ того, что *хевсура* вы ни за что не увѣрите, что Богъ одинъ. По его понятію, есть богъ востока и богъ запада; есть богъ душъ, Христосъ богъ, большой богъ и маленькій богъ; больше-же всего они уважаютъ бога войны и Сына божія, поклоняются кресту господню, св. Георгію, апостоламъ Петру и Павлу—и, въ тоже время, царицѣ Тамарѣ и своимъ собственнымъ богамъ; посты соблюдаютъ, въ особенности рождественскій. Царь Ираклій II желалъ возстановить у этихъ народовъ православную вѣру и для того собралъ совѣтъ изъ представителей всѣхъ трехъ племенъ, но на всѣ свои увѣщанія получилъ такой отвѣтъ: «Если мы, при теперешнемъ богослуженіи, тверды въ повиновеніи и вѣрности царю, такъ чего-же тебѣ еще желать больше?» Хотя въ Хевсуріи, въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, и есть православныя церкви и священники, но не только у исповѣди и причастія туземцы не бываютъ, но даже рѣдко который изъ нихъ заглянетъ въ церковь, между тѣмъ какъ они не пропускаютъ ни одного празднества, отправляемаго при капищахъ. Священниковъ у нихъ замѣняютъ *деканозы* (монахи ущелья или жрецы капища), прорицатели, закалывающіе приводимый въ жертву скотъ, и *кадаги*—фанатическіе, неистовые проповѣдники и провѣдницы.

Жилища всѣхъ этихъ народовъ отличаются неопрятностью и грязью.

Хевсуръ—страстный охотникъ; онъ безпеченъ, гордъ, грубъ, придирчивъ, ставитъ свое племя выше всѣхъ народовъ и имѣетъ только маленькое уваженіе къ тушинамъ за ихъ храбрость; пшавовъ онъ зоветъ жирными коровами, а русскихъ лягушками *(бакаки)*

Digitized by Google

за зеленоватые солдатскіе мундиры. *Хевсурскія женщины* лишены всякой граціозности; отъ тяжелыхъ работъ онѣ скоро старѣютъ и становятся похожими на вѣдьмъ; всѣ онѣ, какъ и мужчины, курятъ изъ коротенькихъ трубочекъ, которыя носятъ за головной повязкой, а въ 30 лѣтъ начинаютъ нюхать; впрочемъ, костюмъ ихъ живописенъ (вокругъ головы черная шаль, въ родѣ чалмы, съ концемъ, спущеннымъ надъ ухомъ; волосы заплетены въ косы, огибающія щеки и уши до затылка; черная рубашка, обшитая шалевой оторочкой и подпоясанная длиннымъ поясомъ; сверхъ рубашки коротенькая со складками чуха; въ ушахъ серьги и металлическія украшенія на груди). Одежда хевсуровъ похожа на парадный костюмъ черкесскаго конвоя его величества; костюмъ этотъ, вѣроятно, и взятъ отсюда. Хевсуръ носитъ на головѣ низенькую изъ шали шапку, обложенную кругомъ бараньимъ мѣхомъ; сверхъ шапки нашиты кресты изъ разноцвѣтной бязи; чуха тоже изъ шали или сукна, преимущественно синяго или краснаго цвѣта; рукава коротенькіе, съ разрѣзами, полы тоже съ разрѣзами по бокамъ; на плечахъ и на груди кресты изъ бязи; воротникъ выстроченъ, и вся чуха обшита тесьмой. Подъ чухой архалукъ и рубашка, тоже украшенная пуговками и крестами. Узенькіе и короткіе шаровары обшиты пестрой тесьмой. Нѣкоторые носятъ ноговицы. На ногахъ вязаные изъ разноцвѣтной кожи сапожки или бандуры. Главное вниманіе хевсура обращено на оружіе, составляющее его гордость. Собираясь въ дѣло, хевсуръ весь закованъ въ желѣзо: на головѣ—чакчани (шишакъ съ сѣткой, покрывающей шею); рубаха плетеная изъ желѣзной проволоки; стальные налокотники, рукавицы, наколѣнники и щитъ. Щиты и палаши почти всѣ съ надписями: Genua, Souvenir, Vivat Stephan Batory, Vivat Husar, Sollingen, съ изображеніями орловъ, коронъ и всадниковъ въ ментикахъ. Старинныя ружья и сабли украшены золотою и серебряною насѣчками; пистолеты не въ употребленіи; пика уже составляетъ оружіе стариковъ, также какъ

Digitized by Google

стрѣлы—достояніе дѣтей. По одеждѣ и вооруженію какое близкое сходство у хевсуровъ съ рыцарями крестовыхъ походовъ! Кромѣ того, хевсуры носятъ на большомъ пальцѣ правой руки по нѣсколько желѣзныхъ колецъ съ зубцами, какъ у пилы, для взвода тугихъ ружейныхъ курковъ и вытасниванія шомпола, но больше всего для драки, нанося ими раны въ голову, ничѣмъ не уступающія кинжальнымъ.

Въ грузинскихъ лѣтописяхъ всѣ эти три племени извѣстны подъ именемъ *пховеловъ* и еще во время св. Нины обращены въ христіанство. Въ языкѣ ихъ слышны остатки древняго грузинскаго языка.

Анануръ.

Ананурская станція (21 верста, 2,709 ф. надъ моремъ; татарское слово, значитъ—святая мать). Мѣстность все болѣе принимаетъ южный и земледѣльческій характеръ; появляются деревянныя постройки и плетень. Нѣкоторыя канавы на поляхъ проведены такъ искусно, что кажется, будто вода бѣжитъ вверхъ. На десятой верстѣ на правой сторонѣ—круглая башня *Черчали,* а по лѣвую—башня *Ванселовъ,* защищавшія входъ въ ущелье. Станція расположена въ селеніи; здѣсь шоссейная застава; на рѣкѣ хорошо построенныя мельницы, на улицѣ почти въ каждомъ домѣ или лавченка, или духанъ. Направо отъ дороги, на горѣ, надъ селеніемъ, видны развалины старинной крѣпости; изъ нихъ возвышаются двѣ церкви: одна, развалившаяся и заброшенная, принадлежитъ, по преданію, къ первымъ временамъ христіанства, введеннаго въ Грузіи въ IV вѣкѣ; постройку другой, въ которой совершается нынѣ богослуженіе, относятъ къ XV вѣку.

Такъ какъ развалины и церковь принадлежатъ, послѣ мцхетскаго собора, съ интереснѣйшимъ памятникамъ старины военно-грузинской дороги, и притомъ съ ними связано воспоминаніе о

Digitized by Google

такомъ кровавомъ событіи, которое было рѣдкостью даже 130 лѣтъ тому назадъ, т. е. во время полнѣйшаго варварства, въ которомъ находилась тогда Грузія, то мы и разскажемъ сперва помянутое событіе, а потомъ, займемся подробнымъ описаніемъ любопытныхъ развалинъ.

Во время грузинскихъ царей существовала должность *эристава,* что собственно значитъ—глава народа. Должность эта существовала еще во время императора Юстиніана, который въ 574 г., возведя *Багратида Гурамана* на престолъ Грузіи, назначилъ осетина *Ростова* эриставомъ южной части Осетіи и пожаловалъ ему гербъ и большія преимущества. Въ то время Грузія и означенная часть Осетіи признавали власть восточнаго римскаго императора. Званіе эристава впослѣдствіи превратилось въ фамильное имя, которое очень часто встрѣчается между грузинскимъ дворянствомъ. Во время ослабленія власти грузинскихъ царей зависимость отъ нихъ эриставовъ также ослабѣла и превратилась почти въ номинальную, а званіе сдѣлалось наслѣдственнымъ.

Прошедшее столѣтіе было едва ли не самымъ бѣдственнымъ временемъ для Грузіи. Власть царская упала; царевичи и правители враждовали другъ съ другомъ и грабили несчастный народъ; персіяне и лезгины безпрестанными войнами и набѣгами опустошали все до тла, и народу оставалось только одно: спасаться при нападеніяхъ въ горахъ и недоступныхъ ущельяхъ. Словомъ сказать, это было вполнѣ время феодализма и кулачнаго права, тысячу лѣтъ тому назадъ минувшее для Европы.

Въ 1737 г. Анапуръ былъ мѣстопребываніемъ *эриставовъ арагвскихъ,* управлявшихъ страною, лежащею по *Арагвѣ; эриставы-же ксанскіе* управляли страною, лежащею по рѣкѣ *Ксану*, впадающей въ Куру западнѣе Арагвы. Обѣ фамиліи, какъ истые сосѣди, враждовали между собою и грабили и свой и сосѣдній народъ, который платилъ имъ за то страшной ненавистью.

Шахъ-Надиръ, выгнавъ изъ Грузіи турокъ, воцарилъ въ Кар-

Digitized by Google

талиніи Теймураза, а въ Кахетіи Ираклія. Въ 1737 г. арагвскимъ эриставомъ былъ *Георгій,* а ксанскимъ *Шанше,* женатый на сестрѣ Теймураза.

Однажды *Іессей,* братъ Шанше, былъ измѣнически ограбленъ *Барзимомъ,* сыномъ Георгія. Обида требовала мести,—и вотъ Шанше и Іессей, пригласивъ къ себѣ на помощь лезгинъ, осадили ананурскую крѣпость, въ которой заперся Георгій со всѣмъ своимъ родомъ. Долго длилась осада. Осажденные отбивали штурмы и дѣлали завалы изъ труповъ. Можетъ быть, имъ удалось бы и отсидѣться, еслибъ одна женщина не указала осаждающимъ мѣста, гдѣ проведена была вода. Водопроводъ разорили, и измученный гарнизонъ не выдержалъ послѣдняго штурма; онъ былъ весь вырѣзанъ до послѣдняго человѣка. Георгій, думая найти защиту въ старинной церкви, заперся въ ней со всѣмъ своимъ семействомъ. Церковь обложили хворостомъ, зажгли, и всѣ находившіеся въ ней задохлись въ пламени; осталась въ живыхъ только жена Георгія,—ее увели въ плѣнъ, навьючивъ соляннымъ камнемъ. Сыну Барзима—*Утруту* удалось пробиться и запереться въ замкѣ *Шеуповали,* на высокой горѣ, не доѣзжая 2-хъ в. до Ананура направо; тамъ онъ былъ сожженъ со всѣмъ своимъ семействомъ; женщины, бросавшіяся внизъ со скалы, убивались до смерти; тѣхъ, которыя не убились, дорѣзывали. Крѣпость и старая церковь стоятъ съ тѣхъ поръ въ развалинахъ. Трупы погибшихъ похоронены въ послѣдней, подъ каменнымъ балдахиномъ, который стоитъ надъ фамильнымъ склепомъ, скрывшимъ въ себѣ остатки истребленнаго рода.

Вахуштъ, описывая Анануръ, говоритъ: «Въ древности была здѣсь церковь малая, но въ 1704 г. построилъ Георгій эриставъ церковь съ куполомъ большую, окружилъ ее каменной оградой, на высокой скалѣ, думалъ найти здѣсь твердыню, недоступную для враговъ, но сдѣлалъ ее, на бѣду свою, мѣстомъ убіенія дѣтей и сродниковъ». Эти слова Вахушта заставляютъ отнести постройку новой церкви къ началу прошедшаго столѣтія.

Digitized by Google

Послѣ того арагвскимъ эриставомъ былъ *Джимшеръ*, убитый изъ ружья въ 1756 г. своими людьми въ мѣстечкѣ *Настандзе*, близъ Мцетъ, и похороненный у амвона въ новой церкви. Онъ происходилъ изъ рода князей Челокаевыхъ и былъ товарищемъ дѣтства Ираклія II. По убіеніи Джимшера, ненавистное для народа званіе арагвскихъ эриставовъ было упразднено царемъ Теймуразомъ. *(Описаніе Душета, соч. Іосселіани, 1860 г.).*

Пройдя отъ станціи по шоссе около 100 саженъ, по направленію къ югу, и повернувъ направо въ гору, огибаютъ *крѣпость* и подходятъ къ ея воротамъ. Отъ станціи всего ходьбы около $^1/_4$ часа. Стѣна сложена изъ дикаго камня и въ ней продѣланы бойницы, расположенныя безъ всякаго порядка въ четыре яруса; нѣкоторыя прикрыты каменными трехъ-угольными навѣсами, въ видѣ пирамиды, утвержденными на выступающихъ изъ стѣны деревянныхъ брусьяхъ; такихъ навѣсовъ уцѣлѣло два: одинъ на башнѣ подъ воротами и другой на стѣнѣ. За воротами къ наружной сторонѣ стѣны примкнулъ домъ священника. *Башня*, въ которой продѣланы ворота, четырехъ-угольная, около десяти шаговъ въ квадратѣ, простой массивной формы, какъ вообще всѣ башни на Кавказѣ. Ворота со стрѣльчатой аркой. Въ башнѣ по сторонамъ двѣ ниши съ такими-же арками. Пройдя чрезъ ворота и башню, входятъ въ крѣпость. Длина ея около ста шаговъ, ширина около сорока. Крѣпость, въ прежнее время, спускалась къ самой дорогѣ, что можно видѣть сверху по оставшейся башнѣ, стоящей внизу, въ Ананурѣ, и по остаткамъ стѣны. То, что осталось до настоящаго времени, составляло цитадель, въ которой помѣщались церкви и домъ Георгія. Башенъ всѣхъ восемь: четыре по угламъ и по одной посрединѣ каждаго фаса; сохранилась только та, что надъ воротами, — остальныя разрушены, и мѣста нѣкоторыхъ можно только замѣтить по выпуклостямъ стѣны. Когда пройдете ворота, то тотчасъ налѣво будутъ развалины какихъ-то зданій; чрезъ ихъ окна видны комнаты и подземныя по-

Digitized by Google

мѣщенія со сводами. Можетъ быть, это и былъ самый *домъ Георгія;* по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ въ народѣ, прибавляя при этомъ, что подъ развалинами находятся несмѣтныя сокровища, скрытыя эристановъ. Прямо посреди площади стоитъ четырехъ-угольная высокая, хорошо сохранившаяся башня, около пяти шаговъ въ квадратѣ; правѣе примкнула къ ней, почти вплоть западной стороной, новая церковь, а налѣво — развалины старой церкви. Начнемъ обходъ справа, вдоль южнаго фаса новой церкви.

Церковь имѣетъ тридцать шаговъ длины и двадцать ширины; построена она изъ желтаго камня; цилиндрическій барабанъ покрытъ коническимъ куполомъ; крыша, какъ на куполѣ, такъ и на всей церкви, изъ плоской черепицы, отлично вытесанной изъ камня; надъ куполомъ черепица выкрашена зеленой краской, остальная натуральнаго сѣроватаго цвѣта. Архитектура церкви прекрасна. Постройка ея и превосходная отдѣлка украшеній показываютъ, что въ то время строительное искусство было хорошо извѣстно въ Грузіи. Южная сторона церкви раздѣляется на три части; средняя часть, на которой крыша скатывается къ востоку и западу, выше боковыхъ частей, крыши которыхъ скатываются къ сѣверу и къ югу. Превосходно вытесанный изъ камня крестъ св. Нины, просвѣтительницы Грузіи, состоящій изъ переплетенныхъ между собою виноградныхъ лозъ, занимаетъ почти половину средней части, во всю ея высоту. По бокамъ креста два херувима поддерживаютъ виноградныя деревья, съ которыхъ плоды ѣдятъ звѣри; ниже—два прикованныхъ льва. Высокія и узенькія окна тоже окружены украшеніями. Среднюю часть, во всю вышину, окаймляетъ прекрасно вытесанный валикъ, тоже въ видѣ переплетенныхъ лозъ, оканчивающійся вверху полукругомъ, обозначающимъ внутренній сводъ. На лѣвой, западной части южной стороны низенькій входъ въ церковь, съ аркой, окайменной украшеніями. Работа всѣхъ украшеній и вообще вся техническая часть постройки безукоризненно хороша, но рисунокъ деревьевъ и живыхъ фигуръ

Digitized by Google

напоминаетъ дѣтское малеванье; напримѣръ, фигуры сдѣланы en face, а ноги въ профиль и повернуты въ одну сторону. Вообще, видно, что живопись стояла тогда въ Грузіи на очень низкой степени и совершенно отстала отъ строительнаго искусства. Обойдя южную, подходятъ къ восточной сторонѣ, гдѣ алтарь; средняя часть ея тоже украшена крестомъ св. Нины; внизу креста окно, по бокамъ маленькіе кресты. Противъ этой стороны, на самой крѣпостной стѣнѣ, слѣды какихъ-то зданій и колокольня, состоящая изъ восьми низенькихъ колоннъ съ византійскими капителями; высокая ея крыша имѣетъ видъ восьми-гранной пирамиды и, вмѣсто черепицъ, покрыта плотной алебастровой массой, выдерживающей всякую непогоду. Остальныя двѣ стороны, т. е. сѣверная и западная, тоже украшены крестами св. Нины; на западной, по бокамъ креста, виноградныя лозы,—но эта сторона почти не видна изъ-за *башни,* стоящей вплоть около нея. По всему вѣроятію, башня была выстроена прежде церкви, и тѣсное пространство цитадели не позволяло отодвинуть церковь дальше; по этой-то причинѣ и церковный входъ сдѣланъ съ южной, а не съ западной стороны, противъ алтаря, какъ дѣлается обыкновенно.

Внутренность церкви, по распоряженію петербургскаго митрополита Исидора, была покрыта бѣлой штукатуркой, — стоило 600 р. сер., чтобъ замазать древнюю живопись. Иконостасъ новый и поставленъ въ 1860 г. Въ полу могильныя плиты—надъ эриставомъ *Джимшеромъ* (о которомъ мы говорили выше) и надъ имеретинскимъ епископомъ *Досифеемъ,* взятымъ въ прежнее время въ Россію за сопротивленіе русской власти и умершимъ на дорогѣ.

Старая церковь представляетъ снаружи видъ совершенной развалины, длиною въ двадцать пять, а шириною въ пятнадцать шаговъ; внутри-же ея стѣны сохранились гораздо лучше. По постройкѣ, она въ миніатюрѣ представляетъ новую церковь. На правой сторонѣ, у алтаря, надъ могилой Георгія и его изгублен-

Digitized by Google

наго семейства, стоитъ каменный *балдахинъ* массивной формы, на четырехъ колоннахъ съ византійскими капителями; длина его четыре шага, ширина три; подъ балдахиномъ плита, лежащая неправильно,—вѣроятно, кто-нибудь ее своротилъ съ мѣста съ намѣреніемъ произвести изысканіе. Балдахинъ покрытъ высѣченными письменами на грузинскомъ языкѣ (жаль, что никто не сдѣлаетъ перевода). Если зажечь свѣчку, то внутри свода надъ нимъ можно замѣтить остатки старинной живописи.

Отъ старой церкви до средней башни, на западной сторонѣ цитадели, почва возвышена; можетъ быть, тутъ былъ подземный ходъ, въ существованіи котораго увѣряетъ преданіе. Что водопроводъ былъ гдѣ нибудь съ этой стороны, это видно изъ многочисленныхъ остатковъ глиняныхъ водопроводныхъ трубъ, валяющихся около этого мѣста. *Башня,* стоящая по срединѣ западной стѣны цитадели, сохранилась во всю вышину: она была въ шесть этажей, что видно по *бухарамъ* (грузинскій каминъ въ стѣнѣ), находящимся въ каждомъ этажѣ; въ нѣкоторыхъ бухарахъ еще видны слѣды когда-то разводившагося въ нихъ огня. Настилка между этажами была деревянная, и отъ нея, кромѣ углубленій для балокъ въ стѣнахъ, не осталось ничего.

Когда подходятъ къ крѣпости, то въ стѣнѣ, подъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоитъ колокольня, видѣнъ входъ въ старинную подземную церковь; она пятнадцати шаговъ длины и восьми ширины; внутри ея ничего, нѣтъ.

Возвратиться въ Анануръ можно другимъ путемъ—горой, по которой тропинка ведетъ къ станціи. Гора покрыта мелкимъ лѣсомъ изъ чинаръ, орѣховыхъ деревьевъ, барбариса и проч., переплетенныхъ ползучими растеніями. При спускѣ къ станціи, проходятъ мимо родника, текущаго изъ водопроводныхъ трубъ; здѣсь-то, какъ говоритъ преданіе, водопроводъ и былъ разрушенъ, по указанію женщины.

По выѣздѣ изъ Ананура, дорога оставляетъ долину Арагвы и

Digitized by Google

круто поворачиваетъ вправо, обогнувъ крѣпость. Скоро приходится бросить послѣдній взглядъ на этого свидѣтеля кровавой вражды кавказскихъ Капулетти и Монтекки. Отсюда, со стороны душетской дороги, развалины еще красивѣе, чѣмъ отъ Ананура.

Ананурская крѣпость служила убѣжищемъ грузинскимъ царямъ во время непріятельскихъ нашествій. О сокрытіи въ ней креста св. Нины—*см. Мцхетъ, исторія св. Нины.* О пребываніи Ираклія II въ Ананурѣ—*см. исторія Тифлиса: разореніе его Агою-Магомедъ-Ханомъ.*

До **Душета** *(16 3/4 верстъ; высота надъ моремъ 2,900 ф.)* дорога идетъ горами и долинами, вовсе непохожими на только что покинутую долину Арагвы; вмѣсто покрытыхъ лѣсомъ горъ, высоко стоящихъ по обѣ стороны рѣки, вдоль которой тянется ровное шоссе, теперь приходится нѣсколько разъ переѣзжать чрезъ небольшіе перевалы. Рѣки не видать. Мѣстность не такъ красива и болѣе открыта. Горы меньше покрыты лѣсомъ; пашни прибавилось. На третьей верстѣ каменныя казармы и училище для солдатскихъ дѣтей. На одиннадцатой верстѣ, вправо, видно вдали озеро *Лимаса*, на мѣстѣ котораго, по народному преданію, стоялъ Душетъ, но былъ разрушенъ землетрясеніемъ, послѣ котораго образовалось озеро, поглотившее остатки города. Шоссе и станція проходятъ отъ города въ двухъ верстахъ.

Душетъ, лежащій влѣво отъ дороги, имѣетъ видъ русскихъ уѣздныхъ городовъ; только окружающія его горы напоминаютъ вамъ, что вы на Кавказѣ.

Подъѣзжая къ станціи, вы видите вправо странное зданіе—не то старинный русскій господскій домъ съ разными затѣями, не то крѣпость какая-то съ башнями по угламъ: это домъ, построенный тайнымъ товѣтникомъ *Челяевымъ* чуть ли не въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Странно смотритъ эта, стоящая одиноко въ чистомъ полѣ, старинная, чисто русская, барская усадьба съ башнями, бельведерами и проч. И въ Россіи, въ настоящее

Digitized by Google

время, эти полуразрушившіеся памятники кажутся какою-то рѣдкостью, а на Кавказѣ даже трудно и объяснить себѣ смыслъ и причину появленія этой диковинной затѣи. Домъ этотъ истинно составляетъ одну изъ достопримѣчательностей на всемъ Кавказѣ.

Душетъ, во время присоединенія его къ Россіи, составлялъ съ своимъ округомъ удѣлъ царевича Вахтанга Иракліевича. Въ немъ есть старинная крѣпость и древній храмъ. При выѣздѣ, вправо, видно озеро; оно образовалось, по преданію, на мѣстѣ когда-то провалившагося города.

До станціи **Цилканы** *(17 3/4 верстъ; высота надъ моремъ 1,888 ф.)* дорога идетъ по долинѣ, среди горъ, покрытыхъ мелкимъ лѣсомъ. Дворы жителей окружены виноградными садами, лозы которыхъ стелятся и вьются по жердямъ, лежащимъ на подставкахъ; кромѣ того, въ садахъ много миндальныхъ деревьевъ, кураги (родъ мелкой сливы) и проч. На половинѣ дороги опять въѣзжаютъ въ долину Арагвы. Станція стоитъ въ Картлинской равнинѣ, которая имѣетъ незавидную привилегію славиться лихорадками. Въ долинѣ ростетъ много колючки, и когда этотъ кустарникъ зацвѣтетъ своимъ желтымъ цвѣтомъ—тутъ-то и появляется лихорадка. Жители относятъ причину появленія этой болѣзни къ цвѣту колючки, но вѣроятно, что колючка цвѣтетъ именно въ то время, когда въ воздухѣ появляются лихорадочные міазмы. Дознано, впрочемъ, что съ разчисткою полей отъ колючки—лихорадки уменьшаются; это опять можетъ быть отъ того, что съ уничтоженіемъ этого густо-ростущаго кустарника осушается мѣстность, и, слѣдовательно, воздухъ становится свободнымъ отъ вредныхъ міазмовъ. По всей военно-грузинской дорогѣ два мѣста извѣстны, какъ лихорадочныя, это—Цилканы и долина на Терекѣ, при впаденіи въ него Черной рѣчки, близъ станціи Казбекъ. Въ обоихъ мѣстахъ колючки ростетъ много.

До *Мцхета (14 3/4 верстъ)* дорога идетъ сначала долиной, а потомъ по обрывистому берегу рѣчки *Гардоскалъ*, потомъ по

Digitized by Google

Арагвѣ, мимо старинной крѣпости *Нацхеръ*, стоящей около самой дороги. Противъ нея, за Арагвой, на вершинѣ лѣснаго хребта, помѣщался и идолъ *Задена* древнихъ персовъ, которому приносились человѣческія жертвы. Крѣпость эта охраняла входъ въ Мцхетскую долину. Арагва около Мцхета впадаетъ въ Куру, которая справа съ шумомъ летитъ между скалистыми берегами. Почтовая станція стоитъ на Курѣ, чрезъ которую переѣзжаютъ по высокому каменному мосту замѣчательной постройки. Надпись говоритъ, что онъ построенъ: «во славу божію и на всеобщую пользу, при командованіемъ войсками на Кавказѣ ген. Головинѣ, лѣта 1841, въ благополучное царствованіе императора Николая I». Жаль, что не означено имя строителя.

Мцхетъ.

Мцхетъ (1,535 ф.; станція желѣзной дороги) стоитъ при сліяніи Арагвы съ Курой, на мысѣ, образуемомъ сливши мися рѣками. Въ прежнее время Мцхетъ былъ столицей *Иверіи* (древней Грузіи), а въ настоящее время это небольшая деревушка, живописно раскинувшаяся вокругъ стариннаго храма. Храмъ этотъ— соборъ двѣнадцати апостоловъ — составляетъ для грузинъ такую-же святыню, какъ Кіево-печерская лавра для русскихъ. Отсюда св. Нина распространила христіанство по всей Грузіи; кромѣ того, здѣсь въ старину короновались грузинскіе цари и здѣсь-же, наконецъ, похоронены и послѣдніе цари Грузіи — *Ираклій II, Георгій XIII* и ихъ семейства: достаточныя причины для того, чтобы мцхетскій соборъ составлялъ святыню для каждаго грузина. Замѣчательно, что въ Грузіи высшій идеалъ человѣка нашелъ себѣ олицетвореніе въ образѣ женщины: св. Нина—это идеалъ высоты нравственной; царица Тамара—это идеалъ героя и мудраго правителя.

Такъ какъ мцхетскій соборъ неразрывно связанъ съ памятью о св. Нинѣ и съ распространеніемъ христіанства въ Грузіи, то

Digitized by Google

здѣсь и необходимо коснуться какъ высокой личности просвѣтительницы грузинскаго царства, такъ и дѣйствій ея при распространеніи святой вѣры.

Святая равноапостольная Нина и ея крестъ. Преданіе говоритъ, что въ Мцхетѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ храмъ двѣнадцати апостоловъ, былъ погребенъ *хитонъ господень,* принесенный съ Голгоѳы богатымъ евреемъ *Элеазаромъ,* домъ котораго стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго храма. Дочь Элеазара, бросившаяся навстрѣчу отцу, ожидая подарка, вырвала изъ рукъ его свертокъ, который онъ несъ бережно, и въ ту-же минуту упала мертвою. Никакія человѣческія силы не могли вырвать изъ рукъ дѣвушки священной одежды, и съ нею она и была погребена возлѣ самаго дома отца, а старикъ, убитый горемъ, оставилъ свое родное пепелище и уѣхалъ въ Палестину. Впослѣдствіи на могилѣ дочери Элеазара выросъ кедръ, изъ-подъ коры котораго стало сочиться священное муро, исцѣлявшее больныхъ.

Въ то время, когда св. Нина родилась въ Каппадокіи, въ концѣ III-го столѣтія, Иверія или Грузія была совершенно языческою страной. Когда дѣвушкѣ было двѣнадцать лѣтъ, родители взяли ее съ собою въ Іерусалимъ; здѣсь отецъ удалился въ пустыню, на берега Іордана, а мать поступила въ число діакониссъ для служенія больнымъ и бѣднымъ; Нина-же была отдана для обученія благочестивой старицѣ Ніанфорѣ. Изучая божественное писаніе и священныя преданія, молодая дѣвушка особенно заинтересовалась судьбою хитона господня.—«Гдѣ нынѣ хранится эта земная порфира Сына божія?»—спрашивала она свою наставницу. Ніанфора, сколько знала по преданію, сообщила ей, что, по направленію къ сѣверо-востоку, есть Иверская страна, въ которой находится городъ Мцхетъ, и что туда-то именно и унесенъ святой хитонъ. День и ночь молилась Нина пресвятой Дѣвѣ, прося, чтобъ она удостоила ее увидѣть ту страну, гдѣ хранится хитонъ возлюбленнаго сына ея Іисуса. И вотъ пресвятая Дѣва, внявъ

Digitized by Google

мольбамъ, явилась ей во снѣ и сказала: «Иди въ Иверскую страну, благовѣствуй тамъ евангеліе Господа Іисуса и получишь благодать отъ него. Я буду тебѣ покровительницей». Съ этими словами она вручила ей *крестъ*, сложенный изъ виноградныхъ лозъ. Нина, проснувшись и увидавъ въ рукахъ чудный крестъ, со слезами облобызала его и перевязала своими волосами. Въ это время, спасаясь отъ гоненій Діоклитіана, отходили изъ Іерусалима въ Арменію 37 дѣвъ для проповѣди слова божія. Нина отправилась съ ними до столичнаго города Арменіи *Вагарабада*, а отсюда, распростившись съ сестрами, отправилась въ Иверію и достигла, наконецъ, Мцхета. Въ то время, когда она входила въ городъ, народъ, подъ предводительствомъ своего царя *Маріана*, шелъ на гору для принесенія человѣческихъ жертвъ идолу *Армазу*. По молитвѣ Нины поднялась гроза и разрушила идоловъ. Въ Мцхетѣ Нина принята была одною доброю женщиной, которая помѣстила ее въ кельѣ, выстроенной въ царскомъ саду; здѣсь-то и начались ея подвиги для просвѣщенія иверскаго народа. Много совершила она чудесъ: между прочимъ, исцѣлила царицу и возвратила зрѣніе Маріану, ослѣпленному молніей, который послѣ этого увѣровалъ въ истиннаго Бога и *въ 314 г. крестился со всѣмъ своимъ домомъ и жителями столицы*. Въ саду, на томъ мѣстѣ, гдѣ была келья св. Нины, Маріанъ построилъ церковь; нынѣ это —*самтаврская церковь*.

По одному преданію, мѣсто, гдѣ былъ скрытъ хитонъ господень, открыто было св. Нинѣ свыше. Она еще прежде этого не разъ видѣла огненный столбъ надъ величественнымъ кедромъ, стоявшимъ посреди города. По другому преданію, мѣсто это ей открылъ *Аліафаръ*, правнукъ Елеазара. Кедръ былъ срубленъ, и подъ нимъ найденъ былъ хитонъ господень въ рукахъ мертвой дѣвицы. Надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ кедръ, царь Маріанъ построилъ въ 328 г. храмъ, нынѣшній *соборъ 12-ти апостоловъ*. *Хитонъ-же господень*, до покоренія Грузіи въ

Digitized by Google

XVII стол. Шахъ-Аббасомъ, хранился въ мцхетскомъ соборѣ; Шахъ-Аббасъ, взявъ Мцхетъ, отыскалъ хитонъ и послалъ его въ даръ русскому царю Михаилу Ѳедоровичу, который и положилъ его съ торжествомъ въ московскомъ успенскомъ соборѣ, гдѣ онъ хранится и по настоящее время.

Приведя въ христіанство Карталинію, св. Нина отправилась проповѣдывать слово божіе въ Кахетію, гдѣ крестила царицу *Соджу* или *Софію* и основала много церквей во имя своего родственника, св. Георгія. Въ Кахетіи она скончалась и погребена въ *Бодбѣ*, близъ Сигнаха, въ очаровательной долинѣ. Съ высокой площадки, гдѣ стоитъ церковь, современная св. Нинѣ, въ которой она почиваетъ, открывается чудный видъ на всю долину Алазани и на суровое чело Казбека, восходящаго снѣжными уступами къ небу. Кажется, что съ покрытаго роскошной зеленью и чинарами оазиса стятая просвѣтительница Грузіи и въ настоящее время благословляетъ просвѣщенную ею страну.

Изъ *срубленнаго кедра* св. Нина сложила 4 креста: одинъ изъ нихъ она водрузила на высокой горѣ противъ Мцхета, за Арагвой, гдѣ и понынѣ находится древній *храмъ во имя Животворящаго* (противъ почтовой станціи); другой—на южномъ хребтѣ горъ, гдѣ находился идолъ Армазиса; теперь тамъ часовня *Нино-Цминда* (надъ станціей); третій крестъ она поставила въ Бодбѣ и четвертый въ Уджармѣ.

Крестъ изъ виноградныхъ лозъ, врученный Богоматерью и связанный волосами св. Нины,—святыня для каждаго грузина,—прежде сохранялся въ фамиліи грузинскихъ царей. Во время непріятельскихъ нашествій, его обыкновенно клали на сбереженіе въ мцхетскій соборъ. Около 1720 г., когда Грузія со всѣхъ сторонъ была подвержена нападенію персіянъ, крестъ былъ унесенъ въ горы и положенъ въ ананурской церкви, во владѣніи арагвскаго эристава. Грузинскій митрополитъ Тимоѳей взялъ его оттуда и привезъ въ Москву царевичу Бакару Вахтанговичу. Гру-

Digitized by Google

зины нѣсколько разъ просили русское правительство о возвращеніи дорогаго для нихъ креста. «Повели возвратить—писалъ князь Герсевонъ Чавчавадзе императору Павлу—въ мое отечество крестъ господень, принесенный туда св. Ниною и обратившій все грузинское царство отъ идолопоклонства въ православное христіанское исповѣданіе. Несчастные отъ нынѣшнихъ обстоятельствъ грузины, получа оный крестъ паки себѣ въ даръ, тою святынею ободрятся, утверждая себя въ лестной надеждѣ, что, по толикихъ козняхъ вражіихъ и злостраданіи, божественная благодать паки на нихъ снисходитъ, и слѣдствіемъ того-же возмнятъ, что и ты, великій государь и обладатель царства, не оставишь ихъ своимъ покровительствомъ». Эта просьба оставалась, однако-же, неисполненною до того времени, пока внукъ Бакара, царевичъ Георгій, въ 1801 году, не поднесъ крестъ св. Нины императору Александру, который препроводилъ эту драгоцѣнную для каждаго грузина святыню въ Грузію. 9-го апрѣля 1802 г., въ сопровожденіи генерала Кнорринга и дѣйств. статскаго совѣтника Коваленскаго, крестъ былъ торжественно внесенъ въ Тифлисъ. Восторгъ и радость жителей всѣхъ сословій были неописуемы, и цѣлыхъ трое сутокъ въ городѣ продолжалась пальба. Каждый грузинъ думалъ теперь отдохнуть отъ тревогъ и хищническихъ набѣговъ, опустошавшихъ нѣсколько столѣтій его отечество. Въ настоящее время крестъ св. Нины находится въ Тифлисѣ, въ сіонскомъ соборѣ, за образомъ, по лѣвую сторону царскихъ дверей.

Мцхетскій соборъ 12-ти апостоловъ. Какъ мы сказали выше, царь Маріанъ въ 328 г. построилъ храмъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ стоялъ священный кедръ; надъ корнемъ кедра поставили столбъ, который служилъ опорой всему зданію; изъ столба этого также истекало священное мyро. Чрезъ 50 лѣтъ, Георгій VI, вмѣсто деревянной церкви, выстроилъ каменную, которая была разрушена Тамерланомъ. *Въ XV стол. царь Александръ выстроилъ настоящій соборъ 12-ти апостоловъ.*

Digitized by Google

Каменная стѣна съ разрушившимися башнями образуетъ довольно большую четырехъ-угольную площадь, на которой стоитъ мцхетскій соборъ—прекрасное зданіе, около 70 шаговъ длины и 25 ширины, построенное изъ такого-же желтаго камня и въ томъ-же стилѣ, какъ и ананурская церковь; и здѣсь таже тщательность постройки и отдѣлки украшеній и тотъ-же плохой рисунокъ фигуръ; крыша изъ такой-же каменной тесаной черепицы, только черепицы большихъ размѣровъ. Внутри соборъ двумя продольными рядами массивныхъ колоннъ, поддерживающихъ своды, раздѣляется на три части: сѣверную, среднюю и южную. Красивый *иконостасъ*, прорѣзанный въ видѣ листьевъ, перенесенъ туда изъ тифлисскаго сіонскаго собора, когда тамъ былъ поставленъ иконостасъ работы кн. Гагарина; у амвона видны могильныя плиты надъ могилами послѣднихъ грузинскихъ царей *Ираклія II* (ум. въ 1798 г.) и *Георгія XIII* (ум. въ 1800 г.); влѣво—могилы супруги Георгія XIII, царицы *Маріи* (ум. въ 1850 г.), и его дочери *Тамары* (ум. въ Воронежѣ въ 1850 г., на 61 году отъ рожденія); тутъ-же схоронены двое царскихъ внуковъ, убитыхъ въ сраженіяхъ. Изъ числа погребенныхъ здѣсь членовъ царскаго дома—мы, по окончаніи описанія собора, разскажемъ исторію супруги Георгія XIII Маріи—послѣдней царицы Грузіи, какъ наиболѣе любопытную, драматическую и притомъ ярко характеризующую грузинскіе нравы въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Въ сѣверномъ отдѣленіи, слѣва, мѣсто погребенія *князей Багратіоновъ Мухранскихъ* (которыхъ предки были тоже Багратиды, родоначальники царскаго дома). Около южной правой стороны древнее *царское мѣсто* съ колоннами изъ бѣлаго мрамора. У первой поддерживающей своды храма колонны, направо, *патріаршее мѣсто* со старинной живописью; оно ограждено рѣшеткою и сверху, подъ церковнымъ сводомъ, вѣнчано сѣнью; живопись на немъ изображаетъ прибытіе въ Грузію сіонскихъ отцовъ. Слѣдующая колонна, это—четырехъ-угольный, около сажени въ квадратѣ, *свя-*

Digitized by Google

щенный столбъ, гдѣ стоялъ кедръ, источавшій мyро. На южной стѣнѣ храма, близъ царскаго мѣста, *остатки старинной живописи* съ изображеніемъ греческаго календаря въ кругѣ. На правой сторонѣ, за алтаремъ, у стѣны, каменная гробница, подъ которой, по преданію, похороненъ *плащъ пророка Иліи.* Надъ входомъ въ церковь *хоры,* на которыя въ настоящее время нѣтъ лѣстницы. Сейчасъ направо отъ входа, на той-же западной сторонѣ, древняя каменная *купель.* Въ южной стѣнѣ старинная *каменная церковь,* построенная въ видѣ часовни гроба господня; въ ней прежде исповѣдывали, теперь-же она безъ всякаго употребленія. Близъ гробницъ кн. Багратіоновъ другая каменная купель.

Исторія супруги послѣдняго грузинскаго царя Георгія XIII-го, послѣдней царицы Грузіи Маріи. Читая описаніе царствованій Ираклія II и Георгія XIII, точно читаешь исторію той эпохи, изъ которой Шекспиръ почерпнулъ свои безсмертныя хроники, а, между тѣмъ, послѣ этого времени не прошло и 100 лѣтъ: то-же безначаліе, тѣ-же необузданныя страсти и тѣ-же междоусобія. Что дѣлалось въ Европѣ назадъ тому 500 лѣтъ, то совершалось въ Закавказьѣ въ концѣ прошлаго столѣтія; а при чтеніи описанія положенія Ираклія II въ Ананурской крѣпости, послѣ разгрома Грузіи и Тифлиса въ 1795 г. Агою-Магомедъ-Ханомъ *(см. исторію Тифлиса),* невольно воскресаетъ въ умѣ величественный образъ короля Лира, также раздѣлившаго свое царство между неблагодарными наслѣдниками: только одинъ слуга, «самый послѣдній армянинъ», сопровождаетъ грузинскаго царя, подобно тому, какъ вѣрный шутъ сопровождаетъ страдальца Лира. Великій поэтъ-сердцевѣдецъ вѣченъ, но наши страсти проявляются уже не въ той формѣ, въ какой они проявлялись у его героевъ: цивилизація смягчила нравы и размѣняла страсти на мелкую монету; въ Закавказьѣ-же 70 лѣтъ тому назадъ, а у горцевъ до самаго покоренія Кавказа даже и форма страсти осталась та-же, что у Шекспира. Кто-то назвалъ геніальнаго поэта великимъ лѣтопис-

Digitized by Google

цемъ навсегда минувшихъ среднихъ вѣковъ,—на Кавказѣ эти минувшіе вѣка были у насъ передъ глазами.

Въ послѣдніе годы своей жизни *Ираклій II,* будучи постоянно боленъ, не могъ сохранить ни внѣшняго величія, ни внутренняго порядка въ управленіи царствомъ. Находя доходы казны недостаточными для содержанія своихъ дѣтей, онъ лишалъ произвольно князей и дворянъ помѣстій, отдавая ихъ въ удѣлъ своимъ дѣтямъ, и, слѣдовательно, предавалъ, такимъ образомъ, Грузію ихъ своеволію. Въ благодарность за то, царевичи, когда требовалась ихъ помощь, постоянно являлись ослушниками царской воли. Дошло до того, что ничтожный аварскій ханъ обложилъ Грузію ежегодною данью въ 5 тыс. рублей, которую получалъ подъ видомъ подарковъ грузинскаго царя. Содержа отъ 5 до 10 тысячъ наемныхъ лезгинъ, Ираклій, все-таки, не защитилъ Грузіи, и лезгины, разоряя страну, уводили ежегодно въ плѣнъ отъ 200 до 300 семействъ. Помѣщики грабили крестьянъ, которымъ оставалось только искать убѣжища въ чужихъ владѣніяхъ. Каждый царевичъ и каждая царевна давала *баратъ* (указъ) на право взять у купца или крестьянина все, что только тотъ имѣлъ лучшаго, а число всѣхъ лицъ царской фамиліи, со всѣми родственниками и свойственниками, простиралось до 90 человѣкъ,—и все это враждовало между собою и грабило все, что только могло и какъ могло. Въ такомъ-то положеніи Ираклій II передалъ Грузію сыну своему *Георгію XIII,* завѣщавъ, послѣ смерти Георгія, престолъ не дѣтямъ его, но братьямъ, которые должны были наслѣдовать по старшинству рода. При Георгіѣ XIII положеніе дѣлъ еще болѣе ухудшилось. Въ очеркѣ Кавказской войны, говоря о присоединеніи Грузіи къ Россіи, мы разсказывали о томъ, какъ Екатерина II, послѣ разграбленія Тифлиса Агою-Магомедъ-Ханомъ, послала, въ 1796 г., экспедицію подъ начальствомъ графа Зубова и приняла Грузію подъ свое покровительство; какъ Ираклій II просилъ потомъ императора Павла о поддержкѣ этого покровительства и «о даро-

Digitized by Google

вавіи грузинскому царю и народу всероссійскаго закона»; какъ Георгій XIII, возобновляя просьбы отца, выразилъ готовность «предать себя и царство свое великому государю всероссійскому навсегда въ полную зависимость и подданство», и какъ, вслѣдствіе этихъ просьбъ и согласно предсмертному желанію Георгія, Грузія, послѣ его смерти, въ 1800 году, была присоединена къ Россіи. Престолъ Грузіи остался упраздненнымъ, и введено было русское гражданское управленіе, подъ предсѣдательствомъ *Коваленскаго*. Управленіе это, вслѣдствіе безтактныхъ и даже корыстныхъ поступковъ Коваленскаго, не удовлетворило грузинъ. Народъ, прежде только и думавшій о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ членовъ царскаго дома, опять обратился въ ихъ сторону.

Главныхъ партій въ царскомъ родѣ было двѣ: одна царицы *Дареи*, вдовы Ираклія II, другая царицы *Маріи*, второй супруги и вдовы Георгія XIII. Царица Дарья, вслѣдствіе завѣщанія Ираклія II, устроеннаго съ ея содѣйствіемъ, интриговала въ пользу своего втораго сына, царевича *Іулана*, брата Георгія XIII, царица-же Марія интриговала въ пользу своего пасынка, царевича *Давыда*, сына Георгія XIII отъ перваго брака, находившагося въ русской службѣ и, между прочимъ, — странное дѣло, — враждовавшаго съ своей мачихой. Обѣ эти партіи враждовали между собою, мирились, потомъ опять ссорились и плели сѣти самыхъ недостойныхъ интригъ въ пользу своихъ претендентовъ, одинаково негодныхъ ни для грузинскаго престола, ни для русскаго правительства. Такое невавидное положеніе дѣлъ продолжалось до отозванія Коваленскаго и назначенія, въ 1802 г., главнокомандующимъ кавказскою арміей князя Павла Дмитріевича *Циціанова*. Этотъ необыкновенный человѣкъ (дѣйствія котораго мы разскажемъ при описаніи его могилы въ сіонскомъ тифлисскомъ соборѣ), коренной русскій по душѣ, но родомъ грузинъ и родственникъ царицы Маріи, тоже урожденной княжны Циціановой, отлично зналъ и свою родину и характеръ своихъ земляковъ. Онъ ясно видѣлъ, что Россіи предстоитъ что нибудь одно: или

Digitized by Google

отозвать обратно свои войска и бросить Грузію на жертву совершенной гибели и анархіи, или ввести въ ней правильное управленіе, сообразное съ потребностями народа, и открыть, такимъ образомъ, путь къ лучшей будущности. Какъ человѣкъ, любившій истинно и правильно свою родину, князь Циціановъ отдался всей душой русскому правительству. Онъ также видѣлъ ясно, что введеніе сколько нибудь правильнаго управленія рѣшительно невозможно до тѣхъ поръ, пока всѣ члены царскаго дома, парализировавшіе своими интригами всѣ дѣйствія русской власти, не будутъ вывезены изъ Грузіи. Получивъ разрѣшеніе императора Александра, онъ, нимало не медля и со всею энергіею, приступилъ къ приведенію въ дѣло этой мѣры, не отступая даже и предъ крутыми средствами. Напрасно царицы притворялись больными, напрасно царевичъ *Вахтангъ Иракліевичъ*, «хитрѣйшій изъ всѣхъ», разыгрывалъ комедію, бросаясь предъ княземъ Циціановымъ на колѣни и умоляя его о пощадѣ: всѣ тѣ, которые не бѣжали изъ Грузіи, должны были отправиться въ Россію. По отправленіи «*хитрѣйшаго*» съ претендентомъ на престолъ, *Давыдомъ Георгіевичемъ*, очередь дошла до царицы Маріи, которая рѣшительно объявила, что ни за что не поѣдетъ, потому что, во-первыхъ, больна и, во-вторыхъ — ѣхать совсѣмъ не желаетъ. Вечеромъ 18 апрѣля 1803 года, получено было извѣстіе, что царица Марія, со всѣмъ семействомъ и царевичемъ Багратомъ, собралась бѣжать изъ Тифлиса, а двое младшихъ ея сыновей, которыхъ она отправила впередъ, были задержаны караульнымъ офицеромъ въ Авлабарскихъ воротахъ. Князь Циціановъ немедленно приказалъ ген. *Лазареву* задержать царицу и вывезти ее силой изъ Тифлиса; генералу *Тучкову* предписано было тоже сдѣлать съ царевичемъ Багратомъ. Тучковъ долженъ былъ остановиться въ Мцхетѣ и ждать тамъ Лазарева съ царицей Маріей. *Тучкову* удалось удачно исполнить порученіе: царевичъ, хотя и окруженный свитою вооруженныхъ дворянъ, сдался безпрекословно и только

Digitized by Google

просилъ одной милости: не разлучать его съ женой. Не такъ счастливъ былъ *Лазаревъ*. Въ 6 часовъ утра 19 апрѣля, онъ прибылъ въ домъ царицы и, удаливши всѣхъ ее окружающихъ, вошелъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, въ ея комнату, гдѣ и объявилъ о причинѣ своего прихода. Царица, принявъ его холодно и непріязненно, рѣшительно отвѣчала, что она ѣхать не хочетъ. Оставивъ для убѣжденія ея квартирмейстера *Сурокова*, знавшаго грузинскій языкъ, Лазаревъ вышелъ изъ комнаты для дальнѣйшихъ распоряженій по отправленію царицы. Лишь только Суроковъ подошелъ къ ней, какъ царевичъ *Жибраилъ* и царевна *Тамара*, выхватя скрытые подъ ихъ платьемъ кинжалы, бросились на Сурокова и прочихъ, оставшихся въ комнатѣ. Лазаревъ, услышавшій шумъ, поспѣшилъ въ комнату и, подойдя къ царицѣ, сидѣвшей на постелѣ, съ просьбой унять дѣтей ея, вдругъ получилъ изъ рукъ самой Маріи ударъ въ лѣвый бокъ кинжаломъ, скрытымъ до того времени подъ одѣяломъ. Ударъ былъ такъ силенъ, что Лазаревъ могъ только перебѣжать комнату и упалъ мертвый на порогѣ. Царица Марія—пишетъ Тучковъ въ своихъ запискахъ—имѣла причины вѣчно негодовать на Лазарева за разныя оскорбленія, причиняемыя ей при всѣхъ случаяхъ, встрѣчавшихся въ ея тогдашнемъ положеніи. Она жаловалась на него неоднократно кн. Циціанову, но не получала никакого удовлетворенія. Объ этомъ происшествіи дали тотчасъ-же знать кн. Циціанову и коменданту. Всѣ, кромѣ главнокомандующаго, поспѣшили прибыть на мѣсто. *Князь Орбельяновъ* началъ уговаривать царицу не противиться и бросить кинжалъ, но она не отвѣчала ему ни слова; тогда полицеймейстеръ *Сургуновъ*, завернувъ свою руку въ толстую папаху, подошелъ къ царицѣ и вырвалъ у нея кинжалъ. Слѣдившая за всѣмъ происходившимъ царевна Тамара бросилась къ матери съ кинжаломъ въ рукахъ и, желая ударить Сургунова, промахнулась и ранила въ правое плечо свою мать. Марія схватилась за кинжалъ, бывшій въ рукахъ у дочери, чтобы, какъ сама говорила, умертвить себя, но отрѣзала только себѣ руки и была тот-

Digitized by Google

часъ-же обезоружена, а вмѣстѣ съ нею былъ обезоруженъ и царевичъ Жибраилъ. Несмотря на все это, царица, все-таки, въ тотъ-же день была отправлена изъ Тифлиса. По отъѣздѣ ея, въ комнатѣ были найдены скрытые въ постели заряженные ружья и пистолеты. Князь Орбельяновъ, при громкомъ народномъ плачѣ, повезъ царицу въ Мцхетъ, гдѣ ея дожидался Тучковъ. Съ нею и ея семействомъ предписано было княземъ Цицiановымъ обращаться не какъ съ особами царскаго дома, но какъ съ преступниками. *Тагаурцы*, подкупленные царицей за 1,000 р., пытались было освободить ее въ Дарьяльскомъ ущельѣ, но Тучковъ такъ быстро и ловко атаковалъ ихъ, что они должны были бѣжать. Это было въ самомъ тѣсномъ мѣстѣ ущелья, гдѣ дорога переходила черезъ Терекъ по двумъ мостамъ, лежавшимъ одинъ вслѣдъ за другимъ. Во Владикавказѣ Тучковъ сдалъ своихъ плѣнницъ и возвратился обратно въ Тифлисъ. По пріѣздѣ въ Россію, царица Марія была заключена въ Воронежѣ въ Бѣлогородскомъ женскомъ монастырѣ. Оттуда «бѣдственная, по ея выраженію, вдова царя Георгія» всенижайше просила императора Александра о возвращеніи ей свободы, причемъ доказывала совершенную свою невинность въ убійствѣ Лазарева, но была прощена только черезъ семь лѣтъ и дожила остатокъ своихъ дней въ Москвѣ. Вдова Ираклія II, царица Дарья,—«сія гидра», какъ называлъ ее кн. Цицiановъ, находившійся въ родственныхъ съ нею сношеніяхъ,—отправлена была въ Россію гораздо позднѣе.

Самтаврская мцхетская церковь находится недалеко отъ площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ саду спасалась св. Нина и гдѣ обращенный ею Маріанъ построилъ церковь. Съ восточной стороны церковной ограды небольшая часовня означаетъ мѣсто, гдѣ была келья просвѣтительницы Грузіи; высокая башня на западной сторонѣ ограды составляетъ остатокъ дворца царя Вахтанга Гаргаслана. Замѣчательна также древняя трехъ-ярусная колокольня. Черепичная крыша на нижнемъ ярусѣ церкви новѣйшей работы.

Горы, окружающія Мцхетскую долину, безплодны и не покрыты растительностью. Выше развалинъ церкви св. креста, о которой

Digitized by Google

мы упоминали, за горою, находится *пещера св. Шіо,* одного изъ сирійскихъ отцовъ, и тысячи другихъ пещеръ. Вершина горы съ правой стороны усѣяна пещерами. Нѣкоторые археологи приписываютъ ихъ первобытному народу *гебрамъ,* которые устраивали въ нихъ свои жилища, преданіе-же приписываетъ ихъ святымъ схимникамъ. Вообще, пещеры, вырубленныя въ трудно или совсѣмъ недоступныхъ высокихъ скалахъ, встрѣчающіяся почти повсемѣстно на Кавказѣ, составляютъ неразрѣшимую загадку и извѣстны подъ общимъ именемъ жилищъ *троглодитовъ* (первобытныхъ людей). Когда вы ѣдете по дорогѣ и на недоступной высотѣ совершенно отвѣсной скалы видите черныя отверстія, смотрящія на васъ сверху, вы теряетесь въ догадкахъ. Когда они вырублены? Кто жилъ въ нихъ и какъ къ нимъ взбирались? Мнѣ самому не удалось видѣть, но сказываютъ, что у нѣкоторыхъ пещеръ видны остатки лѣстницъ, связанныхъ изъ виноградныхъ лозъ, висящихъ съ отвѣсныхъ скалъ. Конечно, эти лѣстницы не современны троглодитамъ, но, вѣроятно, и во времена первобытныхъ людей въ эти недоступныя жилища взбирались какимъ нибудь подобнымъ-же образомъ. Хороши, должно быть, были времена, въ которыя людямъ приходилось прибѣгать къ такимъ средствамъ для спасенія жизни! О жилищахъ троглодитовъ мы скажемъ нѣсколько подробнѣе при описаніи *Уплисъ-Цихе,* цѣлаго города, высѣченнаго въ высокой скалѣ и составляющаго не только кавказскую, но и всесвѣтную доисторическую рѣдкость.

Отъ Мцхета до Тифлиса въ настоящее время доѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ, которая, близъ деревни *Дигоми,* переходитъ съ праваго берега Куры на лѣвый. Долина Куры между Мцхетомъ и Тифлисомъ безплодна и мало воздѣлана; только вдоль впадающихъ въ рѣку ручьевъ и рѣчекъ виднѣются поселенія съ воздѣланными полями и орошаемыми садами и виноградниками. Сначала показывается городской садъ *Муштаидъ,* а за нимъ и весь городъ, расположившійся по обѣ стороны Куры.

Digitized by Google

ГЛАВА IV.

Тифлисская губернія и Тифлисъ.

Тифлисская губернія начинается тотчасъ за Дарьяльскимъ ущельемъ и занимаетъ *пространство* въ 731 кв. милю, изъ которыхъ третья часть находится подъ лѣсомъ. *Жителей* въ ней около 600 тыс. душъ обоего пола. *Населеніе* состоитъ: изъ русскихъ (православныхъ, сектантовъ и поселенныхъ отставныхъ солдатъ), грузинъ, армянъ, татаръ, тушинъ, пшавовъ, хевсуръ, осетинъ, нѣмецкихъ колонистовъ, евреевъ, курдовъ, персіянъ, грековъ и турокъ. Самый большой процентъ населенія составляютъ грузины; за ними слѣдуютъ армяне, русскіе, татары, осетины; нѣмцы живутъ только въ Тифлисскомъ уѣздѣ. Губернія раздѣляется на 6 уѣздовъ: Тифлисскій, Душетскій, Телавскій, Сигнахскій, Горійскій и Ахалцихскій.

Грузины составляютъ часть *картвельскаго* племени, къ которому принадлежатъ также имеретины, мингрельцы и гурійцы. Всѣ эти народы, до присоединенія ихъ къ Россіи, управлялись отдѣльными и самостоятельными владѣтелями.

Картвельское племя занимаетъ долины Ріона и Куры, почти до самаго сліянія ея съ Алазанью, и прилегающіе къ этимъ рѣкамъ съ ихъ притоками южные и сѣверные склоны горъ.

Религія грузинъ православная. Епархіальный начальникъ и членъ сѵнода именуется *экзархомъ* Грузіи, архіепископомъ картлинскимъ и кахетинскимъ.

Digitized by Google

Грузія раздѣлялась на нѣсколько частей, изъ которыхъ главныя были: *Карталинія* (по долинѣ Куры и Арагвы), *Кахетія* (по долинѣ Алазани) и *Сомхетія* (нижняя Карталинія). Населеніе Ахалцихскаго уѣзда говоритъ также преимущественно грузинскимъ языкомъ, хотя, по завладѣніи краемъ турками въ 1625 г., вслѣдствіе невыносимыхъ гоненій, большинство жителей въ немъ и приняло исламъ. *Грузія*, до поступленія подъ русское владычество, постоянно подвергалась безпощаднымъ нападеніямъ сосѣдей. Персидскіе шахи, для удержанія въ повиновеніи грузинскихъ царей, заселяли многія ея провинціи сплошь татарами; армяне, спасаясь отъ персіянъ и турокъ, также переселялись въ нее тысячами.

Въ Карталиніи многія села и деревни лишены садовъ, въ Кахетіи-же, напротивъ, тонутъ въ зелени. Настоящія грузинскія деревни состоятъ изъ саклей, построенныхъ безъ всякаго порядка; улицъ въ нихъ не существуетъ; досчатый курятникъ и плетеный кузовъ на сваяхъ для кукурузы — необходимыя пристройки къ дому; ушедшія въ землю *гомуры* составляютъ помѣщеніе для рабочаго скота. Внутренность саклей мы описали, говоря объ аулѣ *Гилеты (станція Казбекъ)*. Главную и дорогую посуду составляютъ: *азарпеши* (похожія на нашу разливательную ложку; у богатыхъ онѣ бываютъ серебряныя); *кула* (узкогорлый кувшинъ изъ орѣховаго наплыва или грушеваго корня, крытый лакомъ) и *турій рогъ*, часто оправленный въ серебро. Всѣ эти сосуды служатъ для питья вина. Въ турій рогъ входитъ иногда до полтунги (*тунга*—5 бутылокъ). Мебель составляютъ сколоченныя изъ досокъ низкія нары *(тахта)*. Баня составляетъ для грузина необходимое наслажденіе; въ ней происходитъ иногда цѣлый пиръ. Городскіе дома, разумѣется, отличаются отъ деревенскихъ: каждый изъ нихъ имѣетъ балконъ съ деревяннымъ навѣсомъ и огражденъ съ улицы заборомъ (не на главныхъ улицахъ и не вездѣ); отъ воротъ дома тянется низкая

Digitized by Google

крытая галлерея; жилье состоитъ изъ одного обширнаго покоя; въ стѣнахъ устроены камины безъ рѣшетки *(бухары)*, а гдѣ нѣтъ бухаровъ, тамъ употребляется жаровня *(мангалъ)*; ниши съ дверями въ стѣнахъ замѣняютъ наши шкапы; передникъ нѣтъ. Впрочемъ, въ городахъ, въ настоящее время, постройки эти все болѣе и болѣе вытѣсняются европейскими домами. Вечеромъ лѣтомъ все населеніе выходитъ изъ саклей и располагается или у дверей, или на плоскихъ крышахъ домовъ; тутъ ужинаютъ, болтаютъ или подъ бубенъ *(дайра)* и непремѣнное хлопанье въ ладоши пляшутъ лезгинку; ловкость и грація, выказываемыя танцующими въ этомъ танцѣ, не даромъ составляютъ славу грузинъ и грузинокъ.

Грузины страшные охотники понировать, но непремѣнно въ компаніи. Пѣвецъ и *зурна* (дудка), напоминающая нѣсколько нашу *жалейку*, съ глухимъ барабаномъ — неотъемлемая принадлежность каждаго праздника, ради котораго грузинъ готовъ истратить послѣднее. Пирушка на чистомъ воздухѣ, если время благопріятствуетъ, предпочитается пирушкѣ въ домѣ. Компанію сначала обносятъ азарпешей, кулой, стаканами, а потомъ пускаютъ въ ходъ и турьи рога. Гости пьютъ за здоровье другъ друга: «Алла верды» (Богъ далъ), говоритъ грузинъ сосѣду, поднося къ губамъ кубокъ;—«якши-іолъ» (добрый путь, на здоровье), отвѣчаетъ тотъ, дѣлая тоже самое. Вина выпивается очень много, но грузины бываютъ пьяны очень рѣдко: «здѣсь— говорятъ—отъ материнскихъ сосцовъ прямо къ лапкѣ бурдюка» (кожаный мѣшокъ для вина изъ шкуръ различныхъ животныхъ—отъ козла до буйвола); къ вину привыкаютъ съ малолѣтства. Въ *Кахетіи* мать не уложитъ ребенка спать, пока не дастъ ему вина; десятилѣтній мальчикъ легко отличаетъ въ винѣ примѣсь воды. Въ этой благословенной части Грузіи вино не ставится ни во-что; еще не далеко то время, когда жители, изъ лѣни ходить за водой, умывались виномъ, готовили на немъ кушанье и обрызгивали имъ

Digitized by Google

полъ. Назадъ тому лѣтъ 25, даже въ городахъ, *тунга*, т. е. 5 бутылокъ, продавалась по полъ-абазу (абазъ 20 коп.). Въ настоящее время, съ развитіемъ торговли и разработкой дорогъ, тунга порядочнаго вина дошла до 1 р. с. Нѣтъ сомнѣнія, что возвышеніе цѣнъ на сельскіе продукты имѣетъ прямымъ результатомъ развитіе благосостоянія земледѣльческаго класса, но, съ другой стороны, возвышеніе цѣнъ на вино въ Грузіи имѣло и свою дурную сторону: простой народъ сталъ замѣнять вино водкой, и начало появляться пьянство, неизвѣстное до того времени. Женщины не принимаютъ участія въ шумныхъ пирушкахъ: онѣ обѣдаютъ въ сторонѣ и, случается, тоже кутятъ на славу. Назадъ тому лѣтъ 30, въ Тифлисѣ была одна грузинка, по имени Гука, составившая себѣ славу тѣмъ, что истребляла невѣроятное количество кахетинскаго. Со всѣхъ сторонъ съѣзжались посмотрѣть на это диво и поспорить съ нею въ питьѣ, но, однако-же, соперника не выискивалось во всей Грузіи, да и не было къ тому никакой физической возможности: Гука пила вино заразъ не тунгами, а ведрами, и ничуть не напивалась. Ведро она называла стаканомъ, а тунгу рюмкой. Это вошло въ пословицу, которую и теперь еще можно слышать въ Тифлисѣ.

Грузинки славятся своей красотой. Несмотря на замкнутость и даже рабское положеніе женщины въ семействѣ, всѣ труды по хозяйству ложатъ на попеченіи мужа. Это равнодушіе къ труду проистекаетъ не изъ натуры грузинки, большею частію живой и дѣятельной, а изъ боязливой ревности мужчины выводить свою жену на позорище чужихъ глазъ, чрезъ участіе ея въ занятіяхъ внѣ дома. Грузинки любятъ наряжаться; онѣ непрочь также посплетничать и готовы болтать цѣлый день безъ умолку, готовы, пожалуй, и пококетничать втихомолку, но далеки отъ настоящей интриги, да и отъ неугомонныхъ сосѣдокъ, къ тому-же, нѣтъ возможности сдѣлать что-нибудь скрытно.

Съ ранняго утра грузинъ оставляетъ свой домъ и почти весь

Digitized by Google

день проводитъ въ лавкахъ или на базарѣ, гдѣ часто, за неимѣніемъ дѣла, ограничивается переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Базаръ въ Закавказьѣ, также какъ и на всемъ востокѣ, есть центральный пунктъ всей дѣятельности и всѣхъ новостей. Какъ грузинъ, такъ и грузинка страшно суевѣрны и отличаются легковѣріемъ. Вообще, грузинское племя принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ, способнѣйшихъ и добродушнѣйшихъ племенъ на свѣтѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что чѣмъ болѣе цивилизація будетъ проникать въ Грузію, тѣмъ больше отрѣшится этотъ симпатичный народъ отъ недостатковъ, привитыхъ къ нему бѣдствіями, подобныхъ которымъ мало представляетъ исторія.

Достаточно вспомнить, что, до водворенія русскаго владычества, грузинскій народъ жилъ почти совсѣмъ безъ законовъ. Глава правосудія—царь руководствовался при разборахъ дѣлъ только собственнымъ произволомъ и обычаями востока. Часто за самую малую вещь, по его приказанію, виновному отрѣзали носъ, уши, отнимали имѣніе и заключали въ тюрьму. Суды по поводу чародѣйства были ужасны. Уложеніе царя *Вахтанга* было не болѣе, какъ сборникъ обычаевъ и правилъ, очень часто противорѣчившихъ одно другому,—и притомъ уложеніе это ходило по Грузіи лишь въ рукописи и никогда не было напечатано. Въ 1801 г. во всей Грузіи отыскали его едва 3 экземпляра, да и тѣ неполные,—слѣдовательно, судились больше по мѣстнымъ обычаямъ. Въ уложеніи царя Вахтанга нашли мѣсто извлеченія изъ греческихъ и армянскихъ законовъ, книгъ Моисея, а также и законы варварскихъ народовъ,—напр., плата за убійство, рану, оправданіе раскаленнымъ желѣзомъ и кипяткомъ. Грузинка не имѣла почти никакихъ юридическихъ правъ. Въ церкви мужчины стояли всегда впереди женщинъ; изъ этого правила не исключались даже и особы царскаго дома. Если женщину сопутствовалъ слуга, то онъ шелъ всегда впереди своей госпожи, чтобъ не нарушить уваженія къ полу. Раздѣлъ имѣнія между наслѣдниками признавался вреднымъ,

Digitized by Google

хотя и не запрещался положительно. Въ 98 параграфѣ Вахтантангова уложенія говорится: «какое бы несогласіе ни возникло между братьями, дядями и племянниками и вообще между нераздѣльными родственниками, они не могутъ раздѣлиться безъ царя или господина, который умиротворяетъ ихъ посредствомъ увѣщаній и отклоняетъ отъ раздѣла». Этотъ законъ повелъ къ тому, что однимъ имѣніемъ владѣли нерѣдко цѣлыя фамиліи, подъ управленіемъ старшаго въ родѣ,—и понятно, какія злоупотребленія, ссоры, а нерѣдко и кровавыя расправы возникали изъ этого между нераздѣленными родственниками. Смертная казнь, отъ князя до раба, зависѣла единственно отъ царя, но вельможамъ предоставлено было право у людей имъ подвластныхъ выкалывать глаза, отсѣкать члены и проч. По этому можно судить, каково было положеніе рабовъ. Во главѣ правительственныхъ учрежденій стоялъ верховный царскій судъ. Въ немъ, подъ предсѣдательствомъ царя, присутствовали: царскій наслѣдникъ, царевичи, по царскому назначенію, и другіе члены. Дѣла ясныя рѣшалъ самъ царь, если-же онѣ были запутаны, то онъ передавалъ ихъ въ верховный судъ; впрочемъ, совершенно отъ произвола царя зависѣло поступить согласно приговору суда или иначе. Главою грузинскаго духовенства былъ *католикосъ*, избиравшійся царемъ, преимущественно изъ особъ царскаго дома, и посвящавшійся въ этотъ санъ соборомъ архіереевъ. Для земскаго управленія Грузія была раздѣлена на *моуравства*. Въ *моуравы* (съ судомъ или безъ суда) опредѣлялись царемъ князья и дворяне, изъ которыхъ многіе имѣли эту должность наслѣдственно. Тифлисскіе армяне, которые составляли главное населеніе города и держали въ рукахъ своихъ всю торговлю и ремесла, управлялись, согласно ихъ обычаю, своими *меликами* (тоже, что моуравъ). Званіе мелика сдѣлалось во многихъ армянскихъ фамиліяхъ наслѣдственнымъ именемъ, также какъ у грузинъ званіе эристава: отсюда и произошли многочисленныя княжескія армянскія фамиліи Меликовыхъ и грузинскія Эристовыхъ.

Digitized by Google

Къ чести грузинъ, надобно замѣтить, что телѣснаго наказанія—такъ, какъ мы его понимаемъ—въ Грузіи не существовало; по крайней мѣрѣ, въ прежнихъ законахъ на него нѣтъ ни малѣйшаго указанія, и только въ военномъ уложеніи Ираклія II, изданномъ уже въ 1774 г., говорится: «если крестьянинъ въ первый день назначеннаго мѣсяца не явится къ намъ и не покажетъ себя готовымъ къ походу, его прогнать одинъ разъ сквозь строй—*по-русски*». Но, вообще, прежнее правленіе въ Грузіи было деспотическое и жестокое до крайности. Чтобы дать болѣе ясное понятіе о томъ положеніи, въ какомъ находилась Грузія при вступленіи ея въ подданство Россіи, приведемъ отрывокъ изъ записки, составленной въ то время княземъ М. С. Воронцовымъ. «Грузины—говорится въ ней—такъ привыкли къ жестокому правленію своихъ царей, что кроткая, въ обыкновенныхъ случаяхъ, и на законахъ основанная власть россійскихъ начальниковъ имъ кажется странною и болѣе отъ слабости, нежели отъ великодушія происходящею. Многіе изъ ихъ князей и знатныхъ дворянъ говорятъ, что Грузія не можетъ быть иначе управляема, какъ скорымъ и жестокимъ во всѣхъ дѣлахъ наказаніемъ. Медлительныя справки и законныя рѣшенія имъ кажутся непонятными и несносными; иной бы лучше хотѣлъ, чтобъ ему въ тотъ-же день отрубили уши, нежели дожидаться нѣсколько мѣсяцевъ умѣреннаго наказанія. Князья и дворяне имѣютъ не болѣе понятія о порядкѣ и справедливости, какъ и простой народъ. Когда собирали дворянъ на выборы, никакъ нельзя было внушить имъ настоящаго понятія объ ихъ дѣлѣ. За малѣйшею нуждою, или если кому стало скучно, они уходили изъ собранія домой и не возвращались. Другіе-же, любуясь разноцвѣтными шарами для выборовъ, клали ихъ потихоньку въ карманъ и уходили; другіе, не имѣвъ права входить въ собраніе, вкрадывались и таскали шары, такъ что всякій разъ пропадала большая часть ихъ. Князю Циціанову нужно было, въ одно время, арестовать дворянина въ провинціи, но такъ какъ тамъ не было воен-

Digitized by Google

ной команды, онъ спросилъ у нѣкоторыхъ сосѣдей: не возьмутся ли они за то, чтобы взять его подъ караулъ; они отвѣчали, что арестовать его не могутъ, а что если князь прикажетъ, то они его застрѣлятъ. Никакой грузинъ не явится въ судъ иначе, какъ приведенный силою, и, сидя себѣ спокойно дома, не понимаетъ, какъ можно безпокоиться и идти туда, куда ему не хочется, но силѣ одного приказанія».

По сословіямъ, въ концѣ XVIII стол. грузины дѣлились на князей, дворянъ (*азнауровъ*), купцовъ, *макалаковъ* (мѣщанъ; купцы и макалаки были почти всѣ армяне, потому что грузины считали за стыдъ торговать), *амкаровъ* (ремесленниковъ), дворовыхъ и крестьянъ. *Амкары* дѣлились на цехи и имѣли свои значки и знамена, употреблявшіеся въ торжественныхъ церемоніяхъ; они управлялись выбранными изъ своей среды начальниками, называвшимися *уста-башими*. Амкарства и уста-баши существуютъ и въ настоящее время. Правительство не трогаетъ этого вѣковаго учрежденія, составляющаго, по словамъ кн. Барятинскаго, круговую поруку противъ нищеты, невѣжества и безнравственности своихъ членовъ; кромѣ того, амкарства, владѣя значительною общественною кассой, помогаютъ своимъ членамъ во время несчастій, болѣзней и проч.

Армяне составляютъ большинство торгующаго класса во всемъ Закавказьѣ, и можно сказать безъ преувеличенія, что почти вся здѣшняя торговля находится у нихъ въ рукахъ. Почти невѣроятно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, достовѣрно, что въ 1803 г. въ Тифлисѣ считалось до 2,700 домовъ, изъ которыхъ только 4 дома принадлежало собственно грузинамъ и пятнадцать грузинскимъ князьямъ, остальные-же всѣ принадлежали армянамъ; такимъ образомъ, столица Грузіи составляла тогда вполнѣ армянскую собственность.

Арменія представляетъ плоскую возвышенность, по срединѣ которой возвышаются покрытые вѣчными снѣгами Большой и Малый Араратъ. Часть мѣстности, занимавшейся нѣкогда Великою

Digitized by Google

Арменіей, принадлежитъ въ настоящее время Россіи, а часть — Турціи. Преданія многихъ народовъ, также какъ и священная исторія, указываютъ, что, въ особенности, европейскія населенія вышли отсюда для занятія своихъ жилищъ, и, стало-быть, въ этомъ отношеніи Арменія есть интереснѣйшая страна древнѣйшей исторіи человѣчества. Араратъ, по священному писанію, сдѣлался колыбелью человѣческаго рода. Нинъ, Семирамида, Сезострисъ проникали или старались проникнуть отсюда на сѣверъ; Дарій и Ксерксъ прошли чрезъ Арменію на западъ, а Александръ Македонскій на востокъ; здѣсь прошли монголы и татары, подъ предводительствомъ Чингисъ-хана и Тамерлана; до этихъ мѣстъ проникали крестоносцы; въ продолженіе столѣтій здѣсь шла борьба магометанскихъ сектъ: шіитовъ и суннитовъ; здѣсь-же, наконецъ, въ новѣйшее время, магометанство и азіятскій міръ, въ лицѣ Персіи и Турціи, боролись съ христіанской Европой, въ лицѣ Россіи. Какая-же роль суждена народу, обитающему на этомъ міровомъ театрѣ? Народъ этотъ первоначальный (или пришедшій изъ древней Ассиріи, по мнѣнію нѣкоторыхъ), чистой крови, съ высокими духовными и тѣлесными качествами,—въ продолженіи цѣлыхъ тысячелѣтій переносилъ вопіющее рабство и угнетеніе, большею частію со стороны народовъ, стоявшихъ ниже его, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніяхъ. Малая часть армянскаго народа живетъ на родинѣ; большая часть его разсѣяна по всей Азіи, Европѣ и частію Африкѣ, и, несмотря на то, армяне имѣютъ самую дружественную и крѣпкую связь съ родиной чрезъ неразрушаемое ничѣмъ средоточіе національнаго и религіознаго единства. Средоточіе это—*католикосъ* (патріархъ) всѣхъ армянъ, имѣющій мѣстопребываніе въ *Эчміадзинѣ,* монастырѣ, находящемся въ восемнадцати верстахъ отъ Эривани, у подножія Алагеза. Эчміадзинъ составляетъ средоточіе, куда стекаются поклонники съ береговъ Ганга и Инда, Нила и Евфрата, Невы и Волги; прибывъ сюда, они братски протягиваютъ другъ

Digitized by Google

другу руку, знакомятся между собою и вступаютъ въ союзъ. Разбросанные по тремъ частямъ свѣта, армяне, благодаря своему религіозному устройству, нигдѣ не потеряли національности и не слились съ народами, посреди которыхъ они живутъ. Въ этомъ отношеніи ихъ можно сравнить съ евреями, вѣчнымъ народомъ, отмѣченнымъ перстомъ божіимъ и составляющимъ величайшую загадку всемірной исторіи. Благодаря своему религіозному устройству, служащему, вмѣстѣ съ тѣмъ, и устройствомъ политическимъ, евреи тѣсно связаны между собою въ продолженіи почти 2,000 лѣтъ и не утратили единства, не имѣя никакого видимаго средоточія и никакой видимой главы.

На армянъ можно смотрѣть двояко: торговцы ихъ, не живущіе на родинѣ, дѣятельны, предпріимчивы, но также часто слывутъ и за самыхъ ненадежныхъ корыстолюбцевъ. Извѣстно, какъ они, мало-по-малу, покупкою, арендою, залогодательствомъ и проч. присвоиваютъ себѣ имущество живущихъ съ ними народовъ, за что и крайне нелюбимы, подобно евреямъ. Вся дѣятельность ихъ устремлена единственно на пріобрѣтеніе денегъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они достойны всякаго уваженія въ ихъ домашнемъ быту. Живущіе на родинѣ крестьяне отличаются честностью, вѣрностью и благородствомъ. «Мнѣ неизвѣстенъ народъ, — говоритъ бар. Гакстгаузенъ, — въ которомъ семейныя узы были бы тѣснѣе и крѣпче, чѣмъ у армянъ. Нерѣдко у восьмидесяти-лѣтняго патріарха живутъ цѣлыхъ три поколѣнія; раздѣла нѣтъ, и никто не пріобрѣтаетъ для себя: труды и выгоды — все въ пользу семьи. Есть дворы, въ которыхъ семейства состоятъ изъ 40—50 членовъ. Раздѣлъ начинается лишь между внуками». Въ домашней жизни, въ личныхъ сношеніяхъ съ другими армянинъ, говоря вообще, разсчетливъ и даже скупъ; но, любя горячо свою родину, какъ богатый, такъ и бѣдный считаютъ своею непремѣнною обязанностью жертвовать, по возможности, на образовательныя и благотворительныя національныя учрежденія: училища, госпитали

Digitized by Google

и многія другія общественныя армянскія учрежденія содержатся на счетъ добровольныхъ пожертвованій. «Исторія народовъ — говоритъ Дюлорье — есть лучшій законъ, лучшее доказательство того, что патріотическое чувство у народа, потерявшаго свою самобытность, гораздо сильнѣе, чѣмъ между населеніемъ самобытныхъ и самостоятельныхъ государствъ: первый старается пріобрѣсти то, что послѣдній уже имѣетъ и потому не цѣнитъ.

Послушаніе семейное, составляющее крѣпкую связь и продолжительное согласіе между живущими вмѣстѣ пятью или шестью молодыми женщинами, возможно у армянъ, вслѣдствіе особеннаго, строгаго воспитанія ихъ женскаго пола, хотя это воспитаніе нельзя назвать ни рабствомъ, ни угнетеніемъ. Армянскія жены никогда не употребляются въ тяжкія работы; даже крестьянинъ такъ нѣжно любитъ свою жену, что ни за что не подвергнетъ ее дѣйствію палящихъ лучей солнца.

Армяне *по религіи* принадлежатъ къ армяно-григоріанской церкви (*св. Григорій*, просвѣтитель Арменіи, жилъ въ половинѣ III столѣтія), рѣзко отличающейся отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій. Небольшое число исповѣдуетъ римско-католическую вѣру. Армянская набожность доводитъ иногда посты до совершеннаго умерщвленія плоти.

Въ настоящее время, *число армянъ, живущихъ въ Россіи*, полагаютъ крайне различно: одни доводятъ ихъ численность до 1.200,000, другіе только до 500,000. Населеніе армянской области очень пополнилось армянами, выходцами изъ Персіи и Турціи, послѣ войнъ 1827 и 29 годовъ. Въ Тифлисскомъ уѣздѣ армяне составляютъ 34% населенія, тогда какъ грузины составляютъ всего 32%.

Татары, составляющіе большинство населенія въ Закавказьѣ (въ Елисаветпольской и Бакинской губ.), въ Тифлисской губерніи составляютъ только небольшой процентъ жителей; часть ихъ живетъ въ Тифлисскомъ уѣздѣ, но и въ немъ они не превышаютъ 13%.

Digitized by Google

Характеръ татаръ достаточно извѣстенъ, и мы о немъ много распространяться не будемъ; подъ управленіемъ хановъ кавказскій татаринъ развился во всей своей полнотѣ.

Закавказскіе татары раздѣляются на осѣдлыхъ (изъ которыхъ многіе живутъ очень зажиточно) и полукочевыхъ *(тараkяма)*; скажемъ нѣсколько словъ о послѣднихъ.

Кочующій татаринъ, въ наступленіемъ жаровъ, отправляется въ горы, а въ холодъ—спускается въ долины, находя, такимъ образомъ, постоянно новую траву и пастбища. Этотъ образъ жизни, вполнѣ удовлетворяя лѣни татарина, доставляетъ ему возможность безъ всякаго труда содержать значительныя стада рогатаго скота, составляющія все его богатство; зиму онъ сидитъ въ своихъ зимнихъ помѣщеніяхъ *(кишлакахъ)*, ничего не дѣлая или стругая отъ скуки палочку и мечтая о томъ, когда настанетъ блаженное время его скитаній. Назначеніе дня подъема зависитъ отъ рѣшенія совѣта старшинъ. Кочевка, кажущаяся, съ перваго взгляда, безпорядочной, подчинена строгой системѣ и находится въ зависимости отъ подножнаго корма. Единственная забота кочевыхъ татаръ о своихъ стадахъ подала поводъ туземцамъ называть ихъ *коино-нукерг* (слуга барановъ). Кочуя, татаринъ не имѣетъ никакого уваженія къ чужой собственности: онъ воруетъ, грабитъ, топчетъ посѣвы и сѣнокосы осѣдлыхъ жителей. Запасшись лѣтомъ чужимъ добромъ, осенью татаринъ возвращается въ свое зимнее логовище и проводитъ зиму точно также, какъ провелъ и предъидущую. Фигура татарина, просиживающаго по цѣлымъ днямъ съ кальяномъ въ рукахъ, съ поджатыми ногами, съ неопредѣленно устремленнымъ взглядомъ, съ выраженіемъ апатіи на лицѣ—знакома всякому. Гостепріимство татаръ есть слѣдствіе праздной жизни и жажды къ новостямъ, хотя бы и вымышленнымъ. Скачка, джигитовка и пляски составляютъ ихъ любимѣйшія занятія, и ловкость ихъ доходитъ иногда до невѣроятія. Въ характерѣ татарина нѣтъ ничего постояннаго и опредѣленнаго; онъ словоохотливъ, ловокъ

Digitized by Google

въ обращеніи, пронырливъ, льстивъ и, по наружности, всегда преданный другъ, несмотря на недавнее знакомство; въ характерѣ его странное сочетаніе дурныхъ и хорошихъ началъ; «но—говоритъ *г. Шопенъ*—хорошія преобладаютъ, и можно думать, что татары были бы очень близки слиться съ русскими, если бы посредничество между двумя народами не принимали на себя *армяне*, извлекавшіе изъ этой роли важныя для себя выгоды, получая, съ одной стороны, деньги за мнимое покровительство, а съ другой—награды и почести; убытка-же *армяне* не могли имѣть ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ въ распряхъ лилась не армянская кровь, а, между тѣмъ, нужны были поставки хлѣба, лазутчики и проч. Симпатія русскихъ къ татарамъ обнаруживается и въ томъ, что, по прибытіи въ мусульманскія провинціи, мы очень скоро изучаемъ звучный ихъ языкъ, между тѣмъ какъ поставленные ближе по вѣрѣ *армяне* не могутъ научить насъ двумъ словамъ изъ ихъ неудобопроизносимаго языка и служатъ только факторами. Тамъ, гдѣ не было этого факторства, гдѣ татаринъ не скитался, а велъ осѣдлую жизнь, гдѣ его трудъ и собственность были болѣе обезпечены, гдѣ онъ не имѣлъ нужды прибѣгать къ изворотамъ, лжи и обману—тамъ и характеръ его развивался въ хорошую сторону».

Угнетеніе женщины и деспотическое обращеніе съ нею мужчинъ были причиною появленія такъ называемаго *женскаго корана*—конечно, совершенно противнаго корану Магомета, главнаго виновника униженія женщины и того жалкаго, рабскаго положенія, въ которомъ она находится до настоящаго времени въ мусульманскомъ мірѣ. Съ другой стороны, подобный коранъ долженъ быть далеко не по-вкусу мужчинѣ,—и дѣйствительно, по словамъ издателя корана, мужья съ ужасомъ узнали «про цѣлый міръ адскихъ коварствъ и самыхъ демоническихъ происковъ своихъ дражайшихъ половинъ—этого гнуснаго отродья!» Женщины-законодательницы пустили въ ходъ тѣ невидимыя силы, которыя составляютъ ихъ особенности и противъ которыхъ мужчина бороться не въ состоя-

Digitized by Google

ніи. Женскій коранъ скоро сталъ извѣстенъ всѣмъ послѣдовательницамъ шіитской секты, и каждая изъ женщинъ знаетъ его, если на весь, то, по крайней мѣрѣ, главнѣйшія мѣста. По характеру же своему, татарка чрезвычайно добра, попечительна о бѣдныхъ, гостепріимна и не прочь пококетничать, какъ большая часть особъ женскаго пола.

Во время существованіи въ Закавказьѣ ханствъ, въ нихъ былъ одинъ законъ, это—воля хана. Татарское населеніе раздѣлялось на слѣдующія сословія: *беки* (дворяне), *аги или агалары* (лица, происшедшія отъ ханскихъ поколѣній и въ сущности ничѣмъ не отличавшіяся отъ бековъ), *моафы* (лица, избавленныя отъ податей и повинностей), *моафы-нукеры* (охранная стража при ханахъ), *поселяне* (раздѣлявшіеся на казенныхъ и на принадлежавшихъ бекамъ), *рачбиры* (работники, тоже казенные и владѣльческіе) и *купцы*. Представителями духовенства въ ханствахъ были: *шейхъ-уль-исламъ* (глава вѣры), *муджтеиды*, иначе *муштаиды* (у шіитовъ) и *муфти* (у суннитовъ), *кази* (собственно не духовное лицо, но принадлежавшее къ этому званію, какъ членъ шаріата; иногда они исполняли должности полицеймейстеровъ); далѣе слѣдовали: *муллы* (священники), *дервиши, факиры* и проч. Какъ извѣстно, у всѣхъ мусульманъ духовенство сосредоточило въ своихъ рукахъ части: духовную, гражданскую, уголовную и народное просвѣщеніе, завѣдуя училищами *(медрессе)*.

Русскіе сектанты *(молокане, духоборцы, общіе, прыгуны* и проч.), числомъ до 25 тыс., стали селиться въ Закавказьѣ съ 1835 г.; большею частію это были ссыльные за распространеніе ереси; имъ назначены были города: Нуха, Шемаха, Куба, Шуша, Ленкорань, Нахичевань, Ордубатъ, Ахалцихскій и Тифлисскій уѣзды. Распространяться здѣсь о всѣхъ этихъ сектахъ мы считаемъ излишнимъ; скажемъ только, что сектанты эти крѣпко держатся русской народности и отличаются (преимущественно *молокане* всѣхъ толковъ) опытностью въ хозяйствѣ, трезвостью и

Digitized by Google

стойкостью въ данномъ словѣ; почти всѣ они грамотны. Молокане, кромѣ земледѣлія, занимаются также извозомъ, и подрядная часть въ Закавказьѣ находится у нихъ въ рукахъ.

Нѣмецкіе колонисты, живущіе въ Тифлисѣ, въ нѣмецкой слободѣ, земледѣліемъ не занимаются; они покинули его для отдачи своихъ домовъ, садовъ и для разныхъ сподручныхъ, болѣе или менѣе выгодныхъ ремеслъ. Хозяйство-же, въ смыслѣ подгороднаго фермерства, для нихъ въ настоящее время побочная статья.

О **тушинахъ, пшавахъ** и **хевсурахъ** мы говорили выше. Распространяться объ остальныхъ народностяхъ, живущихъ въ небольшомъ количествѣ въ Тифлисской губерніи, мы не считаемъ необходимымъ.

Тифлисъ.

Исторія Тифлиса. Центромъ Карталиніи съ древнѣйшихъ временъ было небольшое селеніе, изобилующее теплыми источниками и называвшееся *Тбилиси* (Тбили—теплый); впослѣдствіи названіе это передѣлано было въ Тифлисъ. Въ 469 г. царь *Вахтангъ Гургасланъ* основалъ самый городъ, причемъ раздѣлилъ его на три части: собственно *Тифлисъ,* возлѣ минеральныхъ источниковъ, *Калу* или крѣпость и *Исани* (нынѣ Авлабаръ), отдѣлявшуюся отъ Тифлиса и Калы рѣкой Курой. Этимъ-же царемъ былъ начатъ и *сіонскій соборъ,* строившійся 64 года. Сіонъ расположенъ былъ въ центрѣ города, по близости царскаго дворца, стоявшаго на томъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи, въ 1638 г., былъ построенъ дворецъ Ростома (нынѣ не существующій). Къ западу отъ центра города возвышалась высокая гора, названная въ IX ст. *Мтацминдою* (святою горою) и прославленная подвигами св. *Давида,* одного изъ сирійскихъ отцовъ, пришедшихъ въ Грузію въ VI-мъ вѣкѣ. Давидъ этотъ, извѣстный подъ именемъ *Гареджійскаго,* жилъ на скатѣ Мтацминды (гдѣ нынѣ церковь св. Давида) и оттуда поучалъ народъ истинамъ

Digitized by Google

христіанскаго ученія. О крѣпости тифлисской, съ цитаделью въ Калѣ, тоже упоминается въ лѣтописяхъ, причемъ видно, что старинная крѣпость, называемая часто *троном шаха,* построена была какимъ-то персидскимъ полководцемъ въ концѣ IV-го вѣка. Персы, обложивъ Грузію данью, передали крѣпость царю. Впослѣдствіи царь *Дача,* окружившій Тифлисъ стѣнами, прибавилъ къ укрѣпленіямъ пристройки для обороны. Въ *Метехской цитадели,* составлявшей пристройку крѣпости, былъ построенъ царскій дворецъ со всѣми службами. Армянскій писатель *Ухтанесъ,* жившій въ VI-мъ вѣкѣ, называетъ Тифлисъ великою и чудесною метрополіей, замѣчательною своими постройками, изъ которыхъ особеннаго вниманія заслуживаетъ сіонскій соборъ. При арабахъ Тифлисъ имѣлъ свою обсерваторію и считался третьимъ городомъ за Кавказомъ. Окруженный двойными стѣнами, онъ былъ расположенъ по отлогостямъ береговъ Куры; плоскія крыши домовъ образовали террасы, шедшія почти въ уровень съ покатостью горы. Горячіе сѣрные источники составляли богатство города, но банями при нихъ пользовались исключительно только одни мусульмане.

Много невзгодъ приходилось вытерпѣть Тифлису; такъ, напр., въ концѣ XIII стол., при царицѣ *Гусудан,* харасанскій султанъ *Джелалъ-эддинъ* пять дней неистовствовалъ надъ несчастнымъ городомъ, и, по словамъ лѣтописца, весь край былъ такъ опустошенъ, что, за исключеніемъ нѣсколькихъ цитаделей, въ немъ не осталось ни одного жилища.

Но ничто не можетъ сравняться съ тѣми ужасами и тѣмъ опустошеніемъ, которымъ подвергся Тифлисъ 78 лѣтъ тому назадъ, въ царствованіе Ираклія II-го, при нашествіи персидскаго *шаха Ага-Магомет-хана* въ 1795 г. Личность этого изверга, страшная картина разоренной столицы и всего края послѣ варварскаго нашествія персіянъ и вообще тогдашнее положеніе Грузіи такъ великолѣпно описаны г. Дубровинымъ, что мы не можемъ утерпѣть, чтобы не привести вполнѣ этого описанія.

Digitized by Google

«Маленькій ростомъ и сухощавый *Ага-Магометъ-ханъ* издали казался мальчикомъ 14 или 15 лѣтъ. Сморщенное и безбородое лицо дѣлало его похожимъ на старую, опустившуюся тѣломъ женщину, а выраженіе чертъ лица, которыя никогда не были пріятны, придавало ему ужасный видъ при неудовольствіи или гнѣвѣ, что случалось весьма часто. Ненависть и кровавая злоба сверкали въ глубоко вдавленныхъ глазахъ его, которые, при внутреннемъ волненіи, какъ будто бы обливались багровымъ мерцаніемъ. Проницающій взглядъ Ага-Магометъ-хана охватывалъ трепетомъ тѣхъ, на кого онъ смотрѣлъ, а презрительная улыбка тонкихъ и постоянно сжатыхъ губъ шаха выражала полное и глубокое презрѣніе ко всему окружающему его. Высокая остроконечная шапка изъ черныхъ смушекъ покрывала его бритую голову, придавая мертвенный видъ желтому, безбородому и морщинистому лицу, свидѣтельствовавшему о томъ противоестественномъ увѣчьѣ, которое, будучи нѣкогда совершено надъ шахомъ-ребенкомъ, сдѣлало изъ него, въ зрѣломъ возрастѣ, ненавистника всего человѣчества. Изуродованный телѣсно, шахъ сталъ извергомъ нравственнымъ. Бренные останки *Надиръ-шаха,* виновника увѣчья Ага-Магомета, сложилъ онъ подъ плиты корридора, ведущаго въ сераль, чтобъ имѣть возможность ежедневно попирать ногами ненавистный ему прахъ; точно также желалъ бы онъ уложить въ одну гробницу весь родъ человѣческій, чтобы цѣлое человѣчество презрительно попирать ногою. Господствующзя страсть въ его поблекшей душѣ была властолюбіе, вторая—скупость, третья—мщеніе. Всѣмъ имъ онъ предавался въ крайней степени, въ особенности послѣдней. Ага-Магометъ-ханъ отличался жестокостью отъ всѣхъ бывшихъ властителей Персіи. Слово пощады, милости и человѣколюбія никогда не выходило изъ устъ властителя-евнуха, давно привыкшаго къ выраженіямъ ненависти, злобы и безчисленныхъ казней. Евнухъ Надира, Ага-Магометъ-ханъ, послѣ его смерти, сдѣлался шахомъ и впослѣдствіи самъ былъ умерщвленъ любимымъ

Digitized by Google

своимъ слугою. Съ самаго малолѣтства Агою-Магометъ-ханомъ овладѣли честолюбіе и мысль о возвышеніи, которую онъ преслѣдовалъ всю свою жизнь съ рѣдкимъ постоянствомъ и неутомимымъ стремленіемъ. Сухой тѣломъ, Ага-Магометъ-ханъ пріучилъ себя къ воздержанію и дѣятельной жизни. Восемнадцать лѣтъ онъ уже велъ войну на пути къ персидскому престолу. Вотъ этотъ-то Ага-Магометъ-ханъ, послѣ завоеванія многихъ ханствъ, десятаго сентября 1795 года и подошелъ къ Тифлису.

«Авангардъ его былъ разбитъ грузинами. Одержанная побѣда не помѣшала, однако, персіянамъ на слѣдующій день двинуться на штурмъ города.—«Я не помню,—проговорилъ во время боя владѣтель Персіи,—чтобы когда либо враги мои сражались съ такимъ мужествомъ». За всѣмъ тѣмъ, непріятель ворвался въ Тифлисъ, оставленный жителями. *Ираклій* чрезъ Авлабарскій мостъ бѣжалъ къ берегамъ Арагвы. Когда царевичъ *Давидъ* увидѣлъ, что толпы непріятелей занимаютъ городъ, когда онъ свѣдалъ, что царь покинулъ свою столицу, то тоже рѣшился отступить къ сѣверу, въ горы. Узкими тропинками проникъ онъ туда и черезъ три дня прибылъ на Арагву въ Мтіулеты, съ намѣреніемъ не покидать своего дѣла, пока персіяне не уберутся во-свояси. Ага-Магометъ-ханъ овладѣлъ Тифлисомъ. Будучи укрѣпленъ и имѣя на своихъ стѣнахъ до 35 орудій, Тифлисъ, конечно, могъ бы быть легко обороненъ отъ непріятеля, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи очень незначительную артиллерію, состоявшую всего изъ двухъ дрянныхъ пушекъ. По крайней мѣрѣ, при тѣхъ средствахъ, которыя имѣли грузины, взятіе Тифлиса могло быть отсрочено на довольно продолжительное время. Но подданные царя Ираклія, не жалѣя ни его, ни имущества, не думали объ оборонѣ, а надѣялись только, какъ писалъ Ираклій, на однѣ руки россійскія. Самъ царь не могъ собрать болѣе 1,500 человѣкъ, съ которыми думалъ защищать городъ, хотя давно были извѣстны ему и всей Грузіи непріязненныя противъ нея предпріятія Ага-Магометъ-хана и было болѣе четырехъ

Digitized by Google

мѣсяцевъ на приготовленія. Въ городѣ сдѣлалось страшное смятеніе. Жители искали спасенія въ бѣгствѣ. Еще предъ самымъ нашествіемъ персіянъ, царица *Дарья* уѣхала въ горы въ Анануру, и за нею все также побѣжало изъ Тифлиса въ горы; нѣкоторые жители достигли даже до Моздока. Никто не заботился о защитѣ города, а, напротивъ того, каждый искалъ спасенія въ бѣгствѣ, стараясь удалиться какъ можно далѣе отъ театра военныхъ дѣйствій.

«*Соломонъ,* царь имеретинскій, также ушелъ въ горы вслѣдъ за своими войсками. Царевичи всѣ разъѣхались, кто куда попало, и старшій сынъ Ираклія и его наслѣдникъ *Георгій* хотя и собралъ войско, но стоялъ безъ соединенія съ родителемъ въ Кахетіи.

«Еще до приближенія Ага-Магометъ-хана, Ираклій убѣдительно просилъ Георгія и другихъ царевичей поспѣшить присылкою ему войска. *Георгій* торопился исполнить просьбу отца. Онъ формировалъ войска въ Сигнахѣ, отправлялъ ихъ изъ города, но грузины, не заботясь о защитѣ отечества, возвращались назадъ окружными дорогами и расходились по домамъ, чтобъ успѣть собрать съ полей хлѣбъ, сдѣлать вино и тѣмъ доставить семействамъ своимъ пропитаніе. Въ окрестностяхъ Тифлиса начались опустошенія. По дорогамъ открылись разбои и грабежи. Бѣжавшіе грузины начали убивать другъ друга, чтобъ захватить чужое имущество. Такъ почти всегда водилось въ тамошнихъ мѣстахъ.

«Извѣстіе о паденіи Тифлиса скоро достигло и до Сигнаха. Городскіе жители стали также оставлять городъ и искать спасенія въ бѣгствѣ; долженъ быть бѣжать и *Георгій,* будущій царь Грузіи. Сундуки его *(яхтаны)* были уже навьючены на лошадяхъ, когда народъ узналъ о желаніи царевича оставить Сигнахъ. Собравшись огромною толпою вокругъ его дома, грузины кричали Георгію, что они его не пустятъ. Они упрекали его въ томъ, что «умѣлъ ихъ быками, баранами и виномъ довольствоваться, а когда пришла опасность, то хочетъ ихъ бросить».—«Такъ нѣтъ-же,—повторяли они въ одинъ голосъ,—теперь мы тебя не выпустимъ, умирай

Digitized by Google

вмѣстѣ съ нами! Когда будутъ рубить наши головы, то пусть срубятъ и твою!» Георгій просилъ сигнахцевъ отпустить его изъ города, но народъ не только не слушалъ его просьбъ, а, напротивъ того, приставилъ къ его дому караулъ. Царевичу оставалось одно средство—подкупить караульныхъ, въ чемъ онъ и успѣлъ, простившись, однакожъ, навсегда съ своимъ имуществомъ. Въ одномъ кафтанѣ онъ бѣжалъ въ Телавъ.

«*Мцхетъ* былъ также выженъ персіянами, которые хотѣли сжечь и знаменитый мцхетскій храмъ, но были остановлены начальникомъ отряда, нахичеванскимъ ханомъ. — «Не слѣдуетъ осквернять святыню и гробъ царей»,—сказалъ онъ своимъ войскамъ. Монастырское имущество было разграблено, и повсюду валялось множество убитыхъ. Монахи всѣ разбѣжались, предоставивъ расхищенію монастырскія богатства. Намѣстникъ и монашествующіе, при побѣгѣ своемъ, спрятали монастырскія сокровища въ потаенномъ мѣстѣ, внутри стѣны, въ которой отверстіе сдѣлано было въ самомъ верху и закладывалось такимъ-же камнемъ, какъ и прочіе. Но, спрятавъ ихъ, по торопливости или по простотѣ, монахи оставили у того самаго мѣста лѣстницу, и это подало поводъ догадаться персіянамъ, что тутъ есть скрытыя сокровища, которыя и были похищены ими безъ остатка.

«Тифлисъ былъ разрушенъ почти до основанія, Авлабарское предмѣстье выжжено, мостъ чрезъ Куру также сожженъ, и во всемъ предмѣстьи только одинъ домъ мелика, князя Бебутова, уцѣлѣлъ отъ пожара.

«Въ теченіи шести дней городъ былъ разоряемъ персіянами. Ага-Магометъ-ханъ вступилъ въ Тифлисъ въ сопровожденіи Джаватъ-хана ганжинскаго, показавшаго ему дворецъ Ираклія. Шахъ осмотмотрѣлъ всѣ внутренніе покои, присвоилъ себѣ всѣ сокровища и украшенія, которыя ему понравились, и затѣмъ отдалъ остальныя богатства на расхищеніе своему войску, которому прежде всего приказалъ ограбить и разрушить христіанскіе храмы. Узнавъ о су-

Digitized by Google

ществованіи въ Тифлисѣ царскихъ бань, Ага-Магометъ-ханъ отправился осмотрѣть ихъ; построенныя изъ твердаго камня и мрамора, онѣ понравились ему своимъ устройствомъ и богатствомъ. Онъ съ охотою и удовольствіемъ нѣжился въ нихъ и искалъ въ теплыхъ струяхъ воды исцѣленія отъ болѣзней, но не нашелъ и приказалъ разрушить бани. Изъ бань онъ отправился въ арсеналъ, забралъ оружіе, а все остальное приказалъ разрушить и уничтожить. Ага-Магометъ-ханъ, боясь располагаться на ночь въ самомъ городѣ, сталъ лагеремъ при мѣстечкѣ *Саганлугъ*. Съ каждымъ разсвѣтомъ дня толпы персидскаго войска, вмѣстѣ съ своимъ повелителемъ, устремлялись въ столицу Грузіи. Тамъ персіяне предавались вполнѣ неистовству. Они отнимали у матерей грудныхъ дѣтей, хватали ихъ за ноги и разрубали пополамъ съ одного раза, для того, чтобы попробовать, хороши ли ихъ сабли; хватали женщинъ и уводили ихъ въ свой лагерь. Дорога за банными воротами была усѣяна дѣтьми моложе трехлѣтняго возраста, которыя, будучи брошены мусульманами, плакали по своимъ матерямъ. Выставивъ на мосту чрезъ Куру икону Богоматери, персіяне заставляли грузинъ издѣваться надъ этимъ образомъ, ослушниковъ-же бросали въ Куру. Рѣка была загромождена трупами. Изъ одной столицы было выведено болѣе 3,000 душъ, изъ другихъ-же мѣстъ уведено: до 10 тысячъ персіянами, до 10 тысячъ союзниками имеретинами и другими сосѣдями, и, наконецъ, столько-же разбѣжалось въ Ахалцихъ и Карсъ отыскивать тамъ безопаснаго убѣжища. Помощь имеретинъ была столько-же гибельна для Грузіи, сколько и самое вторженіе непріятеля. Мало того, что имеретины бѣжали отъ непріятеля, они, кромѣ того, на пути своего бѣгства грабили, разоряли Карталинію и уводили въ плѣнъ тысячи беззащитныхъ семействъ. Въ дымящихся развалинахъ Тифлиса блуждали по ночамъ, какъ тѣни, кахетинцы, приходившіе отыскивать или свое имущество, или средствъ къ пропитанію.

«Пройдя въ Тифлисъ чрезъ Тапитагскія ворота,—говоритъ современ-

Digitized by Google

никъ,—я еще болѣе ужаснулся, увидѣвъ даже женщинъ и дѣтей, посѣченныхъ мечемъ непріятеля, не говоря уже о мужчинахъ, которыхъ въ одной башнѣ нашелъ я, на глазомѣръ, болѣе тысячи труповъ. Бродя по городу до Ганжинскихъ воротъ, я не встрѣтился ни съ однимъ живымъ человѣкомъ, кромѣ нѣкоторыхъ измученныхъ стариковъ, надъ которыми непріятели, допрашивая, гдѣ есть у нихъ богатство или деньги, дѣлали различныя тиранства. Городъ почти былъ выженъ и еще дымился, и воздухъ отъ гніющихъ убитыхъ тѣлъ, по жаркому времени, былъ совершенно несносенъ и даже заразителенъ. Историографъ Ага-Магометъ-хана сознается, что, при разореніи Тифлиса, храброе персидское войско показало невѣрнымъ грузинамъ примѣръ того, чего они должны ожидать себѣ въ день судный. Отряды персіянъ бродили по всей верхней Карталиніи и возвращались, не находя нигдѣ ни людей, ни стадъ, не поживившись добычей. Разоренный народъ, за неимѣніемъ хлѣба, питался орѣхами и травою. Царь *Ираклій*, захвативъ съ собою мощи святыхъ угодниковъ и нѣкоторыя вещи, сначала укрылся въ Мтіулетскую провинцію, а потомъ въ Анануръ.

«Увѣряемъ ваше высокопревосходительство,—писалъ онъ графу Гудовичу,—что пріобрѣтенное какъ нашими предками, такъ равно и нами, имущество, пожалованное отъ всемилостивѣйшей государыни: корона, скипетръ, порфира, знамя, пушки, также дѣтей и вѣрноподданныхъ нашихъ имѣніе, отъ святыхъ церквей драгоцѣнные образа, кресты, ризница и прочая церковная утварь, словомъ сказать—все тифлисское богатство попало въ руки врага».

«По отступленіи шаха, укрывавшіеся за Анануромъ и Душетомъ жители стали выходить въ селенія. Въ *Ананурѣ* собрался огромный кочующій лагерь. Пришельцы проводили дни и ночи подъ открытымъ небомъ, безъ одежды, безъ пропитанія; каждый не досчитывался кого нибудь въ своемъ семействѣ, и со всѣхъ сторонъ вопли и стоны оглашали улицы.

«Въ полуразрушенномъ старинномъ ананурскомъ монастырѣ, въ

Digitized by Google

ветхой кельѣ, бывшей въ углу монастырской ограды, можно было видѣдь человѣка, сидѣвшаго лицомъ къ стѣнѣ и покрытаго простымъ овчиннымъ тулупомъ. Человѣкъ этотъ, нѣкогда гроза всего Закавказья, былъ царь Грузіи *Ираклій II*. Подлѣ него стоялъ старый армянинъ слуга.—«Кто сидитъ въ углу?»—спрашивали проходившіе.—«Тотъ, котораго ты видишь,—отвѣчалъ со вздохомъ армянинъ,—былъ нѣкогда въ большой славѣ, и имя его уважалось во всей Азіи. Онъ былъ лучшій правитель своего народа. Какъ отецъ, онъ старался о благоденствіи его и въ теченіи 40 лѣтъ, до сего времени, умѣлъ сохранить цѣлость своего царства; но старость, лишившая его силъ, положила всему конецъ и преграду. Чтобъ отвратить раздоры и междоусобія въ семействѣ своемъ, могущія послѣдовать послѣ его смерти, онъ думалъ сдѣлать послѣднее добро народу своему и для лучшаго управленія раздѣлилъ царство по частямъ. Несчастный царь Ираклій ошибся въ своихъ надеждахъ. Бывшій евнухомъ Тамасъ-Кули-хана (шахъ Надира) въ то время, когда Ираклій носилъ званіе военачальника Персіи, пришелъ нынѣ побѣдить немощную его старость. Собственныя дѣти отказались помочь ему и спасти отечество, потому что ихъ было много, и всякій изъ нихъ думалъ, что будетъ стараться не для себя, а для другаго. Царь Грузіи принужденъ былъ прибѣгнуть къ царю Имеретіи, но если ты былъ въ Тифлисѣ, то, конечно, видѣлъ весь позоръ, какой представляли тамъ войска его. Ираклій съ горстью людей сражался со ста тысячами и лишился престола отъ того, что былъ оставленъ безъ жалости дѣтьми своими—и кому-же на жертву?—евнуху, человѣку, который прежде раболѣпствовалъ передъ нимъ. Померкла долголѣтняя слава его; столица обращена въ развалины, а благоденствіе народа его—въ погибель! Вотъ подъ этой стѣною видишь ты укрывающагося отъ всѣхъ людей, славнаго царя Грузіи, безъ помощи и покрытаго только овчинною кожей! Царедворцы и всѣ находившіеся при немъ ближніе его природные подданные, которыхъ онъ покоилъ и питалъ

Digitized by Google

на лонѣ своемъ во всемъ изобиліи, оставили его; ни одинъ изъ нихъ не послѣдовалъ за владыкою своимъ, кромѣ меня—самаго послѣдняго армянина».

Нельзя не подивиться слабости несчастной Грузіи, которая была приведена въ это ужасное положеніе тѣми самыми персіянами, которыхъ огромныя полчища бѣгали впослѣдствіи, какъ бараны, при каждой встрѣчѣ съ ничтожной гостью русскихъ.

Въ жалкомъ положеніи нашло Тифлисъ русское правительство послѣ этого разгрома. Изъ 62 тысячъ семействъ, бывшихъ въ Грузіи въ 1783 году, оставалось не болѣе 30 тысячъ; остальное все перебито, уведено въ плѣнъ или бѣжало за предѣлы царства,—и много нужно было энергіи для того, чтобы возродить жизнь Грузіи. Достаточно сказать, что, при назначеніи Ермолова, Тифлисъ представлялъ лишь кучи саклей и два караванъ-сарая, а неподалеку отъ города бродили хищническія партіи.

Несмотря на всѣ предпринимаемыя мѣры, развитіе Тифлиса шло туго до самаго назначенія главнокомандующимъ князя *Воронцова* въ 1844 году. Подъ искусною рукою знаменитаго администратора, имѣвшаго способность вызывать къ жизни все, къ чему бы онъ ни прикасался, городъ началъ быстро расти и обстраиваться. Не прошло и года со времени его прибытія въ Тифлисъ, какъ устроился первый русскій театръ, начала издаваться газета «Кавказъ», потомъ открылось нѣсколько школъ и женское училище св. Нины, учрежденъ самостоятельный кавказскій учебный округъ, утвержденъ уставъ кавказскаго общества сельскаго хозяйства и 6-го марта 1850 года открыта первая выставка естественныхъ произведеній. Въ томъ-же году исходатайствованы высочайшія повелѣнія объ учрежденіи въ Тифлисѣ публичной библіотеки, отдѣла русскаго географическаго общества и тифлисской обсерваторіи и даны первыя со времени существованія картвеловъ представленія на грузинскомъ языкѣ. Въ 1869 г., при *кн. Барятинскомъ*, начато разведеніе большаго публичнаго сада на томъ мѣстѣ, гдѣ въ старину былъ ипподромъ,

Digitized by Google

на которомъ происходили конскія и другія народныя игры. Въ настоящее время садъ этотъ, благодаря постоянному орошенію, прекрасно разросся и служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній города.

Тифлисъ, прежняя столица Грузіи, затѣмъ мѣстопребываніе кавказскаго намѣстника и центръ главнаго управленія всѣмъ кавказскимъ краемъ, лежитъ по обоимъ берегамъ Куры, на высотѣ 1,207 ф. надъ моремъ, въ котловинѣ, окруженной безлѣсными горами, достигающими до 2,500 ф. высоты *). Жителей въ городѣ считается до 75 тыс. д. об. пола, при 9 тыс. домовъ, причемъ число армянъ превышаетъ всѣ другія національности, отдѣльно взятыя.

Городъ раздѣляется на нѣсколько частей, изъ которыхъ по правой сторонѣ Куры находятся: предмѣстье *Вера*, съ ея садами, *Мтацминда*, *Гаребутони*, *Салалаки*, *Харпухи* и *Орточала*; на лѣвой сторонѣ—бывшая колонія Тифлисъ, новыя и старыя *Куки*, *Авлабаръ* и *Навтлугъ*. Черезъ Куру перекинуты три моста, изъ которыхъ самый главный *Воронцовскій*, ведущій отъ городскаго сада въ Куки; при въѣздѣ на мостъ съ лѣвой стороны Куры стоитъ *памятникъ кн. Воронцову*, въ родѣ памятниковъ Кутузову и Барклаю-де-Толли въ Петербургѣ.

Раскидываясь по обѣимъ сторонамъ Куры и лѣпясь по отлогостямъ горъ, Тифлисъ отличается отъ другихъ городовъ какимъ-то оригинальнымъ характеромъ, и трудно вообразить себѣ болѣе оригинальную картину, чѣмъ та, которая открывается отъ церкви *св. Давида*, командующей мѣстностью съ высоты 700 ф. Нѣкоторые дома съ плоскими крышами и террасами, безчисленные балконы и галлереи, куполы церквей въ армяно-византійскомъ стилѣ, перемѣшанные съ мечетями, куполо-образныя крыши банъ, караванъ-сараи—все это, слитое вмѣстѣ, оригинально до необычайности и напоминаетъ собою восточные города.

*) Лѣтомъ въ Тифлисѣ страшная жара и духота, а потому всѣ, кто можетъ, выѣзжаютъ въ Коджоры, Абасъ-Туманъ, Боржомъ и др. мѣста.

Digitized by Google

Городъ состоитъ *изъ двухъ частей:* новой—*европейской* и прежней—*азіатской,* совершенно не похожихъ одна на другую. Теперь изъ Мцхета въ Тифлисъ пріѣзжаютъ по желѣзной дорогѣ, но прежняя почтовая дорога шла черезъ Веру и приводила на лучшую улицу въ городѣ—*Головинскій проспектъ.* Въѣзжая по прежней дорогѣ, влѣво, по другой сторонѣ Куры, видѣнъ садъ *Муштаидъ* и богатая *нѣмецкая колонія,* за которою слѣдуютъ Куки и Авлабаръ; при въѣздѣ нѣсколько ресторановъ съ маленькими двориками и бесѣдками, обвитыми виноградомъ, напоминающими собою такіе-же рестораны въ Италіи. При въѣздѣ-же, поднимаясь на небольшую гору, видѣнъ чугунный, на порфировомъ подножьи, крестъ, поставленный въ память избавленія отъ опасности покойнаго императора Николая I въ 1837 году; на этомъ мѣстѣ государя понесли лошади и опрокинулась коляска на краю обрыва.

Головинскій проспектъ—широкая и лучшая улица въ Тифлисѣ, обсаженная по обѣимъ сторонамъ деревьями и застроенная двухъ и трехъ-этажными домами съ вычурно разукрашенными балкончиками; нижніе этажи заняты, большею частію, открытыми лавками: колбасными, зеленными, погребками и проч. Вечеромъ лѣтомъ, когда все это освѣтится и зажгутся фонари (городъ освѣщается фотогеномъ; впрочемъ, по газетнымъ извѣстіямъ, думою уже утвержденъ проектъ освѣщенія города газомъ и проведенія водопровода), когда жители, днемъ скрывавшіеся отъ жары въ домахъ, высыпятъ на улицу, Головинскій проспектъ имѣетъ совершенно видъ улицы южныхъ городовъ Европы: тотъ-же говоръ и то-же движеніе, не достаетъ только мраморныхъ столиковъ на тротуарахъ съ сидящей около нихъ публикой; да, кромѣ того, толпы гулякъ, со свѣчами въ рукахъ, съ визгливой зурной и глухимъ барабаномъ—напоминаютъ, что вы въ Закавказьѣ, а не въ Европѣ. На Головинскомъ проспектѣ всѣ лучшіе европейскіе магазины Тифлиса.

Вправо, надъ городомъ, видны *церковь св. Давида,* прилѣ-

Digitized by Google

пившаяся на одномъ изъ уступовъ *Мтацминды* (св. горы), развалины старинной крѣпости и за ними ботаническій садъ; на правой сторонѣ проспекта находится великолѣпный *дворецъ* намѣстника, на лѣвой—*городской садъ, Квашветская церковь, публичная библіотека и музей.*

Поднявшись за дворцомъ вверхъ, вправо, вы попадете въ красивую европейскую часть города — *Салалаки;* пройдя черезъ городской садъ внизъ, влѣво, вы подойдете къ *Воронцовскому мосту,* перейдя который у васъ влѣво будутъ *Куки* и за ними *Муштаидъ,* вправо—*Авлабаръ.*

Пройдя Головинскимъ проспектомъ прямо, вы подходите *къ Эриванской площади,* на которой стоитъ караванъ-сарай, съ находящимся внутри его *театромъ.* Далѣе слѣдуетъ азіатская часть города *(Мейданъ* и *Армянскій базаръ),* въ которой находится *сіонскій* соборъ; вправо изъ нея, въ гору, поднимаются къ бани, къ *развалинамъ крѣпости* и въ *ботаническій садъ* (вернуться къ Головинскому проспекту можно чрезъ Салалаки); влѣво отъ Мейдона будетъ старый караванъ-сарай *Арируни* и на отвѣсной скалѣ *Метеха,* по мосту у которой, чрезъ сжатую и шумящую въ узкихъ отвѣсныхъ берегахъ Куру, проходятъ въ Авлабаръ.

Для небывавшаго на востокѣ путешественника особенный интересъ представляетъ азіатская часть города. Зайдите на *Мейданъ* (или, пожалуй, Майданъ въ русскомъ произношеніи), и вы будете невольно поражены пестротою кишащей здѣсь толпы и ея разнообразными занятіями; здѣсь вамъ попадутся жители чуть-чуть не всего азіатскаго востока; въ тѣсныхъ улицахъ, въ которыхъ съ трудомъ разъѣзжаются два экипажа (не говоря уже о переулкахъ), кишатъ и люди и животныя, виднѣются человѣческія головы, морды лошадей, эшаковъ, ословъ, нагруженныхъ дорогимъ здѣсь древеснымъ углемъ, буйволовъ; тянется мѣрною поступью, гремя колокольчиками, или отдыхаетъ, лежа на землѣ, безконечный караванъ

Digitized by Google

нагруженныхъ верблюдовъ. Вотъ татаринъ, въ рыжеватой шапкѣ и буркѣ, съ черною, либо сѣдой бородой; дородный армянинъ, съ наклоненной шеей, въ туземной *чохѣ* и въ московскомъ картузѣ; бравый, ловко перетянутый грузинъ, съ заломленной на бекрень шапкой; лезгинъ, подозрительно выглядывающій изъ подлобья; мулла въ бѣлой чалмѣ; грузинки, покрытыя чадрами; стройные казаки; солдаты; оборванные мальчишки, совершенно въ родѣ мурильевскихъ нищихъ; длиннобородые персіяне, съ крашеными ногтями и бородами, въ аршинной шапкѣ, изъ подъ которой выглядываютъ косички сзади ушей, въ широкомъ кафтанѣ, поверхъ котораго накинута *аба*, а на ногахъ пестрые чулки и туфли, едва прикрывающіе пальцы. Онъ идетъ важно, погрузясь въ какое-то созерцаніе и не обращая вниманія на *тулухчи* (водовоза), медленно подвигающагося впередъ съ своей лошадью, чрезъ которую перекинуты мѣха съ водой. А вотъ и носильщикъ тяжестей — *муша*. Если у него на головѣ колпакъ, на подобіе опрокинутой чашки, то это *кра*, пришлецъ изъ Арменіи, если-же четвероугольный кусокъ сукна, придерживаемый шнуркомъ, завязаннымъ подъ бородою,—то имеретинъ. Ему ни почемъ взвалить на себя огромную ношу, напримѣръ комодъ, набитый всякой всячиной, или каретный кузовъ и пуститься съ такой ношей на далекое разстояніе въ гору. Согнувшись подъ ношею, онъ идетъ ровнымъ шагомъ и, повидимому, не чувствуетъ усталости. Изрѣдка попадется среди азіатскаго сброда круглая шляпа европейца, пробирающагося на извощикѣ, ревущемъ во все горло: *хабарда!* (берегись!). Кое-гдѣ скрипятъ немилосердо арбы и раздирающими ухо звуками поетъ зурна. Какъ и вездѣ на востокѣ, лавки здѣсь служатъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и открытыми мастерскими: мѣдникъ, оружейникъ, портной, хлѣбникъ, сапожникъ—все это работаетъ на глазахъ снующей взадъ и впередъ публики. Шумъ, гамъ, говоръ, крикъ ословъ, мычанье воловъ и жалобный ревъ верблюдовъ—все сливается въ какой-то хаосъ, и вы невольно торопитесь вырваться на свободу,

Digitized by Google

не заглядывая въ лавки и обжорный радъ, гдѣ помѣщается много туземныхъ ресторановъ, въ которыхъ и днемъ и ночью на очагѣ пылаетъ огонь, варится кушанье разнаго рода и на желѣзныхъ прутьяхъ варится *шашлыкъ*. Всѣмъ дѣломъ заправляетъ раскраснѣвшійся засаленный туземецъ; онъ то и дѣло шныряетъ въ концы своей лавки, снимаетъ пѣну съ супа, отбрасываетъ въ цѣдилку рисъ для *плова* и т. д. Подобнымъ-же характеромъ отличается и сосѣдній съ Мейдономъ *Армянскій базаръ*, побывавъ на которомъ, вы наглядно знакомитесь съ обычаями востока, измѣнить которые не въ силахъ никакія полицейскія мѣры. Васъ не должно удивлять, если, идя по базару, вы наткнетесь на выставленную посреди тротуара жаровню, съ которой такъ и бьетъ въ глаза дымъ и смрадъ отъ прогорающаго шашлыка; не оскорбляйтесь, если васъ обступятъ со всѣхъ сторонъ съ криками: ай яблукъ, ай виноградъ, ай персикъ, или: ай баринъ, ай кніазь, здѣсь хорошъ персикъ! дешовъ адамъ! Продолжайте идти своей дорогой, обидѣть васъ никто не обидитъ, а если встрѣтите борьбу мальчишекъ на кулачкахъ—обойдите подальше, и вы благополучно выйдете изъ этого Содома *).

Тифлисъ окруженъ, какъ мы уже сказали, совершенно безлѣсными горами, и долину, въ которой онъ раскинутъ, справедливо называютъ котломъ; зимой, въ ноябрѣ и декабрѣ, здѣсь бываетъ нѣсколько градусовъ мороза, а съ половины мая въ раскаленной котловинѣ наступаетъ такая жара, что всѣ, имѣющіе возможность оставить городъ, выѣзжаютъ — кто въ Коджоры, кто на Бѣлый ключъ, кто въ Боржомъ и т. д. Туземцы-же на день прячутся въ то время въ своихъ домахъ. Хотя количество выпадающей здѣсь влаги и доходитъ до 18,7 дюйма, т. е. болѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, но вся вода мгновенно скатывается съ безплодныхъ

*) Это совершенно вѣрное описаніе Мейдона взято нами, съ небольшимъ добавленіемъ, изъ статьи г. Писченкова: *Путешествіе государя императора*. «Иллюстрація», 1871 г.

Digitized by Google

горъ, и климатъ, вслѣдствіе того, отличается своей сухостью. Таковъ общій видъ Тифлиса; перейдемъ теперь къ частностямъ.

Гостиницы. Ихъ нѣсколько: *Лондонъ,* Grand Hôtel (обѣ близъ Воронцовскаго моста), *Кавказъ, Европа* (у Караванъ-Сарая), *Россія* (Головинскій проспектъ), *Ливадія* (меблированныя комнаты—тамъ-же).

Обѣды: *Семейный ресторанъ* (Головинскій проспектъ) и др.

Вокзалъ желѣзной дороги—недалеко отъ Муштаида.

Извощичьи экипажи двухъ родовъ: фаэтоны и пролетки. Для первыхъ такса: въ часъ—60 коп., въ одинъ конецъ—30 коп.; для вторыхъ въ часъ—50 коп., въ одинъ конецъ—20 коп.; но если желаютъ ѣхать въ Муштаидъ или въ ботаническій садъ и, вообще, нанимаютъ съ подожданьемъ, то надобно сторговаться.

Желѣзно-конная дорога—отъ начала Головинскаго проспекта до вокзала желѣзной дороги, мимо караванъ-сарая и Муштаида. Мѣста 5 и 3 к., смотря по станціямъ.

Бани составляютъ одну изъ главныхъ замѣчательностей Тифлиса и славятся на всемъ Кавказѣ; всѣ онѣ съ горячими сѣрными источниками, въ которыхъ температура доходитъ до 32° Реомюра. Не будь ихъ, по всей вѣроятности, и самый Тифлисъ не былъ бы основанъ царемъ Вахтангомъ. Бань въ Тифлисѣ нѣсколько: *Бебутова, Мейтара, крѣпостная* и др.; всѣ онѣ составляютъ городскую собственность и сдаются съ публичныхъ торговъ. Входъ въ *общія бани: абазъ* (20 к.) и гривенникъ; *народныя*—5 к.; *номера* съ горячей и холодной водой 1 рубль, съ одной горячей 60 к. Всякій пріѣзжающій въ Тифлисъ считаетъ своею непремѣнною обязанностью отправиться съ первымъ визитомъ въ баню,—оно и справедливо: мало что можетъ сравняться съ оживляющимъ дѣйствіемъ тифлисскихъ сѣрныхъ горячихъ бань,—изъ нихъ выходишь совершенно обновленнымъ человѣкомъ. Совѣтуемъ взять номеръ съ горячей и холодной ванной въ 1 рубль сер. Тифлисскія бани, какъ вездѣ на востокѣ, освѣ-

Digitized by Google

щаются черезъ сводъ, сверху; въ номерѣ устроены два каменныхъ водоема, въ которые постоянно бѣгутъ ключи воды, въ одинъ горячій, въ другой холодный. Первое, что надобно, это влѣзть въ горячую ванну; входя въ воду постепенно, это сдѣлать вовсе не трудно; когда-же вы посидите нѣкоторое время въ горячей водѣ, то вамъ будетъ жаль съ ней разстаться; при этомъ тѣло распаривается и покрывается будто мыломъ. Потомъ слѣдуетъ отдаться въ руки *терщику* (баньщику — большею частью персіянину), который, уложивъ васъ на скамейку, начинаетъ вамъ расправлять члены и натирать рукавицей и мыломъ изъ надутаго воздухомъ мѣшка; дальше мытье производится по обыкновенному способу. Повторяемъ, что по выходѣ изъ этой бани, особенно послѣ дороги, чувствуешь себя совершенно обновленнымъ.

Почта находится позади музея.

Телеграфъ—внизу, у городскаго сада.

Фотографіи: *Надежина* (бывшая Гекскли), *Ермакова, Филиповича, дѣвицъ Бреннеръ* и др.

Книжные магазины—на Головинскомъ проспектѣ.

Контора агентства русскаго общества пароходства и торговли—на старомъ базарѣ, недалеко отъ сіонскаго собора.

Полицейское управленіе, съ которымъ приходится имѣть дѣло для взятія свидѣтельства на выѣздъ, если вы выѣзжаете по подорожной,—на Эриванской площади.

Казначейство, гдѣ берется подорожная,—у городскаго сада.

Теперь вернемся къ началу Головинскаго проспекта и начнемъ осматривать по порядку примѣчательности Тифлиса. Выше мы сказали, что вправо надъ городомъ видна прилѣпившаяся къ одному изъ голыхъ уступовъ Мтацминды (св. горы) церковь св. Давида,—съ нея и начнемъ.

Церковь св. Давида, составляющая для грузинъ религіозную святыню, составляетъ для насъ, русскихъ, святыню народную, какъ мѣсто, гдѣ погребенъ нашъ безсмертный творецъ «Горе отъ

Digitized by Google

ума»—*Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ,* убитый при возмущеніи въ Тегеранѣ въ 1829 году. По преданію, о церкви св. Давида извѣстно слѣдующее. *Св. Давидъ,* какъ мы уже говорили выше, былъ однимъ изъ тридцати сирійскихъ отцовъ, пришедшихъ въ Грузію въ VI-мъ вѣкѣ; мѣстомъ его христіанскихъ подвиговъ была покрытая въ то время дремучимъ лѣсомъ *Мтацминда;* на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ спасался, и выстроенъ настоящій храмъ. Въ то время, говоритъ преданіе, дочь одного знатнаго человѣка, жившаго неподалеку отъ горы, сдѣлалась беременною и, по наущенію виновника своего проступка, оклеветала отшельника. *Св. Давида* потребовали къ суду, и онъ всенародно обличилъ клеветницу. Дотронувшись до ея чрева посохомъ, святой спросилъ: онъ ли отецъ зачатаго ребенка? Изъ утробы матери послышался голосъ, назвавшій имя обольстителя дѣвушки. Внезапно она почувствовала тяжкія боли и, по молитвѣ праведника, родила камень, который и послужилъ основаніемъ *Квашветской церкви* (ква—камень, шва—родила). Въ награду за взведенную на него клевету, угодникъ испросилъ у Бога источникъ живой воды, которая имѣла бы силу оплодотворять безплодныхъ. На заднемъ углу, гдѣ гора возвышается отвѣсной скалой, выходитъ изъ нея источникъ чистой ключевой воды. Грузинки съ особеннымъ благоговѣніемъ относятся къ этому мѣсту и, сверхъ четверга, еженедѣльно посвящаемаго св. Давиду,—онѣ въ семикъ, то-есть въ четвергъ на седьмой недѣлѣ послѣ пасхи, и на вознесенье спѣшатъ отовсюду толпами къ храму. Каждая изъ богомолокъ старается принести съ собою кирпичъ или камень, назначаемый для поправки церкви,—такихъ камней наложена наверху цѣлая куча; говорятъ, что и вся церковь выстроена изъ такихъ приношеній. Приложившись къ иконѣ Богоматери, грузинки обходятъ три раза церковь, обвивая ее, въ знакъ безграничной любви и преданности, кругомъ бумажной ниткой. Взявъ одинъ изъ небольшихъ камушковъ, разсыпанныхъ по землѣ, грузинка, съ сильно

Digitized by Google

бьющимся сердцемъ, прикладываетъ его къ стѣнѣ храма, и если камушекъ пристанетъ (что объясняется безвоздушнымъ пространствомъ, образующимся между стѣною и гладко отшлифованнымъ отъ тренія камнемъ), то, значитъ, молитва услышана и сулитъ дѣвушкѣ—жениха, а матери—ребенка. Старый обычай этотъ объясняется тѣмъ незаслуженнымъ презрѣніемъ, которымъ надѣляютъ на востокѣ безплодную женщину, и не удивительно, что грузинки такъ пламенно желаютъ имѣть дѣтей и употребляютъ для того всѣ средства, какія только создало народное суевѣріе. Архитектура церки св. Давида не представляетъ ничего особеннаго; источникъ живой воды еле-еле сочится, и вода падаетъ изъ него по каплямъ. По одной изъ узкихъ улицъ, ведущихъ въ гору отъ Головинскаго проспекта, можно доѣхать въ экипажѣ до *Давидовской площади,* а оттуда надобно подниматься пѣшкомъ; ходьбы минутъ двадцать; дорога идетъ зигзагами; съ послѣдней площадки каменная лѣстница, ведущая къ церкви, раздѣляется на двое и огибаетъ сводъ, гдѣ за рѣшеткою видны *три памятника:* первый, направо, поставленъ надъ могилою *Грибоѣдова* и состоитъ изъ чернаго мраморнаго камня, въ которомъ вдруженъ бронзовый крестъ съ распятіемъ; у подножія креста, охвативъ его руками, плачетъ женщина; тутъ-же лежатъ двѣ книги, одна на другой,—на корешкѣ верхней надпись: «Горе отъ ума»; сверху ихъ лира, переплетенная лаврами; на передней сторонѣ барельефъ съ портретомъ покойнаго и надпись: «Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ род. въ 1795 г., генваря 4 дня, убитъ въ Тегеранѣ въ 1829 г., генваря 30-го дня»; на лѣвой сторонѣ надпись: «умъ и дѣла твои безсмертны въ памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!» Слѣва памятникъ (такой-же формы) *супруги покойнаго, Нины Александровны Грибоѣдовой,* родившейся въ 1812 году, 4-го ноября, скончавшейся 24-го ноября 1857 года. Третій памятникъ малолѣтней Нины Николаи—бѣлый мраморный крестъ сверхъ чернаго камня.

Digitized by Google

Здѣсь будетъ совершенно умѣстно разсказать вкратцѣ подробности трагической смерти геніальнаго писателя, напечатанныя въ «Русской Старинѣ» (августъ 1872 г.) г. Берже, по новымъ и бывшимъ неизвѣстными до этого времени документамъ.

По заключеніи съ Персіей Туркменчайскаго мира, *Грибоѣдовъ*, 25 апрѣля 1828 г., былъ назначенъ полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ; онъ былъ роднымъ племянникомъ, по матери, графу Паскевичу, только что побѣдоносно окончившему персидскую войну. Въ іюнѣ того-же года, Грибоѣдовъ оставилъ Петербургъ; на пути чрезъ Тифлисъ онъ женился на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе, а 30 января слѣдующаго 1829 года сдѣлался жертвой неожиданной катастрофы, разразившейся надъ нашимъ посольствомъ въ Тегеранѣ: оно почти въ цѣломъ составѣ было умерщвлено разъяренною толпою персидской столицы. Персіяне смерть Грибоѣдова объясняютъ тремя главными причинами: первая—что онъ, увлекшись успѣхами русскаго оружія, былъ дерзокъ въ переговорахъ, держалъ себя непомѣрно гордо и даже неблагопристойно обращался съ шахомъ; вторая—что онъ принялъ подъ свое покровительство шахскаго евнуха *Якуба* (изъ плѣнныхъ эриванскихъ армянъ), отдавшагося (на основаніи Туркменчайскаго трактата, по которому всѣ плѣнные должны были быть возвращены) подъ покровительство русскаго посольства и пожелавшаго возвратиться на родину; и третья—что Грибоѣдовъ, основываясь на показаніяхъ Якуба, требовалъ возвращенія грузинскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ, хотя нѣкоторыя изъ послѣднихъ приняли уже мусульманство, состояли въ замужествѣ, имѣли дѣтей и совершенно не желали возвращенія; между прочимъ, онъ задержалъ и укрылъ у себя въ домѣ двухъ перешедшихъ въ мусульманство грузинокъ изъ гарема *Аллахъ-яр-хана*, одного изъ первостепенныхъ хановъ, состоявшаго въ родствѣ съ самимъ шахомъ. Послѣднія два обвиненія справедливы, а первое нѣтъ: оно вполнѣ опровергается какъ личными качествами Грибоѣдова, такъ и его близкимъ знакомствомъ

Digitized by Google

съ Персіей и ея дворомъ. Безспорно, Грибоѣдовъ сдѣлалъ ошибки, но что-же заставило его ихъ сдѣлать? На пути въ Персію, остановясь въ Тифлисѣ, онъ принялъ къ себѣ на службу нѣсколько туземцевъ изъ армянъ и грузинъ; это были люди неблагонадежные, чуждые всякаго образованія и, вдобавокъ, весьма сомнительной нравственности; особенно изъ нихъ выдѣлялись личности *Дадаш-бека* и *Рустем-бека*. Глубокій знатокъ человѣческаго сердца, Грибоѣдовъ не зналъ тифлисской общественной не аристократической среды; при томъ-же на него могла повліять рекомендація новой родни, которую онъ пріобрѣлъ чрезъ свою недавнюю женитьбу. Итакъ, чего-же можно было ожидать отъ соприкосновенія упомянутыхъ личностей съ персіянами, тотчасъ по окончаніи несчастной для послѣднихъ войны? Еще во время слѣдованія миссіи, сельскіе жители, обязанные нести всѣ расходы по ея переѣзду и продовольствію, нерѣдко подвергались со стороны Рустем-бека и его товарищей всевозможнымъ поборамъ и притѣсненіямъ, и одинъ разъ, по случаю попытки освободить изъ неволи увезенную изъ Эривани нѣмку, жену какого то *сеида* *), дѣло едва не получило трагическаго исхода. Съ прибытіемъ-же въ Тегеранъ (гдѣ посланникъ нашъ былъ принятъ съ такими почестями, которыхъ никогда въ Персіи не оказывали ни одному европейцу), вышеупомянутыя личности стали еще болѣе буйствовать; нерѣдко они, съ обнаженнымъ оружіемъ и въ пьяномъ видѣ, ходили съ криками по улицамъ и предавались открытому разврату. Терпѣніе персіянъ истощилось, когда эти люди успѣли склонить Грибоѣдова дѣйствовать по ихъ видамъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ родственницъ и друзей, плѣненныхъ еще при нашествіи Ага-Магометъ-хана въ 1795 г.

Грибоѣдовъ, съ своей стороны, руководствовался точнымъ смысломъ Туркменчайскаго трактата и не подозрѣвалъ опасности. При-

*) Сеидъ—потомекъ Магомета.

Digitized by Google

нятіе подъ покровительство нашего посольства евнуха *Якуба* вооружило противъ посланника всю придворную партію и самого шаха. Да и могло ли быть иначе? Якубъ занималъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, должность казначея и главнаго евнуха въ шахскомъ гаремѣ, зналъ всѣ его тайны и семейную жизнь шаха, и съ измѣною его все, чѣмъ дорожитъ правовѣрный, должно было получить огласку, что и случилось дѣйствительно. Шахъ разгнѣвался; весь дворъ возсталъ, какъ будто бы случилось величайшее народное бѣдствіе. Двадцать разъ въ день приходили посланные отъ шаха съ самыми нелѣпыми представленіями: представляли, что Якубъ обворовалъ казну шаха и состоитъ ей должнымъ около 200 т. руб. сер. (пятьдесятъ тыс. тумановъ); говорили, что *хаджа* (евнухъ) то-же, что жена шахская, что, слѣдовательно, посланникъ отнялъ у шаха жену изъ его *эндеруна*. Когда-же Грибоѣдовъ укрылъ у себя двухъ женщинъ изъ гарема *Аллах-яр-хана*, народная вражда достигла крайняго ожесточенія. Въ духовенствѣ заговорило чувство религіозной ревности, и оно положило возстать противъ нашего министра; духовные говорили, что основы ислама поколеблены, коль скоро результатъ трактата состоитъ въ томъ, чтобы плѣненныя въ Грузіи женщины были отбираемы силою у мусульманъ. Собравшись въ тегеранской соборной мечети, духовенство приняло рѣшеніе идти противъ Грибоѣдова; къ духовенству присоединилось сборище недовольныхъ, достигшее до 100 тыс. человѣкъ, и все это хлынуло къ дому нашего посольства. Результатъ былъ тотъ, что почти все наше посольство было истреблено; спасся только секретарь Мальцевъ. Якубъ былъ убитъ, задержанныя женщины возвращены; всего убито съ нашей стороны 37 человѣкъ, съ противной 19. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство персидское не принимало никакого участія въ этомъ несчастномъ событіи,—что и было причиною мирнаго исхода этого дѣла. Напротивъ того, шахъ, боясь за себя, окружился войскомъ и заперся въ своемъ гаремѣ. Тѣло Грибоѣдова было изрублено и

Digitized by Google

изуродовано до неузнаваемости. Желаніе покойнаго, не разъ высказанное имъ женѣ, чтобы, въ случаѣ смерти, останки его были вывезены изъ Персіи и преданы землѣ въ церкви св. Давида, «этой поэтической — по собственному его выраженію — принадлежности Тифлиса», было исполнено. Пушкинъ, по дорогѣ въ Арзерумъ, встрѣтилъ близъ Гергеръ арбу, запряженную двумя волами; они медленно поднимались по крутой дорогѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ грузинъ.—«Откуда вы?»—спросилъ ихъ Пушкинъ. — «Изъ Тегерана». — «Что везете?» — «Грибоѣда». Это были смертные останки безсмертнаго автора «Горе отъ ума». Далѣе тѣло было провожаемо съ церемоніей до Тифлиса. *Нина Александровна*, во время смерти ея супруга, была въ Таврисѣ,— она была беременна первымъ ребенкомъ, и отъ нея долго скрывали печальную истину; получивъ, наконецъ, злополучное извѣстіе, она преждевременно разрѣшилась младенцемъ, жившимъ только нѣсколько часовъ. Грибоѣдовъ не оставилъ послѣ себя никакого состоянія,—все его движимое имущество (около 60 т. р.) было разграблено въ Тегеранѣ. Мать его, употребившая большую часть имущества на воспитаніе единственнаго сына, лишалась въ немъ, кромѣ всего, человѣка, поддерживавшаго ее своимъ жалованьемъ. Покойный государь Николай Павловичъ назначилъ обѣимъ оставшимся женщинамъ щедрое награжденіе: какъ вдова, такъ и мать Грибоѣдова получили по 30 т. р. асс. единовременно, и, кромѣ того, каждой изъ нихъ была назначена ежегодная пенсія по 5 т. р. ассигнаціями-же. Въ 1849 году, пенсія Нины Александровны, по ходатайству кн. Воронцова, была увеличена до 2 тыс. руб. сер. *Нина Александровна,* вѣрная первой любви и драгоцѣнной памяти своего перваго супруга, осталась вдовой до самой смерти. Въ 1857 году, она скончалась отъ холеры и погребена вмѣстѣ съ Александромъ Сергѣевичемъ. Трупы остальныхъ погибшихъ членовъ посольства оставались зарытыми за городской чертой Тегерана до 1836 года. Въ этомъ году они были выкопаны и перенесены въ

Digitized by Google

заранѣе приготовленный склепъ въ городѣ. Персіяне, допустивъ перенесеніе христіанскихъ тѣлъ въ городъ, побѣдили предразсудокъ, котораго до того времени упорно держались.

Прибавимъ еще слѣдующее. Александръ Александровичъ *Бестужевъ (Марлинскій)* былъ въ Тифлисѣ при полученіи тамъ извѣстія о смерти Пушкина, и вотъ что онъ писалъ по этому случаю брату своему Николаю, находившемуся тогда еще въ Сибири: «Въ монастырѣ св. Давида, на могилѣ Грибоѣдова, слушалъ я панихиду, которую просилъ отслужить въ память Пушкина. Когда священникъ возгласилъ: за упокой боляpина Александра и боляpина Александра,—я заплакалъ, зарыдалъ, мнѣ казалось, мнѣ чувствовалось, что отецъ духовный поминаетъ уже и меня». Вскорѣ онъ, дѣйствительно, былъ убитъ, при высадкѣ нашихъ войскъ на мысъ *Адлеръ*. Бестужевъ былъ въ то время уже адъютантомъ всѣми уважаемаго начальника штаба *Вальховскаго*. На его настоятельную просьбу идти въ битву, Вальховскій сначала отвѣчалъ: «къ чему вамъ идти, у васъ и безъ того довольно славы»,—но, наконецъ, долженъ былъ согласиться. Взявъ двухъ конвойныхъ, Бестужевъ пошелъ въ цѣпь, чтобы дать сигналъ къ отступленію; одинъ флангъ, за пальбой и разстояніемъ, не слышалъ сигнала, и онъ пошелъ туда; въ это время горцы бросились въ шашки. Бестужевъ упалъ, прострѣленный двумя пулями; одинъ изъ его конвойныхъ былъ зарубленъ, другой спасся. Тѣло убитаго не было отыскано. И такъ, три поэта, три Александра, каждый 37 лѣтъ, — всѣ погибли въ короткое время одинъ послѣ другаго, и всѣ трое насильственною смертью. Вслѣдъ за ними не заставилъ ждать себя и Лермонтовъ.

Дворецъ намѣстника—великолѣпное зданіе—находится по правой сторонѣ Головинскаго проспекта.

Городской садъ, разведенный въ 1869 году, при кн. Барятинскомъ, на мѣстѣ, гдѣ въ старину былъ ипподромъ, находится противъ дворца. Садъ этотъ постоянно орошается водою, проведенною изъ-за города; проведеніе воды стоило около 30 т. руб., и

Digitized by Google

деньги эти потрачены не даромъ: садъ уже и въ настоящее время служитъ однимъ изъ лучшихъ украшеній города. Даже не вѣрится, что онъ разведенъ еще такъ недавно. Здѣсь во-очію можно видѣть, какія чудеса дѣлаетъ орошеніе въ жаркомъ климатѣ. Садъ раздѣляется на верхній и нижній. Въ верхней половинѣ прекрасный фонтанъ, около котораго на просторной площадкѣ можно видѣть всю лучшую публику Тифлиса. Въ полдень у воротъ стрѣляютъ изъ пушки для всеобщей повѣрки часовъ. Къ саду-же примыкаетъ и *Квашветская церковь* — одна изъ древнѣйшихъ церквей въ Грузіи, о которой мы говорили выше.

Далѣе, по лѣвой-же сторонѣ Головинскаго проспекта, слѣдуютъ:

Публичная библіотека и кавказскій музей, открытый 1-го января 1867 г. Несмотря на такое короткое время своего существованія, музей заключаетъ въ себѣ уже очень интересную коллекцію, благодаря какъ вниманію властей, такъ и пожертвованіямъ частныхъ лицъ. Первое, что представляется посѣтителю, это— огромная, около 15 аршинъ вышины, *клѣтка съ хищными птицами,* находящаяся на дворѣ музея; пріятно видѣть это высокое помѣщеніе для вольныхъ жителей горныхъ высотъ. Мы не будемъ подробно описывать музей, потому что при входѣ можно купить краткій по нему путеводитель, составленный г. Радде; сдѣлаемъ только общій обзоръ и упомянемъ объ интереснѣйшемъ. Въ передней комнатѣ находятся два большихъ грузинскихъ сосуда для вина, называемые *кеври. Залы 1-й* и *2-й* составляютъ отдѣлъ современной кавказской *этнографіи;* они заключаютъ въ себѣ восемь шкафовъ, въ которыхъ размѣщены одежды, оружіе, музыкальные инструменты, предметы роскоши и домашняго употребленія и проч. *Залы 3-й* и *4-й* (тоже 8 шкафовъ) составляютъ отдѣлъ *антропологіи, древностей и нумизматики;* тутъ слѣдуетъ замѣтить знаменитый *камень императора Веспасіана* съ надписью о постройкѣ крѣпости Митридатомъ, царемъ иверійцевъ. Въ шкафахъ размѣщены скелеты и черепа древнихъ

Digitized by Google

и живущихъ нынѣ на Кавказѣ народовъ, древнія монеты и проч. *Залъ 5-й* (9 шкафовъ) заключаетъ въ себѣ отдѣлъ *зоологическій;* въ немъ интересны группы различныхъ животныхъ, водящихся на Кавказѣ. Особенно замѣчательны: *зубръ* (убитый близъ источниковъ Зеленчука и называемый абхазцами *адомбе;* онъ водится только въ Бѣловежской пущѣ и на Кавказѣ), дикіе бараны, туры, бородачи или бецоарскіе козлы съ Арарата, черные козлы изъ Боржома, бѣлуга вѣсомъ въ 34 пуда, олени, тигры, медвѣди и др. животныя. Въ шкафахъ размѣщены: птицы, малыя млекопитающія, пресмыкающіяся, прѣсноводныя, морскія раковины и проч. Всѣ чучелы сдѣланы хорошо. Въ этомъ-же залѣ находятся двѣ картины *Айвазовскаго:* видъ Петербурга съ Троицкаго моста и видъ Гуниба. *Залы 6-й и 7-й* заняты *ботаническимъ и геологическимъ отдѣлами. Музей открытъ* для публики *по вторникамъ, пятницамъ* и *воскресеньямъ, отъ 10 час. утра до 3 час. по-полудни.*

Пройдя Головинскій проспектъ, приходятъ на Эриванскую площадь, на которой находится **караванъ-сарай** съ театромъ, помѣщающимся внутри его.

Театръ. Прежній, прекрасный театръ сгорѣлъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; теперь выстроенъ новый.

Лѣтній театръ—ниже сада. Сбоку находится *музей общества сельскаго хозяйства.*

Ботаническій садъ, лежащій на горѣ близъ развалинъ старинной крѣпости, содержитъ богатую коллекцію растеній и деревьевъ; только жаль, что онъ скуденъ водою для орошенія. При кн. Барятинскомъ воды было больше; слѣдовательно, и садъ былъ лучше. Имѣли неосторожность вырубить кусты близъ родниковъ, изъ которыхъ проведена вода, и количество ея уменьшилось. По близости отсюда, между прочими развалинами старинной крѣпости, на самомъ гребнѣ скалы уцѣлѣла небольшая круглая башня съ нѣсколькими комнатами внутри; это, говорятъ, *остатки дворца*

Digitized by Google

грузинскихъ царей; отсюда, также какъ изъ церкви св. Давида, прекрасный видъ на Тифлисъ.

Арцруни—караванъ-сарай, прекрасно отдѣланный; замѣчательны своды главной галлереи и залъ при входѣ, отдѣланный въ арабскомъ вкусѣ.

Перейдя черезъ Куру близъ *Метехи* или пройда сквозь Арцруни черезъ Авлабаръ (гдѣ нѣкоторые дома стоятъ наверху совершенно отвѣсныхъ скалъ); чрезъ Куки и нѣмецкую *слободу,* выше которой лежитъ *молоканская слобода,* а на горѣ виднѣются красивыя зданія *военныхъ госпиталей,* достигаютъ *Муштаида.* По дорогѣ попадаются *больница, городская богадѣльня,* красиво выстроенная въ готическомъ стилѣ, и большой *плацъ съ казармами учебной роты.*

Муштаидъ—прекрасный загородный садъ, въ которомъ большая часть деревьевъ фруктовыя; нѣкоторыя аллеи покрыты виноградными лозами и представляютъ прекрасную защиту отъ солнца въ лѣтнее время; не фруктовыя деревья состоятъ изъ платановъ, тополей, бѣлыхъ акацій и проч. Нѣкоторыя деревья замѣчательной величины: есть черешни около 7 четвертей въ окружности. Садъ служитъ для прогулокъ и катанья верхомъ. Онъ расположенъ на самомъ берегу Куры, съ котораго красивый видъ на рѣку и на дальнія кавказскія горы. Въ Муштаидѣ-же находится и такъ-называемый *зоологическій садъ,* все населеніе котораго состоитъ изъ одного интереснаго жильца—живаго тура.

Возвратиться въ Тифлисъ можно чрезъ *молоканскую слободу.* Интересна совершенно русская постройка и обстановка этой слободы, хотя дома въ ней и каменные. Садовъ въ ней совсѣмъ нѣтъ—отъ недостатка-ли воды, потому что слобода расположена вдали отъ рѣки, или отъ того, что молокане, предавшись исключительно земледѣлію и, главное, извозу, не занимаются садоводствомъ.

Воронцовскій мостъ черезъ Куру и *памятникъ Воронцову*

Digitized by Google

составляютъ тоже одну изъ замѣчательностей Тифлиса. Видъ съ моста на рѣку, на крутыхъ берегахъ которой стоятъ дома, съ висячими высоко надъ водою балконами, очень оригиналенъ.

Сіонскій соборъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ постройкамъ Тифлиса и существуетъ съ самаго основанія города царемъ Вахтангомъ. Соборъ и церковный дворъ вплоть застроены тѣснящимися около нихъ зданіями армянскаго базара. Кирпичная выбѣленная *колокольня,* построенная кн. Циціановымъ на деньги, пожалованныя покойнымъ императоромъ Александромъ I-мъ нижнимъ чинамъ за штурмъ Ганжи и пожертвованныя ими, находится черезъ улицу; новая ея архитектура не гармонируетъ съ величественнымъ соборомъ, построеннымъ въ византійскомъ стилѣ, какъ и мцхетскій: тѣ-же узкія окна, прекрасная отдѣлка и дурной рисунокъ фигуръ въ украшеніяхъ.

Внутренность собора реставрирована и прекрасно росписана въ недавнее время *кн. Гагаринымъ.* На лѣвой сторонѣ царскихъ дверей, за образомъ, скрытъ *крестъ св. Нины.* Исторію ея и креста мы разсказали, говоря о мцхетскомъ соборѣ. Чтобы его видѣть, надобно обратиться къ ключарю собора. Въ южной сторонѣ, близъ алтаря, находится скромный *памятникъ надъ тѣломъ кн. Циціанова.* Поклонитесь, читатель, праху этого знаменитаго человѣка! Мы-же, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ разсказать здѣсь вкратцѣ его біографію и его славныя дѣла.

Павелъ Дмитріевичъ Циціановъ былъ, по происхожденію, грузинъ. Онъ принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ фамилій и находился въ родствѣ съ супругою послѣдняго царя Георгія. Циціановъ родился въ Москвѣ и съ ранней молодости поступилъ въ военную службу; его храбрость получила такую извѣстность, что Суворовъ, въ одномъ изъ своихъ приказовъ, увѣщевалъ войска «сражаться рѣшительно, какъ храбрый генералъ Циціановъ». Онъ былъ истинно русскимъ и по чувствамъ и по

Digitized by Google

понятіямъ; интересы Россіи и ея величіе были для него всегда на первомъ планѣ. Циціановъ взялся за управленіе Грузіей въ твердомъ убѣжденіи, что не могло быть болѣе лучшаго исхода для этой страны, какъ нераздѣльное соединеніе ея интересовъ съ интересами Россіи; и, несмотря на то, что вся жизнь его протекла вдали отъ мѣстности, которой онъ принадлежалъ по происхожденію, Циціановъ зналъ въ совершенствѣ характеръ ея жителей и особенности ихъ быта. Чтобъ успокоить край, необходимо было какъ можно скорѣе оградить его отъ происковъ и интригъ родственниковъ покойныхъ царей Ираклія и Георгія. При описаніи мцхетскаго собора, разсказывая исторію царицы Маріи, мы видѣли, какъ Циціановъ взялся и исполнилъ это дѣло.

Далѣе ему предстояла борьба съ хищными горцами, опустошавшими своими набѣгами Грузію, и съ сосѣдними владѣніями, куда укрылись нѣкоторые изъ царевичей и своими кознями угрожали оттуда спокойствію края. Противъ хищныхъ *джаро-бѣлоканскихъ* лезгинъ, опустошавшихъ Кахетію, онъ отправилъ своего храбраго сподвижника, генер.-маіора *Гулякова,* который разбилъ ихъ, обложилъ данью и привелъ въ подданство Россіи. Съ сосѣдними ханами Циціановъ держался совершенно другой методы, чѣмъ та, которой держались до него. Правительство наше думало обезпечить свои сношенія съ ними посредствомъ договоровъ и жалованья, — Циціановъ дѣйствовалъ совсѣмъ напротивъ: онъ самъ требовалъ отъ хановъ дани. «Страхъ и корысть—писалъ онъ—суть двѣ первенствующія пружины, которыми руководятся въ Азіи всѣ дѣла и приключенія... У здѣшнихъ народовъ единственная политика—сила, лучшая добродѣтель владѣльца—храбрость и способы — деньги для найма войскъ. Я дерзнулъ принять правило, противное прежде бывшей здѣсь системѣ, и, вмѣсто того, чтобы жалованьемъ и подарками, опредѣленными для умягченія горскихъ народовъ, платить нѣкоторый родъ дани, — я самъ требую отъ нихъ оной». — «Вражда есть пища и упражненіе здѣшнихъ владѣте-

Digitized by Google

лей,—донесилъ онъ императору Александру.—Видя силу россійскаго оружія, въ Кавказѣ водвореннаго, они прибѣгаютъ къ намъ, прося другъ противъ друга помощи, и, такимъ образомъ, сами ходатайствуютъ о своей собственной погибели. Не смѣя одобрить предъ человѣколюбивымъ сердцемъ вашего величества сію систему завоеванія, долженъ сказать, что она необходима въ настоящихъ обстоятельствахъ». Держа свято данныя обѣщанія, Циціановъ требовалъ того-же и отъ своихъ противниковъ, не понимавшихъ этого и склонявшихся только предъ однимъ аргументомъ: силою холоднаго и огнестрѣльнаго оружія. Только оно было въ состояніи, по выраженію Циціанова, «сократить персидскую политику», политику лжи, коварства и измѣны. Каждый изъ владѣльцевъ готовъ былъ повторить отвѣтъ, данный однимъ изъ нихъ русскому главнокомандующему: «приди и покажи прежде свою силу». Ставя въ тупикъ азіатцевъ невиданнымъ ими до сихъ поръ образомъ дѣйствій и поведеніемъ, онъ пріучалъ ихъ вѣрить въ ненарушимость слова русскаго правительства, но затѣмъ, при малѣйшей попыткѣ къ измѣнѣ съ ихъ стороны, прибѣгалъ уже къ силѣ. Повелительный и рѣзкій тонъ, съ которымъ онъ съ ними обращался, шелъ какъ нельзя лучше къ тогдашнимъ обстоятельствамъ и не могъ не производить на азіатцевъ сильнаго впечатлѣнія. Совершенно оригинальный слогъ писемъ кн. Циціанова силенъ, вѣренъ и рѣзокъ, какъ дамасская сталь. Приведемъ нѣсколько образчиковъ его краснорѣчія. Вотъ, напримѣръ, прокламація его къ возмутившимся джарцамъ: «Невѣрный народъ! безстыдные люди! Долго ли вы еще будете требовать отъ меня невозможнаго, и желаете начать невыполненіемъ одной изъ статей постановленія, прося и безпокоя меня чрезъ генерала многажды? Неужто вы думаете, что вы затѣмъ въ подданство великаго государя императора приняты, чтобы не держать слова даннаго? Вы должны выкупать ясырей и до сихъ поръ не выкупаете, все откладываете, а еще смѣете просить объ увольненіи отъ онаго! Неужели вы забыли, что вы

Digitized by Google

70 лѣтъ бѣдную Грузію разоряли и брали то, что хотѣли, а не по сто рублей? Короче сказать, если вы черезъ мѣсяцъ не выкупите, то увидите, что я сдѣлаю и съ ясырями, и съ вами. Я презираю дагестанскихъ мухъ, которыя за васъ, россійскихъ подданныхъ, ходатайствуютъ и оставаться будутъ безъ моего отвѣта, какъ сей, просившій за васъ. Кто силу въ рукахъ имѣетъ, тотъ съ слабымъ не торгуется, а повелѣваетъ имъ. Ждите времени, сберите всѣхъ дагестанцевъ и готовьтесь перемерзнуть въ снѣгу между горъ, буде стоять устрашитесь. Не обманете вы меня въ другой разъ, истреблю васъ всѣхъ съ лица земли, и не увидите вы своихъ селеній; пойду съ пламенемъ, по вашему обычаю, и хотя русскіе не привыкли жечь, но спалю все то, что не займу войсками, и водворюсь на вѣки въ вашей землѣ! Знайте, что, писавъ сіе письмо къ вамъ неблагодарнымъ, кровь моя кипитъ, какъ вода въ котлѣ, члены всѣ дрожатъ отъ ярости. Не генерала я къ вамъ пошлю съ войсками, а самъ пойду; землю вашей области покрою кровью вашей, и она покраснѣетъ, но вы, яко зайцы, уйдете въ ущелья, и тамъ васъ достану, и буде не отъ меча, то отъ стужи поколѣете». А вотъ письмо къ элисуйскому султану: «Безстыдный и съ персидскою душою султанъ,—и ты еще ко мнѣ смѣешь писать! Дождешься ты меня къ себѣ въ гости за то, что части дани своей шелкомъ не платишь цѣлые два года, что принимаешь бѣглыхъ агаларовъ Россійской имперіи и даешь имъ кровлю, и что Боба-хану послалъ триста человѣкъ войска. Въ тебѣ собачья душа и ослиный умъ, такъ можешь ли ты своими коварными отговорками, въ письмѣ изъясненными, меня обмануть? Было бы тебѣ вѣдомо, что если еще человѣкъ твой придетъ ко мнѣ безъ шелку, то быть ему въ Сибири, а я, доколѣ ты не будешь вѣрнымъ данникомъ моего государя императора, дотолѣ буду желать кровью твоею мои сапоги вымыть». Въ другомъ мѣстѣ кн. Цицiановъ пишетъ: «слыхано-ли дѣло на свѣтѣ, чтобы муха съ орломъ переговоры дѣлала».

Digitized by Google

Ближайшее и сильнѣйшее изъ ханствъ было Ганжинское. *Ганжа* считалась неприступной, а ганжинскій *Джаватъ-ханъ* (тотъ самый, который съ Ага-Магометъ-ханомъ грабилъ Тифлисъ) былъ извѣстенъ своею храбростью; паденіе Ганжи должно было произвести громадное впечатлѣніе во всемъ Закавказьѣ, потому-то Цицiановъ и рѣшился начать съ этого сильнѣйшаго и коварнаго сосѣда. Цицiановъ осадилъ Ганжу; на предложенія о сдачѣ, ему отвѣчали насмѣшками.—«Я возьму городъ и предамъ тебя позорной смерти»,—писалъ онъ Джаватъ-хану.—«Ты найдешь меня мертвымъ на стѣнѣ»,—отвѣчалъ ему тотъ и сдержалъ слово: послѣ кровопролитнаго штурма, когда взята была Ганжа, Джаватъ-ханъ былъ найденъ мертвымъ вмѣстѣ съ своимъ среднимъ сыномъ. При штурмѣ Ганжи случилось событіе, до тѣхъ поръ неслыханное въ Закавказьѣ и поставившее въ тупикъ азіатцевъ: ни одна изъ 8,600 женщинъ, взятымъ ханомъ въ городъ изъ деревень въ залогъ вѣрности ихъ мужей, и ни одинъ младенецъ не погибли. «Человѣколюбіе и повиновеніе моему приказанію,—писалъ кн. Цицiановъ,—доселѣ при штурмахъ неслыханное. Женщины и младенцы, ждавшіе необходимой при штурмѣ смерти, обезоружили неукротимыхъ, такъ сказать, львовъ, а вѣра, къ довершенію сего, погасила въ нихъ лютость, когда защищающіеся, видя ихъ уже сошедшими въ городъ, кинули ружья и даже сами татары начали креститься. Только въ одномъ мѣстѣ пролилась кровь рѣкою. До 500 чел. татаръ засѣли въ мечеть съ тѣмъ, можетъ быть, чтобы сдаться побѣдителямъ, но одинъ армянинъ сказалъ нашимъ солдатамъ, что между засѣвшими есть дагестанскіе лезгины. Одно названіе лезгинъ было сигналомъ смерти свѣхъ бывшихъ въ мечети». Въ числѣ плѣнныхъ было приведено къ кн. Цицiанову ханское семейство въ самомъ жалкомъ видѣ,—и онъ тотчасъ же приказалъ выдать имъ изъ экстраординарной суммы 900 р., отвести домъ на форштадтѣ и купить у штурмовавшихъ ковровъ, одѣялъ и проч. и выдать изъ хлѣбнаго запаса 30 четвертей пшеницы и

Digitized by Google

по 20 четв. сарачинскаго пшена и проса. Первая ханская жена *Бегумъ* просила отпустить ее къ брату,—кн. Цицiановъ согласился. Эти поступки, неслыханные до того времени въ Закавказьѣ, разсказывались какъ нѣчто необычайное, съ прибавленіемъ, что всѣ захваченные въ прежнихъ случаяхъ освобождены, и что ни грузины, ни русскіе не увлекали ихъ съ собою въ рабство по обычаю, искони существовавшему въ Азіи. Для болѣе прочнаго убѣжденія побѣжденныхъ, что русскіе уже никогда не оставятъ завоеваннаго края, Цицiановъ просилъ императора Александра *переименовать Ганжу въ Елисаветполь,* въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны, на что и послѣдовало согласіе. Нынѣ Елисаветполь—губернскій городъ.

Взятіе Ганжи тотчасъ-же оказало магическое дѣйствіе. Вотъ что писалъ кн. Цицiановъ къ самухскому владѣльцу *Шеримъ-Беку,* зависѣвшему отъ Джаватъ-хана: «Шеримъ-Бею со мною, высокославныхъ россійскихъ войскъ главнымъ начальникомъ, переписываться и пересылать пословъ не кстати и низко для меня. Когда вы боялись Джаватъ-хана, то какъ-же меня не боитесь? И какъ вы смѣли принять къ себѣ дѣтей его, бѣжавшихъ отсюда (во время штурма), которыхъ вы должны, безъ всякой отговорки, сюда представить. Имъ худа не будетъ сдѣлано. Оставьте всѣ персидскіе обманы и знайте, что меня вамъ не обмануть. Пріѣзжайте тотчасъ съ покорностью и привезите дѣтей ханскихъ. А если замедлите, то я васъ и на землѣ и въ водѣ найду. Вспомните, что слово свое держать умѣю: сказалъ, что царскую провинцію сокрушу—и сокрушилъ; сказалъ, что царскую фамилію, раздирающую Грузію, изъ Грузіи вывезу—и вывезъ; сказалъ, что Ганжу возьму—и взялъ. Теперь судите, можете ли вы равняться съ нами? И неужели вы думаете, что я повѣрю вашимъ отговоркамъ?»

Шеримъ-Бекъ немедленно пріѣхалъ, принялъ присягу на подданство и былъ обложенъ ежегодною данью въ тысячу червонныхъ.

Взятіе Ганжи имѣло вліяніе и на христіанскія закавказскія владѣ-

Digitized by Google

нія, *Имеретію* и *Мингрелію*, когда-то входившія въ составъ Грузіи, а теперь состоявшія подъ властью независимыхъ владѣтелей, освобожденныхъ по Кайнарджійскому трактату изъ подъ зависимости Турціи и перешедшихъ подъ покровительство Россіи.

Чтобы показать, въ какомъ положеніи находились эти страны, приведемъ отрывокъ изъ *Шарденя*, путешествовавшаго здѣсь въ 1672 г.; описаніе Шарденя можетъ относиться и ко времени князя Циціанова, такъ какъ ни Мингрелія, ни Имеретія, за все это время, не измѣнились нисколько.

«Дворяне въ этихъ странахъ, говоритъ *Шарденъ*, имѣютъ власть надъ жизнью и имуществомъ своихъ подвластныхъ; они дѣлаютъ съ ними, что хотятъ, берутъ у нихъ женъ, дѣтей и продаютъ ихъ. Каждый крестьянинъ долженъ господину своему доставлять ежегодно *гоми* (родъ проса), вино, скотъ и прочее, сколько можетъ по своему состоянію. Кромѣ того, онъ долженъ угостить своего господина два или три раза въ годъ, изъ чего происходитъ обыкновеніе у дворянъ разъѣзжать круглый годъ по подвластнымъ крестьянамъ и объѣдать ихъ. Владѣтель ведетъ подобный-же родъ жизни, такъ что всегда трудно узнать о мѣстѣ его пребыванія. Съ нимъ постоянно странствуютъ: все его семейство, придворные, гости, иностранцы, прислуга, составляющая огромную толпу. Объѣзжая свои владѣнія, онъ собираетъ подати, судитъ спорныя и тяжебныя дѣла и разрѣшаетъ недоумѣнія. Во время пути, ему подаютъ прошенія, и онъ разбираетъ дѣла. Просьбы-же обыкновенно подаются такимъ образомъ: истецъ, завидя приближеніе владѣтеля, становится на колѣна и подаетъ свою бумагу. Князь беретъ ее и отдаетъ своему визирю, который читаетъ вслухъ содержаніе просьбы. Въ это время истецъ съ своими спутниками начинаетъ кричать и вопить, чтобы разжалобить владѣтеля; отвѣтчикъ дѣлаетъ тоже самое; съ обѣихъ сторонъ выставляютъ свидѣтелей, и владѣтель, выслушавъ ихъ, дѣлаетъ свое рѣшеніе. Ссоры и спорныя дѣла между крестьянами, принадлежащими различнымъ вла-

Digitized by Google

дѣльцамъ, рѣшаются послѣдними. Когда-же возникаетъ какой нибудь споръ между дворянами, то рѣшаетъ сила: кто сильнѣе, тотъ и выигрываетъ дѣло. Обыкновенно, въ подобныхъ случаяхъ, они нападаютъ на имѣнія, принадлежащія противнику, и вооруженною рукою отбиваютъ скотъ, разоряютъ его земли и подвластныхъ, жгутъ и грабятъ все, что попадается подъ руку. Слабый противникъ, не будучи въ состояніи оградить себя отъ насилія, прибѣгаетъ къ защитѣ владѣтельнаго князя, который призываетъ обвиняемаго и старается уладить дѣло примиреніемъ; но подобныя примиренія бываютъ весьма ненадежны и продолжаются до перваго удобнаго случая отмстить обиду. А потому почти нѣтъ дворянина, который не имѣлъ бы съ кѣмъ нибудь вражды, вслѣдствіе чего всѣ они постоянно носятъ оружіе и окружаютъ себя такимъ числомъ свиты, какое только въ состояніи содержать. На конѣ, всегда вооружены съ головы до ногъ; ложатся спать, не покидая оружія. Жилища въ этихъ странахъ деревянныя и разбросаны по лѣсамъ. Дома неудобны и грязны — безъ оконъ и печей; свѣтъ входитъ чрезъ двери; огонь разводится на земляномъ полу посреди жилища. Дворяне обѣдаютъ по восточному, сидя на коврахъ; простолюдины за обѣдомъ садятся на скамью; другая скамья, такой-же вышины, служитъ столомъ. Царь, его дворъ и всѣ придворные служители, до послѣдняго конюха, всѣ ѣдятъ вмѣстѣ; также точно и царица обѣдаетъ вмѣстѣ съ своими придворными женщинами, дѣвушками и прислугою. Гоми варятъ въ котлѣ и кладутъ передъ каждымъ по куску, вѣсомъ фунта въ три; все мясо и овощи ставятъ передъ хозяиномъ, который посылаетъ куски его своимъ гостямъ и подвластнымъ. Ѣдятъ пальцами и такъ грязно, что только сильный голодъ можетъ заставить ѣсть вмѣстѣ съ этими варварами. Во время обѣда служители ходятъ кругомъ и наливаютъ вино. Главный предметъ разговора составляютъ разсказы о воровствахъ, убійствахъ, продажѣ невольниковъ и военныхъ подвигахъ; въ разговорахъ съ женщинами позволяютъ себѣ большую

Digitized by Google

вольность. Вообще,—говоритъ Шардень, описывая образъ жизни мингрельцевъ,—всѣ они и сосѣди ихъ великіе пьяницы; въ этомъ они превосходятъ даже и нѣмцевъ, и всѣхъ сѣверныхъ жителей».

Мингрелія, во время кн. Циціанова, была подъ управленіемъ владѣтельнаго князя *Григорія Дадіана*, а въ *Имеретіи* царствовалъ *Соломонъ II-й*. Оба они были въ непрерывной враждѣ между собою и только тѣмъ и занимались, что безпрестанно нападали другъ на друга, захватывали плѣнныхъ для продажи въ Турцію, истребляли весь хлѣбъ на поляхъ, подрубали виноградъ и возвращались домой «съ утѣшеніемъ, что довели несчастныхъ жителей до отчаянія». *Литвиновъ*, посланный кн. Циціановымъ въ Мингрелію и Имеретію, доносилъ: «не было получаса свободнаго, чтобы не приходили отцы, дѣти и матери, изувѣченные, безъ рукъ, безъ ногъ, съ выколотыми глазами, прося возвращенія ихъ дѣтей».

Положеніе *Дадіана* было особенно невыносимо, и онъ объявилъ, что если Россія не приметъ его въ подданство, то ему остается только признать надъ собою власть Порты. Начались переговоры съ нимъ о подданствѣ. Дадіанъ просилъ, чтобы ему и его потомству предоставлено было пользоваться правами владѣтельнаго князя. На это послѣдовало согласіе, потому что кн. Циціановъ находилъ, что, «оставляя царей при мнимомъ ихъ царствѣ въ совершенномъ подданствѣ Россіи, на условіяхъ, выгоды ей доставляющихъ, имперія ограждается отъ издержекъ, требуемыхъ введеніемъ россійскаго правленія». Съ принятіемъ въ подданство Мингреліи, *Соломонъ* имеретинскій очутился посреди русскихъ владѣній, а обстоятельства требовали отъ насъ необходимаго вмѣшательства въ дѣла Имеретіи. Дѣло въ томъ, что *Соломонъ* заключилъ въ башню сына своего предшественника, царевича *Константина*, мать котораго, царица *Анна*, спасшаяся отъ рукъ преслѣдователей, умоляла русскихъ о помощи и о спасеніи ея сына. Она поѣхала въ Петербургъ, и императоръ Александръ, внимая ея просьбамъ,

Digitized by Google

отправилъ коллежскаго совѣтника *Соколова* для переговоровъ по этому предмету съ Соломономъ. Царь принялъ Соколова въ шалашѣ, покрытомъ кукурузой, въ которомъ вся мебель состояла изъ деревянной скамьи. Хитрый варваръ, почитавшій себя христіаниномъ, въ отношеніи вѣроломства, жестокости и дикости своихъ понятій не отставалъ отъ любаго изъ азіатскихъ князьковъ. Онъ прибѣгалъ ко всевозможнымъ увертками, чтобы не выполнить требованія русскаго правительства: то притворялся, что не можетъ вникнуть въ смыслъ грамоты императора, то увѣрялъ, что ждетъ *дивана* (писца), который долженъ составить отвѣтъ на грамоту (потому что, не слѣдуетъ забывать, ни самъ *Соломонъ* и почти никто изъ его приближенныхъ не умѣли ни читать, ни писать). Словомъ сказать, Соколовъ не могъ добиться отъ него никакого отвѣта, и, по-неволѣ пришлось прибѣгнуть къ угрозамъ. Какъ только послѣднія были пущены въ ходъ, *Соломонъ* тотчасъ-же исполнилъ всѣ требованія и началъ просить о дарованіи ему такого-же покровительства, какое дано было Дадіану, а въ апрѣлѣ 1804 года подписалъ договоръ, по которому передалъ себя со всѣмъ своимъ потомствомъ «въ вѣчное и вѣрное рабство россійской державѣ». Но, преклоняясь предъ русскимъ правительствомъ и завѣряя его въ безграничной преданности, онъ, въ тоже время, искалъ противъ насъ помощи у Порты и изыскивалъ всѣ средства, чтобы склонить Дадіана къ измѣнѣ Россіи. Не видя успѣха въ своихъ происках, онъ, самымъ наглымъ образомъ, захватилъ одного изъ посланныхъ отъ Дадіана къ кн. Циціанову, отнялъ у него бумаги и, подвергнувъ самому безчеловѣчному истязанію, утопилъ его затѣмъ въ Ріонѣ. Вѣроломныя дѣйствія не сошли *Соломону* даромъ. Уже послѣ кн. Циціанова россійскія войска, поддерживаемыя мингрельцами и гурійцами, заняли Кутаисъ и захватили *Соломона* въ *Зихарскомъ ущельи*, откуда онъ и былъ отправленъ подъ сильнымъ конвоемъ въ Тифлисъ, а Имеретинское царство было обращено въ область. Чрезъ нѣсколько времени, *Соломону* удалось бѣжать

Digitized by Google

изъ Тифлиса и явиться опять въ Имеретію, но имеретинцы, утомленные безначаліемъ, не захотѣли его признать больше своимъ царемъ; тогда онъ пробрался въ Турцію и кончилъ тамъ жизнь несчастнымъ скитальцемъ.

Мингрелія сохраняла нѣкоторую тѣнь самостоятольности до послѣдняго времени, когда владѣтельныя права *Дадіановъ* были выкуплены у нихъ нашимъ правительствомъ за дорогую сумму.

Сосѣдняя съ этими двумя странами *Гурія* утратила свое самостоятельное значеніе въ 1828 г., когда правительница ея *Софія*, вслѣдствіе открытія составленнаго ею заговора, должна была бѣжать въ Турцію, и когда послѣдній потомокъ Гуріелей *Давидъ* былъ убитъ подъ Ахульго въ 1829 году.

Благодаря блестящимъ побѣдамъ кн. Циціанова, сосѣднія съ Грузіею владѣнія спѣшили искать русскаго подданства: Гурія, султанство *Шурагельское, ханства Карабагское, Шекинское, Ширванское* были присоединены однимъ дипломатическимъ путемъ, безъ пролитія крови. Здѣсь не мѣсто разсказывать исторію этихъ присоединеній. Не будемъ также говорить и о походѣ кн. Циціанова подъ *Эривань*, гдѣ онъ, съ отрядомъ всего въ 4,500 чел., осаждая крѣпость, долженъ былъ еще и отбиваться отъ многочисленной персидской арміи. Циціановъ не взялъ Эривани единственно по недостатку средствъ, хотя и покрылъ себя и свою крошечную армію неувядаемою славой.

Присоединеніе Имеретіи и Мингреліи дѣлало необходимостью и присоединеніе *Поти*, безъ котораго помянутыя земли почти ничего не значили. Эта крѣпость, принадлежавшая Турціи, управлялась въ то время пашею или, вѣрнѣе сказать, атаманомъ шайки разбойниковъ и бродягъ и была главнымъ центромъ торговли христіанами, опустошавшей Закавказье и населявшей Египетъ. Извѣстно, напримѣръ, что всѣ мамелюки были изъ грузинъ. Не владѣя ни однимъ пунктомъ ни на Черномъ, ни на Каспійскомъ моряхъ, намъ почти не было возможности удерживать и Закавказье, такъ какъ

Digitized by Google

сообщеніе чрезъ горы было въ то время трудно до крайности. Но Отоманская Порта, завистливо смотрѣвшая на наши успѣхи, крѣпко держалась за свои азіатскія владѣнія, и пріобрѣтеніе Поти не могло быть сдѣлано иначе, какъ переговорами или войною съ Турціей. Правительство наше вступило по этому поводу въ переговоры, и Цицiановъ, содѣйствуя ему, съ своей стороны, всѣми силами, обратилъ всю свою кипучую энергію на занятіе каспійскаго порта *Баку*. Съ пріобрѣтеніемъ Баку и Поти, наши закавказскія владѣнія почти достигли бы тѣхъ границъ, въ которыхъ онѣ находятся въ настоящее время.

Въ 1805 году открылась война съ Персіей. Начальствовавшій каспійской флотиліей генералъ-маіоръ *Завалишинъ* отступилъ отъ Баку, не взявъ крѣпости. «Скажу вашему превосходительству,— писалъ ему кн. Цицiановъ,—что если-бы я не ходилъ по горницѣ на костыляхъ отъ изнурившей меня болѣзни и еслибъ 400 верстъ не раздѣляли меня съ вами, — хотя сія и не велика остановка, а самая важная та, что я не имѣю отъ васъ курьера и резолюціи объ вашемъ отступленіи, — то я бы полетѣлъ на выручку славы русской и скорѣе легъ бы подъ стѣнами Баки, нежели далъ кичиться *Гуссейнъ-Кули-хану* тѣмъ, что онъ отбилъ русскія войска и что они ничего ему не сдѣлали». Желая загладить неудачныя дѣйствія Завалишина, кн. Цицiановъ не вытерпѣлъ и въ зимнее ненастное время, изнеможенный тяжкими болѣзнями, двинулся подъ Баку съ отрядомъ въ 1,663 челов. и съ 10-ю орудіями. Пароксизмы изнурительной лихорадки, повторявшіеся по нѣсколько разъ въ день, ослабляли его здоровье. Во время похода его снимали съ лошади, клали на землю, и часто подъ снѣгомъ и дождемъ выдерживалъ онъ сильные припадки и потомъ догонялъ отрядъ на привалахъ. По дорогѣ приведя въ подданство Россіи богатое ханство *Ширванское,* онъ, въ февралѣ 1806 г., явился подъ Баку, и одно грозное имя его произвело магическое дѣйствіе на *Гуссейнъ-Кули-хана*, который прислалъ сказать, что сдаетъ

Digitized by Google

крѣпость, а самъ, между тѣмъ, задумалъ втайнѣ гнусную измѣну. Утромъ 8-го февраля 1806 года, кн. Цицiановъ, въ сопровожденiи караула изъ 200 человѣкъ, назначеннаго для занятiя Баку, приблизился къ колодцу, отстоящему въ полверстѣ отъ города. Тутъ бакинскiе старшины подали ему ключи, хлѣбъ-соль и просили лично успокоить ихъ хана (съ которымъ князь былъ прежде знакомъ) на счетъ прощенiя за оказанное имъ сопротивленiе. Главнокомандующiй согласился и возвратилъ ключи, съ тѣмъ, чтобы Гуссейнъ-Кули-ханъ вручилъ ихъ ему самъ. Немедленно ханъ выѣхалъ изъ крѣпости, въ сопровожденiи сановниковъ, и Цицiановъ довѣрчиво пошелъ къ нему на встрѣчу безъ свиты, въ сопровожденiи только подполковника *Эристова* и одного казака. Едва только они сблизились, какъ по знаку, данному коварнымъ ханомъ, спутники его выстрѣлили въ Цицiанова и Эристова изъ пистолетовъ. Одинъ казакъ лишь успѣлъ ускакать. Въ тоже время, бакинцы, съ страшнымъ крикомъ, сдѣлали залпъ съ крѣпостныхъ стѣнъ по отряду, стоявшему у колодца, а убiйцы утащили съ собою тѣла погибшихъ и, отрѣзавъ кн.. Цицiанову голову, отослали ее съ торжествомъ персидскому шаху. Тѣло Цицiанова было зарыто у воротъ крѣпости, гдѣ долгое время виднѣлась могила грознаго русскаго главнокомандующаго на Кавказѣ. Русскiя войска послѣ того сѣли на суда и отправились въ Астрахань.

Прошло шесть лѣтъ. Новый главнокомандующiй, *маркизъ Погулучи*, перенесъ тѣло князя Павла Дмитрiевича въ Тифлисъ и положилъ въ сiонскомъ соборѣ, гдѣ и воздвигнутъ ему памятникъ съ надписью, говорящею о подробностяхъ печальнаго событiя. Надпись кончается справедливыми словами, что «слава кн. Цицiанова переживетъ прахъ его».

Говорить ли о томъ, что потеряло Закавказье со смертью этого знаменитаго человѣка? Какiе результаты и при какихъ ничтожныхъ средствахъ! Какiе подвиги и какое умѣнье пользоваться обстоятельствами! Пріѣхавъ въ разоренный и окруженный со всѣхъ сто-

Digitized by Google

ронъ врагами край, *кн. Цицiановъ черезъ 3 года оставилъ намъ Закавказье почти въ теперешнихъ его границахъ.* И это онъ сдѣлалъ, когда Россiя, занятая войнами съ Наполеономъ, почти не могла отдѣлить войскъ для Кавказа; когда прибытiе туда одного какого нибудь полка считалось громаднымъ подкрѣпленiемъ; когда экспедицiи—да еще какiя! — приходилось дѣлать, большею частiю, лишь съ нѣсколькими батальонами.

Чтобы дать понятiе о томъ, каковъ былъ духъ цицiановской армiи, разскажемъ почти невѣроятное отступленiе полковника *Карягина* отъ *Аскерани въ Мухратъ*.

Съ открытiемъ войны, въ iюнѣ 1805 года, на Араксѣ, внезапно появилась огромная персидская армiя. Противъ нея наши силы были таковы: въ *Шушѣ* (готовой ежеминутно взбунтоваться) стоялъ маiоръ *Лисаневичъ* съ шестью ротами, тремя орудiями и тридцатью казаками; на помощь ему долженъ былъ идти полковникъ *Карягинъ* съ батальономъ въ 400 человѣкъ, а въ случаѣ опасности, для ихъ подкрѣпленiя, готовъ былъ двинуться и самъ главнокомандующiй съ двумя некомплектными-же батальонами, оставя третiй для защиты Елисаветполя. Кромѣ того, у генерала *Несвѣтаева* было два также некомплектныхъ полка. Вотъ все, что могъ выставить противъ персидскихъ полчищъ кн. Цицiановъ.

Лисаневичъ заперся въ Шушѣ, готовой взбунтоваться, а Карягинъ, съ своими 400 человѣками, при двухъ орудiяхъ, шелъ къ нему на помощь. Доходитъ Карягинъ до рѣчки *Шахъ-Булага*, и его атакуютъ 15 т. персiянъ. Карягинъ отбивается; у него 33 чел. убито и 164 ранено,—остается только половина людей подъ оружiемъ; онъ окапывается и держится 4 дня; на пятый день *маiоръ Котляревскiй* (будущiй герой Ленкорани) предлагаетъ уйти въ ночь или тайно, или пробиться на проломъ сквозь персидскую армiю въ крѣпостцу *Шахъ-Булагъ*. Предложенiе принято. Карягинъ бросаетъ весь обозъ на грабежъ непрiятелю, солдаты везутъ на себѣ орудiя, на трехъ оставшихся лошадяхъ

Digitized by Google

ѣдутъ раненые Карягинъ, Котляревскій и еще одинъ офицеръ. Персіяне поддаются на удочку: они бросаются грабить обозъ и дозволяютъ уйти Карягину. Геройская горсть доходитъ до Шахъ-Булага; оказывается, что онъ занятъ непріятельскимъ гарнизономъ въ 150 человѣкъ. Карягинъ смѣло посылаетъ требовать сдачи,—ему отвѣчаютъ отказомъ; удачный выстрѣлъ разбиваетъ ворота, и крѣпость взята штурмомъ: двадцать восемь персіянъ и два хана гибнутъ подъ штыками штурмующихъ. *Аббасъ-Мирза* окружаетъ Шахъ-Булагъ и хочетъ принудить къ сдачѣ голодомъ; четыре дня осажденные питаются травою и кониной; армянинъ меликъ *Вани* какъ-то ухитряется добыть и провезти имъ немного запасовъ. «Ваше сіятельство!—пишетъ Карягинъ Цицианову — если не поспѣшите на помощь, отрядъ погибнетъ не отъ сдачи, къ коей не приступлю до послѣдней капли крови, но отъ крайности въ провіантѣ».

13 дней тянется осада, и ни отвуда нѣтъ помощи. Аббасъ-Мирза присылаетъ осажденнымъ храбрецамъ предложеніе вступить къ нему въ службу и обѣщаетъ разныя выгоды; предложеніе отвергнуто, а заключено перемиріе на четыре дня. Аббасъ-Мирза, въ знакъ уваженія къ Карягину, посылаетъ ему разной провизіи и дичи, застрѣленной собственными руками, и велитъ сказать, что Ганжа взята персіянами, и что русскимъ остается одно только—сдаться. Карягинъ отвѣчаетъ, что требованіе будетъ завтра исполнено. Но прошло и завтра, а Карягинъ все не сдавался. Аббасъ-Мирза готовился всѣми своими силами аттаковать изнеможенный голодомъ и отчаянными битвами отрядъ. «Оставивъ 30 человѣкъ солдатъ,—разсказываетъ *Вани*, которому Карягинъ выдалъ свидѣтельство и прописалъ всѣ его подвиги,—дабы дѣлать окликн и не подать причины думать персіянамъ о нашемъ выступленіи, мы тихонько вывезли орудія и раненыхъ, и когда они нѣсколько отдалились, я снова приблизился къ замку и далъ знакъ остальнымъ солдатамъ выходить: они исполнили это и весьма скоро присоедини-

Digitized by Google

лись къ первому отряду. На пути имъ встрѣтилась канава, черезъ которую невозможно было перевезти орудія, и не было лѣсу, изъ чего бы можно было сдѣлать мостъ. Четыре солдата добровольно согласились лечь въ канаву, и черезъ нихъ перевезли орудія,—двое изъ нихъ умерли, а двое остались живы». Вотъ какимъ духомъ умѣлъ воодушевлять князь Циціановъ свою армію! Мы разсказали не анекдотъ, а фактъ, стоящій одиноко даже и въ исторіи кавказской арміи! Безпечный непріятель догналъ Карягина уже въ то время, когда онъ былъ въ виду Мухрата, въ которомъ спасся отъ преслѣдованія. Такова была циціановская армія! Что удивительнаго, если тотъ-же самый Котляревскій, который былъ въ отрядѣ Карягина, отдалъ впослѣдствіи, передъ штурмомъ Ленкорани, свой знаменитый приказъ: «отступленія не будетъ!»

Циціановъ былъ не только отличнымъ полководцемъ, но и отличнымъ администраторомъ. При немъ приступлено было къ разработкѣ дороги съ кавказской линіи въ Грузію и къ устройству дорогъ внутри этой страны. Онъ хлопоталъ о заведеніи суконныхъ и кожевенныхъ фабрикъ съ практической цѣлью удешевленія обмундировки солдатъ. Относительно повсемѣстно распространеннаго въ то время въ Закавказьѣ гнуснаго плѣнопродавства—Циціановъ дѣйствовалъ самымъ энергичнымъ образомъ. Многіе изъ мингрельскихъ дворянъ, постыднымъ образомъ отпавъ отъ христіанства, переселились въ Поти, чтобы удобнѣе красть и продавать людей. Циціановъ приказалъ отобрать имѣнія отъ подобныхъ господъ въ пользу *Левана*, наслѣдника Мингреліи, и объявилъ, что всякій, изобличенный въ торговлѣ людьми, несмотря на его званіе, родъ и достоинства, будетъ судимъ военнымъ судомъ и, по жестокомъ тѣлесномъ наказаніи, сосланъ въ Сибирь.

Русская администрація должна была бороться въ Грузіи съ такими затрудненіями, что самъ Циціановъ приходилъ отъ нихъ нерѣдко въ отчаяніе. Грузины рѣшительно отказывались идти въ суды и осаждали Циціанова цѣлыми толпами, требуя, чтобы онъ самъ

Digitized by Google

разбиралъ ихъ распри. Для ускоренія производства дѣлъ главнокомандующій мудро ходатайствовалъ объ измѣненіи управленія. «Единственнымъ средствомъ сблизить нравы грузинъ съ россійскими узаконеніями было, по его мнѣнію, распространеніе просвѣщенія въ народѣ».

Среди безпрерывныхъ походовъ онъ не переставалъ помышлять о борьбѣ съ невѣжествомъ, въ которомъ погрязло все народонаселеніе, хлопоталъ объ учрежденіи въ Тифлисѣ гимназіи, о присылкѣ учителей русскаго языка и о доставленіи книгъ, составилъ проектъ ботаническаго сада и питомника и проч., и проч. Удивительно, откуда бралась энергія у этого человѣка и что онъ сдѣлалъ въ свое управленіе, продолжавшееся всего три года!

Въ школѣ Циціанова началъ свое поприще и *князь М. С. Воронцовъ*, знаменитый слуга своего отечества, богачъ и аристократъ, въ благороднѣйшемъ значеніи это слова. Суровый вождь съ предубѣжденіемъ встрѣтилъ девятнадцати-лѣтняго преображенскаго поручика и камергера, едва только окончившаго свое воспитаніе въ Англіи; но скоро предубѣжденіе это смѣнилось глубокимъ уваженіемъ и любовью къ человѣку, въ которомъ опытный взглядъ главнокомандующаго проврѣлъ мужа, котораго надобно было сохранить для Россіи. Послѣ того, какъ *Воронцовъ*, не щадя себя, вынесъ изъ битвы Котляревскаго, будущаго героя Кавказа,—Циціановъ сталъ беречь молодаго офицера и, опасаясь, чтобы онъ не погибъ при штурмѣ Ганжи, отправилъ его на лезгинскую линію, поручивъ особенному вниманію ген. Гулякова. Спустя нѣсколько дней по прибытіи молодаго человѣка въ отрядъ, произошла несчастная битва съ лезгинами въ *Закатальскомъ ущельи*. Здѣсь *Гуляковъ* былъ убитъ, а *Воронцовъ*, сброшенный въ пропасть, спасся какимъ-то чудомъ; при паденіи онъ потерялъ свой компасъ и шифръ, который былъ возвращенъ ему черезъ пятьдесятъ лѣтъ, когда *Воронцовъ* былъ уже кавказскимъ намѣстникомъ съ неограниченнымъ полномочіемъ и новороссійскимъ генералъ-губернато-

Digitized by Google

ромъ и управлявъ чуть ли не третьею частью Европейской Россіи, отъ австрійской границы до Каспійскаго моря. Отправляя *Воронцова* съ дипломатическимъ порученіемъ въ Имеретію, главнокомандующій отзывался о немъ въ донесеніи императору Александру въ такихъ выраженіяхъ: «твердость сего молодаго офицера, исполненнаго благородныхъ чувствованій и неустрашимости безпримѣрной, рвеніе къ службѣ в. и. в. и желаніе отличиться онымъ— удостовѣряютъ меня, что поѣздка его будетъ не безполезна».

Да, скажемъ въ заключеніе, если кто былъ держальцемъ русскаго имени честно и грозно, то это кн. Циціановъ. Поклонимся-же еще разъ, читатель, праху знаменитаго человѣка и затѣмъ распростимся съ Тифлисомъ.

Поѣздка въ Карязъ. Для того, кто не знакомъ съ орошеніемъ, орошеніе полей и садовъ въ Грузіи и вообще на Кавказѣ представляетъ чрезвычайный интересъ. Въ Грузіи оно, особенно въ долинѣ Куры и ея притоковъ, существуетъ съ незапамятныхъ временъ. *Муганская степь* (лежащая около слиянія Аракса съ Курой), теперь страшная, совершенно безводная и несбитаемая пустыня, вся прорѣзана остатками канавъ, показывающими, что это была цвѣтущая страна съ богатымъ населеніемъ.

Въ Закавказьѣ мѣстность, гдѣ только представляется возможнымъ провести воду, прорѣзывается каналами такъ, чтобы русло ихъ было нѣсколько выше поливаемыхъ изъ нихъ мѣстъ. Каналъ принадлежитъ или одной, или нѣсколькимъ деревнямъ. Въ распредѣленіи воды соблюдается очередь и строгая справедливость. Въ каждой деревнѣ есть смотритель канавъ, который наблюдаетъ за исправленіемъ поврежденій.

Въ прежнее время избирался *хассавъ-дари*, должностное лицо, которому подчинялись всѣ смотрители канавъ въ извѣстной мѣстности. Въ большихъ селеніяхъ *хассавъ-дари* имѣли такое значеніе, что грузинскіе цари часто назначали на эту должность заслуженныхъ дворянъ особыми грамотами. Теперь смотрители канавъ

Digitized by Google

набираются деревнею, а должность *хассавъ-дари* исполняетъ старшина сельскаго управленія.

Раздѣленіе воды между жителями происходитъ слѣдующимъ образомъ: каждому владѣльцу земли, когда наступаетъ его очередь, дается извѣстная доля воды, подъ названіемъ *накадули*. Количество воды, которое можетъ вмѣститься въ канаву, прорѣзанную плугомъ, составляетъ одно *накадули*. Каждый житель проводитъ на свою землю воду изъ главнаго канала по такой канавкѣ. Иногда грузинскіе цари жаловали разнымъ лицамъ за заслуги одно или два лишнихъ накадули.

Для поднятія воды изъ рѣки на возвышенный берегъ употребляются наливныя колеса, помѣщенныя на горизонтальной оси подъ рѣкою и приводимыя въ движеніе самимъ рѣчнымъ теченіемъ. Изъ колодцевъ воду поднимаютъ чигирями. Для проведенія воды чрезъ овраги перекидываются желоба или каменные водопроводы на аркахъ, смотря по разстоянію и по средствамъ.

Въ *Караязской степи*, въ долинѣ Куры, недалеко отъ большой дороги изъ Тифлиса къ Елисаветполю, находится знаменитый *Маріинскій каналъ*, замѣчательнѣйшее ирригаціонное сооруженіе во всемъ краѣ. Онъ принадлежитъ «обществу возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ», для усиленія средствъ и упроченія котораго покойному императору угодно было дать сто тысячъ десятинъ земли. Общество-же, съ своей стороны, затратило на сооруженіе этого громаднаго канала около 370 т. руб. сер.

Для осмотра *Маріинскаго канала* (называемаго такъ въ честь августѣйшей покровительницы общества, покойной государыни императрицы) надобно ѣхать по бакинской желѣзной дорогѣ до первой станціи Караязъ. Каналъ начинается у старинной крѣпости *Решидъ-Кала*. Выше рѣка перепружена длиннымъ барражемъ, и вода впускается въ каналъ 24-мя желѣзными шлюзами, легко поднимающимися и опускающимися посредствомъ винтовыхъ стержней. На башнѣ крѣпости надпись, которая говоритъ,

Digitized by Google

что *каналъ* начатъ 1-го января 1865 г. и открытъ 9-го марта 1867 г.; проектъ составленъ инженерами *Велли* и *Габба*. Мѣстность у *Решидъ-Кала* довольно живописна. Сначала видны по рѣкѣ деревни, совершенно скрывающіяся въ садахъ, въ которые вода поднимается наливными колесами,— но чѣмъ дальше, тѣмъ мѣстность становится все пустыннѣе и, наконецъ, превращается въ совершенно безотрадную пустыню.

Отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ города, видны остатки громаднаго каменнаго водопровода, тянущіеся по степи. *Каналъ* тянется на четыре версты вдоль Куры, скрываясь въ мелкомъ лѣсу, потомъ, поворотя круто влѣво, пересѣкаетъ дорогу и почти доходитъ до горъ, окаймляющихъ съ сѣверной стороны долину Куры; *длина его* около 18 верстъ, *ширина* 9 аршинъ въ основаніи и отъ 6 до 8 саженъ вверху; *глубина*, при полной водѣ, до трехъ аршинъ, такъ что по немъ тогда можетъ ходить небольшой пароходъ.

Это только первое отдѣленіе канала, которое должно было окончиться естественною низменностью и образовать изъ нея озеро около 5 верстъ длины и 2 верстъ ширины; далѣе предполагалось каналъ продолжить еще такъ, чтобы длина его доходила до 40 верстъ, и онъ могъ бы орошать до 27 тыс. десятинъ земли. Предположеніе это до сихъ поръ не исполнено; конецъ канала размыло водой, и стоило большихъ трудовъ и издержекъ, чтобы предупредить дальнѣйшее размываніе; вода изъ канала падаетъ по укрѣпленной наклонной плоскости широкою струей, сила которой до 2,000 лошадиныхъ силъ.

Изъ проведеннаго канала можетъ быть орошено до 15 тыс. десятинъ земли, изъ которыхъ въ настоящее время разбирается подъ посѣвъ не болѣе 5 тысячъ. Постоянно поселилось здѣсь нѣсколько деревень *айсаровъ* (древнихъ ассиріянъ), принадлежавшихъ прежде къ несторіанской ереси, но потомъ принявшихъ православіе. (*Несторій*, бывшій патріархъ константинопольскій отъ 425 до

Digitized by Google

430 г., проповѣдывалъ, что въ Христѣ было два отдѣльныхъ естества: божеское и человѣческое, не сливаемыя по его ученію. Онъ былъ осужденъ на эфесскомъ соборѣ въ 431 году) Самая большая деревня состоитъ домовъ изъ 50.

Около Куры, плоскіе берега которой покрыты лѣсомъ, взято нѣсколько долгосрочныхъ участковъ *персіянами*—преимущественно подъ огороды. Самое большее количество земли разбирается *борчалинскими татарами,* которыхъ все хозяйство заключается въ томъ, чтобы весною всковырять кое-какъ крючкомъ землю, посѣять хлѣбъ и затѣмъ уйти въ горы на кочевку; отъ кочевки татарина не удержитъ никакая выгода и никакая сила.

Сдаточная цѣна земли въ настоящее время отъ 3-хъ до 5-ти рублей за десятину. Валоваго доходу получается до 15 тыс. р. сер.; изъ него до 5 т. отпускается на посадку деревьевъ, покупаемыхъ въ саду барона Николаи; большихъ расходовъ также стоитъ поддержка канавъ, которыя легко засариваются по слабости глинистаго грунта. Успѣшному росту посаженныхъ деревьевъ много вредитъ татарская скотина; оплести-же каждое деревце и усмотрѣть за татарами нѣтъ никакой возможности; довольно часто попадаются деревца, пересѣченныя пополамъ единственно за тѣмъ, чтобы попробовать, хорошъ ли кинжалъ.

Изъ сказаннаго видно, что пока общество не имѣетъ большихъ выгодъ отъ Караяза, но времени съ открытія канала прошло еще такъ немного, что и настоящее положеніе дѣлъ плохимъ назвать нельзя; напротивъ, можно надѣяться, что—оставитъ ли общество веденіе хозяйства за собой, или передастъ его въ частныя руки (что, по нашему мнѣнію, было бы несомнѣнно выгоднѣе) — доходъ отъ орошаемой земли впослѣдствіи (особенно съ проведеніемъ желѣзной дороги на Баку) неминуемо долженъ составлять хорошій процентъ на затраченный капиталъ. Дѣвственная земля Караязской степи, въ продолженіи многихъ столѣтій служившая пастбищемъ для многочисленныхъ стадъ овецъ и, стало-быть, упавоженная ихъ

Digitized by Google

пометомъ, можетъ служить для посѣва пшеницы, кукурузы, хлопчатника и для разведенія винограда. Въ Эриванѣ такая-же земля, засѣваемая хлопчатникомъ, даетъ отъ 70 до 80 р. въ годъ.

Теперешній климатъ этой мѣстности, нездоровый для населенія, но въ высшей степени благотворный для растительности, современемъ, съ увеличеніемъ культуры, также долженъ измѣниться неминуемо къ лучшему.

Говоря о главномъ каналѣ, мы не сказали ничего о дальнѣйшемъ развѣтвленіи ирригаціонной системы Караяза. Вотъ она въ краткихъ словахъ. Изъ главнаго канала, подъ прямымъ угломъ къ нему, прорыто 17-ть второстепенныхъ *распредѣлительныхъ* каналовъ и столько-же *собирательныхъ;* они пересѣкаютъ степь до самой Куры на параллельныя полосы, въ 500 саженъ ширины каждая. Вода въ эти каналы впускается черезъ шлюзы. Второстепенные каналы снабжены, въ свою очередь, также небольшими шлюзами. Весь орошаемый участокъ имѣетъ трехъ-угольную форму. Второстепенные каналы развѣтвляются на канавы меньшихъ размѣровъ, изъ которыхъ вода пускается уже на орошаемые участки; они-же служатъ и для отвода въ Куру излишней воды. Отъ *Решидъ-Кала* дорога по обѣимъ сторонамъ обсажена молодыми тополями; по ней безпрестанно приходится переѣзжать чрезъ мосты, перекинутые черезъ каналы. Вдали, вправо отъ станціи желѣзной дороги, посреди ровной степи, видна курганообразная гора *Картапа*, на которой выстроенъ домъ управляющаго. Съ этой горы открывается обширный видъ на орошаемую степь, всю изрѣзанную каналами.

Берега Куры поросли лѣсомъ, въ которомъ водится много кабановъ и другой дичи.

Если будетъ можно, наймите на Картапѣ у татаръ верховыхъ лошадей и съѣздите посмотрѣть водопадъ, которымъ оканчивается главный каналъ,—онъ стоитъ осмотра.

Дорогой, по всей вѣроятности, вамъ удастся увидѣть одинъ или

Digitized by Google

нѣсколько табуновъ *джейрановъ* (сенегальскихъ антилопъ — antilope subguttiurosa), этихъ прекрасныхъ животныхъ, которыхъ на свободѣ рѣдко можно бываетъ гдѣ-либо увидѣть, кромѣ какъ въ Каразѣ; по крайней мѣрѣ, такъ было до проведенія желѣзной дороги.

Надо быть осторожнымъ и крѣпко сидѣть въ сѣдлѣ на сумасбродныхъ татарскихъ лошадяхъ.

На Картанѣ нѣтъ заѣзжаго дома; я имѣлъ рекомендательное письмо изъ Тифлиса и, благодаря ему, былъ принятъ чрезвычайно любезно.

Если вы любите ѣздить верхомъ, то можно достать верховыхъ лошадей въ Тифлисѣ и, выѣхавъ утромъ, къ вечеру вернуться назадъ. Отъ Тифлиса до Картапы около 30 верстъ.

Въ **Коджоры** *(дачное мѣсто тифлисскихъ жителей)* ѣздятъ въ омнибусѣ, который отходитъ ежедневно въ 4 часа съ Головинскаго проспекта; цѣна —1 р.

Digitized by Google

ГЛАВА V.

Отъ Тифлиса до Баку, Поти и Батума

(по желѣзнымъ дорогамъ).

Тифлисско-бакинская желѣзная дорога и Баку.

Главныя станціи на бакинской дорогѣ отъ Тифлиса слѣдующія: *Акстафа, Елисаветполь, Уджарры, Аджи-Кабуль, Баку;* 1-й классъ 28 р. 98 к.; 2-й—21 р. 73 к.; 3-й—11 р. 11 к. Время переѣзда 23 часа.

Бакинская дорога не представляетъ тѣхъ красотъ, какими изобилуютъ военно-грузинская и тифлисско-батумская желѣзная дорога. Она идетъ степной, малообработанной долиной Куры, и только виднѣющіяся на сѣверѣ Дагестанскія горы нѣсколько разнообразятъ картину. Общій видъ страны такой: степь, рѣдкіе посѣвы, небольшіе татарскіе деревни и хутора, стада барановъ и табуны лошадей, камышъ, рѣдкія деревья по Курѣ и Дагестанскія горы вдали.

Въ *Бакинской губ.* считается около 530 тысячъ жителей, изъ которыхъ около 300 тысячъ татары. Главные промыслы—хлѣбопашество и скотоводство. Главные заработки на фотогеновыхъ и шелко-мотальныхъ заводовъ. Всѣхъ фотогеновыхъ заводовъ считается 230, изъ которыхъ 198 въ Баку. При отъѣздѣ изъ Тифлиса, внизу виднѣнъ весь городъ, раскинувшійся вдоль рѣки, съ

Digitized by Google

горами на противоположной сторонѣ, на которыхъ виднѣются: церковь св. Давида, старая крѣпость и ботаническій садъ. Скоро городъ остается назади; дорога идетъ между невысокими безплодными горами, и чрезъ $1^1/_2$ часа поѣздъ приходитъ въ

Каралязъ. Подъѣзжая къ этой станціи, переѣзжаютъ Маріинскій и другіе второстепенные каналы. Вправо виднѣъ отдѣльный холмъ съ постройками, это—*Куртана.* Желающихъ подробнѣе ознакомиться съ Каралязомъ, просимъ прочесть «поѣздку въ Каралязъ» (глава IV). Переѣхавъ далѣе Куру, станціи за 2 или за 3 до *Елисаветполя*, который остается въ сторонѣ, пріѣзжаютъ на большую станцію—

Уджарры (4 ч. отъ Елисаветполя) и далѣе—

Кюрдомыръ съ садами. Влѣво видны селенія у подножія горъ; ихъ зеленѣющая растительность показываетъ близость Алазани и другихъ рѣчекъ и ручьевъ, сбѣгающихъ въ долину.

Аджи-Кабуль—большая станція, близъ Куры. Рѣка обозначается, вправо, деревьями и посѣвами, подъ которые выжигаютъ здѣшніе густые камыши. Вдали, вправо-же, большое озеро. Далѣе дорога покидаетъ Куру, поворачиваетъ на сѣверовостокъ и идетъ мѣстностью, которая становится безплоднѣе и безплоднѣе. Желающіе осмотрѣть знаменитые Куринскіе рыбные промыслы могутъ съ Аджи-Кабуля ѣхать въ *Сальяны* (45 в.), а оттуда на

Божій Промыселъ и другія рыбныя ватаги. Отсюда-же идетъ почтовый трактъ на *Ленкорань* (165 в.).

Въ *Алятъ* показывается море; видны нѣсколько острововъ, изъ которыхъ рѣзче всѣхъ выдѣляются *Дуванный* и *Булла*, возвышающіеся надъ моремъ въ видѣ отдѣльныхъ скалъ. Солончаковый, совершенно безплодный берегъ поросъ верескомъ. Такъ какъ дорога отапливается нефтью, то на станціяхъ, для воды и нефти, вырыты подземныя цистерны. Окрестность становится все безотраднѣе и въ

Путъ уже представляется въ видѣ совершенно мертвой, солон-

Digitized by Google

чаковой пустыни, безъ всякаго признака растительности; только бѣлыя полосы осадковъ соли, да черные слѣды нефтяныхъ жилъ нѣсколько испещряютъ сплошную буро-желтую почву. Только татары, кое-гдѣ добывающіе соль, да гурты, пасущіеся по этимъ жалкимъ солончакамъ, показываютъ, что не все еще умерло въ этихъ печальныхъ мѣстахъ. *Красное озеро,* остающееся вправо, тоже нисколько не разнообразитъ картины. Таковы окрестности мѣстъ, заключающихъ въ себѣ неисчислимыя богатства и неистощимые запасы нефти, которой освѣщается чуть-чуть не вся Россія. Море скрывается; дорога огибаетъ Баку и подходитъ къ нему съ сѣверной стороны. Не доѣзжая верстъ 8 до города, вы замѣчаете въ сторонѣ что-то странное, имѣющее видъ темной кипарисовой рощи; это—Балаханы, главное мѣсто добыванія нефти, а то, что вы издали принимали за кипарисы—почернѣлыя деревянныя вышки, построенныя надъ буровыми колодцами, изъ которыхъ почерпается этотъ драгоцѣнный горючій матеріалъ. Въ настоящее время, этихъ вышекъ, а стало-быть и буровыхъ колодцевъ, считается около 400. Но вотъ вы подъѣзжаете ближе, и передъ вами, влѣво, надъ моремъ, открывается какое-то огромное дымящееся пекло, въ видѣ множества скученныхъ зданій, съ высокими трубами, изъ которыхъ постоянно извергаются массы чернаго дыма, по временамъ совершенно закрывающія этотъ, по истинѣ—

Черный городъ. Здѣсь средоточіе всѣхъ керосиновыхъ заводовъ, между которыми первенство принадлежитъ заводамъ братьевъ Нобель. Если вы пріѣзжаете ночью, то, при свѣтѣ электрическихъ фонарей, видите ясно нобелевскіе заводы и возвышающіеся надъ ними огромные нефтяные резервуары, изъ которыхъ нефть проводится въ перегонные кубы, для передѣлки ея въ керосинъ. Изъ остатковъ добывается смазочное масло, способы добыванія котораго, къ сожалѣнію, еще не доведены до совершенства—по доведеніи же, этотъ драгоцѣнный продуктъ обѣщаетъ сдѣлаться однимъ изъ

Digitized by Google

главныхъ источниковъ богатства нефтяныхъ заводовъ. *Черный городъ,* дѣйствительно, отдѣльный городъ. У Нобеля въ немъ устроены помѣщенія для рабочихъ, столовая, библіотека и даже своя, независимая отъ городской, полиція. Его заводы, также какъ и Мирзоева, соединяются съ Баку телефономъ и освѣщаются по ночамъ электрическими фонарями. Сказываютъ, что Нобель хотѣлъ развести при своихъ заводахъ садъ, для чего предполагалось, такъ какъ въ Черномъ городѣ почти не имѣется воды для поливки, наполнять прѣсной водой баржи, возвращающіяся изъ Астрахани послѣ отвозки керосина, но почему-то проектъ этотъ еще не приведенъ въ исполненіе. Для осмотра заводовъ Нобеля необходимо имѣть разрѣшеніе отъ конторы, которое, однако, какъ говорятъ, дается не совсѣмъ охотно. Далѣе дорога проходитъ подъ нефтяными наливными кранами и пересѣкаетъ нѣсколько разъ чугунныя нефтепроводныя трубы, проведенныя изъ Балаханъ въ Черный городъ и имѣющія около 90 верстъ протяженія. По бокамъ дороги стоятъ цѣлые ряды керосиновыхъ вагоновъ, развозящіе керосинъ по всей Россіи. Впереди, вправо, по желтымъ, безплоднымъ горамъ, раскинулся городъ, оканчивающійся Баиловымъ мысомъ съ его морскимъ соборомъ. Въ виду этой-то панорамы, вы пріѣзжаете въ

Баку *(губернскій городъ, съ 25-ю тыс. жителей; исторія его разсказана въ исторіи кн. Циціанова. См. алфавитъ).* Общій видъ города и его народонаселенія настолько оригиналенъ, что заслуживаетъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ словъ. Баку—полурусскій полутатарско-персидскій городъ. Европейская его часть расположена на набережной, вверху-же находится персидская часть города. Городъ, вообще, имѣетъ (по цвѣту построекъ) желтый и пыльный видъ; дома съ плоскими крышами; торговля почти вся сосредоточена въ европейской части, на набережной и близъ нея. Среди европейскаго населенія васъ поражаетъ Азія, во всей ея непривлекательной наготѣ. На той-же набережной, гдѣ прогуливаются бакинскіе денди, вы увидите та-

Digitized by Google

тарина, преспокойно усѣвшагося на мостовой, безъ рубашки, которую онъ снялъ для отысканія паразитовъ; онъ весь—олицетворенная свинство и грязь отъ головы до выкрашенныхъ красныхъ ногтей. Вслѣдъ за щегольскимъ фаэтономъ, тащится на 3-хъ аршинныхъ колесахъ скрипучая арба, запряженная одной лошадью, убранной бубенчиками и сѣделкой величиною съ цѣлое сѣдло. Замореннный, тяжело навьюченный верблюдъ улегся на мостовой и, протянувъ вверхъ свою милую морду, всматривается спокойными, добрыми глазами въ происходящую вокругъ него суету. Муша тащитъ на спинѣ тяжесть, предъ которой нашъ 9-ти-пудовый куль кажется игрушкой. Продавецъ воды въ кувшинахъ, перекинутыхъ чрезъ спину крошечнаго ишака, во все горло выкрикиваетъ свой товаръ. Персіянинъ въ бараньей шапкѣ, напоминающей и формой и величиной кадушку съ мороженымъ, ѣдетъ верхомъ на ишакѣ, который съ трудомъ сѣменитъ подъ нимъ маленькими ногами, тогда какъ ноги всадника почти тащатся по землѣ. Лошади и ишаки зачастую раскрашены той-же красной краской, который персіяне красятъ бороды и ногти. Таково общее впечатлѣніе, которое производитъ Баку при первомъ взглядѣ.

Въ городѣ слѣдуетъ осмотрѣть: *набережную, губернаторскій—онъ-же и городской садъ, персидскій городъ, старую крѣпость, ханскій дворецъ и мечеть и, разумѣется, съѣздить въ Балаханы, Сабунчи, Сураханы и въ Черный городъ, на заводы Нобеля*, на что, какъ я упомянулъ выше, необходимо имѣть дозволеніе изъ конторы.

Набережная Александра II-го, обложенная камнемъ, въ родѣ набережной Невы, съ каменнымъ парапетомъ и широкимъ тротуаромъ,—главное мѣсто прогулки бакинскихъ жителей. Красивый видъ на городъ, окрестныя горы, Баиловъ мысъ, море и заливъ, покрытый пароходами и торговыми судами. Поверхность воды у набережной постоянно покрыта тонкимъ слоемъ нефти. Таможня и пристани обществъ: «Кавказъ и Меркурій», «Лебедь» и др.

Digitized by Google

Губернаторскій (городской) садъ—на набережной, разведенъ съ величайшимъ трудомъ, вслѣдствіе недостатка прѣсной воды. (Въ городѣ два солонцовыхъ фонтана, вода-же для питья привозится съ горъ изъ колодцевъ, глубина которыхъ доходитъ до 70-ти саженъ). Садъ не великъ и расположенъ на горѣ, вдоль старой крѣпостной стѣны; въ немъ есть даже бассейнъ съ лебедями и водоподъемной вѣтряной машиной; въ немъ-же вокзалъ, въ которомъ, по праздникамъ, играетъ музыка и устроиваются танцы; здѣсь-же и лѣтнее помѣщеніе клуба. Видъ на море. Хотя садъ не великъ и жидокъ, но для Баку и это благодать, во время-же музыки публики набирается въ немъ до положительной толкотни.

Персидскій городъ, ханскій дворецъ и мечеть. Для осмотра ихъ надобно взять фаэтонъ и подняться вдоль старой стѣны, въ гору, по ужаснѣйшей мостовой, и остановиться у *персидскаго города,* въ которомъ не только проѣхать фаэтону, но и двумъ верховымъ нельзя разъѣхаться. Въ немъ не улицы, а какіе-то корридоры между каменными бѣлыми стѣнами и сплошными домами безъ оконъ; только однѣ двери, и то постоянно запертыя, и указываютъ, что здѣсь живутъ люди; развѣ изрѣдка встрѣтится грязный мальчишка или дряхлый старикъ, которые не преминутъ случая протянуть руку за бакшишемъ. Вы подходите къ воротамъ старой крѣпости, всходите на стѣну и видите сверху *ханскій дворецъ,* занятый, въ настоящее время, артиллерійскими складами и потому недоступный для публики. Онъ построенъ изъ сѣраго гранита въ арабскомъ стилѣ; рисунки высѣченныхъ украшеній и надписей замѣчательно хороши. Я осматривалъ его внутренность въ 1874 г. Въ немъ замѣчательны: зала, баня и подземный ходъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, стѣны носятъ слѣды ядеръ и картечи. *Мечеть,* выстроенная въ томъ-же родѣ, отдана, въ настоящее время, мусульманамъ, которые и отправляютъ въ ней свое богослуженіе.

Digitized by Google

Памятникъ кн. Циціанову.

Гостиницы: Италія, Россія, Европа и др.—не особенно комфортабельны и не дешевы.

Извощики—фаэтоны; конецъ—20 к.; за 1 часъ—60 к. Для осмотра нефтяныхъ источниковъ и заводовъ, надо нанять фаэтонъ на весь день, что стоитъ 5—7 рублей. Распорядившись такимъ образомъ, можно въ одинъ день осмотрѣть рѣшительно все.

Желѣзная дорога въ Балаханы и далѣе—2 раза въ день; ѣзды 1 часъ. Лучше нанять фаэтонъ.

Фотографіи: Яворскаго и Германа.

Лучшія улицы, послѣ набережной—Горчаковская и Михайловская.

Поѣздка въ Балаханы, Сабунчи и Сураханы. Прежде чѣмъ нанять фаэтонъ и отправиться на осмотръ этихъ знаменитыхъ мѣстностей, я попрошу позволенія сказать о нихъ вообще нѣсколько предварительныхъ словъ. *Балаханы* (или Балханы, въ русскомъ произношеніи)—главное мѣсто добыванія нефти—находятся верстахъ въ 8-ми къ сѣверу отъ Баку; съ нихъ обыкновенно и начинаютъ осмотръ. Въ настоящее время, въ нихъ считаютъ до 400 буровыхъ скважинъ или колодцевъ; добыча нефти простирается до 40 милліоновъ, а вывозъ керосина изъ Баку до 12 мил. пудовъ. *Сабунчи*—татарская деревня, ниже Балаханъ, по дорогѣ въ Сураханы — главный резервуаръ нефти, стекающей изъ Балаханъ. Резервуаръ этотъ представляется въ видѣ запруженнаго озера, версты $1^1/_2$ въ длину и около 1 версты въ ширину. Отсюда нефть проводится по чугуннымъ трубамъ въ Черный городъ, а изъ него, въ видѣ керосина, по трубамъ-же, въ баржи или въ нарочно устроенные для этого вагоны на желѣзной дорогѣ. Протяженіе всѣхъ трубъ, какъ я сказалъ выше, простирается до 90 верстъ, а количество прогоняемой черезъ нихъ нефти доходитъ до 400 тысячъ пудовъ въ сутки. Прежде нефть перевозилась на заводы въ бурдюкахъ, вьючными эшаками и лошадями, транс-

Digitized by Google

порты которыхъ тянулись безпрерывно изъ Балаханъ въ Баку и обратно, — съ проведеніемъ-же трубъ, конечно, перевозка эта должна была прекратиться, и перевозчики татары, лишившись выгоднаго заработка, пытались было портить трубы, но вскорѣ вынуждены были отказаться отъ этихъ попытокъ. Чтобы показать наглядно, въ какомъ еще младенчествѣ находится у насъ бакинское нефтяное дѣло, скажемъ только, что въ Пенсильваніи, въ Америкѣ, протяженіе трубъ равняется 7,500 верстамъ, соединяющимъ между собою 20 тысячъ колодцевъ. *Сураханы* (Сурханы), верстахъ въ 8-ми къ востоку отъ Балаханъ, близъ моря—мѣсто, гдѣ отдѣляется наружу горючій нефтяной газъ, на разсчетѣ пользованія которымъ, какъ даровымъ топливомъ, и построенъ керосиновый заводъ Кокорева и К°. Тутъ-же находится и столько разъ описанный монастырь гебровъ или огнепоклонниковъ, въ настоящее время совершенно пустой.

Балаханы. Выѣхавъ изъ Баку и оставивъ вправо Черный городъ, путешественникъ переѣзжаетъ рельсовый путь, по бокамъ котораго устроены воздушные краны, для наливанія керосина прямо въ вагоны, подходящіе подъ нихъ по желѣзной дорогѣ. Совершенно неразработанная колесная дорога идетъ песчано-солонцоватой пустыней; на ней встрѣчаются только двѣ или три плосковерхія, небольшія каменныя постройки, долженствующія изображать собой караванъ-сараи, но во внутренность ихъ я не совѣтую и заглядывать. Попадаются также прѣсноводныя подземныя цистерны, въ которыхъ персіяне и татары поятъ лошадей, моютъ всѣ подлежащія омовенію части тѣла и потомъ не брезгуютъ пить воду сами; тоже заглядывать не совѣтую. Проѣхавъ долину соленаго озера, на которомъ устроено нѣсколько соляныхъ резервуаровъ, поднимаются въ гору и пріѣзжаютъ въ Балаханы, представлявшіяся издали, какъ я говорилъ, въ видѣ кипарисовой рощи.

Я былъ въ Балаханахъ два раза: въ 1874 и 1883 гг. Въ первое мое путешествіе я ихъ нашелъ чуть ли не въ томъ-же

Digitized by Google

положеніи, въ какомъ ихъ видѣлъ, блаженной памяти, Александръ Дюма, когда въ глубинѣ бурилъ еще, совершенно безполезно, нефтяной колодецъ Халѣфи (Дюма называлъ его тартаромъ), а въ Сураханахъ жилъ еще гебръ, единственный наслѣдникъ 6-ти полупомѣшанныхъ фанатиковъ, такъ краснорѣчиво описанныхъ болтливымъ французомъ. Чернаго города еще не существовало, а было только нѣсколько заводовъ при выѣздѣ изъ Баку; изъ нихъ самымъ главнымъ считался заводъ Мирзоева. Нефтепроводныхъ трубъ тоже не было, а вся нефть перевозилась, какъ я говорилъ выше, на вьюкахъ. Буровыхъ колодцевъ было только 25, и вся нефть вытаскивалась изъ нихъ, ручнымъ способомъ, посредствомъ черпальныхъ цилиндровъ. Правда, и тогда уже былъ фонтанъ Вермишева, вначалѣ бившій безпрерывно, а впослѣдствіи выбрасывавшій 280 ведеръ каждые полчаса, съ вѣрностью хронометра. Но, вообще, нефтяное дѣло было еще въ зародышѣ, и вывозъ керосина не достигалъ и 1 мил. пудовъ. Постараюсь-же теперь описать Балаханы, какими я ихъ нашелъ въ послѣднее время.

Оставивъ коляску при въѣздѣ, мы пошли осматривать Балаханы. Еще издали чувствовался сильный нефтяной запахъ, а едва мы подались нѣсколько впередъ, какъ очутились среди нефтяныхъ бассейновъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другаго небольшими канавками и ровиками. Видъ ихъ напоминалъ орошаемыя рисовыя поля, только съ тою разницею, что, вмѣсто воды, участки были покрыты нефтью. По всему пространству, какое только можно было окинуть глазомъ, стояли почернѣлыя вышки надъ буровыми колодцами, изъ которыхъ нефть выливалась прямо въ бассейны, а оттуда уже, чрезъ цѣлую систему спусковъ, сбѣгала въ Сабунчи. Пробираясь осторожно по плотинкамъ между бассейнами, мы вскорѣ услышали какой-то ревъ и свистъ—точно ревѣлъ и свистѣлъ паровозъ, когда изъ него выбивается паръ, только звукъ былъ въ нѣсколько разъ сильнѣе и громче. Это былъ фонтанъ

Digitized by Google

Карганова, бившій, безъ перерыва, уже цѣлыя двѣ недѣли. Нефть выкидывалась вверхъ, по крайней мѣрѣ, аршинъ на 20 и, ударяясь въ крышу вышки, падала внизъ струями и мелкой пылью; рабочіе, то и дѣло, проводили ее лопатами по канавѣ. Діаметръ трубы былъ 10 дюймовъ, а количество выбрасываемой нефти доходило до 400 тыс. пудовъ въ сутки. Къ фонтану нельзя было подойти на нѣсколько саженъ, не рискуя быть обрызганнымъ нефтью.

Сорокъ милліоновъ пудовъ добываемой, въ настоящее время, ежегодно нефти, повидимому, вовсе даже и не указываютъ на признаки истощенія, чему доказательствомъ служатъ открывающіеся, время отъ времени, фонтаны, подобные описанному; такъ, въ августѣ 1880 г., билъ такой-же фонтанъ Красильникова, загорѣвшійся отъ чьей-то неосторожности. Зрѣлище, какъ говорятъ, было ужасное, и въ Баку чуть не задыхались отъ дыма. Собранныя войска и народъ только и могли сдѣлать, что остановить распространеніе пожара, фонтанъ-же погасъ, когда пересталъ бить, и, такъ сказать, задохся въ своемъ собственномъ дымѣ.

Число всѣхъ нефтяныхъ десятинъ около Баку насчитываютъ, въ настоящее время, нѣсколько сотъ, и цѣнность ихъ такова, что, по слухамъ, генералъ Красносельскій и не думаетъ отдавать пожалованныя ему 10 десятинъ за 250 тысячъ, т. е. по 25 тыс. руб. десятину. Мнѣ говорили, что у правительства остается еще нероздаанныхъ десятинъ около ста, и роздачей ихъ стали теперь распоряжаться такъ экономно, что даже на просьбу учебнаго вѣдомства отвести нѣсколько десятинъ въ пользу учебныхъ заведеній не послѣдовало никакого отвѣта.

Побродивъ изъ конца въ конецъ по Балаханскому нефтяному морю и подивившись его богатствамъ, мы, чрезъ *Сабунчи*, мимо его нефтянаго озера, поѣхали въ *Сураханы*, лежащіе верстахъ въ 8-ми на востокъ, къ морю, отъ Балаханъ.

Сураханы. Еще не доѣзжая до нихъ, путешественникъ видитъ

Digitized by Google

какія-то ямы, изъ которыхъ пылаетъ огонь: это здѣшнія известково-обжигательныя печи. Дѣло дѣлается очень просто: вырывается яма, въ нее наваливается известь, зажигается выходящій изъ земли газъ—и все готово. Но вотъ заводъ Кокорева и К°, выстроенный въ видѣ какого-то аббатства. Онъ примыкаетъ къ стѣнѣ бывшаго монастыря огнепоклонниковъ, изъ которыхъ здѣсь теперь не осталось уже ни одного. На дворѣ завода разведенъ садъ, а посреди двора возвышается труба, въ которую выходитъ подземный газъ, зажигаемый по ночамъ для освѣщенія; заводовъ два: одинъ, который предполагалось отоплять подземнымъ даровымъ огнемъ, въ настоящее время въ бездѣйствіи, вѣроятно, по недостатку газа (между тѣмъ какъ это даровое топливо и было главнымъ мотивомъ для его основанія), другой дѣйствуетъ и отапливается, какъ и всѣ бакинскіе заводы, нефтью, проходящую сюда также по проложеннымъ трубамъ. Осматривая въ 1874 г. сураханскій заводъ, я и тогда удивлялся. Какой разсчетъ былъ г. Кокореву строить его на даровомъ огнѣ, когда нефть продавалась въ Балаханахъ по 1 к., а провозъ ея, для передѣлки, въ Сураханы стоилъ 3 к. за пудъ. Мнѣ казалось, что керосинъ, добытый чрезъ даровое топливо, долженъ былъ обходиться гораздо дороже добытаго обыкновеннымъ способомъ въ Баку, и все предпріятіе невольно представлялось какимъ-то миражемъ, освѣщаемымъ, для простодушныхъ акціонеровъ, мерцавшимъ гдѣ-то тамъ, вдали, сураханскимъ подземнымъ огнемъ. Теперь, какъ я уже сказалъ, этотъ *даровой заводъ* не дѣйствуетъ, и нефть, для топлива и передѣлки, проводится, какъ и въ Черный городъ, по чугуннымъ трубамъ. Недалеко отъ Сураханъ находится пристань *Зыки,* въ которой сураханскій керосинъ грузится на пароходы.

Монастырь огнепоклонниковъ, примыкающій стѣной къ стѣнѣ къ заводу Кокорева, теперь пустъ, и его 12 келій никѣмъ не обитаемы и ничѣмъ не заняты, потому что это мѣсто было подарено когда-то нашимъ правительствомъ огнепоклонникамъ и

Digitized by Google

составляетъ ихъ собственность, хотя хозяева давно отсутствуютъ и неизвѣстно даже существуютъ ли гдѣ нибудь въ настоящее время. Посреди монастырскаго двора все еще, по прежнему, стоитъ, подъ каменнымъ балдахиномъ, колодецъ съ газопроводной трубкой, на огнѣ которой, по преданію, гебры сожигали трупы своихъ усопшихъ. Когда монастырь былъ обитаемъ, то въ каждую башню и въ каждый зубецъ его стѣны были проведены газопроводныя трубки. Въ торжественные дни все это зажигалось и представляло великолѣпную иллюминацію; теперь, разумѣется, ничего этого уже нѣтъ. Послѣдній факиръ, котораго я еще засталъ въ 1874 г.,—очень благообразный и сытый,—жилъ здѣсь отлично. Онъ, для всѣхъ посѣтителей, отправлялъ свое богослуженіе, т. е. надѣвалъ бѣлый индійскій костюмъ, зажигалъ газъ, звонилъ въ колокольчикъ и бормоталъ, стоя на колѣняхъ, какія-то молитвы; все это продѣлывалось, конечно, не даромъ. Онъ также пользовался доходомъ и за отдачу двора и келій для помѣщенія рабочихъ на заводѣ. Вѣроятно, онъ собралъ-таки довольно и отправился въ Индію не съ пустыми руками, оставивъ, сказать между прочимъ, о себѣ пресквернѣйшую память.

Осмотрѣвъ все вышеизложенное, путешественникъ можетъ съ совершенно спокойной совѣстью распроститься съ Баку.

Тифлисско-потійская желѣзная дорога.

Главныя станціи отъ Тифлиса слѣдующія: *Гори; Михайловка* (*омнибусы* въ Абасъ-Туманъ ($97\frac{1}{2}$ в.), чрезъ Боржомъ ($27\frac{1}{2}$ в. отъ Мих.): воскресенье, среда и пятница; цѣна до Боржома 1 р. 93 к., 1 р. 10 к., 55 к.; до Абасъ-Тумана 6 р. 76 к., 3 р. 86 к., 1 р. 93 к.); *Бажатубань; Квирилы; Ріонъ* (*вѣтвь жел. дор. на Кутаисъ;* цѣна 17 к., 15 к., 11 к.; переѣздъ 17 мин.); *Самтреди;* цѣна 12 р. 89 к., 13 р. 84 к., 7 р. 7 к.; переѣздъ 10 ч. 37 м. (*вѣтвь на Батумъ;* цѣна 5 р. 63 к., 4 р. 23 к., 2 р. 16 к.; переѣздъ отъ

Digitized by Google

Тифлиса 13 ч. 20 м.; *омнибусы въ Озургеты;* цѣна 2 р. 30 к.); *Ново-Сенаки* (*омнибусы въ Зугдиди;* цѣна 2 р.); *Поти;* цѣна 16 р. 31 к., 12 р. 24 к., 6 р. 26 к.; переѣздъ отъ Тифлиса 14 ч. 23 м.

Примѣчаніе. Съ открытіемъ вѣтви отъ Самтреди на Батумъ, всѣ, почти безъ исключенія, путешественники избираютъ эту дорогу, оставляя Поти въ сторонѣ. Цѣна отъ Тифлиса до Батума, чрезъ Самтреди: 18 р. 52 к., 13 р. 89 к., 7 р. 9 к. Переѣздъ 15 часовъ.

Дорога отъ Тифлиса до Гори идетъ долиной Куры, которую переѣзжаютъ передъ Мцхетомъ. Живописнаго въ этой мѣстности немного; нѣсколько мостовъ; оголенныя и распаханныя, но вдали все еще покрытыя лѣсомъ горы; деревни въ садахъ; орошаемыя поля; развалины по горамъ массивныхъ и лишенныхъ изящества, какъ и вездѣ на Кавказѣ, замковъ—вотъ и все, что можно сказать объ этой части дороги. Тамъ, гдѣ Кура течетъ по узкому ущелью (въ началѣ дороги), дуетъ иногда такой рѣзкій вѣтеръ, что разница между сухимъ и смоченнымъ термометромъ доходитъ до 10°, и потому людямъ, подверженнымъ простудѣ и лихорадкамъ, не мѣшаетъ принять это къ свѣдѣнію.

Недалеко отъ Гори долина расширяется; къ сѣверу мѣстность открыта, а къ юго-западу тянутся лѣсистыя Гурійскія горы, гдѣ, по преданію, аргонавты искали золотое руно. Надъ городомъ, вправо, возвышается, видная издалека, остроконечная гора съ старинным монастыремъ св. Георгія на вершинѣ, а внизу, при сліяніи Ляхвы и Куры, совершенно отдѣльно отъ всего, лежитъ, въ родѣ острова, между разливами первой, огромная масса, увѣнчанная развалинами крѣпости; это—*Горисъ-Цихе,* составляющая главную достопримѣчательность городка, раскинувшагося у ея подножія. Не доѣзжая 7-ми верстъ до Гори, можно разсмотрѣть въ бинокль, по правую сторону дороги, знаменитый не только въ Закавказьѣ, но и составляющій всесвѣтную рѣдкость, высѣченный въ скалѣ *городъ такъ называемыхъ троглодитовъ:*

Digitized by Google

Уплисъ-Цихе—надъ деревнею того-же имени. Если есть время, то грѣшно проѣхать мимо и не осмотрѣть эту рѣдкость. Ѣхать туда слѣдуетъ изъ Гори въ экипажѣ или верхомъ. Лошадей можно нанять на главной улицѣ. *Цѣна* за верховую лошадь туда и обратно $1^1/_2$ — 2 р., за лошадь проводника тоже самое. Проводнику при этомъ ничего ужъ не платятъ, а даютъ только на водку.

Уплисъ-Цихе. Прежде чѣмъ начать описаніе этой рѣдкости, скажемъ нѣсколько словъ о *троглодитахъ*. Что это были за люди, и откуда получило начало это странное названіе? Страбонъ говоритъ, что на сѣверномъ скатѣ Кавказа, у Гиппонаса (Кубани), находится народъ троглодиты, живущій, по причинѣ стужи, въ пещерахъ и имѣющій изобиліе въ хлѣбѣ и овощахъ. Съ тѣхъ поръ и принято называть этимъ именемъ всѣхъ вообще пещерныхъ жителей. Но что это были за люди, когда они жили и что заставляло ихъ жить въ вырубленныхъ на высотахъ пещерахъ — объ этомъ мы ровно ничего не знаемъ. Можно сказать только одно навѣрное, что, назадъ тому нѣсколько тысячелѣтій, въ доисторическія времена, людская жизнь была такова, что для сохраненія ея необходимо было жить въ недоступныхъ пещерахъ.

Пещеръ этихъ на Кавказѣ, въ Азіатской Турціи и въ Персіи весьма много; онѣ есть также и въ Крыму, близъ Инкермана. Почти всѣ эти пещеры, вырубленныя иногда въ нѣсколько ярусовъ одна надъ другой, небольшаго размѣра, безъ всякихъ украшеній и могли быть обитаемы только совершенными дикарями. *Уплисъ-Цихе,* въ этомъ отношеніи, представляетъ совершенное исключеніе. Осматривая его, видишь, что начало этого страннаго города слѣдуетъ тоже приписать троглодитамъ, но, вѣроятно, положеніе его было настолько благопріятно, что и народы историческіе расположили въ немъ свои жилища и распространяли и доканчивали первобытныя работы дикарей во всѣхъ направленіяхъ. Видно, что здѣсь господствовали просвѣщеніе, роскошь и даже любовь къ

Digitized by Google

искусствамъ. Въ изумленіи останавливаешься передъ памятниками старо-греческой, римской, арабской и даже готической архитектуры, слѣдовъ которой рѣшительно нѣтъ во всемъ краѣ. Кирпичная, почти развалившаяся христіанская церковь, тоже существующая въ Уплисъ-Цихе, повидимому, нѣсколько столѣтій, кажется, въ сравненіи съ окружающимъ ее, новенькою постройкой.

Грузинскія лѣтописи о *постройкѣ Уплисъ-Цихе* говорятъ только слѣдующее: отъ Ноева сына Іафета произошелъ, въ 3-мъ или 4-мъ колѣнѣ, родоначальникъ армянъ и грузинъ *Таргамосъ*. У него было 8 сыновей, и по имени одного изъ нихъ, *Картлоса*, названо племя *карталинцевъ*. Сынъ Картлоса, *Михетосъ*, построилъ городъ Михетъ *(Мцхетъ)*, древнюю столицу Грузіи. Сынъ Михетоса, *Уплисъ*, построилъ города *Каспъ, Урбнисъ* и *Уплисъ-Цихе, что значитъ — замокъ Уплиса. Уплисъ-Цихе* былъ городомъ до нашествія Чингисъ-Хана. Построеніе его было изумительное и заключалось въ покояхъ, высѣченныхъ въ скалѣ; одна изъ этихъ пещеръ простиралась до Мтквари, т. е. до Куры. Уплисъ-Цихе одна изъ замѣчательнѣйшихъ древностей Кавказа, и это подземное сооруженіе послужило образцомъ для *Вардзіа* *), дворца Тамары, который былъ тоже выдолбленъ въ скалѣ. Вотъ и все, что говорятъ намъ лѣтописи. Можно сказать почти навѣрное, что вопросъ о троглодитахъ останется навсегда не разрѣшеннымъ.

Дорога до Уплисъ-Цихе идетъ выжженной и безплодной мѣстностью, пересѣченною крутыми оврагами; деревушка представляется роскошнымъ оазисомъ; внизу ея шумитъ Кура, а высоко наверху въ желтой, отвѣсной скалѣ, какъ глазныя впадины въ черепѣ, виднѣются отверстія пещеръ, изъ которыхъ большая часть недоступна для осмотра. Оставивъ лошадей въ деревнѣ и обогнувъ гору, взбираются въ городъ троглодитовъ по тропинкѣ, имѣющей

*) О немъ мы скажемъ при описаніи Боржомскаго ущелья.

Digitized by Google

видъ желоба. Взбираться приходится не высоко, и черезъ нѣсколько минутъ вамъ открывается городъ. Дорожка забираетъ влѣво, и вы проходите небольшой площадкой или, скорѣе, улицей, называемою *базаромъ,*—и въ самомъ дѣлѣ, помѣщенія, находящіяся на ней, могли быть или лавками, или духанами; тутъ есть и остатки каменной стѣны и какое-то открытое жилище (въ родѣ сакли) со скамьею снаружи. Пройдя далѣе, мимо нѣсколькихъ комнатъ и погребовъ, встрѣчаютъ *открытую залу*, въ видѣ полукруглой арки, украшенной изнутри красиво вырубленными 8-ми-угольными розетками, между которыми находятся четырехъ-угольныя розетки; работа ихъ хороша и даже, можно сказать, изящна; по бокамъ этой залы и сзади ея по комнатѣ; на потолкѣ правой комнаты вырублены балки, въ подражаніе деревяннымъ; въ полу углубленіе, вѣроятно для воды, а въ стѣнахъ — небольшія ниши для посуды; въ лѣвой комнатѣ ниши, въ родѣ дивана, съ аркой; въ заднюю комнату надо подниматься по 3-мъ ступенькамъ. Зала, вмѣстѣ съ боковыми комнатами, имѣетъ около 20 шаговъ длины, и всѣ онѣ снаружи украшены однимъ *фронтономъ*. Впереди залы, надъ обрывомъ, *полукруглая площадка,* въ родѣ террасы или балкона. Какое было назначеніе этой, имѣющей характеръ древнегреческаго стиля залы? Былъ ли это языческій храмъ или пріемный покой какого нибудь властелина? Ничто не даетъ на это никакого отвѣта. Поднимаясь отсюда вправо и пройдя мимо нѣсколькихъ помѣщеній, находятъ *большую залу* съ прекрасно-высѣченнымъ потолкомъ въ видѣ досокъ, лежащихъ на балкѣ; балка поддерживалась двумя колоннами, которыхъ пьедесталы еще цѣлы. Эта зала также окружена нѣсколькими комнатами съ арками; въ потолкѣ ея правильно выложенная камнемъ дымовая труба. Поднимаясь еще далѣе, проходятъ мимо *христіанской церкви*, о которой мы упоминали выше,—она выстроена тоже на жилищахъ троглодитовъ. Поднявшись отсюда вверхъ, налѣво встрѣчаютъ прекрасно вытесанную *комнату съ 4-мя правильными, пе-*

Digitized by Google

рекрещивающимися сводами, которыхъ общій узелъ поддерживается колонною; комната эта находится въ лѣвомъ углу двора, тоже окруженнаго комнатами, и носитъ на себѣ характеръ арабской архитектуры. *Кровля большой залы* (съ потолкомъ въ видѣ досокъ), по которой приходится проходить, плоская, и на ея краю, кончающемся обрывомъ, видны слѣды балюстрадинъ, — конечно, она была плоской террасой. Далѣе налѣво комнаты, изъ которыхъ одна со стрѣльчатыми сводами; ее называютъ, неизвѣстно, впрочемъ, почему, *церковью*. Надобно сказать, что, вообще, весь этотъ подземный городъ ни въ чемъ не проявляетъ христіанскаго характера. Отсюда идетъ *галлерея*, ведущая въ нѣсколько подобныхъ-же маленькихъ комнатъ; отверстія ихъ, видимыя когда подъѣзжаешь къ Уплисъ-Цихе, выходятъ надъ отвѣсною скалою; изъ нихъ открывается обширная панорама на долину Куры, а глубо внизу расположилась, будто муравейникъ, деревня.

Жалкій видъ имѣетъ эта безобразная куча плосковерхихъ саклей въ сравненіи съ висящимъ надъ нею неразгаданнымъ памятникомъ троглодитовъ; обширные сады деревушки расположены отдѣльно отъ нея, по другую сторону скалы, и представляютъ сверху тоже рѣзкій контрастъ съ жилищами своихъ бѣдныхъ хозяевъ.

Обратно можно спуститься или по прежней дорогѣ, или черезъ выдѣланный въ скалѣ длинный *тунель;* спускъ этотъ интересенъ, но очень неудобенъ и крутъ.

Съ страннымъ чувствомъ покидаешь таинственный городъ троглодитовъ. Кто и когда населялъ эти подземныя жилища, какъ темныя пасти зіяющія со всѣхъ сторонъ на путешественника? Навсегда остаются въ памяти эти улицы съ вытесанными для воды канавками, эти ворота, лѣстницы, площади, дворцы, духаны, покои съ нишами и скамьями. Цѣлые вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ заброшены всѣ эти громоздящіяся другъ на друга постройки; дворцовыя залы ихъ служатъ теперь для загона на ночь овецъ; пастухъ разводитъ въ нихъ свой дымный костеръ, и только путешествен-

Digitized by Google

никъ посѣщаетъ таинственный городъ для того, чтобы, подивившись, покинуть его въ полномъ недоумѣніи.

На возвратномъ пути въ Гори влѣво, на правомъ берегу Куры, видна деревня, скрывающаяся, по здѣшнему обыкновенію, въ садахъ. Это *Атени,* имѣніе князей Эристовыхъ. Живописное *Атенское ущелье* усѣяно разрушенными башнями и развалинами города *Атени,* въ которомъ сохранились три церкви, а еще выше, въ глубинѣ ущелья, надъ обрывомъ утеса, надъ бурнымъ потокомъ *Тани, Сіонская обитель* прекраснѣйшей архитектуры. Недалеко отъ Атени, въ деревнѣ *Гварѣби* единственный во всемъ краѣ стеклянный заводъ. Въ Атени *экипажъ стоитъ* около 5-ти рублей туда и обратно.

Гори.

Объ этомъ городкѣ, игравшемъ когда-то значительную роль въ исторіи Грузіи, многаго сказать нечего. Онъ имѣетъ собственно одну довольно порядочную главную улицу, на которой нѣкоторые дома красивы и украшены оригинальными прорѣзными балкончиками и галлереями—общею принадлежностью всѣхъ хорошихъ построекъ въ южныхъ странахъ. Въ городѣ есть старинная церковь съ остроконечнымъ куполомъ, крытымъ разноцвѣтными изразцами. Городъ, сравнительно съ великорусскими уѣздными городами, можетъ быть названъ очень опрятнымъ, потому что каменистый грунтъ легко позволяетъ устроивать шоссе и мостовую.

Извощичьи экипажи—очень хорошенькіе фаэтоны, которые, впрочемъ, не стоятъ на биржѣ, и ихъ надобно нанимать на дворѣ у хозяевъ.

Горисъ-Цихе расположена на отдѣльной ото всей окружающей мѣстности горѣ, имѣющей до пятисотъ саженъ въ окружности и отдѣляющейся отъ сосѣднихъ горъ рѣками Курой и Ляхвой. Около крѣпости течетъ рѣчка, называемая русскими *Пшонка.* Издали и крѣпость и гора представляются сѣрою массой безъ всякой раститель-

Digitized by Google

ности, да и въ самомъ дѣлѣ здѣсь, кромѣ сорныхъ травъ, ничего не ростетъ. Отъ крѣпости, занимающей вершину горы, сбѣгаютъ книзу, на сѣверо-западъ, вплоть до самой долины, двѣ массивныхъ стѣны, проходъ между которыми составляетъ какъ бы длинную галлерею, оканчивающуюся воротами; проходъ этотъ пересѣченъ еще семью поперечными стѣнками, также имѣющими ворота и снабженными (хотя и не всѣ) башнями для фланговой обороны. Нѣтъ надобности добавлять, что такимъ образомъ укрѣплена самая доступная часть горы. Этотъ оригинально укрѣпленный спускъ составляетъ самую замѣчательную часть постройки. Нельзя не признать въ строителѣ большихъ способностей и знанія своего дѣла. При отсутствіи у нападающаго артиллеріи, *Горисъ-Цихе* могла считаться совершенно неприступною крѣпостью.

Время постройки Горисъ-Цихе неизвѣстно, но о ней уже упоминается въ грузинскихъ лѣтописяхъ VII столѣтія, какъ объ одномъ изъ надежнѣйшихъ укрѣпленій во всей Грузіи. Ираклій II часто находилъ въ ней убѣжище при нашествіи лезгинъ, персіянъ и турокъ. И теперь еще можно слышать разсказы, передаваемые народу старожилами, о томъ, какъ *мимбаши* (комендантъ), въ опасное время, пропускалъ въ крѣпость окрестныхъ жителей, осаждавшихъ ея ворота при наступленіи вечера. Впустивъ ихъ, мимбаши запиралъ ворота самъ и хранилъ ключи у себя, а жители, размѣстившись въ тѣхъ помѣщеніяхъ, которыя видны въ стѣнахъ еще и до сихъ поръ, вполнѣ забывали объ опасности.

Должность *мимбаши* въ Горисъ-Цихе давалась самымъ вѣрнымъ и испытаннымъ царскимъ слугамъ, и служба ихъ награждалась грузинскими царями очень щедро.

Площадь внутри крѣпости представляетъ неровную плоскость, усѣянную грудами развалинъ. По срединѣ ея видна и доселѣ глубокая яма, выложенная камнемъ и служившая для сбора дождевой воды.

Мѣстность самой горы печальна и однообразна; растительность

Digitized by Google

не украшаетъ стѣнъ крѣпости; повсюду царствуетъ мертвая тишина, и только ящерица да дикіе голуби изрѣдка нарушаютъ ее. Но оглянитесь кругомъ: обширная долина, роскошно одѣтая самою разнообразною растительностью, ежечасно окрашивается новыми красками и, убѣгая вдаль, ограничивается на горизонтѣ покрытыми зеленью горами, которыя вѣнчаетъ высокій *Брутенбзели* въ вѣчно снѣговой діадемѣ.

Остается еще сказать про прогулку на гору къ *церкви св. Георгія*, откуда открывается великолѣпный видъ. Прогулку эту надо дѣлать пѣшкомъ. Долина за Гори была прежде покрыта густымъ лѣсомъ, теперь это мелкій кустарникъ.

До *Сурама* дорога проходитъ одной изъ плодороднѣйшихъ долинъ Грузіи. Направо въ сторонѣ видна деревня *Урбниси*, на томъ мѣстѣ, гдѣ, во время Александра Македонскаго, былъ городъ того-же имени. И теперь еще тамъ находятъ много римскихъ и греческихъ монетъ и разныхъ женскихъ украшеній; въ деревнѣ церковь, построенная царемъ *Горгосланомъ*.

Выше Урбниси лежитъ деревня *Руиси*, бывшая въ старину городомъ и резиденціею царя *Давида Возобновителя*, когда Тифлисъ былъ въ рукахъ сарацинъ. Здѣсь въ церкви, имъ построенной, но неоднократно обновленной, богатый даръ его—большія, вышиною до двухъ аршинъ, серебряныя *складни*, съ чеканною на нихъ иконою Богоматери, съ частью животворящаго креста и 300 частицъ мощей. За Руиси влѣво церковь *Соволакеви*, направо церковь *Бретская* со святынями.

Со станціи *Михайловки* отходятъ дилижансы въ Боржомъ и Абасъ-Туманъ (см. выше, въ росписаніи станцій).

Боржомское ущелье и Боржомъ.

Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе отъ Михайловки, вы услышите неумолкаемый шумъ Куры, которая, пробиваясь сквозь горы, быстро несется къ вамъ на встрѣчу. Тутъ начинается *Боржом-*

Digitized by Google

ское ущелье или, правильнѣе, ущелье Куры, *Мтквариси-хеоба;* Боржомскимъ-же оно названо недавно, едва ли не русскими, не захотѣвшими, вѣроятно, ломать себѣ языка. Впрочемъ, вамъ тутъ не будетъ времени разсуждать о мертвыхъ названіяхъ предъ оживленной картиной, которая развернется въ вашихъ глазахъ.

Прежде всего васъ поразитъ, въ особенности послѣ обнаженной безлѣсной дороги, густая, яркая, веселая растительность, которая то вѣнчаетъ отвѣсныя базальтовыя скалы, то разстилается по отлогимъ изумрудныимъ горамъ, разсѣченнымъ серебряной лентой буйно текущей Куры. Дорога вьется по лѣвому берегу рѣки, между сжавшихся горъ, вплоть до *Ацхура* (находящагося далѣе Боржома), гдѣ горы снова раздвигаются. На всемъ этомъ пространствѣ по обѣ стороны громоздятся цвѣтистые кустарники сплошною массою и стройныя хвойныя деревья. Панорама измѣняется съ каждымъ изгибомъ рѣки, по обѣ стороны которой упираются въ главное ущелье другія, меньшія ущелья, сопровождающія теченіе рѣчекъ и журчащихъ потоковъ. Въ одномъ изъ этихъ второстепенныхъ ущелій, изъ котораго съ шумомъ вытекаетъ *Шавицхали* (черная вода), и расположенъ *Боржомъ* съ своими цѣлебными источниками. Подъѣзжая къ мѣстечку, вы уже видите на высокомъ холмѣ, близъ моста черезъ Куру, развалившійся замокъ *Гогіецихе.* Немного далѣе, на другомъ берегу, на высокомъ уступѣ, обросшемъ лѣсомъ, надменно выдвигается соперникъ его—*Петерцихе.*

Въ этихъ каменныхъ гнѣздахъ жили нѣкогда, какъ гласитъ народная легенда, два брата, враждовавшіе между собою. Тутъ во всемъ ихъ разгулѣ разыгрывались феодальные нравы и схватки рыцарей большихъ дорогъ. Тутъ нерѣдко доставалось и запоздалому путнику, и купцу-армянину, и оплошавшему каравану. Нерѣдко оба брата, съ ихъ *азнаурами* (дворянами) и нукерами, встрѣчались въ кровопролитныхъ стычкахъ и ужасали свой неслыханной враждой всѣхъ сосѣднихъ князей *(товадовъ).* Наконецъ, ихъ согласили какъ-то къ примиренію, и они съѣхались съ сво-

Digitized by Google

ими приближенными. Братья обнялись, поклялись въ вѣчной дружбѣ и, въ залогъ будущаго согласія, начали опоражнивать турьи рога и азарпеши. Но кахетинское вино не могло залить таившейся въ ихъ сердцахъ ненависти другъ къ другу. При первомъ ничтожномъ предлогѣ завязался споръ, отъ спора дошло до ссоры, отъ ссоры до драки, отъ драки до ножей. Азнауры и нукеры не отстали отъ своихъ владѣтелей, и пиръ кончился тѣмъ, что 60 человѣкъ легло на мѣстѣ.

Съ тѣхъ поръ замки опустѣли и преданы разрушенію.

Достовѣрно извѣстно, что до XVI столѣтія въ боржомскихъ лѣсахъ было значительное населеніе. Отъ него сохранилось, кромѣ многихъ развалинъ замковъ, несмѣтное количество разрушенныхъ церквей. Нѣкоторыя изъ ближайшихъ къ Боржому сохранили слѣды и величественные размѣры византійскаго зодчества. Большая часть этихъ церквей приписывается *Тамарѣ,* которая почитала верхнюю Карталинію лучшимъ перломъ своего вѣнца и основала свое пребываніе въ окрестностяхъ Ахалциха, въ крутой, обрывистой скалѣ, въ которой высѣченъ былъ дворецъ изъ 360 покоевъ и названъ *Вардзія* (замокъ розъ); онъ лежитъ недалеко отъ Ахалциха, на лѣвомъ берегу Куры, въ пяти верстахъ отъ *Цеда-Тмогви.* Путешественникъ еще можетъ видѣть остатки этого необыкновеннаго царскаго жилища, гдѣ, между кельями и проходами, сохранился въ нѣдрахъ земли храмъ великолѣпныхъ размѣровъ съ живописью на стѣнахъ. Особенно замѣчателенъ портретъ самой Тамары во весь ростъ. Тутъ-же, въ боковомъ предѣлѣ, виденъ каменный балдахинъ, подъ которымъ, вѣроятно, первоначально была похоронена Тамара. Она скончалась въ Вардзіа, но многіе полагаютъ, что тѣло ея отвезено въ *Гелатскій монастырь,* близъ Кутаиса, а другіе утверждаютъ, что настоящая ея могила въ Сванетіи. Вообще, въ судьбѣ ея есть что-то таинственно-величественное; грузинскій народъ горделиво сохраняетъ, послѣ семи вѣковъ, какъ драгоцѣнную святыню, память великой жены, по-

Digitized by Google

дарившей его нѣкогда могуществомъ и славой. Ея благочестію приписываютъ то несмѣтное количество памятниковъ и церквей, которыхъ слѣды постоянно отыскиваются въ густой чащѣ лѣсовъ и въ непроходимыхъ дебряхъ, гдѣ прежде, очевидно, было населеніе, но гдѣ нынѣ надо пробираться съ топоромъ въ рукахъ.

Въ окрестностяхъ *Боржомскаго ущелья* такихъ церквей и памятниковъ насчитывается до двухъ-сотъ. Эти развалины, разбросанныя по вершинамъ и ущельямъ, представляютъ прекрасную цѣль для прогулокъ, живописные виды для художниковъ и цѣлое поле для изысканій археологовъ.

Боржомъ *(нынѣ собственность великаго кн. Михаила Николаевича; пожалованъ ему за покореніе Кавказа)* лежитъ почти въ центрѣ древней Карталиніи, въ ста сорока шести верстахъ отъ Тифлиса и, благодаря климату, давно уже обратилъ на себя вниманіе. Красота природы, разнообразіе горныхъ видовъ, множество мѣстъ для прогулокъ по окрестностямъ, не говоря уже о цѣлебныхъ источникахъ для больныхъ хроническими желудочными болѣзнями, печенью, ревматизмомъ и пр., дѣлаютъ его однимъ изъ очаровательнѣйшихъ мѣстъ въ свѣтѣ. Можно смѣло сказать, что, по царственной величавости горъ и обилію воды, вѣчнымъ шумомъ наполняющей весь городокъ, Боржомъ превосходитъ Баденъ-Баденъ, Висбаденъ, Вильдбахъ, Карлсбадъ и др. горные уголки западной Европы, куда такъ любятъ съѣзжаться наши соотечественники. Правда, бытъ дачниковъ здѣсь отличается суровою, чисто сельскою простотой; кромѣ того, отдаленность всей закавказской группы минеральныхъ водъ отъ Россіи, отсутствіе быстрыхъ и удобныхъ путей сообщенія и, вообще, отсутствіе полнаго комфорта поддерживаютъ безвѣстность многихъ очаровательныхъ мѣстностей Кавказа, а въ томъ числѣ и Боржома. Но въ настоящее время желѣзная дорога уже мчитъ пассажировъ всего въ 25 верстахъ отъ Боржома.

Дворецъ вел. князя, стоящій на лѣвомъ берегу Куры, у са-

Digitized by Google

мой подошвы сѣверо-западныхъ горъ, составляетъ, конечно, самое красивое зданіе во всемъ городкѣ. Онъ отстроенъ изъ дерева въ 1865 году и обращенъ фасадомъ на юго-востокъ—такъ что, будь онъ каменный, лѣтніе солнечные лучи накаляли-бы его до невыносимо высокой температуры, между тѣмъ какъ обращенная къ горамъ тѣневая сторона всегда страдала бы сыростью, которая, при постройкѣ изъ дерева, замѣняется лишь пріятной прохладой. Небольшая *терраса,* по которой разбитъ дворцовый *паркъ,* съ его извилистыми дорожками, спусками, подъемами, цвѣтниками, фонтанами, скамейками, мостиками и т. д., спускается черезъ ахалцихское шоссе прямо къ Курѣ, съ неумолкаемымъ шумомъ и ропотомъ ворочающейся въ своемъ каменномъ ложѣ. *Дворецъ,* какъ-бы врѣзанный на зеленомъ фонѣ горъ, выстроенъ въ мавританскомъ стилѣ въ два этажа, со множествомъ балконовъ и галлерей, которые такъ неоцѣненны на югѣ. Всѣ фронтоны, колонны, перила, карнизы и даже самыя стѣны снаружи украшены мелкой деревянной рѣзьбой, незамѣтной издали, но вблизи пріятно ласкающей глазъ своей игривой пестротой. Окрашенъ онъ въ дикій коричневый цвѣтъ съ зеленью по бокамъ деревянныхъ украшеній. Крыша желѣзная. Говорятъ, что одна постройка его стоила около двухъ-сотъ тысячъ рублей. Не слишкомъ обширное внутреннее помѣщеніе поражаетъ простотой, вкусомъ и удобствомъ—этими необходимѣйшими условіями дачной жизни. Кромѣ службъ изъ двухъ домовъ, дворецъ не стѣсненъ никакими другими постройками; *кавалерскій домъ,* конюшни, прачечныя и проч. разбросаны по разнымъ пунктамъ мѣстечка. Въ зелени дворцоваго парка вы замѣтите только такъ называемый *фрейлинскій домикъ,* въ родѣ шале, и небольшую дѣтскую ферму въ русскомъ стилѣ, населенную преимущественно разными пернатыми и крикливыми обитателями. Это уединенное положеніе дворца, кромѣ удобствъ, придаетъ ему много эффекта. Стоя на горѣ, онъ видимо господствуетъ надъ мѣстностью, которая видна изъ дворца, какъ на ладони.

Digitized by Google

Кромѣ главной террасы, застроенной слободкой, отдѣльные дачные домики разбросаны во всевозможныхъ направленіяхъ: то лѣпятся они по склонамъ и уступамъ горъ, то спускаются къ Курѣ, то прячутся въ тѣнистыя ущелья.

На отдѣльномъ возвышеніи, совершенно особнякомъ, выдѣляется церковь, выстроенная въ тяжеломъ древне-грузинскомъ стилѣ изъ прочнаго и прекрасно вытесаннаго камня съ такой-же крышей.

Резиденціею кавказскихъ намѣстниковъ на лѣтнее время Боржомъ сдѣлался впервые при генералѣ Головинѣ, въ началѣ сороковыхъ годовъ, когда въ этихъ мѣстахъ стояло лишь нѣсколько саклей грузинъ-лѣсопромышленниковъ. Князь Воронцовъ упрочилъ это дѣло, и отъ его времени въ ущельи рѣчки *Боржомки,* противъ главнаго минеральнаго источника, сохранились три маленькіе деревянные домика, замѣнявшіе дворецъ и службы этому государственному человѣку. Даже нынѣшняя администрація въ дальнѣйшихъ улучшеніяхъ Боржома обязана лишь тѣмъ началамъ, которыя были положены въ основаніе этимъ замѣчательнымъ организаторомъ. Прекрасный *натуральный паркъ,* росположенный на черномъ выступѣ праваго берега Куры, удержалъ названіе *Воронцовскаго.* Нѣкоторыя мѣста въ окрестностяхъ носятъ имя его супруги Елизаветы Ксаверьевны, памятной для края за ея благотворительность; таковы: *Елизаветинъ-глазъ,* съ лучшимъ видомъ на Боржомъ, *Елизаветинъ-крестъ* и другія; свѣжія преданія указываютъ даже деревья, которыя княгиня сажала собственными руками.

При кн. Барятинскомъ Боржомъ продолжалъ развиваться, но только съ 1865 г., когда былъ оконченъ нынѣшній дворецъ, Боржомъ сдѣлался уже постояннымъ мѣстопребываніемъ вел. князя намѣстника и рѣшительно выступилъ на путь своего дѣльнѣйшаго развитія и будущей извѣстности.

Сезонъ въ Боржомѣ отъ половины мая до половины октября, а иногда долѣе, когда въ Тифлисѣ господствуютъ самые страшные

Digitized by Google

жары и, вслѣдствіе этого, опасныя болѣзни, принимающія даже иногда эпидемическій характеръ.

Къ сожалѣнію, малочисленность окрестныхъ деревень, лежащихъ на высокихъ, неудобныхъ для сельскаго хозяйства плоскогорьяхъ, поддерживаетъ значительную дороговизну въ Боржомѣ на всѣ жизненные продукты. Наѣзжающіе сюда на лѣто торговцы, особенно изъ армянъ, до послѣдняго времени получали разныя монополіи или затѣвали, вѣками практикуемую ими на Кавказѣ, самую злостную стачку. Новое управленіе закавказской группы минеральныхъ водъ уже приступило къ тому, чтобы положить конецъ этому печальному порядку вещей, устранивъ таксы и создавъ разумную конкурренцію между торговцами. Цѣны на дачи около 50 руб. за комнату. За послѣдніе годы Боржомъ сталъ быстро расти и хорошѣть. Въ 1870 году правительствомъ было отпущено 24 т. руб. спеціально на благоустройство городка. Новое управленіе имѣло, такимъ образомъ, возможность въ одинъ годъ шоссировать новыя улицы, засадить новые парки, построить побольше мостовъ, выстроить прекрасную купальню и т. д.,—а главное привести къ окончанію заведеніе минеральныхъ водъ, наилучшимъ образомъ уже приспособленное къ потребностямъ и удобствамъ больныхъ.

Слѣдующая станція—*Сурамъ,* съ которой дорога оставляетъ долину Куры и начинается живописный *Сурамскій перевалъ.*

За Сурамомъ уже начинается Имеретія, за которою слѣдуютъ Мингрелія и Гурія. Мы сначала опишемъ перевалъ, а потомъ, слѣдуя принятому плану, разскажемъ исторію этихъ трехъ странъ, составляющихъ нынѣ одну Кутаисскую губернію, и коснемся ихъ современнаго положенія.

Сурамъ—торговое мѣстечко, въ родѣ нашихъ богатыхъ селъ; главная улица вся занята домами съ лавочками. *Старинный замокъ* на отдѣльной скалѣ, напоминающій собою Горисъ-Цихе въ маломъ видѣ, выстроенъ, будто бы, Фарнаджаномъ за 200 лѣтъ до Р. Х.; про него у барона Гакстгаузена разсказана слѣдующая

Digitized by Google

легенда. Когда-то здѣсь властвовалъ сильный князь Тавасъ. На юго-восточной части замка возвышается стѣна надъ глубокой пропастью; она такъ крѣпка, что кажется выросшею изъ скалы. Тавасъ прилагалъ всевозможныя старанія, чтобы вывести эту стѣну, но всѣ усилія его были напрасны: что было сдѣлано двемъ, то ночью проваливалось въ бездну. Наконецъ, дознались, что стѣна должна быть заколдована. Спрошенный по этому дѣлу персидскій колдунъ объявилъ, что стѣна будетъ окончена лишь тогда, когда подъ фундаментъ ея похоронятъ живаго единственнаго сына вдовы. Отыскали мальчика и надъ нимъ окончили стѣну. Но она никогда не высыхала, поверхность ея всегда была сыра. Это слезы несчастной матери. Сохранилась народная пѣсня, въ которой приводится послѣдній разговоръ матери съ ея сыномъ, котораго звали Цурабомъ. — «Что, ты живъ еще милый сынъ?» — «Ахъ! матушка, меня замуравили до колѣнъ!» — «Что, ты живъ еще, милый сынъ?» — «Ахъ! матушка, стѣна поднимается до пояса, до груди, до шеи. Прощай, матушка, все кончено!»

Сурамскій перевалъ.

Сурамскій перевалъ, по своей живописности, по своей все еще, до сихъ поръ, дѣвственной прелести и разнообразію ландшафтовъ, принадлежитъ къ очаровательнѣйшимъ мѣстностямъ Кавказа. Послѣ голой, душной и неживописной долины Куры, просто не надышешься чистымъ, наполненнымъ лѣсными ароматами и умѣренной сыростью воздухомъ здѣшнихъ горъ, среди которыхъ видишь себя чуть не мгновенно, чрезъ какіе нибудь полчаса, послѣ отъѣзда изъ Сурама. Надо говорить правду, мы, русскіе, не умѣемъ путешествовать и нисколько не похожи на небоящихся никакихъ трудностей англичанъ, которые и наслаждаются за это всѣми прелестями путешествія. Если вы, читатель, дѣйствительно путешественникъ, ищете удовольствія и имѣете къ тому возможность, то я искренно совѣтывалъ бы вамъ оставить желѣзную дорогу въ Сурамѣ и

Digitized by Google

проѣхать до Квирилъ въ экипажѣ, а то, пожалуй, и сдѣлать этотъ переходъ пѣшкомъ, отправивъ багажъ по желѣзной дорогѣ. Вѣдь странствуютъ-же пѣшкомъ по Швейцаріи по цѣлымъ недѣлямъ, а тутъ разстояніе всего 70 верстъ и дорога идетъ по прекрасному шоссе. Но такъ какъ вы, по всей вѣроятности, найдете этотъ совѣтъ неудобнымъ, то и будемте продолжать нашъ путь по желѣзной дорогѣ.

При выѣздѣ изъ Сурама, васъ, конечно, прежде всего удивитъ то, что вашъ обыкновенный пассажирскій поѣздъ везутъ два локомотива, а не одинъ. При подъемахъ оба они двигаютъ поѣздъ впередъ, а при спускахъ одинъ везетъ, а другой тормозитъ—и это не при товарныхъ, а при обыкновенныхъ пассажирскихъ поѣздахъ. Сейчасъ видно, что это не то, что дорога изъ Вѣны въ Тріестъ, вьющаяся такими зигзагами, что мѣсто, которое вы проѣхали назадъ тому какіе нибудь полчаса, кажется лежащимъ подъ вами внизу, въ пропасти, а поѣздъ, между тѣмъ, летитъ на всѣхъ парахъ съ однимъ локомотивомъ, не прибѣгая, ни при спускахъ, ни при подъемахъ, ни къ какимъ особымъ мѣрамъ. Отъ Сурама до Квирилъ (разстояніе около 60 верстъ) поѣздъ идетъ цѣлыхъ 4 часа, ползя, иной разъ, какъ вверхъ, такъ и внизъ, совершенно по черепашьи. Надобно сказать правду—удивительная постройка!

Сейчасъ за Сурамомъ дорога входитъ въ ущелье, поросшее прекраснымъ чинаровымъ лѣсомъ, и скоро достигаетъ высшей точки перевала—полустанціи *Понги*. Отсюда второй локомотивъ начинаетъ уже тормозить. Поѣздъ идетъ вдоль рѣзвой рѣчки Чхеремелы, которая лѣтомъ журчитъ, какъ ручеекъ, а зимой разыгрывается такъ, что портитъ дорогу. Послѣ сравнительно скудной, безлѣсной и неживописной части Грузіи, подъ Сурамомъ путешественникъ, на самомъ перевалѣ, а еще болѣе за нимъ, попадаетъ въ совершенно иной міръ. Тутъ все другое—и природа, и воздухъ, и люди. Исчезли желтыя, глинистыя горы и замѣнились зелеными лѣсистыми ущельями, въ которыхъ, по лужайкамъ, среди сплошнаго лѣса, видны

Digitized by Google

не грузинскія подземныя сакли, похожія на муравейныя кучи, а деревянные, крытые гонтомъ дома, напоминающіе отчасти швейцарскія шалé, отчасти избы нашихъ сѣверныхъ лѣсныхъ губерній. Сначала въ лѣсу еще преобладаютъ сѣверныя, но чѣмъ далѣе, тѣмъ онѣ, все болѣе и болѣе, замѣняются южными лѣсными породами. Дорога окаймляется азаліями, каприфоліями, шиповникомъ, жимолостью, дикимъ виноградомъ, барбарисомъ и тысячами разныхъ цвѣтовъ; иногда (конечно, во время сезона) васъ поражаютъ огромныя кущи сиреневыхъ цвѣтовъ, это—цѣлыя семьи рододендроновъ въ полномъ блескѣ. А, между тѣмъ, съ каждымъ поворотомъ, открывается новая панорама, среди которой иногда видны снѣжныя вершины. Тишина нарушается только бѣгущими съ горъ ручьями да звенящими трелями Чхеремелы, въ глубинѣ отвѣснаго оврага, по краю котораго тянется поѣздъ. Ночью миріады свѣтящихся мошекъ перекрещиваютъ воздухъ. Словомъ, страна представляется совершеннымъ раемъ.

Станціи Бажетубань и *Марелисъ* стоятъ въ живописныхъ ущельяхъ, покрытыхъ сплошнымъ лѣсомъ; около этихъ станцій находятся и 2 туннеля, которые такъ невелики, что, при проѣздѣ черезъ нихъ, даже не освѣщаютъ вагоновъ. Далѣе дорога оставляетъ ущелье Чхеремелы и тянется по берегу мутной Квирили.

За *Дзерулами* слѣдуетъ *станція Квирилы,* стоящая уже на плоскости. Здѣсь вы уже находитесь въ коренной Имеретіи. На станціи имеретинскіе костюмы и имеретинскій языкъ; хотите позвать прислугу, такъ крикните: бичо! (мальчикъ). Квирилы—торговое мѣстечко, на рѣкѣ того-же имени. Часто на станціи толкотня бываетъ страшная, и многіе толкутся совершенно безъ всякаго дѣла. Берегитесь воровъ! Къ югу видны горы, мѣстами покрытыя снѣгомъ. Лѣсъ, большею частію, мелкій. Видно, что долина была покрыта непроходимымъ лѣсомъ, чрезъ который, мѣстами, и теперь не пролѣзешь. Посреди лѣсныхъ порослей видны

Digitized by Google

разчищенныя поля и поваленный сожженный лѣсъ. Начинаются виноградники. Далѣе слѣдуетъ —

Станція Ріонъ, вслѣдъ за которою, тотчасъ-же, переѣзжаютъ, по прекрасному мосту, широкій и шумный Ріонъ. Это уже настоящая Ріонская долина. Отсюда идетъ вѣтвь на Кутаисъ, куда ѣзды всего 17 минутъ. Заѣдемте и мы туда, любезный читатель, осмотримъ городъ, съѣздимъ въ Гелатскій монастырь, разснажемъ, пользуясь остановкой, исторію странъ, окружающихъ Ріонскую долину, и коснемся, по мѣрѣ силъ, ихъ современнаго положенія. Если-же хотите проѣхать мимо, то пропустите все написанное далѣе до станціи *Копитнари* и продолжайте вашъ путь до Поти или Батума.

Ріонская долина.

На всемъ Кавказѣ нѣтъ мѣстности, которая такъ рѣзко и отчетливо отдѣлялась бы отъ всего остальнаго края, какъ *долина Ріона.* Покрытыя густымъ лѣсомъ горы не только защищаютъ ее отъ холода, но и своими холодными вѣтрами снабжаютъ очень слабо, отчего зима здѣсь бываетъ такая теплая, что въ январѣ очень часто цвѣтутъ фіалки. Кромѣ того, испаренія, нагоняемыя вѣтромъ съ моря, охлаждаясь около горъ, падаютъ внизъ, въ видѣ проливныхъ дождей, и орошаютъ и безъ того сырую, прорѣзанную безчисленными ручьями почву; испаряясь подъ жгучими лучами солнца, они опять повторяютъ тоже самое явленіе, и, такимъ образомъ, ріонская полукотловина представляетъ изъ себя какъ бы огромный, безпрерывно дѣйствующій перегонный снарядъ съ пріемникомъ въ горахъ. Не удивительно послѣ того, что сила растительности здѣсь изумительна: громадные вѣковые стволы дуба, бука, тополя, каштана, орѣха, фиги—покрыты дикимъ виноградомъ, хмѣлемъ, плющемъ и ліанами, которые, перекидываясь съ одного дерева на другое, не даютъ возможности человѣку проникнуть въ такіе лѣса безъ помощи топора. Каждая заброшенная постройка,

Digitized by Google

въ нѣсколько лѣтъ, охватывается ползучими растеніями, какъ панцыремъ, а виноградныя лозы раскидываются по десяткамъ деревьевъ и даютъ иногда по сотнѣ ведеръ вина.

Чтобы судить о разнообразіи здѣшней растительности, стоитъ только заглянуть въ садъ въ *Зугдидахъ* (мѣстопребываніи князей Дадіановъ), гдѣ на волѣ можно видѣть великолѣпнѣйшія магноліи разныхъ сортовъ о бокъ съ хвойными, не говоря уже о павловніяхъ, багноніяхъ, маслинѣ и вѣчно зеленыхъ кустарникахъ или о ползучихъ, которыя обратили развалины оранжереи, разрушенной во время послѣдней войны турками, въ самую живописную часть всего сада.

Понятно, что и климатъ, при такой растительности, сырости и гніеніи, долженъ отличаться нездоровьемъ. Въ низменныхъ мѣстахъ здѣсь лихорадка треплетъ даже куръ, и путешественника поражаетъ почти совершенное отсутствіе пернатыхъ среди этой роскошной флоры,—вѣроятно, онѣ также не выносятъ здѣшней маларіи. По морскому берегу до самаго Ингура и еще выше никто не селится, по крайней нездоровости этихъ мѣстъ. Возвышенныя-же мѣста, напротивъ, пользуются прекраснымъ климатомъ. Словомъ сказать, почти тропическая природа Ріонской равнины сильнѣе человѣка, не вооруженнаго средствами цивилизаціи, и часто заставляетъ его изнемогать въ борьбѣ съ собою. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ прошедшими историческими событіями, имѣло, конечно, сильное вліяніе и на характеръ здѣшнихъ жителей.

Кутаисъ.

Кутаисъ, стоящій на высотѣ 473 ф. надъ поверхностью моря, назадъ тому 100 лѣтъ, стоялъ на правомъ берегу Ріона. Это была крѣпость, разрушенная Соломономъ по совѣту Тотлебена (о чемъ мы говорили выше). Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, во время князя Циціанова, при Соломонѣ II, цѣлый годъ разъѣзжавшемъ по своей странѣ и объѣдавшемъ своихъ подданныхъ, въ Кутаисѣ

Digitized by Google

негдѣ было размѣстить нашихъ солдатъ и нельзя было достать для нихъ провіанта. Городъ, по донесенію Литвинова, былъ похожъ не на городъ, а на село. «У Дадіана-же, — продолжаетъ донесеніе, — кромѣ деревень, ничего не было; есть курятники, принадлежащіе ему, князьямъ его дома и первѣйшимъ владѣльцамъ, но всѣ они на неприступныхъ высотахъ». Во всей Имеретіи не было ни одной порядочной проѣзжей дороги, и вся страна была покрыта дремучимъ лѣсомъ.

Въ настоящее время, Кутаисъ очень красивый городъ, утонувшій въ садахъ и раскинувшійся по лѣвому берегу Ріона, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ съ шумомъ вырывается изъ мѣловыхъ горъ и выступаетъ на равнину. Каждый домъ въ городѣ весело выглядываетъ изъ окружающей его зелени, которой меньше только по прямымъ шоссированнымъ улицамъ, да по базарамъ. *Видъ на Кутаисъ* отъ развалинъ крѣпости, съ праваго берега рѣки, восхитителенъ. Ни на что не поскупилась природа для Кутаиса, всѣмъ она надѣлила его: и чуднымъ мѣстоположеніемъ, и здоровымъ воздухомъ, хорошею водой, и отличнымъ камнемъ для построекъ, и лѣсомъ, и плодороднѣйшею почвой, и каменнымъ углемъ, котораго огромныя залежи открыты неподалеку, въ мѣстечкѣ *Квитыри*, и, наконецъ, такою великолѣпнѣйшею флорой, какой не встрѣтишь на всемъ Кавказѣ.

Гостиницы: Hôtel de France, Colchide, Italie—находятся всѣ въ центрѣ города, на площади городскаго сада; онѣ не особенно дороги и могутъ быть, вообще, сравнены съ порядочными гостиницами нашихъ губернскихъ городовъ. Номера отъ 1 руб. сер.; порціи отъ 25 к. сер.

Извощичьи экипажи—такіе-же, какъ и въ Тифлисѣ, по таксѣ.

Бани на берегу Ріона устроены также, какъ и въ Тифлисѣ, только горячая вода, разумѣется, грѣтая, а не натуральная. Цѣна за номеръ отъ 60 к. сер.

Фотографіи—*Воюцкаго* и *Барканова*. Цѣна карточекъ ту-

Digitized by Google

земныхъ костюмовъ: 25 к. сер. нераскрашенныя и 1 р. сер.— раскрашенныя. У Вощцкаго можно купить фотографіи съ извѣстныхъ знаменитыхъ картинъ художника *Гершельдта*, сюжеты которыхъ взяты изъ Кавказской войны. Картины эти стоитъ купить потому, что онѣ даютъ о Кавказской войнѣ болѣе ясное понятіе, чѣмъ многія самыя длинныя описанія. Цѣна за фотографіи $1^1/_2$—2 руб.

Городской садъ или скверъ находится въ срединѣ города. Онъ довольно великъ и состоитъ изъ аллей, обсаженныхъ прекрасными, тѣнистыми деревьями; чрезъ выкопанные пруды перекинуты красивые мостики; въ саду есть бесѣдка, гдѣ продаются шипучія воды; по праздникамъ въ немъ играетъ хоръ военной музыки.

Гостиный дворъ—около сада.

Соборъ—тоже около сада. Служба въ немъ происходитъ на грузинскомъ и русскомъ языкахъ.

Армянскій соборъ—близъ Ріона, недалеко отъ Еврейской улицы.

Гуляя по Кутаису, нельзя, иной разъ, не остановиться и не полюбоваться нѣкоторыми домами, сверху до низу обвитыми вьющимися растеніями. Особенно красиво растеніе—такъ наз. китайская сирень; длинныя кисти ея цвѣтовъ висятъ въ видѣ букетовъ и дѣлаютъ иногда весь домъ похожимъ на одинъ кустъ роскошныхъ цвѣтовъ. Сады здѣшніе, разумѣется, отличаются самою разнообразною и роскошною флорой. Мы совѣтывали бы осмотрѣть сады *Абашидзе* и часовыхъ дѣлъ мастера *Тайгеля*.

Прогулка самая интересная въ Кутаисѣ, которую необходимо сдѣлать, это—къ *развалинамъ старой крѣпости,* въ которой находятся и знаменитыя *развалины древняго храма,* на правомъ берегу Ріона. Развалины эти видны изъ города, и ходьбы къ нимъ отъ городскаго сада всего около 40 минутъ. Пройдя прекраснымъ мостомъ, построеннымъ черезъ бѣшено-несущуюся рѣку, поднимаются въ гору садами, наполненными орѣховыми,

Digitized by Google

фиговыми, персиковыми, черешневыми и другими деревьями. *Развалины* огромнаго храма, построеннаго изъ дикаго камня, могли бы быть рѣдкостью и украшеніемъ какой угодно мѣстности. Живописностью своею онѣ напоминаютъ извѣстную декорацію изъ Роберта. Высокія темныя стѣны, съ сохранившимися остатками сводовъ и арокъ, обвиты плющемъ, а въ разщелинахъ ихъ ростутъ фиговыя деревья, самые сильные разрушители здѣшнихъ старинныхъ построекъ (фиговое дерево обсѣменяется и принимается очень легко и, помѣстившись въ трещинѣ, своими корнями распираетъ и разрушаетъ оставленныя зданія).

Храмъ, какъ можно судить по развалинамъ, былъ великолѣпенъ. Огромныя византійскія капители лежатъ на землѣ, и видны основанія двухъ массивныхъ колоннъ; надъ ними растутъ тоже фиговыя деревья. На стѣнахъ видны сохранившіяся еще украшенія прекрасной работы. Нѣсколько могильныхъ камней принадлежатъ, очевидно, позднѣйшему времени. Въ какую эпоху было построено это великолѣпное зданіе и кто его строилъ? Съ трудомъ вѣрится, что въ этихъ мѣстахъ, дошедшихъ до такого жалкаго состоянія къ концу прошлаго вѣка, когда-то было мѣсто и искусству.

Покинувъ развалины и пройдя нѣсколько далѣе по остаткамъ крѣпостной стѣны, видишь *панораму,* отъ которой не хочешь оторвать глазъ. Направо, внизу, раскинулся городъ по обѣимъ сторонамъ съ глухимъ шумомъ несущагося Ріона. Среди яркой зелени бѣлѣются дома. Долину кругомъ обступили горы, покрытыя лѣсомъ. Влѣво, вонъ изъ ущелья, за послѣдними постройками пошла равнина, сначала занятая пашнями съ перелѣсками, а потомъ сплошь закрытая зеленью лѣсовъ, между которыми кое-гдѣ проглядываетъ Ріонъ, сначала огибающій послѣдніе холмы, а далѣе извивающійся голубою лентой среди зелени, заканчиваемой на горизонтѣ темною полосою *Абжарскихъ высотъ*, бѣлѣющихся мѣстами снѣгомъ. Влѣво, внизу, прямо подъ горою, видна такъ называемая *образцовая ферма,* обсаженная кипарисами.

Digitized by Google

Спуститься къ шоссе, проходящему подъ горой, можно по тропинкѣ, которая ведетъ къ *роднику;* къ нему надобно пробираться черезъ натуральный узкій тоннель, на полу котораго видны остатки водопроводныхъ трубъ. Родникъ находится въ небольшой натуральной пещерѣ, чрезъ отверстіе которой тоже открывается видъ на долину рѣки. Тутъ всегда встрѣтите нѣсколько человѣкъ, пришедшихъ за водой съ туземными узкогорлыми кувшинами.

Спустясь по дорожкѣ, обросшей кустарникомъ, къ шоссе, можно идти дальше по немъ направо, въ городъ, берегомъ Ріона, мимо обрушившагося цѣпнаго моста и остатковъ крѣпостной стѣны, или повернуть налѣво, на *образцовую ферму*, которую видѣли сверху. Ферму эту можно, скорѣе, назвать усадьбой съ садомъ, въ которомъ довольно много рѣдкихъ растеній и, между прочимъ, прекрасныя magnolia grandiflora, ростущія въ грунтѣ на воздухѣ. Есть еще *развалины другой крѣпости* на правомъ берегу Ріона (выше описанныхъ), также видныя изъ города; ѣзды къ нимъ около получаса.

Можно также съ интересомъ прогуляться и *за городскую заставу по тифлисской дорогѣ;* для этого лучше взять фаэтонъ. При выѣздѣ изъ города, влѣво отъ дороги, находится городское *кладбище*, довольно бѣдное и лишенное зелени. На немъ похороненъ военный генералъ-губернаторъ Кутаиса *кн. Гагаринъ,* убитый, въ 1857 году, сванетскимъ владѣльцемъ, княземъ *Константиномъ Ціосхомъ Дадешкаліани.* Мы разскажемъ во 2-й части то, что слышали объ этомъ трагическомъ событіи, ярко рисующемъ нравы кавказскихъ горцевъ.

По старой тифлисской дорогѣ находится много допотопныхъ окаменѣлостей, между прочимъ огромныхъ устрицъ.

Проѣхавъ съ версту влѣво до *Красной рѣки*, можно выйти изъ экипажа и пройти влѣво берегомъ; на недалекомъ разстояніи есть прекрасная сталактитовая пещера, къ несчастію, закопченная дымомъ отъ огня, разводимаго въ ней пастухами, загоняющими сюда скотъ въ жаркое время.

Digitized by Google

Описаніе Кутаиса взято вполнѣ изъ 1-го изданія, такъ какъ мнѣ не удалось быть въ немъ въ послѣднюю мою поѣздку, и потому, если съ тѣхъ поръ случились какія перемѣны, не показанныя въ этомъ изданіи прошу въ томъ великодушнаго извиненія.

Поѣздка въ Гелатскій монастырь.

Гелатскій монастырь составляетъ едва ли не самую замѣчательную древность во всемъ Закавказьѣ. Онъ находится въ 8 верстахъ отъ Кутаиса. *Ѣхать можно* или верхомъ, нанявъ верховыхъ лошадей въ *Еврейской улицѣ (лошадь съ проводникомъ 3 р. туда и обратно),* или въ экипажѣ, но только въ хорошую погоду, потому что дорога шоссирована довольно плохо и подъемъ къ монастырю крутъ; можно достать и дамскія сѣдла. Времени на поѣздку съ осмотромъ надобно употребить около 6 часовъ.

Такъ какъ постройку Гелатскаго монастыря относятъ къ X вѣку, то и необходимо коснуться при этомъ древней исторіи Грузіи и разсказать о царицѣ *Тамарѣ,* погребенной, по преданію, въ Гелатѣ. Съ этого мы и начнемъ.

Грузія приняла христіанство въ IV вѣкѣ. Въ 469 г., царемъ *Вахтангомъ-Гургасланомъ* былъ основанъ Тифлисъ. Въ X вѣкѣ Грузія начала усиливаться, причемъ важную роль игралъ верхнекарталинскій царь *Давидъ-Куропалатъ,* изъ фамиліи *Багратидовъ* *). Усыновивъ *Баграта*, сына абхазской княжны, Давидъ возвелъ его, въ 985 г., на престолъ, подъ именемъ *Баграта II-го,* и соединилъ Карталинію съ Абхазіей. Царство это особенно процвѣтало въ теченіи XI и XII ст. Имѣя постоянныя сношенія съ Византіей, многіе грузины получили въ ней свое образованіе и распространили просвѣщеніе въ своемъ отечествѣ. Имена *Іоанна Патриція* и *Шота Руставели,* жившаго при Тамарѣ, осо-

*) *Князья Багратіоны* происходятъ изъ этой-же фамиліи.

Digitized by Google

бенно славны въ грузинской литературѣ. Поэма Руставели «Барсова кожа» была настольной книгой каждаго образованнаго грузина и заучивалась наизусть **). Всѣ лучшіе храмы Грузіи построены въ этотъ періодъ. Тамара присоединила къ грузіи Имеретію, Мингрелію, сосѣднюю Осетію, часть черкесъ и часть Дагестана. Послѣ ея смерти, послѣдовавшей въ 1212 году, Грузія начинаетъ слабѣть и доходитъ до того отчаяннаго положенія, въ которомъ застало ее присоединеніе къ Россіи.

Вѣкъ *Тамары*—этой грузинской Семирамиды—былъ славнѣйшимъ временемъ грузинскаго царства; имя ея облеклось ореоломъ баснословной славы и извѣстно въ Закавказьѣ чуть не каждому простолюдину, простодушно соединяющему съ именемъ великой царицы всѣ славныя дѣла и счастливое время Грузіи. Ей-же приписываютъ и постройку большей части храмовъ и зданій, развалины которыхъ встрѣчаются во множествѣ по всему Закавказью и кавказскому Черноморью. Съ памятью о Тамарѣ соединены всѣ свѣтлыя преданія грузинскаго народа. Съ ней грузинскія лѣтописи равнаютъ только *Вахтанга I, Гургаслана и Давида-Возобновителя* и называютъ ее не царицею, а царемъ Грузіи.

Вотъ что извѣстно о *Тамарѣ*. Она вступила на престолъ 24-хъ лѣтъ и, по свидѣтельству русскаго историіографа, была обвѣнчана съ сыномъ князя Андрея Боголюбскаго — *Георгіемъ*. Сначала онъ ознаменовалъ себѣ славными побѣдами, но потомъ вскорѣ сдѣлался недостойнымъ своей супруги. Бракъ былъ расторгнутъ и Георгій изгнанъ въ Константинополь, а Тамара, по убѣдительнымъ просьбамъ духовенства, дворянъ и народа, должна

**) *Руставели*, по преданію, получилъ образованіе въ Аѳинахъ и былъ въ числѣ сановниковъ, окружавшихъ Тамару. Герой его поэмы, странствовавшій по свѣту и одѣвавшійся въ барсову кожу — индѣйскій царевичъ Тариэлъ. Главный недостатокъ поэмы тотъ, что всѣ герои ея страдаютъ приторной нѣжностью: они величіемъ своимъ затемняютъ свѣтъ солнца и планетъ; ланиты ихъ розы; они львы, нарцисы и кипарисы; бьютъ враговъ безъ жалости, а при разставаніяхъ и печальныхъ разсказахъ дождемъ проливаютъ горькія слезы.

Digitized by Google

была вступить въ новое супружество. Одинъ за другимъ являлись искатели руки ея. Въ числѣ женіховъ были: сынъ греческаго императора Мануила, князь антіохійскій Боэмундъ и два осетинскіе князя, изъ которыхъ одинъ умеръ съ печали, когда былъ отвергнутъ. Магометанскіе владѣтели не уступали христіанскимъ въ искательствѣ руки царицы. Сынъ испаганскаго султана отрекся, изъ любви къ ней, отъ вѣры своихъ предковъ и за то умеръ въ темницѣ; владѣтель ширванскій также предлагалъ своего сына. Но Тамара, отпустивъ всѣхъ искателей ея руки съ честью и богатыми дарами, выбрала осетинскаго князя изъ фамиліи Багратидовъ, *Давида-Сослана.*

Георгій, между тѣмъ, явился съ греческимъ войскомъ и нашелъ себѣ въ Грузіи много союзниковъ. Разбитый и взятый въ плѣнъ Тамарой, онъ получилъ свободу съ условіемъ навсегда оставить Грузію. Онъ удалился въ Константинополь, но скоро долженъ былъ оставить и его. Дальнѣйшая судьба Георгія неизвѣстна. Затѣмъ Тамара начинаетъ усмирять сарацинъ и турокъ. Давидъ беретъ Ганжу и другія персидскія крѣпости; добыча при этомъ состоитъ изъ 12 т. плѣнныхъ, 2 т. лошадей, 17 т. лошаковъ и 15 т. верблюдовъ, навьюченныхъ разнымъ богатствомъ, не считая серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ. Султанъ *Нуррединъ* собралъ 800-тысячную армію и прислалъ Тамарѣ требованіе о покорности, обѣщая ей помилованіе только въ томъ случаѣ, если она согласится быть его женой и если ея подданные примутъ исламъ. Едва только посланный объявилъ волю султана, какъ одинъ изъ вельможъ далъ ему такую пощечину, что онъ упалъ полумертвымъ и со стыдомъ отправился обратно. Тамара спѣшитъ, послѣ того, собрать войско и идетъ къ Карсу, беретъ его и разбиваетъ турокъ; добыча при этомъ была опять несмѣтна: на одного грузина приходится по 20 плѣнниковъ; при царскомъ столѣ съ тѣхъ поръ не употребляютъ другихъ сосудовъ, кромѣ золотыхъ и серебряныхъ, а жемчугъ и драгоцѣнные камни мѣряютъ мѣ-

Digitized by Google

рами. Изъ этой добычи царица обогащаетъ всѣ церкви золотыми и серебряными сосудами; отовсюду — изъ Александріи, Синая, Константинополя, Кипра, со св. горы—къ ней являются монахи за приношеніями и возвращаются съ богатыми подарками. Она побѣждаетъ греческаго императора *Алексѣя Ангела* и, съ цѣлью остановить распространеніе магометанства, основываетъ христіанскую *Трапезондскую имперію. Султанъ ардебильскій,* пользуясь отсутствіемъ Тамары, подступилъ, въ страстную субботу, къ *Ани*, произвелъ страшное кровопролитіе, убилъ 12 т. жителей и, разграбивъ городъ, удалился съ огромной добычей. Тамара, въ отмщеніе за это, подступаетъ къ *Ардебилю*, въ самую ночь полнолунія мусульманскаго поста, беретъ и разрушаетъ городъ, избиваетъ также 12 т. жителей и отводитъ въ плѣнъ султана со всѣмъ его семействомъ.

Овдовѣвъ на 24 году своего царствованія, Тамара не прекращаетъ своей неутомимой дѣятельности: она является то къ одному, то къ другому подвластному племени и вездѣ поддерживаетъ порядокъ. Щедрость ея была безпримѣрна; такъ, однажды, собираясь идти въ Гелатскій соборъ къ обѣднѣ, она прикрѣпляла *лалы* (драгоцѣнные камни) къ своей царской повязкѣ, когда ей пришли сказать, что нищая проситъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла подождать нищей, но когда, по выходѣ изъ палаты, хотѣла подать ей милостыню, то нищую уже не могли найти. Смущенная Тамара, упрекая себя, что отказала убогой въ милостынѣ, сняла съ себя то, что было виною ея замедленія, т. е. свою повязку изъ лалъ, и надѣла ее на вѣнецъ *Хохульской Богоматери*, болѣе достойной этого украшенія.

Особенную заботу Тамары составляло сооруженіе храмовъ во имя Божіей Матери въ *Вардзіи* (близъ Ахалциха) и въ мѣстечкѣ *Алвани* (на берегу Алазани, въ сѣверной части Кахетіи). На украшеніе ихъ она не щадила сокровищъ и для содержанія причта пожертвовала огромныя помѣстья. Здѣсь она, въ прекрасныхъ

Digitized by Google

своихъ дворцахъ, особенно любила проводить время, предаваясь отдыху послѣ разнообразныхъ трудовъ. Тогда при царскомъ дворѣ жизнь текла весело и разнообразно; праздники слѣдовали за праздниками, пиры за пирами; много тутъ было всякихъ потѣхъ, но когда доходило до дѣлъ, то и они, по древнему обычаю, часто обсуживались тутъ-же за столомъ.

Вліяніе царицы распространялось далеко въ Осетіи и за хребетъ Кавказскихъ горъ: непокорные горцы смирялись передъ ея побѣдоноснымъ оружіемъ. Слѣдомъ за грузинскимъ воинномъ въ эти края шелъ, обыкновенно, грузинскій священникъ и армянскій купецъ. Тамара заводила школы и исправляла нравственность народа. При ней Грузія достигла величайшаго могущества извнѣ и широкаго развитія государственной жизни внутри; вѣкъ ея почитается также и золотымъ вѣкомъ грузинской литературы.

Говоря о Боржомскомъ ущельи, мы уже сказали, что настоящее мѣсто погребенія великой царицы навѣрное неизвѣстно: одни говорятъ, что она погребена въ *Вардзіа*, другіе — въ *Гелатѣ*, третьи утверждаютъ, что настоящая ея могила находится въ Сванетіи.

Дорога въ Гелатскій монастырь. Выѣхавъ чрезъ Гелатскую улицу, ѣдутъ сначала вверхъ по Ріону по шоссе; виды, встрѣчаемые здѣсь, одинъ другаго прелестнѣе. Шоссе это составляетъ начало дороги, идущей къ верховьямъ Ріона, чрезъ *Они*, въ *Рачинскій уѣздъ*, и далѣе, чрезъ Рачинскій перевалъ, на Алагирскій заводъ и Владикавказъ. Съ него сворачиваютъ, версты черезъ три, вправо. Поднявшись въ гору, спускаются опять въ долину къ рѣчкѣ *Цхалтелѣ* (Красной рѣчкѣ). До этого мѣста дорога шоссирована. Оставивъ Ріонъ, который еще довольно долго мелькаетъ голубой лентой, извивающейся между горъ, ѣдутъ мѣстностью, покрытою некрупнымъ лѣсомъ. Это уже настоящая Имеретія, съ ея лѣсистыми горами, деревнями, спрятанными такъ уютно между деревьями, что въ иныхъ мѣстахъ только крикъ пѣтуха говоритъ

Digitized by Google

о близости жилищъ, съ ея рододендронами и тысячами другихъ цвѣтовъ. Глазъ отдыхаетъ на этомъ безграничномъ взволнованномъ морѣ роскошной зелени, и тишину нарушаетъ только отдаленный шумъ рѣки да нѣнье птицъ, изъ котораго рѣзко выдается дикій крикъ *джафара* (красивой птицы, похожей на попугая).

Спустясь къ Цхалтелѣ, вправо видѣнъ другой монастырь. Цхалтела у дороги перепружена для отвода оросительныхъ каналовъ. На этомъ мѣстѣ стоитъ духанъ. Если рѣка не разыгралась, то ее, обыкновенно, переѣзжаютъ въ бродъ, если-же вода глубока, то можно проѣхать вверхъ отъ духана на мостъ. Переѣхавъ Цхалтелу, начинается обдѣланный зигзагами, но, все-таки, довольно крутой и въ дождливое время довольно топкій глинистый подъемъ въ Гелатъ. Откосы дороги состоятъ изъ красной глины, прорѣзанной зелеными жилами, что издали дѣлаетъ ихъ похожими на мраморъ.

Гелатскій монастырь прислонился въ высокой горѣ, съ вершины которой открывается удивительный видъ: на востокъ—снѣговой хребетъ до Казбека, на западъ—Черное море, а на югъ—Анджарскій хребетъ съ снѣговой вершиной Брутенбзели. На эту гору надобно подниматься довольно долго и подъемъ крутъ. Изъ монастыря видна чудная панорама покрытой лѣсомъ долины Цхалтелы; сверху дѣлаются замѣтными дома и деревни, спрятавшіеся въ лѣсной чащѣ и не видные снизу.

Основаніе монастыря относится къ X вѣку.

Пройдя черезъ ворота въ стѣнѣ съ той стороны, которою монастырь прислонился къ горѣ,—первое, что видишь, это, налѣво, *церковь св. Георгія,* самая старинная постройка изъ всѣхъ монастырскихъ зданій; за нею слѣдуетъ *соборъ,* построенный *Давидомъ-Возобновителемъ* и обращенный алтаремъ къ св. Георгію; эта часть состоитъ изъ 5 пяти-угольныхъ выпуклостей; соборъ имѣетъ около 40 шаговъ въ ширину и около 45 въ длину; архитектура его принадлежитъ къ одному стилю съ мцхетскимъ

Digitized by Google

и другими старинными грузинскими храмами и удивляетъ своей прекрасной постройкою и прекрасной отдѣлкою орнаментовъ; матеріалъ — тотъ-же превосходный камень. *Во внутренность* входятъ чрезъ придѣлы на западной сторонѣ; въ правомъ придѣлѣ, подъ балдахиномъ, гробница *патріарха Іосифа;* изъ средняго придѣла входятъ въ храмъ; вверху *арки,* а надъ ними, по обѣ стороны, *хоры* съ тремя окнами; направо и налѣво, вдоль сѣверной и южной сторонъ, тоже арки: подъ сѣверной гробница *Царя Соломона I* (Великаго), а далѣе *архіерейское мѣсто. Стѣны собора* покрыты старинной греческою живописью. *Иконостасъ* изъ бѣлаго камня въ византійскомъ стилѣ, съ витыми колоннами прекрасной работы, живопись новая. На иконостасѣ стоятъ слѣдующія драгоцѣнныя древности: съ лѣвой стороны отъ царскихъ вратъ *кивотъ съ мощами;* большой складень *Хохульской Богоматери,* украшенный каменьями и писанный, по преданію, евангелистомъ Лукой; *складень Ахцверіса,* принесенный, по преданію, Андреемъ Первозваннымъ; *Гаснатскій складень;* по правую сторону царскихъ вратъ: *два старинныхъ образа Спасителя,* временъ Тамары; *большой образъ Богоматери Вадребиса* (значитъ—молиться передъ ней; образъ получилъ это названіе отъ изображенія Баграта IV, молящагося предъ Богоматерью); крестъ строителя храма, *Давида-Возобновителя;* серебряная круглая икона, изображающая *Герасима, пустынника іорданскаго,* верхомъ на львѣ (одна изъ самыхъ замѣчательныхъ древностей); два архіерейскихъ *посоха* съ частями животворящаго креста. Въ алтарѣ замѣчательно *евангеліе,* писанное въ IX вѣкѣ на Аѳонѣ, съ картинками по золотому фону; *крестъ* прелестной мелкой работы (одной монахини), въ серебряной оправѣ, съ изображеніями изъ священной исторіи; кромѣ этихъ, есть еще нѣсколько и другихъ древностей. *Сводъ надъ алтаремъ* покрытъ старинной мозаикой, изображающей Божію Матерь съ двумя архангелами; на стѣнахъ замѣчательны *изображенія*

Digitized by Google

Давида-Возобновителя и *Баграта IV*, въ длинныхъ платьяхъ и золотыхъ бармахъ и поясахъ.

Далѣе, за соборомъ, стоитъ старинная *колокольня*, выстроенная надъ родникомъ; за ней влѣво слѣдуетъ старинная церковь *св. Николая;* за ней развалины старинной *трапезы*, всѣ поросшія плющемъ; замѣчательны *сѣни*, ведущія въ трапезу; онѣ состоятъ изъ византійскихъ колоннъ, на которыхъ лежатъ арки и своды прекрасной узорчатой работы; колонны и капители всѣ различной толщины и не похожи одна на другую. Изъ оконъ трапезы *самый лучшій видъ* на лежащую внизу долину. Влѣво, въ разстояніи 60 шаговъ отъ церкви св. Николая, находится старинная небольшая *часовня* съ гробницами *Давида-Возобновителя, Баграта IV и Георгія;* тутъ-же хранятся и *желѣзныя двери* съ арабскими надписями, вывезенныя Давидомъ-Возобновителемъ изъ Дербента, послѣ взятія этого города.

Изъ Кутаиса, если кто желаетъ, можно сдѣлать *путешествіе въ Сванетію;* надобно для этого ѣхать на *Лечгумъ* (Лечгумскій уѣздъ по Цхенисъ-Цхале), на укрѣпленіе *Ларашъ*, чрезъ *Уатпарскій перевалъ*, на рѣку *Ингуръ*, чрезъ деревни *Давберъ, Пари и Бечо* (дер., гдѣ жили *Дадешкаліаны*), оттуда внизъ по Ингуру до *Зугдиди* и обратно въ Кутаисъ. Времени надо употребить двѣ недѣли. Лучшіе мѣсяцы—іюнь и іюль. Путешествовать необходимо верхомъ, потому что почтовая дорога только отъ Зугдиди до Кутаиса, чрезъ *Орпири*.

Сванетія — приставство, Лечгумскаго уѣзда. Жителей около 34,500 д. Сванетія находится на южномъ склонѣ Эльборуса, въ верховьяхъ р. Ингура и принадлежитъ къ самымъ дикимъ и недоступнымъ мѣстностямъ Кавказа. Она составляла до 1863 г. владѣніе князей *Дадешкаліани (см. въ алфав. указ. кн. Дадешкаліани и исторію убійства кн. Гагарина)*. Путешествіе это, конечно, можно сдѣлать только верхомъ; лошадей можно нанять въ Кутаисѣ. Интересъ поѣздки съ избыткомъ вознаградитъ за всѣ трудности во время дороги.

Digitized by Google

Изъ Кутаиса также можно сдѣлать *путешествіе*, верхомъ-же, чрезъ главный хребетъ *до Алагирскаго завода* и оттуда въ Владикавказъ. Надо ѣхать вверхъ по Ріону, чрезъ *Они-Уцери* (гдѣ купаются и дышатъ кислородомъ) и дер. *Глола*, *Рачинскимъ уѣздомъ*, чрезъ *Мамиссонскій перевалъ* (у Адайгоха), и мимо *часовни св. Николая* спуститься въ долину *Ардона*. Лучшее время—августъ. На проѣздъ необходимо около двухъ недѣль. Описаніе этой дороги читатель найдетъ во 2-й части.

Теперь разскажемъ исторію странъ, окружающихъ Ріонскую долину, т. е. Имеретіи, Мингреліи и Гуріи, и коснемся ихъ современнаго положенія.

Имеретія, Мингрелія и Гурія.

Имеретія, Мингрелія и Гурія, составляющія нынѣ Кутаисскую губернію *), населены народами картвельскаго племени и занимаютъ весь бассейнъ Ріона и Цхенисъ-Цхале. Во время Восточной Римской имперіи, вся эта страна была извѣстна подъ именемъ *Лазика* и находилась въ номинальной зависимости отъ греческихъ императоровъ, которые утверждали здѣшнихъ владѣтелей на ихъ престолахъ. Въ началѣ VI столѣтія, Имеретія около 40 лѣтъ была театромъ войны между императоромъ Юстиніаномъ и персидскимъ шахомъ Хозроемъ. Въ первой половинѣ VII вѣка, страна эта опустошалась арабами и воскресла только тогда, когда слилась съ Грузіею. Царствовавшіе въ концѣ X и въ началѣ XI вѣка *Багратъ III* и *Багратъ IV*, потомъ *Давидъ-Возобновитель*, отецъ Тамары *Георгій* и, наконецъ, сама *Тамара* успѣли залѣчить раны отечества и оставили по себѣ множество памятниковъ. Со смертью Тамары, наступаетъ для всего Закавказья плачевный и ужасный періодъ. Монголы разорютъ страну въ конецъ, и власть царская слабѣетъ до того, что народъ отказывается ей

*) См. географическій очеркъ Кавказа.

Digitized by Google

повиноваться. Внутренніе смуты и споры между *Дадіанами* — мингрельскими, *Гуріелями*—гурійскими и имеретинскими царями продолжаются около 400 лѣтъ и, ознаменовываясь каждый разъ рядомъ злодѣйствъ, заставляютъ несчастный народъ бросать свои жилища и искать убѣжища въ дремучихъ лѣсахъ. Князья не только потакаютъ грабежу, но и сами участвуютъ въ немъ. Безнравственность достигаетъ страшныхъ размѣровъ, и всѣ самыя священныя узы забываются: отецъ продаетъ въ рабство своихъ дѣтей, владѣтель своихъ подданныхъ. Ложь, коварство, клятвопреступленіе считаются вещью самой обыкновенною, воровство—только удалью. Разсказывая, при описаніи сіонскаго собора въ Тифлисѣ, исторію кн. Циціанова, мы привели отрывки изъ Шардена и изъ донесенія Литвинова, достаточно подтверждающіе эти слова. При такихъ условіяхъ, самостоятельное существованіе этихъ странъ было немыслимо, тѣмъ болѣе, что, пользуясь внутренними смутами, турки и персіяне производили безпрерывныя опустошенія. Еще въ 1621 году, имеретинскій царь *Георгій III* и владѣтель Гуріи *Мамія II* обращались къ царю Михаилу Ѳедоровичу съ просьбами о покровительствѣ; но Россіи было тогда много заботъ у себя дома, и она была не въ состояніи еще вмѣшиваться въ дѣла Закавказья. Во время войны съ Турціей, начавшейся въ 1768 году, Екатерина II послала отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-маіора *Тотлебена,* въ Имеретію. Тотлебенъ перешелъ Кавказскій хребетъ и явился передъ Кутансомъ. Въ это время, имеретинскимъ царемъ былъ *Соломонъ I,* прозванный великимъ. Турки, знавшіе силу характера Соломона и опасавшіеся его возраставшаго могущества, возмутили противъ него его собственныхъ подданныхъ. Изгнанный *Соломонъ* долженъ былъ, съ немногими оставшимися преданными ему людьми, скитаться по лѣсамъ, «и въ такомъ горестномъ положеніи встрѣтилъ онъ пасху, что даже не имѣлъ при себѣ священника, для возглашенія радостныхъ гимновъ воскресенія. Благочестивый царь торжествовалъ, однако, какъ могъ, ве-

Digitized by Google

ликій день сей: на столѣтнемъ дубѣ вырѣзалъ онъ знаменіе креста и съ малымъ числомъ вѣрныхъ трижды обошелъ освященное имъ дерево, воспѣвая во мракѣ ночи и дубравы: Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!» Съ помощью русскихъ войскъ отразивъ турокъ, царь *Соломонъ I,* по общему совѣту съ союзниками, взорвалъ на воздухъ верхній городъ Кутаиса (теперешнія живописныя развалины на правомъ берегу Ріона) и всѣ главные замки, чтобы не дать возможность туркамъ держаться въ его предѣлахъ. Отразивъ, такимъ образомъ, своихъ враговъ и закоснѣлыхъ хищниковъ лезгинъ близъ Сурама, *Соломонъ* не могъ, однако-же, упрочить начатое имъ благоустройство своей земли и умеръ бездѣтно въ 1782 г. По его духовному завѣщанію, наслѣдникомъ назначенъ былъ малолѣтній его племянникъ *Соломонъ II,* которому въ опекуны выбранъ былъ *Давидъ,* братъ покойнаго царя и родной дядя наслѣдника.

Давидъ началъ съ того, что разогналъ всѣхъ приверженныхъ къ законному наслѣднику вельможъ; малолѣтній *Соломонъ II* бѣжалъ тоже въ Грузію, къ Ираклію II, который и оказалъ ему помощь. Будучи не въ состояніи противиться Ираклію, *Давидъ* предалъ Имеретію туркамъ и обѣщался уступить имъ не только всѣ крѣпости, но и самые христіанскіе храмы обратить въ мечети. Въ залогъ исполненія обѣщанія, онъ послалъ къ ахалцихскому пашѣ 16 дѣтей первѣйшихъ князей имеретинскихъ. Выгнанный изъ Имеретіи, онъ распродалъ въ Ахалцихѣ несчастныхъ заложниковъ, потомъ еще три раза вторгался въ Имеретію и кончилъ, все-таки, тѣмъ, что былъ прощенъ во всѣхъ своихъ злодѣяніяхъ и оставленъ жить на свободѣ въ Тифлисѣ.

По Кайнарджійскому миру Имеретія поступила подъ покровительство Россіи. Исторію *Соломона II* и присоединеніе къ Россіи Имеретіи, Мингреліи и Грузіи мы разсказали, говоря о князѣ Циціановѣ, при описаніи сіонскаго собора.

Изъ того, что мы говорили объ *имеретинахъ, мингрельцахъ*

Digitized by Google

и гурійцахъ читатель, по всей вѣроятности, получитъ не очень-то выгодное понятіе объ этихъ народахъ, но такой выводъ былъ бы слишкомъ поспѣшенъ. Жители Ріонской равнины, правда, невѣжественны, лѣнивы и бѣдны, но, тѣмъ не менѣе, въ ихъ характерѣ есть много хорошихъ сторонъ: они вѣжливы, гостепріимны, ласковы съ женщинами, смѣтливы, обходительны и, вообще, обладаютъ патріархальными добродѣтелями полудикарей. Всѣ три народа принадлежатъ къ одному изъ красивѣйшихъ племенъ земнаго шара. Женщины очень красивы и имѣютъ много врожденной граціи, которая особенно проявляется въ ихъ огненномъ танцѣ—лезгинкѣ.

Гурійцевъ нѣкоторые производятъ отъ древнихъ евреевъ, переселенныхъ въ эти мѣста Новуходоносоромъ: урія значитъ жидъ. Гуріецъ красивъ, строенъ, а живописный костюмъ еще болѣе придаетъ ему красоты; гуріецъ отличается положительностью, степенностью и набожностью до фанатизма; гурійцы отважны, горды, благородны, хитры, вспыльчивы и мстительны за обиду; притомъ, они славятся, какъ отличные стрѣлки и знаменитые ходоки. Бывали примѣры, что гуріецъ проходилъ въ 36 часовъ болѣе двухъ-сотъ верстъ. Мѣстность въ Гуріи такая-же низменная и болотистая, какъ и въ Мингреліи.

Имеретины и *мингрельцы* очень бѣдны; изодранная рубаха длиною до колѣнъ, подпоясанная веревкою или ремнемъ, часто составляетъ весь костюмъ простолюдина; вмѣсто шапки, на головѣ круглый лоскутъ сукна или тафты съ подкладкою, подвязанный снуркомъ подъ подбородокъ,—изъ подъ этой шапки разсыпаются густыми прядями и кудрями черные, какъ смоль, волосы.

Жилища имеретинъ разбросаны по лѣсу и возвышеніямъ и имѣютъ видъ деревянныхъ шалашей. Домъ каждаго жителя окруженъ садомъ и полемъ; деревня во сто или двѣсти душъ тянется иногда на 8, на 10 верстъ такъ, что дорога отъ Мингреліи до Сурама идетъ садомъ, состоящимъ изъ фруктовыхъ деревъ, виноградника, чинара, орѣшника, розановъ, гранатъ и проч. Сакли

Digitized by Google

безъ печей и каминовъ; внутри сакли разложенъ на полу огонь, надъ которымъ приготовляютъ пищу и грѣются во время холода. Болѣе знатные и богатые товады строятъ дома въ родѣ русскихъ. *Мингрельцы*, кажется, еще бѣднѣе имеретинъ, хотя и способнѣе ихъ скрывать изъ самолюбія свои недостатки. Убогія ихъ сакли отличаются первобытной простотою постройки; гигантскій чинаръ или орѣшникъ защищаетъ саклю отъ дождя и вѣтра, и подъ его тѣнью находится вся усадьба и все хозяйство жителя.

На низменностяхъ фрукты, наполняющіе лѣса, составляютъ основу жизни туземцевъ. Въ непроницаемой зелени лѣсовъ стоитъ вѣчное болото, которымъ *мингрелецъ* и пользуется для посѣва риса, для чего валитъ деревья и разчищаетъ поле; но и повалить-то дерево стоитъ не малаго труда: нужно прежде разрушить всѣ живыя связи изъ вьющихся растеній, которыя не даютъ упасть и срубленному дереву. Понятно, что, при такой силѣ растительности, хлѣбопашество здѣсь не въ ходу. Кукуруза, гоми, да рисъ на болотахъ—вотъ и все, что сѣется туземцами; пшеницу-же и ячмень сѣютъ только въ горахъ. Селиться большими деревнями въ Мингреліи невозможно безъ вырубки лѣсовъ, чего мингрельцы, едва владѣющіе топоромъ, сдѣлать не въ состояніи. Сакли ихъ построены изъ досокъ, по неумѣнію сдѣлать срубъ изъ бревенъ.

Отдѣльная жизнь въ лѣсу болѣе всего причиною тому, что *мингрелецъ* до сихъ поръ остался почти на степени первобытной дикости лѣснаго жителя. Онъ не имѣетъ самыхъ элементарныхъ понятій о ремеслахъ и едва въ состояніи вскопать клочекъ земли для посѣва и сшить себѣ одежду.

Единственный туземный экипажъ—арбу—тащатъ два малорослые вола; колеса арбы сдѣланы изъ досокъ, которыя, обившись, дѣлаются изъ круглыхъ четырехъ-угольными; двѣ оглобли, соединенныя въ уголъ, висятъ подъ ярмомъ и бороздятъ землю. Большая часть жителей ходятъ босыми лѣто и зиму. Придя на базаръ, при 4 или 5° мороза, для продажи куръ, зелени, орѣховъ и проч.,

Digitized by Google

мингрелецъ несетъ клочекъ сѣна подъ мышкою, чтобы подкладывать его, когда остановится, себѣ подъ ноги; ставъ одной ногою на сѣно, онъ поджимаетъ другую, какъ гусь, и перемѣняетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока не кончитъ продажи; затѣмъ, подобравъ сѣно, идетъ дальше.

Бѣдность заставляетъ жителей Ріонской долины часто оставлять родину и снискивать себѣ пропитаніе въ другихъ мѣстахъ. Ихъ можно встрѣтить почти во всемъ Закавказьѣ исполняющими тягостное ремесло *муши* (носильщика) и *бича* (слуги).

Остатки замковъ, часто встрѣчаемые въ Имеретіи, напоминаютъ о не такъ еще давно минувшихъ временахъ феодализма. Они отличаются отъ грузинскихъ укрѣпленій обширностью и крѣпостью постройки. Съ перваго взгляда видно, что князья, жившіе въ этихъ замкахъ были тѣ-же феодальные бароны, съ тѣми-же понятіями и при такомъ-же образѣ жизни. Самыя названія замковъ говорятъ о нравахъ этихъ необузданныхъ грабителей-самодуровъ: такъ, напримѣръ, одинъ замокъ называется *Минда* (хочу), потому что князю, строившему его, представляли невозможность постройки на крутой и обрывистой скалѣ, но онъ ничего не хотѣлъ знать, сказалъ: *хочу* и назвалъ такъ свое гнѣздо; другой называется «приди и посмотри», и проч.

Современное положеніе этихъ странъ. То, что мы разсказывали теперь и прежде, при описаніи сіонскаго собора въ Тифлисѣ *(кн. Циціановъ)*, про Имеретію, Мингрелію и Гурію, стало уже достояніемъ исторіи, и, въ настоящее время, путешественнику, при видѣ этихъ странъ, невольно долженъ вспомниться стихъ: «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Можно сказать безъ всякой лести и хвастовства, что если гдѣ, несмотря на многочисленныя ошибки, русское владычество принесло пользу, такъ это, именно, здѣсь. Мы видѣли, въ какомъ положеніи оно нашло эти страны съ небольшимъ полстолѣтіе тому назадъ, и посмотримъ, каково ихъ положеніе въ настоящее время. Не будемъ

Digitized by Google

уже говорить о томъ, что здѣсь успѣли совершенно забыть, что значитъ иноземное нашествіе; что навсегда уничтоженъ постыдный торгъ людьми, составлявшій главный доходъ князей и дворянъ; прекращены дикія самоуправства и разбойничьи набѣги; обезпечена собственность; проведены дороги, и въ томъ числѣ желѣзная поти-тифлисская,—скажемъ только, что освобожденіе крестьянъ, съ надѣленіемъ ихъ землею, положило навсегда основу благосостоянію здѣшнихъ жителей. Крестьяне здѣсь удержали за собою весь поземельный надѣлъ, которымъ они пользовались при крѣпостномъ правѣ, безъ малѣйшихъ отрѣзокъ. А такъ какъ надѣлъ этотъ всегда былъ довольно значителенъ, по нежеланію воинственнаго дворянства заниматься хозяйствомъ, то бывшіе крѣпостные и получили, среднимъ числомъ, около 23 кцевовъ *(кцева—1/3 десятины)*, т. е. около $7^1/_2$ десятинъ на дворъ (или тягло, по нашему) земли—и какой земли! И въ какомъ климатѣ! Платитъ здѣшній крестьянинъ своему бывшему господину въ годъ: 3 р. за дворъ, 4 р. за лѣсъ (участкомъ котораго непремѣнно надѣлена каждая усадьба) и $^1/_4$ урожая съ поля. Про недоимки здѣсь никогда и не говорятъ, потому что ихъ никогда не бываетъ.

Поѣзжайте въ фаэтонѣ (они есть на каждой большой станціи) или хоть въ дилижансѣ, гдѣ это можно, и вы будете поражены благосостояніемъ, о какомъ русскому крестьянину и во снѣ не снилось. Посмотрите на эти живописные, съ точеными рѣшетками и галлерейками, домики, привѣтливо глядящіе изъ-за своихъ широкихъ зеленыхъ дворовъ, осѣненныхъ оградами стройныхъ тополей. Дворы окружены водяными ровиками, разобщающими ихъ съ сосѣдями и охраняющими отъ нашихъ сплошныхъ пожаровъ, которые здѣсь немыслимы. Дома построены изъ досокъ и безъ печей (каковъ климатъ!). Дымъ отъ очага (на земляномъ полу) выходитъ прямо черезъ кровлю, что, конечно, слѣдуетъ приписать еще остаткамъ прежней дикости; впрочемъ, мы, вѣдь, говоримъ про дома крестьянъ, а не дворянъ, такъ вспомнимъ-же и про

Digitized by Google

наши курныя избы. Здѣшнее жилье—скорѣе бесѣдка, чѣмъ домъ, согласно нашимъ понятіямъ. Помѣщеніе состоитъ изъ двухъ отдѣленій: парадnаго (въ родѣ черкесской кунацкой) и собственно хозяйскаго. Въ первомъ помѣщается и сокровище каждаго кавказца—его верховой конь. Здѣшній крестьянинъ ведетъ жизнь истинно патріархальную; онъ почти ничего не покупаетъ и ничего не продаетъ, у него все свое: и гоми (просо), и кукуруза, овощи, плоды, вино и даже шелкъ, хлопчатая бумага и всевозможные цвѣты. Онъ работаетъ исподоволь, не торопясь, потому что работа не сосредоточивается въ нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцахъ, а производится круглый годъ. Здѣшняя земля, съ здѣшнимъ солнцемъ и влагой, не знаетъ устали и не требуетъ удобренія: коли сухой годъ, такъ уродится отлично пшеница, коли мочливый, такъ кукуруза. Растительность такова, что воткнутая въ землю, безъ всякаго ухода, тополевая тычинка, чрезъ 3—4 года, превращается въ молодое деревцо, а 40-лѣтній орѣхъ прикрываетъ чуть не цѣлые полдвора. Здѣшній житель даже не можетъ понять и вообразить нужды нашего крестьянства. Да, истинно приходится пожелать, чтобы *злая сторона* нашей цивилизаціи какъ можно дольше не коснулась этихъ благословенныхъ патріархальныхъ странъ и чтобы онѣ продолжали развиваться самостоятельно и идти безъ помѣхи впередъ по тому пути, на который, какъ кажется, хоть и не совсѣмъ, но, все-таки, выведены въ настоящее время.

Дворянство здѣсь, какъ и вездѣ, пострадало при освобожденіи крѣпостныхъ. Удивляться этому нечего, это совершенно въ порядкѣ вещей. Здѣшніе дворяне хозяйствомъ занимаются мало, а довольствуются оброкомъ и обработкой полей изъ части урожая, причемъ поступаютъ, право, едва-ли не разумнѣе нашихъ господъ, принявшихся за такъ называемое раціональное хозяйство, съ отдачей своихъ имѣній въ попеченіе благодѣтельнаго общества поземельнаго кредита. Нельзя не порадоваться также, что здѣсь

Digitized by Google

еще почти совершенно неизвѣстенъ абсентеизмъ (отсутствіе) хозяевъ—это порожденіе неудобствъ русской деревни и ея суроваго климата, заставляющихъ нашихъ помѣщиковъ бѣжать изъ деревень въ города и столицы; напротивъ, прекрасная родина всегда манитъ къ себѣ жителя здѣшнихъ мѣстъ, и, гдѣ бы онъ ни жилъ и ни воспитывался, онъ, не утрачивая пріобрѣтеннаго воспитаніемъ, тотчасъ дѣлается опять своимъ человѣкомъ, не порвавшимъ семейныхъ связей и не забывшимъ родныхъ вѣрованій, обычаевъ и преданій. Таковыми, по крайней мѣрѣ, представляются, въ будущемъ, отношенія здѣшнихъ жителей къ ихъ прекрасной странѣ.

Теперь, любезный читатель, посѣтивъ Кутаисъ, возвратимся опять на желѣзную дорогу, *на станцію Ріонъ*, и будемъ продолжать по ней путь до Поти.

За Ріономъ слѣдуетъ станція *Копитнари,* а далѣе *Самтреди,* съ которой отдѣляется вѣтвь на Батумъ. Здѣсь конецъ Имеретіи,—далѣе, на сѣверъ, лежитъ Мингрелія, а на югъ—Гурія.

Чѣмъ далѣе вы ѣдете, тѣмъ долина становится все болѣе и болѣе обработанною и напоминаетъ роскошную долину По. Поля, съ которыхъ вывозятся милліоны пудовъ кукурузы, обсажены шелковичными деревьями, переплетенными лозами винограда. Говорятъ, при ближайшемъ осмотрѣ, Мингрелія много теряетъ, а жилища мингрельцевъ удивительно грязны, но, вѣдь, и долину По путешественникъ видитъ изъ оконъ вагона, а жилища итальянскихъ крестьянъ тоже не отличаются чистотою.

За Самтреди слѣдуютъ станціи *Абаша* и *Ново-Сенаки (омнибусы въ Зугдиди),* и, наконецъ, поѣздъ приходитъ въ Поти.

Поти.

Поти пріобрѣтенъ нами въ 1829 г. по Адріанопольскому миру. До того времени неимѣніе этой гавани страшно затрудняло доставку товаровъ и провіанта для войскъ чрезъ Черное море. Чтобъ какъ

Digitized by Google

нибудь помочь дѣлу, при устьѣ *Хопи,* впадающей въ море на 8 верстѣ сѣвернѣе Ріона, былъ выстроенъ *Редутъ-Кале.* Какова была доставка изъ Хопи въ Ріонъ, минуя Поти, можно видѣть опять изъ донесеній Литвинова, который провожалъ по этой дорогѣ прибывшій съ провіантомъ бѣлевскій полкъ; дорога пересѣкалась безпрерывными ручьями и двумя довольно глубокими рѣчками, текущими въ непроходимомъ лѣсу, которыя часто, выходя изъ береговъ, затопляли всю окрестность. «По первой дорогѣ,—пишетъ Литвиновъ,—проложенной нарочно отряженнымъ для сего батальономъ, я самъ шелъ по поясъ въ водѣ; на мостахъ остались только перекладины, на пол-аршина покрытыя водой, по которымъ можно было идти только ощупью. По сей-то дорогѣ надлежитъ переносить на людяхъ провіантъ». Литвиновымъ было предложено прорыть каналъ изъ Ріона въ рѣчку *Циви,* впадающую съ юга въ Хопи. Впослѣдствіи это было исполнено, и доставкой провіанта по каналу должны были заниматься *скопцы,* поселенные въ *Орпири.* Въ настоящее время, разумѣется, эта работа давно уже прекратилась, и сектанты спокойно доживаютъ свой вѣкъ.

Ріонъ впадаетъ въ низменной долинѣ и, запираемый моремъ и своими собственными наносами, образуетъ, при впаденіи, низменность, служащую пріютомъ злокачественнымъ лихорадкамъ. Вода въ колодцахъ здѣсь всего на аршинной глубинѣ, а вечеромъ стонъ стоитъ отъ кваканья безчисленныхъ лягушекъ, которыя запрыгиваютъ даже въ комнаты. Загляните въ яму, именуемую колодцемъ,—она, навѣрное, наполнена лягушками. Въ этомъ жаркомъ и влажномъ климатѣ ростутъ даже лимоны на чистомъ воздухѣ, хотя случающіеся зимой морозы и не даютъ имъ развиваться. Говорятъ, что на 3-хъ-аршинной высотѣ уже прекращается дѣйствіе лихорадочныхъ міазмовъ или, по крайней мѣрѣ, становится слабымъ.

Главный притонъ здѣшней маларіи, это—озеро *Палеостомъ,*

Digitized by Google

лежащее на югъ отъ Поти; оно имѣетъ до 30 верстъ въ окружности и образуется устьемъ *Пичоры*. Извилистый натуральный каналъ изъ него проходитъ въ море подъ самымъ Поти; прежде онъ впадалъ въ Ріонъ, но теперь баровыми наносами повернутъ дальше на югъ, параллельно морскому берегу. Это гнилое озеро окружено громадной осокой и камышами, а поверхность его покрывается лѣтомъ водорослями и представляется зеленой равниной. Миріады насѣкомыхъ кишатъ надъ водой, умираютъ и, опускаясь на дно вмѣстѣ съ растеніями, быстро разлагаются и заражаютъ воздухъ, не говоря уже о лѣсахъ, стѣною обступившихъ озеро, въ которыхъ жизнь, умираніе и разложеніе идутъ едва-ли еще не въ большихъ размѣрахъ.

Здѣшніе сплошные лѣса ростутъ по трясинѣ, а если гдѣ и выдается прогалина, такъ она покрыта только осокой и рѣдко камышемъ; отъ того-то, среди этой гигантски развитой растительности, туземцы нуждаются въ главной статьѣ хозяйства—въ хорошемъ сѣнѣ, и скотина зимою питается, бродя въ лѣсахъ по колѣна въ водѣ или грязи.

До сихъ поръ въ Поти ощутителенъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ и дорогъ даже лѣсъ, хотя онъ ростетъ кругомъ, и жители считаютъ своимъ врагомъ каждое дерево, растущее на ихъ болотистой почвѣ. Кубическая сажень морскаго песку, употребляемаго для засыпки болотъ, стоитъ вблизи берега $1^1/_2$ руб. сер., а далѣе на 30 саж. она уже стоитъ съ доставкою 2 р. 50 к.,—такъ удобна перевозка по здѣшнимъ трясинамъ.

Надобно, впрочемъ, сказать, что, 20 лѣтъ тому назадъ, на мѣстѣ нынѣшняго Поти стояла полуразрушенная крѣпость, вокругъ которой гнѣздилось нѣсколько хижинъ, жители которыхъ постоянно тряслись отъ лихорадки; теперь-же Поти быстро разростается. Главная новая улица его проведена уже до самаго взморья; она шоссирована и обстроена хорошими домами.

Гостиницы лучшія: *Колхида* и *Кавказъ*.

Digitized by Google

Чтобы видѣть силу здѣшней растительности, пройдите въ *городской паркъ* (почти прямо противъ Колхиды) и изъ него въ *садъ Ресслера* (тотчасъ за паркомъ), на берегу Ріона. Въ первую мою поѣздку, въ 1872 г., на этомъ мѣстѣ была необработанная трясина, теперь-же это прекрасный тѣнистый паркъ изъ южныхъ породъ, неизвѣстныхъ въ Россіи, а въ саду Ресслера какихъ только нѣтъ цвѣтовъ и деревьевъ!—хотя, надобно сказать правду, онъ могъ бы содержаться и еще лучше.

Въ ожиданіи парохода, пройдитесь по набережной рѣки, мимо пароходнаго агентства и развалинъ турецкой крѣпости, родоначальницы настоящаго Поти, на взморье и посмотрите на вѣчно покрытую бушующими валами линію отмели или *бара*, образовавшуюся отъ наносовъ Ріона и дѣлающую невозможнымъ устройство въ Поти хорошаго порта. Прежде для Поти пророчили блестящую будущность, но—увы!—пророчество это, какъ и многія другія, не оправдалось: милліоны потрачены даромъ, и даже самый заводъ, построенный для производства строительныхъ матеріаловъ, сгорѣлъ до основанія, и портъ перенесенъ во вновь пріобрѣтенный Батумъ, соединяющійся въ Самтреди съ поти-тифлисской желѣзной дорогой.

Желѣзная дорога отъ Самтреди до Батума и Батумъ.

Отъ Самтреди до Батума 3 станціи: *Ланчхута, Супса* и *Кабулеты. Время переѣзда*—4 часа. *Цѣны до Батума:* 1-й классъ 5 р. 63 к., 2-й — 4 р. 23 к., 3-й—2 р. 16 к.

До Кабулетъ дорога идетъ лѣсами и болотами Ріонской долины, наглядно показывающими, какова была вся долина въ прежнее время. Слѣва—Гурійскія горы, справа—болота; и тѣ и другія покрыты еще почти дѣвственнымъ лѣсомъ; крикъ лягушекъ постоянно терзаетъ уши. Впрочемъ, надо полагать, что, въ недалекомъ будущемъ, видъ мѣстности измѣнится: съ помощью желѣзной дороги, лѣса будутъ истреблены, а слѣдовательно и болота осушены.

Digitized by Google

Населеніе здѣсь уже вполнѣ азіатское: стройные гурійцы, въ башлыкахъ, повязанныхъ на манеръ чалмы, красиво расшитыхъ курткахъ и широкихъ поясахъ, за которыми заткнуто оружіе, курды, турки и вездѣсущіе нахальные и противные гешефтмахеры евреи, уже почуявшіе добычу; все это толпится, суетится, шумитъ и указываетъ на близость вольнаго порта. За Кабулетами внезапно открывается море, и поѣздъ, пронесясь по самому берегу, приходитъ въ Батумъ.

Батумъ.

Батумъ—городъ будущаго. Много было писано въ газетахъ про его дурное управленіе, про неправильную раздачу городскихъ земель и проч. Мы не будемъ касаться всѣхъ этихъ вопросовъ, потому что это вовсе не дѣло путеводителя, скажемъ только: посмотрите на старую, турецкую, и новую, европейскую части города: первая—какой-то грязный, полуразвалившійся городишко, вторая—вполнѣ европейскій, хотя еще только строющійся городъ, съ магазинами, отелями, съ народнымъ и европейскимъ базарами и проч. И все это сдѣлано въ какія нибудь 5 лѣтъ. Не забудьте также, что вы пріѣхали сюда по желѣзной дорогѣ, тоже построенной послѣ чуть не вчерашняго присоединенія Батума. Мѣстность Батума чрезвычайно живописна. Его, сравнительно, небольшая, но глубокая и совершенно закрытая бухта вполнѣ удовлетворяетъ коммерческимъ цѣлямъ; климатъ здоровъ, а глядя изъ города, снизу, на окрестныя горы, невольно въ воображеніи рисуется картина будущаго: масса пароходовъ и другихъ судовъ, красивый городъ, безчисленные дома съ садами, по скатамъ окрестныхъ и въ настоящее время еще пустынныхъ горъ, и проч., и проч. Удержимъ, однако-же, крылья нашего воображенія и скажемъ о томъ, каковъ Батумъ въ настоящее время.

Гостиницъ въ Батумѣ нѣсколько: *Европа* (съ хорошимъ и недорогимъ рестораномъ), *Франція, Лондонъ* и др. Всѣ не особенно дороги, номера отъ $1^1/_2$ р.

Digitized by Google

Экипажи—фаэтоны, какъ и вездѣ на Кавказѣ.

Народный базаръ—лучшіе магазины.

Европейскій базаръ—еще не совсѣмъ готовъ, но, судя по постройкѣ и мѣстности, на которой расположенъ, обѣщаетъ быть еще лучше народнаго.

Новая мечеть—одна изъ замѣчательностей Батума и вполнѣ заслуживаетъ осмотра. Обратиться къ сторожу. Совѣтуемъ также походить по старой части города, осмотрѣть нѣсколько старыхъ мечетей, внутренность которыхъ, безъ всякихъ хлопотъ, можно видѣть чрезъ постоянно открытыя окна, и, вообще, приглядѣться къ особенностямъ восточной жизни, всегда интересной для европейца.

Многіе изъ путешественниковъ, для которыхъ слово «порто-франко» имѣетъ какой-то особенный и, въ нѣкоторомъ родѣ, даже таинственный смыслъ (да и для кого изъ нашихъ соотечественниковъ оно его не имѣетъ?), думаютъ, что въ Батумѣ можно накупить, чуть не задаромъ, разныхъ заморскихъ диковинокъ. Предостерегаемъ отъ этого, потому что здѣсь разныхъ проходимцевъ и гешефтмахеровъ очень и очень много, а солидныхъ торговцевъ пока еще очень и очень мало, и можно попасться въ страшный просакъ. При моемъ отплытіи изъ Батума, какой-то даже уже и не молодой человѣкъ съ торжествомъ показывалъ на пароходѣ матерію, купленную, по его словамъ, удивительно дешево—всего по 1 р. 50 к. аршинъ. И что-же оказалось? Матерія была московскаго производства, и ее можно купить въ Москвѣ по 60 коп. Вотъ вамъ и заморскія диковинки! Вотъ вамъ и порто-франко!

Ну, а теперь, любезный читатель—довольно! Время садиться на пароходъ и отправляться обратно домой, въ Россію.

Digitized by Google

ГЛАВА VI.

Отъ Батума до Одессы.

Восточный берегъ Чернаго моря отъ Поти до Новороссійска, въ настоящее время, населенъ слѣдующимъ образомъ: отъ Поти до р. Ингура берегъ составляетъ часть *Кутаисской губерніи;* далѣе на сѣверъ до Гагръ слѣдуетъ *Сухумскій отдѣлъ,* въ который вошли: *Самурзакань, Абхазія* и *Цебельда* (выселившаяся въ Турцію); еще сѣвернѣе, за р. Мзымтой, берегъ подчиненъ управленію *Черноморскаго округа.* Почти въ прежнемъ видѣ населеніе осталось только до р. *Бзыба*, всѣ-же земли, лежащія на сѣверъ отъ этой рѣки, очищены горцами, переселившимися въ Турцію; вмѣсто нихъ, поселены въ нѣсколькихъ мѣстахъ молдаване, греки и русскіе. Болѣе другихъ замѣчательны: *поселенія на мысѣ Адлеръ* (о нихъ мы будемъ говорить впослѣдствіи), *поселенія по рѣкѣ Сочи,* а сѣвернѣе ея *Вордане,* принадлежащіе в. кн. намѣстнику, и *Годликъ*, имѣніе покорителя жившихъ по Сочѣ убыховъ, генерала Геймана, на 10 вер. длины и на 7 верст. ширины вдоль берега; считаютъ, что на этомъ участкѣ находится болѣе 25 т. каштановыхъ деревьевъ .Близъ *Новороссійска* поселены *чешскія колоніи,* около *Лазаревскаго* поста— анатолійцы, и проч. Вообще-же, число поселенцевъ еще весьма не велико.

Скоро по выходѣ парохода изъ батумской гавани, теряются изъ вида Гурійскія горы, остается назади низменность Ріонской

Digitized by Google

долины и вдали показываются горы *Самурзакани*, *Сванетіи*, *Цебельды* и *Абхазіи*—странъ, составляющихъ *Сухумскій отдѣлъ*, о которомъ мы и говоримъ теперь.

Сухумскій отдѣлъ.

Абхазія. Подчинивъ своей власти Имеретію, Мингрелію, Гурію и Абхазію, турки, въ 1578 году, построили крѣпости *Поти* и *Сухумъ-Кале*. Въ 1771 году, абхазцы выгнали турокъ изъ Сухума; во главѣ этого возстанія находились два брата, *Леванъ* и *Зурабъ Ширвашидзе*. Поссорившись съ братомъ, *Леванъ* опять передалъ Сухумъ туркамъ, которыхъ, однако, абхазцы снова скоро выгнали. Тогда *Келешъ-бей Ширвашидзе* силой подчинилъ себѣ абхазцевъ, занялъ Сухумъ и отдался подъ верховную власть султана, признавшаго его за то абхазскимъ владѣтелемъ. Скоро, однако, Келешъ-бей провинился передъ Портой тѣмъ, что далъ убѣжище трапезондскому пашѣ, осужденному ею на смерть, и сталъ искать покровительства Россіи, принявшей, въ то время, подъ свою защиту Грузинское царство; въ тоже время, онъ, говорятъ, тайнымъ образомъ перешелъ въ христіанскую вѣру. За это турки подкупили его старшаго сына *Асланъ-бея* убить своего отца. Преступленіе совершилось въ Сухумѣ, но Асланъ-бей не воспользовался плодами злодѣянія. Младшіе его братья *Сефераъ-бей и Гассанъ-бей*, осужденные на гибель, подобно отцу, успѣли спастись и вооружили противъ него всю Абхазію. Отце-убійца Асланъ-бей бѣжалъ въ Батумъ, а *Сефераъ-бей* явно уже принялъ христіанство и *1808 году отдался подъ покровительство Россіи*. Въ 1810 году, русскіе вытѣснили турокъ изъ Абхазіи и заняли Сухумъ. Владѣтель, по прежнему, оставался полнымъ властелиномъ своего народа, и русское правительство заботилось только объ уничтоженіи вліянія турокъ на народъ, обнаружившій, по примѣру владѣтеля, склонность возвратиться къ христіанской вѣрѣ, которую исповѣдывали его предки. Память о христіанствѣ еще не

Digitized by Google

исчезла въ абхазцахъ; многочисленныя развалины храмовъ, встрѣчающіяся повсемѣстно въ Абхазіи, пользуются безотчетнымъ уваженіемъ въ народѣ, а монастырь въ *Пицундѣ* почитается ими святыней*). *Пицунда* была самымъ блестящимъ пунктомъ Восточной Римской имперіи на кавказскомъ берегу; сюда былъ отправленъ въ ссылку св. Іоаннъ Златоустъ и умеръ дорогой. Въ средніе вѣка, Пицунда была важнѣйшей генуэзской колоніей на Черномъ морѣ. Ко времени генуэзскаго владычества относится также множество развалинъ храмовъ, разсыпанныхъ по горамъ западнаго Кавказа, а генуэзское старинное оружіе переходитъ у горцевъ изъ рода въ родъ. Постройка *пицундскаго храма* византійцами относится ко времени царствованія Юстиніана, то-есть къ VI вѣку. Во время владычества турокъ, храмъ былъ заброшенъ и обратился въ развалины. Въ 1830-хъ годахъ, по стѣнамъ и на потолкѣ видны были любопытные остатки фресокъ, а на большомъ орѣховомъ деревѣ возлѣ церкви висѣлъ колоколъ весьма искусной работы, съ изображеніемъ Мадонны и латинской надписью, указывавшею, что онъ былъ отлитъ въ 1562 году. Впослѣдствіи, по приказанію покойнаго императора Николая I, составлена была для возобновленія храма цѣлая коммиссія и отпущена сумма въ 80 тысячъ рублей серебромъ. Этой коммиссіей храмъ былъ, насколько возможно, реставрированъ и покрытъ желѣзомъ, но, во время восточной войны, абхазцы содрали съ него желѣзную крышу, и монастырь опять пришелъ почти въ прежній видъ. Въ настоящее время его опять реставрируютъ.

Въ однѣхъ частныхъ запискахъ, которыя мнѣ удалось прочесть, разсказывается, что въ 1866 году къ заслуженному и почтенному пицундскому военачальнику *Воронову,* принимавшему самое дѣятельное участіе въ реставрированіи храма, пришли абхазцы съ просьбою допустить ихъ принять въ монастырѣ присягу по одному

*) Кто пожелаетъ ближе познакомиться съ характеромъ древнихъ памятниковъ на Кавказѣ, тотъ найдетъ ихъ подробное описаніе въ путешествіи археолога *Дюбуа.*

Digitized by Google

своему дѣлу. Вороновъ отвѣчалъ имъ такъ: «вы или ваши соотчичи недавно украли желѣзо съ крыши этого храма, а теперь хотите въ немъ присягать! Въ наказаніе за поруганіе надъ святыней и въ поученіе, я не позволяю вамъ присягать здѣсь». Пришедшіе со стыдомъ удалились. Случай этотъ ясно показываетъ, какъ сильны остатки христіанства въ абхазцахъ. Вообще-же, *абхазцы* равнодушны въ дѣлѣ *религіи*; они очень разсчетливо взяли наиболѣе подходящее себѣ изъ христіанства, магометанства и добавили это еще остатками язычества. У нихъ часто случается, что въ одной и той-же семьѣ отецъ магометанинъ, а дѣти и магометане и христіане; также и жена съ мужемъ исповѣдуютъ часто различныя религіи, но это нисколько не мѣшаетъ существованію между ними хорошихъ отношеній. Въ частныхъ запискахъ, бывшихъ у меня въ рукахъ, такъ описывается религіозное состояніе абхазцевъ. Авторъ ихъ былъ, въ 1867 году, въ *Соуксу* и служилъ панихиду надъ могилой *Кольяра* и убитыхъ съ нимъ вмѣстѣ его товарищей. «Было—пишетъ онъ—воскресенье. Мы вошли въ старинный и безвкусный храмъ во время обѣдни; толпы абхазцевъ стояли внѣ церкви, и съ нами вошла только малая часть. Служба шла на грузинскомъ языкѣ, котораго никто не понимаетъ. Священникъ ни слова не знаетъ по-русски и не могъ прочесть греческой надписи надъ гробомъ *Сеферъ-бея*, похороненнаго посреди церкви. Какая польза народу отъ такого духовенства? Говорю твердо, положительно и основываясь на фактахъ, что въ Абхазіи нѣтъ никакой религіи. Здѣсь магометанство и христіанство парализуютъ другъ друга, и результатъ борьбы—совершенное безвѣріе. Во время панихиды, такъ называемые христіане присоединились къ намъ, а магометане стали по-одаль; но еще до конца службы многіе перешли и перебѣжали отъ насъ къ магометанской группѣ». Иначе и быть не можетъ, принявъ въ разсчетъ прошедшее Абхазіи. Для дѣятельности общества распространенія православія на Кавказѣ тутъ представляется богатое поле, въ которомъ магометанство не пус-

Digitized by Google

тило глубокихъ корней; съ индеферентизмомъ, все-таки, легче бороться, чѣмъ съ фанатизмомъ. Но возвратимся къ прерванному разсказу.

Турки, бѣжавшіе изъ Сухума, разсыпались по всей Абхазіи и съ ожесточеніемъ возбуждали народъ противъ русскихъ, толкуя, что *Асланъ-бей* убилъ своего отца, повинуясь волѣ Аллаха. Отцеубійца также дѣйствовалъ всевозможными интригами, и волненія почти постоянно не прекращались.

Въ 1821 году, *Сеферъ-бей* умеръ, оставивъ наслѣдникомъ своего старшаго сына *Дмитрія,* воспитывавшагося въ Петербургѣ. Въ 1824 году, умеръ и Дмитрій, не оставивъ наслѣдниковъ, и владѣтелемъ Абхазіи былъ объявленъ младшій братъ его *Михаилъ.* Всѣ отзывы о Михаилѣ (по-абхазски—*Хамитъ-бей),* послѣднемъ владѣтелѣ Абхазіи, носившемъ званіе генералъ-адъютанта русской службы, рекомендуютъ его съ очень хорошей стороны; но положеніе, въ которое онъ былъ поставленъ относительно русскихъ властей, неминуемо должно было вести къ непріятнымъ столкновеніямъ. Наше правительство, оставивъ за Михаиломъ управленіе страной, предоставило себѣ власть исполнительную и тѣмъ какъ бы подчинило себя ему. Разумѣется, долго это не могло продолжаться. Выходъ былъ одинъ: присоединеніе Абхазіи и удаленіе князя, что и было сдѣлано. Михаилъ былъ поселенъ въ Воронежѣ, гдѣ и умеръ въ 1866 году. Въ этомъ-же году случилось и послѣднее возмущеніе въ Абхазіи, во время котораго были убиты въ Соуксу начальствовавшій тогда въ Абхазіи *ген. Кольяръ,* начальникъ Бзыбскаго (Пицундскаго) округа капитанъ *Измайловъ,* адъютантъ *Суриновичъ,* чиновникъ *Черепов*ъ, два казацкихъ офицера и 54 казака; вслѣдъ за тѣмъ, 27 іюня, абхазцы напали на Сухумъ, но, послѣ трехдневной блокады, были отбиты подоспѣвшими войсками. Причиною возстанія были ложные слухи о готовившейся тогда эмансипаціи, пущенные въ народъ тѣми, кому реформа эта была невыгодна, частью-же виновато было и высоко-

Digitized by Google

мѣрное обращеніе ген. Кольяра съ туземцами. Когда жители Бзыбскаго округа явно вышли изъ повиновенія, то ген. *Кольяръ,* въ сопровожденіи всего одной сотни казаковъ, поспѣшилъ въ *Соуксу,* чтобы лично прекратить безпокойство, и былъ убитъ вмѣстѣ со всѣми помянутыми лицами въ домѣ, принадлежавшемъ покойному владѣтелю. Не задолго предъ этимъ, тѣло Михаила было привезено изъ Россіи на родину чрезъ военно-грузинскую дорогу; его провожали огромныя толпы народа; по мѣстнымъ обычаямъ, женщины при этомъ плакали, а ораторы говорили рѣчи объ его небывалыхъ добродѣтеляхъ и заслугахъ; злоумышленникамъ это былъ отличный случай возмутить грубый и легковѣрный народъ, что они и исполнили: похоронная процессія, во всю дорогу отъ Мцхета, имѣла видъ совершенной демонстраціи противъ русскихъ. Несмотря на эту вспышку, 19 февраля 1867 года была въ Абхазіи объявлена *эмансипація,* и съ того времени во всей Россіи не осталось ни одного крѣпостнаго. За возмущеніе были наказаны лишь главные виновники выселеніемъ въ Турцію; остальные были обезоружены, и затѣмъ объявлена полная амнистія.

Абхазія составляетъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ Закавказья. Здѣсь есть и снѣжныя горы, и вѣчно зеленыя долины, и бездонныя пропасти съ шумными водопадами, и дѣвственные лѣса, чрезъ которые можно только пробираться съ мощью *цалды* (небольшаго топора), и, наконецъ, море, съ Сухумскою гаванью, гдѣ на берегу, подъ открытымъ небомъ, въ апрѣлѣ можно встрѣтить въ цвѣту разныя тропическія растенія, не говоря уже о виноградѣ, персикахъ и проч. Еще недавно цѣлая улица розъ украшала Сухумъ, но была уничтожена во время послѣдняго возмущенія. По берегу были даже пальмовыя рощи, къ сожалѣнію, теперь истребленныя; громадныя буковыя деревья тоже вырублены по берегамъ рѣкъ турецкими промышленниками. Букъ достигаетъ до одного фута въ діаметрѣ только лѣтъ въ двѣсти, и, чтобы спасти это драгоцѣнное дерево отъ конечнаго истреб-

Digitized by Google

ленія, порубка его теперь запрещена. Всѣ дороги въ Абхазіи, по большей части, съ обѣихъ сторонъ окружаютъ чинары, ольхи, ясень и дубъ, переплетенные ползучими растеніями. Изрѣдка только кое-гдѣ показываются маленькія полянки, покрытыя папоротникомъ, который въ мѣсяцъ достигаетъ здѣсь роста выше всадника съ лошадью; подъ этими растеніями вѣчная сырость и гніеніе, служащія главными разсадниками лихорадокъ. Если папоротникъ косить въ продолженіи трехъ лѣтъ весной, когда еще его можетъ взять коса, то растеніе погибаетъ, и на мѣстѣ нездороваго полуболота дѣлаются отличные покосы. Это обстоятельство такъ очевидно, что передъ нимъ не устояла даже и классическая лѣнь абхазца. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такимъ образомъ истребленъ папоротникъ, климатъ быстро измѣняется къ лучшему. Въ Абхазіи холмы смѣняются полянами, перелѣсками, и, наконецъ, является окаймленная небольшими горами долина, по которой, то группами, то въ одиночку, разбросаны увитыя виноградными лозами деревья, огромные дубы, а между ними мелькаютъ изгороди, виднѣются рѣдкія кровли саклей и торчащіе, на подобіе русской голубятни, амбары для кукурузы — таковъ общій видъ страны. Деревень, въ европейскомъ смыслѣ, не встрѣчается въ Абхазіи; здѣсь каждая сакля, съ своими незатѣйливыми службами, стоитъ совершенно особнякомъ и не имѣетъ связи съ другими. Деревня разсыпается по холмамъ и косогорамъ и тянется верстъ на десять, отчего мѣстность и принимаетъ видъ огромнаго парка, посреди котораго какъ будто устроены лачужки для сторожей. Дорога рѣдко идетъ мимо строенія, и случается, что проѣзжій, находясь посреди деревни, не видитъ ни одного строенія. Абхазцы привыкли и дорожатъ этой уединенной, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и раздольной жизнью. О лучшемъ они не имѣютъ понятія. Въ Абхазіи нѣтъ плоскихъ крышъ. Сплетя себѣ изъ хвороста квадратную или круглую, смотря по вкусу, клѣтушку, съ отверстіями, въ которыя можно просунуть кулакъ, и накрывъ ее сверху камышемъ, кукурузной соломой или

Digitized by Google

папоротникомъ, абхазецъ думаетъ, что онъ построилъ себѣ домъ, лучше котораго и желать нечего. Низенькая перегородка дѣлитъ саклю на двѣ половины, которыя, смотря по достатку хозяина, назначаются: одна для мужчинъ, другая для женщинъ, или большая для людей, меньшая для скота. Низенькія лавки, очагъ по срединѣ, около котораго на землѣ грѣется зимою все семейство, войлоки или перины (у богатыхъ) по лавкамъ, нѣсколько сундуковъ съ имуществомъ и оружіе на стѣнѣ—вотъ и вся мебель и все убранство сакли. «Въ скотной половинѣ—говоритъ одинъ путешественникъ—меньше удобствъ, и изъ мебели я въ ней замѣтилъ только одно корыто». Свѣтъ костра, сквозя черезъ стѣны сакли, отсвѣчивается ночью красноватымъ цвѣтомъ на деревьяхъ и, смѣшиваясь лѣтомъ съ миріадами свѣтляковъ, представляетъ издали фантастическую картину. «Безпрестанно по дорогѣ—говорится въ однѣхъ частныхъ запискахъ—видишь сравнительно хорошія постройки, правда, безъ стѣнъ, но на столбахъ и съ крышей, исправно покрытой дранью: это—могилы предковъ. Только покойники и наслаждаются здѣсь подобными удобствами, которыхъ лишалъ себя даже бывшій владѣтель: по крайней мѣрѣ, во всѣхъ домахъ его, которые мнѣ довелось идѣть, во время дождя крыша вездѣ промокала».

Земледѣліе здѣсь, разумѣется, совсѣмъ не въ ходу. Абхазецъ деревяннымъ крючкомъ, сдѣланнымъ изъ древеснаго корня, вскопыриваетъ землю, посѣетъ на ней гоми или кукурузу, соберетъ съ посѣяннаго зачастую баснословный урожай—ну, и сытъ. Малорослыя коровы, весь годъ питающіяся по лѣсу, даютъ возможность абхазцу имѣть всегда въ кадкѣ кислое молоко, составляющее любимый его напитокъ. Абхазецъ пускаетъ свои виноградныя лозы на деревья, и въ такомъ видѣ онѣ сами собой достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. Въ этомъ только и состоитъ весь трудъ ухода за виноградомъ, который, все-таки, выходитъ хорошаго качества. Для приготовленія вина выкапываютъ въ землѣ яму, об-

Digitized by Google

мазываютъ ее глиной и, разложивъ на днѣ огонь, обжигаютъ, насколько возможно; въ эту яму сваливаютъ кучею виноградъ, топчутъ его ногами и оставляютъ сокъ въ ямѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не перебродитъ. Затѣмъ вино вычерпывается и разливается по глинянымъ кувшинамъ, которые и зарываются въ землю. Выдѣлываемое такимъ первобытнымъ способомъ вино въ *Лехне* (Соуксу) даже вывозится въ значительномъ количествѣ. Персики и другіе плоды (большею частію не дозрѣлые) собираются здѣсь просто возами. Абхазецъ не знаетъ хорошенько счета деньгамъ и мѣняетъ кукурузу на гнилыя бумажныя матеріи турецкимъ купцамъ почти вовсе задаромъ. Природа здѣсь даетъ всего въ изобиліи: захочетъ абхазецъ полакомиться, ему стоитъ только забраться на дерево съ дупломъ и взять изъ него сколько нужно сотоваго меду, приготовленнаго даже безъ всякаго съ его стороны желанія. А въ любомъ ручьѣ онъ закинетъ сѣти и вытащитъ десятокъ вкусныхъ форелей. Прибрежные жители занимаются рыбною ловлей преимущественно у устьевъ горныхъ рѣчекъ, изобилующихъ лососиной. Изъ породы рыбъ замѣчательны: сельди кефаль, камбала, форель, карпъ и проч. Лѣтомъ около морскихъ береговъ появляется множество дельфиновъ, которые, въ хорошую погоду, держатся на поверхности воды и играютъ, кувыркаясь колесомъ. Абхазцы для ловли ихъ выѣзжаютъ въ море на своихъ каюкахъ; забрасываютъ неводы; въ средину охваченнаго пространства въѣзжаютъ два-три каюка, и ловцы бьютъ баграми дельфиновъ, жиръ которыхъ продаютъ потомъ туркамъ и грекамъ. Иногда каюки тонутъ подъ тяжестью убитой рыбы и опрокидываются, когда дельфины ударяютъ въ нихъ, кружась по водѣ; но абхазцы не боятся этого, плавая не хуже дикарей острововъ Южнаго Океана.

«Да это рай земной! Это золотое дно!»—воскликнутъ многіе, прочитавъ эти строки.—«Вотъ бы куда переселиться-то! Съ капиталомъ здѣсь можно, въ самое короткое время, просто чудесъ

Digitized by Google

надѣлать!» Погодите, однако-же, благосклонный читатель,—чудеса не всегда дѣлаются даже и съ капиталомъ! Жить среди рѣдкаго, не нуждающагося въ заработкахъ, неимѣющаго почти никакихъ потребностей и отъ того лѣниваго населенія, надѣяться хозяйничать при этихъ условіяхъ по барски, дѣйствуя однимъ лишь капиталомъ—положительно невозможно! Горькое разочарованіе постигнетъ и уже постигло многихъ изъ тѣхъ господъ, которые увлеклись этой игривой фантазіей.

Въ прежнія времена, заселеніе новыхъ мѣстъ дѣлалось двумя способами. Обстоятельства и практика выработали оба эти способа и сдѣлали ихъ единственно нормальными. На новыхъ мѣстахъ селились или земледѣльцы, приносившіе съ собой необходимый капиталъ и, главное, трудъ, или-же капиталисты-рабовладѣльцы поселяли на нихъ своихъ рабовъ (негровъ въ Америкѣ и крѣпостныхъ у насъ); въ обоихъ случаяхъ, на мѣсто поселенія приносилась опредѣленная рабочая сила, на которую хозяинъ навѣрно могъ разсчитывать. Въ настоящее время, способъ заселенія рабочими исчезъ повсюду, и о немъ говорить нечего; стало-быть, остался только одинъ первый способъ. О томъ-же, чтобы новую, незаселенную страну обработывали наемнымъ трудомъ—что-то не приходилось слышать. Да и легко ли это въ самомъ дѣлѣ? Рабочій можетъ или захворать, или просто отказаться работать, и тогда кѣмъ вы его замѣните? Какое-же тутъ можетъ быть хотя маломальски правильное хозяйство? Ясно, стало-быть, что наемный трудъ можетъ идти успѣшно только тогда, когда край населенъ настолько достаточно, чтобы онъ, взамѣнъ выбывающихъ рабочихъ, могъ предлагать новыхъ. При этомъ еще необходимое условіе то, чтобы продукты были настолько цѣнны, чтобы выручка за урожай могла покрывать даже и не одинъ годъ неурожая,—отсюда правило, выведенное изъ практики, что наймомъ могутъ обработываться только виноградники, сады и, дорогіе сорта хлѣба, при непремѣнномъ избытнѣ рабочихъ. По Рейну, напримѣръ, рабо-

Digitized by Google

чихъ всегда въ волю, а цѣнность продуктовъ такова, что цѣна виноградниковъ доходитъ до 150 тыс. франковъ за десятину. Какъ тутъ не обработывать ихъ наймомъ богатымъ господамъ, не живущимъ даже въ своихъ имѣніяхъ! Тутъ какіе ни будь расходы—доходъ навѣрное все покроетъ! Въ нашихъ саратовскихъ и самарскихъ степяхъ сѣются пшеница и маслянничныя растенія,—и рабочіе туда въ избыткѣ приходятъ изъ нехлѣбородныхъ губерній. Ясно, стало-быть, что заселеніе новой страны, въ настоящее время, должно начинаться снизу, а не сверху, то-есть съ земледѣльца, а не съ капиталиста. (Такъ и заселялись у насъ Сибирь, южныя степи и восточныя лѣсныя дебри). А климатъ? Припомните, что итальянскія маремы, разработанныя назадъ тому болѣе 100 лѣтъ, и до сихъ поръ все еще слывутъ лихорадочными кладбищами и обработываются, главнымъ образомъ, горцами, приходящими на работы, мѣстные-же жители едва влачатъ въ этихъ убійственныхъ мѣстахъ свое полумертвое существованіе. Кавказскіе черноморскіе горцы также жили на горахъ и только спускались внизъ на работы,—и это мнѣ кажется единственнымъ и вполнѣ раціональнымъ способомъ веденія здѣшняго хозяйства. Начальство наше выдумало отводить подъ поселеніе постоянные низовые участки, какъ самые удобные,—и поглядите, что вышло? Приводятъ въ примѣръ римскую Кампанью, бывшую житницею Рима во времена имперіи. Но говорить такъ—значитъ не понимать дѣла. Кампанья обработывалась рабами, жизнь которыхъ цѣнилась дешевле жизни рабочихъ лошадей на нашихъ водяныхъ тягахъ.

Всю эту довольно длинную рѣчь я велъ къ тому, чтобы сказать слѣдующее: золотое дно зачастую бываетъ тинистымъ, и въ немъ очень легко завязнуть по уши. Рѣшаться, не будучи самому рабочимъ, на переселеніе, можно только тогда, когда новая страна производитъ дорогіе продукты (дорогіе, конечно, тамъ-же, на мѣстѣ) и если въ ней есть избытокъ въ рабочихъ рукахъ. Это необходимѣйшее условіе. Еще непремѣнное условіе то, чтобы тотъ,

Digitized by Google

кто хочетъ переселиться въ дѣвственную страну, былъ въ состояніи выносить неизбѣжныя нужды, хлопоты и лишенія, неразлучныя съ жизнью переселенца. Если кто не способенъ къ этому, тому лучше и не думать о переселеніи, а предоставить дѣло тѣмъ людямъ, которые закалены въ трудахъ съ самаго дѣства. Аматерствовать и жуировать тутъ не приходится. Не лучше ли употребить капиталъ на что нибудь другое, не подвергаться напрасно убыткамъ, не заграждать дороги дѣйствительно полезнымъ дѣятелямъ и не быть путами на ногахъ дѣвственной и прекрасной страны? Но возвратимся къ Абхазіи.

Абхазецъ грубъ и невѣжественъ, въ немъ нѣтъ стойкости и твердости характера; онъ непостояненъ, не смѣлъ и даже робокъ, вѣроломенъ, остороженъ и всегда покоренъ передъ сильнѣйшимъ. У него много не ума, но практическаго смысла, и тотъ кругъ небольшихъ понятій, который ему доступенъ, разработанъ имъ отлично. Вся жизнь абхазца направлена, по большей части, на пріобрѣтеніе, по возможности, даровое.

Отличительныя черты его: воровство, корыстолюбіе, отсутствіе честнаго труда и любознательности.—«Помоги тебѣ Богъ—говоритъ мать, благословляя сына и передавая ему въ первый разъ шашку—пріобрѣсти этой шашкою много добычи *и днемъ и ночью*».—«Ты еще, кажется, ни одной лошади не съумѣлъ украсть!»—говоритъ дѣвушка, въ укоръ своему обожателю. Недавно еще вся слава абхазца состояла въ томъ, чтобы бродить изъ одного мѣста въ другое, воровать чужой скотъ, имущество, а при удачѣ и самихъ хозяевъ для продажи въ неволю. Теперь ужъ, разумѣется, продавать въ неволю больше нельзя, а воровать можно почти по прежнему. Выпущенный изъ подъ ареста абхазецъ, возвратясь домой, говоритъ, что онъ воротился изъ плѣна. О новыхъ судахъ отъ туземцевъ, да и не абхазцевъ, приходится слышать такого рода нелѣпости: «скажи, пожалуй, какой это судъ?—приведи судьѣ двенадцать свидѣтелевъ, что у меня укралъ. При двенадцати свидѣ-

Digitized by Google

телевъ кто бы укралъ?—свидѣтель бы не далъ укралъ. Одна судья говорилъ такъ-то; ну, хорошо, та говоритъ ему—да у самого судьи туже ночь лошадь и тащилъ. Призвала его судья: ты, говоритъ лошадь, молъ, тащилъ?—Я, говоритъ.—Тебѣ надо въ острогъ за это сажалъ.—Эге! говоритъ. А двенадцать свидѣтелевъ, говоритъ, гдѣ? Такъ судья его и пускалъ». Въ эти двенадцать свидѣтелевъ, вѣроятно, преобразилось двѣнадцать присяжныхъ, про которыхъ тоже разсказывали турецкамъ. Много еще пройдетъ времени, пока они убѣдятся, что правильный судъ лучше ручной расправы. Абхазскіе князья и дворяне, въ особенности тѣ, которые получили воспитаніе, вѣжливы и честны. Вообще-же, абхазецъ держитъ себя свободно и говоритъ съ каждымъ безъ стѣсненія, подбоченившись или опершись на ружье. Отличіе абхазскаго костюма отъ черкесскаго состоитъ въ томъ, что абхазецъ повязываетъ себѣ башлыкомъ голову въ родѣ чалмы. Абхазскія женщины не отличаются красотой; турки вывезли лучшіе типы, и на долю туземцевъ осталась только посредственность. Одѣваются онѣ чище мужчинъ; покрой платья походитъ на европейскій, а на головѣ носятъ бѣлыя покрывала. Женщина въ Абхазіи—раба мужа, хотя надъ ней и тяготѣетъ гнетъ скорѣе нравственный, чѣмъ физическій. Всякое проявленіе чувства какъ относительно жены, такъ и относительно дѣтей абхазцами почитается за стыдъ. Подобно всѣмъ горцамъ, абхазцы строго наблюдаютъ обычай гостепріимства, и гость, хотя бы даже и недругъ, почитается всегда священной особой.

Сухумъ-Кале.

Разсказывая исторію Абхазіи, мы упомянули, что Сухумъ-Кале былъ основанъ турками въ 1578 году и занятъ русскими въ 1810 году, послѣ того какъ Сеферъ-бей Ширвашидзе отдался подъ покровительство Россіи. Въ восточную войну Сухумъ былъ занятъ корпусомъ Омера-паши, высадившимся въ сухумской гавани.

Digitized by Google

Въ 1866 году, ее три дня блокировали возмутившіеся абхазцы. Вотъ главныя событія изъ исторіи Сухума.

Во время владычества турокъ, Сухумъ имѣлъ около 6 т. жителей. Крѣпость окружена была красивыми предмѣстьями, съ множествомъ тѣнистыхъ садовъ, и пользовалась отличной водой, проведенной изъ горъ, далѣе мили. Турки называли Сухумъ вторымъ Истамбуломъ. Послѣ занятія его русскими, турки немедленно оставили предмѣстья; абхазцы не имѣли обыкновенія жить въ городахъ, а русское населеніе не могло существовать въ сосѣдствѣ ихъ, при неустроенномъ состояніи края. Сухумъ опустѣлъ. Въ тридцатыхъ годахъ, крѣпость, построенная изъ дикаго камня въ видѣ четырехъ-угольниковъ, около ста саженей по фасу, и съ башнями по угламъ, имѣла видъ развалины; гарнизонъ составляли двѣ пѣхотныя роты и команда крѣпостной артиллеріи. Солдаты имѣли болѣзненный видъ несчастныхъ жертвъ, обреченныхъ на вѣчную лихорадку, отъ которой половина ихъ ежегодно вымирала. Они знали это, и нельзя сказать, что съ спокойнымъ духомъ, но безропотно несли свою участь, не переставая исполнять тяжелую службу съ покорностью, свойственною русскому солдату. Водопроводы были разрушены; кругомъ крѣпости разостлались заразительныя болота, и солдаты должны были пить вонючую, тинистую воду, бывшею главной причиной болѣзни. Кромѣ гарнизона, въ то время здѣсь нельзя было насчитать и сотни жителей. Городъ весь состоялъ изъ базара, т. е. изъ двадцати грязныхъ духановъ-кабаковъ; по единственной топкой улицѣ, проходившей чрезъ этотъ рынокъ, лѣниво прохаживались нѣсколько абхазцевъ, съ винтовками за спиной, да матросы съ стоявшей на рейдѣ эскадры, въ своихъ холщевыхъ брюкахъ и темно-зеленыхъ курткахъ, перебѣгали, заглядывая въ лавки и торгуясь съ купцами. Только изъ одного духана, въ которомъ можно было за стаканомъ портера или марсалы забывать невыразимую тоску, которую Сухумъ наводилъ на каждаго, раздавались веселые голоса, и въ открытомъ

Digitized by Google

окнѣ виднѣлись эполеты и фуражки нашихъ морскихъ офицеровъ. Въ такомъ непривлекательномъ видѣ описываетъ это мѣсто очевидецъ, посѣщавшій его въ 1835 году *). Винить въ этомъ нельзя никого, потому что, съ занятіемъ нами кавказскаго черноморскаго берега, почти единственный туземный торгъ—черкешенками, въ обмѣнъ на оружіе, порохъ и матеріи, долженъ былъ неминуемо прекратиться **). Въ настоящее время *Сухумъ* хотя и не можетъ быть еще названъ хорошимъ портовымъ городомъ, но нисколько уже не напоминаетъ того положенія, въ которомъ онъ былъ въ 1835 году. Городъ не великъ и разбитъ на правильные четырехъ-угольники широкими шоссированными улицами, съ водосточными каналами по бокамъ; въ хорошей водѣ тоже не чувствуется недостатка. Дома, большею частію, одноэтажные и турлучной постройки (между стойками и поперечными брусьями пространство забрано плетнемъ, и все это смазывается глиной съ разными примѣсями). Здѣсь турлучные дома предпочитаются каменнымъ, потому что мѣстный камень коздреватъ и пропускаетъ сырость. На пристани, на террасѣ, разведенъ порядочный садикъ, изъ котораго прекрасный видъ на гавань. Дома на пристани многоэтажные и заняты лавками, въ которыхъ, впрочемъ, продаются товары дорого, и нельзя сказать, чтобы лучшаго сорта и качества. Городской храмъ имѣетъ видъ обыкновеннаго дома. Старая крѣпость, разумѣется, нисколько не улучшилась съ 30-хъ годовъ; въ ней лежатъ на землѣ нѣсколько старыхъ орудій, кучи ядеръ, а посрединѣ острогъ, изъ за рѣшетчатыхъ оконъ котораго выглядываютъ бритыя головы провинившихся туземцевъ. Самое замѣчательное въ городѣ это — *городской Воронцовскій садъ*, въ которомъ ростутъ въ грунтѣ магноліи, рододендроны, олеандры, алоэ, камеліи и проч. Его стоитъ осмотрѣть. И въ Сухумѣ что

*) „Воспоминанія кавказскаго офицера".

**) Въ восточную войну, какъ мы говорили въ очеркѣ войны, Сухумъ былъ оставленъ русскими и занятъ турецкимъ корпусомъ подъ начальствомъ Омера-паши.

Digitized by Google

есть лучшаго обязано своимъ происхожденіемъ знаменитому главнокомандующему-хозяину. Вообще-же, городъ имѣетъ довольно чистенькую наружность. Окрестныя горы, мало-по-малу, занимаются загородными домами и дачами, около которыхъ разводятся сады и виноградники. Во многихъ мѣстахъ, во время нашего пребыванія, вился дымъ отъ выжигаемой колючки. Мы зашли въ одну изъ такихъ дачъ, принадлежащую г. Б*** и построенную очень солидно и капитально. Встрѣтившая насъ жена управляющаго, француженка, любезно показала намъ молодое хозяйство и виноградъ, посаженный четыре года тому назадъ, который давалъ уже плодъ. Француженку била лихорадка, и она жаловалась на климатъ и совершенный недостатокъ рабочихъ: туземцы работать не йдутъ, турки работаютъ только зиму, а на лѣто тоже уходятъ, боясь лихорадокъ; былъ одинъ итальянецъ и одинъ французъ, но первый тоже ушелъ, а второй оказался воромъ; русскихъ рабочихъ здѣсь пока еще нѣтъ, и, вообще, въ рабочихъ рукахъ чувствуется совершенный недостатокъ. «Охъ! подумалъ я, куда-куда какъ трудна жизнь переселенца! Хорошо, что г. Б*** богатъ и имѣетъ возможность часто покидать Сухумъ ради поѣздокъ въ Россію и за границу, а не имѣй онъ этой возможности—жизнь для него здѣсь показалась бы еще труднѣе. Достаточно ли разводимаго виноградника для вознагражденія за всѣ лишенія и затраты, и дѣйствительная ли потребность вызвала это переселеніе, или только одна причуда? Для пользы края и для пользы самихъ переселенцевъ желательно, чтобъ было первое, а не второе».

Гостиница въ Сухумѣ—*Тифлисъ*—изрядна. Номера отъ $1^1/_2$ рубля, порціи отъ 20 до 50 коп.

Извощичьи экипажи—*фаэтоны*, какъ и вездѣ на Кавказѣ.

Какая будущность ожидаетъ Сухумъ — сказать въ настоящее время довольно трудно; мнѣ кажется, что все зависитъ отъ того, какъ пойдетъ развитіе туземной жизни и, вообще, всей страны; иначе говоря, будетъ ли кому и съ кѣмъ торговать въ Сухумѣ.

Digitized by Google

Въ настоящее-же время, это портъ скорѣе административный, нежели торговый.

Впрочемъ, все это, въ настоящее время, уже сдѣлалась достояніемъ исторіи. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ 1878 г., послѣ окончанія войны, въ Сухумѣ изъ 7,000 жителей осталось только 210, дохода-же городъ не получалъ никакого; потомъ дѣла стали немного поправляться, и въ 1880 г. жителей считалось уже 1,977, а дохода получено 5,098 р.

Самурзакань лежитъ на югѣ Абхазіи, по правую сторону Ингура, и населена также абхазцами.

Цебельда, лежащая въ неприступныхъ верховьяхъ Кодора, была населена небольшимъ разбойничьимъ племенемъ, отъ котораго даже и абхазцамъ не было покоя. Въ 1866 г., цебельдинцы, послѣ возмущенія и осады ими цебельдинскаго укрѣпленія, выселились въ Турцію, а вся земля ихъ была высочайше пожалована князю Витгенштейну, отъ котораго потомъ перешла къ гр. Бобринскому, купившему ее, по разсказамъ, за ничтожную цѣну. Въ Цебельдѣ предполагаютъ болѣе 200 тысячъ орѣховыхъ деревьевъ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, послѣ 1876 г., изъ 863 жителей въ ней не осталось ни одного.

Прежде одну замѣтныхъ доходныхъ статей Абхазіи составляла ловля дельфиновъ, приплывающихъ въ большомъ количествѣ къ здѣшнимъ берегамъ. Ловля ихъ въ гаваняхъ отдавалась съ торговъ: пицундская гавань около 150 р., сухумская около 1,000 р. и, кромѣ того, 40 к. съ пуда сала, котораго добывалось около двухъ пудовъ изъ каждой штуки. Лучшіе мѣсяцы для ловли— январь и февраль. Въ зиму 1872 г., въ сухумской гавани было добыто 3,800 дельфиновъ. Цѣна сала въ Одессѣ доходитъ до 3 р. 80 к. за пудъ. За вѣрность сообщенныхъ мнѣ цифръ не ручаюсь, а упомянулъ я объ этомъ промыслѣ потому, что, конечно, всякій путешественникъ непремѣнно заинтересуется дельфинами, безпрестанно показывающимися надъ водою, и всякое свѣдѣніе о

Digitized by Google

нихъ, хотя бы даже не совсѣмъ точное, не можетъ не быть для него интересно. Промысломъ дельфиновъ занимались исключительно турки и греки, русскихъ-же рыбныхъ промышленниковъ здѣсь совершенно не было.

Вообще, послѣдняя война имѣла на Сухумскій отдѣлъ страшно бѣдственное вліяніе: все его населеніе изъ 77,977 д. об. п. уменьшилось до 45,812, а Сухумъ, во время войны, опустѣлъ совершенно. Теперь дѣла начинаютъ понемногу поправляться, но все еще онѣ въ очень плохомъ положеніи. Въ кавказск. календарѣ за 1883 г. говорится: *табаководство, развившееся до введенія акциза, совершенно пало, хлѣбопашество ограничивается посѣвомъ гоми и кукурузы.* Предполагается—но еще предполагается только!—разработка естественныхъ, большею частію, минеральныхъ богатствъ края. Испрашивается также княземъ Тумановымъ дозволеніе на эксплоатацію (или, вѣрнѣе, на истребленіе,—охъ, ужъ эти наши эксплоататоры!) пальмы по Бзыбскому ущелью, запасъ которой оцѣниваютъ на десятки милліоновъ.

Пароходъ огибаетъ лѣсистый *Пицундскій мысъ*, съ старинным храмомъ, о которомъ мы говорили выше. Въ хорешую погоду его можно видѣть довольно ясно.

Гагры, замыкающія единственную удобную (по-кавказски) дорогу изъ Абхазіи въ Джигетію и составлявшія едва-ли не самый важный стратегическій пунктъ на всемъ побережьи, заняты нами, послѣ сильнаго сопротивленія, въ первый разъ въ 1830 году. Джигеты, убыхи и шапсуги, собравшись въ значительныхъ силахъ, противились высадкѣ и послѣ того нѣсколько разъ пытались овладѣть новымъ укрѣпленіемъ открытою силою. Потерявъ много людей въ своихъ неудачныхъ нападеніяхъ, они перемѣнили образъ дѣйствій и принялись тревожить наши войска, не давая имъ отдыха ни днемъ, ни ночью, нападая на небольшія команды, высылавшіяся за дровами и фуражомъ, подстерегая съ высоты горъ людей, выходившихъ за стѣны укрѣпленія, и посылая въ нихъ

Digitized by Google

свои мѣткіе выстрѣлы. Существованіе гагринскаго гарнизона сдѣлалось положительно нестерпимымъ. Черкесы были солдатъ внутри крѣпости. По цѣлымъ мѣсяцамъ гарнизонъ кормился одною соленниною и хлѣбомъ, крупою и картофелемъ. Овощи и всякая живность считались за величайшую рѣдкость. О существованіи на свѣтѣ женщинъ знали только по преданію. Участь солдатъ была бы еще тягостнѣе, если бы не существовало огромныхъ собакъ, пріученныхъ открывать непріятеля, слѣдить за нимъ и карауллть укрѣпленіе по ночамъ. Собаки получали казенный провіантъ и находились въ большой чести у солдатъ, которые никогда не покидали ихъ въ дѣлѣ; раненую собаку приносили нерѣдко въ укрѣпленіе на шинели и лѣчили въ лазаретѣ, наравнѣ съ людьми. Собаки были до того пріучены къ своему дѣлу, что, при первомъ звукѣ барабана, призывавшаго къ сбору, собирались передъ командой, долженствовавшей выйти изъ укрѣпленія, потомъ разсыпались впереди стрѣлковъ и открывали непріятеля, засѣвшаго въ лѣсу. Во время дѣла, нѣкоторыя собаки, извѣстныя въ гарнизонѣ, храбро нападали на черкесовъ. Послѣ вечерней зари, собакъ выпускали за укрѣпленіе, около котораго онѣ съ удивительнымъ инстинктомъ составляли передовую цѣпь, облегая его со всѣхъ сторонъ. Гагры были, также какъ всѣ черноморскія укрѣпленія, оставлены передъ восточной войной, но потомъ опять возобновлены, тотчасъ-же по ея окончаніи.

Не весела была здѣсь жизнь въ то время, не весела она и теперь. Гагры состоятъ изъ каменной крѣпости, построенной изъ крымскаго привознаго камня, нѣсколькихъ домовъ, расположенныхъ на площадкѣ впереди ея, и нѣсколькихъ духановъ. На берегу разведенъ небольшой бульваръ. Сообщеніе съ остальнымъ міромъ производится только водою на «Эльборусѣ» и «Псесуапсе», приходящихъ два раза въ мѣсяцъ, да на «Звѣздочкѣ», которая дѣлаетъ рейсы между Гаграми и Поти, смотря по надобности.

Береговая дорога въ Абхазію такая-же, по какой я пріѣхалъ

Digitized by Google

изъ Адлера; я бы и радъ былъ проѣхать по ней до Сухума и осмотрѣть абхазскій берегъ, да, къ сожалѣнію, не дозволяло время. Напившись въ духанѣ чаю и пообѣдавъ яичницей, я пошелъ на берегъ и сталъ высматривать «Звѣздочку», въ случаѣ неприхода которой надо бы было ѣхать берегомъ, на что соглашался и мой проводникъ, все время не отходившій отъ лошадей изъ опасенія абхазскихъ конокрадовъ. Сидя на берегу, я смотрѣлъ въ бинокль; нѣсколько туровъ, дельфино-промышленниковъ, собрались около меня и дивились на незнакомый для нихъ инструментъ; они взяли, вертѣли его и такъ и сякъ, но корявые ихъ пальцы никакъ не могли установить настоящимъ образомъ винта, и они, наконецъ, возвратили бинокль обратно, сказавши, какъ мартышка въ баснѣ, что онъ никуда не годится. Почти отвѣсныя скалы, окружающія гагринскую площадку, покрыты не очень частымъ лѣсомъ; изъ деревьевъ, растущихъ здѣсь, замѣчательно дерево «негной», изъ породы бука; оно краснаго цвѣта и называется такъ потому, что крѣпнетъ въ водѣ. Высоту скалъ можно было опредѣлить потому, что внизу было почти лѣто, а вверху деревья еще не распускались.

Мысъ Адлеръ.

Онъ занятъ нами въ 1837 г. Я считаю не лишнимъ привести здѣсь описаніе этой мѣстности, какою она была въ рукахъ горцевъ до появленія русскихъ. Н. Т., странствовавшій здѣсь подъ видомъ черкеса въ 1835 году, говоритъ о ней слѣдующее:

«Я могъ осмотрѣть на свободѣ долину *Пшиш*, извѣстную у насъ подъ именемъ мыса *Адлеръ* или *Ардлеръ*; со стороны моря она закрывалась густымъ, но весьма неглубокимъ лѣсомъ, предъ которымъ находился длинный завалъ, прочно сложенный изъ огромныхъ деревъ, камней и глины. Правый флангъ завала упирался въ вѣковой лѣсъ, тянувшійся верстъ на 10, до подошвы горъ, ограничивавшихъ долину съ востока. Примыкая тыломъ

Digitized by Google

къ лѣсу, рядъ небольшихъ ауловъ составлялъ полукругъ, передъ которымъ лежала совершенно ровная и открытая мѣстность. Мысъ Адлеръ принадлежалъ къ числу тѣхъ пунктовъ, которые предположено было занять непремѣнно. Видѣвъ мѣстность и основываясь на томъ, что горцы дерутся упорно только тамъ, гдѣ имъ отступленіе совершенно обезпечено, я совѣтывалъ сдѣлать высадку прямо противъ завала, несмотря на его крѣпкій видъ, и держаться сколько можно дальше отъ лѣса, лежавшаго на его правомъ флангѣ. Въ 1837 г., когда мысъ Адлеръ былъ занятъ нашими войсками,—я находился тогда въ плѣну,—разсчитали иначе и понесли безъ нужды довольно значительную потерю, которой легко можно было избѣгнуть. Вмѣсто того, чтобы прямо атаковать завалъ, противъ него открыли съ моря канонаду, а десантныя войска направили въ лѣсъ, предполагая этимъ способомъ отвлечь вниманіе горцевъ отъ настоящаго пункта высадки или раздѣлить, по крайней мѣрѣ, ихъ силы. Между тѣмъ, вышло совершенно противное. Горцы отъ огня нашей артиллеріи скрылись въ лѣсъ, и направленныя противъ него войска встрѣтили въ немъ всю массу ихъ въ самыхъ невыгодныхъ для себя условіяхъ. Завязалась драка въ непроходимомъ лѣсу, въ которомъ войска не видали другъ друга, не знали, куда имъ идти, и, подавшись впередъ безъ связи, были встрѣчены превосходнымъ непріятелемъ, отрѣзавшимъ часть стрѣлковой цѣпи. При этомъ былъ убитъ одинъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ писателей того времени, Марлинскій (Александръ Бестужевъ), служившій офицеромъ—не помню, въ какомъ именно полку». *(Подробности о смерти Марлинскаго см. церковь св. Давида въ Тифлисѣ).*

Крѣпость на Адлерѣ была выстроена изъ правильно обтесанныхъ камней, которые привозили моремъ изъ Таганрога и Керчи. Жизнь здѣшняго гарнизона проходила, также какъ и во всѣхъ нашихъ черноморскихъ укрѣпленіяхъ,—въ постоянной борьбѣ съ лихорадками и непріятелемъ, отъ котораго слѣдовало ожидать без-

Digitized by Google

престанныхъ нападеній ежедневно и еженочно. Нельзя было показаться за брустверъ, не рискуя быть убитымъ. Мнѣ разсказывали слѣдующее. Въ концѣ 30-хъ или въ началѣ 40-хъ годовъ, на равнинѣ передъ крѣпостью Адлера устроенъ былъ рынокъ, на которомъ производилась мѣновая торговля съ горцами. Легко себѣ представить, какъ значительна была эта торговля! Однажды являются нѣсколько горцевъ и сообщаютъ по секрету, что они отбили у сосѣдей стадо барановъ, которыхъ желали бы продать русскимъ, но такъ какъ днемъ пригнать ихъ нельзя, то они и просятъ позволенія пригнать ночью и пропустить въ крѣпость. Комендантъ согласился на лакомую баранину, составлявшую, разумѣется, для гарнизона драгоцѣнную рѣдкость. Приняты были необходимыя предосторожности, т. е. постановлено непремѣннымъ условіемъ ограниченное число чабановъ и проч., и у гарнизона заранѣе уже текли слюнки. Наступила темная ночь, послышалось блеяніе, и, наконецъ, стадо самымъ секретнымъ образомъ стали впускать въ отворенныя крѣпостныя ворота; все шло прекрасно, но лишь только бараны вошли, какъ изъ среды ихъ поднялись люди, покрытые бараньими шкурами и прошедшіе на четверенькахъ подъ видомъ этихъ мирныхъ животныхъ. Началась рѣзня; псевдо-бараны всѣ были переколоты; крѣпость, къ счастію, спаслась, потерявъ, однако, значительную часть гарнизона. Вотъ какъ дорого обошлась адлерскому гарнизону лакомая баранина, и вотъ съ какими непріятелями приходилось намъ имѣть дѣло!

Между снѣговымъ хребтомъ и Черными горами, по Мзымтѣ, лежитъ та самая долина *Ахчипсхоу* (Агипсоу), въ которой закончилась Кавказская война. Н. Т. видѣлъ ее въ 1835 г. такою: «Кавказъ—пишетъ онъ—богатъ красотами природы, но я помню мало мѣстъ, которыя могли бы, по живописному виду, равняться съ долиной Мзымты. Пролегая на разстояніи 35 верстъ отъ главнаго хребта до гребня Черныхъ горъ, идущаго параллельно морскому берегу, она ограничивается съ двухъ сторонъ рядами вы-

Digitized by Google

сокихъ неприступныхъ горъ, защищающихъ Ахчипсхоу съ сѣвера и юга. Въ этой глубокой котловинѣ течетъ быстрая *Мзымта*, образующая безчисленное множество водопадовъ. По обѣ стороны рѣки раскиданы купы домовъ и хижинъ, окруженныхъ темною зеленью садовъ, виноградниками, посѣвами кукурузы, проса, пшеницы и свѣжими бархатными лугами. По мѣрѣ удаленія отъ береговъ, постройки и обработанные участки земли замѣняются вѣковымъ лѣсомъ, который окаймляетъ бока горъ, упирающихся въ красноватыя и зубчатыя скалы. Черезъ отроги Черныхъ горъ, перегораживающихъ рѣкѣ путь къ морю, она прорывается въ тѣсныя и скалистыя ворота, образующія неприступный проходъ со стороны юго-запада. Недалеко отъ Ахчипсоу находятся еще два селенія: *Аибга* (Айбога) на рѣкѣ *Псхоу* и *Чужгуча* на рѣкѣ *Чужипсъ*, составляющія всѣ вмѣстѣ одно общество, извѣстное подъ именемъ *Медовей*. Жителей въ немъ не болѣе 10 т., они не богаты скотомъ, мало имѣютъ пахатной земли, но за то пользуются изобиліемъ фруктовъ: персиковъ, абрикосовъ, грушъ и яблокъ, превосходящихъ величиною и сочностью всѣ подобные плоды, какіе можно встрѣчать въ другихъ мѣстахъ по берегу Чернаго моря. Горы покрыты каштановыми деревьями, дающими пропитаніе большей части бѣднаго населенія, у котораго очень часто недостаетъ пшена и кукурузы. Жители сушатъ каштаны на зиму и, разваривъ потомъ въ водѣ, ѣдятъ ихъ съ масломъ или съ молокомъ. Въ Ахчипсоу имѣется отличный медъ, добываемый отъ горныхъ пчелъ, гнѣздящихся въ разщелинахъ скалъ. Этотъ медъ очень душистъ, бѣлъ, твердъ, почти какъ цвѣточный сахаръ, и весьма дорого цѣнится турками, отъ которыхъ медовеевцы вымѣниваютъ необходимыя имъ ткани исключительно на медъ, воскъ и дѣвушекъ». Прибавимъ, что *медовеевцы* были извѣстны, какъ самые отчаянные разбойники.

На Адлерѣ живетъ таможенный чиновникъ и при немъ нѣсколько человѣкъ солдатъ.

Digitized by Google

Черноморскій округъ.

Число жителей въ немъ было въ 1881 г. около 23,500 душъ обоего пола. Промышленность и торговля самыя ничтожныя. Изъ общаго числа податей (238 тыс. р.) взыскано только 7,118 р. Почти вся недоимка образовалась изъ выданныхъ *поселянамъ* (хорошіи поселяне!), при водвореніи ихъ, ссудъ. Припомните, что русскія сектантскія поселенія, выселенныя на свой счетъ, безъ всякихъ пособій, напротивъ, еще при всевозможныхъ стѣсненіяхъ, въ настоящее время процвѣтаютъ въ Закавказьѣ. Когда, послѣ окончанія послѣдней войны, зашла рѣчь о водвореніи русскаго элемента во вновь пріобрѣтенномъ Карскомъ округѣ, то не нашли ничего лучшаго, какъ ухватиться за этихъ-же сектантовъ.

По официальнымъ свѣдѣніямъ, главными причинами неудачи колонизаціи Черноморскаго округа являются: 1) *недостатокъ свободныхъ земель въ прибрежной равнинной полосѣ, вслѣдствіе продажи, отчужденій и всемилостивѣйшихъ пожалованій въ частную собственность, и* 2) *недостатокъ путей сообщенія.* Теперь предполагается гористые участки вновь заселить горцами, выселенными въ 1863 г. изъ этихъ-же горъ въ Кубанскую область, съ тѣмъ условіемъ, однако, чтобы число ихъ не превышало одной трети всего числа жителей. Предположено также проведеніе нѣсколькихъ дорогъ. Обо всѣхъ этихъ предположеніяхъ можно сказать одно: поживемъ, такъ увидимъ! Но нельзя не замѣтить, что по берегу отъ мыса Адлера до Анапы, длина котораго около 250 верстъ, до 1863 г. жило болѣе 300 тысячъ горцевъ; теперь-же, черезъ 20 лѣтъ послѣ ихъ выселенія, несмотря на всевозможныя обѣщанія и радужныя надежды, главнымъ жителемъ этихъ мѣстъ все еще остается истинный бичъ этого края—дикій кабанъ.

Digitized by Google

На Сочѣ я не былъ и про поселенія на ней не могу сказать ничего, кромѣ слышаннаго, что они раздѣляютъ общую участь черноморскаго берега.

Чѣмъ далѣе пароходъ плыветъ на сѣверъ, тѣмъ высота горъ все болѣе и болѣе уменьшается, и растительности на нихъ все меньше и меньше, такъ что у *Tyance* онѣ представляются уже почти голыми. Въ *Tyance* пароходъ останавливается на короткое время и вдали отъ берега; сходить на берегъ было некогда, да и не стоитъ того. *Tyance* стоитъ въ небольшой долинѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ было прежде *Вельяминовское* укрѣпленіе; теперь это станица съ военнымъ госпиталемъ. Недалеко отсюда и *Михайловское* укрѣпленіе, гарнизонъ котораго, во время нападенія горцевъ въ 1841 году, не пожелалъ сдаться и вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ взлетѣлъ на воздухъ.

Новороссійскъ, гдѣ находится главное управленіе Черноморскимъ округомъ (тоже небольшая остановка), имѣетъ съ берега видъ обыкновеннаго, довольно плохенькаго уѣзднаго города. Новороссійская бухта, вмѣстѣ съ сухумской, считается лучшею и почти единственною на всемъ черноморскомъ берегу. Она имѣетъ только то неудобство, что въ зимніе мѣсяцы въ ней свирѣпствуетъ страшный сѣверо-восточный береговой вѣтеръ *бора*, ужасное дѣйствіе котораго почти невѣроятно. Одинъ изъ достопамятнѣйшихъ урагановъ, продолжавшійся $3^1/_2$ дня, былъ 12 января 1848 г. Во время его, всѣ суда, стоявшія въ бухтѣ, были разсѣяны или выброшены на берегъ, а тендеръ «Струя» обратился отъ замерзавшихъ на немъ и на его снастяхъ брызгъ воды въ одну ледяную массу, причемъ замерзъ и погибъ весь его экипажъ, состоявшій изъ 52 человѣкъ. Случай этотъ долго выставлялся причиною невозможности сдѣлать Новороссійскъ портомъ, но, наконецъ, пришли къ заключенію что причина эта совершенно неосновательная. Трієстъ подверженъ борѣ не менѣе Новороссійска, однако это не мѣшаетъ ему быть главнымъ портомъ Адріатическаго моря. Теперь уже рѣшено

Digitized by Google

провести сюда (отъ Кавказской станціи владикавказской жел. дороги) кубанскую линію, которая должна совершенно измѣнить участь Новороссійска. Объ *Анапѣ* особеннаго сказать ничего не приходится.

Здѣсь бы, собственно, долженъ былъ и окончиться путеводитель. Описаніе крымскаго берега вовсе не входило въ планъ этой книги, но, все-таки, я скажу нѣсколько словъ и о тѣхъ мѣстахъ южнаго берега Крыма, въ которыя заходилъ нашъ пароходъ. Желающимъ ихъ осмотрѣть подробнѣе (насколько позволитъ остановка) слѣдуетъ запастись путеводителемъ по Крыму *Сосногорова*.

Керчь—хорошенькій городокъ и гавань. Налѣво видны форты вновь строющейся крѣпости, направо—курганы, въ которыхъ были найдены многочисленные остатки древностей, составившіе знаменитый керченскій музей. Можно взять экипажъ и проѣхать на гору, гдѣ стоитъ зданіе, выстроенное въ греческомъ стилѣ и называемое «*Митридатомъ*», откуда прекрасный видъ на городъ и на море. Мы были въ Керчи на первый день пасхи и потому не могли осмотрѣть того, что можно было бы осмотрѣть въ другое время.

Въ **Ѳеодосіи** мы осмотрѣли домъ и мастерскую знаменитаго нашего художника Айвазовскаго, музей, стоящій на горѣ и похожій на керченскій «Митридатъ», въ видѣ греческаго храма съ портикомъ, и церковь около него, въ которой портретъ Котляревскаго, писанный Айвазовскимъ. Все это зданіе, выстроенное на деньги, собранныя Айвазовскимъ за выставку его картинъ, должно было составить одинъ памятникъ надъ могилой *Котляревскаго;* но родственники покойнаго героя пожелали, чтобы прахъ его остался на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ жилъ; теперь это—дача г. Рукавишникова, на правой сторонѣ города. Послѣ Ѳеодосіи, пароходъ останавливается въ Ялтѣ, подъѣзжая къ которой видна гора, называемая *Медвѣдемъ*, потому что, какъ увѣряютъ, она напоминаетъ собой фигуру этого звѣря.

Digitized by Google

Ялта—маленькій и красивый городокъ, за которымъ слѣдуетъ лучшая часть южнаго берега съ *Ливадіей* (дворцомъ государыни императрицы, въ получасѣ ѣзды отъ Ялты), *Оріандой* (дачей в. кн. Константина Николаевича), знаменитой *Алупкой* (принадлежащей кн. Воронцову) и проч. Изъ Ялты можно нанять коляску (около 25 р. сер.), проѣхать этимъ чудеснымъ берегомъ и долиной въ Севастополь сухимъ путемъ и поспѣть къ приходу парохода. Если кто можетъ воспользоваться этой поѣздкой, тотъ непремѣнно долженъ ее сдѣлать; тутъ онъ по превосходному шоссе проѣдетъ мимо всѣхъ этихъ роскошныхъ виллъ и увидитъ внутренность Крыма.

Пароходъ идетъ изъ Ялты въ Севастополь въ виду Ливадіи, Оріанды, Алупки и проч. Это самая лучшая часть морскаго пути изъ Поти до Одессы; кто одинъ разъ проѣзжалъ мимо этого берега, тотъ никогда его не забудетъ.

Севастополь. Какой путешественникъ, не только русскій, но и всякой другой національности, можетъ подъѣзжать равнодушно къ этому знаменитому городу, еще до сихъ поръ стоящему въ развалинахъ—свидѣтеляхъ безпримѣрной въ исторіи осады и еще болѣе безпримѣрной обороны?

Севастопольская бухта, съ ея второстепенными бухтами: *Артиллерійской, Южной, Корабельной, Килен-балочной* и другими, могущими, въ свою очередь, называться самостоятельными бухтами, считается одною изъ лучшихъ въ свѣтѣ. Съ нею можетъ только соперничать гавань *Золотаго Рога* въ Константинополѣ.

Изъ батарей, защищавшихъ входъ въ бухту, остались цѣлы *Константинопольская и Михайловская*, остальныя разрушены.

Налѣво, на сѣверной сторонѣ, видно кладбище съ превосходною оригинальною церковью, въ видѣ огромной пирамиды, построенной надъ могилами *ген. Горчакова, Хрулева* и сотни тысячъ павшихъ защитниковъ Севастополя; направо раскинулся сѣрый городъ, съ его отстроившимися и разрушенными домами.

Digitized by Google

Проѣхавъ мимо Артиллерійской, пароходъ входитъ въ Южную бухту и останавливается у *Графской пристани*, наверху которой видѣнъ памятникъ *Козарскому* и стоящій еще въ развалинахъ домъ дворянскаго собранія.

Пока стоитъ пароходъ, трудно успѣть осмотрѣть и сѣверную и южную стороны; я предпочелъ осмотрѣть южную. Поднявшись по когда-то роскошной лѣстницѣ отъ Графской пристани вверхъ, мы взяли полясу и поѣхали осматривать городъ: осмотрѣли *севастопольскій музей*, помѣщающійся въ домѣ *Тотлебена*, новый строющійся превосходный *соборъ* надъ могилами *Нахимова, Корнилова, Истомина* и др., и потомъ поѣхали по Екатерининской улицѣ на *Малаховъ курганъ*. Чѣмъ дальше мы ѣхали, тѣмъ все болѣе и болѣе попадалось развалинъ, и, наконецъ, отстроенные дома совсѣмъ прекратились. Обогнувъ Южную бухту и проѣхавъ мимо избитыхъ ядрами *матросскихъ казармъ* (съ памятникомъ *Лазареву*, видимымъ отъ Графской пристани) и мимо разрушенной *Матросской слободки*, мы пріѣхали на *Малаховъ курганъ*, съ котораго городъ, сосѣдніе бастіоны и остатки непріятельскихъ траншей видны, какъ на ладони.

Знаменитый *курганъ* составляетъ ключъ всей позиціи, и, завладѣвъ имъ, непріятель сверху могъ обстрѣливать весь городъ; стало-быть, оставивъ его, русскіе должны были оставить и Севастополь. Входя на Малаховъ курганъ, приходится проходить черезъ *Горну*, составлявшую ретраншаментъ, чрезъ траверсы, порядочно уже сгладившіеся, и проч. Курганъ не великъ. *Каменная башня*, стоявшая на курганѣ, была разбита съ первыхъ-же дней осады; нижній этажъ ея уцѣлѣлъ и теперь отстроенъ; въ немъ показываютъ мѣсто, гдѣ стояла кровать адмирала *Истомина*. На курганѣ, въ небольшомъ домикѣ, живетъ отставной унтеръ-офицеръ изъ моряковъ, выдержавшихъ осаду. Онъ разсказываетъ, насколько можетъ, ея исторію. Взойдя на остатки вала, видятъ влѣво *бастіоны №№ 2-й* и *1-й;* передъ № 2-мъ видны

Digitized by Google

шахматные ряды *волчьихъ ямъ;* впереди *редуты,* а справа батарея *Жерве,* гдѣ Хрулевъ отбилъ штурмъ. Слѣды непріятельскихъ траншей находятся тотчасъ-же за рвомъ; ровъ и брустверъ передъ послѣднимъ штурмомъ были почти совсѣмъ разрушены и завалены, и непріятелю, для того, чтобы перебѣжать черезъ заваленный ровъ, надобно было лишь нѣсколько минутъ. Глубокое чувство пробуждается, когда ходишь по этой изрытой мѣстности, гдѣ нѣтъ вершка земли, не взрытаго свинцомъ и чугуномъ и не покрытаго кровью. Нѣсколько чугунныхъ морскихъ орудій, вырытыхъ изъ земли, лежатъ снаружи. На курганѣ есть памятникъ «русскимъ и французскимъ воинамъ, павшимъ при защитѣ и нападеніи 27 августа 1855 г.» Другой памятникъ, поставленный французами, имѣетъ надпись:

Unis pour la victoire,
Reunis par la mort—
Du soldat c'est la gloire,
Des braves c'est le sort.
8 Sept. 1855.

Сколькихъ слезъ, крови и денегъ стоила знаменитая осада— и какой результатъ? Зная послѣднюю жалкую исторію французской арміи и ея предводителя, невольно просятся на языкъ слова: sic transit gloria mundi!

Можно также осмотрѣть съ интересомъ мастерскія, гдѣ чинятся и строются пароходы россійскаго общества пароходства и торговли. Интересна система *элинговъ,* по системѣ Мортона, съ телѣжками, вытаскивающими весь пароходъ на сушу для починки. Если вы не высадитесь въ Севастополѣ, для того, чтобы возвратиться отсюда въ Россію по желѣзной дорогѣ, то сядемъ опять на пароходъ и поѣдемъ до Одессы.

Въ **Евпаторіи,** кромѣ самаго города, имѣющаго интересный восточно-татарскій видъ, слѣдуетъ осмотрѣть *татарскую мечеть и караимскую синагогу*—прекрасное зданіе съ внутреннимъ

Digitized by Google

дворомъ, на которомъ стоитъ *памятникъ императору Александру I*, въ память его посѣщенія.

Пароходъ, наконецъ, пришелъ *въ Одессу*. Въ гавани движеніе: грузятся и разгружаются суда, мелькаютъ шлюпки, кричатъ матросы; тысячи морскихъ чаекъ играютъ въ воздухѣ и на водѣ; пассажиры торопятся и спѣшатъ, какъ можно скорѣе, разстаться другъ съ другомъ... Распростимся и мы, наконецъ. Не поминайте лихомъ вашего болтливаго спутника! Прощайте, а не то, почемъ знать, можетъ быть еще и до свиданія, благосклонный читатель!

Digitized by Google

34655
Р. Ист. М.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ И СОБЕСѢДНИКЪ

ВЪ

ПУТЕШЕСТВІИ

ПО

КАВКАЗУ.

М. ВЛАДЫКИНА.

ВЪ 2-ХЪ ЧАСТЯХЪ.

—

Изданіе 2-е, дополненное и исправленное.

Съ приложеніемъ карты Кавказа съ желѣзными дорогами.

ЧАСТЬ II.

МОСКВА, 1885 г.

Типографія И. И. Родзевича. Петровка, д. Городск. Кредитн. Общества.

Digitized by Google

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Страницы.

Глава I. *Путешествіе 1872 года.*—Ростовъ.—Ставрополь.—Владикавказъ.—Военно-грузинская дорога.—Тифлисъ.—Сурамскій перевалъ.—Кутаисъ.—Поти.—Черноморскій берегъ.—Мысъ Адлеръ.—Гагры.—Отплытіе въ Россію 1

Глава II. *Отъ Ростова по Кубанской области до Кабарды.*—Ростовъ.—Отплытіе изъ Таганрога.—Рыболовство на Азовскомъ морѣ.—Ейскъ. Керчь.—Озеро Чохракъ и добываніе изъ него соли.—Блевахи (грязныя сопки).—Лиманы.—Темрюкъ.—Козьма и его дилижанъ.—Первое впечатлѣніе, производимое Кубанскимъ краемъ.—Плавни.—Кубань.—Варенниковская станица.—Отводъ земель простымъ казакамъ и офицерамъ (панамъ).—Безпорядки по этому поводу.—Отводъ земель черкесамъ.—Раздача земель частнымъ лицамъ (офицерамъ и чиновникамъ).—Нѣсколько словъ вообще о современномъ положеніи Закубанскаго края.—Колюжный, бесѣда съ нимъ и его пластунскія продѣлки.—Неудачная, по раннему времени, охота на фазановъ.—Кавалеръ Петровъ.—Любопытный инженеръ.—Табачная плантація въ Псебепсѣ.—Участки, розданные заслуженнымъ лицамъ.—Дорога отъ Варенниковской до Худакò.—Худакò.—Его исторія и положеніе его нефтяныхъ колодцевъ въ 1874 году.—Бакинскіе колодцы въ то время.—Мое пребываніе на Худакò и разговоръ съ управляющимъ о положеніи тамошняго хозяйства.—Абинская станица.—Кузнецъ Щуклинъ и жена его, Прасковья Ивановна.—Разсказы про теперешнее и про былое. Екатериноларъ.—Путь до Пятигорска.—Нѣсколько заключительныхъ словъ о хозяйствѣ въ Закубаньѣ и вообще о положеніи края 79

Глава III. *Кабарда.*—Описаніе ея.—Наемъ въ Пятигорскѣ кабардинцевъ для путешествія чрезъ Маммисонъ въ Кутаисъ.—Аулъ и домъ Измаила Конова.—Жизнь кабардинцевъ.—Недоразумѣніе съ Агубековымъ и его судьбище съ Джаботомъ.—Бесѣды съ Измаиломъ. Его жалобы на настоящія и разсказы про прошлыя времена. Разговоръ съ Баракомъ.—Дикія свиньи.—Нашъ отъѣздъ съ Джаботомъ и Бекъмурзой.—Прощаніе съ Измаиломъ.—Гора Махогапсъ и могила Кабарды-Тамбіева, родоначальника кабардинцевъ.—Видъ съ нея.—Ночлегъ въ Тохтамышевомъ аулѣ.—Махмудъ.—Разсказы про Бабуковъ аулъ и плѣнъ полковницы Махиной.—Переправа чрезъ Чегемъ.—Куденетовъ аулъ.—Дженусъ-эффенди Шуаевъ, сподвижникъ Казимуллы.—Нальчикъ.—Хозяйка Александра Антоновна.—Ея сужденія о кабардинцахъ.—Змѣйская станица.—Загибъ-Барцъ.—Минаретъ.—Кабардинская клятва.—Владикавказская котловина.—Ардонская станица.—Осетинъ Гуда Баскаевъ.—Алагиръ.—Торговцы-крестьяне изъ Костромы.—Сереброплавильный заводъ.—Выѣздъ изъ Алагира.—Ардонское ущелье. 117

Digitized by Google

Глава IV. *Отъ Ананура до Кутаиса, чрезъ Маммисонъ.*—Военно-осетинская дорога.—Аулъ Бизъ.—Разсказы Степана Семеныча про работы на этой дорогѣ.—Горная Осетія.—Батскія ворота.—Садонскій рудникъ.—Аулъ Нузалъ и его древности.—Часовня св. Николая.—Ущелье Касарикомъ.—Ночлегъ въ Тибѣ.—Гора Ходиссаръ.—Перевалъ чрезъ Маммисонъ.—Быстрая перемѣна въ климатѣ и растительности.—Ночлегъ въ Глолѣ.—Продѣлки Степана Семеныча и война Джамбота съ поросятами.—Уцери и ея желѣзно-кислые источники.—Дорога до Они.—Они.—Дорога поворачиваетъ съ Ріона въ долину р. Хатеви, на Накералы.—Никорцминда.—Накеральскій перевалъ.—Кутаисъ 153

Глава V. *Опять путь до Владикавказа по военно-грузинской дорогѣ.*—Сунженская линія.—Малая Чечня.—Слѣпцовская станица.—Разсказы про Слѣпцова.—Его могила.—Симашковская станица.—Охота.—Поѣздка въ Воздвиженскую съ Егоромъ Петровичемъ Блазновымъ, чрезъ Валерикъ, Гехи и другія мѣста, знаменитыя въ исторіи чеченской войны.—Разсказы Егора Петровича про прежнее время.—Воздвиженская.—Возвращеніе въ Грозную, вдоль Аргуна, черезъ Ханкальское ущелье.—Грозная.—Дорога переходитъ на Терекъ.—Николаевская, Червленная, Щедринская, Шелкозаводская.—Казикумыкская плоскость.—Хасавъ-Юртъ.—Свѣдѣнія о Мамоновѣ. Дагестанъ.—Шамхалы Тарковскіе.—Темиръ-Ханъ-Шура 175

Глава VI. *Дагестанъ.*—Шамхалы Тарковскіе.—Темиръ-Ханъ-Шура.—Поѣздка въ Гимры и Ахульго.—Встрѣча въ Шурѣ съ Хатумиловымъ.—Поѣздка въ Акушу къ Ивану Абрамовичу О***.—Лаваши.—Ходжалъ-Махи.—Коппинскій перевалъ.—Салтанскій мостъ.—Гунибъ.—Верхній Гунибъ.—Панорама.—Аулъ Шамиля.—Туннель и спускъ въ Кородахъ.—Сланцевое ущелье.—Кородахъ.—Хунзахъ.—Тлохъ.—Хаджи-Муратъ.—Ботлихъ.—Форельное озеро (Айзелимъ).—Керкетскій перевалъ.—Опять Чечня.—Ведено. 198

Глава VII. *Путешествіе 1874 года.*—Опять Кабарда.—Тифлисъ.—Гамборы.—Охота въ нихъ.—Телавъ.—Монастырь Алаверды и охота на фазановъ.—Сигнахъ.—Монастырь св. Нины. въ Бодбѣ.—Мы сворачиваемъ на бывшую военно-лезгинскую линію, чрезъ Чіаурскій мостъ на Алазани, въ Лагодехи.—Лагодехи.—Бѣлоканы.—Катехи.—Закаталы.—Нуха.—Въ Чемахлахъ мы выѣзжаемъ на большой елизаветопольскій трактъ.—Здѣшнія рѣки во время дождей и таянія снѣговъ.—Переправа чрезъ Туріанъ-чай.—Молоканскія села: Кара-Марьинское и Кулюлинское.—Ахъ-Су.—Шарадели.—Шемаха.—Дожди.—Ночлегъ во время бури.—Опасности путешествія, во время дождей, въ здѣшнихъ мѣстахъ.—Баку.—Возвращеніе въ Астрахань.—Заключеніе. . 253

Digitized by Google

Глава I.

Путешествіе 1872 года. Ростовъ.—Ставрополь.—Владикавказъ.—Военно-грузинская дорога.—Тифлисъ.—Сурамскій перевалъ.—Кутаисъ.—Поти.—Черноморскій берегъ.—Мысъ Адлеръ.—Гагры.—Отплытіе въ Россію.

Главу эту, составленную мною изъ вторыхъ отдѣленій главъ 1-го изданія, по всей справедливости, можно было-бы назвать «сказаніемъ о томъ, какъ путешествовали по Кавказу до проведенія желѣзныхъ дорогъ»,—сказаніемъ, отошедшимъ, въ настоящее время, въ область преданія. Согласно предисловію, я выкинулъ изъ нее все лишнее, не относящееся къ Кавказу, и, взамѣнъ выкинутаго, помѣстилъ описаніе путешествія по черноморскому берегу, взятое тоже изъ 1-й части и совершенно подходящее сюда по формѣ изложенія.

Такъ какъ я въ 1872 году былъ свободенъ отъ занятій на всѣ семь недѣль великаго поста и на пасху, то и рѣшился привести въ исполненіе свое давнишнее желаніе—съѣздить на Кавказъ, несмотря на то, что мартъ и первая половина апрѣля считаются почти невозможнымъ временемъ для путешествій по всей Россіи. Я слышалъ, что Закавказье восхитительно въ апрѣлѣ—ну, чтожъ! стоило похлопотать и изъ за этого. Кто любитъ путешествовать, тотъ не долженъ бояться дорожныхъ неудобствъ; неудобства случаются и въ прогулкѣ по Европѣ, а на здороваго человѣка даже тряска на перекладной въ дождь и слякоть дѣйствуетъ живительно; по крайней мѣрѣ, такъ до сихъ поръ бывало со мной. Итакъ, съ Богомъ! Сговорившись ѣхать вмѣстѣ съ художникомъ М., мы рѣшили отправиться чрезъ Ростовъ, осмотрѣть Военно-грузинскую дорогу, Тифлисъ и, проѣхавъ чрезъ Сурамскій перевалъ въ Поти, возвратиться на пароходѣ въ Одессу; два мѣсяца не много, но все-

Digitized by Google

таки достаточно для этого путешествія. На предположенномъ пути мы рисковали встрѣтить невылазную грязь между Ростовомъ и Ставрополемъ (что, дѣйствительно, и случилось). Эту грязь, состоящую изъ растворившагося глинистаго чернозема нашихъ южныхъ степей, я зналъ по опыту; она такова, что, странствуя весною 1856 года между Одессой и Николаевымъ, я на парѣ здоровыхъ лошадей, запряженныхъ въ походную кибитку, дѣлалъ не болѣе 15 верстъ въ сутки. Мы также упускали Пятигорскъ, съ его сосѣдними минеральными водами, потому что мартъ слишкомъ раннее время для посѣщенія этихъ мѣстъ,—но за то апрѣль мы проводили въ Закавказьѣ и въ концѣ этого мѣсяца могли увидѣть южный берегъ Крыма. Если же мы вздумали-бы начать путешествіе чрезъ Одессу въ Поти и оттуда въ Ростовъ, то, кромѣ бурнаго плаванія по Черному морю, мы посѣтили-бы Закавказье въ очень раннее время, т. е. въ мартѣ, и Пятигорскъ съ его водами не вознаградилъ-бы насъ за эту потерю; кромѣ того, въ мартѣ пароходы ходили тогда между Одессою и Поти въ 2 недѣли одинъ разъ, а мы не могли терять времени въ ожиданіи отплытія. Всѣ эти обстоятельства, и въ особенности послѣднее, заставили насъ поѣхать чрезъ Ростовъ. Отсюда, слышалъ я, ходили дилижансы до Тифлиса, но когда и какъ—объ этомъ я въ Москвѣ не могъ получить никакихъ свѣдѣній. Изъ «Паровоза», изданнаго за февраль 1872 года, я узналъ только росписаніе рейсовъ пароходовъ «Русскаго общества пароходства и торговли», утвержденное еще на 1871 годъ, а свѣдѣній о сообщеніяхъ между Ростовомъ и Тифлисомъ отъ «Паровоза» и требовать, конечно, было нечего.

И такъ, 28 февраля, въ чистый понедѣльникъ, мы съ М. выѣхали изъ Москвы по рязанской желѣзной дорогѣ. Тутъ — благослови Господи—намъ готовился сюрпризъ: по «Паровозу» прямой поѣздъ до Ростова отходитъ изъ Москвы въ 12 ч. дня, а на дѣлѣ онъ отходитъ въ 12 ч. вечера. Изъ этого видно, какою полнотою и аккуратностью отличались у насъ прежде свѣдѣнія для путешествій; это не то, что нѣмецкій Hendschel's Telegraph, въ которомъ даже и о нашихъ желѣзныхъ дорогахъ сказано едва-ли не полнѣе, чѣмъ въ «Паровозѣ».

Недавно открытая воронежско-ростовская жел. дорога въ то время принадлежала къ числу самыхъ неисправныхъ дорогъ. Вагоновъ было мало, такъ что пассажиры, пріѣхавшіе Богъ знаетъ

Digitized by Google

откуда, изъ степи, часто не находили мѣстъ на поѣздѣ и должны были оставаться на станціи до слѣдующаго дня, потому что пассажирскій поѣздъ ходилъ одинъ разъ въ сутки. А кто могъ поручиться, что и тогда они могли найдти себѣ мѣсто? Конечно, болѣе другихъ терпѣлъ бѣдный 3 классъ. Буфеты были плохи до крайности. Такъ какъ наклоны по этой дорогѣ круты, то для того, чтобы ѣхать съ должной скоростью, необходимо разводить самый сильный огонь. Изъ трубы локомотива сыпалась такая масса горящихъ углей, что просто страшно становилось. Такого огненнаго ливня я не видѣлъ нигдѣ. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, объясняли это явленіе крутизною наклоновъ. Страхъ нашъ былъ не напрасенъ: на станціи Лиски загорѣлась крыша нашего вагона; желѣзо, покрывавшее ее, было плохо, и въ дыру набились горящіе угли; хорошо еще, что это случилось на станціи, а не во время ѣзды. Тлѣющую крышу залили водой, въ дыру набили снѣгу—и поѣхали дальше, захвативъ на всякій случай ушатъ съ водою. Онъ оказался не лишнимъ: не прошло и пяти минутъ, какъ въ вагонъ чрезъ крышу снова посыпались искры. Давай ушатъ! Принимаются заливать, но скоро начинаетъ пробиваться настоящее пламя, дымъ такъ и валитъ, а поѣздъ летитъ себѣ, какъ ни въ чемъ не бывало. Можете представить положеніе пассажировъ! Всѣ схватываютъ поклажу, толпятся у дверей, нѣкоторые даже собираются прыгать изъ вагона. Наконецъ, поѣздъ останавливается, крышу разламываютъ желѣзнымъ ломомъ,—оказывается въ ней между желѣзомъ и деревомъ набилось столько горящихъ углей, сколько помѣщается ихъ въ доброй голландской печкѣ. Крыша разломана, полъ весь улитъ водой — все въ порядкѣ! Поѣздъ двигается и приходитъ благополучно на станцію, на которой, послѣ долгихъ разговоровъ, злополучный вагонъ отцѣпляется и пассажиры размѣщаются по другимъ вагонамъ.

Мы ѣдемъ *Землею Войска Донскаго*, нынѣ переименованною въ область. Холодно и снѣгу больше, чѣмъ было въ Москвѣ при нашемъ отъѣздѣ. До станціи *Лиски* еще попадаются кое-гдѣ лѣсочки, а дальше начинается голая степь. Вдоль рельсоваго пути, по дорогѣ, покрытой густой грязью, смѣшанной со снѣгомъ, мучатся ѣдущіе куда-то на лошадяхъ и волахъ казаки и крестьяне. Въ селахъ и хуторахъ ни прутика; заборы всѣ изъ камня. Земли гибель, а скотоводства, сравнительно, мало; если кто имѣетъ 2

Digitized by Google

пары валовъ и можетъ самъ обработывать землю, не складываясь съ сосѣдями, тотъ считается богатымъ. Что причиною этого невеселаго явленія? Причинъ, конечно, много, но главная, по всей вѣроятности, это—отживающее свой вѣкъ военное устройство казачьяго сословія. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ сюда стало пріѣзжать много рабочихъ изъ Россіи; запашки увеличились и увеличиваются такъ, что прежнія нераспаханныя степи скоро будутъ преданіемъ. Казакъ, который засѣвалъ прежде лишь столько, на сколько хватало своихъ собственныхъ силъ, теперь засѣваетъ рабочими вчетверо. Казалось-бы, что и благосостояніе жителей должно возростать въ такой же пропорціи, а между тѣмъ на дѣлѣ этого вовсе нѣтъ. Слышны общія жалобы на рабочихъ, получающихъ здѣсь въ дѣловую пору до 18 р. въ мѣсяцъ. Рабочій не нанимается безъ того, чтобы не забрать впередъ деньги, которыя необходимы ему на уплату податей, а, получивъ ихъ, работаетъ, разумѣется, какъ ни попало, а не то и совсѣмъ уйдетъ—исторія, извѣстная по всей Россіи.

Земля Войска Донскаго составляетъ общинную войсковую собственность, но казачьимъ офицерамъ отводились земли и въ частную собственность *(оберъ-офицерамъ 200, штабъ-офицерамъ 400, а генераламъ 800 десятинъ)*. Многіе изъ получившихъ участки распродаютъ ихъ отъ неумѣнья, нежеланья, а иногда и отъ невозможности хозяйничать,—и такимъ образомъ среди казачьяго сословія появляются посторонніе землевладѣльцы. Казачій духъ, по отзывамъ самихъ казаковъ, исчезаетъ, и мирная жизнь начинаетъ предпочитаться военной. Исторія и здѣсь неуклонно дѣлаетъ свое дѣло.

Со многими помѣщиками, купившими казачьи участки, повторяются тѣ же случаи, что нерѣдко бывали и въ Россіи вскорѣ послѣ эмансипаціи, т. е., разсчитавъ заранѣе ожидающія ихъ выгоды, они принимаются хозяйствовать раціонально и раціонально же разоряются. Земля сдается здѣсь отъ 1 до 4 рублей въ годъ, кругомъ за пахатныя и залежныя десятины. Цѣна не маленькая! Работаютъ волами, потому что здѣшній бурьянъ имѣетъ здоровые корни и не поддается сохѣ. Невольно вспоминается нашъ благодатный черноземъ средней полосы Россіи, гдѣ двѣ скверныя крестьянскія лошаденки обработываютъ двумя сохами десятину въ день. Пашня, конечно, не глубока (да глубокая-то въ другихъ мѣстахъ, пожалуй, и ис-

Digitized by Google

портитъ навсегда землю, выворотивъ наружу глинистую подпочву), но ударь во-время дождь—и дѣло сдѣлано. Главное—успѣть посѣять, когда земля еще сочна, т. е. стараться посѣять какъ можно скорѣе, пока еще не успѣлъ высохнуть быстросохнущій черноземъ. И чѣмъ-бы благодарить матушку-соху, дающую возможность дѣлать въ черноземной полосѣ быстрыя запашки съ малыми средствами, у насъ нѣкоторые толкуютъ о замѣненіи ея, какъ допотопнаго орудія, плугомъ, которымъ работа въ нѣсколько разъ медленнѣе.

Около богатой и торговой, лежащей на Донцѣ, *Каменской станицы* (станціи) разработывается каменный уголь; изъ предпринимателей, разумѣется, много евреевъ.

Чѣмъ ближе къ Ростову, тѣмъ больше разговоровъ про каменноугольныя копи. Разговоръ ведется, большею частію, съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ. Перваго марта, въ 10 часовъ вечера, прибыли мы на станцію Шахтную или Шахты, главный центръ каменноугольныхъ копей. *(Описаніе—см. часть 1-я, глава 1: Шахтная станція).* Ночь была, что называется, хоть глазъ выколи. Близь Шахтной чуть-чуть виднѣлись только очертанія деревянныхъ построекъ для рабочихъ; въ кабакахъ, которыхъ, разумѣется, полное изобиліе, свѣтились огни. Рабочіе почти всѣ изъ Россіи, и казаки составляютъ исключеніе. Поѣздъ не опоздалъ, и въ 12 ч. ночи мы прибыли въ *Ростовъ*.

Станція была биткомъ набита пассажирами, ожидавшими нашего поѣзда, чтобъ ѣхать въ Новочеркасскъ. Товарищъ мой пошелъ получать багажъ, а я нанимать извощиковъ. Предъ тускло освѣщеннымъ крыльцомъ стояло цѣлое озеро воды и грязи, на берегу котораго виднѣлись три извощичьихъ экипажа, хозяева же ихъ, при свѣтѣ фонаря, занимались преслѣдованіемъ въ озерѣ крысы.—«Извощикъ!» Въ отвѣтъ на это:—«Стегай ее, Ванька, стегай! У-лю-лю-лю!» И всѣ трое бросились въ лужу, крича и преслѣдуя съ ожесточеніемъ ударами кнутовъ несчастнаго звѣря. Я ясно видѣлъ, что раньше окончанія крысоловнаго промысла мнѣ не добиться никакого отвѣта, и потому рѣшился ждать. Наконецъ, промыселъ увѣнчался успѣхомъ и крыса была убита.—«Извощикъ!» —«Чего?» отвѣчалъ одинъ изъ промышленниковъ, повернувъ ко мнѣ голову.—«Въ гостиницу—сколько возьмешь?»—«Четыре цѣлковыхъ!» Другіе захохотали.—«У! проклятая!»—прибавилъ отвѣтившій мнѣ

Digitized by Google

возница, начавъ вновь хлестать кнутомъ по тому мѣсту, гдѣ предполагался убитый звѣрь.—«Что ты это? Въ умѣ ли?»—«А извѣстно, въ умѣ! Да намъ и ѣхать-то нельзя, потому мы всѣ заняты и билеты у насъ, стало быть, тоже отобраны».—«Давайте я васъ свезу»,—прибавилъ другой.—«Куда, чортъ этакой свезешь? А сѣдоки-то?»—закричали товарищи. И пошло дружеское руганье, которому и конца не предвидѣлось! Съ смущеніемъ вернулся я къ моему товарищу, котораго и нашелъ возсѣдающимъ на багажѣ въ самомъ плачевномъ расположеніи духа. Что было дѣлать? Ночевать на станціи послѣ двухдневнаго путешествія? Вовсе не весело. Къ счастію нашему, отыскалась ломовая телѣга. Помѣстивъ на нее нашъ багажъ и помѣстившись надъ нимъ, чтобъ не растерять его по дорогѣ, на четверенькахъ (положеніе, въ которомъ навѣрное ни одинъ путешественникъ по Европѣ не переѣзжалъ со станціи желѣзной дороги въ отель), по непроходимой грязи и испытывая невѣроятные толчки, мы на этомъ оригинальномъ омнибусѣ переѣхали въ ближайшіе номера Таманцева, отстоящіе отъ вокзала не далѣе 1½ версты. Номера оказались хорошими, и мы, поужинавъ съ отличнымъ аппетитомъ, поспѣшили успокоиться послѣ этого костоломнаго переѣзда. На другой день намъ сообщили, что почтовые экипажи въ это время не ходятъ вовсе и что ожидающая насъ дорога ужасна. Единственно возможный способъ сообщенія была перекладная телѣга. Раскаяніе было безполезно, а ждать, пока исправится дорога, мы не имѣли времени. Ѣзжалъ я не мало на перекладной въ былые годы и потому не особенно испугался этого извѣстія; меня пугали только разсказы про задержки на станціяхъ. Мы остались въ Ростовѣ на сутки. Бродя по городу для дорожныхъ закупокъ, мы не разъ приносили благодарность нашимъ охотничьимъ сапогамъ, дозволявшимъ намъ безбоязненно шагать по грязи.

Втораго марта, мы, нанявъ съ вечера извощика, въ 4 часа утра поѣхали по желѣзной дорогѣ и чрезъ полчаса были въ *Аксаѣ*.

Молодой казакъ, представлявшій собою скорѣе толстопятую пензу (насмѣшливое солдатское прозвище, данное неуклюжимъ пензенскимъ рекрутамъ), чѣмъ лихаго донца, взвалилъ наши вещи на ломовую телѣгу и потащилъ по глубочайшей грязи въ гору, на почтовую станцію. Вздумавъ еще, на бѣду, проѣхать по ближайшей дорогѣ, онъ полѣзъ напрямикъ—лѣзъ, лѣзъ, да такъ-таки и не долѣзъ. Вещи наши донесли уже до станціи ямщики, увидав-

Digitized by Google

шіе надали, съ горы, наше бѣдственное положеніе. Толстопятый, не хуже русскаго извощика, не устыдился еще пристать къ намъ съ просьбой о пожалованіи ему за благополучный переѣздъ гривенника на водку.

Со станціи видѣнъ былъ противоположный берегъ, поросшій, верстъ на 12, камышемъ, убѣжищемъ дичи въ лѣтнее время. Донъ готовъ былъ тронуться, но, къ счастію нашему, переѣздъ чрезъ него еще не прекращался. Во льду виднѣлись рыболовныя суда и значки перекинутыхъ чрезъ рѣку снастей. Рабочіе строили у лѣваго берега плашкоутный мостъ. Черная полоса дороги тянулась черезъ рѣку и соединялась съ дамбой, насыпанной чрезъ камыши. Спустившись съ крутаго берега, ради безопасности, пѣшкомъ и переѣхавши Донъ, мы, благословясь, пустились въ давно ожидаемое путешествіе. Насъ пугали особенно разсказами о грязи близъ Средняго Егорлыка. Ну, что-то будетъ!

До *Мачинской* станціи мы проѣхали благополучно, земля еще не распустилась; ѣхали не по дамбѣ, а стороной. Неулетающіе отсюда на зиму грачи летали съ радостнымъ крикомъ, чуя шедшую весну, стаи утокъ поднимались съ начинавшихъ растаивать плесовъ и съ свистомъ носились надъ камышами, огромные коршуны и орлы медленно описывали свои воздушные круги. Ямщикъ, родомъ изъ Курской губерніи, разсказывалъ мнѣ, что еврей, содержатель станціи, устроилъ на ней для перемиванія ячменя такую машину, какой здѣсь никто и не видывалъ; всеобщимъ удивленіемъ машинѣ, по его словамъ, не было конца. Любопытствуя узнать, что это такая за невиданная диковинка, я пошелъ посмотрѣть и увидѣлъ простую дробилку съ приводомъ, въ которомъ ходила слѣпая лошаденка. Дробилка въ здѣшнихъ мѣстахъ была диковинкой.

Слѣдующая станція—*Мокроботаевская*. Что-бы такое, думалъ я, могло означать это названіе, очевидно составленное изъ словъ: *мокрота* и *ботать*? Неужели оно предувѣдомляетъ путешественника, что ему придется *ботать по мокротѣ*? Совершенно! Тотчасъ же за станціей начинаются солонцеватыя болота, покрытыя въ весеннее и дождливое время водой. Ѣзда черезъ нихъ лучше, чѣмъ по большой дорогѣ, остающейся вправо; по ней двигаются только пѣшеходы, не желающіе брести по колѣна въ водѣ. Болота продолжаются верстъ на 5, и, проѣзжая черезъ нихъ, мы, обдаваемые брызгами, только и слышали, что боты, боты, боты! Вы, конечно,

Digitized by Google

читатель, подумаете, что я испытываю непріятное чувство, вспоминая про это ботанье? Совсѣмъ напротивъ: то, что я видѣлъ, проѣзжая этими болотами, заставляетъ меня вспомнить про нихъ съ истиннымъ наслажденіемъ. Начался весенній пролетъ дичи, и болота были покрыты ею сплошь. Сотни тысячъ утокъ сидѣли по болоту, нѣкоторыя вылетывали чуть не изъ подъ копытъ лошадей; быстрыя, какъ пущенный зарядъ дроби, стаи чирковъ налетали на насъ и съ свистомъ, сдѣлавъ мгновенный поворотъ въ сторону, исчезали Богъ знаетъ гдѣ; тяжелыя кряквы, шилохвостки, широконоски, чернядь и проч., слетѣвъ съ чистой водяной полосы, означавшей дорогу, опускались, пролетѣвъ нѣсколько десятковъ саженъ; сторожкіе гуси и еще болѣе сторожкіе лебеди держались вдали; жалобный крикъ неотвязныхъ чибисовъ, приставшихъ къ намъ съ своимъ вѣчнымъ вопросомъ: чьи вы? чьи вы? не прекращался ни на минуту. Крикъ стоялъ и на землѣ и въ воздухѣ. Слышится тихое гоготанье, поднимаешь голову и видишь, какъ, медленно колыхаясь, двигаются стаи гусей; какъ отдаленный окликъ часоваго, раздается протяжное— курлы! всматриваешься, это журавли, еле-еле видными трехугольниками, съ вожакомъ впереди, тянутся подъ облаками; массивныя дрохвы, медленно махая крыльями, летятъ молча; надъ выдающимися изъ воды островками трясутся въ воздухѣ и распѣваютъ жаворонки. Всѣ эти мирные и прекрасные отряды двигаются по одному направленію на сѣверъ. На какой точкѣ пространства между Чернымъ и Ледовитымъ морями они остановятся и разобьются на счастливыя пары? И многимъ-ли изъ нихъ суждено уцѣлѣть отъ выстрѣла охотника и вернуться осенью тѣмъ же путемъ и на ту же зимовку?

На чернѣющейся вправо гати большой дороги, какъ точки, подвигаются пѣшеходы,—это народъ идетъ наниматься въ пастухи въ Черноморье; на встрѣчу имъ двигаются такія же точки,—это безсрочные солдатики, возвращающіеся съ Кавказа, и богомольцы; кибитки гуртовщиковъ, сопровождаемыя гуртовыми собаками, ѣдутъ по одной дорогѣ съ нами; невольно представляется вопросъ: какихъ жертвъ и какихъ денегъ должна была стоить Кавказская война при такихъ путяхъ сообщенія?

За солонцами дорога пошла неоглядной степью, по которой стоятъ безчисленные стога; вдали на горизонтѣ, какъ стада американскихъ бизоновъ, гуляютъ по начавшей уже зеленѣть густой ота-

Digitized by Google

вѣ громадные гурты рогатаго скота; пашни не много, все больше степь или залежь, въ иныхъ мѣстахъ видны ряды и кучи пшеницы, неубранной съ осени, по недостатку рукъ. Мы перегоняемъ рабочихъ, плетущихся въ Черноморье; это Русь, съ открытіемъ весны, двинулась на заработки.

Дорога становилась съ каждой верстой все грязнѣе и грязнѣе. Солнце садилось, когда мы доѣхали до *Качаминской* станціи. При выѣздѣ изъ нея любуемся превосходной скотиной, возвращающейся домой; ямщикъ сворачиваетъ въ степь, вправо.—«Куда ты?»—«А степью поѣдемъ; степью-то не такъ грязно.» И мы, въ самомъ дѣлѣ, погружаемся въ степь. Скоро насъ охватываетъ темнота, но потомъ загораются звѣзды и встаетъ мѣсяцъ. Холодна степь; отъ росы она блеститъ серебромъ при лунномъ свѣтѣ. Вполовину освѣщенные стога представляются какою-то фантастическою цѣпью застрѣльщиковъ. Мы ѣдемъ полевыми колейными дорогами, которыя, перекрещиваясь, сбиваютъ иной разъ съ толку даже и нашего опытнаго возницу. Я начинаю дремать, спутникъ мой бесѣдуетъ съ ямщикомъ, и ихъ разговоръ вмѣстѣ съ звяканьемъ колокольчика то ясно долетаетъ до моего слуха, то теряется гдѣ-то въ отдаленіи. Я вслушиваюсь: «ты здѣшній?»—«Нѣтъ, изъ Расеи,—мы всѣ здѣсь расейскіе».—«А изъ казаковъ ямщиковъ нѣтъ?»—«Кто ихъ велитъ! Вишь, что у нихъ земли-то?»—«Да зачѣмъ же вы такъ далеко заходите?»—«А не зайдешь, такъ и податей не будетъ чѣмъ заплатить, баринъ. Они изъ насъ работниковъ нанимаютъ. Обязаковенно работникъ вездѣ нашъ братъ расейской.»—«За то они служатъ». Толчекъ! Я открываю глаза и вижу освѣщенное мѣсяцемъ лицо ямщика, которое смотритъ насмѣшливо черезъ плечо на моего спутника.—«А мы то ништо ни служимъ? Ты спроси лучше, кому мы не служили-то, баринъ! Эй вы, любезные!» Дорога стелется скатертью, слышно только звяканье колокольчика; иною опять овладѣваетъ дремота. —«Неужто, слышится снова, такъ-таки всѣхъ и перебилъ?»—«Какъ есть, 12 штукъ всѣхъ. Кульеромъ онъ, значитъ, ѣхалъ... Въ ночь-то ила изморозь, а къ утру и заморозило, крѣпко таково заморозило-то! Только ѣдемъ мы это, а ихъ цѣлыхъ 12 штукъ у дороги-то и сидятъ...»—«Дрофевъ?»—«Знамо дрофевъ. Здоровенныя, тяжелыя, такія! Какъ онъ вихнетъ это ружье, да шарахъ! Такъ двухъ и повалилъ на мѣстѣ. Остальные бѣжать! Свой, говорятъ, свой! Не уйдутъ! Крылья обледенѣли! Пошелъ! А онъ заряжаетъ ружье.

Digitized by Google

Пошелъ, говоритъ, валяй за ними во всю ивановскую! Врутъ! Не уйдутъ! Хошь опоздаю, а ужь потѣшу свою душеньку—не упущу! Валяй за ними! Онѣ отъ насъ этто, а мы подскачемъ—шарахъ! Тутъ, значитъ, и есть! Часа два мыкались мы съ нимъ по степи-то—всѣхъ перебилъ, такъ и навалялъ полну телѣгу. Ну, говоритъ, сроду такъ не охотился! на, говоритъ, братецъ, цѣлковый на водку! Вотъ, хошь вѣрь, хошь нѣтъ, баринъ, а ни единаго слова не вру!» Я вздрагиваю отъ холода и открываю глаза: все тотъ же видъ, только луна поднялась выше, да звѣзды побѣднѣли.—«Что это такое?» спрашиваетъ ямщика мой спутникъ, указывая на какой-то черный кругъ, виднѣющійся на степи.—«А это стога, баринъ, плугомъ опахиваютъ, для того, значитъ, что когда станутъ выжигать степь, такъ чтобы сѣно не загоралось».

На *Новотроповской* станціи въ нашу перекладную телѣжку, въ которой, кромѣ насъ, было всего 2 чемодана клажи, намъ запрягли 5 лошадей, и мы тащились на нихъ до *Мержуловской* станціи (22 версты) цѣлые 9 часовъ. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Меркуловки, мы перегнали почту, шедшую на волахъ изъ Ростова,—она билась въ грязи, и 7 паръ воловъ не могли вытащить одну телѣгу. Станція была биткомъ набита проѣзжающими, спавшими вповалку. Армяне, рискнувшіе выѣхать изъ Ростова въ своемъ экипажѣ, сидѣли здѣсь уже нѣсколько дней, а весь облѣпленный грязью тарантасъ ихъ, передняя ось котораго не было видно, потому что она вся увязла въ грязи, стоялъ у подъѣзда. На нашъ вопросъ: когда мы можемъ надѣяться получить лошадей,—смотритель отвѣчалъ съ улыбкой, что онъ знаетъ только одно, что ранѣе отправки почты мы ихъ ни за что не получимъ, почта же засѣла, и на выручку ея отправлено 7 паръ воловъ.—«Вы не горячитесь, господа, добавилъ онъ, а переждите лучше. Вчера одинъ полковникъ поѣхалъ въ Ставрополь; не отъѣхалъ 5 верстъ, да и засѣлъ; воротился: не хочу, говоритъ, ѣхать въ Ставрополь, хочу опять назадъ ѣхать въ Ростовъ; поѣхалъ въ Ростовъ, да и тамъ тоже засѣлъ; вернулся! нѣтъ ужь, говоритъ, это лучше какъ нибудь въ Ставрополь! Вотъ не ворочается что-то, надо полагать, что не засѣлъ больше».—«Да когда же можно будетъ ѣхать навѣрное?»—«А Господь ее вѣдаетъ! Вотъ..кабы морозъ ударилъ, это все-бы полегче сдѣлалось, распустило-бы грязь-то маленечко».—«И часто здѣсь бываетъ такая дорога?»—«Нѣтъ, всего только эти двѣ недѣли весной, а

Digitized by Google

то дорога хорошая. И вѣдь этакая бѣда! хорошая дорога—нѣтъ проѣзжающихъ, а теперь вотъ, какъ на грѣхъ, ихъ и навалило!» Сдавшись на эти доводы, мы, съ сокрушеннымъ сердцемъ, усѣлись за самоваръ.

Въ числѣ проѣзжающихъ былъ подполковникъ П. А. Ѳ., ѣхавшій изъ отпуска въ Дагестанъ, гдѣ онъ занималъ довольно значительную должность; съ нимъ ѣхалъ его нукеръ, молодой лезгинъ Хатуми-Отлы или, по-русски, Хатумиловъ (оглы—значитъ сынъ, и русскіе замѣняютъ это слово окончаніемъ овъ), изъ селенія Кутиши (южнѣе Гергебля, на правой сторонѣ Казы-Кумыкскаго койсу). Отецъ Хатумилова держался русскихъ, за что былъ взятъ Шамилемъ въ Ведено и выкупленъ оттуда за 40 р. сер.; семейство его должно было продать для этого лучшій участокъ земли. Хатумиловъ довольно хорошо говорилъ по-русски. Горцы, и въ особенности лезгины, вообще отличаются блестящими способностями; И. А. говорилъ мнѣ, что разсказъ Руновскаго *(Записки о Шамилѣ)* о томъ, что нѣкоторые изъ горцевъ, жившихъ въ Калугѣ, научились въ нѣсколько мѣсяцевъ хорошо говорить и писать по-русски, совершенно-вѣроятенъ. Нукеры получаютъ жалованье 15 р. сер. въ мѣсяцъ и должны затѣмъ уже имѣть все свое; отъ желающихъ служить нѣтъ отбою; кромѣ жалованья, довольно значительнаго для бѣдныхъ горцевъ, ихъ занимаетъ и самая служба, которая все-таки напоминаетъ имъ прежнее боевое время. Побаиваются только они, какъ-бы ихъ не стали брать въ солдаты.

Я съ искреннимъ удовольствіемъ вспоминаю про время, проведенное мною въ обществѣ милаго и добраго И. А. Горцы въ настоящее время, въ Чечнѣ и Дагестанѣ, начинаютъ совершенно мириться съ своимъ положеніемъ; молодежь еще скучаетъ о войнѣ, благоразумнѣйшая же часть населенія вполнѣ отдаетъ справедливость новой жизни передъ прежней, доведшей ихъ до совершеннаго истощенія. Ничтожныя подати (около 1 р. сер. съ дома), всѣ идущія на улучшеніе ихъ же страны, и справедливый народный судъ располагаютъ ихъ къ русскому правительству. Русское судопроизводство начинаетъ вводиться на Кавказѣ, и судъ по адату (обычаю) и шаріату (корану), такіе какъ и канла (кровомщеніе), остались лишь въ одномъ Дагестанѣ. Горцы принимаются за торговлю, въ которой они очень способны, и начинаютъ ходить въ Моздокъ и другіе города на заработки, доставляющіе имъ порядочную выгу-

Digitized by Google

ку. Всегдашнее полное вооруженіе осталось тоже лишь въ одномъ Дагестанѣ; въ остальныхъ же мѣстностяхъ уже довольствуются однимъ кинжаломъ и то не всегда. Не далеко уже то время, когда все оружіе горца будетъ висѣть спокойно на стѣнкѣ его кунацкой.

Я упомянулъ про адатъ, шаріатъ и канлу,—объясню подробнѣе эти слова.

Адатъ есть сводъ законовъ или обычаевъ, передававшихся изустно изъ поколѣнія въ поколѣніе. Судьями обыкновенно выбирались старики, свѣдущіе въ адатѣ. Въ прежнее время кабардинскій адатъ считался лучшимъ и былъ принятъ почти всѣми черкесскими племенами. Съ принятіемъ черкесами магометанства, а на восточномъ Кавказѣ съ утвержденіемъ власти Шамиля, сталъ вводиться, хотя и съ большимъ трудомъ, судъ по *шаріату*, т. е. по корану. Судъ этотъ былъ подчиненъ муллямъ и производился кадіями, зависѣвшими отъ мулловъ, уже вслѣдствіе одного знакомства послѣднихъ съ кораномъ. Прямая выгода заставляла Шамиля вводить судъ по шаріату, потому что это подчиняло горцевъ муллямъ, а слѣдовательно и самому Шамилю. Судопроизводство въ обоихъ судахъ было публичное, но очень часто совершенное отсутствіе исполнительной власти (кромѣ мѣстъ, подчиненныхъ Шамилю) заставляло недовольныхъ прибѣгать къ собственной расправѣ, т. е. къ оружію. Горецъ не можетъ сдержать движенія своего, по его выраженію, большаго сердца. Противная сторона отвѣчала, разумѣется, тѣмъ же,—и вотъ разыгрывалась *канла*, принимавшая иногда самые чудовищные размѣры. Г. Руновскій слышалъ отъ самого Шамиля слѣдующее: лѣтъ 300 тому назадъ, въ Мехтулинскомъ ханствѣ, въ аулѣ Кадаръ, одинъ горецъ укралъ у другаго курицу; тотъ, въ отместку за это, укралъ у него барана; за барана былъ украденъ волъ; за вола лошадь; за лошадь воръ поплатился жизнью,—и вотъ канла разыгралась во всемъ ея ужасѣ! Изъ за курицы родственники противныхъ сторонъ вели промежъ себя счеты и рѣзались цѣлыя 300 лѣтъ! Шамиль, сберегая народъ для войны, старался цѣну крови замѣнить денежной пеней, но это не всегда удавалось; если же случалась мировая, то помирившіеся считались уже кровными братьями.

Въ 11 часовъ мы увидѣли почту, тащившуюся на волахъ. Вмѣсто воловъ на станціи подъ нее живо запрягли лошадей и—о, радость!—предлагаютъ намъ отправиться съ нею. Мы, конечно, не заставили себя упрашивать и, размѣстившись на 3 телѣгахъ, нагру-

Digitized by Google

женныхъ чемоданами и запряженныхъ каждая 6-ю лошадьми, двинулись въ путь. Никогда не забуду я этого переѣзда! Лошади тонутъ по колѣни, ямщики ругаются между собою и ругаютъ всѣхъ и все на свѣтѣ, удары кнутовъ, всевозможныя проклятія, безпрерывныя остановки—и это не переставая ни на минуту, въ продолженіи 8 часовъ, на разстояніи 22 верстъ. Иногда доходило даже совсѣмъ до смѣшнаго: напримѣръ, нашъ ямщикъ ѣдетъ позади другихъ троекъ, потому что лошади его не поспѣваютъ: «черти! дьяволы!» кричитъ онъ надорваннымъ голосомъ,—«стойте! стойте! Батюшки мои, стойте! охъ, бѣда, тарантасъ сломался! что вы меня покидаете,—чуть не плачетъ онъ,—дьяволы вы этакіе!» Тѣ останавливаются, поджидаютъ и осматриваютъ тарантасъ или, проще, телѣгу—все оказывается невредимымъ.—«Да гдѣ же онъ сломался-то?» спрашиваютъ они съ недоумѣніемъ. Въ отвѣтъ на это слышится: «чортъ его сломаетъ, прости Господи! Вишь какой сляпали, дьяволы этакіе!» Не надобно удивляться всей этой руготнѣ: при такой жизни и при такомъ мученіи, ямщику только и остается утѣшеніе, что одна брань. Къ вечеру, въ заключеніе, пошелъ дождь, и мы, всѣ измокшіе, добрались до *Грязнухи*, когда уже совсѣмъ стемнѣло, и остались въ ней ночевать. Утромъ мы были разбужены невообразимыми ругательствами смотрителя съ ямщиками. Хатумиловъ слушалъ, слушалъ и, наконецъ, сказалъ мнѣ, смѣясь: «это она какъ проснулась, такъ и Богу молилъ, намазъ творилъ, кабы нашъ черкесъ, да такъ ругалъ, черкесъ сейчасъ бы рѣзилъ». Кое-какъ дотащились мы до Ставропольской губ., т. е. до *Средняго Егорлыка*. Станція эта замѣчательна развѣ тѣмъ, что когда, въ 30-хъ годахъ, послѣ Ермолова, подъ слабымъ управленіемъ генерала Эмануэля, дисциплина въ войскахъ и, въ особенности, кордонная служба пришла въ упадокъ, Вельяминовъ, заступившій мѣсто Эмануэля, вынужденъ былъ прибѣгнуть, для водворенія порядка, къ самымъ крутымъ мѣрамъ; между прочимъ, дошло до его свѣдѣнія, что казаки полка, стоявшаго въ Егорлыкѣ, сами занимаются грабежемъ. Вельяминовъ, не долго думая, отправилъ штабъ-офицера съ приказаніемъ пересѣчь весь полкъ поголовно, что и было исполнено. На встрѣчу намъ, разбредшись по полю и по дорогѣ и выбирая, гдѣ почва покрѣпче, растянулись и мучатся безсрочные солдатики. Безпрерывно попадаются кости павшихъ воловъ, почему мы и догадываемся, что это скотопрогонная дорога изъ Черноморья.

Digitized by Google

До *Песчанокопской* мы поѣхали верхомъ, а Хатумилювъ съ вещами на тройкѣ. Картины все тѣ же: толпы богомольцевъ малороссовъ тянутся въ Кіевъ. М. попросилъ у одной молодицы напиться и далъ ей за то 10 коп.; старуха, шедшая тутъ же, ужасно разсердилась, какъ смѣла та взять деньги, говоря что—«воду трѣба давать для Бога, а не за грѝши»,—и не успокоилась до тѣхъ поръ, пока та не объяснила ей, что взяла деньги на свѣчку. По мѣрѣ удаленія отъ Средняго (вонючаго) Егорлыка, дорога съ каждой верстой становилась все суше и суше; мы удалялись отъ стока водъ и переѣзжали на незамѣтный еще для для глаза, но ощутительный по быстро исчезающей грязи, Кавказскій склонъ. Перемѣна въ дорогѣ была поразительна, и мы ясно видѣли конецъ нашимъ бѣдствіямъ.

Отъ *Лѣтницкой* до *Медвѣжьей* дорога идетъ лѣвымъ берегомъ Большаго Егорлыка, запруженнаго около селъ плотинами; берега рѣки поросли высокимъ камышемъ. Жители все малороссы. Овцеводство здѣсь уже въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Землѣ Войска Донскаго, и нѣкоторые изъ крестьянъ имѣютъ на хуторахъ по нѣсколько тысячъ овецъ и рогатаго скота. Картофель сѣять здѣсь не въ обычаѣ и пчеловодства тоже нѣтъ, какъ и садовъ, исключая села *Богомолова*, которое, вмѣстѣ съ *Привольнымъ*, принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ селъ Ставропольской губерніи. Дорога въ однѣ сутки, словно по волшебству, сдѣлалась хорошей, и мы ѣдемъ со скоростью обыкновенной почтовой ѣзды.

Въ *Медвѣжьей* черезъ день должна была открыться ярмарка, и потому вся дорога до Преграднаго была занята тянувшимися навстрѣчу намъ валовыми фурами, большею частію съ превосходнымъ зеленымъ сѣномъ. Сзади фуръ привязаны откормленные черкасскіе волы, которыхъ ведутъ на продажу. Праздничный и веселый видъ имѣла эта дорога. На возахъ сидѣли разряженныя дивчины съ ихъ матерями; тутъ-же помѣщались и крошечные смуглые, черноглазые хлопчата въ отороченныхъ мерлушками кожухахъ и въ бѣлоснѣжныхъ высокихъ барашковыхъ шапкахъ, въ родѣ черкесскихъ папахъ; на иномъ такая папаха была величиной чуть-чуть не со всего хозяина. Отцы и старшіе братья, одѣтые также по праздничному, какъ истые малороссы, шли величаво и медленно за возами, потягивая свои коротенькія люльки. На всѣхъ лицахъ было написано довольство и счастье отъ ожидаемаго веселья на ярмаркѣ.

Digitized by Google

Нигдѣ мнѣ не случалось видѣть у крестьянъ такихъ запасовъ хлѣба и такихъ огромныхъ ометовъ соломы, какъ въ *Прградномъ*. Нѣкоторыя гумна напоминали гумна помѣщиковъ средней полосы Россіи въ блаженную эпоху запашекъ при крѣпостномъ правѣ. Выбѣленныя хаты, разумѣется, всѣ крыты подъ щетку; заборы частію изъ земли, перемѣшанной съ соломой, частію изъ камыша. Довольство видно во всемъ,—даже собаки и тѣ сыты: лежатъ лѣниво на кучахъ соломы и не бросаются на проѣзжихъ. Жизнь здѣсь такъ еще патріархальна, что молочныхъ скотовъ не собираютъ на продажу, а коровъ сосутъ телята: продавать некому, да и не зачѣмъ,—сыты и довольны и безъ продажи; мнѣ сказывали, что цѣна скотинѣ—за пару породистыхъ и откормленныхъ воловъ доходитъ здѣсь до 200 р. с., въ суровыя-же зимы, случается, за недостачей корма, продаютъ московскимъ скупщикамъ по 15 и 20 р. за штуку.

Съ *Донской* мѣстность начинаетъ подниматься замѣтно для глазъ; попадаются лѣсочки, овраги, и дорога становится каменистой.

Пошелъ мелкій дождь; ямщики летятъ во всю ивановскую, и жидкая грязь обсыпаетъ насъ, точно пули изъ митральезы. Товарищъ мой со смѣхомъ кричитъ мнѣ единственное извѣстное ему татарское слово: хабарда! (берегись). Въ *Ставрополь* мы пріѣзжаемъ посреди такого густаго тумана, что боишься заплутаться на огромной обсаженной тополями площади, гдѣ расположены военные госпитали. Скоро, однако, прояснилось, и мы съ И. А., пообѣдавъ довольно порядочно на станціи, отправились въ городъ; мнѣ хотѣлось его осмотрѣть и сдѣлать кое-какіе покупки, а И. А. надобно было заѣхать въ гимназію, гдѣ воспитываются нѣсколько лезгинскихъ мальчиковъ, къ которымъ онъ имѣлъ порученія отъ ихъ родителей изъ Дагестана. Дѣти бывшихъ головорѣзовъ съ успѣхомъ проходятъ гимназическій курсъ, а одинъ изъ нихъ теперь уже студентъ и слушаетъ курсъ въ харьковскомъ университетѣ. Врачи магометане будутъ, конечно, пользоваться среди мусульманскаго населенія гораздо большимъ довѣріемъ, чѣмъ христіанскіе врачи, а медицинская помощь для горцевъ необходима. Горцы необыкновенные мастера лѣчить всякаго рода раны, но не имѣютъ даже самыхъ элементарныхъ познаній о способахъ лѣченія остальныхъ болѣзней; при томъ-же, съ завоеваніемъ Кавказа, среди горскаго населенія появились болѣзни, совершенно неизвѣстныя тамъ въ прежнее время.

Чѣмъ дальше мы подвигались на югъ, тѣмъ становилось теплѣе,

Digitized by Google

и начинала показываться зелененькая травка, хотя въ попадавшихся на дорогѣ балкахъ и лежалъ еще снѣгъ. Туманъ то иногда охватывалъ насъ совершенно непроницаемой пеленой, то погода прояснивалась, и Кавказскія горы рисовались на горизонтѣ. Дорога была хорошая, и русскіе ямщики везли отлично. Говоря про *Александровскую* станицу, я сказалъ, что населяющіе ее казаки обращены теперь въ крестьянъ и имъ дано 5 лѣтъ льготы. Остается только прибавить, что, какъ слышно, они очень довольны этой перемѣной, потому что, даже и по истеченіи льготныхъ лѣтъ, заплатить 5 р. съ души легче, чѣмъ имѣть отъ себя верховую лошадь, сбрую, мундиръ и проч. и быть ежечасно готовымъ выступить въ походъ.

Особенно хорошими показались мнѣ мѣста около *Сабминской* станціи, на берегу рѣчки *Сабли*. Здѣсь довольно уже распаханной земли, но степи еще такъ много, что на сколько хватитъ у кого силы и капитала, тотъ столько и занимаетъ.—«Эка жисть!» повторялъ безпрестанно, со вздохомъ, ямщикъ—мой землякъ. Стада превосходной рогатой скотины и гурты овецъ паслись вдоль береговъ Сабли. Орлы и огромные коршуны преспокойно сидѣли на телеграфныхъ столбахъ и посматривали на насъ съ любопытствомъ.

Въ *Георгіевскѣ* мы остановились только позавтракать; насъ накормили довольно плохими котлетами, но взяли всего только по 20 к. за порцію. Такъ какъ была еще самая ранняя весна, и въ Пятигорскъ и на сосѣднія воды заѣзжать было незачѣмъ, то мы и поѣхали дальше.

Въ *Солдатской* станицѣ въ охотничью пору пара фазановъ, водящихся по ту сторону Малки, стоила тогда не дороже 40 коп. Въ *Прохладной* былъ базаръ, и мы имѣли случай видѣть здѣшнее полуказачье, полуазіатское населеніе.

Въ *Моздокѣ* насъ привезъ ямщикъ изъ русскихъ, переселенныхъ съ желѣзныхъ заводовъ Пономарева, Яранскаго уѣзда, Вятской губерніи, на *Алагирскій* серебряный заводъ на Ардонѣ (верстъ около 60 отъ Владикавказа). Ихъ выѣхало, лѣтъ 8 тому назадъ, съ мѣста до 800 семей, но многіе не перенесли кавказскаго климата. Заработки мастеровъ на заводѣ простираются до 50 р. въ мѣсяцъ, разумѣется на своихъ харчахъ. Кто хочетъ охотиться, тому слѣдуетъ отправляться на *Ардонъ:* нѣтъ дичи, которой бы тамъ не было. Въ 1869 г. на Алагирскомъ серебро-свинцовомъ заводѣ заводскаго и рудничнаго населенія было 596 д. муж. п. и 517 д. ж. п.;

Digitized by Google

рабочихъ же: изъ бывшихъ мастеровыхъ 96 челов., изъ осетинъ 108 чел. Къ заводу принадлежитъ одинъ дѣйствующій *Садонскій рудникъ*.

Добыто: серебра бликоваго . . . . . 17 п. 35 ф.
химически-чистаго . . . . 15 » 20 »
свинца . . . . . 4,734 » — »
оборотныхъ продуктовъ . . 39,676 » — »

Проѣзжая мимо Георгіевска, нельзя не вспомнить о Пятигорскѣ, а съ мыслію о послѣднемъ тѣсно связано вспоминаніе о *Лермонтовѣ*. Мнѣ довелось быть на могилѣ знаменитаго поэта, и потому я скажу о ней нѣсколько словъ.

Лермонтовъ похороненъ въ Чембарскомъ уѣздѣ, Пензенской губ., въ селѣ *Тарханахъ*, принадлежащемъ, въ настоящее время, г. Столыпину. Тѣло покойнаго поэта, по желанію бабушки его Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой (урожденной Столыпиной), боготворившей своего внука, было привезено изъ Пятигорска въ ея родовое имѣніе Тарханы и похоронено тамъ въ общемъ фамильномъ склепѣ. Тарханы находятся въ 20 верстахъ за Чембаромъ, по большой пензенской дорогѣ. Проѣзжая мимо ихъ, я не преминулъ поклониться праху знаменитаго поэта. Дорога идетъ черезъ выгонъ; вправо видно большое село съ двумя церквами, кладбищенской и приходской.—«Скажи пожалуйста,—обратился я къ ямщику,—не знаешь ли, у которой церкви схороненъ Лермонтовъ?»—«Лерманъ? Какой такой Лерманъ?»—спросилъ меня, въ свою очередь, въ совершенномъ недоумѣніи ямщикъ,—«баринъ онъ, что-ли?»—«Ну, да, баринъ! варваръ ты эдакой!» отвѣчалъ я, самъ внутренно смѣясь своей наивности.—«Не слыхалъ.... Такого барина здѣсь николи не было.... Здѣсь все господа извѣстные—такіе то, такіе то».... И онъ началъ перечислять мнѣ извѣстныхъ господъ.—«А Лермана здѣсь что-то никто не знаетъ.... Какой такой Лерманъ? Лермана никакого здѣсь николи не было». Не желая входить въ дальнѣйшія объясненія съ этимъ скиѳомъ, я велѣлъ ему повернуть вправо и ѣхать къ ближайшей приходской церкви. Была рабочая пора, день стоялъ страшно жаркій; все, что могло работать, было въ полѣ, а дома остался лишь малый да старый. Я не зналъ, къ кому обратиться за указаніями, но, къ счастію, увидѣлъ старуху, убиравшую разостланные холсты въ церковной оградѣ.—«Вамъ, батюшка, кого надоть?» спросила она, обратившись ко мнѣ и продолжая сидѣть на корточкахъ.—«Да вотъ,

Digitized by Google

бабушка, я хотѣлъ бы спросить гдѣ схороненъ Лермонтовъ?» —«Михайло Юрьичъ? Здѣсь, здѣсь, батюшка!» вскричала она, точно обрадовавшись. «Вонъ, въ этомъ голубцѣ; обождите, я сбѣгаю за ключами.... сію минуту». И она, быстро вскочивъ на ноги, побѣжала въ сторожку, а я отправился къ каменной кирпичной часовнѣ (голубцу—по-тамошнему). Минуты черезъ 2 старуха принесла ключи и отперла дверь. Я вошелъ въ довольно пространную часовню, въ которой находятся 3 мраморные памятника: Лермонтова, его матери и бабушки. У окна стоялъ аналой, покрытый старой шелковой салфеткой, съ крестомъ изъ серебряныхъ позументовъ, и закапанный воскомъ столъ, для служенія панихиды; тутъ же были старые церковные подсвѣчники. Противъ двери—образъ воскресенія, писанный на стѣнѣ клеевыми красками, которыя отъ сырости во многихъ мѣстахъ покрылись плѣсенью и попортились. Мой чичероне въ сарафанѣ—очевидно, бывшій на полученіе за свое краснорѣчіе лишняго гривенника—продолжалъ безъ умолку слезливымъ голосомъ разсказывать о томъ, какія были добрыя барыни Елизавета Алексѣевна и Марья Михаиловна, покойная маменька Михаила Юрьевича, какой красавецъ былъ самъ Михаилъ Юрьевичъ (Лермонтовъ, какъ извѣстно, былъ нехорошъ собой)—особенно въ мундирѣ, да при эполетахъ,—и какъ это Господь Богъ не привелъ имъ, несчастнымъ рабамъ, пожить и умереть за такимъ бариномъ;—какъ разные, совсѣмъ незнакомые господа, заѣзжаютъ къ нему на могилку, и проч., и проч. Я не слушалъ болтливую старуху и глядѣлъ на могильную надпись, говорившую, что покойному было всего на все 26 лѣтъ! У большинства людей эти года—лишь начало разумной жизни; а тутъ.... какой зрѣлый умъ, какой талантъ и какая могучесть мысли! И такъ безвременно и такъ безсмысленно погибнуть! А Пушкинъ? А Гоголь? Три генія, три звѣзды первой величины, честь и слава одной и той же эпохи—гибнутъ безвременно, а то, чему, пожалуй, лучше бы и совсѣмъ не показываться на свѣтъ божій, жило себѣ и благоденствовало! Неужели же это одна только судьба и случайность? Но что такое судьба и что такое случайность?

Близъ Желѣзноводска находится хуторъ *графа Николая Ивановича Евдокимова*, скончавшагося 23 мая 1873 г. и похороненнаго въ оградѣ пятигорскаго собора. Да позволено мнѣ будетъ въ легкомъ разсказѣ привести здѣсь нѣкоторыя черты изъ его жизни.

Digitized by Google

Краткая исторія послѣднихъ военныхъ дѣлъ графа разсказана мною въ очеркѣ исторіи Кавказской войны. Генералъ Евдокимовъ, возведенный въ графское достоинство за окончаніе восточной Кавказской войны, началъ и провелъ всю свою службу на Кавказѣ. Еще молодымъ прапорщикомъ, онъ (если не ошибаюсь, при отбитіи Кази-Муллы отъ Дербента, въ 1831 г.), бросившись съ охотниками на штурмъ сакли, въ которой засѣли мюриды, былъ раненъ пулей на вылетъ въ щеку, подъ правымъ глазомъ. Графъ постоянно закрывалъ эту рану чернымъ англійскимъ пластыремъ, почему горцы и прозвали его генералъ Уч-гозъ (т. е. трехглазый генералъ); но такъ какъ пуля, кромѣ того, оставила еще слѣдъ, то нѣкоторые изъ горцевъ называли его также Дортъ-гозъ (четырехглазый). Еще раньше несчастнаго для насъ 1843-го года, когда графъ былъ еще адъютантомъ командовавшаго въ то время войсками сѣвернаго и нагорнаго Дагестана, генерала Клюки-фонъ-Клюгенау, случилось слѣдующее происшествіе: *Уллу-бей* (тотъ ли, что былъ впослѣдствіи извѣстнымъ наибомъ Шамиля, или другой—не знаю), находившійся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Шамхалу Тарковскому, при встрѣчѣ съ племянникомъ этого послѣдняго, не отдалъ ему требуемой чести; оскорбленный племянникъ Шамхала началъ за это на него кричать, какъ на подданнаго; въ отвѣтъ на крикъ послѣдовалъ смертельный выстрѣлъ Уллу-бея, послѣ котораго убійцѣ удалось скрыться. Шамхалъ послалъ отрядъ своей милиціи взять его живаго или мертваго; Уллу-бей заперся въ башнѣ, рѣшившись защищаться на смерть. Такъ какъ вліятельный Уллубей былъ вѣрный слуга русскихъ, то командующій войсками и рѣшился употребить все стараніе, чтобъ защитить его отъ мести Шамхала. Прежде всего надо было остановить посланную милицію, и это поручено было штабсъ-капитану Евдокимову. Взявъ съ собой наскоро отрядъ пѣхоты и приказавъ ей слѣдовать какъ можно скорѣе, Евдокимовъ, съ однимъ только конвоемъ, прискакалъ къ башнѣ, уже окруженной милиціонерами, намѣревавшимися пробивать стѣну для закладки пороха. На убѣжденія Евдокимова не трогать Уллу-бея милиціонеры отвѣчали, что они не смѣютъ ослушаться Шамхала, и что имъ свои головы дороже его, штабсъ-капитанской. —«Такъ посмотримъ, какъ то вы посмѣете взорвать на воздухъ русскаго офицера!»—сказалъ на это Евдокимовъ и, пробравшись въ башню, засѣлъ въ ней съ Уллу-беемъ. Но видно милиціонеры крѣп-

Digitized by Google

ко боялись Шамхала, потому что не поддались и этой угрозѣ. Конвойные, видя, что дѣло приняло такой оборотъ, бросились за пѣхотой, а графъ остался въ башнѣ; ему было слышно, какъ продолжали пробивать стѣну и приготовляли взрывъ. Между тѣмъ, одинъ казакъ, доскакавъ до пѣхотнаго отряда, схватилъ у барабанщика барабанъ и пустился съ нимъ обратно къ башнѣ. Не доѣзжая до нея, онъ остановился въ недальнемъ разстояніи въ лѣсу и принялся барабанить изо всѣхъ силъ. Милиціонеры, думая, что это подошла пѣхота, съ которою имѣть дѣло было не совсѣмъ то удобно,—поспѣшно отступили. Происходило это въ Эрпели, близъ укрѣпленія Ишкарты, къ западу отъ Темиръ-Ханъ-Шуры. Дальнѣйшая исторія Уллу-бея мнѣ неизвѣстна. (Разсказъ этотъ и нѣкоторыя подробности, встрѣчающіяся въ слѣдующихъ разсказахъ, я слышалъ отъ одного почтеннаго полковника, служившаго въ то время въ Дагестанѣ).

Въ 1840 г. графъ, еще въ чинѣ штабсъ-капитана, былъ начальникомъ многочисленнаго и буйнаго койсубулинскаго общества. Шамиль намѣревался возмутить Койсубу и подослалъ для этого своихъ мюридовъ. Узнавъ объ этомъ, Евдокимовъ созвалъ въ аулѣ Унцукуль старшинъ и предложилъ имъ выдать возмутителей. Собралось пропасть народа, всегда любопытнаго къ распоряженіямъ русскаго правительства,—и лишь только высказано было предложеніе, какъ вдругъ какой то горецъ въ одинъ прыжокъ выскочилъ изъ толпы и прокололъ Евдокимова насквозь сзади кинжаломъ. Отпрянуть, почувствовавъ ударъ, который сообщается тѣлу какъ бы обжогъ горячей водой, выхватить шашку, обернуться къ врагу и *срубить* его, какъ говорятъ на Кавказѣ, было для раненаго дѣломъ одного мгновенія. Разрубленный наискось отъ плеча до средины груди, горецъ, намѣчавшій уже новый ударъ, рухнулъ на землю. Николай же Ивановичъ Евдокимовъ, зашатавшійся отъ брызжущей фонтаномъ крови изъ его бока, былъ подхваченъ старшинами и отнесенъ въ квартиру. Чрезъ 2 дня раненый очнулся ночью. Темная сакля освѣщалась одной сальной свѣчей; близъ кровати сидѣлъ фельдшеръ, незнавшій, какъ подступиться къ выглядывавшимъ изъ раны внутренностямъ. Рана, однако же, не была смертельна. Счастье, крѣпкое здоровье и помощь горцевъ, отлично умѣющихъ залѣчивать раны, сохранили жизнь графа; а унцукульцы, закаленные въ бояхъ и разбояхъ, не могли налюбоваться ударомъ, смотря на раз-

Digitized by Google

рубленнаго собрата; они розыскали и выдали всѣхъ мюридовъ. За эту выдачу Шамиль въ 1843 г. жестоко отмстилъ унцукульцамъ. Когда *Унцукуль*, защищаемый храбрымъ Аносовымъ, палъ послѣ девятидневнаго отраженія безпрерывныхъ штурмомъ,—изъ плѣнныхъ унцукульцевъ было казнено не только множество мужчинъ, но также казнены были женщины и даже дѣти. Аносову за храбрость Шамиль возвратилъ шашку и дозволилъ ему свободно ходить по всему отряду; плѣннымъ солдатамъ приказано было отпускать полную дачу чурековъ и провіанта,—отъ нихъ только отобрали оружіе и срѣзали съ мундировъ и шинелей погоны. Это былъ первый случай, въ которомъ Шамиль, руководимый бѣглыми поляками, измѣнилъ свою тактику относительно плѣнныхъ; съ тѣхъ поръ и наши солдаты стали смотрѣть на плѣнъ гораздо легче.

Въ пятидесятыхъ годахъ на Кубани жилъ юродивый татаринъ—Юсуфъ, безвредное существо, пользовавшееся гостепріимствомъ какъ русскихъ, такъ и горцевъ. Однажды, шляясь изъ аула въ аулъ, онъ былъ застигнутъ бурей и укрылся въ пещерѣ на рѣкѣ Псекупсе. Осмотрѣвшись, онъ увидѣлъ въ глубинѣ пещеры огонекъ; подойдя ближе, онъ увидѣлъ ламну и сидящаго около нея офицера. Невидимый голосъ сказалъ ему, что это тотъ самый человѣкъ, который покоритъ горы и выгонитъ изъ нихъ горцевъ. Пришедши на Кубань, Юсуфъ разсказывалъ о своемъ видѣніи, говоря, что онъ тотчасъ же узнаетъ этого офицера. Надъ нимъ, конечно, смѣялись, но однажды у инженернаго генерала Дебу былъ обѣдъ по случаю какого то праздника, на которомъ присутствовало большое общество, преимущественно, разумѣется, изъ военныхъ; прибрелъ также на этотъ праздникъ и юродивый Юсуфъ. Вспомнили про его предсказаніе и стали ему показывать всѣхъ присутствовавшихъ, спрашивая—не узнаетъ ли онъ своего офицера? Но Юсуфъ никого не узнавалъ; наконецъ, стали показывать портреты различныхъ кавказскихъ генераловъ; какъ только онъ увидѣлъ портретъ графа Евдокимова, такъ и вскричалъ: вотъ, вотъ онъ! (Это разсказываетъ г. Руновскій. «Заря,» 1871 г.).

Предсказаніе Юзуфа разнеслось въ горахъ, и когда, въ сентябрѣ 1860 г., графъ былъ назначенъ командующимъ войсками Кубанской области, то приняты были предосторожности противъ желавшихъ помѣшать исполненію предсказанія. Новый начальникъ понялъ, что одной войной, безъ колонизаціи, немедленно подвигавшейся вслѣдъ

Digitized by Google

за отрядами, не покоришь горъ,—и взялъ систему войны, которою и доканалъ горцевъ. Однажды собрались къ нему абадзехскіе старшины для переговоровъ; графъ принялъ ихъ въ то время, когда дѣлалъ осмотръ разложеннымъ саперным инструментамъ. Разговаривая съ старшинами, онъ сказалъ имъ, между прочимъ, чтобы они хорошенько замѣтили эти лопаты, кирки и мотыги, потому что съ помощію этихъ штукъ онъ выгонитъ ихъ изъ горъ. Какъ говорилъ графъ, такъ точно и сдѣлалъ. (Руновскій. «Заря», 1871 г.).

На правомъ флангѣ началось такоеже непрерывное наступленіе, какое велось цѣлые 3 года на лѣвомъ, — и продолжалось 4 года. За подававшимися впередъ отрядами двигались переселенцы. Войска, только что взявшіе въ Гунибѣ Шамиля, должны были еще въ продолженіи 4-хъ лѣтъ дѣйствовать противъ западныхъ горцевъ. Безпримѣрное въ военной исторіи 7-ми-лѣтнее наступленіе, велось буквально безъ одного дня отдыха. Для небывавшаго въ походахъ читателя непонятно, что значитъ 7 лѣтъ непрерывной кампаніи, въ продолженіи которой войска постоянно на бивакѣ подъ открытымъ небомъ, постоянно въ бою, на маршѣ или на работѣ съ заряженнымъ ружьемъ, не видятъ ни крова, ни осѣдлой семьи; семь лѣтъ такой жизни, что, промокши подъ холоднымъ дождемъ, нельзя обсушиться иначе, какъ дождавшись солнечнаго дня, и семь зимъ, въ продолженіи которыхъ ни разу не случится ощутить теплоту всѣмъ тѣломъ разомъ, а приходится грѣть передъ костромъ грудь, пока стынетъ спина, а потомъ грѣть спину, оставляя стыть грудь; въ промежуткахъ боя рыть мерзлую землю или подъ полуденнымъ солнцемъ таскать на себѣ бревна, считая отдыхомъ только тѣ часы, когда служишь мишенью горскимъ винтовкамъ. Зная все это, становится совершенно понятнымъ, что солдатамъ было не до гуманности, и понимаешь слова гр. Евдокимова: «прежде удовлетворю послѣдняго изъ русскихъ, а остальное черкесамъ», также какъ и фразу изъ письма его къ графу Сумарокову-Эльстину, приведенную въ концѣ очерка исторіи Кавказской войны.

Горцы и въ послѣдніе годы войны не измѣнили своимъ привычкамъ: въ 1861 г. генералъ *Кухаренко*, исполнивъ удачно экспедицію и заложивъ Пшишскую станицу, отправился за приказаніями въ Ставрополь; на дорогѣ, уже считавшейся безопасной, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ и чрезъ нѣсколько недѣль умеръ, измученный въ ямѣ.

Digitized by Google

До *Владикавказа* мы доѣхали среди тумана, сквозь который только изрѣдка показывались горы. Вполнѣ я увидѣлъ ихъ только на второй день нашего пребыванія во Владикавказѣ. Картина была такъ поразительна, что я тотчасъ же, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, описалъ ее въ моей записной книжкѣ. Привожу это описаніе.

«*13 марта 1872 г., 6½ час. утра.* Вчера туманъ превратился въ дождикъ; къ полуночи, сквозь дождь, при свѣтѣ мѣсяца, стали видны очертанія дальнихъ горъ. Я рѣшился не спать и ждать, не прояснится ли погода, и дѣйствительно дождался. Вставая нѣсколько разъ съ постели, я подбѣгалъ къ окну, и ровно въ 5 часовъ увидѣлъ великолѣпнѣйшую панораму въ мірѣ. Прямо Казбекъ и правѣе другія снѣжныя вершины,—рядъ которыхъ оканчивался на западѣ двумя конусами въ видѣ сахарныхъ головъ,—сіяли, какъ серебро. Точно рядъ величавыхъ царей, возсѣдали онѣ, прямо предо мной, на громадныхъ золотыхъ, изрѣзанныхъ серебряными жилками тронахъ, необыкновеннаго волшебнаго чекана. Вслѣдствіе близкаго разстоянія, панорама давила своимъ грознымъ величіемъ. Ее разрѣзывала Дарьяльская трещина, въ глубинѣ которой покрытыя мѣстами весеннимъ снѣгомъ горы блистали, какъ массы золотой и серебряной руды. Насилу добудился я М.; онъ всталъ, посмотрѣлъ сквозь сонъ и легъ опять спать. Было совершенно ясно, но, меньше чѣмъ чрезъ ¼ часа, по вершинѣ Казбека заползали неизвѣстно откуда взявшіеся облака и скрыли ее. Бѣдная ближняя песчаная, какъ мы ее назвали, гора, казавшаяся намъ еще вчера большою, стала теперь пигмеемъ. Съ востока потянулись облака. Сначала тянулись они длинными лентами и размѣщались по ущельямъ, потомъ, увеличиваясь все болѣе и болѣе, стали заслонять горы. Посмотрѣвъ налѣво, на востокъ, я увидѣлъ, что оттуда надвигаются новыя массы, и понялъ, что дивная панорама продержится не долго. Снова началъ я будить М., говоря, что горы закрываются; онъ опять взглянулъ сквозь сонъ и опять уснулъ, какъ убитый. Снизу, передъ песчаною горой, какъ въ театрѣ, сталъ подниматься туманный флеръ; осталось на виду только Дарьяльское ущелье, въ которомъ направо, точно отдѣланная чернью, сіяла золотомъ прорѣзанная черными жилками какая-то гора; налѣво былъ кусокъ изумруднаго—да, именно, изумруднаго неба. Я съ замираніемъ ждалъ минуты, когда все это закроется нижнимъ туманомъ, но онъ

Digitized by Google

поднимался медленно, и Дарьяльское ущелье блистало, какъ золото. Вдругъ вѣтеръ перемѣнился, и съ запада, справа, двинулась густая масса тумана. Какъ непроницаемая декорація, быстро заволакивала она все: заволокла и бѣдную песчаную гору, и Дарьяльское ущелье, въ которомъ золотая гора скрылась, какъ заколдованная красавица, гдѣ то тамъ, далеко, далеко! Прости, дивная красавица! Безъ 20 мин. 7 занавѣсъ совсѣмъ опустился, и чудная панорама, которой не увидишь ни въ какомъ театрѣ, исчезла для меня навсегда. Волшебницы горы дали взглянуть на себя во время ихъ утренняго туалета, при восходѣ солнца, не такимъ сонямъ, какъ М., и зло посмѣялись надъ его красками и надъ приготовленнымъ для рисованія и поставленнымъ на мольбертѣ у окна полотномъ. Теперь пробило семь. Я видѣлъ какое-то волшебство и могу лечь спать совершенно спокойно.»

Улыбнитесь, читатель прочитавъ эти строки, и простите за смѣлость, съ которою я рѣшился представить вамъ цѣликомъ это велерѣчивое, но дорогое для меня воспоминаніе. Лѣтомъ панорама эта вовсе не такова, потому что изъ снѣговыхъ горъ видѣнъ только Казбекъ; стало быть, описаніе это вовсе не подходитъ къ лѣтней панорамѣ, да и для весенней необходимо то необыкновенное освѣщеніе, при которомъ я ее видѣлъ.

Мы пріѣхали въ Владикавказъ десятаго марта, въ 3 ч. утра; насъ привезъ ямщикъ грузинъ, нисколько не похожій, по своей вялости, на великорусскихъ ямщиковъ. Занявъ номеръ въ почтовой гостиницѣ, мы бросились въ чистыя постели и уснули, какъ убитые, послѣ пріятныхъ ночлеговъ на станціяхъ. Утромъ, проснувшись, мы слышали, какъ номерной въ корридорѣ отчищалъ наши верхнія платья, ворча: «Вотъ всегда этакъ-то! Какъ ни пріѣдутъ изъ Россіи,—чистишь ихъ, чистишь—ничѣмъ не отчистишь!» Первый визитъ нашъ былъ, разумѣется, въ персидскую баню. Надо проѣхать безъ отдыха трое сутокъ по желѣзной дорогѣ и потомъ, въ продолженіи 7 сутокъ, протащиться и протрястись, какъ мы тряслись и тащились, обдуваемые и обливаемые всякими непогодами, чтобъ испытать пользу и удовольствіе, доставляемыя этимъ благодатнымъ водолѣчебнымъ заведеніемъ. Куда дѣвалась вся усталость! Чувствуешь себя свѣжѣе, чѣмъ при выѣздѣ изъ дому, и готовъ опять съ бодростью пуститься въ далекій путь. Впереди же ожидается чудная страна, чудные виды и превосходная шоссейная до-

Digitized by Google

рога. Кончился несносный переѣздъ: мы на Кавказѣ, и теперь-то начнется настоящее путешествіе. Да и кого, какъ не самихъ себя, винить въ только что претерпѣнныхъ мученіяхъ? Кто велѣлъ ѣхать въ самое дурное время года? Невозможность ѣхать въ другое время,—а ѣхать все-таки хочется,—ну, на себя и пеняй! Кому случалось разъѣзжать по Руси въ ростепель, тотъ, вѣроятно, слышалъ жалобы ямщиковъ: «и что только за народъ, господа эти! Въ хорошее время никого нѣтъ, а чуть только лишь грязь да ростепель,—хорошій хозяинъ собаки на дворъ не выгонитъ,—анъ тутъ-то ихъ и нагрянетъ!» Такія жалобы и намъ приходилось слушать до Владикавказа почти во всю дорогу.

Описывая въ первой части Владикавказъ, я говорилъ, что онъ быстро ростетъ. Одинъ персіянинъ, съ которымъ мнѣ пришлось бесѣдовать, говорилъ, что «послѣ окончанія войны на Кавказѣ народъ совсѣмъ *сбогатилъ*»; ужъ не знаю, сбогатилъ ли народъ, или нѣтъ, а что Владикавказъ сбогатилъ и съ проведеніемъ желѣзной дороги сбогатитъ еще больше—такъ это вѣрно. Мы выѣхали 13-го числа, т. е. на другой день послѣ того, какъ я видѣлъ вышеописанную панораму.

Тучи закрывали верхнюю половину горъ, когда мы пріѣхали въ *Балту*. Надъ нами висѣлъ туманный пологъ, колыхаясь и ползая по ущельямъ. Въ *Ларсѣ* мы остановились ночевать. Станція прислонилась задней сторонoй къ Дарьяльскому ущелью; казалось, и ѣхать некуда было дальше,—кругомъ стѣснились отвѣсныя голыя скалы. Какая тѣснота и какое отсутствіе всякой жизни! Только Терекъ, мелководный въ то время, нарушалъ общую тишину своимъ шумомъ. Нѣсколько дней тому назадъ, около самой станціи видѣли стадо туровъ, штукъ въ 20,—они спускались пить къ Тереку; пустили въ нихъ нѣсколько глупыхъ выстрѣловъ и, разумѣется, только напугали, безъ всякой пользы. Проснувшись въ 5 часовъ утра, мы увидѣли, что клочекъ неба, виднѣвшійся вверху, совершенно чистъ и вершины горъ съ сѣверной стороны облиты золотомъ восходящаго солнца, тогда какъ противоположная сторона чернѣла въ тѣни. Свѣжій горный воздухъ такъ и подмывалъ къ дѣятельности. Мой пылкій спутникъ, обрадовавшись, что, наконецъ добрался до совершенно безоблачнаго ландшафта, выскочилъ въ одномъ сюртучкѣ и, усѣвшись на камнѣ, принялся рисовать; я испугался за него и вынесъ ему пальто,—но куда тебѣ! Художникъ

Digitized by Google

вошелъ въ азартъ работы, и пальто мѣшало ему рисовать; онъ лишь согласился подостлать его подъ себя, чтобъ не сидѣть на холодномъ камнѣ. Скоро, однако, у него засинѣлъ носъ и застучали зубы; онъ то и дѣло оставлялъ карандашъ и дулъ въ кулаки, перепрыгивая съ ноги на ногу. На-силу уговорилъ я молодаго яраго артиста войти въ комнату, надѣть полушубокъ и выпить стаканъ горячаго чаю съ виномъ; согрѣвшись нѣсколько, онъ опять принялся за рисовку. Между тѣмъ, съ сѣвера начали, какъ застрѣльщики, переползать черезъ горы розовыя облачка; переползши, они размѣщались и исчезали въ вершинахъ ущелій; скоро показались за ними и густыя колонны: пора была ѣхать. На-силу, на-силу мнѣ удалось оторвать моего спутника отъ его эскиза; онъ сердился, что я мѣшаю ему кончить работу, но вѣдь дѣло извѣстное, если ждать отъ художника словъ: «теперь я кончилъ и доволенъ работой», такъ придется ждать довольно долго.

Мы въѣхали въ тѣнистый корридоръ *Дарьяльскаго ущелья*. Утро было великолѣпнѣйшее, и невидимое для насъ солнце, поднимаясь все выше и выше, творило столько чудесъ, что мы съ М. были похожи на двухъ голодныхъ гурмановъ, предъ которыми вдругъ появился громадный столъ, уставленный всевозможными яствами; они не знаютъ, за что схватиться,—и то хорошо и это отлично,—и смотрятъ, счастливцы, на роскошныя блюда, распустивъ слюни и хлопая глазами. Проѣхавъ замокъ Тамары, мы въѣхали въ свѣтъ, который и не оставлялъ насъ до самаго Казбека. Жаль было ѣхать, и мы пошли пѣшкомъ. Чудный воздухъ и движеніе пробудили въ насъ страшный аппетитъ,—мы сѣли на камнѣ на берегу Терека и позавтракали холоднымъ фазаномъ. Ямщикъ, мой землякъ, изъ Пензенской губерніи, пришедшій сюда на заработки, согласился ѣхать все время шагомъ, и странно было слушать его пензенское покрикиваніе на лошадей въ Дарьяльскомъ ущельѣ. Судя по размытому руслу Терека, можно было наглядно судить, каковъ онъ долженъ быть во время половодья. Лѣтомъ всѣ горы въ ущельѣ безснѣжны, теперь же большая часть ихъ вершинъ была покрыта снѣгомъ, что увеличивало во многое число разъ прелесть картины и вознаграждало за отсутствіе рева Терека.

Казбекъ, какъ и Монбланъ, не такъ живописенъ, по крайней мѣрѣ отъ станціи, какъ о немъ разсказываютъ. Многія горы живописнѣе его; главное достоинство Казбека—вышина и вѣчный снѣгъ.

Digitized by Google

Проѣхавъ чрезъ *Бѣшеную балку* и мимо дома князя Казбека, мы прибыли на станцію; на небѣ не было ни облачка; прямо передъ станціей на бѣломъ фонѣ горъ темнѣлись *Гилеты*, *Цминда-Самеба* и каменныя гряды, разрѣзающія почти до самой высшей точки вершину Казбека.

Позавтракавъ и занявъ номеръ, такъ какъ наше намѣреніе было остаться здѣсь два или три дня, мы тотчасъ же наняли лошадей и поѣхали къ *Цминдѣ-Самебѣ;* впрочемъ, оказалось, что лошадей можно было бы и не брать, потому что до *Гилетъ* всходъ вовсе не труденъ, а дальше необходимо было взбираться пѣшкомъ на крутизну по довольну глубокому снѣгу, такъ какъ обыкновенная дорога, влѣво отъ Гилетъ, была еще сильно покрыта снѣгомъ. Что за чудный видъ намъ открылся отъ Цминды-Самебы! Глубоко, по одну сторону горы, внизу бѣжалъ Терекъ; по правому его берегу каменная двухъ-этажная станція, съ ауломъ и домомъ князя; на лѣвомъ берегу, подъ ногами, виднѣлись плоскія крыши гилетскихъ саклей, а по ту сторону горы громадная долина у самаго подножія Казбека, который поднимался надъ нею во всемъ своемъ величіи. День, какъ я уже сказалъ, былъ ясный и теплый; солнце сильно грѣло, и въ оградѣ церкви, гдѣ мы остановились, снѣгъ уже сошелъ и начинала показываться кое-гдѣ зеленькая травка. Мнѣ припомнились дѣтскіе годы, когда, на раннюю пасху, мы ходили играть въ церковную ограду. Что за видъ и что за торжественная тишина! Долина у подножія Казбека была еще покрыта снѣгомъ, но подъ нимъ уже повсюду были слышны бѣгущіе ручьи; мнѣ припомнились слова одной почтенной швейцарки гувернантки, съ которой мы вмѣстѣ взбирались на гору Риги: «Oui, m-r,—говорила она мнѣ, смотря на открывшуюся сверху величественную панораму,—dans de pareils moments on se sent plus près du Createur qu'a l'ordinaire» (да, въ подобныя минуты чувствуешь, что находишься ближе къ Создателю, чѣмъ обыкновенно). Чу! Среди тишины гдѣ-то раздался и прокатился выстрѣлъ,—это охотникъ на туровъ. Убилъ или нѣтъ? Товарищъ мой сидѣлъ и рисовалъ, а я разговаривалъ съ церковнымъ старостой, который присоединился къ намъ въ Гилетахъ. Онъ ломанымъ русскимъ языкомъ разсказывалъ про матерь Авраама, стоящій на Казбекѣ, и какъ туда ходили священникъ съ сыномъ—чистые люди, никогда незнавшіе *маршки*, т. е. женщины, и какъ все, что они принесли оттуда, было отправлено

Digitized by Google

къ царю, но къ какому, онъ не могъ объяснить,—должно быть въ Питеръ, добавилъ онъ. Мнѣ было жаль, что церковнаго сторожа въ Гилетахъ не было дома, и никто не могъ безъ него отворить церковь; также досадую я на себя, что не распросилъ про восхожденіе на Казбекъ Фрешвильда и его товарищей.

Возвратясь на станцію, я уговорился съ Александромъ Шадуровымъ идти завтра чуть свѣтъ на охоту въ горы, т. е. охотиться-то долженъ былъ онъ, а я хотѣлъ только поглядѣть на него и полазить по горамъ. Къ сказанному уже объ охотѣ на туровъ прибавлю еще, что она вовсе не похожа на другія охоты: это удовольствіе чрезвычайно опасное, связанное съ безчисленными трудностями и доступное только даже для немногихъ горцевъ. Если охотникъ не находится выше того мѣста, гдѣ пасется стадо туровъ, то нечего и думать подобраться къ нему: малѣйшій шорохъ, запахъ ружья,—и все стадо, какъ молнія, исчезло вверхъ, къ линіи вѣчныхъ снѣговъ; стало-быть, охотникъ долженъ еще съ вечера или въ ночь забраться на высочайшія скалы, потому что туръ съ разсвѣтомъ уже покидаетъ доступныя мѣста и взбирается на недоступныя высоты. Иногда охота продолжается по недѣлѣ и больше. Съ легкимъ запасомъ провіанта, изъ небольшаго количества хлѣба и сыра, приходится странствовать все это время по недоступнымъ скаламъ, перебираться чрезъ ледники, ночевать или на камняхъ, или на снѣгу, иной разъ привязаннымъ веревкой, чтобъ не свалиться въ пропасть, а согрѣваться ночью отъ холода можно только или двигаясь на одномъ мѣстѣ, или ворочая тяжелые камни,—огня же, разумѣется, разводить нельзя, да и не изъ чего. Послѣ долгихъ поисковъ и невообразимыхъ трудностей, охотникъ въ зрительную трубу открываетъ, наконецъ, желанную добычу: на недоступной площадкѣ отдыхаютъ туры, медленно поводя своими изогнутыми рогами. Какъ должно дрогнуть и замереть сердце страстнаго охотника при этомъ видѣ! Но вѣтеръ дуетъ отъ стрѣлка къ турамъ, и вотъ опять на нѣсколько часовъ надо пускаться чрезъ ледники, трещины и скалы, чтобъ обогнуть завѣтную площадку. Сдѣлано и это. Осторожно поднимаетъ охотникъ голову изъ-за камня,—стадо перемѣнило мѣсто и отошло дальше; подвигается и охотникъ. Вотъ старый туръ, поводя чуткими ноздрями, остановился на тропинкѣ шириною въ нѣсколько вершковъ и, прислушиваясь, обнюхиваетъ воздухъ. Загрохоталъ по горамъ выстрѣлъ, и намѣчен-

Digitized by Google

ный звѣрь летитъ внизъ, а всѣ остальные исчезли! Славить Богъ знаетъ куда за убитой добычей и принести ее домой, спускаясь и карабкаясь по отвѣснымъ скаламъ—уже такое дѣло, что о немъ и говорить не стоитъ. Неправда ли, что только одна страсть можетъ предпочитать всему эту опасную охоту? То ощущенье, которое испытываетъ охотникъ, видя, наконецъ, предъ собою, на ружейный выстрѣлъ, заповѣдную добычу, нельзя сравнить ни съ чѣмъ.

Еще до свѣту, на другой день пребыванія моего на станціи Казбекъ, Александръ Шадуровъ явился ко мнѣ съ бандулями, и мы отправились за Бѣшеную балку. Поднявшись на гору, мы скоро услышали попискиванье горныхъ куропатокъ или курочекъ, какъ ихъ называютъ, и крикъ горныхъ индѣекъ: ааа-ихъ! послѣ котораго слѣдовала трель, въ родѣ трели кроншнепа; курочка похожа на сѣрую куропатку, только цвѣтъ ея темножелтый; индѣйка же похожа цвѣтомъ, перомъ и видомъ на стрепета, только она гораздо больше; бѣлое мясо ея очень вкусно.

Взобравшись вполгоры, я усѣлся, укрѣпясь за камень, а Шадуровъ пошелъ вверхъ. Боже мой, что за чудное утро это было! На небѣ ни облачка; Казбекъ и другія еще покрытыя снѣгомъ горы блестѣли, какъ серебро, облитыя лучами недавно взошедшаго солнца; бѣлый цвѣтъ рѣзалъ глаза. Какъ легко дышалось въ этомъ воздухѣ! Снизу чуть долетало бурчанье Терека. Камень, брошенный сверху, прыгалъ по скользкимъ шифернымъ плиткамъ, покрывавшимъ гору, и летѣлъ внизъ до самой рѣки. Свались самъ—и тоже докатишься, въ видѣ битаго мяса, до Терека, потому что ухватиться рѣшительно не за что.

Я пошелъ съ Шадуровымъ, вооруженный только одною палкой и съ живымъ тетеревомъ подъ мышкой, купленнымъ мною наканунѣ у проѣзжихъ татаръ; мнѣ хотѣлось пустить его на волю въ этихъ вольныхъ горахъ. Успѣвшись за камень, я разрѣзалъ ножемъ бичевку, которою были связаны ноги пойманной птицы, и пустилъ ее на волю. Тетеревъ сначала пропрыгалъ нѣсколько шаговъ и притаился за камнемъ, но черезъ нѣсколько минутъ справился и полетѣлъ вдаль своимъ ровнымъ полетомъ; я провожалъ, смотря въ бинокль, вольную птицу до тѣхъ поръ, пока она совсѣмъ не исчезла у меня изъ вида.

Смотритель сказывалъ, что во время необыкновеннаго сѣвернаго сіянія, бывшаго 22 января, покрытыя снѣгомъ горы имѣли удиви-

Digitized by Google

тельный видъ: онѣ, по его выраженію, были точно краснымъ кумачемъ одѣты.

Когда отъ смотрѣнья съ горы внизъ у меня начинала кружиться голова, я принимался смотрѣть на Шадурова, который, подстегнувъ подъ бандули подковы, шагалъ и лазилъ на самомъ гребнѣ, какъ кошка. Въ биноклъ онъ казался величиною съ четверть—небольше.

Налюбовавшись вдоволь величественной картиной, я началъ спускаться внизъ, сначала ползкомъ, а потомъ какъ обыкновенно. На мнѣ были шерстяные чулки, потомъ въ бандуляхъ былъ подложенъ толстый слой травы,—и то острые камни рѣзали ноги; а горцы возвращались съ горъ съ огромными вязанками сѣна на спинѣ и босикомъ! Вотъ вы и подивитесь. Шадуровъ возвратился съ убитой индѣйкой. Погода благопріятствовала моему товарищу, и онъ кончалъ красками эскизъ Казбека.

Вечеромъ мнѣ суждено было встрѣтиться съ преоригинальною личностью чудака и добряка, извѣстнаго многимъ на Кавказѣ и описаннаго нѣсколько разъ въ охотничьихъ кавказскихъ разсказахъ. Графъ Н. Толстой описалъ его въ статьѣ «Охота на Кавказѣ» («Современникъ» 1864 г.) подъ именемъ Мамонова; въ охотничьемъ же журналѣ, въ статьѣ «Оленій ревъ», онъ названъ собственнымъ именемъ; я буду называть его также Мамоновымъ. Передъ отъѣздомъ я читалъ статью гр. Толстаго и очень заинтересовался мастерскимъ изображеніемъ этого оригинала, никакъ не предполагая, что мнѣ самому придется познакомиться съ нимъ на Казбекѣ.

Мамоновъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, Можайскаго уѣзда, Московской губерніи; отецъ его былъ заслуженный артиллерійскій полковникъ и ветеранъ 1812 г. Какъ самъ Мамонъ (такъ зовутъ его татары), такъ и братья его еще смолоду отличались своимъ неуживчивымъ характеромъ и разными проказами въ духѣ прежняго времени. Начавъ службу юнкеромъ въ стоявшемъ подъ Москвой пѣхотномъ полку, онъ дослужился до офицерскаго чина, но тутъ его скоро постигло несчастье: какой-то капитанъ оскорбилъ его сестру; Мамоновъ пришелъ къ нему за объясненіемъ и съ вызовомъ; капитанъ, сидя за самоваромъ и разливая чай, отвѣчалъ, что не намѣренъ стрѣляться съ такимъ молодымъ щенкомъ, какъ Мамоновъ.—«А! не намѣренъ?—заревѣлъ тотъ, въ свою очередь — такъ хорошо же, я покажу тебѣ въ такомъ

Digitized by Google

случаѣ, какъ такіе молодые щенята, какъ я, ошпариваютъ такихъ старыхъ свиней, какъ ты!» — и вслѣдъ за этимъ онъ повалилъ обидчика на полъ и вылилъ на него весь кипятокъ изъ самовара. Пока ошпаренный капитанъ барахтался на полу и ревѣлъ во все горло, Мамоновъ вытряхнулъ на него изъ самовара всѣ угли—и былъ таковъ! За эту продерзость противъ старшаго чиномъ его разжаловали въ солдаты. Послѣ бородинскихъ маневровъ была выборка людей въ гвардію; Мамонову, видному молодцу и правому фланговому, велѣно было выдвинуться впередъ: «не смѣю, в. в—во, отвѣчалъ Мамоновъ, не достоинъ этой чести, я изъ разжалованныхъ». Спрошено было, какъ онъ себя ведетъ. Полковый командиръ отозвался о немъ, какъ объ образцовомъ ефрейторѣ.—«Чего ты хочешь?»—«Желаю смыть кровью пятно, которое нанесъ я русскому мундиру, в. в—во», отвѣчалъ бодро Мамоновъ. Его перевели въ знаменитый кабардинскій полкъ на Кавказъ, гдѣ онъ и попалъ прямо, въ 1839 г., подъ Ахульго. Въ страшномъ штурмѣ его окрестили кровью, т. е., говоря по просту, ранили. Скоро Мамоновъ пріобрѣлъ себѣ славу отчаяннаго храбреца въ военное и репутацію самаго безалабернѣйшаго человѣка въ мирное время. Когда полкъ не былъ въ походѣ, то не было возможности привести Мамонова хоть въ какой нибудь порядокъ; онъ отбивался отъ рукъ и пропадалъ все время на охотѣ, которая сдѣлалась у него всепоглощающей страстью. Начальство смотрѣло, смотрѣло на него, да и рукой махнуло. За отличіе онъ былъ произведенъ въ офицеры, но скоро его опять разжаловали за какую-то новую проказу; несчастье это не миновало его еще и въ третій разъ. Партизанская война со стороны горцевъ требовала такой же войны и со стороны русскихъ, и вотъ княземъ Барятинскимъ была организована такъ называвшаяся беззавѣтная или безъизвѣстная команда, состоявшая изъ 250 самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ; въ команду эту поступилъ и Мамоновъ. Поступать въ нее могли изо всѣхъ племенъ, націй и состояній безъ исключенія, лишь бы только поступающему былъ извѣстенъ татарскій языкъ. Желавшему поступить назначался экзаменъ, состоявшій въ исполненіи какого нибудь труднаго порученія. Если экзаменующійся не провалился, то ему, въ награду за то, брили голову (коли она и безъ того уже не была обрита), приказывали отпустить бороду (коли она не была отпущена), одѣвали по-черкесски и вооружали двухстволкой со шты-

Digitized by Google

комъ, у которой одинъ стволъ былъ гладкій, а другой нарѣзной, и такимъ образомъ новообращенный становился членомъ беззавѣтной команды. Съ этими сорванцами Мамоновъ охотился и на людей и на звѣрей, пробирался въ непріятельскіе аулы, залегалъ въ секреты и проч. Однажды отрядъ потерялъ пушку, черкесы увезли ее въ аулъ и, въ ожиданіи отправки къ Шамилю, приковали цѣпями для безопасности; Мамоновъ ночью выручилъ плѣнницу, и все происшествіе осталось шито да крыто. Произведенный въ третій разъ въ офицеры, онъ уже больше не былъ разжалованъ, вышелъ, по окончаніи войны, въ отставку и поселился въ Хасавъ-Юртѣ, гдѣ пріобрѣлъ себѣ домикъ и лоскутокъ земли. За 13 ранъ и 35 лѣтъ службы онъ былъ награжденъ ежегоднымъ пенсіономъ въ 275 р. сер. Причина такого малаго пенсіона та, что онъ всѣ раны получилъ въ нижнихъ, а не въ офицерскихъ чинахъ, и отставленъ всего только съ чиномъ поручика. Охотѣ же, несмотря на свои года, онъ предается и до сихъ поръ съ такою же страстью, какъ прежде. Такъ вотъ съ какимъ оригиналомъ мнѣ пришлось познакомиться на Казбекѣ.

Стемнѣло, и мы съ М. сидѣли въ общей залѣ за самоваромъ. Послышался звонъ почтоваго колокольчика, и вскорѣ въ залу вошелъ худощавый, высокаго роста человѣкъ, въ высокихъ сапогахъ, въ крытомъ чернымъ сукномъ полушубкѣ изъ дикихъ кошекъ и въ офицерскомъ кепи; въ зубахъ у него была коротенькая кавказская трубочка, табачный кисетъ болтался на одной изъ пуговицъ полушубка. Высокая фигура проѣзжаго, его морщинистое лицо, съ сѣдыми усами и бакенбардами, съ прострѣленной щекой и оторваннымъ лѣвымъ ухомъ—невольно бросались въ глаза. Сзади его, съ ногъ до головы погруженный въ дубленый тулупъ, съ поднятымъ воротникомъ, медленно двигался лысый старикъ, съ огромными посѣдѣлыми рыжими усами и бакенбардами, похожій на отставнаго кандидата, какимъ онъ и оказался впослѣдствіи. Оба проѣзжіе, очевидно, принадлежали къ обломкамъ знаменитой боевой кавказской арміи.—«Мое почтенье, господа!» сказалъ первый проѣзжій, обращаясь къ намъ и молодцовато поднося къ козырьку руку съ двумя вытянутыми пальцами. Мы поклонились.—«Куда ѣдете?»—«Въ Тифлисъ.»—«Мы тоже. Чаи роспиваете? Петръ Семенычъ!» продолжалъ онъ, обратясь къ кандидату, который въ это время уже вылѣзъ изъ своего тулупа, бережно сложилъ его и ос-

Digitized by Google

тался въ одномъ унтеръ-офицерскомъ сюртукѣ, съ золотыми шевронами и съ орденами во всю грудь, на флангѣ которыхъ красовался Георгій съ бантомъ.—«Что прикажете, Петръ Аркадьичъ?» отвѣчалъ тотъ покорнымъ голосомъ.—«Бррр!.. холодно! Не заняться ли и намъ чаепитіемъ?»—«Какъ вамъ будетъ угодно-съ.»—«То-то. Въ Тифлисъ-то вѣдь еще успѣемъ—не гонятъ. А вы, господа, туда по дѣлу ѣдете?»—«Нѣтъ, мы путешествуемъ.»—«А я такъ по дѣлу, мнѣ земли не даютъ.» «Какой земли?»—«Да вотъ, такой же, изъ татарскихъ земель.»—«А много вамъ ее слѣдуетъ?»—«Какое много! Ничего мнѣ не слѣдуетъ,—я прошу такъ, въ награду. Видите это?» —продолжалъ онъ, указывая на оторванное ухо.—«А тутъ въ лѣвую скулу вошла, а въ правую вышла, съ каждой стороны по два зуба такъ и выхватила—да такъ аккуратно, что твой дантистъ! Тутъ только и рвалъ зубы, а то сроду не баливали. Въ каждой ногѣ тоже по пулѣ сидитъ,—это хорошо, говорю, теперь у меня, стало быть, ужъ не ноги, а двѣ свинчатки, какъ налили ихъ свинцомъ, такъ крѣпче будутъ! Кости иной разъ заломятъ, а свинчаткамъ все ни почемъ—50 верстъ еще выходятъ на охотѣ! 13 ранъ, а былъ всего-на-все три раза на перевязкѣ. Благослови Господи, съ 39-го года, съ Ахульго началъ!... А пенсіону получаю всего-на-все 275 р.—Вотъ за что я прошу!»—«Да по какой же причинѣ, сказалъ я съ удивленіемъ, вы получаете такой маленькій пенсіонъ?»—«Коли говорить правду, сказалъ онъ, подумавши нѣсколько,—такъ я получаю его по закону и справедливо: я въ отставкѣ всего только поручикъ и большую часть службы провелъ разжалованнымъ... Нравъ у меня очень ужъ безпокойный. Да я и о землѣ-то хлопочу не для себя, а для Петра Семеныча... Ему хочется получить 5 десятинъ... А я ѣду больше за тѣмъ, чтобъ повидаться съ моимъ другомъ Б. Лису ему везу... Случалось вамъ когда нибудь—добавилъ онъ совершенно неожиданно—видѣть бѣлыхъ лисицъ?»—«Нѣтъ, не случалось».—«Не случалось? Ого-го-го, батинька! Такъ я вамъ покажу!»—вскричалъ онъ, вскочивъ съ мѣста, и вслѣдъ за этимъ развязалъ дорожный холщевой мѣшокъ и вытащилъ изъ него шкуру, безъ отмѣтины, бѣлой, какъ кипѣнь, лисы *).

*) Лиса эта была потомъ на московской политехнической выставкѣ, въ кавказскомъ отдѣлѣ; дурно набитое изъ нея чучело не имѣло почти никакого вида.

Digitized by Google

Это былъ, дѣйствительно, рѣдкій экземпляръ альбиноса. Всѣ живущіе на станціи собрались смотрѣть на невиданную лису, ахали, удивлялись, а владѣтель ея съ торжествомъ разсказалъ, какъ онъ подмѣтилъ эту лисицу еще лисенкомъ, какъ не травилъ ее и берегъ до слѣдующаго года, пока не выростетъ, и проч.—«Вы, однако, записной охотникъ» — сказалъ я. — «Надѣюсь!—отвѣчалъ онъ самодовольно,—не одинъ разъ описанъ и пропечатанъ! Читали охоту на Кавказѣ Николая Толстаго?»—«Читалъ... Да позвольте!»—вскричалъ я, точно озаренный внезапной мыслью: «неужели же вы, господинъ»...—«Мамоновъ! онъ самый, какъ есть самъ Мамонъ, передъ вами собственнолично! Только фамилія-то моя не Мамоновъ, а С. Читали «Оленій ревъ?» Тамъ я названъ по имени. Еще бы! Николенька Толстой былъ мнѣ пріятель! Только онъ все на меня это выдумалъ: никакихъ я ему пуделей не мѣнялъ! На кой чортъ ему пудель? Здѣсь нужна лягавая, гончая, а не пудель! Тоже вотъ и хваленые сетера ваши! Тьфу! Взялъ его по лѣсу,—онъ сдѣлаетъ отъ тебя стойку за 2 версты, а ты и стой, да кричи его цѣлый часъ, какъ угорѣлый! Нѣтъ, я вамъ скажу, лучше прежней французской собаки! Въ болото-ли, въ лѣсъ-ли возьми ее—вездѣ дѣла тебѣ дѣлаетъ! Толстой, сказывали, умеръ въ Парижѣ, а кабы онъ только живъ былъ, такъ я бы ему доказалъ, что я не пуделей мѣнялъ ему, а лягабыхъ! Я и брата-то его Левушку знаю—отличный малый! Говорятъ, что онъ сочинилъ что-то такое тамъ про войну, да про миръ,—отъ кого ни послышишь, всѣ хвалятъ. Славные оба были ребята, и охотники тоже хорошіе... Да, продолжалъ онъ, помолчавъ нѣсколько, служили, батюшка, служили, служили, служили! Да и что за народъ былъ, я вамъ доложу! Хоть бы Слѣпцовъ, Николай Павлычъ! Первый джигитъ былъ и первый отецъ и благодѣтель для подчиненныхъ, все свое состоянье на службѣ потратилъ! Ну, а Баклановъ? Въ мирное время дѣлай что хочешь, а какъ только въ походъ, такъ ужъ ни-ни! Боже избави! Выбраниться, бывало, не смѣй! Война, говоритъ, братцы, святое дѣло! Убьютъ—коли выбранишься! Орелъ! Горцы, бывало, какъ только услышатъ—Бакланъ идетъ, такъ и поминай какъ звали! Ну, а Полтининъ? Хлѣбосолъ былъ—царство ему небесное! Каждый день у него всѣ офицеры обѣдывали! Равняй—бывало, только крикнетъ—бутылки! Не робѣй, говоритъ, ребята,—впередъ! Семь разъ раненъ и девять разъ контуженъ—и все-таки

Digitized by Google

Полтинникъ не сконфуженъ! Да! Командиры были! Хоть бы Барятинскій! Не командиръ былъ намъ, а товарищъ! Не изъ бѣдности вѣдь служили-то! Первые вельможи, да не жалѣли крови за землю русскую! Примѣръ всѣмъ показывали! Ну, а солдаты? Эхъ!—продолжалъ онъ сверкающими глазами—да знаете ли вы, что такое былъ прежній кавказскій солдатъ? Вѣдь для него невозможнаго ничего не было,—только умѣй, какъ имъ распорядиться! Вотъ хоть бы фельдфебель нашъ, въ 1-й кабардинской ротѣ, Василій Ивановичъ! Три золотые шеврона имѣетъ—третью службу ужъ служитъ; нечего давать больше, такъ золотую медаль нарочно для него выдумали, да на шею повѣсили! Бывало, батальонный-то командиръ обходитъ роту, такъ на него никто и не глядитъ: главное, думаютъ, что изволитъ сказать послѣ Василій Ивановичъ,—а онъ идетъ себѣ смирнехонько сзади, да только помалчиваетъ. Когда великій князь намѣстникъ объѣзжаетъ войска, такъ всякій разъ ему руку протягиваетъ: государь, говоритъ, императоръ приказалъ кланяться тебѣ, Василій Ивановичъ! Вотъ вѣдь какіе люди-то были! А нынче что? Бабы стали, а не солдаты!»—«Да почему же вы изволите думать»... началъ было говорить Петръ Семенычъ.—«Ну, ужъ молчите лучше... перебилъ его съ досадой Мамоновъ.—Какъ кончилась война, такъ я и служить больше не сталъ! Что я, и въ самомъ дѣлѣ, въ караулы имъ, что-ли, стану ходить?... Ато вѣдь, бывало—продолжалъ онъ опять съ тихимъ смѣхомъ—иной разъ, какъ полагаете?—задолжаешь маркитанту, бывало, такъ, что ужъ не вѣритъ больше; ну, и начинаешь выглядывать какого нибудь эдакаго тамъ франтика (и такіе тоже бывали!), разузнаешь, что онъ назначенъ въ секретъ или въ какое нибудь другое опасное мѣсто,—вотъ и подсылаешь къ нему: что, молъ, вамъ безпокоиться-то? Давайте, молъ, 50 цѣлковыхъ, я схожу вмѣсто васъ. Извольте, говоритъ, я съ удовольствіемъ. Ну, и идешь! Богъ дастъ, нападенье случится—убьютъ человѣкъ нѣсколько,—такъ онъ еще и награду получитъ! А ты сейчасъ къ маркитанту это живымъ манеромъ—на! Подовай, молъ, счетъ, жидоморъ эдакой, получай деньги, да отпускай опять въ долгъ!»—«Эго они все вѣрно-съ, все вѣрно-съ», подтвердилъ Петръ Семенычъ.—«А въ 43-мъ году—спросилъ я—были вы въ Дагестанѣ?»—«Еще бы не быть! Съ Пассекомъ въ Зырянахъ-то маханиной *) вмѣстѣ питались. Досталось намъ тогда на орѣхи!»

*) Конницей.

Digitized by Google

—«А все виноватъ Клюка!» *), уныло сказалъ Петръ Семенычъ. —«Нѣтъ, вотъ подъ Ахульго, я вамъ доложу, съ Граббе, такъ было дѣло! Два мѣсяца осаждали мы этихъ разбойниковъ! Какъ пошли въ первый разъ на штурмъ,—взбираться-то приходилось по тропинкѣ,—какъ пустятъ оттуда камни да бревна—такъ изъ 2-хъ батальоновъ битки и подѣлали! Ну, а Хаджи-Муратъ? Выдумалъ захватить въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ князя Орбеліани живьемъ, переодѣлъ своихъ мирудовъ (мюридовъ) казаками, да съ пѣснями, да съ бубнами въ крѣпость-то и вошелъ!»—«Ну, ужъ и съ пѣснями!» замѣтилъ Петръ Семенычъ.—«Разумѣется, съ пѣснями! Что вы, и въ самомъ дѣлѣ, не дадите мнѣ ничего разсказать—все перебиваете, Петръ Семенычъ!» Петръ Семенычъ покорно замолчалъ и во все время дальнѣйшаго разговора не проронилъ больше ни слова.—«Да-съ!—продолжалъ Мамоновъ—около меня живетъ другъ, сосѣдъ Б., богатый баринъ, холостякъ и охотникъ... Вотъ человѣкъ-то, я вамъ скажу! Живемъ мы съ нимъ душа въ душу, а каждый день ссоримся. Читали про Ивана Иваныча и Ивана Никифорыча? Кто его знаетъ—нарочно, что-ли, онъ меня дразнитъ, нравъ-ли у меня ужъ такой скверный? Вообразите себѣ, ну какъ же не ссориться-то? Помѣшался, именно помѣшался человѣкъ на татарахъ! Весь свѣтъ, говоритъ, я объѣздилъ, а ни одного народа не нашелъ лучше татаръ! Повѣрители? Въ Мекку туркомъ на поклоненье ходилъ—и чалму надѣвалъ; по-арабски знаетъ отлично,—такъ его тамъ вездѣ за турецкаго эфенди принимали. А татары его и теперь муллой считаютъ,—а муллы, коли чуть чего не понимаютъ въ ихнемъ коранѣ, такъ сейчасъ къ нему за рѣшеньемъ,—ну, онъ имъ и толкуетъ! По мнѣ, говоритъ, нужды нѣтъ, что татаринъ: иной и татаринъ, да лучше, чѣмъ десять русскихъ. Какъ, я говорю, лучше? Да вы сами-то кто такой? Русскій вы или нѣтъ? Какъ имъ и вѣрить, мошенникамъ эдакимъ! Одинъ разъ приходятъ: эй—кричатъ—Николай дома? Николай баръ?—Пошелъ—я говорю—ты, паршивый донгузъ!—Погодите, говоритъ,—вы не ругайтесь!—Что тамъ такое?—Николай! А, Николай! Мы Адамову голову нашелъ! Кости человѣчьи, вотъ какой—въ косой саженъ будетъ!—Гдѣ говоритъ? что такое? Давайте скорѣй сюда? Это рѣдкость!—Теперь нѣту—говорятъ—больше, мальчишка стащилъ.—А гдѣ нашли?—Курганъ—говорятъ—нашелъ, копай дру-

*) Генералъ Клюке-фонъ-Клюгенау.

Digitized by Google

гой курганъ, и ты, Николай, тоже найдешь! Давай копать! нашли зубы какіе-то... Приноситъ домой... Вотъ она, говоритъ, находка-то! Кости гигантскія!—Покажите-ка, молъ... Помилуйте, говорю, какъ вамъ не совѣстно? Какія это кости гигантскія? Это просто кобыльи зубы,—четыре года на пятый.—Много, говоритъ, вы въ этомъ смыслите!—Да позовите ветеринара. Позвали ветеринара.—Какіе, говорю, это зубы?—Это кобыльи, говоритъ, зубы, четыре года на пятый. Какъ хватитъ ими въ окошко,—такъ два стекла сразу и выколотилъ! Знаете-ли что? Такъ какъ онъ ужъ очень охотникъ до всякихъ рѣдкостей,—куплю-ка я бѣлаго гуся, выкрашу его красной краской, что персіяне бороду красятъ, да и поднесу ему въ подарокъ,—вотъ, молъ, необыкновенная штука-то! Красный гусь! Пошлите-ка его на выставку въ Москву, какъ рѣдкость! Мнѣ не впервые вѣдь дѣлать такія штуки! Былъ, я вамъ разскажу, у меня одинъ пріятель,—больно хвастался, что никто лучше его въ собакахъ толку не знаетъ... Надоѣлъ до смерти! Погоди же, думаю, я тебя проучу! Околѣла у меня курляндка, длинношерстая; вотъ я досталъ подъ шерсть ей дворняшку, отрѣзалъ ей уши, да вмѣсто ихъ другія—отъ околѣлой-то —и приточалъ, то-есть такъ-то ловко, я вамъ скажу, приладилъ, что, просто, мое почтенье! Привелъ,—покупай, говорю, братецъ, курляндку, за дешево отдамъ, потому деньги нужны! Какъ увидѣлъ онъ ее—такъ и затрясся отъ радости! Торгуется... Осматриваетъ,—а я чуть не лопну со смѣху! Собака, и толковать, говоритъ, нечего,—хороша,—а только что это она все ушами-то встряхиваетъ? —А это, говорю, мокрецъ долженъ быть, ты налей ей въ уши-то водки съ бѣлилами,—черезъ 2 дня какъ рукой сниметъ. Ушелъ. Жду, что будетъ дальше? На другой день, вижу, бѣжитъ ко мнѣ, какъ угорѣлый: что-ты это, говоритъ, надо мной сдѣлалъ? У собаки уши-то вѣдь отвалились! Ты ей чужія пришилъ, разбойникъ ты эдакой! То-то смѣху-то было!—А ты, я говорю, братецъ, впередъ не хвались, что въ собакахъ толкъ знаешь,—вотъ тебѣ назадъ твои деньги. А это тебѣ впередъ наука! У меня есть сынишка—Панька *)—весь въ меня: такой же разбойникъ будетъ! Ужь теперь, 7-ми лѣтъ, одинъ одинехонекъ ходитъ съ гончими за 8 версты. Кабы вы знали только, какъ онъ меня любитъ!—«Сто, говоритъ, папка, какъ ты помлесъ-то, такъ тебя закопаютъ?»—Закопаютъ—охъ, закопаютъ,

*) Павелъ.

Digitized by Google

говорю, Панюшка,—на полковомъ нашемъ кладбищѣ...—«Нѣтъ, я не дамъ, говоритъ, тебя имъ закапывать! Папка, не умирай!» А у самого слезенки-то такъ и текутъ! Недавно пріѣзжалъ къ намъ какой-то фертикъ изъ штабныхъ: «ваше кладбище-то уничтожить, говоритъ, надо,—а то оно только мѣсто даромъ занимаетъ»...—Что?—говорю—уничтожить кабардинское наше кладбище—это кладбище героевъ? Нашу гордость и славу? Вы понимаете-ли, что говорите-то? Стыдились-бы говорить, коли не умѣете уважать никакихъ святыхъ преданій! Попробуйте! Вздумайте только! Клянусь вамъ Богомъ! самъ возьму штуцеръ, другимъ Паньку вооружу, засядемъ съ нимъ между могилъ, да и начнемъ отстрѣливаться вмѣстѣ на смерть! Пускай же и меня съ сыномъ тутъ закопаютъ! Не переживу этого повора! Я покажу вамъ, что такое значитъ нашъ прежній кавказскій солдатъ!... Уѣду отсюда!—сказалъ онъ вдругъ и совершенно для меня неожиданно.—Уѣду, чортъ съ ней совсѣмъ и съ охотой! Продамъ домишко и убѣгу отъ Б. въ Пятигорскъ! Да нѣтъ,—добавилъ онъ съ сокрушеніемъ,—и тамъ меня объ отыщетъ! отыщетъ, отыщетъ, навѣрное! Лучше уѣду въ Москву: Паньку въ кадетскій корпусъ, а самъ пойду служить по желѣзнымъ дорогамъ! А не по желѣзнымъ дорогамъ, такъ подъ покровительство комитета; мнѣ сказывали, теперь земство комитетъ тамъ открыло для раненыхъ! А не въ комитетъ, такъ къ какому нибудь богачу наймусь—охотой завѣдывать! Да гдѣ нынче охоты-то? Вотъ былъ Измайловъ! *) Я стоялъ у него въ Дѣдиновѣ, когда былъ еще юнкеромъ. Вотъ это такъ былъ охотникъ! Сказываютъ, его за разныя дѣла семь сенаторовъ судить были назначены... Судили, судили!—а онъ взялъ да и умеръ! Суди послѣ смерти-то, сколько хочешь! Бывало, идешь къ нему, такъ поджилки дрожатъ отъ страха! Кушаній какихъ угодно каждый день сколько хочешь заказывай,—да только непремѣнно чтобъ больше!—Что у меня, говоритъ, мало, что-ли, всего? Иной разъ скажетъ, бывало: хочешь, братецъ, въ театръ?—Хочу, говоришь, ваше превосходительство! Только свиснетъ: эй, вы! посадить его сію же минуту на тройку—курьерскую, свозить въ Москву, въ театръ, а послѣ театра опять на курьерскую, да что есть духу сюда! Такъ-то, бывало, тебѣ бока по ухабамъ-то отколотитъ,

*) Дѣянія этого извѣстнаго въ свое время помѣщика и генерала описаны въ „Русской Старинѣ“ 1872—73 гг.

Digitized by Google

что думаешь—чортъ бы тебя побралъ совсѣмъ и съ театромъ-то! Полтераста верстъ—развѣ шутка? А отказаться не смѣй! Дьячка одинъ разъ въ детю вымазалъ, да въ пуху вывалялъ! Засѣдателя вздулъ за то, что тотъ посмотрѣлъ въ зубы дареной лошади: напередъ, молъ, ты знай, что даровому коню въ зубы не смотрятъ! Собакъ на охоту въ ящикахъ возили, бывало, а всѣхъ ихъ у него было до тысячи! Вотъ это такъ былъ охотникъ!... Да вы, я вижу, никакъ мнѣ не вѣрите?»—«О, помилуйте!»—отвѣчалъ я.—«Нѣтъ—что-же—мнѣ вѣдь почти никто ужъ не вѣритъ,—ты, говорятъ, все это врешь,—а что мнѣ врать-то? Развѣ я виноватъ, что со мной вѣчно случаются необыкновенныя приключенія? Вотъ я вамъ разскажу: прошлаго года были мы на охотѣ... Только, стою я и вижу: бѣжитъ на меня изъ подъ гончихъ козелъ—катитъ, что есть мочи, и даже ротъ со страху разинулъ! Выстрѣлилъ я,—самъ вижу, что мимо,—только что за дьяволъ! Слышу, гончія навалились! Неужто убилъ? думаю. Подбѣгаю—анъ козелъ лежитъ мертвый! Начинаю смотрѣть—куда попалъ? Никуда. Чтожъ-бы вы думали? Какъ онъ это бѣжалъ, разинувъ ротъ-то, такъ наткнулся на сучекъ, да насквозь всю глотку и просадилъ! Чему вы смѣетесь? И сучекъ торчалъ изъ горла—ей Богу! Однако, покойной ночи.»

Да проститъ, почтеннѣйшій Петръ Аркадьевичъ, человѣку, который питаетъ къ нему самое искреннее уваженіе, смѣлость, съ которою онъ привелъ его характеристическіе разсказы.

Разсказы эти затянулись далеко за полночь. Когда мы проснулись утромъ,—ни Мамонова, ни Петра Семеныча давнымъ давно уже не было на станціи.

Переночевавъ въ *Коби*, мы чуть свѣтъ выѣхали оттуда, чтобъ перебраться пораньше чрезъ перевалъ. Солдаты уже вышли на работу и трудились надъ разчисткой дороги; темныя фигуры ихъ, какъ мухи, чернѣли на ослѣпительномъ снѣгѣ—именно, ослѣпительномъ, потому что блескъ отъ него дурно дѣйствуетъ на зрѣніе, чего, сколько извѣстно, не замѣчается въ нашихъ снѣжныхъ равнинахъ, въ которыхъ постоянно есть на чемъ отдохнуть глазамъ. У большинства рабочихъ глаза были завязаны чернымъ флеромъ или были надѣты флеровыя очки. Разсказываютъ, что въ проѣздъ императора Николая, въ 1837 году, въ байдарскомъ осетинскомъ домѣ жилъ бѣдный, но заслуженный старикъ—князь Циклауровъ, исполнявшій должность проводника; когда покойный государь оста-

Digitized by Google

новился на нѣсколько минутъ въ этомъ мѣстѣ, то старикъ показалъ ему заслуженную свою саблю съ серебрянымъ темлякомъ и сказалъ: «темлякъ есть, а хлѣба нѣтъ». На такое, вполнѣ лаконическое прошеніе императоръ приказалъ отпускать ему провіантъ пожизненно.

На самой высшей точкѣ снѣжной дороги чернѣлся слѣва крестъ, поставленный Ермоловымъ. Дорога повернула также влѣво, и начался спускъ къ *Гудауру;* открылся удивительный видъ на югъ: массы снѣжныхъ горъ, испещренныя снѣжными жилками, играли въ цвѣта и блистали на далекомъ зеленомъ фонѣ неба; надъ нами небо было синее, а сзади, на сѣверѣ, его покрывалъ сѣрый туманъ, сквозь который прорѣзывались громадныя сѣрыя массы. Съ перевала лошади побѣжали легонькой рысью по снѣжной змѣеобразной дорогѣ, которую и тутъ еще разработывали солдаты. Чѣмъ дальше, тѣмъ все становилось теплѣе, и шире и ярче открывалась Кайшаурская долина. Такіе виды и ощущенія не описываются, потому что для нихъ нѣтъ словъ на человѣческомъ языкѣ: лучшія описанія поэтовъ только помогаютъ намъ воскрешать въ памяти видѣнное и чувствовать вновь когда-то нами прочувствованное.

Превосходное шоссе вилось по краю страшнаго обрыва, въ глубинѣ котораго пѣнилась Арагва и виднѣлась, въ родѣ острова, громадная, поросшая лѣсомъ скала, съ построеннымъ на ней ауломъ.

Съ *Гудаура* дорога вьется такими зигзагами, что они кажутся даже излишними для непосвященнаго въ тайны постройки горныхъ дорогъ. Виды мѣняются чуть не ежеминутно, и вы видите передъ собою то сѣверную, то южную, то восточную, то западную часть прелестной долины. Солнце сгоняло снѣгъ, и онъ превращался въ *звонко-бѣгущіе* отовсюду ручьи, подъ журчанье которыхъ я сладко задремалъ. Всякій разъ, какъ я, вздрагивая отъ свѣжаго воздуха, открывалъ глаза, мнѣ представлялись мѣста, совершенно не похожія на видѣнныя передъ этимъ. На половинѣ спуска показались бабочки и зацвѣтшіе одуванчики. Въ *Мцхетѣ* въ Арагвѣ уже купались мальчишки. Здѣсь мы разстались съ шубами и увязали ихъ, чтобы не развязывать болѣе до Москвы. Въ *Пайсанаурѣ* и въ осеннемъ пальто сдѣлалось жарко, и странно было подумать, что семь часовъ тому назадъ мы выѣхали изъ Коби въ шубахъ и ѣхали снѣжными горами, отъ блеска которыхъ было больно глазамъ.

Digitized by Google

Ниже Пайсанаура жители уже принимались за весеннюю пашню. За массивнымъ плугомъ, запряженнымъ восемью парами быковъ или буйволовъ, тащится оригинальная двух-колесная борона, запряженная также нѣсколькими парами; борона состоитъ изъ рамы, лежащей на оси и переплетенной хворостомъ, длинные концы котораго, волочась по землѣ, заравниваютъ глубоко взрыхленную почву. Мнѣ кажется, что обыкновенная борона наша не годилась бы для здѣшней, усыпанной каменьями почвы, а эта борона-волокуша исполняетъ свое назначеніе отлично. Этотъ способъ бороновать напоминаетъ нѣсколько оригинальную борону, употребляемую въ нашихъ сѣверныхъ лѣсныхъ губерніяхъ: тамъ, срубивъ лѣсъ, растущій на каменистой почвѣ, и всковырявъ эту новь подъ посѣвъ, употребляютъ, вмѣсто бороны, срубленную ель, которую волочатъ между пнями и такимъ образомъ заравниваютъ пашню; гибкія вѣтви ели, извиваясь между пнями, отлично дѣлаютъ свое дѣло. Тамъ, гдѣ земля была слишкомъ суха, и одной бороны для разрыхленья ея было недостаточно, вслѣдъ за плугомъ шелъ рядъ мужчинъ и женщинъ, разбивавшихъ кирками спекшіеся комья. Женщины были въ бѣлыхъ *чадрахъ* (покрывалахъ). Интересны также грузинскія волокуши, на которыхъ свозятъ съ горъ сѣно: это половья, одинъ конецъ которыхъ лежитъ на двух-колесной оси, а другой тащится по землѣ; этотъ послѣдній, при спускѣ съ горъ, замѣняетъ собою тормазъ.

Въ *Анануры* мы прожили два дня; товарищъ мой рисовалъ, а я осматривалъ развалины и бродилъ по окрестностямъ. Мнѣ разсказывали, что въ недавній проѣздъ одной высокостоящей особы хевсуры, закованные въ желѣзо, удивляли всѣхъ своей джигитовкой и эволюціями, которыя они выдѣлывали на лошадяхъ; по разсказамъ, съ ними не могутъ равняться и наѣздники въ нашихъ циркахъ. Въ здѣшнихъ окрестныхъ горахъ водятся всевозможные роды дичи. Снѣговыхъ горъ давно уже не было видно. Хотя лѣсъ еще и не одѣлся, но весенняя трава уже зазеленѣла вездѣ. Кураґа (родъ сливы, величиной съ виноградъ), миндальныя, персиковыя и другія фруктовыя деревья одѣлись сплошь въ розовый и бѣлый цвѣтъ. Бросались въ глаза грузинки, несшія, оригинальнымъ способомъ, за спиной кувшины, полные воды; онѣ держали ихъ черезъ голову обѣими руками. Грузинскіе крестьяне нисколько не напоминали собою горцевъ, видѣнныхъ нами въ Владикавказѣ; попадав-

Digitized by Google

шіеся изъ нихъ верхомъ также сидѣли на лошади и болтали ногами и локтями, какъ болтаютъ ими наши мужички-великороссы.

Проѣхавъ *Душетъ* и *Цилканы*, мы вечеромъ добрались до *Мцхета*, гдѣ, волей-неволей, должны были остаться ночевать, потому что лошадей не было. Это несчастье постигало здѣсь въ то время почти каждаго проѣзжаго: дорога расходилась здѣсь на три тракта (тифлисскій, кутаисскій и владикавказскій), а троекъ на станціи полагалось тогда очень мало. Утѣшеніемъ служилъ буфетъ, въ которомъ можно было очень и очень изрядно поужинать. Осмотрѣвъ на другой день соборъ и другія мцхетскія достопримѣчательности, мы къ вечеру 19-го марта въѣхали въ Тифлисъ, въ виду лежащаго влѣво, по ту сторону Куры, залитаго сплошь цвѣтами на фруктовыхъ деревьяхъ Муштаида.

Когда мы, ночевали, за недостаткомъ лошадей, въ Мцхетѣ, кондукторъ, провожавшій дилижансъ, шедшій изъ Кутаиса, сказалъ намъ, что за Сурамскимъ переваломъ давно уже все въ цвѣту и въ зелени и дни стоятъ жаркіе, между тѣмъ какъ мы видѣли, что въ окрестностяхъ Тифлиса хотя уже и зацвѣли фруктовыя деревья, но зелень еще не распустилась. Въѣзжая въ Тифлисъ, мы встрѣтили охотниковъ, ѣхавшихъ на вальдшнепиную тягу; въ Россіи вальдшнепы летятъ около 10-го апрѣля. Въ городѣ уже продавали свѣжіе огурцы.

Оригиналенъ видъ Тифлиса и поразителенъ онъ для европейца, никогда не бывавшаго на востокѣ. Полуазіатская, полурусско-военная столица Закавказья поражаетъ своими лишенными всякой растительности окрестностями; сѣрыя горы охватили со всѣхъ сторонъ котловину, на днѣ которой, по обѣимъ сторонамъ несущейся Куры, раскинулся оригинальный городъ. Своимъ пыльно-песчанымъ цвѣтомъ онъ мнѣ напомнилъ Аѳины: тотъ же сѣрый цвѣтъ, та же пыль, тоже отсутствіе зелени и тѣ же сѣрыя развалины на высотахъ,—нѣтъ только чуднаго моря, открывающагося съ горы Пароенона; напротивъ, здѣсь, куда ни взглянете, только и видно, что голыя и непріютныя горы; лишь на сѣверѣ въ хорошую погоду показывается снѣжная гряда, изъ которой возвышается величавая вершина Казбека. Невольно остаются въ памяти веселые сазисы, находящіеся въ этой невеселой котловинѣ: Муштаидъ, городской, ботаническій и частные сады, лежащіе въ Нѣмецкой слободѣ по лѣвому берегу Куры.

Digitized by Google

Въѣхавъ въ городъ по прежней дорогѣ и проѣзжая широкимъ Головинскимъ проспектомъ, вы точно ѣдете по европейской улицѣ, а между тѣмъ дома, съ своими рѣзными балкончиками и галлереями, напоминаютъ собою Испанію и Италію; изъ открытыхъ лавочекъ, внизу этихъ домовъ, выглядываютъ азіатскія лица торговцевъ; тротуары обсажены бѣлыми акаціями, покрытыми пылью, а публика здѣсь состоитъ изъ европейцевъ и азіатцевъ, но надъ всѣми костюмами преобладаютъ армейскій и казачій мундиры. Проѣзжая мимо дворца намѣстника и стоящихъ противъ него многоэтажныхъ домовъ съ блестящими магазинами, вы будто видите обрывокъ изъ Невскаго проспекта; далѣе, на Эриванской площади съ ея караванъ-сараемъ, вы точно въ Москвѣ около биржи, вокругъ которой толпятся армяне, а черезъ пять минутъ, въѣхавши въ Мейданъ, мнѣ показалось, что я попалъ на константинопольскій базаръ: та же толкотня и тѣснота въ улицахъ, тѣ же открытыя лавки и мастерскія, то же публичное кухонное производство, то же движеніе публики и флегматическое спокойствіе торговцевъ.

Когда мы пріѣхали, всѣ гостиницы были переполнены пріѣзжими. Въ «Европѣ» для насъ не оказалось мѣста, и мы, по-неволѣ, должны были отправиться въ «Америку». «Америка» оказалась тоже не совсѣмъ-то гостепріимной, и мы едва-едва нашли въ ней нескверный номеръ въ 1 руб. сер. Только черезъ два дня можно было покинуть эту полутемную конуру и занять порядочный номеръ въ 2 р. 50 к. Первое, разумѣется, что мы сдѣлали, это отправились въ бани, откуда и возвратились совсѣмъ обновленными. Пообѣдавъ въ общей залѣ (по принятому здѣсь обыкновенію, по порціямъ) и отдохнувъ немного, мы отправились въ городской садъ, а оттуда въ театръ, въ которомъ, какъ и во всей Россіи, по случаю великаго поста, были закрыты драматическіе спектакли и давались концерты, представленія фокусниковъ и прочія великопостныя увеселенія. Афиша была составлена необыкновенно заманчиво: во-первыхъ, по величинѣ это была не афиша, а что называется— простыня; въ половину простыни красовалась огромная черная рука съ надписью на каждомъ пальцѣ: на большомъ было написано «*здѣсь соединены*»; на указательномъ пальцѣ стояло: «*искусство*»; далѣе слѣдовали, по пальцамъ же: «*наука* и *ловкость*», а внизу во всю кисть и мизинецъ протянулось: «*надо видѣть, чтобы вѣрить*».

Digitized by Google

Представленіе давалъ т. *профессоръ физики Галюше, пріѣхавшій проѣздомъ изъ Парижа въ Тифлисъ*. Изъ замѣчательностей особенно выдавались: *дамскій фаваритъ*, *путешественныя монеты*, *животворящій звѣринецъ*, *электрическое освѣщеніе*, *не-изъ-чезаемый ликеръ и магнитическій сонъ или основаніе чувства*.

Трудно сказать, которое изъ чудесъ ученаго профессора, знавшаго, кромѣ физики, еще и *гидромику*, было выше всѣхъ остальныхъ; полагать надо, что пальму первенства заслужило «*основаніе чувства*», а вслѣдъ за нимъ ужъ «*не-изъ-черпаемый ликеръ*».

Внутренность театра очень хороша. Репертуаръ преимущественно состоитъ изъ водевилей и оффенбаховскихъ оперетокъ; итальянская опера также постоянно бываетъ здѣсь, еще со временъ князя Воронцова, каждую зиму. Говорятъ, что это дѣлается для развитія въ туземцахъ чувства изящнаго и смягченія ихъ нравовъ. Не знаю, насколько смягчились туземные нравы отъ итальянскихъ арій, но полагаю, что не лишнимъ было бы ознакомленіе и съ русской исторіей, чрезъ постановку русскихъ историческихъ драмъ, которыхъ сюжеты и хорошая постановка навѣрное-бы ихъ заинтересовали. Театръ здѣсь могъ бы сослужить серьезную службу, а не быть мѣстомъ праздной забавы, какимъ онъ, къ несчастію, становится почти вездѣ въ послѣднее время.

Жители Закавказья, какъ и вообще всѣ южные жители, большіе охотники до всякихъ зрѣлищъ. Публика въ театрѣ не любитъ сдерживать своихъ восторговъ и отдается имъ съ увлеченіемъ. Южный житель не можетъ даже себѣ и представить, какъ возможно слушать страстную итальянскую музыку и въ тоже время спокойно вязать чулокъ и считать петли, какъ это дѣлаютъ рижскія нѣмки. До профессора Галюше пожиналъ лавры въ Тифлисѣ докторъ Эпштейнъ. По всѣмъ улицамъ еще красовались объявленія: «Телеграмма! Докторъ Эпштейнъ пріѣхалъ!» Это тотъ самый докторъ Эпштейнъ, который обѣщался въ Москвѣ публично отрѣзать голову живому человѣку. Дѣло, само собою разумѣется, состояло все въ фокусѣ, но простодушные москвичи, вообразивъ себѣ, что и въ самомъ дѣлѣ можно отрѣзать и приставить голову живому человѣку, едва не кончили знаменитаго представленія доктора самымъ полнымъ скандаломъ.

На второй день по пріѣздѣ я встрѣтилъ моихъ казбекскихъ знакомцевъ — Мамонова и его почтеннаго спутника, кандидата

Digitized by Google

Петра Семеныча. Мамоновъ шелъ медленно; видно было, что онъ крѣпко усталъ, и свинчатки почти отказывались продолжать службу. Одѣтъ онъ былъ въ форменномъ сюртукѣ безъ погоновъ и въ офицерской фуражкѣ; черезъ плечо висѣла черкесская шашка въ серебряной оправѣ. Петръ Семенычъ во всѣхъ орденахъ тоже еле-еле тащился сзади Мамонова, разумѣется, на узаконенной военной службой дистанціи. Фигура его какъ разъ напоминала стараго сторожа какого-нибудь казеннаго учрежденія. — «Здравствуйте, Петръ Аркадьевичъ!»—закричалъ я еще издали. Мамоновъ остановился и потомъ громко крикнулъ, разставивъ руки: «Ah! partout et nul part! bonjour, mon ami!» Очевидно, онъ хотѣлъ щегольнуть французскимъ языкомъ въ закавказской столицѣ.—«Ну что, какъ ваши дѣла, Петръ Аркадьевичъ?»—«Да что дѣла, дѣла наши плохи»,—съ унынiемъ проговорилъ Петръ Семенычъ. — «Какой чортъ плохи! перебилъ его съ сердцемъ Мамоновъ.—Хлопотать надо, разъ отказали, такъ ужъ въ другой не откажутъ! Сегодня былъ я у генерала; какъ, батинька, я вамъ доложу, онъ меня принялъ,—просто, мое почтенье! Вхожу, а у него генераловъ, генераловъ тамъ разныхъ! Я сталъ, разумѣется, сзади, принялъ такую позу... (при этомъ Мамоновъ принялъ позу фельдмаршала на монументѣ) гляжу—бѣжитъ мимо всѣхъ:—«Ба, говоритъ, Мамоновъ! какими это судьбами?» Кланяюсь... (при этомъ Мамоновъ почтительно поклонился). Такъ и такъ-молъ, говорю, ваше превосходительство, пріѣхалъ на счетъ земли...—«Ну, говоритъ, батинька, это зависитъ не отъ меня» (при этомъ Мамоновъ выразилъ на лицѣ сожалѣніе, разставилъ руки и поднялъ плечи). «Такъ, говорю, хоть на счетъ вспомоществованія, ваше превосходительство».—«Не во-время, говоритъ, другъ мой, пріѣхали, очень, очень, говоритъ, жаль, но я вамъ долженъ сказать откровенно,—у самихъ нѣтъ, говоритъ, теперь денегъ». Нѣтъ денегъ, какъ же, сейчасъ; а еще племяшъ *). Чтобъ ему!... Вѣдь какъ усталъ-то, когда-бы вы знали! А все этотъ Б., цѣлые дни возимся въ ботаническомъ саду, выбираемъ цвѣты, да растенія... Я при этомъ хлопочу и для себя, сказать по правдѣ. Садишка-то у меня маленькій, такъ коли что понадобится, я у него по сосѣдству и карабчу! **) Что ему это значитъ—мужикъ

*) Молодой рекрутъ на попеченіи стараго солдата-дядьки. Мамоновъ хочетъ сказать, что когда онъ былъ солдатомъ, то генералъ служилъ еще юнкеромъ и былъ у него въ племяшахъ.

**) Таскаю.

Digitized by Google

богатый! Тюльпановъ и разныхъ луковицъ накупилъ,—чортъ знаетъ зачѣмъ! У насъ свои степныя лучше. Я ужъ говорилъ французу садовнику: Мусье, молъ, il ne faut pas! chez nous dans les steppes тюльпаны-то ростутъ—voila—grands—comme-ça! Вы гдѣ остановились?»—«Да вотъ, въ двухъ шагахъ отсюда, въ Америкѣ.»—«Такъ пойдемте-ка къ вамъ, отведемъ душу. Напойте чаемъ, а то ноги совсѣмъ не ходятъ».—«Сдѣлайте одолженіе, Петръ Аркадьевичъ». —Подкрѣпившись чаемъ, Мамоновъ опять обратился къ своему любимому предмету: «Собираетъ музей! покупаетъ старые клинки, да дрянь всякую... посмотрите-ка, вонъ купилъ штуку! угадайте—что это такое?»—«Не могу отгадать, Петръ Аркадьевичъ».—«Каторжныя клейма! чѣмъ прежде каторжниковъ клеймили. Отыскалъ въ какой-то лавчонкѣ... Помилуйте, говорю, что вамъ за охота покупать эту мерзость? Ее и въ руки-то даже взять скверно!—Вы ничего, говоритъ, не понимаете; это, говоритъ, драгоцѣнная рѣдкость.—Нечего сказать—хороша рѣдкость! Вы ужъ, я говорю, кстати и плети гдѣ нибудь отыскали-бы, а коли не отыщите, такъ заказать можно; да такъ ужъ и сдѣлали бы цѣлое отдѣленіе—и надпись бы на дверяхъ повѣсили: каторжное, молъ, отдѣленіе! Непремѣнно, непремѣнно выкрашу гуся красной краской и поднесу ему въ подарокъ! Я просилъ купить Панькѣ ружье, такъ этого нѣтъ!—Еще застрѣлится, говоритъ.—Помилуйте, говорю, какъ застрѣлится, да изъ него и стрѣлять-то нельзя, оно безъ затравка,—это игрушка дѣтская!—На грѣхъ и палка, говоритъ, выстрѣлитъ... Братъ!—продолжалъ онъ, взявъ меня за руки,—выручи, подари это ружьеце Панюшкѣ,—стоитъ всего-на-всего полтора цѣлковыхъ!»—«Съ удовольствіемъ, Петръ Аркадьевичъ.»—«Ну, вотъ и спасибо! Завтра же пойдемъ да и купимъ,—пусть его смотритъ, какъ посторонніе люди тѣшатъ моего Паньку!» За-полночь просидѣлъ у меня Мамоновъ съ Петромъ Семенычемъ, и многіе изъ его разсказовъ про прежнее время были удивительно интересны, но передавать ихъ я нахожу неудобнымъ,—не то, чего добраго, пожалуй и надоѣшь еще читателю.

Невольно въ Тифлисѣ бросаются въ глаза два оригинальные типа: это—водовозъ *(тулухчи)* и носильщикъ *(муша)*. Такъ какъ по гористымъ и узкимъ улицамъ стараго Тифлиса нельзя возить воду въ бочкахъ, то ее и возятъ въ кожаныхъ мѣшкахъ съ рукавомъ; мѣшки, какъ вьюки, помѣщаются на спинѣ лошади или

Digitized by Google

эшака, по одному съ каждой стороны; широкимъ отверстіемъ мѣшокъ обращенъ кверху, а длинный, узкій рукавъ виситъ книзу; чтобъ вода изъ него не лилась, конецъ рукава пристегивается кверху. Введя эшака въ рѣку по брюхо и войдя за нимъ самъ, тулухчи наливаетъ черпакомъ въ мѣшки воду, какъ въ бочку; когда надо выливать, онъ отстегиваетъ конецъ кишки, опускаетъ его, и вода льется точно изъ крана. Тулухчи тщательно оберегаетъ выгоды своей корпораціи. Нѣкоторые изъ русскихъ, живущихъ въ европейской части города, завели водовозныя бочки,—такъ кучеру, посланному за водой, очень часто приходится расплачиваться за это нововведеніе своими боками.

Муши удивляютъ громадностью переносимыхъ ими тяжестей; для уравновѣшиванія на спинѣ у нихъ лежитъ туго-набитая подушка; нижняя часть ея (у хребта) набита больше, а верхняя (у шеи) меньше, такъ что поперечный разрѣзъ этой подушки представлялъ бы видъ прямоугольнаго треугольника, котораго гипотенуза лежитъ у муши на спинѣ, короткій катетъ стоитъ почти перпендикулярно къ хребту, а длинный обращенъ кверху; если носильщикъ сильно нагнется, то верхній катетъ принимаетъ почти горизонтальное положеніе. Я самъ видѣлъ мушу, несшаго на себѣ такимъ образомъ фортепіано, да еще въ гору! Согнувшись почти подъ прямымъ угломъ подъ своей ношей, онъ шелъ ровнымъ шагомъ, упираясь руками въ колѣни. И за подобную-то переноску платятъ всего какихъ нибудь 30 или 40 копѣекъ! У насъ въ Россіи за такимъ мушей съ фортепіанами на спинѣ навѣрное бѣжала бы цѣлая толпа народа.

Чадра въ Тифлисѣ носится уже только женщинами низшаго сословія; весь же высшій классъ одѣвается по европейски, сохраняя однако, чисто національную головную повязку *(тавсакрави)* и головной вуаль *(личакъ)*. «Домикъ съ крышей гладкой», про который говоритъ Лермонтовъ, тоже почти изчезъ, и гладкая крыша замѣнилась крышею со скатомъ.

Армяне, по большей части, держатся исключительно своего національнаго кружка и торговыхъ интересовъ; *грузины* же, напротивъ, охотно роднятся съ ними, и въ ихъ добродушномъ характерѣ совершенно нѣтъ никакого стремленія къ исключительности. *Дворяне грузинскіе* изстари не имѣли привычки заниматься лично своимъ сельскимъ хозяйствомъ; при грузинскихъ царяхъ они всегда

Digitized by Google

составляли военное служилое сословіе, что, разумѣется, не могло не имѣть на нихъ сильнаго вліянія; крѣпостное право давало полную возможность пользоваться даровымъ трудомъ, даровыми доходами и заниматься исключительно службой; съ освобожденіемъ же крестьянъ образъ жизни грузинскаго дворянства долженъ измѣниться, какъ онъ измѣнился и у насъ въ Россіи.

Мы прожили въ Тифлисѣ недѣлю, и этого времени было очень достаточно на осмотръ города. Къ вечеру мы ѣздили въ *Муштаидъ*. Садъ этотъ, состоящій исключительно изъ фруктовыхъ деревьевъ, былъ въ то время очарователенъ: не только деревья, но и земля была вся сплошь покрыта осыпавшимся розовымъ и бѣлымъ цвѣтомъ. Въ Муштаидъ ѣздитъ гулять все лучшее общество Тифлиса; по широкимъ аллеямъ встрѣчаются безпрестанно цѣлыя кавалькады.

Меня чрезвычайно интересовало орошеніе *Каразской степи*. Путешествуя по Испаніи, я видѣлъ три знаменитыя орошаемыя долины (vega—по испански): Валенсіи, Мурсіи и Гренады, удивительныя какъ по своей растительности, такъ и по изумительному плодородію. Для этихъ чудныхъ мѣстъ не существуетъ неурожая: чѣмъ жарче лѣто, тѣмъ лучше въ нихъ урожай. Испанскіе поэты хвастливо называютъ ихъ разостланными зелеными бархатными плащами, шитыми серебромъ; и дѣйствительно, это сравненіе чрезвычайно удачно: съ трудомъ отрывается глазъ отъ этой вѣчно-роскошной зелени, по которой, при ясномъ солнечномъ свѣтѣ, блестятъ серебромъ струи воды и разсыпанные во множествѣ бѣлые домики и фермы. Дивныя *веги* еще больше выигрываютъ отъ того контраста, какой представляютъ окружающія ихъ голыя и безплодныя горы. Около Гренады возвышается одинокая гора, называемая «*Вздохъ мавра*». Лѣтопись говоритъ, что когда Гренада была взята испанцами, и послѣдній гренадскій халифъ, переселяясь изъ Испаніи въ Африку, долженъ былъ покинуть навсегда свою *Альгамбру* (гренадскій кремль) съ ея дивными дворцами, садами и повсюду журчащей водой, когда онъ, окруженный своимъ несчастнымъ семействомъ, взглянулъ въ послѣдній разъ на Альгамбру, у подножья которой раскинулась роскошная вега, изъ глазъ его полились слезы и изъ груди вылетѣлъ тяжелый вздохъ, отъ котораго гора и получила свое названіе. Испанцы не только не улучшили системы каналовъ и водопроводовъ,

Digitized by Google

построенныхъ маврами, но не умѣли даже и сохранить ихъ въ томъ видѣ, въ какомъ они имъ были оставлены. Невѣжественное и властолюбивое духовенство старалась истребить все, что только сохраняло на себѣ память независимыхъ невѣрныхъ. Единственная въ свѣтѣ *мечеть въ Кордовѣ*, въ которой болѣе 1,000 колоннъ изъ драгоцѣннаго матеріала, соединенныхъ между собою арками, поддерживали плоскую кровлю, едва не была разрушена; при Карлѣ V колонны въ срединѣ мечети были выломаны и на ихъ мѣстѣ построена христіанская церковь, въ которой можетъ помѣститься нѣсколько сотъ человѣкъ; но мечеть такъ громадна, что, войдя въ нее, вы въ лѣсѣ колоннъ и не заподозрите существованія въ срединѣ христіанскаго храма. Потолокъ изъ драгоцѣннаго дерева былъ разобранъ испанцами и употребленъ на гитары.

Ни одно изъ видѣнныхъ мною зданій такъ не поражало меня, какъ эта изумительная мечеть, потому что нигдѣ мысль строителя не выразилась въ такой оригинальной и въ такой наглядной формѣ. Ее могъ только построить уроженецъ Африки, мавръ. Она замѣнила для него густой пальмовый лѣсъ, стоящій посреди оазиса: стройные древесные стволы замѣнились колоннами, а переплетенные сверху роскошныя листья пальмъ—легкими сводами, перекинутыми съ одной колонны на другую. Таинственный полусвѣтъ, падающій сверху изъ невидимыхъ оконъ, тишина и постоянная прохлада увеличиваютъ сходство этого храма съ храмомъ, построеннымъ Богу самою природой, и невольно располагаютъ къ молитвѣ. Но оставимъ Испанію и отправимся въ *Караязъ*.

Нигдѣ не слѣдуетъ очень вѣрить словамъ отельной прислуги, а въ Тифлисѣ въ особенности. Задумавъ ѣхать въ Караязъ, мы сначала поручили было номерному нанять намъ фаэтонъ; онъ объявилъ, что дешевле 25 руб. нанять никакъ нельзя; швейцаръ, пронюхавъ про нашу поѣздку, явился къ намъ и по секрету объявилъ, что всѣ номерные—мошенники, и что онъ, честный человѣкъ, готовъ завсегда услужить господамъ проѣзжающимъ и готовъ нанять за 15 р. Сами мы наняли за 10 руб. Съ этихъ поръ прислуга перестала оказывать намъ особое уваженіе. *Извощикъ молоканъ* разсказывалъ, что отецъ его переселился сюда, откупившись на волю, «а тѣ,—добавилъ онъ,—кто поумнѣе были, такъ просто сюда бѣгали; въ тѣ поры сюда всѣхъ принимали,—приходи, да и живи какъ хочешь». Вотъ образчикъ русскихъ колонистовъ, пере-

Digitized by Google

селившихся въ отдаленный край, мало того что безъ всякой поддержки, но еще и съ потерями, и, несмотря на то, живущихъ богато и твердо соблюдающихъ свою національность. Стало быть, есть же возможность добыть колонистовъ и изъ русскихъ людей.

Караязъ вовсе мнѣ не напомнилъ знаменитыя вери. Уныла эта орошаемая степь. Впрочемъ, и времени съ проведенія каналовъ прошло еще такъ мало, что ждать многаго невозможно. Деревья, которыми обсажены каналы, еще не успѣли хорошенько привиться, а вмѣсто красивыхъ домиковъ видны только кое-гдѣ подземныя логова татаръ, въ которыхъ они зимуютъ, а лѣто они стоятъ пустыя, потому что всѣ татары уходятъ тогда на кочевку. Мы имѣли письмо къ помощнику управляющаго степью, молодому человѣку, кончившему курсъ въ дерптскомъ университетѣ, и были приняты имъ прекрасно. Онъ очень обязательно сообщилъ намъ всѣ свѣдѣнія, которыя мы желали имѣть, приказалъ достать татарскихъ лошадей и самъ поѣхалъ съ нами на осмотръ степи и водопада, которымъ оканчивается главный каналъ. Общество наше состояло изъ управляющаго, землемѣра, моего товарища М., меня и нѣсколькихъ татаръ.

Сначала шла мелкая изморозь, и мы ѣхали, закутавшись въ башлыки, но потомъ погода прояснилась и стало жарко.

Ѣзда на необузданныхъ татарскихъ лошадяхъ довольно безпокойна. Онѣ никакъ не могутъ идти покойнымъ шагомъ и рысью, а или горячатся другъ передъ дружкой, или скачутъ, какъ угорѣлыя, задравши головы кверху, такъ, что ихъ насилу сдержишь; сѣдло татарское пригнано кое-какъ; пряжка отъ ремня, прихватывающаго подушку, безпокоитъ ногу, стремена коротки, да къ тому же дикіе ордынцы иначе не могутъ ускорить ѣзду, какъ съ мѣста—маршъ-маршъ! Вы ѣдете себѣ довольно спокойно, вдругъ вашему спутнику вздумается или догнать сосѣда, чтобы сказать ему что нибудь, или увидитъ онъ что нибудь курьезное, чего нельзя не посмотрѣть; онъ тогда, не говоря ни слова, мчится, какъ угорѣлый; ваша лошадь, поднявъ морду, бросается вслѣдъ за нимъ, и вы ее насилу удерживаете,—и потому-то при этой ѣздѣ необходимо не забывать правила: не зѣвай! и никакъ не распускать поводьевъ.

Намъ безпрестанно приходилось переѣзжать чрезъ небольшія канавки. Подъѣзжая къ водопаду, мы увидѣли вправо на озимяхъ стадо *джейрановъ*. Что за прелесть эти животныя на свободѣ!

Digitized by Google

Сколько граціи и миловидности въ ихъ молодыхъ козлятахъ, рѣзвящихся на солнцѣ! Охотятся на нихъ облавой: собирается большая партія конныхъ охотниковъ и, окруживъ ихъ на большомъ разстояніи, начинаетъ понемногу съѣзжаться; видя, что кругъ мало-по-малу сужается, бѣдняжки не знаютъ куда дѣваться, бросаются прямо на охотниковъ и падаютъ подъ ихъ выстрѣлами. Иногда такъ истребляется все стадо. Джейранъ не можетъ долго переносить неволи и обыкновенно въ ней умираетъ.

Не задолго до нашего пріѣзда захватили молодаго козленка, завязшаго въ канавѣ; несмотря на уходъ, онъ началъ быстро чахнуть, такъ что его рѣшились выпустить на свободу; пущенный въ поле козленокъ быстро оправился и, какъ молнія, исчезъ изъ глазъ своихъ великодушныхъ тюремщиковъ.

Мы уже возвращались отъ водопада назадъ, какъ вдругъ татары, ѣхавшіе сзади меня, ударили, точно по командѣ, нагайками лошадей и помчались впередъ, какъ бѣшеные. Лошадь моя тоже стремглавъ бросилась за ними. Я взглянулъ: далеко впереди по степи мчалась лошадь, подъ которою болталось что-то такое, чего разобрать невозможно было за разстояніемъ. Лошадь принадлежала землемѣру, уѣхавшему далеко впередъ. Татары быстро настигли ее, поймали, и дѣло объяснилось: у сѣдла ослабли подпруги, и оно свернулось на бокъ,—къ счастію, нога сѣдока не осталась въ стремени, и онъ отдѣлался только легкимъ ушибомъ.

Распростившись съ гостепріимнымъ и обязательнымъ хозяиномъ, мы отправились обратно въ Тифлисъ; поднялся сухой и удушливый вѣтеръ, котораго недоставало для того, чтобы Каразская степь явилась намъ въ полномъ свѣтѣ. Пустыня по обѣимъ сторонамъ Куры на обратномъ пути показалась намъ еще безотраднѣе. Только по немногимъ низинамъ зеленѣла травка и по нимъ паслись овцы. Мы хотѣли выѣхать изъ Тифлиса на другой день, но хлопоты о свидѣтельствѣ на выѣздъ и о подорожной—эти истинныя мучительства, отъ которыхъ отвыкаешь при ѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ—задержали насъ еще на сутки.

Въ Тифлисѣ мнѣ суждена была встрѣча, которая измѣнила первоначальный планъ моего путешествія: я предполагалъ, кромѣ осмотра всего замѣчательнаго по тифлисско-потійской дорогѣ, осмотрѣть Боржомъ и ѣхать изъ Поти въ Одессу, а вышло такъ, что мнѣ не удалось видѣть Боржома (я его осмотрѣлъ въ слѣдующее

Digitized by Google

путешествіе), но за то я осмотрѣлъ Сухумъ, мысъ Адлеръ и часть Черноморскаго берега отъ Адлера до Гагръ. Случилось это такимъ образомъ: я осматривалъ сельско-хозяйственный музей, въ которомъ тогда были разложены вещи, отправляемыя на московскую политехническую выставку; въ числѣ хлопотавшихъ экспонентовъ я увидѣлъ совершенно неожиданно моего московскаго знакомаго ***, который пріобрѣлъ себѣ участокъ земли на Адлерѣ. Онъ черезъ недѣлю долженъ былъ отправиться въ свои владѣнія и уговаривалъ меня ѣхать къ нему въ гости; это давало мнѣ возможность познакомиться съ нашею черноморской колонизаціей и посмотрѣть на житье-бытье нашихъ піонеровъ. Предложеніе было слишкомъ заманчиво, и я рѣшился имъ воспользоваться. Досадно было, что, по распредѣленію времени, мнѣ приходилось пропустить Боржомъ, но дѣлать нечего—надо было выбирать что нибудь одно изъ двухъ, и я выбралъ Адлеръ. Мы уговорились съ *** такимъ образомъ: я долженъ былъ ждать его въ Кутаисѣ, а оттуда отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ Поти, гдѣ должны были грузиться на пароходъ вещи, отправляемыя на выставку; пароходъ этотъ насъ довозилъ до Адлера, гдѣ мы высаживались; оттуда я возвращался въ Сухумъ, а изъ Сухума отплывалъ на пароходѣ въ Одессу. Времени терять было нечего и надобно было выѣзжать изъ Тифлиса. Товарищъ мой М., какъ художникъ, предпочелъ Боржомъ, и мы сговорились съ нимъ разстаться въ Гори, до котораго доѣхали безъ всякихъ приключеній, если не считать за нихъ остановки по недостатку лошадей. Ямщики и тутъ были, большею частью, великоруссы изъ внутреннихъ губерній. Шоссе шло неподалеку отъ строющейся желѣзной дороги. Часто попадались крытые нѣмецкіе фургоны въ 4 лошади, вошедшіе въ общее употребленіе въ Закавказьѣ для перевозки товаровъ. Въ то время между Поти и Тифлисомъ, кромѣ арбъ и верблюдовъ, работало около 500 такихъ фургоновъ.

Въ Гори мы прожили два дня, осмотрѣли *Уплисъ-Цихе*, *Горисъ-Цихе* и разстались съ М. до встрѣчи въ Москвѣ: я поѣхалъ въ Кутаисъ, гдѣ долженъ былъ ожидать ***, а онъ остался рисовать. Рѣки были въ разливѣ, и въ Горисъ-Цихе можно было проѣхать не иначе, какъ верхомъ на лошади въ бродъ. До кн. Воронцова и въ началѣ его управленія дорога шла черезъ Ляхву, и переправляться можно было черезъ нее только или верхомъ, или на арбахъ, и то въ удобное время; постояннаго моста не было. Самъ князь

Digitized by Google

переправлялся въ сопровожденіи верховыхъ плавщиковъ (мастеровъ плавать) на случай опасности. Однажды княгиня Воронцова, ѣхавши въ Боржомъ, при этой переправѣ чуть-чуть не утонула. Шоссе, разумѣется, въ поминѣ не было, и въ дождливую погоду приходилось вязнуть въ грязи. Долина Ляхвы была покрыта непроходимымъ лѣсомъ, отъ котораго въ настоящее время остался мелкій кустарникъ.

Погода въ то время, когда мы были въ Гори, стояла сырая и холодная и провожала меня до самаго *Сурамскаго перевала*. Я выѣхалъ изъ *Сурама* къ вечеру. Наступила яркая звѣздная ночь. Дорога вилась зигзагами по темному ущелью, поросшему густымъ лѣсомъ. Чѣмъ выше мы поднимались, тѣмъ меньше и меньше казались огоньки, разложенные рабочими влѣво, внизу, вдоль желѣзной дороги, и тѣмъ неявственнѣе долетали до верху ихъ пѣсни. Съ *Поникой* станціи пахнуло теплымъ воздухомъ Ріонской долины,—это былъ переѣздъ черезъ перевалъ. Созвѣздія Ріона и Сиріуса блестѣли, какъ бриллианты, и серпъ луны то скрывался, то показывался при поворотахъ. Также исчезали и показывались огоньки духановъ по дорогѣ и огоньки рабочихъ въ глубинѣ ущелья. Въ воздухѣ постоянно стоялъ шумъ отъ ручьевъ и каскадовъ. Съ каждой верстой все становилось теплѣе и теплѣе. Проѣхали *Мопити*. Что это за рѣка шумитъ влѣво? Это рѣзвая *Чхеремела*. Въ *Бѣлогорахъ* остановились ночевать. Проснувшись и выйдя изъ комнаты, я съ недоумѣніемъ глядѣлъ вокругъ себя. Да гдѣ же я очутился за эту ночь? Что это за новая страна? Что это за роскошная зелень, невиданные цвѣты? Откуда этотъ воздухъ, теплый до того, что приходится снять пальто? Яркое солнце освѣщаетъ южную страну въ полномъ ея весеннемъ блескѣ! Мало что можетъ сравняться съ ощущеніями, которыя испытываются при этихъ быстрыхъ переходахъ изъ одного климата въ другой во время путешествія въ горныхъ странахъ. Дорога перешла на лѣвый берегъ *Чхеремелы*, а чугунка съ прекрасными желѣзными мостами черезъ рѣку осталась вправо. Проѣхали станцію *Деву* и въ Квирилахъ сѣли на желѣзную дорогу, которая черезъ часъ и домчала насъ до Кутаисской станціи. Оттуда я пріѣхалъ въ омнибусѣ въ *Кутаисъ* и остановился въ Hôtel de France, которую содержитъ любезный французъ m-r Victor.

Гостиница—какъ обыкновенно большая часть губернскихъ гостиницъ, вывѣска же надъ столовой (salle à manger), разумѣется,

Digitized by Google

по-французски. Въ общей залѣ чисто, готовятъ хорошо, но порціи настоящія французскія, т. е. вдвое меньше тифлисскихъ. Прислуга состоитъ изъ западныхъ славянъ и величаетъ проѣзжающихъ—мусю. Современная интеллигентная часть публики, какъ-то: адвокаты, прокуроры и проч., также какъ и вообще люди съ деньгами и вкусомъ, желающіе хорошо пообѣдать и выпить шампанскаго, предпочитаютъ другимъ m-r Виктора. Изъ газетъ въ общей залѣ валялось при мнѣ только нѣсколько старыхъ номеровъ «Сіянія», да газета «Кавказъ».

Вмѣсто двухъ дней, мнѣ пришлось прождать пріѣзда *** цѣлую недѣлю, такъ что, будь это извѣстно заранѣе, я могъ бы осмотрѣть и Боржомъ. Просрочка эта, разумѣется, была очень досадна, тѣмъ болѣе, что въ Кутаисѣ нѣтъ ни театра и никакихъ постоянныхъ общественныхъ удовольствій, да къ тому же былъ великій постъ. Однѣ прогулки при великолѣпной погодѣ, болтовня съ m-r Викторомъ, да игра съ нимъ по вечерамъ въ домино по копейкѣ должны были наполнять все мое время.

Я не стану ничего говорить о Кутаисѣ, потому что все о немъ сказано въ первой части. По утрамъ я отправлялся гулять и осматривать городъ и окрестности, потомъ обѣдалъ, потомъ опять гулялъ и, наконецъ, короталъ время съ m-r Викторомъ или читалъ на сонъ грядущій гдѣ-то отысканный имъ сантиментальный французскій романъ, изданный еще въ прошломъ столѣтіи.

Балконъ Hôtel de France выходитъ на площадь городскаго сада, и потому мнѣ было довольно времени насмотрѣться на разнообразную публику Кутаиса. Про носящихъ европейскій костюмъ—говорить нечего, но здѣсь безпрерывно попадаются и туземцы. Высшая туземная молодежь, если не состоитъ на службѣ, щеголяетъ въ красивыхъ черныхъ черкесскахъ и низенькихъ кабардинкахъ; въ знакъ принятой цивилизаціи, на рукахъ бѣлыя перчатки въ обтяжку. И здѣшнему дворянству, какъ грузинскому, приходится послѣ эмансипаціи жить не такъ, какъ жили отцы и дѣды: надо заниматься хозяйствомъ самимъ, а этого нѣтъ въ обычаѣ; рабочіе лѣнивы, да ихъ и мало—вотъ по этой-то причинѣ дѣла здѣшнихъ землевладѣльцевъ и не въ блестящемъ положеніи. Снаружи, какъ говорится, шелкъ, а внутри щелкъ. Язва—отсутствіе серьезнаго образованія—здѣсь какъ на ладони: модныя фразы на языкѣ и отсутствіе, вслѣдствіе незнанія, всякой серьез-

Digitized by Google

ной мысли—по крайней мѣрѣ, таковы общіе отзывы. Разумѣется, это говорится про тѣхъ, которые претендуютъ на знакомство съ цивилизаціей, а не про тѣхъ, которые живутъ въ прежней обстановкѣ. Женщины изъ высшаго сословія или вполнѣ усвоили европейскій костюмъ, или сохраняютъ еще національную головную повязку. Простой народъ одѣвается бѣдно; ноги часто совсѣмъ босы, а покрытая массою черныхъ курчавыхъ волосъ голова иногда не имѣетъ, кромѣ этой, никакой другой покрышки. *Папанаки*, т. е. лоскутъ матеріи, который носятъ на головѣ, подвязывая его подъ бородой, выходитъ изъ употребленія и встрѣчается только на старикахъ. Какъ женщины, такъ и мужчины отличаются красотой, здоровымъ сложеніемъ, и вообще здѣшнее племя можетъ быть причислено къ красивѣйшимъ племенамъ въ свѣтѣ. Несмотря на бѣдность, здѣшній народъ всегда сохраняетъ чувство собственнаго достоинства; веселость его нрава проявляется безпрестанно. Глядишь—какой нибудь мальчишка нарядился старикомъ или надѣлъ на себя дурацкую харю съ рогами и бѣгаетъ съ нею по саду, а въ его веселости, кромѣ ребятъ, принимаютъ искренно участіе и взрослые. А по вечерамъ тѣ же прогулки съ зурной и барабаномъ по улицамъ. Женщины изъ простонародья здѣсь ѣздятъ верхомъ по-мужски; иногда жена съ груднымъ ребенкомъ ѣдетъ такимъ образомъ, а мужъ идетъ сзади и погоняетъ лошадь. Рѣзко отъ другихъ отличаются *гурійцы*; костюмъ ихъ чрезвычайно живописенъ и состоитъ изъ платка или башлыка, обмотаннаго вокругъ головы, въ родѣ чалмы, изъ черной вышитой и съ патронами куртки въ обтяжку, разстегнутой на груди и надѣтой сверхъ *элеги* (жилета), черныхъ узкихъ панталонъ, широкаго пояса изъ турецкаго платка, обмотаннаго вокругъ таліи, и ноговицъ или бандулей на ногахъ; за поясомъ заткнуто старинное оружіе и лежатъ разныя къ нему принадлежности, а снаружи привѣшена сумка, украшенная серебрянымъ или мѣднымъ наборомъ. Иногда куртка и панталоны обшиваются серебрянымъ галуномъ. Гурійцы стройны, сухощавы, ловки и имѣютъ вообще гордую и внушительную наружность. Женщины ихъ, исключительно изъ всѣхъ туземокъ, славятся своей красотой и продавались въ Турцію еще въ пятидесятыхъ годахъ, несмотря на всю бдительность нашей кордонной стражи. Вообще, надобно замѣтить, что весьма неосторожно поступаетъ тотъ, кто въ кавказскомъ туземцѣ забываетъ уважать

Digitized by Google

человѣка,—преднамѣренная обида здѣсь не всегда проходитъ даромъ, хотя ненамѣренная и прощается добродушно. Впрочемъ, чувство личнаго достоинства, встрѣчаемое въ низшихъ классахъ, невольно заставляетъ, какъ я постоянно видѣлъ, быстро мѣнять манеру обращенія тѣхъ людей, которые, гордясь своей цивилизаціей, не усвоили себѣ даже ея перваго правила, т. е. уваженія къ личности человѣка.

Я сидѣлъ за завтракомъ и смотрѣлъ на слѣдующую сцену, происходившую на дворѣ, гдѣ въ углу въ клѣткѣ помѣщались поросята, заведенные m-r Викторомъ. М-r Викторъ, засунувъ руки въ карманы панталонъ, съ самымъ серьезнымъ видомъ осматривалъ свое хозяйство и, наконецъ, напѣвая марсельезу, подошелъ къ поросятамъ, визжавшимъ въ своемъ заточеніи изо всѣхъ силъ.—«Marchons, enfants de la patrie!»—поетъ m-r Викторъ. Уи! визжатъ и хрюкаютъ на это поросята.—«Aux armes, citoyens!» Въ отвѣтъ опять: уи, уи!—«Formmez vos bataillons!» Уи, уи, уи! покрываютъ поросята своимъ хоромъ воинственную марсельезу. Затѣмъ m-r Викторъ входитъ въ комнату, напѣвая: «Admirez son courage!»—«Ecoutez, m-r Michel,—обращается онъ ко мнѣ,—видѣли вы здѣшнія развалины?»—«Видѣлъ нѣсколько разъ.»—«Представьте себѣ, я ихъ до сихъ поръ не видалъ!»—«Какъ это? Вы живете въ Кутаисѣ уже нѣсколько лѣтъ и не удосужились посмотрѣть въ немъ самое интересное? Такъ лѣниться, это не по-французски, m-r Victor.»—«О! мы, французы, совсѣмъ не лѣнивы; но что же прикажете дѣлать,—все некогда. Съ открытіемъ желѣзной дороги дѣла пошли изъ рукъ вонъ плохо,—всѣ ѣдутъ мимо, никто не заѣзжаетъ, sacrebleu! Прежде совсѣмъ было другое. До меня эту гостиницу держалъ Martin. Imaginez vous!... Il a gagné quarante milles roubles pendant trois années et puis il les a mangé tous dans deux années. V'la un bête, vous dis-je!... Tout le monde dit que ces ruines sont tres interessantes... я бы давно ихъ осмотрѣлъ, да все не было до сихъ поръ компаньона—не хотите ли сходить вмѣстѣ?»—«Съ большимъ удовольствіемъ.»—«А потомъ мы съ вами поѣдемте за городъ,—aujourdhui c'est dimanche,—я хочу себѣ сдѣлать праздникъ, тамъ мой знакомый нѣмецъ, говоритъ, отыскалъ цѣлое семейство окаменѣлыхъ людей,—imaginez vous, une complette famille: père, mère et leurs petits enfants,—и все это окаменѣлое въ допотопныхъ скалахъ. Сначала онъ отыскивалъ лишь однѣхъ устрицъ, потомъ ему стали

Digitized by Google

попадаться бараньи рога, наконецъ попались и люди. Стало-быть, прежде здѣсь было море и были устрицы, а теперь ихъ надо выписывать изъ Одессы... Eh bien! Allons donc! ne perbons pas notre temps, m-r Michel!» Мы отправились. M-r Victor болталъ безъ умолку всю дорогу.—«Cet allemand est un bête, vous dis-je, et je le deteste de tout mon coeur, mais въ этомъ онъ смыслитъ; не знаю, гдѣ онъ этому научился,—какъ зовутъ эту науку? Ah, oui! Céologie! я не знаю géologie, хоть и читалъ очень много. Avez-vous lu les mémoires de Catherine II par Pouchkine. Говорятъ, это удивительно какъ интересно.» Я сказалъ, что такихъ мемуаровъ вовсе не существуетъ.—«Vraiment? А я читалъ кое-что изъ Пушкина, я его знаю,—c'est Paul de Kock russe.» Я сказалъ, что этихъ писателей нельзя вовсе и сравнивать.—«Vraiment? А съ какимъ же французскимъ писателемъ его надобно сравнивать?»—«Не знаю.»—«C'est etrange! Нельзя ли его сравнивать avec des grands écrivains allemands Gœthe et Schiller?»—«Пожалуй, можно.»—«O! я знаю хорошо Gœthe et Schiller,—я видѣлъ ихъ бюсты en marbre precieux, когда служилъ въ Петербургѣ у графа N. C'est un travail excelent, qui contait très cher—oh! très cher! Я сначала жилъ въ Петербургѣ. En Russie et surtout à Pétersbourg on vit gaiement! Oh! comme on vit à Pétersbourg! Sacrebleu! Потомъ я служилъ à Moscou chez Nide главнымъ поваромъ въ «Rocher de Cancale»,—je vous dirais, m-r Michel, q'au «Rocher de Cancale» on peut gagner beaucoup d'argent!» Затѣмъ полилась цѣлая хроника. Когда мы взошли къ развалинамъ, m-r Victor пришелъ въ восторгъ и объявилъ, что такой видъ можно найти развѣ только въ одной belle France, и что онъ никогда себѣ не проститъ, что до сихъ поръ его не видѣлъ. Въ гротѣ у родника мы встрѣтили нѣсколькихъ туземныхъ мальчиковъ, пришедшихъ съ здѣшними узкогорлыми кувшинами за водой. M-r Victor попросилъ у одного изъ нихъ напиться и потомъ предложилъ ему за то двугривенный; въ отвѣтъ на предложеніе мальчикъ посмотрѣлъ на него своими большими умными глазами и медленно покачалъ отрицательно головой. — «Eh bien! si tu ne veux pas prendre d'argent, donne moi ta main, mon enfant»,—сказалъ добродушно m-r Victor, взявъ его за руку.—«Je vous dirais, m-r, que dans ce pays le peuple a beaucoup d'amour propre! Теперь пойдемте на ферму, chez le vieux Piere.» Пьера не было на фермѣ, и насъ принялъ вмѣсто него работникъ грузинъ, его intendant,

Digitized by Google

какъ выражался m-r Victor, и показалъ все, что надо. Этотъ intendant оказался говорящимъ порядочно по-французски. Пьеръ обучилъ его своему языку, а самъ въ продолженіи 30 лѣтъ не научился ни одному слову по-имеретински. Кажется, что эта образцовая ферма только и приноситъ выгоду получающему за управленіе ею жалованье старому Пьеру. Вернувшись въ городъ, мы взяли фаэтонъ и поѣхали къ нѣмцу, отыскавшему вмѣстѣ съ окаменѣлыми устрицами и окаменѣлыхъ людей. Ученый геологъ сначала встрѣтилъ насъ не совсѣмъ благосклонно. Видно было, что и онъ и m-r Victor находились еще подъ вліяніемъ послѣдней прусско-французской войны и питали другъ къ другу смертельную антипатію. Представитель романскаго племени смотрѣлъ на тевтона, какъ на человѣка совершенно не развитаго и крайне ограниченнаго, а тевтонъ, въ свою очередь, обращался съ нимъ, какъ и подобало серьезному ученому, нѣсколько свысока и даже презрительно, какъ бы говоря: «что, молъ, мнѣ съ тобой разговаривать, — необразованный ты, братецъ мой, и пустой человѣкъ — и ничего больше! Когда m-r Victor объявилъ, что онъ привезъ меня для того, чтобы осмотрѣть его геологическій кабинетъ, обращеніе ученаго тотчасъ-же измѣнилось; снявъ колпакъ, фартукъ и куртку (по своему оффиціальному положенію онъ былъ тоже поваръ), онъ объявилъ, что въ настоящее время свободенъ и можетъ даже ѣхать съ нами на мѣсто своихъ изысканій. Снисходительно улыбаясь, онъ повелъ насъ къ себѣ въ комнату и показалъ разложенныя на столѣ нѣсколько штукъ дѣйствительно превосходныхъ окаменѣлыхъ устрицъ и окаменѣлыхъ допотопныхъ аммонитовъ, изогнутыхъ въ родѣ роговъ, которые онъ принималъ за дѣйствительные бараньи рога. — «Устрисы!»—сказалъ онъ съ важностью. — «А это роги! а гдѣ роги, тамъ и шеловѣки, а гдѣ есть шеловѣки, тамъ есть и роги! Ого го! го! мой нашелъ шеловѣки!» Я вздумалъ было усомниться, но m-r Victor дернулъ меня за рукавъ и шепнулъ потихоньку: «Laissez le tranquil! ne voyez-vous pas qu'il est deja ivre?» Собираясь въ путь, геологъ сунулъ въ карманъ заряженный револьверъ. — «Зачѣмъ это берешь ты револьверъ?» спросилъ его m-r Victor.— «Зашемъ ривольверъ! здѣсь народъ свинъ! коли будетъ меня грабилъ—я его сейшасъ будетъ стрѣлялъ! So!»—и съ этими словами онъ навелъ на m-r Victor'a револьверъ.—«Tiens!» сказалъ только на это m-r Victor. Дорогой геологъ все бранилъ здѣшній народъ

Digitized by Google

и говорилъ, что еслибы не нѣмцы, такъ въ Кутаисѣ и жить было бы вовсе нельзя, что только у нѣмцевъ и можно достать все, что нужно. Впрочемъ, онъ добавлялъ, что очень доволенъ своимъ мѣстомъ и жалованьемъ, и что ему недостаетъ на кухнѣ только «хорошій русскій мужикъ». —«Какой это русскій мужикъ?» спросилъ я. — «О! на кухнѣ нельзя безъ мужикъ! Въ Петербургъ на большой кухня всегда есть мужикъ! Онъ посуда шистить и fleisch рубитъ и все дѣлай, что надо, а коли съ годъ жилъ на кухня, то и готовитъ ganz gut. За такой мужикъ, Koch купи только припасъ, прикажи, что ему дѣлай, и спи! Только плохъ, что мужикъ сильно пьетъ! а не пей онъ—такъ ого-го-го! тогда хоть не нужно и Koch!»—Наконецъ, мы выѣхали на тифлисскую дорогу. Вышедши изъ фаэтона, мы пошли на отысканіе окаменѣлостей и въ какіе-нибудь полчаса нашли ихъ нѣсколько экземпляровъ.—«А вотъ и шеловѣки!» сказалъ геологъ, подводя насъ къ какимъ-то голышамъ, выглядывавшимъ изъ общей каменной массы: «это—говорилъ онъ, указывая на самый большой голышъ, — это есть головъ Vater! а это есть головъ Mutter! а это ихъ Sohn! это Sohn протянулъ свою руаъ! смотритъ, какъ онъ обнялъ seine Mutter! тутъ вся цѣлый famille.» Французъ глядѣлъ на меня въ совершенномъ недоумѣніи.—«Tiens!» проговорилъ онъ, наконецъ: «v'la une etrange famille! il faut bien connaitre la géologie pour voir, que ce sont des hommes! Sapristi!» Нѣмецъ хотя и не понялъ ни слова, но смыслъ рѣчи былъ для него ясенъ. Онъ насупился и, сказавъ, что теперь поведетъ насъ въ сталактитовый гротъ, пошелъ впереди; во все остальное время онъ упорно молчалъ и только насвистывалъ нѣмецкій военный маршъ. Въ пещерѣ онъ вынулъ револьверъ и сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ, потомъ посмотрѣлъ на m-r Victor'a съ торжествующимъ видомъ и произнесъ, будто-бы про себя: «Бисмаркъ!» а потомъ прибавилъ еще съ особеннымъ удареніемъ: «Мольтке!» затѣмъ объявилъ, что теперь отправится на «изысканъ» и ушелъ, почти не простясь съ нами.—«Voila un drole», произнесъ ему вслѣдъ на это m-r Викторъ.

Про исторію убійства военнаго генералъ-губернатора *кн. Гагарина* сванетскимъ владѣтельнымъ княземъ *Константиномъ Діосхомъ Дадешкаліани* въ 1857 году разсказываютъ слѣдующее. Въ этомъ году произошли въ Сванетіи безпорядки, и князь Барятинскій приказалъ удалить князей Дадешкаліани изъ ихъ родины для того,

Digitized by Google

чтобы не дать возможности распространиться безпорядкамъ еще дальше. Князь Константинъ находился въ то время въ Кутаисѣ. Онъ былъ у обѣдни, когда пришли ему сказать, что военный генералъ-губернаторъ проситъ его въ себѣ. Достоявъ службу, онъ пришелъ къ кн. Гагарину, который и сообщилъ ему приказъ главнокомандующаго о немедленномъ отправленіи его въ Тифлисъ. Дадешкаліани говорилъ, что его нельзя такъ отправить, что онъ не преступникъ, что онъ должонъ проститься съ своимъ семействомъ, и проч., словомъ сказать, онъ не хотѣлъ ѣхать немедленно, а кн. Гагаринъ настаивалъ на немедленномъ исполненіи приказанія. Завязался споръ, который и кончился тѣмъ, что Дадешкаліани выхватилъ кинжалъ и убилъ кн. Гагарина на мѣстѣ. Потомъ, не помня себя, убійца выскочилъ на улицу и началъ рѣзать встрѣчнаго и поперечнаго; изъ числа попавшихся ему на дорогѣ была одна старая еврейка, — онъ замахнулся было и на нее, но потомъ опомнился и отбросилъ пинкомъ старуху прочь, сказавъ, что объ нее не стоитъ марать кинжала, и бросился дальше; убивъ семь совершенно ни въ чемъ неповинныхъ людей, онъ, наконецъ, образумился и сдался. Его судили военнымъ судомъ и разстрѣляли. Князья *Дадешкаліани* были потомъ вывезены въ Россію; за ихъ владѣтельныя права имъ было заплачено нѣсколько милліоновъ и даны богатыя имѣнія въ Подольской губерніи въ замѣнъ сванетскихъ безплодныхъ скалъ. *Сванетія* послѣ этого была обращена въ обыкновенную русскую провинцію.

Для того, чтобы ѣхать въ *Гелатъ*, мнѣ надобно было обратиться за наймомъ лошадей въ еврейскую улицу. Польскій еврей, одѣтый въ изорванное пальто, попавшись мнѣ на встрѣчу, должно быть по моей физіономіи угадалъ, чего мнѣ нужно. Онъ вызвался съ своими услугами и за пятіалтынный устроилъ все дѣло. Право, удивительный народъ эти евреи! Кутаисскаго еврея можно отличить отъ туземца только по маленькимъ пейсикамъ, виднѣющимся изъ подъ шапки; по всему-же остальному онъ совершенный грузинъ или горецъ: та-же черкесска и даже тотъ-же кинжалъ, только дѣятельностью онъ совершенно не похожъ на туземца — и хотя степененъ и не имѣетъ въ себѣ ни капли юркости, но по промышленному духу онъ все тотъ-же еврей. Языкъ здѣшнихъ евреевъ не имѣетъ ничего общаго съ польско-нѣмецкимъ жаргономъ и составился изъ восточныхъ языковъ, такъ что польскій и

Digitized by Google

кутаисскій еврей совершенно не понимаютъ другъ друга; общаго у нихъ только талмудъ, и все-таки они считаютъ себя однимъ и тѣмъ-же народомъ. Удивительный примѣръ сохраненія національности посредствомъ религіи! Якубъ—еврей, съ которымъ я ѣздилъ въ Гелатъ, въ этотъ день нечего не ѣлъ, потому что это была годовщина смерти его отца: поминки лучше нашихъ. Наконецъ, я получилъ отъ *** телеграмму и поѣхалъ на желѣзную дорогу, гдѣ встрѣтился съ нимъ и отправился въ Поти.

Дорога шла все время почти первобытными лѣсами, переплетенными ліанами. Публика на желѣзной дорогѣ была самая смѣшанная: тутъ были европейцы, евреи, армяне, грузины, греки, турки и проч. Потійскій вокзалъ (въ то время еще не отдѣланный) стоитъ на правомъ берегу Ріона, который отсюда представляется обширною массой желтой, мутной воды: кругомъ лѣсъ и, городъ виднѣется по ту сторону низменнаго берега. Переѣхавъ черезъ рѣку на деревянномъ пароходишкѣ, мы переночевали въ Поти, запаслись отличными апельсинами и свѣжей икрой (которые здѣсь дешевы) и на другой день, съ восходомъ солнца, на не большомъ колесномъ пароходѣ «Бабушка» переѣхали на военную шхуну «Эльборусъ», стоявшую въ открытомъ морѣ.

Было чудное утро, когда мы, 7-го апрѣля 1872 г., въ четыре часа пришли на небольшой колесный пароходъ «Бабушка», стоявшій на пристани въ Поти. Солнце только еще вставало, на небѣ небыло ни облачка, и утренняя прозрачная мгла стояла надъ желтымъ, широкимъ устьемъ Ріона. Все обѣщало отличный день. На западѣ надъ водой слегка обозначался баръ, надъ которымъ пѣнилась волна морскаго прибоя, и чернѣло англійское желѣзное жете, вытянутое съ праваго берега въ море. Оно сдѣлано для того, чтобы избѣжать перегрузки; по немъ товары изъ моря должны были бы прямо идти на желѣзную дорогу, но до сихъ поръ еще никакой видимой пользы отъ его постройки не осуществилось. Какая причина тому—не знаю. Издали жете представляется желѣзнымъ мостомъ, составленнымъ изъ рамъ.

Когда мы пришли на пристань, то разноплеменные внучата-матросы только что еще начинали окорашивать свою «Бабушку» и приводить въ порядокъ ея туалетъ, т. е., по просту сказать, мыть ея палубу. Паровъ еще не разводили. Времени до отплытія оставалось около двухъ часовъ, и, отъ нечего дѣлать, мы отпра-

Digitized by Google

вились въ просыпающійся городъ, чтобы запастись кое-чѣмъ. При нашемъ возвращеніи пріубранная «Бабушка» уже дымилась. Въ половинѣ седьмаго мы отчалили отъ берега. Захвативъ баржу, нагруженную вещами, назначенными для политехнической выставки, мы скоро проѣхали черезъ баръ изъ желтаго Ріона въ синее море и подъѣхали къ тихо покачивавшемуся «Эльборусу». Тутъ опять началась перегрузка, продолжавшаяся нѣсколько часовъ.

Пассажиры состояли большею частію изъ солдатъ, которые, размѣстивъ по палубѣ свою скудную хурду-мурду (солдатское имущество, по-кавказски), грызли сухари, размачивая ихъ въ водѣ, или покуривали свои носогрѣйки. Между ними же помѣщался и греческій священникъ съ походной церковью, ѣхавшій для исправленія требъ въ береговыя греческія колоніи. Наканунѣ, смотря, какъ перетаскивали вещи изъ вагона желѣзной дороги на баржу, я дивился на одного мушу гурійца, сила котораго была изумительна. Онъ одинъ перенесъ на спинѣ огромную глиняную вазу *(квери)* для храненія вина, вѣсившую болѣе 21 пуда; вазы эти зарываются въ землю и въ нихъ помѣщается около сотни ведеръ; другіе ему помогали только тѣмъ, что поддерживали ее съ боковъ, иначе, вслѣдствіе своей круглой формы, она скатилась-бы со спины. Увидѣвъ эту старую знакомую на московской выставкѣ, я самъ съ трудомъ вѣрилъ тому, что видѣлъ собственными глазами. При вторичной перегрузкѣ вещей съ баржи «Эльборусъ», тюки вѣсомъ въ нѣсколько пудовъ перебрасывались этимъ мушей, почти какъ мячики. Высокая, сухощавая и стройная его фигура въ живописномъ костюмѣ (узкая, синяя, вышитая куртка; голова повязана турецкимъ платкомъ въ родѣ чалмы; другой, такой же платокъ вмѣсто пояса) такъ и просилась на картину. Пока перегружались вещи, я засмотрѣлся на панораму, окружавшую насъ,— да и было на что засмотрѣться: на востокѣ чернѣла громадная долина Ріона и едва виднѣлся низменный Поти; вправо и влѣво тянулись Кавказскія и Малоазійскія горы, покрытыя снѣгомъ, а на западъ простиралось чуть-чуть волнующееся море. Говорятъ, въ хорошую погоду можно въ зрительную трубу видѣть противоположный европейско-турецкій берегъ, но насколько это вѣрно— не знаю.

Наконецъ, перегрузка кончена, баржи отчалили, поданъ свистокъ, и пароходъ пошелъ въ море, оставляя позади себя длин-

Digitized by Google

ную бѣлую полосу, расходящуюся вдаль безконечнымъ треугольникомъ. Насъ позвали обѣдать въ офицерскую каюту за общій столъ. Скоро низменный лѣсной берегъ Мингрелін превратился въ еле-видную черную полосу, а потомъ и совсѣмъ изчезъ изъ виду. Солнце сѣло, и остался только видимымъ Кавказскій снѣговой хребетъ. Утромъ, когда мы проснулись, «Эльборусъ» уже бросалъ якорь въ Сухумской гавани, и грохотъ его спускаемой якорной цѣпи заставилъ насъ всѣхъ быстро встать на ноги.

«Эльборусъ» подалъ второй свистокъ, и надобно было распроститься съ Сухумомъ, что мы и сдѣлали безъ особеннаго сожалѣнія. Проѣхали мимо горы *Сеферъ-Бей* (названной такъ въ честь отца кн. Михаила), напоминающей своею вершиной бѣлую черкесскую папаху, и, наконецъ, вышли въ открытое море, не теряя изъ виду снѣговаго хребта, который огромной грядой тянулся отъ насъ направо. Дорогой *** описывалъ мнѣ природу Адлера, разсказывалъ про тамошніе лѣса, наполненные орѣховыми деревьями, черешнями, сливами, персиками и пр.; про невѣроятную силу тамошней растительности, про урожаи и даже про удобство сбыта, потому что въ турецкихъ купцахъ, пріѣзжавшихъ за кукурузой и арбузами, никогда не было недостатка, а капуста давала баснословный доходъ; ея требовалось огромное количество для войскъ, а достать было негдѣ, такъ какъ туземцы разводить капусты не умѣютъ. Словомъ сказать, Адлеръ былъ необыкновеннымъ золотымъ дномъ. Я охотно вѣрилъ этимъ разсказамъ, но только среди роскошной панорамы, которая рисовалась въ моемъ воображеніи, какъ черныя пятна—являлись ненаселенность, отсутствіе сообщеній и проклятыя лихорадки, отъ которыхъ хину приходилось кушать чайной ложкой, какъ сахаръ. Успокоительныя рѣчи о томъ, что сообщенія скоро сдѣлаются правильными, такъ какъ надѣются, что на Адлеръ скоро станутъ заходить пароходы Русскаго Общества, что страна быстро населится, и лихорадки, при осторожности, не опасны, — меня нисколько не успокоивали. Слушая *** и глядя черезъ бортъ въ море, въ которомъ дрожали, сжимаясь и разжимаясь, миріады слизняковъ-медузъ, а отъ шума парохода убѣгали вдаль, скользя по водѣ, попадавшіяся довольно часто гагары, изъ шкурокъ которыхъ выдѣлываются дамскія щегольскія шляпки и муфты,—я досадовалъ на себя, зачѣмъ не досталъ правилъ о заселеніи черноморскаго берега. Я не зналъ, когда и гдѣ были

Digitized by Google

опубликованы эти правила, а вѣроятно, что они гдѣ-нибудь да были же опубликованы. Мнѣ было тѣмъ досаднѣе, что никто изъ ѣхавшихъ со мною, даже самъ ***, не могъ дать мнѣ точныхъ свѣдѣній. Я узналъ только, что участки можно пріобрѣтать по 10 руб. за десятину, съ уплатою въ теченіи 10 лѣтъ по 1 р. с. въ годъ. Но этого свѣдѣнія для меня было еще недостаточно; тутъ могли играть такую же важную роль: быстрый и безспорный отводъ земель, обязанность заселенія въ извѣстный срокъ и проч. Неожиданность поѣздки на Адлеръ нисколько не уменьшала моей досады. Я припомнилъ, кромѣ того, что въ печати у насъ проповѣдывались мысли о заселеніи черноморскаго берега различными южными племенами, въ томъ числѣ даже и нѣмцами, на томъ основаніи, что они лучше знаютъ хозяйство, подходящее къ черноморскому. Въ видѣ смягченія, вмѣсто неспособныхъ къ южному хозяйству и необразованныхъ русскихъ, рекомендовались способные и образованные, единокровные наши братья славяне и единовѣрные молдоване и греки. Неизвѣстно, насколько грекъ и молдованъ образованнѣе и способнѣе русскаго, только мы знаемъ, что въ послѣднее время эти единовѣрные народы вовсе не обнаруживаютъ къ намъ особенной симпатіи; а что они рады переселяться на земли, добытыя для нихъ русскою кровью, въ этомъ, конечно, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Но удобно-ли, вытѣснивъ врага ради безопасности, заселять покинутыя имъ мѣста хотя бы и единовѣрными, но не имѣющими ничего общаго съ нами народами? Вся русская исторія и послѣдняя прусско-французская война ясно показываютъ, что значитъ одноплеменность. Нѣмцы-католики (т. е. историческіе враги лютеранъ) изъ отдаленной Америки откликались безъ различія на зовъ общаго своего отечества, Германіи. Можетъ быть, предлагаемые переселенцы временно и были бы полезнѣе русскихъ для кавказскаго хозяйства, но кто же нынче рѣшится утверждать, что на край можно смотрѣть только экономически, т. е. со стороны доходности, не принимая въ разсчетъ никакихъ другихъ обстоятельствъ? Неужели же русскіе только и способны сами колонизировать однѣ сѣверныя пустыни?.. Странно, казалось бы, и высказывать подобную мысль, черезчуръ тяжелую и обидную для всякаго русскаго человѣка. При дозволеніи непремѣнно двинулось бы русское достаточное и работящее населеніе. Вмѣстѣ съ нами на пароходѣ ѣхалъ молодой человѣкъ А***, кончившій блистательно

Digitized by Google

курсъ въ одномъ изъ университетовъ и въ короткое время успѣвшій составить себѣ своими учеными трудами среди естествоиспытателей довольно извѣстное имя. Пылкое воображеніе его увлеклось разсказами о чудесахъ Абхазіи; онъ занялъ участокъ близъ Сухума и въ настоящее время занимался его обработкой, откинувъ въ сторону всѣ свои ученыя занятія. Желѣзное его здоровье не было доступно никакимъ климатическимъ перемѣнамъ. Теперь ужъ онъ говорилъ, что не удовлетворяется больше Абхазіей и собирается ѣхать на острова Тихаго Океана. О, широкая, широкая славянская наша натура! думалось мнѣ. Когда-то ты усвоишь себѣ мудрое политико-экономическое правило раздѣленія работъ и перестанешь забираться въ несвойственный и неизвѣстный тебѣ кругъ дѣйствій? Посмотри хоть на твоихъ сосѣдей нѣмцевъ, вполнѣ усвоившихъ себѣ это мудрое правило, и полюбуйся, какъ стройно отъ того идетъ ихъ машина! Должно быть, тебѣ еще нѣтъ необходимости заниматься дѣломъ, или же ты не умѣешь и не привыкла имъ заниматься, что любишь такъ тѣшить себя и фантазировать, широкая ты наша натура!

Наконецъ, пріѣхали мы и на *Адлеръ*. Пароходъ остановился вдали отъ берега. Передъ нами открылась не очень широкая, но глубокая и чрезвычайно живописная долина, казавшаяся издали сплошь покрытою лѣсомъ; она замыкалась снѣговыми горами, до которыхъ отъ берега считается верстъ около 50-ти. На берегу виднѣлись 5 или 6 разбросанныхъ бѣлыхъ домиковъ и нѣсколько турецкихъ феллюкъ, вытащенныхъ на сушу; влѣво на горѣ, верстахъ въ 7-ми отъ берега, вился въ нѣсколькихъ мѣстахъ дымокъ: это разработывался участокъ богатаго землевладѣльца П***, жившаго въ Петербургѣ; вправо изъ лѣсной чащи нѣсколькими рукавами бѣшено вырывалась *Мзымта*, устье которой обозначалось на морѣ кипучей волной, образующейся отъ встрѣчи быстрой рѣчной струи съ морскимъ прибоемъ; на морѣ видно было нѣсколько лодокъ, въ которыхъ сидѣло и стояло по нѣскольку турокъ съ ружьями въ рукахъ: это были промышленники на дельфиновъ, которыхъ они стрѣляли въ то время, когда тѣ кувыркались надъ водою; стада дельфиновъ показывались безпрестанно, и выстрѣлы раздавались довольно часто. Весь берегъ имѣлъ видъ совершенно дѣвственной, нетронутой человѣкомъ страны. Такимъ мнѣ показался Адлеръ съ перваго взгляда.

Digitized by Google

Къ пароходу нашему подплыла таможенная шлюпка и, забравъ насъ, высадила на Адлеръ. *** нанималъ квартиру въ домѣ таможеннаго чиновника, стоящемъ на самомъ берегу. Госпожа *** встрѣтила меня, какъ стараго знакомаго, хотя мы и были знакомы только заочно. Про ея радушный пріемъ у меня осталось навсегда самое пріятное воспоминаніе; началась живая бесѣда, воспоминаніе объ общихъ знакомыхъ, и время летѣло для насъ незамѣтно.—«За обѣдомъ я васъ попотчую здѣшней провизіей,—сказала г-жа ***; я ждала васъ сегодня и купила у турокъ свѣжую лосъ-форель въ 16 фунтовъ; здѣсь такая рыбка стоитъ всего рубль серебромъ; а солдаты принесли свѣжей кабанины,—отъ кабановъ просто спасенія нѣтъ: чуть огородили плохо поле, такъ все и поѣдятъ».—«Ну, а каковъ вамъ кажется—спросилъ я—здѣшній климатъ? вы его переносите? что лихорадки?»—«Да ничего, отвѣчала она, иной разъ таки потрепываетъ». — «Мы о ней вовсе и не думаемъ, сказала подававшая намъ кофе экономка,—на нее нечего обращать и вниманія—потруситъ, потруситъ да и перестанетъ».

Я распрашивалъ о здѣшнихъ поселеніяхъ, и мнѣ сообщили слѣдующее: по правую сторону Мзымты поселены села: *Греческая Первинка*, *Молдаванка*, *Высокое* (населено русскими); по лѣвую сторону—*Веселое* и *Пиленково* (оба населены молдаванами). Молдаване, поселившіеся здѣсь, пріѣхали всѣ болѣе или менѣе со средствами; русскіе же набрались кое-кто и кое-откуда. Имъ давали провіантъ 3 года, они его ѣли, наконецъ съѣли и теперь перебиваются кое-какою работишкой.

Землевладѣльцевъ на Адлерѣ около 5 человѣкъ; изъ нихъ на мѣстѣ поселенія живутъ двое (*** и только что еще занявшій участокъ В**), остальные имѣютъ управляющихъ.

Г-жа *** разсказывала мнѣ про свое хозяйство. — «Да что это, Марья Ивановна,—сказала она, обращаясь къ экономкѣ, — мы съ вами вчера куръ-то на ночь не заперли? Никакъ онѣ такъ и ночевали снаружи!» — «Вы боитесь, что ихъ украдутъ?» спросилъ я. — «Какое украдутъ! Просто на просто съѣдятъ шакалки или дикія кошки. Въ крѣпости ихъ пропасть. Такая возня здѣсь съ домашней птицей!» Крѣпость отъ дома была не далѣе 30 саженъ.

Вечеромъ я пошелъ осматривать Адлеръ. Осматривать собственно было нечего. Передъ домомъ на берегу стояло нѣсколько вытащенныхъ турецкихъ феллюкъ; хозяева ихъ, возвратясь съ промысла,

Digitized by Google

снимали съ дельфиновъ шкуры, на которыхъ былъ слой сала, толщиной вершка въ 1½ или 2, и тутъ же бросали ихъ въ котлы для выварки; туши бросались обратно въ море; сильный прибой выкидывалъ ихъ на берегъ, къ большому удовольствію свиней, немедленно принимавшихся за это лакомое блюдо. Мясо дельфина такъ отвратительно, что его ѣстъ одно лишь это нечистое и небрезгливое животное. Дельфины, также какъ и киты, принадлежатъ къ млекопитающимъ и теплокровнымъ морскимъ животнымъ; они дышатъ воздухомъ чрезъ отверстіе, находящееся у нихъ на лбу, для чего и должны безпрестанно показываться на поверхности; звукъ, который происходитъ отъ втягиваемаго ими воздуха, напоминаетъ хрюканье свиньи, отчего ихъ и называютъ также морскими свиньями. Добываніе ихъ ружьями на мысѣ Адлеръ и вообще по берегу, исключая гаваней, безпошлинное. Около самаго дома, гдѣ жилъ ***, протекаетъ рѣченка, неимѣющая никакого названія; въ болотѣ, которое ее окружаетъ, на кочкахъ постоянно видно нѣсколько черепахъ, водящихся во множествѣ во всѣхъ здѣшнихъ болотахъ; за рѣчкой кладбище, т. е. нѣсколько забытыхъ могилъ, разбросанныхъ среди кустовъ колючки; далѣе каменная, заросшая колючкой и плющемъ старая крѣпость—въ настоящее время жилище шакаловъ и дикихъ кошекъ; около нея валяется на землѣ нѣсколько чугунныхъ орудій съ отбитыми цапфами, брошенныхъ при оставленіи нами береговыхъ укрѣпленій передъ восточной войной; за крѣпостью равнина, служащая выгономъ; кругомъ все покрыто лѣсомъ. Домовъ на Адлерѣ меньше десятка; всѣ они построены въ разстояніи 50 саженъ другъ отъ друга, исключая двухъ домовъ, принадлежащихъ греку Христо-Спанаги; его дома выстроены рядомъ съ домомъ таможеннаго чиновника, въ которомъ жилъ ***. Спанаги торгуетъ всѣмъ, чѣмъ только можно торговать на Адлерѣ: въ его домѣ и ссыпной хлѣбный амбаръ, и духанъ, и лавочка; главный же торгъ онъ ведетъ дубовымъ лѣсомъ, который турецкіе рабочіе рубятъ по берегамъ рѣкъ и тутъ же пилятъ на доски для бочекъ; доски эти потомъ отправляются на фелюкахъ въ Сухумъ, а оттуда въ Одессу. Говорятъ, что дѣла его идутъ отлично. За домомъ Спанаги, среди какихъ-то развалинъ, тоже, разумѣется, поросшихъ колючкой, бродила привязанная на длинной веревкѣ молодая дикая козочка, пойманная въ лѣсу; ее предлагали желающимъ купить за 10 цѣлковыхъ.

Digitized by Google

На другой день у *** былъ съ визитомъ интересный гость: бывшій джигетскій владѣтельный князь *Гечи-Решидъ*. По завоеваніи Адлера, онъ хотѣлъ остаться въ Россіи, но джигеты, упрямо желавшіе переселиться въ Турцію, говорили ему съ упрекомъ: «что-жъ ты бросаешь насъ въ самое тяжкое для насъ время? Ты нашъ князь: куда идемъ мы, туда долженъ идти и ты». Решидъ пошелъ вмѣстѣ съ ними. Русскіе уговаривали его остаться, но онъ не могъ этого сдѣлать. Теперь онъ вернулся, былъ прекрасно принятъ, и ему дозволено выбрать 700 десят. земли въ любомъ мѣстѣ; онъ, разумѣется, выбралъ бы свое бывшее пепелище, но оно было уже, къ несчастію для него, занято: гдѣ аулъ его, тамъ поселено Веселое, а гдѣ былъ одинъ изъ главныхъ его хуторовъ, тамъ теперь строитъ свой хуторъ ***—вся эта мѣстность занята имъ и компаніей. Решиду было подчинено (разумѣется, только на феодальныхъ правахъ) до 70 дворанъ, и у него было нѣсколько сотъ крѣпостныхъ; его домъ, построенный изъ орѣховаго дерева, сгорѣлъ вмѣстѣ съ ауломъ. Въ настоящее время онъ жилъ въ Гаграхъ и пріискивалъ себѣ землю для поселенія. На Адлеръ онъ пріѣхалъ единственно съ цѣлью поклониться могиламъ своихъ предковъ и увидѣть свою бывшую родину. Сильное впечатлѣніе производилъ князь Решидъ на всякаго, кто зналъ его предъидущую исторію. Перенесенныя имъ несчастія ярко отражались на всей его благородной, нѣсколько согнувшейся фигурѣ; глаза были большею частію опущены, а сквозь черты мужественнаго лица, помимо воли, пробивалось постоянно гнетущее горе. Онъ не могъ не возбуждать во всякомъ самаго искренняго участія. *** разговаривалъ съ нимъ и съ его немногочисленной свитой черезъ переводчика; разговоръ сопровождался частымъ прикладываніемъ руки къ сердцу и ко лбу—жестъ, которымъ горцы обыкновенно сопровождаютъ и замѣняютъ наше благодарю.

Мы поѣхали на хуторъ, устроиваемый ***; хуторъ этотъ отстоялъ отъ Адлера на нѣсколько верстъ; можно было ѣхать къ нему или прямо вбродъ черезъ Мзымту, или же сначала объѣхать ея устье моремъ и потомъ уже подняться лѣсомъ. Общество наше раздѣлилось на двѣ партіи: мы и кн. Решидъ поѣхали моремъ, а свита князя и верховые съ нашими лошадьми отправились берегомъ къ тому мѣсту, гдѣ долженъ былъ пристать нашъ катеръ. Князь и г-жа *** сѣли на первомъ мѣстѣ, а мы размѣстились какъ

Digitized by Google

попало; на днѣ лодки, вмѣстѣ съ припасами, взятыми нами, помѣстилась растрепанная босоногая дѣвчонка молдаванка, нанятая на дняхъ въ услуженіе ***. Катеръ, управляемый 6-ю гребцами, быстро обогнулъ кипучее устье Мзымты. Собаки ***, увязавшіяся за нами, бѣжали берегомъ и, подбѣжавъ къ устью, отважно бросились въ воду; ихъ вынесло далеко въ море, но онѣ, все-таки, переплыли и, отряхнувшись, пустились во весь духъ, постоянно равняясь съ катеромъ. Мы пристали къ лѣсной дорогѣ, кончавшейся на берегу; чтобъ попасть на нее, надо было перейти небольшое болото, въ которомъ нѣсколько черепахъ грѣлись на солнцѣ и нисколько не обезпокоились нашимъ пріѣздомъ. Лошади наши уже прибыли, и мы, усѣвшись на нихъ, переѣхали черезъ болото; сзади моего сѣдла помѣстилась дѣвчонка-молдаванка, цѣпко ухватившись за меня ручонками. Кн. Решидъ ѣхалъ молча рядомъ съ своимъ племянникомъ, удивительнымъ красавцемъ лѣтъ 18-ти; оба они представляли два превосходнѣйшихъ типа стараго и молодаго черкесовъ-аристократовъ; сынъ князя, оставшійся въ Гаграхъ, по увѣренію всѣхъ, былъ еще много прекраснѣе своего двоюроднаго брата, а княжна сестра его, тоже красавица, выдана была Решидомъ въ Турцію за знатнаго турка, заплатившаго за нее богатый калымъ. Версты черезъ $1^1/_2$ дорога вышла изъ дремучаго лѣса на площадку, на которой строилъ хуторъ ***. Площадка была очень небольшая. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что она была не больше двухъ десятинъ. По срединѣ стоялъ плетневый балаганъ, еще не смазанный глиной и, стало-быть, еще не превратившійся въ турлучный домъ. Два маленькихъ поля были уже вспаханы и огорожены изгородью отъ кабановъ. Видно было, что тутъ прежде была разчищенная поляна, но за 9 лѣтъ все такъ заросло, что трудно было разобрать, гдѣ было разчищенное поле и гдѣ его не было. На самой площадкѣ передъ балаганомъ колючка уже вылѣзла по разчищенной землѣ повсемѣстно. Черешневыя и грушевыя деревья тоже успѣли уже смѣшаться съ остальнымъ лѣсомъ. Работниковъ изъ молдаванскихъ поселеній въ этотъ день пришло только двое; когда мы подошли къ нимъ, они лѣниво рубили колючку цалдами *), тутъ же валялась и срубленная ими невзначай черешня.—«Что вы дѣлаете?—сказалъ Решидъ черезъ

*) Небольшіе мѣстные топоры.

Digitized by Google

переводчика—вѣдь это не дикія деревья, все это отличные сорта, и я ихъ выписывалъ изъ Турціи». За водой надобно было ходить отсюда довольно далеко. Решидъ указалъ родникъ, который былъ совершенно скрытъ въ лѣсной чащѣ. Простившись съ нами, бывшій владѣтель этой мѣстности сѣлъ на лошадь и поѣхалъ по тропинкѣ, по которой можно было выѣхать на гагринскую дорогу. Онъ поѣхалъ молча; молча тронулась за нимъ и вся его свита. Прощаясь съ управляющимъ, онъ со вздохомъ сказалъ ему нѣсколько словъ по-черкесски. — «Что вамъ говорилъ князь?» спросилъ я, когда горцы уѣхали.—«Лучше бы я не видалъ того, что я увидѣлъ»,—перевелъ управляющій. Управляющій этотъ, родомъ грузинъ или имеретинъ, занимался прежде торговлей, но дѣла его пошли плохо, и онъ поневолѣ долженъ былъ поступить на теперешнее мѣсто. Онъ зналъ Решида еще въ счастливое для послѣдняго время и ѣзжалъ къ нему для покупки лошадей, которыя были отличной доброты. Теперь Решидъ вполнѣ цѣнилъ милость, которая ему была оказана чрезъ дозволеніе выбрать землю, но его только смущалъ недостатокъ рабочихъ.—«Что дѣлать,—прибавилъ управляющій,—такъ ужъ, видно, Богу угодно! Коли корабль строютъ, то не смотрятъ на то, что щепки летятъ».

При видѣ дикой мѣстности Кавказскихъ горъ, ясно видишь, что, не будь племена адиге такъ разъединены и не враждуй они постоянно промежъ себя, долго бы намъ еще не пришлось покорить ихъ. Разъединенность, вражда и междоусобія были главною причиною ихъ гибели. Здѣсь, напримѣръ, *ахчипсхоу* и *анба*, жившіе въ верховьяхъ Мзымты, были самые отчаянные разбойники и постоянные враги *джигетовъ*, также какъ и *убыхи*. Однажды послѣдніе убили дядю *Решида;* князь справилъ, какъ слѣдовало, тризну по своемъ родственникѣ: много погибло чрезъ это убыховъ, и вражда прекратилась только тогда, когда настоящіе убійцы были убиты. У одной джигетской женщины враги убили ночью мужа, спавшаго съ ней рядомъ; она отправилась во вражескій аулъ также ночью, убила убійцу и ускакала. Иногда изъ-за канлы съ хутора не ѣздили въ Адлеръ.—Въ балаганѣ на полу разложили огонь и начали приготовлять намъ обѣдъ. Не зная, чѣмъ заняться въ ожиданіи его, я тоже взялъ цалду и, отыскавъ черешню, сталъ обрубать побѣги, превратившіе ее изъ дерева въ огромный кустъ; разчистивъ потомъ, съ помощью другихъ, нѣсколько квад-

Digitized by Google

ратныхъ саженъ колючки, и я, и товарищи мои должны были отказаться отъ этой непривычной забавы.

— «Дайте-ка хинки, батинька, сказалъ подошедшій ***, никакъ она есть съ вами?» — «Есть, а что, или поламываетъ?» — «Поламываетъ». Съѣвъ двѣ чайныхъ ложки хины, *** обвязалъ голову платкомъ, намоченнымъ въ уксусѣ, и легъ на арбу, стоявшую въ тѣни подъ деревомъ, а я пошелъ по дорогѣ въ лѣсъ. Кое-гдѣ попадались не то могилы, не то слѣды бывшихъ строеній, все поросло колючкой и лѣсомъ; мнѣ казалось и чувствовалось, что я хожу по кладбищу храбраго и даровитаго народа. Что за могучая растительность окружала меня! Нѣкоторыя деревья были неимовѣрной величины. Я дошелъ до того мѣста, гдѣ нѣсколько такихъ великановъ лежало на землѣ; ихъ срубили для роспилки на доски для хутора. Мнѣ говорили, что разчисткѣ дорогъ на черноморскомъ берегу Кавказа много помогала мѣновая торговля орѣховаго дерева на соль, которую отъ насъ получали горцы; проектъ этотъ былъ предложенъ, сказываютъ, какимъ-то прапорщикомъ. Возвратясь на хуторъ, я увидѣлъ, что ***, какъ ни въ чемъ не бывало, хлопоталъ объ обѣдѣ: хинка пошла, стало-быть, въ прокъ. Мнѣ показывали ножницы и нѣсколько другихъ домашнихъ вещей, найденныхъ въ землѣ во время распашки; на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ были горскіе аулы, такія находки случаются постоянно. Пообѣдавъ и напившись чаю, мы отправились въ обратный путь. Море, когда мы подошли къ нему, было совершенно спокойно; солнце уже опустилось низко, и цѣлыя стада форели играли въ устьѣ маленькой рѣченки, впадавшей въ этомъ мѣстѣ. Въ настоящее время дорогой этой рыбкой по черноморскому берегу покамѣсть лакомятся одни дельфины. Скоро приплылъ баркасъ и довезъ насъ въ Адлеръ. Собаки отлично совершили свое вторичное путешествіе черезъ Мзымту.

При отъѣздѣ изъ Поти, я справился о времени, когда пойдетъ пароходъ въ Гагры; мнѣ сказали, что «Звѣздочка» должна прибыть туда вечеромъ 12-го апрѣля, взять солдатъ, выписавшихся изъ гагрскаго госпиталя, и тотчасъ же воротиться въ Сухумъ. Случая этого мнѣ пропускать не слѣдовало, потому что 14-го числа изъ Сухума шелъ пароходъ въ Одессу.

Было 11-е апрѣля, и мнѣ, чтобы поспѣть во-время въ Москву, необходимо было, во что-бы то ни стало, быть завтра въ Гаграхъ къ приходу «Звѣздочки». На морѣ былъ сильный противный вѣ-

Digitized by Google

теръ, и ѣхать на феллюкѣ не было никакой возможности,—оставалось одно: отправиться верхомъ по берегу. Къ счастію, рѣка не слишкомъ бушевала, и я, нанявъ трехъ лошадей (подъ меня, подъ проводника и подъ вещи) за 9 р. сер., приготовился завтра чуть свѣтъ проститься съ Адлеромъ.

Жалко, что не было времени осмотрѣть всѣхъ поселеній, но дѣлать было нечего — приходилось довольствоваться осмотромъ ближайшихъ мѣстъ. Мы поѣхали по адлерской долинѣ. Открытое мѣсто скоро кончилось, и дорога пошла кустарниками и лѣсомъ. По дорогѣ мы видѣли фундаментъ бывшей мечети и замѣтные слѣды бывшихъ черкесскихъ построекъ. Версты черезъ двѣ находился отдѣльный хуторъ малороссійскаго поселенца: поле, разумѣется, все было огорожено. Далѣе лежалъ хуторъ черногорца *Іелича*, который и былъ настоящею цѣлью нашего осмотра. Іеличъ оказалъ услуги русскимъ во время войны, и ему позволено было занять для себя участокъ въ 7 десятинъ. Выбравъ мѣсто, разчищенное и воздѣланное горцами, онъ огородилъ его крѣпкимъ заборомъ и занялся хлѣбопашествомъ и огородничествомъ. Любо было посмотрѣть на его поле; тутъ были посѣяны: пшеница, кукуруза, капуста, огурцы и арбузы; для капусты была проведена канавка изъ Мзымты. Дѣло свое Іеличъ началъ безъ собственныхъ денегъ, а единственно лишь съ помощью пары своихъ здоровыхъ рукъ. Доставъ на первый случай взаймы кое-какія деньжонки, онъ, какъ муравей, копался въ своемъ участкѣ все время, принанимая, по мѣрѣ возможности, работниковъ; урожай былъ хорошъ, и онъ въ первый же годъ расплатился съ долгами, на второй годъ доходъ его уже простирался до 800 р. сер., а теперь онъ надѣется тысячи на $1^1/_2$ и пожалуй на двѣ. Про эти цифры я слышалъ не отъ самаго Іелича и потому не очень-то имъ довѣряю, но не подлежитъ сомнѣнію, что его труды, также какъ и труды его сосѣда малоросса, вознаградились отлично. Надобно было видѣть, съ какой гордостью этотъ почтенный человѣкъ показывалъ намъ собственное свое поле! *** говорилъ, что поле это еще не составляетъ собственности Іелича, а отведено ему только во временное пользованіе, дальше же—что еще скажетъ размежеваніе. Но я, разумѣется, не повѣрилъ такому невѣроятному разсказу, потому что чтоже-бы такое это было? Подобные люди заслуживаютъ награды и поощренія, а не того, чтобы плодами ихъ трудовъ современемъ

Digitized by Google

воспользовались другіе. Кто захочетъ селиться безъ твердой увѣренности, что съ такимъ трудомъ обработанное поле останется вѣчною его собственностью? Вся фигура Іелича напоминаетъ собою просушенную и прокопченную насквозь селедку; видно было, что этому человѣку были свои и жаръ, и холодъ, и лихорадка. До настоящаго времени онъ помѣщался на своемъ хуторѣ въ шалашѣ, а теперь, собравшись со средствами, дозволилъ себѣ и роскошь, т. е. постройку постояннаго домика или, скорѣе, избушки изъ камня, который добывали изъ уцѣлѣвшихъ фундаментовъ горскихъ строеній. Русскій печникъ изъ Высокаго прилаживалъ въ его избушкѣ русскую печку. Съ истиннымъ уваженіемъ пожалъ я на прощанье руку этому истинному поселенцу-піонеру. Мы оставили хуторъ Іелича, сопровождаемые неистовымъ лаемъ его вѣрныхъ собакъ, готовыхъ броситься на насъ съ такимъ же ожесточеніемъ, съ какимъ онѣ привыкли бросаться на своихъ заклятыхъ недруговъ кабановъ. Мы пошли вверхъ по долинѣ, но страшная жара заставила насъ вернуться назадъ и не дойти до поселеній. Мы видѣли ихъ только издали, также какъ и нѣсколько орѣховыхъ деревьевъ такой величины, что подъ ними можетъ помѣститься цѣлое батальонное каре. Одинъ изъ военныхъ, живущихъ на Адлерѣ, разсказывалъ мнѣ, что, по окончаніи войны, небольшія шайки горцевъ продолжали еще бродить и скрываться по горамъ и трущобамъ цѣлыхъ два года. Несчастные, чтобъ не выдать себя, перерѣзали своихъ собакъ, пѣтуховъ и дошли до совершенной одичалости. Разумѣется, они, какъ дикіе звѣри, бросались на всякаго попадавшагося имъ русскаго. Къ нимъ отправлены были переговорщики изъ замирившихся черкесовъ, которые и уговорили ихъ покориться и выселиться на ту сторону горъ. Мы уже были недалеко отъ Адлера, какъ вдругъ у насъ изъ подъ ногъ вылетѣлъ фазанъ и понесся къ крупному лѣсу своимъ ровнымъ полетомъ, напоминающимъ полетъ полеваго тетерева. Фазановъ прежде здѣсь не было, и они только показались на Черноморскомъ берегу въ послѣднее время, вытѣсняемые поселеніемъ изъ-за той стороны горъ. За убіеніе фазана здѣсь положенъ штрафъ въ 40 р. сер., и есть надежда, что они разведутся. Вообще, нужно сказать, что на Кавказѣ теперь правила охоты стали соблюдаться чуть ли не строже, чѣмъ у насъ въ Россіи. Въ прежнее время въ тѣхъ мѣстахъ, которыя еще не были заняты русскими, фазаны водились въ не-

Digitized by Google

вѣроятномъ количествѣ, потому что горцы не стрѣляли въ летъ пулями, а дроби и совсѣмъ не имѣли, но съ нашимъ появленіемъ эта прекрасная дичь начала быстро уменьшаться. Разсчета въ охотѣ тогда, разумѣется, не было никакого; зачастую командиры передъ какимъ-либо праздникомъ отправляли на охоту цѣлые взводы солдатъ, снабдивъ ихъ дробью, и посланные привозили цѣлые телѣги фазановъ. Нельзя не радоваться, что начинаетъ видѣться конецъ этому безобразному истребленію. Вечеромъ мы съ ***, сидя на крылечкѣ вели тихую бесѣду подъ шумъ морскаго прибоя. — «Отчего бы и вамъ, сказалъ мнѣ ***, не переселиться сюда? Посмотрите-ка, что это за край, что за растительность и что вообще за богатство!» — «Любезнѣйшій ***, отвѣчалъ я ему на это, — чтобы браться за какое-нибудь дѣло, надо прежде всего повѣрить себя, имѣешь ли къ нему достаточно способности и охоты. Я, признаюсь вамъ, въ настоящемъ случаѣ не нахожу въ себѣ ни того, ни другаго. Что вышло бы, еслибы я вздумалъ переселиться? Я только мѣшалъ бы другимъ и, захвативъ землю, напоминалъ бы собою собаку на сѣнѣ. Такой поступокъ совершенно не добросовѣстенъ, и я считаю, что могу быть болѣе полезнымъ на другомъ мѣстѣ. Для здѣшняго края требуются не такіе переселенцы, какъ я, здѣсь нужны работники, а я всей моей прошлою жизнью не подготовленъ къ подобной роли. Да скажу откровенно, что вовсе и не желаю изъ остатка моихъ, можетъ быть, уже и не долгихъ дней создавать для себя совершенно безплодное мученье. Увѣренъ даже, что и Іеличъ, имѣй онъ возможность жить спокойнѣе и лучше, не сталъ бы терзать себя изъ одной любви къ искусству; но меня за такой поступокъ онъ же не преминулъ бы назвать сумасшедшимъ. Что хорошаго мѣшать дѣлать дѣло другимъ и въ то же время мучить себя безъ всякаго толку? Работать вольнымъ трудомъ и не жить здѣсь самому—я считаю невыгоднымъ для себя и вреднымъ для края, потому что, по самому искреннему моему убѣжденію, дѣло это не можетъ идти съ успѣхомъ. Безъ хозяина домъ сирота, говоритъ наша пословица. Скажу только одно: положимъ я былъ бы въ состояніи имѣть 20 работниковъ. Такъ какъ на здѣшнихъ жителей постоянно разсчитывать нечего, то пришлось бы выписывать рабочихъ изъ Россіи; каждый изъ нихъ съ проѣздомъ, орудіями, нужными для него, содержаніемъ лошадей, на которыхъ онъ долженъ работать, и проч., обошелся бы, по малой

Digitized by Google

мѣрѣ, рублей 400 въ годъ, и, стало быть, чтобы воротить только эти расходы, надобно выручить ежегодно не менѣе 8,000 рублей. Скажите по совѣсти, легко ли это? А затрата капитала, жалованье управляющему и множество другихъ расходовъ? Мы знаемъ, что значитъ возиться съ рабочими даже и въ Россіи, а здѣсь, въ случаѣ недоразумѣній, и разсудить то васъ съ ними некому. Еслибъ я не зналъ, куда дѣвать деньги, то, пожалуй, купилъ бы участокъ, нанялъ бы управляющаго и, живя въ Петербургѣ, не считалъ бы убытковъ, услаждая себя мыслію о будущихъ доходахъ. Но такъ какъ бѣшеныхъ денегъ у меня не имѣется, а къ земляной работѣ я не пріученъ, то, стало быть, и толковать объ этомъ больше не слѣдуетъ. Покойной ночи, любезный ***».

Съ зарей слѣдующаго дня, распростившись съ *** и его любезной супругой, также вставшей, чтобы проводить меня, и, поблагодаривъ ихъ за гостепріимство, я отправился съ проводникомъ верхомъ въ Гагры; онъ велъ и вьючную лошадь съ моимъ багажемъ. Переправившись благополучно черезъ Мзыту, мы погрузились въ лѣсъ, но скоро выѣхали на берегъ; полоса его, состоящая изъ мелкаго щебня, была здѣсь настолько широка, что волны ревѣвшаго прибоя не могли заливать ее всю, и мѣста для проѣзда оставалось довольно. Надъ водою были постоянно видны стада кувыркавшихся дельфиновъ. Присутствіе человѣка на берегу только и сказывалось что складами дубовыхъ досокъ, добытыхъ въ лѣсу рабочими Спанаги. Вотъ они, настоящіе-то дѣвственные лѣса! Какая чаща, какіе великаны и какое разнообразіе неизвѣстныхъ намъ, жителямъ сѣвера, породъ! Слышится въ лѣсу какой-то странный крикъ. Что это такое? Это кричитъ дикій козелъ. Мы доѣзжаемъ до рѣки *Псхоу*, которая еще бѣшенѣе Мзымты. При устьѣ ея нѣсколько шалашей и турецкихъ феллюкъ,—это опять промышленники на дельфиновъ, расположившіеся у прѣсной воды; на морѣ видны ихъ лодки, съ которыхъ раздаются частые выстрѣлы. Чтобъ переправиться черезъ Псхоу, надобно подняться вверхъ отъ ея устья. Поднялись. Слѣзаемъ, оправляемся, подтягиваемъ подпруги у лошадей и потомъ вновь садимся. Проводникъ спускается въ воду ниже меня по теченію. Ну-ка, благослови Господи! Ухъ, какая быстрина, какая пѣна и какой страшный шумъ! Берегъ бѣжитъ вверхъ по водѣ! Выѣхали!.. Надо опять слѣзть и оправиться. Дорога опять погружается въ лѣсъ. При самомъ на-

Digitized by Google

чалѣ ея небольшая полянка, вся изрытая кабанами; могила умершаго и похороненнаго на ней турка огорожена досками отъ этихъ нечистыхъ животныхъ. Лѣсъ становится еще громадиѣе и еще непроходимѣе; мы выѣзжаемъ изъ него и подъѣзжаемъ къ духану *Александрепши*, построенному на самомъ берегу, въ 14 верстахъ отъ Адлера и въ 16 отъ Гагръ,—здѣсь можно и отдохнуть немного.

Духанъ этотъ выстроенъ недалеко отъ деревни Пиленковой; по близости отъ этого же мѣста и новый землевладѣлецъ Б*** занялъ свой участокъ на разчищенныхъ горцами мѣстахъ и намѣренъ здѣсь поселиться. Въ духанъ пріѣхалъ его управляющій, молодой и умный малый изъ курскихъ мѣщанъ; онъ говорилъ мнѣ: «ужъ право не знаю, какъ мнѣ и быть! Люблю я господина Б*** и радъ бы служить имъ; мѣста они заняли хорошія, да ужъ пустынно здѣсь очень. Гдѣ мы будемъ доставать рабочихъ? Господинъ Б*** дарятъ мнѣ 20 десят. земли,—да что я стану съ ней дѣлать? Придется отказаться, должно быть». Около духана видны были развалины монастыря или церкви, почти скрытыя въ лѣсу. Такихъ развалинъ попадается множество по всѣмъ непроходимымъ дебрямъ, покрывающимъ въ настоящее время кавказское черноморье.

Съ этого мѣста начинается уже Гагринскій кряжъ, запирающій въ Гаграхъ единственную береговую тропинку, идущую изъ Абхазіи въ Адлеръ. Если нѣтъ прибоя, то отсюда въ Гагры можно проѣхать берегомъ (12 верстъ), если же прибой, то приходится ѣхать горами. Проѣхавъ небольшую горную рѣчку *Хатупсе*, мы начали подниматься вверхъ, удаляясь отъ моря. Лошади наши карабкались и спускались внизъ, какъ кошки, что приходилось имъ дѣлать постоянно *). Иногда казалось, что дорожка совсѣмъ прекращалась и впереди находился обрывъ, но это только былъ крутой поворотъ. Чтобъ легче было лошади, безпрерывно приходилось отваливаться тѣломъ назадъ при спускахъ и подниматься на коротких стремепахъ, хватаясь даже за гриву, при крутыхъ подъемахъ. Телеграфная проволока прикрѣплена здѣсь прямо къ деревьямъ, потому что врывать столбы въ каменистый кряжъ было бы очень трудно. А тамъ, гдѣ можно ихъ врывать, тамъ они были чугунные, — доказательство, что телеграфъ проводили его хозяева—англичане.

*) На Кавказѣ подкова не такая, какъ у насъ: она занимаетъ все копыто для того, чтобъ острые камни не поранили и не потеряли копытной стрѣлки.

Digitized by Google

Тропинка то спускалась внизъ къ морю, такъ что волны прибоя обдавали брызгами копыта нашихъ лошадей, то поднималась на верхъ, откуда море казалось спокойнымъ, какъ зеркало; внизу громадныя деревья, перевитыя ліанами, и непролазная колючка, вверху чистый сосновый лѣсъ, незабудки и желтые рододендры. И тамъ и здѣсь мертвая тишина; заросшія папоротникомъ поляны указываютъ мѣста бывшихъ горскихъ ауловъ; на нихъ ни слѣда какихъ бы ни было построекъ: все сожжено и разрушено. На дорогѣ по этому десять лѣтъ тому назадъ страшному берегу намъ во все время попался всего на всего одинъ солдатикъ; совершенно безоружный, онъ сидѣлъ и переобувался около тропинки. Молчаливая и величественная пустыня! отвѣть мнѣ, гдѣ теперь тѣ, которые такъ еще недавно населяли твои дѣвственные лѣса? Многихъ ли изъ нихъ не выпустила ты изъ твоихъ родимыхъ объятій, и какова настоящая судьба покинувшихъ тебя? О! отвѣть, отвѣть мнѣ хоть что-нибудь на это, царственная пустыня! Но въ отвѣтъ только птичка распѣваетъ свою безучастную пѣсню, да раскаты прибоя гремятъ, какъ отдаленный гулъ орудій. Наконецъ, мы достигли послѣдняго крутаго каменистаго спуска къ морю, и глубоко внизу открылись Гагры, занимающіе небольшую площадку между почти что отвѣсными скалами и моремъ. Напрасно я смотрѣлъ въ бинокль и искалъ «Звѣздочки»: она еще не приходила.

Но вотъ, на морѣ показалась какая-то точка; скоро можно было разсмотрѣть, что это судно, а дымъ, развѣвавшійся надъ нимъ въ видѣ флага, показывалъ, что это милая «Звѣздочка» взошла на горизонтъ. Черезъ часъ она бросила якорь. Турецкая шлюпка перевезла меня съ берега; перевезены солдаты, выписавшіеся изъ гагринскаго госпиталя, и черезъ 2 часа мы отплыли въ Сухумъ, куда и прибыли на слѣдующее утро. Опять я въ той же гостиницѣ «Тифлисъ», въ которой приходится пробыть сутки въ ожиданіи парохода. Былъ страстной четвергъ, и я пошелъ ко всенощной. Церковь была полна народомъ,—все офицеры, чиновники и солдаты, туземцевъ же было только нѣсколько человѣкъ; они съ любопытствомъ смотрѣли на торжественную службу.

На другой день прибылъ пароходъ Русскаго Общества «Олегъ», на которомъ я и отплылъ съ Кавказа. Вечеромъ мы шли еще въ виду берега; лучи заходившаго солнца, прорвавшись сквозь облака, облили пурпуромъ и насъ, и море, и весь нескончаемый снѣ-

Digitized by Google

говой хребетъ, лежавшій передъ нами. Прощай Кавказъ! Благодарю тебя за все, испытанное мною среди твоихъ величественныхъ горъ и роскошныхъ долинъ! Благодарю тебя и за то, что ты въ часъ прощанья показался мнѣ во всемъ твоемъ невыразимомъ величіи.

Написавъ эти строки, я поднялъ голову и взглянулъ въ окно, у котораго стоитъ мой письменный столъ. Прэдо мною освѣщенная майскимъ солнцемъ панорама бѣлаго, утонувшаго въ зелени швейцарскаго города съ голубымъ озеромъ и хребтомъ снѣговой цѣпи бернскаго Оберланда, изъ которой особенно выдается величественная glärnisch; но какъ ни хороша эта панорама, она не можетъ вытѣснить изъ моей памяти Кавказа въ томъ видѣ, въ какомъ онъ показался мнѣ въ часъ нашего безмолвнаго прощанья.

Digitized by Google

Глава II.

Отъ Ростова по Кубанской области до Кабарды. —Ростовъ.— Отплытіе изъ Таганрога.—Рыболовство на Азовскомъ морѣ. —Ейскъ.—Керчь.—Озеро Чохракъ и добываніе изъ него соли. —Блевацкі (грязныя соли). —Лиманы.—Темрюкъ.— Козьма и его дилижансъ. Первое впечатлѣніе, производимое Кубанскимъ краемъ.— Плавни.—Кубань.—Варенниковская станица.—Отводъ земель простымъ казакамъ и офицерамъ (нанамъ).—Безпорядки по этому поводу. — Отводъ земель черкесамъ.—Раздача земель частнымъ лицамъ (офицерамъ и чиновникамъ).—Нѣсколько словъ вообще о современномъ положеніи Закубанскаго края. — Колюжній, бесѣда съ нимъ и его пластунскія продѣлки.—Неудачная, по раннему времени, охота на фазановъ.—Кавалеръ Петровъ. —Любопытный инженеръ. — Табачная плантація на Псебенсѣ.—Участки, розданные заслуженнымъ лицамъ. —Дорога отъ Варенниковской до Худако. —Худако. Его исторія и положеніе его нефтяныхъ колодцевъ въ 1874 году.—Бакинскіе колодцы въ то время.—Мое пребываніе на Худако и разговоръ съ управляющимъ о положеніи тамошняго хозяйства. —Абинская станица.—Кузнецъ Щукинъ и жена его, Прасковья Ивановна.—Разсказы про теперешнее и про былое.—Екатеринодаръ.—Путь до Пятигорска.—Нѣсколько заключительныхъ словъ о хозяйствѣ въ Закубанъѣ и вообще о положеніи края.

Жара стояла нестерпимая, когда, въ началѣ августа 1874 года, я и Степанъ Семенычъ Маршевъ, отставной кавказскій солдатъ, нанятый мною на все время путешествія, пріѣхали въ душный и пыльный Ростовъ. Времени, до отъѣзда въ Таганрогъ, оставался еще цѣлый часъ, но на отвратительномъ старомъ вокзалѣ была такая тѣснота, такая толкотня и такой безпорядокъ, что мы едва-едва успѣли взять билеты, сдать багажъ и посадить мою охотничью собаку «Дружка», смотрѣвшаго съ внимательнымъ любопытствомъ на невиданную еще имъ, до настоящаго времени, суету. Не люблю я эту воронежско-ростовскую дорогу, извивающуюся змѣей между балокъ, такъ что, отъѣхавъ иногда верстъ 10, пріѣзжаешь чуть не на прежнее мѣсто. Ходитъ она тихо, станціи плохи, мѣстность однообразна до утомительности, а пассажировъ

Digitized by Google

такъ мало, что даже жалѣешь объ ихъ отсутствіи. Куда ни поглядишь изъ вагона — все степь да степь, балки да балки. На разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ нѣтъ ни одного города и очень мало станицъ и поселковъ; жители ихъ работаютъ на волахъ, ѣздятъ на волахъ, и даже американскій локомотивъ—и тотъ реветъ по воловьи. Вотъ она—думается—истинно воловья-то сторона! Но Богъ съ ними, со степями и ихъ удушающимъ жаромъ—скорѣе туда, къ вольному синему морю, съ его охлаждающимъ вѣтеркомъ, къ крымскимъ берегамъ и, затѣмъ, къ цѣли нашего путешествія, т. е. къ Кавказу.

Засипѣлъ свистокъ, запыхала машина, и, вотъ, мы во всю мочь несемся вдоль праваго берега тихаго Дона.

Быстро остались назади и исчезли: пристань, строющаяся владикавказская желѣзная дорога и самый Ростовъ. Промелькнула Гниловская станица съ ея досчатыми, крытыми камышомъ, желтыми хатами, голубыми ставнями и некрытыми, какъ почти вездѣ на югѣ Россіи, дворами. Станицы чуть-чуть виднѣются на лѣвомъ, возвышенномъ берегу рѣки. Внизу луга, справа — выгорѣлая отъ солнца степь, съ оставшимися кое-гдѣ лоскутами бахчи. Страна имѣетъ еще дѣвственный видъ, и пугливая ревунья ѣзь, сидя на краю болота, около самой желѣзной дороги, подняла къ верху свой острый носъ и съ любопытствомъ смотритъ на несущійся поѣздъ.

Съ Синявской станціи повѣяло свѣжестью и завиднѣлась вдали молочнаго цвѣта полоса — это было море, незамѣтно сливавшееся съ небомъ. Скоро обозначился и Таганрогъ, въ видѣ высокаго мыса, внизу котораго стояла цѣлая роща мачтъ. Влѣво были донскія гирла; они представлялись въ видѣ чернаго болота, съ безчисленными протоками, поперегъ которыхъ были перекинуты рыболовныя снасти. День былъ чудный—ясный, прозрачный, безоблачный. Контрастъ съ только что покинутыми степями былъ слишкомъ рѣзокъ, и я отказываюсь отъ всякой попытки передать ощущенье, испытанное мною при видѣ такъ внезапно открывшейся морской картины.

Переночевавъ въ Таганрогѣ, въ прекрасной «Европейской гостиницѣ», мы, на другой день, перебрались на пароходъ. Черная, покрытая каменноугольною пылью пристань Таганьяго Рога кипѣла черными рабочими, сошедшимися сюда чуть не изо всѣхъ мѣстностей Европейской Россіи; они таскали на суда съ берега 9-ти

Digitized by Google

пудовые мѣшки съ каменнымъ углемъ. Измориашіеся торопливо раздѣвались и кидались въ воду, прямо съ мостковъ, блестя на солнцѣ темножелтыми, покрытыми потомъ тѣлами; окунувшись нѣсколько разъ, они торопились одѣться и приняться вновь за свою каторжную работу; — заработная плата шла здѣсь съ пуда. Въ 2 часа пароходъ отплылъ въ Керчь.

Во время путешествія знакомство заводится очень легко и скоро; тутъ люди не имѣютъ надобности остерегаться другъ друга и часто пускаются въ самыя откровенныя бесѣды, невозможныя при другихъ обстоятельствахъ и въ другое время. Эта-то свободная откровенность и составляетъ одну изъ главныхъ прелестей путешествія. Познакомился я съ однимъ почтеннымъ крымскимъ старожиломъ, г. N. и разговорился съ нимъ *о рыболовствѣ на Азовскомъ морѣ*. По его словамъ, это одинъ изъ самыхъ хищническихъ отдѣловъ вообще нашего хищническаго хозяйства.—«Такое безразсчетное и безпощадное истребленіе одного изъ драгоцѣннѣйшихъ нашихъ богатствъ,—говорилъ N,—не знаю, встрѣтите-ли вы еще гдѣ-нибудь. Право, если этотъ порядокъ продолжится, то потомки наши, пожалуй, не будутъ и знать, что за вкусъ въ красной рыбѣ. Главный ловъ производится здѣсь на Ачуевской косѣ, на рѣчкѣ Протокѣ; тамъ и заводъ рыбный устроенъ—Ачуевъ. Протока—это самый длинный рукавъ Кубани, впадающій въ Азовское море; течетъ она лиманами и непроходимыми плавнями; въ нее больше всего идетъ рыба, и тутъ-то производится самое безобразное истребленіе. Здѣсь пускаются въ дѣло всевозможные истребительные снаряды: крючья на мелкихъ перекатахъ и проч., и рыба, не успѣвъ выметать икру, уничтожается въ корень. По правиламъ, половина рѣки должна оставаться свободной для прохода рыбы и на ней нельзя разставлять снасти. Ну, да вѣдь мы знаемъ, какъ соблюдаются эти всѣ постановленія! Рыбная ловля здѣсь сдается съ торговъ,—а какой интересъ имѣетъ откупщикъ въ сохраненіи рыбы? Ему, послѣ, хоть все пропади! Капиталистовъ здѣсь мало, конкуррировать не кому, и торги постоянно остаются за Посполитаки,—это царь здѣшняго рыболовства. Мнѣ сказывали, что въ послѣдній разъ онъ снялъ на 48 тысячъ, а одного клею продалъ 800 пудовъ по 70 р., слѣдовательно, на 56 тысячъ,—барышъ хорошій! Давно-ли Ростовъ славился рыбой, а теперь въ немъ ловится только тарань. Всю икру и рыбу здѣсь скупаютъ оптомъ харьков-

Digitized by Google

скіе купцы, и—повѣрите-ли?—мы сюда получаемъ ее обратно изъ Харькова и покупаемъ по московской цѣнѣ.»

Около полуночи мы пришли въ *Ейскъ*—городъ, основанный кн. Воронцовымъ въ началѣ 50-хъ годовъ. Какъ извѣстно, князь, при заселеніи новыхъ мѣстъ, держался своей собственной системы, шедшей совершенно въ разрѣзъ съ системой тогдашняго управленія, именно: имъ допускалась, въ этомъ случаѣ, полнѣйшая свобода. По разсказамъ старожиловъ, фискальное преслѣдованіе за паспорты не существовало въ странахъ, подчиненныхъ его управленію, и въ Новороссіи, въ то время, жило столько безпаспортныхъ, что на приказаніе объ ихъ высылкѣ князь не побоялся отвѣтить, что исполненіе этого приказанія равнялось бы почти обезлюденію края и приведенію его въ прежнее положеніе. Новороссія и Кавказъ сдѣлались, въ то время, обѣтованнымъ краемъ для бѣглой голытьбы и сектантовъ, неуживавшихся съ тогдашней администраціей и крѣпостнымъ правомъ. Эта система свободнаго населенія была примѣнена княземъ и къ Ейску, т. е. въ новосозданный городъ дозволено было приписываться всѣмъ желающимъ, не спрашивая, кто такой и откуда. Свобода и тутъ дала свои благодатные ростки, и Ейскъ въ короткое время населился и сталъ довольно богатымъ городомъ.

Часу въ 10-мъ утра показалась *Керчь*, съ ея курганами, Митридатомъ строившейся крѣпостью и окрестными желтыми горами. Осмотрѣвъ Царскій курганъ и музей, я нанялъ коляску и поѣхалъ на *Чохракъ* — соленое озеро, верстахъ въ 18-ти отъ города. Г. N.... былъ такъ добръ, что согласился отправиться со мной и быть моимъ проводникомъ. Окрестности Керчи печальны до-нельзя и состоятъ изъ безплодныхъ горъ, покрытыхъ теперь уже разрытыми курганами. Часа черезъ два, при выѣздѣ изъ довольно узкаго ущелья, мы внезапно увидѣли большую бѣлую, сверкавшую на солнцѣ равнину, при началѣ которой возвышалось нѣсколько правильныхъ бѣлыхъ массъ,—это и былъ Чохракъ, съ буптами соли, добытой изъ бассейновъ главнаго откупщика Р..., имѣвшаго на озерѣ около 7-ми участковъ. Бассейны шли одинъ за другимъ, вверхъ по долинѣ, около дороги, по которой мы пріѣхали; дно въ нихъ было покрыто толстымъ слоемъ окристаллизовавшейся соли, а вода имѣла красный цвѣтъ; человѣкъ 10 рабочихъ накладывали соль въ тачки, отвозили ее по доскамъ, положеннымъ на низень-

Digitized by Google

какъ плотинахъ, раздѣляющихъ бассейны, и сваливали въ буты. На другой сторонѣ была водочерпальная машина съ конннымъ приводомъ; ею вода наливалась изъ озера въ бассейны. Тутъ находилось и грязелѣчебное заведеніе; оно было довольно бѣдно и не имѣло особыхъ удобствъ. Немного далѣе были сѣрные источники. —«Прежде, говорилъ N...., добываніе соли изъ Чохрака было свободное,—бассейновъ не было, а просто со дна брали. Обходилось: 1½ к. съ пуда въ казну, за право добычи; 1 к. работа; 2 к. доставка до Керчи; 23 к. акцизъ, да 7 к. доставка до Таганрога; итого въ Таганрогѣ соль стоила отъ 36 до 40 коп. Теперь же соль сдана на откупъ и возвысилась до 46—50 коп. Надобно вамъ сказать, что Чохракъ наполняется лишь дождевой водой. Съ устройствомъ откупщиками бассейновъ, воды изъ озера стало испаряться въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ доставляется дождемъ; изъ этого слѣдуетъ, что обмеленіе, а можетъ быть и совершенное высыханіе озера неминуемо. Прежде вода доходила до береговъ, и соль брали тутъ же со дна, а теперь—вонъ, поглядите-ка!—канава, доставляющая къ чернальной машинѣ разсолъ, ужъ отведена отъ берега сажень на 200, и на этомъ пространствѣ, отъ береговъ, осталась лишь грязь; дѣло ясно, какъ день... а откупъ существуетъ 3 года. Недавно—продолжалъ съ улыбкой N....—разсуждалъ я съ съ однимъ образованнымъ и даже ученымъ человѣкомъ; онъ мнѣ доказывалъ, какъ дважды два, что я такъ рузсуждаю отъ того, что не учился политической экономіи; что прежде добываніе производилось варварскимъ способомъ, а вотъ теперь-де къ нему капиталы приложены, а съ капиталомъ—дѣло извѣстное—производство усиливается, страна обогащается и проч., и проч. Положимъ, я не учился полит. экономіи, но настолько-то смыслю, что дѣльно затраченный капиталъ оживляетъ страну; да только штука вся въ томъ, что съ капиталомъ и съ усиленіемъ производства продуктъ долженъ становиться дешевле и народу должны открываться новые заработки, — а тутъ, какъ разъ, шиворотъ на выворотъ: соль, безъ которой жить человѣку нельзя, подорожала на гривенникъ, а тѣ, которые прежде добывали и продавали ее сами, теперь у откупщика въ батраки нанимаются. Вотъ кабы уничтожили откупъ да соляной налогъ, *) такъ, чтобы въ Таганрогѣ соль-то все-

*) Писано въ 1874 г., слѣдовательно до уничтоженія налога.

Digitized by Google

го стоила 18 к.,—ну, тогда можно бы было порадоваться. Не хотите ли, однако, посмотрѣть кстати здѣшніе грязные вулканы или сопки; ихъ здѣсь въ простонародьи называютъ—не обезсудьте—*блеваками*. Поѣдемте — одна тутъ недалеко; это бездонныя ямы, наполненныя грязной жидкостью, съ сѣрнымъ запахомъ, которая иногда выкидывается сопкой на небольшую высоту, что и было причиной происхожденія мѣткаго прозвища». Блевака, которую мы осматривали съ Ѳ..., хотя и вела себя смирно во время осмотра, но надобно сказать правду—имѣла, все-таки, очень непрезентабельный видъ, и нашъ возница, видя, какъ мы ходили вокругъ ямы и съ любопытствомъ нюхали куски засохшей грязи, не могъ скрыть своего насмѣшливаго удивленія, и на замѣчаніе моего спутника, что таманскія блеваки лучше, не вытерпѣлъ и сказалъ: «лучше? Вотъ еще чудо-то! Нашли хорошаго въ блевакѣ! Чего ужъ! сказано, что блевака, такъ блевака и есть!» Возвратясь въ Керчь, я отправился прямо на маленькій и очень грязный, нагруженный бочками съ солью, пароходишко, который въ эту же ночь отплылъ въ Темрюкъ.

Изъ пассажировъ, кромѣ насъ, былъ только учитель греческаго языка изъ какой-то губернской гимназіи. Сколотивъ небольшой капиталецъ, онъ спѣшилъ промѣнять мертвое дѣло на живое, т. е. распроститься съ классической премудростью и купить или арендовать за Кубанью участокъ земли. По слухамъ, на Лабѣ землю можно было еще покупать дешево. Въ 6 часовъ утра насъ разбудили: мы вошли въ узкій рукавъ, соединяющій *Курчанскій лиманъ* съ моремъ. Здѣсь надо было пересаживаться на другой, плоскодонный пароходикъ, сидѣвшій въ водѣ меньше 2 футовъ. Картина обширнаго лимана, около 20 в. въ длину и 5 въ ширину, окруженнаго со всѣхъ сторонъ непроходимыми камышами, поразила меня своей новизной. Рыбные заводы теперь были безъ дѣла— и, кромѣ насъ, ни одно человѣческое существо не нарушало тишины этого царства рыбъ и водяной птицы. Пароходъ медленно подвигался по мелководному лиману, спугивая бабъ-птицъ, отлетавшихъ въ сторону при его приближеніи. Держась середины, мы, наконецъ, въѣхали въ Темрюкское гирло, которымъ Курчанскій лиманъ соединяется съ Ахтанизовскимъ. Безпрестанно цѣпляясь за дно и останавливаясь, мы еле-еле двигались между камышевыми берегами и, наконецъ, кое-какъ дошли до темрюкской пристани, съ которой, на ломовой телегѣ, поднялись въ городъ.

Digitized by Google

Темрюкъ—прежде станица, а теперь уѣздный городъ Кубанской области—стоитъ на высокой косѣ, раздѣляющей Курчанскій и Ахтанизовскій лиманы. Высота косы надъ плавнями (243 фута) достаточна для того, чтобы избавить живущихъ на ней отъ лихорадокъ. Темрюкъ сдѣланъ городомъ послѣ Крымской войны, во время которой совершенно ясно выказалась полнѣйшая беззащитность всѣхъ нашихъ азовскихъ портовъ,—и основаніемъ обязанъ ген. Филипсону, командовавшему правымъ флангомъ въ 1859 г. Говорятъ, что въ то время пылкое воображеніе нѣкоторыхъ господъ до того разыгралось, что видѣло въ Темрюкѣ чуть-чуть не Севастополь, а въ окружающихъ его мелководныхъ лиманахъ чуть не бухту, въ которой могъ укрыться весь нашъ черноморскій флотъ. То было время самыхъ наивныхъ фантазій, волновавшихъ наше отечество «отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды». Разумѣется, мечты объ углубленіи дна и о прочемъ тому подобномъ разлетѣлись при первыхъ же промѣрахъ. Желѣзный пароходъ, сдѣланный въ Англіи для плаванія по лиманамъ, въ дѣло не годился: онъ безпрестанно врѣзывался носомъ въ землю, какъ будто копалъ ее, за что и былъ прозванъ именемъ извѣстнаго, ненавидимаго мусульманами нечистаго животнаго, любящаго это занятіе. Такъ и стоитъ Темрюкъ, оживляясь только во время рыбнаго лова, а въ остальное время спитъ тѣмъ же непробуднымъ сномъ, какимъ спитъ и большинство нашихъ уѣздныхъ вѣсей. Но о здѣшней рыбной ловлѣ стоитъ сказать еще нѣсколько словъ. Почти вся она производится крючьями, т. е. способомъ, строго-на-строго запрещеннымъ закономъ. Смотрители, не сойдясь съ рыболовомъ, тащатъ его къ мировому; мировой отбираетъ крючья и подвергаетъ виноватаго штрафу, а виноватый, выйдя изъ камеры, идетъ на площадь и опять преспокойно покупаетъ новые крючья, которые продаются совершенно свободно почти въ каждой лавкѣ. Крючья перекидываются вездѣ, гдѣ только можно, и рыбѣ прекращатся всякій путь въ прѣсную воду для метанья икры; истребленіе въ зародышѣ производится самымъ отвратительнымъ образомъ. Нѣсколько верстъ выше Темрюка красная рыба въ Кубани почти уже совсѣмъ не ловится. А вѣдь если-бы пожелать дѣйствительнаго исполненія закона, такъ стоитъ только запретить продажу крючьевъ.

Оставаться въ Темрюкѣ мнѣ было не зачѣмъ, и я поспѣшилъ нанять «*дилижанъ*», по-суточно, чтобъ ѣхать поскорѣй за Кубань.

Digitized by Google

Дилижанами здѣсь называются дышловые, крытые брезентомъ, нѣмецкіе фургоны (работаютъ колонисты; цѣна 130—150 р.); въ нихъ развозятъ и людей и товары по Кавказскому краю. Сторговались по 4 р. въ сутки (цѣна высокая, какъ оказалось впослѣдствіи). Едва мы тронулись съ мѣста, какъ проклятый дилижанъ оказался такимъ трескимъ и безпокойнымъ экипажемъ, что ни сидѣть, ни лежать въ немъ не было ни малѣйшей возможности, и я поспѣшилъ перебраться на передокъ, въ сосѣдство нашего возницы, Кузьмы, о которомъ тоже, пожалуй, не будетъ лишнимъ сказать нѣсколько словъ.

Кузьма этотъ, малый лѣтъ 25-ти, еще въ дѣтствѣ переселился съ отцомъ въ Темрюкъ изъ Херсонской губ. Маленькая и шарообразная фигура его обѣщала въ скоромъ времени сдѣлаться двойникомъ покойнаго Щепкина, въ роли Чупруна въ «Москалѣ-Чарівникѣ». Надѣвать шапку онъ считалъ за дѣло совершенно излишнее. Онъ уже обрусѣлъ нѣсколько и говорилъ полу-русскимъ, полу-малороссійскимъ нарѣчіемъ. По болтливости и по охотѣ горланить безъ толку всевозможныя пѣсни, онъ былъ совершенный великоросъ, а по безпричинному упрямству—чистый хохолъ; достаточно было, чтобъ онъ только заподозрѣлъ васъ въ желаніи попросить его о чемъ-нибудь, какъ уже и спѣшилъ упереться изо всей мочи, а когда упирался, то своротить его не было ни малѣйшей возможности; на всѣ доводы получался одинъ отвѣтъ: Ни! Не знаю! Не хочу!—и баста. Въ добавокъ, Кузьма былъ страшный трусъ. Если захватывала въ дорогѣ ночь, ему начинали тотчасъ же мерещиться разбойники, а когда, по пріѣздѣ въ станицу, приходилось слѣзать съ дилижана и идти искать квартиру, то онъ дѣлалъ это весьма неохотно, потому что страшно боялся собакъ; если же на него и въ самомъ дѣлѣ напускалась собака, то онъ катилъ отъ нее къ своему дилижану, словно шаръ, только пятки сверкали.

Кубанскій край имѣетъ, въ настоящее время, совершенно мирный характеръ. Нѣтъ больше ни кордоновъ, ни карауловъ; валы кругомъ станицъ осыпались и почти исчезли; изрѣдка попадаются оставленныя крѣпостцы, но въ нихъ, вмѣсто гарнизона, помѣщаются скирды хлѣба. Ѣдешь себѣ также спокойно, какъ и въ Россіи, и нисколько не опасаешься, что колокольчикъ привлечетъ чье-нибудь непрошенное вниманіе; только оставшіяся и уцѣлѣвшія сто-

Digitized by Google

рожевыя вышки, да время отъ времени попадающіеся сторожевые казаки, съ винтовками за плечами, напоминаютъ объ особенностяхъ края и о томъ, что, лѣтъ 15 назадъ, здѣсь было не такъ безопасно.—«Вотъ тебѣ и Капказъ!—повторяетъ съ недоумѣніемъ Степанъ Семенычъ, оставившій, за ранами, лѣвый флангъ въ 1858 г., т. е. въ самый разгаръ войны.—Гляди-ка, чего надѣлали! Россея наша, какъ есть—Россея!»

До Андреевской станціи, у которой поворотъ въ Закубанье, мы ѣдемъ большой дорогой; она идетъ кое-гдѣ обработанной степью; вправо возвышенность, влѣво, внизу, Курчанскій лиманъ и плавни; стаи аистовъ, черногузовъ по-здѣшнему, сидятъ и прохаживаются вдоль дороги; телеграфную проволоку унизали степные маленькіе кулички. На встрѣчу намъ попадаются воловьи фуры съ безпорядочно нарубленными дубовыми плахами; на плахахъ сидятъ или лежатъ лѣниво, въ растяжку, куркули. Куркуль—это насмѣшливое прозвище, данное здѣшнимъ казакамъ и происходящее отъ лимана Куркуй, на которомъ поселена Варенниковская станица.

Русскій обычай подтрунивать другъ надъ дружкой и здѣсь въ полномъ ходу; такъ, линейныхъ казаковъ дразнятъ: «сорокогрызы», т. е. сорокъ грызутъ,—«одной индюшки цѣлая сотня испугалась». Донцовъ допекаютъ крикомъ—«пукъ!» Основаніемъ этому служитъ слѣдующее: ѣдетъ донецъ почью и везетъ летучку (почту); филинъ кричитъ: «пукъ!» Донецъ труситъ и отвѣчаетъ: «Казакъ!» Опять—«пукъ!»—«Летучку везу!»—«Пукъ!»—«Чего присталъ? я сказалъ, что казакъ!»—«Пукъ! Пукъ!» Донецъ труситъ окончательно и удираетъ отъ филина во всѣ лопатки. Забавнѣе всего, что эти прозвища, безсмысленныя по большей части, зачастую выводятъ изъ себя тѣхъ, кого ими дразнятъ.—«Сворачивай, куркули!» кричитъ, что есть мочи, Кузьма, какъ будто ему вдругъ стало тѣсно посреди степи; тѣ и не думаютъ и даже головъ не поворачиваютъ. Кузьма пускаетъ лошадей вскачь и направляетъ ихъ на послѣднюю телѣгу такъ, чтобы своей желѣзной осью зацѣпить за ея деревянную, что ему и удается отлично. Трахъ!—«А! ты, бисова московска душа!»—раздаются неистовые голоса сзади насъ.—«Трясца твоей матери! Сто копивъ ей чертивъ! Бисова московска душа! Бисова нивира!» Но Кузьма уже удираетъ во всю ивановскую и останавливается не прежде, какъ ускакавъ за версту или больше. На мой вопросъ: зачѣмъ это онъ

Digitized by Google

выдѣлываетъ такія штуки? — Кузьма говоритъ, что «куркулей треба учить!» и потомъ добавляетъ: «Ой! Боже-жь мій! Боже-жь ты мій милостивій,—що я у нихъ осей переломалъ!» На совѣтъ же бросить эти цивилизаторскія замашки, потому что если онъ, чего добраго, попадется куркулямъ въ руки, такъ будетъ плохо, получается въ отвѣтъ односложное и упрямое—«ни!»

У Андреевской станціи мы повернули направо и спустились къ *плавнямъ*, по довольно крутой дорогѣ, разработанной войсками въ 60-хъ годахъ.—«Все-то нашъ братъ, горемычный солдатикъ, работалъ», говоритъ, вздохнувши, Степанъ Семенычъ. Спускъ привелъ къ дамбѣ, насыпанной черезъ плавни, съ мостиками черезъ ерики и протоки. При словѣ «плавни», въ воображеніи невольно рисовалась картина непроходимыхъ камышей и трясинъ, съ ихъ кабанами, фазанами, міріадами комаровъ, и проч. и проч. Ни чуть не бывало. Комары, точно, покусывали, но, по крайней мѣрѣ здѣсь, посредствомъ запрудовъ ериковъ выше дамбы, плавни настолько осушены, что по нимъ ѣздятъ все лѣто, прямо черезъ тростникъ. Тростники выжигаются и на сухихъ возвышенностяхъ сѣются просо и конопля. Нашъ Кузьма то и дѣло ахалъ, что, молъ, «какъ это тисно на божьемъ свити стало, что ужъ и плавни стали высушивать! Слыханое-ли это дѣло! Вотъ до чего дожили!» и проч. Стемнѣло. Чтобъ удостовѣриться, что чернѣетъ дѣйствительно просо, а не дикая конопля, Кузьма безпрестанно соскакивалъ, срывалъ огромныя и роскошныя, въ этотъ годъ, кисти и, неизвѣстно зачѣмъ, кидалъ намъ въ дилижансъ. До переправы плавнями приходилось ѣхать верстъ пять. Чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ *Кубани*, тѣмъ мѣстность становилась все суше и суше; наконецъ, она превратилась совершенно въ открытое поле, и, при красномъ свѣтѣ взошедшаго полнаго мѣсяца, берега рѣки еще издали обозначались рѣдкими, толстыми и кривыми ветлами, вербами поздѣшнему. Среди кустарника, ростущаго по берегу, виднѣлось нѣсколько мирныхъ хуторовъ, замѣнившихъ прежніе военные кордоны. Сама Варенниковская станица была поселена здѣсь въ 1861 г., какъ прикрытіе переправы; жители ея почти всѣ взяты изъ Темрюка. Мы подъѣхали къ перевозу. Перевозчики-казаки лѣниво вылѣзли изъ избушки и принялись переправлять насъ чрезъ мутную и быструю рѣку. Вода съ журчаньемъ и глухимъ плескомъ ударяла въ разсѣкавшій ее паромъ. На той сторонѣ дорога шла тоже

Digitized by Google

по дамбѣ, вдоль виднѣвшихся влѣво тростниковъ и ериковъ Куркуйскаго лимана; наконецъ, около 10 час. ночи, мы пріѣхали въ Варенниковскую станицу и остановились у отставнаго пластуна Прокофія Даниловича Колюжнаго. Съ большимъ удовольствіемъ вылѣзли мы изъ нашего безпокойнаго ковчега и вошли въ чистую хату, гдѣ и были встрѣчены хозяйкой Максимовной и ея дочерью. Обѣ онѣ были одѣты по-городскому, «соблюдали, значитъ, націю на новый штиль»—какъ выразился Степанъ Семеновичъ.—«А почемъ за постой?»—поспѣшилъ освѣдомиться мой вѣрный личарда. —«А что дадите», отвѣчала Максимовна и пошла подымать самого Колюжнаго; но пока она его подымаетъ—времени пройдетъ много, и мы успѣемъ побесѣдовать съ вами *о черноморскихъ казакахъ, Кубанскомъ краѣ и о положеніи его въ настоящее время.*

Варенниковская станица. До 1861 года всѣ черноморскіе казаки, за небольшимъ исключеніемъ, сидѣли на правой сторонѣ Кубани; въ этомъ-же году часть ихъ назначена была къ переселенію за Кубань; переселеніе это обошлось не безъ волненій, въ сущности, впрочемъ, совершенно пустячныхъ. Во время войны заняты были станицами всѣ главные рѣчные выходы изъ главнаго хребта и такимъ образомъ поселена цѣлая линія станицъ, тянущихся отъ Варенниковской до самыхъ верховьевъ Кубани (Крымская, Абинская и проч.). Линія эта охватила все подножіе Черныхъ горъ. Впереди ея, еще далѣе вверхъ по рѣкамъ, въ горахъ, устроены были военные посты и рѣдкіе станицы и поселки. Между вышеупомянутой линіей и Кубанью, по окончаніи войны, были поселены, по прежнему въ перемежку съ казаками, вышедшіе на плоскость черкесы.

Простымъ казакамъ отведенъ былъ 30-ти-десятинный душевой надѣлъ въ общее юртовое владѣніе, а *офицерамъ* (панамъ или господамъ, по-казачьему) нарѣзаны участки въ частную собственность, въ слѣдующихъ размѣрахъ: 200 дес. оберъ-офицерамъ, 400 штабъ-офицерамъ, 700 отставнымъ генераламъ и 1,000 дес. генераламъ на службѣ. Нарѣзка земель «панамъ» производилась въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ построены были ихъ хутора и гдѣ они завладѣли землею еще въ прежнее время, когда она ничего не стоила и ее можно было занимать гдѣ угодно и сколько угодно. Конечно, всякій старался выстроить хуторъ на лучшемъ мѣстѣ, и столкновеній между простымъ казачествомъ и панствомъ быть не могло,

Digitized by Google

особенно при тогдашней безпощадной дисциплинѣ, примѣнявшейся къ дѣлу одинаково какъ въ арміи, такъ и въ казачьемъ быту. Въ другомъ видѣ дѣло явилось при отводѣ земель въ вѣчное и потомственное владѣніе. Станичники, видя, что многія лучшія мѣста, отходятъ отъ нихъ навсегда людямъ, вышедшимъ изъ ихъ-же казачьей среды, стали упираться не на шутку, и въ Полтавской станицѣ дошло до *серьезныхъ волненій*. Чѣмъ кончилось это дѣло, не знаю,—вѣроятно, оно было, по обыкновенію, какъ говорится —«затушено».

Прежде казакъ проводилъ все время или въ походахъ, или на службѣ, а въ свободную пору выѣзжалъ на работу съ винтовкой за плечами; понятно, какъ при этомъ должно было идти хозяйство; сложилась даже насмѣшливая поговорка: «слава Богу!—такъ говорилъ, будто-бы, казакъ, — работавъ цилыхъ два дня, посіявъ цилыхъ 4 шматкивъ (лоскутковъ земли),—такъ хлиба буде!» Нынче казаки состоятъ на дѣйствительной службѣ, всѣ поголовно, 5 лѣтъ, съ 20-ти-лѣтняго возраста, и потомъ еще 10 лѣтъ несутъ внутреннюю, домашнюю службу, если въ нихъ не случится надобности; исключеній не допускается ни для кого, даже для единственныхъ сыновей. Содержаніе на дѣйствительной службѣ казакъ получаетъ, разумѣется, отъ казны, но снарядиться (и съ конемъ) долженъ на свои средства; больше повинностей онъ не несетъ никакихъ. Многимъ приходится, конечно, весь 5-ти-лѣтній срокъ пробыть гдѣ-нибудь на азіятской границѣ, не побывавъ ни разу дома, и понятно, какъ это отзывается на расположеніи казака къ земледѣлію и на нравственности покинутой имъ молодой жинки; но, говоря вообще, съ казаками поступлено справедливо и положеніе ихъ хорошо. Что между казаками есть бѣдняки, дивиться нечего — гдѣ-жь нѣтъ ихъ? за то между ними есть и такіе, что имѣютъ на хуторахъ по 1,000 овецъ и по нѣсколько десятковъ рогатаго скота. Война на Кавказѣ окончилась, казачество сослужило свою службу и въ настоящее время, мало-по-малу, теряетъ прежній внутренній смыслъ; въ силу обстоятельствъ, казаки неминуемо должны превратиться современемъ въ мирныхъ гражданъ, что уже и исполняется отчасти; напримѣръ, казаки Александровской и другихъ станицъ Ставропольской губерніи переименованы въ крестьянъ, съ предоставленіемъ имъ 5-ти-лѣтней льготы и съ замѣной обязательной службы 5-ти-рублевою подушной податью, при 30-ти-десятинномъ душевомъ надѣлѣ, чѣмъ, какъ говорятъ, они очень довольны.

Digitized by Google

Черкесы, выселившіеся на плоскость въ числѣ 70—80 тысячъ душъ, по общимъ отзывамъ,—трудолюбивые и хорошіе хлѣбопашцы; они не только обработываютъ свои надѣлы, но и снимаютъ много господскихъ земель. Поселенія ихъ, въ перемежку съ русскими, расположены почти по всѣмъ рѣкамъ, впадающимъ въ Кубань. Въ 1862 г. опредѣлена была, для простыхъ горцевъ, норма душеваго надѣла въ 5½ десятинъ, но вскорѣ она оказалась крайне недостаточной и увеличена въ лучшихъ мѣстностяхъ до 9-ти, а въ худшихъ до 14-ти десятинъ; туземцамъ же, пользовавшимся, по личнымъ заслугамъ или по родовому происхожденію, особымъ почетнымъ положеніемъ въ народѣ, выдѣлены, сообразно значенію каждой фамиліи, участки въ частную собственность. Изъ оффиціальной статьи г. Гаврилова (Сборникъ свѣдѣній о кавк. горцахъ, выпускъ II, 1869 г.) мы узнаемъ, что лучшія земли Закубанскаго края не вошли въ районъ горскихъ округовъ; а сличая цифры надѣловъ, видимъ, что чѣмъ лучше округъ, тѣмъ больше отведено надѣловъ частнымъ лицамъ и меньше — ауламъ, и наоборотъ.

Если мы высчитаемъ площадь плодороднѣйшей части Закубанскаго края, т. е. на югъ до Майкопа, а на западъ и востокъ до Екатеринодара и Невинномыкской станицы, то найдемъ, что она равняется, приблизительно, 1.200,000 десятинамъ; цѣлая треть всего этого громаднаго пространства, т. е. около 400,000 десятинъ, роздана частнымъ лицамъ въ награду за службу, — мы не говоримъ уже о земляхъ, розданныхъ въ Черноморскомъ округѣ, Ставропольской губерніи и Пятигорскомъ уѣздѣ. Прослышавъ о раздачѣ земель по Кубани, переселенцы, большею частію изъ Малороссіи и Новороссіи, хлынули массами на Кавказъ; но они жестоко обманулись въ своихъ надеждахъ: земли раздавались дѣйствительно, да только не имъ; ихъ же въ новозавоеванномъ, благодатномъ и не заселенномъ краю ожидало такое же безземелье, какъ и на родинѣ. Обманутые въ своихъ ожиданіяхъ и не добившись ни отъ кого никакого толка, многіе воротились назадъ, а тѣ, которымъ не на что было это сдѣлать, поневолѣ поселились на новопожалованныхъ земляхъ. Новые помѣщики — большею частію люди служивые и совершенно незнакомые съ сельскимъ хозяйствомъ—очутились тоже въ довольно затруднительномъ положеніи; многіе изъ нихъ рѣшительно не знали, что дѣлать съ своими угодьями, и принялись какъ можно скорѣе ихъ продавать—ра-

Digitized by Google

зумѣется, за ничто—русскимъ казакамъ-гуртовщикамъ и колонистамъ-нѣмцамъ — этимъ всесвѣтнымъ разносителямъ европейской культуры въ пользу собственнаго кармана. Уцѣлѣвшія земли сдаются и въ деньги, и исполу. Рабочіе селятся въ кое-какъ выстроенныхъ хатахъ и обработываютъ землю, погодно, безъ всякихъ контрактовъ—одинъ годъ здѣсь, а другой тамъ, такъ что въ настоящее время владѣльческая часть Закубанскаго края являетъ собою рѣдкостный и любопытный примѣръ громадныхъ господскихъ земель, населенныхъ кое-гдѣ безземельными и бродячими батраками. Къ чему это можетъ повести — легко предвидѣть. Но позвольте, читатель! Максимовна, наконецъ, добудилась Колюжнаго, и вотъ онъ собственноличо появляется на порогѣ и прерываетъ нашу бесѣду.

Колюжный представлялъ собою типъ истаго черноморца: коротко стриженная голова его была, какъ обыкновенно, нечесана; подровненная борода тоже не совсѣмъ въ порядкѣ; одѣтъ онъ былъ въ ситцевый, съ разноцвѣтными заплатами, бешметъ и широкіе, всѣ перепачканные дегтемъ и саломъ, холщевые шаровары; на ногахъ были сыромятные изъ кабаньей кожи чевяки—«пастылы», по-здѣшнему; лѣтъ ему на видъ было подъ 50; добродушное лицо и флегматическіе, кроткіе, голубые глаза смотрѣли чрезвычайно симпатично.

— Будьте здоровы, господа,—заговорилъ онъ полу-русскимъ, полу-малороссійскимъ нарѣчіемъ, протягивая при этомъ безъ церемоніи свою, если выразиться поделикатнѣе, не совсѣмъ чистую руку.

— Здравствуйте, Прокофій Данилычъ.

— Сѣдайте, просимъ покорно.—Усѣлись. Воцарилось глубокое молчаніе. Колюжный смотрѣлъ въ какое-то воображаемое передъ собой пространство, я тоже не начиналъ разговора, выжидая, что будетъ. Максимовна принесла самоваръ.

— Хотите чаю, Прокофій Данилычъ?—Колюжный сдѣлалъ слегка бровями утвердительный знакъ.—Можетъ быть, съ коньякомъ выпьете?

— Конякъ. А то що за конякъ? Що се таке?

— Да почти тоже, что ромъ.

— Ромъ? Добре! Эге!

Выпивши внимательно и съ разстановками стаканъ, Колюжный только молча расправилъ усы.

Digitized by Google

— Еще хотите?

Колюжный опять сдѣлалъ утвердительный знакъ. Послѣ втораго стакана онъ крякнулъ и проговорилъ: «Конякъ—добра горилка!» Послѣ третьяго онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Чи здалече, господа, ѣдете?

— Изъ Москвы, Прокофій Данилычъ.

— Зъ Москвы? Добре! Добре! Эге! Чи торгуете чѣмъ, а бо що?

— Нѣтъ, просто хотимъ вашъ Кавказъ посмотрѣть, да и поохотиться, кстати, гдѣ будетъ можно.

— Добре! Добре! Эге!

Выпивши стаканчикъ—другой, Колюжный, наконецъ, совсѣмъ развязался и, прежде всего, началъ жаловаться на то, что теперь дичи совсѣмъ не стало; плавни всѣ высушили и вездѣ стало людно и тѣсно; земли всѣ панамъ роздали, а они запрещаютъ на своихъ земляхъ бить козъ и оленей; только и охотиться, что на кабановъ да фазановъ, да и то еще не время: фазанъ въ камышахъ, а кабана и подсидѣть даже нельзя—комаръ заѣстъ. Кабанъ хитрая шельма, онъ по слуху, гдѣ комаръ гудетъ, тебя узнаетъ. Вотъ, къ Михайлову дню пріѣзжайте и охотьтесь, сколько хотите, только пороху привозите побольше. — Боже-жь мій, Боже! — пригорюнился Прокофій Данилычъ—какое время настало: пороху на линіи достать негдѣ! И какъ это мы жить только будемъ? И зачѣмъ это войну кончили? Треба же вѣдь держать солдатъ и казаковъ! Воевали бы себѣ безъ конца, да воевали! Земли были тогда не мѣрныя, а теперь що? Дали всего по 30-ти десятинъ, да и тѣ здѣсь все кустарникъ. Боже-жь мій! Боже-жь мій! якъ тогда весело было! Черкесы, бывало, у насъ,—а мы у нихъ воруемъ да отбиваемъ! О, то добро было время! Одного убитаго, бывало, они за 2 пары воловъ выкупали! А теперь що? Теперь ничего-то не ма! Хлиба не ма! Сина не ма! Бувь, вонъ, столбецъ у воротъ, да и тотъ злопала якая-то шельма, и столбца ужъ не ма!

За симъ, Прокофій Данилычъ поникъ головой на руку и, предавшись грустнымъ размышленіямъ о своей горькой участи, вдругъ затянулъ: «Казала Солоха—приди! Казала небога—приди!» а потомъ опять предался размышленіямъ.

Я началъ распрашивать его о пластунской командѣ. Сначала онъ, вмѣсто всякаго отвѣта, только грустно покачивалъ головой,

Digitized by Google

а потомъ вдругъ всталъ и направился къ моему ружью, стоявшему въ углу. Но тутъ произошла такая сцена, которую я рѣшаюсь передать единственно въ надеждѣ, что благосклонный читатель снизойдетъ на мою просьбу—быть снисходительнымъ и не потерять должнаго уваженія къ нашему пластуну.

Едва только Колюжный дотронулся до ружья, какъ Дружокъ, лежавшій спокойно все время, навострилъ уши.

— Пластуньска команда! — крикнулъ Колюжный, становясь на одно колѣно и щелкнувъ куркомъ.

— Ось, бачите! Чекайте трохи! — Дружокъ при этомъ тихонько тоже поднялся съ мѣста и вытянулся сзади него, поднявъ переднюю ногу и впившись глазами въ предполагаемаго врага.

— Ось, такъ вотъ, мы въ залогѣ (засадѣ) сидѣли! А такъ заряжали! — продолжалъ Колюжный, кинувшись животомъ на полъ и представляя, что заряжаетъ ружье. Дружокъ перемѣнилъ ногу и завилялъ потихоньку хвостомъ.

— А ось, такъ вотъ мы, якъ змiи, по землѣ ползали! — и Колюжный поползъ по полу; Дружокъ шагъ за шагомъ подвигался за нимъ.—А ось, такъ вотъ мы, якъ псы, ночью, мимо черкесовъ скакали!

При этомъ Прокофій Данилычъ всталъ на четвереньки и, поднявши кверху правую ногу, понесся на одной ногѣ и двухъ рукахъ вокругъ хаты,—Дружокъ тоже поскакалъ сзади.

— Ногу-то, ногу-то зачѣмъ ты поднялъ? — говорилъ Степанъ Семенычъ, помирая со смѣха!

— А се-жь не нога — се хвистъ! чи ты не бачишь? — отвѣчалъ Колюжный, продолжая скаканье.

Сдѣлавъ два круга, онъ, наконецъ, остановился, опустилъ хвистъ, и—о ужасъ! дверь была настежъ отворена и въ темныхъ сѣняхъ—полуосвѣщенная нашей лампой — стояла грозная фигура Максимовны! Дружокъ, увидѣвъ, наконецъ, давно ожидаемаго врага, кинулся на нее съ неистовымъ лаемъ; что было дальше—не помню. Я упалъ головой на столъ и боялся, что грудь моя разорвется отъ смѣха.

Поднявъ голову, я увидѣлъ, что Степанъ Семенычъ держалъ за ошейникъ Дружка, а Максимовна выпроваживала Колюжнаго, ублажавшаго ее жалобными словами: «Чекай! чекай! жинка! Максимовна!» Но Максимовна отвѣчала съ гнѣвомъ: «ступай, говорятъ

Digitized by Google

тебѣ, хохолъ Максимычъ!» и, выпроводивъ своего супруга въ сѣни, съ шумомъ захлопнула дверь.

Утромъ Прокофій Данилычъ разбудилъ насъ чуть свѣтъ, чтобъ идти на охоту; онъ былъ очень серьезенъ, и о вчерашней пластунской командѣ, разумѣется, не было и помину. Мы отправились на огороды, которые тянутся вдоль Кубани на нѣсколько верстъ; на нихъ фазаны выходятъ кормиться изъ камышей. Полоть огороды казаки считаютъ за лишнее, и потому здѣсь сорной травы было гораздо больше, чѣмъ овощей, а капуста была величиною съ кулакъ, словомъ сказать—пристанище для дичи во всѣхъ отношеніяхъ было отличное; но такъ какъ время охоты еще не наступило, то мы нашли всего одинъ выводокъ, изъ котораго и убили четыре штуки. Находившись вдоволь, мы зашли отдохнуть въ рыбачій шалашъ къ отставному георгіевскому кавалеру Петрову. Отслуживъ вѣрой и правдой свои 25 лѣтъ, этотъ кавалеръ и завоеватель Кавказа жилъ теперь въ работникахъ у казака за 2 руб. въ мѣсяцъ, семейство-же его—изъ семи душъ—жило, перебиваясь кое-чѣмъ, въ станицѣ, гдѣ казаки позволили Петрову построить домишко, съ платой по 5 руб. въ годъ за усадьбу. Въ отставку Петровъ вышелъ послѣ завоеванія Кавказа и при раздачѣ земель не получилъ ничего.

Когда мы вернулись домой, Степанъ Семенычъ немедленно принялся за изготовленіе фазановъ; двухъ онъ рѣшилъ зажарить, а изъ двухъ сварить супъ, но едва онъ приступилъ къ дѣлу, какъ къ воротамъ съ шумомъ и гиканьемъ подкатилъ тарантасъ, и изъ него бойко выскочилъ молодой человѣкъ съ щегольской сумкой черезъ плечо и въ фуражкѣ съ кокардой.—«Ну, скорѣй самоваръ—живо!»—скомандовалъ онъ, влетая въ комнату.—«Погодите, видите—занятъ, сейчасъ опростаютъ»,—отвѣчала Максимовна.—«Какъ опростаютъ? Мнѣ некогда! Мнѣ каждая минута дорога, чертъ возьми,—понимаешь?»

— Не угодно-ли съ нами?—обратился я къ нему.

— Очень вамъ благодаренъ. Инженеръ такой-то, служу при желѣзной дорогѣ; пріѣхалъ въ эту трущобу по самому экстренному дѣлу.—При этомъ онъ протянулъ мнѣ руку съ огромнымъ перстнемъ, въ которомъ блестѣлъ очень сомнительный бриллiантъ; на жилеткѣ болталась . тоже чудовищно толстая, сомнительная цѣпочка.

— А вы, позвольте узнать?

Digitized by Google

Я отрекомендовался.

— Тоже по-дѣлу?

— Нѣтъ, путешествую.

— И охотитесь, видно? — прибавилъ онъ, замѣтивъ ружье и собаку.

— Да, сейчасъ съ охоты.

— Убили что-нибудь?

— Четырехъ фазановъ.

— Гдѣ-же они?

— Да вонъ, на той половинѣ, изъ нихъ ужинъ готовятъ.

— А позвольте взглянуть!

И, не дожидаясь отвѣта, инженеръ бросился въ сѣни. Черезъ минуту, совершенно неожиданно, раздался его неистовый вопль. Я съ испугомъ бросился узнать, что тамъ такое, и увидѣлъ слѣдующую сцену.

Степанъ Семеновичъ, засуча рукава, изготовлялся опаливать уже ощипанныхъ фазановъ, а инженеръ кричалъ на него, что было силы.

— Варваръ ты этакой! Варваръ! Посмотрите! Онъ изъ нихъ супъ хочетъ стряпать! Понимаешь-ли, что ты дѣлаешь, варваръ? Oh, mon Dieu? oh, mon Dieu! Что сказалъ-бы Дюссо!

— А что-же, ваше благородіе,—отвѣчалъ спокойно Степанъ Семеновичъ, — намъ не впервые. Мы на Кавказѣ-то тоже служили. Такой-то супъ выйдетъ—словно изъ курицы.

— Изъ курицы! Варваръ! Да посмотрите—онъ еще ихъ и опаливать собирается.

— Да, а то какъ-же? Извѣстно, не подпаливши нельзя. Я вотъ ихъ послѣ водицей обмою, такъ оно весь духъ-то и отобьетъ. Будьте спокойны, ваше благородіе, чище воды не будешь. А послѣ пшенца въ горшокъ-то подсыплю, да еще лучку прибавлю, такъ оно и выйдетъ, словно изъ курицы.

Хотя инженеру и была дорога каждая минута, и хотя, судя по его словамъ, отъ его поспѣшности зависѣла чуть-ли не вся постройка владикавказской дороги, онъ остался «изъ любопытства» попробовать стряпню Степана. Стряпня, надо полагать, вышла очень удачна, потому что инженеръ не только съѣлъ всю свою долю супа, но и цѣлаго фазана и даже косточки оглодалъ, все приговаривая: «Oh, mon Dieu! oh, mon Dieu! Что сказалъ-бы Дюссо!»

Digitized by Google

На другой день мы опять отправились охотиться во владѣльческія дачи по рѣчкѣ Псебепсу, по другую сторону станицы, и, находившись вдоволь, зашли отдохнуть *въ поселокъ, или колонію, или плантацію, если хотите названья погромче.* Поселокъ этотъ состоялъ изъ 20 — 30 дворовъ и имѣлъ видъ чего-то неосѣдлаго и наскоро построеннаго; видно было, что жители его не хозяева своимъ хатамъ, а временные пришельцы, которымъ не было никакой возможности, а стало-быть и охоты разсчитывать на будущее. Все здѣсь было выстроено, что называется, на живульку; нѣкоторыя хаты стояли пустыя, о садахъ-же и огородахъ, разумѣется, не было и помину. Узкая и неглубокая долина Псебепса удобна для обработки лишь по низовью, покатости-же ея каменисты и покрыты мелкимъ кустарникомъ; всюду, куда ни взглянешь, видишь истребленный самымъ безобразнымъ образомъ лѣсъ, бурьянъ и только кое-гдѣ небольшія плѣшины, засѣянныя табакомъ. Въ поселкѣ, куда мы зашли, сидѣли сначала русскіе, которые и разчистили подъ хлѣбъ берега рѣки; когда-же они взяли нѣсколько хлѣбовъ и достаточно разрыхлили землю, ихъ прогнали безъ церемоніи, потому что явились греки и предложили по 35 р. сер. за десятину въ годъ подъ табакъ; плантація была, на взглядъ, величиной отъ 15—20 десятинъ. Поселились здѣсь нѣсколько нѣмцевъ, но ушли, потому что съ ними не соглашались заключать долгосрочные контракты. Повѣривъ слухамъ о раздачѣ въ собственность вольныхъ земель, явилось сюда нѣсколько семействъ изъ Бессарабіи, но слухи оказались фальшивыми, и переселенцы должны были, также какъ и на родинѣ, опять-таки поселяться на господскихъ земляхъ.

Въ этой части Закубанья, на востокъ отъ Варенниковской, розданы слѣдующіе участки: *графу Сумарокову-Эльстону*—на 6 верстъ ширины по плавнямъ и на 10 верстъ вверхъ по обѣимъ сторонамъ Псебепса, слѣдовательно, болѣе 6,000 десятинъ (на его землѣ и находилась только что поминутая плантація; далѣе слѣдуетъ участокъ *генерала Карцева*; потомъ участокъ *гр. Евдокимова* на Худако (знаменитые нефтяные колодцы); далѣе участокъ *ген. Кеслера*, а еще далѣе *Меликова* (7,000 десятинъ). Всѣ эти участки примыкаютъ къ Кубани, и длина ихъ вверхъ къ горамъ, по рѣчкамъ, болѣе ширины (по Кубани); величина ихъ равняется, приблизительно, сумароковскому участку. На западъ отъ Варенниковской

Digitized by Google

находятся дачи мелкихъ владѣльцевъ, а далѣе, къ Гостогаю, опять крупные участки—*Пиленко*, *Бабича*, *Жуковскаго* и проч.

Солнце уже стояло низко, когда мы тронулись изъ Варенниковской въ Худако (около 20-ти верстъ). Тотчасъ за Псебепсомъ дорога пошла сплошнымъ лѣсомъ. По протянувшимся съ обѣихъ сторонъ древеснымъ корнямъ нельзя было ѣхать иначе, какъ шагомъ. Рѣдко гдѣ мнѣ случалось видѣть такую печальную картину безобразно истребленнаго лѣса, какъ въ этой мѣстности; тутъ ничему не давалось пощады—ни строевымъ, ни фруктовымъ деревьямъ,—и такой видъ имѣютъ лѣса по всему Закубанскому низовью. Истребленье начато еще натухайцами, бывшими хозяевами этой земли; они вывозили лѣсъ на линію, продавали его и мѣняли на соль; русскіе докончили ихъ дѣло. Теперь хорошіе лѣса въ здѣшнемъ краѣ остались только въ верховьяхъ Бакана и Хабля, но и тамъ топоръ работаетъ безъ всякой пощады. Натухайцы были полумирное племя; ихъ князьки и всѣ вообще достаточные люди съ охотой готовы были покориться русскимъ и не выселяться въ Турцію; они жили мирно; воевала и воровала одна голытьба или абреки, которыхъ каждую ночь скрывалось по плавнямъ—по выраженію Колюжнаго — столько же, сколько фазановъ. Чтобъ радикально докончить дѣло и очистить край, заставили выселиться всѣхъ поголовно. По общимъ отзывамъ, здѣшніе горцы были никуда негодные воины,—это были просто воры, вооруженные допотопными винтовками, изъ которыхъ, за недостаткомъ свинца, имъ часто приходилось стрѣлять не только мѣдными, но и деревянными пулями. Понятно, что въ то время Закубанье кишѣло всевозможнымъ звѣремъ и дичью. Всѣ горцы, безъ исключенія, были страшно алчны до денегъ. Изъ ихъ перебѣжчиковъ былъ образованъ цѣлый отрядъ такъ называемыхъ «всадниковъ»; эти-то всадники и водили русскіе отряды на разоренье своихъ же родичей; имъ платили за то во время похода по рублю въ сутки. Ничто не могло сравниться съ свирѣпостью этихъ изверговъ-грабителей, которымъ, однако-же, по окончаніи войны, должны были нарѣзать богатые участки за вѣрную службу. Меня морозъ подиралъ по кожѣ при разсказахъ о подробностяхъ ночныхъ нападеній на ауды.

Влѣво отъ насъ была постоянно рѣка Адагумъ, изрѣдка показывавшаяся между кустовъ и плавней. Дорога проходила чрезъ

Digitized by Google

нѣсколько мелкихъ, но быстрыхъ рѣченокъ: Шухо, Хопсъ и др., похожихъ скорѣе на глубокія проточныя канавы, чѣмъ на рѣчки; всѣ онѣ теряются въ плавняхъ. Упомяну, кстати, про фактъ, за достовѣрность котораго ручается единогласное подтвержденіе его всѣми здѣшними жителями: это—сильное обмелѣніе, послѣ войны, всѣхъ здѣшнихъ горныхъ рѣчекъ, бѣгущихъ въ Кубань. Народъ приписываетъ это засоренію родниковъ; одни говорятъ, что ихъ нарочно завалили и замяли черкесы передъ выселеніемъ въ Турцію; другіе все сваливаютъ на небрежность казаковъ. Черкесы, какъ и вообще всѣ магометане, дѣйствительно, отличались особенною заботливостью объ отдѣлкѣ родниковъ и водопоевъ; русскіе же поступаютъ совершенно напротивъ. Мнѣ показывали нѣсколько затоптанныхъ и грязныхъ лужъ, изъ которыхъ, въ настоящее время, еле-еле сочилась вода, а прежде лужи эти были прекрасно обдѣланными родниками; но, все-таки, мнѣ кажется, истинная причина обмелѣнія рѣкъ это—истребленіе лѣсовъ.

Солнце сѣло, и, какъ обыкновенно на югѣ, наступила ночь почти прямо, безъ сумерекъ. Кузьма, для храбрости, принялся горланить пѣсни изо всей мочи; начавъ съ «Хуторочка», онъ черезъ два стиха вдругъ, совершенно неожиданно, замѣнилъ его «матушкой Волгой», которая, въ свою очередь, также быстро перешла въ «закурю свою цыгарку, пойду въ каменный трахтыръ»; за трактиромъ слѣдовала солдатская: «охъ, горька въ полѣ полынь горькая»; за симъ слѣдовала какая-то «куркульская», въ которой ужъ рѣшительно не было, что называется, ни складу, ни ладу. Вдругъ онъ остановился и спросилъ:

— А чи готовы ваши пистоли?

— Нѣтъ, на что ихъ тебѣ?

— А тожъ, тутъ опасно. Треба, щобъ пистоли були готовы. Тутъ бываетъ—шалятъ.

— Да кто шалитъ-то?

— А куркули—бисъ-бы ихъ всѣхъ побралъ!

— Ври еще больше!

— Эге! Ври! А чи не бачите!—вскричалъ онъ съ испугомъ.—Вонъ! Вонъ! Що я казавъ?

Мы выглянули изъ дилижана и, при свѣтѣ еще не совсѣмъ взошедшаго мѣсяца, увидѣли ѣхавшія прямо на насъ двѣ черныя верховыя тѣни, съ винтовками за плечами; тѣни раздѣлились —

Digitized by Google

одна направо, другая влѣво, и тихо и спокойно проѣхали мимо, по обѣимъ сторонамъ дилижана; это былъ казачій разъѣздъ.

— О, то бисовы куркули, якъ напугали!—проговорилъ дрожащимъ голосомъ Кузьма, когда казаки скрылись во тьмѣ. Мы начали смѣяться надъ его трусостью.

— А чи вы не слыхалы,—сказалъ онъ съ досадой,—якъ на майкопскомъ шлягу двухъ панивъ заризалы?

— Какихъ пановъ?

— Штудентовъ.

— Да когда это было?

— А давно було.

Убійство это, дѣйствительно, случилось за Кубанью больше года тому назадъ, и о немъ говорилъ весь Кавказъ. Всеобщій гвалтъ, поднятый изъ-за этого дѣла въ едва замиренной странѣ служитъ, мнѣ кажется, скорѣе признакомъ безопасности, чѣмъ опасности края. Мы, въ продолженіи нашего трехмѣсячнаго путешествія, побывали въ Закубаньѣ и Кабардѣ, перевалились чрезъ дикій Мамиссонскій перевалъ, по Ардону, къ истокамъ Ріона, проѣхали Осетію, Имеретію, Чечню, Дагестанъ, Лезгинскую линію, до Баку, отъ Телава, и вернулись изъ Кизляра въ Астрахань чрезъ Калмыцкія степи, сдѣлавъ, такимъ образомъ, около 900 в. верхомъ и около 2,000 в. на перекладной и на долгихъ, и хотьбы гдѣ-нибудь встрѣтили малѣйшій признакъ опасности. Изъ этого путешествія я вынесъ полнѣйшую увѣренность, что путешествовать по Кавказу если не безопаснѣе, то, по крайней мѣрѣ, также безопасно, какъ и въ Россіи, и револьверъ нуженъ скорѣе ради проформы, чѣмъ ради необходимости.

— Ты лучше пой-ка опять пѣсни, для храбрости,—сказалъ Кузьмѣ Степанъ Семенычъ, на что и послѣдовало въ отвѣтъ обыкновенное: не хочу!

Уже была совершенная ночь и луна стояла высоко, когда мы, при ея свѣтѣ, различили высокія, въ родѣ осетинскихъ башень, деревянныя «вышки», построенныя надъ буровыми нефтяными колодцами Худако.

Худако. Въ 1865 г. горный инженеръ капитанъ Кошкуль, дѣлая изслѣдованіе въ Закубанскомъ краѣ, доказалъ, что на сѣверо-западномъ склонѣ Черныхъ горъ, на подошвѣ ихъ, находится нефтяная зона, длина которой 169, а ширина 6 — 7 верстъ. Да-

Digitized by Google

лѣе на западъ зона эта протянулась чрезъ Кубань на Таманскій полуостровъ и черезъ Керченскій проливъ къ Керчи. На всемъ этомъ пространствѣ нефть находится не повсемѣстно, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ источники ея богаты, въ другихъ же они обнаруживаются лишь въ самыхъ незначительныхъ проявленіяхъ въ видѣ горной смолы. Собственно въ Закубанскомъ краѣ нефтяная полоса можетъ быть раздѣлена на четыре группы, изъ которыхъ важнѣйшая начинается долиною рѣки Чукупсъ; на сѣверо-западъ отъ грязнаго вулкана Шухо, въ 8-ми верстахъ отъ Варенниковской станицы, и кончается долиною рѣки Худако (черкесское Кудако, значитъ — долина нефти и состоитъ изъ двухъ черкесскихъ словъ: куда—нефть и ко—долина).

Открытіе на Худако нефти, надѣлавшее такого страшнаго шума въ свое время, произошло слѣдующимъ образомъ. Г. Новосильцевъ, взявшій на откупъ всѣ нефтяные колодцы Таманскаго полуострова на 9 лѣтъ, нанялъ для работъ американцевъ, которые и бурили землю въ 8-ми мѣстахъ сначала безъ всякаго успѣха; наконецъ, уполномоченный Новосильцева Петерсъ, на удачу, заложилъ буровую скважину на Худако, въ 25-ти шагахъ отъ стараго черкесскаго источника. Когда, 3-го февраля 1866 г., дошли до глубины 125 фут., снизу ударила вдругъ струя чистой соленой воды, бившая 20 мин.; потомъ, вмѣстѣ съ пѣной и газами, полетѣли вверхъ, на высоту 30 фут. отъ земли, каменные обломки и глыбы, и, наконецъ, чрезъ 25 минутъ, показалась нефть, бившая на такую же высоту въ продолженіи 16-ти дней и дававшая 1,500—2,000 ведеръ въ сутки. Когда дошли до глубины 187 футъ, то струя стала давать до 5,000 ведеръ въ сутки. Въ мартѣ, когда углубились до 242 футъ, нефть начала бить вверхъ на 48 футъ и въ продолженіи 9-ти сутокъ сряду давала 24—27,000 ведеръ. Посуды для такого совершенно неожиданнаго богатства, разумѣется, приготовлено не было,—и вотъ нефть, рѣчкою Худако, хлынула въ Кубань, отравила въ ней воду и поморила несчетное число рыбы. Для удержанія нефти отвели Худако въ сторону, и скоро она наполнила прежнее русло рѣки на два аршина глубины и на $^1/_4$ версты длины. Газеты громко прокричали объ открытіи такихъ невиданныхъ источниковъ и такого неисчерпаемаго богатства; многіе заранѣе уже мечтали задаромъ грести золото лопатами, воображая, что нефть, какъ вода изъ родника, такъ и будетъ бить постоянно струей въ 27 ты-

Digitized by Google

сячъ ведеръ; но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ количество нефти становилось все меньше и меньше, и въ январѣ 1867 года она выходила уже только въ количествѣ 200—300 ведеръ. Трудно сказать, отчего это произошло: отъ истощенія-ли резервуара, или отъ недостатка средствъ предпринимателя,—вѣрнѣе всего, что отъ того и отъ другаго. Дѣло Новосильцева лопнуло и кончилось фейерверкомъ, чуть не въ буквальномъ смыслѣ слова, потому что и самая вышка надъ главнымъ колодцемъ сгорѣла, причемъ погибли болѣе 10-ти человѣкъ рабочихъ. Слухъ о необыкновенныхъ источникахъ сталъ затихать и, наконецъ, совсѣмъ затихъ, когда Худако было пожаловано покойному графу Евдокимову, въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Про долину Худако писалось такъ: «Видъ ея очень оригиналенъ, особенно осенью. Почернѣвшая отъ нефти высокая вышка надъ источникомъ; рабочіе въ замаранныхъ черныхъ рубашкахъ и съ испитыми отъ лихорадки лицами; рѣзкій запахъ по всей долинѣ; изгибы рѣчки, наполненной горючей, черной, густой жидкостью, дающей ей видъ одной изъ рѣкъ древняго тартара; величественный фонтанъ, брызжущій раскидистымъ къ верху, гигантскимъ черным снопомъ,—все это какъ-то странно вяжется съ блескомъ золота, въ которое человѣкъ превращаетъ мрачную жидкость, извлекаемую имъ изъ таинственныхъ нѣдръ». Громко, какъ всякая реклама, но относительно настоящаго времени и совершенно ложно.

Теперь на Худако нѣтъ ни величественнаго снопа, ни рѣчки изъ древняго тартара, очень мало и замаранныхъ рабочихъ съ испитыми отъ лихорадки лицами, а что касается до золота, то не только его, но даже и свободныхъ ассигнацій нѣтъ и въ поминѣ. Въ 1874 г. разработка на Худако нефти сдана была компаніи, по слухамъ, за 100 тысячъ р. въ годъ. Дѣла компаніи шли такъ хорошо, что даже канатъ не на что было купить, а между тѣмъ, ничего еще не видя, учредителю назначили 1,000 р. въ мѣсяцъ, бухгалтеру 3,000 р. въ годъ и проч. Нефти добывалось около 30 тыс. пудовъ въ годъ или около 80 пудовъ въ сутки съ 7-ми колодцевъ, т. е. съ небольшимъ 10 ведеръ въ сутки съ колодца.

Немного времени спустя, я былъ въ Баку, гдѣ мѣстность принадлежитъ казнѣ и производство свободное. Еще я не выѣхалъ изъ города, по дорогѣ въ Балаханы, главное мѣсто добыванія, какъ уже начались заводы для передѣлки нефти въ керосинъ; черный

Digitized by Google

дымъ стоялъ въ воздухѣ, сотни арбъ и лошадей, навьюченныхъ бурдюками съ нефтью, попадались на встрѣчу или шли обратно; нѣсколько десятковъ колодцевъ было въ полномъ ходу; изъ нихъ лошадьми безпрерывно вытаскивали цилиндры, ведеръ въ 10, и тутъ же выливали нефть или прямо въ бурдюки, для отправки на заводы, или въ резервуары; нефтяной колодецъ Халефи кипѣлъ, дѣйствительно, какъ тартаръ; а буровая труба Вермишева, 8 дюймовъ въ діаметрѣ, выбрасывавшая, съ вѣрностью хронометра, каждые полчаса около 250 ведеръ, представляла истинное чудо подземнаго міра. Когда труба эта была прорыта, то изъ нея нефть тоже била безостановочно въ продолженіи цѣлыхъ 11 дней; изъ этой нефти образовалась цѣлое озеро, по которому и теперь еще плаваютъ въ лодкѣ. Въ Баку цѣна нефти на мѣстѣ 2—1½ коп. за пудъ, керосинъ же 50—60 к.; слѣдоват., хозяевамъ нефть, какъ топливо при перегонкѣ, почти ничего не стоитъ, и трудно понять, какую выгоду противъ другихъ заводовъ имѣетъ заводъ гг. Кокорева, Губонина и К°, построенный въ Сураханахъ на даровомъ топливѣ (подземномъ огнѣ), когда одна перевозка нефти изъ Балаханъ въ Сураханы стоитъ до 3 коп. Конечно, трудно сказать, до какой степени выгодны бакинскіе нефтяные заводы, но что тамъ работа кипитъ—это очевидно для всякаго. Но обратимся къ продолженію нашего путешествія.

Какъ я писалъ, была уже ночь, когда мы, при свѣтѣ мѣсяца, увидѣли высокія черныя вышки Худако. Завернувъ въ одиноко стоявшую хату, мы попросились ночевать, но намъ отвѣчали отказомъ и указали на строеніе, стоявшее напротивъ и имѣвшее видъ помѣщичьяго дома,—это былъ заѣзжій дворъ. На стукъ нашъ, продолжавшійся съ полчаса, не получилось никакого отвѣта. Домъ, очевидно, былъ пустъ.

— Поди ты,—говорилъ съ недоумѣніемъ Степанъ Семенычъ,—ни дворника, ни собакъ нѣту. Оно и точно, что Кавказъ замиренъ... Эдакъ и въ Россіи, у насъ, какъ разъ обокрадутъ.

— Куда-жъ теперь ѣхать?—спрашивалъ Кузьма.

— Да, пожалуй, за рѣчку... вонъ, туда, на огонь... тамъ, должно быть, слобода... авось, гдѣ-нибудь пустятъ.

Скоро мы подъѣхали къ маленькому, крытому соломой, турлучному *) флигелю, въ одной половинѣ котораго свѣтился огонекъ.

*) Турлукъ—сырцовый кирпичъ изъ глины съ рубленой соломой.

Digitized by Google

Кузьма принялся барабанить въ дверь, что есть мочи.

— Кто тамъ?—спросилъ его извнутри голосъ.

— А темрюцкіе паны.

— Какіе паны?

— А кто ихъ вѣдае,—паны, да и годи.

Свѣтъ въ окнахъ зашевелился и скоро исчезъ совершенно, а на порогѣ, со свѣчей въ рукахъ, появился хозяинъ, въ пальто и широкополой соломенной шляпѣ.

— Кто тутъ?—спросилъ онъ взволнованнымъ голосомъ и съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

— А я-жъ казавъ, что темрюцкіе паны.

— Врешь, какіе темрюцкіе паны? У меня въ Темрюкѣ никого нѣтъ знакомыхъ.

— Извините, сдѣлайте милость... мы только хотѣли спросить—гдѣ здѣсь можно переночевать?

— А на той сторонѣ заѣзжій дворъ съ номерами. Вы проѣхали мимо.

— Мы тамъ ужъ были, да не могли достучаться.

— Да вы по дѣлу?

— Нѣтъ, мы, просто, путешественники и хотимъ осмотрѣть Худако. При этомъ я назвалъ свою фамилію.

— Путешественники? Ну, это дѣло другое! Милости просимъ; переночуйте у меня. Францъ Ивановичъ Б***. Не церемоньтесь, входите. Только ужъ прошу извиненья: поужинать нечего,—жена и весь домъ давно спятъ.

— У насъ есть что поужинать.

— Ну, и прекрасно! А я принесу вина. Постелей тоже нѣтъ лишнихъ; я принесу коврикъ да шкуру дикой козы... Ужъ извините! Одѣться-то есть чѣмъ?

— Есть пледъ.

— Ну, и прекрасно. А признаться, вы меня таки порядочно напугали. Какіе такіе темрюцкіе паны? Выхожу—собака... вы сидите съ ружьемъ... Нѣтъ, когда дальше поѣдете, такъ велите о себѣ говорить, что, молъ, кавказскіе путешественники. Здѣсь народъ гостепріимный — вездѣ примутъ отлично; ну, а теперь принесу все, да и спокойной ночи. Думаю, порядкомъ-таки порастрясло въ дилижанѣ-то,—знаю я, каково въ немъ ѣздить, да еще по здѣшнимъ дорогамъ.

Digitized by Google

Поужинавъ наскоро, я съ огромнымъ удовольствіемъ улегся, не раздѣваясь, на мое импровизированное ложе, накрылся пледомъ и принялся раздумывать.

— Да гдѣ-же это я, однако? Десять дней тому назадъ, я былъ дома, въ самомъ центрѣ Россіи, а вотъ теперь на Худако... Худако... Но тутъ размышленія мои прервались, и я уснулъ, какъ убитый.

На другой день, напившись чаю, мы пошли осматривать колодцы. Францъ Ивановичъ имѣлъ ихъ нѣсколько и работалъ отдѣльно отъ компаніи. Колодцевъ было семь, и всѣ они носили престранныя названія: «Николай», «Иванъ Иванычъ», «Штрафовка» и проч. Особеннаго интереснаго, сказать по правдѣ, ничего не было. Нѣкоторые колодцы вовсе ничего не давали, нѣкоторые-же пѣнились и пыжились, и нефть изъ ихъ чугунныхъ трубъ крошечной струйкой стекала въ вырытыя ямы, гдѣ и оставалась въ ожиданіи продажи. Пуще всѣхъ пыжился «Иванъ Иванычъ». Пріѣхавшему казаку наливали нефть въ бочку, на деготь,—по 60 к. за ведро. Казакъ уѣхалъ, и во весь день больше не было продажи. Вотъ чѣмъ кончился откупъ Новосильцева и вотъ въ какомъ видѣ находились знаменитые худаковскіе колодцы въ рукахъ частнаго владѣльца въ 1874 г. Въ 1875 г. мнѣ опять довелось быть въ Варенниковской станицѣ, и я не слышалъ ни про какія улучшенія *). Къ обѣду, который весь состоялъ изъ дикой козы, случайно убитой рабочимъ наканунѣ, пріѣхалъ управляющій одного изъ сосѣднихъ имѣній.

— «Очень пріятно—говорилъ онъ мнѣ—встрѣтить человѣка, который интересуется здѣшнимъ краемъ; только, по правдѣ сказать, любоваться-то особенно не на что, — все идетъ вкривь и вкось. Обработывать землю вольнымъ трудомъ невозможно: и капитала нѣтъ, и рабочіе и продовольствіе дороги; словомъ сказать, объ этомъ и толковать нечего,—извѣстно, какъ и въ Россіи идетъ это дѣло. Надо-бы сдавать землю въ аренду на продолжительные сроки, да кому ее сдать? Причинъ мѣшающихъ пропасть. Чтобъ не ходить далеко, возьмемъ хоть одну нашу паспортную систему. Ну, ска-

*) Въ настоящее время изъ газетъ видно, что на Худако, для добыванія нефти, образовалась компанія, съ американцемъ Тведлемъ во главѣ, и уже устроенъ заводъ, —но, кажется, и этому дѣлу суждено кончиться пуфомъ.

Digitized by Google

жите на милость, какой я заключу съ рабочимъ контрактъ, когда ему выдамъ паспортъ, хорошо коли на годъ, а то, имей рать, всего мѣсяца на два? А рабочій? Какимъ онъ можетъ связать себя условіемъ, когда общество имѣетъ право потребовать его домой во всякое время? Посмотрите на здѣшній поселокъ: это, скорѣй, бродяги, цыгане какіе-то, а ужъ вовсе не арендаторы; только и думаютъ, какъ-бы сколотить деньжонокъ, да уйти куда-нибудь на постоянное мѣсто. Живутъ у насъ крестьяне изъ 1/8 урожая; сверхъ 15-ти скотинъ, за каждую полагается плата. Денегъ здѣсь ни у кого нѣтъ. Мы всѣ должны. Коли кто станетъ увѣрять, что не долженъ, хозяйничаетъ на свои средства—не вѣрьте: вретъ, вретъ навѣрное. Кредита здѣсь нѣтъ никакого, а ростовщичество есть,—да и какъ не завестись ему при подобныхъ порядкахъ? Въ Крымской станицѣ уже вкоренились жиды-благодѣтели,—почуяли, стало-быть, и налетѣли, словно воронье на падаль. Не понимаю, кому можетъ быть выгода отъ такого хозяйства, кромѣ ростовщиковъ да кулаковъ? Нѣтъ, вы дайте сюда такихъ собственниковъ, чтобы собственникъ-то былъ и рабочимъ, — вотъ тогда пойдетъ дѣло и будетъ дѣйствительное хозяйство, а не игрушка. Напримѣръ, хоть покойный графъ Евдокимовъ, до страсти любилъ хозяйство и человѣкъ былъ разсчетливый; да гдѣ ужъ, прослуживши весь вѣкъ свой въ военной службѣ, начать подъ старость хозяйничать, да еще вольнымъ трудомъ? Вѣдь это не полкъ! Тутъ вѣдь не раскомандуешься! Онъ-таки и думалъ, что только затратъ капиталъ, да и греби потомъ деньги лопатой, анъ не тутъ-то было! Чего только онъ не завелъ у себя на хуторѣ въ Пятигорскѣ! И запашки-то! И заводъ конный, и круподерки разныя! Сколько разъ я пытался ему докладывать: въ убытокъ, молъ, вы все это затѣваете, ваше сіятельство.—Молчи! говоритъ, ты ничего не понимаешь!—Графиня, слышно, до тла распродаетъ всѣ эти затѣи. Всякому свое, видно: кому войскомъ командовать, а кому землю пахать. А землю здѣсь и теперь еще можно купить задешево. Вотъ недалеко отсюда продается участокъ, и вода сверху бѣжитъ, орошать можно, да по мелочи не продаютъ, а весь купить—силы не хватаетъ; участокъ большой, такъ вотъ и нѣтъ желающихъ».

На другой день, рано утромъ, опять мы помѣстились въ нашъ тряскій дилижанъ и потянулись въ Абинскую станицу, до которой отъ Худако считается 27 верстъ. На 6-й верстѣ намъ попался,

Digitized by Google

выстроенный на показъ, хуторъ ген.-адъютанта Мелникова; онъ былъ даже снабженъ новомодными сельско-хозяйственными машинами, но запашка при немъ была самая ничтожная. Доска съ надписью гласила, что хуторъ принадлежалъ такому-то и назывался «Ивановское». За богатой Крымской станицей, мы переѣхали вбродъ мелководный Адагумъ и просѣкой, уже заросшей лѣсомъ, добрались до Абинской, гдѣ намѣревались покормить лошадей. Намѣреніе это встрѣтило внезапное затрудненіе въ томъ, что въ станицѣ не было постоялыхъ дворовъ и насъ нигдѣ не хотѣли пустить. Казаки были или на базарѣ въ Крымской, или на работѣ, или же отсыпались послѣ базарнаго похмѣлья. Улицы были совершенно пусты. Кузьма сунулся было на одинъ дворъ, но скоро мы увидѣли его, несущагося во всѣ лопатки назадъ и преслѣдуемаго двумя собачищами. Блѣдный отъ страха, онъ отказался на отрѣзъ отъ повторенія опыта, да и мы, сказать по правдѣ, тоже не чувствовали къ тому особеннаго желанія. Не знаю, чѣмъ-бы кончилось это тягостное положеніе, еслибъ, на счастье, намъ не попался отставной солдатъ-кузнецъ Никита Щуклинъ, который и согласился, съ первыхъ же словъ, пустить насъ къ себѣ.

Домикъ Щуклина, стоявшій на концѣ станицы, вмѣстѣ съ другими домами приписавшихся въ нее солдатъ, произвелъ на насъ очень пріятное впечатлѣніе. Самъ хозяинъ, сухощавый, мускулистый, съ большими черными глазами, былъ живымъ олицетвореніемъ энергіи и силы. На немъ былъ надѣтъ, во всю грудь, кожаный передникъ; рукава рубахи были засучены, а на плечѣ онъ несъ тяжелый кузнечный молотъ. Вся фигура его представляла живой контрастъ съ лѣнивыми, нечесанными фигурами куркулей.

Мы въѣхали на дворъ.

— Прасковья Ивановна!—крикнулъ Щуклинъ въ хату.—Господа кормить пріѣхали. Выходи, да прими ихъ.

На эти слова, изъ хаты вышла еще не старая женщина. Ея высокій ростъ, могучій складъ, плавная походка и полныя простоты и достоинства манеры съ перваго же взгляда внушали къ ней невольное уваженіе. На ней была чистая бѣлая юпка и широкая кофта.

— Милости просимъ, господа,—сказала Прасковья Ивановна, привѣтливо и чистымъ великорусскимъ нарѣчіемъ.—Входите, милости просимъ. Идите сюда, въ нашу комнату,—въ ней ставни за-

Digitized by Google

крыты, не жарко и мухъ нѣтъ, отдохните съ дороги-то. Полагаю, обѣдать будете?

— Будемъ, Прасковья Ивановна!

— Собери-ка и мнѣ, въ кузницѣ-то и я тоже проголодался.

— А ты умойся сначала, чубарый.

Умыться надо было не одному Щуклину—и намъ операція эта была необходима. Исполнивъ ее, мы всѣ, кромѣ Прасковьи Ивановны, усѣлись за столомъ, накрытымъ чистой скатертью, и принялись за истребленіе борща, яичницы и пшенной каши. Хата Щуклина была обыкновенная малороссійская. Въ одной половинѣ была кухня, а въ другой жили сами хозяева; какъ та, такъ и другая отличались чрезвычайной чистотой. Убранство и меблировка (если можно такъ выразиться) представляли смѣсь великорусскаго и малорусскаго: въ чистой половинѣ были соломенные стулья, голландка и покрытая чистымъ тканьевымъ одѣяломъ постель съ накладенными чуть не до потолка перинами и подушками.

Пока обѣдали, поспѣлъ и самоваръ. Собравъ со стола, хозяйка вынесла его на дворъ, въ холодокъ, и мы всѣ, усѣвшись въ тѣни, повели за чаемъ такую бесѣду:

— Чай у васъ свой, господа, будетъ?—спросилъ Щуклинъ.

— Свой, Никита Ивановичъ.

— Московскій?

— Московскій.

— А сами откуда будете?

— Да изъ Москвы же.

— Изъ Москвы? Далече! Торгуете чѣмъ, али по какимъ другимъ дѣламъ ѣздите?

— Нѣтъ, мы такъ ѣздимъ безъ всякаго дѣла.

— Какъ такъ, безъ всякаго дѣла?—спросилъ озадаченный Щуклинъ.

— Да такъ, мы путешествуемъ.

— Какъ путешествуете? Зачѣмъ?

— Такъ, просто, хотимъ посмотрѣть вашъ Кавказъ.

— Посмотрѣть нашъ Кавказъ?—проговорилъ онъ и потомъ добавилъ: доброе дѣло! Только удивительно, право... Случается пріѣзжаютъ господа по Кубани земли высматривать, а чтобы сюда заѣзжали, этого-еще не было. Да, можетъ, вы тоже земли высматриваете?

Digitized by Google

— Нѣтъ, не высматриваемъ.

— Удивительно! И долго эдакъ ѣздить-то будете?

— Да мѣсяца три или четыре.

— А въ какія мѣста поѣдете?

Мы сказали ему свой маршрутъ. Щуклинъ смотрѣлъ на насъ во всѣ глаза и покачивалъ головой.

— И ружье и собачку съ собой возите?

— Возимъ, Никита Иванычъ.

— Чай, за собачку-то на чугункѣ тоже деньги платили?

— Платили.

— Удивительно! Удивительно!

— Вы отставной будете?—спросилъ его, послѣ нѣкотораго молчанія, Степанъ.

— Изъ отставныхъ.

— Рядовые, али унцеръ? (унт.-офиц.).

— Унцеръ, какъ же. А вы?

— Нѣтъ, я рядовой. Начальство меня любило и хотѣло было тоже въ унцеры... Въ тѣ поры были мы въ Нальчикѣ... Меня назначили въ школу... Поручикъ нами завѣдывалъ... Я объ тебѣ, говоритъ, радѣю особенно ото всѣхъ прочихъ и доведу до унцерства, потому ты того стоишь... Такъ вѣдь какъ доводилъ-то? повѣрите-ли? Раза два по 25-ти горячихъ закатывалъ, ей Богу! Вотъ еще, думаю, гляко-сь—какой радѣльщикъ выискался! Азбуку и эти, тамъ, односложныя я заучилъ живо, сталъ было ужъ фертъ арцы анъ рара заучивать, да тутъ насъ погнали военно-осетинскую дорогу строить,—тамъ мнѣ порохомъ рыло спалило, цѣлыхъ 2 мѣсяца безъ глазъ въ шпиталѣ вылежалъ, а рыло-то было, что напушникъ—во какое!

— Да! Видите! Вотъ что! — отвѣчалъ на это, посасывая трубочку, Щуклинъ.

— Да. А какъ выздоровѣлъ, такъ угнали въ Бамутъ, въ самыя, значитъ, горы—въ Чечни... Вотъ жизнь-то была разанафемская! Что ни ночь, то тревога, такъ и спали все нераздѣвкой... А расейскаго народу только и увидишь, какъ придетъ, бывало, оказія... Пища была плохая, только кашица да сухари, да и тѣ на половину гнилые, а каши-то, бывало, и двухъ разъ на году не увидишь... Климатъ-же опять въ этихъ Чечняхъ распречижелый... И, Создатель, только! Что помирало народу! Кажный годъ, бывало, шлютъ изъ Расеи, а все не хватаетъ.

Digitized by Google

— Это точно,—отвѣчалъ Щуклинъ.—Въ тѣ поры нашъ братъ, отставной кавказскій, былъ въ Расеи за рѣдкость. Не даромъ вѣдь и пѣсню сложили: «Куда ты, милый другъ, стремишься, на тотъ погибельный Кавказъ». Потому это точно была погибель.

— Погибель,—продолжалъ Степанъ,—какъ есть, погибель! Погибать-бы и мнѣ, да одинъ разъ послали насъ за дровами... Я былъ въ цѣпи... Вотъ какой-то лохматый лѣшій и подкрадись, да какъ меня пулей въ ногу-то щелканетъ! Жилу перехватило, должно-быть; мнѣ свело ногу-то, такъ и выписали въ неспособные. Дай Богъ здоровья лохматому, безъ него, можетъ статься-бы, и жисти рѣшился! А межъ прочимъ, цѣлыхъ четыре года на костылѣ выходилъ,—теперь прошло, ничего; только ежели побѣжать, такъ прихрамываю.

— Та-а-къ! Вы, стало, служили на лѣвомъ?

— На лѣвомъ. А вы на правомъ?

— На правомъ.

— У васъ кто-же командовалъ-то? Авдокимовъ?

— Авдокимовъ.

— Ирой былъ тоже, сказываютъ?

— Ничего тожа—ирой.

Затѣмъ послѣдовало молчаніе.

— Вы приписались сюда, Никита Иванычъ?—спросилъ я Щуклина.

— Приписался, послѣ отставки. А ее—онъ указалъ на хозяйку—я взялъ съ Кубани. Она казачка.

— Природная казачка—добавила съ нѣкоторой гордостью Прасковья Ивановна.—Дѣтей вотъ намъ Господь не далъ, есть у меня сынъ отъ перваго мужа, такъ и его скоро на службу снаряжать надо. Такое ужъ наше положеніе казацкое: у насъ хоть одинъ сынъ и тотъ ступай на службу,—у насъ всѣ служатъ.

— Что-же, вы получили здѣсь землю?

— Землю? А вотъ — сказалъ Щуклинъ, указывая, своей носогрѣйкой, вокругъ двора—и вся тутъ моя земля; больше этого ничего нѣтъ. Да и за нее еще надо платить здѣшнимъ казакамъ. Вы какъ полагаете, что мы имъ платимъ? Полторы копейки съ квадратной сажени, а ея 300 саженъ, стало-быть, и выходитъ четыре съ полтиной, да по 3 р. съ каждой печки за топку, да по 20 коп. съ каждой скотины за пастьбу. Сосчитайте-ка, такъ оно

Digitized by Google

и выйдетъ въ годъ рублей 12; а земли въ полѣ нѣтъ ни сажени, и лѣсъ на постройку покупать надо; а прошлаго года ржаная мука-то доходила до полутора рубля за пудъ, а пшеничная 1 р. 75 к. Вотъ и кормись, какъ знаешь! Да еще попрекаютъ, разбойники эдакіе, что дорого съ нихъ берешь за работу... Ты, говорятъ, бисова твоя московска душа, на нашей землѣ сидишь, такъ ты намъ уважать долженъ... Было-бы еще за что уважать-то! Земля, говорятъ, наша, мы за нее кровь свою проливали? А мы нѣшто не проливали? А что получили-то? Много-бы они безъ насъ, безъ солдатъ, сдѣлали! Да кабы были наши линейскіе, а то вѣдь азовцы какіе-то, изъ-за Дуная, изъ Туречины выселены, черкесовъ-то и въ глаза сроду не видали... Говорятъ, что они запорожцы какіе-то, по камышамъ тамъ сидѣли да разбойничали... Ей Богу! Сами похваляются да разсказываютъ... Лѣнтяи проклятые! Какіе колодцы остались послѣ черкесовъ, всѣ загадили, поганцы эдакіе! Теперича, окромѣ юртовой земли, по 30 дес. на душу, дадены еще имъ участки, по 10 дес., въ вѣчное и потомственное владѣніе,—такъ почти всѣ ужъ распродали. Извѣстно, ништо хорошихъ, что-ли, сюда выселяли-то? Выселились все отчаянные, а хорошіе-то всѣ на мѣстѣ остались... Народъ здѣсь воръ, одно слово, и толковать нечего. Того и гляди, что послѣднюю скотинешку украдутъ. На черноморскомъ берегу, сказываютъ, теперь другихъ казаковъ въ мужики поворачиваютъ, надѣлъ 30 десят. дали, 15 лѣтъ льготы; ужъ чего бы еще! Такъ повѣрите-ли?—и то другіе назадъ въ казаки вѣдь просятся.

— Экой ты чудной, Никита Иванычъ!—сказала хозяйка.—Ты не казакъ, отъ того такъ и разсуждаешь. Жалко вѣдь казаку своей казацкой славы.

— Какая тутъ слава,—сказалъ съ досадой Щуклинъ,—работай да наживай деньги—вотъ тебѣ и вся слава! Ты, вонъ, и о войнѣ жалѣешь... Господа офицеры тоже жалѣютъ... Имъ хорошо! Извѣстно—жалованье и отличія всякія получали... Аспроси-ка, намъ каково было.

— А вы жалѣете,—спросилъ я,—о войнѣ, Прасковья Ивановна?

— Жалѣю,—отвѣчала она, съ задумчивой улыбкой.—Весело тогда было. Мужъ въ походъ, а я тоже чумаковать съ колоннами. Цѣны за доставку были хорошія, по 75 к. съ пуда... На каждой мелочи заработываешь. Ну, а теперь что? Гляди изъ однихъ рукъ. Горцы,

Digitized by Google

бывало, тоже все продаютъ нашимъ. Навезутъ сюда въ Абинъ, на сотовку (рынокъ для торговли съ горцами), и продаютъ чуть не задаромъ... И весело было ходить съ колоннами! Идемъ, бывало, наскачутъ горцы, вьются вокругъ насъ, словно пчелы, а наши ихъ не подпускаютъ—изъ пушекъ палятъ, цѣпи разсыплютъ, на единоборство ихъ вызываютъ... Ну, и ихніе тоже... Выѣдетъ, бывало, джигитъ и шашкой машетъ,—глядь, и нашъ какой нибудь выискался да полетѣлъ; съѣхались—пафъ! пафъ! и свалился который нибудь, конь изъ-подъ него помчался по степи, а тотъ его ловить—и пойдетъ, бывало, потѣха! Боже ты мой! Наши своихъ, а тѣ своихъ убираютъ. А мы заберемся на возы, чтобы видиѣе было, да и любуемся—то-то весело было!

— И вы не боялись, Прасковья Ивановна?

— Бояться?—Да чего же бояться-то? Я вѣдь еще съ малолѣтства стала ходить въ походы. Мнѣ тогда было 12 лѣтъ, а теперь 40,—разсчитывайте-ка, когда это было? Отецъ былъ ужъ въ отставкѣ и возилъ въ крѣпости припасы съ колоннами. Куда возили ихъ—теперь ужъ не помню. Я, бывало, начну остатки хлѣба собакамъ раскидывать, а онъ говоритъ: глупая ты дѣвчина, ты ихъ собирай; какъ воротимся въ Катеринодаръ, ты и показывай, чѣмъ мы питались. А это говорилъ онъ нарочно. Какъ выйдутъ, бывало, припасы: а ну, говоритъ, дивчина, теперь давай приниматься и за твои гостинцы, т. е. за остатки-то, а коли и они выйдутъ, такъ за кислицу, т. е. дикія яблоки. Одинъ разъ отбили насъ горцы, такъ намъ нельзя было цѣлыхъ два мѣсяца домой вернуться. Въ Катеринодарѣ по насъ уже панихиды служили. Отрядъ былъ большой, болѣе 1,000 человѣкъ, весь хлѣбъ, всю скотину поѣли, питались только одной кислицей. То-то насъ встрѣтили! Вѣдь тогда еще и на Катеринодаръ нападали. Я помню, какъ мы отъ нихъ въ крѣпости прятались. Вы Крымской ѣхали? Такъ при самомъ выѣздѣ на рѣчку-то зачастую дѣтей воровали. А то вотъ на Госточай... Въ которомъ году было нападенье, Никита Иванычъ?

— Въ 53-мъ, *) отвѣчалъ Щуклинъ.

— Онъ былъ тамъ,—продолжала Прасковья Ивановна.—Гарнизону было всего двѣ роты; ночь была темная, хоть глазъ выколи... Вотъ горцы и подкрались, какъ кошки... Притащили фашинникъ

*) Это было нападеніе Мехмедъ-Амина.

Digitized by Google

да колья, чтобъ ровъ закидывать... Часовой заслышалъ, что шумитъ что-то; докладываетъ, а командиръ: э, говоритъ, дуракъ,— это дикія свиньи; да потомъ одумался: а ну-ка, говоритъ, ударьте изъ орудій, вдоль рва, съ боковъ-то... Какъ ударили,—и началась потѣха! Чего тутъ—свиньи! они ужъ во рву были, проклятые! Вотъ какъ подкрались! Такая-то драка была! И бабы тоже оборонялись и снаряды таскали—капитанша Гуличева и другія... На нихъ тоже егорьевскіе кресты возложили и кавалерами сдѣлали... Вотъ жизнь-то какая была! А чтобы ненависти, такъ у насъ ее къ горцамъ никакой не было... У всякаго казака изъ нихъ кунаки были... Что правда, то правда, воровали и обижали они насъ частенько, да вѣдь и наши тоже не давали имъ спуска... Сойдутся на сотовку, бывало, ровно друзья какіе; твоя кунакъ, моя кунакъ—говоритъ, право! А ты дивишься еще, Никита Ивановичъ, зачѣмъ въ мужики нейдутъ... Жаль, мой милый, жалко своей казачьей славы!

На энергическомъ лицѣ Щуклина выразилось что-то въ родѣ презрѣнья. Этотъ человѣкъ былъ полнымъ олицетвореніемъ колониста и представлялъ живой контрастъ съ отжившими свое историческое время казаками.

— И зачѣмъ это—добавила совершенно искренно и наивно Прасковья Ивановна—только войну кончили? Держатъ же вѣдь, все равно, и солдатъ и казаковъ. Воевали бы себѣ да воевали! Вотъ Никита Иванычъ все со мной споритъ объ этомъ... Оно точно, ихнее солдатское дѣло совсѣмъ другое; а какъ по нашему, по казацки, хоть весь вѣкъ будь война,—такъ мы были-бы рады.

Между тѣмъ, пока мы разговаривали, лошади выкормились, и пора была ѣхать. При разсчетѣ Щуклинъ сказалъ, что это дѣло жинки, а жинка тоже не знала, что съ насъ спросить, и положилась на нашу совѣсть. У черноморскихъ казаковъ, какъ и большей части малороссовъ, жинки играютъ очень видную роль, и Щуклину, волей неволей, пришлось уступить значительную долю домашней власти привыкшей къ самостоятельности съ дѣтства Прасковьѣ Ивановнѣ.

Съ Абинской мы могли ѣхать вдоль подножія горъ, по станицамъ, до Григорьевскаго (на Шебшѣ) и оттуда повернуть на Екатеринодаръ, но такъ какъ эта длинная дорога не могла представить намъ ничего новаго, то мы и выбрали кратчайшій путь, т. е. прямо на сѣв.-востокъ, чрезъ Мингрельскую, къ Кубани. На пути намъ

Digitized by Google

должны были попасться черкесскіе аулы, которые меня очень интересовали.—«Вы заѣзжайте ночевать въ нихъ,—сказала Прасковья Ивановна,—не бойтесь, черкесы народъ хорошій. Поглядите, какъ еще принимать-то будутъ, лучше, чѣмъ русскіе».

Намъ попадались владѣльческія дачи. Земля въ нихъ сдавалась или за деньги, по 75 к. и 1 р. въ годъ за десятину, или изъ извѣстной доли урожая. Въ послѣднемъ случаѣ, управляющіе, по большей части совсѣмъ безконтрольные, по общимъ отзывамъ, клали, безъ всякой церемоніи, большую часть дохода себѣ въ карманъ.

Переночевавъ въ Мингрельской, мы скоро доѣхали до мутной и быстрой Кубани.

— А чи вы хотѣли черкесски аулы бачить?—спросилъ Кузьма.

— Да, разумѣется.

— Такъ же ни! мы ихъ не побачимъ.

— Отчего это?

— А то-жъ мы не на ту переправу попали.

— Какъ не на ту переправу попали?

— Эге? намъ треба було ѣхать на Лызаветиньску, либо Маріиньску, а мы попали на Катерининьску.

— А! чтобъ тебя!

Дѣлать, однако, было нечего; пришлось довольствоваться надеждой, что Кабарда съ избыткомъ вознаградитъ насъ за эту потерю; такъ дѣйствительно и случилось.

Переѣхавъ Кубань, мы опять потянулись ея правымъ берегомъ. Рѣзкій контрастъ представляла эта сторона съ видомъ на только что покинутое Закубанье; тамъ—зеленые луга и черкесскія поля, засѣянныя просомъ, какъ на своихъ, такъ и на снятыхъ господскихъ земляхъ; ручьи и рѣчки, обозначавшіяся зеленѣющими лѣсами и кустарниками, и неясныя, чуть видныя, сквозь дрожащую воздушную мглу, очертанія горъ; здѣсь—сѣрокоричневая степь, словно безконечный, спаленный солнцемъ выгонъ.

Въ станицахъ тоже не было никакой зелени. Бѣлыя, разбитыя на правильные четырехъ-угольники съ широкими улицами, онѣ не представляли ничего отраднаго. Къ вечеру мы пріѣхали въ Екатеринодаръ.

По случаю жары и засухи, Екатеринодаръ тоже былъ сухъ, и по его улицамъ можно было ходить и ѣздить, не боясь утопиться въ грязи. Интереснаго здѣсь только и было, что соборы: старый,

Digitized by Google

деревянный, построенный еще во время переселенья черноморцевъ изъ запорожья, и новый, въ которомъ хранятся куренныя и полковыя знамена, заслуженныя войскомъ въ разныя времена, съ его основанія до восточной войны; самое дорогое для казаковъ знамя то, которое пожаловано имъ императрицей Екатериной «и съ землею» въ 1792 году. Осмотрѣвъ все это, я, въ тотъ же день, взялъ почтовыхъ и выѣхалъ изъ Екатеринодара.

По Ставропольской губерніи слышались тѣ же жалобы на раздачу земель. До 500 тысячъ переселенцевъ, вришедшихъ изъ Малороссіи, были оставлены безъ всякаго надѣла; нѣкоторые изъ нихъ, какъ и въ Закубаньѣ, поселились на господскихъ земляхъ, а нѣкоторые вернулись домой въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Выѣхавъ чуть свѣтъ изъ Ставрополя, я увидѣлъ возвышавшуюся прямо изъ безконечной степи, одинокую, освѣщенную восходящимъ солнцемъ, бѣлую, точно отчеканенную изъ матоваго серебра вонусообразную массу; это былъ Эльборусъ. Онъ появился дальше, чѣмъ за 200 верстъ. Черезъ нѣсколько перегоновъ показалась и вся безконечная снѣговая цѣпь, тянувшаяся влѣво до Казбека. Съ Голубевой горы, близъ Александровской станціи, открылась подернутая туманомъ Пятигорская равнина, изъ-за которой, какъ острова изъ моря, вставали: Бештау, Машука, Змѣева, Лысая гора и др. Дивная панорама съ юга заканчивалась опять той же снѣговой цѣпью. Изъ Пятигорска мнѣ предстояло отправиться верхомъ чрезъ Кабарду и Мамиссонскій перевалъ въ Кутаисъ.

Если страны, надѣленныя плодородной почвой, теплымъ здоровымъ климатомъ и обиліемъ воды, называются благодатными,—Закубанскій край имѣетъ полное право на это названіе, и если такая страна не пользуется полнымъ благосостояніемъ и не производитъ того, что должна бы производить,—навѣрное, тому есть причины, заключающіяся въ какихъ нибудь побочныхъ обстоятельствахъ. Земли Закубанскаго края могутъ быть раздѣлены на три разряда: казачьи, черкесскія и частныхъ владѣльцевъ. Что у казаковъ и черкесовъ хозяйства идутъ не вполнѣ удовлетворительно, тому есть историческія причины, которыя исчезнутъ современемъ,—мы не говоримъ о станицахъ, поселенныхъ въ верховьяхъ рѣкъ, на неудобныхъ мѣстахъ; совсѣмъ другое дѣло—частныя, вообще въ

Digitized by Google

Закубанъѣ, крупныя землевладѣльческія имѣнія. При надѣленіи, по древнему способу, землей кавказскихъ служилыхъ людей, имѣлось въ виду облегченіе, чрезъ нихъ посредство, заселенія края, но забывалось при этомъ одно—что подобное заселеніе возможно было только при крѣпостномъ состояніи, а никакъ не при свободномъ трудѣ. Прежній помѣщикъ, не спрашивая согласія своихъ крестьянъ, переселялъ ихъ на вновь пожалованное мѣсто, принося, такимъ образомъ, туда даровой трудъ, а слѣдовательно и капиталъ, у новаго же закубанскаго землевладѣльца нѣтъ ни того, ни другаго. Результатъ вышелъ такой же, что и въ южныхъ штатахъ Америки, послѣ освобожденія негровъ: и тамъ, и здѣсь землевладѣльцы не знаютъ, что дѣлать съ своими землями. Да и не гораздо ли выгоднѣе у насъ всякому путному переселенцу поселиться на казенномъ участкѣ и сдѣлаться собственникомъ, чѣмъ связать себя условіями, часто довольно тяжелыми, и остаться, все-таки, бобылемъ? При испрошеніи земель въ Закубаньѣ, были также пущены въ ходъ разглагольствованія о такъ называемыхъ охранительныхъ элементахъ—и что же вышло? Элементы эти, живя Богъ знаетъ гдѣ, не знаютъ даже путемъ своихъ земель, на которыхъ поселились сотни тысячъ бездомныхъ и недовольныхъ людей.

Измѣниться къ лучшему въ Закубанскомъ краѣ этотъ порядокъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, если правительство, выкупивъ подаренныя земли (большинство землевладѣльцевъ, въ настоящее время, продастъ ихъ съ радостью), отдастъ ихъ общинамъ, или на выкупъ, или въ долгосрочныя аренды. Если-бы для этого понадобилось сдѣлать и заемъ—бояться нечего: заемъ этотъ былъ-бы однимъ изъ самыхъ обезпеченныхъ и самыхъ производительныхъ.

Digitized by Google

Глава III.

Кабарда.—Описаніе ея.—Наемъ въ Пятигорскѣ кабардинцевъ для путешествія чрезъ Мамисонъ въ Кутаисъ.—Аулъ и домъ Измаила Конова.—Жизнь кабардинцевъ.—Недоразумѣніе съ Агубековымъ и его судьбище съ Джамботомъ.—Бесѣды съ Измаиломъ.—Его жалобы на настоящія и разсказы про прошлыя времена.—Разговоръ съ Баракомъ.—Дикія свиньи.—Нашъ отъѣздъ съ Джамботомъ и Векъ-муровй.—Прощаніе съ Измаиломъ.—Гора Мохогансъ и могила Кабарди-Тамбіева, родоначальника кабардинцевъ.—Видъ съ нея.—Ночлегъ въ Тохтамишевомъ аулѣ.—Махмудъ.—Разсказы про Бабуковъ аулъ и плѣнъ полковницы Махиной.—Переправа чрезъ Чегемъ.—Куденетовъ аулъ.—Джемусъ-эфенди-Шуаевъ, сподвижникъ Кази-муллы.—Нальчикъ.—Хозяйка Александра Антоновна.—Ея сужденія о кабардинцахъ.—Змѣйская станица.—Загибъ-Барцъ.—Минаретъ.—Кабардинская плятва.—Владикавказская котловина.—Ардонская станица.—Осетинъ Гуда-Баскаевъ.—Алагиръ.—Торговцы-крестьяне изъ Костромы.—Сереброплавильный заводъ.—Выѣздъ изъ Алагира.—Ардонское ущелье.

Прежде чѣмъ начать описаніе моей поѣздки чрезъ Кабарду, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о Кабардѣ и кабардинцахъ. Площадь Большой Кабарды, о которой я только и буду говорить, занимаетъ пространство около 630 тысячъ десятинъ, съ населеніемъ около 6-ти тысячъ дворовъ, т. е. около 36 тысячъ душъ обоего пола; слѣдовательно, приходится около 17½ десятинъ на душу обоего пола, или на ревизскую душу около 35 десятинъ. Изъ этого количества отведено по 7-ми десятинъ на каждую душу обоего пола бывшимъ холопамъ, что составитъ около 250 тысячъ десятинъ; все остальное отдано кабардинскимъ дворянамъ (надѣлъ давался или по древности рода, или по чину, заслуженному на русской службѣ, въ 300, 600, 1,000 дес. и болѣе), и оставлены громадныя общественныя пастбища, около 230,000 дес., въ предгоріяхъ Эльборуса; лѣсъ—около 60,000 дес.—также оставленъ въ общемъ пользованіи. Главный промыселъ кабардинцевъ состоитъ въ скотоводствѣ. Изъ хлѣбовъ сѣется только куку-

Digitized by Google

руза и просо, изъ котораго приготовляется густая каша или паста, замѣняющая хлѣбъ; только въ послѣднее время начали понемногу сѣять пшеницу.

Кабардинцы принадлежатъ къ черкесскому племени адигѐ, жившему отъ Терека до Чернаго моря, по сѣверному склону горъ и по плоскости, лежащей на продолженіи этого склона—нынѣшнему Закубанью. Несмотря на то, что адигейцы раздѣлились на множество колѣнъ, они, все-таки, составляли самый сильный народъ изъ всѣхъ племенъ сѣвернаго Кавказа, а кабардинцы между всѣми адигѐ занимаютъ первое мѣсто. Ихъ благородный типъ, изящество манеръ, умѣнье одѣваться и держать себя въ обществѣ до того поразительны, что сразу даютъ возможность отличить кабардинца отъ всякаго другаго горца. Разумѣется, это относится лишь къ высшему, т. е. благородному сословію, а не къ холопамъ. Общественное устройство у кабардинцевъ было аристократическое. Кабарда была вполнѣ дворянская рабовладѣльческая республика, безъ всякаго даже признака верховной власти, какъ было, напр., въ Польшѣ. Одинаковыя причины порождаютъ и одинаковыя послѣдствія. Какъ ни странно покажется съ перваго взгляда, но если мы откинемъ въ сторону равницу въ обычаяхъ и формахъ Европы и Азіи, то между дворянствомъ прежней Польши и дворянствомъ Кабарды отыщется большое сходство: тѣ-же, своего рода, магнатство и шляхта, то-же необузданное своеволіе и та-же гордость; тѣ-же исключительно дворянскія занятія, т. е. война, охота и хозяйство, основанное на крѣпостномъ правѣ; тѣ-же изящная наружность и личная храбрость; то-же пренебреженіе ко всякому труду и то-же широкое гостепріимство. Самая хваленая кабардинская скромность была, въ сущности, не менѣе тщеславна, чѣмъ шляхетское хвастовство. Встрѣча съ твердо организованной самодержавной Россіей произвела и въ Польшѣ и въ Кабардѣ одинаково озлобленную дворянскую эмиграцію, а сходство въ жалобахъ польскихъ и кабардинскихъ дворянъ на отмѣну крѣпостнаго права поражаетъ даже самаго поверхностнаго наблюдателя. Въ Кабардѣ, въ дикой странѣ, гдѣ дворянство не получило вовсе даже внѣшней европейской цивилизаціи и, вслѣдствіе того, не выродилось въ особое, чуждое для народа племя, крѣпостное право не поражало такъ своимъ безобразіемъ, какъ оно поражало въ странахъ, гдѣ перемѣна эта

Digitized by Google

имѣла мѣсто. Здѣсь, дѣйствительно, отношенія между господами и ихъ рабами имѣли видъ совершенной патріархальности. Простота жизни, отсутствіе роскоши и обиліе земель дѣлали ненужнымъ выжиманіе изъ холопей послѣднихъ соковъ, а холопъ вполнѣ раздѣлялъ увѣренность своего господина въ томъ, что настоящаго дворянина и князя могъ создать только Богъ. Холопы такъ были увѣрены въ законности правъ ихъ владѣльцевъ, что даже грозныя прокламаціи Ермолова, въ которыхъ предписывалось народу преслѣдовать князей и дворянъ, бѣжавшихъ къ горцамъ, причемъ обѣщалась свобода, оставались одною мертвою буквою. Да и то сказать—русская сила была далеко, а уздени (дворяне) подъ бокомъ; безоружнымъ холопамъ тягаться съ стаей вооруженныхъ дворянъ, всегда готовыхъ слетѣться на отмщенье за своего брата, было совсѣмъ не подъ силу. Послѣ Ермолова наше правительство приняло въ Кабардѣ систему защиты привилегированныхъ классовъ, потому что только при этомъ условіи можно было разсчитывать на спокойствіе въ краѣ. Такъ и шла патріархальная жизнь кабардинцевъ до самыхъ послѣднихъ временъ; холопы работали на дворянъ, а дворяне занимались войной, охотой, ѣздой въ гости другъ къ другу и, въ свободное время, воровствомъ скота другъ у друга,—и никто не думалъ, не подозрѣвалъ, что могутъ существовать на свѣтѣ какіе-нибудь другіе порядки, какъ, вдругъ, начавшаяся въ 1863 г. разверстка земель и объявленное затѣмъ въ мартѣ 1867 г. освобожденіе холопей сразу перевернули вверхъ дномъ весь бытъ Кабарды.

Нужно замѣтить, однако, что между воровствомъ кабардинскихъ дворянъ и воровствомъ, какъ мы понимаемъ это слово, существуетъ огромная разница. Кабардинцы отъ бездѣлья только и думали, что о войнѣ, а за недостаткомъ ея принимались за воровство съ цѣлью показать свою удаль. На это-то не совсѣмъ благородное, по нашимъ понятіямъ, препровожденіе времени, къ сожалѣнію, многіе изъ кабардинской молодежи и до сихъ поръ продолжаютъ тратить свои лучшія силы. Нерѣдко молодой человѣкъ хорошей фамиліи и вполнѣ обезпеченный, на вопросъ: зачѣмъ онъ укралъ чужаго быка или корову, даетъ такой простодушный отвѣтъ: «да, право, и самъ не знаю—зачѣмъ. Увидѣлъ, что скотина бродитъ сама по себѣ,—ну, не вытерпѣлъ и угналъ; кстати, можно было и передъ дѣвушками похвастать. Впрочемъ, нужно же было

Digitized by Google

когда нибудь украсть, а я еще ни разу не воровалъ». Едва-ли въ Кабардѣ найдется много самыхъ почетныхъ и достойныхъ людей, за которыми въ молодости не водилось-бы подобныхъ грѣшковъ. Что дѣлаетъ кабардинцамъ особенную честь, такъ это ихъ строгость относительно поджоговъ. Для поджигателя у нихъ не существовало никакихъ смягчающихъ обстоятельствъ. Уличенный, кромѣ обязанности выплатить двойную стоимость сгорѣвшаго имущества, лишается права голоса, права быть свидѣтелемъ и проч., словомъ—становится паріей общества, и ему остается только бѣжать куда нибудь, чтобъ избавиться отъ общаго позора. Даже въ прежнее время, когда, при наступленіи нашихъ войскъ, ихъ собственныя жилища, хлѣбъ и стога пылали въ огнѣ, кабардинцы никогда не платили намъ тѣмъ же; напротивъ, они всегда являлись лучшими и энергическими дѣятелями противъ пожара.

Выкупъ крестьянъ въ Кабардѣ былъ произведенъ совсѣмъ на другихъ условіяхъ, чѣмъ въ Россіи. Тамъ за всякаго здороваго работника или работницу, 15—45 лѣтъ, положена была плата въ 200 р. Плату эту холопъ могъ внести или единовременно, или по частямъ, или, наконецъ, могъ заработать ее, что въ настоящее время уже и сдѣлано—и выкупная операція покончена.

И такъ, въ настоящее время освобожденный кабардинскій холопъ надѣленъ 7-ю десятинами превосходнѣйшей земли на каждую душу обоего пола, или 14-ю на мужскую душу, не считая лѣса и общественныхъ пастбищъ; за это онъ обложенъ податью по 5 р. съ дыма, т. е. съ каждаго двора. О такой подати русскій крестьянинъ вздохнулъ бы, какъ о недосягаемомъ счастьѣ. Цѣна земли въ Кабардѣ въ настоящее время около 7 р. за десятину. *) Считая въ каждомъ дворѣ 6 душъ обоего пола, мы увидимъ, что на каждый дворъ приходится 42 дес., стоющія 294 руб. Пять податныхъ рублей съ этой суммы составляютъ около 1¾ процента.

Вотъ, кстати, размѣръ податей и въ другихъ мѣстахъ покореннаго Кавказа, то-же съ дыма: въ Кумыкскомъ, Чеченскомъ, Ингушевскомъ округахъ и Назрановскомъ обществѣ—3 р.; въ Аргунскомъ, Ичкеринскомъ и близъ лежащихъ нагорныхъ округахъ—1 р.; въ Осетинскомъ округѣ: у тагаурцевъ и куртатинцевъ, живущихъ на плоскости—3 р., у жителей же горнаго участка—1 р. 50 к.;

*) Въ 1882 г. она была уже 12—15 р.

Digitized by Google

у дигорцевъ и алагирцевъ на плоскости—2 р., у живущихъ въ горахъ—75 к.; въ Дагестанѣ—1 р. Подати эти, замѣтимъ, назначены только справедливо, и увеличивать ихъ, пока горцы еще не поправились послѣ войны, было-бы совершенно неосновательно.

Теперь будемъ продолжать описаніе нашего путешествія.

Собираясь отправиться изъ Пятигорска въ Кутаисъ, чрезъ Мамиссонъ, во-первыхъ, надо было хорошенько разузнать, что это за дорога и какъ по ней ѣхать. Свѣдѣнія эти собрать было довольно трудно, потому что дорогой этой ѣздятъ очень немногіе. На распросы мнѣ отвѣчали, что теперь дорога чрезъ Мамиссонскій перевалъ разработана настолько, что недавно по ней прошелъ казачій полкъ съ полковымъ обозомъ, но, все-таки, лучше ѣхать верхомъ. Я послушался этого совѣта и не раскаялся, потому что въ экипажѣ, т. е. въ телѣгѣ, мнѣ навѣрное не удалось бы доѣхать до Кутаиса. За наймомъ лошадей совѣтовали обратиться къ кабардинцамъ, промышляющимъ ими для прогулокъ на Машуку, Бештау и проч. Прослышавъ про мое желаніе, ко мнѣ явились съ предложеніемъ услугъ два кабардинца: прапорщикъ Джамботъ Думаевъ и юнкеръ Агубековъ, оба хорошо говорящіе по-русски. Вошли они въ комнату, какъ обыкновенно входятъ горцы, т. е. въ папахахъ; одѣты были щеголевато: черкески изъ тонкаго сукна, чевяки и ноговицы изъ сафьяна, съ серебряными прошивками, газыри (патроны на груди), кинжалы и пояса, съ привѣшанными на нихъ принадлежностями, блестѣли серебромъ. Отрекомендовавшись—непремѣнно съ присовокупленіемъ чина—и обмѣнявшись со мной рукопожатіями и привѣтствіями, они усѣлись, закурили папироски и приступили къ дѣлу.

По ихъ словамъ, мнѣ надобно было три лошади и двоихъ верховыхъ проводниковъ. По мамиссонской дорогѣ они гоняли въ Кутаисъ лошадей, но это было уже давно, и какова она въ настоящее время—имъ неизвѣстно. Длина дороги около 350 верстъ, ѣхать берутся 25—50 верстъ въ сутки; стало быть, потребуется около 12 дней; плата по 5 р. на лошадь въ сутки, считая 5 лошадей, слѣдовательно—25 р. въ день. Кормъ лошадямъ и содержаніе проводниковъ мои же. Какая будетъ цѣна припасамъ и корму въ дорогѣ—объ этомъ они ничего ровно не знаютъ. Услышавъ эти предложенія, я поспѣшилъ отказаться отъ нихъ наотрѣзъ; тогда кабардинцы объявили, что у нихъ, у дворянъ, торговаться со-

Digitized by Google

всѣмъ не въ обычаѣ, а если-де мнѣ угодно, они готовы везти меня даромъ. Я, конечно, отказался отъ азіятской любезно-хитрой безсмыслицы и предложилъ имъ 2 р. 50 к. на лошадь въ сутки, съ моимъ кормомъ и подарками послѣ благополучнаго доставленія. Отъ этого они, въ свою очередь, поспѣшили наотрѣзъ отказаться. Тѣмъ дѣло и кончилось на первый случай.

По предложеннымъ мною цѣнамъ, вся дорога должна была стоить около 250 р. с.; для 350 верстъ это цѣна огромная; но вѣдь въ горахъ путешествуютъ не ради экономіи, и въ Швейцаріи пространствовать вдвоемъ 12 дней верхомъ по горамъ съ однимъ пѣшимъ проводникомъ стоитъ никакъ не меньше. Сообразивъ это, я рѣшился не давать больше ни копейки и ждать; послѣдствія вполнѣ оправдали справедливость моего рѣшенія.

На другой-же день явился ко мнѣ Джамботъ и объявилъ, что въ Пятигорскъ пріѣхалъ старшина ихъ аула, поручикъ Измаилъ Коновъ, который соглашается везти за предложенную мной цѣну. Я отвѣчалъ, что очень радъ и прошу его пріѣхать ко мнѣ. Часа черезъ два Измаилъ дѣйствительно пріѣхалъ въ сопровожденіи двухъ нукеровъ.

Достопочтенный старшина по виду вовсе не былъ похожъ на кабардинцевъ, промышляющихъ лошадьми въ Пятигорскѣ. Лѣтъ ему было подъ 70; одѣтъ онъ былъ очень просто, за то важности въ его громадной, атлетической фигурѣ и конца не было. Подстриженная и выкрашенная хиной борода его мѣстами совсѣмъ повыцвѣла; по-русски-же онъ не говорилъ почти ни слова, или, по крайней мѣрѣ, притворялся не понимающимъ и не говорящимъ. Сказать правду, его важность, постоянно недовѣрчивый и злой взглядъ не очень-то располагали въ его пользу съ перваго раза, но это было несправедливо: во всѣхъ сношеніяхъ со мной онъ выказался вполнѣ порядочнымъ человѣкомъ и всѣ принятыя на себя обязательства исполнилъ прекрасно.

Обмѣнявшись привѣтствіями, я попросилъ Измаила сѣсть на почетное мѣсто, т. е., по просту сказать, на диванъ, и велѣлъ принести портеру, до котораго кабардинцы, какъ мусульмане, не пьющіе вина, большіе охотники. Думаевъ и Атубековъ служили намъ переводчиками. Послѣ недолгихъ переговоровъ, Измаилъ согласился на предложенныя мною условія; проѣздъ до его аула въ счетъ не входилъ.

Digitized by Google

Почти всѣ кабардинскіе аулы носятъ названія благородныхъ кабардинскихъ фамилій, бывшихъ ихъ владѣльцевъ: Атажукина, Наурузова, Тамбіева, Касаева и проч. Аулъ Измаила, на рѣчкѣ Куркужинѣ, называется также (и на картѣ) аулъ Измаилъ Конова, и это одно уже служитъ самымъ неопровержимымъ признакомъ его дворянства.

На другой день, въ 6 ч. утра, въ сопровожденіи молодаго красавца Шуаиба, у котораго мы наняли лошадей въ Пятигорскѣ, мы отправились къ Измаилу. День былъ жаркій, и бѣлая масса Эльборуса виднѣлась какъ-бы въ туманѣ. Переѣхавъ въ бродъ Подкумокъ и миновавъ Горячеводскую станицу, мы тотчасъ-же очутились въ степи. Посѣвовъ нигдѣ не было видно, и только высокій бурьянъ обозначалъ прежде распаханныя и запущенныя мѣста. Проѣхали унылую дорогу сверкавшаго влѣво отъ насъ, горькосоленаго озера Тамбукана, три рѣчки—Этоку и двѣ Золки, изъ которыхъ вода была лишь въ первой Золкѣ, и, наконецъ, доѣхали до Малки, верстахъ въ 30-ти отъ Пятигорска, на берегу которой Шуаибъ остановился творить полуденный намазъ.

До послѣдней Золки мѣстность имѣла видъ очень невеселый; это была выжженная солнцемъ, безводная, прорѣзанная балками степь; изрѣдка попадались гурты овецъ, оберегаемые стаями злыхъ собачищъ и пастухами, завернутыми въ какой-то изодранный войлокъ, вмѣсто бурки, съ дряннымъ ружьишкомъ за плечами и длинной палкой въ рукахъ. Стаи степныхъ коршуновъ обозначали мѣста, гдѣ валялись остатки павшей скотины. Эльборусъ и снѣговая цѣпь спрятались за хребтомъ Джималъ (4,565 ф.), протянувшимся вправо отъ Малки до Кисловодска. Но чѣмъ ближе мы подвигались къ Малкѣ, тѣмъ растительность, т. е. трава, становилась все лучше и лучше и, наконецъ, близъ самой рѣки, превратилась въ роскошные степные луга.

Окончивъ намазъ, Шуаибъ предложилъ намъ осмотрѣть табунъ общественныхъ кобылицъ, кутанъ (загонъ) и пастбища которыхъ были недалеко. Кобылицы присылаются сюда кабардинскими заводчиками, и порода, происходящая отъ ихъ смѣси съ кровными казенными жеребцами, превосходна. Немного существуетъ породъ лошадей, могущихъ равняться съ кабардинскими въ красотѣ, силѣ, быстротѣ, выносливости и умѣ. Хорошо выѣзженная кабардинка почти также послушна хозяину, какъ хорошо дрессированная со-

Digitized by Google

бака. Настоящій возрастъ кабардинскихъ лошадей 8 лѣтъ; цѣна на мѣстѣ хорошему, выѣзженному 8-ми-лѣтку 75—200 р. с.

За Малкой, которую мы переѣхали въ бродъ, началась Большая Кабарда; дорога шла черезъ балки и возвышенности. Разница между почвой по ту и по сю сторону Малки почти невообразима; вмѣсто суглинка и солончаковъ, появился великолѣпный черноземъ, а высохшій и погорѣлый отъ солнца бурьянъ замѣнился такими роскошными травами, что въ Россіи подобныя можно видѣть развѣ на заливныхъ лугахъ, да и тамъ онѣ не имѣютъ того аромата, какимъ отличаются кабардинскія травы; вышина ихъ была, иной разъ, почти въ полъ-лошади; во многихъ мѣстахъ трава, не скошенная за недостаткомъ рукъ, повалилась отъ собственной тяжести и вѣтра и походила на полеглое хлѣбное поле. Было уже 12-е августа, а сѣно не вездѣ еще было скошено и убрано, и удивительно, что въ такое позднее время трава нисколько не потеряла своей сочности и аромата — доказательство постояннаго присутствія влаги въ воздухѣ Кабарды, прорѣзанной многочисленными ручьями и рѣчками. Подъ хлѣбъ здѣсь земля поднимается одинъ разъ плугомъ, потомъ посѣятъ, заборонятъ—и все готово.

Отъѣхавъ верстъ 6-ть отъ Малки, мы спустились въ долину—балку рѣчки Куркужина и скоро увидѣли аулъ Измаилъ Конова. Кабардинскіе аулы, вообще, имѣютъ видъ бѣдный и невеселый; по способу постройки они, пожалуй, походили-бы на малороссійскія деревни, еслибъ не были лишены не только всякой древесной зелени, но даже и огородовъ, на мѣсто которыхъ кабардинцы сѣютъ кукурузу. Усадьба Измаила была на самомъ концѣ аула и состояла, какъ вообще у всѣхъ черкесовъ племени адигѣ, изъ нѣсколькихъ построекъ: впереди кунацкая, а сзади, на дворѣ, обнесенномъ плетнемъ, собственно домъ, женская половина и другія хозяйственныя постройки. Дворъ кунацкой не былъ ничѣмъ огороженъ, и только сохранившіеся остатки плетня свидѣтельствовали о существовавшей когда-то изгороди; тутъ-же торчало нѣсколько сучковатыхъ столбовъ, замѣнявшихъ коновязи для лошадей пріѣзжихъ, которые имѣли до Измаила, какъ до старшины, дѣла и цѣлый день толпились у него на дворѣ. Лишь только мы подъѣхали, хозяинъ вышелъ къ намъ на встрѣчу, помогъ мнѣ сойти съ лошади и пригласилъ войти въ кунацкую.

Digitized by Google

Кунацкая Измаила была бѣдна, и только кровать, покрытая шелковымъ одѣяломъ, составляла въ ней нѣкоторую роскошь. Постройка вся была изъ плетня, обмазаннаго глиной, а крыша соломенная; дверь низка и постоянно отворена, а окна такъ малы, что когда дверь затворялась, то въ комнатѣ отъ темноты нельзя было читать. У стѣны былъ очагъ изъ плетневой-же, смазанной глиной пролетной трубы, подъ которою, на полу, разводился огонь. Мебель, кромѣ кровати, вся состояла изъ лавки, покрытой старымъ матрацомъ. Нѣсколько низенькихъ трехногихъ стульевъ, желѣзный свѣтецъ, мѣдный тазъ съ рукомойникомъ, конская сбруя на вбитыхъ въ стѣну кольяхъ и пшина (двухструнная скрипка) довершали убранство. Въ кунацкой мы нашли гостей: князя Наурузова и брата Измаила, Барака Конова. Князь жилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, «по дѣламъ», какъ онъ выражался, Баракъ-же прежде служилъ въ Петербургѣ въ конвоѣ Е. В. Оба они, къ великому моему удовольствію, говорили по-русски. Хозяинъ, разумѣется, познакомилъ меня съ ними.

— Садитесь!—сказалъ онъ мнѣ, указывая на почетное мѣсто, т. е. на кровать, рядомъ съ княземъ. Я спросилъ, черезъ князя, о здоровьѣ хозяина.

— Спасибо,—отвѣчалъ онъ,—а ты?

— Слава Богу, благодарю.—Сидѣли только я, князь, Баракъ и Измаилъ; остальные стояли или толпились у дверей, молча на насъ поглядывая. Признаюсь, всѣ эти азіятскія церемоніи были очень томительны, и я, въ первое же-время, началъ вздыхать объ европейской свободѣ. Завязался разговоръ. Князь разсказывалъ про свое житье въ Россіи; разсказы эти заключались единственно въ воспоминаніяхъ о Петербургѣ и объ охотѣ въ Тверской губерніи. Въ остальномъ отношеніи русская жизнь не оставила на немъ никакого слѣда. Свѣдѣнія его объ Европѣ были тоже довольно своеобразны: онъ зналъ только, что въ Европѣ старшіе государи—императоры, за императорами слѣдуютъ короли, за королями принцы, а за принцами прямо князья. Императоровъ въ Европѣ три—русскій, французскій и австрійскій; о томъ же, что французскаго императора не было уже больше, а былъ императоръ германскій, князь еще не получалъ извѣстія.

Черезъ часъ намъ подали умыть руки и затѣмъ внесли нѣсколько низенькихъ деревянныхъ столиковъ, съ поставленными на нихъ

Digitized by Google

кушаньями, обложенными кругомъ, вмѣсто хлѣба, кусками просяной пасты. Первый столикъ былъ съ бараньимъ отваромъ, безъ всякой приправы (кабардинцы совсѣмъ не знаютъ огородныхъ овощей), въ деревянныхъ ковшахъ; слѣдующій—съ превосходной бараниной изъ этого отвара. Измаилъ отрѣзалъ самый жирный кусокъ и подалъ его мнѣ рукою, проговоривши: «тебѣ!»—Съѣсть было необходимо, подъ опасеніемъ иначе смертельно обидѣть хозяина. Всѣ гости вынули маленькіе ножички изъ кинжальныхъ ноженъ и принялись рѣзать и уничтожать баранину. Слѣдующіе столики были съ вареными въ меду сладкими пирожками, которые всѣ макали въ чашку съ буйволовымъ каймакомъ (сладкія, вареныя густыя сливки), яичницей, индѣйкой, съ перечнымъ краснымъ соусомъ, и, наконецъ, медовой сытой. Кажется, нѣтъ надобности прибавлять, что мы все это ѣли руками; ручники поданы были только мнѣ и князю; другіе-же и Баракъ, какъ дворяне, тоже приглашенные къ столу, обтирали руки о чевяки и ноговицы, что имъ и было удобно дѣлать, сидя на полу, поджавши ноги. Послѣ насъ столики передавались нукерамъ князя, къ которымъ присоединили и Степана, а послѣ нихъ остатки доѣдала домашняя прислуга. Вымывъ руки и выполоскавъ ротъ, всѣ благодарили хозяина, который принималъ эти благодарности съ подобающей важностью.

— Степанъ!—сказалъ онъ, обращаясь къ моему спутнику: что твоя сытъ?

— Много довольны, покорнѣйше благодаримъ, ваше сіятельство! —отвѣчалъ, вытянувшись, Степанъ Семенычъ.

Титулъ сіятельства видимо подѣйствовалъ на Измаила, — стало замѣтно, что онъ, съ этого времени, почувствовалъ къ Степану особенное расположеніе; часто, когда тотъ стоялъ, онъ обращался къ нему со словомъ «садысь» и трепалъ его по плечу, говоря при этомъ мнѣ:

— Твоя Степанъ хорошъ человѣкъ,—на что хорошій человѣкъ обыкновенно отвѣчалъ:

— Покорнѣйше благодаримъ, ради стараться, ваше сіятельство!

За обѣдомъ намъ прислуживалъ человѣкъ, на котораго нельзя было не обратить особеннаго вниманія; это былъ типъ, какимъ я себѣ представлялъ черкесскаго хищника прежнихъ временъ: перетянутый въ рюмочку, стройный и ловкій, онъ, своими движеніями

Digitized by Google

и мягкою, неслышною походкой, напоминалъ змѣю; опушенное небольшой черной бородкой, рябое лицо, съ ястребиными глазами и носомъ, напоминало хищную птицу; постоянно недовѣрчивый, а зачастую злой и презрительный, взглядъ его такъ и сверкалъ изъ-подъ папахи.

— Ого, голубчикъ,—подумалъ я,—родись-ка ты въ прежнее время, быть-бы тебѣ абрекомъ!

— Кто это такой?—спросилъ я у князя.

— Старшій сынъ хозяина, Бекъ-мурза,—отвѣчалъ онъ.

Меня удивило это извѣстіе; по виду, Бекъ-мурзу можно было принять за нукера, прислужника, кого хотите, но только никакъ не за старшаго сына. Впослѣдствіи объяснилось, что, вѣрный старинному адату (обычаю), Измаилъ держалъ своихъ домашнихъ въ такой дисциплинѣ, что даже Бекъ-мурза, на которомъ, въ сущности, лежало все хозяйство, не смѣлъ не только сидѣть или курить, но даже и говорить, безъ позволенія, въ его присутствіи.

Послѣ обѣда кабардинцы занялись разсматриваніемъ моего ружья, потомъ не вытерпѣли, принесли свои ружья, и началась стрѣльба въ цѣль, продолжавшаяся до тѣхъ поръ, пока не принесли самоваръ, единственное усовершенствованіе, принятое Измаиломъ отъ русскихъ. Послѣ чаю слѣдовалъ ужинъ въ томъ-же порядкѣ, какъ и обѣдъ, затѣмъ всѣ распрощались. Бекъ-мурза принесъ и постлалъ Степану постель, и мы крѣпко уснули, притворивъ двери кунацкой. Князь, какъ короткій знакомый, отправился спать въ домашнее помѣщеніе Измаила.

На другой день Измаилъ сказалъ, что завтра можно будетъ ѣхать и что проводниками поѣдутъ Джамботъ и Бекъ-мурза, изъ которыхъ послѣдній отправился уже въ табунъ за лошадьми, а Агубекову ѣхать нельзя. Вотъ, хорошо! сидимъ мы, такимъ манеромъ, со Степаномъ подъ навѣсомъ кунацкой и скучаемъ, въ ожиданіи отъѣзда. Только, глядь, въѣзжаетъ на дворъ Агубековъ и съ нимъ еще пара осѣдланныхъ лошадей. Что это, думаю, еще за исторія? Куда онъ это собрался? Гляжу, онъ слѣзъ съ лошади и идетъ прямо ко мнѣ. — «Здравствуйте, милостивый государь!» —«Здравствуйте, г. Агубековъ».—«Ну, вотъ, я и готовъ».—«Ку-д-а?» —«Какъ, куда? ѣхать съ вами».—«Съ нами? Да съ нами ѣдетъ Джамботъ».—«Какъ Джамботъ?—вскричалъ Агубековъ, вспыхнувъ. —Да вѣдь вы сговаривались со мной!»—«Извините, я сговаривался

Digitized by Google

съ Измаиломъ—съ нимъ и имѣю дѣло. Вы-ли, Джаботъ-ли со мной поѣдетъ—это для меня все равно».—«Ваша правда,—проговорилъ Агубековъ, одумавшись,—только, что-же это онъ со мной сдѣлалъ? Вѣдь я съѣздилъ въ табунъ за лошадьми подъ самый Эльборусъ и потерялъ на это 2 дня! Да у него и лошадей-то нѣтъ! Понимаю! Онъ раздобылся ими, должно-быть, безъ меня, да и хочетъ улизнуть потихоньку! Онъ изъ меня дурака строитъ! Нѣтъ, я такъ шутить съ собой не позволю! Либо онъ, либо я не буду живъ! Для меня это обида! Какъ хотите, поѣзжайте со мной!» —«Повторяю вамъ—это до меня не касается; обратитесь къ Измаилу, — онъ старшина и судья, — пусть онъ васъ и разсудитъ». Агубековъ съ неудовольствіемъ пошелъ отыскивать Измаила. Въ самомъ дѣлѣ, если онъ говорилъ правду, положеніе его было преглупое. Минутъ черезъ 10 онъ и Измаилъ показались на дворѣ. Агубековъ горячился, Измаилъ-же оставался совершенно равнодушнымъ, словно дѣло совсѣмъ его и не касалось. Агубековъ скоро опять куда-то исчезъ—должно-быть, пошелъ разыскивать Джамбота, который жилъ въ томъ-же аулѣ, а Измаилъ усѣлся со мной. —«Что?—сказалъ онъ ласково, ударивъ меня по колѣнкѣ—ѣхать надо? Пора?»—«Да и очень пора, Измаилъ! Вы ужъ, пожалуйста, ихъ разсудите. Я боюсь, какъ-бы не вышло задержки».—«Не бойся! Садись, Степанъ! Съ ней ѣхать не надо. Она хвастунъ. У нея нога болитъ, и пьетъ. Поѣзжай съ Джаботъ и Бекъ-мурза». —«Вы извольте послушать, какія онъ слова-то говоритъ, ваше сіятельство!»—вмѣшался Степанъ.—«Какія слова?»—«Либо онъ—говоритъ—либо я не буду живъ....»—«Она хвастунъ! Теперь нельзя не былъ живъ—теперь не прежде. Она дуракъ и все вретъ! Моя послалъ за судья—моя ихъ судить будетъ».

Скоро сошлись и судьи и усѣлись съ Измаиломъ, на корточкахъ, въ кругъ, на камешкахъ, нарочно разложенныхъ на дворѣ про эти случаи. Въ кругѣ, на корточкахъ-же, помѣстился Агубековъ и началъ имъ излагать свои жалобы. Судьи молчали и слушали, важно поглаживая бороды. Всѣхъ ихъ окружала толпа праздношатающихся, въ которыхъ нѣтъ никогда недостатка въ кабардинскихъ аулахъ. Гляжу, идетъ и Джаботъ! Агубековъ такъ и бросился къ нему со всѣхъ ногъ, вонъ изъ круга. — «Ну, думаю, какъ-бы у нихъ и въ самомъ дѣлѣ чего не вышло. Мало-ли какія глупости дѣлаютъ люди подъ вліяніемъ оскорбленнаго само-

Digitized by Google

любія!» Но страхъ мой былъ совершенно напрасенъ. Противники, усѣвшись въ кругу, другъ противъ дружки, опять-таки на корточки, ограничились однимъ крикомъ и маханьемъ руками; въ жару спора, они то наскакивали, то отскакивали одинъ отъ другаго. Сцена совершенно принала видъ пѣтушинаго боя и начинала меня забавлять. Наконецъ, судьбище кончилось, и судьи разошлись по домамъ.—«Ну, что, Измаилъ,—спросилъ я,—чѣмъ кончили?»—«Ничѣмъ,—отвѣчалъ онъ совершенно спокойно. — Молчи и подожди. Ступай обѣдать». Пообѣдали, и, все-таки, я не могъ добиться никакого отвѣта.

Вечеромъ, я, Измаилъ и Баракъ сидѣли въ кунацкой. Агубековъ, который, какъ ни въ чемъ ни бывало, все время продовольствовался у Измаила, служилъ, поочередно съ Баракомъ, намъ переводчикомъ. Возлѣ Измаила помѣстился 7-ми-лѣтній сынишка его, Батуна, котораго Измаилъ любилъ безъ памяти и одного, изъ всего семейства, удостоивалъ своей лаской. Старикъ всей душой привязался къ ребенку; они по цѣлымъ часамъ просиживали вдвоемъ, и сдѣлать что-нибудь непріятное Батунѣ—значило смертельно оскорбить самого Измаила. — «Батуна! — проговорилъ старикъ, лаская сынишку и гладя его по головѣ. — Батуну надо учить! Коли не учить Батуну—ему ѣсть нечего будетъ. Теперь всѣхъ надо учить. Неученому дворянину теперь и жить нельзя на свѣтѣ». — «Это правда!—замѣтилъ я.—Чему-же вы думаете учить его, Измаилъ?» —«Читать, писать по-русски», — отвѣчалъ старикъ, для котораго русская грамота была верхомъ всякой премудрости.—«Скажи, пожалуй,—продолжалъ онъ,—есть такой народъ: швейцаръ? И гдѣ она живетъ?» Я, конечно, могъ объяснить только, что очень далеко.—«А хорошій это народъ?»—«Хорошій».—«А земля хорошая у швейцаръ?»—«Хорошая».—«А похожа на Кабарду?»—«Похожа, только обработана лучше».—«Мнѣ такъ и сказывали».—«Кто вамъ это сказывалъ?»—«А есть тутъ у насъ осетинъ Урусбіевъ, живетъ въ верховьяхъ Баксана; она служилъ въ Петербургѣ, потомъ поѣхалъ къ швейцаръ учиться сыръ дѣлать, теперь хочетъ здѣсь заводъ строить. Она говоритъ, что нашъ сыръ будетъ лучше, потому что наша трава лучше. Твоя не былъ въ Швейцаръ?» *)

*) Кн. Урусбіевъ, дѣйствительно, въ настоящее время выдѣлываетъ очень хорошій сыръ, хотя онъ и продается на Кавказѣ немногимъ дешевле швейцарскаго въ Петербургѣ (фунтъ около 50 к.).

Digitized by Google

—«Былъ».—«А сыръ дѣлать умѣешь?»—«Нѣтъ, не умѣю?»—«А зачѣмъ не умѣешь? Поѣзжай—учись, и давай, какъ Урусбіевъ, тоже сыръ дѣлать».—«Да, вѣдь, для этого деньги надобны, Измаилъ». —«А зачѣмъ деньги? Не надо деньги».—«Какъ не надо? А на что же купить коровъ-то?»—«Зачѣмъ купить? Не надо купить. Я тебѣ, сколько хочешь, безъ денегъ достану. У насъ такой кабардинскій адатъ (обычай), кто чего ни попроси, ни въ чемъ не откажутъ. Я тебѣ безъ денегъ 500 коровъ достану, получимъ деньги и отдадимъ послѣ».—«Неужели-же у васъ и до сихъ поръ такой адатъ, Измаилъ?»—«Да, прежде у насъ былъ адатъ: принять, накормить гостя и лошадь подарить ему на дорогу. Теперь не даримъ больше, не изъ чего, а все еще, на время, и коровъ и кобылъ дадутъ, сколько хочешь. Не было лучше нашего адата: у насъ не было бѣдныхъ, — все, бывало, дадутъ, чего ни попросишь. Пока мы, старики, живы, все это такъ и будетъ, а наши дѣти за все станутъ брать деньги, какъ и вы, русскіе. Жили мы, какъ видишь, по старинному: сѣяли только просо да кукурузу; теперь домъ строимъ, картофель, капусту садимъ, русѣемъ годъ отъ года. Промыселъ у насъ былъ только одинъ: коневодство, да баранта; теперь за торговлю приниматься надо,—вонъ, еврейская колонія, у Нальчика, отлично торгуетъ. Да, прошло наше время. Оружіе намъ теперь больше не нужно. Старыя кольчуги наши заржавѣли, шашки на гвоздь повѣшены; теперь табакъ полезнѣе, его хоть курить можно. Лишились мы нашей чести, стали не дворяне, а граждане простые. Легче намъ была-бы смерть, чѣмъ жизнь такая! Какъ прежде жили дворяне въ Кабардѣ,—нигдѣ и никогда такъ не жили; холопы работали на насъ все, что велятъ. Кисловодскъ былъ нашъ—Коновыхъ, мой отецъ жилъ тамъ въ своемъ аулѣ, а домъ вотъ его дѣда, Агубекова, стоялъ надъ самымъ Нарзаномъ. Пришли русскіе, наши и ушли сами оттуда, не хотѣли ихъ видѣть. Дураки были, ничему цѣны не знали. Сначала ушли подъ Бештау, а потомъ еще 7 мѣстъ перемѣнили, пока съ Баксана не пришли на Куркужинъ и здѣсь не усѣлись. Земли были тогда немѣрныя, сколько кто хотѣлъ, столько и занималъ. У моего дѣда 20 тысячъ десятинъ было *), а теперь и холопей отняли, и на

*) Какъ отецъ Измаила могъ владѣть 20-ю тысячами десятинъ, когда земли были немѣрныя и самое слово «десятина» было неизвѣстно кабардинцамъ—это его тайна.

Digitized by Google

3-хъ братьевъ всего 900 дали, а за что отняли—неизвѣстно, за то, должно-быть, что смирны были *). Да, лишились мы нашей чести! Лучше была-бы смерть, чѣмъ жизнь такая!» Я счелъ за лишнее говорить со старикомъ и доказывать ему противное, потому что это было бы безполезно. Мнѣ оставалось только радоваться, что въ домѣ Измаила я имѣлъ случай видѣть вполнѣ сохранившійся остатокъ прежней жизни кабардинскаго уздеия (дворянина).

Желая отвлечь хозяина отъ непріятнаго для него разговора, я началъ разказывать о своемъ знакомствѣ съ княземъ Магометомъ или, по-черкески, Маматомъ-Гиреемъ Ловомъ **), которое мнѣ удалось сдѣлать въ Пятигорскѣ чрезъ полковника Я. С. Кухаренко, сына генерала, умершаго въ плѣну у горцевъ въ 1861 г., о чемъ разсказано мною въ 1-й части. Разговоръ коснулся, разумѣется, барона Торнау (автора превосходныхъ «Воспоминаній плѣннаго кавказскаго офицера») и исторіи его плѣна. Измаилъ хорошо зналъ всѣ эти происшествія. Вотъ, что говорилъ мнѣ кн. Ловъ (уже полковникъ русской службы, имѣвшій Владиміра на шеѣ), когда я передалъ ему то, что читалъ у Торнау: «Да, говорилъ онъ, это было давно—очень, очень давно (въ 1835 году). Все это правда. Дѣйствительно, его захватили на моихъ глазахъ, причемъ и меня чуть не убили. Очень, очень давно все это было. Изъ свидѣтелей остался въ живыхъ я одинъ; Асланъ-Бекъ Тамбіевъ (хозяинъ Торнау въ плѣну) убитъ, Хаджи Джансеидъ тоже; Тембулатъ и Бій Карамурзины (проводники Торнау, выручившіе его впослѣдствіи изъ плѣна) умерли, а дѣти ихъ ушли въ Турцію; Асланъ-Гирей тоже убитъ,—при смерти его я не былъ... (Вѣроятно, старикъ не хотѣлъ поднимать старину, потому что Торнау положительно называетъ его въ числѣ 3-хъ мстителей измѣннику Асланъ-Гирею). Я того мнѣнія, что Торнау взялся не за свое дѣло. Все это давно, давно прошло—а тогда молодо, весело было! Я, какъ себя запомню, былъ всегда на конѣ. У меня 3-хъ братьевъ убили.

*) Да, по неволѣ. Самъ Измаилъ, какъ мнѣ послѣ сказывали, былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ закубанскими и абреками и водилъ съ ними самую тѣсную дружбу.

**) Князь Ловъ игралъ довольно видную роль въ судьбѣ барона Торнау при захватѣ его въ плѣнъ горцами. Торнау описываетъ его, какъ удивительнаго красавца, и совершенно справедливо. Во время нашего знакомства въ 1874 г., князь могъ служить еще образцомъ старческой мужественной силы и красоты. Онъ умеръ въ 1880 г.

Digitized by Google

Теперь пришло другое время... Мнѣ-же пришлось обезоруживать тѣхъ самыхъ людей, которые, вмѣстѣ со мною, сражались за русскихъ». Въ послѣднихъ словахъ князя невольно проглядывалъ кабардинецъ. Выслушавъ мой разсказъ, Измаилъ замѣтилъ: «Я удивляюсь одному—какъ это вы, русскіе, знаете про все, что дѣлается на свѣтѣ. Объ этомъ происшествіи даже и здѣсь, въ Кабардѣ, знаютъ лишь старики,—а ты пріѣхалъ Богъ знаетъ откуда и знаешь все это лучше меня. Не даромъ вы насъ завоевали!»

Разговоръ зашелъ о кàнлѣ (кровомщеніи)—этой уздѣ, хоть немного сдерживавшей горцевъ въ предѣлахъ законности, если только возможно употребить въ настоящемъ случаѣ это слово.

— «А вотъ, я тебѣ разскажу—началъ Измаилъ—не сказку, а то, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Одинъ разъ я и Бекъ-мурза Зековъ, съ Баксана, изъ аула Атажукина,—были въ Чечнѣ; и Саралюпъ, чеченецъ изъ Герменчука, былъ съ нами *). Зековъ курилъ махорку, и у него, на тотъ разъ, ея не было. Вотъ онъ и проситъ хозяина достать ему махорки.—«Есть—говоритъ тотъ—у сосѣда, виситъ подъ крышей, да человѣкъ-то онъ не такой, чтобъ я пошелъ у него просить. Достань самъ, коли хочешь». Зековъ послушался и полѣзъ воровать махорку. Собаки залаяли,—выскочилъ хозяинъ, выстрѣлилъ изъ винтовки и попалъ Зекову въ руку, а тотъ выхватилъ кинжалъ и убилъ его наповалъ. Всѣ мы выскочили—и началась пальба и рѣзня! Четыре человѣка были убиты! Саралюпу черепъ раскроили... За то, когда онъ выздоровѣлъ, такъ убилъ девятерыхъ за то только, что они были изъ того-же аула. Вотъ какъ мы прежде жили! Самъ посуди—изъ-за махорки 13 человѣкъ было убито...

«Саралюпъ—продолжалъ онъ—былъ извѣстный джигитъ. Вотъ, одинъ разъ, во время жнитва, когда всѣ были на работѣ, а въ ауле остались только дѣти да женщины,—Саралюпъ тоже остался дома. Вотъ сидитъ онъ, да и думаетъ самъ съ собою: «хожу я на линію, убиваю, ворую,—и все-то мнѣ съ рукъ сходитъ; надоѣло мнѣ это! Что бы еще такое сдѣлать, чтобы прославиться! Отправлюсь я за Терекъ, къ Моздоку, и взорву пороховой магазинъ на Терекѣ».—Задумавъ это, темной ночью пріѣхалъ Саралюпъ къ

*) Измаилъ часто бывалъ не только въ Чечнѣ, но и въ Дагестанѣ у Шамиля, за какими дѣлами—онъ про это умалчивалъ.

Digitized by Google

рѣкѣ, привязалъ къ дереву лошадь, связалъ платье, уложилъ въ пузырь порохъ и пистолетъ, взялъ винтовку и переплылъ Терекъ. Въ темнотѣ подкрался онъ къ магазину, зарѣзалъ часоваго, натаскалъ сѣна изъ сосѣдняго стога, обложилъ имъ магазинъ и зажегъ. Произошелъ такой взрывъ, что балки перебрасывало за рѣку. Сбѣжался народъ, солдаты, и Саралюпъ, перебивъ еще много народу и невредимо переплылъ назадъ за Терекъ. А то, другой разъ, онъ съ тремя товарищами, такими-же абреками, задумалъ ограбить богатый хуторъ за Терекомъ. Товарищи отправились на развѣдки и донесли ему, что на хуторѣ стоятъ солдаты. Саралюпъ не повѣрилъ и отправился посмотрѣть самъ. Подошли и онъ и товарищи къ хутору, смотрятъ въ окошки и видятъ, что у огня сидятъ 9 солдатъ и всѣ безъ оружія,—ружья всѣ въ уголъ составили. Вотъ товарищи, съ досады на Саралюпа за то, что онъ имъ не вѣрилъ,—возьми да и толкни его въ сакли: «смотри, молъ, самъ, коль намъ не вѣрилъ». Саралюпъ, очутившись между солдатами, не смутился, а выхватилъ кинжалъ и одинъ перерѣзалъ ихъ всѣхъ.

«Когда собирались грабить Кизляръ, то Кази-мулла захворалъ, и начальникомъ выбрали, на то время, кабардинца Жемуса-эфенди Шуаева, отецъ котораго былъ отпущенникомъ моего отца. Онъ-то и взялъ Кизляръ съ помощью Саралюпа. Когда первое нападеніе на Кизляръ было отбито, то Саралюпъ сказалъ: «возьмите двѣ жерди, привяжите меня къ нимъ концамъ, перекиньте черезъ стѣну, и я отопру вамъ ворота». Такъ и сдѣлали: перекинули ночью Саралюпа,—онъ зарѣзалъ часоваго, отворилъ ворота, и Кизляръ взяли. Когда возвращались назадъ съ добычей, Кази-мулла далъ, при раздѣлѣ, Саралюпу всего 50 червонцевъ. Саралюпъ обидѣлся такой малой наградой—ничего не взялъ и ушелъ отъ нихъ прочь. На Сунжѣ есть курганъ Шихко. Тамъ собрались старики и ждали извѣстій изъ подъ Кизляра. Увидя шедшаго Саралюпа, они спросили его: чѣмъ кончилось дѣло?—«Не знаю,—отвѣчалъ онъ,—я поссорился съ ними и ушелъ прочь, не дойдя до Кизляра». Такъ онъ былъ скроменъ! Саралюпъ послѣ ушелъ въ Турцію,—а Шуаевъ, немного спустя послѣ смерти Кази-муллы, былъ схваченъ русскими и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и прожилъ 30 лѣтъ на Амурѣ. 3 года тому назадъ, онъ воротился,—живетъ теперь на Чегемѣ, въ Куденетовомъ аулѣ, и собирается въ Мекку. Когда поѣдешь съ Бекъ-мурзой, заѣзжай къ нему, коли хочешь».

Digitized by Google

На слѣдующій день опять начался судъ надъ Джаботомъ и Агубековымъ: опять усѣлись въ кругъ и принялись судить да рядить безъ конца, а мнѣ ничего не оставалось больше дѣлать, какъ сидѣть подъ навѣсомъ кунацкой и наслаждаться этимъ зрѣлищемъ, разговаривая съ братомъ Измаила, Бараномъ. Баранъ съ удовольствіемъ вспоминалъ про свою службу въ царскомъ конвоѣ и съ восторгомъ говорилъ объ императорѣ Николаѣ. Разговоръ, разумѣется, не миновалъ и вѣчной темы—освобожденія холопей.—«Посудите сами,—говорилъ мой собесѣдникъ,—какова намъ? Работать мы, все равно, какъ и вы, не умѣемъ и не привыкли. Прежде на насъ все дѣлали холопы: бывало, посѣютъ хлѣбъ и уберутъ. Жили по-просту, по-старинному; на житье немного было нужно: пшена и баранины было вволю, а на остальное добывали деньги продажей лошадей и скотины. Теперь отобрали холопей. Выкупъ, правда, мы за нихъ получили очень хорошій, да онъ такъ и ушелъ между рукъ, а тѣ, которые не могли внести выкупа, проработали на насъ за выкупъ 6 лѣтъ; прошло это время, и остались мы безъ денегъ и безъ холопей. У васъ, въ Россіи, выдали выкупныя свидѣтельства, а у насъ не было этого; сами такъ захотѣли—думали, что получить выкупъ прямо съ холопей лучше будетъ, а вышло хуже. Кѣмъ теперь обрабатывать землю—и сами не знаемъ. Холопы пойдутъ, у нихъ и своей дѣвать некуда; такъ и лежатъ наши земли впустѣ. Не хотите-ли купить по 7 р. десятину,—а земля-то, земля-то какая! Въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ лучше нашей кабардинской земли!»

Я началъ отговаривать ихъ продавать земли, доказывая, что въ скоромъ времени, съ проведеніемъ желѣзной дороги, земли должны вздорожать *).

— Такъ-то оно, такъ,—отвѣчалъ онъ,—да денегъ-то нѣтъ, оберкуться-то нечѣмъ. Коневодствомъ одними нынче не проживешь.

Въ это время, по двору проходила кухарка Измаила, красивая и бойкая унаутка**) Эльмисханъ.—«Здравствуй!—обратилась она ко мнѣ, улыбаясь и коветливо кивнувъ головой.—Куда пошелъ?» (Куда

*) Предсказаніе мое сбылось: теперь они уже просятъ за землю 12 р.—цѣна, все-таки, баснословно дешевая, разумѣется, для земледѣльцевъ, а не аферистовъ, которые, не работая сами, навѣрное, очутятся въ томъ-же положеніи, какъ и кабардинцы.

**) Унауты – дворовые, всегда незаконнорожденные (часто отъ господъ) и безсемейные, бывшіе полные рабы, неимѣвшіе никакой собственности.

Digitized by Google

ѣдешь?)—«Далеко, Эльмискантъ,—въ Кутаисъ».—«Кутаисъ? Далеко поѣдешь».

— Вотъ, поглядите,—продолжалъ Баракъ: кухарка, увалутка простая, а и ту нынче дешевле 25 р. въ годъ не наймешь, а работнику надо дать 70. Гдѣ-же ихъ взять-то? Наши все собираются уходить въ Турцію—отъ того мы и домовъ себѣ не строимъ и огородовъ не заводимъ, живемъ какъ на бивуакѣ. Скажите, что въ Турціи есть холопы?

— Не знаю, навѣрное. Впрочемъ, если и есть, такъ тоже не долго останутся.

— Вотъ какое время пришло!—произнесъ Баракъ со вздохомъ.—Стало быть, скоро на землѣ и мѣста не будетъ, гдѣ есть холопы?

— Надо такъ думать, Баракъ.

— Удивительно это для насъ! Удивительно! Скажите, зачѣмъ это у васъ ихъ освободили?

Какой удобо-понятный отвѣтъ я могъ дать на это Бараку, кромѣ того, что, видно, уже такъ Богу угодно?

— Да,—продолжалъ онъ,—а какъ освободили крестьянъ въ Россіи, такъ ужъ и нашихъ холопей ничѣмъ нельзя удержать стало. Разверстка земель началась у насъ съ 63-го года, и ужъ тогда они почуяли, что пахнетъ волей, а въ 66-мъ, за годъ до воли, такъ и совсѣмъ слушаться перестали. Чего мы съ ними тогда только не дѣлали! И били-то! И въ разбродъ продавали! И убивали даже! Ничто не помогало.

— Ну, такъ вотъ сами видите! Какъ-же было правительству не объявить свободы?

— Совершенная правда, да только ужъ намъ безъ холопей-то куда какъ тошно! Я думаю, вы слышали, что мы пробовали тогда и бунтовать: собрались наши удоеви близъ Нальчика и объявили, что лучше совсѣмъ умереть, чѣмъ жить безъ холопей. Другіе, которые были постарше да поумнѣе: Касаевъ, Атажукинъ полковникъ — стали ихъ уговаривать, такъ куда тебѣ! И слушать не думаютъ! Ну, пришли войска на Вансанъ и въ Зміевой станицѣ. Наши ушли на Урухъ. Начали продовольствовать войска на нашъ счетъ,—говорятъ, тысячъ до 16-ти намъ это стоило. Пришлось покориться! Тутъ нѣкоторыхъ изъ главныхъ бунтовщиковъ на время въ Россію сослали, и князь Наурузовъ былъ въ ихъ числѣ. (Эге!—подумалъ я—такъ вотъ какіе были у тебя въ Россіи дѣла-

Digitized by Google

то!)—А черезъ недѣлю послѣ того и воля была объявлена. Я часто спорю съ нашими противъ ухода въ Турцію и толкую имъ: что, молъ, вы, угрозите, что-ли, этимъ кому нибудь! Еще рады будутъ, пожалуй, коли вы уберетесь, потому что земли ваша русскимъ останется. А вѣдь земля-то какая! Все на ней родится—и фрукты всякія, и орѣхъ грецкій, и черешня, и груша! Я, впрочемъ, думаю, что все это переселеніе одной болтовней кончится. Отжили мы свое время! Что ни толкуй, а видно, ни войны, ни холопей не видать больше,—а этого бы намъ только и нужно!

Въ это время уже перестали судить Джамбота съ Агубековымъ и судили какого-то узденя съ его-же бывшимъ холопомъ, чуть ли не изъ-за украденной первымъ у послѣдняго лошади. Холопъ громко кричалъ и дерзко обвинялъ своего бывшаго господина.

— Посмотрите-ка,—сказалъ Баракъ,—до чего дожили! Холопъ съ узденемъ какъ разговариваетъ!

Кончился и этотъ судъ. Измаилъ подошелъ и сѣлъ возлѣ меня. Я, въ это время, разсматривалъ карту Кавказа.

— Что ты это смотришь?—спросилъ онъ.

— Да вотъ—карту Кабарды, Измаилъ.

— Кабарды? Тутъ Кабарда наша написана?

— Да.

— Ну, а мой аулъ есть?

— Есть.

— Покажи.

Я показалъ ему надпись: «Аулъ Измаилъ Конова».

— Такъ и написано: Измаилъ Конова?

— Такъ и написано.

Старикъ взялъ карту и долго ее разсматривалъ, держа вверхъ ногами и повторяя про себя: аулъ Измаилъ Конова, аулъ Измаилъ Конова. Самолюбіе его, очевидно, было очень польщено. Затѣмъ онъ спросилъ мою записную книжку и карандашъ, нацарапалъ въ ней по-русски: «Измаилъ Коновъ» и съ торжествомъ передалъ мнѣ, спросивъ:—Хорошо?

— Хорошо. Однако, чѣмъ-же вы кончили судъ, Измаилъ?

— А ничѣмъ,—отвѣчалъ онъ совершенно спокойно.

— Какъ такъ ничѣмъ?

— Ничѣмъ. Подожди. Этого дѣла нельзя судить по адату—его нужно судить по шаріату. Я ужъ за эфенди послалъ.

Digitized by Google

Скоро, дѣйствительно, пришелъ эфенди и быстро разрѣшилъ дѣло, присудивъ Джамбота заплатить Агубекову 12 цѣлковыхъ, чѣмъ послѣдній, повидимому, остался очень доволенъ, потому что, получивъ съ Джамбота деньги (которыя тотъ взялъ у меня-же, въ счетъ будущей поѣздки), онъ быстро осѣдлалъ лошадей и поскакалъ къ Пятигорску, не подумавъ даже проститься со мной.

— Что, тебѣ скучно?—сказалъ мнѣ Измаилъ послѣ обѣда.

— Да, признаться-таки, не весело. Живемъ мы безъ дѣла цѣлыхъ три дня, да и совѣстно тоже немножко вводить васъ въ расходы.

— Что расходы? Ничего расходы. Мы должны ихъ дѣлать для гостя. Сегодня некогда ѣхать—поѣдешь завтра. А теперь поѣдемъ въ поле, мнѣ сказывали—утромъ въ кукурузѣ чушекъ (свиней) видали. Убьемъ, коли увидимъ.

Поѣхали. Кукуруза, дѣйствительно, была поломана, а просяное поле, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, точно каткомъ укатано. Свинья съ двумя поросятами вскочила съ проса и помчалась не тише зайца; скоро она скрылась въ балкѣ, и Измаилъ, погнавшійся было за нею съ своими нукерами, воротился назадъ. Глядя на почти уничтоженный свиньями посѣвъ, я понялъ, почему, передъ революціей, французскіе крестьяне такъ упорно возставали противъ привилегіи дворянской охоты.

— Отчего-же вы не караулите полей, Измаилъ? Вѣдь эдакъ и сѣять не стоитъ?

— За карауль надо 50 р. платилъ—оттого и нѣтъ караулить,—отвѣчалъ онъ на это. Резонъ!

Наконецъ, на другой день, послѣ обѣда, лошади были осѣданы и навьючены; Джамботъ и Бекъ-мурза, вооруженные шашками, пистолетами и кинжалами, убранными въ серебро,—были готовы. Мы сѣли на лошадей и выѣхали въ сопровожденіи Измаила, который, какъ хозяинъ, согласно горскому обычаю, обязанъ былъ проводить насъ изъ своего дома.

Когда мы отъѣхали отъ аула съ версту и взобрались на гору, Измаилъ остановился.—«Ну, прощай!—сказалъ онъ мнѣ, протягивая руку.—Надо бы, по настоящему, проводить тебя до ночлега,—да ты ужъ извини старика. Будь здоровъ. Бекъ-мурза остается твоимъ слугой,—приказывай ему все, что хочешь, онъ мнѣ за тебя отвѣчаетъ. Коли не хорошо что нибудь—напиши. Теперь я тебя прошу

Digitized by Google

вотъ что: коли будешь въ Москвѣ, вышли мнѣ оттуда ружье двухстволъное, длинное, стволъ узкій, чтобъ пулей далеко бить звѣря можно было».—Я обѣщалъ.—«Еще вышли въ нему: пулечницу, картечницу и пистоновъ хорошихъ коробку. У меня было хорошее ружье, да кн. Наурузовъ пристали: подари да подари... А, вѣдь, ты знаешь—нашъ кабардинскій адатъ такой, что хоть послѣднюю черкеску попросятъ—подарить надо. Если живы будемъ, пріѣзжай на тотъ годъ ко мнѣ на охоту. Въ октябрѣ олень реветь начинаетъ—поѣдемъ въ лѣсъ, въ горы, выстроимъ шалашъ и будемъ охотиться: оленя, кабана, козу убьемъ, оленій шашлыкъ жарить будемъ. Удочекъ привози—усачей въ Баксанѣ ловить будемъ, по аршину и больше попадаются. Пріѣзжай, радъ буду! А теперь прощай!»—Онъ протянулъ мнѣ еще разъ на прощанье руку, и мы поѣхали.

По выѣздѣ изъ аула Измаилъ Конова, путь нашъ, прежде всего, лежалъ на аулъ Атажукъ Атажукина, на Баксанѣ, прямо степью, по арбяной дорогѣ. Безпрестанно приходилось то спускаться въ балки, то подыматься вверхъ. При подъемѣ показывался Эльборусъ съ сосѣдними горами. День былъ сѣренькій, не жаркій; по горамъ бродили облака, и, при каждомъ подъемѣ, кавказскіе великаны являлись въ новомъ видѣ. Съ востока надвигалась синяя грозная туча; она медленно шла на западъ и безпрестанно измѣняла картину: горы то скрывались за нею, то показывались по частямъ, разрѣзая тучу и блестя мѣстами, на солнцѣ, золотомъ и серебромъ изъ черно-синихъ облаковъ. Земля была вездѣ превосходнѣйшій черноземъ; не кошенная, ароматная трава повалилась отъ вѣтра; посѣва очень мало, все больше степь, не скошенная на половину.

— Вотъ это наша земля: Коновъ,—сказалъ Бекъ-мурза, когда мы отъѣхали версты двѣ или три.

— Скажите, пожалуйста, Бекъ-мурза, — спросилъ я (черезъ Джамбота, разумѣется),—вотъ вы все о Турціи толкуете. Неужели-же вы надѣетесь найти тамъ такую землю и жизнь лучше здѣшней?

Бекъ-мурза на это молчалъ и глядѣлъ вдаль, прищуриваясь и помахивая плетью; за него отвѣчалъ Джамботъ.

— Мы ничего не надѣемся—сказалъ онъ — и знаемъ, что такой земли, какъ наша, не найти въ цѣломъ свѣтѣ.

— И ее-то вы хотите продавать ни за-что? Да знаете-ли, лѣтъ

Digitized by Google

черезъ 10, она будетъ стоить впятеро больше; дайте только пройти желѣзной дорогѣ.

Тутъ я привелъ ему примѣры возвышенія цѣнности земель въ Россіи.

— Все это мы слышали,—отвѣчалъ упрямо Джамботъ.—Земля еще не такъ давно стоила полтора цѣлковыхъ за десятину, а теперь стоитъ семь. Мы собираемся въ Турцію не за богатствомъ. Мы умирать туда ѣдемъ. Мы хотимъ умереть на правовѣрной землѣ. Насъ обидѣли.

— Чѣмъ?

— Отобрали холопей. Землю не жалко, ея здѣсь вволю. Мы не знаемъ, что съ землей дѣлать, не за плугъ-же намъ самимъ приниматься! Намъ бы ничего больше не нужно, только бы опять войну да холопей. Житье было во время войны! Правда, Степанъ?

— Какъ кому, ваше благородіе, — отвѣчалъ Степанъ, строго соблюдая различіе въ титулахъ.—Извѣстно, вы, господа офицеры, и содержаніе хорошее, и доходы и чины получали. А вотъ каково было нашему брату! Вы непривычны къ работѣ, такъ о чемъ вамъ и думать-то; какъ не о войнѣ? А нашъ братъ, рабочій человѣкъ, думаетъ о томъ, какъ бы работу достать. Досталъ, такъ и слава те, Господи! Война—дѣло господское, а по нашему—хоть-бы ея никогда не было, выгоды-то отъ нея намъ, рабочимъ, больно ужъ мало приходится.

— Ты мужикъ, отъ того такъ, по-мужицки, разсуждаешь,—сказалъ съ досадой Джамботъ, отъѣзжая къ Бекъ-мурзѣ.

— Вишь ты, какіе дворяне отыскались!—сказалъ Степанъ, когда кабардинцы отъѣхали.—Давай имъ опять войну да холопей! Мало чего захотѣли! Сейчасъ такъ вотъ и приготовили! Эдакой землей да недовольны; кажись-бы, умеръ надъ ней на работѣ. Съ жиру бѣсятся—Азія!

Переправившись чрезъ Баксанъ и проѣхавъ въ аулъ Атажукина, мы скоро стали взбираться, какъ велѣлъ Измаилъ, на гору Махогапсъ. Взобравшись на вершину и увидѣли кучу камней, обнесенную полуразвалившимся плетнемъ.

— Здѣсь!—сказалъ Бекъ-мурза.

— Это могила—пояснилъ Джамботъ—Кабарды Тамбіева, родоначальника кабардинцевъ.

Я оглянулся кругомъ и былъ пораженъ внезапно открывшейся

Digitized by Google

панорамой. Лучшаго мѣста для могилы своего родоначальника не могла выбрать народная фантазія. Передъ нами, внизу, какъ на ладони, была вся прежняя Кабарда, изъ которой, какъ острова изъ моря, выростали пятигорскія горы: Бештау, Машука и др.; вправо было Чегемское ущелье, за которымъ тянулась безконечная линія Черныхъ лѣсныхъ горъ; впереди ихъ необозримая равнина сливалась съ горизонтомъ, по ней бѣжали кабардинскія рѣчки и Терекъ, терявшійся у Моздока (около 150 верстъ отъ Пятигорска); влѣво, полное грозовой тучей, чернѣло Баксанское ущелье, а надъ нимъ возвышался Эльборусъ, отъ котораго тянулась безконечная снѣговая цѣпь, замыкавшая южную сторону панорамы. Кругомъ была мертвая тишина. Я сѣлъ на камень и любовался картиной. Джамботъ помѣстился около меня и поясняль мѣстность, а Бекъ-мурза, стреноживъ лошадь и пустивъ ее на траву, усѣлся около могилы Кабарды и, глядя, по обыкновенію прищуриваясь, вдаль, мурлыкалъ про себя какую-то пѣсню, мотивъ которой очень смахивалъ на мотивъ скрипящей арбы.

— Что онъ это такое поетъ?—спросилъ я у Джамбота.

— А пѣсню про князя Куйчукъ Аджигиреева.

— Переведите-ка мнѣ ее, Джамботъ, пожалуйста, а я запишу.

— Съ удовольствіемъ:

«Князь Куйчукъ Аджигиреевъ, родомъ съ Ардугана, поссорился съ кабардинскими князьями и бѣжалъ съ своими друзьями за Кубань, и тогда-то онъ показалъ свою храбрость.

«Тридцать лѣтъ онъ показывалъ свою храбрость, и ни одного сраженья, ни одной стычки безъ него не проходило.

«Въ эти 30 лѣтъ убивали и товарищей его, и лошадей, а самъ онъ и раненъ не былъ.

«При встрѣчѣ съ русскими была пальба, и онъ захватывалъ въ плѣнъ конныхъ и пѣшихъ и приводилъ ихъ въ свое войско нѣсколько разъ. Оба войска завидовали его храбрости и его славѣ. Онъ отбилъ орудія, которыя и теперь еще существуютъ у абадзеховъ.

«Когда отбивали орудія, съ нимъ были трое узденей, и всѣ они были убиты. Онъ захватилъ орудія, а прислуга бросила ихъ и бѣжала.»

Между тѣмъ, туча изъ ущелья подымалась все выше и выше и скоро охватила насъ мелкимъ дождемъ. Надѣвъ башлыки и бурки, мы спустились внизъ и поѣхали къ *Куденетову аулу*, на Чегемѣ.

Digitized by Google

Къ вечеру дождь превратился въ ливень, и мы остались ночевать къ аулѣ Тохтамышева, у знакомаго Измаила, по сю сторону рѣки, переправиться за которую, особенно ночью, отъ прибывшей воды, не было никакой возможности.

На другой день все еще нельзя было переправляться, и мы остались въ аулѣ цѣлыя сутки. У хозяина гостилъ старый заслуженный кабардинецъ Махмудъ, имѣвшій за храбрость три георгіевскихъ креста и раненый въ скулу пулей; пуля засѣла у него въ верхней челюсти и вышла только черезъ 6 лѣтъ: онъ ее совершенно неожиданно выплюнулъ. Въ настоящее время Махмудъ, распродавъ все свое имущество, въ томъ числѣ и 100 десятинъ пожалованной земли за 700 р., отправлялся, подъ видомъ лѣченья, въ Турцію, съ семействомъ изъ 11-ти душъ. Куда и зачѣмъ ѣдетъ—Махмудъ и самъ не зналъ навѣрное; онъ говорилъ только, что и такъ уже погрѣшилъ довольно, сражаясь противъ своихъ, и что надо подъ старость замолить грѣхи и спасать душу.

Вечеромъ кабардинцы разсказывали разныя исторіи изъ прошлаго и, между прочимъ, исторію Бабукова аула, гдѣ теперь Незлобная станица, близъ Георгіевска. Бабуковцы всегда были извѣстны какъ разбойники и укрыватели абрековъ (абрекъ—по-русски бѣглый), и сосѣдство ихъ съ Пятигорскомъ было для насъ крайне непріятно. Воровство и захваты въ плѣнъ случались безпрестанно. Въ 1843 г. жена батарейнаго командира, полковника Махина, стоявшаго съ батареей въ Щедринской станицѣ, на Терекѣ, возвращалась въ октябрѣ изъ Пятигорска; ѣхала она въ каретѣ, съ конвоемъ изъ 12-ти донскихъ казаковъ. Только что миновали они Лысогорскій постъ, гдѣ теперь Лысогорская станція (20 верстъ отъ Пятигорска), какъ вдругъ были атакованы партіей абрековъ изъ 12-ти человѣкъ. При первомъ-же гикѣ хищниковъ, донцы повернули назадъ и помчались съ извѣстіемъ къ Лысогорскому посту, гдѣ оставалась команда изъ 38 человѣкъ, подъ начальствомъ кабардинца поручика Магомета Тяжикова. Тяжиковъ струсилъ и не послалъ погони; за это его послѣ судили и сослали на 6 лѣтъ въ Оренбургъ. Ямщикъ Махиной погналъ было лошадей, но скоро коренная была подстрѣлена, ямщикъ зарѣзанъ и Махина уведена въ плѣнъ на Лабу, въ аулъ Кизельбекъ, къ предводителю шайки, Маматъ-Гирею Сидову; другимъ предводителемъ былъ Тукумъ Буговъ, абрекъ изъ Бабукова-же аула.

Digitized by Google

Махина оставалась въ плѣну 3 года. Въ 1846 г. она была выкуплена за 3 тыс. р., собранныхъ по подпискѣ, и размѣнена у Кольцо-горы, около Кисловодска, гдѣ ее встрѣтила сама княгиня Воронцова. Плѣнница была очень довольна обращеніемъ съ нею ея похитителей и подарила Бугову на память золотыя серьги, а кн. Воронцовъ простилъ ему все прежнее и дозволилъ поселиться опять въ Бабуковомъ аулѣ. Въ 1850 г. Буговъ сопровождалъ по линіи наслѣдника цесаревича и представилъ ему двухъ выкраденныхъ имъ казаковъ изъ плѣна. Онъ былъ убитъ въ 1867 г. на Псебаѣ, на М. Лабѣ. Тяжиковъ, теперь подполковникъ, живетъ въ Атажукиномъ аулѣ, на Малкѣ.

Другой извѣстный бабуковскій абрекъ, Батыревъ, долго разбойничалъ, но, наконецъ, попался въ 1846 г., былъ отданъ подъ военный судъ и, какъ простолюдинъ, по тогдашнимъ законамъ, приговоренъ къ прогнанію сквозь строй, чрезъ 2,500 человѣкъ, и ссылкѣ въ Сибирь. Выдержавъ въ два раза страшное истязаніе, Батыревъ бѣжалъ изъ ставропольскаго острога и захватилъ въ плѣнъ смотрителя госпиталя Мукина, вмѣстѣ съ деньщикомъ; ихъ выкупили у него, изъ аула-же Сидова, чрезъ нѣсколько лѣтъ. Онъ былъ убитъ, впослѣдствіи, при нападеніи на Хамкетскую станицу.

Безпрерывныя продѣлки бабуковцевъ заставили принять противъ нихъ рѣшительныя мѣры. Въ 1859 году было объявлено, чтобъ они выдали главныхъ разбойниковъ и укрывателей абрековъ и всѣ вообще переселились на новое мѣсто, въ Кабарду, дальше отъ Пятигорска. Выдано было 12 семействъ, которыя, однако, отказались повиноваться, окопались въ аулѣ, на берегу рѣки, и поклялись умереть съ женами и дѣтьми; главнымъ подстрекателемъ былъ мулла. Въ продолженіи 6-ти мѣсяцевъ ихъ осаждали и уговаривали выпустить женъ и дѣтей; тѣ отказались; наконецъ, были двинуты войска со взводомъ казачьей конной артиллеріи. На предложеніе статься, бабуковцы выставили впередъ женъ съ дѣтьми на рукахъ и начали стрѣлять съ ихъ плечъ, какъ съ сошекъ; тогда и противъ нихъ открыли огонь; женщины безстрашно подставляли грудь подъ наши выстрѣлы и выставляли впередъ младенцевъ. Дѣло было какъ разъ на праздникъ курманъ (байрамъ), въ сентябрѣ. Когда все было кончено, генералъ-маіоръ Султанъ Кази-Гирей собралъ стариковъ и, упрекая ихъ, со слезами говорилъ:

Digitized by Google

— Вы довели до этого, разбойники! Вы, вмѣсто того, чтобъ уговаривать, подбивали и доставляли имъ провіантъ. Славный курманъ устроили, нечего сказать! Вдоволь барановъ нарѣзали! Полюбуйтесь на свое дѣло! *)

Въ 1860 г. бабуковцы переселились въ Турцію.

На слѣдующій день вода въ Чегемѣ сбыла настолько, что можно было переѣхать вбродъ. При переправѣ верхомъ чрезъ кавказскія рѣки, человѣку, подверженному головокруженію, грозитъ нѣкоторая опасность; во всякомъ случаѣ, проводникъ необходимъ. Ѣдешь, вода бурлитъ, а берега, кажется, бѣгутъ вверхъ; вода хватаетъ до колѣнъ, и, чтобъ не залило въ сапоги, приходится поджимать ноги; все вращается и движется кругомъ, и невольно просится на языкъ «слава Богу», когда выѣдешь на тотъ берегъ.

Переправившись, мы заѣхали къ *Дженусу-эфенди Шуаеву*, сподвижнику имама Кази-муллы, о которомъ я говорилъ выше. Онъ жилъ въ Куденетовомъ аулѣ. Дженусъ, послѣ взятія и разграбленія горцами Кизляра въ 1832 г., былъ выданъ русскимъ Хаджи Эстемировымъ Бекчу (Бековичемъ; фамилія эта самая аристократическая въ М. Кабардѣ), высидѣлъ годъ въ георгіевской тюрьмѣ и затѣмъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ прожилъ 35 лѣтъ, между Шилкой и Аргуномъ. Въ Сибири онъ пользовался особенною любовью и уваженіемъ Муравьева; потомъ возвращенъ, представлялся въ Тифлисѣ в. князю намѣстнику, потомъ жилъ у Измаила Конова и, наконецъ, поселился въ собственномъ домѣ въ Куденетовомъ аулѣ; въ настоящее время онъ собирался въ Мекку, гдѣ хотѣлъ окончить жизнь.

Слѣзши съ лошадей и привязавъ ихъ къ коновязямъ, мы, послѣ доклада Бекъ-мурзы, вошли въ саклю Шуаева. Сакля отличалась поразительной чистотой и опрятностью. На стѣнахъ висѣло нѣсколько дорогихъ шубъ, вывезенныхъ хозяиномъ изъ Сибири. Мѣдный рукомойникъ, коврикъ изъ шкуры дикой козы для молитвы, постель, покрытая шелковымъ одѣяломъ, да нѣсколько стульчиковъ составляли всю мебель. Самъ хозяинъ сидѣлъ на кровати;

*) При завоеваніи западнаго Кавказа, горцы сначала за каждый трупъ платили 2 пары быковъ. Безвѣстная или безъизвѣстная команда таскала трупы во множествѣ, и мясо въ котлахъ не переводилось. Потомъ-же давать было нечего, и выкупы прекратились.

Digitized by Google

это былъ почтенный худощавый старикъ, небольшаго роста, съ лицомъ прозрачнаго восковаго цвѣта и маленькой, совершенно бѣлой, клинообразной бородкой. Глаза его были постоянно опущены; говорилъ тихо и самоуглубленно. Видно было, что тяжелое прошлое оставило на немъ глубокіе слѣды, и онъ почти уже не принадлежалъ къ здѣшнему міру; только изрѣдка еще въ потухшемъ взглядѣ сверкалъ огонь, который не могли загасить ни годы, ни 35-лѣтняя ссылка. Одѣтъ онъ былъ въ шелковый халатъ, на головѣ черная папаха, обвитая кисеей. Вся фигура престарѣлаго эфенди и теперь передо мной, какъ живая. На переданную мной, чрезъ Джамбота, рекомендацію, онъ отвѣтилъ, что очень радъ и считаетъ за честь мое посѣщеніе, но какая была тому цѣль? Я объяснилъ.

— Вы хотите—сказалъ Шуаевъ—слышать подробности о взятіи Кизляра; извольте, разскажу то, что знаю и помню. Мы съ Кази-Магометомъ (Кази-муллой) учились вмѣстѣ въ Ярагларѣ у муллы-Магомета. Наружностью нашъ учитель былъ, какъ меня теперь видите. Кази-Магометъ (Кази-мулла) былъ средняго роста, черноглазый, съ небольшой черной бородой, и я, смолоду, былъ такимъ-же. Онъ былъ джигитъ, молодецъ, и былъ ученѣе Шамиля. Кизляръ мы взяли осенью. Я былъ тогда аргунскимъ наибомъ. Насъ было всего 3,000 челов., изъ которыхъ 200 остались за Терекомъ. Черезъ Терекъ было тогда два брода — выше и ниже Кизляра. Насъ ждали на нижнемъ, а мы пошли по верхнему, изрубили цѣпь и воротились въ городъ. Брали только дѣвицъ, шелковыя матеріи, золото и серебро. Назадъ было двѣ дороги.—«Веди насъ по дальней, сказали мы Кази-Магомету,—ближе будетъ». Я былъ и при осадѣ Дербента. Въ Гимрахъ, при смерти Кази-Магомета, не былъ, а вотъ что знаю: въ башнѣ засѣло съ нимъ 60 человѣкъ. Шамиль два раза просился уйти оттуда. — «Рай не хочешь?»—и Шамиль остался. Кази-Магометъ былъ похороненъ на томъ-же мѣстѣ. Говорили, что русскіе его камнями завалили и свинцомъ залили. Послѣ Шамиль перенесъ святыя кости, но куда—того никто не знаетъ.

— Удивительно, — сказалъ Джамботъ, когда мы выѣхали отъ Шуаева,—что онъ такъ долго съ вами разговорился, онъ почти ни съ кѣмъ не говоритъ ни слова.

Къ вечеру мы пріѣхали въ бывшую крѣпость *Нальчикъ* и оста-

Digitized by Google

новились у знакомой Степана (онъ, какъ я упоминалъ, служилъ въ Нальчикѣ), веселой и бойкой солдатки Александры Трофимовны.

Лишь только мы въѣхали въ ворота, какъ были встрѣчены цѣлой семьей свиней, бродившей по двору, подъ предводительствомъ своей милой мамаши.

— Хозяйка!—закричалъ Джамботъ въ неистовствѣ:—убери свиней прочь со двора сію-же минуту, не то я ихъ всѣхъ перерѣжу!

— Ну-ка, попробуй,—было отвѣтомъ,—ништо ты мнѣ за нихъ не отвѣтишь.

Джамботъ спасовалъ передъ такимъ отпоромъ и, пробормотавъ какое-то ругательство по своему, ограничился тѣмъ, что, при всякомъ удобномъ случаѣ, пускалъ въ своихъ враговъ тѣмъ ни попало; наконецъ, хозяйка, изъ жалости ли къ правовѣрному единоплеменнику, или изъ боязни за жизнь своихъ милыхъ свинокъ, заперла въ хлѣвъ все почтенное семейство и тѣмъ прекратила мученія Джамбота, ненависть котораго къ свинямъ доходила до истиннаго комизма. Онъ такъ надоѣлъ мнѣ просьбами выкинуть колбасу, которую я купилъ въ Пятигорскѣ, что, по-неволѣ, пришлось исполнить его желаніе. Степанъ, за глаза разумѣется, частенько подсмѣивался надъ этой боязнью.—«И охота-же была нашимъ—говорилъ онъ—воевать съ ними! Выпустить-бы противъ нихъ стадо свиней—навѣрное-бы всѣ разбѣжались».

Вечеромъ кабардинцы зарѣзали овцу и приготовили великолѣпный шашлыкъ. Съ этимъ рѣзаньемъ всякой живности намъ было тоже довольно хлопотъ во время дороги, потому что они ѣли только зарѣзанное магометаниномъ и притомъ сообразно ихъ правиламъ, т. е. обратясь на востокъ. Въ овцѣ вытянули 2 пуд. мяса и 30 ф. сала — вотъ какую скотину производятъ кабардинскія травы! Вина кабардинцы не пили, но рому и водкѣ не давали спуска, не хуже христіанъ православныхъ. Когда проводники мои отправились спать къ лошадямъ, Александра Трофимовна подсѣла ко мнѣ и сказала:

— А что, ваше благородіе, осмѣлюсь спросить, вы черезъ горы въ Кутаисъ ѣдете?

— Да, Александра Трофимовна.

— А вы знаете хорошо вашихъ проводниковъ-то?

— Нѣтъ, не знаю. Я ихъ узналъ только въ Пятигорскѣ.

— Можетъ, вы заявляли тамъ начальству о томъ, что ѣдете?

Digitized by Google

— Нѣтъ, никому не заявлялъ.

— Условіе есть какое писанное?

— Нѣтъ никакого.

— Гмъ! это мнѣ удивительно! Я, признаться-таки, не мало дивилась, слушавши васъ.

— А что, развѣ слышали про нихъ дурное что нибудь?

— Слышать-то я ничего не слыхала, а только знаю, что—Азія! И вѣрить этой Азіи на грошъ не слѣдуетъ. Я ужъ 20 лѣтъ ее знаю. Съ ними дружбу води, а камешекъ держи за пазухой. Поглядѣть на этого Бекъ-мурзу, такъ не дай Богъ съ нимъ ночью въ лѣсу встрѣтиться. Вамъ-бы не худо было такъ, словно лишь для порядка, не обижая ихъ, заключить здѣсь съ ними условіе, да кстати и начальству объявиться, съ кѣмъ ѣдете,—дѣло-то оно было-бы надежнѣй, по моему.

— Это точно,—сказалъ Степанъ,—объявиться начальству завсегда слѣдуетъ. Вѣдь они какой народъ-то! Помните, Александра Трофимовна, какъ холопа-то изъ орудій на кладбищѣ разстрѣливали?

— Какъ—спросилъ я—изъ орудія разстрѣливали?

— А вотъ, изволите видѣть, пріѣхалъ тогда сюда, въ Нальчикъ, ихній князекъ съ холопомъ; обыкновенно, они завсегда ѣздятъ съ нукерами. Только заспорили они о чемъ-то,—холопъ, долго не думавши, выхватилъ пистолетъ, да бацъ въ князька-то! Тотъ и не пикнулъ. Бросились за нимъ—онъ бѣжать! Засѣлъ на кладбищѣ за памятникъ, да и давай отстрѣливаться; кричатъ ему—сдайся! Говоритъ: коли не убьете, самъ себя зарѣжу, а ужъ не сдамся! Извѣстно, сдайся онъ—такъ, по тогдашнимъ законамъ, ему либо на висѣлицу, либо скрозь строй слѣдовало. Ну, сначала солдатъ было выслали, да послѣ раздумали: перегадитъ, подлецъ, человѣка два-три задаромъ. Такъ орудію вывезли, ей Богу! Какъ шарахнули, такъ памятникъ-то разбило и его ядромъ пополамъ перервало. Вотъ, вѣдь, они какіе отчаянные.

— А ужъ воры-то, воры-то какіе, Боже ты мой!—сказала Авдотья Трофимовна.—Деньги платить не любятъ, а все больше норовятъ подаркомъ отдѣлаться. Подарятъ жеребенка или телушку, да и ѣздятъ за это лѣтъ пять. Да еще человѣкъ 20 съ собой натащатъ—все-де, молъ, родственники! И шутъ ихъ знаетъ, прости Господи, что это у нихъ за обычай такой дарить другъ дружку! Пріѣдутъ,

Digitized by Google

иной разъ, на одномъ черкеска хорошая, а на другомъ только одни лохмотья,—посидѣли, поговорили, глядь!—анъ лохмотникъ-то ужъ въ хорошей, а тотъ въ лохмотьяхъ. Опять жены ихъ... Вы ихъ, навѣрное, не видали?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Ну, и никто ихъ не видитъ. Сидятъ взаперти, да ничего не дѣлаютъ, точно куклы какія. Всѣмъ хозяйствомъ занимаются унаутки, а сами онѣ не ударятъ пальцъ о пальцъ. Вотъ жизнь-то! Да наша русская съ тоски повѣсилась-бы, ей Богу! Какъ унаутокъ-то отобрали, такъ, говорятъ, волкомъ и воютъ! Повѣрите-ли, свекоръ у нихъ своихъ снохъ никогда въ глаза не видѣлъ и не знаетъ. А мужъ только и ходитъ къ женѣ что ночью, да и то крадучись, какъ воръ, чтобъ не было слышно,—еще и разуется, чевяки сниметъ. Сами,смѣются: хорошо, говорятъ, коли жена, иной разъ, свѣчку зажжетъ, такъ на нее и посмотришь, а то и не узнаешь, какая она—кривая, либо косая.

Я послѣдовалъ совѣту Авдотьи Трофимовны. Проводники мои должны были взять въ Нальчикѣ билеты, въ которыхъ прописывалось, кто куда ѣдетъ и непремѣнно съ какимъ оружіемъ, и я предложилъ имъ, кстати, заключить со мною условіе о объявленьи начальству, на что они, повидимому, и согласились совершенно охотно. Затрудненіе заключалось лишь въ подписяхъ, потому что Бекъ-мурза совсѣмъ не зналъ русской грамоты, Джамботъ-же только и умѣлъ подписывать «Джамботъ Думаевъ», а титулъ его «прапорщикъ» долженъ былъ написать за него я. Окончивъ эту процедуру, мы выѣхали изъ Нальчика.

На слѣдующій день, мы, переѣхавъ вбродъ Нальчикъ, Урванъ и глубокій и быстрый Урухъ, ночевали въ Змѣйской станицѣ, на Терекѣ. Дорога шла вдоль Черныхъ горъ, поросшихъ лѣсомъ. Лѣса сильно вырублены; русскіе поступаютъ съ ними самымъ варварскимъ образомъ, и здѣсь нисколько не удивительно увидѣть колоду, выдѣланную изъ цѣльнаго грушеваго дерева.

Вотъ что говорила наша хозяйка: «У насъ, въ Змѣевой, фруктовыя лѣсныя деревья были возлѣ самой станицы. Да, вѣдь, вы знаете, какой нашъ народъ неотесанный! Ему лѣнь влѣзть да потрясти—ну, онъ и валитъ все дерево! Теперь за грушами ѣздятъ въ Карачай, къ горцамъ,—тамъ за пудъ соли хоть нѣсколько пудовъ дадутъ. Горцы берегутъ лѣсъ—не то, что наши». Прошло уже не

Digitized by Google

мало лѣтъ съ завоеванія Кавказа, а завести въ немъ какое-нибудь лѣсное хозяйство все еще только предполагается. Изъ Змѣйской мы поѣхали проходомъ Загибъ-Барцъ, гдѣ Терекъ, усиленный всѣми осетинскими рѣками, съ шумомъ вырывается на плоскость. Здѣсь стоитъ *минаретъ*—древнее, красивое зданіе, извѣстное ни всѣмъ Кавказѣ. Урочище это, называемое *Татартупомъ*, въ старину почиталось священнымъ у кабардинцевъ: здѣсь приносились обѣты и клятвы и, въ знакъ ихъ вѣрности, ломались стрѣлы и оставлялись тутъ-же съ другимъ оружіемъ; говорятъ, прежде здѣсь можно было видѣть множество стрѣлъ, ножей, клинковъ, пуль и проч., ржавѣвшихъ тутъ съ незапамятныхъ временъ. Теперь, разумѣется, отъ всего этого ничего не осталось; даже желѣзная рѣшетка, бывшая наверху минарета, и та утащена. Кстати, скажемъ нѣсколько словъ о кабардинскихъ клятвахъ. Большинство кабардинцевъ, не понимая значенія простаго честнаго слова, признаетъ неопровержимую силу лишь за присягой,—да! и то, конечно, не относительно русскихъ,—причемъ, однако, вовсе не почитается предосудительнымъ прибѣгать къ различнаго рода надуваніямъ, лишь бы они только были ловки. Вотъ совершенно истинный и забавный примѣръ: одинъ молодой человѣкъ укралъ лошадь у своего сосѣда; тотъ, хотя и не имѣлъ достаточныхъ уликъ для обвиненія, потребовалъ его, однако, къ разбирательству и къ очистительной присягѣ. Обвиняемый потихоньку попросилъ свою мать спеленать его и положить въ люльку, и затѣмъ, съ совершенно спокойной совѣстью, далъ такую присягу: «Баллаги, баллаги, таллаги! клянусь, что ничего не воровалъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ спеленатъ и лежалъ въ люлькѣ». Продѣлка открылась, лошадь возвратили; но присяга была признана, все-таки, справедливой.

Проѣхавши ущелье, мы въѣхали въ Осетію, и передъ нами открылась *владикавказская котловина*, имѣющая верстъ 50 въ длину и 30 въ ширину; она ограничена съ юга главнымъ снѣговымъ, съ востока Сунженскимъ, а съ сѣвера и запада Кародахскимъ хребтами. Здѣсь текутъ въ Терекъ всѣ главныя рѣки Осетіи, развѣтвляющіяся на безчисленные притоки и рукава.

— Владыка ты мой милосердый! что здѣсь земли-то!—сказалъ Степанъ.—И зачѣмъ я только уѣхалъ отсюда? Жилъ бы себѣ да поживалъ въ Нальчикѣ. У меня тамъ и домишко былъ съ садомъ,—продалъ за 50 цѣлковыхъ; все жена сбила: поѣдемъ, да поѣдемъ

Digitized by Google

на родимую сторону. Вотъ тебѣ и родная сторона! Копайся въ землѣ полгода, какъ жукъ, а другіе полгода только и знай, что отгребайся отъ снѣга! Кабы дали мнѣ здѣсь десятинъ 50—царства никакого не надо бы!

— Чтожъ бы вы съ ними сдѣлалъ?

— А вотъ, извольте видѣть, десятинъ 10 я отдѣлилъ бы подъ усадьбу, подъ садъ и подъ выгонъ, а остальныя 40 разбилъ бы на 4 поля: на яровое, озимое, на паръ и покосъ. На покосѣ траву бы, тимошку, сѣялъ. Вы сѣете-же, отлично родится. На 10-ти-то десятинахъ я бы, знаете, что скотины-то прокормилъ! И навозу на всю землю хватило бы! На лѣто скотину въ горы пасти отдавалъ бы, здѣсь всѣ эдакъ дѣлаютъ. Окромѣ того, каждыя 4—8 лѣтъ, паръ засѣвалъ бы тимошкой, а старую тимошку подъ посѣвъ распахивалъ, такъ эта земля-то у меня шла бы за новь; на поля изъ рѣкъ канавки можно бы провести, татары проводятъ-же. А сады-то, сады-то здѣсь ростутъ какіе! Между полями, пожалуй, можно бы грушъ насажать или яблонь. Мнѣ сказывали, что подъ Москвой казна отдаетъ за плату мѣста подъ дачи на 90 лѣтъ. Вотъ кабы эдакъ-же здѣсь отдали, бросилъ бы все да пріѣхалъ!

Меня поразили слова моего спутника. Не имѣя никакого понятія о Швейцаріи, онъ нарисовалъ почти полную картину швейцарскаго плоскостнаго хозяйства, руководясь единственно здравымъ смысломъ, при видѣ природы, надѣленной тѣми-же хозяйственными условіями, какъ и Швейцарія.

— Вотъ это Алагирское ущелье чернѣется,—сказалъ подъѣхавшій Джамботъ.—Видите?

— Вижу.

— Славное было мѣсто для хищниковъ и абрековъ въ прежнее время! Конь лихой! Черкеска оборвана! Оружіе все въ серебрѣ! Эхъ, кабардинецъ съ поля битвы, удалой кабардинецъ!—перевралъ онъ гдѣ-то слышанные имъ стихи Лермонтова.

— Кабы войну да холопей, опять бы на службу пошелъ, а Бекъ-мурза, я его знаю, онъ былъ бы абрекомъ. Да!

Затѣмъ Джамботъ щелкнулъ лошадь плетью, съ особеннымъ кабардинскимъ шикомъ, и понесся къ *Ардонской* станицѣ, къ которой мы подъѣзжали.

— Экая Азія!—сказалъ Степанъ.—Только и разговору, что про

Digitized by Google

хищничество да про холопей! И какъ только не надоѣстъ! Вотъ ужъ правду говоритъ пословица: кабы на этотъ хмѣль да не морозъ, такъ онъ бы и насъ перерось.

Проѣхавъ богатую *Ардонскую станицу*, мы подвигались къ Алагиру. Завечерѣло и пошелъ мелкій дождь. Ардонъ съ шумомъ бѣжалъ по каменистому дну; на 10-й верстѣ пришлось переѣзжать быстрый и глубокій рукавъ его, носящій названіе рѣки Тархай-дона (донъ—по-осетински рѣка). У переѣзда къ намъ присоединился осетинъ милиціонеръ Гуда Баскаевъ, крещенный четыре года тому назадъ и переименованный въ Гаврилу Петровича; воспріемникомъ при крещеніи былъ его-же начальникъ, полковникъ, подаришій ново-крещенному на зубокъ 20 рублей. Баскаевъ былъ робкій, заискивающій человѣкъ и представлялъ совершенный контрастъ съ кабардинцами, относившимися къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Хвастливо разсказывалъ онъ намъ, что у него въ Алагирѣ есть пріятель, отставной унт.-офицеръ Иванъ Петровичъ, у котораго можно остановиться, а потомъ оказалось, что этотъ пріятель, просто на просто, держалъ постоялый дворъ и только тогда согласился пустить самого Баскаева, когда тотъ объявилъ ему, что ѣдетъ съ русскими князьями, т. е. со мной и со Степаномъ. Въѣхавъ на дворъ, покровитель нашъ тотчасъ-же принялся изо всѣхъ силъ намъ услуживать и не зналъ, какъ благодарить за то, что я пригласилъ его поужинать и обѣщался заплатить за сѣно, которое онъ бралъ для своей лошади.

Вмѣстѣ съ нами, у Ивана Петровича ночевала компанія крестьянъ Костромской губерніи, состоявшая изъ 3-хъ мужиковъ и 4-хъ бабъ; компанія эта разъѣзжала по всему Кавказу на трехъ огромныхъ фурахъ и торговала холстами и другими полотняными издѣліями своей родины.

— И вы не боитесь,—спросилъ я,—что васъ ограбятъ?

— Чего бояться-то?—отвѣчалъ старшій торговецъ.—Всего станешь бояться, такъ и на хлѣбъ не добудешь. Потомъ-же съ нами 4 пистолета, да 3 ружья—въ Тулѣ купили.

— Да кто-же у васъ изъ нихъ стрѣлять-то будетъ?

— Какъ кто?—мы изъ ружей, бабы изъ пистолетовъ.

— Какъ бабы?—удивился я.

— Ну, да!—сказала молоденькая, курносенькая и бойкая бабенка.—Мы по дорогѣ много разъ и на охоту ходили. А ты какъ думалъ? Что баба-то хуже мужика, что ли?

Digitized by Google

Поднимался я только на этихъ сѣверныхъ землепроходовъ.

Въ *Алагирѣ* намъ пришлось простоять сутки, потому что кабардинцамъ надобно было перековать лошадей на острыя подковы, для путешествія въ горахъ.

Алагиръ стоитъ еще на плоскости, при самомъ выходѣ Ардона изъ главнаго хребта; за нимъ тотчасъ-же начинаются покрытыя густымъ сплошнымъ лѣсомъ Черныя горы; лѣсъ служитъ убѣжищемъ для всякаго рода звѣря, водящагося на Кавказѣ, а въ рѣкѣ ловится превосходная форель. Надъ Черными горами возвышается гряда каменныхъ снѣговыхъ горъ, изъ которыхъ самая ближняя Каріу-гохъ (11,164 ф.), а самая высокая Адай-гохъ (15,260 ф.); Казбекъ (16,553 ф.) называется по-осетински Чернети-чубъ (Христосъ-гора), потому что на ней спасся Христосъ во время потопа.

Алагиръ совершенно напоминаетъ уѣздный городъ съ кавказскимъ оттѣнкомъ: церковь въ немъ и единственный на Кавказѣ серебро-свинцовый плавильный заводъ (руда доставляется съ Садонскаго рудника, лежащаго на 33½ версты вверхъ по Ардону,—это была наша слѣдующая станція) обнесены каменными стѣнами съ башнями; дома бѣлые турлучные и при каждомъ фруктовый садъ (фрукты здѣшніе превосходны); улицы обсажены деревьями. Главное населеніе здѣсь состоитъ изъ служащихъ при заводѣ, военныхъ, приписавшихся отставныхъ солдатъ и рабочихъ. Алагирскій заводъ служилъ въ прежнее время мѣстомъ ссылки для осужденныхъ въ каторжную работу; остальные рабочіе были тоже прикрѣплены къ заводу, какъ и всѣ горнозаводскіе крестьяне, и должны были служить не меньше 35-ти лѣтъ; теперь работа производится, конечно, съ найма, но народъ, по старой памяти, все еще продолжаетъ называть рабочихъ варнаками.

Заводъ, какъ и всѣ казенные заводы, работаетъ себѣ въ убытокъ; при мнѣ изъ пяти печей дѣйствовала только одна. Вызывали желающихъ купить его, но таковыхъ не оказалось; правда, нашелся было одинъ благодѣтель, просившій о прирѣзкѣ 20 тысячъ десятинъ лѣса къ заводу и разсчитывавшій продажей его нажить сотни тысячъ. Но, къ счастію, на это не согласились, и драгоцѣнный лѣсъ остался не истребленнымъ.

На слѣдующій день лошади были подкованы; я запасся необходимыми медикаментами въ заводской аптекѣ, и въ прекраснѣйшее утро, 22-го августа, мы выѣхали изъ Алагира.

Digitized by Google

Версты полторы шоссейная садовая дорога еще шла плоскостью по правому берегу рѣки; густой лѣсъ, тотчасъ-же начавшійся за заводомъ, и шумъ воды дѣлали это мѣсто похожимъ на роскошный тѣнистый паркъ; но вотъ горы сдвинулись и стѣснили рѣку; Ардонъ загрохоталъ, сдвинувшіяся горы откликнулись на этотъ грохотъ. Дорога пошла вверхъ, и мы скрылись въ темномъ *Ардонскомъ ущельи*.

Digitized by Google

Глава IV.

Отъ Алагира до Кутаиса, чрезъ Мамисонъ. — Военно-осетинская дорога. — Аулъ Бизъ.—Разсказы Степана Семеныча про работы на этой дорогѣ.—Горная Осетія.—Батскія ворота.—Садонскій рудникъ.—Аулъ Нузалъ и его древности.—Часовня св. Николая.—Ущелье Касараконъ.—Ночлегъ въ Тибѣ.—Гора Ходиссаръ.—Перевалъ чрезъ Мамисонъ.—Быстрая перемѣна въ климатѣ и растительности.—Ночлегъ въ Глолѣ.—Продѣлки Степана Семеныча и война Джамбота съ поросятами.—Удери и ея желѣзно-кислые источники.—Дорога до Они.—Они.—Дорога поворачиваетъ съ Ріона въ долину р. Хатеви, на Накерали.—Никорцминда.—Накеральскій перевалъ.—Кутаисъ.

Такъ называемая военно-осетинская дорога, по которой мы выѣхали, раннимъ утромъ 22-го августа 1874 г., изъ Алагира, идетъ вверхъ по Ардону, до самыхъ его истоковъ, изъ ледниковъ Адай-гоха, у Мамисонскаго перевала, высшая точка котораго, на горѣ Ходиссаръ, 9,390 ф. надъ поверхностью моря. Дорога эта начинается превосходнымъ шоссе, скрытомъ въ натуральной аллеѣ густаго лѣса, ростущаго по каменистымъ берегамъ бурной рѣки, вплоть до осетинскаго аула Бизъ (на 16-й верстѣ дороги). Чудное утро это до сихъ поръ живо передо мною. Свѣжій, наполненный прозрачной мглой воздухъ, мѣстами прорѣзанный, чрезъ боковыя ущелья, яркими лучами солнца, его яркіе блики на скалистыхъ и поросшихъ густымъ лѣсомъ горахъ, игра тѣней и свѣта, шумъ Ардона, бѣшено прыгавшаго по имъ-же обточеннымъ камнямъ, легкій топотъ и фырканье нашихъ лошадей, тихій разговоръ, щелканье кабардинскихъ нагаекъ, скрипъ попадавшихся арбъ, мальчишки съ удочками и связками форелей, беззавѣтныя здоровье и веселость и ничѣмъ неутолимыя любопытство и жажда новыхъ впечатлѣній... Увы! Все это прошло и никогда не воротится больше.

При впаденіи, съ лѣвой стороны, рѣчки Майранъ-Дагъ, ущелье совсѣмъ съузилось, и Ардонъ зашумѣлъ въ глубинѣ. Имя этого

Digitized by Google

ущелья *Нхазъ*, и въ немъ, на правомъ берегу, прилѣпился *Барзанъ-аулъ*. Лѣсъ хотя и уменьшился, но все еще его довольно, и только появляющіяся вверху каменныя вершины обозначаютъ приближеніе безплодной полосы Скалистыхъ горъ. На 10-й верстѣ видны сѣрные ключи, сбѣгающіе внизъ по желтому осадку. Виды здѣсь одинъ лучше другаго; по зеленѣющимъ покатостямъ пасутся осетинскія и пригоняемыя съ плоскости стада, для которыхъ здѣшнія пастбища рай: отсутствіе мухи и превосходный кормъ. Пастухи привѣтствуютъ насъ словомъ: «здравствуй!» На 16-й верстѣ показался аулъ *Бизъ*, и здѣсь навязавшійся къ намъ въ проводники Гудо Баскаевъ распрощался съ нами. При прощаньи, онъ такъ умильно смотрѣлъ въ глаза, что, но-неволѣ, пришлось дать ему нѣсколько мелкихъ монетъ, получивъ которыя онъ сталъ униженно кланяться и просить позволенія поцѣловать руку, къ великому изумленію презрительно смотрѣвшихъ на него кабардинцевъ. Впослѣдствіи, путешествуя по Дагестану, я постоянно задавалъ себѣ вопросъ: отчего это, при совершенно почти одинаковыхъ условіяхъ жизни, такая-же точно бѣдная и мрачная природа выработала, съ одной стороны, трусливыхъ и тупыхъ осетинъ, а съ другой —энергическихъ и фанатичныхъ мюридовъ Шамиля? Чѣмъ объяснить это: различіемъ ли породъ, или неизвѣстными намъ историческими событіями—не знаю, но замѣчу, кстати, что рабства, какъ въ Дагестанѣ, такъ и въ Осетіи, не существовало; стало быть, и въ этомъ отношеніи сохраняется сходство. Посмотрите, какая разница даже въ сосѣднихъ племенахъ: вотъ, напр., передъ вами кабардинецъ Бекъ-мурза и осетинъ Гудо Баскаевъ; одинъ—ловкій и увертливый, какъ змѣй, другой—словно забитый и угнетенный бѣлоруссъ; одинъ точно милость дѣлаетъ, что провожаетъ васъ, другой ѣдетъ, когда его вовсе о томъ не просятъ, и ждетъ подачки, какъ собаченка; одинъ гордъ и независимъ, другой униженъ и раболѣпенъ. Глядя на этихъ представителей двухъ племенъ, становится совершенно понятнымъ, какъ кабардинцы загнали осетинъ въ эти непривѣтливыя трущобы, въ которыхъ и существовать могутъ развѣ что осетины. Вотъ передъ вами аулъ Бизъ: что за сакли, сложенныя изъ ничѣмъ несвязаннаго плитняка, закопченныя кизячнымъ дымомъ, съ открытыми, и зиму и лѣто, отверстіями, вмѣсто оконъ, и съ дымящейся кучкой вонючаго кизяка, замѣняющей печь! Что за поля,! разсѣянныя одинокими пятнышками по недоступнымъ

Digitized by Google

высотамъ, на которыя, какъ мухи, всползаютъ осетинки, обреченныя съ дѣтства на каторжную работу и уже въ молодости согнутыя въ дугу! И въ Дагестанѣ тѣ-же условія—и тамъ женщина играетъ роль рабочаго скота,—отчего же такая разница въ характерѣ жителей? На это пусть отвѣчаютъ другіе, болѣе меня компетентные люди. Однако, и среди этой жалкой жизни страсть къ грабежу еще недавно была здѣсь въ полномъ разгарѣ: осетины цѣлыми аулами нападали другъ на друга, и, по разсказамъ, лѣтъ 30 тому назадъ, для осесина убить человѣка было все равно, что барана зарѣзать. Полуразрушенныя, въ настоящее время, башни, въ которыхъ скрывались отъ нападеній, служатъ живыми свидѣтелями этого, не такъ еще давняго, прошлаго.

За Бизомъ дорога перешла на другую (правую) сторону Ардона. Мы ѣхали молча, какъ вдругъ Степанъ Семенычъ закричалъ самымъ радостнымъ голосомъ, точно нашелъ и Богъ вѣсть какую находку: «Вотъ, вотъ оно, это самое мѣсто, гдѣ мнѣ порохомъ рыло-то опалило! Я вамъ, вѣдь, разсказывалъ! *) Ей-Богу, оно! Оно самое!»

— Да какъ-же это было? Разскажи еще разъ, сдѣлай милость, Степанъ Семенычъ,—я забылъ что-то.

— Какъ забыли? Ей-Богу, здѣсь! оно, оно самое! Вотъ здѣсь лежалъ ужастеннѣйшій камень,—надо было его взрывать. Вотъ, хорошо! Пришелъ, значитъ, къ намъ въ роту анженерный ун-церъ, выбралъ насъ двоихъ: меня да еще одного солдатика Смоленской губерніи—Можѣевъ звали. Вотъ, хорошо! Ему далъ онъ порохъ, а мнѣ прибойникъ желѣзный,—отъ него-то бѣда вся и вышла! Вотъ, хорошо! Пришли мы, это, на мѣсто, просверлили дыру, насыпали пороху, сверхъ пороху земли пригоршню. Только сталъ, значитъ, я заколачивать—какъ оно хватитъ! Тутъ я ничего и не помню—ослѣпило совсѣмъ! Повели меня подъ руки. Только слышу —этотъ-то самый анженерный ун-церъ и проситъ, чтобъ я, значитъ, не сказывалъ, что онъ прибойникъ-то взялъ желѣзный, а не мѣдный: «бѣда, говоритъ, мнѣ будетъ за это,—пожалѣй, говоритъ, другъ-товарищъ». Плачетъ, слышу, сердечный...

— Ну, и ты не сказалъ, разумѣется?

— Извѣстное дѣло! Что моему рылу-то легче бы, что ли, стало отъ этого? Пролежалъ я въ гошпиталѣ цѣлыхъ 3 мѣсяца. Рыло вздуло,

*) См. главу 2-ю—Абинская станица, разговоръ съ Щукинымъ.

Digitized by Google

что папушникъ, а глаза и вовсе закрылись,—полагалъ, что ослѣпъ... Ну, однако-же, ничего, Богъ помиловалъ. Все примочкой примачивали—и сталъ видѣть по прежнему. Вотъ, хорошо! Выписался я, это, изъ госпиталя. Фершала меня, значитъ, учатъ, чтобы показать, что не вижу: въ отставку, за неспособностью, говорятъ, выпустятъ...

— Ну, и что-же?—спросилъ я съ любопытствомъ: неужели ты не показалъ?

— Нѣтъ, говорю, какъ можно показывать противъ присяги. Пожалуй, еще и въ самомъ дѣлѣ ослѣпнешь.

Съ удивленіемъ и чувствомъ глубокаго уваженія слушалъ я этотъ разсказъ простой, вѣрующей души, какъ будто дѣло шло о чемъ-то самомъ обыкновенномъ, въ своей простотѣ даже не подозрѣвавшей всей высоты этого поступка. А вѣрующая душа, между тѣмъ, продолжала:

— И что-жъ бы вы думали? Вѣдь-таки, вышло по моему. Какъ въ Чечняхъ ногу мнѣ прострѣлило—выписали, вѣдь, въ неспособные! А теперь вотъ и вижу, и нога здорова по прежнему, да и побывать довелось опять на Кавказѣ. Вотъ оно что значитъ Богъ-то! —Потомъ онъ помолчалъ немного и продолжалъ: Да здѣсь-то бы еще ничего. А вотъ поѣдемъ дальше, къ посту св. Николая—такъ лѣсъ такъ приходилось рубить, да по горамъ лазить, а горы такія—ну, сами увидите!... Срубишь, бывало, дерево-то, такъ оно летитъ, летитъ, обломаетъ всѣ сучья по дорогѣ, да кувыркомъ прямо въ Ардонъ! Да и это-бы еще ничего, кабы пища была хорошая, а то кормили-то больно ужъ плохо.

За Визомъ растительность почти прекратилась: лѣсъ замѣнили дикія скалы, разрубленныя глубокими и мрачными ущельями, въ которыхъ, на высотахъ, гдѣ только ползаютъ облака да мѣрно кружатся орлы, еле виднѣются прилѣпившіеся, какъ орлиныя гнѣзда, аулы. Поглядишь, поглядишь на нихъ, да по неволѣ и подумаешь: «Господи! какъ это только тутъ живутъ люди!»

Ущелье нѣсколько расширилось. Проѣхавши верстъ 5, мы нашли маленькую полянку аула Чоба, на которую и пустили покормиться стреноженныхъ лошадей, а сами расположились отдохнуть и подкрѣпились немного купленными въ Алагирѣ припасами, причемъ Джамботъ былъ въ постоянномъ страхѣ: какъ-бы, хоть нечаянно, не опоганиться прикосновеніемъ къ колбасѣ.

Digitized by Google

— И что вы такъ ее боитесь, Джамботъ? — спросилъ я.—Вѣдь, на службѣ, чай, тоже ѣли свинину-то?

— Конечно, ѣлъ, — отвѣчалъ онъ,—такъ, вѣдь, то было на службѣ.

Стало пасмурно. Мрачность картины еще болѣе увеличивалась совершеннымъ безлюдьемъ: намъ, во всю дорогу, до самаго перевала, только и попалась на встрѣчу казачья сотня, возвращавшаяся изъ-подъ Ахалциха; весь обозъ при ней состоялъ изъ двухъ крошечныхъ одноконныхъ телѣжекъ, сзади которыхъ были привязаны 2 своры замореннныхъ командирскихъ собакъ. Распросивъ казаковъ про дорогу, мы поѣхали далѣе.

Окружавшая насъ природа превратилась въ совершенный хаосъ: исчезли признаки всякой растительности, — нигдѣ ничего, кромѣ дикихъ громадныхъ скалъ да бушующаго Ардона. Аулъ *Верхній Мизуръ* стоитъ, надъ самой дорогой, на такой страшной, отвѣсной высотѣ, что, буквально, шапка валится, когда на него смотришь. На лошадяхъ туда въѣхать нельзя, да ихъ и нѣтъ или почти нѣтъ у здѣшнихъ жителей, а, между тѣмъ, вездѣ, гдѣ только можно прилѣпиться, прилѣпились аулы, и всякая крошечная площадка или покатость обработана и засѣяна. Шла уборка. Ячмень, овесъ и даже сѣно жнутъ серпами (потому что камни дѣлаютъ невозможнымъ употребленіе косы) и свозятъ внизъ или на саняхъ, въ родѣ нашихъ дровней, запряженныхъ волами, или-же, просто, стаскиваютъ на себѣ, прикрѣпивъ ко лбу вязанку пудовъ въ 9-ть вѣсомъ. Съ подобной ношей осетинъ или осетинка спускается по кремнистой тропинкѣ, въ бандуляхъ съ мягкими подошвами, а того чаще и совсѣмъ босикомъ. Пашутъ здѣсь на быкахъ маленькими плужками. Вонъ, поглядите вверхъ на эти чуть замѣтныя черныя точки, двигающіяся по желтому фону: это осетинъ или осетинка идутъ на работу съ своими волами. Сообщенія чрезъ Ардонъ производятся по жиныхъ мостикамъ, покрытымъ плетнемъ, вмѣсто настилки; попадаются и мельницы-колотушки, описанныя мною въ 1-й части, при разсказѣ объ аулѣ Гилеты на станціи Казбекъ. Дорога отличная. Узкое шоссе то спускается открыто къ впадающимъ въ Ардонъ ручейкамъ, то поднимается вверхъ, скрываясь подъ каменными навѣсами, выдолбленными въ отвѣсныхъ скалахъ. На 11-й верстѣ она проходитъ пробитыми въ скалѣ *Батскими воротами*, заперевъ которыя можно совершенно пре-

Digitized by Google

кратить сообщеніе по дорогѣ. Невольно вспоминается преданіе о желѣзныхъ воротахъ, построенныхъ Александромъ Македонскимъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ.

На 31-й верстѣ мы повернули направо, на *Садонскій серебро-свинцовый рудникъ*, лежащій по рѣчкѣ Садону, въ 3-хъ верстахъ выше ея впаденія въ Ардонъ, гдѣ и остановились ночевать, съ тѣмъ, чтобы утромъ осмотрѣть этотъ самый главный изъ всѣхъ рудниковъ, разработываемыхъ на Кавказѣ.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ *), на Садонскомъ рудникѣ добыто химически чистаго серебра: въ 1879 г. 25 пуд. 18 ф. и въ 1880 г. 26 пуд. 9 фун. Среднее содержаніе въ пудѣ руды около 4½ золот. серебра и около 20 фунт. свинца. Руда вся перерабатывается на Алагирскомъ заводѣ, которому отведено 1,100 дес. земли и 4 тысячи дес. лѣса; рабочихъ на немъ около 300 человѣкъ.

Къ Садону тоже ведетъ отличное шоссе, исправляемое солдатами. Когда подъѣзжаешь, то, прежде всего, открывается церковь, построенная въ византійскомъ стилѣ, съ бойницами, вмѣсто оконъ. Всѣ постройки, какъ и церковь, приноровлены къ отраженію нападеній; разумѣется, постройки эти относятся къ прежнимъ временамъ, когда страна не была еще замирена окончательно, но и нынче предосторожность эту нельзя назвать излишнею. Мы остановились у пожилаго осетина, мужа молодой и красивой жены. Онъ былъ совершенно пьянъ съ осетинскаго пива или бузы. Осетины, какъ и всѣ дикари, склонны къ употребленію спиртныхъ напитковъ и, въ силу того, что считаются христіанами, находятъ ненужнымъ стѣсняться закономъ Магомета, а при всякомъ удобномъ случаѣ, за неимѣніемъ водки, упиваются своимъ пивомъ, которое очень хмѣльно. Въ тотъ-же день мы отправились къ управлявшему въ то время заводомъ, г. С***, и были приняты имъ очень любезно; онъ самъ отправился съ нами въ подземныя галлереи, причемъ какъ его, такъ и насъ облекли въ непромокаемые кожаны и повѣсили зажженныя лампочки намъ на шеи. Длина главной галлереи (около 1 кв. сажени въ поперечномъ разрѣзѣ) около ½ версты; въ ней построена часовня въ честь св. Макарія, покровителя рудниковъ. Отсюда выходятъ другія, меньшія галлереи: есть галлерея, которой прежде пугали, какъ тюрьмой; есть галлерея, ведущая въ

*) Кавказскій календарь за 1884 г.

Digitized by Google

домъ управляющаго, чрезъ которую можно было спасаться при нападеніяхъ; а въ одной маленькой галлерейкѣ, во время нашего осмотра, сидѣлъ медвѣженокъ, пойманный въ сосѣднихъ лѣсахъ; несчастный узникъ, должно быть, находилъ свое положеніе очень невеселымъ, потому что ревѣлъ изо всѣхъ силъ. Осмотрѣвъ рудопромывательныя машины, про которыя я, какъ не спеціалистъ, не могу сказать ничего положительнаго, и поблагодаривъ обязательнаго управляющаго, мы отправились на свою квартиру, съ тѣмъ, чтобы на другой день выѣхать раннимъ утромъ, потому что намъ предстоялъ 35-ти-верстный переѣздъ до слѣдующаго ночлега въ аулѣ Тиба. Хозяинъ нашъ оказался не только пьяницей, но и ревнивцемъ: въ припадкахъ пьяной ревности, онъ билъ свою несчастную молодайку на пролетъ цѣлую ночь. Ихъ крики и брань были очень сильны, но, все-таки, не настолько, чтобы помѣшать мнѣ набросать мои коротенькія замѣтки, которыми я и дѣлюсь теперь съ читателемъ.

Садонскіе рудники были извѣстны еще въ самой глубокой древности; такъ, въ грузинскихъ лѣтописяхъ, осетинскій герой Богитаръ, отъ котораго осетины ведутъ свое начало, сватаясь за Тамару, говоритъ, что у него есть руды. Въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, право разработки было отдано греку Чекалову, который разработывалъ рудники очень неправильно, затратилъ пропасть денегъ и, наконецъ, продалъ свое право казнѣ, которая и начала правильную разработку съ 1853 г. Прежде рудникъ, какъ и повсемѣстно въ Россіи, разработывался приписными крестьянами, теперь-же рабочіе по найму. При заводѣ домовъ не много, большая часть рабочихъ имѣютъ дома на плоскости, въ Алагирѣ. При рудникѣ живутъ до 40 душъ русскихъ; изъ нихъ многіе, послѣ воли, какъ и вездѣ, избаловались, а многіе и поправились. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, начали работать и осетины, большею частію изъ аула Нижній Садонъ, стоящаго на горѣ, на югъ отъ рудника, и—о, неслыханная роскошь!—завелись даже рубашками. Плата за работу съ кубической сажени, и можно выработать, смотря по счастью (какая порода попадется) отъ 20 до 40 руб. въ мѣсяцъ. Изъ этой-же заработной платы покупаются порохъ и инструменты. Самая большая выработка была 49 р. 27 к. Вообще, можно сказать, что, среднимъ числомъ, рабочій выработываетъ около 180 р. въ годъ, чего, за вычетомъ на порохъ, инструменты и въ эмеритальную кассу, се-

Digitized by Google

мейному человѣку достаетъ только на хлѣбъ. Плата, какъ видно, не очень роскошная! Въ 70-хъ годахъ заведена для рабочихъ эмеритальная касса, которою завѣдуютъ сами рабочіе, подъ предсѣдательствомъ управляющаго. Она составляется вычетомъ 3% изъ чистаго годоваго заработка. Самое большее—можно получить пенсію въ ¾ годовой платы. Въ несчастныхъ случаяхъ, можно получать и временное пособіе. Работаютъ по контракту и обязаны работать не меньше 20 дней въ мѣсяцъ, если-же работаютъ меньше—слѣдуетъ вычетъ. Не обходится, разумѣется, и безъ несчастій. Главная болѣзнь — ревматизмъ. Мѣстность около рудника была прежде покрыта дремучимъ лѣсомъ, теперь-же нетронутый лѣсъ, въ которомъ водятся всякіе звѣри, остался только за горой; впрочемъ, и ближняя рубка, въ настоящее время, запрещена. Утромъ рано мы собрались въ путь, причемъ нашъ пьяница хозяинъ не упустилъ случая содрать съ насъ за ночлегъ и корм 5 рублей. Видно, заводская жизнь, даже въ Осетіи, производитъ свойственные ей результаты.

При спускѣ изъ Садонскаго ущелья, передъ нами виднѣлись снѣговыя вершины Архона, Сырху-Варвая и Гимерай-Гоха, носящихъ у осетинъ, вмѣстѣ съ Казбекомъ, одно имя Христосъ-горы. Повернувъ вправо опять вверхъ по Ардону, мы, версты черезъ 3, подъѣхали къ аулу *Нузалъ*, съ доисторической осетинской церковью, сложенной изъ дикихъ камней и имѣющей видъ продолговатой палатки. Церковь эта доказываетъ, что осетины были христіанами въ древнее время. Сакли, въ родѣ пещеръ, неизвѣстно когда и кѣмъ построенныя на другой сторонѣ рѣки, почитаются и до сихъ поръ священными, и къ нимъ нѣтъ дороги. Разсказываютъ, что одинъ осетинъ, желая воспользоваться ихъ недоступностью, рѣшился въ нихъ, какъ въ мѣстѣ самомъ безопасномъ отъ воровства, развѣсить табакъ, за что и былъ наказанъ тѣмъ, что упалъ и убился до смерти. У Нузала хорошая, но узкая дорога перешла на правый берегъ рѣки. Иногда она шла по совершенно отвѣсной скалѣ, внизу которой глухо ревѣлъ Ардонъ. Проѣхавъ верстъ 6, мы подъѣхали къ дикому ущелью, извѣстному подъ именемъ *часовни или поста св. Николая*. Теперь это, просто, площадка, окруженная лѣсомъ, въ которомъ уже появились наша родимая береза и другія сѣверныя деревья. Часовня, дѣйствительно, есть, но она новая и построена нашими солдатами во время разработки

Digitized by Google

дороги. Степанъ Семенычъ опять, съ совершенно непонятнымъ для меня восторгомъ, предался своимъ воспоминаніямъ: «Вотъ тутъ— говорилъ онъ—былъ кабакъ! Вотъ тутъ качели наши солдатики устроили! А вонъ тамъ я лѣсъ рубилъ!» и проч. Вотъ ужъ, дѣйствительно, подумалъ я, правъ Пушкинъ, сказавши, что все, «что пройдетъ, то будетъ мило», и невольно добавилъ про себя: «какъ бы оно ни было скверно». Далѣе дорога совершенно скрылась въ ардонскомъ ущельѣ *Касаракомъ*, въ которомъ рѣка ревѣла, какъ бѣшеная, и въ воздухѣ стояла водяная пыль. Мы переѣхали 4 моста. Наконецъ, верстъ черезъ 7, лѣсъ кончился, воды стало меньше и показались ледники Адай-Гоха. Но и тутъ еще жилъ человѣкъ—и тутъ еще аулы и порядочные посѣвы хлѣба. Вотъ аулъ *Зарамака (Зрамагъ)*. Снѣговой хребетъ виднѣлся уже позади насъ. Въ Зарамакѣ мы сдѣлали привалъ и пріѣхали ночевать въ *Тибу*.

Тиба—типъ осетинскаго аула, съ неизбѣжными башнями, плосковерхими саклями изъ дикаго камня, крытыми террасами, кизячнымъ запахомъ и проч., и проч. Вскипятивъ на спирту дорожный чайникъ и закусивъ, въ сухомятку, чѣмъ Богъ послалъ, мы со Степаномъ расположились на террасѣ, а кабардинцы, разумѣется, отправились ночевать къ лошадямъ, которыхъ они берегли пуще зеницы ока. Съ нами тоже ночевалъ отетинъ изъ дикаго ущелья *Цее (Дзей)*, лежащаго на западъ отъ св. Николая, у подножія Адай-Гоха; онъ торговалъ въ развозку краснымъ товаромъ и довольно порядочно говорилъ по-русски. Разговоръ зашелъ, конечно, о прежнемъ житьѣ-бытьѣ: о нападеніяхъ, объ отсиживаньи въ башняхъ и проч. Онъ передалъ мнѣ, что въ Дзейскомъ аулѣ есть старинная церковь, въ которой находится большой складъ старинныхъ луковъ, стрѣлъ, панцырей, желѣзныхъ шапокъ, и что многіе господа пріѣзжаютъ осматривать эти рѣдкости. Чтобы попасть въ Дзей, надобно было опять воротиться къ св. Николаю, на что я, къ теперешнему крайнему сожалѣнію, не рѣшился. Недалеко отсюда, ближе къ Зарамакамъ, находится и *Нарское ущелье*, изъ котораго беретъ начало Терекъ. Я поинтересовался узнать, какое содержаніе получаетъ здѣшнее духовенство, и мнѣ сообщили слѣдующее: священники въ Осетіи получаютъ 400 р. жалованья, ½ мѣры ячменя съ каждаго двора, съ каждыхъ 2-хъ дворовъ возъ сѣна—и затѣмъ уже за требы ничего больше. Утромъ, мы едва проснулись, а осетинки, какъ мухи, уже ползли на работу по окрестнымъ крутиз-

Digitized by Google

намъ. Въ этотъ день намъ предстоялъ переѣздъ чрезъ Маммисонъ и ночлегъ въ имеретинской деревнѣ *Глолъ*, уже по ту сторону хребта, верстахъ въ 40 отъ Тибы.

Дорога шла по страшной крутизнѣ; сзади возвышался главный хребетъ, съ аулами по скаламъ; внизу тоже, какъ крошечныя крѣпостцы, виднѣлись аулы, и, къ великому удивленію, въ каждомъ изъ нихъ было довольно много скирдовъ хлѣба — ячменя, разумѣется, овесъ-же еще не созрѣлъ. Это было 24-го августа. Наконецъ, передъ нами открылась покатость горы *Хадиссаръ*— высшая точка перевала, лежащая у подножія Адай-Гоха и возвышающаяся на 9,390′ надъ поверхностью моря. Дорога или, скорѣе, тропинка вилась вверхъ по глинисто-хрящеватой почвѣ; по бокамъ были превосходныя пастбища съ маргаритками и альпійскими розами, а сквозь охватившія насъ облака виднѣлась покрытая, выпавшимъ въ эту самую ночь, дѣвственнымъ снѣгомъ, вершина Хадиссара и сверкали вѣчные льды Адай-Гоха. Кругомъ тѣснились горы, носящія у жителей общее названіе *Буба*. Начался трудный глинистый спускъ къ истокамъ Ріона или, вѣрнѣе, къ впадающей въ него рѣчкѣ *Швелярисъ* — одного изъ безчисленныхъ горныхъ притоковъ главной рѣки. Верховья Ардона посылали намъ въ догонку снизу сырость и холодъ; лошади измучились, и кабардинцы, разумѣется, не упустили случая сдѣлать на альпійскихъ пастбищахъ привалъ, къ великому неудовольствію Степана Семеновича, ворчавшаго себѣ подъ носъ:—«Экъ, куда занесло! И чего ѣздимъ? Чего ищемъ? Глупыми-то насъ, кажись, нельзя назвать, а умными-то и подавно». Выкопавъ кинжалами ямку для чайника, мы вскипятили на спирту воду и, согрѣвшись благодатнымъ напиткомъ, начали спускаться внизъ. Скоро туманъ остался выше, потянуло тепломъ, и мы, сами не замѣчая какъ, очутились въ прелестной, покрытой первобытнымъ лѣсомъ долинѣ верховьевъ Ріона. Рабочіе, уже имеретины, чинили гать и дорогу. Съ самаго верха былъ виднѣнъ аулъ *Айляръ*. Зигзагъ дороги повернулъ къ нему, и мы скрылись въ первобытномъ еловомъ лѣсу, скоро перемѣшавшимся съ нашимъ русскимъ орѣшникомъ, съ такимъ множествомъ спѣлыхъ орѣховъ, что мы ихъ рвали прямо съ лошадей. Рѣка журчала въ видѣ все еще небольшаго, но постоянно усиливавшагося потока. Кабардинцы скрылись въ лѣсу для творенія намаза, и мы ѣхали одни, наслаждаясь тепломъ, зеленью, прево-

Digitized by Google

сходнымъ воздухомъ и, время отъ времени, видами, открывавшимися черезъ ущелье. Мрачная, убогая Осетія была быстро забыта, и вскорѣ предъ нами открылась прекрасная горная поляна, съ небольшими посѣвами по обѣ стороны рѣки, на которой была расположена имеретинская деревня *Глола*—мѣсто нашего ночлега.

Глола лежитъ въ небольшой, покрытой превосходнымъ лѣсомъ долинѣ Ріона, который весело журчитъ, сбѣгая внизъ. Долина замыкается на сѣверѣ Адай-Гохомъ (называемымъ имеретинами Ноцàромъ) и его громаднымъ ледникомъ, виднымъ во все время переѣзда отъ Глолы до Они. Какая разница во всемъ черезъ нѣсколько часовъ переѣзда! Угрюмыя, дикія, безплодныя скалы замѣнились зелеными, покрытыми первобытнымъ лѣсомъ покатостями, весело спускающимися къ рѣкѣ. Поглядите, какая разница между безобразными осетинскими башнями и этими, уже поросшими лѣсомъ, развалинами замка, такъ живописно стоящаго на одиноко возвышающейся скалѣ; посреди полей, засѣянныхъ пшеницей, уже стоятъ красивыя группы грушъ и дикихъ черешенъ; вся-же долина напоминаетъ прекрасныя горныя долины Швейцаріи, для большаго сходства съ которыми и дома имеретинъ напоминаютъ собою швейцарскія шалѐ. Долина Глолы въ тысячный разъ доказывала, что одинаковыя условія порождаютъ и одинаковый образъ жизни,—разумѣется, насколько не препятствуютъ этому обстоятельства. Меня, по крайней мѣрѣ, поразило сходство Глолы съ швейцарскими горными деревнями. Тѣ-же удлиненныя, крытыя гонтомъ и нависшія надъ галлереями крыши, на которыхъ, для большаго сходства, и гонтъ придерживается поперечными жердями, удерживаемыми наложенными на нихъ каменьями. Разница, разумѣется, есть, и большая, но это слѣдствіе климата, культуры и прежнихъ злополучныхъ соціальныхъ условій. Дома имеретинъ срублены, напримѣръ, вслѣдствіе теплаго климата, изъ досокъ; главный свѣтъ проходитъ въ нихъ черезъ двери, а не чрезъ большія швейцарскія окна, потому что въ горахъ Имеретіи и теперь еще стекло за рѣдкость; полъ земляной и на немъ очагъ, дымъ изъ котораго выходитъ прямо чрезъ довольно рѣдкую крышу; все это—вслѣдствіе прежнихъ условій жизни. Печей въ домѣ нѣтъ, потому что тепло и безъ нихъ. Изъ опасенія воровства, и помѣщеніе для хозяйской лошади находится тутъ-же въ домѣ, отдѣленное отъ жилья крѣпкой перегородкой. Все это, повторяю,

Digitized by Google

не можетъ идти въ сравненіе съ Швейцаріей, но, все-таки, по моему убѣжденію, имеретинскій домъ остается прототипомъ швейцарскаго шалѣ, и я думаю, что, во времена Вильгельма Теля, дома швейцарцевъ были ничѣмъ не лучше.

Мы остановились у старшины, въ двухъ-этажномъ домѣ, низъ котораго былъ каменный, а верхъ деревянный; построенъ онъ былъ совершенно въ описанномъ мною родѣ. Такъ какъ старшина обязанъ былъ пускать къ себѣ только начальство, а не посторонних проѣзжихъ, то, чтобы добыть у него помѣщеніе, Степанъ Семенычъ употребилъ хитрость: съ помощью изобрѣтеннаго имъ языка, мой вѣрный личарда увѣрилъ старшину, знавшаго нѣсколько русскихъ словъ, что мы ѣдемъ по службѣ. Разыгралась сцена Осипа изъ «Ревизора». Наивный старшина, видя, что я что-то записываю въ мою записную книжку, спрашивалъ съ нѣкоторымъ страхомъ:

— Такъ твоя князь ѣдитъ служба?

— Еще бы! Извѣстно, служба.

— А она генералъ?

— Вотъ еще выдумалъ—генералъ! Самъ адъютантъ!

При этомъ неожиданномъ извѣстіи, старшина предоставилъ въ наше распоряженіе весь домъ и побѣжалъ отыскивать барана на ужинъ. Принесли и барана, освѣжевали его и стали варить въ котлѣ, висѣвшемъ налъ очагомъ, а мы отправились на галлерею и занялись тамъ приготовленіемъ чая. Передъ галлереей находился туго убитый земляной токъ для молотьбы, обсаженный, какъ и вся усадьба, орѣховыми деревьями и дикими черешнями. Былъ чудный тихій вечеръ. Недалеко отъ деревни, вверхъ по рѣкѣ, возвышалась остроконечная скала съ живописными развалинами замка и нѣсколькими башнями, уже поросшими лѣсомъ; ущелье замыкалось снѣговою вершиною Адай-Гоха, а внизу весело шумѣла рѣка. Верхніе скаты ущелья были покрыты первобытнымъ лѣсомъ. Имеретинки, съ кувшинами на головахъ, живописно тянулись къ желѣзно-кислому источнику, находящемуся въ Глолѣ; вода его чрезвычайно вкусна и пользуется, среди имеретинъ, цѣлебной славой, только ее надобно пить немедленно, потому что, постоявъ хоть немного, она принимаетъ вкусъ обыкновенной воды. Во время нашего проѣзда, нѣсколько пріѣзжихъ княгинь жили въ Глолѣ и пользовались этимъ, не могу судить—насколько полезнымъ, но, во всякомъ случаѣ, превосходнымъ на-

Digitized by Google

питкомъ. Налили и мы этой водой свой чайникъ, и онъ скоро закипѣлъ, но вотъ бѣда: понадобилось молоко, а хозяинъ не зналъ этого слова по-русски и никакъ не могъ понять, чего у него требовали. Степанъ Семенычъ и тутъ нашелся. Произошла опять сцена, но ужъ не изъ «Ревизора», а изъ блаженной памяти К. П. Мирошева, соч. Загоскина. Сначала онъ заговорилъ съ хозяиномъ по-русски — не понимаетъ; потомъ, вѣроятно, для ясности, послѣдовали всѣ извѣстныя татарскія слова: якши, яманъ, кунакъ и проч.—и этого не понимаетъ; наконецъ, французское: проминай (promenade) и нѣмецкое—въ ротъ (Brod)—и тутъ никакого нѣтъ толку. Пришлось приняться за мимику, которая началась съ того, что Степанъ Семенычъ приставилъ два пальца ко лбу, въ видѣ роговъ, зажмурилъ зачѣмъ-то глаза и заревѣлъ коровой,—и это не помогло; наконецъ, онъ, чрезвычайно выразительно, показалъ, какъ доятъ корову и пьютъ; это поняли—и молоко было принесено. Когда мы напились чаю, насъ позвали ужинать къ котлу, въ которомъ варился баранъ. Баранина была уже вынута и разрѣзана на куски. Мнѣ, признаться, очень претила вся эта стряпня, но Бекъ-мурза, который, въ это время, уже пересталъ притворяться и оказался очень сносно говорящимъ по-русски, сказалъ, что если я откажусь, то жестоко обижу хозяина. Нечего дѣлать, пришлось отвѣдать. Баранина оказалась хороша, а отваръ,—ну, да судите сами, что можетъ быть хорошаго въ бараньемъ отварѣ, безъ всякой приправы? Когда я поблагодарилъ хозяина и всталъ, всѣ присутствовавшіе, и самъ хозяинъ, и слуги, какъ собаки, по выраженію Степана, накинулись на рѣдкостный для нихъ ужинъ и уничтожили его въ одну минуту; это ужъ было совсѣмъ по-имеретински. Ночь стояла теплая, и мы легли на галлереѣ, гдѣ вскорѣ и уснули всѣ, кромѣ Джамбота, который всю ночь провелъ въ томъ, что сражался съ поросятами, съ хрюканьемъ лѣзшими къ нему подъ бурку. Ревностный магометанинъ безпрестанно вскакивалъ, ругался, преслѣдовалъ своихъ недруговъ и пускалъ имъ въ догонку каменья; тѣ, разумѣется, убѣгали отъ этого, но лишь только ихъ преслѣдователь укладывался, они опять принимались за хрюканье и опять лѣзли къ нему подъ бурку. И въ такомъ-то положеніи несчастный Джамботъ провелъ цѣлую ночь! Я нѣсколько разъ просыпался, смѣялся, разумѣется, и въ просонкахъ слышалъ ворчанье Степана: «Э-эхъ, Джамботъ Думаичъ! И

Digitized by Google

чего только водили насъ противъ васъ съ ружьями! Дать бы намъ въ руки по колбасѣ, а впередъ поросятъ выпустить, вы бы и отъ этого всѣ разбѣжались». — «Молчи, дуракъ!»—отвѣчалъ свирѣпо Джамботъ.—«Ну, да! Сами-то больно умны!»—бормоталъ сквозь сонъ Степанъ Семенычъ и съ этими словами засыпалъ преспокойно. Съ визгомъ поросятъ и ругательствами Джамбота смѣшивались крики сторожевыхъ, которыми они отпугивали медвѣдя, уже нѣсколько дней бродившаго около Глолы. Неудобство здѣшнихъ мѣстъ составляютъ лихорадки, хотя ихъ вовсе и нельзя было бы ожидать, судя по мѣстности. Вѣроятно, онѣ есть слѣдствіе горныхъ вѣтровъ и неосторожности жителей. Къ намъ являлось множество лихорадочныхъ, которыхъ мы одѣляли хиной, по мѣрѣ возможности.

Утромъ мы были разбужены криками погоньщиковъ-мальчишекъ, стукомъ молотильнаго катка и шумомъ лошадиныхъ ногъ въ разостланныхъ на току снопахъ пшеницы. Шла оживленная молотьба каткомъ. Солнце уже ярко освѣщало долину, и, вѣроятно, въ честь его раздавались громкое кудахтанье куръ, крики пѣтуховъ, ревъ ословъ и голоса другихъ домашнихъ животныхъ. Все ликовало и радовалось прекрасному дню. Напившись чаю и всучивъ почти насильно плату хозяину, не хотѣвшему ничего брать съ «адъютанта», мы, тоже съ веселыми сердцами, сѣли на лошадей и поѣхали въ *Они*, лежащее въ 25 верстахъ отъ Глолы, внизъ по Ріону. Это было 25-го августа.

Дорога шла лѣвымъ берегомъ рѣки, среди великолѣпнаго вѣковаго лѣса, состоявшаго изъ всевозможныхъ породъ: тутъ были ель, береза, чинаръ, кленъ, кизиль, букъ, дубъ, а ниже показался и лавръ. Безпрерывно журчащіе ручьи наполняли благодатной свѣжестью воздухъ. Дорога до сихъ поръ шла все еще не Ріономъ, а притокомъ его *Сахтари*. Наконецъ, вотъ и настоящій Ріонъ! Мы переѣхали на его правый берегъ; лѣсъ значительно порѣдѣлъ и помельчалъ, и скоро показалась красивая деревня *Уцери*. Заѣхавъ въ стоявшій у дороги духанъ и отдохнувъ немного, мы напились здѣшней превосходной желѣзно-кислой воды, источниками которой славится Уцери. Источниковъ два: одинъ вверху и одинъ внизу; послѣдняго не видно, а къ верху постоянно тянутся, какъ разноцвѣтные муравьи, пріѣхавшіе сюда лѣчиться имеретинки. Больныхъ съѣзжается много. Здѣсь пьютъ воду, купаются и дышатъ кисло-

Digitized by Google

родомъ, отдѣляющимся изъ воды, при выходѣ ея изъ почвы. По прошествіи нѣкотораго времени, вода также какъ и въ Глолѣ, теряетъ свой вкусъ. Квартиры здѣсь отдаются 20—60 к. въ сутки; кушанье свое; есть и мѣстная кухня, но она очень плоха. Мы поѣхали дальше. Лѣсъ помельчалъ еще больше и замѣнился порослями кизиля и ежевики, усыпанными еще не совсѣмъ зрѣлыми ягодами. Ледники Адай-Гоха все еще были видны позади насъ. Дорога въ одномъ мѣстѣ шла по такому обрыву, надъ шумѣвшимъ внизу Ріономъ, что даже стало жутко немного. За Уцери начались уже виноградники. Страна, съ ея небольшими полями, фруктовыми деревьями, виноградниками и домами въ родѣ шалѣ, напоминала уже не горную, а виноградную полосу Швейцаріи. Встрѣчалось и травосѣяніе, преимущественно тимофеевой травы. Намъ встрѣчались имеретинскія княгини, сидѣвшія верхомъ по-мужски. Онѣ были почти сплошь закутаны въ цвѣтныя шали и непремѣнно подъ зонтикомъ, для защиты отъ солнца; каждую провожали нѣсколько слугъ, тоже верхами. Другихъ, удобнѣйшихъ средствъ сообщенія здѣсь, какъ и въ средніе вѣка въ Европѣ, еще не существуетъ покуда. Вида здѣшнія дороги, становится совершенно понятнымъ, почему женское сѣдло здѣсь не въ ходу; вотъ, напримѣръ, старая дорога, по которой мы поѣхали для краткости,— она идетъ по деревянной настилкѣ, висящей на воздухѣ, надъ острыми камнями и бушующей рѣкой. Какъ по ней поѣхала-бы наша амазонка, когда, ѣхавши въ правую сторону, приходится задѣвать ногами за скалу и не видѣть, куда править лошадь, чтобы не слетѣть, вмѣстѣ съ нею, въ рѣку? Не только амазонкамъ, но и мужчинамъ-то не дай Богъ встрѣтиться,—а, вѣдь, это хоть и заброшенная, но, все-таки, большая дорога, въ горахъ-же пути сообщенія, навѣрное, будутъ еще почище! Наконецъ мы, пріѣхали въ *Они*.

Они—полуимеретинскій, полужидовскій городъ, Рачинскаго уѣзда, Кутаисской губерніи, поражаетъ пріѣзжающаго изъ горъ своей меркантильно-жидовской физіономіей. Куда дѣвались наивная простота, невозмутимая тишина и, вообще, вся эта патріархальность? На улицахъ видны рыжіе жиды и жидовки, а въ грязи валяются ихъ раскосмаченныя чада. Была суббота, и въ Они, какъ въ польскихъ мѣстечкахъ, въ этотъ свящ[illegible]нный день ничего нельзя было достать. Хотя здѣшніе евреи и поселились на Кавказѣ болѣе

Digitized by Google

1,000 лѣтъ назадъ, хотя они одѣваются по-черкески и совершенно не понимаютъ польско-жидовскаго жаргона, но, видно, еврей всегда сохранитъ отличительныя черты своего племени, куда ты его ни посели. По всему лицу земли и всегда судьба этого избраннаго (по его, впрочемъ, только собственнымъ словамъ) племени была одинакова: съ самаго переселенія въ Египетъ евреевъ сопровождали общая ненависть и презрѣніе и продолжаютъ сопровождать и до сихъ поръ. Въ Они вліяніе евреевъ сказывается уже очень ясно; здѣсь на нихъ указываетъ все: и базарная площадь, и духаны (т. е. кабаки), и всѣ прочія прелести торговой жизни; здѣсь уже и пудъ ячменя стоитъ 1 р. 30 к., а за сѣно для лошадей взяли съ насъ 2 рубля.

Мы подъѣхали къ духану, въ верхнемъ этажѣ котораго жилъ какой-то начальникъ — какой, Богъ его вѣдаетъ, должно быть исправникъ (нацвалъ); онъ, прежде всего, строго-на-строго потребовалъ наши паспорты, важно просмотрѣлъ ихъ, ничего, вѣроятно, не понялъ и затѣмъ сдѣлалъ распоряженіе о препровожденіи насъ въ казенный заѣзжій домъ, куда, однако, мы не поѣхали, потому что предпочли расположиться въ томъ-же духанѣ. Доставъ, съ большимъ трудомъ, у какого-то имеретина кусокъ буйлятины, мы принялись его варить—варили, варили, да такъ и не уварили и принуждены были отдать Дружку, для котораго, такимъ образомъ, по случаю шабаша, тоже выдался праздникъ. На дворѣ духана, среди другихъ построекъ, былъ какой-то каменный хлѣвъ, безъ оконъ и съ растворенными настежъ дверями, на порогѣ котораго сидѣлъ, въ разстегнутомъ казакинѣ, куркулъ *); онъ преспокойно дремалъ на солнцѣ, а рядомъ съ нимъ стояла, прислоненная къ стѣнѣ, винтовка. Долго мы думали: что бы это означало такое? Наконецъ, Степанъ Семенычъ обратился къ нему съ вопросомъ: «Эй! послушай, землякъ!» — «Эге!» — отвѣчалъ тотъ, открывая глаза.—«Что это такое?»—«Чого?»—«Да вотъ, что ты караулишь-то?»—«Чи ты не бачишь—тюрьма.»—«Тюрьма! Да на кого-же эта тюрьма-то?»—«А на ристантовъ».—«Да гдѣ-же эти арестанты?» —«Ристанты-то? А утеклы, трясца ихъ матери!»—«Какъ утекли?» —«А такъ, булы двое, да позавчера и утеклы, да и годи! Висъ съ ними! Нехай ихъ трохи побигаютъ! Побигаютъ, побигаютъ,

*) Читатель, вѣроятно, не забылъ, что это прозвище черноморскихъ казаковъ.

Digitized by Google

да усежь придуть».—За тѣмъ, объяснивши, такимъ обстоятельнымъ манеромъ, свою обязанность, куркулъ опять погрузился въ дремоту. О, милѣйшіе куркули! Какая разница между вами и линейцами, которыхъ, видно, не даромъ называютъ чакалками.

При выѣздѣ изъ Они (26 августа) мы перевѣхали Ріонъ и потянулись другъ за дружкой его правымъ берегомъ. Сзади ущелье замыкалось снѣговыми горами, а вблизи возвышался какой-то безснѣжный пикъ. Версты двѣ ниже, слѣва, въ Ріонъ впала шумная рѣчка *Квашхетъ* или Джуджора, при впаденіи которой видны развалины замка и нѣсколько башенъ. Дорога вилась надъ лѣсистой крутизной. Намъ встрѣтился небольшой вьючный караванъ; жеребенокъ, бѣжавшій за матерью, сорвался съ кручи и полетѣлъ внизъ, но, къ счастію, какъ-то зацѣпился за камни и былъ благополучно вытащенъ его хозяиномъ. Далѣе дорога пошла небольшой долиной съ огороженными полями и фруктовыми деревьями, а потомъ, верстахъ въ 15 отъ Они, долина опять вдругъ съузилась и превратилась въ ущелье, въ глубинѣ котораго Ріонъ бушевалъ на подобіе Ардона. На лѣвой сторонѣ виднѣлся разрушенный деревянный мостъ, черезъ который шла прежняя дорога, теперь представлявшаяся въ видѣ горной, лѣпившейся по крутизнѣ и кое-гдѣ устланной бревнами тропинкѣ. Выше дороги ущелье, до самой вершины, конечно, все было покрыто лѣсомъ. Казенные заѣзжіе дома прекрасно характеризовали почти первобытную дикость страны. Версты двѣ ниже ущелья, видна окруженная виноградниками старинная церковь *Цесса-Бараконъ*. Нѣсколько ближе, надъ шумной рѣчкой *Лухумъ* (Клухунури-цхале; цхале значитъ — рѣка), какъ орлиное гнѣздо, высится замокъ *Ссори*, одно изъ безчисленныхъ здѣшнихъ убѣжищъ при безпрерывныхъ нападеніяхъ въ прежнее время. Далѣе слѣдовала деревня *Цесса*, въ духанѣ которой мы и сдѣлали привалъ. За Цессой, въ деревнѣ *Химши*, дорога перешла на лѣвую сторону и, оставивъ Ріонъ, пошла долиной рѣчки *Хатеви* на *Накералы*. Лѣсистая и дикая долина главной рѣки смѣнилась за Цесскимъ ущельемъ (съ мостомъ и двумя башнями) разчищенной и обработанной долиной, красноглинистыя отлогости которой покрыты безпрерывными деревнями, а лѣсъ истребленъ на большое пространство. Мнѣ сдавалось, что долина эта была гнѣздомъ крѣпостнаго права въ прежнее время. На эту догадку меня наводили и плодородія ея, сравнительно съ верхней долиной Ріона,

Digitized by Google

и множество развалинъ дворянскихъ замковъ, и сравнительная униженность и дикость жителей; даже костюмы мальчишекъ, состоящіе изъ одной распологнутой спереди на двое рубашки, подтверждали эту догадку. Попадавшіеся на встрѣчу крестьяне униженно снимали предъ нами шапки (если имѣли ихъ), и только рѣдкіе рѣшались обращаться съ вопросомъ: «куда, князь, ѣдишь?» Въ *Хатеви*, на горѣ, развалины большой крѣпости, въ родѣ горійской. И такая мѣстность продолжается до *Никоримынды*, въ которой мы должны были ночевать. Скажу, кстати, что вся мѣстность, которую мы проѣхали, отъ верховьевъ Ріона до Кутаиса, можетъ быть, по моему, раздѣлена на 3 части: верхняя часть, до Цессы, болѣе или менѣе, можетъ быть названа вольною частью Ріонской долины (страна слишкомъ дика для того, чтобы дворянство соблазнилось пріобрѣтеніемъ здѣшнихъ земель въ собственность); средняя, отъ Цессы до Цхалтелы, можетъ быть названа дворянскою частью, и нижняя, о которой я еще буду говорить, можетъ быть названа страною мелкаго участковаго землевладѣнія. Я могу ошибаться, но такъ мнѣ казалось, и я считаю не лишнимъ, какъ туристъ, подѣлиться своей догадкой съ читателемъ.

Никоримында. Проискавъ напрасно помѣщенія для ночлега, мы должны были, наконецъ, обратиться къ мѣстному начальству, помѣщавшемуся въ управѣ. Управа была выстроена по принятой здѣсь казенной формѣ: вверху судъ и писарь, внизу школа на 50 человѣкъ (жалованье учителю 300 р.). Но и у начальства мы не добились никакого толка. Была сходка, и намъ сказали, что для отвода помѣщенія требуется приказъ нацвала и что мы можемъ ночевать гдѣ намъ угодно, хоть подъ открытымъ небомъ. Положеніе было довольно печальное. Изъ насъ никто не понималъ по-имеретински, а имеретины не говорили ни на какомъ языкѣ, кромѣ своего. На наше счастье, намъ попался поповичъ, учившійся въ Кутаисѣ и потому говорившій довольно порядочно по-русски. Онъ, съ помощью расторопнаго бичо (мальчикъ, слуга), отыскалъ намъ ночлегъ за 2 рубля. Домъ былъ, какъ и вездѣ въ Имеретіи, изъ досокъ; посреди главнаго помѣщенія висѣлъ, разумѣется, котелъ, и дымъ отъ разведеннаго подъ нимъ огня выходилъ чрезъ дырявую крышу; топливомъ служили цѣльныя плахи, которыя, по мѣрѣ сгоранія, подвигались чрезъ открытыя настежъ двери. Рубить дрова здѣсь нѣтъ обычая. За перегородкой помѣстились лошади,

Digitized by Google

которыхъ пришлось проводить чрезъ нашу *залу*. Впрочемъ, все было довольно чисто. Напившись чаю и поужинавъ сваренной въ котлѣ курицей, мы улеглись около огонька на буркахъ и, вѣроятно, скоро уснули бы, еслибъ попович не надоѣдалъ своими разговорами. Онъ говорилъ, что жители не пускали насъ отъ того, что очень дики, что знаютъ только своихъ нацваловъ и ужасно боятся всякаго чиновничества, а моя бѣлая фуражка изъ лѣтней матеріи заставляла ихъ думать, что и я тоже чиновникъ. Вообще, какъ видно, здѣшнее начальство (все изъ тувемныхъ князей) расправляется съ обывателями очень безцеремонно. Въ заключеніе, попович оказался ужаснѣйшимъ попрошайкой. Не довольствуясь полученной платой, онъ все приставалъ, чтобъ я подарилъ ему сапоги, а такъ какъ у меня ихъ имѣлась только единственная пара, которая была на мнѣ, то я и не могъ исполнить его просьбы.

27 августа мы выѣхали изъ Никорцминды. Разработываемая дорога пошла вверхъ по рѣчкѣ *Шацари* и скоро скрылась въ превосходномъ чинаровомъ лѣсу. Скоро мы достигли и до вершины *Накерамскаго перевала*, съ котораго мгновенно открывается удивительный видъ почти на всю Имеретію: сзади была видна Рачинская, а спереди Тхибульская части. Спускъ съ перевала былъ очень крутъ и труденъ; надъ сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ нависли громадные камни; новая дорога перемѣшалась со старой, и изо всего этого получился ужаснѣйшій сумбуръ. Вотъ и сами *Нажерамы*, состоящія всего изъ 3-хъ духовъ. Далѣе пошла хорошая дорога чрезъ такъ называемые меньшіе перевалы. Вотъ и рѣчка *Тхибула*, гдѣ открытъ каменный уголь, разработка котораго, въ настоящее время, близка къ осуществленію. Сдѣлавъ маленькій отдыхъ и перевалясь еще чрезъ небольшой перевалъ къ рѣчкѣ *Кресильжачами*, мы, наконецъ пріѣхали въ *Цхалтемы*, послѣдній ночлегъ передъ Кутаисомъ.

Цхалтемы памятны мнѣ только охотой на куръ съ факелами. Куры здѣсь ночуютъ по деревьямъ, за недостаткомъ курятниковъ. Послѣ долгихъ усилій, намъ удалось добыть пѣтуха, который и былъ тотчасъ-же зарѣзанъ, но Джамботъ объявилъ, что онъ его ни за что не станетъ ѣсть, потому что зарѣзали-де не по магометански. Нечего дѣлать, пришлось начинать снова охоту. Вообще, на прощаньи, Джамботъ, ни съ того, ни съ сего, разкап-

Digitized by Google

ризничался, разважничался и ужасно надоѣдалъ своей боязнью осквернiться колбасой, виномъ или другимъ какимъ нибудь нечистымъ яствомъ. Съ Цхалтели дорога пошла той роскошной частью Имеретiи, которая описана мною въ 1-й книгѣ, въ поѣздкѣ въ Гелатъ. Поля очередовались съ роскошными южными лѣсами; часто приходилось проѣзжать между каменныхъ заборовъ, скрытыхъ подъ ежевикой и другими ползучими растенiями; надъ заборами высились орѣховыя деревья, увитыя до вершинъ лозами дикаго винограда. Все было роскошно, свѣжо и зелено. Усадьбъ не видно въ этихъ природныхъ садахъ, и присутствiе жилищъ только изрѣдка обозначается голосами домашней птицы да лаемъ собакъ. Вотъ и духанъ, въ которомъ я отдыхалъ во время первой поѣздки, а вотъ и Рiонъ, и Кутаисъ, и гостиница «Hôtel de France», и самъ хозяинъ ея, m-r Hector, на балконѣ.

M-r Hector de Lalande съ любопытствомъ всматривался въ подъѣзжавшую кавалькаду. И въ самомъ дѣлѣ, кавалькада была довольно интересна. Впереди ѣхали кабардинцы на красивыхъ лошадяхъ и съ оружiемъ, блестѣвшимъ серебромъ; за ними ѣхалъ я, съ моимъ товарищемъ по путешествiю, одѣтые въ блузы, высокiе сапоги и бѣлыя фуражки; за нами трусилъ Степанъ Семенычъ на лошади, нагруженной, сзади и спереди, перекидными сумами; онъ былъ одѣтъ въ мужичьемъ полукафтаньѣ, на головѣ имѣлъ огромнѣйшую папаху, а за плечами болтавшееся ружье; ноги, съ согнутыми колѣнками, онъ держалъ впередъ, какъ имеретинская путешествующая княгиня, а локтями болталъ вверхъ и внизъ; затруднительность его положенiя увеличивала еще вьючная лошадь, очень лѣнивая, которую онъ волочилъ за поводъ и которая, того и гляди, могла его самого стащить съ сѣдла. Когда ему говорили: не отставать,—онъ, обыкновенно, отвѣчалъ: «что дѣлать-то! хоть и сзади, а все въ одномъ стадѣ». Шествiе замыкалъ Дружокъ, вооружившiйся, по обыкновенiю, палкой и гордо посматривавшiй на преслѣдовавшую его стаю невооруженныхъ враговъ. — «Eh bien! Bonjour, mon cher! — вскричалъ тотчасъ-же узнавшiй меня m-r Hector.—Soyez le bien venu! Toujours en voyage! D'ou arrivez vous?» Затѣмъ послѣдовали дружескiя рукопожатiя и отвѣты на сыпавшiеся на меня, какъ градъ, вопросы. Занявъ номеръ, я пошелъ въ залу и засталъ тамъ сцену, сразу показавшую, что дѣла милѣйшаго Hector'а были не въ очень-то блестящемъ

Digitized by Google

видѣ: въ залѣ шла опись его имущества. Какой-то армянинъ, очень неблагообразный и свирѣпый, въ сообществѣ съ судебнымъ приставомъ, перевязывалъ веревочками стулья и припечатывалъ ихъ сургучемъ къ столамъ и окнамъ. — «Что это такое, m-r Hector?»—спросилъ я въ недоумѣніи. — «Oh! C'est une bagatelle! Этотъ свинъ за полтораста roubles печатаетъ meubles. Calmez vous, mon cher! Я сегодня вечеръ буду платить». Мы подошли къ буфету и закусили стоя, потому что сѣсть было не на чемъ: стулья были уже всѣ припечатаны. За буфетомъ сидѣла компанія французовъ и француженокъ, какъ ни въ чемъ не бывало потягивавшихъ шартрезъ и весело подсмѣивавшихся надъ армяниномъ, не обращавшимъ на это никакого вниманія.—«Bonjours, m-r!»—вдругъ произнесъ сзади меня довольно хриплый голосъ. Я обернулся и увидѣлъ совсѣмъ сѣдаго человѣка, лѣтъ 60-ти, сильно обтрепаннаго, но съ гордо закрученными усами и козлиной бородкой; онъ стоялъ вытянувшись и приложилъ, по-военному, руку ко лбу. —«Ah! C'est notre Bibi!—пояснилъ m-r Hector.—Goutez, mon pauvre!»—продолжалъ онъ, обращаясь къ нему и наливая рюмку водки, которую Bibi не замедлилъ опорожнить однимъ духомъ. Я повторилъ разъ пять приглашеніе m-r Hector'a, и Bibi ни разу не заставилъ себя дожидаться. — «Кто это такой?» — спросилъ я m-r Hector'a, отведя его въ сторону. — «Mais c'est Bibi, mon commissionaire—un pauvre diable, un grand ivrogne, совсѣмъ свинъ, à dire vrai — tout à fait un cochon, mais, après tout, un tres bon enfant!» Между тѣмъ, пока мы разговаривали, tres bon enfant успѣлъ уже схватиться съ Джамботомъ и показать ему французскій сават, т. е. драку ногами, причемъ началъ такъ высоко вскидывать свои дырявые сапоги, что храбрый кабардинецъ, изъ боязни за свою физіономію, забился въ уголъ. Ну, право-же, нельзя было не смѣяться, глядя на этихъ веселыхъ людей, въ виду опечатывавшаго все ихъ имущество армянина. Bibi былъ истинный pouvre diable, пріѣхавшій на Кавказъ съ цѣлью нажить капиталъ, какъ и всѣ французы. Капитала онъ не нажилъ, но за то научился пить водку, не пьянѣя, ругаться по-русски, не краснѣя, и жить Богъ знаетъ чѣмъ и какъ, не робѣя. Скоро онъ сдѣлался посмѣшищемъ всего Кутаиса, и крики мальчишекъ на улицѣ служили вѣрнымъ доказательствомъ, что по ней шелъ Bibi. Ему надавали множество прозвищъ, большею частію птичьихъ, отъ ко-

Digitized by Google

торыхъ онъ, изо всей мочи, отругивался, не стѣсняясь ничьимъ присутствіемъ. И такъ онъ жилъ и, вѣроятно, живетъ и до сихъ поръ, потому что, въ послѣднюю мою поѣздку, я его видѣлъ совершенно такимъ-же во Владикавказѣ, а послѣ узналъ, что какіе-то сердобольные французы взяли его, неизвѣстно ради какихъ цѣлей, въ Шуру. На другой день мы уѣхали въ Тифлисъ, а кабардинцы погнали обратно по военно-осетинской дорогѣ.

Digitized by Google

Глава V.

Опять путь до Владикавказа по военно-грузинской дорогѣ.—Сунженская линія.—Малая Чечня. Слѣпцовская станица.—Разсказы про Слѣпцова.—Его могила.—Сунжинковская станица.—Охота.—Поѣздка въ Воздвиженскую съ Егоромъ Петровичемъ Блазновымъ, чрезъ Валерикъ, Гехи и другія мѣста, знаменитыя въ исторіи чеченской войны.—Разсказы Егора Петровича про прежнее время.—Воздвиженская.—Возвращеніе въ Грозную, вдоль Аргуна, черезъ Ханкальское ущелье.—Грозная.—Дорога переходитъ на Терекъ.—Николаевская, Червленная, Щедринская, Шелковаводская.—Казикумыкская плоскость.—Хасавъ-юртъ.—Свѣдѣнія о Мамоновѣ.—Дагестанъ.—Шамхалы Тарковскіе.—Темиръ-Ханъ-Шура.

Я не описываю пути отъ Кутаиса, черезъ Тифлисъ, по военно-грузинской дорогѣ, потому что онъ описанъ мною прежде. Проѣхали мы его безъ всякихъ особенныхъ приключеній и 7-го сентября тронулись изъ Владикавказа на Сунжу, намѣреваясь, съ нѣкоторыми экскурсіями въ сторону отъ Сунженской линіи, осмотрѣть интереснѣйшія мѣста Малой Чечни и затѣмъ начать путешествіе по Дагестану, которое должно было заключиться, опять-таки, возвращеніемъ въ Большую Чечню, чрезъ Ведено, и отъѣздомъ, чрезъ Кизляръ и калмыцкія степи, въ Астрахань и Россію. Этимъ я рѣшилъ закончить путешествіе 1873 г.

Сунженская линія, основанная Слѣпцовымъ въ 1846 г., вошла нынѣ въ составъ Терской области, состоящей изъ 7-ми округовъ: *Пятигорскаго*, *Владикавказскаго*, *Кизлярскаго*, *Грозненскаго*, *Хасавъ-юртовскаго*, *Веденскаго и Аргунскаго (съ аоломъ Шатоемъ)*. Область эта, простирающаяся отъ Пятигорска до Каспійскаго моря и лежащая между Терекомъ и главнымъ хребтомъ, заключаетъ въ себѣ 52,000 кв. версты и имѣетъ 534,000 жителей, большинство которыхъ составляютъ терскіе казаки (135,000), остальное же населеніе смѣшанное и состоитъ изъ русскихъ, чеченцевъ,

Digitized by Google

грековъ, татаръ, нѣмцевъ, колонистовъ, армянъ, евреевъ и проч. Казаки, какъ и вездѣ на сѣверномъ Кавказѣ, имѣютъ 30-ти-десятинный душевой надѣлъ, чеченцамъ-же отведено по 15-ти десятинъ на душу. При надѣлѣ землею казаковъ сдѣланы были тѣ-же ошибки, что и на Кубани, т. е. ближайшія земли розданы офицерамъ, чрезъ что обработка земель казаками (и безъ того уже плохими земледѣльцами) крайне затруднилась.

Сдѣлавъ этотъ краткій статистическій очеркъ Чечни, т. е. нынѣшней Терской области, приступаю къ описанію нашего путешествія по ней.

Чечня! Кому, хоть мало-мальски знакомому съ исторіей Кавказа, «Валерикомъ» Лермонтова и удивительными разсказами графа Толстаго, она не представляется какою-то таинственною и недоступной страной, съ ея аулами по небольшимъ полянкамъ, среди дремучихъ лѣсовъ, съ отчаянными экспедиціями, набѣгами и еще болѣе отчаянной защитой, съ ея кровавымъ Валерикомъ и страшнымъ Дарго, съ сигнальными огнями по чернымъ горамъ и дикими криками: «казаватъ!», съ обрекшими себя на смерть абреками, поющими предсмертныя пѣсни; съ ея оленями, кабанами, египетскимъ Нимвродомъ—дядей Ерошкой, и проч., проч! Такою, по крайней мѣрѣ, представлялась она мнѣ. Посмотримъ-же, какою я ее нашелъ въ 1873 году и какою она, по всей вѣроятности, остается и по настоящее время. Читатель, конечно, не потребуетъ отъ меня какихъ нибудь особенныхъ описаній: отъ насъ, маленькихъ людей, только и можно требовать, что добросовѣстности, а что она будетъ—за это ручаюсь. И такъ, съ Богомъ.

Доставъ почтовую перекладную, мы выѣхали изъ Владикавказа мимо тогда только что еще строившагося вокзала желѣзной дороги. Дорога шла глинисто-песчаной, унылой мѣстностью, и только вправо вдали виднѣлись засунженскія горы, покрытыя лѣсомъ. На поляхъ были свалены копны пшеницы и шелъ покосъ гречихи (въ Россіи ее косятъ въ концѣ іюля). Первымъ въ дорогѣ намъ попался *Базаржинъ аулъ*, населенный чеченцами, вернувшимися, лѣтъ 6-тому назадъ, изъ Турціи въ самомъ бѣдственномъ положеніи. Во время нашего проѣзда, они уже достаточно поправились, сакли были выстроены чисто и передъ каждой (по приказанію начальства) былъ разведенъ садикъ. На улицѣ попадались чеченки въ красныхъ платкахъ и такихъ-же шальварахъ; нѣкоторыя были

Digitized by Google

въ остроконечныхъ туфляхъ, а другія, просто, на собственной подошвѣ. Чеченки напоминаютъ собою крымскихъ татарокъ: та-же прическа, тотъ-же энергическій профиль, тотъ-же прямой, даже подавшійся нѣсколько назадъ станъ, тѣ-же независимыя тѣлодвиженія и походка и то-же открытое лицо. Мужья ихъ, безъ оружія, какъ простые, мирные татары, спокойно сидятъ на медленно двигающихся возахъ сѣна. Запрещеніе носить оружіе крѣпко обижаетъ чеченцевъ. — «Что я теперь такое? — горько жалуется онъ: я теперь сталъ хуже моей марушки» (жены). Вотъ и каменная крѣпость *Назранъ*, съ форштадтомъ и ауломъ того-же имени, въ которомъ многіе дома уже построены по-европейски. Назранъ стоитъ на Сунжѣ, которая, въ видѣ маленькой рѣчки, бѣжитъ по глинистому руслу. По дорогѣ аулы и станицы (со станціями): *Караку булахская*, *Троицкая* и *Слѣпцовская*; изъ нихъ теперь многіе выселяются, и, такимъ образомъ, по Сунжѣ образуется цѣлый рядъ новыхъ поселеній. Горъ, за туманомъ, не видно, и вокругъ мѣстность очень унылая. У дороги совершенно голый татаринъ занимается уничтоженіемъ паразитовъ въ снятой рубашкѣ. — «Черный битюкъ (блоха) яманъ! — говоритъ онъ, по этому случаю: кушàлъ, кушàлъ, да и гàйда пошелъ! А вотъ бѣлый битюкъ — такъ якши! Гдѣ кушалъ, тутъ и логàлъ! Тутъ его и уруби!» Простите за откровенность, благосклонный читатель! Станицы, какъ и вездѣ, выстроены по плану, и сады ихъ, сравнительно съ аульными, можно назвать настоящими.

Въ *Слѣпцовской* мы остановились ночевать, съ тѣмъ, чтобы, собравъ въ ней мѣстныя свѣдѣнія и разсказы о Слѣпцовѣ, на другой день выѣхать въ *Ассинскую* (на рѣкѣ Ассѣ, у подножія Черныхъ горъ — самая передовая линія), но перемѣнили маршрутъ, узнавъ, что въ *Симашкинской* много фазановъ. Узнавъ про это, мы рѣшили ѣхать на послѣднюю, а съ нея уже, черезъ *Ачхой-Мартанъ*, *Валерикъ*, *Гехи*, *Гойты* и другія мѣста, бывшія свидѣтелями самыхъ кровопролитныхъ битвъ въ Малой Чечнѣ, проѣхать прямо въ *Воздвиженскую*.

Имя Слѣпцова продолжаетъ и до сихъ поръ оставаться однимъ изъ самыхъ популярнѣйшихъ на Кавказѣ. Вы о немъ услышите одинаково восторженные отзывы какъ отъ казаковъ, такъ и отъ горцевъ. Не говоря уже про его дарованія и вѣрный военный взглядъ (основаніе Сунженской линіи), — его храбрость, человѣч-

Digitized by Google

ность, полнѣйшая справедливость, какъ относительно своихъ, такъ и относительно враговъ, его безкорыстіе и щедрость, доходившія до того, что онъ готовъ былъ отдать нуждающемуся послѣднюю рубашку, его бѣшеный, но отходчивый нравъ, товарищескія отношенія къ подчиненнымъ, щедрость въ наградахъ—все это невольно заставляетъ проводить параллель между нимъ и извѣстнымъ «бѣлымъ генераломъ». Даже зависть была къ нимъ одинаково неравнодушна: какъ послѣдняго называли не болѣе, какъ боевымъ, такъ перваго называли не болѣе, какъ кавказскимъ генераломъ. Какъ будто, это такая малость! Но самымъ лучшимъ отвѣтомъ на это змѣиное шипѣнье служитъ народная популярность этихъ двухъ славныхъ именъ. Народъ любитъ своихъ «историческихъ» героевъ и не беретъ въ разсчетъ ихъ слабости и ихъ частную жизнь. Въ довершеніе сходства, Слѣпцовъ, какъ и Скобелевъ, носилъ постоянно бѣлую черкеску и ѣздилъ на бѣломъ конѣ. По распросамъ, я узналъ, что въ станицѣ живетъ отставной урядникъ Павелъ *Малыкинъ*, хорошо знавшій и хорошо помнящій Слѣпцова,—и вотъ я отправился къ нему утромъ 8-го сентября. (Читатель не забудетъ, что это записано въ 1873 г.). Малыкинъ былъ бравый казакъ и георгіевскій кавалеръ; въ его чисто выбѣленной хатѣ, надъ простымъ деревяннымъ диваномъ, висѣла литографія, изображавшая смерть Слѣпцова. Онъ на ней представленъ верхомъ, откинувшись, вслѣдствіе раны, назадъ всѣмъ тѣломъ. Влѣво лежитъ убитый его любимецъ и кавалеръ трехъ Георгіевъ, урядникъ Семенъ *Мишневъ*. Къ Слѣпцову бросаются: переводчикъ туземецъ офицеръ *Хунка* (у русскихъ Максимъ) и другой переводчикъ — *Безидъ*. Сзади подскакиваетъ докторъ *Манюковскій*. Далѣе два брата *Старицкихъ*, оба убитые впослѣдствіи, на тревогѣ подъ Алханъ-Юртомъ, а посреди ихъ маіоръ Лаврентій Яковлевичъ *Дятловъ*, еще живши́й въ 1873 г. въ Ассинской станицѣ.

Мы пошли на могилу. Памятникъ надъ Слѣпцовымъ очень незавидный: дикій камень на пирамидѣ изъ булыжника, обложенной дерномъ (камень былъ взятъ неподалёку отъ Каракубулахской станицы). Все обнесено рѣшеткой, но содержится, какъ и вообще всѣ памятники и кладбища въ Россіи, очень небрежно; дернъ во многихъ мѣстахъ обвалился, и изъ-подъ него очень некрасиво торчатъ голыши. Между тѣмъ, какъ мнѣ сказывали, правительство

Digitized by Google

отпустило на памятникъ 7 тысячъ рублей. Кромѣ этихъ 7 тысячъ, покойный государь Николай Павловичъ приказалъ еще отпустить, въ память Слѣпцова, капиталъ на вдовъ и сиротъ, и на него теперь содержится казачье дѣвичье училище.

Слѣпцовъ убитъ подъ *Гехами* 10 декабря 1851 года. Смертельно раненый, онъ имѣлъ еще настолько силы, что привезенный въ *Ачхой* (аулъ по главной просѣкѣ вдоль Черныхъ горъ, по дорогѣ въ Слѣпцовскую, между Ассинской и Гехами), гдѣ и умеръ, завѣщалъ похоронить себя на слѣпцовскомъ кладбищѣ, рядомъ съ его племянникомъ *Веретенниковымъ*, убитымъ подъ *Закан-Юртомъ*, что и было исполнено. Въ Ачхоѣ гробъ его былъ поставленъ на тріумфальную колесницу и на ней, среди всеобщаго плача и стона, привезенъ въ Слѣпцовскую. Рядомъ-же съ нимъ схоронили и любимца его Мишнева, убитаго съ нимъ вмѣстѣ, о чемъ я упомянулъ выше. На солдатскихъ кладбищахъ въ Чечнѣ, какъ и въ Севастополѣ, хоронили въ одной могилѣ по нѣсколько человѣкъ.

Мы возвращались съ кладбища. Передъ нами, за Сунжей, несмотря на порубки и просѣки, все еще зеленѣющая лѣсомъ и изрѣзанная рѣчками и ручьями плоскость Малой Чечни. Съ юга она окаймляется Черными горами, изъ темныхъ ущелій которыхъ выбѣгаютъ рѣчки: *Асса*, *Фортанга*, *Валерикъ*, *Гехи* и друг., а надъ всѣмъ этимъ высится снѣговой хребетъ. Прямо, при выходѣ изъ горъ Ассы, виднѣется *Ассинская станица*; правѣе ея—*Нестеровская;* ниже—*просѣка Аристынская* (1857 г.); лѣвѣе темнѣется *Бамутское ущелье*, съ бывшимъ убѣжищемъ Степана Семеныча, крѣпостцею Бамутомъ, отъ которой теперь уже не осталось и камня; еще-же лѣвѣе чернѣется *Аргунское ущелье*, съ крѣпостью *Воздвиженской*, а за Аргуномъ уже лежитъ Большая Чечня, казавшаяся издали, поросшею сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ. Малыкинъ все время не переставалъ разсказывать о своемъ любимомъ генералѣ. Вотъ кое-что изъ его разсказовъ.

— У Слѣпцова была приближенная къ нему казачка, Авдотья Ѳедоровна Иванова—славная, умная женщина. Не задолго до смерти, онъ разошелся съ ней и выдалъ ее замужъ. Она жива еще и до сихъ поръ (1873 г.), овдовѣла, не гуляетъ больше и все время надъ псалтыремъ спасается. Родные покойнаго выдаютъ ей пенсію въ 175 р. и очень ее уважаютъ. Братъ Слѣпцова, когда пріѣзжалъ сюда въ прошломъ (1872) году—у нея останавливался. Такъ-то лю-

Digitized by Google

былъ покойникъ Авдотью Ѳедоровну, что не то, что ужъ для нея, а и для родныхъ ея готовъ былъ сдѣлать все, что угодно. Былъ у нея братъ, оспопрививщикъ. Вотъ, хорошо! Надобно вамъ сказать, что самыя большія сраженья тогда въ верховьяхъ *Шалажей* происходили—у самыхъ горъ, гдѣ аулъ *Чады-Юртъ* стоитъ. Страшное тогда это было мѣсто! А теперь тамъ просѣка, и ребенка малаго не обидитъ. Вотъ и вызвался этотъ самый оспопрививщикъ, Авдотьинъ-то братъ, тоже въ экспедицію, въ Шалажи. Хорошо—взяли. И раздобудься онъ гдѣ-то тамъ, въ Шалажахъ-то, парой гусей, да и представь ихъ Слѣпцову. Что-жъ бы вы думали?—вѣдь, Егорья далъ ему за гусей-то, ей-Богу! Мы ужъ и не сердились, потому, какъ-же можно, сами разсудите—свой человѣкъ! Только посмѣется, бывало: «Знаемъ мы, молъ, Максимъ Ѳедорычъ, каковъ твой Егорій-то, онъ, молъ, къ тебѣ не на бѣломъ конѣ, а на бѣлыхъ гусяхъ прилетѣлъ!» И онъ тоже на это только смѣется, бывало. И такой-то былъ чудо человѣкъ этотъ Слѣпцовъ, и такое-то было время, что теперь и вообразить даже нельзя! На всѣхъ такъ и сыпались, бывало, награды! Всѣхъ награждалъ! Что скажетъ, бывало, Воронцову, такъ тому дѣлу и быть! А Воронцовъ-то, бывало, пріѣдетъ! Казачата его верхами, съ маленькой пушкой, встрѣчаютъ, казачки тоже верхами, а онъ орѣхами да пряниками такъ ихъ и обсыпаетъ! А теперь что? Всѣ стали уравнены. Наградъ никакихъ. Чеченцы, бѣднаги, всѣ безъ оружія, да и пускаютъ-то изъ нихъ на линію только надежныхъ, да и то по билету. Недавно—какъ-бы вы думали?—мировой оштрафовалъ рублемъ чеченца за то, что тотъ передъ нимъ папаху надѣлъ, а у татаръ, сами знаете, вѣдь это адатъ такой, чтобъ голова была всегда накрыта. А? Каково это? Надо говорить правду: говори противъ волка, да скажи и по волку тоже, гдѣ слѣдуетъ. Тяжело имъ, сердечнымъ, теперь безъ оружія.—«Сталъ я теперь—говоритъ—все одно, что марушка!» Положимъ, что они разбойники, воры, да, вѣдь, и вору, какъ хотите, безъ оружія совѣстно тоже.

Того-же 8-го числа мы пріѣхали въ Сунжаковскую. Влѣво, противъ Михайловской станицы (между Слѣпцовской и Сунжаковской), видны въ горѣ Михайловскія минеральныя воды, теперь почти оставленныя, и остатки укрѣпленія *Каца-Гин*, гдѣ, въ 1845 г., былъ вырѣзанъ цѣлый батальонъ. Казбекъ и его цѣпь, точно окованные въ серебро съ чернью, виднѣлись, какъ на ладони. Если

Digitized by Google

справедливо, что на искусство имѣетъ неотразимое вліяніе окружающая природа, то для серебряныхъ кавказскихъ издѣлій, навѣрное, послужили образцомъ прорѣзанныя черными жилками здѣшнія снѣговыя горы. Вдали чернѣлось Бамутское ущелье, а внизу раскинулась все еще какъ будто лѣсистая, нѣкогда страшная плоскость Малой Чечни, пересѣченная безпрерывными рѣчками. Всѣ эти улитыя кровью мѣста сдѣлались мирными послѣ проведенія просѣки вдоль Черныхъ горъ и истребленія на плоскости непроходимыхъ лѣсовъ.

Первымъ нашимъ дѣломъ, по пріѣздѣ въ Симашковскую, было отыскать охотника на фазановъ (имъ оказался казакъ Хромовъ) и пойти съ нимъ за Сунжу, которую мы и перешли по наваленному хворосту—такъ она здѣсь мелка въ сухое время. Убивъ нѣсколько штукъ, мы сварили изъ этой благородной дичи казацкій борщъ, пообѣдали и наняли казака Егора Петровича Блазнова, георгіевскаго кавалера и еще крѣпкаго молодца, лѣтъ 65-ти, взявшагося, за 1½ рубля въ сутки, возить насъ въ телѣгѣ на парѣ лошаденокъ, куда угодно и сколько угодно. Съ нимъ-то мы и поплелись, на другой день, т. е. 9-го сентября, черезъ Сунжу и Ассу, до *Кургана абрековъ*, на большой просѣкѣ, недалеко отъ *Ачхой-Мартана*, чрезъ который надо было ѣхать на *Воздвиженскую*.

Дорога пошла лучше. По просѣкѣ, уже начинавшей заростать, видѣлись еще пни первобытныхъ лѣсовъ; вправо чернѣлись покрытыя лѣсомъ Черныя горы, съ снѣжнымъ хребтомъ надъ ними, а влѣво, въ мелкомъ лѣсу, попрятались аулы: *Валерикъ, Гехи* и др. На языкъ такъ и просились стихи Лермонтова: «Разъ это было подъ Гехами» ... и далѣе: «Валерикъ,—а переведетъ на нашъ языкъ, такъ будетъ рѣчка крови...» и проч. Теперь это были уже совершенно мирныя мѣста, и только одни мальчишки провожали насъ бранью и каменьями, да и то больше изъ шалости, чѣмъ изъ злобы.

Спутникамъ моимъ эти мѣста были какъ нельзя болѣе памятны: Степанъ Семенычъ мыкалъ горе въ Бамутѣ, а Егоръ Петровичъ служилъ подъ начальствомъ Слѣпцова и участвовалъ почти во всѣхъ экспедиціяхъ въ Малой Чечнѣ. Разумѣется, я постарался навести его на разсказы про прежнее время—и вотъ что услышалъ:

— Вотъ я вамъ скажу, господинъ,—такъ началъ Егоръ Петровичъ,—да какъ васъ звать-то? — ваше благородіе, али какъ по другому?

Digitized by Google

— Все равно, какъ хотите, Егоръ Петровичъ.

— Ну, коли все равно, такъ и ладно! Будемъ звать—ваше благородіе. Такъ вотъ, что я вамъ доложу, ваше благородіе: при Слѣпцовѣ всѣмъ было весело — и взрослымъ, и дѣтямъ. Награды такъ и сыпались, и каждый былъ въ надеждѣ получить офицера.

— Ну, а Старицкихъ вы знавали, Егоръ Петровичъ?

— Старицкихъ-то? Что подъ Алханъ-Юртомъ убиты? Еще-бы! Ихъ было два брата: Иванъ Иванычъ да Степанъ Иванычъ. Степанъ Иванычъ былъ, одно слово, писаный красавецъ. Онъ ходилъ всегда въ кармазинной петербургской черкескѣ, и конь у него былъ свѣтлосѣрый, весь въ яблокахъ, — да и конь-же былъ, я вамъ доложу! Легкій, почти совсѣмъ безъ черёва, какъ борзая собака. Кинжалъ носилъ длинный и все оружіе въ серебрѣ. На битву всегда былъ готовъ: спитъ, бывало, а оружіе возлѣ него. Бородка была у него такъ—небольшая; ну, а Иванъ Иванычъ, такъ тотъ бороду поясомъ даже прихватывалъ. Они перешли изъ Троицкой, потому что когда Слѣпцовъ прославился, то всѣ шли къ нему. Тогда линія уже заселялась: первою поселилась Троицкая, за ней Слѣпцовская (прежде Сунженская), потомъ Михайловская, Алханъ-Юртъ и Симашковская. Штабъ былъ тогда въ Алханъ-Юртѣ. Вотъ какой былъ человѣкъ этотъ Николай Павлычъ (Слѣпцовъ)! Со всѣми, бывало, другъ и товарищъ—и съ старымъ, и съ малымъ. Кто провинился—отваляетъ чубукомъ, бывало, да и шабашъ, а потомъ сейчасъ-же и проситъ прощенья. Горячка, а добрѣйшая душа былъ, одно слово! За нимъ такъ и водили всегда лошадей 10, кто отличился — ну, сейчасъ-же и лошадь—и будь товарищъ, ей Богу! Конь подъ нимъ былъ бѣлый и черкеска бѣлая тоже.

— Ну, а Старицкіе-то какъ-же были убиты, Егоръ Петровичъ?

— А вотъ, изволите-ли видѣть, ваше благородіе: подъ Алханъ-Юртомъ чеченцы — изъ Гойтовъ, должно-быть — украли мальчика да дѣвочку. Ну, извѣстное дѣло, сейчасъ тревога! Пошла пушечная пальба!

— Это сигналы давали, значитъ,—пояснилъ Степанъ Семенычъ.— Бывало, у насъ въ Бамутѣ лишь выпалятъ, а въ Ассинской ужъ подхватили—и пошла тревога да пальба по всей линіи!

— Это вы вѣрно,—продолжалъ Влазновъ.—Ну, Иванъ-то Иванычъ полетѣлъ съ казаками на выручку, да и попалъ на засаду; ихъ всѣхъ тутъ и перекрошили! А Степанъ Иванычъ былъ тогда бо-

Digitized by Google

ленъ и оставался позади, — какъ есть больной, въ полушубкѣ и шарфѣ. Говорили, что онъ былъ навеселѣ, да это неправда. Кабы такъ, ништо, въ этомъ разѣ, онъ остался бы позади? Ништо это возможно? Просто, былъ боленъ. Какъ узналъ онъ, что брата убили, такъ подозвалъ казака Никитина (и теперь еще живетъ въ Ассинской) и говоритъ: воротись, говоритъ, къ моей женѣ, Никитинъ, кланяйся и скажи, чтобъ назадъ не ждала, хочу лечь вмѣстѣ съ братомъ! Поскакалъ! Гикнулъ! Зарубилъ человѣкъ 10, а тутъ и его самого зарубили! «Уязвили, говоритъ, злодѣи эдакіе! Прощайте, братцы!»

— Гдѣ-же его убили-то, Егоръ Петровичъ?

— А въ началѣ Ханкальской горы, верстахъ въ 10 отъ Алханъ-Юрта. Пуля его не брала, какъ и Бакланова: оба они отъ нея слово знали,—взяла только шашка проклятая, потому ужъ отъ этой никто слова не знаетъ.

— А вы знали Бакланова-то, Егоръ Петровичъ?

— Еще-бы! Хорошій былъ воинъ! — одно слово, кавказскій! Пощады никому не давалъ! Имъ чеченки дѣтей пужали: молчи, шепчетъ, бывало, дитяти мать,—не то Баклань придетъ, услышитъ! Да ужъ и было кого бояться! Высокій! Рябой! Черный да страшный! *) Бывало, велитъ ударить тревогу, да и ждетъ у воротъ самъ, съ нагайкой! Первому, кто прискачетъ, 25 рублей, а послѣднему 25 нагаекъ собственноручно залѣпитъ! Такъ тутъ какъ не выскакивать? И безъ портокъ выскочишь по-неволѣ! А ужъ какъ воевалъ-то! Господи Боже ты мой! Одинъ разъ, помню я, въ Хасавъ-Юртѣ, какъ сейчасъ гляжу, воротился его отрядъ изъ набѣга; такъ—повѣрите-ли?—у каждаго солдата на штыкѣ по чеченской головѣ было насажено. Какъ пришли на базаръ, составили ружья, да головы-то, какъ арбузы, и навалили на площади. Чеченцы послѣ по 3 р. за штуку выкупать приходили. Я не ходилъ въ набѣгъ, ну, а на базаръ пришелъ тоже полюбоваться. Только, гляжу, сидитъ у воротъ старый солдатикъ. Что-жъ ты, говорю, служба, что не торгуешь? Аль не принесъ головы-то? Али не посчастливилось? — Посчастливилось-то, — говоритъ, — посчастливилось, да только я не принесъ. И такъ грѣха-то на насъ

*) Желающіе ознакомиться, дѣйствительно, съ страшной физіономіей генерала Бакланова могутъ видѣть его портретъ въ „Русской Старинѣ“ за 1888 годъ.

Digitized by Google

довольно и не замолишь. Какъ отвѣчать-то придется на томъ свѣтѣ? На эдакія дѣла и глядѣть-то—говорить—страшно! Ну, и была-же гульба, въ тѣ поры, въ Хасавъ-Юртѣ! Что ни выручили, за голову-то, денегъ—всѣ въ духанахъ остались. Вотъ Фрейтагъ—ну, тотъ былъ совсѣмъ другое дѣло! Тоже былъ воинъ, а воевалъ совсѣмъ по другому, потому онъ былъ ученый. А Ваклановъ изъ простыхъ донцовъ, что съ него взять! Онъ и грамотѣ-то, сказываютъ, зналъ плохо.

— А вы и Фрейтага тоже знавали?

— Еще бы! Маленькій былъ такой — шустрый! Кабы не онъ, подъ Даргами всѣхъ бы насъ порѣшили. И самому Воронцову не уцѣлѣть бы. Куда бы уцѣлѣть, кабы не Фрейтагъ! Я послѣ при немъ въ венгерскую кампанію состоялъ, и онъ самъ на меня вотъ этого самаго Егорія *возложилъ*. Да, ваше благородіе, какъ подумаешь, много, много мы тогда тоже грѣшили! Человѣка тогда значило меньше, чѣмъ барана, зарѣзать. Вотъ я вамъ про себя разскажу. Я былъ тогда еще молодымъ казакомъ и недавно женился. Только шелъ я одинъ разъ ночью лѣсомъ, а ночь была свѣтлая-разсвѣтлая! Хорошо! Иду я эдакъ-то, только гляжу — ѣдетъ верхомъ чеченецъ, ѣдетъ, да и мурлычитъ еще себѣ подъ носъ что-то такое... Спрятался я за кустъ, потому мирной онъ, или не мирной—шутъ его вѣдаетъ! Сижу подъ кустомъ-то, словно и путный, да жду, когда проѣдетъ. Только какъ онъ поровнялся со мной, какъ я вдругъ выскочу! Лошадь подъ нимъ шарахнулась, онъ, это, съ нея, а *я*—и самъ не знаю, какъ и что сдѣлалось—подскочилъ къ нему сзади, да и всадилъ ему въ спину-то кинжалъ по рукоятку, противъ самаго сердца. Такъ онъ и *затрепеталъ* у меня на кинжалѣ-то, равно какъ птичка! Только какъ опамятовался *я*, стою эдакъ надъ нимъ, да и думаю: что это я, молъ, надѣлалъ такое? За что загубилъ невиннаго человѣка? И жалко-то мнѣ, да и боюсь-то, потому что, дойди до Слѣпцова, какъ разъ повѣситъ, потому это разбой! У него и поговорка такая была: «коли молодецъ — говоритъ — значитъ, не попадайся, а попадешься, кто бы ни былъ — повѣшу!» Повѣрите ли, за лошадью даже не погнался. Пришелъ домой ни живъ, ни мертвъ, схоронился отъ всѣхъ, даже женѣ два года ни слова не говорилъ... Вотъ оно, что значитъ молодость-то! А теперь, ваше благородіе, какъ передъ Богомъ, каюсь, такъ вотъ и передъ вами,—видитъ Богъ, что отъ слова до слова—все правда.

Digitized by Google

— Что-же открылось послѣ, кого вы убили-то?

— Кто его знаетъ! Сказывали, что изъ Ачхоя мирнаго какого-то, только не знаю навѣрное.

Послѣ этого Егоръ Петровичъ помолчалъ немного и затѣмъ продолжалъ:

— Да, бѣдовыя времена были! Ребятъ безпрестанно воровали на линіи. Мой отецъ тоже украденъ былъ изъ Николаевской. Сунженской линіи и въ помнѣ еще не было, такъ имъ и свободно было ходить на Терекъ, да воровать-то. Его украли съ поля. Старики работали, а онъ,—знаю, ребенокъ,—и отойди въ сторону; только что онъ отошелъ, какъ откуда ни возьмись, изъ засады, чеченцы—цапъ-царапъ, зажали ротъ, связали руки и ноги, да и гайда за Терекъ, а тамъ за Сунжу, да въ Шалажи, въ дубъ-аулъ *). Отцу было тогда 12-ть лѣтъ, сначала тосковалъ сильно и все собирался бѣжать, а потомъ ничего—попривыкъ и совсѣмъ отатарчился, такъ что, когда его выменивали, и идти къ своимъ не хотѣлъ было, насильно ужъ утащили. Чеченки, надо говорить правду, очень любятъ дѣтей, и та, у которой онъ былъ въ плѣну, держала его за мѣсто сына роднаго.

— И долго вашъ отецъ былъ въ плѣну?

— Да цѣлыхъ 13-ть лѣтъ, ужъ по 26-му году его выменяли. Вотъ какъ тогда жили! Ужъ про Большую Чечню что говорить! За Аргунъ тогда совсѣмъ и ходу не было! По Малой-то идетъ отрядъ, бывало, а они такъ и насѣдаютъ, такъ и насѣдаютъ — просто, за полы, бывало, хватаютъ, проклятые...

— Это точно, — сказалъ Степанъ Семенычъ.—Одинъ разъ мы провожали оказію, я былъ въ цѣпи. Ну, цѣпь, обыкновенное дѣло, по бокамъ двигалась, лѣсомъ. Вотъ, хорошо, идемъ мы въ парѣ съ товарищемъ, а они, нѣтъ-нѣтъ, да и пальнутъ—и все-то навѣрняка! Потому—чертъ его увидитъ, въ лѣсу-то, на 10 саженъ подкрадется. Выстрѣлилъ, убилъ, да и драло! Послѣ ужъ, какъ просѣки на пушечный выстрѣлъ подѣлали, такъ безопаснѣе стало. А прежде и господа офицеры говаривали: цѣпь—говорятъ—это жертва! Только, вотъ, пробираемся мы, эдакимъ-то манеромъ, съ товарищемъ, только вдругъ, откуда ни

*) Такъ назывались аулы, расположенные въ верховьяхъ Фортанги, Шалажей и Валерика, отъ ростущаго въ тѣхъ мѣстахъ дубоваго лѣса.

Digitized by Google

возьмись, изъ-за куста, чеченецъ точно изъ подъ земли выросъ! Пафъ! Гляжу—зашатался товарищъ! Царство ему небесное! Смоленской губерніи, Сухоставцевымъ звали, какъ сейчасъ помню. Выстрѣлилъ да на меня съ шашкой! Ну, у меня пуля тоже готова—прямо въ грудь ему, потому дѣло вплоть! Повалился, инда и шашка изъ рукъ выпала. Зло меня взяло за товарища! Вижу, ужъ онъ остался совсѣмъ безоружный—ну, и кинулся приколоть, а онъ—что-жъ-бы вы думали?—вытащилъ кинжалъ, ухватилъ его за конецъ, да и швырнулъ въ меня, прямо въ грудь! Хорошо, что въ амуницію, въ ремни угодило, а то не разговаривать бы теперь мнѣ съ вами!

— А я-же вамъ что говорилъ?—сказалъ Егоръ Петровичъ.—Просто, за полы, бывало, такъ и хватаютъ. Такъ и лѣзутъ, словно волки, объ рождествѣ, во время руи, когда у нихъ ранятъ волчицу. Хоть зубами готовы вцѣпиться. Такой-то отчаянный, злющій народъ, что и повѣрить нельзя. Еще хорошо, что у нихъ пороху не было. Заряды кладутъ, бывало, чутошные: выстрѣлитъ, словно орѣхъ раскуситъ—и не слыхать. Такъ ужъ за то они и дорожили зарядами-то! Зря ужъ не выпуститъ! Ну, а наши что? Надо говорить правду—какіе были стрѣлки!

— Ну, это вы напрасно, Егоръ Петровичъ—сказалъ Степанъ.—И мы тоже отстрѣливались.

— Да, отстрѣливались! Повернутъ, бывало, назадъ головы-то, да и бацъ, черезъ плечо, вверхъ, цѣлымъ заводомъ,—благо, порохъ казенный! Вотъ какъ отстрѣливались-то! А они, бывало, какъ пройдетъ отрядъ, такъ повыковыриваютъ изъ деревьевъ всѣ пули, да ими-же насъ послѣ и угощаютъ! Свинца у нихъ не было: стрѣляли и желѣзными, и мѣдными, а то такъ обточитъ изъ карагача *) ножемъ, да и бьетъ ей вплотную, не хуже свинцовой. А все-таки—весело жили! Какъ пойдемъ, бывало, въ походъ, да затянемъ передъ дѣвками:

Какъ пошли наши казаченьки
Горами долами,
А за ними дѣвченочьки
Съ черными бровями....

*) Дерево, отличающееся необыкновенной твердостью.

Digitized by Google

Такъ то-то смѣху-то! Точно на пиръ идемъ, бывало, а не на битву. Хохочутъ, бывало, изо всей мочи, провожаючи насъ—шельмы эдакія!

— А вы помните эту пѣсню, Егоръ Петровичъ?

— Какъ-же не помнить!

— Такъ спойте пожалуйста.

— Не могу, ваше благородіе.

— Отчего?

— Да какъ вамъ сказать—грѣшно! Пѣсня-то она такая, что пѣть ее мнѣ, старику, не приходится,—отвѣчалъ онъ, смѣясь добродушно.—Да вы что-же это, ваше благородіе, ружье и собачку-то съ собой возите? Охотитесь, что-ли, дорогой-то?

— Да, охотимся, гдѣ случится, Егоръ Петровичъ.

— Э! да что нынче и за охота стала! И дичь-то совсѣмъ повывелась. Чему вы смѣетесь? Право! Нынче здѣсь, на плоскости, олень сталъ за рѣдкость. Да чего ужъ олень—и козу-то рѣдко увидишь! А прежде, бывало, идемъ, а онѣ изъ подъ ногъ такъ и выскакиваютъ, потому—тогда никто не охотился: чеченцы зарядовъ жалѣли, а нашимъ нельзя было, потому самого, вмѣсто козы-то, какъ разъ подстрѣлятъ.

— Вотъ у насъ, въ Бамутѣ, кабановъ больно много ужъ было!

— А вы въ Бамутѣ служили?

— Въ Бамутѣ.

— И трудная была ваша служба!

— Да, не то, что ваша казачья! Вамъ что служить было—спола горя! А тутъ, какъ ни одну ночь раздѣться нельзя—потому что ни ночь, то тревога, такъ скажется, бывало.

— Что-же—спросилъ я—нападали они, что-ли?

— Нападать-то не нападали, а такъ, значитъ, каждую минуту держали въ сумлѣніи: засядутъ трое, четверо, откроютъ пальбу—ну, а у насъ и тревога! Потому лѣшій знаетъ, сколько ихъ тамъ засѣло-то, пожалуй, и не одна тысяча,—чего добраго, и на крѣпость полѣзутъ, потому народъ отчаянный, одно слово — головорѣзы! Не даромъ сказывали, что послѣ насъ близъ Бамута-то цѣлый батальонъ вырѣзали. Вотъ я вамъ разскажу. Я еще молодымъ солдатикомъ былъ, новичкомъ въ здѣшнихъ чеченскихъ мѣстахъ... Только и вздумайся мнѣ изъ Бамута-то за водой сходить на Арштынку,—это рѣчка, какъ разъ подъ крѣпостью, такъ прозывается.

Digitized by Google

Хорошо! Выждалъ я, какъ часовой отвернулся, да и шмыгнулъ потихоньку въ калитку... Что-жъ бы вы думали? Не успѣлъ я пробѣжать шаговъ 20-ть, глядь—и катятъ, изъ-за кустовъ-то, на меня трое... Я это: ахъ, ахъ, ахъ, ахъ! И руки и ноги отнялись сразу! Изъ крѣпости замѣтили—сейчасъ изъ пушки! Въ Ассинской, разумѣется, подхватили—и пошло по всей линіи. Ну, все окончилось благополучно, а меня высѣкли, какъ водится,—не тревожь понапрасну! Вотъ тебѣ и Арштынка! Каторжная была жизнь—одно слово! Да и это бы все ничего! Кормили-то больно ужъ плохо: одна кашица да сухари, да и тѣ на половину гнилые. Сами подумайте: только разъ въ двѣ недѣли изъ Ассинской приходила оказія! Ужъ радырадешеньки, бывало, какъ наѣдетъ какой генераликъ: собираться въ набѣгъ, въ летучій отрядъ! Ну, соберутъ, бывало, къ ночи и поведутъ, безъ отдыха, на цѣлую ночь, чтобы на зорькѣ какъ разъ быть на мѣстѣ. Какъ застанемъ, бывало, врасплохъ, въ просонкахъ, такъ Господи Боже ты мой!... Чего только поднимется! Пальба! Визгъ! Плачъ! Стонъ! Лай! Ревъ! Только это случалось рѣдко, чтобы врасплохъ: у нихъ, у проклятыхъ, пикетная служба тоже была исправна, почти всегда дадутъ знать, и всѣ уберутся въ лѣсъ да въ балки и скотину съ собой угонятъ. Пошаримъ, пошаримъ въ пустомъ-то аулѣ, да съ тѣмъ и назадъ. Ну, а ужъ вотъ при отступленьи-то только держись, бывало! Потому дорога одна, извѣстная — знаютъ, гдѣ отступать будемъ... Ну, и засядутъ, бывало, да и кидаются, ровно какъ бѣшеные! Мы все больше въ дубъ-аулы; инда подъ самые Іерусали*) хаживали. Одинъ разъ пошли мы, такимъ-то манеромъ, на дубъ-аулъ; пришли, никого нѣтъ, всѣ въ балку забились, да только не удалось схорониться, живехонько ихъ розыскали и принялись полосовать! Которыхъ побили, которые разбѣжались, захватили скотину, — ну, извѣстно, которую получше господа офицеры себѣ разобрали, а остальное пошло солдатамъ. Ну, хорошо! Позабравши, такимъ-то манеромъ, скотину, и принялись мы аулъ обшаривать. Насъ обшаривало трое, какъ сейчасъ помню: я, Ферапонтовъ, Тульской губерніи, да еще одинъ молодой солдатикъ, забылъ откуда. Вотъ, хорошо! Солдатикъ-то этотъ заглянулъ въ саклю, да какъ грохнется объ полъ,—глядимъ, анъ у него, какъ есть, пол-

*) Серали въ верховьяхъ Фортанги, на которой стоялъ Бамутъ.

Digitized by Google

головы снесено... Стой! Что такое! Держи! Кинулись въ сакли, —что за дьявольщина, ни живой души, никого нѣтъ! Только заглянулъ я за печку, анъ тамъ и сидитъ старая вѣдьма и держитъ кинжалище, почитай что въ аршинъ! Обмерла вся отъ страха, молчитъ и только на меня глаза вытаращила!

— Ну, и что-же? — спросилъ я съ невольнымъ замираніемъ сердца.

— А извѣстно что, прикололи! — отвѣчалъ совершенно равнодушно мой добрѣйшій Степанъ Семенычъ и потомъ добавилъ: а въ саклѣ-то и нашли только, что одинъ пригоршни кукурузной муки... Такъ только солдатика-то задаромъ сгубила, вѣдьма проклятая! Да и изъ солдатъ, я вамъ доложу, тоже были отчаянные! Былъ въ Бамутѣ у насъ одинъ изъ поляковъ — паномъ мы его прозвали, такъ, повѣрите ли, каждую ночь кабановъ подсиживать хаживалъ. Глядимъ, бывало, утромъ и тащитъ въ котелъ! Ужъ чего съ нимъ не дѣлали! И сѣкли-то! Да ничего не подѣлаешь, такъ отъ рукъ и отбился! Одинъ разъ мы сидѣли въ секретѣ, только слышимъ, что кто-то идетъ, да посвистываетъ — чеченецъ, думаемъ; только нѣтъ, чеченецъ свистать не станетъ. Э! да это, должно быть, нашъ панъ! Онъ и есть. Хорошо, что догадались, не выстрѣлили — убили бы еще, пожалуй.—Ужъ понадешься ты когда нибудь, панъ, говорятъ ему, бывало.—А нѣ,—говоритъ,—ни вшистки не попадусь!—Ну, ни вшистки, молъ, такъ ни вшистки... Анъ и попался... Вотъ тебѣ и ни вшистки! Въ плѣну пробылъ цѣлыхъ три года, а потомъ прибѣжалъ-таки. Тутъ бы ему и отставка — такъ нѣтъ! Начальство рѣшило: ты, говорятъ, нарочно все это время пробѣгалъ, а какъ въ отставку, такъ и явился... Такъ и не зачли эти года! Извѣстно, полякамъ тогда никакой вѣры не было. И ужъ убивался-же онъ, сердечный,—просто, сердце надрывалось, на него глядя! Да гдѣ-же это у васъ башлыкъ-то? — спросилъ совершенно неожиданно мой вѣрный личарда, оглянувшись назадъ. Я тоже осмотрѣлся—башлыка въ телѣгѣ не было.

— Упалъ, должно быть.

— А коли упалъ, такъ надо искать, — сказалъ Егоръ Петровичъ,—я его сейчасъ видѣлъ.

И, не слушая моихъ возраженій, онъ живо отстегнулъ пристяжную, вскочилъ на нее и помчался, изо всей мочи, назадъ. Въ полу-

Digitized by Google

верстѣ, позади насъ, шли чеченецъ съ чеченкой. Глажу, Егоръ Петровичъ подскакиваетъ къ нимъ, начинаетъ что-то кричать, размахивая руками, потомъ, безъ церемоніи, начинаетъ обшаривать ихъ карманы, вытаскиваетъ башлыкъ, хлещетъ имъ чеченца по лицу, потомъ опять вскакиваетъ на лошадь и догоняетъ насъ, крича, запыхавшись: «я-те дамъ, не видалъ! Мошенники эдакіе! Воры проклятые!» Признаюсь откровенно, мнѣ такъ стало совѣстно за чеченцевъ, что я не радъ былъ и башлыку, и сказалъ объ этомъ Егору Петровичу.

— Вотъ еще, совѣстно! — отвѣчалъ онъ, садясь на облучекъ и погоняя живо пристегнутую имъ пристяжную.—Совѣстно! Знаю я ихъ! Ништо они что понимаютъ! Съ ними чѣмъ ни хуже, тѣмъ лучше.

— Всѣ они, Азія, на одинъ ладъ,—сказалъ Степанъ Семенычъ. —Я вамъ не говорилъ, что сказывали мнѣ въ Кутаисѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Такъ вотъ, видите ли, есть у нихъ тамъ князь какой-то, Мамія Гуріель, какъ есть сущій разбойникъ. Хорошо! Былъ у нихъ пиръ. Напились всѣ они пьяны, и пошли пляски, да джигитовка. А пѣвцы—у нихъ пѣвцы есть про эдакіе случаи—начали пѣть, да восхвалять ихнюю славу. Только этотъ самый Мамія и научи пѣвца начать подтрунивать надъ однимъ тоже княземъ: сердитъ былъ за что нибудь, должно быть. Тотъ князь взбѣсился и бросился на Мамію, а Мамія на него, повалилъ его на земь, выхватилъ кинжалъ, да и давай пилить, какъ барана, а слуга тутъ-же помогаетъ да рубитъ шашкой. Ну, розняли ихъ кое-какъ! Что-жъ бы вы думали? Тотъ, котораго изрубили-то, вѣдь не жалуется на то, что изрубили, а кричитъ: ты мнѣ всю чуху изрубилъ — подавай новую! Раны—чортъ съ ними, ихъ залѣчатъ, а ужъ чуху-то ничѣмъ не залѣчишь!

Разговаривая такимъ образомъ, мы, къ вечеру 9-го сентября, пріѣхали въ *Воздвиженскую*, лежащую при выходѣ изъ Черныхъ горъ Аргуна, отдѣляющаго Малую Чечню отъ Большой, и остановились у какой-то очень гульливой солдатки, пріятели которой своими пѣснями не давали намъ спать цѣлую ночь. Въ гостиницѣ-же, какъ намъ сказали, было и того еще хуже.

10-го сентября мы проснулись съ зарей. Утро было восхитительное, и снѣговыя горы, черезъ Аргунское ущелье, виднѣлись во всей

Digitized by Google

ихъ красотѣ. Мы пошли вверхъ и любовались оттуда на лѣсистую плоскость Чечни и на дѣйствительно черныя горы. Невольно рисовалась въ воображеніи прежняя Чечня, когда въ нее:

На страшный зовъ
Толпы стекались удальцовъ.
Надъ допотопными лѣсами
Мелькали маяки кругомъ—
И дымъ ихъ то вился столбомъ,
То разстилался облаками;
И оживлялися лѣса,
Скликались дико голоса
Подъ ихъ зелеными шатрами ....*)

А производившаяся артиллерійская пальба за крѣпостью и перекатывавшееся отъ нея по горамъ эхо помогали воспроизведенію въ воображеніи удивительной лермонтовской картины.

Сама Воздвиженская не представляетъ ничего интереснаго; это, просто, каменная крѣпость, въ родѣ пальчикской, окруженная форштадтомъ, съ каменной башней, стоящей отдѣльно на противоположномъ (правомъ) берегу Аргуна. Она замѣчательна тѣмъ, что изъ нея, какъ изъ передоваго, въ то время, форта, Евдокимовъ двинулся на разработку Аргунскаго ущелья, чрезъ что открылся обходный путь на Ведено—послѣднее убѣжище Шамиля, передъ Гунибомъ.

Часовъ въ 10 утра, мы уже выѣхали обратно на Сунжу, въ *Грозную*. Дорога шла, вдоль Аргуна, совершенно открытой, черноземной плоскостью, среди кукурузныхъ полей. Лучшія и наиболѣе обработанныя мѣста были вблизи ауловъ. Вправо виднѣлся Аргунъ, за которымъ чернѣлись лѣса Большой Чечни, а прямо, въ видѣ двухъ отдѣльныхъ горъ, стояло, непроходимое прежде, *Ханкальское ущелье*, чрезъ которое лежалъ теперь нашъ мирный путь. Къ горѣ, надъ самымъ Аргуномъ, прислонилось укрѣпленіе *Бердыжель*. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ почва становилась все хуже и хуже; попадались татарскія кладбища и отдѣльные могильные памятники; изъ-за лѣса торчали вышки, на которыхъ расхаживали сторожевые чеченцы; довольно часто приходилось переѣзжать также чрезъ

*) «Валерикъ»—Лермонтова.

Digitized by Google

оросительныя канавы. Но вотъ какъ самое ущелье, такъ и стоящій при немъ аулъ *Хонкалъ* остались позади, и на высокомъ лѣвомъ берегу Сунжи показалась *Грозная*, въ которую мы и пріѣхали еще задолго до солнечнаго заката.

Грозная, какъ мы сказали выше, была заложена Ермоловымъ. Съ постройкой ея появился новый родъ такъ называемыхъ мирныхъ чеченцевъ, жившихъ между Сунжей и Терекомъ. Мирные, по названію, чеченцы эти были главными помощниками при всѣхъ воровскихъ набѣгахъ на линію и самыми вѣрными проводниками при сбытѣ людей и скота, выкраденыхъ на Терекѣ. Съ заложеніемъ Слѣпцовымъ Сунженской линіи, дѣла измѣнились, и жизнь на Терекѣ сдала почти безопасною.

Грозная построена на лѣвомъ, возвышенномъ берегу Сунжи, на полуостровѣ, образуемомъ извилинами рѣки, и оберегается съ трехъ сторонъ Сунжей, а съ четвертой укрѣпленіями съ довольно сильными профилями. Грозный ея основатель, дѣйствительно, могъ обозрѣвать отсюда объ Чечни, никогда уже, съ этихъ поръ, неускользавшія отъ его орлинаго взора. При самомъ поверхностномъ обзорѣ, видно, что это мѣсто было выбрано великимъ знатокомъ военнаго дѣла. Не легко себѣ представить, какова должна была быть жизнь въ Грозной до постройки Сунженской линіи, когда постояннаго моста въ Николаевской еще не существовало, и войска, при безпрерывныхъ тревогахъ, должны были переправляться черезъ Терекъ на паромахъ и спѣшить форсированнымъ маршемъ на Сунжу. Жизнь въ Бамутѣ даетъ нѣкоторое понятіе объ этомъ. Мы въѣхали чрезъ еврейскій форштадтъ, названный такъ потому, что въ немъ, вмѣстѣ съ прописными мѣщанами, живетъ и много евреевъ. Былъ еврейскій праздникъ, и въ синагогѣ, построенной въ родѣ мечети, шла служба. Кромѣ постояннаго моста черезъ Сунжу, есть еще и пѣшеходный, конечно, теперь никѣмъ не охраняемый. Въ настоящее время, Грозная—довольно большой, но очень грязный городишко, въ которомъ только и можно осмотрѣть, что крѣпость (какъ памятникъ прошлаго) да церковь съ довольно жиденькимъ садикомъ, въ которомъ есть кирпичный памятникъ генералу Грекову, убитому, въ 1825 г., измѣной въ Герзель-аулѣ, и часовня надъ малолѣтней дочерью Фрейтага. Часовня хороша и построена въ католическомъ стилѣ, съ образомъ въ стѣнѣ. Мы остановились въ омерзительной гостиницѣ и, волей

Digitized by Google

неволей, должны были слушать сквернословіе пьяныхъ солдатъ и писарей, цѣлую ночь напролетъ игравшихъ на биліардѣ. Въ Грозной есть еще и другая гостиница, содержимая какимъ-то армяниномъ, но и она ничѣмъ не лучше. Непривлекательная картина!

Раннимъ утромъ, 11-го сентября, мы, опять-таки съ Егоромъ Петровичемъ, выѣхали чрезъ *Петропавловскую* (на Сунжѣ) до *Николаевской* (на Терекѣ), для того, чтобы изъ послѣдней ѣхать, на почтовыхъ, въ Темиръ-Ханъ-Шуру, чрезъ Хасавъ-Юртъ. Дорога шла въ гору; попадались каменныя башни, построенныя для наблюдательныхъ постовъ; видно было, что простыми вышками здѣсь довольствоваться было нельзя. При взглядѣ назадъ, виднѣлись двѣ отдѣльныя горы, образующія Ханкальское ущелье, блестѣлъ Аргунъ, темнѣлись лѣса Большой Чечни и чернѣлся черный хребетъ, съ выглядывавшими изъ него мрачными ущельями: Аргунскимъ, Бамутскимъ, Веденскимъ и другими, надъ всѣмъ-же высились снѣжныя вершины главнаго хребта.

Съ *Петропавловской* (на Сунжѣ; основана въ 1857 г.) дорога повернула влѣво, на Терекъ, и потянулась въ гору. Почва была глинисто-песчаная, и наши лошаденки еле тащились. Съ горы открывается великолѣпный видъ на обѣ стороны: съ одной стороны—Чечня и горы, съ другой—Моздокъ и Терекъ съ его станицами: Николаевской, Червленной и друг. Ермоловъ, конечно, не пропустилъ безъ вниманія этого важнаго наблюдательнаго пункта, лежащаго на пути съ Терека въ основанную имъ Грозную, и выстроилъ, на самомъ перевалѣ, каменную башню, стоящую невредимо и до сихъ поръ. Недалеко въ углубленіи, влѣво, виднѣлись *горячеводскіе* госпитали; паръ отъ ихъ источниковъ, въ которыхъ варится яйцо, былъ видѣнъ нами довольно ясно. Далѣе слѣдовалъ богатый аулъ *Старый-Юртъ*, въ которомъ нѣкоторые дома крыты желѣзомъ; торгуетъ, главнымъ образомъ, скотомъ и кирпичнымъ чаемъ съ *могайвой*, кочующей за Терекомъ. По дорогѣ попадаются чеченки, которыя, если однѣ, смотрятъ очень бойко, если-же съ мужчинами, то стыдливо опускаютъ глаза, но лицъ не закрываютъ. Попадаются и красивыя, породистыя казачки изъ Червленной, въ живописныхъ полутатарскихъ костюмахъ, состоящихъ изъ длинной рубахи, бешмета и платка на головѣ, повязаннаго по-татарски; грудь украшена серебряными и золотыми монетами; только одно отсутствіе

Digitized by Google

шальваръ и показываетъ, что вы видите казачку, а не татарку. Намъ попадаются на встрѣчу мать съ дочерью.

— Здоро, Марина!—кричитъ Егоръ Петровичъ и затѣмъ продолжаетъ разговоръ по-татарски; ему отвѣчаютъ на томъ-же языкѣ.

— Что это вы съ ними говорили такое?—спрашиваю я, когда мы поѣхали дальше.

— А спрашивалъ—куда идутъ?

— Куда-же онѣ идутъ?

— А къ сродственникамъ, въ Старый-Юртъ.

— Да какіе-же у нихъ могутъ быть сродственники въ татарскомъ аулѣ?

— Эхъ, ваше благородіе! Прежде было не то, что теперь: мы тогда зачастую роднились съ татарами, а татары съ нами. И теперь еще есть старики, что считаются близкими родными съ татарами—здѣсь это, и по сіе время, вовсе не диво.

Наконецъ, мы пріѣхали въ мѣсто жительства Егора Петровича—*Николаевскую*. Постоянный здѣшній мостъ на Терекѣ прежде охранялся сырцовымъ укрѣпленіемъ, нынѣ совершенно развалившимся отъ постоянныхъ подмывовъ безпокойной рѣки. Отсюда, внизъ по Тереку, начинаются уже настоящія гребенскія станицы. Всѣ гребенцы самые истые старовѣры. Надобно сказать, что, къ крайнему сожалѣнію, всѣ здѣшнія почтовыя станціи стоятъ отдѣльно отъ станицъ, на разстояніи, по крайней мѣрѣ, версты. Что было причиною этого: опасности ли почтоваго пути по самому берегу Терека, въ прежнее время, или другое что—навѣрное не знаю. Еще слѣдуетъ замѣтить, что всѣ здѣшніе сады и виноградники находятся отдѣльно отъ станицъ и въ одномъ мѣстѣ. Распростившись въ Николаевской съ Егоромъ Петровичемъ, мы поѣхали, на почтовыхъ, въ

Червленную. Здѣсь мнѣ бросились въ глаза стоявшія на дворѣ войлочныя ногайскія юрты, на земляномъ полу которыхъ постоянно тлѣлся кизякъ, для приготовленія кирпичнаго чая — главной пищи здѣшнихъ ямщиковъ, которые всѣ ногайцы. Мнѣ прописывали подорожную.

— Что здѣшніе казаки—раскольники?—спросилъ я писаря, неосторожно употребивъ это послѣднее слово.

— Здѣсь нѣтъ раскольниковъ! — раздался сзади меня суровый голосъ. — Здѣсь есть старообрядцы, истинной, древней, русской,

Digitized by Google

православной вѣры, а раскольники-то вы, которые отъ насъ отдѣлились, никоніяне-табашники!—Я оглянулся. Въ дверяхъ стоялъ старый казакъ, смотрѣвшій на меня сурово, изъ-подъ нахмуренныхъ бровей. Предоставляю судить читателю о томъ, какъ я былъ сконфуженъ этимъ отвѣтомъ!

Гребенскія казачки (особенно въ Червленной) славятся своей красотой и доступностью въ сердечныхъ дѣлахъ.—«Добывай меня насильно,—говоритъ казачка своему возлюбленному: — коли добудешь, грѣхъ на тебѣ будетъ!» Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываютъ.

До *Щедринской* дорога отдаляется отъ Терека и идетъ степью. Намъ попадалось пропасть кроншнеповъ и куропатокъ, которыхъ мы, однако-же, не стрѣляли, потому что Степана Семеныча угораздила нелегкая уложить въ чемоданъ заряды и даже не зарядить ружье. Дружокъ только зубами щелкалъ, глядя съ телѣги на спокойно сидѣвшую у дороги дичь. У Щедринской поросшее камышемъ Попово озеро переполнено дичью, а вправо раскинулся, вплоть до Терека, лѣсъ, до сихъ поръ служащій убѣжищемъ кабанамъ и оленямъ. Вдоль дороги степь поросла сплошнымъ бурьяномъ, и Дружокъ, котораго мы спустили, потому что удерживать его на телѣгѣ не стало никакой возможности, безпрестанно выгонялъ куропатокъ, кроншнеповъ и стрепетовъ, съ свистомъ проносившихся надъ нашими головами. Теперь я совершенно не понимаю, какъ я тогда не распаковалъ чемодана и не досталъ зарядовъ, когда, и въ настоящее время, я еще готовъ ѣхать за 10-ть верстъ за какимъ нибудь однимъ бекасомъ. Видно, дѣйствительно, мы только того и желаемъ, что намъ въ диковинку!

Шелководская, по всѣмъ соображеніямъ, есть именно та станица, гдѣ происходитъ дѣйствіе удивительной повѣсти гр. Л. Толстаго «Казаки». Мѣстность описана съ поразительной вѣрностью, а въ разсказѣ гр. Толстаго «Охота на Кавказѣ» упоминаются именно Шелководская и лежащая за ней Новогладковская станицы. Даже, въ обоихъ разсказахъ, дѣйствуетъ одинъ и тотъ-же дядя Ерошка, съ своей собакой Лямомъ, и поетъ одну и ту-же безсмысленную пѣсню: «Ой, дили, дили-ли—на базарѣ видѣли», и проч. Только, вѣроятно, ради разнообразія, онъ въ «Охотѣ на Кавказѣ» названъ дядей Епишкой.

По дорогѣ множество кургановъ: Пановъ, Касповъ, Два Брата,

Digitized by Google

Медвѣжій и проч., имѣвшіе, вѣроятно, свои боевыя легенды, теперь уже исчезнувшія.

Я разговаривалъ съ ямщикомъ-ногайцемъ:

— Что, вы, должно быть, здѣсь не охотитесь?

— Не охотимся—не съ чѣмъ.

— Да развѣ у васъ нѣтъ ружей?

— Отнято—знамо, ногай! Да намъ и не до охоты. Земли отмежевали намъ совсѣмъ плохія—лучшія всѣ казаки забрали. Прѣсная вода отъ Червленной верстъ 10—15, а къ Терену не пускаютъ. Безъ работы ногайцу прожить невозможно. Сильно обидѣли насъ червленцы. Платимъ имъ за пастьбу: съ лошади 30 к., съ коровы 30 к. и 5 к. съ овцы. Богатые изъ насъ имѣютъ по 200 лошадей, по 200 коровъ и по 2,000 баранты; платятъ за пастьбу рублей 300—400. Подъ пашню беремъ землю—300 саж. длины и 20 ширины—по 3 р. Нашъ народъ, ногай, глупый, простой, а съ голоду околѣвать тоже не хочется. Вотъ, какъ пріѣдетъ царь, всѣ будемъ жаловаться.—Наивному ногайцу, должно быть, не была извѣстна пословица: до Бога высоко, до царя далеко.

Въ *Шелководской* мы переѣхали Терекъ на паромѣ. Дорога пошла мелкимъ лѣсомъ и полянами, перерѣзанными оросительными канавами изъ Терека и Аксая, для поливки марены, которую здѣсь разводятъ въ большомъ количествѣ. Проѣхавши *Ташъ-Кичинскую* станцію, мы, 11-го сентября, вечеромъ, пріѣхали въ *Хасавъ-Юртъ* и остановились ночевать въ «Петербургской гостиницѣ». Впрочемъ, помѣщеніе это было гостиницей лишь по названію: еще кормили туда сюда, а ужъ про остальное не спрашивай — даже кроватей не было.

Вспомнивъ, что въ Хасавъ-Юртѣ жилъ Мамоновъ, я рѣшилъ отыскать его. Почтенный Петръ Аркадьичъ, разумѣется, пользовался общей извѣстностью, и на первый-же мой вопросъ мнѣ сообщили, что онъ, неизвѣстно зачѣмъ, должно быть, единственно, по своей неосѣдной натурѣ, переселился въ Петровскъ, гдѣ и умеръ въ недавнее время. Слухи эти оказались справедливыми: въ Петровскѣ Петръ Аркадьичъ, дѣйствительно, окончилъ свои безпокойные дни.

12-го мы выѣхали въ *Темиръ-Ханъ-Шуру*. Дорога не представляла ничего интереснаго. Вдали были видны Андійскія горы, уже покрытыя снѣгомъ. Переѣхали рѣку *Акташъ*, которая разли-

Digitized by Google

вается на нѣсколько рукавовъ и, не достигнувъ Каспійскаго моря, теряется въ пескахъ. Проѣхали мимо перваго историческаго поселенія казаковъ—*Андреевой деревни* (нынѣшнее Эндери), впереди которой была заложена *Внезапная*, запиравшая выходъ изъ ущелья Акташа и Воровской балки. Переночевавъ въ *Чапчакѣ*, 13-го сентября, мы, чрезъ аулы *Байтугай* и *Чиръ-Юртъ*, запирающій выходъ изъ Дагестана, чрезъ ущелье Сулака — степью, вдоль подножія песчаныхъ горъ, черезъ станцію *Темерги*, доѣхали до аула *Куштаръ-Кале*, лежащаго на рѣчкѣ *Шуръ* (Езенка—по-русски, отъ Езенскаго поста, гдѣ сѣнокосы и гдѣ она уже теряется въ песчаной степи). Куштаръ-Кале уже лежитъ въ Дагестанѣ, начинающемся за Сулакомъ.

Digitized by Google

Глава VI.

Дагестанъ.—Шамхалы Тарковскіе.—Темиръ-Ханъ-Шура.—Поѣздка въ Гимри и Ахульго.—Встрѣча въ Шурѣ съ Хатумиловымъ.—Поѣздка въ Акушу къ Ивану Абрамовичу О*.—Лаваши.—Ходжалъ-Махи.—Коваинскій перевалъ.—Салтинскій мостъ.—Гунибъ.—Верхній Гунибъ.—Панорама.—Аулъ Шамиля.—Туннель и спускъ въ Карадахъ.—Славцовое ущелье.—Карадахъ.—Хунзахъ.—Тлохъ.—Хаджи-Муратъ. — Ботлихъ. — Форельное озеро (Айвелимъ). — Керветскій перевалъ.—Опять Чечня.—Ведено.**

Если читатель дастъ себѣ трудъ взглянуть на карту, онъ тотчасъ увидитъ, что, съ Шелководской, наша линія повернула за Терекъ, къ морю, и рядомъ крѣпостей и постовъ (Внезапная, Чиръ-Юртъ и др.) окружила Дагестанъ со стороны степи; постройка-же Темиръ-Ханъ-Шуры дала намъ возможность стать твердою ногой у самой колыбели мюридизма и, заперевъ его въ недоступныхъ трущобахъ горнаго Дагестана, не давать ему, въ свою очередь, и тамъ ни минуты покоя. Мѣстность этой линіи самая печальная: все желто—влѣво степь, вправо таинственный Дагестанъ, оканчивающійся у плоскости песчаными горами; станціи въ земляпкахъ и окружены, какъ, напримѣръ, Темерги, остатками оборонительныхъ сырцовыхъ стѣнокъ, а сакли въ аулахъ уже изъ камня, плосковерхія, приспособленныя къ оборонѣ, какъ и во всемъ Дагестанѣ. Рѣкъ нѣтъ, а только одни дождевыя цондаки. Только огромныя стаи степныхъ птицъ: дрохвовъ, стрепетовъ, куропатокъ и чибисовъ, слетѣвшихся сюда на зимовку, и оживляютъ унылую картину.

Аулъ *Куштаръ-Кале* стоитъ на горѣ, и въ немъ родится превосходный виноградъ. Отсюда дорога поворачиваетъ вправо, по долинѣ рѣки Шуры; она идетъ крутымъ спускомъ, вдоль нависшихъ надъ нею сѣрыхъ гранитныхъ скалъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ

Digitized by Google

скалы особенно нависля, на правой сторонѣ дороги, въ 1858 году, лезгины перебили 12-ть казаковъ, засѣвшихъ отъ нихъ подъ скалой.

Не доѣзжая верстъ двухъ до Темиръ-Ханъ-Шуры, на высокой горѣ, какъ орлиное гнѣздо, пріютился аулъ *Кафыръ-Кумыкъ*— послѣдняя резиденція послѣднихъ *Шамхаловъ Тарковскихъ*, перенесенная, ради безопасности, сюда изъ Тарковъ (близъ Петровска). На самомъ возвышенномъ мѣстѣ Кафыръ-Кумыка стоитъ, окруженный садами и виноградниками, домъ или, пожалуй, дворецъ Шамхаловъ. Воду въ него носятъ женщины въ кувшинахъ на головахъ,— такъ мало владѣлецъ заботился о своихъ подчиненныхъ, предпочитая всему собственную свою безопасность.

Шамхалы Тарковскіе долѣе всѣхъ кавказскихъ владѣльцевъ сохраняли свою номинальную независимость—и это, единственно, благодаря ихъ полной и безусловной покорности русскому правительству, разумѣется, за совершенной невозможностью сопротивленія. По всѣмъ свѣдѣніямъ, это были вполнѣ маленькіе, совершенно невѣжественные азіатскіе деспоты, лишенные всякой энергіи, ожирѣвшіе и отупѣвшіе въ своей бездѣятельности. Бывшій въ 1830 г. въ Петербургѣ, Шамхалъ не зналъ даже употребленія носоваго платка, воображалъ себя равнымъ государю Николаю Павловичу и называлъ его запросто Николаемъ, что, конечно, очень забавляло покойныхъ императора и императрицу. Поймавъ своего управляющаго въ воровствѣ, онъ объявилъ, что, по возвращеніи домой, велитъ отрубить ему голову; но управляющій распорядился лучше: на обратномъ пути карету Шамхала набили всю перинами и подушками, затворили наглухо окна и велѣли гнать по-курьерски. Толстякъ не доѣхалъ до Новгорода и умеръ отъ апоплексическаго удара въ каретѣ. Правительство, щадя права Шамхаловъ, смѣло могло разсчитывать на ихъ покорность, а Шамхалы, въ свою очередь, не щадили никакихъ усилій для удержанія своихъ подданныхъ въ полномъ повиновеніи. Когда, въ 1843 г., весь Дагестанъ былъ въ полномъ возстаніи, они расправлялись съ своими подчиненными, заподозрѣнными въ сочувствіи къ мюридизму, такимъ манеромъ: заподозрѣнный обыкновенно приглашался на прогулку, и тамъ его нукеры Шамхала преспокойно закалывали измѣннически, по данному сигналу.

Темиръ-Ханъ-Шура прежде была извѣстна своимъ нездоровымъ климатомъ и лихорадками, нынѣ-же, съ осушеніемъ сосѣдняго

Digitized by Google

съ ней болотистаго озера, послѣднія значительно уменьшились. Теперь это городъ.... Но что сказать о немъ, кромѣ того развѣ, что онъ будетъ получше, чѣмъ Хасавъ-Юртъ? Въ немъ есть красный соборъ, въ грузинскомъ стилѣ, гостиный рядъ и двѣ гостиницы: «Петербургъ» и «Гунибъ», только мѣшающія одна другой. Есть также и полуразрушенная каменная крѣпость, съ такъ называемой кавалерской батареей, развалинами дома командующаго войсками и госпиталемъ, куда забрался, по ошибкѣ, съ своими мюридами, Хаджи-Муратъ (см. исторію Хаджи-Мурата).

Темиръ-Ханъ-Шура мнѣ памятна тѣмъ, что изъ нея я сдѣлалъ поѣздку въ Гимры и Ахульго, т. е. въ колыбель мюридизма, лежащую въ самыхъ дикихъ и недоступныхъ мѣстностяхъ горнаго Дагестана. Собирая предварительныя свѣдѣнія объ этой поѣздкѣ, я узналъ слѣдующее: ѣхать туда можно было только верхомъ, и притомъ двумя путями: или прямо черезъ хребетъ, на аулъ *Эрпили*, или чрезъ *Коронайскій спускъ*, раздѣланный еще при осадѣ Ахульго, въ 1839 г. Лучше совѣтывали избрать первый, потому что чрезъ Каранай ѣхать было и дальше и хуже. Въ Гимрахъ мнѣ совѣтывали остановиться у тамошняго наиба, поручика Джемаль-Эддинъ-Шамиля, племянника имама, бывшаго съ нимъ въ Калугѣ и хорошо говорившаго по-русски, причемъ также совѣтывали непремѣнно запастись мелкимъ серебромъ, потому что лезгины еще до сихъ поръ такъ свято соблюдаютъ обычай гостепріимства, что считаютъ за ужасное безчестье взять плату съ своего гостя. Единственный способъ заплатить имъ состоитъ, обыкновенно, въ томъ, что дарятъ дѣтямъ серебряныя монеты, которыя потомъ и отбираются родителями,—способъ, надобно говорить правду, чрезвычайно тонкій и деликатный. Исполнивъ этотъ совѣтъ и нанявъ у туземца, поручика Абдель-Кадера, 8-хъ лошадей, на 3 дня, за 12 рублей, мы съ Степаномъ Семенычемъ и проводникомъ, 13-го сентября, поѣхали въ Гимры, на Эрпили, т. е. прямо черезъ хребетъ.

Поѣздка въ Гимры и Ахульго. Абдель-Кадеръ запоздалъ съ присылкой лошадей, и мы могли выѣхать лишь въ 2 часа пополудни. Такимъ образомъ, намъ предстоялъ ночлегъ въ горахъ, потому что поспѣть въ Гимры засвѣтло было невозможно, а рѣшиться на спускъ ночью, значило—рисковать шеей. Ну, что-жъ! Переночуемъ и въ горахъ—бларо, еще не приходилось.

Digitized by Google

Дорога шла вдоль верховьевъ рѣчки *Шура-Озень* (вышеупомянутая Езенка), по берегамъ которой видны еще и теперь остатки когда-то бывшаго здѣсь темнаго лѣса. Изъ рѣчки отведены безпрерывныя оросительныя и мельничныя канавки, такъ что сама Езенка представляла почти сухое русло.

Ерпели—богатый аулъ, жители котораго отличаются гордымъ и независимымъ видомъ. Видно, что имъ хорошо знакомы какъ свобода, такъ и довольство. Посмотрите, напримѣръ, на эту татарскую матрону, одной рукой подпершуюся въ бокъ, а другую протянувшую по направленію къ рабочимъ, которымъ она отдаетъ какое-то приказаніе: вся ея мощная, стройная фигура гордо откинулась назадъ; кованый поясъ туго перехватилъ стройный станъ и обрисовалъ могучую грудь, а развѣвающаяся по вѣтру длинная красная фата живописно окаймила смуглое, красивое лицо. Какая разница между нею и лезгинками изъ-за горъ. Вотъ ихъ идетъ цѣлый караванъ въ Шуру съ фруктами, въ обмѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты. Лезгинка нагружена тяжелыми мѣшками, какъ и ея крошечный эшакъ, чуть не падающій подъ своей ношей; спина согнута почти подъ прямымъ угломъ; костюмъ изъ жалкой синей бязи; босыя ноги всунуты въ аляповатыя остроносыя туфли съ огромными каблуками, а еще молодое, но уже истощенное непосильными трудами лицо обернуто грязной бѣлой чадрой, которую она надвигаетъ еще больше при встрѣчѣ съ каждымъ мужчиной. Единственное украшеніе составляютъ безобразныя серебряныя серьги, вершка въ 2½ въ діаметрѣ. Между тѣмъ, мужъ ея идетъ почти порожнякомъ и только и знаетъ, что погоняетъ эшака. Онъ воинъ и господинъ, жена-же—полная его рабыня!

Ночь захватила насъ, надо полагать, на высотѣ тысячъ 5-ти футъ, т. е. гораздо раньше перевала, высота котораго 6,702′ надъ поверхностью моря. Закусивъ кой-чѣмъ, захваченнымъ изъ Шуры, мы завернулись въ бурки и, подложивъ сѣдла подъ головы, уснули богатырскимъ сномъ на немягкомъ ложѣ Андійскаго хребта, а стреноженныхъ лошадей пустили на произволъ судьбы—отыскивать кормъ, кое-гдѣ пробивавшійся между камнями. Проснувшись отъ утренняго холода, я увидѣлъ, что мѣстность была покрыта, выпавшимъ за ночь, легкимъ снѣжкомъ, и около насъ не было ни лошадей, ни проводника. Снѣгъ таялъ, и рѣзкій вѣтеръ снизу гналъ туманъ вверхъ и пронизывалъ насъ насквозь. Поло-

Digitized by Google

женіе было не очень веселое! Мы принялись кричать и скоро услышали откликъ проводника, ведшаго лошадей. Какъ ужъ онъ отыскалъ ихъ въ туманѣ—Богъ его вѣдаетъ! Надо было сѣдлать и ѣхать. Туманъ пронесся черезъ гору и опустился внизъ, и когда мы достигли до перевала, на немъ было уже совершенно ясно и солнце свѣтило ослѣпительно. Тутъ мы сдѣлали небольшой привалъ, главнымъ образомъ, за тѣмъ, что мнѣ хотѣлось полюбоваться внезапно открывшейся панорамой; сначала это было, просто, разстилавшееся ниже насъ море тумана, изъ котораго, вдали, на горизонтѣ, поднимались снѣговыя вершины Кази-Кумыка; потомъ начали показываться ближайшіе пики,—очевидно, туманъ опускался; вотъ онъ спускается ниже и ниже—открываются ущелья и сѣрыя скалы, позолоченныя прорѣзывающимися лучами солнца; потомъ туманъ разбивается на отдѣльныя облака, которыя ползутъ по горамъ и исчезаютъ въ ущельяхъ, и, наконецъ, панорама горнаго Дагестана какъ на ладони. Что мнѣ сказать о ней? Подобнаго зрѣлища — не скажу, по красотѣ, но по мрачной оригинальности—я еще нигдѣ не видалъ. Вообразите себѣ море, окаменѣвшее въ моментъ такой бури, которая подняла вершины его валовъ вплоть до неба, а разсѣлины между ними спустила внизъ, въ самый адъ. Еслибъ Данте вадумалъ описывать картину каменнаго ада, онъ нигдѣ бы не нашелъ образчика лучшаго, чѣмъ горный Дагестанъ. Одинъ только камень и камень, насколько хватаетъ глазъ! Нигдѣ ни лѣсочка, ни зелени; даже разсѣянныя по горамъ крошечныя поля имѣютъ видъ желтыхъ песочныхъ заплатъ. Бурныя, пѣнящіяся рѣки, точно бѣлыя нитки, тянутся внизу, на страшной глубинѣ, а аулы кажутся еле видными точками, насаженными по ихъ негостепріимнымъ берегамъ. Вправо, внизу, на Кази-Кумыкскомъ койсу, видны *Гимры*, за которыми далѣе, слѣва, впало *Андійское койсу*, видное сверху до *Ботлиха*, съ ауломъ *Ашильтой*, скалой *Ахульго* и пр.; прямо, точно зубчатая крѣпостная стѣна, встала какая-то гора (чуть-ли не Опей-Кули, 4,852'); внизу, какъ точка, аулъ *Унцукуль*; далѣе, при поворотѣ влѣво, *Араканы* и снѣговой хребетъ *Аракань-Тау*, окаймляющій всю безконечную картину. Оглянитесь назадъ и увидите уже извѣстные вамъ: *Эрпели*, *Коронай*, *Ишкарты*, *Шуру*, *Мусселинъ-аулъ*, *Джинзутай*, песчаную гору *Куштаръ-Кале* и безконечную степь, пропадающую въ туманѣ.

Digitized by Google

Мы начали спускаться въ глубоко лежащее внизу Гимрское ущелье, по которому, какъ бѣлая лента, вилось Кази-Кумыкское койсу. Дорожка шла то по острымъ каменьямъ, то по гладкому плитняку, на которомъ лошадь легко могла поскользнуться и упасть на бокъ, а сѣдокъ переломить ногу. Я предпочелъ идти пѣшкомъ. О крутизнѣ спуска можетъ дать понятіе слѣдующее происшествіе: на встрѣчу намъ попался поднимавшійся снизу транспортъ съ грушами, подобный вышеописанному. Я попросилъ продать мнѣ нѣсколько штукъ и получилъ за 5 к. цѣлый десятокъ. Груши оказались очень жесткими (имъ не даютъ вызрѣвать для перевозки), и я, попробовавъ, бросилъ одну на землю; груша поскакала внизъ и скакала до тѣхъ поръ, пока не скрылась совсѣмъ изъ вида. «Ха, ха, ха.... Гайда! Гимры пошелъ!»—смѣялись лезгины, глядя на это. Наконецъ, мы спустились внизъ и поѣхали ровной дорогой по берегу койсу. Туманъ уже совсѣмъ разсѣялся, и горы, сдавливавшія рѣку, предстали предъ нами во всей ихъ величавой дикости. Невольно вспоминались стихи Лермонтова: «Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана», и проч.—какъ будто, а можетъ быть и дѣйствительно списанные съ Гимрской долины. Не доѣзжая верстъ двухъ до Гимръ, мы увидѣли, на правомъ берегу, небольшую кучу камней, около которой росло нѣсколько орѣховыхъ деревьевъ. —«Здѣсь вотъ Кази-муллу уруби!»—сказалъ проводникъ. Камни обозначали мѣсто башни, изъ которой первый имамъ ринулся на вѣрную смерть. Долина нѣсколько расширилась. Немного далѣе шестъ означалъ мѣсто боя, послѣ котораго Кази-мулла отступилъ въ башню.—«А вотъ здѣсь Кази-мулла урусъ уруби!»—пояснилъ опять проводникъ.

Мы подъѣзжали къ Гимрамъ, описанію которыхъ я посвящу нѣсколько словъ, потому что они представляютъ образцовый типъ лезгинскаго аула, и чтобы затѣмъ болѣе уже не возвращаться къ этому предмету. Относительно обороны, мѣстоположеніе Гимръ выбрано превосходно. Гора, на которой они построены, окружена съ трехъ сторонъ глубокими и чрезвычайно трудно проходимыми оврагами, четвертую-же сторону защищаетъ бурное койсу. Аулъ построенъ въ нѣсколько ярусовъ, изъ которыхъ каждый требуетъ отдѣльнаго штурма. Плосковерхія сакли съ бойницами, вмѣсто оконъ, расположены такъ, что взаимно фланкируютъ другъ дружку, а узкія улицы и переулки до того перепутаны, что въ нихъ почти не-

Digitized by Google

возможно не заплутаться. Тысячу разъ правъ Пассекъ, сказавши, что «штурмовать лезгинскій ауль есть дѣло отчаянное, и самые храбрые невольно робѣютъ при этомъ». Трудно, почти невозможно представить себѣ весь ужасъ подобнаго штурма, въ которомъ каждая сакля-крѣпость оберегается фанатикомъ хозяиномъ, защищающимъ свою семью и очагъ и увѣреннымъ, что при взятіи ничему пощады дано не будетъ. Штурмующій долженъ двигаться по улицамъ, узкимъ, какъ корридоръ, среди саклей, изъ каждаго отверстія которыхъ блеститъ дуло бьющей въ упоръ винтовки, а на плоскихъ крышахъ заготовлены цѣлыя массы камней, готовыхъ ежеминутно рануться на голову врага; если удастся проникнуть въ саклю, то и тамъ ожидаютъ отчаянныя рѣзня и схватка. Если и это покончено, то предстоятъ еще такіе-же штурмы верхнихъ ярусовъ аула. А между тѣмъ, при полной почти невозможности, въ прежнее время, перевезти артиллерію, приходилось штурмовать именно такимъ манеромъ, и Гимры были взяты штурмомъ два раза. Жизнь солдата не цѣнилась тогда ни во что. Картина Горшельдта «Смерть барона Вревскаго, при взятіи аула Китуры» превосходно передаетъ моментъ такого боя, и *я* видѣлъ, какъ одна дама, разсматривавшая ее, закрыла въ ужасѣ лицо руками и проговорила, вздрагивая всѣмъ тѣломъ: «ужасно! ужасно!»

Многіе, прочитавъ вышеприведенное описаніе грушевыхъ транспортовъ, могутъ вывести изъ него заключеніе, что лезгины народъ лѣнивый, но это будетъ совершенно несправедливо: лезгинъ поступаетъ такъ въ силу адата (обычая), да и сами ихъ жены вполнѣ убѣждены, что онѣ созданы исключительно для работы. Когда имъ пробуютъ разсказывать о томъ, какое положеніе занимаетъ женщина въ Европѣ, лезгины насмѣшливо улыбаются и говорятъ: «Что-жъ! Ихъ царство здѣсь, а наше тамъ!» (т. е. на небѣ). Лезгинъ, напротивъ, страшно трудолюбивъ. Достаточно взглянуть на природу горнаго Дагестана, чтобъ убѣдиться въ томъ, что, безъ почти сверхъестественныхъ усилій, въ немъ невозможно существовать. Водопроводные канавы здѣсь зачастую (и притомъ съ какимъ искусствомъ!) проводятся, по горамъ, за цѣлые десятки верстъ! А иногда, розыскавъ какую нибудь, но здѣшнему, плодородную, крошечную площадку на высотѣ, гдѣ летаютъ только орлы, лезгинъ, запасшись киркой и мѣшечкомъ сѣмянъ, лѣзетъ на нее, съ помощью вбиваемыхъ въ скалу кольевъ, вскапываетъ,

Digitized by Google

засѣваетъ и, когда жатва готова, взбирается опять, вымолачиваетъ зерно и спускается внизъ по тѣмъ-же кольямъ съ урожаемъ, часто помѣщающемся въ одномъ, висящемъ у него за поясомъ мѣшечкѣ. Посмотрите, какіе сады въ здѣшнихъ аулахъ и какіе родятся въ нихъ яблоки, груши, персики, виноградъ. Виноградники отдѣланы, какъ на Женевскомъ озерѣ, террасами и земля на нихъ, какъ тамъ-же, натаскана. Сообразите, сколько вѣковъ на все это потребовалось и какихъ трудовъ и усилій все это стоитъ! И когда подумаешь, что всѣ эти результаты сверхчеловѣческой, святой работы безпощадно истреблялись огнемъ и мечемъ, и притомъ знаешь, кто пожалъ плоды этого истребленія, — поневолѣ усумнишься въ пользѣ подобной войны, какой бы государственной необходимостью она ни оправдывалась.

Чеченцы, кабардинцы и всѣ племена, жившія на западной половинѣ Кавказа (т. е. черкесы, собственно) это — полулѣсные, полустепные полукочевники; разорять ихъ аулы—бѣда не велика! земли и лѣса дѣвать некуда — стройся снова, гдѣ хочешь! Въ Дагестанѣ не то: не говоря уже про обработку полей, здѣсь постройка каждой сакли, доставка каждаго бревна, каждой дощечки стоили непосильныхъ трудовъ и издержекъ; отъ того-то лезгинъ, при нападеніи, и запирался въ своей саклѣ и умиралъ подъ ея развалинами, тогда какъ черкесъ и чеченецъ бросали домъ на произволъ судьбы и спѣшили только забиться въ какую нибудь трущобу съ своей скотиной. Отъ того-то изъ черкеса образовался хищникъ и воръ, а изъ лезгина домовитый хозяинъ и воинъ, въ самомъ серьезномъ значеніи этого слова.

Мы пробирались узенькими гимрскими улицами и заботились лишь объ одномъ: какъ бы защитить Дружка отъ нападавшей на него яростной стаи страшныхъ татарскихъ собакъ, тогда какъ онъ, вооружившись, по обыкновенію, какой-то щепкой и поставивъ хвостъ закорючкой, должно быть, и не подозрѣвалъ, что, при малѣйшей нашей оплошности, могъ быть разорванъ въ клочки. Наконецъ, мы подъѣхали къ дому племянника послѣдняго наиба, поручика Джемаль-Эддина Шамиля. Хозяина не было дома, онъ былъ въ саду, на работѣ. Мы взошли на открытую террасу и были встрѣчены двумя женщинами—кажется, матерью и женой Джемаль-Эддина; обѣ онѣ были очень согнуты, старообразны, съ больными, вѣроятно, отъ кизячнаго дыма и каменной пыли, глазами; обѣ

Digitized by Google

были очень бѣдно одѣты и, вообще, ничѣмъ не отличались отъ самыхъ простыхъ лезгинокъ. Прикрывшись чадрами, онѣ застѣнчиво пригласили насъ, въ ожиданіи хозяина, присѣсть на деревянный, покрытый циновкой диванъ. Поблагодаривъ ихъ чрезъ проводника, я сѣлъ, облокотился и, въ тоже мгновеніе, уснулъ, какъ убитый. Не знаю, долго ли я проспалъ, но только когда открылъ глаза, то увидѣлъ, что передо мной стоялъ накрытый столъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ и стояли тарелки съ виноградомъ и фруктами, а самъ хозяинъ, въ мундирѣ, эполетахъ и съ анненскимъ крестомъ на груди, сидѣлъ напротивъ и ждалъ почтительно моего пробужденія. Быстро вставъ на ноги, я поспѣшилъ извиниться за невѣжливость, отрекомендоваться и объяснить цѣль моей поѣздки.—«Ничего, ничего!—отвѣчалъ на это совершенно правильнымъ русскимъ языкомъ Джемаль-Эддинъ (я говорилъ выше, что онъ жилъ, съ своимъ знаменитымъ дядей, въ Калугѣ и научился тамъ хорошо говорить по-русски). Дороги здѣсь трудныя. Отдохните. Что-же угодно вамъ осмотрѣть въ Гимрахъ?»—Я объяснилъ.—«Хорошо, пойдемте, я все покажу вамъ, а пока ходимъ —наймутъ и проводника въ Ахульго, да и лошади отдохнутъ тоже». Мы пошли. Въ саклях Кази-муллы и Шамиля не было ничего замѣчательнаго: это были, просто, комнатки, въ родѣ келій, на дагестанскій ладъ. Мечеть была тоже очень бѣдна и имѣла видъ небольшаго сарая; полъ въ ней, вмѣсто циновокъ, былъ устланъ свѣжей травой. Меня очень заинтересовалъ садъ Джемаль-Эддина, въ которомъ деревья орошались водой, проведенной по лункамъ; онъ содержался въ чрезвычайномъ порядкѣ и составлялъ главную доходную статью хозяина. Часа черезъ 1½ мы вернулись; Джемаль-Эддинъ, перемѣнивъ мундиръ на поношеную чуху, тотчасъ-же ушелъ на работу, а мы, въ сопровожденіи нанятаго за 1 р. въ проводники веселаго и болтливаго малаго, Гамзата, говорившаго кое-какъ по-русски, поѣхали въ Ахульго. При самомъ выѣздѣ изъ Гимръ, дорога пошла такою адскою тропинкой, что передъ нею самый гимрскій спускъ могъ назваться отличнымъ шоссе: она вся состояла изъ какихъ-то каменныхъ острыхъ ступенекъ, по которымъ безпрестанно приходилось то прыгать внизъ, то подниматься наверхъ. Оставаться на лошади и думать было нечего, гораздо пріятнѣе было идти пѣшкомъ. Версты черезъ двѣ, вверху, на горѣ, обозначилась линія *Коронайскаго спуска*, спускавшаяся

Digitized by Google

внизъ къ мосту, перекинутому чрезъ Кази-Кумыкское койсу; мостъ защищался, теперь уже почти развалившимся, каменнымъ укрѣпленіемъ. Надобно замѣтить, что содержаніе дорогъ и мостовъ въ самомъ наисквернѣйшемъ положеніи входило въ планъ оборонительной войны горцевъ, и, сказать правду, они въ этомъ достигли высокаго совершенства: тропинки ихъ почти непроходимы, а мосты таковы, что, того и гляди, полетишь внизъ, если подверженъ головокруженію. Иногда даже бывало такъ: тропинка, напр., пересѣкалась отвѣсной скалой. Что было тутъ дѣлать? Не взрывать-же скалу порохомъ и не выдалбливать галлереи? И горцы распоряжались превосходно, по своему: въ скалу вбивались горизонтально колья, на нихъ накладывался хворостъ, а на хворостъ насыпалась земля и щебень; въ результатѣ получался мостъ, висѣвшій на воздухѣ. Въ случаѣ появленія непріятеля, колья выдергивались—и тогда конецъ всякому сообщенію!

Мостъ, къ которому мы подходили, для того, чтобы переправиться въ ущелье Андійскаго койсу, и дорога, которою мы шли, давали полное понятіе о томъ, что такое былъ горный Дагестанъ въ прежнее время. Вообразите себѣ два 20-ти-саженныя бревна, перекинутыя, на разстояніи какой нибудь сажени другъ отъ дружки, чрезъ глубоко внизу бушующую рѣку — безъ перилъ, съ ничѣмъ неприкрѣпленной настилкой! Когда мы пустили впередъ лошадей, и бревна начали раскачиваться и настилка запрыгала—у меня, отъ одного этого зрѣлища, уже заранѣе закружилась голова, такъ что я рѣшился на переходъ только послѣ долгаго колебанья, и то лишь держась за Гамзата и полузажмуривъ глаза. Надобно сказать, что я сильно подверженъ головокруженію и, вслѣдствіе этого, могъ вздохнуть свободно только тогда, когда очутился уже на другомъ берегу. Конечно, надо полагать, во время осады Ахульго мостъ былъ не таковъ, какъ въ настоящее время, потому что черезъ него переправлялись войска и артиллерія; по всей вѣроятности, онъ, по удаленіи русскихъ, былъ приведенъ горцами въ настоящее достодолжное положеніе (если только не былъ совсѣмъ уничтоженъ), предмостное-же укрѣпленіе оставлено, потому что, въ случаѣ нужды, могло служить противъ насъ-же. За этой воздушной постройкой слѣдовалъ другой мостъ—черезъ маленькую рѣчку, впадающую въ койсу: этотъ уже былъ сложенъ, безъ всякой, разумѣется, связи, изъ плитъ. Какъ онъ былъ сложенъ и какъ дер-

Digitized by Google

жался — это тайна лезгинскаго инженера, но что онъ былъ сложенъ крѣпко—доказывало то обстоятельство, что вода чрезъ него лилась водопадомъ, а онъ, все-таки, держался исправно.

— «Пойдемъ, баринъ, койсу глядѣть»,—сказалъ Гамзатъ, и мы пошли чрезъ груды камней направо. — «Гляди!»—сказалъ онъ, наклонясь надъ такимъ обрывомъ, что я, невольно, отшатнулся назадъ: внизу, на страшной глубинѣ, бурлила рѣка, въ которой вода, гдѣ только не пѣнилась, была чернильнаго цвѣта.—«Здѣсь —сказалъ проводникъ—вода совсѣмъ черный и рыба тоже въ ней черный».—Но какая рыба, этого онъ объяснить не умѣлъ.—«Теперь, —продолжалъ онъ,—теперь, слушай, баринъ! Теперь моя будетъ пушка палилъ!» — И съ этими словами Гамзатъ спихнулъ внизъ большой камень. Прошло около минуты, во время которой слышалось звучное щелканье о скалы, и затѣмъ раздался будто глухой, отдаленный пушечный выстрѣлъ, и громкое эхо, погудѣвъ сначала, перекатилось и медленно съ трескомъ исчезло въ горахъ.—«Якши!» —сказалъ Гамзатъ, смѣясь во весь ротъ и показывая, какъ жемчугъ, бѣлые зубы. Послѣдовало еще нѣсколько такихъ-же выстрѣловъ. —Ну, а теперь Ахульго гайда-пошелъ!—и мы опять вернулись на тропинку и двинулись въ путь.

Если я назвалъ гимрскій спускъ каменнымъ адомъ, то ущелье Андійскаго койсу можетъ быть вполнѣ названо каменнымъ тартарары. По-истинѣ, страшное мѣсто! Ни аула! Ни жилья! Ни стада! Ни травки! Камень, одинъ дикій гранитный камень — и ничего больше! Только глубоко внизу шумитъ Андійское койсу, да изрѣдка со свистомъ вспорхнетъ стайка горныхъ куропатокъ, за которыми стремглавъ бросится разгорячившійся Дружокъ и, того и гляди, слетитъ въ пропасть. Наконецъ, стало повеселѣе немножко, и вдали показалась отдѣльная гора *Ахульго*, напоминающая Гунибъ въ маленькомъ видѣ; внизу ея виднѣлся аулъ *Ашильта*, а далѣе, на койсу, аулъ *Чиркаты*; ближе къ намъ была зеленовато-сѣрая лужайка, съ разореннымъ кутаномъ (загономъ для овецъ), —ее то мы и выбрали для ночлега. Едва мы успѣли разсѣдлать лошадей и пустить ихъ на кормъ—въ ущельи совершенно стемнѣло и наступила полная ночь, къ счастію тихая и ясная, хоть и очень холодная. Гамзатъ притащилъ изъ кутана нѣсколько плахъ, изрубилъ ихъ кинжаломъ, сходилъ за водой, и скоро благодѣтельный чай закипѣлъ. Завернувшись въ бурки, мы сидѣли около

Digitized by Google

огонька, кругомъ тѣснились дикія гранитныя скалы, а надъ головами разостлалось темносинее небо, усѣянное звѣздами, горѣвшими, какъ брилліанты. Была мертвая тишина, нарушаемая только рѣдкимъ фырканьемъ кормившихся лошадей, шипѣньемъ чайника, шумомъ койсу, раздававшимся гдѣ-то глубоко внизу, да болтовней Гамзата.

— У!— говорилъ онъ: урусъ-джигитъ! Молодецъ! Все уруби! Пушка палилъ! Ура кричалъ. Лезгинъ изъ Ахульго въ рѣку пропалъ! Шамиль въ койсу и Чиркаты гайда-пошелъ! Джемаль-Эддинъ (нашъ хозяинъ) былъ тогда баранчукъ (ребенокъ), и его отецъ въ Ахульго уруби! Урусъ молодецъ! Ура! Ура! Все уруби!

— Да только себѣ-то ничего не наруби!—замѣтилъ на это довольно угрюмо Степанъ Семенычъ. — Да постой-ка, постой ты, уруби!—продолжалъ онъ уже веселымъ тономъ, никакъ чевяки-то у тебя безъ подошвы?

Гамзатъ сидѣлъ, поджавши ноги, что и выдало неисправность его туалета.

— Подошва?—отвѣчалъ онъ—нѣтъ подошва! Не надо подошва! Моя и безъ подошва бѣжитъ шибче лошадь!

— Ну, молодецъ!

— Да, здѣсь что человѣкъ, что камень—все одно. Нашихъ 25 человѣкъ за бунтъ въ Саратовъ сослалъ. Лезгинъ нашъ ходилъ туда, много хвалилъ: не тамъ, говоритъ, Сибирь, а здѣсь.

Поболтавъ еще немного, мы улеглись. Гамзатъ спалъ однимъ глазомъ и безпрестанно вскакивалъ и глядѣлъ лошадей — и только, когда онѣ наѣлись и улеглись, улегся и онъ. Я долго не могъ уснуть: свѣжесть воздуха, шумъ койсу и, вообще, вся эта торжественная тишина и обстановка возбудительно дѣйствовали на нервы. — «Ночь тиха, — чудилось мнѣ. — Пустыня внемлетъ Богу, и звѣзда съ звѣздою говоритъ». Наконецъ, и я крѣпко уснулъ, но холодъ, какъ и въ прошедшую ночь на перевалѣ, разбудилъ меня еще задолго до разсвѣта. Почти прямо надъ головой, переливаясь разноцвѣтными огнями, блестѣлъ Сиріусъ.—«Ну,—подумалъ я,—взошелъ Сиріусъ, скоро Венера покажется, а за ней и заря». —Не тутъ-то было. Соскучившись зябнуть подъ буркой, я разбудилъ моихъ спутниковъ, и, разведя огонь, мы стали снова согрѣваться китайскимъ напиткомъ. Наконецъ, когда заалѣли верхушки скалъ, мы поспѣшно собрались и отправились въ Ахульго. Мы взобрались

Digitized by Google

наверхъ тѣмъ самымъ южнымъ склономъ, по которому были двинуты на штурмъ первые два батальона, обращенные пущенными сверху камнями въ битки, по выраженію Мамонова,—и только послѣ этого горькаго опыта рѣшено было приступить къ правильной осадѣ грознаго аула. Намъ и теперь пришлось карабкаться по камнямъ, наваленнымъ въ самомъ хаотическомъ безпорядкѣ. Вотъ, наконецъ, и почти уже совершенно исчезнувшее прежнее Ахульго! Вотъ и вершина, на которой засѣли 10-ть мюридовъ, сильно намъ вредившіе, пока ихъ всѣхъ не перебили! Вотъ и отвѣсная скала, съ которой Шамиль, съ оставшимися мюридами, спустился, на канатахъ, къ койсу, прорвался чрезъ нашу цѣпь и бѣжалъ въ Чиркаты! Вотъ оно — теперь пустынное, а въ то время залитое кровью и заваленное трупами мѣсто! Какая энергія и какая геройская защита! Больше смотрѣть было нечего, и мы вернулись въ Гимры той-же дорогой.

Джемаль-Эддинъ былъ въ саду на работѣ, и я просилъ его не безпокоить. Женщины безъ него показали намъ внутреннія комнаты, по стѣнамъ которыхъ были развѣшаны нарядныя шелковыя платья и шубы; на полкахъ стояла мѣдная и фаянсовая посуда, тазы и умывальники, а вдоль стѣнъ, на полу, покрытомъ циновками, лежали перины и подушки; были даже зеркало и керосиновая лампа. Поблагодаривъ, чрезъ Гамзата, хозяекъ и одѣливъ дѣтей *бѣлыми* деньгами, мы покинули Гимры. По скаламъ поднимались женщины съ эшаками за травой, которую здѣсь жнутъ серпами, по невозможности косить. Эшакъ успѣваетъ подняться и спуститься только разъ въ день.—«Это нашъ арба»,—говорилъ, смѣясь, Гамзатъ, вызвавшійся еще за рубль сопутствовать намъ до самаго перевала. Въ 7 часовъ вечера, того-же 16-го сентября, мы пріѣхали въ Шуру, пробывъ, такимъ образомъ, съ выѣзда изъ Агульго, въ пути 14-ти часовъ, изъ которыхъ половину пришлось карабкаться по едва проходимымъ тропинкамъ. Не грѣхъ было и отдохнуть. Но отдыхать было некогда. На другой-же день, рано утромъ, я пошелъ нанимать тарантасъ, чтобъ отправиться на Гунибъ, на который можно было ѣхать въ экипажѣ, по такъ называемой Іолъ-Падишахъ, т. е. царской дорогѣ, разработанной для проѣзда покойнаго государя. Отыскивая тарантасъ, я, къ великой моей радости, встрѣтилъ Хатумилова, нукера Ивана Абрамовича Ѳерапонтова, съ которымъ я дѣлилъ невзгоды моего перваго путешествія по Кавказу, отъ Став-

Digitized by Google

рополя вплоть до Кизляра. Онъ мнѣ тоже очень обрадовался и обѣщалъ на другой день выѣхать въ *Лаваши*, для сопровожденія меня въ *Акушу*, гдѣ Иванъ Абрамовичъ былъ въ то время наибомъ. Я, конечно, не преминулъ воспользоваться этимъ случаемъ и, пріѣхавъ въ *Лаваши*, 18-го числа, нашелъ уже тамъ нукера милиціонера Хаджіева, съ высланной за мною собственной лошадью Ивана Абрамовича.

Дорога изъ *Шуры до Лавашей*, чрезъ аулъ *Большой Джингутай*, въ которомъ Хаджи-Муратъ захватилъ ханшу Нохъ-Бике, не представляетъ ничего интереснаго: приходится, на 10-й верстѣ, переѣзжать чрезъ небольшой перевалъ, съ котораго видно море, кругомъ-же пустынная страна и безплодныя красныя горы.

На другой день мы съ Хаджіевымъ поѣхали въ Акушу. Милиціонеры получаютъ въ Дагестанѣ 15 р. въ мѣсяцъ и должны имѣть все свое—и оружіе, и лошадь, и одежду. При бѣдности горцевъ, желающихъ поступить на службу пропасть, но принимаютъ только по выбору, и, дѣйствительно, нельзя довольно нахвалиться услужливостью, вниманіемъ и, вообще, порядочностью милиціонеровъ. Всѣ мои проводники по Дагестану были исполнены такого чувства собственнаго достоинства и такой порядочности, что у нихъ многому пришлось бы поучиться людямъ, принадлежащимъ къ такъ называемымъ образованнымъ классамъ. Лезгинъ никогда не забудется, но и не допуститъ съ собой ни малѣйшей фамиліарности. Онъ вамъ прислуживаетъ, но не какъ слуга, а какъ свободный человѣкъ, обязанный дѣлать это по службѣ. Словомъ сказать, всѣ дагестанскіе проводники производили на меня впечатлѣніе истинныхъ джентльменовъ.

Мѣстность отъ Лавашей до Акуши самая печальная. Просо и кукурузу здѣсь выбираютъ до корня, потому что солома здѣсь драгоцѣнность, служащая подспорьемъ кизяку, безъ котораго здѣсь невозможно прожить. Кизякомъ (или, вѣрнѣе, просто, чистымъ коровьимъ испражненіемъ) здѣсь облѣпляютъ стѣны саклей и заборовъ, а по высушкѣ—его складываютъ на крышахъ, въ видѣ лепешекъ. На кизякѣ готовятъ кушанье, и у его-же огонька лезгинъ грѣется и проводитъ въ бездѣйствіи цѣлые зимніе дни и вечера, да и дѣлать-то, сказать по правдѣ, въ это время, здѣсь рѣшительно нечего. По дорогѣ только и слѣдуетъ замѣтить, что равнину, на которой, въ прежнее время, происходили народныя собранія, да и равнина эта, какъ равнина—и ничего больше.

Digitized by Google

Я не стану описывать моей встрѣчи въ добрымъ и уважаемымъ Иваномъ Абрамовичемъ, скажу только, что радушіе, съ которымъ онъ меня принялъ, выдѣляется даже изъ общаго радушія, которое я постоянно встрѣчалъ на Кавказѣ. Я провелъ съ нимъ сутки, какъ съ самымъ близкимъ роднымъ. Мы говорили про нравы горцевъ, которые, несмотря на многія хорошія качества, отличаются еще зачастую самой крайней дикостью,—и пустить въ ходъ кинжалъ или винтовку для лезгина и теперь ничего еще почти не значитъ; напримѣръ, въ Акушѣ, не задолго до моего пріѣзда, одинъ другому, изъ-за совершенныхъ пустяковъ, всадилъ въ бокъ пулю, а тотъ отрубилъ ему ручную кисть; когда вылѣчатся—помирятся, какъ ни въ чемъ не бывало. За не преднамѣренное убійство здѣсь не ссылаютъ, а судятъ по адату, т. е. по обычаю. Въ мелкихъ дѣлахъ довольствуются одной присягой. Разводъ мужей съ женами очень легокъ: только скажи, что, съ этого времени, ты мнѣ сестра, а не жена—и конецъ дѣлу.

— У насъ такой адатъ,—говорилъ Хаджіевъ: захотѣлъ прогнать жену—ну, и прогналъ, да взялъ другую.

— А дѣти?

— Дѣти остаются отцу.

— А дается награда какая нибудь прогнанной?

— Да, коли прежде было условіе,—а то ничего нѣтъ.

При Шамилѣ, отсылаемой женѣ платили *уходныхъ* всего 10 коп. Въ Акушѣ былъ такой случай: мужъ встрѣтилъ бывшую свою жену въ полѣ и уговорилъ ее на возобновленіе прежнихъ супружескихъ отношеній, увѣривъ, что ихъ разводъ недѣйствителенъ. Жена согласилась, но потомъ подала жалобу, требуя возобновленія сожительства. Ей отказали, да хорошо еще, что кончилось однимъ отказомъ: въ прежнее время, ее, какъ прелюбодѣйку, побили бы каменьями. Все это, какъ видите, совсѣмъ по-азіатски.

Акуша расположена на горѣ и имѣетъ общій видъ лезгинскихъ ауловъ. Иванъ Абрамовичъ хотѣлъ было угостить меня тоемъ (той—народный праздникъ), но въ Акушѣ это не принято. Я очень сожалѣлъ, что не могъ видѣть акушинскаго старожила, 100-лѣтняго старца, кадія, подполковника Нуръ-Багонеза, помнившаго еще ермоловское разоренье, который былъ, въ это время, боленъ и не принималъ никого. На прощаньи, Иванъ Абрамовичъ снабдилъ меня рекомендательными письмами къ начальникамъ

Digitized by Google

Гуниба, Кородаха и Хунзаха, съ просьбою давать мнѣ лошадей за указные прогоны, что̀ было величайшимъ одолженіемъ, потому что избавляло отъ наемки лошадей и проводниковъ.

На другой день мы съ Хатумиловымъ отправились обратно въ Лаваши, гдѣ меня дожидался съ тарантасомъ Степанъ Семенычъ. На прощаньи, я подарилъ Хатумилову и Хаджіеву по 3 р., но самолюбивые лезгины не захотѣли остаться въ долгу, и первый отдарилъ меня кинжаломъ, а второй отдѣланной въ серебро жирницей, которые я храню и по настоящее время. Не правда ли, какъ это не похоже на наше: «что-же на водку?» 21-го сентября мы выѣхали изъ Лавашей, и тутъ произошелъ слѣдующій случай: при отъѣздѣ, какъ водится, я далъ прислугѣ на чай; прислуживали двое: грузинъ и русскій солдатикъ; я далъ первому, подразумѣвая, конечно, тутъ и солдата, о чемъ и сказалъ даже, и затѣмъ уже не обратилъ вниманія на жалостные взгляды, которыми провожалъ меня этотъ послѣдній. Когда мы были уже довольно далеко, Степанъ Семенычъ сказалъ:

— А что-же солдатику вы ничего не дали?

— Я далъ обоимъ и велѣлъ раздѣлить.

— Эхъ, ничего-то онъ не дастъ ему, бѣднягѣ, мошенникъ! А вѣдь бѣднота-то какая—табачку купить не на что.

— Такъ крикни!—Степанъ Семенычъ крикнулъ, и солдатикъ подлетѣлъ, какъ изъ лука стрѣла. И Боже ты мой! Съ какой теплой благодарностью онъ принялъ тѣ нѣсколько монетъ, которыя я ему далъ. Вспомнилъ я тутъ Хаджіева и Хатумилова и невольно подумалъ: «бѣдный ты, въ прямомъ смыслѣ — бѣдный русскій солдатикъ!»

Путь нашъ шелъ безотрадной и дикой мѣстностью, чрезъ недоступное прежде ущелье, въ *Ходжалъ-Махи*, лежащія уже на Кази-Кумыкскомъ койсу, на которомъ находятся также всѣ знаменитыя въ прежнее время мѣста: Гимры, Унцукуль, Гергебиль и др.

Ходжалъ-Махи замѣчательны также, какъ Гимры и Гергебиль, своими прекрасными садами, а, между тѣмъ, здѣшній грунтъ—чистый мѣлъ, и вся земля на террасы натаскана. Вода проведена въ сады и мельницы и, стекая обратно, по окончаніи своей работы, въ койсу, шумитъ, какъ маленькіе водопады. Проѣхавъ по мосту чрезъ скрывшуюся въ трещинѣ рѣку, мы опять потянулись въ гору каменной пустыней вплоть до *Купы* или *Коппы-аула*.

Digitized by Google

Купà—вотъ истинный типъ дагестанскаго аула! Между двумя горами, на которыхъ нагромождены одна сверхъ другой крѣпости-сакли, лежитъ узкая трещина, служащая и ручьемъ и дорогой, въ одно и тоже время. Шамиль, выбирая Гунибъ, отлично зналъ свое дѣло: дорога, ведущая къ единственно доступной восточной сторонѣ его послѣдняго убѣжища, чрезъ Ходжалъ-Махи, Купы-аулъ и Салтинскую трещину, въ которой Кара-койсу шумитъ на 37-саженной глубинѣ, была, въ полномъ смыслѣ, непроходима; теперь она разработана и служитъ главнымъ путемъ на Гунибъ. Отъ Купы до Коппинскаго перевала дорога шла вверхъ отлогимъ ущельемъ. Сначала были сады, а потомъ появились и пастбища.

Коппинскій перевалъ (абсолютная высота 4,552') разработанъ, какъ говоритъ надпись на стоящемъ наверху обелискѣ, при князѣ Барятинскомъ, въ 1861 году, войсками, подъ руководствомъ инженеръ-капитана Винча. Когда спустишься немного съ его вершины, открывается видъ на Гунибъ, который я увидалъ совершенно такимъ, какимъ нарисовалъ его Айвазовскій. Прямо внизу видны сады аула *Харти-Кули*; вправо, противъ впаденія Кара въ Кази-Кумыкское койсу—Гергебиль, а влѣво—красный *Салтинскій мостъ*. Все заперто—и впереди, и справа, и слѣва. Въ духанѣ, у моста, мы встрѣтили купца Грязнова, молодаго человѣка, ѣхавшаго на Гунибъ по торговымъ дѣламъ. Онъ ѣхалъ верхомъ, даже безъ револьвера, съ одной нагайкой.—«Да, ей Богу-же, здѣсь безопаснѣй, чѣмъ у насъ въ Рассеи!»—повторяетъ, ужъ не помню въ который разъ, въ совершенномъ недоумѣніи Степанъ Семенычъ.

Салтинскій (георгіевскій) *мостъ*—одна изъ рѣдкостей Дагестана—перекинутъ чрезъ Кара-койсу, которое бушуетъ внизу, въ совершенно отвѣсной трещинѣ, на 37-саж. глубинѣ. Длина его 19 саж. Въ настилкѣ прорѣзано отверстіе, чрезъ которое достаютъ воду на веревкѣ. Мостъ утвержденъ на желѣзныхъ аркахъ, перекинутыхъ съ одного берега на другой, и прикрытъ галлереей. Арки и всѣ остальныя желѣзныя части дѣланы въ Англіи, и постройка его стоила 24 тыс. руб. Онъ окрашенъ въ красную краску, отчего называется также и краснымъ мостомъ. Надпись говоритъ, что онъ построенъ въ 1860—65 гг., при вел. кн. Михаилѣ Николаевичѣ, шт.-капитан. Бетухинскимъ, по проекту поручика Поправскаго. Прямо черезъ мостъ, скрываясь между скалами, идетъ царская дорога (Іолъ-Падишахъ) на Кородахъ, а на Гунибъ поворачиваетъ влѣво

Digitized by Google

прекрасное шоссе. Влѣво-же видны *Кегерскія высоты* (называемыя такъ отъ аула Кегеръ), гдѣ, въ 1859 г., былъ станъ князя Барятинскаго. Далѣе видѣнъ аулъ *Хиндахъ* и хутора. Только удивительной умѣренностью горцевъ въ пищѣ и объясняется возможность существованія такого, сравнительно, большаго числа жителей въ здѣшней странѣ. Немного чурека или кусокъ хинкала (тѣсто, опущенное въ кипятокъ) составляетъ всю ежедневную пищу горца. Чтобы показать, что значитъ, въ этомъ каменномъ царствѣ, земля, удобная для обработки—скажемъ только, что цѣна удобной и орошаемой земли здѣсь доходитъ до 1,500 р. за десятину. Я уже говорилъ, что здѣшнее орошеніе устроивалось вѣками, и оросительныя канавы проведены по горамъ иногда за десятки верстъ. Истинно многому можно поучиться у здѣшнихъ горцевъ. Чтобъ не забыть, скажу, кстати, что здѣшняя хлѣбная мѣра—саба—равняется нашимъ 1½ пудамъ. Мы ѣхали по шоссе, правымъ берегомъ дикаго Кара-койсу и, переѣхавъ чрезъ него по мосту, въ родѣ ходжалъ-махинскаго, начали подниматься вверхъ на Гунибъ.

Гунибъ, какъ извѣстно, составляетъ совершенно отдѣльную гору, верхняя площадь которой равняется 100 кв. верстамъ. На этой площадкѣ стоялъ аулъ, были пашни, сѣнокосы, лѣсъ и рѣка съ превосходной водой, достаточной для устройства мельницъ; кромѣ того, площадь эта доступна только съ одной, восточной стороны (и какъ доступна — совершенно по-дагестански), съ другихъ-же вездѣ кончается совершенно отвѣснымъ поясомъ саженъ въ 100 вышины. Ее-то Шамиль и выбралъ заранѣе своимъ послѣднимъ убѣжищемъ. Укрѣпивъ доступный восточный склонъ оборонительными стѣнками и защитивъ его орудіями и тремя стами обрекшихъ себя на смерть мюридовъ, онъ могъ считать себя въ безопасности, потому что штурмъ восточнаго склона долженъ былъ обойтись намъ дороже, чѣмъ штурмъ Ахульго, и почти навѣрное потребовалъ бы также правильной осады. Въ настоящее время, Гунибъ раздѣляется на Верхній и Нижній; о первомъ я только что говорилъ, а на второмъ находится крѣпость, русское посѣленіе и все управленіе Гунибскаго округа.

Стемнѣло, когда мы подъѣхали къ солдатской слободкѣ, стоящей на мѣстѣ бывшаго нижняго аула. При основаніи этого поселенія, имѣлось въ виду сближеніе русскихъ съ горцами, просвѣщеніе послѣднихъ и т. д., и т. д. Къ сожалѣнію, только ничего изъ

Digitized by Google

этого рѣшительно не вышло. Солдаты приписываются въ слободку, получаютъ провіантъ и напимаются, въ свободное время, къ горцамъ-же на работы, а по выходѣ въ безсрочные почти всѣ уходятъ домой. Да и гдѣ уроженцу нашихъ равнинъ жить, говоря безъ всякаго преувеличенія, въ этихъ страшныхъ мѣстахъ? Здѣсь только и можетъ жить одинъ здѣшній уроженецъ—«что человѣкъ, что камень», по выраженію нашего гимрскаго проводника Гамзата.—«Вотъ подлецы-то!—ворчалъ Степанъ Семенычъ, съ досадой глядя на слободку.—Выбрали въ жительство что ни на есть, въ цѣломъ свѣтѣ, самое паскудное мѣсто!»

Съ Гуниба въ слободку проведены канавы, дающія возможность рости на голомъ камнѣ отличнымъ фруктовымъ деревьямъ и образующія водоемы изъ превосходной гунибской воды. Впрочемъ, почти все это сдѣлано еще во время существованія аула. Климатъ и вода Гуниба считаются самыми здоровыми на всемъ Кавказѣ.

Вечерняя заря была пробита, когда мы подъѣхали къ крѣпостнымъ воротамъ, уже запертымъ въ это время, по военному положенію, и насъ пустили послѣ соблюденія очень долгихъ формальностей. Я имѣлъ, какъ уже говорилъ, письмо отъ Ивана Абрамовича къ начальнику Гуниба, Іосифу Ивановичу Войнаранскому. Сначала, такъ какъ было уже поздно, я колебался воспользоваться этой рекомендаціей и заѣхалъ въ духанъ, въ ожиданіи, пока ямщикъ пріищетъ квартиру, но оставаться въ духанѣ не было никакой возможности, и я рѣшился прибѣгнуть къ письму, послалъ его по адресу и черезъ ½ часа получилъ любезный отвѣтъ, что полковникъ проситъ къ себѣ. Опять заколыхался нашъ тарантасъ и поползъ вверхъ по улицамъ Гуниба, который, при лунномъ свѣтѣ и огняхъ, горѣвшихъ въ лавченкахъ, казался очень красивенькимъ мѣстечкомъ. Меня приняли съ радушіемъ, общимъ на Кавказѣ, о которомъ, съ удовольствіемъ и благодарностью, я буду вспоминать всегда. У Іосифа Ивановича сидѣлъ поручикъ Керимъ-Бекъ, мусульманинъ изъ Шуши, хорошо знавшій кавказскія нарѣчія и служившій ради того переводчикомъ. Это былъ очень приличный, сдержанный и щеголеватый господинъ, отличавшійся, подобно большинству кавказскихъ горцевъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ тактомъ. Другимъ гостемъ былъ почтенный старикъ, старшина Кази-Кумыка, привезшій подати (1 р. съ дыма). Чалма его была обвита кисеей, въ знакъ того, что онъ былъ въ Меккѣ,

Digitized by Google

отчего Іосифъ Ивановичъ и называлъ его не иначе, какъ «почтенный хаджи». За ужиномъ хозяинъ разсказывалъ про только что проѣхавшихъ предо мной двухъ англичанъ-путешественниковъ, мистеровъ Грегема и Кемпбеля, и удивлялся ихъ энергіи и неутомимости. Мистеру Грегему было далеко за 60. Такъ какъ путешественники говорили только по-англійски, а хозяинъ совсѣмъ не зналъ этого языка, то между ними и происходилъ оригинальнѣйшій разговоръ: съ одной стороны, были пущены въ ходъ всѣ извѣстныя русскія, а съ другой—всѣ англійскія слова, причемъ, напримѣръ, водка превращалась въ Шамиль-виски и проч. Іосифъ Ивановичъ очень забавно разсказывалъ про это.—«А, все-таки,—добавилъ онъ,—надо имъ отдать справедливость, англичане молодцы путешествовать». Не задолго до меня, проѣхалъ также нашъ извѣстный пейзажистъ кн. Мещерскій. Поужинавъ жареными туромъ, я, послѣ всѣхъ моихъ странствованій, съ наслажденіемъ уснулъ въ чистой постели.

Рано утромъ, намъ уже были готовы лошади для поѣздки на *Верхній Гунибъ*. Провожать насъ назначенъ былъ милиціонеръ, совершенный красавецъ Омаръ. Дорога сначала шла прекраснымъ шоссе, по которому мы пріѣхали, вдоль отвѣсной скалы, то переходя по каменнымъ мостамъ, то скрываясь въ галлереяхъ, продѣланныхъ ломомъ и порохомъ. У крѣпостныхъ воротъ шоссе кончилось, и началась горная дорога вверхъ, вдоль оросительной канавы, проведенной съ Верхняго Гуниба въ аулъ *Хуточи* (болѣе 10 вер.). Здѣсь-то стояли орудія Кази-Магомы, при взятіи Гуниба. Влѣво былъ *доступный* восточный склонъ—доступный! Это была покатость, почти въ 45°, вся заваленная каменьями и укрѣпленная оборонительными стѣнками, которыхъ остатки еще видны и по настоящее время.

Мы, наконецъ, были на Верхнемъ Гунибѣ, и первое, что бросилось намъ въ глаза, это—огороды, съ драгоцѣнной для русскаго солдатика овощью—родной капусткой. Извѣстно, что первое водвореніе нашего солдата на постоянное жительство во вновь завоеванной странѣ начинается съ разведенія капусты, безъ которой ему никакая пища не въ пищу.—«Значитъ, крѣпко усѣлись наши на мѣсто, коли капустные огороды завели»,—замѣчаетъ Степанъ Семенычъ. Далѣе дорожка пошла отличными, теперь казенными покосами и повернула къ березовой рощѣ кн. Барятинскаго,

Digitized by Google

въ которой онъ принималъ, сидя на камнѣ, сдавшагося Шамиля. На этомъ мѣстѣ выстроена бесѣдка. Роща, вырубленная въ 1859 г., теперь уже отросла въ порядочный лѣсокъ, и, вообще, все это мѣсто имѣетъ очень веселый и живописный видъ. Далѣе мы поѣхали вдоль рѣчки, текущей въ совершенно отвѣсныхъ и глубокихъ гранитныхъ берегахъ и снабжающей Гунибъ превосходной водой. Откуда берется эта вода на совершенно отдѣльной горѣ, имѣющей болѣе 7 т. фут. высоты, собирается ли она изъ часто падающихъ на Гунибъ дождей или выбивается изъ родниковъ—это, для меня по крайней мѣрѣ, составляетъ совершенно неразрѣшимую задачу. Обогнувъ рѣчку, мы, наконецъ, пріѣхали въ бывшій аулъ Шамиля. Аулъ этотъ, на половину развалившійся, нынче никѣмъ необитаемъ, и даже въ саклѣ Шамиля, не отличающейся ничѣмъ отъ другихъ, при насъ расположились пастухи, пасшіе баранту на снятыхъ казенныхъ пастбищахъ. Осмотрѣвъ мечеть, тоже заброшенную, и яму, служившую тюрьмой при Шамилѣ, мы не нашли болѣе ничего стоящаго осмотра и, минуя рѣчку, отправились вверхъ на такъ называемое «*Царское мѣсто*», а оттуда на самую высшую точку Гуниба (7,718′), составляющую юго-западную оконечность верхней площадки и съ которой открывается превосходная панорама грозныхъ пустынь горнаго Дагестана. Вотъ она: прямо аулъ *Куйядá*, съ его хуторами, и громадная отдѣльная гора *Тлили-мээръ* *) (Сѣдло-гора—по-лезгински, передѣланная русскими въ Чемоданъ-гору); гора эта тоже въ родѣ Гуниба и не выбрана Шамилемъ потому, что на ней нѣтъ воды; слѣва, внизу, богатый аулъ *Ругжа*, террасы полей и Ругжинскій лѣсъ, чуть ли не единственный во всемъ горномъ Дагестанѣ, кромѣ лѣсовъ въ верховьяхъ Андійскаго койсу; вправо аулъ *Корода*, съ Кородахскимъ ущельемъ и крѣпостью *Кородахъ* подъ ногами; далѣе *Гимрскія* и *Андійскія горы*, *Кутишинскія высоты*, *Коппинскій* перевалъ, *Салтинское* ущелье, *Кегерскія* высоты, гора *Турчидахъ*, на границѣ между Кази-Кумыкскимъ и Гунибскимъ округами,—и все это каменное фіолетовое море завершалось главной декораціей снѣговаго хребта на югѣ. Мертвая тишина царствовала въ этомъ,

*) Надобно замѣтить, что гортанные звуки горскихъ языковъ и нарѣчій представляютъ почти непреодолимыя трудности даже для русскихъ, которымъ въ совершенствѣ доступны звуки всѣхъ европейскихъ языковъ; напримѣръ, это Тлили походитъ вовсе не на тлили, а скорѣе на какое-то куиркъ, напоминающее кваканье лягушки.

Digitized by Google

теперь необитаемомъ поднебесьи: орлы, описывавшіе подъ нами свои медленные круги, и стаи черныхъ, красноносыхъ воронов (видѣнныхъ мною только здѣсь) не нарушали безмолвія. Я долго не могъ оторваться отъ дивной картины и не обращалъ никакого вниманія на разсужденія Степана Семеныча, въ родѣ того, напримѣръ, что: «ужъ и точно, что Шмель (Шамиль)! Шмелю только сюда и забраться». Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ мы стояли, находится маленькая луговинка съ отвѣснымъ водостокомъ внизъ. Шамиль, зная, съ какимъ непріятелемъ онъ имѣлъ дѣло, защитилъ и это единственно *доступное* мѣсто 8-ю мюридами, готовыми первому появившемуся снизу смѣльчаку всадить въ лобъ пулю. Но смѣльчаки нашлись-таки и влѣзли по водомоинѣ, послѣ чего Кази-Магома, защищавшій восточный склонъ, увидя въ тылу у себя заблестѣвшіе штыки, долженъ былъ отступить въ аулъ, гдѣ находился его отецъ. Мнѣ такъ разсказывали про это невѣроятное дѣло. Войска наши стояли подъ Гунибомъ и все это время не давали осажденнымъ ни минуты покоя; когда-же, по разсчету, послѣдніе должны были утомиться и заснуть—собрались апшеронскіе охотники, подъ командой ихняго-же поручика Скворцова. Лѣзли босикомъ, цѣпляясь за вколачиваемые колья и за привязываемыя къ нимъ веревки; задніе перелѣзали чрезъ укрѣпившихся переднихъ, становились и, укрѣпляясь въ свою очередь, давали мѣсто слѣдующимъ, и такимъ образомъ образовалась висячая живая лѣстница, по которой и взобрались, наконецъ, первыми апшеронцы: прапорщикъ Кушнеревъ и солдатъ Молодыхъ. Дѣло было сдѣлано такъ тихо, что горцы не успѣли опомниться, какъ были всѣ переколоты. Нечего и говорить, что всѣ трое (Скворцовъ, Кушнеревъ и Молодыхъ) получили Георгія. Затѣмъ послѣдовало, помянутое выше, отступленіе Кази-Магомы, занятіе нами Верхняго Гуниба, всѣмъ извѣстная сдача Шамиля и пріемъ его княземъ Барятинскимъ въ березовой рощѣ. Мнѣ говорили, что на водостокѣ и теперь еще видны остатки вбитыхъ кольевъ и обрывки веревокъ, но я, подползши къ краю и взглянувъ внизъ, не увидалъ ничего. Разсказываютъ, что горцы, какъ дикія козы, могутъ свободно лазить по такимъ мѣстамъ, какъ описанный водостокъ; пожалуй, этому можно повѣрить, видѣвъ Сланцевое ущелье, о которомъ я буду говорить ниже. Обогнувъ рѣчку, мы пошли по тропинкѣ, по которой Шамиль пришелъ изъ аула пѣшкомъ къ князю Баратин-

Digitized by Google

скому; она пролегала отличными сѣнокосами. По пути мы спугнули нѣсколько стай горныхъ куропатокъ, бросясь за которыми Дружокъ едва не слетѣлъ внизъ. Проводникъ нашъ, красавецъ Омаръ, разсказывая про Шамиля, говорилъ, что при немъ было очень плохо, потому что за все сейчасъ уруби!—а теперь хорошо. Онъ говорилъ: «теперь насъ не обижаютъ—живемъ по своему адату, заплатилъ 1 р. съ дома и знать ничего больше не знаю». Что при Шамилѣ, при такомъ отчаянномъ напряженіи послѣднихъ силъ, было плохо, это совершенно вѣрно; но насколько горецъ можетъ быть доволенъ настоящимъ мирнымъ положеніемъ—рѣшить довольно трудно.

Извѣстно, что жители Гуниба, взамѣнъ военной службы, должны были заниматься изготовленіемъ пороха, и до сихъ поръ еще на Верхнемъ Гунибѣ показываютъ остатки дома, гдѣ производилась эта фабрикація. Спустясь на Нижній Гунибъ и осмотрѣвъ площадь съ церковью, у которой стоятъ орудія, взятыя у Шамиля, я провелъ вечеръ у моего гостепріимнаго хозяина.

Гунибъ извѣстенъ своими грозами, и про него говорятъ: «гдѣ тучи, а на Гунибѣ гроза и дождь». Вечеромъ мнѣ довелось видѣть такую грозу. Зрѣлище было поразительное. Безпрерывныя молніи освѣщали ослѣпительно бѣлымъ свѣтомъ всю панораму, а съ трескомъ перекатывавшіеся удары грома заставляли думать, что всѣ эти каменныя громады валятся внизъ, какъ въ театрѣ, при сценахъ разрушенія; потоки воды съ шумомъ сбѣгали внизъ, откуда, когда удары перемежались, доносился шумъ разбушевавшагося Кара-койсу. Боже избави, если подобный ливень захватитъ путника внизу, въ ущельи! Даже Керимъ-Бекъ, съ которымъ мы стояли на террасѣ и любовались грозой, не выдерживалъ и отскакивалъ отъ перилъ. Къ полуночи все стихло, вода сбѣжала, и только переполненное ложе рѣки своимъ шумомъ напоминало о бывшей грозѣ.

Раннимъ утромъ, 23-го сентября, насъ дожидались уже осѣданныя лошади: двѣ подъ насъ и одна подъ Омара, который надѣлъ на себя все лучшее и смотрѣлъ не только красавцемъ, но и щеголемъ первой руки. Простившись съ хозяиномъ, мы поѣхали, опять вчерашней дорогой, на Верхній Гунибъ, мимо березовой рощи, рѣчки и аула, къ туннелю, чрезъ который русскими, чрезъ знаменитое *Сланцевое ущелье*, устроенъ спускъ въ *Кородахъ*. Отъ Гуниба до Кородаха считаютъ 25 верстъ. Если есть предписаніе

Digitized by Google

отъ начальства, лошадей должны давать обязательно по 5 к. на версту за лошадь, если-же нѣтъ—надо нанимать вольныхъ. У насъ, конечно, не было никакого предписанія, но намъ сдѣлали любезность и дали лошадей по таксѣ, т. е. за 3 р. 75 к. Бросивъ сверху прощальный взглядъ на Нижній Гуниб, на его тополи, церковь, мечеть съ зеленымъ куполомъ и проч., мы спустились, чрезъ туннель, ниже отвѣснаго пояса, окружающаго всю гору. Тропинка, ведшая внизъ, могла бы быть названа и хорошею, еслибъ не была размыта вчерашнимъ дождемъ, теперь-же я предпочелъ слѣзть съ лошади и сойти пѣшкомъ до самаго Сланцеваго ущелья. Надъ нами, по вчерашнему, вились орлы, и красноносые вороны жались къ гребню Гуниба. Только слабое журчанье воды, запоздавшей сбѣжать съ горъ, да кудахтанье курочекъ, за которыми Дружокъ гонялся безъ всякаго успѣха, нарушали торжественную тишину пустыни. Воздухъ былъ чистъ и прозраченъ до невозможности. Все было свѣжее и фіолетовое, а вдали бѣлѣлись снѣговыя Андійскія горы. Наконецъ, мы спустились къ

Сланцевому ущелью. Оно называется такъ потому, что вблизи добывается горючій сланецъ, почти единственное топливо въ здѣшнихъ совершенно безлѣсныхъ мѣстахъ, Ущелье это составляетъ одну изъ замѣчательностей всего Кавказа. Вообразите себѣ сплотившіяся вверху, въ видѣ свода, двѣ совершенно отвѣсныхъ скалы, съ маленькимъ отверстіемъ, въ бока котораго уперся еще огромный камень, вѣроятно, уже не одно тысячелѣтіе угрожающій путнику своимъ паденіемъ. Ущелье это имѣетъ 400 шаговъ длины, всего 5 ширины и, какъ увѣряетъ Омаръ, 100 саж. вышины; впрочемъ, если взять на половину, такъ и то—слава те, Господи! И такъ оно кажетъ снизу не ниже Ивана-великаго. Это мрачное мѣсто составляетъ единственный проходъ съ Гуниба прямо въ Кородахъ, и понятно, что должно здѣсь происходить во время ливня, подобнаго вчерашнему; теперь-же по его узкому ложу только журчалъ едва замѣтный ручеекъ. Но самое-то удивительное въ этомъ удивительномъ ущельи состоитъ вотъ въ чемъ: когда вы взглянете наверхъ, то увидите, что внутри свода наколочены какія-то тоненькія палочки; линіи этихъ палочекъ то перемежаются, то тянутся до самаго верха свода, какъ паутина, сотканная изъ самыхъ тоненькихъ прутьевъ. Что это такое?—спрашиваете вы въ недоумѣніи. И какой безумецъ рѣшился устроить всю эту

Digitized by Google

механику? И для чего она? А это, изволите ли видѣть, лѣстницы, по которымъ лазаютъ горцы за медомъ дикихъ пчелъ, вьющихся въ самомъ верху свода ущелья. Не вѣрите? Не лгу—честное слово! При одномъ представленіи объ этихъ воздушныхъ экскурсіяхъ, по этимъ палочкамъ,—въ полунаклонномъ положеніи, потому что иначе нельзя лѣзть внутри свода,—объ этомъ выламываніи меда, причемъ, конечно, пчелы ведутъ себя не очень-то гостепріимно, да, при одномъ представленіи обо всемъ этомъ, морозъ подираетъ по кожѣ. Что значатъ всѣ фальшивыя ухищренія нашихъ гимнастовъ предъ этимъ дѣйствительнымъ ухищреніемъ изъ-за нужды и добычи? Невѣроятно, а, между тѣмъ, правда. Вотъ, что услышалъ я отъ Омара: отецъ, устроившій этотъ необыкновенный путь, кончилъ тѣмъ, что упалъ и убился, но сынъ его, еще въ проѣздъ покойнаго государя, подчивалъ высокаго посѣтителя медомъ, сидя вверху на жердочкѣ и спуская оттуда его на веревкѣ, съ громкимъ ура! Во время моего проѣзда, онъ продолжалъ еще свой опасный промыселъ и, если живъ, конечно, продолжаетъ его и по настоящее время.—«Вотъ такъ пчелинцы!»—говорилъ, не вѣря своимъ глазамъ, Степанъ Семенычъ, да и я вѣрилъ своимъ не больше его.

Дорога изъ ущелья пошла вверхъ и вышла, наконецъ, на колесную дорогу (Іолъ-Падишахъ), идущую отъ Георгіевскаго (Салтинскаго) моста, о чемъ я говорилъ выше. Проѣхавъ чрезъ мостъ на рѣчкѣ, впадающей въ Аварское койсу, мы прибыли въ построенную изъ камня, въ видѣ башни, крѣпость *Кородахъ*, съ саклями и жалкими духанами, тѣснившимися около нея. Когда мы проѣхали мостъ и приблизились къ Кородаху, Омаръ, съ самаго Гуниба ѣхавшій впереди и выказывавшій самую предупредительную вѣжливость и внимательность, осадилъ назадъ, и на мой вопросъ: зачѣмъ онъ это сдѣлалъ? — отвѣчалъ, что «онъ на службѣ и не имѣетъ права ѣхать впереди тѣхъ, кому обязанъ служить въ дорогѣ».

Имѣя отъ Іосифа Ивановича Войнаранскаго письмо къ начальнику Кородаха, Ивану Карловичу Жебровскому, я послалъ его съ Омаромъ и чрезъ ¼ часа получилъ любезный отвѣтъ: «просятъ пожаловать».

Если эта книга попадется кому нибудь изъ тѣхъ гостепріимныхъ хозяевъ, у которыхъ я имѣлъ честь быть принятымъ во время путешествія моего по Дагестану, пусть они извинятъ нескромность,

Digitized by Google

съ которою я передалъ публикѣ ихъ имена. И теперь, съ чувствомъ самой теплой благодарности, я вспоминаю объ отдыхѣ, послѣ утомительныхъ переѣздовъ, подъ ихъ гостепріимной кровлей, о ихъ радушіи и о томъ пріятномъ и полномъ самаго живаго интереса провожденіи времени, которымъ я пользовался въ ихъ обществѣ. Нѣтъ надобности упоминать, что Иванъ Карловичъ принадлежалъ къ числу этихъ людей, которымъ я рѣшаюсь послать издалека самую теплую благодарность. Вечеръ пролетѣлъ незамѣтно, а рано утромъ мнѣ опять были готовы лошади и проводникъ до *Хунзаха*, до котораго считается 29¾ версты.

Переѣхавъ чрезъ укрѣпленный мостъ на Аварскомъ койсу, мы очутились въ Аваріи и начали подниматься вверхъ по дорогѣ, которая вилась зигзагами до 20-й версты, а послѣ пошла плоскостью вплоть до хунзахскаго укрѣпленія, гдѣ переѣзжаютъ рѣчку *Тобот*ъ, падающую, подъ мостомъ, водопадомъ. Отсюда уже остается только версты 1½ до аула Хунзахъ, бывшей столицы аварскихъ хановъ. Конечно, слово столица не должно быть здѣсь принимаемо въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ: *Хунзахъ* — просто, бѣдный аулъ, съ хорошимъ домомъ начальника, которымъ былъ, въ то время, подполковникъ Евграфъ Филипповичъ Тихоновъ и къ которому я тоже имѣлъ письмо. Евграфъ Филипповичъ пользовался, за свою энергическую справедливость и отличное знаніе горскихъ языковъ, особенною любовью и уваженіемъ горцевъ, но его-то примѣръ и доказываетъ, какъ мало можно разсчитывать на это расположеніе. Годъ спустя, я получилъ отъ Ивана Абрамовича письмо, въ которомъ онъ писалъ, что, немного спустя послѣ моего проѣзда, Евграфъ Филипповичъ, совершенно изъ-за какого-то вздора, былъ почти насквозь проколотъ кинжаломъ, но рана, къ счастію, была не смертельна.

Дорога отъ Королаха до Хунзаха, какъ я уже сказалъ, вьется зигзагами до 20-й версты; она пролегаетъ по глинистой почвѣ и составляетъ часть царской, единственной экипажной, или, скорѣе, арбной дороги, прорѣзывающей весь горный Дагестанъ. Намъ попадалось много арбъ съ хлѣбомъ, лѣсомъ и фруктами. Исправляется дорога войсками и жителями, что для послѣднихъ составляетъ довольно тяжелую повинность. Сначала, когда мы поднимались, надъ нами былъ туманъ, а внизу ясно, какъ на ладони, виднѣлось Сланцевое ущелье; потомъ, сквозь туманъ, стала про-

Digitized by Google

рѣзываться сѣдлистая вершина Гуниба; потомъ облака перерѣзали горы пополамъ и начали размѣщаться по ущельямъ, какъ по квартирамъ; потомъ осталась одна синеватая мгла, и, наконецъ, совсѣмъ прояснилось. Ютившіеся по ущельямъ аулы были бѣдны, и ихъ поля, лежавшія по сторонамъ дороги, въ видѣ террасныхъ площадокъ, въ нѣсколько квадратныхъ саженъ, вызывали насмѣшки Степана Семеныча: «Тоже поля!» — говорилъ онъ. Становилось скучно, и Дагестанъ начиналъ утомлять насъ своимъ однообразіемъ.

— Что-то—сказалъ я—теперь подѣлываютъ дома наши, Степанъ Семенычъ?

— А что?—отвѣчалъ онъ.—Моя Наталья Ивановна, я знаю, что подѣлываетъ: заперлась, я чай, одна въ горницѣ, да и вопитъ.

— Какъ вопитъ? По комъ?

— Да по мнѣ.

— Какъ-же она вопитъ-то?

— А вотъ какъ!—и Степанъ Семенычъ, къ великому удивленію проводника, заломилъ на затылокъ папаху, зажмурилъ глаза и завопилъ, что было мочи: другъ ты мой, Степанъ Семіонычъ! *) Большая ты моя головушка! На кого ты меня покинулъ! Аль не цуетъ твое родимо сердецушко!

— Да, вѣдь, Наталья-то Ивановна у тебя вторая жена?

— Вторая. Первая была Марина. Еще она жила у васъ въ стряпухахъ—чай, помните?

— Ну, какъ не помнить — очень хорошо помню, сколько мнѣ было возни, какъ ты ее на Кавказъ-то выписывалъ.

— Да я вовсе и не выписывалъ.

— Какъ не выписывалъ? Кто-жъ ее выписалъ-то?

— Кто выписалъ? Писарь.

— Какъ писарь?

— Да такъ. Сидѣли мы съ нимъ одинъ разъ, выпивши, вотъ онъ и говоритъ: что это, говоритъ, Маршевъ, ты живешь одинъ, словно бобыль? Чай тебѣ, говоритъ, скучно? Хочешь, я тебѣ жену выпишу? — Ну ее, говорю, овсѣмъ! Только и разговору промежъ насъ было. Вотъ хорошо! Проходитъ здакъ ужъ съ полгода,— вдругъ мнѣ и говорятъ: ступай, говорятъ, Маршевъ, жена къ

*) Надобно сказать, что въ нашей мѣстности прежнее поколѣніе крестьянъ до сихъ поръ еще *цокаетъ*, т. е. выговариваетъ ц, вмѣсто ч.

Digitized by Google

тебѣ, съ робятами, пришла. — Съ какими, говорю, робятами? У меня только и остался одинъ робенокъ, — Савка. — Ну, а теперь—смѣются, стало-быть—двое ужъ стало.—Ахъ, ты, грѣхъ какой! Гляжу, точно, идетъ моя Марина: ведетъ Савку за руку, а другаго, груднаго—на рукахъ держитъ. Какъ увидѣла меня, такъ въ ноги и повалилась и завопила! — Прости, вопитъ, согрѣшила, обродилась, Степанъ Семенычъ!—Съ кѣмъ-же, говорю, это ты обродилась-то?—Съ Ѳедоромъ, говоритъ, Осипычемъ.—Ну, такъ что-жъ теперь дѣлать? Разсудилъ, женщина еще молодая, да и самъ не безъ грѣха тоже.—Давай, говорю, жить, какъ и жили. Ну, а ужъ писарю не прощу, непремѣнно пожалуюсь, чтобъ ему загланули, откуда ноги ростутъ, да и то не пожаловался,—поставилъ онъ мнѣ чихирю четверть, на томъ и кончили. И зажили мы съ ней отлично! И домишко было свой завели въ Нальчикѣ, да тутъ мена ранили и отпустили въ Рассею. Отличная, работящая была баба! Хорошо мы съ ней жили! А ужъ про Наталью Ивановну и говорить нечего! Эдакая баба! Такъ меня любитъ! Такъ и не отстаетъ отъ меня! Такъ и льнетъ, словно банный листъ къ тѣлу! Она, коли говоритъ правду, съ простинкой маленько... Въ отца вся зародилась, въ Ивана Егорыча,—ну, да это бѣда не велика! А вотъ, коли хотите, я вамъ разскажу, какъ Иванъ-то Егорычъ женился, годовъ 70-ти, то-то смѣху-то было!

— Разскажи, сдѣлай милость.

— Ну, хорошо. Я ужъ былъ женатъ на Натальѣ Ивановнѣ.

— Она вдовой шла за тебя?

— Вдовой. У меня и теперь есть отъ нея пасынокъ, Харитошка, какъ есть—весь въ дѣдушку. Ну, хорошо, сижу я эдакъ въ избѣ, только и приходитъ Иванъ Егорычъ... А онъ жилъ тогда съ сыномъ, Петрухой... И боялся-же только онъ этого Петрухи! Потому мужикъ былъ строгій, не въ него зародился! Вотъ, посидѣлъ, посидѣлъ эдакъ и говоритъ: а я, говоритъ, сынокъ, къ тебѣ съ дѣломъ.—Съ какимъ, говорю, сказывай, батюшка.—Я, говоритъ, жениться хочу.—Какъ жениться? Да который тебѣ годъ? Годовъ 40, надо быть, будетъ.—Какіе 40, тебѣ всѣ 70.—Ну, вотъ, 70! Вишь ты, что выдумалъ! Да я, знаешь, еще какой здоровый! На жнитвѣ-то, какъ пущусь, такъ и ты за мной, сынокъ, не поспѣешь. А мнѣ не жениться нельзя, потому сноха вовсе не почитаетъ, да, главное, и рубахи выстирать некому.—А есть-ли,

Digitized by Google

молъ, на примѣтѣ невѣста-то?—Есть, говоритъ, въ Безсоновкѣ, дѣвка Улитка—за первый сортъ, сказываютъ.—Ладно, поѣдемъ. Запрягли, это, телѣгу, сѣли, поѣхали. Пріѣзжаемъ, спрашиваемъ, гдѣ молъ живетъ здѣсь такая дѣвка Улитка? Показываютъ. Входимъ, это, стало-быть, въ избу, честь честью, помолились на образа, сѣли. Видимъ, сидитъ за станомъ дѣвка, сидитъ и краснѣ ткетъ. Глядимъ, дѣвка здоровая—рожа, что рѣпа! Ну, думаемъ, ладно!—Ты, молъ, голубушка, будешь Улита-то?—Я-ста. И больше хоть бы словечко промолвила, сидитъ, какъ идолъ, челнокомъ суетъ, да, что есть силы, бёрдомъ прихлопываетъ. Скажемъ что—зарычитъ. Ладно, сидѣли мы эдакъ, сидѣли, приходитъ, стало-быть, братъ,—онъ у нихъ большакомъ былъ въ домѣ-то, потому отецъ померъ. Помолился тоже на образа, честь честью, кланяется. —Здравствуйте, говоритъ, христіане почтенные! По какому дѣлу пожаловали?—Такъ и такъ, говоримъ: у тебя есть товаръ, а у насъ есть купецъ.—Такъ!—говоритъ. Кто-же это купецъ-то? — Я! говоритъ Иванъ Егорычъ.—Ты?—Я.—Такъ!—говоритъ. А нашъ товаръ тоже не бросовой, вонъ какъ есть на лицо. Смотрите, коли понравится, мы тоже не прочь. Только надо спросить невѣсту. Улита? Пойдешь, что-ли, ты за купца-то?—Что-же, рычитъ, коли дадутъ на столъ 5 цѣлковыхъ—пойду.—Слышите, говоритъ братъ, ей 5 цѣлковыхъ, да мнѣ четверть гречи за свадьбу.—Дорогонько, говоримъ, будетъ.—Какъ хотите, меньше нельзя. Видимъ, ждать нечего больше, посидѣли, посидѣли, поѣхали.—Ну, что?—говоритъ Иванъ Егорычъ: гожа, что-ли, невѣста-то, сынокъ, по твоему? —Это, молъ, какъ тебѣ, батюшка. Коли тебѣ гожа, а мнѣ и подавно. —Главное, тѣмъ гожа, говоритъ, что много не баитъ.—Куда ужъ, думаю, баять? Какъ есть, дура набитая.—Только, говоритъ, 5-ти цѣлковыхъ-то мнѣ взять негдѣ. Ты ужъ дай мнѣ, сынокъ.—Хорошо, молъ, говорю, батюшка.—А что насчетъ гречи, такъ осьмина у меня своя есть, да осьмину, какъ поѣду на мельницу, у Петрухи стащу, онъ и не догадается. Вотъ оно дѣло-то и будетъ ладно, такъ-ли, сынокъ!—На что, молъ, еще ладнѣе, батюшка! Вотъ, хорошо! Пріѣзжаемъ домой. Опять бѣда!—попъ не вѣнчаетъ: старъ, говоритъ, ты больно, да и жениться хочешь на третьей. Выправь, говоритъ, метрику и поѣзжай къ архіерею просить разрѣшенья. Поѣхали. Только дорогой онъ все меня и распрашиваетъ, какъ ему съ архіереемъ-то баять.—А такъ, молъ, и бай: ваше перво-

Digitized by Google

священство, да въ ноги!—Въ ноги?—Безпремѣнно, молъ, въ ноги. Пріѣхали. Первымъ дѣломъ, какъ училъ попъ, пошли въ кончисторію, сочинять просьбу. Ну, сочинили. Пошли къ архіерею, приходимъ, стоитъ на крыльцѣ служка. Какъ увидѣлъ его Иванъ Егорычъ, чебурахъ прямо въ ноги и завопилъ: ваше первосвященство, дозволь жениться! Служка испужался, инда отскочилъ назадъ: какой я, говоритъ, первосвященство? Ступайте наверхъ. Пошли наверхъ, стали въ прихожей, выходитъ чиновникъ какой-то, во фракѣ, съ свѣтлыми пуговицами — секлетарь, должно-быть. Какъ увидѣлъ его Иванъ Егорычъ, чебурахъ опять въ ноги! Да опять: ваше первосвященство, дозволь жениться! Ну, этотъ засмѣялся только, взялъ просьбу, написалъ что-то. Ступайте, говоритъ, въ кончисторію, тамъ вамъ все сдѣлаютъ. Пошли, заплатили—и точно, что сдѣлали! Написали, что Ивану Егорычу и 40 годовъ не было—женись, сколько хочешь. Идемъ оттуда, земли онъ подъ собою не чуетъ. Квартиры даже своей не узналъ.—Это не наша, говоритъ, квартира-то, у нашей, на дворѣ, бочка стояла.—Такъ что-жъ, говорю, съ бочкой-то за водой, можетъ статься, уѣхали.—И то, говоритъ, правда! А вонъ и пѣгушка наша у колоды стоитъ! Запрягли мы пѣгушку, разсчитались, да поскорѣй давай Богъ ноги! Вотъ, хорошо! Пріѣхали, сыграли свадьбу, какъ слѣдуетъ. Уложили молодыхъ спать. Только вижу я его на другой день: ну, что, молъ, батюшка? Какъ молъ? Все ли благополучно?—Какое, говоритъ, сынокъ, благополучно! Всю ночь пролежала рыломъ къ стѣнѣ. Хотѣлъ было поиграть, какъ она брыкнетъ меня, словно кобыла! Убирайся, говоритъ, къ дорту!—Такъ и жалобился всю жизть до самой смерти: рубахи, говоритъ, главное дѣло, сынокъ, не вымоетъ, а что на счетъ того, чтобы какъ слѣдуетъ женѣ съ мужемъ, такъ этого и думать, говоритъ, не моги!

— Гдѣ-же она живетъ послѣ того, какъ овдовѣла-то?

— А опять ушла къ брату. Забрала весь свой скарбъ и ушла. Она съ Иваномъ-то Егорычемъ и жила всего на все 1½ года.

Болтая такимъ образомъ, мы доѣхали до 16-й версты, гдѣ стоялъ отрядъ апшеронскаго полка, занимавшійся исправленіемъ дороги, подъ командой штабсъ-капитана Пышкина. Мы остановились отдохнуть, и шт.-капитанъ угостилъ насъ чаемъ и форелью, пойманной въ форельномъ озерѣ (Эйзелямъ), о которомъ я буду говорить дальше. При этомъ онъ намъ показывалъ другую форель, пойманную тамъ-

Digitized by Google

же и уже посоленую и провяленую домашнимъ способомъ: рыбка эта (въ засушенномъ видѣ) имѣла длины одинъ аршинъ два вершка, шесть вершковъ ширины и вѣсила безъ потроховъ 22, а съ потрохами 28 фунтовъ, и назначалась имъ, какъ рѣдкость, кому-то въ подарокъ. Разумѣется, какъ съ апшеронцемъ, я завелъ съ нимъ разговоръ о взятіи Гуниба и отъ него-то и узналъ всѣ приведенныя выше подробности. Пышкинъ самъ былъ въ охотникахъ, влѣзшихъ съ Скворцовымъ.

Хунзахъ лежитъ на 5,544′ надъ поверхностью моря, и въ немъ уже не ростутъ фруктовыя деревья, но за ужиномъ хозяинъ угостилъ насъ превосходными персиками изъ *Голотля* (2,597′), находящагося всего въ 15 верстахъ отъ Хунзаха, на солнечной сторонѣ Аварскаго койсу,—такъ разнообразенъ въ горахъ климатъ. Но, пользуясь остановкой, разскажемъ исторію Хунзаха, бывшей столицы аварскихъ хановъ и родины Хаджи-Мурата и Гамзатъ-Бека, втораго имама мюридовъ и предмѣстника Шамиля.

Во время путешествія, мнѣ нѣсколько разъ приходилось слышать о знаменитомъ наибѣ Шамиля—*Хаджи-Муратѣ*. Постараюсь подѣлиться съ читателемъ тѣми свѣдѣніями, которыя мнѣ удалось собрать объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ и объ его необыкновенныхъ похожденіяхъ. Свѣдѣнія эти я провѣрилъ настолько, насколько то было для меня возможно.

Имамъ Шамиль былъ знаменитый военачальникъ, мудрый правитель и администраторъ, но слава перваго храбреца и перваго джигита во всемъ Дагестанѣ принадлежитъ, безспорно, Хаджи-Мурату. Послѣ Шамиля, это самое популярное имя у всѣхъ восточныхъ горцевъ.

Хаджи-Муратъ родомъ изъ Аваріи, т. е. изъ Дагестана—родины почти всѣхъ знаменитыхъ своими дѣлами и дарованіями горскихъ дѣятелей. Аварія принадлежала аварскимъ ханамъ, признавшимъ нашу власть еще въ 1803 г. и державшимъ сторону русскаго правительства.

При появленіи мюридизма—ученія, которое проповѣдывало полнѣйшую демократію, равенство и непримиримую ненависть къ русскимъ,—первые удары мюридовъ, конечно, должны были быть направлены на мѣстную аристократію и прежде всего на аварскихъ хановъ, стоявшихъ имъ поперекъ дороги. Попытка перваго имама Кази-Муллы (въ 1830 г.) была неудачна: ханша Паку-Бике, бабка

Digitized by Google

малолѣтняго хана Абу-Нацала, прогнала ихъ съ уроном отъ своей столицы—Хунзаха. Но въ 1834 г. второму имаму мюридовъ *Гамзатъ-Беку* удалось измѣной истребить весь ханскій родъ.

Хаджи-Муратъ доводился молочнымъ братомъ одному изъ хановъ, а молочное родство у горцевъ считается ближе, чѣмъ кровное. Отецъ Хаджи-Мурата поджигалъ его на месть, говоря: «что у меня за дѣти, которые не могутъ отомстить за смерть своихъ молочныхъ братьевъ!» Составился заговоръ, во главѣ котораго стоялъ *Османъ-зюль-Хаджіевъ*, а главными исполнителями мести взялись быть его внуки, *Хаджи-Муратъ* и его братъ *Османъ*. 19-го сентября, въ день большаго праздника, Гамзатъ-Бекъ, какъ имамъ, долженъ былъ совершать службу въ хунзахской мечети. Этотъ день и это мѣсто были избраны заговорщиками для исполненія ихъ замысла. Гамзатъ-Бекъ былъ предупрежденъ объ опасности, но не вѣрилъ ей, вѣруя въ свою судьбу и руководясь слѣпымъ фанатизмомъ. Когда одинъ преданный мюридъ сообщилъ ему о существованіи заговора, Гамзатъ-Бекъ спросилъ его: «можешь ли ты остановить ангеловъ, если они придутъ за твоей душой?»—«Не могу», отвѣчалъ мюридъ.—«Такъ иди же домой и ложись спать,—сказалъ Гамзатъ: что опредѣлено Аллахомъ, того не избѣгнемъ, и если завтра назначено мнѣ умереть, то завтрашній день — день моей смерти». День 19-го сентября, дѣйствительно, былъ днемъ смерти Гамзатъ-Бека: заговорщики встрѣтили его въ мечети пистолетными выстрѣлами и кинжалами. Первымъ выстрѣлилъ Хаджи-Муратъ, и ему удалось скрыться, а Османъ былъ изрубленъ на мѣстѣ. Обнаженное тѣло убитаго имама четыре дня валялось безъ погребенія на площади, неподалеку отъ мечети.

Хаджи-Муратъ, заклятый врагъ мюридовъ, назначенъ былъ нами правителемъ Аваріи, но потомъ, въ 1837 г., она была подчинена полковнику русской службы Ахметъ-хану Мехтулинскому (Мехтула на правомъ бер. Кази-Кумыкскаго койсу, на востокъ отъ Аваріи). Въ такомъ положеніи оставалось дѣло до конца 1840 года, т. е. до тѣхъ поръ, пока Хаджи-Муратъ не былъ обвиненъ мехтулинскимъ ханомъ въ сношеніяхъ съ мюридами. Дѣйствительно ли сносился съ ними Хаджи-Муратъ, или Ахметъ-ханъ оклеветалъ его изъ ненависти или самъ былъ обманутъ клеветниками—неизвѣстно; только вышло приказаніе: Хаджи-Мурата, врага мюридовъ, врага Шамиля, перваго наѣздника, джигита и любимца всей Аваріи,

Digitized by Google

вѣрно управлявшаго ею 6 лѣтъ, кромѣ того, офицера милиціи и кавалера—препроводить, подъ сильнымъ конвоемъ, скованнаго въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Безспорно, распоряженіе это было одною изъ крупнѣйшихъ неловкостей тогдашняго нашего военнаго управленія на Кавказѣ.

И вотъ, зимой, повели скованнаго Хаджи-Мурата, подъ конвоемъ изъ 40 солдатъ,—и сталъ онъ дорогой жаловаться начальнику конвоя на этотъ поступокъ съ нимъ, офицеромъ русской службы, котораго ведутъ скованнаго, какъ простаго колодника. Конвойный начальникъ, тронувшись жалобами, велѣлъ его расковать, но, изъ предосторожности, ему, все-таки, связали руки веревкой, одинъ конецъ которой дали переднему, а другой— заднему конвойному. Такимъ манеромъ дошли до Моксаха. Тутъ горная тропинка вилась надъ пропастью и до того съузилась, что можно было идти не иначе, какъ по одному, другъ за дружкой. Растянувшееся шествіе подвигается по извивающейся тропинкѣ; конвойные держатъ веревки, какъ только могутъ крѣпче, — вдругъ, въ одно мгновеніе, Хаджи-Муратъ дѣлаетъ отчаянный прыжокъ въ пропасть! Державшіе веревки конвойные летятъ вслѣдъ за нимъ, при паденіи, разумѣется, выпускаютъ веревки и затѣмъ разбиваются въ дребезги, а Хаджи-Муратъ исчезаетъ въ глубинѣ. Конечно, никто изъ конвойныхъ не отправился его преслѣдовать, и несчастный начальникъ, вѣроятно, пробормоталъ что нибудь въ родѣ: «собакѣ собачья смерть»,—явился въ Темиръ-Ханъ-Шуру и донесъ тамъ о гибели своего плѣнника.

Но Хаджи-Муратъ не погибъ! Какимъ-то чудомъ онъ отдѣлался только переломомъ ноги и кое-какъ доползъ до кутановъ (овечьихъ загоновъ), гдѣ и былъ спрятанъ.

Вылѣчившись отъ перелома, онъ остался, все-таки, хромымъ на всю жизнь.

Въ это время, Шамиль, тоже спасшійся какимъ-то чудомъ изъ Ахульго, жилъ уже въ Дарго, въ Ичкеринскихъ лѣсахъ.

Ахульго былъ взятъ въ 1839 г. Граббе, послѣ двухмѣсячной правильной осады и страшнѣйшаго штурма. Шамиль, съ 2-мя женами и 2-мя сыновьями, въ сопровожденіи 150 мюридовъ, спустился на веревкахъ по ужаснѣйшимъ обрывамъ на берегъ койсу и съ отчаяніемъ бросился въ шашки на русскую цѣпь; одна изъ женъ имама была убита и брошена на мѣстѣ; изъ 150 мюридовъ

Digitized by Google

погибло 95 человѣкъ. Изъ Ахульго-же былъ выданъ заложникомъ малолѣтній сынъ Шамиля, Джемаль-Эддинъ, вымѣненный впослѣдствіи на княгинь Орбеліани и Чавчавадзе.

Послѣ взятія Ахульго, Шамиль укрылся въ Шатоевскомъ обществѣ, въ Чечнѣ, и положеніе его было такъ отчаянно, что шатоевцы серьезно поговаривали о выдачѣ его русскимъ. Но таланты Шамиля и его умѣнье пользоваться обстоятельствами были такъ велики, что черезъ годъ онъ сдѣлался обладателемъ всей добровольно покорившейся ему Чечни. Разъединенные до этого времени чеченцы поняли, наконецъ, что имъ одно спасенье въ крѣпкой центральной связи, и просили Шамиля принять ихъ подъ свою руку. Шамиль показалъ видъ, что принимаетъ ихъ изъ милости, заставилъ поклясться въ безусловной покорности и вытребовалъ себѣ въ аманаты (заложники) уже не байгушей (оборванцевъ), какихъ, обыкновенно, подсовывали русскимъ, а дѣтей дѣйствительно вліятельнѣйшихъ чеченцевъ. Это было время, когда Чечня изъ сброда разъединенныхъ горцевъ, изъ которыхъ каждый, прилѣпивъ гдѣ нибудь въ удобномъ мѣстѣ свою саклю, не хотѣлъ признавать надъ собою никакой власти въ мірѣ, геніемъ третьяго имама, преобразовывалась въ почти правильно-устроенное государство. Забравъ подъ свою руку Чечню, Шамиль мечталъ уже о завоеваніи Дагестана,—и въ это-то время къ нему является Хаджи-Муратъ. Можно себѣ представить, съ какой радостью Шамиль принялъ къ себѣ знаменитаго джигита, сдѣлавшагося теперь заклятымъ врагомъ русскихъ! Вслѣдъ за Хаджи-Муратомъ стали отлагаться отъ насъ и другіе, напр. *Кибитъ-Магома* тилитльскій, котораго русскіе называли дагестанскимъ Талейраномъ, а вслѣдъ за нимъ и большая часть Аваріи. Такимъ-то началомъ сказался для насъ, на первыхъ порахъ, переходъ къ мюридамъ хромаго джигита. Но скоро онъ намъ далъ знать о себѣ и еще лучше. Почти не было сколько нибудь замѣчательнаго дѣла или набѣга, гдѣ впереди всѣхъ не отличался бы Хаджи-Муратъ. Подъ его предводительство собирались удальцы со всѣхъ сторонъ.

Въ 1843 г., онъ управляетъ уже не нашей, а шамилевской Аваріей, какъ его наибъ; въ 1851 г., прорывается къ *Буйнакамъ*, т. е. почти къ Каспійскому морю, чрезъ всю линію нашихъ укрѣпленій, отдѣляющихъ прибрежный Дагестанъ отъ нагорнаго. Нечаянные набѣги его отличались удивительной отважностью; напр., однажды

Digitized by Google

войска наши были въ сборѣ недалеко отъ Темиръ-Ханъ-Шуры; 700 лошадей паслись въ табунѣ, и непріятеля нигдѣ не было видно; вдругъ, откуда ни возьмись, вылетаетъ съ своими джигитами изъ лѣсу Хаджи-Муратъ! Одни обскакиваютъ табунъ, другіе мчатся съ гикомъ по направленію къ лѣсу,—табунъ шарахается, несется вслѣдъ за скачущими, и отрядъ нашъ остается безъ лошадей; уцѣлѣли только лошади одной батареи, не выгнанныя въ табунъ по случаю батарейнаго праздника: это было на троицу. Разумѣется, выискивалось много охотниковъ захватить, во что бы то ни стало, безпокойнаго джигита, но онъ всегда счастливо отдѣлывался; такъ, одинъ разъ, нижегородскаго драгунскаго полка штабсъ-капитанъ *Золотухинъ*, узнавъ по значку, воткнутому въ опушкѣ лѣса, въ которомъ разсыпались горцы, что тутъ былъ Хаджи-Муратъ, вызвалъ охотниковъ и понесся къ заманчивому значку; встрѣчный залпъ уложилъ половину смѣльчаковъ, но Золотухинъ уцѣлѣлъ, и ему удалось схватиться съ самимъ Хаджи-Муратомъ; Хаджи-Муратъ цѣлитъ въ него изъ пистолета... осѣчка! Второй разъ—тоже осѣчка! Золотухинъ уже надѣется захватить его живымъ, но въ третій разъ пистолетъ выстрѣлилъ, и онъ повалился мертвымъ. Впослѣдствіи, уже въ Тифлисѣ, Хаджи-Муратъ разсказывалъ, что если бы пистолетъ осѣкся и въ третій разъ, то онъ сдался бы Золотухину живымъ, признавъ свой плѣнъ за неизбѣжную волю Аллаха.

Дерзость его дошла до того, что онъ, въ то время, когда готовилась первая даргинская экспедиція, въ 1842 г., и около Темиръ-Ханъ-Шуры было въ сборѣ 25 тыс. войска, рѣшился захватить въ этой-же самой Шурѣ, а если не захватить, такъ убить, по крайней мѣрѣ, командавшаго дагестанскими войсками князя Орбеліани, на котораго былъ золъ особенно. Для этого онъ, узнавъ, что въ Темиръ-Ханъ-Шуру ожидался отрядъ казаковъ, переодѣваетъ казаками своихъ мюридовъ, впереди пускаетъ перебѣжчиковъ, говорившихъ по-русски (самъ онъ тоже зналъ русскій языкъ), и, такимъ образомъ, ночью черезъ заставу спокойно въѣзжаетъ въ городъ. Но тутъ, къ несчастію для себя и къ счастію для кн. Орбеліани, онъ ошибся домомъ и, принявъ освѣщенный госпиталь за находившійся напротивъ домъ князя, бросился на него. Произошла преоригинальная сцена: не ожидавшіе такихъ гостей больные, въ халатахъ и бѣлыхъ колпакахъ, мечутся, какъ угорѣлые, не зная, куда дѣваться отъ страха; мюриды, сами ис-

Digitized by Google

пугавшіеся такихъ фигуръ, хватаютъ оловянныя кружки и тарелки, принимая ихъ за серебряныя; въ крѣпости поднимается тревога, драгоцѣнныя кружки покинуты,—мюриды бросаются бѣжать, большая часть ихъ переколота и перестрѣляна, но Хаджи-Мурату и тутъ-таки удалось ускользнуть! Говорятъ, что онъ, главное, хотѣлъ, при этомъ случаѣ, захватить *элисуйскаго султана*, бывшаго, въ то время, въ гостяхъ у кн. Орбеліани, а съ нимъ онъ имѣлъ счеты, какъ съ зятемъ мехтулинской ханши, слѣдовательно—родственникомъ своихъ враговъ.

Какъ истый горецъ, никогда не забывающій обиды, Хаджи-Муратъ не забылъ и того, чѣмъ былъ обязанъ мехтулинскому хану. Старая мехтулинская ханша *Нох-Биже*, теща элисуйскаго султана и вдова Ахметъ-хана, управлявшая Мехтулой послѣ его смерти, съ 1843 г., жила, въ то время, въ аулѣ *Джингутаѣ* и помѣщалась въ укрѣпленной башнѣ. Онъ подговорилъ ея служанку и, пользуясь тѣмъ, что въ Джингутаѣ, какъ и во многихъ мѣстахъ на Кавказѣ, существовало совершенное смѣшеніе языковъ, такъ что верхняя половина аула не понимала нижнюю, ввелъ въ аулъ, по одиночкѣ, ночью, 300 своихъ мюридовъ, похитилъ ханшу и держалъ ее у себя нѣсколько мѣсяцевъ, какъ наложницу *). Трудно было что нибудь выдумать сильнѣе этого позора и оскорбленія относительно элисуйскаго султана. Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ послѣднемъ, прежде чѣмъ кончить исторію о Хаджи-Муратѣ.

Элисуйскій султанъ Даніель, измѣнившій русскимъ и перешедшій къ Шамилю, въ 1844 г., былъ независимый, непокорный намъ владѣтель элисуйскаго ханства (на лезгинской линіи, по южной сторонѣ хребта, къ югу отъ Закаталъ) и имѣлъ чинъ генералъ-маіора русской службы. Во время командованія Нейдгардта, онъ просилъ, чтобы русское правительство формально утвердило владѣтельныя права за его дѣтьми отъ первой жены, дочери помянутой мехтулинской ханши. Ему неосторожно дали замѣтить, что въ виды правительства вовсе не входило утвержденіе правъ горныхъ владѣтелей, а что оно, напротивъ, имѣетъ намѣреніе ввести современемъ общее управленіе на Кавказѣ. Это и еще другія, болѣе мел-

*) Послѣ она была размѣнена въ *Аймякахъ* (на востокъ отъ Гергебиля тянется знаменитое *Аймякинское ущелье* или Аймякинскій корридоръ, на продолженіи 7 верстъ, между отвѣсными скалами; укрѣпленіе Аймяки защищаетъ это ущелье со стороны прибрежнаго Дагестана).

Digitized by Google

кія, но обидныя для него обстоятельства, напримѣръ то, что онъ, бывши генераломъ русской службы, получалъ маіорское жалованье, заставили его передаться Шамилю. Онъ перешелъ мирно и, разумѣется, былъ принятъ имамомъ съ распростертыми объятіями. Впослѣдствіи Даніель-султанъ даже породнился съ Шамилемъ, чрезъ женитьбу старшаго сына Шамиля, *Кази-Магомета*, на его дочери, красавицѣ *Кариматъ*. Даніель-султанъ никогда не пользовался довѣріемъ своего подозрительнаго свата, но если это извѣстіе и справедливо, то, во всякомъ случаѣ, онъ оказывалъ Шамилю огромную помощь уже тѣмъ однимъ, что щедро пополнялъ его скудную казну своими сборами съ Элисуйскаго ханства, которые продолжались и послѣ его измѣны; такъ сильно было его вліяніе на своихъ бывшихъ подданныхъ. Измѣна такого вліятельнаго человѣка была, конечно, намъ не очень-то полезна; недовѣріе-же Шамиля къ Даніелю, должно быть, тоже было на чемъ нибудь да основано, потому что Даніель, какъ сказываютъ, когда имаму пришлось уже плохо, опять тайно отдался русскимъ и даже помѣшалъ Шамилю, въ послѣдній моментъ борьбы, броситься къ *Ирибу*, лежащему близь владѣній Элису, что и заставило имама засѣсть въ Гунибѣ. Даніель-султанъ умеръ въ Константинополѣ въ 1871 г. Видѣвшіе его послѣ 1859 г. говорятъ, что отецъ красавицы Кариматъ былъ чрезвычайно красивый мужчина; черкесскій костюмъ его былъ постоянно весь черный, безъ всякихъ украшеній; нафабренные усы скрывали сѣдину, и, вообще, вся фигура его надолго оставалась въ памяти.

Обида, нанесенная Даніель-султану Хаджи-Муратомъ, въ лицѣ мехтулинской ханши, не могла быть имъ забыта, а Шамиль, изъ политическихъ разсчетовъ, долженъ былъ предпочитать перваго послѣднему. Тогда Хаджи-Муратъ, какъ истый горецъ, у котораго движеніе его (по горскому выраженію) большаго сердца постоянно стояло выше всякихъ разсчетовъ, не вытерпѣлъ и въ началѣ 50-хъ годовъ передался русскимъ. Онъ съ радостію былъ принятъ въ Тифлисѣ, и ему назначили отличное содержаніе. Только одинъ князь *Аргутинскій-Долгорукій* (начальникъ войскъ въ южномъ Дагестанѣ, ум. въ 1855 г.) возставалъ противъ такого обращенія съ Хаджи-Муратомъ. Онъ даже отказался видѣть его, говоря, что они безъ того отлично знаютъ другъ друга, и что это свиданіе легко можетъ кончиться смертью одного изъ нихъ. — «Съ этимъ

Digitized by Google

разбойникомъ,—добавилъ суровый князь—только можетъ быть одинъ разговоръ: это—повѣсить его!»

Хаджи-Муратъ прожилъ въ Тифлисѣ около года, но дольше не выдержалъ; онъ отпросился зачѣмъ-то въ Нуху и однажды, выѣхавши какъ будто на прогулку, въ сопровожденіи 3 конвойныхъ казаковъ, мгновенно положилъ двухъ изъ нихъ на мѣстѣ выстрѣлами,—третій конвойный бѣжалъ, а Хаджи-Муратъ поскакалъ по направленію къ горамъ, гдѣ его уже ожидали мюриды, по условію. Но тутъ насталъ конецъ его похожденіямъ. Спасшійся конвойный тотчасъ-же далъ знать о происшествіи, послана была въ погоню цѣлая вооруженная облава и по загнанной лошади бѣглецъ былъ открытъ; окружили мѣсто въ лѣсу, гдѣ онъ скрылся, и, зная, что живаго Хаджи-Мурата взять было нельзя, рѣшились покончить съ нимъ выстрѣлами. Хаджи-Муратъ отстрѣливался и защищался отчаянно, какъ лютый звѣрь, переранилъ и убилъ нѣсколько человѣкъ, но, наконецъ, когда ему перебили правую ключицу, самъ вышелъ изъ куста; тутъ его схватили и отрубили голову; трупъ оказался прострѣленнымъ 7 пулями, раны были заткнуты пыжами, чтобъ задержать кровь. Отрубленная голова его выставлена была въ Тифлисѣ на показъ всему городу. Живя въ Тифлисѣ, онъ былъ нѣсколько разъ въ театрѣ, но, вообще, избѣгалъ часто показываться. Видѣвшіе его передаютъ, что онъ былъ средняго роста, крѣпкаго сложенія и съ небольшой бородой. Говорятъ, что онъ, переодѣтый, побывалъ во всѣхъ нашихъ главныхъ крѣпостяхъ на лѣвомъ флангѣ, и что передача его русскимъ была притворная; что его цѣлью при этомъ было разузнать наши силы и намѣренія, и что онъ, будто бы, совѣтывалъ постоянно начать завоеваніе Дагестана не изъ Чечни, а чрезъ Аварію, надѣясь при этомъ устроить намъ западню; но, конечно, его не послушали. Вѣроятно, эти разсказы—не болѣе, какъ плодъ досужаго воображенія разсказчиковъ, а впрочемъ, кто поручится, что и подобные фантастическіе планы не могли зародиться въ пылкой головѣ Хаджи-Мурата?

Если что въ моихъ разсказахъ невѣрно, то оправданіемъ можетъ служить почти полнѣйшее отсутствіе печатныхъ свѣдѣній объ этихъ событіяхъ, и искренно приходится пожалѣть о томъ, что изъ постепенно рѣдѣющей фаланги бывшихъ кавказскихъ дѣятелей такъ мало выискивается охотниковъ писать свои мемуары. Почемъ знать, можетъ быть мои разсказы и вызовутъ въ комъ нибудь

Digitized by Google

охоту передать вѣрнѣе и подробнѣе эти интересныя происшестія.

Въ настоящее время, хунзахская мечеть, свидѣтельница этихъ трагическихъ происшествій, не существуетъ, и, кажется, даже могила Гамзатъ-Бека путемъ неизвѣстна.

Слѣдующій нашъ ночлегъ былъ въ *Тлохѣ*, лежащемъ уже на Андійскомъ койсу. По дорогѣ замѣчательно болотистое мѣсто *Матласъ*, гдѣ добывается торфъ, для отопленія. Дорога шла частію по *большому* шамилевскому пути *(Топо Шамилъ-Іолъ)*, а какова эта дорога — не легко даже вообразить. Съ берега Андійскаго койсу открывается превосходный видъ на Дагестанъ и его фіолетовыя горы,—но что это за мѣста только! Характеръ мѣстности подходитъ къ Ахульго и, вообще, къ дикимъ мѣстамъ Андійскаго койсу, а спускъ къ Тлоху, лежащему внизу ущелья таковъ, что хуже этого нельзя ничего и представить. Степанъ Семенычъ говорилъ совершенно справедливо, что, должно быть, Господь сослалъ сюда чертей за наказанье. Кстати, скажу, что здѣсь, во время моего проѣзда, жила вдова Хаджи-Мурата, вышедшая сюда замужъ изъ Хунзаха, послѣ смерти своего знаменитаго мужа. Сынъ и двѣ его дочери ничѣмъ не замѣчательны. Переночевавъ въ заѣзжемъ домѣ, гдѣ намъ, по принятому въ Дагестанѣ обычаю, прислуживали очень усердно и не взяли даже *бѣлыхъ* денегъ, которыми я вездѣ расплачивался подъ видомъ подарковъ дѣтямъ, мы на утро выѣхали въ *Ботлихъ*, переправились чрезъ висячій, американской системы, мостъ, около котораго былъ сваленъ толстый сосновый лѣсъ, доставленный съ верховьевъ рѣки, и потянулись по лѣвому берегу дикаго Андійскаго койсу. На половинѣ дороги лежитъ богатый (по-дагестански, ковечно) аулъ *Моно*, съ отличными садами, орѣховыми деревьями и обработанными полями. Въ Моно замѣчателенъ мостъ чрезъ койсу, шамилевской постройки: онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ слоевъ бревенъ, толстые концы которыхъ утверждены въ берегу, а нижніе висятъ надъ водою, причемъ слои расположены такъ, что верхніе постоянно длиннѣе нижнихъ, и это продолжается до тѣхъ поръ, пока слои обоихъ береговъ, образуя собою какъ бы арку, не сойдятся настолько, что на нихъ уже можно положить балки, не поддерживаемыя ничѣмъ посрединѣ. Къ вечеру мы пріѣхали въ Ботлихъ, мѣстопребываніе управляющаго западнымъ Аварскимъ отдѣломъ. Здѣсь мы уже должны были остановиться въ духанѣ и нанять лошадей до Ведено.

Digitized by Google

Ботлихъ—богатый аулъ, улицы котораго обсажены толстыми орѣховыми деревьями, орошаемыми, какъ и сады, водою изъ проведенныхъ канавъ. Все это напомнило мнѣ милую Швейцарію, покинутую мною ради путешествія по Дагестану. Человѣкъ никогда ничѣмъ недоволенъ и готовъ промѣнять лучшее на худшую, но всегда заманчивую новизну. Такъ было и со мной. Сидя подъ орѣховымъ деревомъ у грязнаго духана, я, съ теплымъ чувствомъ, вспоминалъ о покинутой мною милой странѣ, а, между тѣмъ, духанщикъ-армянинъ, ломанымъ языкомъ, разсказывалъ про такіе эпизоды изъ Кавказской войны, которыхъ образованному европейцу и вообразить-то нельзя. На другой день надобно было выѣхать въ *Ведено*, куда ведутъ двѣ дороги: на *Анди*, по которой пришелъ Фрейтагъ, на выручку кн. Воронцова, во время даргинской экспедиціи, и на аулъ *Хой*, мимо озера Эйзелямъ (форельваго), чрезъ *Керкетскій перевалъ*. Я выбралъ послѣднюю. Такъ какъ за переваломъ начинается уже Веденскій округъ, то и пришлось нанять лошадей по вольной цѣнѣ: я заплатилъ за двѣ лошади съ коннымъ проводникомъ 8 р. Переѣздъ предстоялъ въ 72 версты, и потому мы, самымъ раннимъ утромъ, выѣхали *27-го сентября изъ Ботлиха въ Ведено*. Іолъ-Падишахъ проведена, разумѣется, отлогими зигзагами, но проводникъ предпочелъ вести насъ напрямикъ такими подъемами, что все время приходилось держаться за гриву лошади, которая, пыхтя, еле карабкалась. На высотѣ 6,130′ находятся прекрасные сѣнокосы и форельное озеро Эйзелямъ, на берегу котораго выстроена бесѣдка, гдѣ обѣдалъ покойный государь, во время путешествія своего по Кавказу. Оригинальный видъ имѣетъ это озеро, напоминающее потухшій кратеръ, которымъ оно, очень можетъ быть, и является въ дѣйствительности. Оно лежитъ въ отвѣсныхъ гранитныхъ берегахъ и окружено съ трехъ сторонъ гранитными-же скалами, а съ четвертой торфянымъ болотцемъ, по которому струится впадающій въ него небольшой ручеекъ; выхода водѣ изъ озера нѣтъ никакого, и надо полагать, что излишекъ ея или похищается испареніемъ, или вытекаетъ чрезъ какое нибудь невидимое отверстіе. Въ зеленоватой его водѣ плаваетъ стадами форель, о величинѣ которой (конечно, рѣдкой) можно судить по экземпляру, видѣнному мною у Пышкина. Рыболововъ здѣсь нѣтъ никакихъ, развѣ только, иной разъ, солдатики побалуютъ самодѣльными удочками; стало быть, драгоцѣнной рыбкѣ полныя при-

Digitized by Google

воль и безопасность. Дорога шла берегомъ. Вдали блестѣли снѣговыя горы. Какая первобытная дикость и какая свѣтлая и прозрачная тишина. Послѣ сдѣланнаго нами подъема, необходимо было дать лошадямъ вздохнуть немного, что мы и сдѣлали, расположившись на привалъ на буркахъ возлѣ царской бесѣдки. Отдохнувъ съ ½ часа, мы двинулись дальше. При Шамилѣ, близъ озера, существовало поселеніе бѣглыхъ русскихъ солдатъ, называвшееся тоже Эйзелямъ. Послѣ покоренія Кавказа, ихъ оставили было на мѣстѣ и дозволили выбрать изъ себя старшину, но бѣглецы и особенно почтенный ихъ довѣріемъ старшина—совершенный геркулесъ по росту и сложенію—оказались такимъ народомъ, что вскорѣ признано было необходимымъ разселить ихъ по разнымъ мѣстамъ, и отъ поселенія не осталось и слѣда. Проѣхавъ послѣдній дагестанскій аулъ *Хой*, съ башней и кладбищемъ, почти всѣ могилы котораго были украшены длинными шестами съ разноцвѣтными флагами (такъ, обыкновенно, здѣсь, обозначаются могилы убитыхъ на войнѣ), мы начали подниматься на Керкетскій перевалъ, отдѣляющій Чечню отъ Дагестана.

Керкетскій перевалъ, абсолютная высота котораго, какъ говоритъ надпись, 7,373′, разработанъ въ 1870 г. Съ него уже начинаются русскіе верстовые столбы, и также надпись говоритъ, что до Ведено осталось 32¼ версты. Чѣмъ больше приближаешься къ перевалу, тѣмъ природа все болѣе и болѣе измѣняется къ лучшему. Уже на первомъ, такъ сказать, предварительномъ перевалѣ, на берегу небольшаго озера (кажется, *Тамъ?*) показываются прекрасныя пастбища и покосы, а съ главнаго перевала открывается превосходный видъ на оставшійся назади Дагестанъ, съ покрытыми снѣгомъ Кази-Кумыкскими горами, и на внезапно открывшуюся впереди лѣсистую область Большой Чечни. Уже видны наши родимыя березки съ пожелтѣлыми листьями. Внизу чернѣются Ведено и ущелье *Хумкулау*, а далѣе уже знакомые: Аргунъ, Воздвиженская, Ханкальское ущелье, Сунжа, Грозная, Терекъ и безбрежная степь. Солнце пригрѣваетъ отлично. На небѣ ни облачка, но кое-гдѣ уже снѣжокъ, и въ тѣневыхъ мѣстахъ висятъ ледяныя сосульки. Дышется такъ легко и хорошо, что невозможно не остановиться и не бросить прощальнаго взгляда на только что оставленный Дагестанъ и на открывшуюся панораму Чечни. Мы надѣваемъ бурки и садимся; проводникъ, ломанымъ языкомъ, разсказываетъ недав-

Digitized by Google

нее происшествіе, случившееся въ Ботлихѣ.—«Чеченска человѣкъ—воръ!—говоритъ онъ. Недавно Ботлихъ ходилъ и лошадь тамъ карабчилъ. Ботлихска человѣкъ Чечня ходилъ, вора ловилъ.—Твоя укралъ!—Моя! Бери, говоритъ.—А сѣдло гдѣ, уздечка? Тутъ одна арканъ! Давай сѣдло и уздечка!—Нѣту, все продалъ! Просилъ: возьми пистолетъ, шашку! Не бери ботлихска человѣкъ.—Давай уздечку, сѣдло! Вотъ чеченска человѣкъ и стрѣлилъ ботлихска человѣкъ! Узнали ботлихски люди—Чечень ходилъ, вору руки крутилъ, Ботлихъ тащилъ, тамъ его и уруби! Пять ботлихска человѣкъ его уруби, да десять матушка (родственницъ) голову ему камень кидалъ. Ну, эти пять ботлихска человѣкъ острогъ Шуру сажалъ, а зачѣмъ сажалъ? Не знай самъ—зачѣмъ!» Но погодимте съ ½ часа на перевалѣ, любезный читатель, и побесѣдуемъ на досугѣ о только что покинутомъ нами Дагестанѣ.

Лезгинъ вовсе не то, что чеченецъ: лезгинъ—воинъ, чеченецъ—хищникъ и воръ. Въ Дагестанѣ немыслимъ случай, который былъ съ моимъ башлыкомъ, по дорогѣ въ Воздвиженскую. Лезгины воевали, а не нападали втихомолку на одинокихъ путниковъ, съ цѣлью грабежа; напротивъ, они сами выдавали грабителей, и по Дагестану ѣздятъ теперь безъ всякаго оружія. Лезгинъ гордъ, самолюбивъ, гостепріименъ, онъ не возьметъ съ васъ платы за ночлегъ, а если и возьметъ, то какъ подарокъ, и тутъ-же постарается отдарить чѣмъ нибудь. Держитъ себя лезгинъ вѣжливо и съ достоинствомъ. Нукеръ, ѣдущій впереди, чтобы показывать, гдѣ лучше дорога, при пріѣздѣ на мѣсто и даже при проѣздѣ черезъ аулъ, непремѣнно останется позади васъ. Онъ обидится, если вы ему станете говорить—ты, и хоть не выскажетъ этого, но вы замѣтите на его лицѣ признакъ неудовольствія. Лезгинъ трудолюбивъ: припомните, какъ онъ, по кольямъ и веревкамъ, взбирается на площадки скалъ, для посѣва и уборки хлѣба; поглядите на оросительныя канавы, сады, на всѣ каменныя постройки, требующія огромнаго труда, и проч., и вы тогда усумнитесь, когда услышите, что лезгинъ ничего не дѣлаетъ, а работаютъ все за него женщины. Правда, что на послѣднихъ падаетъ большая часть трудовъ, но въ этомъ виновата не лѣность, а прежняя, постоянно военная жизнь. Лезгинки рано старѣютъ отъ непосильныхъ трудовъ; онѣ замѣняютъ собою эшака и въ 30-ть лѣтъ уже согнуты вдвое; здѣсь малолѣтней дѣвочкѣ уже даютъ, вмѣсто игрушки, кошолку, для пріученія ея къ пере-

Digitized by Google

носкѣ тяжестей; но, вѣроятно, онѣ сознаютъ, или сознавали до окончанія войны, что такой порядокъ необходимъ, и на разсказы о томъ, какъ легко живется русскимъ женамъ, отвѣчаютъ презрительно: «ихъ царство здѣсь, а наше на небѣ, и мы не хотимъ съ ними мѣняться». Вслѣдствіе постоянной войны, между мужчинами и женщинами установилось распредѣленіе работъ, соблюдающееся и до сегодня: мужчина только пашетъ, сѣетъ и, вообще, исполняетъ всѣ земляныя работы, а на женщинѣ лежитъ все остальное; отъ того часто и попадаются такія картины, что жена работаетъ около дома, а мужъ надѣнетъ шубу, куритъ трубку и ничего не дѣлаетъ, или жена тащитъ на себѣ тяжесть, подъ которой согнулась чуть не до земли, а мужъ идетъ безъ ничего и только погоняетъ ишака.

Лезгины не жадны къ деньгамъ, хотя и очень знаютъ имъ цѣну. Они постоянно жалуются на тяжесть податей (это 1 р. съ дома то!), а при спросѣ объ имуществѣ—лгутъ немилосердно, такъ что иной, у котораго баранты до 2,000 головъ, преспокойно разсказываетъ, что у него ничего нѣтъ. Передъ начальствомъ они тоже никогда не задумаются солгать и на улики отвѣчаютъ: «моя что дѣлалъ вечеромъ, забылъ утромъ». Какъ истый дикарь, лезгинъ мстителенъ и вспыльчивъ до бѣшенства и при обидѣ, того и гляди, не сдержитъ своего «большаго сердца» и всадитъ кинжалъ въ обидчика. Больше всего лезгинъ цѣнитъ справедливость, которую, конечно, понимаетъ по своему, и никогда не проститъ умышленной обиды, которой, иной разъ, вовсе и не было. Для примѣра разскажу про ункратльское возмущеніе 1861 года.

Ункратль—разбойничье общество, лежащее въ самыхъ вершинахъ Андійскаго койсу. Ункратльцы не хотѣли никого знать и не признавали надъ собой даже власти Шамиля. Ни мало не интересуясь политикой, они продолжали свои разбойничества и послѣ покоренія восточнаго Кавказа. Въ это-то общество и былъ назначенъ наибомъ, подробно описанный г. Руновскимъ, Хаджіо—прекраснѣйшая, умная и симпатичная личность, любимецъ Шамиля, бывшій съ нимъ въ Калугѣ. Между ункратльцами особенно отличался своими разбоями Куракуръ-Магома, пойманный Хаджіо, по вступленіи его въ должность, и сосланный, кажется, въ Преображенское укрѣпленіе (гдѣ желѣзный мостъ на Андійскомъ койсу, между Тлохомъ и Ботлихомъ), гдѣ онъ и умеръ отъ лихорадки. Ункратльцы

Digitized by Google

не могли простить этого новому наибу и ждали только удобнаго случая для мести, который скоро и выискался: Хаджіо потребовалъ отъ общества помощи ему, какъ наибу, при постройкѣ дома— и этого было достаточно! Поднялись вопли объ обидахъ и притѣсненіяхъ, кончившіеся тѣмъ, что къ не ожидавшему ничего Хаджіо ворвалась толпа изъ всѣхъ жителей и убила его, а вдова Курахуръ-Магомы вырѣзала и съѣла часть сердца своего врага — такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываютъ. Ункратльцы предпочли свою расправу жалобѣ всѣмъ доступному и извѣстному своей справедливостью князю Меликову. Разумѣется, этотъ поступокъ не могъ остаться безъ наказанія, и рѣшено было все ункратльское общество, какъ участвовавшее поголовно въ убійствѣ наиба, выселить изъ его трущобъ. Приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе съ примѣрной строгостью, требовавшеюся въ то время. Переселеніемъ завѣдывалъ, за отсутствіемъ начальника округа князя Чавчавадзе, адъютантъ его, магометанинъ Максютъ Алехановъ. Къ несчастію, дѣло не обошлось безъ сценъ, про которыя и упоминать-то бы не хотѣлось. Мнѣ говорили, напримѣръ, что ункратльцы не запаслись провіантомъ, и по дорогѣ въ Шуру, по берегу Андійскаго койсу, были случаи, что матери, съ голоду, бросали своихъ дѣтей въ рѣку и сами бросались вслѣдъ за ними. Конечно, къ подобнымъ разсказамъ, какъ говорилъ мой одинъ тифлисскій знакомый, надобно относиться не иначе, какъ помножая ихъ на коэфиціентъ дѣйствительности, причемъ, очень часто, въ произведеніи получается нуль; но, все-таки, какъ хотите, невольно думается, что безъ огня дыма не бываетъ. Въ Шурѣ былъ назначенъ судъ, и нѣкоторыхъ изъ наиболѣе важныхъ преступниковъ и убійцъ Хаджіо сослали въ Сибирь, а остальныхъ разселили по внутреннимъ губерніямъ. Многіе бѣжали изъ Ункратля, забились по трущобамъ, и ихъ еще долгое время ловили и послѣ ссылки мятежниковъ. Насколько можно полагаться вообще на лезгинъ — показываетъ примѣръ Е. М. Тихонова, препоротаго измѣнически сзади насквозь кинжаломъ за какую-то воображаемую несправедливость, о чемъ я уже говорилъ выше. Лезгинскія дружины, сформированныя въ хивинскую экспедицію и въ послѣднюю турецкую войну, отличались примѣрной дисциплиной и храбростью, но, въ тоже время, мнѣ вспоминается слѣдующее: однажды, во время послѣдней войны, проѣзжая въ Москвѣ по Мясницкой, я былъ пораженъ необыкновеннымъ арѣ-

Digitized by Google

лищемъ: по улицѣ, окруженная сплошнымъ конвоемъ солдатъ, шла толпа черкесовъ въ нѣсколько сотъ человѣкъ; солдаты перекликались между собой протяжными голосами, кричали «посторонись!»— и вся эта толпа напоминала собой огромный гуртъ, провожаемый гуртовщиками. Арестанты шли бодро, и только нѣсколько больныхъ стариковъ лежали сзади на телѣгахъ. По ихъ сложенію, я тотчасъ-же призналъ лезгинъ—лезгинъ, которыхъ я видѣлъ такими покорными и смирными 5-ть лѣтъ тому назадъ. И что-же оказалось? Эти самые, покорные и смирные люди, конечно, нафанатизированные своими проповѣдниками, поднялись, почти безъ оружія, но, разумѣется, ничего не могли сдѣлать и ограничились однимъ разграбленіемъ и разрушеніемъ (напримѣръ, въ Кородахѣ) слободскихъ домовъ и духановъ. Ихъ и гнали за это въ ссылку, изъ которой, въ настоящее время, они уже возвращены и опять поселились и живутъ мирно въ своихъ трущобахъ, въ которыхъ, кромѣ ихъ, и жить-то никто не въ состояніи. Скажу еще, что лезгины, сосланные во внутреннія губерніи, быстро выучились русскому языку, многіе изъ нихъ нанялись въ услуженіе и сдѣлались превосходными слугами, а нѣкоторые даже занялись изученіемъ кулинарнаго искусства и сдѣлались превосходными поварами; словомъ, они оказались совершенно схожими во всемъ со своими единовѣрцами, такъ извѣстными въ Петербургѣ. Да, лезгинъ—хорошій полузвѣрь, и только самою строгою справедливостью можно его заставить уважать нашу власть (что, не говоря комплиментовъ, насколько я видѣлъ, и исполняется въ Дагестанѣ), остальное-же слѣдуетъ предоставить обстоятельствамъ и времени, которыя сдѣлаютъ свое дѣло. Но не забудемъ, что намъ еще надобно спуститься въ Ведено, а солнце уже низко, и осталось еще 34¼ версты, какъ показываютъ русскіе верстовые столбы, начавшіеся за переваломъ. При переѣздѣ чрезъ Пиренеи испытывается почти такое-же ощущеніе: Испанія, это—Дагестанъ, а Чечня — Франція. Спускаемся. Внизу видна раздѣланная дорога, но мы ломимъ напрямикъ, потому что ближе, хотя и приходится держаться за заднюю луку, а отъ упиранья въ стремена страшно ноютъ колѣни. Вотъ и *Хулкулау*, журчащая въ ущельѣ, поросшемъ мелкимъ березнякомъ, среди котораго высятся толстые клены; листъ уже весь пожелтѣлъ; среди лѣса попадаются небольшіе покосы, но посѣвовъ еще нѣтъ. Все тихо, только журчитъ Хулкулау, да вторятъ ей

Digitized by Google

ручьи, бѣгущіе съ горъ. Мы слѣзаемъ съ лошадей и идемъ пѣшкомъ, чтобы хоть нѣсколько расправить совсѣмъ одеревенѣлыя ноги, но вскорѣ опять должны сѣсть верхомъ, потому что на дорогѣ чеченскій аулъ *Хорочай*, и насъ встрѣчаютъ стаи собакъ и босоногихъ, въ однѣхъ рубахахъ, мальчишекъ: первыя кидаются на Дружка, который, по обыкновенію, вооружась палкой и поставивъ хвостъ закорючкой, относится къ своимъ врагамъ съ полнѣйшимъ презрѣніемъ, а вторые преслѣдуютъ насъ какими-то криками, должно быть, бранью, и швыряютъ камнями въ догонку. На порогахъ сидятъ старики въ шубахъ и женщины въ ситцевыхъ бешметахъ, шальварахъ и туфляхъ безъ пятокъ, повязанныя спускающимися на спину яркими платками, изъ подъ которыхъ виднѣются завитые кольцомъ височки; онѣ смотрятъ смѣло и не закрываются при нашемъ проѣздѣ. Чеченки сильны и красивы и нисколько не похожи на изнуренныхъ лезгинокъ. Хорачай уже вполнѣ чеченскій аулъ: сакли глиняныя, въ родѣ малороссійскихъ хатъ, окна и двери обведены красными разводами, а крыши крыты соломой. Миновавъ аулъ, мы, въ темнотѣ безлунной ночи, быстро замѣнившей яркій день, ѣдемъ дальше. Вотъ что-то чернѣется наверху, влѣво; это —возвышенность, гдѣ было укрѣпленіе Шамиля, а внизу темныя очертанія крѣпости, около которой разложены костры ночующихъ проѣзжихъ, это —

Ведено (23-го сентября). По военному кавказскому обычаю, насъ не пустили въ крѣпость, и намъ предстояла, послѣ такого переѣзда, веселая перспектива ночлега у костра, на голой землѣ, съ пустымъ желудкомъ; но, однако-же, мы ухитрились пробраться кое-какъ чрезъ калитку съ другой стороны и найти пріютъ у какого-то грузина, проводникъ-же съ лошадьми остался за крѣпостью. Чай, послѣ 72-хъ-верстнаго горнаго переѣзда, показался намъ сущимъ нектаромъ. Проводникъ тоже отыскалъ насъ и пришелъ за разсчетомъ. Я далъ ему денегъ на овесъ или ячмень для лошадей. Деньги онъ взялъ, но овса, разумѣется, не купилъ и, давъ имъ немножко пощипать скудной травы, чуть свѣтъ погналъ обратно въ Ботлихъ. Выносливость горскихъ лошадей истинно изумительна! Въ Ведено стоялъ тогда куринскій полкъ. Хозяинъ мнѣ много разсказывалъ о полковомъ солдатскомъ клубѣ, въ которомъ солдатики могли получать дешевый чай, солянку, яичницу, играть въ шашки, читать газеты и мирно бесѣдовать; за порядокъ

Digitized by Google

отвѣчали дежурные, и спиртные напитки, разумѣется, не допускались ни подъ какимъ видомъ. Все это мнѣ очень понравилось.

На утро мы пошли осматривать Ведено. Бывшая столица Шамиля теперь имѣетъ видъ обыкновенной каменной кавказской крѣпостцы, съ домами начальниковъ, казармами, запасными магазинами, лазаретомъ и проч. Она лежитъ при впаденіи съ западной стороны рѣчки, прозванной русскими Веденкой, въ Хулхулау. На мысѣ, образуемомъ этими рѣчками, стоялъ домъ имама, потомъ перенесенный въ крѣпость; его остатки и теперь еще можно видѣть возлѣ кирпичныхъ заводовъ, на прежнемъ-же мѣстѣ покосы, съ которыхъ, при нашемъ проѣздѣ, убирали второе сѣно. Возлѣ крѣпости населена распланированная слободка съ садами. Порасспросивъ и ничего не доспросившись о бывшихъ здѣсь въ плѣну княгиняхъ Орбеліани и Чавчавадзе, мы собрались выѣхать въ тотъ-же день, для чего Степанъ Семенычъ, имѣвшій особенное пристрастіе къ своему брату-солдатику, и нанялъ отставнаго унтеръ-офицера Калачева, съ телѣгой въ одну лошадь, за 8 р., до Хасавъ-Юрта, гдѣ мы оставили багажъ.

Отъ *Ведено до Эрсеноя* (каменной крѣпостцы, при выходѣ Хулхулау изъ Черныхъ горъ) 12 верстъ. Дорога идетъ ущельемъ этой рѣки, между поросшими, большею частію, темнымъ чинаровымъ лѣсомъ Черными горами—жилищемъ медвѣдей, кабановъ и бирюковъ (волковъ), изъ которыхъ послѣдніе появляются, иной разъ, даже и у Ведено. Хорошо разработанное шоссе тянется вдоль быстрой Хулхулау, русло которой завалено не совсѣмъ еще сгнившими остатками деревьевъ, срубленныхъ при проведеніи просѣки, слѣды которой можно хорошо видѣть еще и до сихъ поръ. Вотъ онѣ, настоящія-то Черныя чеченскія горы! Но долина нѣсколько расширяется. На дорогѣ аулъ *Арджинажъ* и кругомъ его лоскутки полей, съ неубранной еще кукурузой; поля эти, разумѣется, обнесены загородями отъ кабановъ. Мы, наконецъ, выѣзжаемъ на плоскость у Эрсеноя, четырехъ-угольной каменной крѣпостцы, съ бойницами. Теперь это была совершенно мирная постройка, съ неизбѣжнымъ, пріютившимся около нея духаномъ, у котораго стояло съ возами нѣсколько человѣкъ совершенно безоружныхъ погонщиковъ и два охотника, съ собаками, напоминавшими безсмертнаго Ляма дяди Ерошки, принесшіе пропивать убитыхъ ими фазановъ. И намъ необходимо было остановиться и покормить,

Digitized by Google

потому что лошадь Калачева оказалась совсѣмъ хромою и еле двигала ноги, а самъ онъ лежалъ на передкѣ въ лихорадкѣ и не могъ даже править своимъ бущефаломъ. Однако, времени терять было нельзя, къ вечеру непремѣнно требовалось доѣхать до Умаханъ-Юрта. Поѣхали. Но, пройдя верстъ 5 по дрянной колесной дорогѣ (шоссе кончилось съ выѣздомъ изъ горъ), лошадь Калачева, наконецъ, стала совсѣмъ. Было уже 4 часа пополудни, и добраться на ней до ночлега не предвидѣлось ни малѣйшей возможности.

— Что, Калачевъ,—сказалъ Степанъ Семенычъ, — не дойдетъ лошадь до Маханъ-Юрта-то?

— Не дойдетъ,—отвѣчалъ Калачевъ, стуча зубами.

— Что-жъ теперь дѣлать?

— А ночевать въ полѣ.

— А что, и въ самомъ дѣлѣ?—обратился ко мнѣ вѣрный личарда, очевидно хитря и желая хоть чѣмъ нибудь замаслить свою, на этотъ разъ, очень неудачную склонность къ братцамъ-солдатикамъ.—Посмотрите, какія мѣста! До ночи поохотимся, а завтра и въ путь.

— Ну, ночевать, такъ ночевать,—сказалъ я.—Пойдемъ на охоту.

Мѣстность имѣла слѣдующій видъ: это была совершенно ровная плоскость, изрѣзанная множествомъ рѣчушекъ и ручьевъ и поросшая лѣсомъ, по которому были разсѣяны почти безпрерывныя поляны. Прежніе дремучіе чеченскіе лѣса уже не существовали, лѣсъ былъ, что называется, коловой, надъ куртинами котораго возвышались грушевыя деревья, пощаженыя топоромъ. Было время пролета вальднешнеповъ, покинувшихъ среднюю Россію въ половинѣ сентября. Едва мы успѣли отойти отъ расположившагося у воды Калачева,—вспорхнулъ вальдшнепъ и, пронесясь зигзагами, опустился на другой сторонѣ лѣснаго островка. Мы, разумѣется, пошли за нимъ, но, не подпустивъ и на 100 шаговъ, онъ поднялся и опять занырялъ и опять опустился черезъ поляну; мы опять за нимъ—и опять таже исторія. Поднявъ нѣсколькихъ зайцевъ, мы увидѣли, на одной изъ грушъ, усѣвшуюся стаю витютней; я подкрался и убилъ пару, а, между тѣмъ, солнце сѣло, и почти мгновенно наступила темная ночь. Меня начала насквозь пронизывать холодная сырость, потому что я былъ одѣтъ въ легкую блузу, вымокшую, вмѣстѣ съ бѣльемъ, отъ быстрой ходьбы и, въ настоящее время, просто, дымившуюся паромъ, что, конечно, еще

Digitized by Google

болѣе увеличивало ознобъ. Руководясь грушевыми деревьями, мы пошли, какъ полагали, на Калачева, но оказалось, что лѣсные острова и ихъ груши всѣ были похожи другъ на друга, и мы заблудились. Дѣло становилось серьезнымъ; кавказская лихорадка, трепавшая Калачева, была передъ глазами. Бредя почти ощупью, мы наткнулись на какую-то фигуру, шедшую намъ на встрѣчу.

— Вильды урусъ, кунакъ (понимаешь по-русски, кунакъ)? — спросилъ Степанъ Семенычъ.

— Бельмесъ (не понимаю) — отвѣчала, пропадая въ темнотѣ, фигура. Гдѣ-то, въ аулѣ должно быть, залаяли собаки. Стрѣляемъ! Кричимъ Калачева! Никакого отвѣта. Пресквернo! Насъ пугали не чеченцы, хотя ночью и съ ними не хотѣлось бы встрѣтиться, пугали насъ сырость и холодъ. Что дѣлать? Остановиться и отдыхать—какъ разъ получишь ревматизмъ и лихорадку; ходить напролетъ длинную осеннюю ночь—не выходишь; идти въ аулъ на лай собакъ, да какъ идти? Того и гляди, въ темнотѣ, попадешь въ рѣчку, а если и не попадешь, то, какъ хотите, а все-таки, вѣдь, Богъ ее знаетъ—Чечня! Положеніе становилось изъ рукъ вонъ скверными.

— Повернемте назадъ, — сказалъ Степанъ Семенычъ. Хорошо, повернули.

— Теперь направо, полянкой.

— Зачѣмъ-же направо-то?

— Да такъ ужъ, что Богъ дастъ!—И направо повернули, и вдругъ, —о, радость!—вдали огонекъ. Подходимъ. Онъ, онъ, какъ есть, Калачевъ!—лежитъ у костра, на голой землѣ, и трасется, а лошадь щиплетъ траву вблизи телѣги.

— Что-жъ ты не откликался, чертовъ эдакій сынъ!—накинулся на него Степанъ Семенычъ.—Вѣдь, мы было совсѣмъ заплутались.

— Ой-ли?—сказалъ Калачевъ спокойно.—Да какъ мнѣ было кричать-то? Меня лихорадка била все время, такъ не до крика.

— Ну, а теперь перестала.

— Теперь полегче маленько, только въ жаръ бросило.

Давъ бѣдняку двѣ чайныхъ ложки хины, я закутался въ пледъ и бурку и легъ около костра, а Степанъ Семенычъ занялся приготовленіемъ чая и жаренъемъ или, скорѣе, сожженіемъ витютней на шомполѣ. Напившись кипятка и поужинавъ сженымъ витютнемъ—да и какъ еще, съ какимъ аппетитомъ!—я уснулъ мертвымъ сномъ,

Digitized by Google

подъ раздававшійся гдѣ-то вдали лай чеченскихъ собакъ. Проснулся я, какъ избитый, но все обошлось благополучно, и, напившись чаю, мы опять поплелись, на нашемъ хромомъ буцефалѣ, къ Умаханъ-Юрту. Дорога шла по рѣчкѣ *Бѣлой* и безпрерывно пересѣкалась рѣченками и ручейками, журчавшими внизу кустовъ. Попадались и вышки съ чеченскими ведетами. У башни на Бѣлой хорошія фазаньи мѣста, и мы, остановившись здѣсь, убили двѣ пары, а потомъ потащились дальше и, наконецъ, кое-какъ дотащились до Умаханъ-Юрта.

Умаханъ-Юртовская станица населена самыми закоренѣлыми старообрядцами. Боже избави, чтобъ они пустили къ себѣ табачника или дали напиться не изъ *мірской* посуды! Мы заѣхали въ заѣзжій домъ, съ вывѣскою «Буфетъ», и распрощались съ Калачевымъ, который рѣшительно отказался везти насъ дальше. Мы должны были нанять здѣсь до Хасавъ-Юрта пару за 3 р. 50 к. Между Умаханъ-Юртомъ, лежащимъ при впаденіи Бѣлой въ Сунжу, и Шелководской, на Терекѣ, какъ мнѣ говорили, удивительная охота, а охотниковъ мало. Здѣсь-то, по близости, и отличался безсмертный дядя Ерошка.

Дорога до Хасавъ-Юрта идетъ терновникомъ, изъ котораго Дружокъ выгонялъ то и дѣло фазановъ, но намъ ужъ было не до охоты. Татары и до сихъ поръ все еще промышляютъ воровствомъ и разбоемъ; такъ, недавно, они отбили три пары воловъ. Замѣтимъ, кстати, что, по разсказамъ, и здѣсь лучшія земли отошли господамъ. Проѣхавъ мимо укрѣпленія *Герзель-аулъ* и брошеной, въ настоящее время, башни, мы переправились черезъ Аксай, который разлился и бушевалъ-таки порядочно, и, къ вечеру 29-го сентября, пріѣхали въ Хасавъ-Юртъ, откуда выѣхали обратно на Шелководскую черезъ день, т. е. 1-го октября.

Отъ *Шелководской* намъ предстояло два пути для возвращенія въ Россію: 1) на Ростовъ и 2) на Астрахань, черезъ Кизляръ и Калмыцкія степи. Я выбралъ послѣдній, потому что первый мнѣ былъ уже извѣстенъ, а желѣзная дорога отъ Владикавказа еще не была открыта. Про путь моремъ, изъ Петровска до Астрахани, я уже не говорю, потому что въ октябрѣ Каспійское море очень бурливо.

Не буду подробно описывать этотъ, выбранный мною, калмыцкій путь, скажу о немъ только въ общихъ чертахъ и коснусь его

Digitized by Google

жителей, т. е. калмыковъ. Съ Шелководской мы повернули вправо, на *Кизляръ*. Дорога до Астрахани, по этому пути, можетъ быть раздѣлена на два отдѣла: первый—до *Колпичьей* станціи, вдоль безчисленныхъ, поросшихъ густымъ камышемъ рукавовъ Терека, и второй—съ Колпичьей на *Гайдуковскую* (съ которой уже начинается Астраханская губернія), унылой, печальной степью до самой Астрахани. Первая часть оживляется множествомъ дичи, зимующей въ степи и камышахъ; тутъ безпрестанно попадаются стаи куропатокъ, стрепетовъ, дрохвовъ, чибисовъ, кроншнеповъ, а вправо, въ наполненныхъ кабанами камышахъ, по зарямъ стонъ стоитъ отъ крика водяной птицы. Это—золотое дно для охотника. Лучшія мѣста для охоты трудно опредѣлить: она вездѣ, по камышамъ, начиная отъ Шелководской и Старогладковской и кончая Колпичьей; напримѣръ, пройдитесь съ Аджихановской, близъ Дубовской станицы, къ морю, и вы тотчасъ-же, возлѣ станціи, будете поражены невѣроятнымъ количествомъ дичи по заливамъ и плесамъ; здѣсь все есть, начиная отъ кабановъ въ камышахъ и кончая лебедемъ и бекасомъ по заливамъ и болотамъ. При мнѣ казакъ на посту сряду три дня билъ по 9—10-пудовому кабану. На Колпичьей тоже самое, съ тою лишь разницей, что оттуда видно «сердитое Каспійское море», которое, «какъ ворона крыло, чернѣется вдали». Въ зимніе бураны, стада сайговъ, въ нѣсколько тысячъ, подходятъ даже къ Шелководской. И пріятно подумать, что этотъ край, по своей отдаленности и неудобству сообщенія, остается и еще, вѣроятно, долгое время останется недоступнымъ для нашихъ охотниковъ. Ногайцы и калмыки не стрѣляютъ, потому что у нихъ отобрано оружіе, а казаки тоже плохіе охотники.

Съ *Гайдуковской* (207 верстъ отъ Астрахани и 477 отъ Хасавъ-Юрта), какъ я сказалъ уже, начинается Астраханская губернія. Здѣсь вы не встрѣтите ничего, кромѣ почтовыхъ станцій, казачьихъ постовъ, да изрѣдка попадется развѣ семейство калмыковъ, перекочевывающее на новое мѣсто, съ своей складной, уложенной на арбѣ кибиткой, или вдали покажется одинокій кочевникъ, гарцующій на своемъ поджаромъ, горбоносомъ конѣ.

Станціи здѣсь такія-же, какія были повсемѣстно въ Россіи до желѣзныхъ дорогъ; вода на нихъ горько-соленая, а лошади таковы, что запряженную тройку, обыкновенно, съ трудомъ держатъ на мѣстѣ нѣсколько человѣкъ, и необходимо садиться, какъ

Digitized by Google

можно, проворнѣе. Не помню ужъ, на какой станціи, я сѣлъ и, усѣвшись, спросилъ старосту:

— А что у васъ лошади такія-же полоумныя, какъ и на другихъ станціяхъ, или нѣтъ?

— Что вы это, сударь!—отвѣчалъ онъ, обидѣвшись.—Унасъ нѣтъ полоумныхъ лошадей! Вотъ ужъ 14 лѣтъ держимъ, а полоумныхъ, до сихъ поръ, николи не было. Пускай!—закричалъ онъ вслѣдъ за этимъ. Державшіе лошадей отскочили. Вся тройка поднялась на дыбы и рванула изо всей мочи. Не успѣй я схватиться за кушакъ ямщика, такъ могъ бы, пожалуй, перепрокинуться черезъ задокъ и сломать спину. Только проскакавъ верстъ пять во весь опоръ, не полоумныя лошади пошли, наконецъ, рысью.

Калмыки сбиты русскими со всѣхъ хорошихъ мѣстъ, и имъ оставлены только солончаки да пески. По нашему, кажется, и жить-то нельзя на этихъ, поросшихъ колючкой пескахъ, а вотъ, поди-те, живутъ, да еще нѣкоторые и богато! Есть калмыки, имѣющіе по 10 тысячъ овецъ и по 1,500 лошадей, и это еще не настоящее количество, потому что истина скрывается ради подушной (или поюбитной) подати, а повѣрить очень трудно. Платятъ калмыки 7 р. 15 к. съ кибитки, богатые-же (таковыми считаются имѣющіе болѣе 100 головъ скота) платятъ, кромѣ того, 3 к. со скотины и 1 к. съ овцы. Когда я проѣзжалъ, носились слухи, что калмыковъ хотятъ пріурочить къ однимъ мѣстамъ и обратить въ осѣдлыхъ, но возможно ли это, когда мы знаемъ, что всѣ удобныя мѣста отошли къ русскимъ, а на оставшихся пескахъ и солончакахъ только и можетъ жить одинъ калмыкъ? Передвижная походная кибитка, защищающая его зимой отъ стужи, а лѣтомъ отъ жары, служитъ помѣщеніемъ для всей семьи; лѣтомъ въ ней воздухъ довольно чистъ, и чрезъ поднятыя полы въ верхнее дымовое отверстіе постоянно движется токъ чистаго воздуха (не даромъ, въ послѣднюю войну, калмыцкія кибитки были признаны за самые лучшіе лазаретные бараки). Ну, а зимой, конечно, не то: дымъ отъ жалкаго топлива (лошадинаго помета) ѣстъ глаза и стелется по всей кибиткѣ, пропитанной еще насквозь запахомъ махорки, потому что всѣ калмыки, не только мужчины и женщины, но даже и дѣти, самые завзятые курильщики. У еле тлѣющаго огонька, надъ которымъ виситъ котелъ, собирается вся семья, и ближе всѣхъ къ огню, грѣясь го-

Digitized by Google

рачей золой, помѣщаются совершенно нагія дѣти; послѣднія, и мальчики и дѣвочки, до 10 — 12-ти-лѣтняго возраста, ходятъ, и зиму и лѣто, буквально, нагишомъ, и только по достиженіи этого возраста ребенокъ получаетъ какой нибудь жалкій остатокъ рубахи, прикрывающій одни плечи. Для никогда не видавшихъ калмыковъ ихъ нагія ребятишки, преспокойно и совершенно серьезно расхаживающія на станціяхъ, даже безъ всякаго сознанія своей наготы, представляютъ необыкновенное зрѣлище. Хотя сначала и трудно бываетъ удержаться отъ смѣха, при видѣ этихъ купидоновъ, но смѣхъ пропадаетъ быстро, при мысли о томъ, какова-же должна быть жизнь и смертность среди этихъ дѣтей природы? Хоть калмыка и нельзя назвать человѣкомъ, но, все-таки, онъ и не звѣрь-же, въ самомъ дѣлѣ! Пищу калмыка составляютъ: покупной хлѣбъ, кирпичный чай, въ послѣднее время сильно распространившійся и между тамошними русскими и доходящій до 2 р. за плитку, и падаль! Да, падаль! Калмыкъ немногимъ отличается отъ своего степнаго сожителя, волка, и, какъ этотъ послѣдній, не очень разборчивъ въ пищѣ. Бѣдность заставляетъ дорожить скотиной и рѣшаться на ея рѣзку только въ случаѣ крайней нужды. Но если «Богъ убилъ»—тогда дѣло другое. На каждую околѣвшую на станціи лошадь собираются, съ топорами, толпы желающихъ познакомиться «божьей убоиной», и при раздѣлѣ частей дѣло доходитъ до драки и чуть не до смертоубійства. Калмыкъ не только самъ не убиваетъ скотины, но даже считаетъ за грѣхъ убивать кишащихъ на немъ паразитовъ; онъ сбрасываетъ ихъ только на землю, и тѣ опять всползаютъ на своего жалостливаго хозяина. Въ 70-хъ годахъ, былъ страшный падежъ на лошадей: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ 1,000 головъ не осталось и 20-ти штукъ, и калмыки, по выраженію разсказывавшаго мнѣ это смотрителя, отожрались, какъ псы, на падали. Для богатыхъ падежъ былъ бичь, а для бѣдныхъ—«божій пиръ на весь міръ». Я не знаю, къ какой религіи принадлежатъ калмыки офиціально, но мнѣ кажется, что въ ихъ вѣру входитъ и магометанство, и шаманство, и идолопоклонство. Почти каждый калмыкъ, на вопросъ, какой онъ вѣры, отвѣчаетъ: «я калмыкъ!»—и конецъ дѣлу. Развѣ только гилянъ (духовный) отвѣтитъ съ гордостью и таинственно, что ихъ вѣра хорошая, вѣра ламайская, вѣра старинная. Гиляны пользуются между калмыками большимъ вліяніемъ и, въ случаѣ смерти,

Digitized by Google

получаютъ добрую долю имущества покойника. Костюмъ ихъ—плащъ краснаго цвѣта. Богослуженіе калмыковъ сопровождается такими дикими трубными звуками и пѣніемъ, что наводитъ на русскихъ суевѣрный страхъ и заставляетъ ихъ полагать, что калмыки молятся чорту. Мнѣ разсказывали такой случай: однажды, послѣ какаго-то торжественнаго богослуженія, и гиляны и ихъ прихожане перепились до совершеннаго безчувствія. Нашелся ловкій казакъ, который, пользуясь этимъ случаемъ, укралъ ихъ идола и утащилъ его къ себѣ. Представьте-же себѣ ужасъ калмыковъ, когда они, проснувшись, увидѣли, что ихъ богъ, вѣроятно, прогнѣвался за ихъ пьянство и «улетѣлъ», неизвѣстно куда. Начались поиски—нѣтъ бога! Улетѣлъ, да и только! Искали до тѣхъ поръ, пока казакъ не далъ знать подъ рукой, что ихъ богъ прилетѣлъ къ нему, и что онъ его меньше, какъ за 700 р., не отпуститъ. Разумѣется, пришлось заплатить, но съ тѣхъ поръ ужъ бога безъ присмотра не оставляли, чтобы не вздумалъ опять улетѣть. Калмыки, какъ и ногайцы, обезоружены, и въ *Ержетеевскомъ* улусномъ правленіи валяется до 500 ихъ винтовокъ. Конечно, у нѣкоторыхъ осталось скрытое оружіе, которое, при случаѣ, отбирается казаками, если калмыкъ не въ состояніи отпереться,—казаки, какъ извѣстно, охулки на руку класть не любятъ. Калмыки ихъ страшно боятся, и если казакъ, по какому нибудь случаю, удостоитъ своимъ посѣщеніемъ калмыка, то непремѣнно рѣжь ему барана, а то и за нагайкой дѣло не станетъ.

Я прошу читателя не смотрѣть на эти замѣтки о калмыкахъ, какъ на нѣчто серьезное, имѣющее цѣлью описаніе быта этого, еще до сихъ поръ совершенно дикаго народа. Это, просто, замѣтки туриста, не приготовившагося даже и къ посѣщенію калмыцкихъ кочевій, а лишь случайно попавшаго въ нихъ, даже безъ самаго необходимаго запаса свѣдѣній, нужныхъ для хоть сколько нибудь обстоятельнаго разсказа о жизни этихъ несчастныхъ обитателей безотрадныхъ степей. Я записалъ только то, что видѣлъ и слышалъ, конечно, очень часто изъ не совсѣмъ вѣрныхъ источниковъ. Но даже и самаго поверхностнаго взгляда достаточно для того, чтобы видѣть, что жизнь калмыка, есть жалкая, полузвѣриная жизнь. Съ отходомъ къ русскимъ лучшихъ мѣстъ (напримѣръ, по Кумѣ), на которыхъ отлично родятся пшеница и виноградъ, калмыкамъ только и осталось существовать, что скотоводствомъ на ихъ песчаныхъ солончакахъ. Мы знаемъ, что стара-

Digitized by Google

нія американцевъ пріучить своихъ краснокожихъ охотниковъ къ земледѣлію и даже къ скотоводству не увѣнчались успѣхомъ; также было бы трудно перевести на осѣдлость и калмыковъ, еслибъ и нашлись въ теперешнихъ ихъ обиталищахъ удобныя для хлѣбопашества мѣста; а такъ какъ такихъ мѣстъ нѣтъ, то мнѣ и кажется, что пріурочить калмыковъ къ однимъ мѣстамъ, значитъ—обречь ихъ на вѣрное вымираніе. Народъ не измѣняетъ образа жизни по приказанію, надобно, чтобъ обстоятельства заставили его прибѣгнуть къ этому измѣненію. Одинъ калмыкъ только и можетъ существовать въ этихъ мѣстахъ: это—полуволкъ, взросшій въ полузвѣриной обстановкѣ, и непонятно, кому можетъ быть польза, если астраханскія степи останутся впустѣ.

Отъ русскихъ вы постоянно услышите самые презрительные отзывы объ этихъ «поганыхъ сыроядцахъ». Оно и понятно: калмыкъ — воръ или, скорѣе, скотокрадъ. Мнѣ, напримѣръ, разсказывали, что въ *Ерженевскомъ* улусѣ, гдѣ дѣлами завѣдуетъ русскій попечитель, съ состоящими при немъ помощникомъ и канцеляріей (неважныя дѣла рѣшаются своимъ, калмыцкимъ старшиной), дѣлъ о покражахъ не оберешься, но при этомъ надо замѣтить, что покражи бываютъ, большею частію, у ногайцевъ, ничѣмъ не отличающихся отъ калмыковъ и платящихъ имъ тою-же монетою; у русскихъ-же калмыки, по трусости, рѣшаются красть гораздо рѣже. На это послѣднее обвиненіе (т. е. въ воровствѣ) мы скажемъ только: если мы зачастую выносимъ оправдательные или смягчающіе вину приговоры своимъ наглымъ и сытымъ ворамъ, то будемъ снисходительны и къ калмыкамъ, для которыхъ скотокрадство является, иной разъ, единственнымъ развлеченіемъ, хоть нѣсколько разнообразя ихъ жалкую жизнь.

Но довольно. Степь, съ ея стаями куропатокъ и стрепетовъ, осталась назади. Показались рыбныя озера, образовавшіяся изъ разливовъ Волги; на нихъ миріады утокъ, гусей, бабъ-птицъ и всякой другой водяной дичи. А вотъ и довольно красивая издали и грязная вблизи Астрахань, съ ея кремлемъ, соборомъ, мачтами, дымящимися пароходами и пестрымъ азіатскимъ населеніемъ. Мы переправились черезъ Волгу на паромѣ. Вокругъ насъ сотни черныхъ баклановъ появляются на поверхности воды и ныряютъ вглубь за добычей. Переночевавъ въ нумерахъ Мочалова, мы, на другой-же день, 4-го октября, отплыли на пароходѣ въ Россію.

Digitized by Google

Глава VII.

Путешествіе 1874 года. — Опять Кабарда. — Тифлисъ. — Гамборы. — Охота въ нихъ.—Телавъ.—Монастырь Алаверди и охота на фазановъ.—Сигнахъ.—Монастырь св. Нины, въ Бодбѣ.—Мы сворачиваемъ на бывшую военно-лезгинскую линію, чрезъ Чіаурскій мостъ на Алазани, въ Лагодехи.—Лагодехи.—Бѣлоканы.—Катехи.—Закаталы.—Нуха.—Въ Чемохлахъ мы внѣзжаемъ на большой елизаветопольскій трактъ.—Здѣшнія рѣки во время дождей и таянія снѣговъ.—Переправа чрезъ Туріанъ-чай.—Молоканскія села: Кара-Марьинское и Кулюлинское.—Ахъ-Су.—Шарадели.—Шемаха.—Дожди.—Ночлегъ во время бури.—Опасности путешествія, во время дождей, въ здѣшнихъ мѣстахъ.—Баку.—Возвращеніе въ Астрахань.—Заключеніе.

Въ Швейцаріи, гдѣ я проводилъ лѣто 1874 года, было получено мною отъ Измаила письмо (вѣроятно, это единственный кабардинецъ, которому пришлось имѣть корреспонденцію съ Швейцаріей). Оно заключало въ себѣ, во-первыхъ, поклоны отъ самого старшины, Бекъ-мурзы, Джамбота, Бату и Хату, потомъ благодарность за присылку двухстволки и, наконецъ, приглашеніе пріѣхать на охоту, съ извѣщеніемъ, что собаки и все прочее находится въ готовности и ждетъ только моего пріѣзда. Вмѣсто подписи, была приложена, въ видѣ чернильной кляксы, старшинская тамга, т. е. печать. Я собирался въ этомъ году объѣхать прежнюю лезгинскую линію—нынѣшнюю долину Алазани, такъ отчего-же не заѣхать и въ Пятигорскъ, по дорогѣ? Я и заѣхалъ. Къ великому моему удивленію и горю, у Измаила, вмѣсто ожидаемой стаи собакъ, только и оказалась, что одна собаченка, да и та паршивая, съ распухшей лапой, величиной чуть не съ ея голову. На выраженіе моего удивленія, Измаилъ спокойно отвѣчалъ, что у него своихъ собакъ нѣтъ, а что онъ пошлетъ къ кн. Наурузову, тотъ пріѣдетъ, и тогда будемъ охотиться. Послали, и, въ ожиданіи пріѣзда князя, опять время потянулось, какъ въ прошломъ году: тоже бренчанье на пшинѣ и тѣ-же разговоры о холопяхъ.

Digitized by Google

— Скажи, пожалуй, правда, въ будущій май мѣсяцъ обѣщался холопей отдать?

— Нѣтъ, не правда, Измаилъ.

— А зачѣмъ не правда? Можетъ, отдастъ?

— Нѣтъ, не отдастъ, да и сами вы ихъ теперь не возьмете.

— Возьмемъ! чего не взять! Служить некому, какъ-же не взять! Теперь, вонъ, Батуна служитъ. Служи, Батуна, служи! Теперь нѣтъ холопей, надо служить! Батуна у меня молодецъ: прошлая недѣля сразу четырехъ гусей стрѣлилъ.

— Дикихъ?

— Нѣтъ, холопскихъ.

— Что-же вы? Заплатили?

— Ну, вотъ еще! Станемъ мы холопямъ платить!—и т. д., все въ этомъ родѣ.

Посланный къ Наурузову не возвращался. Отъ скуки, опять поѣхали въ поле—свиней смотрѣть. Никѣмъ не караулимыя просо и кукуруза были страшно помяты. Опять подняли свинью съ поросятами и, погикавъ имъ въ догонку, вернулись ни съ чѣмъ. Ходилъ я и одинъ на куропатокъ, убилъ нѣсколько штукъ и дальше не зналъ, что дѣлать отъ скуки.

Кстати, замѣчу, что сначала здѣсь землю можно было купить по 1½ р. Черезъ нѣсколько лѣтъ, баксанскій духанщикъ купилъ 400 дес. уже по 5 руб.—«Ахъ,—говорилъ, вздыхая, Степанъ Семенычъ,—еслибъ здакъ купить хоть сотню!» На мой вопросъ, зачѣмъ кабардинскіе уздени хотятъ непремѣнно продавать землю, Измаилъ отвѣчалъ лаконически:—«Нужда! Вонъ, пріѣхалъ полковникъ отъ коннозаводства, спрашивалъ, зачѣмъ рано лошадей продаемъ, еще молоды, мелки; сами знаемъ, что мелки. У насъ пора лошади 8-мь лѣтъ. Держали бы и до 8-ми, да нужда продаетъ». Наконецъ, посланный явился и объявилъ, что Наурузовъ уѣхалъ въ Нальчикъ на охоту.

— Поѣдемъ и мы въ Нальчикъ,—сказалъ Измаилъ.

— Что-же, поѣдемъ, пожалуй!—отвѣчалъ я со вздохомъ.

Поѣхали, пріѣхали, остановились у той-же Александры Трофимовны и отыскали Наурузова. Онъ явился, въ сопровожденіи своихъ нукеровъ, и объявилъ, что охоты здѣсь нѣтъ. А вотъ, милости просимъ, къ нему на хуторъ, куда онъ сегодня-же поѣдетъ, все приготовитъ и насъ извѣститъ. А въ ожиданіи этого извѣщенія и для доставки

Digitized by Google

на хуторъ, онъ оставляетъ намъ двухъ нукеровъ, съ платою каждому по 1 р. въ день. Прошло четыре дня. Измаилъ уѣхалъ домой, —а извѣщенія все не было. Меня начинало разбирать зло. Но тутъ случай свелъ меня съ безсрочнымъ солдатомъ Иваномъ Москаленко, тоже охотникомъ, и я несказанно былъ радъ новому знакомому, помогавшему своими разсказами и болтовней хоть кое-какъ коротать время.

— Что вы имъ вѣрите, ваше благородіе? — говорилъ Москаленко.—Вѣдь, они всѣ мошенники, нужды нѣтъ, что князья. Имъ бы только деньги какъ нибудь выманить. Вы думаете, онъ пришлетъ съ хутора-то? Какъ бы не такъ! Онъ и забылъ про васъ. Прогоните этихъ паршивцевъ, нукеровъ. За что вы имъ деньги-то платите понапрасну? Ей Богу, прогоните! Поѣдемте лучше на просѣ ночью,—я ихъ караулю,—можетъ быть, и придутъ свиньи. Ночь теперь лунная, и можно стрѣлять. А не придутъ, тоже бѣда не велика. Я съ васъ ничего не возьму, коли поднесете стаканчикъ—и ладно.

Я послушался совѣта Москаленки и не раскаялся въ этомъ, потому что отъ Наурузова, дѣйствительно, такъ и не пришло никакого извѣстія.

Москаленко принадлежалъ къ типу солдатъ-балагуровъ, Балакиревыхъ, шутовъ или валялъ, какъ ихъ иногда называютъ. Такой валяло непремѣнно любимецъ и потѣшникъ всей роты. У него на все готова своя, разумѣется, большею частію, нецензурная острота. Привалъ ли, ночлегъ ли на бивуакѣ—около никогда не знающаго устатка валялы непремѣнно собирается кучка солдатъ, которыхъ онъ зачастую смѣшитъ до самаго «подъема». Что ужъ тутъ разсказывается—лучше не спрашивайте. Тутъ являются на сцену и мужикъ, и хохолъ, и цыганъ, и прынцъ, и баринъ, и почти всегда всѣхъ ихъ дурачащій безсрочный солдатъ-барабанщикъ — и все это изображается съ такимъ неподдѣльнымъ юморомъ, что часто хохочатъ и не одни солдаты. Одинъ разъ мнѣ пришлось слышать—что бы вы думали?—мольеровскія «Продѣлки Скапена, гдѣ скупаго Жеронта замѣнилъ глупый баринъ, а Скапена плутъ-барабанщикъ. И ко всему этому было прибавлено столько своего собственнаго, національнаго, что не было возможности не смѣяться. Во всѣхъ этихъ разсказахъ главное—мѣткій юморъ, заставляющій хохотать слушателей, безъ малѣйшей улыбки и безъ малѣйшаго усилія со

Digitized by Google

стороны разсказчика. Идутъ ли солдаты походомъ, проходятъ селомъ, —впереди, разумѣется, пѣсельники, плясуны и неизмѣнный валяло. Все село вышло на улицу и смотритъ на проходящихъ.

— Что, дѣдушка, весело мы идемъ?—спрашиваетъ валяло.

— Весело, кормилецъ,—отвѣчаетъ, шамкая, дѣдушка.

— Ну, коли весело, такъ дай Богъ твоимъ дѣткамъ и внукамъ здакъ-же ходить да похаживать!—отвѣчаетъ валяло и удаляется, при общемъ хохотѣ и нелегкихъ пожеланіяхъ простодушнаго дѣда, провожающихъ остроумнаго юмориста.

Таковъ былъ и Москаленко. Большинство его разсказовъ были, конечно, нецензурны и грубы, но передавались такъ мастерски, что, слушая ихъ, не было возможности удержаться отъ смѣха. Вечеромъ мы отправились на просѣ, захвативъ съ собою кабардинца Ахмата, котораго Москаленко называлъ просто Ахматкой и съ которымъ онъ былъ пріятель и вмѣстѣ караулилъ поля. На Ахматѣ была войлочная, вся изорванная бурка и кремневое ружье за плечами. Ахматъ шелъ впереди, а Москаленко всю дорогу занималъ меня разсказами про своего пріятеля. Отношенія ихъ другъ къ другу были крайне оригинальны: Ахматъ, по свойственной ему азіатской хитрости, старался постоянно о томъ, какъ бы чѣмъ нибудь надуть Москаленко и извлечь изъ него всевозможную пользу, которая заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы, во время пріѣзда въ Нальчикъ (Ахматъ жилъ въ сосѣднемъ аулѣ), пожить у друга даромъ и попить, поѣсть на его счетъ. Москаленко-же, въ свою очередь, старался о томъ, какъ бы отплатить ему разными штуками, которыя и выдѣлывалъ надъ нимъ, безъ всякой жалости.

— Ужъ такія-то, ваше благородіе, бестіи эти кабардинцы!—говорилъ онъ, когда Ахматъ отошелъ настолько, что не могъ его слышать.—Ужъ такія-то бестіи, что и разсказать невозможно! Вотъ хоть бы этотъ подлецъ, Ахматка! Кунакъ онъ мнѣ, да, вѣдь, они всѣ кунаки, коли надо что нибудь выманить. Придетъ—ѣстъ, пьетъ, а послѣ: теперь, говоритъ, ты приходи ко мнѣ въ гости, Иванъ, только хлѣба съ собой приноси, потому хлѣба у меня нѣтъ, теперь моя стала бѣдна! А бачка—у! богата была! она почта карабчилъ, за то его и Сибирь ссылалъ! Хорошо, прихожу.—Ну, садись, говоритъ, у меня маханъ сегодня, баранъ, говоритъ, рѣзалъ—кушай баранъ!—Какъ, говорю, баранъ? Да, вѣдь, сего-

Digitized by Google

дня что?—пятница. Что я такой-же, что ли, татаринъ, какъ ты, образина ты эдакая! — А я почемъ знай, что пятница? Ну, коли не баранъ, лукъ, говоритъ, кушай! — Вижу, уписываетъ баранину, подлецъ эдакой, съ моимъ-то хлѣбомъ! А придешь въ скоромный день: ну, говоритъ, Иванъ, моя нонче маханъ не варилъ! Кушай опять лукъ, коли хлѣба принесъ! Гляжу, и лукъ уписываетъ, опять съ моимъ-же хлѣбомъ!—Ну, погоди, думаю, будешь ты у меня этотъ лукъ помнить! Удружу я тебѣ, разс. ты эдакой сынъ! Ну, вотъ и прибѣгаетъ онъ одинъ разъ. Хорошо!—Ой, Иванъ, Иванъ, кричитъ, помогай!—Въ чемъ, молъ? Что, молъ, тебѣ такое понадобилось?—Ой, смерть моя пришелъ! Совсѣмъ весь паршилъ! — говоритъ. (Надо замѣтить, что татары на Кавказѣ, вообще, очень неопрятны и, за исключеніемъ лезгинъ, страстно любящихъ русскія бани, моются очень рѣдко).—Чѣмъ-же, говорю, я тебѣ помогу?—А ты урусъ, стало-быть, ты хакимъ (т. е. лѣкарь), говоритъ.—Ну, не знаю, купакъ, чѣмъ бы тебѣ помочь, лѣкарства-то у меня, какъ на грѣхъ, нѣтъ никакого. Вотъ есть зеленый купоросъ, помажься имъ—можетъ быть, и пройдетъ, только разведи, молъ, въ горячей водѣ, да мажься какъ можно крѣпче. —Ну, спасибо, говоритъ, Иванъ! Приходи лукъ опять ѣсть.—Хорошо, молъ, хорошо, безпремѣнно приду! А можетъ статься, и самъ еще не вытерпишь, прибѣжишь, спасибо скажешь. И точно, гляжу, на другой день и катитъ онъ ко мнѣ, какъ очумѣлый! И выговорить слова не можетъ! Влетѣлъ въ горницу, остановился посрединѣ, поднялъ руки кверху, да и оретъ во всю глотку: ой, Иванъ мой, Иванъ! Ой, шайтанъ тебя ѣшь!—Что, молъ, ты это? Аль не помогъ купоросъ-то?—Ой, помогъ! Ой, помогъ!—реветъ, вынуча глаза: одинъ Богъ! Богъ! Кабы не Богъ, совсѣмъ моя здохъ! —То-то-же, говорю, коли и впередъ опаршивѣешь, лѣчись эдакъ-же, купоросомъ, Ахматушка.

Просидѣли мы на просахъ, конечно, задаромъ, притомъ-же Ахматъ безпрестанно палилъ изъ своего ружьишка, а послѣ увѣрялъ, что палилъ въ свиней, которыхъ пришло цѣлое стадо.

На другой день, явился ко мнѣ какой-то щеголевато одѣтый господинъ.

— Я слышалъ,—заговорилъ онъ съ польскимъ акцентомъ,—что вы на охоту пріѣхали?

— Да, между прочимъ, если случится.

Digitized by Google

— Честь имѣю рекомендоваться: виленскій дворянинъ Л—ій. Былъ сосланъ тоже въ Сибирь за повстанье, а теперь возвращенъ. Не хотите ли пойти на фазановъ?

— Отчего-же? Отъ скуки, пожалуй, если позволите.

Поѣхали. Дорогой онъ мнѣ разсказалъ, какъ, по возвращеніи, онъ поселился въ Новочеркасскѣ, открылъ галантерейную торговлю, убилъ на это послѣднія оставшіяся у него 15-ть тысячъ, проторговался и, не зная, что дѣлать, пріѣхалъ въ Нальчикъ, въ надеждѣ завести съ Петербургомъ торговлю кабаньими окороками. Надежда, надо полагать, столько-же основательная, какъ и надежда на успѣхъ ихъ злополучнаго повстанья! Ходили мы, ходили и не нашли ни одного фазана. Вдругъ слышу сразу два выстрѣла. Гляжу: бѣжитъ ко мнѣ панъ Л—ій и тащитъ съ торжествомъ пару фазановъ, а въ противоположную отъ него сторону уходитъ отставной солдатъ. Что такое? — «Сейчасъ убилъ сразу пару, сдубельтовалъ! Вотъ такъ выстрѣлъ!» Гляжу, фазаны не стрѣляные. Что-же оказывается? Онъ купилъ фазановъ у солдата, а тотъ поймалъ ихъ въ силки. Съ гономъ панъ Л—ій предложилъ мнѣ ихъ въ подарокъ, отъ чего, конечно, я поспѣшилъ отказаться. Онъ, между прочимъ, говорилъ, что Наурузовъ отличный охотникъ, чему я охотно вѣрилъ, и хвастался, что съ нимъ, въ одну ночь, они убили 11-ть кабановъ, медвѣдя, оленя и нѣсколько козъ, чему я, конечно, не вѣрилъ. Въ концѣ концовъ, я, съ неописаннымъ удовольствіемъ, разстался съ этимъ истиннымъ представителемъ безмозглаго повстанья. Но испытанія мои еще не кончились. Только что я распрощался съ паномъ, какъ является князь Мисостовъ.

— Правда ли,—начинаетъ онъ,—что васъ обманулъ Наурузовъ?

— Да, правда.

— Ай, ай, ай, какъ стыдно! Не хорошо! Поѣдемте ко мнѣ на охоту.

— Нѣтъ, ужъ и такъ довольно!—отвѣчаю я и думаю, въ тоже время: чего этотъ еще попроситъ? А ужъ что попроситъ — это навѣрное.

— У васъ, я слышалъ, есть порохъ, не одолжите ли мнѣ сколько нибудь?

— Извините, самому нужно.

— Ну, хоть заряда на два.

Digitized by Google

— Не могу, извините!

Ушелъ и этотъ. Наконецъ-то, мнѣ удалось распроститься и съ Нальчикомъ, и съ кабардинцами, что я, признаюсь, и сдѣлалъ безъ всякаго сожалѣнья.

Нанявъ телѣженку, мы поплелись во Владикавказъ. Степанъ Семенычъ все время вздыхалъ, глядя на окружающую мѣстность, говоря, что «если-бы здѣсь поселить русскихъ, такъ они, знаешь бы, чего надѣлали!» Повздыхавъ, онъ начиналъ вспоминать про свое житье въ Нальчикѣ, гдѣ у него былъ домишко съ садикомъ изъ сливъ, а Марина заработывала по 1 р. въ сутки, въ рабочее время.—«И зачѣмъ я только уѣхалъ отсюда!—прибавлялъ онъ. Да жена все, извѣстное дѣло! Вотъ что значитъ слушать дуръ бабъ-то!» Навздыхавшись-же вдоволь, онъ принимался разсказывать разныя происшествія изъ кавказской жизни, въ родѣ слѣдующаго:

— Вотъ, изволите видѣть, одинъ разъ, во Владикавказѣ, артиллеристы пошли кабана караулить на ночь подъ грушей. Ну, хорошо! Засѣли! Сидятъ, долго-ли, коротко-ли, только и слышатъ, что-то завозилось на грушѣ-то! Стой, шепчетъ одинъ другому, медвѣдь, должно быть, пришелъ обирать груши! А стрѣлять, темно! Вотъ, хорошо! Сидятъ опять, только и слышатъ, что ужъ подъ грушей-то хрючитъ кто-то! Кабанъ! А стрѣлять, все-таки, темно. Опять слушаютъ! Слышатъ: медвѣдь слѣзъ съ груши, остановился противъ кабана, да оба и рычатъ другъ на дружку. Тутъ посвѣтлѣло маленько! Какъ они стрѣлятъ, медвѣдя-то! А тотъ думаетъ, что это его кабанъ ранилъ, да на него! А кабанъ-то и пропори ему брюхо. Такъ и заѣли другъ дружку, а какъ заѣли, такъ артиллеристы взяли ихъ обоихъ, да и принесли во Владикавказъ.

— Да неужели-же это правда, Степанъ Семенычъ?

— А ей Богу-же, правда.

— Да, вѣдь, не при тебѣ это было?

— Не при мнѣ-то, не при мнѣ, это точно, а, все-таки, сказывали.

Коротая такимъ образомъ время, мы доплелись до Владикавказа, чтобъ оттуда отправиться, чрезъ Гамборы, по Алазани въ Баку *).

Отъ Тифлиса до Телава, чрезъ Гамборы, считается около 70 верстъ, и почтоваго сообщенія по этому тракту не существуетъ. Надобно

*) Какъ мѣстность отъ Нальчика до Владикавказа, такъ и военно-грузинская дорога уже описаны мною, а потому и прохожу ихъ молчаніемъ.

Digitized by Google

было нанимать экипажъ. Фаэтонщики молокане заломили Богъ знаетъ какую цѣну, и я принялся отыскивать подводу; нашлась обратная: въ Гамборы возвращалась жена отставнаго солдата, Агафья Ильинична Григорьева, взявшая съ меня всего 5 р. И вотъ, рано утромъ 23-го сентября, я и неизмѣнные спутники мои: Степанъ Семенычъ и Дружокъ—потянулись въ Гамборы. Телѣжечка была почти вся занята поклажей, и приходилось почти все время идти пѣшкомъ. Для Дружка это было, какъ кажется, очень пріятно, ну, а для насъ со Степаномъ не очень. Впрочемъ, присаживаться поочередно, поодиночкѣ, можно было довольно свободно. Дорога шла верстъ на 15 голыми мѣстами, по шоссе, а потомъ повернула влѣво на *Хашму*, по ту стороны *Іоры*, откуда уже начинался лѣсистый Гамборскій перевалъ. Переѣхавъ вбродъ маловодную здѣсь Іору, мы переночевали въ Хашмѣ, въ духанѣ, и на слѣдующій день (24-го) потянулись въ гору лѣсомъ, становившимся чѣмъ далѣе, тѣмъ крупнѣе и гуще. Лѣсъ (принадлежащій здѣсь и казнѣ и помѣщикамъ) состоялъ сначала изъ южныхъ породъ: грушъ, яблонь, кизиля, терна и проч., а въ Гамборахъ перемѣшанъ уже съ сѣверными породами. Въ здѣшнихъ лѣсахъ приволье для всякаго звѣря: козы, кабаны и олени водятся здѣсь во множествѣ, и, какъ разсказывала моя проводница, часто ѣздившая въ Тифлисъ, ей, не одинъ разъ, приходилось видѣть послѣднихъ на дорогѣ. На придорожномъ посту на заборѣ висѣла шкура волка, только что убитаго передъ нашимъ проѣздомъ. Дорога шла въ гору, и приходилось ѣхать шагомъ; было жарко, пыльно и скучно. По плодовому лѣсу паслись стада свиней, и пастухи-грузины окликали ихъ какимъ-то особеннымъ крикомъ, похожимъ на вой шакалокъ, что еще болѣе нагоняло тоску. Наконецъ, близъ полудня, мы пріѣхали въ Гамборы и остановились у Агафьи Ильиничны.

Гамборы—слободка изъ отставныхъ солдатъ и штабъ артиллерійской бригады—лежитъ среди глухаго лѣса и избрана поселкомъ, помимо стратегическихъ соображеній, за ея здоровый климатъ. У поселенцевъ всѣ посѣвы ограничиваются крошечными огородами, за которыми тотчасъ-же начинается лѣсъ. Бригада, во время нашего проѣзда, еще не возвращалась изъ лагерей, и офицерскіе дома стояли пустыми.

Домикъ моего хозяина или, вѣрнѣе, хозяйки былъ довольно чистенькая, выбѣленная хата, раздѣленная сѣнями на двѣ поло-

Digitized by Google

вины. Я не безъ намѣренія сказалъ—«или, вѣрнѣе, хозяйки»: домомъ и всѣмъ, въ немъ находившимся, не исключая и самого хозяина, дѣйствительно заправляла, совершенно безконтрольно и деспотически, еще не старая и чернобровая Агафья Ильинична, олицетворявшая собою типъ бойкой и видавшей всякіе виды солдатки. Сморщенный-же, какъ печеное яблоко, супругъ ея, Иванъ Григорьевичъ Григорьевъ, проводилъ все время въ томъ, что либо сидѣлъ на солнышкѣ, либо противъ топившейся печки, покуривая свою носогрѣйку, презрительно сплевывая и пережевывая, съ важностью, всѣмъ извѣстныя истины. Главною-же темою его разговоровъ была неудавшаяся свадьба его дочери съ отставнымъ унтеръ-цейхвахтеромъ, какъ всѣмъ извѣстно, куда немаловажной особой!

— Мнѣ что, что онъ ундеръ-цейхвахтеръ,—говорилъ онъ,—коли у него имѣнья-то всего на все одинъ только штаны! Да, къ тому-же, и къ намъ непочтителенъ! Оно положимъ, что она теперь за простымъ ундеромъ, да ундеръ-то этотъ хозяйство тоже свое имѣетъ, ну, и къ намъ ласковъ, такъ мнѣ наплевать, кто онъ такой! — И при этомъ онъ такъ презрительно сплевывалъ и растиралъ ногою, что можно было подумать, что растираемый былъ не плевокъ, а самъ ненавистный унтеръ-цейхвахтеръ.

— А что у васъ здѣсь охота хорошая, Иванъ Григорьичъ?

— Охота? Какъ не быть охотѣ! Охота хорошая! Здѣсь все есть: и коза, и олень, и кабанъ, и волкъ, и даже медвѣдь, коли подальше.

— И охотники есть?

— И охотники гончихъ тоже имѣютъ.

— Нельзя ли завтра это устроить — какъ нибудь поохотиться?

— Отчего нельзя! Это все можно. Я, вотъ, пойду и переговорю съ ними.

И онъ отправился на переговоры. Скоро явились охотники, ихъ было пятеро—все отставные солдаты. Изъ нихъ я помню двоихъ: отставной унтеръ-офицеръ, лѣтъ 60-ти слишкомъ, Филиппъ Семенычъ и полякъ Костецкій, оба отличные стрѣлки и охотники. Костецкій былъ здоровенный, еще молодой парень, Филиппъ-же Семенычъ представлялъ изъ себя типъ стараго, закоруслаго солдата прежняго времени: онъ былъ и сгорбленъ, и безъ живота, на сморщенномъ его лицѣ не росло ни бороды, ни усовъ, а, вмѣсто носа, торчала какая-то пуговка; но надобно было видѣть, какъ

Digitized by Google

этотъ, закаленный въ прежнихъ кавказскихъ походахъ старикъ ходилъ по горамъ, таща на себѣ въ нѣсколько пудовъ ношу (я сейчасъ разскажу объ этомъ), чтобы понять, что такое былъ прежній кавказскій солдатъ, не знавшій слова: нельзя.

Филиппъ Семенычъ и Костецкій содержали три смычка гончихъ и были главными распорядителями, остальные-же были, просто, дольщиками изъ убитой дичи; я былъ приглашенъ на этихъ-же условіяхъ.

Не успѣли мы, чуть свѣтъ на другой день, отойти отъ Гамборъ какой нибудь версты,—гончія уже погнали по козамъ, и одна изъ нихъ была убита Филиппомъ Семенычемъ. Послѣ этого мы отправились дальше искать, не попадется ли олень, ревъ котораго слышали наканунѣ. Отошли еще версты двѣ, и гончія погнали опять и прямо на меня. Я сталъ въ кустахъ у дорожки. Скоро мнѣ послышался бѣгъ благороднаго звѣря, ломавшаго кусты въ своемъ отчаянномъ бѣгствѣ; онъ бѣжалъ къ дорогѣ и скоро показался на ней съ закинутыми на спину рогами и вытянутой впередъ мордой. Я выстрѣлилъ, олень спотыкнулся на переднія ноги, потомъ поправился, сдѣлалъ прыжокъ въ лѣсъ, черезъ дорогу, и потомъ было слышно, какъ онъ опять упалъ и полетѣлъ внизъ, подъ гору, ломая сучья. Собаки пронеслись, съ лаемъ, слѣдомъ за нимъ. Броситься за ними было дѣломъ одной минуты, и по лаю и рычанью кровожадныхъ псовъ я скоро нашелъ убитаго. Собаки теребили его и кидались, какъ бѣшеныя. Подошедшіе охотники насилу могли отогнать ихъ. Снявъ шкуру и освѣжевавъ звѣря, мы разрубили его на части для того, чтобъ нести домой. Охотѣ былъ, разумѣется, конецъ, потому что въ козѣ и оленѣ, кромѣ шкуры и головы послѣдняго, было до 10-ти пуд. мяса.

И ужъ намаялись-же мы съ ними! Выносливѣй всѣхъ оказался Филиппъ Семенычъ, который, какъ ни въ чемъ не бывало, тащилъ козу и заднюю ногу оленя. Вечеромъ, по оленю, конечно, была справлена тризна, и почти до свѣта слышался хоръ охотниковъ, распѣвавшихъ извѣстную на Кавказѣ пѣсню:

Поѣхалъ казакъ на чужбину,
На борзомъ конѣ ворономъ,
Покинулъ на вѣкъ онъ свою Украину,
Ему не вернуться въ отеческій домъ.

Только подъ утро разошлась компанія, а на другой день (26-го

Digitized by Google

сентября) я, взявъ, вмѣсто слѣдуемой мнѣ части, рога и кусокъ жаренаго филе, уѣхалъ въ Телавъ.

Дорога отъ Гамборскаго перевала (6,044') до Телава (34 версты) —прекрасное шоссе; она идетъ долиной рѣчки *Турдо* (Гурда—у русскихъ) и напоминаетъ долину Алазани, только лѣсъ здѣсь не мелкій, а строевой, принадлежащій казнѣ съ помѣщикамъ. По горамъ нѣсколько живописныхъ развалинъ: *Лезги*, *монастырь Шуанты* (Шанты—у русскихъ) и др. Близъ деревни *Мери* открывается видъ на долину Алазани.

Мери—уже совершенно кахетинское село, съ садами, обнесенными плетнемъ изъ виноградныхъ лозъ съ колючкой сверху. Зданія совсѣмъ грузинскія: каменныя съ галлереями кругомъ. Въ Мери большое производство кувшиновъ для вина и черепицы для крышъ; лавки и мастерскія открыты по-грузински. Отсюда пріѣзжаютъ въ *Телавъ*, очень плохой городишко, въ которомъ и остановиться путемъ негдѣ: единственная гостиница (Іосселіани) содержалась (въ 1874 г.) мѣстнымъ фельдшеромъ, онъ-же и аптекарь; городской жизни никакой не существовало. Мы разговаривали съ хозяиномъ про князя Давида Чавчавадзе, живущаго въ *Цинондалахъ*, и про супругу его кн. Анну Ильиничну. Фамилія кн. Чавчавадзе (потомковъ грузинскихъ царей) пользуется громаднымъ уваженіемъ и популярностью во всей Грузіи и считается, до сихъ поръ, какъ бы владѣтельною, а широкое гостепріимство, благородство и доброта кн. Давида поддерживаютъ, мало сказать—чувство уваженія, но чувство благоговѣнія, появляющееся у каждаго грузина при разсказахъ о князьяхъ Чавчавадзе и въ особенности о кн. Давидѣ. Припомнимъ, что изъ Цинондалъ были похищены въ плѣнъ лезгинами княгини Чавчавадзе и Орбеліани.

Благословленная Кахетія—перлъ всего Кавказа—славится преимущественно своимъ винодѣліемъ (кто не знаетъ кахетинскихъ винъ?), и потому надобно сказать о немъ нѣсколько словъ. Лучшими кахетинскими винами считаются цинондальскія и ахметскія (Ахметы—селеніе вверхъ отъ Телава, по Алазани); вино мѣряется *тунгами*; тунга—пять бутылокъ; 4½ тунги составляютъ *чапу* (1½ ведра); *арба* составляетъ 90 чапъ. Цѣны на кахетинскія вина различны и мѣняются отъ 1 р. до 12 р. за чапу. Цинондальскія и ахметскія стоятъ 10—12 р. Арба лучшихъ винъ доходитъ, на мѣстѣ, до 600 р. При урожаѣ, десятина даетъ арбу.

Digitized by Google

Рабочіе недороги, при условіи, чтобы вина было вдоволь. Въ *Кварели* есть крестьяне, имѣющіе по 24 работника. Земля, сравнительно, дешева, и бываютъ случаи, что можно купить десятину виноградника за 200 р. Въ послѣднее время, были неурожаи и болѣзнь винограда, но нынѣшній урожай (1874 г.) долженъ покрыть всѣ убытки. И какъ празднуютъ добродушные грузины сборъ своего кормильца и выдѣлку вина! Если сборъ винограда хорошъ, то у воротъ ставятся вино и хлѣбъ для всѣхъ желающихъ. Вина бываетъ, иной разъ, до того много, что старое, за недостаткомъ посуды, хоть выливай на землю. Изъ остатковъ приготовляется лакомство—*чурчхела*. И при всемъ этомъ изобиліи вина, пьянства въ Грузіи нѣтъ, потому что виноградными винами не напиваются до скотоподобія—до него напиваются водкой. Къ несчастію, съ нашимъ водвореніемъ на Кавказѣ, появилась эта отрава и производитъ уже кое-гдѣ свои результаты.

Если про что можно упомянуть въ Телавѣ—это, развѣ, про старую крѣпость, бульваръ, громадное орѣховое дерево, на поддержку котораго отпускается 25 р. пенсіи княземъ Чавчавадзе, и женское воспительное учебное заведеніе для благородныхъ дѣвицъ, помѣщающееся въ бывшемъ царскомъ дворцѣ. Въ 1874 г., попечительницей его состояла княгиня Анна Ильинична Чавчавадзе. Содержаніе обезпечивалось ея обязательными взносами (не говоря, конечно, про необязательные) и взносами князя, а кромѣ того, дворянскими обязательными взносами по 4 р., которые, однако-жъ, какъ мнѣ говорили, поступали очень неисправно, и потому дѣла заведенія не могли назваться блестящими.

Я заявилъ моему хозяину-фельдшеру, онъ-же и аптекарь, о моемъ желаніи поохотиться на фазановъ, и вотъ, на это заявленіе, явился ко мнѣ съ предложеніемъ—не услугъ, а товарищества, какъ и слѣдуетъ родовитому шляхтичу, нѣкто Степанъ Осиповичъ Р—ій, проживавшій здѣсь неизвѣстно какъ и неизвѣстно зачѣмъ. Вообще, надо сказать, на Кавказѣ этой саранчи встрѣчается очень много. Чего они надѣятся и ищутъ—не знаю; вѣроятно, движенія воды и благосклонности своихъ соотечественниковъ, въ чемъ часто и успѣваютъ, потому что послѣдніе съумѣли образовать изъ себя очень сильную и сплоченную партію. Большинство этихъ господъ Р—ихъ или возвращены изъ ссылки, или, просто, прикосновенны къ возстанію 1863 г. (писано въ 1874 г.). На меня всѣ они про-

Digitized by Google

изводили, вообще, непріятное впечатлѣніе смѣсью шляхетскаго гонора съ какою-то жалкою, чуть не нищенскою услужливостью, хотя и были, говоря правду, люди, повидимому, довольно добропорядочные.

И вотъ мы съ паномъ Р—мъ, нанявъ верховыхъ лошадей, отправились, 29-го сентября, въ бывшій монастырь *Ала-Верды*, лежащій верстахъ въ 15-ти выше Телава, на Алазани, чтобы поохотиться и, кстати, осмотрѣть эту высокочтимую грузинами святыню. Дорога шла «настоящей Кахетіей», т. е. среди безпрерывныхъ виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ, прорѣзанныхъ оросительными канавами, мельницами на этихъ-же канавахъ, отдѣльными фруктовыми деревьями на поляхъ и развалинами по горамъ древнихъ церквей и замковъ. Чудная страна и жалкій, забитый, хотя и очень симпатичный народъ! Крѣпостное право, какъ и вездѣ, оставило здѣсь свою ужасную печать. Грузинскіе крестьяне еще не покинули своего униженнаго вида и своей робостью и забитостью производятъ очень тяжелое впечатлѣніе.

Мы пріѣхали въ монастырь къ вечернѣ; шла служба, и она поразила меня своимъ безпорядочнымъ и, если позволено будетъ такъ выразиться, своимъ наивно-меркантильнымъ характеромъ. Служба шла своимъ чередомъ, а на паперти, безъ всякой церемоніи, шла мѣна образковъ на куръ и поросятъ, которымъ тутъ-же связывали ноги и бросали въ уголъ, въ кучу. Клохтанье и визжанье этихъ узниковъ сливалось съ нестройнымъ выкрикиваньемъ дьячковъ на клиросѣ. Можно было подумать, что находишься въ древнемъ языческомъ храмѣ, гдѣ еще совершаются жертвоприношенія. Осмотрѣвъ церковь (невѣжественно реставрированную) и ея новый иконостасъ итальянской живописи, мы пошли бродить по оградѣ. Представилась оригинальная картина: наступила уже ночь, и вездѣ были разведены костры, вокругъ которыхъ расположились группы богомольцевъ, а огнями костровъ ярко освѣщались покрытыя бѣлыми чадрами и ползавшія вокругъ церкви на колѣняхъ богомолки; онѣ обводили церковь нитками и притирали къ стѣнамъ камешки, какъ это дѣлается въ Тифлисѣ, въ церкви св. Давида. Все это освѣщалось молодымъ мѣсяцемъ, появившимся на безоблачномъ небѣ.

— Не ночевать ли и намъ здѣсь у костра? — обратился я къ Р—му.

Digitized by Google

— О! якъ-то можно!—отвѣчалъ онъ.—Мы поѣдемъ на фазаньи мѣста и ночуемъ въ хатѣ—я знаю.

Возсѣли на лошадей, стерегомыхъ у воротъ Степаномъ Семенычемъ, и поѣхали. Чудная это была ночь! Въ домикахъ, бѣлѣвшихся среди садовъ, сквозь отворенныя двери виднѣлись красноватые огни; тишина нарушалась только журчаньемъ воды въ оросительныхъ канавахъ, да выстрѣлами и криками сторожей, отпугивавшихъ шакаловъ и лакомыхъ до винограда лисицъ. И счастьемъ и миромъ дышала, подъ кровомъ ночи, эта идиллическая, безмятежная жизнь, но—увы! Я сейчасъ разскажу, какъ прозаически разсѣялась эта ночная идиллія, и покажу обратную сторону медали.

Мы подъѣхали къ винограднику, среди котораго тоже стояла бѣлѣвшаяся своей соломенной крышей, при лунномъ свѣтѣ, хата, внутренность которой освѣщалась огнемъ, видимымъ черезъ двери. Мы слѣзли съ коней и, пройдя ворота, пошли на огонь. Не дойдя саженъ 10-ти до хаты, мы были встрѣчены лаемъ нѣсколькихъ бросившихся на насъ собакъ, къ шеямъ которыхъ были привязаны тяжелые чурбаки (какъ это дѣлалось прежде у нашихъ мелкопомѣстныхъ охотниковъ), для того, чтобъ онѣ, съ голоду, не баловались на счетъ овецъ и птицы. Заслышавъ лай, одна изъ фигуръ, сидѣвшихъ около огня въ хатѣ, апатически поднялась съ мѣста и вышла намъ на встрѣчу. Р—ій сказалъ ей нѣсколько словъ по-грузински и затѣмъ пригласилъ насъ войти. Хата оказалась, просто, плетневымъ сараемъ, вдоль стѣнъ котораго, на вбитыхъ кольяхъ, были положены доски, замѣнявшія постели и лавки. Имущества нигдѣ не было никакого, а на земляномъ полу былъ разведенъ огонь, надъ которымъ въ котлѣ варилась *лобіа* (фасоль), замѣняющая грузинскому крестьянину хлѣбъ и всѣ остальныя блюда; тутъ-же стоялъ и непремѣнный кувшинъ съ виномъ. Мы сѣли на коврикѣ изъ домашней рядины, который намъ, изъ любезности, разостлали у огонька, на полу. Огонь поддерживался двумя цѣльными плахами, одинъ конецъ которыхъ горѣлъ, а другой исчезалъ за открытой дверью. По мѣрѣ горѣнія, плахи подвигались, и рубить дрова считалось совершенно излишнимъ. Хозяева наши оказались работниками, снимавшими этотъ садъ въ аренду у помѣщика. Они гостепріимно подчивали насъ лобіей и виномъ, но мы отказались, потому что имѣли свои запасы. Поужинавъ и

Digitized by Google

положивъ передъ собою походный бурдючекъ съ виномъ, мы съ паномъ Р—мъ, не зная, какъ скоротать ночь, вели бесѣду о современномъ сельскомъ хозяйствѣ въ Грузіи. Отличная вещь этотъ бурдючокъ въ путешествіяхъ по Кавказу. Видно здѣсь необходимо, хоть бы даже для питья съ водой, которая очень часто отличается нездоровымъ качествомъ. Бурдючекъ этотъ укладистъ и на сѣдлѣ и въ телѣгѣ, не разобьется, не прольется, а наполнить его можно въ каждомъ духанѣ. Я не могу сказать, какой надѣлъ получили бывшіе грузинскіе крѣпостные, но, кажется, онъ не великъ, потому что они поставлены въ необходимость снимать господскія земли и виноградники, или за деньги, или изъ части урожая. Одна исторія, что и въ Россіи. Помѣщики тоже предпочитаютъ сдачу веденію собственнаго хозяйства, во-первыхъ, по неимѣнію капитала, а во-вторыхъ— по тѣмъ-же причинамъ, что и у насъ. Грузинскій дворянинъ остался до сихъ поръ, въ полномъ смыслѣ слова, дворяниномъ, и службу, особенно военную, предпочитаетъ хозяйству. Работать, конечно, онъ не привыкъ, и дворянка лучше просидитъ не пивши весь день, а ужъ сама за водой не пойдетъ. Система сдачи земель и здѣсь приноситъ тѣ-же результаты, что и у насъ: истощеніе, въ ущербъ производительности почвы. Наговорившись вдоволь, мы съ паномъ Р—мъ расположились соснуть у огня на тѣхъ-же коврикахъ, на которыхъ сидѣли, но это оказалось совершенно невозможнымъ: насѣкомыя кусались невообразимо.

— Степанъ Осиповичъ!

— А?

— Вы спите?

— Нѣтъ, а что?

— Да блохи страсть какъ кусаютъ.

— Охъ, и меня тоже. Пойдемте лучше на дворъ.

— Правда.

Мы взяли съ собой коврики и вышли на воздухъ. Хозяева спали, какъ ни въ чемъ не бывало, изрѣдка только почесывая одну о другую босыя ноги. На воздухѣ оказалась таже исторія.—«Что за чортъ!—ворчалъ мой панъ.—Откуда у нихъ столько блохъ?—Должно быть, отъ земляного пола». А Степанъ Семенычъ, между тѣмъ, преспокойно спалъ, завернувшись въ бурку, около стреноженныхъ лошадей, и его блохи не кусали нисколько.

Чуть свѣтъ поднялись и мы и работники. Я далъ старшему

Digitized by Google

изъ нихъ какія-то двѣ серебряныя монеты. Грузинъ положилъ ихъ на ладонь и съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на эту плату, значенія которой, очевидно, не понималъ, считая своей обязанностью пріютить «чужестранныхъ людей», которые, вдобавокъ, и вина даже не пили. Наконецъ, онъ рѣшился взять то, что ему предлагали, и, положивъ флегматически въ карманъ деньги, кивнулъ намъ головой и, также флегматически, отправился на работу, а мы отправились на фазановъ, убили двѣ пары и къ полудню возвратились въ Телавъ. Насъ уже ожидалъ готовый самоваръ, и мнѣ очень хотѣлось напиться чаю, но пришлось умѣрить это желаніе по слѣдующему случаю. Когда явился хозяинъ съ самоваромъ, я приготовлялся умываться и перемѣнить бѣлье и охотничью блузу на обыкновенную мою дорожную пару; но едва только блуза была снята, какъ я закричалъ отъ ужаса: весь воротъ, весь поясъ и каждая складка были, буквально, унизаны тѣми паразитами, которыхъ татары такъ выразительно называютъ «бѣлыми битюками». —О, проклятые коврики, которые мы такъ довѣрчиво таскали съ собой на воздухъ! О, проклятые грузины! Степанъ Семенычъ, клади поскорѣе въ тазъ все, что на мнѣ было, и ошпаривай кипяткомъ! Приказаніе было живо исполнено: кипѣвшій самоваръ вылитъ въ тазъ, и пришлось ставить его снова. Прошу прощенья у читателя за этотъ непривлекательный эпизодъ, но какъ-же быть-то? —изъ правдиваго разсказа слова не выкинешь, и нечего дѣлать, коли въ путешествіяхъ по Кавказу приходится запасаться не одними впѣчатлѣніями, но и бѣлыми битюками. Впрочемъ, надо оговориться, что во всѣ путешествія это былъ единственный случай. Мы собирались выѣхать въ тотъ-же день, но, по неволѣ, пришлось остаться ночевать и дожидаться, пока будутъ совершенно очищены и приведены въ порядокъ мои боевые доспѣхи. Степану Семенычу хорошо было смѣяться надъ этимъ «грузинскимъ угощеньемъ», но мнѣ было вовсе не до смѣха. Въ самомъ скверномъ расположеніи духа сидѣлъ я вечеромъ у окошка и пилъ чай, невольно прислушиваясь къ разговору, который мой вѣрный личарда, сидя на дворѣ, на обрубкѣ орѣховаго дерева, велъ съ чумазымъ грузинскимъ ямщикомъ, страшно ломая русскій языкъ и стараясь поддѣлаться подъ его рѣчь.—И изъ-за чего только, думалъ я, онъ такъ ломаетъ языкъ? И что, вообще, за причина этой неустойчивости русскаго православнаго человѣка, который даже

Digitized by Google

среди бурятъ бурятится, между тѣмъ какъ русскій-же сектантъ крѣпко сохраняетъ свою національность вездѣ: и въ Литвѣ, и въ Румыніи, и на Кавказѣ? Но пока я раздумывалъ объ этомъ интересномъ явленіи, разговоръ подъ окномъ продолжался въ такомъ порядкѣ:

— Такъ твоя Пенза?—говорилъ ямщикъ.

— Пенза!—отвѣчалъ Степанъ Семенычъ.

— А какая уѣздъ?

— Чембаръ.

— А село?

— Соболевка.

— А хорошо твоя тамъ живетъ?

— Хорошо.

И мой вѣрный личарда принялся, опять-таки ломанымъ языкомъ, описывать свое хозяйство; грузинъ слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ. Только описывалъ Степанъ Семенычъ, описывалъ свое житье-бытье, да вдругъ и заговорилъ ужъ совершенно по-русски:

— А вѣдь я,—сказалъ онъ, пристально смотря на грузина,—тебя, подлеца, знаю!

— Какъ знаешь? Нѣтъ, твоя моя не знаешь,—отвѣчалъ вдругъ оторопѣвшій грузинъ.

— Какъ не знаешь? Да, вѣдь, это ты, Сенька, мошенникъ ты эдакой!

— Я, я, дяденька!—вскричалъ ужъ тоже совершенно по-русски грузинъ и, вслѣдъ за тѣмъ, чебурахнулся Степану Семенычу въ ноги: онъ оказался крестьяниномъ изъ сосѣдняго съ нами села, пропадавшимъ безъ вѣсти уже цѣлыхъ три года.

— Ужъ вы, дяденька, вопилъ онъ, не выдавайте меня баринуто, сдѣлайте милость!

— Очень нужно тебя, дурака, барину! Ахъ, мошенникъ, мошенникъ ты эдакой! Да какъ ты это сюда попалъ-то?

— Изъ Астрахани, дяденька. Пачпорта не высылали—ну, я и уѣхалъ сюда.

— Гдѣ-же ты жилъ все это время?

— Да гдѣ случится. И въ морѣ плавалъ, и въ Сальянахъ, на ватагахъ, работалъ, да надоѣло, платятъ нашему брату, безпачпортному, больно ужъ плохо, вотъ я и пробрался сюда.

— Стало-быть, плохіе заработки?

Digitized by Google

— Какіе, дяденька, заработки! Накладутъ тебѣ, при разсчетѣ, по шеѣ: даромъ, молъ, дуракъ, впередъ не работай! Вотъ и всѣ заработки! Куда пойдешь жаловаться, коли ты безъ пачпорта.

— Плохое-же твое житье, Сенька, я вижу.

— Да ужъ такое-то плохое, дяденька, просто, бѣда!

— Что-же ты думаешь теперь дѣлать?

— Да хочу пробираться въ Адестъ—тамъ, сказываютъ, нашему брату очень вольготно.

— Пробирайся-ко ты лучше домой.

— Боязно, дяденька.

— Да чего боязно, глупый ты эдакой? Самое большее, въ волостной отстегаютъ, только всего и дѣла. А Аксинья-то безъ тебя совсѣмъ смоталась. Хорошо еще, что въ семьѣ, а то чего бы ей дѣлать? Парнишка твой еще махонькій.

И такъ далѣе, разговоръ продолжался все въ этомъ родѣ. Семенъ нѣсколько разъ утиралъ глаза и плакалъ. Я отошелъ отъ окна, боясь быть ими замѣченнымъ. На утро, Семенъ, опять преобразившійся въ грузина, повезъ насъ на ст. *Ажуры*, и я отъ души смѣялся, слушая, какъ они оба усиливались ломать свой родной языкъ съ цѣлью провести меня. Мы ѣхали мимо оставшихся влѣвѣ великолѣпныхъ *Цинондалъ*, имѣнія кн. Чавчавадзе (гдѣ разыгралась драма похищенія горцами Шамиля княгинь Чавчавадзе и Орбеліани), совершенно райской долиной: вправо были лѣсистыя Гамборскія горы, а влѣво роскошная долина Алазани, окаймленная поросшимъ дремучимъ лѣсомъ Дагестанскимъ хребтомъ. Въ Акурѣ бродилъ по двору олень съ перебитой ногой. Бѣдное животное совершенно покорно принимало ласки, которыми награждали его проѣзжіе. Когда намъ запрягали лошадей, Семенъ подошелъ ко мнѣ, чтобы попросить на водку.

— Ну, прощай, Семенъ!—сказалъ я, подавая ему.—Смотри-же, воротись непремѣнно, какъ тебѣ приказывалъ вчера Степанъ Семенычъ.

Мнимый грузинъ сначала растерялся, но потомъ живо оправился и гаркнулъ по-солдатски:

— Слушаю, ваше благородіе! Ворочусь безпремѣнно, такъ и скажите Аксиньѣ! Счастливаго пути! Прощайте, дяденька Степанъ Семенычъ!—Мы тронулись.

До *Бакурцихской* станціи дорога идетъ все той-же роскошной

Digitized by Google

долиной. На полудорогѣ замѣчаются грязные волканы. До *Сигнаха*, какъ въ панорамѣ, мелькаютъ: сады, орѣховыя, фиговыя и другія фруктовыя деревья, оросительныя канавы, господскія усадьбы по горамъ, развалины, и ,наконецъ, показывается на горѣ, въ ущельи, старинная крѣпость—

Сигнахъ, въ которую поднимаются по шоссе, среди истребленнаго лѣса. Надобно замѣтить, что здѣшнее шоссе превосходно. Городъ расположенъ въ крѣпости и за ней. Онъ имѣетъ видъ обыкновеннаго грузинскаго городка, улицы котораго обставлены грузинскими и армянскими домами, съ террасами и балкончиками; есть, разумѣется, и неизбѣжный базаръ, открытыя лавки съ чурекомъ, луковицами, висящими въ дверяхъ, бараниной и проч., открытыя мастерскія, духаны и такъ далѣе. Такъ какъ почтовая станція *Нукріани* лежитъ въ трехъ верстахъ за Сигнахомъ, то мы заѣхали въ послѣднемъ въ гостиницу, чтобъ подкрѣпиться немного и съѣздить въ *Бодбу*, въ монастырь св. Нины. Гостиница была, разумѣется, грязная, и въ номерахъ не имѣлось ничего, даже тюфяковъ на кроватяхъ. Закусивъ немного, мы поѣхали въ Бодбу, по дорогѣ, по которой лучше было бы идти пѣшкомъ, тѣмъ болѣе, что Бодба лежитъ всего въ двухъ верстахъ выше Сигнаха. Дорога гориста и идетъ среди жалкихъ остатковъ лѣса; изрѣдка попадаются громадные платаны. Но вотъ завидѣлась колокольня, и мы пріѣхали въ такъ называемый *монастырь св. Нины*, хотя, въ настоящее время, монастыря здѣсь нѣтъ никакого, а живутъ въ немъ только архимандритъ, два священника, діаконъ и нѣсколько причетниковъ и служекъ. Удивительно, что приходъ, въ которомъ покоятся мощи просвѣтительницы Грузіи, считается бѣднымъ и далеко не оправдываетъ тѣхъ ожиданій, съ которыми къ нему подъѣзжаешь. Церковь довольно велика и построена, какъ всѣ грузинскія церкви, въ видѣ параллелограма, съ двухскатной крышей, изъ средины которой возвышается барабанъ съ коническимъ куполомъ; окна длинныя и узкія; снаружи рѣзныя украшенія, и проч. Особенность представляетъ только западная, входная сторона, обложенная изразцами. Внутренность храма не представляетъ тоже ничего особенно интереснаго. Живопись временъ императора Александра I; тутъ-же и портретъ его, а сзади портрета могила генерала *Гулякова*, надпись надъ которой сдѣлана его «сослуживцемъ и другомъ, кн. Циціановымъ». Съ другой стороны портретъ какого-то, тутъ же схороненнаго, митрополита.

Digitized by Google

Гробница св. Нины находится вправо отъ алтаря, и для насъ, привыкшихъ къ драгоцѣннымъ гробницамъ нашихъ угодниковъ, не представляетъ ничего интереснаго. Видъ на горы и долину Алазани сверху превосходенъ. При ней близъ церкви строились нѣсколько домовъ для священнослужителей.

Мы были въ Сигнахѣ 1-го октября. Погода стояла восхитительная; яблони цвѣли второй разъ; урожай фруктовъ былъ превосходный: яблоки, груши и виноградъ продавались по 8 к. за фунтъ проѣзжающимъ—стало-быть, дороже обыкновеннаго. Такъ какъ мнѣ хотѣлось проѣхать прежней лезгинской линіей, то и надобно было, оставивъ елисаветопольскій трактъ вправо, повернуть съ *Сигнаха на Лагодехи*. Для это мы, спустившись по живописному спуску къ *Цинори* или Чинори, поѣхали, по солонцоватой степи, къ Чіаурской переправѣ на Алазани, по берегамъ которой и далѣе, сливаясь съ горами, тянется непроходимый лѣсъ.

Поразителенъ контрастъ между солонцоватой степью, въ которой даже конюшни на станціяхъ вырыты въ землѣ, и дремучими лѣсами за Алазанью. Мѣстность эта, отъ Лагодехъ до самой Нухи, истинный рай для охотника. Въ здѣшнихъ лѣсахъ, покрывающихъ скаты горъ, водится всевозможный звѣрь, а въ прежнее время попадались даже и барсы. Конечно, теперь уже не то, что прежде, когда лѣса были недоступны одиночнымъо хотникамъ, но, все-таки, долина Алазани кишитъ фазанами, а въ лѣсахъ такъ много звѣря, что, верстахъ въ трехъ отъ *Закаталъ*, лезгины-охотники, братья Рахимъ и Мирза, имѣютъ кожевню, спеціально для выдѣлки шкуръ дикихъ звѣрей. На этомъ-же пространствѣ, т. е. между Лагодехами и Закаталами, находятся и *Бѣлоканы*—главное, вмѣстѣ съ Закатальскимъ ущельемъ, становище джаро-бѣлоканскихъ лезгинъ-разбойниковъ, имѣвшихъ постоянныя сношенія съ горнымъ Дагестаномъ и служившихъ проводниками при лезгинскихъ набѣгахъ на Грузію. Это объясняется тѣмъ, что верховья Аварскаго койсу и Самура, по ту сторону хребта, и ущелье Бѣлоканки, по сю сторону, отдѣляются однимъ переваломъ, имѣющимъ, впрочемъ, 11,700 высоты надъ поверхностью моря. Переправившись по деревянному мосту чрезъ очень быструю, но не очень широкую въ этомъ мѣстѣ Алазань, мы поѣхали просѣкой, проложенной чрезъ громадный, первобытный лѣсъ. Дубы, толщиною въ ростъ человѣка, были свалены и обуглены, другіе, подрубленные и суководстой-

Digitized by Google

ные, ждали своей очереди свалиться и сгнить. Вся просѣка уже поросла молодымъ лѣсомъ, годъ отъ году все глубже и глубже погребавшимъ въ своей чащѣ поверженныхъ великановъ. Болотистая мѣстность эта служитъ убѣжищемъ звѣрю и птицѣ и притономъ лихорадкѣ, жестоко мучащей здѣшнихъ обывателей. Проѣзжая, по довольно плохому шоссе, отъ Алазани къ Лагодехамъ, невольно, съ изумленіемъ, спрашиваешь себя: да какъ-же наши войска, въ прежнее время, проходили чрезъ эти, оберегаемыя недремавшимъ непріятелемъ, трущобы? Нечего и говорить, что вся эта мѣстность, каждые утро и вечеръ, покрывается непроглядным туманомъ. Лѣсъ тянется до самыхъ Лагодехъ, въ немъ множество орѣховыхъ деревьевъ, но, большею частію, все молодыя, старыя-же почти истреблены. По дорогѣ попадается только солдатская слободка Михайловская. Неизвѣстно, ради какихъ соображеній понадобилось обречь этихъ людей на медленную и вѣрную смерть?

Лагодехи—военная колонія и штабъ тифлисскаго полка (находившагося, въ нашъ проѣздъ, въ лагеряхъ, въ Тифлисѣ)—не представляютъ собою ничего особеннаго. Тѣ-же офицерскіе дома, что и въ Гамборахъ, и сады съ оросительными канавами. Лучшій домъ, называемый почему-то дворцомъ, занятъ клубомъ. Лучшіе сады: Клименки, Лорисъ-Меликова и Челокаева. При мнѣ также строились (теперь, вѣроятно, уже отстроенныя) русская и армянская церкви, въ память 4-го апрѣля 1866 г. Базаръ, по отсутствію полка, былъ очень плохъ. Если прибавить еще, что здѣсь есть лѣсопильня для распиливанія орѣховыхъ деревьевъ, то это будетъ и все, что можно сказать о Лагодехахъ. Кстати, чтобы судить о количествѣ орѣховаго дерева въ здѣшнихъ мѣстахъ, разскажу слѣдующее: на станціи я увидѣлъ орѣховый сундукъ и спросилъ: «цѣльный ли онъ, или оклейной?»—«Какъ-же, какъ-же,—отвѣчали мнѣ,—изъ досокъ, цѣльный, склейной». Отвѣчавшій думалъ, что я спрашиваю, не выдолбленъ ли сундукъ изъ цѣльнаго дерева, потому что есть и такіе. Несмотря на удивительныя мѣста для охоты, охотниковъ здѣсь почти нѣтъ, и только одинъ часовщикъ Д—ій имѣетъ собакъ; офицеры тоже плохіе охотники.

Къ *Бѣлоканамъ* отсюда ведетъ отличное шоссе, по просѣкѣ, проложенной вдоль подножія горъ; оно обсажено молодыми орѣховыми и черешневыми деревьями. Деревья оплетены плетнемъ отъ скота, пасущагося по просѣкѣ, отчего молодой лѣсъ по ней уже не ростетъ.

Digitized by Google

Бѣлоканы и сосѣднія съ ними ущелья, особенно Закатальское, были главнымъ притономъ лезгинскихъ хищниковъ, при ихъ набѣгахъ на Грузію. Въ настоящее время, это—богатѣйшее лезгинское село, лежащее въ лучшей части долины Алазани, не уступающей по красотѣ и плодородію Швейцаріи и Сѣверной Италіи. Здѣсь шелководство уже въ сильномъ развитіи, и тутовое дерево перевѣшалось съ фруктовыми и виноградниками; при каждой саклѣ есть непремѣнно стоящая на высокихъ столбахъ плетушка для храненія шелковичныхъ червей.

Бѣлоканскіе лезгины держатся въ отдаленіи отъ русскихъ, и доступъ въ ихъ обнесенныя каменными заборами сакли почти невозможенъ; подъ разными предлогами, мнѣ не показали помѣщенія для червей и шелкомотальни, такъ что, несмотря на всѣ усилія, мнѣ не удалось, даже наглядно, ознакомиться съ здѣшнимъ шелководствомъ.

Бѣлоканы и далѣе *Катехи* (тоже лезгинское село), по моему, положительно, лучшія и богатѣйшія мѣста на Кавказѣ. Изъ Бѣлоканъ меня повезъ ямщикъ, о которомъ, право, стоитъ сказать нѣсколько словъ. Родомъ онъ изъ Оренбурга, жилъ ямщикомъ въ Башкиріи и превратился въ полубашкира; потомъ жилъ въ Калмыцкихъ степяхъ и превратился въ полукалмыка; теперь онъ превратился въ полулезгина и молился, крестясь на молодой мѣсяцъ. Русскій языкъ онъ почти совершенно забылъ, и, вдобавокъ, Калибанъ этотъ былъ постоянно пьянъ и два раза чуть меня не опрокинулъ на поворотахъ. По религіи онъ былъ, разумѣется, православный. Признаюсь, куда какъ мнѣ было стыдно за этого единовѣрнаго соплеменника въ Закавказьѣ. Молокане, живущіе здѣсь, крѣпко держатся своей національности; напротивъ, православные даже костюма не соблюдаютъ, такъ что моего Степана Семеныча, по его рубашкѣ на выпускъ, постоянно принимали за молокана.

Дорога *изъ Бѣлоканъ на Катехи*—тоже отличное шоссе, обсаженное молодыми орѣховыми и черешневыми деревьями; недостатокъ одинъ, это—отсутствіе мостовъ черезъ рѣчки, въ обыкновенное время почти сухія, а въ дожди превращающіяся въ губительные потоки. Говорятъ, что черезъ нихъ, какъ черезъ Бѣшеную балку на военно-грузинской дорогѣ, почти невозможно построить мосты; можетъ быть, это и правда,—мнѣ довелось быть свидѣтелемъ здѣшнихъ, почти мгновенныхъ разливовъ, о чемъ я буду говорить дальше.

Digitized by Google

Закаталы—каменная крѣпость, построенная на возвышенности и защищающая Закатальское ущелье, бывшее главнымъ мѣстомъ прорыва лезгинскихъ партій *). Насъ, по крѣпостнымъ правиламъ, конечно, не пустили въ главныя ворота, но мы преспокойно проѣхали въ другія. Въ Закаталахъ, кромѣ казенныхъ и офицерскихъ домовъ, всѣ остальныя принадлежатъ армянамъ. Построены они въ обыкновенномъ кавказскомъ родѣ: съ галлереями и балкончиками. Мы заѣхали въ гостиницу и взяли номеръ, который, какъ водится, былъ безъ постельнаго бѣлья и безъ всякихъ удобствъ.

— Вы грузинъ?—спросилъ я хозяина.

— Нѣтъ, Богъ миловалъ, армянинъ,—отвѣчалъ онъ, и въ этомъ отвѣтѣ высказался взглядъ армянъ на грузинъ-тувемцевъ.

Къ обѣду намъ подали жареную оленину. Хозяинъ разсказывалъ, что барсы попадаются и нынче: не такъ давно, солдатъ убилъ барса за дикую кошку, а въ другой разъ разсвирѣпѣлый звѣрь бросился на цѣпь охотниковъ, искусалъ нѣсколькихъ и затѣмъ скрылся **). По разсказамъ, помянутые мною выше нимвроды, братья Рахимъ и Мирза, такъ и живутъ въ лѣсу, и что имъ закажутъ, то и убьютъ,—отказа никогда не бываетъ.

Неудобство Закаталъ—лихорадка, которая бьетъ даже куръ. Въ общей залѣ я встрѣтилъ двухъ армянскихъ купцовъ, приставшихъ ко мнѣ съ вопросами:

— Куда ѣдишь?

— Въ Баку.

— Чѣмъ торгуишь?

— Ничѣмъ.

— Какъ такъ ничѣмъ? А зачѣмъ ѣздишь? Можетъ, шелкъ надо? Возьми образчикъ.

— Не надо.

— Какъ такъ не надо? Чего зря ѣздишь? Чего деньги зря тратишь?—и проч.

Вообще, армяне любопытствомъ и прочими качествами напоминаютъ торговцевъ-евреевъ, не обладая только оборотливостью послѣднихъ.

До *станціи Гюллюкъ* (17 в.) деревни всѣ въ садахъ, а искусство

*) См. ч. I-ю: исторія генерала Гулякова.

**) По газетнымъ извѣстіямъ, барсъ убитъ въ Лагодехахъ въ прошломъ 1884 г.

Digitized by Google

проводить воду для орошенія ихъ и рисовыхъ плантацій (рисъ—шалтыкъ, по здѣшнему) можетъ выдержать самую строгую критику. Въ садахъ еще попадаются громадные дубы—остатки прежнихъ лѣсовъ, а на станціи есть два платана, которымъ позавидовалъ бы и Интерлакенъ. Впрочемъ, для живущихъ здѣсь мѣстность не представляется такимъ раемъ, какимъ она кажется для туриста: ямщикъ, татаринъ изъ саратовскаго Хвалынска, выражался про нее такъ: «каторжная земля!» Вѣроятно, и лихорадка составляетъ не послѣднюю прелесть здѣшней жизни.

Вся шоссейная дорога между Закаталами и Нухой пересѣкается безчисленными ручьями и рѣчками, безводными въ нашъ проѣздъ, на наше счастье. Удовольствіе видѣть ихъ разливы ожидало насъ впереди.

Мы свернули съ дороги, немного влѣво, въ *Сускентъ*, чтобы купить молодаго вина и посмотрѣть на здѣшній способъ добыванія спирта изъ виноградныхъ остатковъ. Онъ очень простъ: на дворѣ устроенъ небольшой перегонный кубъ, на трубку котораго проведена вода изъ родника, замѣняющая холодильникъ; въ результатѣ получается очень крѣпкій спиртъ. Молодаго, не совсѣмъ еще перебродившаго вина намъ зачерпнули прямо изъ огромнаго кувшина, зарытаго въ землю, и налили мой походный бурдючекъ, вмѣщавшій въ себѣ тунгу, т. е. пять бутылокъ, за 30 коп. Большой бурдюкъ стоилъ 3 р. 20 к. Вино мнѣ показалось превосходнымъ. Благодѣтель здѣшней мѣстности, армянинъ Папа Давидовъ, изъ Лагодехъ, даетъ впередъ крестьянамъ деньги, а съ нихъ получаетъ виномъ; какой процентъ онъ получаетъ при этомъ—не вдругъ и сосчитаешь. Между здѣшними беками (дворянами) въ большомъ ходу охота съ беркутомъ, который беретъ фазана и даже зайца. Хорошо выношеннаго беркута можно купить за 10 рублей.

Чрезъ поѣздку въ Сускентъ мы запоздали; на небѣ нависли тучи, и наступила темная ночь; пришлось ночевать въ какой-то деревенькѣ, причемъ постелями намъ служилъ ячмень, насыпанный въ закромахъ. На другой день, при начавшемся дождѣ, мы пріѣхали въ *Нуху*.

Нуха—по виду, довольно богатый городъ—своими постройками напоминаетъ тифлисскій Майданъ; разница только въ томъ, что здѣсь всѣ эти постройки окружены роскошными садами, чрезъ что городъ имѣетъ веселый и опрятный видъ. Здѣсь была большая

Digitized by Google

шелкомотальня московскихъ купцовъ братьевъ Алексѣевыхъ, впослѣдствіи обанкротившихся и продавшихъ все заведеніе за 45 тыс. руб. всемогущему на Кавказѣ Мирзоеву.

Станцію содержали молокане, жившіе очень зажиточно и опрятно. Самого хозяина не было дома, онъ уѣхалъ куда-то съ извозомъ, а всѣмъ заправляла хозяйка, у которой дѣло, что называется, кипѣло. Сынъ ея, бойкій, толсторылый и бѣлоголовый мальчикъ, лѣтъ одиннадцати, одинъ управлялся съ запряжкой для насъ лихой и сытой тройки.—«Тоже, вѣдь, молокашка, лупоглазый, шельмецъ эдакой!» — говорила, любуясь своимъ сынкомъ, хозяйка. Вообще, надо сказать, что на Кавказѣ извозная часть находится почти вся въ рукахъ молоканъ: въ городахъ лучшіе извощичьи фаэтоны—молоканскіе; имъ-же принадлежатъ и тысячи нѣмецкихъ фургоновъ, употребляемыхъ для перевозки товаровъ по всему Кавказу. Извозъ—любимый промыселъ нашего народа, и молокане и въ этомъ случаѣ остались вполнѣ русскими, которые едва-ли не лучшіе извощики въ цѣломъ свѣтѣ: даже въ Америкѣ, по свидѣтельству г. Циммермана, до постройки желѣзной дороги въ С.-Франциско, лучшими транспортировщиками на дальній западъ и въ Калифорнію считались русскіе переселенцы.

Съ выѣздомъ изъ Нухи, начался мелкій дождь, заставившій насъ прибѣгнуть къ помощи бурокъ и башлыковъ. Бывшіе здѣсь когда-то дремучіе лѣса, въ настоящее время, уже выведены и вытравлены скотиной. Недалеко, на горѣ, видно что-то такое, что снизу можно принять за разработанную дорогу; это—оросительный каналъ, водою котораго пользуются два аула; вода, оставшаяся въ каналѣ послѣ орошенія полей, засѣянныхъ шалтыкомъ (рисомъ), пускается на мельницы. Вообще, магометане—отличные водопроводчики, и у нихъ можно поучиться этому дѣлу. Испанскія вези до сихъ поръ только и живы оросительными каналами мавровъ. Религія Магомета ставитъ проведеніе воды въ число самыхъ богоугодныхъ дѣлъ, и нѣкоторые, ради спасенія души, проводятъ каменные водопроводы верстъ за 15 и болѣе и строятъ фонтаны по дорогѣ; такъ и здѣсь одной вдовой устроенъ фонтанъ, ради спасенія души ея покойнаго мужа.

«Шельмецъ-молокашка» лихо докатилъ насъ до станціи *Ипямы* (17 верстъ). Съ Нухи дорога поворачиваетъ на югъ, отдаляется отъ хребта и въ *Чемахлдахъ* соединяется съ большимъ трактомъ

Digitized by Google

съ Елизаветполя на Шемаху. Она идетъ степью, поросшею бурьяномъ и кустарникомъ—убѣжищемъ зайцевъ, куропатокъ и фазановъ, почему эта мѣстность и служитъ любимой ареной для охоты съ беркутами у татарскихъ бековъ. Недалеко отъ *Имяловъ*, влѣво, находится бывшій ханскій садъ *Джафаръ-Абадъ* (на 30 десятинахъ), принадлежащій нынѣ все тому-же Мирзоеву. По извѣстіямъ, прежде знаменитый ханскій садъ въ Кубѣ теперь совершенно заброшенъ наслѣдниками, и деревья его безпощадно вырубаются.

Въ *Чемахахъ* намъ сказывалъ смотритель, что на озерѣ *Ахъ-Булахъ*, которое недалеко отсюда, зимою слетается дичь въ невѣроятномъ количествѣ, и на нее охотятся, по ночамъ, съ огнемъ на лодкахъ. Озеро кишитъ рыбой, и когда, въ іюнѣ, сазанъ мечетъ икру, то онъ ходитъ сверхъ воды, и его бьютъ изъ ружей; попадаются экземпляры по $1^1/_2$ пуда. Задремавшія въ кустахъ молодыя бабы-птицы (бабицы—по здѣшнему) зачастую дѣлаются добычей соколовъ. Разсказы про здѣшнія фрукты просто баснословны; такъ, мнѣ сказывали, что здѣшняя груша-вандамъ достигаетъ до $2^1/_2$ и даже до 5 фунт. вѣса; но она, на бѣду, такъ нѣжна, что не выдерживаетъ перевозки даже до Тифлиса (это было еще до желѣзной дороги); яблоки тоже достигаютъ до 1 ф. За что купилъ, за то и продаю, но навѣрное утверждать не рѣшаюсь, потому что самому не приходилось пробовать этихъ диковинокъ.

Съ Чемахловъ пошли голыя горы, и дождикъ все усиливался; намъ угрожали впереди разливы рѣкъ, которые здѣсь почти мгновенны, быстры и ужасны. Рѣчки, за какой нибудь часъ бывшія суходоломъ, послѣ дождя дѣлаются совершенно непроѣздными; онѣ отрываютъ съ горъ камни и катятъ ихъ внизъ, загораживаютъ старыя русла, пробиваютъ новыя и разливаются на сотни рукавовъ; напр., *Туріанъ-чай*, не задолго до нашего проѣзда, отмылъ саженъ на 50 берегъ и совершенно разрушилъ и смылъ съ лица земли почтовую станцію. Во время большихъ дождей и таянія снѣговъ, переправа можетъ производиться лишь на арбахъ (онѣ устойчивѣе телѣгъ), запряженныхъ волами, лошадей-же перегоняютъ отдѣльно. Для помощи наряжаютъ, обыкновенно, татаръ, которыхъ обязанность состоитъ въ конвоированіи проѣзжихъ. Дно приходится пробовать безпрестанно. Про Самуръ, лежащій по ту сторону хребта, и говорить нечего: переправа черезъ него, въ это время, положительно невозможна.

Digitized by Google

А дождь, между тѣмъ, все усиливался да усиливался, и намъ, повидимому, предстояло испытать всѣ эти прелести.

Мы подъѣхали къ *Туріанъ-чаю* и остановились: разливъ его занималъ съ полверсты, и онъ страшно бурлилъ; сверху иногда отрывались камни и прыгали внизъ съ такой быстротой, что мы сначала принимали ихъ за летящихъ внизъ коршуновъ. Впереди насъ, тройкой въ телѣгѣ, ѣхали персіяне. Нашъ ямщикъ, молодой, сильный и ловкій армянинъ, остановился на берегу.—«Погоди, баринъ,—сказалъ онъ,—пусть ихъ проѣдутъ сначала, а потомъ ужъ и мы вслѣдъ за ними». Мы смотрѣли на переправлявшихся, и ямщикъ замѣчалъ путь. Персіяне доѣхали благополучно до середины рѣки, но тутъ случилось вдругъ что-то совсѣмъ неожиданное: телѣга ихъ стала мгновенно кверху колесами, которыя завертѣлись отъ воды, какъ дѣтскія мельницы отъ сильнаго вѣтра. Чемоданы понеслись внизъ по теченію, а ихъ хозяева, окунувшись съ головой, стояли по поясъ въ водѣ и кричали о помощи. Мы поспѣшили къ нимъ и помогли справиться; чемоданы были тоже переловлены переправлявшимся ниже караваномъ верблюдовъ и доставлены на берегъ; такимъ образомъ, все окончилось благополучно. Чрезъ *Гокчай* переправились безъ особенныхъ приключеній. Далѣе слѣдовали молоканскія села: *Карамарьинское* и *Кулюлинское*, расположенныя на глинистыхъ горахъ, безъ всякихъ признаковъ растительности.

Молокане живутъ зажиточно, но если можно порадоваться тому, что они не утрачиваютъ своей національности, гдѣ бы ихъ ни поселили, то никакъ нельзя похвалить ихъ за то, что они нисколько не пользуются хорошими примѣрами туземцевъ. Ихъ глинистыя поля обработаны прекрасно, но совершенно по-русски, и во всемъ селеніи нѣтъ ни одного посаженнаго деревца. Странное дѣло! Русскіе, куда бы ихъ ни забросила судьба, вездѣ слѣдуютъ системѣ своихъ предковъ, которыхъ главной задачей было—разчистка страны и увеличеніе запашекъ, причемъ они являются какими-то неистовыми лѣсоистребителями. Въ Сибири, напр., безъ всякой жалости, рубятся вѣковые кедры, ради сбора нѣсколькихъ мѣшковъ орѣховъ; въ Россіи вырубаются цѣлыя мѣстности, точно лѣсъ мѣшаетъ дышать свободно; на сѣверномъ Кавказѣ—таже исторія, а въ Тифлисѣ, въ молоканской колоніи, вы не увидите прутика, между тѣмъ какъ тутъ-же, рядомъ, въ нѣмецкой улицѣ Куки—что ни

Digitized by Google

домъ, то прекрасный, тѣнистый и при этомъ доставляющій хорошій доходъ садъ. Возьмемъ, къ примѣру, хоть здѣшнюю мѣстность: Карамарьинское и Кулюлинское сѣро-желты, унылы и голы, какъ ладонь, а стоящее въ восемнадцати верстахъ татарское село *Ахъ-Су* затонуло въ садахъ и тополяхъ. Да чего тутъ! Даже на западѣ, въ Германіи и Венгріи, вы тотчасъ-же отличите нѣмецкое отъ славянскаго хозяйства. Что это такое? Черта ли народнаго характера, выработанная прежней жизнью, или, просто, невѣжественное неразуміе—право, не знаю. А дождь, между тѣмъ, все льетъ да льетъ, и наши андійскія бурки превратились въ совершенный кисель и не думаютъ задерживать воду, проникающую до тѣла; башлыки тоже. На Карамарьинскій намъ уже запрягаютъ пять лошадей и запасаются лопатами и палками, для отковыриванія съ колесъ глины, превращающей ихъ въ одинъ сплошной кругъ. Ѣзда такъ пріятна, что форейторъ-татаринъ, при подъемѣ на гору, за Кулюлями, преспокойно спрыгиваетъ съ лошади и уходитъ домой; кучеръ садится на его лошадь, а Степанъ Семенычъ на мѣсто кучера, и въ такомъ порядкѣ мы пріѣзжаемъ въ Ахъ-Су. *Ахъ-Су* — богатое татарское село, какъ я сказалъ уже, все затонувшее въ садахъ и тополяхъ. Въ духанѣ, на площади, насъ угостили отличнѣйшимъ (или показавшимся намъ такимъ, съ дороги) супомъ, приготовляемымъ въ кувшинахъ и называемымъ *пѣти*. За Ахъ-Су подъемъ, съ котораго открывается видъ на это живописное селеніе. Дорога сдѣлалась такъ дурна, что мы, несмотря на все желаніе поскорѣе добраться до Шемахи, должны были остаться ночевать въ *Шарадель*. Тутъ-же ночевалъ и мировой посредникъ, пріѣхавшій изъ Шемахи для устройства крестьянскаго выкупа. Выкупъ устроивался безъ содѣйствія правительства: выкупающіеся только и ждали возможности улизнуть въ Турцію, а беки, ихъ бывшіе господа, рады получить хоть что нибудь, чтобы затѣмъ сдать, почти задаромъ, землю армянамъ и проживать выкупъ, занимаясь соколиной охотой. До Шемахи дорога идетъ распаханными полями, по которымъ бѣгаютъ стаи курочекъ или куропатокъ.

Въ *Шемахѣ* еще ясно были видны слѣды землетрясенія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ разрушившаго городъ. Причиной этого полагаютъ связь нефтяныхъ бассейновъ, находящихся, гадательно, подъ Шемахой, съ бакинскими бассейнами. Отсутствіе колодцевъ,

Digitized by Google

чрезъ которые могли бы выходить газы, и исключительно каменныя постройки помогли разрушенію. Въ городѣ единственный деревянный домъ занятъ посредникомъ. Шемаха лежитъ въ котловинѣ; постройки въ ней всѣ изъ желтаго камня, какъ въ Баку; крыши плоскія,—у богатыхъ онѣ залиты нефтянымъ асфальтомъ, а у бѣдныхъ, просто, покрыты землей. Безлѣсная, сѣро-желтая мѣстность, полное отсутствіе зелени и неприглядный видъ домовъ, въ казенномъ стилѣ, даютъ городу очень печальный видъ. Все показывало, что мы подъѣзжаемъ къ бакинскому нефтяному царству. А дождь все лилъ, какъ изъ ведра. Необходимо было остановиться, хоть для того, чтобъ обсушиться немного и переждать, не перестанетъ ли дождь. Мы помѣстились въ казенномъ заѣзжемъ домѣ, въ которомъ позволялось оставаться безплатно три дня; здѣсь была и кухня, и плата за порціи была недорогая, всего 25 к. На третій день дождь, дѣйствительно, пересталъ, и мы поспѣшили уѣхать, но—увы!—не отъѣхали и 10 верстъ, какъ онъ поднялся снова. Возвращаться до того не хотѣлось, что мы рѣшились перенести всевозможныя мученія, лишь бы добраться поскорѣе до Баку. И точно, путь этотъ навсегда останется въ моей памяти.

Въ *Мироздхъ* (очень удачно передѣланнымъ русскими, вслѣдствіе свирѣпствующихъ здѣсь холодныхъ вѣтровъ, въ Морозы) къ дождю присоединился еще страшный вѣтеръ, скоро превратившійся въ совершенную бурю. Колеса тонутъ въ липкой глинѣ и превращаются въ одну сплошную массу, которую, каждыя полверсты, ямщикъ и форейторъ отковыриваютъ нарочно взятыми для этого палками. Намъ попадается телеграфистъ, ѣдущій верхомъ, потому что вынужденъ бросить телѣгу.

На *Малетнимингской*, гдѣ мы ночевали, разразилась такая буря, что, положительно, можно было бояться, что снесетъ не только крышу, но и всю станцію. Холодъ! Дымъ выбивается вѣтромъ изъ камина и валитъ въ комнату! Ревъ бури! Страшный ливень и отсутствіе всякой пищи, кромѣ родимаго чая—рѣшительно, ужасъ! А на утро, все-таки, надобно ѣхать. Мы до того отупѣли, что, просто, сдѣлались равнодушными къ жизни.

Передъ *Арбатской* есть глубокій суходолъ, впадающій въ рѣку *Сумаитъ*. Мутная вода шла въ немъ теперь на аршинъ выше стариннаго каменнаго арковаго моста, правую сторону котораго она совершенно разрушила и, падая внизъ ревущимъ водопадомъ,

Digitized by Google

превращалась далѣе въ крутящійся бездонный потокъ. Ямщики остановились и не рѣшались ѣхать, хотя станція была уже близко.

— Страшно, баринъ!—сказалъ ямщикъ: переопрокинетъ, пожалуй! Ни за грошъ пропадешь и утонешь.

— Э, ничего! Пошелъ, съ Богомъ! Степанъ Семенычъ, разстегни-ка бурки, на случай. Коли опрокинетъ, можно будетъ сбросить, по крайней мѣрѣ.

Въ отвѣтъ на мое совершенно сумасшедшее приказаніе, ямщикъ что-то крикнулъ по-татарски передовому, затѣмъ ударилъ по лошадямъ, и какъ мы переѣхали—этого я до сихъ поръ не понимаю. Вода была выше колесъ, и хоть чуточку наша легонькая телѣжка покачнись на бокъ—гибель была бы неминуема. Когда мы переѣхали и остановились, чтобъ оправиться, меня морозъ подралъ по кожѣ. Совершенно безсознательно мы оба только перекрестились.

Передъ *Сарайнской* едва не утонулъ ѣхавшій передъ нами казакъ. Но отсюда дождь пересталъ, и дорога сдѣлалась лучше. На озерахъ и образовавшихся отъ дождя лужахъ плавали тысячи, перебиравшихся на югъ, дикихъ гусей и утокъ. Зачернѣло вдали «сердитое Каспійское море», показался Баку—и я не могу передать, съ какимъ восторгомъ я вошелъ въ довольно грязный, 60-ти-копеечный номеръ гостиницы «Италія», переодѣлся и, первымъ дѣломъ, написалъ въ записной книжкѣ: «наконецъ-то, пришелъ конецъ нашимъ мученьямъ!» Про Баку не пишу ничего, потому что описалъ его въ первой части, прибавлю развѣ только, что, при возвращеніи въ Астрахань, Каспійское море вполнѣ подтвердило названіе «сердитаго», данное ему безсмертнымъ Крыловымъ.

Теперь нѣсколько словъ на прощанье. Я не скрывалъ ничего въ этихъ запискахъ и разсказывалъ въ нихъ все одинаково подробно—и хорошее, и дурное. Я не скучалъ, писавши ихъ, напротивъ, испытывалъ искреннее удовольствіе, вспоминая прошедшее, единственно потому, можетъ быть, что—«что пройдетъ, то будетъ мило», какъ сказалъ Пушкинъ. Если и ты, благосклонный читатель, почтишь ихъ своимъ вниманіемъ, прочитаешь, отъ скуки, въ дорогѣ и найдешь кое-что интереснымъ, то я буду вполнѣ вознагражденъ за мой, хотя и слабый, но добросовѣстный трудъ. Ну, а теперь до свиданія, покуда.

Digitized by Google

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ И НАЗВАНІЙ, НАХОДЯЩИХСЯ ВЪ ПУТЕВОДИТЕЛѢ *).

А.

	Стран.
Абазины	9
Абадзехи	9
Аббасъ-мирза	23, 271
Абинская станица	ч. II—106
Абреки	97, 112, 123
Абу-Нацалъ, ханъ	48
Абхазія	9, 338, 342
Абхазцы	9, 340, 348
Аварія	7, 37, 49, 56
Аварское койсу, рѣка	6
Аварское ханство	14
Авлабаръ, часть Тифлиса	240
Ага-Магометъ-ханъ	18, 231
Астраханское войско	16
Адагумъ, рѣка	2, ч. II—98
Адай-Гохъ, гора	6, 124
Адатъ	31, ч. II—12
Аджи-Кабулъ, станція	281
Адиге	112
Адлеръ, мысъ	356, ч. II—63 до 75
Адріанопольскій міръ	27
Азнауры	223
Аибга, племя	ч. II—70
Айляръ, аулъ	ч. II—162
Айсары	276
Аксай, рѣка	3
Аксай, укрѣпленіе	36
Аксай, станица	ч. II—6
Акуша, аулъ	ч. II—212
Ала-Верды, монастырь	ч. II—265
Алагезъ, гора	10
Алагиръ, станица	ч. II—151
Алазань, рѣка	7
Александропольскій уѣздъ	11, 13
Александръ I, императоръ	19
Александръ, кахетинск. царь	17
Алята, станица	281
Амкары	223
Ананауръ	194, 237, ч. II—41
Анапа	27, 70
Андійскій хребетъ	6
Андійское койсу, рѣка	6
Андія	7, 56
Андреева деревня (Эндери)	16
Андреевская станція	ч. II—87
Андроникова	27
Анн	12
Анна, имеретинская царица	265
Аносовъ, поручикъ	60
Арагва, рѣка	7
Араксъ, рѣка	11
Араратъ, Большой и Малый, горы	10
Аргунъ, рѣка	2
Аргунскій округъ	4
Аргунское ущелье	ч. II—179
Аргутинскій-Долгоруковъ, князь	28, 61
Ардонская станица	ч. II—150
Аркеванъ, укрѣпленіе	24
Армавиръ, станція	105
Арменія	11, 123
Армяне	12, 123
Армянское плоскогорье	10
Армянскій аулъ въ Пятигорскѣ	140
Арпачай, рѣка	11
Арцруни, караванъ-сарай въ Тифлисѣ	242, 256
Арштынская просѣка	ч. II—179
Аскеранъ, укрѣпленіе	270
Асландузъ, укрѣпленіе	24
Асланъ-ханъ	44
Ассинская станица	ч. II—177
Атажукинъ аулъ	ч. II—138
Атюхтинскія каменноугольныя копи	87
Аухъ	56
Афипсъ, рѣка	2

*) Цифры, передъ которыми стоитъ ч. II—означаютъ страницы второй части.

Digitized by Google

Стран.

Ахалкалаки 27
Ахалцихскій уѣздъ 13
Ахалцихъ. 27
Ахверды-Магома, наибъ 56, 57
Ахметъ-ханъ 49
Ахтанизовскій лиманъ . . . . ч. II—84
Ахульго . . . . 49, ч. II—200 до 211
Ахчипсоу, долина 358
Ахчипсхоу, племя . . . . . ч. II — 70
Ачхой-Мартанъ, аулъ . . . . ч. II—177
Ашильта, аулъ. . . . . ч. II—208

Б.

Бабуковъ аулъ . . . . . ч. II—141
Бажатубань, станція 291, 308
Базаркинъ аулъ . . . . . ч. II—176
Бакинская бухта. 8
Бакинская желѣзная дорога 280
Бакинская губернія 13, 280
Баклановъ, генералъ . . . ч. II—183
Баксанъ, рѣка. 2
Баку 268, 283
Балта, станція 161
Бамутское ущелье . . . . . ч. II—179
Барзанъ, аулъ . . . . . ч. II.—154
Барокова, станція 124
Барсуки, станція 106
Баталпашинскій уѣздъ 4
Батскія ворота . . . . . ч. II—157
Батумская губернія 13
Батумъ. 10, 335
Барятинскій, князь. 65, 239
Башъ-Кадыкъ-Ларъ 27
Бебутовъ, князь. 27
Берега Чернаго моря (побережье) . 27
Березовка, рѣка. 147
Бештау, гора 110, 139
Бермамутъ, гора 147
Бестужевъ (Марлинскій) 253
Бжедухи, племя 9
Бзыбь, рѣка. 7
Бизъ, аулъ . . . . . ч. II—154
Бора, вѣтеръ 8, 361
Божій Промыселъ, рыб. ватага. . . 281
Боржомъ 299, 302
Борчалинскіе татары 277
Ботаевская станція—90 Мокробо-
таевская. . . . . ч. II—7
Ботлихъ . . . . . 7, ч. II—237
Водба (монастырь св. Нины) . ч. II—271
Буба, гора . . . . . ч. II—162
Булачь-ханъ. 48
Булла, островъ 281
Бурная, крѣпость 47

Стран.

Бѣлая, рѣка 2
Бѣлявскій, генералъ 63
Бѣлоканы, село . . . . . ч. II—274
Бѣшеная балка . . . . . 168, ч. II—27

В.

Валерикъ. . . . . ч. II—177
Вани, армянинъ 271
Варениковская станица . . . ч. II—89
Ваханскій хребетъ 10
Вахтангъ, царь. 220
Вахтангъ Иракліевичъ, царевичъ . . 212
Вашгарабадъ. 12
Веденскій округъ. 4
Ведено . . . 7, 56, 64, 66, ч. II—243
Вельяминовъ, генералъ 36, 38
Вера, предмѣстье Тифлиса 240
Веселитскій, подполковникъ 59
Викторовъ, генералъ. 63
Владикавказскій округъ. 4
Владикавказъ . . . . 17, 152, ч. II—24
Владикавказская котловина . . ч. II—148
Внезапная, крѣпость. 36, 47
Военно-грузинская дорога. . . . 6, 156
Военно-осетинская дорога. . ч. II—153
Воздвиженская, крѣпость . . . ч. II—190
Воронцовка, село. 107
Воронцовъ, князь. 63, 239, 273
Врангель, генералъ. 66
Вревскій, баронъ. 66

Г.

Гагры. . . . . 70, 354, ч. II—75, 77
Гагаринъ, князь . . . . . ч. II—59
Гази-Магометъ. 44
Галафѣевъ, генералъ. 50
Гамзатъ-Бекъ, имамъ 7, 48
Гамборы . . . . . ч. II—260
Ганжа (Елисаветполь). 261
Ганжинское ханство. 14
Гаретубани, часть Тифлиса 240
Гелатъ, монастырь . . 315, 319 и дал.
Геленджикъ, бухта 8
Георгіевскій округъ 4
Георгій III, имеретинскій царь . . 17
Георгій XIII, груз. царь . 18, 203, 210
Гергебиль, укрѣпленіе 59, 61
Гехи . . . . . ч. II—177
Гилеты, аулъ 172
Гимры, аулъ . 45, 47, ч. II—200 до 211
Главнокомандующіе на Кавказѣ. . . 40
Глола, деревня . . . . . ч. II—163
Гори. 291, 297

Digitized by Google

Стран.
Горисъ-Цихе. 292, 297
Горцы закубанскіе, въ наст. время . 4
Гокча, озеро. 11
Гокчайскій уѣздъ. 13
Горійскій уѣздъ 13
Горцы (ихъ характеръ). . . . 28 до 34
Горячеводская станица 141
Головинъ, коман. кавк. корп. . . . 40
Гойтхскій перевалъ. 73
Гойты, аулъ . . . . . ч. II—177
Голубева гора . . . . . ч. II—114
Граббе, генералъ 49, 50
Греки 12
Грековъ, генералъ. 35
Гребенскіе казаки. 16, 103
Григорій св. 226
Грибоѣдовъ . . . . . 249 до 253
Грозная, крѣпость . . . . 36, ч. II—192
Грозненскій округъ 4
Грузино-имеретинскій хребетъ . . 10
Грузины 11, 216
Грузинское царство 14
Грузія 16, 217
Грушевскія каменно-угол. копи. . . 87
Гудауръ, ст. . . . 182, 184, ч. II—40
Гудъ, гора и деревня 181
Гудовичъ, графъ 11
Гуляковъ, генералъ 258, 273
Гумбетъ, общ. въ Дагестанѣ . . . 56
Гунибъ . . 7, 56, 67, ч. II—215 до 221
Гурія 14, 267, 323
Гурійцы 326
Гуріели. 267
Гуріель Мамія II. 17
Гурко, генералъ 61
Гуссейнъ-Кули-ханъ 268
Гюлистанскій миръ. 27

Д.

Давидъ св., церковь въ Тифлисѣ. . 246
Давидъ Георгіевичъ, царевичъ. . . 212
Дагестанъ. 6
Дагестанская область 9
Дадешкеліани, сванет. кн. . 14, ч. II—59
Дадіанъ, мингрельскій князь. . . . 265
Дарго. 50
Даргинская экспедиція 63
Дарьялъ и Дарьяльское ущ. 161, 162, 165, ч. II—25
Дарья, царица. 211
Девдораки. 163
Дементьевъ, штабсъ-капитанъ. . . . 60
Дербентъ 47
Дибичъ 39
Стран.
Джаватъ-ханъ. 261
Джаро-бѣлоканскіе лезгины 258
Джевадскій уѣздъ 13
Джингутай Большой, аулъ . . ч. II—211
Дзей (Цее), ущелье . . . . . ч. II—161
Дзерулы, станція. 308
Джигеты 9
Джимерай-Гохъ, гора 5, 124
Джинъ-Падишахъ. 121
Дуванный островъ 281
Душетскій уѣздъ. 12
Душетъ, городъ и станція. 201
Дыхъ-Тау, гора 5

Е.

Евдокимовъ, генералъ—66, 71, ч. II—отъ 18 до 23
Евпаторія 365
Евреи 12
Егорлыки, Бол. и Сред., рѣки 2, 91, ч. II—13
Ейскъ . . . . . ч. II—82
Ейскій уѣздъ 4
Екатерина II, императрица 17
Екатеринодаръ. . . . . ч. II—114
Екатеринодарскій уѣздъ. 4
Екатериноградъ 17
Елисаветпольская губернія 13
Ермоловъ, главнокомандующій—34 до 39
Ерпели, аулъ. . . . . ч. II—201
Ессентуки 143

Ж.

Желѣзная гора. 110
Желѣзноводскъ 141
Жибраилъ, царевичъ 213

З.

Завалишинъ, генералъ 268
Закавказье. 1, 10
Закаталы. . . . . 28, ч. II—275
Закатальское ущелье 273
Закубанскій край . . . . . ч. II—114
Закубанскій уѣздъ 4
Занзегурскій уѣздъ. 13
Зарамака, аулъ. . . . . ч. II—161
Зассъ, генералъ 69
Зеленчуки, Бол. и Малый, рѣки . . 2
Земля войска донскаго . . . ч. II—3, 4
Земля черноморскихъ казаковъ. . . 95
Зміева гора 110
Змѣйская станица. . . . . ч. II—161

Digitized by Google

Стран.

Золька, рѣка 111
Зубовъ, графъ. 18
Зугдиди. 292
Зугдидскій уѣздъ. 13
Зыки, пристань 290
Зыряны, укрѣпл 61
Зякетъ 56

И. І.

Измаилъ-Коновъ, аулъ . . . . ч. II—124
Имамы 7, 41
Имеретія. 14, 263, 323
Имеретины 12, 326
Ингуръ, рѣка 7
Ингуши. 4, 36
Іора, рѣка 7
Ираклій II, груз. царь . 18, 203, 209, 237
Исти-Су, укрѣпл 36
Ичкерія. 50

К.

Кабарда и кабардинцы . . . 4, 37, 111 до 124, ч. II—117 до 121
Кабардинцы вольные (бѣглые) . . . 9, 37
Кавказъ 1
Кавказскій край 1
Кавказскій хребетъ 5
Кавказскій уѣздъ 4
Кавказская стан. и станц.—8, 90, 104, 105
Кагальницкая станція . . . 90, ч. II—9
Казаватъ 42
Казанищи. 61
Казбекъ, гора и станц. . . 5, 124, 168 172, ч. II.—26, 27
Кази-Кумыкское койсу, рѣка . . . 6
Кази-Кумыкское ханство 14, 37
Кази-мулла. 7, 45
Кайнарджійскій трактатъ 18
Кайшаурская долина 181, 182
Калаусъ, рѣка 2, 91
Калмыки . . . . . 3, 107, ч. II—249
Канла . . . . . 31, ч. II— 12
Карачаевцы 9
Кара-койсу 6
Карабахское ханство 14, 267
Каракубулахская станица . . ч. II—177
Караногайцы 107
Караязъ . . . . . 274, 281, ч. II— 48
Каріу-Гохъ, гора 125
Карталинія 14
Каррасъ, колонія въ Тифлисѣ . . . 139
Карца, гора. 125
Картапа 278
Карсъ 27
Карягинъ, полковникъ 22, 270
Касарахомъ, ущелье . . . . ч. II—161
Катехи, село . . . . . ч. II—274
Католикосъ 221
Кахетія . . . . . 10, 14, ч. II—263
Кахотверъ, гора. 124
Квашветская церковь. 247, 254
Квашхетъ, рѣка . . . . . ч. II—169
Квенемъ-Мты, гора. 172
Квирилы, станція 291, 308
Квишетская долина. 187
Кеври (кувшинъ для вина) 254
Керкетскій перевалъ . . . . ч. II—238
Керчь. . . . . 362, ч. II— 82
Кибитъ-Магома, намъ 56
Кизлярскій округъ. 4
Кизляръ 16, 47
Кисловодскъ 146
Кистины 4
Клюки-фонъ-Клюгенау, генералъ. . 60
Киорринг, генералъ. 19
Коби, станція . . . . . 178, ч. II—39
Коваленскій. 20
Коджоры 279
Кодоръ, рѣка 7
Колонисты нѣмецкіе 12
Кольцо, гора 147
Комбулей, рѣка 122
Константинъ, имерет. царевичъ . . 265
Константиновская колонія 141
Коронайскій спускъ . . . . ч. II—200
Кородахъ, рѣка . . . . . ч. II—222
Коппинскій перевалъ . . . . ч. II—214
Котляревскій, генералъ 22, 270
Котляревская станція. 124
Красное озеро 282
Кресилькачали . . . . . ч. II—171
Крестовая гора 157, 159, 181
Крыловская станція. 90, 91
Ксанъ, рѣка. 195
Кубань. 2
Кубанская область 4, 95
Кубанскій край, ч. II—86 и далѣе до 91
Кубинскій уѣздъ 13
Кубинское ханство. 14
Куденетовъ аулъ . . . . . ч. II—141
Куки, часть Тифлиса 240
Кума, рѣка. 2, 91
Кумыки. 3
Кумыкская плоскость 3
Кунакъ. 122
Купа, аулъ . . . . . ч. II—214
Кура, рѣка 7
Курганъ абрековъ . . . . . ч. II—181

Digitized by Google

Стран.

Курды 12
Куро-Ріонская равнина 10
Куртатинскія горы. 124
Курчанскій лиманъ . . . . . ч. II—184
Кутаисъ. . . . . 8, 310, ч. II—53
Кутаисская губернія 13
Кутиши, аулъ. 61
Кухаренко, генералъ . . 104, ч. II—22
Кучу-Ея, рѣка. 95
Кюрдомиръ, станція. 281
Кюринское ханство 14

Л.

Лаба, рѣка 2
Лаваши, аулъ. . . . . ч. II—211
Лагодехи, воен. колонія . . . ч. II—273
Лазаревъ, генералъ 22, 212
Ларсъ, станція . . . . . 161, ч. II 25
Леванъ, влад. Мингрелія 17
Леванъ, кн. мингрельскій 272
Лезгины . . . . . 6, 8, ч. II—239
Лезгинская линія 28
Ленкорань 24, 281
Ленкоранскій уѣздъ 13
Лермонтовъ . . . . . 141, ч. II—17
Лечгумскій уѣздъ 13
Лиманъ, озеро. 201
Линейные казаки 14, 102
Лисаневичъ, маіоръ 270
Лорійская степь. 11
Лухумъ, рѣка . . . . . ч. II—169
Ляслазъ, селеніе. 179
Ляхва, рѣка 7

М.

Майданъ (Мейдонъ), базаръ въ Тифлисѣ. 242
Майкопъ, городъ. 70
Майкопскій уѣздъ 4
Майранъ-Дагъ, рѣка . . . . . ч. II—183
Макалаки (мѣщане въ Грузіи) . . . 223
Максимовка, станція 87
Малаховъ курганъ 364
Малки, рѣка. 2, 123
Манычъ, рѣка 2
Манычъ, озеро. 91
Мерелисъ, станція 308
Маріинскій каналъ 275
Марія, царица 209
Маслагаты 71
Масловъ-Кутъ, село 109
Матъ-Гохъ, гора. 125
Махогапсъ. гора . . . . . ч. II—139
Машука, гора 110, 135
Меджлисъ (союзъ горцевъ). 72
Медовей, общ. 359
Мелики. 221
Метеха 242
Мехметъ-Аминь 70
Мехтулинское ханство 14
Мзымта, рѣка . . . . . 7, ч. II—65
Мизуръ, аулъ. . . . . ч. II—157
Миклашевскій, полковн 47
Минеральныя воды, станція. . . 90, 110
Минеральныя воды, группа 126
Мингичауръ, селеніе 8
Мингрелія 14, 263, 323
Мингрельцы 12, 326
Михаилъ Никол., в. кн., намѣстникъ. 73
Михайловка, станція 291
Мцеты, станція . . . . . 187, ч. II—40
Моздокъ 4, 17
Моздокско-азовская линія 17
Моксохъ, укрѣпл. 60
Молоканская слобода въ Тифлисѣ . 256
Монтрезоръ, маіоръ 22
Мордвиновъ, графъ. 35
Моуравы 221
Мта-Цминда, предмѣстье Тифлиса. . 240
Муганская степь. 274
Мулла-Магометъ 41
Муравьевъ, главнокомандующій . . 27
Муртазегиты. 52
Мухратъ 270
Муштаидъ. 240. 256
Мцхетъ. 203
Мцхетскій соборъ. 207
Мюридизмъ и мюриды 41

Н.

Навтлугъ, часть Тифлиса 240
Назрановскій редутъ . . . 36, ч. II—177
Назрановцы 4
Наибы 7
Накадули 275
Накералы . . . . . ч. II—171
Нальчикъ, укрѣпл. . . . 37, ч. II—144
Нарское ущелье. . . . . ч. II—161
Народонаселеніе Закавказья 11
Нарзанъ 148
Населеніе Кавказа 8
Натухайцы 9
Нахичеванское ханство 14
Нахичеванскій уѣздъ 13
Невинномыкская станц. и станица 90, 106
Незлобная, станція 111
Нейгардтъ, ком. кавк. корпуса . . 40

Digitized by Google

Стран.
Несвѣтаевъ, генералъ 270
Нестеровская станица . . . . ч. II—179
Несторій, патріархъ 276
Низовая, крѣпость 61
Николаевская станица . . . . ч. II—194
Николаевская колон. близъ Пятигор..141
Никорцминда . . . . . ч. II—170
Нина святая. 240
Новобаязетскій уѣздъ. 13
Новороссійскъ 361
Новороссійская бухта. 8
Ново-Сенаки, станція. 292
Ногайцы 2
Нузалъ, аулъ . . . . . ч. II—160
Нухинскій уѣздъ. 13
Нуха, городъ . . . . . ч. II—276
Нхазъ, ущелье . . . . . ч. II—154

О.

Озургеты 292
Озургетскій уѣздъ 13
Ольховка, рѣка 147
Омеръ-паша. 27
Они, городъ . . . . . ч. II—167
Орпири 8
Орточала, часть Тифлиса 240
Осетины 9, 185
Османъ-Муратъ 48
Оштенъ, гора. 5

П.

Павелъ I, императоръ. 18
Падишахъ-Іолъ (царская дорога) . . 7
Пайсанауръ, станція. . . 188, ч. II—40
Палеостомъ, озеро. 332
Параулъ, аулъ 47
Паскевичъ, главнокоманд. . . 27, 39, 40
Пассекъ, ген. (его записка) . 51, 61, 64
Паулуччи, маркизъ. 269
Паху-Бике, ханша 46, 48
Псебепсъ, рѣка . . . . . ч. II—97
Псхоу, рѣка . . . . . ч. II—75
Перевалъ (воен.-груз. дорога). . . 179
Переселеніе горцевъ въ Турцію. . 73
Персіяне. 12
Петровскъ 7
Петръ Великій 13
Петропавловская станица. . . ч. II—193
Пицунда 339
Пластуны. 96
Подкумокъ, рѣка. 127
Поингская станція 307
Панорама горъ изъ Владикавк. . . 124
ч. II—23
Панорама горн. Дагестана съ Гимр-
скаго перевала . . . . . ч. II—202
Панорама съ Гунибa . . . . ч. II—218
Поокгаузское ущелье 179
Поселенія—34, см. также Ставроп. губ.
Потемкинъ, кн. 17
Потемкинъ, прапорщикъ 60
Поти . . . 10, 27, 267, 331, ч. II—61
Прасковея, село. 107
Предкавказье 1
Прохладная, станица и станція . 111, 124
Прочный окопъ, станція 105
Пулло, генералъ. 50
Пута, станція 281
Пшавы, племя. 189
Пшеха, рѣка. 2
Пшизъ (Кубань), рѣка 2
Пшишъ, рѣка 2
Пятигорскъ 127
Пятигорскія минеральныя воды. . . 126

Р.

Равнинное предкавказье 2
Раевскій генералъ 29
Рачинскій уѣздъ 13
Решидъ-Кала, крѣпость 275
Ришелье, герцогъ 34
Ріонъ, рѣка. 7, 309, 332
Ріонская долина 309
Розенъ, баронъ 40, 47
Россъ, г. 179
Ростовъ-на-Дону 89
Ртищевъ, генералъ. 34
Рымъ-гора 146

С.

Сабунчи. 289
Садонскій рудникъ . . . . . ч. II—158
Садырь-ханъ. 24
Салаватъ-Дагъ, хребетъ 5
Салаваки, часть Тифлиса 240
Салатавія. 56
Салтинскій мостъ . . . . . ч. II—214
Сальянскій заливъ 12
Сальяны. 281
Самтаврская церковь. 214
Самтреди, станція 291
Самурзаканъ. 9, 353
Самуръ. 7
Св. Креста крѣпость 16

Digitized by Google

Стран.
Св. Николая постъ или часовня, ч. II—160
Сванетія. 9, 14, 322
Севастополь 863
Сектанты русскіе 12, 229
Сенакскій уѣздъ 13
Сефер-бей Ширвашидзе, абхазскій князь. . . . . ч. II—63
Сигнахскій уѣздъ 12
Сигнахъ, крѣпость . . . . . ч. II—271
Самашкинская станица . . . ч. II—177
Синявская станица . . . . . ч. II—80
Сіонскій соборъ въ Тифлисѣ. . . . 257
Сланцевое ущелье . . . . ч. II—221
Слѣпцовъ, ген.—65, ч. II—177, 179, 182 и далѣе.
Слѣпцовская станица. . . . . ч. II—177
Солдатская станція. 111
Соломонъ I, имеретинскій царь. . . 18
Соча, рѣка 7
Ссоры, замокъ . . . . . ч. II—169
Ставрополь . . . . . 17, ч. II—15
Ставропольск. губ. 5, 17, 106, ч. II—114
Степь 2
Стефанъ-Цминда 171, 174
Столовая гора. 125
Суворовская станція 110
Сулакъ, рѣка 7
Сунжа, рѣка 2
Сунженская линія . . . . 65, ч. II—175
Сурамъ. 305
Сурамскій перевалъ 10, 306
Сураханы 286, 289
Сургуновъ, полиціймейстеръ. . . . 213
Суроковъ, квартирмейстеръ. . . 213
Сухарная экспедиція 63
Сухумъ-Кале 27, 349
Сухумская бухта. 8
Сухумскій отдѣлъ 9, 338
Сырху-Барзомъ, гора. 124

Т.

Тагапрогъ . . . . . ч. II—80
Тагаурцы 214
Такши-Кичу, укрѣпленіе. 37
Талышенское ханство. 14
Тамара, царица Грузіи. 316
Тамара, цар. (замокъ въ Дарьялѣ). . 166
Тамбуканъ, соленое озеро 141
Тарнкатъ 42
Тарки 14
Татаръ-Тупа, урочище 122
Татары 12, 226
Теймуразъ I, грузинскій царь . . . 17
Телавъ . . . . . ч. II—264
Стран.
Телавскій уѣздъ. 12
Темиръ-Ханъ-Шура, 7, 61, ч. II—196, 199
Темнолѣсскія высоты 2
Темрюкскій уѣздъ 4
Темрюкъ, городъ . . . . . ч. II—85
Тепли, гора. 124
Терекъ, рѣка 2
Терки. 16
Терское войско 16
Тиба, аулъ. . . . . ч. II—161
Тилитль, аулъ и общ. 49, 56
Тифлисъ. . . . . 230 до 257, ч. II—42
Тифлисская станица. 8
Тифлисскій уѣздъ 12
Тифлисская губернія. 12, 216
Тотлебенъ, генералъ 18
Тромцкая станица. . . . . ч. II—177
Троглодиты 115
Трусовское ущелье 179
Туапсе, станица 361
Туапсе, рѣка 7
Турки 12
Туркменчайскій миръ. 27
Тучковъ, генералъ. 212
Тушины. 9, 189
Тхибула. . . . . ч. II—171

У.

Убыхи, племя 9
Уджарры, станція. 281
Уллу-бей, намѣсъ. 57
Ункратль, общ. . . . . ч. II—240
Ущукуль, аулъ и общ. . . 56, 59, 60
Ушлисъ-Цихе. 293
Урупъ, рѣка 2
Уста-баши 223
Ухатъ-Дагъ, рѣка 179
Ухитское ущелье 179

Ф.

Фарсъ, рѣка 2
Фезн, генералъ 49
Фланги (правый и лѣвый) 4, 40
Фортанга, рѣка . . . . . ч. II—179
Фотхусъ, городъ. 125
Фрейтагъ, генералъ . 61, 64, ч. II—184

Х.

Хаджи-Муратъ. . . . . 48, ч. II—228
Хакикатъ 42
Харпуги, часть Тифлиса 240
Хасавъ-Юртъ. . . . . ч. II—196

Digitized by Google

Стран.

Хасавъ-Юртовскій округъ. 4
Хассавъ-Дари 274
Хатеви, рѣка. . . . . ч. II—169
Хатупсе, рѣка . . . . . ч. II— 76
Хашусъ, военная добыча 56
Хевское ущелье 179
Хевсуры 9, 189
Химши, деревня . . . . . ч. II—169
Ходжалъ-Махи, укрѣпл. . . . ч. II—213
Ходзь, рѣка. 2
Худако . . . . . ч. II—100
Хунзахъ. . . 7, 46, 48, ч. II—223, 228

Ц.

Царгатъ, городъ 124
Цатанихъ, укрѣпл. 59, 60
Цебельда 9, 353
Цее (Дзей), ущелье . . . . . ч. II—161
Цесса, деревня. . . . . ч. II—169
Цилканы, станція 201
Циціановъ, князь 20, 211. Его исторія. . . . . 257 до 270
Цміакомъ-Гохъ, гора 124
Цминда-Кархи, церковь 179
Цминда-Самеба . . . . . 172, ч. II— 27
Цхалтели, деревня . . . . . ч. II—171
Цхенисъ-Цхале, рѣка. 7

Ч.

Чагатъ, гора. 124
Чатъ-Гохъ, гора. 125
Чамлыкъ, рѣка. 2
Червленная станица. . . 103, ч. II—194
Черноморскіе казаки 3, 17, 95
Черноморскій берегъ. 9
Черноморская береговая линія. . . 69
Черноморскій округъ 9, 360
Черныя горы. 6
Черный городъ въ Баку. 282
Чертова долина 181
Чеченцы 4, 8
Чеченцы мирные 37, 50
Чечня. . . . . 7, ч. II—176
Чиръ-Юртъ . . . . . ч. II 197
Чирюаты, аулъ . . . . . ч. II—208
Чоба, аулъ. . . . . ч. II—156
Чохракъ, рѣки. 2
Чохракъ, сол. озеро . . . . . ч. II—82
Чумескентъ, урочище. 46

Ш.

Шагановъ, маіоръ 61
Шамиль. . 7, 45, 47, 49 и далѣе до 68

Стран.

Шамхальство Тарковское 37
Шамхалы 199
Шапсуги 9
Шардень 263
Шаріатъ . . . . . 31, 42, ч. II—12
Шаропанскій уѣздъ 13
Шатой, укрѣпленіе. 4
Шатоевцы, общ. 49
Шахе, рѣка. 7
Шахъ-Булахъ, рѣка и крѣпость . . 270
Шахъ-Надиръ 195
Шацари, рѣка. . . . . ч. II—171
Швецовъ, полковникъ 37
Шекинское ханство 14, 267
Шелководская станица . . . ч. II—195
Шемаха, городъ. . . . . ч. II—280
Шемахинскій уѣздъ. 13
Шермиъ-Бекъ 262
Ширванское ханство. 14, 268
Ширвашидзе, кн. Абхазіи. 14
Шуаеевъ-Джемусъ-эффенди . . ч. II—143
Шуаибъ-мулла, намбъ. 56, 57
Шуша 270
Шушинскій уѣздъ 13

Щ.

Щедринская станица . . . . ч. II—195

Э.

Элису 14
Эльборусъ, гора 5
Эмануэль, генералъ. 47
Эмдери, деревня 16
Эривань 11, 267
Эриванская губернія. 12, 13
Эриванское ханство 14
Эриставы 195
Эчміадзинъ 12, 224
Эчміадзинскій уѣздъ 13

Ю.

Юцъ, гора 141

Я.

Ялта, городъ 363
Ярагляръ, деревня 41

Ѳ.

Ѳеодосія, городъ 362

Digitized by Google

ОПЕЧАТКИ.

ЧАСТЬ 1-я.

	Слѣдуетъ читать:
Предисловіе, стран. III, стр. 3 св., напечатано: Гамбары .	Гамборы
Стран. 12, строка 16 св.—Шемахинскій.	Бакинскій
„ 240, „ 14 св.—Гаребутони	Гаретубани.

ЧАСТЬ 2-я.

Стр. 9, строка 7 св., напечатано: Качалинской . . .	Кагалинской.
„ 53 „ 8 св.—Чхеремени.	Чхеремелы.
„ 205 „ 6 „ —наиба	имама.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

N 629
1 5e

Digitized by Google

62-50
1

Цѣна за двѣ части 5 руб.

Первая и вторая части отдѣльно не продаются.

Digitized by Google